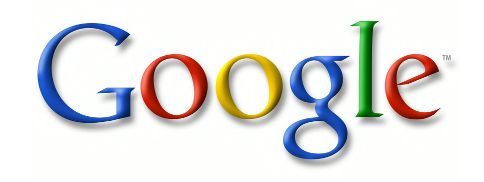

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

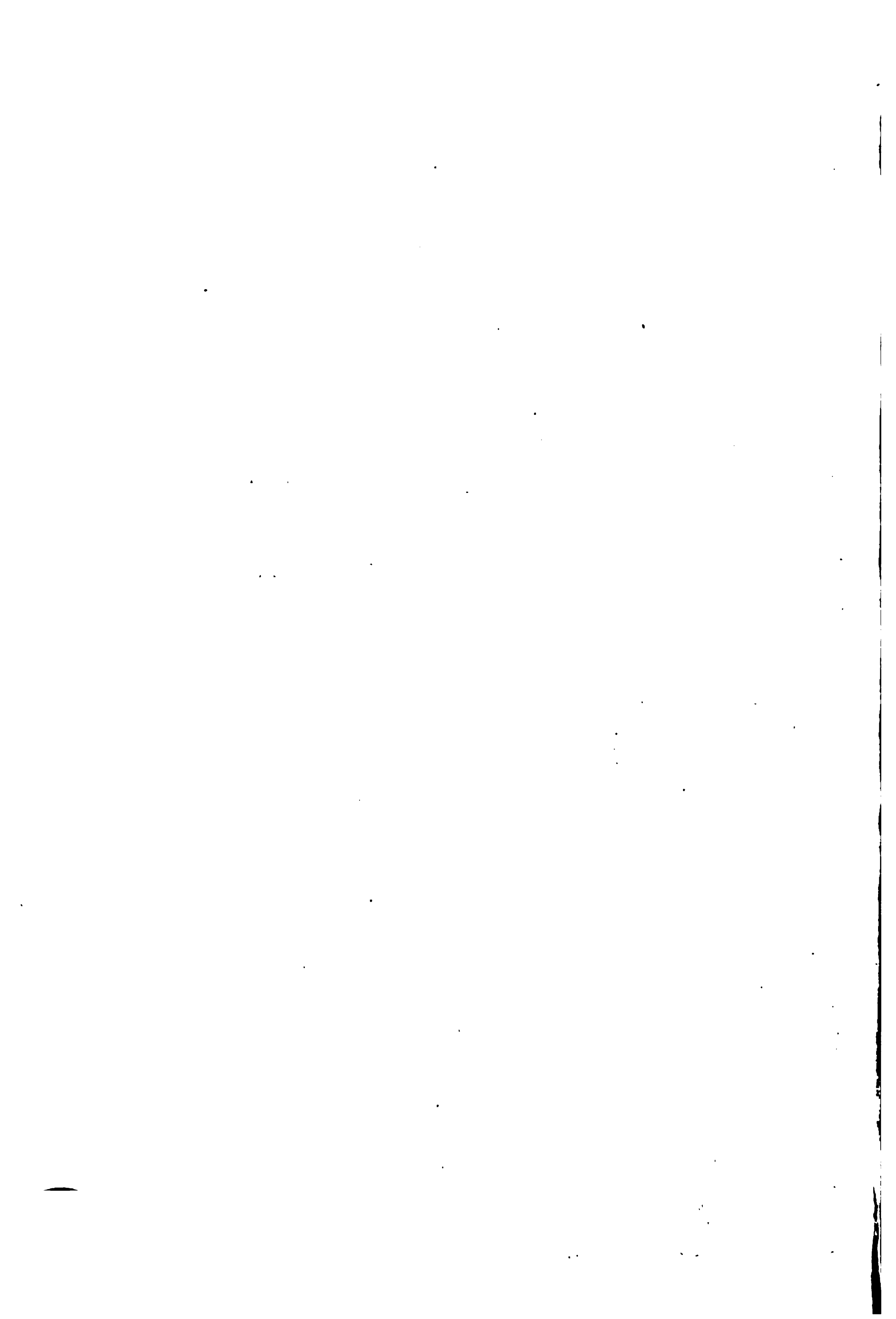
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1904.

Дозволено цензурою. Спб., 20 декабря 1903 г. Тип. Товар. „Общ. Польза". Б. Подъяч., 39.

Дозв. ценз. Спб., 20 декабря 1903 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., 39.

КНЯГИНЯ

ДАРЬЯ ХРИСТОФОРОВНА

ЛИВЕНЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1904.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1904.

1-92-82 P Slav 605. 25

~~Slav 25.10~~

Pierce fund

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ЯНВАРЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ княгини Дарьи Христофоровны Ливенъ.
2) При семъ № прилагается объявленіе т-ва „Проводникъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1904.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Краткая всемірная исторія. Выпускъ I-й. Древнѣйшіе народы. Съ 100 рисунками и 1 картой. Выпускъ II-й. Древнѣйшій Египетъ. Съ 100 рисунками и 1 картой. З. А. Рагозиной. Изданіе А. Ф. Маркса.

Передъ нами двѣ изящно изданныя А. Ф. Марксомъ книги З. А. Рагозиной, предназначенныя для дѣтей 10—14 лѣтняго возраста, не имѣющихъ еще никакого понятія объ исторіи.

Имѣя въ виду столь юныхъ читателей, авторъ употребляетъ самый простой и понятный языкъ и, при всей краткости изложенія, не оставляетъ необъясненными ни одного сколько-нибудь труднаго или новаго для ребенка выраженія. Усвоенію текста очень помогаютъ многочисленныя иллюстраціи, выбранныя очень тщательно,—такъ, чтобы шагъ за шагомъ пояснять текстъ. Между ними нѣтъ такихъ неправдоподобныхъ изображеній, какъ, напримѣръ, сцены изъ жизни первобытныхъ людей, о самой наружности которыхъ никто не имѣетъ настоящаго понятія; всѣ рисунки взяты изъ достовѣрныхъ научныхъ сочиненій или исполнены по фотографическимъ снимкамъ, изображающимъ дѣйствительно существующія мѣста, развалины, предметы, которые можно видѣть въ разныхъ музеяхъ.

Первый выпускъ состоитъ изъ пяти главъ.

Въ *первой* главѣ г. Рагозина знакомитъ читателей съ доисторическими временами. Трудно вѣрится,—замѣчаетъ она,—а вѣдь было время, когда люди не умѣли строить домовъ, ни даже хатъ, а жили въ лѣсахъ, которые въ ту пору покрывали чуть не всю землю. Они ютились въ берлогахъ и пещерахъ, почти какъ дикіе звѣри, съ которыми они были въ постоянной борьбѣ, такъ какъ питались ихъ мясомъ и одѣвались ихъ шкурами. Такъ они проводили всю жизнь, то защищаясь отъ лѣснаго звѣря, то въ охотѣ за нимъ. Самыми роскошными жилищами считались пещеры въ горныхъ склонахъ, потому что въ нихъ всего лучше можно было укрыться отъ зимней непогоды, отъ лѣтняго зноя и отъ всякихъ враговъ. Теперь пещеръ найдены сотни, во всѣхъ частяхъ свѣта, и по нимъ, словно по книгѣ, можно читать, какъ жили обитавшіе въ нихъ люди. Въ болѣе обширныхъ пещерахъ люди устраивались на житье, почему и получили названіе „пещерные люди". Что это были за народы,—не извѣстно. Но о томъ, какъ они жили, чѣмъ занимались, что умѣли, можно отчасти догадываться по разнымъ предметамъ, которые остались отъ нихъ и теперь еще въ большомъ множествѣ попадаются въ давно покинутыхъ жилыхъ пещерахъ. Предметы эти, по большей части изломанные,—оружіе и домашнія орудія изъ твердаго камня; между ними не найдено и слѣда какихъ-либо металловъ. Поэтому эту древнѣйшую эпоху жизни человѣка на землѣ принято называть *каменнымъ вѣкомъ*. Но въ разныхъ пещерахъ въ издѣліяхъ замѣчена большая разница отдѣлки: въ однѣхъ встрѣчаются лишь самыя грубыя орудія, изъ обитаго кремня; въ другихъ найдены орудія и оружіе, гораздо искуснѣе и тщательнѣе отдѣланныя и гладко отполированныя. Такимъ образомъ, каменный вѣкъ дѣлится на два періода: обитаго кремня и полированнаго кремня, научно называемые: *палеолитическій*, т. е. древне-каменный вѣкъ и *неолитическій*,—ново-каменный вѣкъ.

За пещернымъ человѣкомъ слѣдуетъ обитатель свайныхъ селеній. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ пещерами и разными лѣсными берлогами, а съ постройками, сооруженными рукою человѣка, хитро придуманными и исполненными съ большимъ умѣніемъ и терпѣніемъ: на сваяхъ, вбитыхъ правильными рядами въ дно озера, на небольшомъ разстояніи отъ берега, клались помосты изъ досокъ или бревенъ, и на нихъ ставились хижины. Люди устраивали себѣ такія жилища среди лѣсовъ и горъ именно потому, что были окружены врагами—не только дикимъ звѣремъ, но и не менѣе дикимъ людомъ; селенія эти соединялись съ берегомъ лишь узкой плотиной или мостомъ, который на ночь или разводился, или охранялся сильной стражей.

Нѣтъ никакой возможности, даже приблизительно, опредѣлить, сколько вѣковъ продолжалась мода на свайныя постройки; но этотъ періодъ отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что во многихъ свайныхъ селеніяхъ найдены предметы изъ металловъ: золота, серебра и бронзы. Такихъ предметовъ вообще немного, изъ чего можно заключить, что они составляли большую роскошь. Это приводитъ къ началу *бронзоваго вѣка*, который получилъ это названіе оттого, что бронза употреблялась очень долго до появленія въ общемъ обиходѣ желѣза и, стало быть, до начала вѣка *желѣзнаго*.

Во *второй* главѣ—„Заступъ и ломъ"—авторъ говоритъ объ открытіяхъ Ботты и Лэйарда въ Месопотаміи, сдѣланныхъ при помощи этихъ орудій. Близъ турецкаго города Мосула обращали на себя вниманіе холмы значительно больше и выше другихъ. Въ одномъ изъ нихъ раскинулась деревня Хорсабадъ, и тутъ-то въ 1843 году французскій консулъ Ботта, вслѣдствіе случайно услышаннаго замѣчанія одного поселянина, велѣлъ нанятымъ рабочимъ, арабамъ, рыть глубокіе рвы или ходы къ самую середину холма, да сверху туда же спустить шахту. Когда онъ сталъ на точку соединенія шахты и рва и осмотрѣлся въ полумракѣ, онъ понялъ, что очутился въ какой-то залѣ. Послѣ расчистки оказалось, что вездѣ, кромѣ мѣстъ, гдѣ были двери,—стѣны облицованы плитами какого-то известняка, въ родѣ алебастра; плиты же сплошь покрыты изваяніями,—изображеніями битвъ, осадъ и разныхъ военныхъ сценъ, съ длинными рядами непонятнаго частаго письма, высѣченнаго на камнѣ; это былъ текстъ къ изваяннымъ иллюстраціямъ. Объ этой находкѣ однимъ изъ первыхъ узналъ молодой англичанинъ Лэйардъ и запасшись средствами, принялся за раскопки, результаты которыхъ и описалъ въ двухъ интересныхъ книгахъ: „Ниневія и ея остатки" и „Ниневія и Вавилонъ".

Изъ всего, что первые искатели нашли въ курганахъ, наибольшей извѣстностью пользуются исполинскіе крылатые быки и львы

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1904 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

III [1]).

Охлажденіе императора Александра къ людямъ и дѣламъ.—Пристрастіе его къ иностранцамъ.—Сближеніе государя съ графомъ Аракчеевымъ.—Ихъ характеристика.—Передача Аракчееву всѣхъ дѣлъ по управленію государствомъ.—Начало общественнаго движенія.

Канунъ Отечественной войны, принудившій императора Александра уступить противодѣйствію общества къ начатымъ преобразованіямъ, окончательно убѣдилъ государя, что русскіе люди не созрѣли еще до политическихъ реформъ и до введенія нѣкотораго подобія конституціонныхъ началъ, составлявшихъ цѣль его преобразованій въ первое десятилѣтіе его царствованія.—Вступая на престолъ, Александръ былъ убѣжденъ, что долженъ основать свою будущую дѣятельность на демократическихъ началахъ свободы и счастія человѣчества; что онъ долженъ избѣгать произвола и стремиться къ водворенію въ государствѣ законности. Онъ считалъ тогда республику единственно правильною формою правленія государства и утверждалъ, что верховная власть должна быть ввѣряема наиболѣе способнымъ лицамъ по выбору націи.—Но первые шаги его въ этомъ направленіи были встрѣчены полнымъ неодобреніемъ,

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1903 г.

приведшимъ его къ убѣжденію, что добро совершается не легко; что въ людяхъ часто встрѣчается тупое противодѣйствіе къ лучшимъ заботамъ о пользѣ и благоденствіи ихъ, и что на благодарность людскую разсчитывать нельзя.

— Людская благодарность,—говорилъ Александръ впослѣдствіи,—такъ же рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ.

«Поэтому,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій,—онъ не могъ сохранить привязанности къ людямъ, которые не въ состояніи цѣнить основаній, содѣлывающихъ общества счастливыми. Отъ сего происходило, можетъ быть, неуваженіе къ русскимъ, предпочтеніе иностранцевъ и, что̀ мнѣ даже страшно и подумать, нѣкоторое охлажденіе и къ Россіи, которая монарха своего до сихъ поръ въ полной мѣрѣ не умѣетъ цѣнить».

Она видѣла въ немъ охлажденіе къ себѣ настолько полное, что государь не скрывалъ своего отвращенія къ русскимъ порядкамъ и русскимъ людямъ.

Путешествуя за границею, императоръ Александръ нерѣдко часть пути проходилъ пѣшкомъ, заходилъ въ дома поселянъ, бесѣдовалъ съ ними и раздѣлялъ ихъ трапезу. Но, по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, во время путешествій по Россіи, государь рѣдко входилъ въ подробные разговоры о нуждахъ жителей, а большею частію дѣлалъ незначительные вопросы, преимущественно тѣмъ лицамъ, коихъ имена ему почему-либо были извѣстны.

«Непостижимо для меня,—прибавляетъ онъ[1]),—какъ 26-го августа (1816 г.) государь[2]) не токмо не ѣздилъ въ Бородино и не служилъ въ Москвѣ панихиды по убіеннымъ, но даже въ сей великій день, когда почти всѣ дворянскія семейства въ Россіи оплакиваютъ кого-либо изъ родныхъ, падшихъ въ безсмертной битвѣ на берегахъ Колочи, государь былъ на балѣ у графини Орловой-Чесменской.—Императоръ не посѣтилъ ни одного классическаго мѣста войны 1812 года, Бородина, Тарутина, Малаго-Ярославца и другихъ, хотя изъ Вѣны ѣздилъ на Ваграмскія и Асперискія поля, а изъ Брюсселя—въ Ватерлоо. Достойно примѣчанія, что государь не любитъ вспоминать объ Отечественной войнѣ и говорить о ней, хотя она составляетъ прекраснѣйшую страницу въ громкомъ царствованіи его».

«Если государь не видѣлъ кого-либо изъ своихъ генераловъ или флигель-адъютантовъ нѣсколько времени, то рѣдко спрашивалъ о причинѣ, почему такой-то не являлся при дворѣ, боленъ-ли онъ и тому подобное, но когда случится, что какой-нибудь изъ знакомыхъ его ве-

---

[1]) Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго. „Русскій Вѣстникъ“, 1890 г. № 9, стр. 159.

[2]) Онъ былъ въ то время въ Москвѣ.

личеству австрійцевъ занеможетъ, то немедленно посылаетъ узнавать объ его здоровьѣ», хотя бы онъ былъ самаго малаго чина [1]).

Въ 1814 году, по возвращеніи Александра въ Петербургъ, Г. Р. Державинъ лично поздравилъ его съ одержанными блестящими побѣдами.

— Да, Гавріилъ Романовичъ,—сказалъ императоръ,—мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ.

— Они есть, ваше величество,—отвѣчалъ Державинъ,—но они въ глуши, ихъ искать надобно; безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ.

Однажды, Энгельгардъ, въ разговорѣ съ государемъ, замѣтилъ, что теперь время приступить къ устройству гражданской части.

Александръ взялъ его за руку и, пожавъ ее крѣпко, со слезящимися глазами сказалъ ему:

— Ахъ! Я это очень и очень чувствую, но ты видишь, съ кѣмъ я возьмусь.

Точно также онъ жаловался П. Д. Киселеву на недостатокъ государственныхъ людей въ Россіи. Киселевъ отвѣчалъ, что между 40 милліонами жителей всегда можно найти такихъ [2]).

Бывшій его сотрудникъ М. М. Сперанскій былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полной силѣ, а графъ Кочубей, Новосильцовъ и другіе, съ которыми Александръ начиналъ свои преобразованія, находились на службѣ и могли быть привлечены къ этого рода дѣятельности.

«Я часто давалъ себѣ отчетъ,—писалъ графъ В. П. Кочубей М. М. Сперанскому [3]),—о причинахъ, заставляющихъ держать васъ въ удаленіи отсель, и всегда терялся въ заключеніяхъ моихъ. Сомнѣнія никакого нѣтъ, чтобъ расположеніе его величества не было къ вамъ самымъ благопріятнымъ. Онъ, какъ слышу я, всегда отзывается о васъ съ большою похвалою и отдаетъ вамъ полную справедливость. При таковыхъ чувствахъ и при недостаткѣ способныхъ людей, какъ бы, казалось, не отыскивать ихъ вездѣ; но тутъ-то и большая загадка, тутъ-то всѣ и теряются. Иные заключаютъ, что государь именно не хочетъ имѣть людей съ дарованіями, дабы не относимо было имъ что-либо по управленію или инымъ мѣрамъ. Государь знаетъ людей совершенно и понимаетъ ихъ точно такъ, какъ понималъ всегда.... но способности

---

[1]) Журналъ Михайловскаго-Данилевскаго 1815 г Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ“, т. III, стр. 274.

[2]) „Русская Старина“ 1893 г. № 7, 205.

[3]) Отъ 22-го апрѣля 1819 г. „Въ память графа Сперанскаго“. Изд. 1872 г., стр. 158 и 159.

подчиненныхъ ему непріятны; однимъ словомъ, тутъ есть что-то непостижимое и чего истолковать не можно».

Толкованіе заключалось въ томъ, что, разъ удаливъ кого-либо отъ себя, государь не приближалъ уже его болѣе къ себѣ. Къ тому же Александръ былъ теперь не тотъ, какимъ былъ до 1812 года. Продолжительная и упорная борьба съ Наполеономъ сблизила его съ иностранными совѣтниками, которыми онъ былъ преимущественно окруженъ и совѣты которыхъ предпочиталъ совѣтамъ русскихъ людей [1]) Многолѣтнее пребываніе за границею познакомило Александра съ тамошними порядками, и, сравнивая ихъ съ русскими, онъ не могъ не отдать преимущества иностраннымъ [2]). Послѣдствіемъ этого было приглашеніе, часто безъ разбора, многихъ иностранцевъ на русскую службу, что̀ оскорбляло національное достоинство.

«Далекъ я,—писалъ П. Коховскій,—чтобы оправдывать лѣность, нерадѣніе, безпечность дворянства русскаго. Но со всѣмъ тѣмъ нельзя не замѣтить, что тому причиной явное предпочтеніе, даваемое правительствомъ всѣмъ иностранцамъ безъ разбора. На этотъ разъ я укажу

---

[1]) Достаточно вспомнить Фуля, Вольцогена, де-Местра, Армфельда, Меттерниха, Винценгероде, герцоговъ виртембергскаго, мекленбургскаго, кобургскаго и многихъ другихъ. Изъ шести уполномоченныхъ нашихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ одинъ только графъ А. К. Разумовскій былъ природнымъ русскимъ, а остальные были: Нессельроде, графъ Стакельбергъ, Анстетъ, Поццо-ди-Борго и графъ Каподистрія. Къ нимъ присоединился баронъ Штейнъ, съ которымъ Александръ часто совѣтывался.

[2]) Такое пристрастіе къ иностранцамъ Михайловскій-Данилевскій старается оправдать тѣмъ, что государь всегда встрѣчалъ въ нихъ болѣе ласки и культуры.

„Русскіе,—говоритъ онъ,—обижаются мнимымъ (?) предпочтеніемъ государя къ полякамъ, но нельзя не признаться, что по крайней мѣрѣ въ настоящемъ путешествіи оно весьма извинительно даже и кромѣ политическихъ причинъ".—Проѣхавъ отъ Петербурга до Волыни, императоръ находилъ только разореніе и жалобы, а по въѣздѣ въ предѣлы Польши, „все облеклось въ радостный видъ". По словамъ Данилевскаго, въ г. Житомірѣ представлялось императору до 200 человѣкъ дворянъ, тогда какъ въ Москвѣ было 42 человѣка. Въ Житомірѣ молодой графъ Ильинскій произнесъ прекрасное привѣтствіе, въ то время, какъ предводители въ семи великороссійскихъ губерніяхъ не могли при государѣ отворить рта и только низкими поклонами показывали свою преданность. Они болѣе изъ себя являли метръ-д'отелей, занимавшихся угощеніемъ, нежели предводителей дворянства. У одного изъ нихъ императоръ спросилъ, почему онъ не былъ на смотру войскъ, происходившемъ по утру.

— Я распоряжался столомъ для вашего величества, — отвѣчалъ предводитель.

(Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. „Русскій Вѣстникъ" 1890 г., № 10, стр. 86).

только на корпусъ инженеровъ водяной коммуникаціи. Тамъ всѣ офицеры, перешедшіе къ намъ изъ иностранной службы, находятся на жалованьѣ огромномъ, но пользы отъ нихъ мало, или, лучше сказать, нѣтъ никакой. Всѣ работы производятся инженерами русскими; когда же были употреблены иностранцы,—вездѣ работы были неуспѣшны до того, что графъ Воронцовъ принужденъ былъ для работъ въ Одессу просить именно инженеровъ русскихъ. Иностранцы хорошіе теоретики, но что мѣшаетъ отправлять нашихъ русскихъ молодыхъ офицеровъ вояжировать? Они могли бы наблюдать работы, учиться и быть собственностію отечества. Издержки для того не превышали бы теперешнихъ издержекъ на жалованье иностранцамъ.

«Мнѣ мало извѣстны способности государственныхъ людей, но, какъ ревностному сыну отечества, простительно надѣяться, что у насъ, конечно, нашлись бы русскіе замѣстить мѣста государственныя, которыми теперь обладаютъ иностранцы. Очень натурально, что такое обладаніе обижаетъ честолюбіе русскихъ, и народъ теряетъ къ правительству довѣренность».

Эта потеря довѣренности къ государю со стороны подданныхъ происходила еще и отъ другой причины. Истощивъ весь запасъ энергіи на борьбу съ заклятымъ своимъ врагомъ, Наполеономъ, на борьбу, составлявшую цѣль его жизни, и достигнувъ ея, Александръ совершенно неожиданно для себя потерялъ подъ собою почву и лишился цѣли къ дальнѣйшей дѣятельности. Приписывая свои успѣхи Промыслу Божію, онъ впалъ въ мистицизмъ и думалъ только о сохраненіи пріобрѣтеннаго войною, отказался отъ какихъ бы то ни было преобразованій, сталъ тяготиться бременемъ правленія, совершенно охладѣлъ къ дѣламъ [1]) и передалъ ихъ въ руки графа Аракчеева.

Помня завѣтъ отца быть всегда другомъ Аракчеева и никогда не разлучаться съ нимъ [2]), Александръ невольно питалъ чувство предан-

---

[1]) „Кикинъ,—записалъ графъ П. П. Сухтеленъ,—настойчиво просилъ допустить его къ государю съ тѣмъ, чтобы доложить его величеству слѣдующее: такъ какъ за важными дѣлами, которыми государь занятъ, ему, Кикину, давно уже не приходится работать и въ портфелѣ его накопилось великое множество бумагъ, а между тѣмъ, его обвиняютъ въ небрежности, то онъ лучше желаетъ лишиться мѣста, котораго не искалъ, нежели подвергаться общественному поношенію. Наконецъ, онъ добился того, что на нынѣшней недѣлѣ ему назначенъ день для доклада“ („Русскій Архивъ“ 1876 г. Т. I, стр. 347).

[2]) О причинахъ дружбы императора Александра съ графомъ Аракчеевымъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ и въ первые годы царствованія, см. статью нашу въ „Русской Старинѣ“ 1900 года, № 9, стр. 465—470. См. также статью: „Великій князь Александръ Павловичъ и А. А. Аракчеевъ“. „Русская Старина“ 1903 г., № 6, стр. 503—525.

ности къ вѣрному слугѣ его отца,—чувство, которое впослѣдствіи походило на сыновнее почтеніе. Въ сохраненіи этого чувства онъ видѣлъ нравственное успокоеніе, тѣмъ болѣе, что въ вѣрности человѣка, котораго онъ приблизилъ къ себѣ, онъ не могъ сомнѣваться. Въ глазахъ Александра графъ Аракчеевъ являлся искупителемъ прошлаго, и государь не отпускалъ его отъ себя во все время военныхъ дѣйствій, облекъ его полнымъ довѣріемъ, откровенностію и неразрывною дружбою. Александръ постоянно совѣтовался съ нимъ и поручалъ ему самыя секретныя дѣла. «Прочтя, вороти ко мнѣ всѣ сіи бумаги на имя разныхъ министровъ, — писалъ государь графу Аракчееву [1]),—я самъ ихъ разошлю, а то на тебя еще въ состояніи будутъ сердиться».

«Вороти мнѣ письма къ Несельроду. Хорошо бы мнѣ съ тобою повидаться передъ твоимъ отъѣздомъ завтра. Я въ 7 часовъ уже одѣтъ» [2]).

«Я видѣлъ, что Чернышевъ будетъ огорченъ, если его сдѣлать просто генералъ-маіоромъ, то онъ кажется заслуживаетъ, чтобы его произвести прямо въ генералъ-адъютанты, что̀ и исполнить» [3]).

«Душевно тебя благодарю за поздравленіе. Я давно привыкъ считать на твою любовь ко мнѣ; но и моя къ тебѣ давно и непреложно существуетъ. Я искренно сожалѣю о твоемъ нездоровьѣ, и если удастся, то самъ побываю у тебя» [4]).

Какъ эти, такъ и многія другія записочки, свидѣтельствовавшія о близости Александра къ Аракчееву, не вполнѣ удовлетворяли царскаго слугу. Изучивъ характеръ государя, онъ сознавалъ, что можетъ привлечь къ себѣ еще бо̀льшее расположеніе Александра, самостоятельностью и внушеніемъ, что ничего не желаетъ, ничего не проситъ и ничего не ищетъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, графъ Алексѣй Андреевичъ старался показать, что намѣренъ удалиться вовсе отъ дѣлъ, чѣмъ, конечно, выдѣлялся отъ всѣхъ окружающихъ, былъ среди нихъ исключеніемъ, затрогивалъ самолюбіе Александра и привлекалъ его къ себѣ. Такъ, при предстоявшей поѣздкѣ государя въ Англію, графъ Аракчеевъ отказался сопутствовать ему и просилъ уволить его въ отпускъ, чтобы посмотрѣть Италію, Римъ, Неаполь и другія мѣста.

«Думаю имѣть двѣ пользы,—писалъ онъ И. А. Пукалову [5]): одну въ оныхъ мѣстахъ побывать, а другую можетъ быть и важнѣе первой.

[1]) На запискѣ рукою Аракчеева написано: „получена 1-го ноября“ 1812 г.
[2]) Получена 2-го ноября.
[3]) Получена 11-го ноября.
[4]) Получена 6-го декабря.
[5]) Отъ 21-го февраля 1814 г. „Русскій Арх.“ 1891 г. № 1, стр. 136.

«Далѣе въ лѣсъ больше дровъ; состарѣхся и изнемогохъ, то надобно и честь знать. Особенно въ оное время, гдѣ зачнутъ дѣлать много новаго: то молчать грѣхъ, а говорить, то согрѣшить можетъ.

«Я ясно и торжественно могу сказать,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ [1]),—что прошусь у государя нашего милостиваго совсѣмъ прочь отъ дѣлъ, которыя мнѣ наскучили, и я чувствую, что они тяготятъ мое здоровье по прямому моему характеру. Здѣсь вы, любезный другъ, погрѣшили, сказавъ обо мнѣ, что я ко двору очень привыкъ; вижу изъ онаго, что и умные люди иногда могутъ ошибаться. Знайте, любезный другъ, и повѣрьте послѣ мною сказанное: я двора никогда не любилъ, и онъ мнѣ всегда былъ въ тягость; а заблужденіе мое было, признаюсь въ томъ, что я думалъ, будто честный человѣкъ можетъ дѣлать общую пользу. Оно можетъ быть и возможное дѣло, но въ государствѣ маленькомъ; а въ нашемъ пространномъ колоссѣ оное есть заблужденіе. Касательно же толковъ людскихъ, то на оные смотрѣть не должно; да они ничего важнаго не сдѣлаютъ. Вспомните толки 1812 года и сравните теперешніе о тѣхъ же людяхъ, то вы ужаснетесь отъ онаго; слѣдовательно, публика либо тогда, либо теперь, но все несправедлива».

Такъ писалъ, но не такъ думалъ графъ Аракчеевъ. Отказомъ сопровождать государя въ Англію онъ желалъ обратить на себя еще бòльшее вниманіе его. 13-го мая графъ былъ уволенъ въ отпускъ на все то время, какое нужно для поправленія здоровья. Онъ уѣхалъ, а вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ и императоръ Александръ изъ Парижа въ Англію. Въ день отъѣзда, 22-го мая, онъ писалъ Аракчееву [2]):

«Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстался съ тобою. Прими еще разъ мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и которыхъ воспоминаніе на вѣкъ останется въ душѣ моей. Я скученъ и огорченъ до крайности; я себя вижу послѣ 14-ти лѣтняго тяжкаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны, лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была неограничена всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столь не тягостно, какъ твое. На вѣкъ тебѣ вѣрный другъ».

Письмо это вполнѣ удовлетворило Аракчеева; онъ достигъ своей цѣли, обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ откровенное признаніе государя.

«Чувствую цѣну милостиваго вашего письма,—отвѣчалъ графъ;—оно

---

[1]) И. А. Пукалову отъ 12-го апрѣля 1814 г. изъ Парижа „Русскій Арх." 1891 г. № 1, стр. 140.

[2]) Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. III, стр. 241.

будетъ для меня на всю жизнь утѣшеніемъ. Позвольте, всемилостивѣйшій государь, и мнѣ сказать съ прямою откровенностью, что любовь и преданность моя къ вашему величеству превышали въ чувствахъ моихъ все на свѣтѣ, что желанія мои не имѣли другой цѣли, какъ только заслужить одну вашу довѣренность, не для того, чтобы употреблять ее къ пріобрѣтенію себѣ наградъ и доходовъ, а для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія вашего о несчастіяхъ, тягостяхъ и обидахъ въ любезномъ отечествѣ. Вотъ была вся цѣль моя. Но почувствовавъ слабость здоровья и замѣтя въ себѣ неспособность, которая не дозволяла меня употребить въ дѣлахъ и быть вамъ, всемилостивѣйшій государь, полезнымъ, долженъ былъ просить себѣ увольненіе. Не смѣю скрыть предъ вами, государь, и того, что бы меня не тяготило душевное огорченіе. Вашему императорскому величеству вездѣ и всегда буду благодарнымъ и вѣрнымъ подданнымъ и слугою».

Душевное огорченіе Аракчеева крайне безпокоило Александра, и онъ, возвращаясь въ Россію, хотѣлъ по дорогѣ непремѣнно повидаться съ нимъ. Зная, что графъ лѣчится водами въ Ахенѣ, императоръ звалъ его на свиданіе въ Кельнъ. «Сдѣлай одолженіе, Алексѣй Андреевичъ,—писалъ онъ 19-го іюня изъ Ротердама,—если тебѣ не въ тягость, пріѣзжай въ Кельнъ 22-го по утру, я тамъ буду часу въ 12-мъ и отобѣдаю. Оно не такъ далеко отъ тебя, а мнѣ будетъ отмѣнно пріятно съ тобою видѣться. Пребываю навсегда тебѣ искренно привязаннымъ».

Послѣ этого свиданія, на которомъ, конечно, были покончены всѣ недоразумѣнія, императоръ отправился въ Петербургъ, а графъ Аракчеевъ—въ Грузино. Но и эта разлука, хотя и на очень близкомъ разстояніи, тяготила Александра. «Я надѣюсь,—писалъ онъ графу Аракчееву 6-го августа,—что ты будешь доволенъ мною, ибо, кажется, довольно долго я тебя оставлялъ наслаждаться любезнымъ твоимъ Грузиномъ. Пора, кажется, намъ за дѣло приняться, и я жду тебя съ нетерпѣніемъ. Пребываю на вѣкъ тебѣ искреннимъ и преданнымъ другомъ».

Графъ Аракчеевъ поспѣшилъ пріѣхать и въ день тезоименитства императора 30-го августа, какъ мы видѣли, ему пожалованъ былъ портретъ, при чемъ Александръ писалъ въ рескриптѣ: «Доказанная многократными опытами въ продолженіе всего царствованія нашего совершенная преданность и усердіе ваше къ намъ, трудолюбивое и попечительное исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на васъ государственныхъ должностей, особливо же многополезныя содѣйствія ваши во всѣхъ подвигахъ и дѣлахъ, въ нынѣшнюю знаменитую войну происходившихъ, запечатлѣвая заслуги ваши намъ и отечеству, обращаютъ на нихъ въ полной мѣрѣ вниманіе и призна-

тельность нашу, во изъявленіе и засвидѣтельствованіе которыхъ препровождаемъ мы къ вамъ для возложенія на себя портретъ нашъ».

Графъ Аракчеевъ зналъ о предстоящей ему наградѣ и вѣрный своему поведенію упросилъ государя пожаловать ему портретъ безъ алмазныхъ украшеній. Они, конечно, были ему не столь нужны, сколько кажущіяся безкорыстіе независимость и пріобрѣтаемое имъ вліяніе на государя.

Современники, отчасти и потомки недоумѣвали, что было причиною и основою неразрывной дружбы, повидимому, столь противоположныхъ характеровъ. На самомъ дѣлѣ у нихъ было много общаго и дополняющаго другъ друга: оба они были характера скрытнаго, притворнаго и льстиваго.

«Я сохраню навсегда,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій въ своихъ воспоминаніяхъ,—истинное уваженіе къ великимъ его (императора Александра) дарованіямъ, но не испытаю одинаковаго чувства къ личнымъ его свойствамъ.

«Я безпрестанно наблюдалъ императора и во всѣхъ поступкахъ его находилъ мало искренности; все казалось личиною. По обыкновенію своему онъ былъ веселъ и разговорчивъ, много танцовалъ и обхожденіемъ своимъ хотѣлъ заставить, чтобы забыли санъ его, но, не взирая на неподражаемую его любезность и на очаровательность въ обращеніи, у него вырывались по временамъ такіе взгляды, которые обнаруживали, что душа его была въ волненіи и что мысли его устремлены были совсѣмъ на другіе предметы, нежели на балъ и на женщинъ, которыми онъ, повидимому занимался, а иногда блистало у него во взорахъ нѣчто такое, которое ясно говорило, что онъ помнитъ въ эту минуту, что онъ рожденъ самодержцемъ» [1]).

— Императоръ Александръ,—говорилъ Наполеонъ Меттерниху,—привлекательная особа, очаровывающая тѣхъ, кто соприкасается съ нимъ. Если бы я былъ человѣкомъ способнымъ поддаваться вліянію перваго впечатлѣнія, то я полюбилъ бы его отъ души. Однако же, не смотря на многія достоинства его въ обращеніи, въ самомъ существѣ его замѣчается нѣчто такое, что не могу лучше опредѣлить или выразить, какъ сказавши, что у него постоянно чего-то недостаетъ. При этомъ удивительнѣе всего то, что нельзя предвидѣть, что̀ именно при извѣстныхъ обстоятельствахъ у него будетъ недоставать, потому что это нѣчто до безконечности измѣняется.

«Истина, не подверженная ни малѣйшему возраженію,—писалъ ба-

---

[1]) Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго 1816 г. „Русск. Вѣстн." 1890 г. № 10, стр. 85 и 86. „Русская Старина" 1897 г. № 6, стр. 485 и 486.

ронъ В. И. Штейнгель императору Николаю I [1]),—что въ Бозѣ почившій государь, братъ вашъ, обладалъ въ совершенствѣ даромъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кои имѣли счастіе съ нимъ встрѣчаться; что его поведеніе въ званіи наслѣдника, его дѣйствія и намѣренія въ началѣ царствованія, твердость его при всеобщемъ бѣдствіи 1812 года, его кротость въ блескѣ послѣдующей затѣмъ славы, равно какъ и другіе извѣстные свѣту, и народу въ особенности, случаи, въ коихъ онъ явилъ высокія свойства души своей, сдѣлали особу его любезною и священною для россіянъ-современниковъ. Но по непостижимому для насъ противорѣчію, которое, къ изумленію грядущихъ вѣковъ, можетъ быть, объяснитъ одна токмо безпристрастная исторія, царствованіе его—если разумѣть подъ словомъ симъ правленіе, было во многихъ отношеніяхъ для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній, даже до послѣдняго изнеможенія. Противорѣчіе его поставило средній и нижній классъ народа въ недоумѣніе: государь всюду являлся ангеломъ и сопровождался радушными восклицаніями, но въ то же время отъ распоряженій правительства, именемъ его, развивались повсюду неудовольствіе и ропотъ».

Александръ съ раннихъ лѣтъ привыкъ владѣть собою; обхожденіе его всегда отличалось мягкостью, утонченною вѣжливостью и очаровательною любезностью. Сперанскій называлъ его с у щ и м ъ п р е л ь с т и т е л е м ъ. Съ отроческихъ лѣтъ онъ созналъ печальную необходимость быть «скрытнымъ, хитрить, а подъ часъ и лукавить» [2]). Онъ удивлялъ другихъ не столько тѣмъ, что зналъ, сколько тѣмъ, что угадывалъ. Въ его характерѣ была смѣсь мужскихъ достоинствъ съ женскою слабостью и рядъ противорѣчій. Отъ изысканной любезности до строгости и даже жестокости былъ только одинъ шагъ. Онъ вставалъ и кланялся слугѣ за то, что онъ принесъ ему стаканъ воды, сажалъ за пустяки подъ арестъ, ссылалъ безъ суда и покровительствовалъ жестокимъ наказаніямъ въ войскахъ для поддержанія дисциплины. «Въ 10 часовъ утра,—записалъ Михайловскій-Данилевскій,—его величество гулялъ по саду и семь разъ прошелъ мимо моихъ оконъ. Онъ казался веселымъ, и взглядъ его выражалъ кротость и милосердіе; но чѣмъ болѣе я разсматриваю сего необыкновеннаго мужа, тѣмъ болѣе теряюсь въ заключеніяхъ: напримѣръ, какимъ образомъ можно соединить спокойствіе души, начертанное теперь на лицѣ его, съ извѣстіемъ, которое мнѣ сейчасъ сообщили, что онъ велѣлъ посадить подъ караулъ двухъ кре-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ 11-го января 1826 г. Государственный Арх., I, д. № 11.

[2]) „Русскій Вѣстникъ", 1886 г. № 11, стр. 237.

стьянъ, которыхъ единственная вина состояла въ томъ, что они подали ему прошеніе» [1]).

Какъ всѣ люди увлекающагося, перемѣнчиваго и слабаго характера, Александръ легко поддавался чужому вліянію, характеру болѣе сильному, настойчивому, но слѣдовалъ его внушенію до тѣхъ только поръ, пока не произойдетъ какая-либо перемѣна въ его собственныхъ мысляхъ, осуществленіе которыхъ, повидимому, болѣе удовлетворяетъ его желанію и самолюбію. Императоръ Александръ обладалъ,—говоритъ Меттернихъ,—тонкимъ, гибкимъ, острымъ, но перемѣнчивымъ умомъ. Онъ одинаково и легко заблуждался какъ отъ излишней недовѣрчивости къ людямъ, такъ и отъ большой склонности къ ложнымъ теоріямъ. Обладая живостью мысли, онъ всегда поглощенъ былъ различными идеями, которыя усвоивалъ себѣ какъ бы по вдохновенію, при чемъ излюбленныя идеи играли постоянно преобладающую роль въ его сужденіяхъ. Такія идеи пріобрѣтали вскорѣ въ его глазахъ значеніе системы, приводившей его часто къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые онъ ожидалъ.

«Мы иногда,—писалъ графъ Строгановъ Н. Н. Новосильцову,—вслѣдствіе неумѣстныхъ сожалѣній и недостатка рѣшительности, бываемъ склонны отступать назадъ въ мѣрахъ, которыя были уже рѣшены, не имѣть смѣлости дѣлать вещи въ тотъ моментъ, когда ихъ слѣдовало бы дѣлать. Изъ этого выходитъ въ дѣйствіяхъ нѣчто вялое и трусливое».

Несомнѣнно, что Александръ желалъ благоденствія Россіи, стремился къ преобразованіямъ, но лишь только приходилось приводить ихъ въ исполненіе, какъ встрѣчались затрудненія, по его мнѣнію непреодолимыя.

Александру, по словамъ Меттерниха, нужно было два года для развитія мысли, которая на третій годъ получала характеръ нѣкоторой системы, на четвертый система мѣнялась, а на пятый къ ней охладѣвали, и она оставлялась, какъ негодная [2]). Отсюда происходила частая измѣнчивость въ расположеніи къ дѣламъ и людямъ, составлявшимъ иногда совершенную противоположность другъ другу; отсюда частая перемѣна совѣтни-

---

[1]) Воспоминанія Михайловскаго Данилевскаго. „Русскій Вѣст." 1890 г. № 9, стр. 153.

[2]) Въ доказательство справедливости своихъ словъ Меттернихъ приводитъ слѣдующее:

„Первое мое соприкосновеніе съ императоромъ Александромъ случилось во время моего пребыванія въ Берлинѣ въ 1805 году. Тогда нашелъ я его либеральнымъ въ обширномъ смыслѣ слова и ожесточеннымъ врагомъ Бонапарта. Онъ выражалъ ненависть къ нему какъ къ деспоту и завоевателю. Въ 1807 году въ его убѣжденіяхъ произошла большая перемѣна, а въ 1808 году онъ почувствовалъ уже особенное расположеніе къ французскому императору. Въ 1812 году чувства его снова перемѣнились. Если бы даже Наполеонъ и не воевалъ съ Россіею, то все-таки расположеніе къ нему Александра

ковъ и замѣна одного другимъ съ тѣмъ, чтобы не приближать къ себѣ предшественника и не находиться подъ вліяніемъ его совѣтовъ.

Въ дѣтствѣ Александръ находился подъ вліяніемъ своей бабки Екатерины; вступая на престолъ, обѣщалъ въ манифестѣ править Россіею по ея духу и не любилъ, когда вспоминали объ ея царствованіи. Вотъ слова,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій, слышанныя мною однажды изъ устъ государя:

— Мнѣ говорятъ, зачѣмъ я не воздвигаю памятника императрицѣ Екатеринѣ; я отвѣчаю, что, въ такомъ случаѣ, я долженъ бы былъ соорудить монументъ и отцу моему; какъ внукъ и сынъ, я не могу быть судьею ихъ дѣяній.

Мечта о дарованіи Россіи либеральныхъ учрежденій вызвала, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, образованіе такъ называемаго негласнаго комитета, въ которомъ лица, самыя близкія императору, трудились надъ разработкою проекта преобразованія Россіи. Проектъ этотъ оказался неосуществимымъ, и участники въ работѣ: графъ Строгановъ, Новосильцовъ и князь Чарторыйскій въ разное время удалились отъ Двора и потеряли дружбу Александра. Столь близкій къ государю въ первые годы его царствованія В. Н. Каразинъ, имѣвшій къ нему доступъ безъ доклада, часто бесѣдовавшій съ нимъ съ глазу на глазъ, былъ удаленъ только по однимъ наговорамъ, а впослѣдствіи, по одному подозрѣнію, посаженъ въ крѣпость. Въ десятыхъ годахъ царствованія у Александра явились новые планы преобразованій, разработка которыхъ была поручена М. М. Сперанскому. Новый дѣятель сталъ очень близко къ императору, но прошло едва нѣсколько лѣтъ, какъ Александръ, желая сплотить общество при предстоявшей борьбѣ съ Наполеономъ, сдѣлалъ уступку этому обществу, не счелъ нужнымъ защищать своего сотрудника и выслалъ Сперанскаго изъ Петербурга безъ суда, какъ преступника.

уничтожилось бы: прежнія идеи филантропіи и свободомыслія не только преобладали надъ его умомъ, но даже возгорѣлись снова. Въ 1814 году онѣ достигли высшей степени своего развитія. Въ 1815 году онѣ уступили мѣсто мистицизму. Въ 1817 году это новое направленіе его духа претерпѣло большую перемѣну. Въ 1818 году я встрѣтилъ императора уже горячимъ приверженцемъ монархическаго и консервативнаго принциповъ и явнымъ врагомъ всякаго революціоннаго направленія и готовымъ вернуться на путь религіознаго мистицизма. Съ этимъ направленіемъ онъ оставался непоколебимымъ до 1823 года. Тогда возникли затрудненія, которыя создали ему его же совѣтники, принявъ участіе въ греческихъ дѣлахъ. Тогда онъ могъ ежедневно видѣть возрастаніе революціонныхъ принциповъ, сѣмена которыхъ онъ, подъ вліяніемъ своего ослѣпленія въ юности, посѣялъ самъ въ собственномъ государствѣ. („Aus Metternich's nachgelassenen Papieren", Vien 1880 т. I. См. также „Историческій Вѣстникъ" 1880 г. № 1, стр. 171).

«Примѣры такихъ ссылокъ въ нашей исторіи многочисленны,—записалъ Михайловскій-Данилевскій въ своемъ журналѣ 1816 года,—но въ царствованіе Александра они были неслыханны, а потому происшествіе сіе произвело въ свое время величайшее на всѣхъ вліяніе и составляло предметъ множества различныхъ толковъ и догадокъ; чѣмъ болѣе благородный образъ мыслей Александра былъ извѣстенъ, тѣмъ болѣе желали знать, что могло побудить его на такой поступокъ, который находился въ совершенномъ противорѣчіи съ его правилами. Сколько я о семъ противорѣчіи ни размышлялъ, однако жъ нахожу, что государь поступилъ несправедливо, по той причинѣ, что невозможно одобрить наказанія, приведеннаго въ исполненіе безъ суда и даже безъ предварительнаго слѣдствія».

Такая ссылка вызывала тѣмъ бо̀льшее удивленіе, что въ своихъ письмахъ и рескриптахъ Александръ неоднократно говорилъ, что ставитъ законъ выше себя.

«Законъ, коему волю мою покоряю,—говорилъ онъ [1]),—не можетъ быть ни твердъ, ни силенъ, когда колеблютъ его исключеніемъ, и который одинъ и всегда единообразно долженъ управлять всѣми отношеніями и обязанностями.

«Какъ скоро я себѣ дозволю нарушить законы,—писалъ государь княгинѣ М. Г. Голицыной [2]),—кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ, если бы я и могъ, но конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, я могу быть только правосуднымъ. Вы слишкомъ справедливы, чтобы не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мною... Законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ».

Къ сожалѣнію, на дѣлѣ это не исполнялось, и Александръ, не имѣя прочной привязанности къ людямъ, легко разставался съ ними, умѣлъ ловко уклоняться отъ тѣхъ, которые противодѣйствовали избранному имъ образу дѣйствій. Другъ дѣтства государя князь А. Н. Голицынъ и другіе испытали на себѣ это впослѣдствіи.

«Александръ I,—говоритъ Гётце [3]),—былъ довольно непостояненъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ. На благосклонность его нельзя было твердо полагаться. Люди, которымъ онъ оказывалъ свое особенное рас-

---

[1]) Въ письмѣ князю Александру Михайловичу Голицыну 15-го ноября 1802 г. „Русскій Арх." 1880 г., кн. III, стр. 360.

[2]) Въ письмѣ отъ 7-го августа 1801 г. „Русская Старина" 1870 г., т. I, изданіе второе, стр. 440.

[3]) „Историческій Вѣстникъ" 1882 г., № 5, стр. 267.

положеніе, или которые удостоились его горячей дружбы и которые, казалось, были достойны оказываемаго имъ высокаго отличія, неожиданно лишались его прежняго вниманія и утрачивали его дружбу»...

Все его царствованіе отличалось непостоянствомъ и измѣнчивостію.

«Изъ всего,—говоритъ Д. П. Руничъ [1],—что было предпринято въ Россіи въ продолженіе 25 лѣтъ царствованія Александра, ничего не укрѣпилось. Тò, что дѣлалось въ 1802 году, разрушилось въ 1812 году. Принципы 1806 г. не были уже принципами 1816 г. Словомъ, все дѣлалось съ промежутками. То устраивали, то разстраивали. Одна система администраціи смѣнялась другою. Сегодня были философами, завтра ханжами. Это грустное положеніе вещей усиливалось по мѣрѣ того, какъ разочарованіе и утомленіе ослабляли нравственный характеръ Александра. Все зависѣло отъ двигателя, пускавшаго въ ходъ машину. Во время министерства Кочубея и его души Сперанскаго, всѣ были приверженцами конституціи; во время фавора кн. Голицына всѣ были ханжами. Во время милости Аракчеева всѣ были льстивы».

— Я находился,—говоритъ Меттернихъ,—въ непосредственномъ общеніи съ русскимъ императоромъ. Это общеніе длилось непрерывно въ теченіе тринадцати лѣтъ и заключалось то въ постоянномъ обмѣнѣ истинной довѣрчивости, то въ болѣе или менѣе выражавшейся холодности, то въ личныхъ и открыто высказываемыхъ упрекахъ.

Противоположности въ поступкахъ Александра дѣлали его человѣкомъ загадочнымъ для современниковъ, и они затруднялись въ пониманіи причины столь страннаго поведенія. Князь Вяземскій такъ характеризовалъ его:

Сфинксъ не разгаданный до гроба,
О немъ и нынѣ спорятъ вновь.
Въ его любви таилась злоба,
И въ злобѣ слышалась любовь.
Дитя XVIII вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ,
И презиралъ онъ человѣка,
А человѣчество любилъ.

Никто изъ современниковъ не зналъ сегодня, какъ поступитъ Александръ завтра.

Въ 1815 году императоръ познакомился съ баронессою Крюденеръ, долго и много бесѣдовалъ съ нею о мистицизмѣ и подпалъ даже подъ ея вліяніе. Онъ выписывалъ ее въ Гейдельбергъ, Парижъ и Петербургъ и кончилъ тѣмъ, что попросилъ ее удалиться изъ столицы. Тѣмъ не менѣе бесѣды Крюденеръ глубоко запали въ душу Александра и имѣли

---

[1]) Въ своихъ запискахъ. „Русское Обозрѣніе“, 1890 г., № 9, стр. 242.

большое значеніе въ послѣдующей его жизни. Баронесса очертила его прошлое самыми мрачными красками и требовала покаянія.

— Нѣтъ, государь,—говорила она,—вы еще не приблизились къ Богочеловѣку, какъ преступникъ, просящій о помилованіи. Вы еще не получили помилованія отъ Того, Кто одинъ имѣетъ власть разрѣшать грѣхи на землѣ. Вы еще остаетесь въ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились передъ Іисусомъ, не сказали еще, какъ мытарь изъ глубины сердца: «Боже, я великій грѣшникъ, помилуй меня». И вотъ почему вы не находите душевнаго мира. Послушайте словъ женщины, которая также была великой грѣшницей, но нашла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія креста Христова.

Въ этомъ смыслѣ Крюденеръ говорила своему государю въ теченіе почти трехъ часовъ. Александръ могъ сказать только нѣсколько отрывочныхъ словъ; опустивъ голову на руки, онъ проливалъ обильныя слезы [1]).

Испуганная тѣмъ тревожнымъ состояніемъ, въ какое слова ея повергли Александра, Крюденеръ сказала ему:

— Государь! я прошу васъ простить мнѣ тонъ, какимъ я говорила. Повѣрьте, что я со всею искренностію сердца и передъ Богомъ сказала вамъ истины, которыя еще не были вамъ сказаны. Я только исполнила священный долгъ относительно васъ.

— Не бойтесь,—отвѣчалъ Александръ,—всѣ ваши слова нашли мѣсто въ моемъ сердцѣ: вы помогли мнѣ открыть въ себѣ самомъ вещи, которыя я никогда еще въ себѣ не видѣлъ. Я благодарю за это Бога, но мнѣ нужно часто имѣть такой разговоръ, и я прошу васъ не удаляться.

Бесѣды покаявшейся грѣшницы произвели на государя огромное впечатлѣніе, и слова преступникъ и грѣшникъ глубоко запали въ его душу. Слова эти, сказанныя почти въ упоръ и такъ неожиданно, должны были напомнить Александру картину прошлаго, напомнить событіе 12-го марта 1801 года. «Можно себѣ представить,—говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій въ своихъ запискахъ,—съ какимъ отчаяніемъ узналъ о кончинѣ отца (Павла I) наслѣдникъ и какъ жестоки были угрызенія его совѣсти. Этотъ внутренній, его укорявшій, голосъ, вѣроятно, никогда не умолкалъ и мрачныя воспоминанія объ этомъ событіи, конечно, лежали тяжелымъ гнетомъ на его впечатлительной душѣ, омрачая зачастую его настроеніе».

Это настроеніе и воспоминаніе дѣлали для Александра Петербургъ душнымъ и пребываніе въ столицѣ тягостнымъ. Успокоеніе онъ находилъ въ безпрерывныхъ и продолжительныхъ путешествіяхъ по Россіи и за границею, и потому ему нуженъ былъ человѣкъ, его замѣ-

---

[1]) А. Н. Пыпинъ „Баронесса Крюднеръ“ Вѣст. Европы 1869 г., № 8, стр. 631.

*

няющій. При тогдашнемъ нравственномъ состояніи Александру необдима была опора; его умъ и сердце нуждались въ руководствѣ и поддержкѣ. То и другое находилъ онъ въ графѣ Аракчеевѣ, пропитанномъ чувствомъ «восточнаго повиновенія» и бывшемъ человѣкомъ порядка, доходившаго до педантизма и деспотизма. «Русскій человѣкъ,—говоритъ князь Вяземскій,—вообще порядка не любитъ; законъ и подчиненность ему претятъ натурѣ его». Преслѣдованіе этихъ пороковъ графомъ Аракчеевымъ вызывало къ нему ненависть, но согласовалось совершенно съ взглядами Александра, и онъ охотно, скрываясь за Аракчеевымъ, предоставлялъ ему нести всю отвѣтственность передъ обществомъ. Такимъ образомъ въ устахъ народа Александръ носилъ имя Ангела и Благословеннаго, а Аракчеева звали Огорчеевымъ, Змѣемъ Горыничемъ, Проклятымъ змѣемъ, Злодѣемъ и приписывали ему всѣ строгости и невзгоды. Графъ Алексѣй Андреевичъ зналъ это и принималъ на себя всѣ прозвища.

«Я всегда въ ономъ несчастливъ,—писалъ онъ И. А. Пукалову [1]),—что обо мнѣ дурно думаютъ и всегда считаютъ, будто я хочу колкости писать, говорить и даже думать; но я въ молодыхъ лѣтахъ онымъ пренебрегалъ, былъ чистъ въ своей совѣсти, а нынѣ со старостію, хотя и больно уже оное слышать, но, бывъ правъ, такъ оставляю въ покоѣ».

«Вотъ чудная мнѣ участь въ знакомыхъ вашихъ,—писалъ онъ ему же въ другомъ письмѣ [2]),—они всѣ меня чуждаются, и я насильно съ ними знакомлюсь... Я всегда на оное счастливъ, что все относятъ ко мнѣ, что я и во снѣ не вижу, а узнаю уже послѣ всѣхъ».

Императоръ Александръ и графъ Аракчеевъ были врагами роскоши и даже скупы [3]). Государь не любилъ публично оказываемыхъ ему почестей, а Аракчеевъ не чванился своимъ положеніемъ, отказывался отъ «праздничныхъ принадлежностей», т. е. наградъ, велъ родъ жизни «домосѣдный».—Въ блестящихъ собраніяхъ двора какая-то суровость

---

[1]) Въ письмѣ отъ 20-го марта 1813 г. „Русскій Арх.“, 1891 г. № 1, стр. 131.

[2]) Отъ 12-го апрѣля 1814 г. Тамъ же, стр. 139.

[3]) „По прибытіи въ Грузино,—пишетъ Брадке,—намъ подали чаю, но съ такимъ скудно-опредѣленнымъ количествомъ бѣлаго хлѣба, что мы никакъ не могли имъ насытиться и просили добавленія; слуга вернулся черезъ нѣсколько времени съ извиненіемъ, что онъ не могъ нигдѣ отыскать графа, и тогда мы узнали, что поданная намъ порція хлѣба опредѣляется имъ самимъ для каждаго гостя и не можетъ быть увеличена безъ его соизволенія.

„Обѣденный столъ графа былъ весьма хорошъ, но порціи не должны были превышать извѣстной мѣры; такъ, напримѣръ, куски жаренаго или котлеты были опредѣлены по числу гостей, и горе тому, кто возьметъ двѣ котлеты; онъ могъ разсчитывать на долгое время преслѣдованія со стороны графа“. (Записки Е. О. фонъ-Брадке. „Русскій Арх.“ 1875 г. Т. I, стр. 36 и 37).

военнаго схимника отличала его отъ среды другихъ сановниковъ и вельможъ. Эта черта личности его, ему врожденная или имъ благопріобрѣтенная, могла также служить точкою сближенія его съ Александромъ» [1]).

Лица, близко стоявшія къ Аракчееву, какъ Г. С. Батенковъ и Е. О. фонъ-Брадке, говорятъ о немъ какъ о человѣкѣ характера твердаго и ума свѣтлаго.

Г. С. Батенковъ рисовалъ графа Аракчеева какъ человѣка вспыльчиваго, зависимаго отъ подчиненныхъ, «ибо самъ писать не можетъ». Онъ любилъ приписывать себѣ всѣ дѣла и хвалиться силою у государя и умѣлъ прямо разставить людей, сообразно ихъ способностямъ. Графъ былъ «приступенъ на всѣ просьбы къ оказанію строгостей и труденъ слушать похвалы», былъ рѣшителенъ и любилъ наружный порядокъ. Принудить, заставить его что-нибудь сдѣлать было трудно. Въ обращеніи графъ былъ простъ, своеволенъ, говорилъ безъ разбора словъ, а иногда и неприлично; съ подчиненными былъ совершенно искрененъ, казался богомольнымъ, но былъ слабой вѣры [2]).

По словамъ Брадке, графъ Аракчеевъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ способностей и дарованій... «Едва-ли можетъ быть (это) подвержено сомнѣнію,—прибавляетъ Брадке,—со стороны тѣхъ лицъ, кто его хотя нѣсколько зналъ и кто не увлекался безусловно своимъ предубѣжденіемъ». Быстро схватывая предметъ, онъ въ то же время не лишенъ былъ глубины мышленія, когда самъ того желалъ и когда оно не вовлекало его въ противорѣчіе съ предвзятыми его намѣреніями.

«По истинѣ рѣдкая и строго направляемая дѣятельность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени и воздержаніе отъ безмѣрнаго пользованія плотскими наслажденіями давали ему очевидную возможность совершить болѣе того, что могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ, и служили въ беззастѣнчивой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ» [3]).

Много работая самъ, графъ Аракчеевъ безпощадно требовалъ того же и отъ другихъ.

Познакомившись ближе съ Аракчеевымъ, Н. М. Карамзинъ говорилъ, что нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ, съ хорошими правилами, и понимаетъ, почему Александръ привыкъ къ нему и облекаетъ его своимъ довѣріемъ [4]). Нуждаясь въ строгомъ блюстителѣ существую-

---

[1]) Князь П. А. Вяземскій, По поводу записокъ гр. Зенфта. „Русскій Арх." 1876 г. Т. I, стр. 476 и 477.

[2]) Графъ М. М. Сперанскій и Аракчеевъ, „Русская Старина", 1897 № 10 стр. 88 и 89.

[3]) „Русскій Арх.", 1875 г. Т. I, 47.

[4]) „Русскій Арх.", 1876 г. Т. I, 475.

щаго порядка, Александръ съ полнымъ довѣріемъ передавалъ Аракчееву власть, отъ которой впрочемъ самъ не отказывался.

«Александръ I, вопреки всѣмъ прекраснымъ качествамъ сердца,—говоритъ Д. Н. Свербеевъ [1]),—не оставлялъ безъ преслѣдованія ни одной грубой выходки крайняго либерализма и имѣлъ привычку отрезвлять иногда очень долгимъ заточеніемъ или ссылкой тѣхъ, которые считались противниками его верховной власти».

Природа одарила Александра добрымъ, но злопамятнымъ сердцемъ. Онъ не казнилъ людей, «а преслѣдовалъ ихъ медленно со всѣми наружными знаками благоволенія и милости: о немъ говорили, что онъ употреблялъ к н у т ъ н а в а т ѣ» [2]).

Въ этомъ отношеніи А. И. Тургеневъ идетъ далѣе. Онъ говоритъ, что суровость императора Павла безъ ухищреній, безъ лукавства, безъ лести и обмана въ тысячу разъ сноснѣе, чѣмъ деспотизмъ скрытый и перемѣнчивый, какой былъ у императора Александра.

Ревниво оберегая власть, онъ не слушалъ и не признавалъ совѣтовъ въ этомъ направленіи, а желалъ, чтобы все клонившееся къ благу его подданныхъ выходило только лично отъ него самого и чтобы никто не посягалъ на самостоятельность его власти. Такого человѣка онъ видѣлъ въ Аракчеевѣ, не принадлежавшемъ ни къ какой партіи, преданномъ ему и службѣ. «Государь не опасался встрѣтить въ немъ человѣка, систематически закупореннаго въ той или другой доктринѣ. Не могъ бояться онъ, что, при исполненіи воли и предпріятій его, будутъ, при случаѣ, обнаруживаться въ Аракчеевѣ свои заднія или передовыя мысли».

Уклоняясь отъ близкаго сношенія съ людьми, Александръ приблизилъ къ себѣ только одного Аракчеева и въ концѣ 1815 года ввелъ его въ Комитетъ министровъ.

«Увольняя тайнаго совѣтника Молчанова въ отпускъ за границу,—писалъ государь князю Салтыкову [3]),—по случаю его болѣзни, назначаю я для д о к л а д а и н а д з о р а по дѣламъ Комитета, всякій разъ когда здоровье ваше вамъ не позволитъ лично въ Комитетъ и ко мнѣ пріѣзжать,—генерала-отъ-артиллеріи графа Аракчеева. Производителемъ же дѣлъ Комитета, на мѣсто Молчанова, повелѣваю быть статсъ-секретарю дѣйствительному статскому совѣтнику Марченко».

Почти одновременно съ передачею дѣлъ Комитета министровъ въ руки Аракчеева къ нему перешли дѣла военныя и даже духовныя. Они

---

[1]) Первая и послѣдняя встрѣча съ А. С. Шишковымъ, „Русскій Арх.“, 1871 г. Т. I, стр. 166.

[2]) Записки Н. И. Греча, стр. 155.

[3]) Въ рескриптѣ отъ 24-го декабря 1815 г. Арх. Комитета министровъ, кн. 108.

разсматривались и приготовлялись къ докладу въ кабинетѣ графа. Мнѣнія Государственнаго Совѣта были также въ его рукахъ: всѣ учрежденія и лица потеряли всякое значеніе—графъ Аракчеевъ сталъ первымъ и единственнымъ министромъ. «Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ,—писалъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ [1]). Много онъ на себя взялъ; а дурно то, что Пестель [2]) совѣтникъ и Пукаловъ самый ближній къ нему человѣкъ».

«Говорятъ,—писалъ Н. М. Карамзинъ,—что у насъ теперь только одинъ вельможа—графъ Аракчеевъ».

Возвышеніе его было принято обществомъ съ большимъ неудовольствіемъ: терялась всякая надежда на измѣненіе государственнаго строя къ лучшему. Отъ Аракчеева не ожидали никакихъ попытокъ къ искорененію существующихъ безпорядковъ и злоупотребленій, да и самъ онъ, какъ мы видѣли, сознавалъ, что въ такомъ обширномъ государствѣ сдѣлать ничего нельзя [3]).

— Мое дѣло исполнять волю государеву,—говорилъ онъ Н. М. Карамзину. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться, а теперь уже поздно [4]).

«Мы всего въ нашемъ государствѣ не исправимъ и всѣхъ своихъ братьевъ не передѣлаемъ»,—писалъ графъ Аракчеевъ барону Кампенгаузену 5-го января 1822 г. А это было настоятельно необходимо, по требованію времени и сложившимся обстоятельствамъ гражданской жизни.

«Когда неимовѣрная сія война воспріяла столь счастливое окончаніе,—писалъ графъ Кочубей императору Александру [5]);—когда правительство, подъ кровомъ Всевышняго, оправдало столь блистательно ожиданія подданныхъ своихъ; когда, основавъ спокойствіе внѣшнее на многія времена, возродило оно самыя утѣшительныя ожиданія и внутренняго блаженства, — то не можетъ благоразумное правительство, не подвергнувъ себя самымъ справедливымъ укоризнамъ и даже ослабленію чувствъ, глубоко въ подданныхъ громкою славою оружія впечатлѣнныхъ, оставить безъ надлежащаго и неотлагательнаго вниманія настоящаго положенія государства во внутренности его. Не можетъ оно, не забывъ самыхъ священнѣйшихъ обязанностей своихъ, не обратить всѣхъ усилій и стараній своихъ къ излѣченію глубокихъ ранъ пожертвованіями на войну, а болѣе всего безпорядками Имперіи нанесенныхъ. Не можетъ

---

[1]) А. Ѳ. Брокеру 24-го января 1816 г. „Русскій Арх." 1868 г., стр. 1894.

[2]) Впослѣдствіи сибирскій генералъ-губернаторъ.

[3]) См. выше письмо Аракчеева Пукалову отъ 12-го апрѣля 1814 г. стр. 11.

[4]) Письмо Карамзина 13-го марта 1816 г. Неизданныя сочиненія и переписка. С.-Петербургъ. 1862 г., стр. 177.

[5]) Въ запискѣ отъ „ " декабря 1814 г. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 50.

оно не удвоитъ стараній, дабы не только возвратить государству прежнее его благосостояніе, но, буде можно, и усугубить оное».

Эти мысли, выраженныя такъ категорически, не были услышаны государемъ, не принимавшимъ никакихъ мѣръ къ улучшенію положенія Имперіи и не допускавшимъ постороннихъ совѣтовъ и вмѣшательствъ.

«Всѣ тѣ,—писалъ графъ С. Р. Воронцовъ графу Ѳ. В. Ростопчину [1]), которые управляли страною въ эти послѣднія двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, получаютъ направленіе свыше, гдѣ нѣтъ ни знанія, ни благоразумія, ни высокихъ чувствъ, но одна лишь крутая деспотическая воля, плохо прикрываемая внѣшнею оболочкою кротости и лицемѣрнаго благочестія. Эти люди, находя, что подобныя понятія и подобный характеръ согласуются съ ихъ собственными, пользуются ими, и это направленіе еще усилилось и распространилось благодаря тѣмъ, кто пришелъ къ убѣжденію, что всякаго повышенія можно достигнуть только путемъ подлости, ведущимъ яко бы къ счастію».

Послѣ Отечественной войны взгляды эти стали измѣняться. Упорная борьба противъ соединенныхъ силъ Европы совокупила народъ для защиты своего достоянія; онъ созналъ, что однѣ мѣры правительства, безъ его содѣйствія, не въ состояніи были охранить государство отъ порабощенія вторгнувшагося завоевателя и что спасеніе отечества принадлежитъ всѣмъ тѣмъ, кто жертвовалъ жизнію и имуществомъ. Явилось сознаніе собственнаго достоинства, личная гордость и желаніе достигнуть того благосостоянія, которымъ пользовались народы, изгнанные изъ Россіи и побѣжденные русскою грудью. Политическая сторона войны не касалась общества, называвшаго ее безцѣльною, а миръ не принесъ Россіи, кромѣ военной славы, никакой пользы. Понятно, что общее вниманіе должно было обратиться на внутреннее состояніе государства.

«Каждый взглянулъ на себя и занялся собою,—говорилъ С. Н. Глинка. Воскресла народность; воспрянули времена давно прошедшія, и говоря словами русской старины: настоящее сливалось съ прошедшимъ и отверзалась даль будущаго преобразованія» [2]).

«Въ 1812 году,—писалъ П. Каховскій [3]),—нужны были неимовѣрныя усилія, и народъ радостно несъ все въ жертву для спасенія отечества. Война кончена благополучно, монархъ, украшенный славою, возвратился.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 8-го октября (нов. стиля) 1817 г., «Русскій Арх». 1872 г., т. II, стр. 2204.

[2]) Записки о Москвѣ, С. Глинки, стр. 5 и 15.

[3]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ безъ числа. Госуд. Арх., I, бумаги Блудова.

Европа склонила передъ нимъ колѣна, но народъ, содѣйствовавшій его славѣ, получилъ-ли какую льготу?—нѣтъ».

Возвратившееся въ свои домы разоренное населеніе требовало положительной поддержки и помощи, а вступившія въ свои квартиры войска, прошедшія всю Европу, разсказывая поселянамъ о состояніи и свободѣ земледѣльцевъ въ чужихъ краяхъ, «сильно воспламеняли ненависть къ угнетающимъ ихъ помѣщикамъ и управителямъ [1])». Всѣ отъ генерала до солдата только и говорили, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ, и спрашивали, почему не такъ у насъ? [2]). Имя императора Александра гремѣло во всемъ просвѣщенномъ мірѣ: народы, государи, пораженные его великодушіемъ, предавали судьбу свою въ его волю. Россія гордилась имъ, но ожидала отъ него новой и лучшей судьбы.

«Она смыла позоръ Тильзитскаго мира, разорвала оковы, наложенныя на нее властителемъ Европы, твердою ногою заняла первое мѣсто между сильнѣйшими государствами въ мірѣ. Эпоха самостоятельности настала; оставалось только вкусить плоды такого положенія» [3]). Всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ государства, дастъ ему законы и лучшее судопроизводство» [4]).

Въ такомъ ожиданіи, многіе обратились къ изслѣдованію дѣйствій правительства и, разбирая недостатки существующаго порядка, мечтали о замѣнѣ его другимъ, лучшимъ.

Тогда вся Европа, имѣя во главѣ императора Александра, искала и ожидала свободы. В. А. Жуковскій, въ своемъ стихотвореніи, написанномъ въ 1816 году, для англійскаго посла лорда Каткарта, который праздновалъ годовщину отреченія Наполеона, говорилъ:

И все, что́ рушилъ онъ, природа
Своей красою облекла,
И по слѣдамъ его с в о б о д а
Съ дарами жизни притекла [5]).

Тяготѣвшее надъ Европою иго Наполеона вызвало всеобщее стремленіе къ низверженію его и послужило къ сближенію правительствъ съ народомъ. «Вездѣ проповѣдывали о любви къ отечеству, о свободѣ, о гражданскихъ обязанностяхъ, о достоинствѣ человѣка» [6]).

---

[1]) Разсужденія и примѣчанія объ украйнѣ А. Кржижановскаго. Арх. III отдѣл. 1-й экспедиціи, опись 1821 г., д. № 14.

[2]) Показаніе А. Бестужева.

[3]) Отрывокъ изъ записокъ С. П. Трубецкаго.

[4]) Всепод. письмо П. Каховскаго 4-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 11.

[5]) Пушкинъ въ Южной Россіи. „Русскій Арх.“ 1866 г., стр. 1154.

[6]) Отповѣдь П. Н. Свистунова. „Русск. Арх.“ 1871 г. Т. I, стр. 336.

Воззваніе императора Александра къ германскимъ народамъ хорошо характеризуетъ стремленія того времени.

«Императоръ Всероссійскій и союзникъ его король Прусскій,—сказано было въ воззваніи [1]),—повелѣвая войскамъ своимъ вступить въ Германію, симъ возвѣщаютъ государямъ и народамъ германскимъ возвращеніе свободы и независимости ихъ. Побѣдоносные россіяне съ дружественными воинами Пруссіи идутъ доставить народамъ помощь для обратнаго стяжанія вооруженною рукою исторгнутыхъ у нихъ, но не менѣе того имъ однимъ принадлежащихъ правъ древняго ихъ отечества, сихъ драгоцѣннѣйшихъ достояній каждаго народа, а вмѣстѣ даровать и мощное покровительство и прочное охраненіе возстановленію почтенной имперіи Германской.....

«Ведомыя мною [2]), въ присутствіи обоихъ монарховъ, арміи уповаютъ на всемогущество правосуднаго Бога и непремѣнно надѣются для всего міра и для Германіи довершить дѣло, столь славно начатое, при отвращеніи отъ самихъ ихъ поноснѣйшаго ига. Исполненные сею животворною мыслью идутъ онѣ и провозглашаютъ честь и свободу. Да присоединится къ нимъ каждый германецъ, желающій быть достойнымъ сего наименованія, государь-ли то, бояринъ-ли, доблестный-ли простолюдинъ. Да приступитъ каждый къ намѣренію Россіи и Пруссіи, несущимъ всѣмъ свободу......

«Франція, сама по себѣ прекрасная и могущественная, да обратитъ на будущее время вниманіе свое на устройство внутренняго своего благосостоянія. Никакая внѣшняя сила не пожелаетъ нарушить его, никакого враждебнаго покушенія не послѣдуетъ противъ законныхъ ея предѣловъ. Но да вѣдаетъ Франція, что другія державы хотятъ стяжать оружіемъ прочное спокойствіе народамъ своимъ и не прежде положатъ оружіе, доколѣ не будетъ утверждено надежное основаніе независимости всѣхъ европейскихъ государствъ».

Въ прокламаціи, обращенной къ французамъ 31-го марта 1814 г., императоръ Александръ говорилъ, что союзные государи «признаютъ и утвердятъ своимъ ручательствомъ конституцію, которую дастъ себѣ Франція, и потому приглашаютъ сенатъ немедленно назначить временное правительство, для завѣдыванія дѣлами управленія и для составленія конституціи, сообразной съ желаніемъ французскаго народа» [3]).

Эта прокламація возбудила, какъ среди побѣжденныхъ, такъ и

[1]) Михайловскій-Данилевскій. „Описаніе войны 1813 г.“, ч. I, стр. 73—77.

[2]) Воззваніе было написано собственноручно императоромъ Александромъ, но отъ имени князя Кутузова-Смоленскаго.

[3]) М. Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I-го. Т. IV, стр. 512.

побѣдителей, радужныя надежды. Въ Испаніи кортесы, отстаивая своего короля отъ общаго притѣснителя, домогались въ награду совершенныхъ народомъ подвиговъ, обезпечить свою будущность положительными законами. Въ Италіи, карбонари, вооружаясь противъ Наполеона, обратились послѣ его паденія въ ярыхъ республиканцевъ. Германія радовалась освобожденію отъ ига Наполеона, но желала сбросить съ себя не менѣе тяжкое иго угнетателей, бывшихъ вассаловъ французскаго императора. Она отличалась тогда своими либеральными стремленіями.

«Я пробылъ двѣ недѣли въ Штуттардтѣ,—писалъ графъ Ростопчинъ [1]),—и былъ свидѣтелемъ распущенія депутатовъ, которые хотѣли прибрать къ себѣ въ руки управленіе королевствомъ. Нѣмцы на вольности и на бунтахъ совсѣмъ помѣшались, а французская революція съ пламя перешла на ледникъ. Трудно нынѣ царствовать: народъ узналъ силу и употребляетъ во зло вольность».

Посреди всеобщаго увлеченія и наша молодежь воспламенилась надеждою на свѣтлую будущность, судила, рядила и либеральничала.

«Съ удивленіемъ замѣтилъ я,—говоритъ Булгаринъ [2]),—что въ Петербургѣ всѣ занимаются политикою, говорятъ чрезвычайно смѣло, разсуждаютъ о конституціяхъ, объ образѣ правленія, свойственномъ Россіи, и т. п. Этого прежде вовсе не было, когда я оставилъ Россію въ 1809 году. Откуда взялось, что молодые люди, которые прежде не помышляли о политикѣ, вдругъ сдѣлались демагогами? Я видѣлъ ясно, что посѣщеніе Франціи русскою арміею и прокламаціи союзныхъ противъ Франціи державъ, наполненныя обѣщаніями возвратить народамъ свободу, дать конституціи, произвели сей переворотъ въ умахъ. Но какъ въ самой Россіи не было пищи для поддержанія сего пламени, то я тотчасъ догадался, что здѣсь долженъ быть foyers, гдѣ сохраняется и откуда изливается сей огонь».

Однимъ изъ такихъ очаговъ былъ домъ австрійскаго посла Лейбцельтерна. Австрія, послѣ паденія Наполеона, видѣла въ лицѣ императора Александра и въ тогдашнемъ его положеніи втораго обладателя Европы и опасалась его теперь точно такъ же, какъ боялась прежде Наполеона. Она сознавала, что стоитъ только русскому императору обратиться съ прокламаціею къ славянскимъ племенамъ, составлявшимъ девять-десятыхъ Австрійской имперіи и ненавидѣвшимъ нѣмецкое владычество, и поддержать ихъ небольшимъ числомъ войскъ, и Австрія существовать не будетъ. Меттерниху, во что бы то ни стало, необходимо было ослабить Россію заключеніемъ союзовъ съ ея сосѣдями и занять

---

[1]) Въ письмѣ А. Ѳ. Брокеру 31-го мая (12-го іюня) 1817 г. „Русскій Арх." 1868 г. № 12, 1904.

[2]) Въ запискѣ безъ года и числа. Военно-ученый архивъ.

ее внутренними дѣлами, вызвать безпокойства и заставить императора Александра отказаться отъ руководительства внѣшними. Австрійскій министръ обезпечилъ себя союзомъ съ Англіею и Турціею, представляя послѣдней Россію, какъ самаго опаснаго сосѣда. На этого сосѣда и было поручено Лейбцельтерну обратить особое вниманіе. Онъ устроилъ нѣсколько либеральныхъ очаговъ: у княгини Н. И. Куракиной, у Свистуновой и у графа Лаваля, гдѣ исключительно собирался дипломатическій корпусъ, и русскіе молодые люди были впускаемы въ это общество только послѣ предварительнаго удостовѣренія въ ихъ образѣ мыслей. Лейбцельтернъ особенно ласкалъ молодыхъ людей съ талантами, приглашалъ къ себѣ на вечера и чаще всего заставлялъ ихъ собираться у князя С. П. Трубецкаго, женатаго на дочери графа Лаваля [1]). Представитель французскаго правительства, только-что возстановленнаго Россіею, вовсе не участвовалъ въ распространеніи свободныхъ идей, но родина его, Парижъ, былъ всегда центромъ разнаго рода обществъ, устраиваемыхъ съ этою цѣлью.

Въ 1814 г., со вступленіемъ русскихъ войскъ въ столицу Франціи многіе офицеры были приняты въ масонскія ложи и свели связи съ приверженцами разныхъ тайныхъ обществъ. Тамъ «политически магнетизировали« какъ ихъ, такъ и всѣхъ русскихъ путешественниковъ, снабжали ихъ разными уставами и книгами, до того времени неизвѣстными или запрещенными въ Россіи, и выпускали изъ Франціи уже съ инымъ образомъ мыслей.

«Я былъ,— говоритъ Н. И. Гречъ [2]),—въ то время отчаяннымъ либераломъ, напитавшись этого духа въ короткое время пребыванія моего во Франціи (въ 1817 г.). Да и кто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей былъ на сторонѣ реакціи? Всѣ тянули пѣсню конституціонную, въ которой запѣвало былъ императоръ Александръ Павловичъ», давшій конституцію полякамъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ; супруга Лейбцельтерна была также урожденная графиня Лаваль.

[2]) „Русская Старина“ 1871 г. Т. IV, стр. 491.

И. С. Тургеневъ и его дочь Полина Брюэръ.

У Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергѣевича, въ числѣ множества крѣпостныхъ мастерицъ, жила, между прочимъ, по вольному найму одна дѣвушка «бѣлошвейка», по имени Евдокія Ермолаевна Иванова или, какъ обыкновенно называли ее, Авдотья Ермолаевна. «Портретъ ея весьма обыкновенный блондинка, роста два аршина 3½ вершка, лицо чистое, правильно-русское, глаза свѣтло-каріе, носъ и ротъ умѣренные»; но она была женственно скромна, молчалива и симпатична. Эта-то дѣвушка и приглянулась, а затѣмъ и полюбилась барину-юношѣ Ивану Сергѣевичу [1]) лѣтомъ 1841 года въ Спасскомъ. Связь эта не могла остаться тайной для Варвары Петровны; молодая мастерица была разсчитана и, какъ московская мѣщанка, уѣхала къ себѣ въ Москву, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ продолжалъ, впрочемъ, съ нею встрѣчаться, переселившись съ матерью на зиму въ столицу. Въ маѣ 1842 года у Ивановой родилась дочь Пелагея [2]). Послѣ рожденія ребенка, котораго вскорѣ отвезли въ Спасское, интимныя отношенія между Иваномъ Сергѣевичемъ и Авдотьей прекратились, но Тургеневъ не забывалъ ее матеріальной поддержкой, выдавая ей пенсію сначала черезъ камердинера своего отца Өедора Лобанова, а потомъ чрезъ управляющаго. Пенсія, получаемая Авдотьей Ермолаевной, была пріостановлена лишь съ выходомъ ея замужъ (не ранѣе 1865 года) за нѣкоего Калугина. Съ начала 1868 года, вѣроятно, овдовѣвшая, Калугина вновь стала получать отъ Ивана Сергѣевича, сначала по сту, а потомъ по 75 рублей въ годъ. Въ каждый свой пріѣздъ

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1885 г., январь, 355.

[2]) „Первое собр. писемъ", 117.

въ Москву Тургеневъ видѣлся съ нею. Она являлась къ нему, разсказывала о своемъ житьѣ-бытьѣ и разспрашивала о дочери [1]). Въ письмахъ Ивана Сергѣевича къ управляющему Кишинскому, переданныхъ въ Императорскую Публичную библіотеку, сохранилось одно письмо Авдотьи Ермолаевны къ Тургеневу отъ 9-го сентября 1872 года. Мы воспроизводимъ здѣсь его (съ сохраненіемъ правописанія) для характеристики отношеній Калугиной къ Тургеневу: «Милостивому моему благодѣтелю Ивану Сергѣевичу. Пожелавъ вамъ добраго здоровья, цѣлую ваши ручки. Желала бы я знать объ вашемъ здоровьи и дочери моей Полиньки съ мужемъ (Брюэромъ). Здѣлайте милость не оставьте меня своею милостью: я въ продолженіи нѣскольkихъ лѣтъ получала отъ васъ пенсію 25 рублей въ тредь, а теперь четыре мѣсяца какъ не получаю, а писала къ вашему управителю Н. А. (Никитѣ Алексѣевичу) и не получила отвѣта и это меня заставило сомнѣваться въ вашемъ здоровьи. Когда я васъ видѣла, то просила васъ помѣстить меня въ селѣ (Спасскомъ) за что бы я была вами очень, очень благодарна. Есче разъ пожелавъ вамъ всего хорошаго прошу васъ увѣдомить меня о своемъ здоровьи. Остаюсь уважающая васъ Авдотья Ермолаевна Калугина».

При жизни Тургенева разсказывали, да и въ настоящее время еще держатся того мнѣнія, будто въ своей «Асѣ» Иванъ Сергѣевичъ изобразилъ характеръ и отчасти самую судьбу дочери. Какъ увидимъ дальше, ничего общаго между двумя названными дѣвушками не было. Оригиналомъ для «Аси» на самомъ дѣлѣ послужила побочная дочь его дяди, взятая на воспитаніе Варварой Петровной Тургеневой, дѣвочка, носившая то же имя Анны. Въ письмѣ къ П. Віардо отъ 9-го сентября (н. с.) 1850 года Иванъ Сергѣевичъ даетъ интересную характеристику будущей героини своего разсказа, когда она была еще въ дѣтскомъ возрастѣ:

«Помните-ли вы»,—писалъ онъ:—«маленькую, очень необыкновенную пятилѣтнюю дѣвочку, о которой я говорилъ вамъ въ одномъ изъ моихъ писемъ? Я снова увидѣлъ ее и продолжаю находить этого ребенка очень страннымъ маленькимъ существомъ. Представьте себѣ самое хорошенькое маленькое личико, какое только можно найти, черты лица невѣроятной тонкости, прелестная улыбка и глаза, какихъ я никогда не видывалъ, глаза женщины, то кроткіе и ласкающіе, то проницательные и наблюдательные, физіономія, которая ежеминутно мѣняетъ выраженіе, и которой каждое выраженіе изумительно по своей правдивости и оригинальности. Она обладаетъ здравымъ смысломъ, удивитель-

[1]) См. письма Тургенева къ Кишинскому отъ 17-го (29-го) апрѣля 1868 г. 16-го (28-го) апрѣля 1871 г. и 7-го (19-го) ноября 1872 г., хранящіяся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

ною вѣрностью ощущеній и чувства; она много размышляетъ и никогда не хитритъ; поразительно, съ какою инстинктивною прямотою ея маленькій мозгъ стремится къ истинѣ. Онъ судитъ правильно обо всемъ ее окружающемъ, начиная съ моей матери,—а со всѣмъ тѣмъ это ребенокъ, настоящій ребенокъ. Бываютъ минуты, когда ея взглядъ принимаетъ мечтательный и грустный оттѣнокъ, отъ котораго у васъ сжимается сердце. Но обыкновенно она очень весела и спокойна. Она очень любитъ меня и порою смотритъ на меня такими кроткими и нѣжными глазами, что я бываю совсѣмъ растроганъ.

«Ее зовутъ Аннушкою; она побочная дочь моего дяди, брата моего отца, и одной крестьянки. Моя мать взяла ее къ себѣ и обращалась съ нею, какъ съ куклой. Я обѣщалъ себѣ заняться со временемъ ея воспитаніемъ. У меня будетъ цѣлая семья на рукахъ! Когда ее что-нибудь поражаетъ, она дѣлаетъ движенія головой и бровями, которыя приводятъ меня въ восторгъ. Она какъ будто подвергаетъ своему маленькому сужденію то, что слышитъ, и затѣмъ дѣлаетъ удивительныя замѣчанія. Я сейчасъ разскажу вамъ одну изъ ея чертъ. Это было въ Москвѣ. Она пробыла около часа въ моей комнатѣ; мать моя наказала ее за это, не подумавъ о томъ, что я самъ увелъ ее,—и въ то же время запретила ей говорить мнѣ, за что она наказана. Я вхожу въ кабинетъ моей матери, вижу, что малютка стоитъ въ углу очень грустная и безмолвная; спрашиваю причину; моя мать разсказываетъ мнѣ цѣлую исторію о непослушаніи и капризѣ; я подхожу къ ней и говорю ей нѣсколько укоризненныхъ словъ. Она, ни слова не говоря, отворачиваетъ голову. Я ухожу изъ дома и возвращаюсь уже довольно поздно. На другой день, очень рано, малютка приходитъ ко мнѣ въ комнату, спокойно садится на мой стулъ, нѣкоторое время молча смотритъ на меня, потомъ сразу обращается ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы вчера повѣрили тому, что сказала вамъ мама обо мнѣ?

— Да.

— Ну, напрасно,—вотъ за что я была наказана... Я обѣщала не говорить этого, и я не сказала бы вамъ, если бы вы не повѣрили мамѣ.

— Ты плакала во время наказанія?

Она съ гордостью подняла свою голову и, прищуривъ глазки, проговорила:

— О, нѣтъ!—Потомъ послѣ минутнаго молчанія, или размышленія, что у нея одно и то же, она прибавила: —Но я заплакала, когда вы подошли ко мнѣ въ кабинетѣ.

— А! такъ ты потому отвернула головку?

— Это вы замѣтили, а не видали, что я плакала?

— Нѣтъ,—долженъ тебѣ въ этомъ признаться.

«Она глубоко вздохнула, поцѣловала меня и ушла.

«Клянусь вамъ, я ни слова не прибавилъ къ тому, что она сказала,— но если бы вы видѣли ея маленькое личико во время всего этого объясненія! На немъ читалась такая работа мысли, такая борьба чувствъ. Она бѣлокурая и очень бѣленькая; глаза у нея сѣро-синіе, отливающіе въ черное; зубки—настоящія маленькія жемчужинки. Она очень любящая и очень чувствительная,—но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея мало или вовсе нѣтъ памяти, такъ что она едва знаетъ азбуку. Увѣряю васъ, это крайне странное маленькое созданіе, и я съ интересомъ изучаю ее» [1]). Цвѣтъ волосъ и глазъ бѣлокураго ребенка могъ, конечно, съ годами измѣниться,—«литературная» Ася, какъ извѣстно, была брюнетка,—но дѣло, разумѣется, не въ этомъ.

Когда Тургеневъ писалъ свой разсказъ (1857 г.), Асѣ было всего 12 лѣтъ, и онъ, конечно, не могъ предвидѣть, какъ прозаически завершится судьба этой дѣвушки: въ 1859 г. она была помолвлена за крѣпостнаго повара Ивана Сергѣевича — Степана. Правда, поваръ этотъ былъ не совсѣмъ обыкновенный и не совсѣмъ обычнымъ способомъ попалъ къ Тургеневу. Однажды явился къ нему еще молодой, неизвѣстный человѣкъ, отрекомендовался поваромъ и просилъ купить его у его помѣщика, съ которымъ, какъ прибавилъ Степанъ: «я долженъ кончить плохо». Иванъ Сергѣевичъ понялъ положеніе бѣдняка и сталъ хлопотать. Степанъ былъ купленъ, кажется, за 800 рублей. Когда все кончилось, Тургеневъ вручилъ Степану вольную, но тотъ не захотѣлъ получить свободы и твердо заявилъ: «пусть моя вольная лежитъ у васъ, а мнѣ позвольте послужить вамъ». Дѣйствительно, онъ оказался превосходнымъ поваромъ и съ этихъ поръ не оставлялъ Ивана Сергѣевича, онъ былъ просто влюбленъ въ него. Когда Тургеневъ уѣзжалъ за границу, Степанъ нанимался служить за повара въ лучшихъ клубахъ и отъ времени до времени справлялся то у Колбасиныхъ, то у Некрасова или Анненкова о пріѣздѣ своего барина. Услыхавъ, что онъ пріѣдетъ такого-то числа, Степанъ тотчасъ бросалъ выгодное мѣсто и съ веселымъ видомъ встрѣчалъ Ивана Сергѣевича, вступая въ свои поварскія обязанности. Одинъ разъ Тургеневъ писалъ Е. Я. Колбасину, что Степанъ можетъ заключить годовыя кондиціи въ англійскомъ клубѣ, но тотъ отказался, говоря: «а если Иванъ Сергѣевичъ неожиданно пріѣдетъ, тогда какъ будетъ? Помилуйте, я его не промѣняю ни на кого, вѣдь онъ, когда идетъ по Невскому, ей-Богу, цѣлой головой всѣхъ выше» [2]).

---

[1]) Неизданныя письма И. С. Тургенева. М. 1900 г., стр. 112—114.

[2]) „Первое собр. писемъ“, 53.

Несмотря на не совсѣмъ заурядную личность Степана, несмотря, наконецъ, на сильную склонность и «литературной» Аси сходиться съ людьми низшаго круга, Тургеневъ былъ удивленъ предстоящимъ бракомъ и писалъ 17-го (29-го) мая 1859 мая года отцу Аси, а своему дядѣ, Николаю Николаевичу Тургеневу: «Поваръ Степанъ въ Петербургѣ просилъ меня объявить тебѣ, что онъ желаетъ руки... Аси, и говоритъ, что пользуется ея расположеніемъ. Поступи въ этомъ случаѣ, какъ знаешь. Немножко странно,—а Степанъ хорошій мужъ» [1]).

Маленькая Пелагея, вскорѣ послѣ ея рожденія, была взята у матери, оставшейся въ Москвѣ, и привезена въ Спасское. Разлука съ дочерью едва-ли огорчила Авдотью Ермолаевну. Иванова, во-первыхъ, избавлялась отъ тяжелаго, ложнаго положенія, а, во-вторыхъ, надѣялась, что добрый баринъ Иванъ Сергѣевичъ не оставитъ дѣвочку. Но Тургеневъ не могъ быть въ то время вершителемъ судебъ Спасскихъ обитателей, надъ которыми неограниченно и сурово властвовала мать его Варвара Петровна. Послѣдняя же не пожелала даже взять дѣвочку въ свой домъ, какъ это было сдѣлано по отношенію къ Асѣ, и маленькая Пелагея оказалась на рукахъ у одной изъ крѣпостныхъ прачекъ помѣщицы. Продолжительныя отлучки Ивана Сергѣевича изъ подъ родительскаго крова, наконецъ, трехлѣтнее безвыѣздное пребываніе его во Франціи (1847—1850 г.г.), возбудившее плохо скрываемое раздраженіе у Варвары Петровны,—все это сдѣлало то, что подроставшая дѣвочка оказалась въ самомъ печальномъ положеніи. Дворня злорадно называла ее «барышней» и заставляла исполнять непосильныя ей работы, въ родѣ тасканья для прачки ведеръ съ водой. По приказанію Варвары Петровны Пелагею, очень похожую лицомъ на отца, одѣвали на минуту въ чистое платье и приводили въ гостиную. «Скажите, на кого эта дѣвочка похожа?» съ притворнымъ недоумѣніемъ спрашивала Тургенева при такихъ свиданьяхъ и отправляла ее назадъ [2]).

Когда въ 1850 году Иванъ Сергѣевичъ вернулся изъ-за границы и узналъ о жалкомъ положеніи дочери, онъ подѣлился своимъ горемъ съ П. Віардо и сообщилъ ей всѣ подробности дѣла. При этомъ Тургеневъ указалъ своему другу на то, что въ Россіи никакое образованіе не въ силахъ вывести дочь его изъ фальшиваго положенія. Результатомъ письма явилось предложеніе со стороны П. Віардо взять несчастную дѣвочку къ себѣ въ домъ для воспитанія вмѣстѣ съ ея собственными дѣтьми. Девятаго сентября (н. с.) 1850 года Иванъ Сергѣевичъ

---

[1]) Тамъ же, 62.

[2]) См. свидѣтельство Фета („Мои воспоминанія", I, 158), которое необходимо исправить и дополнить давными воспоминаній Ѳ. Б—на („Русск. Вѣст." 1885 г., январь, стр. 355) и письмомъ Тургенева отъ 24-го декабря (ст. ст.) 1864 г. къ Анненкову („Первое собр. писемъ", стр. 117).

писалъ знаменитой артисткѣ: «Относительно маленькой Полины, вы уже знаете, что я рѣшился слѣдовать вашимъ приказаніямъ и думаю лишь о средствахъ исполнить это быстро и хорошо. Изъ Москвы и Петербурга я изо-дня въ день буду писать вамъ, что̀ дѣлаю для нея. Это долгъ, который я исполняю, и я исполняю его съ радостью, разъ вы имъ интересуетесь. Si Dios quiere, она будетъ скоро въ Парижѣ [1]). Дѣйствительно, въ томъ же году Тургеневу удалось отправить свою восьмилѣтнюю дочь въ Парижъ, и бѣдная, загнанная дѣвочка, росшая до того въ развращенной атмосферѣ русской крѣпостной дворни, очутилась въ комфортабельной обстановкѣ высоко-интеллигентной французской семьи.

Около шести лѣтъ Иванъ Сергѣевичъ не видалъ послѣ этого своей дочери, получая о ней лишь извѣстія въ письмахъ П. Віардо. Только въ августѣ 1856 года, когда вновь попалъ за границу, онъ встрѣтилъ ее уже четырнадцатилѣтней барышней. Впечатлѣніе отъ свиданія было радостное, и Тургеневъ писалъ гр. Л. Н. Толстому 16-го (28-го) ноября того же года: «Меня удерживаетъ здѣсь (въ Парижѣ) странная неразрывная связь съ однимъ семействомъ и моя дочка, которая мнѣ очень нравится: милая и умная дѣвушка» [2]). Позднѣе Иванъ Сергѣевичъ разочаровался въ ней, но на первыхъ порахъ его смутило только одно: m-lle Pauline, какъ стали называть ее, совершенно позабыла русскій языкъ, и всѣ старанія ея отца возстановить утраченное не привели ни къ чему.

Фетъ, посѣтившій Тургенева въ замкѣ Віардо,—Куртавнелѣ, въ 1857 году, такъ передаетъ впечатлѣніе, какое произвела тогда на него Полина. «Къ вечеру, кромѣ музыки и виста (обратили вниманіе Фета) серебряные голоски дѣвицъ, прочитывающихъ вслухъ роли изъ Мольера, приготовляемаго къ домашнему театру. Съ особенною улыбкой удовольствія Тургеневъ вслушивался въ чтеніе пятнадцатилѣтней дѣвушки, съ которою онъ тотчасъ же познакомилъ меня, какъ со своей дочерью Полиною. Дѣйствительно, она весьма мило читала стихи Мольера; но за то, будучи молодымъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ юбкѣ, не могла предъявлять ни малѣйшей претензіи на миловидность [3]).

— Полина!—спросилъ Тургеневъ дѣвушку,—неужели ты ни слова русскаго не помнишь? Ну, какъ по-русски «вода»?

— Не помню.

— А «хлѣбъ»?

— Не знаю.

---

[1]) Неиздан. письма Тургенева. М. 1900 г., стр. 110.

[2]) „Перв. собр. пи .", 28.

[3]) Фетъ. „Мои воспоминанія", I, 157—158.

— Это удивительно!—восклицалъ Тургеневъ.

Какъ серьезно смотрѣлъ Тургеневъ на этотъ роковой результатъ новаго воспитанія своей дочери, показываютъ слѣдующія строки письма его изъ Парижа къ гр. Толстому (отъ 8-го (20-го) дек. 1856 г.): «Я познакомился здѣсь со многими русскими и французами, но симпатичныхъ натуръ нашелъ весьма мало. Есть одна княжна Мещерская—совершенная Гётевская Гретхенъ—прелесть—да, къ сожалѣнію, по-русски не понимаетъ ни слова. Она родилась и воспитывалась здѣсь. Не она виновата въ этомъ безобразіи, но все-таки это непріятно [1]).

Послѣ 1857 года Полина была взята Тургеневымъ изъ семьи Віардо. Въ характерѣ молодой дѣвушки стали обнаруживаться черты тяжелой неуживчивости, и дальнѣйшее ея пребываніе съ дѣтьми Віардо могло неблагопріятно отозваться на послѣднихъ [2]). Иванъ Сергѣевичъ подыскалъ для дочери пожилую гувернантку изъ англичанокъ г-жу Иннисъ и помѣстилъ обѣихъ въ небольшой квартирѣ противъ Тюильрійскаго сада (rue Rivoli, 210), гдѣ и самъ имѣлъ постоянное пребываніе въ тѣ мѣсяцы 1859—1863 гг., когда проживалъ въ Парижѣ. Полина, поселившись на новой квартирѣ, продолжала однако ежедневно ходить къ П. Віардо брать уроки музыки [3]), что̀ дѣлала до переѣзда семьи артистки въ Баденъ. Г-жа Иннисъ со своей стороны особенное вниманіе обратила на воспитаніе нравственной стороны своей питомицы.

Тургеневъ не могъ нахвалиться гувернанткой, часто говорилъ друзьямъ своимъ объ ея педогогическихъ способностяхъ и вполнѣ одобрялъ ея отрицательное отношеніе къ исключительно французскому воспитанію. Одинъ изъ такихъ разсказовъ въ присутствіи автора «Войны и Мира» и послужилъ поводомъ къ рѣзкому столкновенію между писателями, едва не вызвавшему дуэли (1861 г.). Иванъ Сергѣевичъ передавалъ гр. Толстому, между прочимъ, что гувернантка съ англійскою пунктуальностью просила его опредѣлить сумму, которою дочь его можетъ располагать для благотворительныхъ цѣлей. —Теперь,— сказалъ Тургеневъ,—англичанка требуетъ, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бѣдняковъ и, собственноручно вычинивъ оную, возвращала по принадлежности.

— И это вы считаете хорошимъ?—спросилъ Толстой.

— Конечно; это сближаетъ благотворительницу съ насущной нуждой.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣнахъ

---

[1]) „Перв. собр. писемъ“, 35.

[2]) Объ этихъ причинахъ сообщено автору этой статьи одною изъ близкихъ къ П. Віардо учениць ея, m-lle M.

[3]) „Русск. Вѣст.“ 1890 г., іюль, 4—5, 7. „Перв. собр. писемъ“, 85.

грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискреннюю, театральную сцену» [1]).

Наконецъ, для завершенія образованія Иванъ Сергѣевичъ отправилъ Полину въ 1861 году путешествовать по Швейцаріи [2]).

Переселяясь вмѣстѣ съ семьей Віардо изъ Парижа въ Баденъ, Тургеневъ подыскалъ въ 1864 году своей дочери и ея гувернанткѣ другую квартиру, меньшаго размѣра, въ Пасси (10 rue Basse, Passy), гдѣ останавливался и самъ въ свои наѣзды въ Парижъ въ 1864 и 1865 гг. Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія г-жа Иннисъ уступала обыкновенно Тургеневу свою спальню [3]).

Уже съ 1860 года Иванъ Сергѣевичъ сталъ мечтать о выдачѣ своей дочери замужъ, и въ письмахъ къ друзьямъ мы безпрестанно встрѣчаемъ слѣды этого желанія. Ничего эгоистичнаго, тѣмъ болѣе въ матеріальномъ смыслѣ, названное стремленіе, конечно, не представляло, хотя позднѣйшія крупныя затраты (во время ея замужества) явились для него неожиданными. Въ началѣ 1863 года мечты Тургенева едва было не осуществились. В. П. Боткинъ писалъ Фету 16-го (28-го) марта изъ Парижа: «Мы думали было праздновать свадьбу m-lle Pauline, все уже было почти кончено, какъ дѣло разладилось, вслѣдствіе необыкновенной жажды къ деньгамъ, высказанной претендентомъ. Да французы иначе и не понимаютъ бракъ, какъ съ этой точки зрѣнія». Лишь 2-го (14-го) января 1865 года Тургеневъ могъ сообщить Фету: «Въ концѣ февраля, если ничего не случится, выдаю дочь замужъ, которая на этотъ разъ уже помолвлена за молодаго серьезнаго француза, находящагося во главѣ значительной стеклянной фабрики. Онъ образованъ, хорошей фамиліи, а главное очень понравился моей дочери» [4]). Сообщая о томъ же Анненкову, Иванъ Сергѣевичъ писалъ 6-го (18-го) января: «Кажется, насколько можно предвидѣть, человѣкъ ей попался хорошій, добрый и дѣльный... Остальное въ рукахъ судебъ. Я не помню, написалъ-ли я вамъ его имя: его зовутъ Gaston Bruere» [5]). Свадьба дѣйствительно произошла въ назначенный срокъ и доставила Тургеневу массу хлопотъ, осложнившихся еще и «незаконнымъ» происхожденіемъ Полины. Потребовался свадебный контрактъ, признаніе (Полины) его дочерью, оглашеніе въ церкви, разрѣшеніе, свидѣтельство объ удостовѣреніи личности, занесеніе въ метрики и т. д. [6]).

---

[1]) Фетъ „Мои воспоминанія", I, 370—371; Воспоминанія Е. Гаршина, „Истор. Вѣстн." 1883 г., ноябрь, 389—390.

[2]) „Вѣстн. Евр.", 1885 г., апр. 494.

[3]) Фетъ, „Мои воспоминанія", II, 50

[4]) Фетъ, „Мои воспомин.", II, 58.

[5]) „Вѣстн. Евр." 1887 г., февр., 462.

[6]) „Русск. Стар." 1885 г., авг. 322.

«Ну, да и вообще во Франціи дѣвушку отдавать замужъ—это цѣлая баталія,—чего только они въ контрактъ не написали, Боже правый!» —писалъ Иванъ Сергѣевичъ Анненкову. Приданое Полины все заключалось въ денежныхъ суммахъ, а именно въ ста тысячахъ франковъ, выданныхъ единовременно, и въ векселѣ на пятьдесятъ тысячъ франковъ. Послѣдняя сумма должна была уплачиваться по частямъ въ произвольные сроки съ выдачею до уплаты 5% годовыхъ [1]). Конечно, молодой были сдѣланы, сверхъ того, различные подарки, среди которыхъ выдѣлялся рояль отъ отца. Даже братъ послѣдняго Николай Сергѣевичъ, несмотря на всю свою скупость, разорился на серьги и брошь для Поленьки, какъ звали ее между собою братья [2]). Послѣ вѣнчанія Тургеневъ писалъ Анненкову 16-го (28-го) февраля: «Хлопотъ было пропасть, но я вознагражденъ вполнѣ убѣжденіемъ, что дочь моя будетъ счастлива. Я никогда не видалъ болѣе сіяющаго лица, какъ ея во время свадьбы, въ церкви. Зять мой—прекрасный, дѣльный, простой и добрый малый». «Я получаю отъ нея письма, исполненныя самаго искренняго удовольствія» [3]),—сообщалъ онъ ему черезъ мѣсяцъ.

Тотчасъ послѣ свадьбы Полина уѣхала съ мужемъ на его фабрику Ранжемонъ (Rengemont) близъ Клуа (Cloyes), километрахъ въ 120 къ юго-западу отъ Парижа, Иванъ Сергѣевичъ же возвратился въ Баденъ. Каждый годъ, разъ или два, Тургеневъ навѣщалъ свою дочь въ маленькомъ домѣ зятя; первый его пріѣздъ былъ въ концѣ іюля (н. с.) 1865 года. Кромѣ того онъ изрѣдка встрѣчался съ нею и въ Парижѣ, гдѣ жили родители Брюэра. Свиданія эти не участились замѣтно и со времени окончательнаго переселенія Ивана Сергѣевича въ столицу Франціи послѣ войны 1870 года, хотя Полина и порадовала своего отца рожденіемъ ему внучки (іюль 1872 г.), названной Jeanne, а въ 1875 г. (августъ) и внука, котораго назвали Georges Albert [4]).

Трудно судить по дошедшимъ до насъ намекамъ, были-ли дѣйствительно счастливы сурпруги Брюэръ въ первые годы ихъ брачной жизни. Но въ семидесятыхъ годахъ сравнительное благополучіе ихъ пошатнулось. Уже въ 1871 году Тургеневъ писалъ своему другу И. И. Маслову (22-го мар. с. с.): «Анненковъ прислалъ мнѣ письмо моей дочери, которое все состоитъ изъ одного вопля, если она въ скорости не будетъ имѣть 70 тысячъ франковъ, то она съ мужемъ погибла. И потому я прошу тебя—не дорожиться съ имѣніемъ и, въ случаѣ нужды, уступить двѣ-три тысячи рублей, лишь бы поскорѣе получить деньги» [4]). Эти

[1]) „Русск. Стар.“, 1885 г., авг., 320, 322—323.

[2]) „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., февр., 464; „Русск. Стар.“ 1885 г., авг. 322.

[3]) „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., февр., 465, 467.

[4]) „Новь“, 1886 г., № 23, стр. 193; „Русск. Старина“, 1885 г. сент. 499.

[5]) „Перв. собр. пис.“ 188.

деньги дали возможность Брюэру возобновить контрактъ по хрустальной фабрикѣ еще на 16 лѣтъ; но толку изъ этого однако вышло мало. Въ іюнѣ 1877 года Иванъ Сергѣевичъ сообщалъ своему брату: «Зять мой, мужъ моей дочери, до послѣдняго сантима просадилъ приданое моей дочери—и, вѣроятно, въ скоромъ времени принужденъ будетъ объявить себя банкротомъ, такъ что дочь моя и все ея семейство очутятся на моихъ рукахъ и я долженъ буду заботиться объ ихъ пропитаніи. Уже теперь я имъ выдаю пенсіонъ въ 4.000 франковъ»[1]). Къ сожалѣнію, опасенія Тургенева сбылись, и мы читаемъ въ письмахъ его къ Полонскимъ (изъ Парижа) въ началѣ 1882 года: «На меня свалился кирпичъ въ видѣ окончательнаго разоренія моей дочери, необходимости ея развода съ мужемъ, а также для меня—продажа лошади, каретъ, картинъ и т. д.» Черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ: «Моя дочь, вмѣстѣ со своими двумя дѣтьми, принуждена была убѣжать отъ своего мужа, я долженъ былъ здѣсь ее прятать... Пошла возня съ адвокатами, стряпчими и т. д. Процессъ можетъ длиться годъ и слишкомъ; она съ дѣтьми должна скрываться; все, что она имѣла, пропало безвозвратно—можетъ быть, ей даже придется убѣжать навсегда изъ Франціи. Точно колесо меня охватило и начинаетъ втягивать въ машину. Это тѣмъ тяжело, что, какъ вамъ извѣстно, особенной привязанности я къ ней никогда не чувствовалъ, и все, что я сдѣлалъ для нея до сихъ поръ и буду впередъ дѣлать, внушено мнѣ единственно чувствомъ долга»[2]). Тяжелое положеніе бѣднаго старика нѣсколько облегчилось лишь тѣмъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ дочь его вмѣстѣ съ дѣтьми скрылась юридически неизвѣстно куда, и въ бракоразводномъ процессѣ не представлялось болѣе надобности. Но это не могло избавить Тургенева отъ дальнѣйшихъ матеріальныхъ жертвъ въ пользу бѣглянки. Онѣ прекратились лишь со смертью Ивана Сергѣевича.

Полина не могла пріѣхать проститься съ тѣломъ отца, зато явился мужъ ея, чтобы заявить претензію на наслѣдство, оставшееся послѣ покойника, и попытаться судомъ отнять ту движимость, какую оставилъ Тургеневъ своему единственному и неизмѣнному другу П. Віардо[3]).

Н. Гутьяръ.

[1]) „Русск. Стар." 1885 г., сент. 502, дек. 619.

[2]) Перв. собр. писемъ 402, 407, 410.

[3]) „Русск. Стар.", 1885 г., авг. 320, „Перв. собр. пис., 413".

Записки адъютанта.

Въ походѣ.

II [1]).

После смотра, въ главной квартирѣ наступило какое-то затишье; генералъ суетился меньше, а мы, пользуясь случаемъ, усердно посѣщали театры и разные клубы; отдыхъ нашъ продолжался однако же не долго.

Разъ, какъ-то вечеромъ, я и жившій со мной товарищъ остались дома, и рѣшили пораньше лечь спать; но едва задремали, какъ сильный стукъ въ окно заставилъ насъ вскочить съ постелей; подъ окномъ стоялъ одинъ изъ молодыхъ штабныхъ офицеровъ.

— Что вы съ ума что-ли сошли?—крикнули мы въ одинъ голосъ.

— Вставайте, донесеніе получено: непріятель наступаетъ.

— Да вѣдь онъ за 70 верстъ, чего же суетиться: развѣ приказано?..

— Приказанія никакого нѣтъ, я только хотѣлъ васъ предупредить.

Побранивъ непрошеннаго вѣстника, мы опять завалились спать, но на другой день отправились раньше обыкновеннаго на службу.

Въ штабѣ замѣчалась уже суета: журналистъ то и дѣло бѣгалъ въ генеральскій кабинетъ, куда экстренно, не въ урочный часъ, былъ вызванъ дежурный штабъ-офицеръ; часовъ въ одиннадцать, въ пріемной залѣ появился и самъ генералъ съ кипой картъ подъ мышкой.

— Поздравляю, господа, съ войною, — весело проговорилъ онъ и, вслѣдъ за тѣмъ вставъ въ театральную позу, началъ декламировать съ особой жестикуляціей отрывки изъ стиховъ Пушкина:

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1903.

Война... подъяты, наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!...

...От Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Возстанетъ Русская земля....

— Войска наши сосредоточиваются,—продолжалъ генералъ прозою,—я иду къ главнокомандующему, чтобы получить окончательныя приказанія, и вѣроятно намъ придется сегодня же выѣхать, а потому, господа, не расходитесь до моего возвращенія.

Мы прождали часа два, толкуя о предстоящихъ дѣйствіяхъ, наконецъ генералъ пріѣхалъ и, облекшись въ свою курточку, немедленно явился къ намъ съ распоряженіями.

Заскрипѣли перья, живо нафабриковались различныя предписанія, и часамъ къ четыремъ дѣло сосредоточенія войскъ, на бумагѣ, было кончено. Назначивъ каждому изъ офицеровъ когда и куда ѣхать, генералъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— А васъ, капитанъ, беру съ собою, въ мою карету: о продовольствіи не заботьтесь, изъ вещей возьмите только самое необходимое. Въ 9 часовъ сегодня прошу быть здѣсь, мы поѣдемъ въ ночь.

Начались экстренные сборы, время осеннее, нужно было подумать о теплой одеждѣ, и каждый началъ соображать, какое именно платье удобнѣе взять для похода.

— А мнѣ не о чемъ безпокоиться,—замѣтилъ небольшаго роста, коренастый офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ надъ вожатыми арміи,—я завелъ еще въ Петербургѣ дубленку (дубленый полушубокъ) и въ ней сдѣлаю весь походъ. Эй, господа, послѣдуйте моему примѣру: и тепло и дешево.

Но какіе ни представлялъ капитанъ доводы, большинство съ нимъ не согласилось: такъ какъ дубленокъ на мѣстѣ не было, да при томъ въ дождливую погоду полушубокъ составилъ бы очень тяжелую ношу, а потому рѣшили сшить, кто успѣетъ, изъ мѣстнаго сукна теплыя шинели на манеръ солдатскихъ, только покороче.

Въ пять часовъ кончилось совѣщаніе, но, сходя по лѣстницѣ штаба, неугомонный капитанъ продолжалъ еще твердить: а вотъ у меня такъ есть дубленка, мнѣ ничего не надо.....

Пообѣдавъ на скорую руку, я захватилъ въ небольшой сакъ нѣсколько паръ бѣлья, пачку табаку и ровно въ 9 часовъ былъ на дворѣ генеральской квартиры. Первое, что̀ бросилось мнѣ въ глаза, это стоявшая у подъѣзда старомодная карета, на высочайшихъ рессорахъ, запря-

женная шестеркою почтовыхъ лошадей съ форейторомъ; около кареты суетился генеральскій камердинеръ—Андрей, а сзади, въ особомъ сидѣньи для человѣка, устраивались генеральскій денщикъ и писарь. При тогдашней распутицѣ я не могъ безъ ужаса подумать, какъ мы потащимся въ такомъ рыдванѣ, въ который и войти можно было лишь съ помощью особой лѣстницы изъ откидныхъ ступенекъ, но дѣлать было нечего, и я отправился въ штабъ, гдѣ собрались уже офицеры, чтобы проводить генерала.

— Что, завели дубленку, а вотъ у меня....—обратился ко мнѣ капитанъ надъ вожатами и тотчасъ смолкъ, увидѣвъ входящаго генерала.

На генералѣ были надѣты синія рейтузы, заправленныя въ короткіе лакированные сапоги на манеръ гусарскихъ; форменный на распашку сюртукъ безъ эполетъ и черная наглухо застегнутая, суконная жилетка, по верхъ которой висѣлъ на шеѣ большой Владимірскій крестъ.

Начальство любезно раскланялось съ нами, спросило, когда выѣзжаютъ офицеры, и послѣ короткаго прощанія направилось къ выходу; но не успѣли мы сойти съ лѣстницы, какъ раздался сердитый голосъ генерала:

— Чортъ знаетъ, что ты мнѣ положилъ, скотина едакая!—кричалъ онъ на камердинера, возвращаясь на крыльцо.

Андрей бросился въ карету, передвинулъ тамъ что-то, похлопалъ по подушкѣ и пробасилъ: готово! Генералъ сунулся въ экипажъ, но опять выскочилъ, ругая на чемъ свѣтъ человѣка за скверную укладку. Снова полѣзъ Андрей, снова повозился въ каретѣ и уже съ сердцемъ крикнулъ: готово! А дождь не переставалъ, мы порядочно промокли и съ нетерпѣніемъ ожидали конца этой церемоніи. Генералъ еще разъ юркнулъ въ карету, но также быстро выпрыгнулъ оттуда, плюнулъ въ физіономію камердинеру и крича: «скотина»! бросился бѣжать на верхъ, въ свою квартиру.

— Вотъ каторга,—проговорилъ Андрей, вытирая лицо, и затѣмъ развелъ въ раздумьи руками, но черезъ нѣсколько секундъ, какъ бы вспомнивъ что-то, онъ хлопнулъ себя по лбу и тотчасъ же велѣлъ завернуть лошадей и подать карету другой стороной.

— Что вы это дѣлаете?—спросили офицеры.

— Вся бѣда въ томъ, что карету подали лѣвой стороной,—отвѣчалъ камердинеръ,—а онъ у меня ни за что такъ не сядетъ, примѣта есть дурная.

Довольный открытіемъ секрета, Андрей быстро вбѣжалъ на лѣстницу и черезъ минуту явился съ генераломъ. На этотъ разъ мы усѣлись благополучно, и экипажъ тронулся.

— Заведите, право, заведите дубленку,—слышался еще гдѣ-то во мракѣ голосъ капитана надъ вожатами, когда мы выѣзжали по страшной грязи изъ воротъ дома, и затѣмъ все смолкло.

Не прошло и получаса, какъ генералъ уснулъ, а за нимъ началъ дремать и я, покачиваясь въ старинной колымагѣ, точно въ люлькѣ.

Долго-ли я спалъ, не знаю, но когда открылъ глаза, начинался уже сѣренькій осенній день, моросилъ мелкій дождь, и лошади едва двигались шагомъ; генералъ усердно храпѣлъ, покрывъ голову вмѣсто фуражки какой-то черной бархатной шапочкой. Осмотрѣвшись въ каретѣ, я былъ пораженъ внутреннимъ ея убранствомъ, котораго не могъ замѣтить ночью. Рыдванъ нашъ былъ когда-то обтянутъ бѣлой шелковой матеріей, о чемъ свидѣтельствовали оставшіеся кое-гдѣ лоскутки, но за то теперь ободранныя мѣста были прикрыты особаго рода обоями. На сторонѣ, обращенной къ кучеру, какъ разъ передъ нашими глазами, висѣли чертежи 4-хъ боевыхъ порядковъ пѣхоты, посреди которыхъ былъ пришпиленъ взятый изъ устава рисунокъ бивачнаго и лагернаго расположенія всѣхъ родовъ войскъ; въ промежуткѣ между мною и генераломъ красовались боевые порядки кавалеріи и артиллеріи, а на верху кареты, подъ шнурками, колыхалась дизлокаціонная карта арміи. Изъ одного боковаго кармана выглядывали циркуль, масштабъ и маленькій пистолетъ, а изъ другаго—фуляровый платокъ и стклянки съ косметиками.

Досыта налюбовавшись этими походными принадлежностями, я принялся усердно глазѣть на дорогу. Продолжительный дождь развелъ почву, грязь была непролазная, а между тѣмъ по всему пути тянулись войска, спѣшившія къ сборному пункту. Жалко было смотрѣть на пѣхотныхъ солдатъ: навьюченные всякимъ скарбомъ, въ съѣхавшихъ на затылокъ каскахъ, совершенно промокшіе, они съ трудомъ передвигали ноги въ липкомъ грунтѣ узкой дороги, а тутъ какъ нарочно безпрерывно вязла артиллерія, приходилось помогать и ей. Большинство людей шло угрюмо, но гдѣ былъ побойчѣе командиръ, гдѣ имѣлись хорошіе ротные балагуры, тамъ дымились трубочки, шелъ говоръ и раздавался веселый смѣхъ.

Кто хаживалъ во фронтѣ, тотъ знаетъ, какъ непріятно въ походѣ, когда рядомъ съ войсками ѣдетъ большой экипажъ: онъ пылитъ на людей, заставляетъ ихъ сворачивать съ дороги и вообще нарушаетъ покой марша; въ слякоть это еще тяжелѣе: летятъ брызги, и кромѣ того на пересѣченной мѣстности каждый шагъ въ сторону, ради того, что экипажу неугодно объѣхать, приноситъ солдату лишній трудъ. Такъ было и съ нами. Наши возницы орали во все горло, сгоняя людей съ пути, и мнѣ было видно изъ кареты, какъ это непріятно дѣйствовало на солдатъ: сейчасъ раздавалась команда «смирно», суетились командиры, и части сходили въ сторону, не смотря на канавы, косогоры или кусты.

Кое-гдѣ досада, производимая нами, пробивалась и наружу: мѣстами

группы людей упорно стояли на дорогѣ и очищали ее лишь въ ту минуту, когда наѣзжали лошади; другіе же изливали сердце въ простодушной, но тѣмъ не менѣе мѣткой насмѣшкѣ, такъ свойственной нашему солдату, «сторонись, ребята, сторонись!» раздавалось изъ заднихъ рядовъ, «архіерей ѣдетъ», и я невольно взглядывалъ тогда на спящаго въ черной шапочкѣ генерала, и мигомъ пропадала тоска, которую испытываешь, когда тянешься шагомъ.

Оставшись наканунѣ безъ вечерняго чая и ужина, мнѣ страшно хотѣлось ѣсть, и я очень обрадовался, когда часовъ въ 9, подъѣзжая къ станціи, генералъ, потянувшись, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и объявилъ, что здѣсь надо пить чай.

Станція однако же оказалась бѣднѣйшей корчмой, а съ генеральскаго стола я получилъ два стакана постнаго чаю и маленькую булку не дороже копѣйки, тѣмъ не менѣе я не унывалъ, былъ молодъ, полонъ надеждъ, а потому успокоился на мысли, что, вѣроятно, за завтракомъ генералъ постарается удовлетворить хорошенько мой аппетитъ. Но должно быть «на счастье прочно всякъ надежду кинь»: въ 12 часовъ дѣйствительно мы остановились поѣсть, но закуска состояла изъ бутылки мѣстнаго вина, маленькаго французскаго хлѣба и двухъ кусочковъ сыра. Уплетая эту скудную пищу, я въ душѣ проклиналъ тотъ часъ, когда судьба угораздила генерала взять меня съ собой, и передо мной, какъ нарочно, рисовались картины поѣздки моихъ товарищей, ихъ сытная ѣда, свобода въ дорогѣ и пр.

Въ 4 часа, благодаря Бога, мы дотащились до главной квартиры и прямо подъѣхали къ дому, занимаемому главнокомандующимъ. Генералъ выскочилъ и побѣжалъ къ начальнику штаба, а я, войдя въ пріемную, тотчасъ обратился къ адъютантамъ съ просьбою: дать мнѣ что-нибудь съѣсть и не отрываясь уничтожилъ жареную курицу и нѣсколько стакановъ чаю, принесенныхъ мнѣ изъ буфета главнокомандующаго.

— Что, батюшка, вѣрно проголодались? — обратился ко мнѣ съ усмѣшкой генералъ, проходя черезъ пріемную. Послѣ обѣда извольте приниматься за работу.

— Развѣ генералъ васъ не кормитъ?—спросилъ меня съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ адъютантъ начальника штаба.

— Кормитъ да плохо.

— Ну, мой лучше, онъ мнѣ уже двѣ награды далъ, впрочемъ и работы много: три верховыхъ лошади, четверка выѣздныхъ, корова— все на моихъ рукахъ... Экипажи также...

— Развѣ есть и корова?

— Есть. Генералъ безъ молока не можетъ пить кофе.

— А въ походѣ?

— И въ походѣ она съ нами, вездѣ сзади экипажа идетъ.

— Кто же ее убираетъ?

— Эге, а казаки-то на что, они молодцы на всѣ руки и подоятъ, и сливки снимутъ—все сдѣлаютъ.

Пообѣдавъ, я отправился къ генералу и нашелъ его въ небольшой хатѣ, не вдалекѣ отъ квартиры главнокомандующаго.

Въ маленькихъ сѣняхъ возился Андрей, раскладывая багажъ и устраивая себѣ и денщику постель; въ хатѣ же, пространствомъ не болѣе 6 шаговъ въ квадратѣ, помѣщалась походная кровать, складной столикъ, на которомъ уже строчилъ генеральскій писарь, и два или три кривыхъ стула. При входѣ моемъ генералъ вытащилъ нѣсколько бумагъ и приказалъ немедленно отвѣчать на нихъ, для чего я и усѣлся около писаря.

Прошло часа два, а начальство еще нѣжилось на кровати, поворачиваясь съ боку на бокъ, когда въ хату вошли три генерала: одинъ старикъ-артиллеристъ, другой же, хотя съ просѣдью, но совершенно бодрый, въ инженерномъ сюртукѣ, и третій—толстякъ, въ формѣ армейской пѣхоты.

Послѣ первыхъ привѣтствій посыпались вопросы.

— Что новаго? Для чего насъ собрали? Будемъ наступать? Что говоритъ главнокомандующій? и пр...

— Постойте, господа, вы прежде взгляните на наше расположеніе, потомъ и спрашивайте,—отвѣчалъ генералъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ развернулъ передъ гостями дизлокаціонную карту. Вотъ смотрите: непріятель, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, стоитъ здѣсь, а мы завтра соберемся тутъ; у него около 20 тыс., а у насъ всего 16 тыс.; мѣстность передъ нами болотистая, каждый день льетъ дождь, какое же тутъ наступленіе? Главнокомандующій рѣшился избрать оборонительную позицію и выжидать на ней.

— Ну, я этого не понимаю,—возразилъ инженеръ,—при враньѣ нашихъ лазутчиковъ у непріятеля скоро будетъ и 100 тыс., а казаки говорятъ, что у него всего-то 8 тыс.; къ тому же дождь можетъ лить еще мѣсяцъ, а противникъ, занимая хлѣбородную часть края и видя наше бездѣйствіе, преспокойно будетъ грабить страну. Нѣтъ, по-моему побить его скорѣе да и домой, охота таскаться по грязи.

— Вы вѣчно не довольны, ваше превосходительство,—возразилъ съ горячностью генералъ. Вы не принимаете въ разсчетъ, что подкрѣпленія наши далеко, а стоя здѣсь, мы прикрываемъ операціонный базисъ и занимаемъ такой стратегическій пунктъ, не овладѣвъ которымъ, непріятель, кромѣ мелкихъ грабежей, ничего не можетъ сдѣлать серьезнаго. Вѣрно, вамъ хочется поскорѣе къ молодой хозяйкѣ вернуться,—добавилъ онъ шутливо.

— Положимъ, и такъ, но я все-таки не понимаю отчего бы намъ

не ударить, разница въ силахъ не Богъ знаетъ какая, непріятель стоитъ тыломъ къ рѣкѣ и едва-ли будетъ упорно сопротивляться,—возразилъ тономъ ниже инженеръ, вопросительно глядя въ лицо генералу, точно желая удостовѣриться, дѣльно онъ сказалъ или нѣтъ.

— Во флангъ бы его, во флангъ взять,—проговорилъ будто въ просонкахъ артиллеристъ, едва-ли сознавая, гдѣ находился флангъ непріятеля и можно-ли атаковать его; впрочемъ,—прошамкалъ онъ,—это дѣло старшихъ, а я вотъ хотѣлъ узнать, ваше превосходительство, на счетъ сынишки, я представилъ его къ Аннѣ, согласился-ли главнокомандующій?

Генералъ какъ бы не слыхалъ послѣдняго вопроса и продолжалъ говорить, обращаясь къ инженеру уже съ нѣкоторою ироніею.

— Я не могу спорить съ вашимъ превосходительствомъ; тайны военнаго искусства, можетъ быть, вамъ ближе извѣстны, чѣмъ мнѣ, при томъ я не имѣю и права раскрывать всѣ детали, но долженъ вамъ сказать—и вы, конечно, мнѣ повѣрите,—что у главнокомандующаго могутъ быть и другія причины, основанныя на высшихъ соображеніяхъ, которыя заставляютъ его дѣйствовать такъ, а не иначе. Далѣе, господа, меня не спрашивайте, я не могу, я не долженъ говорить больше.

— О, когда высшія соображенія требуютъ, тогда я молчу,—отвѣтилъ совершенно удовлетворенный инженеръ,—вы бы давно мнѣ сказали. Высшія соображенія это другое дѣло, противъ этого я ни, ни... я вполнѣ понимаю теперь...

— Наконецъ, господа, станьте на мое мѣсто,—продолжалъ генералъ, не слушая инженера. Вамъ извѣстна осторожность главнокомандующаго, вы также знаете, какіе смѣлые проекты я ему всегда представляю, а между тѣмъ меня всѣ какъ бы обвиняютъ въ бездѣйствіи чѣмъ же я тутъ виноватъ? Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Наступила небольшая пауза, которую прервалъ толстый армеецъ, обратясь къ генералу.

— А я къ вамъ съ просьбой, ваше превосходительство, ради Бога не пишите мнѣ въ бумагахъ: «дѣйствовать по обстоятельствамъ или предоставляется вашему усмотрѣнію». Какія въ военномъ дѣлѣ могутъ быть наши усмотрѣнія; прикажите прямо, и будетъ исполнено.

— Нельзя же вамъ на каждый шагъ давать указанія. Нужна самостоятельность; вы начальникъ дивизіи, наконецъ...

— Что же, вы думаете, я вольнодумецъ что-ли, нѣтъ, уже извините, я весь вѣкъ привыкъ повиноваться и умничать не буду, я солдатъ, вы мнѣ укажите точку, куда бить, и повѣрьте: живъ не останусь, а сдѣлаю что прикажете.

— Да нельзя такъ, надо же, чтобы ваша дивизія дѣйствовала разумно...

— Какъ разумно? Моя дивизія ходитъ, какъ одинъ, а въ колоннахъ люди держутся такъ плотно, что топоромъ не разрубишь, чего же вамъ еще? Удивляюсь. Вы знаете также, что на смотру при Сивой-Лукѣ самъ главнокомандующій лично благодарилъ меня за дивизію; наконецъ, храбрость моя и людей... кажется, достаточно доказаны...

— Кто же сомнѣвается въ вашей храбрости, она всѣмъ извѣстна, но все-таки...

— Нечего, нечего говорить, а лучше избавьте меня отъ разныхъ этихъ усмотрѣній. Ваше дѣло указать намъ точку,—наше исполнить, а то шутка сказать, дѣйствуй по обстоятельствамъ, а чортъ ихъ знаетъ, какія они могутъ быть—послѣ и отвѣчай; нѣтъ, слуга покорный-съ, меня на этомъ не поймаете, для этого у насъ есть дивизіонный квартермистръ, чтобы либеральничать-то,—проговорилъ уже съ какимъ-то озлобленіемъ армеецъ и вслѣдъ за тѣмъ вышелъ изъ хаты. Генералъ пожалъ плечами и хотѣлъ что-то сказать, но въ это время артиллеристъ снова зашамкалъ.

— Какъ же на счетъ сынишки-то, ваше превосходительство?

— Сколько я знаю, онъ будетъ награжденъ именно какъ вы хотѣли.

— Покорнѣйше благодарю,—съ чувствомъ произнесъ старикъ, а то, знаете, пріѣхалъ изъ Петербурга, служитъ у отца, и остаться безъ всякаго отличія, какъ хотите, обидно.

— Кстати, господа, только между нами,—обратился генералъ къ собесѣдникамъ,—завтра главнокомандующій производитъ рекогносцировку, такъ будьте на всякій случай готовы, а затѣмъ прошу извинить, мертвецки спать хочу.

— Еще бы послѣ дороги!—отвѣтили въ тонъ оба генерала, раскланиваясь съ хозяиномъ.

— Такъ высшія соображенія? Ну, такъ бы и сказали, это резонъ, а то гмъ...—проговорилъ на прощаніе инженеръ,—но едва гости вышли, какъ въ дверяхъ хаты вновь показалась голова артиллериста.

— Виноватъ, ваше превосходительство, а я все объ сынишкѣ: не будетъ-ли милости вашей пристроить его завтра къ свитѣ или хоть къ резерву,—онъ у меня вѣдь одинъ,—можетъ, перестрѣлка какая будетъ, чинишку бы пора ему получить, а то, знаете, служитъ у отца...

— Постараюсь,—прервалъ съ досадой генералъ,—запирая за старикомъ дверь, и затѣмъ, на-скоро просмотрѣвъ написанныя бумаги,—онъ ласково сказалъ мнѣ: теперь идите съ Богомъ; завтра на рекогносцировку.

— Я не знаю, ваше превосходительство, гдѣ мнѣ пріютиться?

— Объ этомъ уже сами похлопочите, теперь только 10 часовъ, можете спросить на кухнѣ у главнокомандующаго закусить, а спать гдѣ Богъ приведетъ, тамъ и располагайтесь.

На дворѣ была страшная темнота, и только кое-гдѣ мелькавшіе огоньки служили мнѣ путеводителями. Увязая по колѣно въ грязи, брелъ я по деревнѣ, не зная, гдѣ преклонить голову, чуть не каждая хата была набита офицерами, и Богъ знаетъ, что̀ бы я сталъ дѣлать, если бы не увидалъ въ послѣдней къ полю избѣ добродушное лицо земляка моего, капитана К.

Я рѣшился зайти къ нему и молить о спасеніи.

— Что же, братъ, раздѣвайся!—отвѣчалъ капитанъ,—найдемъ мѣсто и тебѣ, а теперь попей-ка чайку, да закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Я не зналъ, какъ благодарить добраго пріятеля за ласку, и послѣ походнаго ужина, вся наша компанія, въ числѣ 5 или 6 офицеровъ, залегла въ повалку на широкихъ нарахъ.

Утромъ главнокомандующій произвелъ рекогносцировку; все время моросилъ дождь, и мы издали смотрѣли на расположеніе непріятеля. Генералъ однако же не выдержалъ, онъ поскакалъ впередъ, поѣздилъ между казаками, неизвѣстно для чего, спросилъ, хорошо-ли имъ стоять въ цѣпи, и затѣмъ, возвратясь, доложилъ главнокомандующему, что былъ на аванпостахъ и нашелъ все благополучно.

Къ часу измоченные до-нельзя, мы возвратились въ деревню. Въ этотъ день боясь остаться голоднымъ, я пошелъ къ столу главнокомандующаго, гдѣ встрѣтился съ генераломъ, который, не смотря на дурно приготовленныя кушанья, ѣлъ за десятерыхъ. Послѣ обѣда вся молодежь перешла въ адъютантскую комнату, подали кофе, и мы только лишь начали болтать, какъ отъ главнокомандующаго вышелъ полковникъ Волосовъ и объявилъ: непріятель отступаетъ, главная квартира завтра возвращается домой.

— Полноте, правда-ли это?

— Могу васъ увѣрить, господа. Сейчасъ отдано приказаніе распустить черезъ два дня войска; я иду писать маршруты.

Не смотря на такое объясненіе, многіе еще сомнѣвались, не пошутилъ-ли полковникъ, но когда вошелъ дежурный адъютантъ и передалъ, что главнокомандующій въ ночь уѣзжаетъ и что послано уже приказаніе въ городъ поставить на другой день въ театрѣ любимую его оперу «Сивильскій цирюльникъ»,—тогда ничего не оставалось дѣлать, какъ готовиться къ отъѣзду; пошелъ и я къ своему генералу.

— Мы ѣдемъ въ ночь, приходите въ десять часовъ,—получилъ я приказаніе.

Въ урочный часъ мы сидѣли въ каретѣ, которую на этотъ разъ подали съ правой стороны.—Генералъ былъ въ отличномъ духѣ и въ

продолженіе всей дороги распѣвалъ дребезжащимъ голосомъ «la donna è mobile», убаюкивая меня этой хорошенькой аріей.—Въ обратную поѣздку, я не былъ такъ простодушенъ, чтобы разсчитывать на генеральскій столъ, захватилъ у маркитанта кусокъ сыру и нѣсколько булокъ, чѣмъ и избавилъ себя отъ голода.

Въ главной квартирѣ, съ наступленіемъ зимы, жизнь потекла обыкновеннымъ порядкомъ, и, пользуясь бездѣйствіемъ непріятеля, мы имѣли возможность хорошо повеселиться. Кромѣ національнаго театра, италіанской и французской труппъ мы часто посѣщали балы и маскарады, привлекаемые туда дешевизною входныхъ билетовъ. Въ это время въ городъ наѣхало много француженокъ—искательницъ приключеній, и наше офицерство, находясь далеко отъ женъ, вело себя совершенно на холостую ногу; не отставалъ въ этомъ случаѣ и генералъ, не смотря на свои сѣдины, но, къ сожалѣнію, ему и тутъ не везло. Хорошенькія француженки требовали отъ пожилыхъ поклонниковъ болѣе вещественныхъ доказательствъ расположенія, чѣмъ простыхъ любезностей, а между тѣмъ генералъ норовилъ вести знакомство съ ними par amour. Кончилось тѣмъ, что француженки не стѣсняясь стали разсказывать про скаредность генерала и такими насмѣшками не давали ему покоя. Скупость начальства кромѣ поѣздки я испыталъ и въ другомъ случаѣ: у меня загулялъ денщикъ и въ одинъ прекрасный день исчезъ, стащивъ весь мой оберъ-офицерскій капиталъ. Я бросился къ генералу съ жалобой и какъ разъ засталъ его за интересной работой: выложивъ на столъ всѣ свои червонцы, онъ съ наслажденіемъ устанавливалъ ихъ въ столбики, любуясь блескомъ золота.

— Ваше превосходительство, помогите, денщикъ укралъ у меня деньги и пропалъ.

Едва я успѣлъ произнести эти слова, какъ генералъ бросился сгребать червонцы въ открытый столъ, быстро заперъ его и ключъ спряталъ въ карманъ. Вообразилось-ли ему, что я буду просить у него въ займы, или что-нибудь хуже—не знаю, но онъ успокоился лишь тогда, когда услыхалъ, что я хлопочу только о розысканіи денщика.

— А...—протянулъ генералъ. Это я сдѣлаю, мой любезный, а на счетъ денегъ не горюйте, мы выдадимъ вамъ заимообразно впередъ за треть; это допускается закономъ; будьте увѣрены, я всегда готовъ вамъ помочь,—добавилъ онъ на прощанье, придерживая однако жъ рукою боковой карманъ, въ которомъ лежалъ ключъ.

Беззаботно веселилась военная молодежь эту зиму, какъ бы спѣша насладиться всѣми земными благами въ виду предстоящей войны. Большимъ вниманіемъ офицеровъ пользовались маскарады италіанской оперы, а въ особенности тѣ, которые устраивались въ одной изъ лучшихъ гостиницъ города; въ оперѣ маскарады были нѣсколько оффиціальны, въ

гостиницѣ же все шло свободнѣе, на домашнюю ногу, вообще же въ маскарадахъ велась живая интрига и маски не давали покоя не только мелкому офицерству, но и самымъ высшимъ начальникамъ.

Послѣ долгихъ сборовъ, мнѣ удалось какъ-то попасть на одинъ изъ маскарадовъ гостиницы, куда мы цѣлою компаніей переѣхали часу въ первомъ ночи изъ оперы.

Картинка, представившаяся при входѣ въ залъ, была очень не дурна. У самыхъ дверей сидѣлъ въ креслѣ толстый полковникъ въ провіантскомъ мундирѣ, а около него, обвивъ руками его шею и нѣжно склонивъ голову, стояла маска въ костюмѣ швейцарской поселянки. Далѣе по обѣ стороны зала, за круглыми столиками, весело ужинало офицерство съ разными испанками, турчанками и пр., снявшими уже маски. Здѣсь безпрерывно раздавалось чоканье, поднимались вверхъ бокалы, и слышались тосты, провозглашаемые на всѣхъ возможныхъ нарѣчіяхъ земнаго шара. Въ другой половинѣ зала, ближе къ оркестру, отплясывалась кадриль со всѣми фигурами канкана. Тутъ танцовало человѣкъ десять оберовъ различныхъ полковъ, руководимыхъ однимъ докторомъ съ крестомъ на шеѣ и штабъ-офицеромъ изъ уланъ, господиномъ съ сѣдыми баками и усами. Уланъ плясалъ живо, бойко и выдѣлывалъ такія фигуры, что вся молодежь приходила въ восторгъ.

Часа въ три я поужиналъ и отправился домой, едва отдѣлавшись отъ двухъ масокъ, просившихъ и требовавшихъ, чтобы я развезъ ихъ по квартирамъ.

Въ концѣ декабря мирныя удовольствія были прерваны донесеніемъ, что непріятель открылъ дѣйствія противъ праваго фланга арміи и тѣснитъ наши войска. Главнокомандующій пожелалъ лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ и, отправляясь на театръ войны, приказалъ слѣдовать за собою и главной квартирѣ. Переѣздъ оказался не близкій, распутица страшная, но я былъ совершенно счастливъ, такъ какъ генералъ позволилъ мнѣ ѣхать отдѣльно отъ него на почтовыхъ. Съ однимъ изъ товарищей мы потащились въ кибиткѣ къ мѣсту сбора—большому селенію, лежавшему верстахъ въ 20 сзади передовой линіи право-флангового нашего отряда. Ѣхали мы пять сутокъ не останавливаясь и съ ужасомъ смотрѣли на слѣдовавшіе по той же дорогѣ войска и обозы, которые на каждомъ шагу вязли въ глинистой почвѣ.

Явившись къ генералу, я получилъ приказаніе отправиться въ тотъ же день на аванпосты, гдѣ остаться на ночь въ распоряженіи казачьяго полковаго командира, и обо всемъ, что замѣчу со стороны непріятеля, давать знать прямо въ главную квартиру.

Часовъ въ 5 вечера, засѣдлавъ коня и захвативъ табаку и сухарей, я поѣхалъ въ сопровожденіи казака къ передовой линіи. Не доѣзжая версты двѣ до нея, за небольшой грядой высотъ показались двѣ или

три землянки, крыши которыхъ едва отдѣлялись отъ грунта; около землянокъ была разбита коновязь, стояло нѣсколько осѣдланныхъ лошадей и телѣга, а не вдалекѣ, у огоньковъ, валялось и грѣлось десятка два казаковъ.

— Вотъ здѣсь живетъ полковникъ,—сказалъ мой провожатый, указывая на ближайшую постройку.

Я слѣзъ съ коня и, согнувшись въ дугу, спустился по земляной лѣстницѣ въ какую-то нору, игравшую, вѣроятно, роль сѣней, откуда вела дверь уже въ самую землянку. Войдя къ полковнику, я былъ пріятно удивленъ тѣмъ, что увидѣлъ: вдоль трехъ сторонъ его жилища устроены были изъ земли широкіе диваны, убранные коврами, стѣны же землянки покрывалъ войлокъ, а потолокъ — чистыя рогожки; въ одномъ углу стояла маленькая желѣзная печь, а въ другомъ,—деревянный столикъ и нѣсколько складныхъ стульевъ; развѣшенное по стѣнамъ оружіе, принадлежности сѣдловки и полка съ мѣднымъ чайникомъ, кастрюлей и стаканами составляли остальныя украшенія землянки. За столомъ въ желтой канаусовой рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ сидѣлъ самъ полковникъ и пилъ чай.

— Честь имѣю явиться,—такой-то,—затѣмъ-то.

— Очень радъ, батенька, такіе гости намъ въ рѣдкость. Снимайте-ка вашу сбрую, да хлебнемъ чайку, а потомъ поѣдемъ на посты. Эй, Свистуновъ, чаю капитану!

— Видите, какую хату сотворили мнѣ станичники,—сказалъ полковникъ, посматривая на землянку. Спасибо имъ, тепло да и перетащиться не трудно. Нынѣшнюю зиму ее въ пятомъ мѣстѣ уже рою. Не прикажете-ли ромку?

— Я не пью ничего.

— Плохо, батенька, на войнѣ нельзя не пить, особливо на аванпостахъ; конечно, надо въ мѣру, а все безъ водки нельзя.

Напились чаю, полковникъ далъ мнѣ одну изъ своихъ лошадей, и въ сопровожденіи 3-хъ казаковъ мы отправились въ передовую цѣпь. Темь была страшная, надо было отлично знать мѣстность и имѣть казачью смекалку, чтобы не сбиться съ дороги. Проѣхавъ версты полторы, полковникъ пріостановился, вынулъ изъ кармана небольшой свистокъ и подалъ тихую трель; черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то вправо послышалась такая же трель, и мы, повернувъ въ ту сторону, вскорѣ очутились около казачьей заставы.

— Благополучно?

— Благополучно.

— Давно прошелъ разъѣздъ?

— Часъ время будетъ.

— Въ какую сторону?

— Къ Красной балкѣ.

— Смотри въ оба,—послѣдовалъ приказъ,—и мы отправились впередъ.

Пошла изморозь, рѣзкій вѣтеръ продувалъ насквозь, но полковникъ ѣхалъ шагомъ, не прибавляя аллюра и храня глубокое молчаніе; даже лошади какъ будто знали, что нужно соблюдать величайшую тишину: онѣ не фыркали и едва ступали по мокрой травѣ.

Спустя нѣкоторое время, мы уткнулись въ казачій пикетъ изъ 4-хъ человѣкъ при урядникѣ. Повторились почти тѣ же вопросы и отвѣты, какъ на заставѣ. Полковникъ слѣзъ съ лошади, приложилъ руку къ глазамъ и сталъ всматриваться впередъ, хотя тамъ по-моему ни зги Божіей не было видно.

— А впереди есть?—спросилъ онъ урядника вполголоса.

— Есть.

— Кто?

— Сарымка и Наливчикъ.

— Подай голосъ!

Черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то въ сторонѣ началъ выть волкъ и такъ натурально, что я невольно осмотрѣлся кругомъ, но ничего не замѣтилъ. Прошло съ четверть часа, вой повторился уже слабѣе, гдѣ-то вдали, и опять все смолкло. Я стоялъ рядомъ съ полковникомъ, опершись на своего коня, и, пригрѣтый его тѣломъ, начиналъ уже дремать, какъ вдругъ изъ темноты точно выросла передъ нами высокая фигура.

— Наливчикъ?—спросилъ полковникъ.

— Я.

— Ну, что, проѣзжали?

— Ни.

— А тамъ, что дѣлаютъ?

— Лошадей кормятъ.

— Много ихъ?

— Шкадрона два будетъ.

— Кое мѣсто?

— Въ сухомъ вражкѣ.

— Спятъ?

— Ни; огоньку малость развели, офицера грѣются.

— Ступай, да не зѣвать!

Фигура моментально исчезла, какъ бы провалилась и такъ тихо, что напрасно я напрягалъ весь слухъ: не было ни звука, ни шелеста, все точно умерло въ степи. Мы сѣли на коней и, осмотрѣвъ другіе посты, часу во второмъ ночи вернулись въ землянку.

— Тащите скорѣе сбрую, Свистуновъ посушить ее,—говорилъ мнѣ

*

полковникъ, надѣвая на меня взамѣнъ мокраго платья какой-то стеганый халатъ. Не смотря на теплую землянку, у меня зубы колотились какъ въ лихорадкѣ.

— Чайку бы теперь,—сказалъ я.

— Кой чортъ въ этомъ добрѣ, пузо только пучить будетъ, нѣтъ, батенька, теперь другаго надо. Свистуновъ, водки!

— Я никогда не пилъ.

— Такъ начнете сегодня, на аванпостахъ, батенька, безъ нея нельзя.

— Нате-ка, выпейте этой подлости, домашняя еще сохранилась,—говорилъ онъ, подавая мнѣ рюмку какой-то темной жидкости и для закуски ломоть ветчины. Я выпилъ; что-то теплое живительно пошло по всему тѣлу, голова затуманилась, сдѣлалось весело, и черезъ нѣсколько минутъ меня стало клонить ко сну.

— Вотъ, такъ-то лучше,—говорилъ, посмѣиваясь, полковникъ, укладывая меня на одномъ изъ своихъ земляныхъ дивановъ и покрывая дубленымъ полушубкомъ. Спите, спите, въ 4 часа опять поѣдемъ, а то онъ подлецъ (непріятель), передъ утромъ не ровенъ часъ, и напакостить.

Прикоснувшись къ подушкѣ, я мгновенно началъ дремать и точно въ просонкахъ слышалъ, какъ полковникъ еще говорилъ: на аванпостахъ и водки не пить? Въ 4 часа мы были на коняхъ, въ полутемнотѣ объѣхали цѣпь, а въ 6 пили въ землянкѣ чай, послѣ чего я вернулся въ главную квартиру.

На другой день въ 4 часа утра, войска подъ начальствомъ самого главнокомандующаго произвели наступленіе. Было морозно; бойко, сомкнуто шли люди, подтягиваемые утреннимъ холодомъ, отдохнули съ часъ на полъ-дорогѣ и затѣмъ опять впередъ. Часовъ въ 11 главнокомандующій со свитою обогналъ колонны, и передъ нами открылась обширная равнина, на которой было разсыпано сотни двѣ казаковъ; кое-гдѣ взвивался дымокъ и слышались выстрѣлы.

Взъѣхавъ на небольшую высоту, главнокомандующій выждалъ, когда подтянулись войска, и приказалъ имъ построиться въ боевой порядокъ. Пѣхота стала въ центрѣ, на лѣвый флангъ выѣхала гусарская бригада съ двумя батареями, казаки же начали собираться къ правому флангу общаго расположенія. Главнокомандующій двинулся съ пѣхотой, а нашъ генералъ, взявъ меня и еще двухъ офицеровъ, пристроился къ гусарской бригадѣ.

Съ своей стороны непріятель усилилъ аванпосты, и на равнинѣ запестрѣли мундиры двухъ или трехъ кавалерійскихъ его полковъ. По мѣрѣ движенія насъ стали встрѣчать пушечные выстрѣлы, но снаряды доходили еще на излетѣ и всѣ оказывались шестифунтовыми. Въ это время бригада получила приказаніе охватить правый флангъ непріятельской кавалеріи и произвести рѣшительное наступленіе. Лихо пошли на

полныхъ рысяхъ гусары, еще забористѣе выскакала конная артиллерія, моментально снялась съ передковъ и начала угощать ближайшія войска противника. Насъ заволокло дымомъ, что-то кругомъ свистало, слышались команды, топотъ коней; словомъ, былъ какой-то хаосъ, и только когда очистился воздухъ, мы увидали, что одинъ гусарскій полкъ несся въ атаку, а непріятель, не выждавъ ея, улепетывалъ во всѣ лопатки.

— Славно, право, славно!—говорилъ весело генералъ,—задали же мы имъ трепку, а теперь, господа, поѣдемте къ казакамъ, посмотримъ, что у нихъ дѣлается.

Проскакавъ мимо главной колонны, мы направились къ правому флангу и, остановясь на одномъ бугрѣ, увидали слѣдующую картину: передъ бугромъ было разсыпано сотни двѣ казаковъ, а противъ нихъ, въ разстояніи четверти версты, какъ разъ передъ небольшою деревнею, гарцовали въ такомъ же числѣ непріятельскіе наѣздники. Изъ деревни беспрерывно выскакивали одиночные люди и, дѣлая выстрѣлъ или два по казакамъ, сейчасъ же скрывались за строеніями.

— Это ни на что не похоже,—строго обратился генералъ къ стоявшему на возвышеніи казачьему полковнику въ черномъ оборванномъ архалукѣ съ надѣтою поверхъ его форменной истасканной шинелью. Какъ это вы до сихъ поръ не прикажете выбить ихъ изъ деревни! Я самъ туда поѣду.

Полковникъ спокойно посмотрѣлъ на генерала и также спокойно возразилъ:

— Если угодно быть въ плѣну, ваша воля, позади деревни балка, и я не отвѣчаю, если казаки попадутъ въ засаду, здѣсь нужна артиллерія или пѣхота. Впрочемъ, если прикажете...

— Нѣтъ, приказывать не могу,—отвѣтилъ мягкимъ голосомъ генералъ,—но мнѣ казалось бы, что можно...

— Тутъ казаться нечему,—отрѣзалъ какъ-то грубо полковникъ,—а вотъ, если хотите, пожалуй, я пошлю станичниковъ пощупать, что тамъ есть, и, подозвавъ такого же, какъ самъ, оборваннаго офицера, онъ сказалъ ему нѣсколько словъ.

Мы видѣли, какъ офицеръ понесся къ сотнямъ, какъ сотни гикнули на пріятеля, и онъ отступилъ по обѣ стороны деревни, и какъ въ то же время нѣсколько казаковъ юркнули въ улицы. Послышались выстрѣлы, и черезъ нѣсколько минутъ наши казаки неслись обратно, преслѣдуемые сомкнутой непріятельской кавалеріей.

— Что, убѣдились?—спросилъ полковникъ,—тутъ съ одними казаками ничего не сдѣлаешь.

Генералъ не возражалъ, но, доставъ изъ кармана листокъ бумаги и карандашъ, быстро написалъ что-то и, отдавая мнѣ записку, сказалъ:

— Отвезите къ главнокомандующему и немедленно возвращайтесь съ отвѣтомъ сюда.

Въ то время какъ мы разъѣжали съ генераломъ, туманъ разсѣялся, и на впереди лежащихъ высотахъ ясно обозначились массы непріятельской пѣхоты, занимавшей весьма крѣпкую позицію.

Было 3 часа, когда, получивъ записку, я поскакалъ къ центру нашего расположенія, гдѣ остался главнокомандующій. Находясь съ 4 часовъ утра подъ сѣдломъ, конь мой сталъ приставать и хотя двѣ-три хорошихъ нагайки придали ему бодрости, но не на долго; кромѣ того появились и другія препятствія; мнѣ пришлось проѣзжать полемъ, гдѣ только лишь была стычка передовыхъ войскъ, вездѣ валялись убитые лошади и люди, послѣдніе совершенно безъ одежды, которую мгновенно обирали наши казаки. Такая картина для коня была еще новой, и потому онъ пятился, кидался въ стороны и тѣмъ задерживалъ меня безпрерывно.

Въ запискѣ, которую я везъ, доносилось: «Я распоряжаюсь на правомъ флангѣ аванпостовъ, противъ деревни Г., занятой ничтожной частью непріятеля—казаки боятся безъ артиллеріи атаковать этотъ важный для насъ пунктъ; прошу о присылкѣ нѣсколькихъ орудій...» Почему генералъ придавалъ особое значеніе деревушкѣ, не знаю, тѣмъ болѣе, что ему хорошо было извѣстно намѣреніе главнокомандующаго: не производить въ этотъ день рѣшительной атаки, а только потѣснить аванпосты непріятеля, заставивъ его развернуть свои силы, чтò было уже достигнуто.

Прискакавъ къ пѣхотѣ, я къ удивленію увидалъ ее на бивакѣ; а на вопросъ, гдѣ главный штабъ, мнѣ отвѣчали, что онъ давно уѣхалъ на лѣвый флангъ, куда я и понесся. Конь мой сталъ еще болѣе приставать. Далѣе въ гусарской бригадѣ мнѣ сказали, что главнокомандующій былъ тутъ, но затѣмъ съ небольшою свитою направился вдоль передовой цѣпи къ правому флангу. Привелось скакать обратно; на полдорогѣ я нагналъ главнокомандующаго; рядомъ съ нимъ ѣхалъ нашъ генералъ и что-то съ жаромъ докладывалъ. Я поѣхалъ за свитою, но черезъ нѣсколько минутъ столкнулся съ начальствомъ.

— Гдѣ моя записка?—сердито спросилъ генералъ.

— Вотъ она.

— Какъ вы осмѣлились не передать ее?

— Я не успѣлъ сыскать главнокомандующаго, при томъ войскамъ дали отбой...

— Хороша отговорка... не нашелъ...—произнесъ съ усмѣшкой генералъ и потомъ, подъѣхавъ ближе ко мнѣ, началъ почти кричать:

— Какъ вы смѣли не исполнить приказанія, изъ-за васъ могло быть проиграно дѣло, погибнуть тысячи людей, а вы шатались Богъ

знаетъ гдѣ! Хорошъ адъютантъ! Я васъ, сударь, подъ судъ отдамъ... въ 24 часа... знаете, чѣмъ это пахнетъ...

Ошеломленный такой распеканкой, я ничего не отвѣтилъ генералу и, осадивъ лошадь, отсталъ отъ него.

Главнокомандующій объѣхалъ аванпосты, отдалъ приказанія казачьему полковнику въ оборванномъ архалукѣ и въ 6 часовъ направился къ ночлегу въ небольшую деревушку, состоявшую изъ землянокъ, которую еще утромъ занималъ непріятель.

Жителей въ селеніи не было, землянки не топились, и когда мы разложили огонь, то съ потолковъ, они же и крыши, полила на насъ оттаявшая вода, начали падать мокрицы и другіе гады. При такой обстановкѣ, разбитый физически и нравственно, я съ какимъ-то азартомъ глоталъ изъ кострюли мутный чай, приготовленный на-скоро моимъ казакомъ, когда меня потребовали къ генералу.

— Такъ служить нельзя!—встрѣтило начальство новымъ выговоромъ;—стыдъ и срамъ! Видите, онъ не нашелъ главнокомандующаго!—обратился генералъ съ усмѣшкой къ сидѣвшему въ землянкѣ какому-то толстому, обрюзглому полковнику,—какъ это вамъ нравится?

— Ваше превосходительство, я уже докладывалъ, отчего я не могъ доставить записку; затѣмъ, если вы находите меня виновнымъ, не угодно-ли поступить со мной по закону.

Генералъ смѣрилъ меня глазами.

— Я васъ вышколю, сударь,—прибавилъ онъ полушопотомъ;—вы у меня никакой награды не получите, помните это, а теперь идите скорѣе къ начальнику штаба, онъ васъ поучитъ, какъ служить, да попросите его подписать теперь же вотъ это распоряженіе.

Бумага заключала въ себѣ какое-то не важное передвиженіе войскъ.

— Начальникъ штаба изволитъ отдыхать,—сказалъ мнѣ камердинеръ въ сѣняхъ генеральской квартиры.

— Мнѣ приказано непремѣнно доложить эту бумагу.

— Что тамъ еще?—раздался откуда-то писклявый, раздраженный голосъ; войдите!

Осмотрѣвшись въ землянкѣ, я замѣтилъ, что въ углу ея стояла небольшая, желѣзная кровать, обтянутая бѣлымъ полотномъ, а на ней лежала крошечная фигурка нашего начальника штаба, покрытая бѣлымъ, какъ снѣгъ, одѣяломъ.

— Генералъ приказалъ просить ваше превосходительство утвердить поскорѣе эту бумагу.

— Вашъ генералъ вѣчно надоѣдаетъ,—отвѣтилъ мнѣ начальникъ штаба, взявъ бумагу и лежа подписывая ее. Неужели онъ не могъ подождать съ этимъ вздоромъ до утра? Скажите ему, мой любезный,

чтобы онъ съ такими пустяками не безпокоилъ меня. Сегодня я усталъ и хочу отдохнуть.

Я передалъ слово въ слово приказаніе начальника штаба. Генералъ сконфузился и сейчасъ же отпустилъ меня домой.

На другой день главнокомандующій произвелъ рекогносцировку, самъ указалъ пункты, для бивакированія главныхъ частей войскъ, далъ инструкціи начальникамъ отрядовъ и въ тотъ же день въ ночь выѣхалъ обратно въ мѣсто постояннаго расположенія главной квартиры. На слѣдующее утро тронулись и мы; генерала все это время я не видалъ и ѣхалъ отдѣльно.

Дорогой я простудился, а по прибытіи на мѣсто, недѣли двѣ болѣлъ; когда же въ первый разъ пришелъ въ штабъ, генералъ встрѣтилъ меня чрезвычайно любезно.

Зима приходила къ концу, въ главной квартирѣ шла живая работа по приготовленію войскъ къ походу, такъ какъ рѣшено было открыть военныя дѣйствія раннею весною. Подошла Пасха. Мы думали, что насъ хоть на первый день избавятъ отъ занятій, но генералъ объявилъ, чтобы по случаю экстренныхъ распоряженій мы непремѣнно послѣ обѣдни явились въ штабъ, тѣмъ болѣе,—добавилъ онъ,—что визитовъ отъ васъ въ военное время никто не потребуетъ.

По принятому въ Россіи обычаю на Пасху самые бѣдные люди и тѣ разговляются или въ кругу родныхъ и добрыхъ знакомыхъ, или у начальства, а тѣмъ болѣе это казалось необходимымъ намъ, военнымъ, далеко откинутымъ отъ своихъ семей. Но напрасно мы ждали, что генералъ, какъ чисто русскій, православный человѣкъ, забывъ на этотъ разъ скупость—пригласитъ насъ хоть напиться съ нимъ послѣ заутрени чаю; ничего этого не было: онъ приказалъ только явиться на службу, и потому мы рѣшились сдѣлать складчину, а всѣми уважаемый полковникъ Г. принялъ роль распорядителя и предложилъ послѣ обѣдни собраться къ нему разговляться. Служба кончилась поздно, и мы гурьбою потянулись изъ церкви къ доброму полковнику. Тамъ припомнилась каждому изъ насъ дорогая родина, семья, вся обстановка встрѣчи подобнаго праздника въ былые годы, и не одна можетъ быть слеза капнула въ бокалы шампанскаго, которымъ весьма усердно угощалъ радушный хозяинъ.

Послѣ розговѣнья пошли воспоминанія, разсказы о близкихъ сердцу людяхъ, предположенія о томъ, что дѣлается въ эту минуту у каждаго изъ насъ дома, а время незамѣтно прошло до 10 часовъ, когда появилось нѣсколько посыльныхъ казаковъ, давно насъ разыскивавшихъ съ приказаніемъ генерала немедленно явиться всѣмъ офицерамъ въ штабъ.

— Извините, господа,—встрѣтилъ насъ генералъ, не отвѣчая на поздравленія и даже не христосоваясь,—что я васъ потревожилъ; дѣло спѣшное, необходимо заняться работой, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ нѣсколько

бумагъ, изъ которыхъ экстренною оказалась лишь одна, а прочія могли быть исполнены нисколько не спѣша.

Окончивъ въ полчаса, что было понужнѣе, мы хотѣли идти по домамъ, но генералъ приказалъ остаться.

Тоскливо было сидѣть въ штабѣ, и отъ нечего дѣлать мы стали разсматривать убранство общей нашей и генеральской залы. Обыкновенная пыль въ залѣ была смѣтена, полы вычищены, а въ переднемъ углу стоялъ раскрытый ломберный столикъ, на которомъ красовались четыре тарелки: съ 8 крашенными яйцами, куличемъ, пасхой и небольшимъ кусочкомъ ветчины; графинчикъ съ кюммелемъ и бутылка хересу добавляли убранство стола. Все это было покрыто скатертью.

Прошло часа два, а мы сидѣли, ничего не дѣлая; въ это время являлись разныя лица съ поздравленіями, и, наконецъ, пріѣхалъ какой-то сѣдой инженеръ съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, котораго генералъ принялъ съ особымъ почтеніемъ и даже лично снялъ съ него плащъ.

Инженеръ ушелъ въ кабинетъ, а мы по-прежнему остались дремать въ смежной съ залой комнатѣ. Прошло еще съ полчаса, когда одинъ изъ самыхъ нетерпѣливыхъ нашихъ офицеровъ повелъ такую рѣчь:

— Господа, генералъ поступилъ съ нами очень невѣжливо: не только не позвалъ насъ разговѣться, не похристосывался съ нами, но держитъ еще здѣсь безъ дѣла, а какъ на Руси принято на Пасху непремѣнно разговляться, то я въ замѣнъ генерала прошу васъ.

И, сопровождая слово дѣломъ, онъ снялъ скатерть съ закуски, выпилъ рюмку водки и съѣлъ яйцо. Шутка пришлась какъ-то очень къ стати, и черезъ нѣсколько минутъ отъ генеральскаго розговѣнья и вина не осталось ничего кромѣ яичныхъ скурлупъ, и мы, покрывъ столъ по-прежнему скатертью, какъ истые школьники, смиренно усѣлись на мѣста. Черезъ полчаса, двери кабинета распахнулись, и генералъ, идя передъ своимъ гостемъ, бросился къ закускѣ.

— Прошу извинить, ваше высокопревосходительство, закуска у меня походная, но ужъ по русскому обычаю безъ хлѣба-соли въ этотъ день не выпускаютъ. Какъ хотите, откушайте,—продолжалъ генералъ, и съ этими словами сдернулъ покрывавшую столъ скатерть.

Заглушая всѣми мѣрами смѣхъ, мы смотрѣли изъ сосѣдней комнаты на эту сцену. При взглядѣ на закуску, лицо генерала вытянулось, а гость улыбнулся, проговоривъ:

— Не безпокойся, въ другой разъ когда-нибудь пріѣду къ тебѣ пообѣдать, и вышелъ въ переднюю, гдѣ смущенный генералъ подалъ ему шинель съ низкими поклонами.

— Андрей,—грозно крикнулъ генералъ, проводивъ гостя; но, къ счастью для Андрея, послѣдній куда-то изчезъ.

Взбѣшенный еще больше, генералъ бросился къ намъ, но, встрѣтивъ смѣющіяся физіономіи и догадавшись, кѣмъ уничтожена его парадная закуска, онъ быстро отвернулся.

— Мнѣ васъ больше не нужно!—кричалъ онъ,—можете отправляться, куда хотите.

Мы совершенно счастливые мигомъ разсыпались изъ штаба.

Н. Г. Залѣсовъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

Въ «Русской Старинѣ» 1899 года были помѣщены записки графа М. А. Корфа. Въ предисловіи къ нимъ онъ говоритъ, что записки эти «содержатъ въ себѣ выборку изъ дневника, веденнаго мною съ 1838 по 1825 годъ, и нѣсколькихъ немногихъ замѣтокъ моихъ за предшедшіе ему годы».

Имѣя возможность познакомить читателей съ дневникомъ графа, редакція считаетъ долгомъ заявить, что печатаетъ тѣ только мѣста дневника, которыя не вошли въ напечатанныя уже записки и другія статьи того же автора: 1) Историческое описаніе перваго дня царствованія императора Николая I, подъ заглавіемъ «14 декабря 1825 г.»[1]) и 2) «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ»[2]).

Ред.

---

[1]) Напечатано въ 1854 г. отдѣльною книгою (въ 25 экземплярахъ).

[2]) Напечатано въ Сборникѣ „Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. 98.

1838 годъ.

Автобіографическая замѣтка.—Лица, содѣйствовавшія возвышенію М. А. Корфа по службѣ.—Замѣтки и характеристики С. Ф. Маврина, Витте нгейма, барона А. Я. Бюллера, Н. П. Дубенскаго, М. Я. Балугьянскаго, Е. Ф. Канкрина, М. М. Сперанскаго, князя В. П. Кочубея. — Вниманіе государя къ Корфу.—Переходъ его въ Государственный Совѣтъ.—Аудіенція въ кабинетѣ государя.—Акты, касающіеся вступленія на престолъ императора Николая I.—Составленіе Свода законовъ.—Проектъ о преобразованіи С.-Петербургской полиціи.—Раутъ у графини Разумовской.—Кончина уніатскаго митрополита Булгака и архимандрита Фотія.—Чтеніе лекцій наслѣднику.—Великій князь Михаилъ Павловичъ и его мнѣнія о М. М. Сперанскомъ.—Канкринъ и вообще о государственныхъ учрежденіяхъ.—Кончина председателя Государственнаго Совѣта, графа Новосильцова. — Отъѣздъ ихъ величествъ за границу.—Кончина Родофиникина.—Свиданіе императора Николая съ шведскимъ королемъ.—А. П. Ермоловъ и М. И. Платовъ.—Князь Лобановъ-Ростовскій.—Графъ Васильчиковъ и назначеніе его председателемъ Государственнаго Совѣта.— Графъ Литта.— Болѣзнь М. М. Сперанскаго и его характеристика, сдѣланная М. А. Корфомъ.—Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ на товары.—Рескриптъ императора Николая графу В. П. Кочубею.— Балъ у графа Левашова.—Обрученіе великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.— Возобновленіе Зимняго дворца.

15-го февраля. Какимъ образомъ сдѣлалъ я свою, можно сказать, государственную, и во всякомъ случаѣ блистательную карьеру? Это для меня самого вопросъ неразрѣшимый.

Достоинства въ службѣ могутъ быть многоразличны, но для достиженія высшихъ должностей, а еще болѣе, чтобы въ нихъ поддержаться, нужна общая совокупность всѣхъ этихъ достоинствъ. Познанія мои ограничиваются тѣмъ, что могло быть пріобрѣтено при окончаніи курса, хотя и въ первомъ тогда заведеніи нашемъ Царскосельскомъ лицеѣ,— но на 17-мъ году отъ роду. Чтеніе и послѣдующія почти безпрерывныя занятія нѣсколько дополнили это; но глубокихъ познаній я не имѣю ни по одной части. Воображеніе мое очень слабо; умъ довольно дѣятельный, но вовсе не трансцендентальный; особенно нѣтъ у меня présence d'esprit, столь важнаго во всѣхъ почти случаяхъ жизни, а природная застѣнчивость, хотя по возможности скрываемая и подавляемая, отнимаетъ всю возможность гдѣ-нибудь блеснуть или премировать, что, при извѣстой дерзости, такъ часто удается и людямъ посредственнымъ.

Настоящей и особенно сильной протекціи у меня тоже никогда не было. Батюшка былъ сенаторомъ, когда это еще болѣе значило, чѣмъ теперь; но болѣзни и уединенный образъ жизни удалили его отъ всякихъ связей и отъ всякаго вліянія. Одно только мѣсто и одну только почесть получилъ я по прямому ходатайству покровителей: мѣсто переводчика въ министерствѣ юстиціи, въ 1818 году дано мнѣ было по просьбѣ бывшаго въ связи съ тогдашнимъ министромъ, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, барона Андрея Яковлевича Бюллера; почесть—званіе камеръ-юнкера—пожаловано мнѣ въ 1823 году по предстательству покойной

герцогини Виртембергской, которую просилъ о томъ нѣкто Шепингъ (Эрнстъ), курляндецъ, пользовавшійся особеннымъ ея расположеніемъ. Затѣмъ въ томъ же 1823 году я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, вѣроятно, потому, что, меня издавна рекомендовалъ съ хорошей стороны тогдашнему директору Дубенскому Семенъ Филипповичъ Мавринъ; говорю, вѣроятно, потому что при самомъ открытіи вакансіи обо мнѣ между ними рѣчи не было. Наконецъ, назначеніе мое въ 1831 году управляющимъ дѣлами Комитета министровъ, или по крайней мѣрѣ побужденіе къ этому, могу отчасти приписать всегдашнимъ добрымъ обо мнѣ отзывамъ предъ тогдашнимъ предсѣдателемъ княземъ Кочубеемъ, родного его племянника Александра Васильевича Кочубея; другихъ связей у меня никогда не было: всѣ мои начальники любили и отличали меня. Начавъ службу въ половинѣ 1817 г., хотя и въ чинѣ титулярнаго совѣтника, но съ обязанностей простаго писца, я при томъ на 17-мъ году отъ роду, я черезъ шесть лѣтъ (въ 1823 году) былъ уже начальникомъ отдѣленія, а меньше чѣмъ черезъ четырнадцать (въ началѣ 1831 г.) управляющимъ дѣлами Комитета министровъ, камергеромъ и въ трехъ орденахъ; въ 1832 г. пожалованъ дѣйств. статск. совѣтникомъ, а въ 1834 г. статсъ-секретаремъ и съ того же года, т. е. съ небольшимъ послѣ 16-ти лѣтъ службы и 34 лѣтъ отъ роду, назначенъ въ должность государственнаго секретаря— должность, которую занималъ нѣкогда Сперанскій въ апогеѣ своего величія и изъ которой всѣ мои предшественники переходили прямо въ члены Государственнаго Совѣта. Теперь не минуло еще 21-го года моей службы, нѣтъ мнѣ еще 38 лѣтъ отъ роду, а я при этой должности, при званіи статсъ-секретаря, состою уже болѣе года въ чинѣ тайнаго совѣтника и имѣю двѣ звѣзды, пройдя всѣ постепенности орденовъ. И какъ все это сдѣлалось, безъ особенныхъ достоинствъ и безъ связей? Повторяю опять, что этотъ вопросъ для меня неразрѣшимъ.

16-го февраля. Я часто составляю мысленно въ головѣ своей списокъ тѣмъ лицамъ, которымъ считаю себя обязаннымъ, а теперь хочется записать ихъ и здѣсь.

Первое мѣсто въ этомъ ряду послѣ моихъ родителей занимаетъ Семенъ Филипповичъ Мавринъ. Нѣжная любовь и попеченіе обо мнѣ съ самаго дѣтства, безчисленныя одолженія, которыхъ цѣна теперь только вполнѣ мнѣ понятна, радушная готовность къ ходатайству за меня вездѣ и всегда, когда представлялся къ тому случай, наконецъ, его привязанность и неограниченное довѣріе—все это вмѣстѣ стяжало ему священныя права на мою благодарность,—чувство, которое не угаснетъ во мнѣ и къ его дѣтямъ. Примѣры такой безкорыстной истинно родительской любви въ человѣкѣ постороннемъ едва-ли даже и встрѣчаются.

Отто Виттенгеймъ,—кромѣ ласковаго вниманія ко мнѣ, когда я еще былъ почти ребенкомъ, а онъ подвигался уже быстрыми шагами на поприщѣ службы, и многихъ дружественныхъ одолженій, — ревностно способствовалъ мнѣ въ переводѣ курляндскихъ статутовъ,—работѣ, которою начались мои успѣхи. Имѣвъ тогда очень мало времени свободнаго, онъ съ настоящимъ самоотверженіемъ посвящалъ цѣлые дни на самый добросовѣстный просмотръ моихъ трудовъ, и ни тогда, ни послѣ, не напомнилъ мнѣ, ни самыми даже отдаленными намеками, о своихъ одолженіяхъ.

Барону Андрею Яковлевичу Бюллеру я обязанъ полученіемъ перваго моего штатнаго мѣста — переводчика въ общей канцеляріи министерства юстиціи,—на которое въ то время (въ 1818 г.) было очень много сильно покровительствуемыхъ кандидатовъ.

Ходатайству Эрнста Шепинга у покойной герцогини Виртембергской я обязанъ пожалованіемъ меня въ камеръ-юнкеры, — что́ тогда (въ 1823 г.) было несравненно труднѣе и важнѣе теперешняго.

Мнѣ не было еще 23 лѣтъ, и я занималъ маловажное мѣсто переводчика въ министерствѣ юстиціи, какъ вдругъ—не знаю до сихъ поръ, какъ это сдѣлалось, Николай Порфиріевичъ Дубенскій предложилъ мнѣ мѣсто начальника отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, которымъ онъ тогда управлялъ.—Переходъ былъ быстрый и внезапный, который вдругъ поставилъ меня на одну изъ высшихъ ступеней въ министерскомъ устройствѣ, познакомилъ и сблизилъ съ гр. Канкринымъ, далъ возможность чѣмъ-нибудь отличаться, открылъ путь къ наградамъ. Потомъ, во все трехлѣтнее служеніе мое подъ его начальствомъ, онъ осыпалъ меня всегда ласками, отличалъ меня передъ товарищами и пользовался всякимъ случаемъ дѣлать мнѣ добро; отзывами своими обо мнѣ онъ много содѣйствовалъ установленію моей репутаціи. Теперь онъ въ несчастіи, и я почелъ бы за высокое наслажденіе при измѣнившихся обстоятельствахъ быть ему въ чемъ-нибудь полезнымъ.

Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій любилъ и любитъ меня, какъ сына. Его отзывы на мой счетъ подкрѣпили и утвердили то, что началъ Дубенскій, и въ этомъ наиболѣе считаю я себя ему обязаннымъ. И теперь дружба этого почтеннаго старца мнѣ драгоцѣнна, хотя мы рѣдко видимся.

Отношенія мои къ графу Канкрину, къ М. М. Сперанскому и къ покойному князю Кочубею были всегда хорошими отношеніями подчиненнаго къ умнымъ начальникамъ. Всѣ три, а особенно два послѣдніе, исчерпывали до дна весь запасъ моего усердія и небольшихъ способностей, но за то и щедро награждали мои труды. Канкрину и Сперанскому я наиболѣе обязанъ за то доброе обо мнѣ мнѣніе, которое они внушили государю. Кн. Кочубей утвердилъ его.

17-го февраля. Я вступилъ въ такъ называемый большой свѣтъ уже поздно. Родители мои имѣли свой особенный ограниченный кругъ знакомства; здоровье батюшки и наклонность матушки къ уединенной жизни удаляли ихъ отъ всякихъ новыхъ связей. И прежде Лицея и послѣ выпуска оттуда, живя въ родительскомъ домѣ, я естественно держался того же круга и очень помню, что въ невинности моей не подозрѣвалъ даже, чтобы существовалъ еще какой-нибудь отдѣльный высшій кругъ, отверзтый только своимъ и закрытый для профановъ.

Два или три бала зимою во дворцѣ, на которыхъ я былъ тоже по службѣ; одинъ или два обѣда въ крѣпости у тогдашняго камендаита Сукина, стариннаго знакомца моихъ родителей; три или четыре семейныхъ праздниковъ, рожденій и именинъ у моихъ или у меня, гдѣ обѣдало нѣсколько короткихъ друзей и послѣ обѣда изрѣдка танцовали,— вотъ каковы были тогдашнія мои разсѣянія.

Эти воспоминанія болѣе всего относятся къ періоду съ 1827 по 1831 годъ. Я былъ уже тогда женатъ и жилъ въ Коломнѣ, у самой церкви Покрова на площади.

Съ 1831 г., т. е. со времени перехода моего въ Комитетъ министровъ, многое перемѣнилось. Я переѣхалъ ближе къ Зимнему дворцу, въ большую и дорогую квартиру, сталъ выѣзжать въ большой свѣтъ, который сдѣлался уже моимъ свѣтомъ.

Словомъ, мои привычки и образъ жизни совершенно измѣнились: я вступилъ уже болѣе или менѣе на чреду d'un grand seigneur.

Государь издавна меня считаетъ заносчивымъ; теперь можетъ быть меньше прежняго, но все еще это мнѣніе не совсѣмъ въ немъ истребилось. Когда, въ исходѣ 1834 года, меня предлагали въ государственные секретари, онъ отозвался, что подумаетъ еще объ этомъ, но прибавилъ:

— Корфа надобно держать въ рукахъ: онъ заносчивъ.

Это мнѣніе обо мнѣ часто заставляло меня скорбѣть.

Отчего же родилось такое мнѣніе государя? Теперь, повторяя свои дѣйствія до того времени, когда оно мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ (въ 1835 г.), вижу, что отъ причинъ довольно естественныхъ; вижу, что многое въ моихъ поступкахъ могло показаться ему заносчивостью. Они были плодъ или неосторожности или неопытности, или побужденій всегда чистыхъ, но не всегда довольно обдуманныхъ. Но не могу скрыть отъ самого себя, что государю они могли казаться не тѣмъ, что были, а тѣмъ, чѣмъ представлялись.

Я имѣлъ счастье сдѣлаться лично извѣстнымъ государю чрезъ работы во II отдѣленіи собственной канцеляріи по законодательной части, на которыя онъ обращалъ тогда самое заботливое вниманіе. Я первый

разъ представлялся государю въ іюлѣ 1827 года на Елагиномъ острову; съ того времени, послѣ самаго благосклоннаго пріема, онъ не переставалъ меня осыпать ласками и самыми милостивыми привѣтствіями.

Осенью 1833 года случилось, что князь Кочубей, живя въ Царскомъ Селѣ, продержалъ у себя нѣсколько долѣе срока посланный къ его подписанію журналъ Комитета, а оттого и я опоздалъ представленіемъ его государю. По этому случаю кн. Кочубей писалъ мнѣ изъ Царскаго Села 13-го октября:

«Бывъ у его величества, я сознался въ невинномъ упущеніи моемъ по случаю доставленія журнала Комитета министровъ не въ назначенное время. Его величество принять изволилъ милостиво объясненіе мое, и я имѣлъ удовольствіе слышать весьма лестный высочайшій отзывъ на счетъ вашъ; о чемъ вмѣняю въ пріятную для себя обязанность васъ не отлагая увѣдомить». Но въ чемъ именно состоялъ этотъ отзывъ, до меня никогда не дошло: ибо кн. Кочубей ни тогда, ни послѣ, ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ, а самъ я считалъ неумѣстнымъ его разспрашивать.

Въ мартѣ 1834 г. я былъ пожалованъ въ статсъ-секретари. Всѣхъ статсъ-секретарей государь всегда принимаетъ въ своемъ кабинетѣ; но я былъ принятъ, при общемъ представленіи, въ числѣ прочихъ. Впрочемъ, государь, какъ бывало и прежде, благодарилъ меня за труды мои и успѣшное движеніе дѣлъ Комитета въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Въ началѣ іюня 1834 года кн. Кочубей скончался, и Комитетъ цѣлый мѣсяцъ оставался безъ предсѣдателя.

При жизни кн. Кочубея я многократно представлялъ ему, что канцеляріи Комитета необходимъ свой врачъ, сколько для пользованія недостаточныхъ чиновниковъ, столько и для надзора, когда чиновники менѣе надежные сказываются больными; но князь, не отказывая прямо, всегда отклонялъ это подъ разными предлогами. Послѣ кончины князя, когда не было еще предсѣдателя, я послалъ объ этомъ докладную записку государю, основывая ходатайство мое на примѣрѣ всѣхъ министерскихъ департаментовъ. Но записка возвращена мнѣ 24-го іюня съ собственноручной его величества резолюціей: «обстоятельства сіи не могли не быть извѣстны покойному канцлеру (кн. Кочубею); однако, онъ мнѣ о томъ никогда не говорилъ; потому и не вижу достаточной причины вводить новое».

Въ концѣ августа того же года, когда опредѣленъ уже былъ предсѣдателемъ Комитета гр. Новосильцовъ, я представилъ государю о пособіи одному изъ чиновниковъ канцеляріи Комитета, постигнутаго стеченіемъ разныхъ случайныхъ несчастій и потерь. Въ этомъ непосредственномъ докладѣ я руководствовался какъ многократными прежними примѣрами, такъ и инструкціей управляющаго дѣлами Комитета, поста-

вляющею канцелярію въ прямое его подчиненіе, а его—въ прямое по всѣмъ дѣламъ сношеніе съ государемъ. Но докладная записка моя возвратилась съ высочайшей резолюціей: «Представьте на разсмотрѣніе предсѣдателя». Это и было исполнено, и хотя чиновникъ тотъ, по докладу гр. Новосильцова, получилъ болѣе еще, нежели я ожидалъ, но государь вѣроятно принялъ этотъ случай въ такомъ смыслѣ, что я отступилъ отъ порядка службы.

Какъ бы то ни было, но когда я узналъ мнѣніе государя о моей заносчивости, многое, что̀ прежде мнѣ казалось загадочнымъ, для меня объяснилось. Онъ не бесѣдовалъ со мною, не обращалъ на меня, такъ сказать, никакого вниманія въ публикѣ, для того, чтобы не поддержать или не усилить—моей заносчивости.

4-го декабря 1834 года послѣ присутствія Комитета министровъ и безъ всякаго особаго повода, гр. Чернышевъ сказалъ мнѣ: «Nous avons beaucoup causé aujourd'hui sur vous avec l'Empereur. Dommage que vous n'étiez pas caché dans quelque coin de la chambre pour entendre ce qui s'est dit sur votre compte» [1]).

Дальнѣйшихъ подробностей онъ не прибавилъ, а я не разспрашивалъ, впрочемъ, внутреннее сознаніе говорило мнѣ, что если я навлекъ на себя неудовольствіе государя всѣмъ вышеизложеннымъ, то онъ не можетъ однако не быть сколько-нибудь доволенъ моими трудами и ихъ результатами.

Потомъ, 6-го декабря, въ день именинъ государя, пріѣхавъ во дворецъ къ выходу, я былъ пораженъ совершенно внезапной вѣстью о моемъ перемѣщеніи изъ Комитета въ (Государственный) совѣтъ—перемѣщеніи въ высокой степени мнѣ польстившемъ, но къ которому я такъ мало былъ приготовленъ, что не вѣрилъ, слыша отъ 20-ти, 30-ти человѣкъ, пока не объявилъ мнѣ самъ гр. Новосильцовъ. Никого не просивши, не бывъ ни отъ кого предупрежденъ, я послѣ уже узналъ, что обязанъ этимъ гр. Новосильцову; но что прежде государь долго останавливался и совѣтовался съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ гр. Чернышевымъ (вѣроятно, 4-го декабря). Вечеромъ на балѣ государь подошелъ ко мнѣ и самымъ отрывистымъ тономъ, почти не взглянувъ на меня, сказалъ:

— Поздравляю: мнѣ нужно съ тобой переговорить; заѣзжай ко мнѣ въ воскресенье (это было въ четвергъ).

Въ воскресенье я явился во дворецъ къ обѣднѣ въ комитетскомъ еще мундирѣ. Государь, выходя изъ церкви, подошелъ прямо ко мнѣ и, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ:

---

[1]) Мы много говорили сегодня о васъ съ императоромъ.—Жаль, что вы не были спрятаны въ какомъ-нибудь углу комнаты, чтобы слышать, что говорилось на вашъ счетъ.

— Ты не успѣлъ еще перемѣнить формы и въ прежнемъ мундирѣ.

— Государь,—сказалъ я,—вашъ указъ завтра только объявится Государственному Совѣту.

Потомъ государь повернулъ меня и, осмотрѣвъ съ головы до ногъ, прибавилъ:

— Знаешь-ли что: мнѣ теперь некогда подробно съ тобой говорить, но пріѣзжай ко мнѣ завтра въ три часа.

Подробности этой первой въ моей жизни аудіенціи въ кабинетѣ государя, къ несчастію, мною тогда не записаны. Она продолжалась около четверти часа, и государь былъ чрезвычайно милостивъ: о заносчивости моей не было и отдаленнаго намека.

Съ этого времени государь вообще сдѣлался ко мнѣ гораздо ласковѣе; сталъ говорить со мной на балахъ, если и не всякій разъ, то по крайней мѣрѣ иногда сталъ принимать не на общихъ представленіяхъ, а въ своемъ кабинетѣ; а я съ моей стороны сдѣлался осторожнѣе: не безпокою его уже ни просьбами, ни безвременными представленіями.

На другой день гр. Новосильцовъ былъ у государя и объявилъ мнѣ, что его величество отзывался ему съ особеннымъ удовольствіемъ обо мнѣ и о нашемъ свиданіи. Графъ сказалъ мнѣ, что особенно радуется перемѣнѣ мыслей государя на счетъ такъ называемой моей заносчивости и что его величество между прочимъ отозвался, что съ удовольствіемъ видитъ, что я сдѣлался солиднѣе.

21-го февраля. До испанской революціи здѣсь былъ испанскимъ посланникомъ Паецъ-де-ла-Кадена, который такъ долго жилъ въ Россіи и такъ сдружился съ нашимъ климатомъ, что всегда почти безошибочно предсказывалъ погоду, не днями и недѣлями, а на цѣлое время года. Это составляло его главную славу въ нашихъ салонахъ. Въ Дрезденѣ, гдѣ онъ теперь живетъ безъ мѣста и безъ дѣла, я встрѣтился съ нимъ въ октябрѣ прошлаго года и, по старой привычкѣ, обратился къ нему съ вопросами о предстоящей погодѣ. Предвѣщаніе его и на этотъ разъ сбылось: онъ предсказалъ мнѣ самую суровую зиму, не только для насъ, но и для всей Европы. На самомъ дѣлѣ Сена, Темза и Рейнъ замерзли, какъ наша Нева; изъ Даніи ходятъ въ Швецію черезъ море пѣшкомъ. Въ Миланѣ было 5° морозу, въ Ліонѣ до 10-ти, въ Женевѣ до 20-ти, и все это, по послѣднимъ извѣстіямъ, продолжалось еще и въ февралѣ. У насъ декабрь, январь и частью февраль были ужасные, и всего не болѣе разу случилась оттепель. Теперь еще дни стоятъ самые ясные, но съ морозомъ въ тѣни отъ 10-ти до 15° и болѣе. Только въ Римѣ и Неаполѣ не было зимы, и всѣ зимніе мѣсяцы продолжалась самая благодатная весна.

22-го февраля. Въ Совѣтѣ хранятся чрезвычайно любопытные акты о первыхъ дняхъ, или, лучше сказать, минутахъ, восшествія на престолъ обожаемаго нашего государя.

Не зная, долго-ли еще пробуду въ Совѣтѣ и вообще, что впередъ будетъ, выпишу здѣсь сущность ихъ изъ журналовъ Совѣта, слѣдственно изъ такихъ источниковъ, которыхъ оффиціальность конечно уже неоспорима.

Не думаю, въ совѣсти моей, чтобы нарушилъ этимъ мои обязанности: во-1-хъ, тутъ только подробности такихъ событій, которыхъ сущность оглашена была самимъ правительствомъ во всемірное извѣстіе; во 2-хъ, тутъ все такъ высоко и велико, что сердце русское радуется, и только мелочныя понятія о канцелярской тайнѣ могли бы оскорбиться снятіемъ покрова съ этихъ дивныхъ дѣлъ и, въ 3-хъ, я записываю это для себя и только исключительно для себя: потому что никто и не подозрѣваетъ, чтобы я велъ свой дневникъ.

Вѣсть о кончинѣ императора Александра достигла въ Петербургъ утромъ 27-го ноября 1825 г. Въ тотъ же день въ два часа по полудни, члены Государственнаго Совѣта собрались въ чрезвычайное собраніе и первымъ долгомъ почли исполнить волю покойнаго государя.

Согласно тому, предсѣдатель (кн. П. В. Лопухинъ) поручилъ правившему должность государственнаго секретаря (А. Н. Оленину) принести въ собраніе хранившійся въ архивѣ, за замкомъ и за печатью предсѣдателя, пакетъ, присланный отъ покойнаго государя, 16-го августа 1823 года, собственноручно имъ надписанный на имя Оленина. Въ этомъ пакетѣ былъ другой, на имя кн. Лопухина, а въ семъ последнемъ, запечатанный пакетъ съ собственноручною надписью государя. «Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины, прежде всякаго другаго дѣйствія, раскрыть въ чрезвычайномъ собраніи Совѣта».

Во исполненіе сей высочайшей воли, пакетъ, по прочтеніи надписи и по освидѣтельствованіи цѣлости печати, былъ тутъ же вскрытъ Олениномъ, и въ немъ оказались извѣстные, послѣ того напечатанные, акты о наслѣдіи престола и объ отреченіи великаго князя Константина Павловича.

По выслушаніи членами,—какъ сказано въ журналѣ,—«съ надлежащимъ благоговѣніемъ, съ горестными и умиленными сердцами, послѣдней воли» императора Александра, членъ Совѣта гр. Милорадовичъ (тогдашній петербургскій военный генералъ-губернаторъ) объявилъ собранію, что великій князь Николай Павловичъ торжественно отрекся отъ права, предоставленнаго ему манифестомъ, и первый уже «присягнулъ на подданство его величеству государю императору Константину Павловичу».

*

Когда члены Совѣта, вслѣдствіе этого, обратились къ гр. Милорадовичу съ просьбой исходатайствовать у великаго князя дозволеніе Совѣту явиться предъ лицо его высочества, дабы «удостоиться слышать изъ собственныхъ его устъ непреложную его по сему предмету волю», то они приглашены были великимъ княземъ въ бывшія комнаты великаго князя Михаила Павловича, и тутъ онъ всему Совѣту изустно подтвердилъ: «что ни о какомъ другомъ предложеніи слышать не хочетъ, какъ о томъ только, чтобы учинить вѣрноподданническую присягу государю императору Константину Павловичу, какъ то онъ самъ уже учинилъ; что бумаги, нынѣ читанныя въ Совѣтѣ, ему давно извѣстны и не колебали его рѣшимости, а потому, кто истинный сынъ отечества, тотъ немедленно послѣдуетъ его примѣру». Послѣ сего, по усиленной просьбѣ членовъ, его высочество, прочитавъ раскрытыя въ собраніи Совѣта бумаги, поспѣшилъ предложить членамъ идти въ придворную церковь для учиненія надлежащей присяги на вѣрное подданство государю императору Константину Павловичу.

Вслѣдствіе сего, министръ юстиціи донесъ великому князю, что, какъ онъ имѣетъ въ Сенатѣ бумаги, подобныя тѣмъ, которыя хранились въ Совѣтѣ, то уже не будетъ раскрывать ихъ въ Сенатѣ. Потомъ всѣ члены пошли вслѣдъ за великимъ княземъ въ придворную церковь. Во время принесенія ими присяги, великій князь оставался въ церкви. Наконецъ, по его приглашенію, Совѣтъ былъ введенъ въ собственныя комнаты государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, гдѣ при ней была и вся августѣйшая фамилія.

«Государыня императрица,—продолжаетъ далѣе журналъ,—не смотря на жестокую свою печаль, почла нужнымъ объявить членамъ Совѣта, что бумаги, нынѣ въ собраніи онаго читанныя, ея величеству извѣстны; что все сіе было учинено по добровольному желанію самого цесаревича; но что она должна по всей справедливости согласиться на подвигъ великаго князя Николая Павловича. Въ заключеніе ея величество подтвердила членамъ Совѣта служить вѣрою и правдою».

Все это было записано въ журналѣ, съ котораго списокъ положено представить «государю императору Константину Павловичу».

Спустя двѣ недѣли послѣ этого,—достопамятныя двѣ недѣли, которыя всѣ мы провели въ какомъ-то смутномъ ожиданіи,—13-го декабря члены Совѣта собрались въ секретное засѣданіе, по особымъ повѣсткамъ, въ 8 час. вечера, и были приглашены кн. Лопухинымъ къ ожиданію въ это засѣданіе личнаго присутствія великихъ князей—Николая Павловича вмѣстѣ съ Михаиломъ Павловичемъ, котораго возвращенія въ столицу ожидали въ самомъ скоромъ времени.

Въ 12-мъ часу ночи, первый приказалъ объявить Совѣту, что, какъ Михаилъ Павловичъ еще не скоро, можетъ быть, пріѣдетъ, а дѣло, ко-

торое его высочество имѣетъ объявить, не терпитъ отлагательства, то онъ рѣшился прибыть немедленно въ собраніе Совѣта, что̀ и было вслѣдъ за тѣмъ исполнено.

Отсюда я начну уже говорить подлинными словами журнала, съ сокращеніемъ лишь титуловъ.

«Его высочество, по прибытіи въ Совѣтъ, занявъ мѣсто предсѣдателя и призвавъ благословеніе Божіе, началъ самъ читать манифестъ о принятіи имъ императорскаго сана, вслѣдствіе настоятельныхъ отреченій отъ сего высокаго титула великаго князя Константина Павловича. Совѣтъ, по выслушаніи сего манифеста въ глубокомъ благоговѣніи и по изъявленіи въ молчаніи нелицемѣрной вѣрноподданнической преданности новому своему государю императору, обратилъ опять свое вниманіе на чтеніе его величествомъ всѣхъ подлинныхъ приложеній, объясняющихъ дѣйствія ихъ императорскихъ высочествъ. Послѣ сего государь императоръ повелѣлъ правящему должность государственнаго секретаря прочесть вслухъ отзывъ великаго князя Константина Павловича на имя предсѣдателя Совѣта кн. Лопухина.

«По прочтеніи сего отзыва, его величество изволилъ оный взять къ себѣ обратно, и, вручивъ министру юстиціи читанные его величествомъ манифестъ и всѣ къ нему приложенія, повелѣть соизволилъ немедленно къ исполненію и къ напечатанію оныхъ во всенародное извѣстіе. Послѣ чего его величество, всемилостивѣйше привѣтствовавъ членовъ Совѣта, изволилъ засѣданіе онаго оставить въ исходѣ 1-го часа ночи. Положено: о семъ знаменитомъ событіи записать въ журналъ, для надлежащаго свѣдѣнія и храненія въ актахъ Государственнаго Совѣта; при чемъ положено также сегодня, т. е. 14-го декабря, исполнить вѣрноподданническій обрядъ, произнесеніемъ присяги предъ лицомъ Божіимъ, въ вѣрной и непоколебимой преданности государю императору Николаю Павловичу, что̀ и было членами Совѣта и правящимъ должность государственнаго секретаря исполнено въ дворцовомъ большомъ соборѣ».

На этомъ журналѣ сверху надписано: «утверждаю. Николай». Подписанъ онъ 22-мя членами (5 мѣстъ оставлено въ пробѣлѣ), изъ которыхъ теперь, черезъ 12 лѣтъ, въ живыхъ только 9. Младшимъ былъ тогда М. М. Сперанскій.

Кромѣ этого, государь въ свое царствованіе былъ въ Совѣтѣ еще два раза: 21-го декабря 1829 года, при разсмотрѣніи дѣла о пониженіи банковыхъ процентовъ, и 19-го января 1833 года, при разсужденіяхъ о введеніи въ дѣйствіе Свода законовъ. По послѣднему вопросу государь самъ открылъ засѣданіе, изъясняя, что прежде, нежели приступлено будетъ къ сужденію о предметѣ, для коего Совѣтъ собранъ, онъ

желаетъ изложить ходъ дѣла, поелику сіе относилось къ дѣйствію, собственно отъ него зависѣвшему.

Далѣе государь продолжалъ, что, при самомъ восшествіи на престолъ, онъ счелъ долгомъ обратить вниманіе на разныя части управленія, о коихъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія.

Первый предметъ, къ коему его величество, по важности онаго, устремилъ все вниманіе свое, было правосудіе. Его величество въ самой молодости своей слышалъ о недостаткахъ у насъ въ ономъ, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о неимѣніи полныхъ законовъ, или о смѣшеніи оныхъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко одинъ другому противорѣчащихъ. Сіе побудило его съ первыхъ дней его правленія разсмотрѣть, въ какомъ состояніи находится коммиссія, для составленія законовъ учрежденная. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили его, что труды коммиссіи сей не имѣли никакихъ послѣдствій. Не трудно было открыть, что сіе происходило главнѣйше отъ того, что всегда обращались къ составленію новыхъ законовъ, а не къ основанію на твердыхъ началахъ старыхъ. Посему, онъ призналъ за благо прежде всего опредѣлить, къ чему по законодательству правительство должно направлять виды свои, и, вслѣдствіе того, обратился къ началамъ, противнымъ тѣмъ, коими прежнія коммиссіи руководствовались, т. е. чтобы не созидать новыхъ законовъ, но собрать и привести въ порядокъ старые».

За симъ государь, означивъ въ главныхъ чертахъ данный имъ для совершенія сего труда планъ учрежденія для онаго въ собственной его канцеляріи особаго (II-го) отдѣленія и личное свое въ этомъ дѣлѣ участіе, упомянулъ еще о помѣщенныхъ въ сводѣ основныхъ законахъ, собственно до него и до августѣйшей его фамиліи относящихся.

Всѣмъ извѣстны,—продолжалъ онъ,—разныя превращенія, въ наслѣдствѣ престола происходившія; блаженныя памяти родитель его установилъ первый на твердыхъ основаніяхъ права наслѣдія и издалъ учрежденіе объ императорской фамиліи, которое, такъ сказать, освятилъ, положивъ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ. Такъ, императоръ Александръ I-й дополнилъ постановленія сіи, когда великій князь Константинъ Павловичъ сочетался бракомъ съ княгинею Ловичъ. Такъ, самъ онъ дополнилъ узаконенія сіи, постановленіемъ о правителѣ государства,—акты, кои также освящены тѣмъ, что тамъ же, гдѣ и первые императора Павла I-го находятся. Государь счелъ нужнымъ сіи основные законы, впрочемъ, уже давно изданные и всѣмъ извѣстные, соединить нынѣ вмѣстѣ.

Достопамятная рѣчь эта, которая въ журналѣ отмѣчена только въ краткихъ очеркахъ, продолжалась около часу. Государь говорилъ,—какъ

всѣ очевидцы единогласно отзываются,—съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. М. М. Сперанскій,—которому государь тутъ же надѣлъ снятую съ самого себя Андреевскую звѣзду,—сказывалъ мнѣ послѣ, что онъ говорилъ, какъ профессоръ.

Это засѣданіе имѣло послѣдствіемъ указъ 27-го января 1833 года и обнародованіе Свода, съ тою силой исключительнаго и общаго закона, которую онъ теперь имѣетъ.

24-го февраля. Сегодня хоронили жену знаменитаго нашего банкира и богача Штиглица. Это тоже можно записать въ число происшествій, потому что на похоронахъ было, я думаю, каретъ полтораста.

Вчерась я обѣдалъ у гр. Новосильцова втроемъ съ М. М. Сперанскимъ. Но тутъ больше имѣлся въ виду не обѣдъ (впрочемъ, славный, какъ всегда у Новосильцева), а переговоръ по дѣлу, всѣхъ насъ теперь много занимающему. Это проектъ учрежденія С.-Петербургской полиціи, огромное, многосложное, но вмѣстѣ и очень незрѣлое твореніе, составленное въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго. Сперва принялись было читать его въ Совѣтѣ отъ доски до доски, но увидѣли, что такъ конца не будетъ и что при томъ дѣло слишкомъ важно, чтобы довольствоваться однимъ поверхностнымъ слушаніемъ скораго и не всегда внятнаго чтенія. Поэтому испросили высочайшее повелѣніе весь проектъ напечатать и разослать къ членамъ для представленія ихъ замѣчаній письменно. Такихъ замѣчаній поступило устрашающее множество, и не на однѣ подробности, а на самыя основанія проекта.

Мы составили изъ нихъ сводъ и начали докладывать въ прошлый понедѣльникъ, но не тутъ-то было. Никто изъ членовъ не захотѣлъ останавливаться на мелочахъ, и всѣ требовали, чтобы прежде рѣшить основные, такъ сказать, жизненные вопросы дѣла, которые Сперанскій хотѣлъ отложить до конца частныхъ замѣчаній. Споры по обыкновенію были безпорядочные и шумные; но такого сильнаго нападенія я давно въ Совѣтѣ не помню. Бѣдный Сперанскій, утомленный нескончаемымъ преніемъ, долженъ былъ уступить, и въ слѣдующее засѣданіе дѣло отъ частностей перейдетъ уже къ общимъ началамъ. Вчерашнее совѣщаніе наше у гр. Новосильцова имѣло предметомъ установленіе этихъ началъ, и Сперанскій частью добровольно, а частью склоняясь на наши убѣжденія, согласился все то, что возбудило споры въ Совѣтѣ, т. е. гораздо болѣе важнѣйшей половины проекта изъ него исключить.

— Уступаю,—сказалъ онъ намъ,—не по убѣжденію въ томъ, чтобы мои предположенія были дурны, но потому, во 1-хъ, что у насъ вообще мало, а въ полиціи и совсѣмъ нѣтъ людей, способныхъ вразумиться въ новыя правила и достойнымъ образомъ исполнять ихъ, и во 2-хъ, чтобы

избѣжать нареканія, если дѣло пойдетъ худо: ибо неуспѣхъ отнесутъ, конечно, не къ исполнителямъ, какъ бы слѣдовало, а къ недостаткамъ самого закона, сколько бы ни былъ онъ хорошъ.

— Вообще,—продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ,—не намъ уже въ наши лѣта писать законы: пишите вы, а наше дѣло будетъ только обсуживать. Я слишкомъ уже старъ и чтобы писать и чтобы отстаивать написанное, а всего тяжче то, что пишешь съ увѣренностью не дожить до плода своихъ трудовъ.

И такъ этотъ проектъ, надѣлавшій столько тревоги и въ Совѣтѣ и въ публикѣ, въ будущій понедѣльникъ вѣроятно лопнетъ, какъ мыльный пузырь. И слава Богу: тутъ не полиція учреждается для жителей, а нѣкоторымъ образомъ жители предполагаются существующими для полиціи. Весь проектъ въ настоящемъ его видѣ былъ бы источникомъ къ безконечнымъ притѣсненіямъ со стороны даже самыхъ мелкихъ полицейскихъ клевретовъ, а отъ сего къ безконечнымъ неудовольствіямъ и жалобамъ, отголосокъ коихъ, къ несчастію, ложится постепенно и на высшее правительство. Это самое, со всею вѣрноподданническою преданностью и искренностью, говорилъ я на-дняхъ и великому князю Михаилу Павловичу, при бесѣдѣ его со мною объ этомъ злополучномъ проектѣ.

25-го февраля. Вчерась былъ у графини Разумовской раутъ, настоящій лондонскій, тѣсный, удушливый раутъ, гдѣ все кипѣло народомъ отъ первой ступеньки лѣстницы, и гдѣ на-силу можно было пробраться до хозяйки, чтобы отдать ей поклонъ, и потомъ исчезнуть въ толпѣ, или и тотчасъ уѣхать домой, какъ многіе дѣлали. Тутъ были и государь съ императрицею, и великій князь Михаилъ Павловичъ съ супругою. Государь говорилъ со мною очень ласково. Главнымъ предметомъ нашей бесѣды было то, много-ли мы успѣли надѣлать въ Совѣтѣ въ сегодняшнее утро. Я отвѣчалъ, что засѣданія совсѣмъ не было.

— Какъ же во вторникъ гр. Новосильцовъ мнѣ сказалъ, что будетъ, а я считалъ, что непремѣнно и нужно, потому что теперь полицейское дѣло беретъ много времени и спасно, чтобы не остановить текущія дѣла.

Я объяснилъ на это, что полицейскому дѣлу засѣданія до будущаго понедѣльника ни въ какомъ случаѣ быть не могло, потому что М. М. Сперанскій вызвался приготовить по возникшимъ вопросамъ нѣкоторыя объясненія; что текущимъ дѣламъ остановки не будетъ, ибо мы начинаемъ ими каждое засѣданіе, пока соберутся всѣ члены и что такимъ же образомъ было и въ прошлый понедѣльникъ, въ который засѣданіе продолжалось до 4-го часу.

— Да, просидѣли долго,—сказалъ государь,—да ничего не надѣлали.

Впрочемъ, объясненія М. М. уже готовы; онъ былъ у меня сегодня утромъ и ихъ читалъ.

26-го февраля. На-дняхъ умеръ уніатскій митрополитъ Булгакъ[1]).

1-го марта. Опять лѣтопись смерти: на-дняхъ умерли архимандритъ Юрьевскаго монастыря (у Новгорода) Фотій и графъ Медемъ въ Митавѣ. Сынъ простаго дьячка въ Новгородской губерніи, Фотій обязанъ всѣмъ, что онъ былъ, самому себѣ. Жизнь его была жизнь истиннаго отшельника, преисполненная отреченій и добрыхъ дѣлъ: всѣ бѣдные монастыри и церкви новгородскія получали отъ него щедрыя пособія, и онъ явно и тайно благотворилъ тоже многимъ частнымъ лицамъ. И при всемъ томъ онъ былъ почти ненавидимъ въ публикѣ: всѣ его хулили, называли іезуитомъ, тонкимъ проныройй, а когда дѣло шло о доказательствахъ, ихъ ни у кого не было. Я познакомился съ нимъ лично лѣтомъ 1830 г., бывъ съ матушкой въ Новгородѣ на богомольѣ. Пріемъ его всѣмъ и каждому былъ пріемъ высокомѣрнаго прелата, гордаго своимъ саномъ, а можетъ быть и своимъ богатствомъ; но за то и принимаемы были всѣ равно: и женщинъ, и мужчинъ безъ разбора званій, онъ привѣтствовалъ простымъ «ты». Не отъ этого-ли и не жаловали его наши магнаты? Но сквозь эту грубую оболочку просвѣчивали искры свѣтлаго ума, поэзіи, даже чего-то геніальнаго. Тѣ полчаса, которые я съ нимъ провелъ, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Помню и теперь нѣсколько словъ его бесѣды, относящейся къ иноческой жизни.

— Мы (монахи) и денно, и нощно, и всякую минуту нашей жизни,— говорилъ онъ,—уподобляемся воинамъ, борющимся со своими врагами; должны, какъ они, быть на всегдашней стражѣ, если не противъ внѣшнихъ, то противъ опаснѣйшихъ еще внутреннихъ враговъ — нашихъ страстей; и горе изнемогающему! Потому тѣ, которые называютъ насъ

---

[1]) Іосафатъ Булгакъ, бывшій съ 1787 года суффраганомъ и коадъюторомъ епископства пинскаго и туровскаго, въ 1798 году, при преобразованіи устройства уніатской церкви, возведенъ былъ въ епископы брестскіе, а въ 1814 году въ митрополиты греко-уніатскихъ церквей въ Россіи. Онъ былъ воспитанъ въ римской коллегіи пропаганды и тамъ въ 1785 году посвященъ въ уніатскіе священники. Подъ конецъ своей жизни, по старости, онъ былъ почти совсѣмъ устраненъ отъ управленія дѣлами и, живя въ Петербургѣ, пользовался однимъ почетнымъ титуломъ. Онъ умеръ въ глубокой старости. Память его особенно уважается католиками за настоятельное сопротивленіе возсоединенію уніатовъ, которое и совершилось уже, какъ извѣстно, послѣ его смерти.

праздно любцами, тунеядцами, горько ошибаются. Если бы было истинно такъ, то неужели въ многолюдномъ населеніи Россіи не нашлось бы болѣе охотниковъ къ монашеской жизни?

Тутъ онъ раскрылъ исторію Россійской іерархіи и въ доказательство своихъ словъ указалъ мнѣ, что всѣхъ монашествующихъ обоего пола у насъ не болѣе пяти тысячъ.

— Дай пройти еще одному, двумъ десятилѣтіямъ, — продолжалъ онъ,— и увидишь, что съ увеличеніемъ суеты мірской, никто уже не будетъ искать этой хваленой жизни, обители наши опустѣютъ, и однѣ наши могилы напомнятъ, что были люди, работавшіе Богу молитвою и отреченіемъ. Но лучше-ли будетъ оттого, что на фабрикахъ вашихъ, или въ рядахъ войскъ или въ палатахъ, станетъ лишнихъ 5000 человѣкъ, которые прежде усердно на раменахъ своихъ несли бремя вашихъ прегрѣшеній; что закроютъ эти спасительныя убѣжища труждающихся духомъ, растерзанныхъ бѣдствіями и треволненіями жизни; что желающій обречь себя Богу не найдетъ больше нигдѣ тихаго пристанища отъ житейскаго моря?

Таковы были его мысли, но не могу передать краснорѣчія словъ, которыми онъ выражалъ ихъ въ вдохновенной бесѣдѣ.

Надменное высокомѣріе Фотія проявлялось при всякомъ случаѣ, и только сильнымъ покровительствомъ гр. Аракчеева можно объяснить, какъ выносили его современники. Въ двадцатыхъ годахъ, когда онъ былъ въ апогеѣ своего значенія, на экзаменѣ въ здѣшней духовной академіи, онъ шелъ съ кн. А. Н. Голицынымъ къ завтраку, какъ вдругъ одинъ маленькій чиновникъ, зайдя сбоку, подошелъ подъ его благословеніе; но Фотій отшибъ съ презрѣніемъ поднятую къ нему руку, продолжалъ, не оглянувшись, свой путь. На томъ же экзаменѣ, Сперанскій въ лентѣ и звѣздахъ, подошелъ тоже къ его благословенію.

— Кто ты? Я тебя не знаю,—отвѣчалъ ему, съ тономъ высшаго пренебреженія и отвернувшись, дерзкій архимандритъ.

И Сперанскій, смущенный въ высшей степени, долженъ былъ назвать себя по имени.

— А, ты Сперанскій: ну, Христосъ съ тобою!—И, перекрестивъ его и давъ поцѣловать свою руку, онъ не прибавилъ ни слова въ извиненіе.—Оба эти анекдота разсказывалъ мнѣ очевидецъ, директоръ канцеляріи министра императорскаго двора Панаевъ.

При смерти его присутствовали три дамы: гр. Орлова (которую онъ называлъ всегда: «сестра Анна» или просто «Анна»), Державина, вдова знаменитаго поэта, и старая дѣвица Жадовская. Сверхъ нихъ находился еще тутъ кн. Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), коего родной братъ былъ монахомъ въ томъ же монастырѣ (извѣстный монахъ Аникита).

2-го марта. Сперанскій года два занимался уже съ наслѣдникомъ наукой законодательства и администраціи.

Теперь государь предложилъ гр. Канкрину заниматься съ нимъ финансами и политической экономіей. Такимъ образомъ первые два государственные человѣка наши получили новое, высокое призваніе.

Геній ихъ довершитъ то блестящее по всѣмъ частямъ воспитаніе, которое дано русскому царевичу.

Гр. Канкринъ разсказывалъ мнѣ, что ѣздитъ къ наслѣднику два раза въ недѣлю, и читаетъ ему свои тетради о высшихъ видахъ финансоваго управленія и о финансовой статистикѣ не только Россіи, но и всей Европы,—тетради, которыя онъ теперь же пишетъ по мѣрѣ того, какъ подвигаются его лекціи.

9-го марта. Возобновленіе Зимняго дворца[1]) или по крайней мѣрѣ приготовленія къ возобновленію идутъ очень успѣшно. Кругомъ дворца со всѣхъ сторонъ выросъ цѣлый городъ: это жилье для рабочихъ, складки для матеріаловъ и проч.

На цѣломъ дворцѣ наведена временная деревянная крыша. Вся внутренность и часть наружности уставлена лѣсами и подмостками. При скорости ихъ построенія не могло обойтись и безъ несчастій. На-дняхъ нѣкоторые лѣса обвалились: два человѣка убито до смерти, а шестерыхъ отвезли въ больницу полумертвыми. Къ счастью, что это случилось въ воскресенье и отъ того было не много людей на работѣ.

9-го марта. Сегодня императрица въ первый разъ была въ Артиллерійскомъ училищѣ вмѣстѣ съ государемъ, наслѣдникомъ, съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ и съ двумя старшими великими княгинями. Они пробыли тамъ около часу и осматривали всѣ подробности.

Императрица тутъ же выпросила всевозможныя милости у государя. Состоявшіе подъ наказаніемъ прощены, арестованные выпущены и проч. Всѣхъ воспитанниковъ распустили гулять на два дня.

12-го марта. Вчерась я былъ у в. кн. Михаила Павловича съ нѣкоторыми совѣтскими бумагами, и сидѣлъ у него по обыкновенію предолго. Я высоко цѣню благорасположеніе ко мнѣ этого истинно добраго, благороднаго, благонамѣреннаго человѣка, любящаго Россію столь же пламенно, сколько онъ безусловно преданъ своему брату. Онъ всегда со мной чрезвычайно откровененъ, а я съ нимъ говорю гораздо смѣлѣе и искреннѣе, чѣмъ со всѣми нашими вельможами: положеніе его такъ высоко, такъ отчуждено отъ мелочныхъ интересовъ и соображеній людей

---

[1]) Послѣ пожара.

частныхъ, въ какой бы степени они ни были поставлены, что тутъ отважно можно высказывать разныя истины, которыя передать другому призадумаешься. Вотъ главные моменты нашей вчерашней бесѣды:

Была рѣчь о предсѣдателѣ Совѣта гр. Новосильцовѣ.

— C'est un homme d'esprit, de lumières et tout-à-fait bienintentionné,— сказалъ я,—ce qui lui manque peut être c'est le don de la parole et celui de maîtriser la discussion.

— Dites plutôt,—отвѣчалъ онъ,—le don d e l a p o l i c e; il ne peut pas faire taire ces messieurs et leur inspirer un peu plus de respect pour la charge qui leur est confiée. Aussi voyez combien au milieu de leur bavardage il est difficile de saisir leurs affaires ou bonnement de suivre le fil de la lecture» [1]).

— При всемъ томъ,—продолжалъ онъ,—страшное бы было затрудненіе кѣмъ-нибудь его замѣнить. Я съ этимъ совершенно согласился, но возразилъ, что въ городѣ неоднократно носился слухъ, что займетъ его мѣсто его высочество.

— Никакъ,—отвѣчалъ онъ. Я не довольно знаю дѣла, не довольно опытенъ и не рѣшился бы принять этой важной должности.

— Однако же,—сказалъ я,—сколько важныхъ жизненныхъ для Россіи дѣлъ рѣшено еще въ послѣднее время по указаніямъ и мнѣнію вашего высочества; безъ вашей энергіи, безъ вашей высокой привязанности къ Россіи, было бы, можетъ быть, далеко не то.

Отъ этого натурально перешелъ разговоръ къ проекту новаго образованія С.-Петербургской полиціи, этому вредному дѣлу, отклоненіемъ котораго мы точно обязаны великому князю.

— Не могу не отдать при этомъ случаѣ справедливости Сперанскому,—сказалъ онъ: согласитесь, что и прочесть эту огромную книгу надобно было мѣсяцъ, а каково же написать. И при всемъ томъ, когда мы указали вредъ, могущій отъ нея произойти, онъ avec une abnégation complète de soi même, охотно уступилъ и пожертвовалъ пользѣ общей своимъ огромнымъ трудомъ, можетъ быть, своимъ убѣжденіемъ, безъ споровъ безъ mauvaise humeur. И вспомните, что ему подъ 70 лѣтъ, что слѣдственно для него уже нѣтъ будущности, что это можетъ быть была его лебединая пѣснь. Это отреченіе поставило его еще выше въ моихъ мысляхъ, и я желалъ бы, чтобы онъ увѣрился, что если я вся-

---

[1]) «Это человѣкъ умный, просвѣщенный и совершенно благонамѣренный»—сказалъ я—«чего ему, быть можетъ, не хватаетъ, это дара слова и способности управлять преніями».

— «Скажите лучше»—отвѣчалъ онъ—«полицейскихъ способностей, онъ не можетъ заставить этихъ господъ молчать и внушить имъ нѣсколько большее уваженіе къ занимаемому имъ посту. Посмотрите, какъ поэтому трудно среди ихъ болтовни уловить суть ихъ дѣлъ или, просто, слѣдить за нитью чтенія».

чески оспаривалъ его работу, по убѣжденію въ ея вредѣ, то ничего не имѣю противъ его лица.

Тутъ онъ сравнилъ Сперанскаго съ гр. Канкринымъ и отдалъ предпочтеніе первому въ томъ, что онъ дѣйствуетъ безъ страстей, тогда какъ послѣдній увлекается упрямствомъ, сердясь и осуждая каждаго, кто не согласится съ его мнѣніемъ, и употребляя даже для убѣжденія косвенныя угрозы: «что объ этомъ предваренъ государь, что противное будетъ ему непріятно и пр.».

— По мнѣ,—продолжалъ онъ,—въ этомъ случаѣ все равно: я дѣйствую по своей совѣсти и по своей присягѣ; говорю, какъ вижу и какъ думаю, не входя ни въ какія постороннія соображенія. Мы поставлены, чтобы говорить государю правду, хотя бы она могла возбудить временно гнѣвъ. Прикажетъ, и наше дѣло слѣпо повиноваться; но пока не прикажетъ, мы должны смѣло и откровенно выговаривать, какъ бы намъ казалось бы полезнымъ, чтобы онъ приказалъ.

Была рѣчь и о знаменитомъ въ свое время проектѣ закона о состояніяхъ, который въ 1830 г. былъ предложенъ Совѣту и отвергнутъ главнѣйше по настояніямъ великаго князя.

— Я дѣйствовалъ противъ этого проекта по мѣрѣ своихъ силъ,—сказалъ онъ, потому что видѣлъ въ немъ готовые элементы революціи. И сообразите обстоятельства: въ іюлѣ 1830 года произошла французская революція, въ сентябрѣ—бельгійская, въ ноябрѣ—варшавская; намъ этотъ проектъ предложенъ былъ въ предшествовавшемъ апрѣлѣ; пока бы его обнародовали и онъ отозвался во всѣхъ частяхъ широкой нашей Россіи, прошло бы нѣсколько мѣсяцевъ, и наконецъ къ исходу года мы тоже бы созрѣли къ мятежу, какъ созрѣла послѣ Франція, Бельгія и Польша. Князь Кочубей и Сперанскій сперва крѣпко сѣтовали на меня за мою оппозицію, но потомъ, думаю, сами убѣдились, что она была не безполезна.

Между разговорами о государственныхъ нашихъ установленіяхъ великій князь сказалъ:

— Крѣпко ошибаются иностранцы въ мысляхъ своихъ о Россіи. Tandis que toutes les nations de l'Europe barbottent dans la théorie des idées libérales, nous jouissons en plein du libéralisme dans son application pratique [1]). Если насъ жмутъ исправники, на которыхъ есть судъ, то тѣхъ жмутъ гораздо больше самовластныя палаты, на которыя нѣтъ расправы. Но гдѣ, скажите, есть такое муниципальное правленіе, какъ у насъ? гдѣ во всѣхъ степеняхъ суда и полиціи есть

---

[1]) Между тѣмъ, какъ всѣ народы Европы копаются въ либеральныхъ теоріяхъ, мы въ полной мѣрѣ пользуемся либерализмомъ въ его практическомъ примѣненіи.

выборные отъ всѣхъ сословій? гдѣ солдатъ, поступившій изъ моихъ крѣпостныхъ людей, можетъ черезъ годъ сдѣлаться мнѣ равнымъ и имѣть самъ крѣпостныхъ людей? Въ Австріи графиню Бубна, жену знаменитаго воина, администратора, писателя, не пускали во всю жизнь ко двору потому, что она была не дворянскаго происхожденія, а мужъ при всѣхъ историческихъ своихъ заслугахъ не могъ передать ей своего состоянія!

Наконецъ, между многимъ другимъ великій князь упомянулъ, сколько онъ благодаренъ за то, что посаженъ въ Совѣтъ.

— Здѣсь только,—сказалъ онъ,—могъ я познакомиться съ людьми и съ игрою страстей,—вещь, отъ которой безъ того всегда отдалило бы меня мое положеніе. Я тутъ узналъ и цѣну людей.

Жаль, что въ Россіи мало знаютъ великаго князя, и что часто самъ онъ скрываетъ себя подъ какимъ-то покровомъ мелочей, особенно во всемъ, относящемся до военной службы.

5-го апрѣля. Умеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, и занемогъ опасно нашъ графъ Новосильцовъ; болѣзнь его еще въ самомъ разгарѣ и нельзя сказать ничего рѣшительнаго. У насъ по статсъ-секретарству новый товарищъ князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ, состоявшій долго при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, въ особой милости, человѣкъ добрый, умный и образованный.

7-го апрѣля. Графу Новосильцову не лучше. Вопросъ, кому исправлять его должность временно до рѣшенія большаго вопроса о томъ: кто совсѣмъ заступитъ его мѣсто?

По общему порядку, въ отсутствіи предсѣдателя Совѣта или въ его болѣзни, должность его занимаетъ, если не послѣдуетъ особаго назначенія, старшій изъ предсѣдателей департаментовъ. Теперь здѣсь на лицо старшій князь Варшавскій, но только на нѣсколько дней, а за нимъ слѣдуетъ графъ Литта, къ которому я и обратился.

10-го апрѣля. Только три дня и сколько происшествій! Съ 7-го числа вечера графу Новосильцову гораздо сдѣлалось хуже; по желанію семейства его исповѣдовали и причащали въ полупамяти; 8-го утромъ посланному моему отвѣчали, что доктора произнесли уже смертный приговоръ и что онъ не переживетъ дня. Въ то же утро я былъ у графа Орлова и, по общему городскому слуху и разнымъ намекамъ государя, мы заключили, что предсѣдателемъ будетъ Сперанскій.

Въ 6 часовъ послѣ обѣда мнѣ дали знать о кончинѣ графа Новосильцова [1]).

Мнѣ хотѣлось, чтобы погребеніе предсѣдателя сдѣлано было со всѣмъ приличіемъ и вмѣстѣ, чтобы Огаревы [2]) не истратили на него последнее, что у нихъ есть. Поэтому отъ государя я проѣхалъ прямо къ министру финансовъ, больше за совѣтомъ, что дѣлать, чѣмъ съ просьбой. Но графъ Канкринъ, съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ, пошелъ дальше меня и совѣтовалъ, чтобы Огаревы обратились къ нему письменно съ просьбой о пособіи, а онъ тотчасъ представитъ объ этомъ государю. Но Огаревы на предложеніе мое рѣшительно отказались: покойный во всю жизнь свою никогда ничего не просилъ, и потому они рѣшаются лучше продать или заложить, что можно, чѣмъ просить о пособіи послѣ его смерти.

Сегодня я являлся уже въ полной формѣ къ новому моему предсѣдателю (графу Васильчикову), съ которымъ впрочемъ состою уже семь лѣтъ въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ, сперва въ Комитетѣ министровъ, а потомъ въ Совѣтѣ, гдѣ онъ до сихъ поръ былъ предсѣдателемъ департамента законовъ. Онъ принялъ меня больше чѣмъ ласково, обнималъ, просилъ моего содѣйствія, изъявлялъ свою довѣренность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, которыя въ устахъ этого прямодушнаго и правдиваго человѣка суть не комплименты, а истина.

— Я принялъ это мѣсто съ тяжкимъ сознаніемъ своей малоспособности,—сказалъ онъ мнѣ,—съ увѣренностью, что это бремя разрушитъ послѣдніе остатки моего слабаго здоровья; но принялъ его по двумъ убѣжденіямъ: по ничтожностямъ, которыя видѣлъ около себя въ числѣ кандидатовъ, и потому, что васъ буду имѣть сотрудникомъ. У обоихъ насъ одна цѣль и одно желаніе: слава государя и польза Россіи. Будемъ вмѣстѣ трудиться и поддерживать другъ друга на этомъ тяжкомъ, но славномъ поприщѣ.

Почтенный старецъ былъ растроганъ до слезъ. Умиленіе его сообщилось и мнѣ. Характеристика его личности и его отношеній къ государю и къ публикѣ,—когда-нибудь послѣ при бо̀льшемъ досугѣ.

11-го апрѣля. Сегодня гр. Васильчиковъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ. Я встрѣтилъ его въ аванзалѣ Совѣта въ лентѣ, со всѣми старшими чинами государственной канцеляріи и тутъ его привѣтствовалъ. Засѣданіе по роду дѣлъ было незанимательное, и новому предсѣдателю не было случая показаться.

---

[1]) Дальнѣйшія подробности напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1899 г. № 6, стр. 531—553.

[2]) Сенаторъ Огаревъ былъ женатъ на родной племянницѣ графа Новосильцова.

Я разсказывалъ сегодня гр. Литтѣ отзывъ о немъ государя. Онъ былъ въ восторгѣ и даже расцѣловалъ меня, какъ будто бы тутъ было и какое-нибудь участіе и съ моей стороны.

— Mais, cher Baron, ce que je vous demande comme un signe d'amitié, c'est de raconter cela en ville [1]).

И въ восемьдесятъ четыре года это почти ребяческое тщеславіе, эта просьба къ человѣку, который почти на пятьдесятъ лѣтъ его моложе и въ которомъ онъ не можетъ предполагать необходимой обязанности скрывать, что разсказываетъ онъ именно по его просьбѣ! Впрочемъ, я потѣшу старика.

— Croyez du reste,—продолжалъ онъ,—que ce n'est ni mon nom, ni mon âge, qui ont entraîné ma nomination, mais que c'est principalement ma religion; je suis catholique et catholique en Russie—par le temps qui court c'est pire que juif. Au surplus on a parfaitement raison: il y a des questions où ma croyance me mettrait quelquefois en opposition avec tout le conseil et comme il m'est impossible de légisverser avec ma conscience ou avec leurs vérités qui ont fait ma consolation dès mon enfance, ce tout pourrait finir par des collisions nuisibles aux affaires et par là au bien public. Jaime mieux conserver ma position actuelle et il y a longtemps déjà que j'ai renoncé à ambitionner le titre de Président du Conseil» [2]).

8-го мая. Государыня отправилась въ Берлинъ нѣсколькими днями ранѣе государя, потому что въ дорогѣ ночуетъ, а пріѣхать туда они хотятъ вмѣстѣ. Съ нею поѣхала одна великая княгиня Александра Николаевна, которой дѣдушка еще не знаетъ. Сопровождаютъ ее министръ императорскаго двора кн. Волконскій, гр. Бенкендорфъ, докторъ Арендтъ и фрейлины графиня Тизенгаузенъ и Нелидова. Первый ѣдетъ впередъ и съѣзжается съ ними только на ночлегахъ. Съ государемъ поѣхалъ наслѣдникъ; при нихъ: генералъ-адъютанты гр. Орловъ, Адлербергъ и Кавелинъ; флигель-адъютантъ кн. Долгоруковъ;

---

[1]) — Но, дорогой баронъ, что я прошу у васъ, какъ знакъ дружбы, это —разсказать объ этомъ въ городѣ.

[2]) — Вѣрьте впрочемъ,—продолжалъ онъ,—что ни мое имя, ни возрастъ вызвали мое назначеніе, но что это преимущественно моя религія; я католикъ, а католикъ въ Россіи по теперешнему времени хуже, чѣмъ еврей. Впрочемъ совершенно правы: есть вопросы, въ которыхъ мое вѣроисповѣданіе иногда поставили бы меня въ опозицію со всѣмъ Совѣтомъ, и такъ какъ я не могу дѣйствовать противъ моей совѣсти или противъ ихъ истинъ, которыя были моимъ утѣшеніемъ съ дѣтства, все это могло бы кончиться спорами вредными для дѣлъ и поэтому и народному благу. Я предпочитаю сохранить мое теперешнее мѣсто и давно уже отказался мечтать о титулѣ Предсѣдателя Совѣта.

наставникъ наслѣдника Жуковскій; камергеръ Толстой и три товарища наслѣдника по воспитанію, гвардейскіе офицеры: гр. Віельгорскій, Адлербергъ и Паткуль. Прежде всѣхъ отправились два младшихъ великихъ князя: Николай и Михаилъ, которыхъ Прусскій король тоже еще не знаетъ. При нихъ генералъ Философовъ. Примѣчательно, что государь уѣхалъ въ ночь со 2-го на 3-е мая, а до сихъ нѣтъ еще ни слова объ его отъѣздѣ ни въ одной изъ нашихъ газетъ: вѣроятно, оттого, что безъ него и безъ гр. Бенкендорфа некому разрѣшить печатаніе. Если слѣдовать однѣмъ газетамъ, то мы изъ прусскихъ узнаемъ о его пріѣздѣ въ Берлинъ прежде, чѣмъ изъ нашихъ объ его отъѣздѣ.

Нѣтъ, конечно, ничего скучнѣе, какъ переписывать газеты, а между тѣмъ надо согласиться съ тѣмъ, что выборка изъ нихъ составила бы одну изъ любопытнѣйшихъ частей современныхъ записокъ, когда черезъ десятки, черезъ сотни лѣтъ всѣ эти газеты исчезнутъ и всѣ ихъ подробности перейдутъ въ область исторіи. Теперь во всѣхъ нихъ только и рѣчи, что о прибытіи нашего царя съ его семьей въ Берлинъ, о тамошнихъ праздникахъ, маневрахъ и проч. Государь совершилъ свой переѣздъ съ быстротой почти баснословною. Выѣхавъ отсюда въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, онъ въ субботу въ 6-мъ часу послѣ обѣда былъ уже на мѣстѣ. Ему нѣтъ надобности и въ желѣзныхъ дорогахъ!

31-го мая. Вчера въ ночь съ 29-го на 30-е мая мы лишились опять члена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Родофиникина, едва только вступившаго въ Совѣтъ, свѣжаго, крѣпкаго, щеголявшаго всегда своими силами и здоровьемъ, 74 лѣтняго старика, который при этихъ лѣтахъ былъ победрѣе насъ молодыхъ. Еще въ четвергъ онъ былъ въ Совѣтѣ, еще въ воскресенье гулялъ въ Лѣтнемъ саду, а въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ его уже не стало, отъ аневризма или какой-то подобной болѣзни въ сердцѣ. За отъѣздомъ гр. Нессельроде въ чужіе края онъ управлялъ теперь временно министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ отъ внезапной его смерти сдѣлалась страшная суматоха: при отсутствіи государя они не знаютъ, какъ имъ быть, и не нашлось ничего инаго, какъ вступить въ управленіе министерствомъ его Совѣту впредь до повелѣнія. Родофиникинъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ примѣчательный человѣкъ: родомъ грекъ, неизвѣстнаго происхожденія, пришлецъ въ Россію, онъ сперва служилъ въ военной службѣ, а потомъ однимъ умомъ успѣлъ достигнуть постепенно настоящихъ высокихъ званій. Сдѣлавшись правою рукою гр. Нессельроде, особенно по всѣмъ сношеніямъ съ востокомъ, онъ долгое время управлялъ Азіатскимъ департаментомъ, и конечно во всей Россіи нѣтъ человѣка, который бы такъ подробно зналъ Азію со всѣми ея большими владыками и маленькими князьками. Ловкій, тонкій, необыкновенно пріятный въ обще-

ствѣ, услужливый, привѣтливый, вѣжливый со всѣми безъ низости, онъ былъ любимъ почти всѣми, кто его зналъ, и хотя нѣкоторые почитали его пронырливымъ, интриганомъ, но никто не умѣлъ представить на это доказательствъ; у него остался одинъ только законный сынъ отъ давнишняго брака, который служитъ въ Грузіи. Между тѣмъ, когда теперь пришлось его хоронить, то должно было принять это на себя министерство, потому что, кромѣ дальнихъ и незначущихъ свойственниковъ никого здѣсь нѣтъ.

Поѣздки по Царскосельской желѣзной дорогѣ идутъ съ блистательнымъ, превзошедшимъ всякія надежды и разсчеты успѣхомъ. На-дняхъ открыта и дорога изъ Царскаго въ Павловское, гдѣ выстроенъ на счетъ общества воксалъ,—чудо вкуса и великолѣпія. Въ послѣднюю недѣлю съ одного воскресенья до другаго включительно собрано около 50.000 р. сер., и въ томъ числѣ въ одно послѣднее воскресенье 12.880 р.! И все это въ погоду, хотя и ясную, но совсѣмъ еще не настоящую лѣтнюю.

Не смотря на довольно дорогія цѣны, ѣдутъ люди всѣхъ классовъ, разумѣется, больше изъ любопытства, чѣмъ по дѣйствительной потребности. И beau monde вашъ пока совсѣмъ еще не устраняетъ себя отъ этого удовольствія. Только малое число трусливыхъ старовѣровъ предпочитаетъ еще тихую ѣзду по пыльному шоссе.

— Разъ, два, счастливо; а потомъ и быть какой-нибудь бѣдѣ; такъ лучше кататься по-старому, хоть тише, да безопаснѣе,—говорятъ они.

Это я слышалъ вчера между прочимъ отъ кн. Голицына и Сперанскаго, которые теперь часто ѣздятъ между Царскимъ и Петербургомъ; одинъ къ царскимъ дѣтямъ, а другой къ своей дочери. Но и ихъ мало кто слушаетъ и—доказательство, что въ послѣднее воскресенье не достало въ Царскомъ, подъ конецъ дня, ни шампанскаго, ни хлѣба, не говоря уже о прочемъ.

3-го іюня. Сегодня были въ Невскомъ похороны Родофиникина, менѣе великолѣпныя по наружности, нежели похороны гр. Новосильцова, но болѣе оживленныя сочувствіемъ. Хоть у насъ не принято, чтобы дамы были на похоронахъ мужчинъ, когда въ остающемся и присутствующемъ при церемоніи семействѣ нѣтъ женскаго пола, однако тутъ была графиня Нессельроде.—Примѣчательно, что покойный при всемъ отмѣнномъ умѣ своемъ и совершенно европейской образованности, былъ очень суевѣренъ. Когда-то, лѣтъ сорокъ тому назадъ, бродячая цыганка предсказала ему всю его будущность, и онъ часто любилъ повторять, что всѣ ея предсказанія сбылись слово въ слово. Между прочимъ она прорицала ему, что онъ получитъ много лентъ и

будетъ жить и здравствовать, пока онѣ будутъ съ лѣваго плеча; но какъ скоро получитъ онъ затѣмъ ленту накрестъ, т. е. съ праваго плеча, то это будетъ предзнаменованіемъ близкой его смерти. Въ концѣ прошлаго года ему дали Владимірскую ленту, которая носится именно съ праваго плеча, и я самъ помню, какъ онъ тогда всѣмъ это разсказывалъ, прибавляя въ шутку, что желалъ бы лучше не получать никакой награды. Въ прошлый четвергъ былъ еще совсѣмъ здоровый въ Совѣтѣ, когда при началѣ засѣданія, сѣли члены за присутственный столъ, онъ сосчиталъ, что всѣхъ ихъ ровно 13-ть и тотчасъ шепнулъ своему сосѣду (А. С. Лавинскому), что видно кому-нибудь изъ нихъ на-дняхъ умереть,—и черезъ три дня его уже не стало.

4-го іюня. Предчувствіе наше сбылось: мы знали, что маневры въ Берлинѣ кончились послѣ 20-го мая; что маневры въ Варшавѣ должны были начаться 15-го іюня. По всему этому догадывались, что государь едва-ли вынесетъ такъ долго скуку непривычнаго бездѣйствія и вѣрно воспользуется свободнымъ до 15-го іюня временемъ, чтобы посмотрѣть на насъ и на оставшуюся здѣсь часть своего семейства. Такъ и случилось. Въ ночь съ 25-го на 26-е число государь вмѣстѣ съ наслѣдникомъ и съ обоими младшими своими сыновьями выѣхалъ изъ Берлина въ Штеттинъ, оттуда 26-го поѣхалъ съ ними на пароходѣ въ Стокгольмъ, куда прибылъ совершеннымъ сюрпризомъ для старика-короля, и наконецъ 3-го іюня утромъ въ 10-ть часовъ воротился къ намъ въ Петергофъ.

8-го іюня. На счетъ свиданія его съ королемъ шведскимъ ходятъ у насъ два сказанія. По одному государь вошелъ къ королю въ свитѣ наслѣдника, и когда наслѣдникъ, представивъ всѣхъ его сопровождавшихъ, обошелъ государя, то король съ удивленіемъ спросилъ, отчего не представляютъ ему этого величественнаго казацкаго генерала (государь былъ въ казачьемъ мундирѣ), котораго онъ не знаетъ. Тогда государь, выступивъ самъ впередъ, сказалъ: «Sire, c'est le père du jeune homme, que vous venez d'accueillir avec tant d'amitié» [1]). Но по другому сказанію, если менѣе поэтическому, то по крайней мѣрѣ достовѣрнѣйшему, потому что мнѣ передалъ его очевидецъ (полковникъ Дюгамель), государь съ наслѣдникомъ вошли къ королю точно вмѣстѣ, но государь представилъ себя тотчасъ самъ, словами: «Sire, vous attendiez le fils et c'est le père qui vous arrive» [2]). Во всякомъ случаѣ это посѣщеніе было самымъ неожиданнымъ сюрпризомъ для короля, и онъ пораженъ былъ до слезъ: «cette visite consolide à jamais ma dynastie sur le

---

[1]) Государь, это отецъ молодаго человѣка, котораго вы приняли такъ дружелюбно.

[2]) Государь, вы ожидали сына, а пріѣхалъ отецъ.

trône de Suède»[1]),—повторялъ онъ потомъ много разъ. Не сказать-ли послѣ этого, что государь нашъ первый дипломатъ въ мірѣ и что это минутное свиданіе сильнѣе всѣхъ возможныхъ мирныхъ трактатовъ.

11-го іюня. Генералъ Ермоловъ—эта знаменитая и конечно всѣхъ болѣе популярная репутація въ Россіи,—исчезнувъ давно уже съ политическаго поприща, нынче вздумалъ опять явиться вдругъ ко двору и присутствовать нѣсколько мѣсяцевъ въ Совѣтѣ. Какимъ образомъ это сдѣлалось, не знаю, но едва-ли доброю волей; по крайней мѣрѣ онъ ѣдетъ уже опять на-дняхъ въ безсрочный отпускъ въ свою подмосковную и сказывалъ мнѣ, что нарочно избѣгаетъ прощаться съ государемъ, чтобы не подпасть подъ затруднительный вопросъ: «когда онъ думаетъ воротиться опять въ Петербургъ?»—«Я чувствую,—говорилъ онъ мнѣ,—что я здѣсь совсѣмъ лишній человѣкъ: ко двору не гожусь, а въ Совѣтѣ совсѣмъ безполезенъ; et ce n'est pas pour mendier un compliment que je vous le dis[2]). Я отжилъ свой вѣкъ».—Дѣйствительно, въ Совѣтѣ онъ совсѣмъ почти не говоритъ и большую часть времени дремлетъ. Не берусь судить о другихъ достоинствахъ потому, что не довольно коротко его знаю, и могу только отдать справедливость его чрезвычайному дару слова въ разсказахъ и вообще въ разговорахъ. Въ прочихъ отношеніяхъ онъ для меня совершенная загадка, но едва-ли онъ въ уровень со своею репутаціей. На-дняхъ я слышалъ отъ него испытанный имъ надъ самимъ собою примѣчательный опытъ врачующей силы гомеопатіи. Онъ отъ рожденія лишенъ былъ обонянія по крайней мѣрѣ до извѣстной очень сильной степени: «запахи извѣстны мнѣ были,—разсказываетъ онъ,—только по крѣпчайшимъ экстрактамъ; такимъ образомъ я могъ различить розовое масло отъ éxtrait de réséda, но не зналъ ни запаха розы, ни запаха резеды въ естественномъ ихъ положеніи; тухлую говядину, отъ которой всѣ бѣжали изъ комнаты, я ѣлъ за свѣжую. Въ прошлую зиму въ Москвѣ я сталъ лѣчиться гомеопатически у очень искуснаго врача, и вдругъ родилось для меня новое чувство, чувство самаго тонкаго обонянія, такъ что теперь я слышу, если въ другой комнатѣ поставленъ горшокъ съ цвѣтами».

15-го іюня. Настали наши вакаціи, а съ ними нашъ отъѣздъ, на первый разъ въ Кіевъ, а потомъ куда Богъ дастъ, можетъ быть и далѣе на югъ. Я ѣду съ женою и съ сестрою и съ обоими нашими птенцами, разсѣяться, подышать другимъ воздухомъ, посмотрѣть на

---

[1]) Это посѣщеніе на всегда укрѣпитъ мою династію на шведскомъ престолѣ.

[2]) И я говорю это не для того, чтобы вымолить комплиментъ.

нашу Русь святую. Сейчасъ отслужимъ молебенъ, чтобы испросить благословеніе свыше на дальній путь.

13-го числа я обѣдалъ еще у предсѣдателя на прощаньи, и потомъ мы подписали полугодовой отчетъ нашъ государю: дѣлъ за Совѣтомъ не осталось ни одного; за справками и проч.—только восемь; отчетъ блистательный, особенно послѣ непомѣрнаго множества и относительной важности бывшихъ у насъ въ это полугодіе дѣлъ.

У предсѣдателя обѣдалъ опять партизанъ-поэтъ Давыдовъ, столько же любезный въ обществѣ, сколько острый и умный съ перомъ въ рукѣ. Онъ разсказывалъ между прочимъ множество анекдотовъ о славномъ Платовѣ, одинъ другаго забавнѣе. Теперь за уборкой и хлопотами дорожныхъ приготовленій, мнѣ, къ сожалѣнію, некогда ихъ уже записывать; но одинъ всѣхъ смѣшнѣе. Платовъ обѣдалъ съ Карамзинымъ; послѣ обѣда, когда первый, по обыкновенію, былъ уже совсѣмъ навеселѣ, послѣдній вздумалъ спрашивать его объ успѣхахъ просвѣщенія въ Донскомъ войскѣ.

— Я, батюшка,—отвѣчалъ Платовъ,—объ этомъ много не хлопочу, потому что терпѣть не могу ученыхъ: они всѣ или канальи или пьяницы.

Надобно замѣтить, что это говорилъ подгулявшій Платовъ ученому Карамзину.

18-го сентября. Вотъ я опять дома, опять въ кругу своихъ, въ томъ Петербургѣ, который мнѣ иногда такъ надоѣдаетъ, когда я въ немъ и въ который опять такъ хочется назадъ, когда изъ него выѣдешь.

20-го сентября. Смерть князя Лобанова-Ростовскаго возбудила во мнѣ разныя воспоминанія изъ временъ первой молодости. При вступленіи моемъ послѣ выпуска изъ Лицея въ 1817 г. въ министерство юстиціи, министромъ былъ еще Трощинскій, но онъ въ томъ же году смѣненъ княземъ Лобановымъ. Я дежуривалъ при немъ въ числѣ прочихъ младшихъ чиновниковъ департамента по разу въ недѣлю и болѣе. Дежурство это состояло въ томъ, что мы часу въ 8-мъ являлись къ нему въ парадныхъ мундирахъ, докладывали о пріѣзжающихъ, подавали ему получаемыя бумаги и печатали конверты. Потомъ дежурный обѣдалъ всегда за его столомъ, а вечеромъ онъ отпускалъ насъ часу въ 8-мъ или 9-мъ. Можно представить, что все это бывало не очень забавно и что при механической работѣ печатанія и докладыванія князю трудно было ему ознакомиться съ нашими способностями, тѣмъ больше, что за обѣдомъ хотя мы и сидимъ вмѣстѣ, но дежурный долженъ былъ хранить самое глубокое и святое молчаніе, и князь никогда не обращалъ къ нему ни одного слова. При всемъ томъ онъ какъ-то меня по-

любилъ и отличалъ нѣсколько отъ другихъ. Между прочимъ, ему вздумалось поручить мнѣ привести въ порядокъ его библіотеку и составить ей систематическій реестръ. Я обрадовался этому порученію, надѣясь, что оно на долго освободитъ меня отъ скучнаго переписыванія набѣло бумагъ въ департаментѣ,—все, чѣмъ тогда меня занимали. Но не тутъ-то было! Вся библіотека егс сіятельства оказалась однимъ небольшимъ шкафомъ съ сотнями тремя книгъ, большею частью такихъ, которыя поднесены ему были отъ авторовъ или переводчиковъ, и моя работа, сколько ни старался я ее протянуть, продолжилась не болѣе трехъ дней. Между тѣмъ, въ это время образовалась новая канцелярія при министрѣ, и все мое честолюбіе устремлено было къ тому, чтобы занять въ ней мѣсто переводчика—какъ нѣчто уже самостоятельное послѣ писарскихъ моихъ обязанностей. Кандидатовъ было много и нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и мнѣ, задали пробныя работы. Мнѣ пришлось перевести какую-то преогромную тетрадь по провіантской части съ нѣмецкаго на русскій языкъ, и незнакомый съ техническими терминами ни на томъ, ни на другомъ языкѣ, тѣмъ меньше знакомый съ предметомъ и сущностью дѣла,—всего 17-ти лѣтъ отъ роду, едва вышедъ изъ школы, я, вѣроятно, Богъ знаетъ, что такое напуталъ. По крайней мѣрѣ, помню какъ теперь, что «Grutze»—крупу, я вездѣ переводилъ безъ справки съ лексикономъ какъ вещь обыкновенную «кашею»; помню по неистощимымъ насмѣшкамъ, къ которымъ подали поводъ эти «кули и пуды каши» моимъ служебнымъ товарищамъ, между которыми я слылъ, по тогдашнему выраженію, «ученымъ» что̀ въ ихъ понятіяхъ составляло почти синонимомъ съ «безтолковымъ и негоднымъ на службу». Несмотря на то, переводъ мой,—по протекціи барона Бюллера,—оказался лучшимъ, и я получилъ желанное мѣсто, на которомъ отъ бездѣлья чуть было не погибъ для службы. Но навыкъ къ занятіямъ, не погасшій еще во мнѣ отъ Лицея, и добрые совѣты тогдашняго близкаго пріятеля нашего семейства Отто Виттенгейма внушили мнѣ мысль заняться чѣмъ-нибудь хоть не совсѣмъ служебнымъ, то по крайней мѣрѣ близкимъ къ обязанностямъ моей должности. Я перевелъ съ латинскаго языка на русскій курляндскіе статуты, законъ, и теперь еще дѣйствующій, но который приводился тогда по дѣламъ въ Сенатѣ въ разныхъ негодныхъ переводахъ, дѣланныхъ мѣстными переводчиками по частямъ.

Эта работа по связи со школьными моими занятіями была мнѣ больше по плечу, нежели «провіантская каша», и я убилъ ею, какъ говорятъ нѣмцы, сразу двухъ мухъ. Одинъ экземпляръ я поднесъ князю, и какъ переводъ, по разсмотрѣніи въ тогдашней коммисіи составленія законовъ, оказался соотвѣтственнымъ своей цѣли, то его велѣно употреблять въ Сенатѣ, а мнѣ, 18-ти лѣтъ отъ роду, дали Анну 3-ей степени. Другой экземпляръ я представилъ курляндскому

дворянству, и оно прислало мнѣ табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ своего шифра. Сверхъ того, за эту работу я былъ причисленъ къ коммиссіи составленія законовъ, и отсюда началась настоящая моя служебная школа. Но съ княземъ Лобановымъ я все еще не разставался, продолжая числиться по-прежнему у него переводчикомъ. Отъ него же я въ началѣ 1820 года былъ командированъ съ сенаторами на ревизію Подольской губерніи и Бессарабской области и по его же представленіямъ пожалованъ въ 1821 году орденомъ Владиміра 4-й степени, а въ 1823 году—камеръ-юнкеромъ. Окончательно разстались мы уже въ маѣ 1823 года, когда я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ департаментъ податей и сборовъ. Сперва за эту перемѣну службы, столько во всѣхъ отношеніяхъ для меня выгодную, онъ крѣпко на меня сердился, но потомъ, съ перемѣной обстоятельствъ и съ постепеннымъ моимъ возвышеніемъ, этотъ гнѣвъ прошелъ и, наконецъ, по назначеніи меня въ Государственный Совѣтъ,—котораго членомъ онъ оставался до самой своей кончины,—мы жили лучшими друзьями.

24-го сентября. Вчера возвратился изъ деревни нашъ предсѣдатель: свѣжій и румяный, какъ обыкновенно послѣ лѣтняго отдыха, съ ретивостью къ дѣлу и желаніями всего лучшаго. При всемъ томъ онъ горюетъ о томъ, что пролетѣли часы отдохновенія и праздности и что надобно опять приниматься за работу. «Пріѣхавъ назадъ въ городъ,—сказалъ мнѣ,—я совершенно вспомнилъ на опытѣ тѣ чувства, которыя бывали у меня въ ребячествѣ, когда въ воскресенье вечеромъ приходилось ворочаться изъ родительскаго дома въ пенсіонъ».

Вчера я видѣлся тоже съ многими изъ членовъ Государственнаго Совѣта и между прочимъ съ М. М. Сперанскимъ, который купилъ себѣ славный домъ на Сергіевской улицѣ за 240.000 руб. Эти деньги или, лучше сказать, весь домъ достались ему даромъ. Домъ у прежняго владѣльца заложенъ былъ въ банкѣ во 140.000 руб., но гдѣ взять остальную сумму? М. М. выпросилъ у государя, чтобы вмѣсто банка домъ заложить на 37-ти-лѣтнихъ правилахъ въ государственномъ казначействѣ съ выдачей подъ оный всей суммы по купчей крѣпости, т. е. 240.000 руб. Такимъ образомъ, онъ имѣетъ теперь собственный домъ и платитъ за него въ казну въ продолженіе 37 лѣтъ по 15.000 руб. ежегодно, тогда какъ прежде платилъ за наемъ квартиры въ чужомъ домѣ по 14.000 руб.

30-го сентября. Новый нашъ министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ въ нынѣшнемъ году совершилъ большое путешествіе по Россіи, чтобы постепенно ознакомиться и съ бытомъ и потребностями казенныхъ крестьянъ, и съ другими частями ввѣреннаго ему многосложнаго управленія. На-дняхъ мы дѣлились взаимными нашими наблюденіями и впечатлѣніями, и посреди многаго существеннаго, онъ

разсказывалъ мнѣ и множество забавныхъ анекдотовъ. Некогда мнѣ ихъ здѣсь записывать, но одинъ особенно хорошъ, это посѣщеніе чувашей въ Пермской губерніи земскою полиціей. Когда въ чувашскомъ селеніи сдѣлается извѣстно, что ѣдетъ земскій судъ, все селеніе съ женами, дѣтьми и имуществомъ тотчасъ выбирается въ какой-нибудь глухой и отдаленный лѣсъ, какъ отъ нашествія непріятеля. Оттуда они высылаютъ своихъ парламентеровъ для соглашенія съ судомъ о суммѣ, за которую онъ выѣдетъ изъ селенія. Тутъ происходитъ формальный торгъ: судъ требуетъ столько-то; чуваши даютъ столько-то. Наконецъ, ударивъ по рукамъ, судъ выѣзжаетъ съ одного конца селенія, а чуваши возвращаются восвояси съ другаго. Взамѣнъ, однако, и я поподчивалъ Киселева нѣсколькими не менѣе драгоцѣнными анекдотами. Къ одному вновь опредѣленному губернатору является откупщикъ съ ходатайствомъ о его милости и съ предложеніемъ въ благодарность по 10 коп. отъ ведра, при чемъ клянется всѣми святыми, что это останется между ними совершенною тайной и что онъ натурально никому не разскажетъ.

— Нѣтъ, братецъ,—отвѣчалъ губернаторъ,—давай-ка по 20 коп. отъ ведра и разсказывай себѣ, пожалуй, кому хочешь.

28-го октября. Въ пятницу, 21-го октября, М. М. Сперанскій почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но, не смотря на то, въ субботу тотчасъ послѣ обѣда, отправился въ Царское Село, гдѣ въ тотъ же вечеръ сидѣлъ въ театрѣ и пробылъ во дворцѣ до втораго часа, послѣ чего еще цѣлый часъ дожидалъ въ холодныхъ сѣняхъ кареты. Чувствуя уже довольно сильный лихорадочный ознобъ, онъ, при всемъ томъ, на другой день былъ еще у обѣдни и обѣдалъ во дворцѣ. Все это вмѣстѣ увеличило его простуду, и на другой день онъ слегъ въ постель въ сильныхъ лихорадочныхъ припадкахъ, а съ четверга, 27-го, открылось у него воспаленіе въ боку. Вчера, въ этотъ самый четвергъ, выпустили ему утромъ двѣ чашки крови и вечеромъ приставили 15 піавокъ, а сегодня возобновили опять кровопусканіе рожками. Лѣчитъ его en chef неизбѣжный Арендтъ, и сверхъ того день и ночь дежуритъ одинъ врачъ Маргулецъ. Со вчерашняго дня выходятъ и бюллетени по два раза въ день, которые отправляются въ Царское Село къ государю. Нельзя еще сказать, чтобы не было надежды, но опасность велика: ему 68-й годъ, и отъ такой болѣзни рѣдко выздоравливаютъ и молодые люди, или по крайней мѣрѣ выздоравливаютъ очень медленно.

Вчера по случаю этой болѣзни была у насъ большая конференція съ гр. Васильчиковымъ. Оба мы чувствуемъ по полной мѣрѣ неизмѣримую потерю, которою грозитъ Россіи смерть Сперанскаго. Съ огромными свѣдѣніями по всѣмъ частямъ, съ геніальнымъ и быстрымъ умомъ, съ живымъ воображеніемъ, съ перомъ, какого нѣтъ у насъ еще

другаго, этотъ человѣкъ,—сынъ простаго сельскаго священника,—проложилъ себѣ путь отъ низшихъ ступеней гражданскаго общества къ высшимъ его вершинамъ; былъ всесильнымъ любимцемъ Александра, временщикомъ въ полной силѣ слова, потомъ испилъ горькую чашу немилости и паденія и, наконецъ, умѣлъ опять воспрянуть и вознестись выше прежняго. Четыре вещи несомнѣнно ставятъ его въ рядъ первыхъ историческихъ лицъ Россіи и вообще его времени: учрежденіе Государственнаго Совѣта, учрежденіе министерствъ, преобразованіе дѣловаго нашего языка и — выше всего — Сводъ законовъ. Сперанскій будетъ оцѣненъ въ надлежащей мѣрѣ только по смерти, когда начнется для него потомство и угаснутъ зависть и личности. При всемъ изнеможеніи отъ преклонныхъ лѣтъ и частыхъ недуговъ, духъ его въ послѣднее время былъ такъ же бодръ и объемлющъ, какъ и прежде. Съ нимъ угаснетъ предпослѣдній геній въ Россіи,—говорю предпослѣдній, потому что мы имѣемъ еще Канкрина, тоже не вполнѣ оцѣненнаго, но стоящаго выше другихъ, какъ гора надъ равниною. Гдѣ соперники этихъ двухъ орловъ, кто изъ завистниковъ и насмѣшниковъ ихъ, старыхъ и молодыхъ, поравняется съ ихъ полетомъ? Работавъ съ Сперанскимъ съ 1825-го по 1831-й годъ почти ежедневно, возобновивъ съ нимъ самыя тѣсныя сношенія послѣ назначенія меня въ должность государственнаго секретаря,—я могъ вполнѣ и непрерывно слѣдить за энциклопедическимъ его умомъ; но при всемъ томъ нисколько не увлекаюсь никакимъ предубѣжденіемъ или пристрастіемъ въ его пользу, и доказательство: отдавая полную высокую справедливость его уму, я никакъ не могу сказать того же объ его сердцѣ. Я разумѣю здѣсь не частную жизнь, въ которой можно его назвать истинно добрымъ человѣкомъ, ни даже сужденія по дѣламъ, въ которыхъ онъ тоже склоненъ былъ всегда къ добру и человѣколюбію, но то, что называю сердцемъ въ государственномъ или политическомъ отношеніи—характеръ, прямодушіе, правоту, непоколебимость въ избранныхъ однажды правилахъ. Сперанскій не имѣлъ (я говорю уже, къ сожалѣнію, какъ о быломъ и прошедшемъ) ни характера, ни политической, ни даже частной правоты. Участникъ и даже можетъ быть одинъ изъ возбудителей,—по тогдашнему направленію умовъ — филантропическихъ мечтаній Александра, Сперанскій былъ въ то время либераломъ, потому что видѣлъ въ этомъ личную свою пользу, а когда минулъ вѣкъ либерализма, то перешелъ, въ тѣхъ же побужденіяхъ, къ совершенно противоположной системѣ. Онъ былъ либераломъ, пока ему приказано было быть либераломъ, и сдѣлался ультра, когда ему приказали быть ультра. И поэтому я убѣжденъ, что Сперанскій никогда не могъ быть человѣкомъ опаснымъ, сколько ни старались въ томъ увѣрять его ненавистники и люди недальновидные. Чтобы быть опаснымъ, надобно имѣть характеръ и твердую волю, а Сперанскій всегда искалъ болѣе милости, чѣмъ славы.

Съ другой стороны обѣщанія ему ничего не стоили, точно такъ же, какъ комплименты или ласки; но весьма простъ былъ тотъ, кто имъ довѣрялъ или кто строилъ на этомъ шаткомъ основаніи. Обворожительное обхожденіе привлекало ему съ перваго разу всѣ сердца; но когда постепенно открывалось, что оно было «всѣмъ общее, какъ чаша круговая», что подъ оболочкой этихъ гладкихъ словъ не заключалось ничего существеннаго, что это былъ одинъ обманъ ловкаго и привѣтливаго ума, безъ всякаго участія сердца: то естественно, что слѣдовало—охлажденіе. Я не думаю, чтобы Сперанскій имѣлъ хоть одного истиннаго друга и чтобы былъ на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, котораго бы онъ искренно любилъ. Политику и холодъ дѣловой жизни онъ переносилъ и въ свой кабинетъ, гдѣ продолжалъ постоянно играть роль умнаго хитреца, даже въ самыхъ тѣхъ бесѣдахъ, гдѣ,—повидимому и для не знавшихъ его близко—не могло не принимать какого-нибудь участія сердце. Сколькихъ людей обманулъ онъ льстивыми своими обѣщаніями и ласковымъ пріемомъ, благодѣтельствуя истинно только тѣмъ, которые нужны были для его видовъ или когда самыя эти благодѣянія входили въ его виды.

Многое бы могъ я сказать еще о немъ и хорошаго и дурнаго, бывъ ежедневнымъ и наблюдательнымъ свидѣтелемъ его дѣйствій; но теперь, когда онъ еще между нами, какъ-то рука не поднимается. Память всего добра, которое я лично испыталъ отъ него, память всего добра, которое онъ дѣлалъ Россіи, память лучшаго и хорошаго изглаживаетъ во мнѣ въ эту минуту память дурнаго, и я горячо желаю облегченія его страданій, хотя онъ конечно пропалъ уже для Россіи даже въ случаѣ выздоровленія.

Между тѣмъ послѣ всѣхъ сожалѣній, разговоръ нашъ съ гр. Васильчиковымъ, натурально, направленъ былъ къ средствамъ замѣнить по возможности эту важную потерю, а оттуда и къ укомплектованію вообще Совѣта, совсѣмъ одряхлѣвшаго и развалившагося въ своемъ составѣ.

Сперанскій теперь предсѣдателемъ въ департаментѣ законовъ, членомъ въ польскомъ департаментѣ и начальникомъ всѣхъ законодательныхъ трудовъ по II отдѣленію собственной его величества канцеляріи, отъ котораго изданъ былъ Сводъ и гдѣ теперь составляются ежегодныя его продолженія, а сверхъ того особые своды губерній привилегированныхъ—работа столько же важная, сколько и трудная.

Обратясь къ Совѣту, мы признали необходимымъ сдѣлать хоть какой-нибудь временный распорядокъ, чтобы не стали совсѣмъ текущія дѣла: ибо за болѣзнію Сперанскаго въ департаментѣ законовъ остается только два члена, Кушниковъ и Марченко, изъ коихъ первый тоже почти умирающій, а въ польскомъ—только одинъ, кн. Любецкій. Вслѣдствіе того, послѣ долгихъ разсужденій и колебаній, мы придумали сдѣлать двухъ новыхъ членовъ Совѣта: Маврина, о которомъ и прежде было рѣшено,

и графа Гурьева, бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора (брата графини Нессельродъ), человѣка тяжелаго, но блистательнаго ума, по крайней мѣрѣ со свѣдѣніями и все лучшаго, чѣмъ другіе возможные кандидаты. Съ этимъ усиленіемъ мы полагаемъ Маврина поставить въ гражданскій департаментъ, гр. Гурьева и кн. Карла Ливена (бывшаго министра народ. просв., возвратившагося недавно къ намъ послѣ пятилѣтней отлучки) въ департаментъ законовъ, а въ польскій департаментъ командировать временно, до возвращенія отсутствующихъ членовъ, гр. Левашова и адмирала Грейга, оставя ихъ и въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ они теперь. Гр. Васильчиковъ повезетъ это назначеніе на усмотрѣніе государя въ первый свой докладъ.

Послѣ того мы перешли къ предстоящему замѣщенію Сперанскаго по предсѣдательству въ департаментѣ законовъ и по законодательнымъ его трудамъ.

— Надобно же мнѣ и къ этому приготовиться,—сказалъ графъ,—потому что несомнѣнно будетъ рѣчь съ государемъ.

Потомъ онъ своимъ кандидатомъ на это мѣсто назвалъ Д. Я. Дашкова, считая, что, по своимъ наклонностямъ и образу жизни, онъ совершенно сроденъ къ занятіямъ такого рода, а должность министра юстиціи можно замѣстить Блудовымъ.

30-го октября. Графъ Васильчиковъ былъ вчера у государя. Назначеніе въ Совѣтъ новыхъ членовъ отложено до обыкновеннаго къ тому времени, т. е. до 6-го декабря. Затѣмъ князь Ливенъ посаженъ въ департаментъ законовъ, а въ польскій департаментъ командированы временно, съ оставленіемъ и въ прежнихъ, Грейгъ и, вмѣсто Левашова, Вилламовъ. Графа Литту государь никакъ не согласился уволить отъ предсѣдательства въ исаакіевской коммиссіи.

— Это историческій памятникъ,—сказалъ онъ,—который приходитъ уже къ концу, а старикъ тутъ такъ давно, что совѣстно бы было лишить его удовольствія и славы положить послѣдній камень.

23-го ноября. Киселевъ разсказывалъ мнѣ о разговорѣ, который онъ имѣлъ на-дняхъ съ государемъ о Государственномъ Совѣтѣ. Государь жаловался, что Совѣтъ «очень устарѣлъ въ личномъ своемъ составѣ». Киселевъ съ своей стороны нашелъ, что это нисколько не бѣда; что Совѣтъ, по существу своему и по духу нашего правленія, долженъ быть не provocateur, а conservateur, т. е. больше оберегать существующее, нежели допускать какія-либо нововведенія, а если и допускать ихъ, то съ крайнею осмотрительностью въ отношеніи къ главнымъ началамъ и основнымъ идеямъ монархическаго правительства; что для этого лучше годятся старики, естественно привязанные къ прежнему, нежели молодые люди съ живымъ воображеніемъ; что послѣднихъ надобно сажать въ министры и правители, потому что Россія не можетъ

ни оставаться въ неподвижномъ состояніи, ни отставать отъ вѣка, и тогда ужъ ихъ дѣло будетъ выдумывать и созидать, а Совѣту останется только умѣрять ихъ жаръ и свято поддерживать главный фундаментъ. Была также рѣчь о печатаніи вносимыхъ въ Совѣтъ проектовъ. Противъ этой идеи, принятой уже государемъ по представленію графа Васильчикова, Киселевъ сильно возсталъ теперь передъ государемъ: «тогда,— сказалъ онъ,—главная идея d'un conseil conservateur, сама собой рушится. Велики-ли теперь или слабы способности членовъ Государственнаго Совѣта, дальновидны или ограничены они въ своихъ соображеніяхъ; по крайней мѣрѣ при образѣ доклада дѣлъ въ Совѣтѣ не могутъ уже быть никакихъ суфлеровъ, и всѣ замѣчанія идутъ прямо отъ членовъ. Начните только печатать проекты, и вся личность этихъ членовъ исчезнетъ: вмѣсто нихъ будутъ читать проекты столоначальники и секретари и другая молодежь,они станутъ привозить въ Совѣтъ уже не свои мысли и замѣчанія, а внушенныя имъ новымъ поколѣніемъ, которое при всей осторожности и при всѣхъ мѣрахъ правительства—все-таки напоятся идеями Западной Европы. Гдѣ же тогда останется опора монархическихъ понятій, которыя теперь такъ свято стерегутся этими, если не всегда даровитыми, то, по крайней мѣрѣ, старыми и опытными головами?

24-го ноября. Графъ (Васильчиковъ) имѣлъ тоже разговоръ съ государемъ объ устарѣвшемъ составѣ Совѣта и представилъ это дѣло съ другой стороны, нежели Киселевъ. Онъ думаетъ, что молодые члены въ Совѣтѣ не только не вредны, а необходимы; но, чтобы не уронить этого званія и не лишить его цѣны въ глазахъ людей старыхъ, которыхъ послѣ придется сажать въ Совѣтъ, не столько для пользы дѣлъ, сколько изъ личныхъ уваженій, pour leur procurer une retraite honorable,—необходимо въ выборѣ молодежи быть сколько можно осторожнѣе,—словомъ, назначать только такихъ, о которыхъ впередъ можно быть увѣрену, что публика единогласно одобритъ ихъ назначеніе.

Сперанскій не только внѣ всякой опасности, но совсѣмъ уже выздоравливаетъ. Бюллетени прекратились, и думаютъ, что онъ скоро уже начнетъ заниматься дѣлами. Слава Богу, что опасенія наши были напрасны; но на долго-ли это и каковы будутъ его занятія послѣ такой тяжкой болѣзни и послѣ потери въ его лѣта такого множества крови?

Въ архивѣ Государственнаго Совѣта хранится собственноручный рескриптъ государя, на имя покойнаго предсѣдателя князя Кочубея, на пяти (почтовыхъ) страницахъ, который чрезвычайно интересенъ и самъ по себѣ, и по обстоятельствамъ дѣла, предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ ему.

19-го октября 1831 года получено было въ Совѣтѣ представленіе министра финансовъ о необходимости по стѣсненному положенію госу-

дарственнаго казначейства возвысить въ Россіи на 1832 г. нѣкоторые казенные сборы, въ томъ числѣ и таможенныя пошлины на нѣкоторые товары, съ временной прибавкой на всѣ вообще привозные по $12^1/_2$ процентовъ.

Совѣтъ былъ тогда особенно занятъ проектомъ новаго закона о дворянскихъ выборахъ, который велѣно было представить къ 6—7-му декабря. Но министръ финансовъ, ссылаясь на скорый отъѣздъ свой въ Москву (гдѣ тогда государь находился), требовалъ, чтобы указъ о возвышеніи таможенныхъ сборовъ изданъ былъ непремѣнно въ ноябрѣ, чтобы, при краткости времени до новаго года, успѣть сдѣлать нужныя по таможнямъ распоряженія. Совѣтъ собирался по проекту о выборахъ 19-го, 23-го, 26-го и 29-го октября, т. е. въ 10 дней четыре раза. Не смотря на то, въ это же время департаментъ экономіи разсмотрѣлъ помянутое представленіе министра финансовъ, и 31-го октября оно выслушано и въ общемъ собраніи, а 7-го ноября дѣло отправлено къ государю въ Москву, гдѣ и подписанъ 11-го ноября указъ съ приложеніемъ таможенной росписи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она одобрена и представлена была Совѣтомъ. Указъ былъ простой, форменный, а самыя правила и распорядокъ новыхъ сборовъ помѣщены были въ концѣ росписи въ видѣ примѣчаній, и тутъ, между прочимъ, о времени дѣйствія оной постановлено: «что сборъ прибавочныхъ $12^1/_2$ процентовъ долженъ начаться со дня полученія въ таможняхъ указа со всѣхъ товаровъ, въ таможенномъ вѣдомствѣ безъ очистки пошлиною еще находящихся и вновь прибывающихъ».

Указъ съ росписью, по особому высочайшему повелѣнію, напечатанъ былъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 14-го ноября, но отъ Сената здѣсь, въ Петербургѣ, онъ опубликованъ не прежде 20-го числа, хотя полученъ былъ еще 16-го. Между тѣмъ «Московскія Вѣдомости» пришли сюда съ эстафетою 17-го числа, и натурально на другой день обнаружилось среди купцовъ стремленіе къ очисткѣ товаровъ въ здѣшней таможнѣ, чтобы избавиться отъ $12^1/_2$ процентовъ, пока въ ней не былъ еще полученъ указъ. 18-го числа таможня успѣла принять необыкновенное количество денегъ, именно свыше 700.000 р., и только съ наступленіемъ ночи она прекратила по закону свои дѣйствія. Но вечеромъ того же дня директоръ департамента внѣшней торговли (тогда Бибиковъ), опасаясь съ наступленіемъ слѣдующаго дня еще бо́льшаго стремленія къ очисткѣ товаровъ, предписалъ таможнѣ взимать уже прибавочные проценты, ссылаясь на распоряженіе министра финансовъ въ Москвѣ о взиманіи ихъ процентовъ съ напечатанія указа въ тамошнихъ вѣдомостяхъ.

Между тѣмъ до государя очень скоро дошелъ ропотъ купечества, отозвавшійся во всѣхъ классахъ, на указъ 11-го ноября, въ томъ отношеніи, что онымъ велѣно взимать прибавочныя пошлины съ товаровъ,

находившихся уже во время его изданія въ пакгаузахъ; вслѣдствіе того, высочайше повелѣно было министру финансовъ представить Государственному Совѣту: «причины, побудившія къ сему постановленію»—что̀ онъ и исполнилъ не далѣе, какъ 2-го декабря. Объясненіе его было очень обширное, но въ сущности онъ представлялъ, что первоначальное побужденіе къ жалобамъ дано было запоздалымъ распубликованіемъ указа черезъ Сенатъ, а касательно самой мѣры писалъ, что̀ купецъ, заплатившій за товаръ болѣе пошлины, во всякомъ случаѣ выручаетъ свой авансъ съ публики, а тотъ, у кого есть товаръ, очищенный старой пошлиной, имѣетъ даже значительный барышъ: слѣдовательно, во всѣхъ дѣлахъ сего рода сталкиваются два интереса: публики и торгующихъ. Засимъ онъ доказывалъ, что указомъ 11-го ноября охраненъ интересъ публики и, ссылаясь на примѣры прежнихъ тарифовъ и на невозможность соблюденія при чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣрахъ, строгихъ началъ общей уравнительности, замѣчалъ, что и съ достоинствомъ правительства едва-ли совмѣстно внимать въ этомъ случаѣ частнымъ домогательствамъ и отмѣнять законъ, только-что изданный, въ справедливости коего онъ остается, впрочемъ, постоянно убѣжденнымъ; если же признано будетъ полезнымъ принять какую-либо мѣру собственно въ отношеніи тѣхъ купцовъ, которые до 20-го ноября продали товары по опредѣленной цѣнѣ съ принятіемъ платежа пошлинъ на продавца, то сіе легко можетъ быть сдѣлано частнымъ распоряженіемъ, посредствомъ особаго указа на имя его, министра.

Въ Совѣтѣ все это, вслѣдствіе высочайшей воли, разсмотрѣно было не далѣе, какъ на другой день (3-го декабря). Совѣтъ начиналъ журналъ свой оправданіемъ въ пропускѣ означенной мѣры и оправдывался тѣмъ: 1) что представленіе министра получено было въ такое время, когда Совѣтъ занимался по два и по три раза въ недѣлю, со всею внимательностью закономъ о дворянскихъ выборахъ; 2) что министръ особенно спѣшилъ этимъ дѣломъ, требуя изданія указа непремѣнно въ ноябрѣ; 3) что ни въ представленіи его, ни въ сопровождавшихъ оное соображеніяхъ не было упомянуто о распространеніи надбавочныхъ $12^1/_2$ процентовъ на товары, находившіеся уже въ таможняхъ; 4) что разсчетъ министра объ усиленіи доходовъ по сей части на 1832 г. основанъ былъ на годовой сложности безъ причисленія единовременнаго какого-либо сбора съ товаровъ, находившихся уже на-лицо въ таможняхъ; 5) что по всему этому Совѣтъ не обратилъ особеннаго вниманія на примѣчанія къ росписи, гдѣ обыкновенно излагается простой распорядокъ исполненія и нѣкоторыя исключенія изъ общихъ правилъ, не входящія въ составъ закона, для того, чтобы маловажностью предметовъ не затемнять силы истиннаго указа; но гдѣ сверхъ ожиданія оказался предметъ, послужившій поводомъ къ настоящимъ разсужденіямъ, предметъ, по важности своей требовавшій и другаго изложенія и мѣста не

въ примѣчаніяхъ къ росписи, а въ самомъ представленіи, гдѣ помѣщеніе онаго, безъ сомнѣнія, заставило бы Совѣтъ требовать изъясненія побудительныхъ къ такой мѣрѣ причинъ и послужило бы, во всякомъ случаѣ, предметомъ особенныхъ разсужденій.

Засимъ, перейдя къ самому существу дѣла, Совѣтъ въ журналѣ своемъ изложилъ сильныя опроверженія противъ доводовъ министра финансовъ и заключилъ тѣмъ, что подобныя мѣры, противорѣча справедливости и самой пользѣ государства, не должны быть допускаемы и что, на семъ основаніи, отъ $12^1/_2$ процентовъ надлежитъ изъять всѣ тѣ товары, кои, до полученія указа 11-го ноября въ таможняхъ, поступили уже въ вѣдомство оныхъ; о чемъ и положилъ поднести къ высочайшему подписанію указъ такого содержанія, чтобы,—въ видѣ монаршей единственно милости,—отъ платежа сихъ процентовъ избавлены были всѣ вообще привозные товары, поступившіе въ таможенное вѣдомство до дня полученія въ каждой таможнѣ указа 11-го ноября, и чтобы тѣмъ изъ хозяевъ, съ которыхъ такіе проценты были бы уже взысканы, оные возвратить.

Указъ сей подписанъ 7-го декабря, но передъ тѣмъ, 5-го декабря, послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ на имя графа Кочубея:

«Графъ Викторъ Павловичъ! Вамъ, какъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, не только по сему званію, но и по личнымъ вашимъ достоинствамъ облеченному всею моею довѣренностью, извѣстно въ полной мѣрѣ, обращаемое мною вниманіе на представленія сихъ мѣстъ, учрежденныхъ для совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ управленія и законодательства. Всякое мнѣніе, всякое замѣчаніе, клонящееся къ охраненію справедливости, или къ пользѣ общей, я принимаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ, какъ несомнѣнный, лучшій знакъ вѣрноподданническаго ко мнѣ и къ престолу моему усердія. Не въ правѣ-ли я надѣяться, что Государственный Совѣтъ, составленный изъ людей, заслужившихъ мое особенное благоволеніе, никогда не ослабнетъ въ усиліяхъ и старанія избѣгать всего, могущаго навлечь на него нареканіе въ неосмотрительности.

«Къ сожалѣнію, я долженъ отмѣтить случай, въ коемъ сіе справедливое ожиданіе не исполнилось.

«Указъ 11-го ноября сего года и приложенная къ нему роспись, коими возвышается привозная пошлина на нѣкоторые товары, и устанавливается добавочный таможенный сборъ, были разсмотрѣны въ комитетѣ финансовъ и въ департаментѣ государственной экономіи, и, наконецъ, въ общемъ собраніи Совѣта. Ни въ которомъ изъ сихъ мѣстъ никто изъ членовъ не замѣтилъ, что по буквальному смыслу ст. 2 примѣчанія II къ росписи, добавочный $12^1/_2$ процентный сборъ распространяется и на товары, привезенные раньше обнародованія сего указа, но еще не очищенные пошлиною, на основаніи закономъ даруе-

мой для сего 6-ти мѣсячной отсрочки, и что чрезъ сіе постановленію новому дается обратное дѣйствіе. Никто, конечно, не можетъ подумать, чтобы правительство, извѣстное своимъ уваженіемъ къ справедливости и доброй вѣрѣ, имѣло намѣреніе постановить что-либо противное присвоеннымъ законами правамъ и священнѣйшему изъ всѣхъ праву собственности.

«Но не даетъ-ли поводъ къ сему ложному заключенію вкравшаяся въ приложеніе къ указу 11-го ноября ошибка? Она ускользнула и отъ моего вниманія, потому, что я былъ въ правѣ ожидать тщательнаго разсмотрѣнія проекта Совѣтомъ. Препровожденіемъ онаго въ Государственный Совѣтъ я доказывалъ, что въ семъ дѣлѣ не хотѣлъ совершенно довѣрить одному моему мнѣнію. Сія ошибка должна быть исправлена.

«Но не менѣе того, я считаю себя обязаннымъ изъявить черезъ васъ всѣмъ участвовавшимъ въ сужденіи сего дѣла, особенно же завѣдующимъ въ комитетѣ финансовъ, возбужденное во мнѣ неосмотрительностію ихъ чувство прискорбія и неудовольствія.

«Они сами, какъ мнѣ извѣстно, съ благородною откровенностью признали, что не совершенно вникнули въ смыслъ постановленія. Отдавая полную справедливость столь похвальному ихъ побужденію, я въ немъ вижу новое для себя удостовѣреніе, что никогда уже не буду вынужденъ постановлять на видъ Государственному Совѣту недостатокъ вниманія въ какомъ то ни было дѣлѣ. Члены онаго не престанутъ доказывать усердными трудами, сколь они достойны моего благоволенія.

«Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Николай».

Рескриптъ этотъ, какъ сказывалъ мнѣ неоднократно Д. Н. Блудовъ,—писанъ былъ имъ; но списанъ собственною рукою государя и въ такомъ видѣ и хранится въ Архивѣ Совѣта.

Что же Совѣтъ?—Совѣтъ отвѣчалъ на это журналомъ того числа (7-го декабря) слѣдующаго содержанія:

«Государственный Совѣтъ, выслушавъ съ благоговѣніемъ высочайшую волю, положилъ: изъяснить его императорскому величеству глубокое прискорбіе свое и вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть къ священнымъ стопамъ его величества чувства живѣйшей признательности за милостивыя выраженія, въ коихъ его величеству угодно было справедливое неудовольствіе свое Государственному Совѣту изъявить».

2-го декабря. 28-го ноября былъ балъ у сенатора Бутурлина, а вчера, 1-го декабря, у гр. Левашова,—балы званые, блестящіе и богатые, какъ и всѣ балы нашей знати. Трудно выдумать тутъ что-нибудь новое; но у гр. Левашова есть нѣчто чудесное, принадлежащее впрочемъ не столько къ балу, сколько къ дому: это огромная, безконечная

оранжерея, примыкающая къ бальнымъ заламъ, съ усыпанными краснымъ пескомъ дорожками, освѣщенная тысячью кинкетокъ, которыхъ огонь отражается на апельсинныхъ и лимонныхъ деревьяхъ. Кому надоѣстъ шумъ и жара бала, тотъ можетъ искать тутъ отдыха и уединенія и, когда на дворѣ трещитъ морозъ, наслаждаться всѣми прелестями цвѣтущаго лѣта. Новость нынѣшней зимы состоитъ еще въ томъ, что на всѣхъ званыхъ вечерахъ всѣ кавалеры являются опять въ бѣлыхъ галстукахъ.

5-го декабря. Вчера было торжественное обрученіе герцога Лейхтенбергскаго съ великой княжной Маріей Николаевной въ Эрмитажной церкви. По тѣснотѣ этой крошечной временной церкви, въ нее введены были до церемоніи только члены Государственнаго Совѣта и дипломатическій корпусъ. Дворъ, предшествовавшій царской фамиліи, провели только черезъ церковь въ другую залу, а прочихъ никого и въ церковъ не пустили. Церемонія была столько же великолѣпная, сколько и трогательная. Обрученіе совершалъ «ветхій деньми» и силами петербургскій митрополитъ Серафимъ, а въ молебнѣ благодарственномъ участвовали четыре митрополита, два архіерея и придворное духовенство—всѣ въ богатѣйшихъ ризахъ. Герцогъ былъ въ нашемъ генеральскомъ мундирѣ съ Андреевской лентой; государь въ казачьемъ мундирѣ; малютки Константинъ и Николай въ мундирахъ: первый морскомъ, а послѣдній уланскомъ; младшій Михаилъ въ русской рубашкѣ. Государь самъ поставилъ новообручаемыхъ на устроенное посреди церкви возвышеніе, а императрица размѣняла имъ кольца. Послѣ обученія начались цѣлованія между членами императорскаго дома, при которыхъ трудно было удержаться отъ слезъ. Особенно удивительно было цѣлованіе обѣихъ сестеръ, Маріи и Ольги Николаевенъ, которыя не могли одна отъ другой оторваться. Послѣ церемоніи былъ у великой княжны общій baisemain, при которомъ герцогъ находился возлѣ нея и принималъ поклоны. Въ то же время прочтенъ былъ въ Сенатѣ манифестъ. Вечеромъ вся царская фамилія была въ театрѣ, и не въ обыкновенной своей ложѣ, а въ парадной, гдѣ публика приняла ее съ восторженными рукоплесканіями, крикомъ «ура!» и національнымъ гимномъ. Чтобы сдѣлать изъ этой замѣтки формальную газетную статью, надобно прибавить, что городъ былъ иллюминованъ и—противъ обыкновенія—мѣстами недурно.

18-го декабря. Вчера, 17-го декабря, минулъ годъ со времени бѣдственнаго пожара Зимняго дворца. Какъ теперь возобновленіе его идетъ исполинскими шагами, то государю захотѣлось отпраздновать этотъ день особеннымъ образомъ. Пожаръ начался, какъ извѣстно, съ Фельдмаршалской залы и, вслѣдствіе того приказано было, чтобы къ 17-му числу эта зала непремѣнно возобновлена была въ прежнемъ своемъ

видѣ. Воля царская сильна въ Россіи и все поспѣло ко времени: зала воскресла опять какъ была тому назадъ годъ; не достаетъ только люстръ и окончательной политуры на стѣнахъ. Вчера собралась туда вся царская фамилія съ маленькою свитою, строительная коммиссія и конногвардейцы, которые прошлаго года въ этотъ самый роковой день были тутъ въ караулѣ подъ предводительствомъ того же самаго офицера (моего племянника Мирбаха). Государь, привѣтствовавъ ихъ, сказалъ:

— Прошлаго года, ребята, вы въ этотъ самый день были первыми свидѣтелями начавшагося здѣсь пожара; мнѣ хотѣлось, чтобы вы же были и первыми свидѣтелями возобновленія этой залы въ нашемъ дворцѣ.

Потомъ былъ, въ присутствіи царской фамиліи, благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. — Къ святой недѣлѣ, которая будетъ очень рано (26-го марта), всѣ важнѣйшія части дворца будутъ отдѣланы, и мы будемъ праздновать Пасху въ возобновленной его большой церкви.

Дверь Сперанскаго открылась. Я тотчасъ этимъ воспользовался и сегодня былъ у него. Здоровье его совсѣмъ возстановилось, кромѣ большой слабости и совсѣмъ пропавшаго голоса, который однако современемъ, вѣроятно, тоже воротится. Я не нашелъ, чтобы онъ и въ лицѣ много перемѣнился. Свиданіе наше было самое дружеское, даже трогательное, и мы оба поплакали. Я такъ давно съ нимъ знакомъ, такъ обязанъ ему за благорасположеніе, которымъ онъ всегда меня отличаетъ, такъ привыкъ отдавать справедливость великимъ его качествамъ, и столько считаю его необходимымъ для Россіи при жалостномъ нашемъ безлюдьи, что искренне образовался, увидя его опять возвращеннымъ намъ.

Я сказалъ, что явился къ нему безъ большой надежды быть допущеннымъ по отказу, который на-дняхъ получилъ его стасъ-секретарь Балугьянскій.

— Совсѣмъ другое дѣло,—отвѣчалъ онъ,—съ Балугьянскимъ не связываетъ насъ ничего кромѣ отношеній службы и мнѣ не объ чемъ было бы говорить съ нимъ, кромѣ дѣлъ, которыми мнѣ еще запрещено заниматься, а васъ я принимаю какъ друга, котораго мнѣ давно уже хотѣлось обнять.

Вчера былъ у него государь и сидѣлъ съ полчаса; старикъ разсказываетъ это всѣмъ съ видимымъ чувствомъ и радостію. Даже старый его полу-швейцаръ и полу-камердинеръ, который при немъ уже болѣе 20-ти лѣтъ, не могъ не похвастать мнѣ, при выходѣ, этимъ визитомъ.

— Государь-батюшка сидѣлъ у насъ съ полчаса, и Михаилъ Михаиловичъ такъ уже этимъ былъ доволенъ, такъ доволенъ, что глядя на него и я не могъ нарадоваться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки русскихъ женщинъ.

Записки графини Варвары Николаевны Головиной (1766—1819). Спб., 1900 г. Souvenirs des voyages de la princesse Natalie Kourakine. 1816—1830. Moscou, 1903.

«У насъ вообще весьма мало такъ называемыхъ «записокъ», mémoires. Особенно бѣдны мы записками печатными, еще болѣе бѣдны записками вполнѣ напечатанными. Я самъ имѣю нѣсколько списковъ съ разныхъ записокъ, но для изданія ихъ, увы! не пришелъ еще часъ. Обнародывать же съ выпусками какъ-то не хочется, особливо въ наше время. Все думается: авось, наступитъ пора и для нихъ показаться на свѣтъ Божій въ настоящемъ своемъ видѣ».

Это честное, правдивое замѣчаніе знаменитаго профессора московскаго университета О. М. Бодянскаго было сдѣлано 40 лѣтъ назадъ [1]), такимъ же остается оно и для нашихъ дней. Мы и теперь бѣдны записками вполнѣ напечатанными. Онъ все надѣялся «авось наступитъ пора»—пора, однако, не наступала.

Записки русскихъ людей вполнѣ напечатаныя, безъ выпусковъ, появляются только за границею. Тамъ напечатаны полностію, безъ пропусковъ, Memoirs of the princess Dashkow, Mémoires de l'impératrice Catherine II, записки С. Трубецкаго, А. П. Ермолова, Д. В. Давыдова, А. С. Шишкова, фонъ-Визина, бар. Розена, Лопухина, А. И. Кошелева, и др. Въ Россіи за это время, съ 1840 по 1884 годъ, не появилось ни однѣхъ записокъ безъ выпусковъ. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить два изданія «Записокъ Ермолова о 1812 годѣ», которыя появились одновременно, въ 1863 г., за границей и въ Россіи, въ московскихъ «Чтеніяхъ».

---

¹) Чтенія, 1863 III, Журналъ П. Н. Кречетникова.

*

Этимъ, быть можетъ, объясняется убожество нашей мемуарной литературы, на которое указывалъ покойный Бодянскій. Неужели же все еще «не оу приде часъ»? Мы думаемъ, что если часъ и не пришелъ еще, то онъ очень близокъ. Не такъ давно прошелъ слухъ, что Академія Наукъ готовитъ изданіе Записокъ императрицы Екатерины II. Это, конечно, только слухъ, но онъ подкрѣпляется дѣйствительностью, всѣми видимою—появленіемъ историческихъ трудовъ, касающихся уже не XVIII, а XIX столѣтія, не только императора Александра I, но уже Николая I, и даже Александра II; готовится, наконецъ, что уже совсѣмъ невозможно, исторія императора Александра III. Конечно, это историческіе труды sui generis; читая ихъ, невольно соглашаешься съ почтеннымъ драматургомъ

„Ахъ, выскажу тебѣ я истину одну:
Исторіи Россійской въ старину
Учили насъ, а скоро малолѣтнихъ
Воспитывать начнутъ на всероссійскихъ сплетняхъ“ [1]).

Тѣмъ не менѣе, если признано возможнымъ обнародованіе исторіи почти нашего времени, то было бы нелогично воспрещеніе Записокъ императрицы Екатерины II, столѣтнюю память смерти которой мы давно уже чествовали.

Въ хронологическомъ перечнѣ послѣдне изданныхъ записокъ русскихъ людей, двѣ женщины стоятъ въ началѣ: княгиня Е. Р. Дашкова и императрица Екатерина II, и двѣ въ концѣ: графиня В. Н. Головина и княгиня Н. И. Куракина. Первыя двѣ писали свои записки, mémoires; вторыя оставили намъ свои воспоминанія, souvenirs. Ни одна изъ этихъ русскихъ женщинъ не писала своихъ записокъ и воспоминаній по-русски, всѣ на французскомъ языкѣ; но только записки Екатерины II и воспоминанія кн. Куракиной изданы правильно, какъ слѣдуетъ, на языкѣ подлинника, на томъ языкѣ, на которомъ писаны; записки же княгини Дашковой изданы въ переводѣ на англійскій языкъ, и воспоминанія графини Головиной на русскій.

О первыхъ двухъ, записки которыхъ изданы за границею, было уже нами упомянуто, насколько то оказывалось возможнымъ, вслѣдствіе запрещенія, наложеннаго цензурой какъ на Memoirs of the princess Dashkow, такъ и на Mémoires de l'imperatrice Catherine II [2]); воспоминанія двухъ послѣднихъ, обозначенныя въ заголовкѣ настоящей статьи,

---

[1]) Аверкіевъ, „Непогрѣшимые“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, CXXXIX, 313.

[2]) Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй, т. XII, № 978 (II, 224) и № 1059 (II, 333).

изданы въ Россіи и, сколько намъ извѣстно, не подвергались еще критической оцѣнкѣ.

Souvenirs de la comtesse Golovine—написаны на французскомъ языкѣ и никогда полностію изданы не были. Они не составляютъ, однако, тайны ни для кого, серьезно интересующагося историческими показаніями того времени. Воспоминанія графини Головиной хранятся въ спискахъ какъ въ Россіи, такъ и за границею; намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстны два списка, которыми мы и пользовались [1]). Отдѣльные эпизоды изъ воспоминаній давно уже напечатаны. Такъ, въ «Revue de la Révolution» [2]) были помѣщены отрывки о большой французской революціи; въ «Revue des Deux Mondes» [3]) была напечатана статья Catherine II d'après des mémoires inédits. Эти отрывки имѣютъ цѣну потому именно, что изданы на языкѣ подлинника.

Въ старину, сравнительно недавнюю, записки какъ кн. Дашковой, такъ и императрицы Екатерины II были изданы безъ перевода на русскій языкъ, удовлетворяющаго только праздное любопытство, незнакомое съ иностранными языками. Въ настоящее время даже русское историческое общество признало ненужнымъ переводъ историческихъ памятниковъ на русскій языкъ и, вопреки § 3 своего устава, обнародываетъ иностранные тексты безъ перевода. Тѣмъ болѣе были мы удивлены, когда, въ 1899 г., въ «Историческомъ Вѣстникѣ» сталъ появляться одинъ переводъ воспоминаній гр. Головиной, безъ текста. Переводчикъ, г. Шумигорскій, оказалъ бы услугу исторической наукѣ изданіемъ французскаго подлинника, съ котораго онъ переводилъ, безъ обнародованія никому не нужнаго перевода, къ тому же сдѣланнаго крайне неумѣло и съ небрежностью, граничащею съ невѣжествомъ.

Souvenirs de la comtesse Golovine обратились въ переводѣ г. Шумигорскаго въ «Записки графини Головиной». Такое смѣшеніе воспоминаній, souvenirs, съ записками, mémoirés, могло произойти только вслѣдствіе небрежнаго отношенія переводчика къ французскому языку, такъ какъ гр. В. Н. Головина, въ концѣ своихъ воспоминаній, категорически заявляетъ: «я пишу не записки, а воспоминанія» (269). Самовольно измѣнивъ заглавіе, г. Шумигорскій довольно наивно удивляется, не находя въ воспоминаніяхъ того, что принадлежитъ запискамъ, и укоряетъ автора, что «біографическія данныя о себѣ самой Головина не сообщаетъ въ запискахъ съ должной полнотой, о нѣкоторыхъ же подробностяхъ своей личной жизни она вовсе не упоминаетъ» (VIII).

Изданіе текста историческихъ матерьяловъ требуетъ, сверхъ общаго

---

[1]) Ibid., № 1245 (II, 497).
[2]) 5 Août 1883.
[3]) XCII, 892.

историческаго образованія, еще спеціальныхъ знаній и извѣстныхъ способностей. Такой текстъ долженъ быть, прежде всего, очищенъ отъ всѣхъ невѣрностей, случайныхъ или умышленныхъ, точнымъ ихъ указаніемъ, и, затѣмъ, каждое слово текста, возбуждающее почему-либо сомнѣніе, подлежитъ подробному разъясненію; словомъ, издатель долженъ исполнить критику текста, послѣ чего изданіе становится достояніемъ исторической науки, ея матерьяломъ, которымъ историкъ, при помощи критики факта, пользуется и для дальнѣйшихъ цѣлей—для опредѣленія руководящей идеи, для раскрытія политическихъ комбинацій, для полноты художественнаго представленія. При изданіи перевода требуется, сверхъ того, безусловная точность съ оригиналомъ. Переводчикъ не имѣетъ права ни искажать факты, ни затемнять смыслъ, ни даже умалять силу впечатлѣнія, производимаго подлиннымъ текстомъ. Трудъ не малый, требовавшій, въ данномъ случаѣ, прежде всего знанія французскаго языка.

«Записки гр. Головиной» въ переводѣ г. Шумигорскаго производятъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ Souvenirs de la comtesse Golovine. Переводчикъ нерѣдко искажаетъ подлинникъ до неузнаваемости; неточность перевода иногда бросается въ глаза и весьма часто успѣшно конкурируетъ съ небрежностью переводчика.

Упоминая о таврическомъ путешествіи Екатерины II, гр. Головина рисуетъ небольшую, но чрезвычайно характерную картинку:

«Князь Потемкинъ приготовилъ для встрѣчи [1]) императрицы многочисленную стражу; государыня отказалась отъ нея. Императоръ Іосифъ, казалось, былъ болѣе чѣмъ удивленъ, что принято такъ мало предосторожностей для безопасности императрицы. Государыня ничего не возразила на его замѣчаніе, но слѣдующее событіе оправдало ея образъ дѣйствій. Вновь присоединенные татары встрѣчали [2]) ее съ восторгомъ. Экипажъ ея величества поднимался на крутую гору, лошади закусили удила, государынѣ угрожала опасность быть выброшенной изъ экипажа. Но мѣстные жители, сбѣжавшіеся встрѣтить [3]) свою повелительницу, бросились къ лошадямъ и успѣли остановить ихъ. Нѣсколько человѣкъ было убито, другіе ранены, но воздухъ оглашался радостными криками. «Теперь я вижу,—сказалъ императоръ государынѣ,—что вы не нуждаетесь въ охранѣ» (11).

Въ подлинникѣ ни о какой встрѣчѣ, трижды упоминаемой перевод-

---

[1]) Le prince Potemkine avait préparé une garde nombreuse.

[2]) Les Tartares nouvellement conquis (не вновь присоединенные) la reçurent avec enthousiasme.

[3]) Les habitants des villages voisins accourus pour voir passer leur Souveraine.

чикомъ, нѣтъ ни слова, и основной мотивъ разсказа переведенъ г. Шумигорскимъ ошибочно, такъ какъ даже не бывшему въ семинаріи извѣстно, что при путешествіи на лошадяхъ по горамъ опасность угрожаетъ при спускѣ, не при подъемѣ, о чемъ въ подлинникѣ вовсе не говорится [1]) и что въ переводѣ можетъ вызвать одно лишь сомнѣніе въ справедливости всего разсказа. Между тѣмъ здѣсь сообщенъ гр. Головиной фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Въ прекрасно разработанномъ покойнымъ Г. В. Есиповымъ «Путешествіи императрицы Екатерины II въ южную Россію» г. Шумигорскій можетъ прочесть слѣдующее:

«20-го мая 1787 года, предъ спускомъ въ Бахчисарай съ крутой горы, лошади, запряженныя въ тяжелую шестимѣстную карету императрицы, не могли удержаться, рванулись, понесли внизъ и потомъ стали разомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ упали. Карета наѣхала на нихъ и опрокинулась бы, еслибы татары не поддержали ее» [2]).

Въ Парижѣ г. Шумигорскому посчастливилось еще менѣе, чѣмъ въ Бахчисараѣ.

По словамъ графини Головиной, она, «въѣхавъ въ улицу Бакъ, не знала куда направиться; одна добрая женщина указала ей отель Кассини на Вавилонской улицѣ» (181). По переводу г. Шумигорскаго, домъ, въ которомъ поселилась гр. Головина, «былъ окруженъ четырьмя садами, а именно: садомъ иностраннаго посольства, де-Веракъ, де-Монако и садомъ г-жи де-Шатильонъ (199). Площадка сада гр. Головиной возвышалась надъ садомъ иностраннаго посольства и съ нея была видна процессія таинства причастія» (200).

Что это за иностранное посольство? Почему въ немъ совершается процессія таинства причащенія?

Въ подлинникѣ ни о какомъ иностранномъ посольствѣ не упоминается, и оно есть результатъ невѣжества переводчика, надѣющагося на безнаказанное извращеніе текста, еще не изданнаго и потому мало кому извѣстнаго. Дѣло въ томъ, что въ Парижѣ, на углу rue du Bac и rue de Babylone, противъ извѣстнаго магазина Bon Marché, находится домъ, принадлежащій конгрегаціи des Missions étrangères; въ разговорномъ языкѣ, по-просту, этотъ домъ называется Missions étrangères. Такъ называетъ его и графиня Головина; но г. Шумигорскій, не имѣющій никакого понятія о безцѣнныхъ услугахъ, оказанныхъ иностранными миссіями христіанству и человѣчеству, обращаетъ миссіонеровъ въ посланниковъ!

Г. Шумигорскаго очень затрудняютъ несносныя французскія нарѣ-

---

[1]) La voiture de Sa Majesté se trouvant sur une montagne fort escarpée, les chevaux prirent le mors aux dents, elle allait être renversée, mais etc.

[2]) „Кіевская Старина", XXX, 416.

чія dessous и dessus, которыя совершенно безотчетно увлекають его то вверхъ, то внизъ. Такъ, въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ, гр. Головина помѣщалась г. Шумигорскимъ то надъ комнатами великой княгини Елизаветы Алексѣевны (75), то подъ ними (76).

При такомъ солидномъ знаніи французскаго языка г. Шумигорскій не затрудняется, однако, переводить даже стихами. Но, Богъ мой, что это за переводъ! Уже послѣ того какъ великій князь Александръ Павловичъ, въ присутствіи своей супруги, сказалъ гр. Головиной: «Zouboff est amoureux de ma femme», Колычевъ, отъ имени Зубова, предложилъ графинѣ Головиной спѣть романсъ, второй куплетъ котораго былъ слѣдующій:

Le sort me fait un crime
De vouloir l'enflammer
Et laisse à sa victime
Le droit fatal d'aimer.

Гр. Головина отказалась пѣть этотъ романсъ, но г. Шумигорскій не отказалъ себѣ въ удовольствіи перевести этотъ куплетъ слѣдующими стихами:

Судьба совершаетъ преступленіе,
Заставляя меня желать ее воспламенить,
Предоставляетъ своей жертвѣ
Роковое право любить (48).

Такого стихотворнаго перевода устыдился, однако, и самъ г. Шумигорскій на столько, что пародія на Imprécations de Camille переведена имъ уже прозой, не стихами, при чемъ одна строка, не поддававшаяся переводу даже въ прозѣ, совсѣмъ выброшена, какъ, дѣйствительно, очень трудная:

Que ton château sur toi renverse ses murailles (144).

Утомленный въ борьбѣ съ подобными трудностями перевода французскихъ стихотвореній стихами же и прозой, г. Шумигорскій оставляетъ третье французское стихотвореніе (221) совсѣмъ безъ перевода.

Эти трудности особенно замѣтны при переводѣ на русскій языкъ названій иностранныхъ городовъ. Meudon, прославленный знаменитымъ Раблэ, обращается у г. Шумигорскаго въ Мендонъ (207); онъ смѣло пишетъ «Près de Gervait, поле Жерве» (226), Раштадтъ называетъ Кронштадтомъ (228), Брухзаль—Брунзалемъ (253) и т. п. Переводчику вовсе неизвѣстны даже важнѣйшія изслѣдованія о Раштадтскомъ избіеніи; онъ не въ состояніи исправить ошибокъ гр. Головиной [1]) и повторяетъ ихъ съ спокойной совѣстью.

[1]) Не въ 1798 г., а 17-го (28-го) апрѣля 1799 г. французскіе представители на Раштадтскомъ мирномъ конгрессѣ, Roberjot и Bonnier, были измѣнниче-

Пока графиня Головина остается въ Россіи, г. Шумигорскій снабжаетъ свой переводъ кое-какими примѣчаніями, хотя и скудными, но все же не лишними; съ переѣздомъ же гр. Головиной за границу примѣчанія переводчика отпадаютъ совершенно, и даже Гуфеландъ, всемірно извѣстный авторъ «Макробіотики», удостоивается только отмѣтки: «Знаменитый врачъ того времени, р. 1762, ум. 1836» (175).

Какъ событія, такъ и лица проходятъ мимо г. Шумигорскаго совершенно безслѣдно, ничего не говоря ни уму, ни сердцу. Онъ ничѣмъ не интересуется, потому что ничего не знаетъ. Онъ небрежно переводитъ и оставляетъ безъ всякаго примѣчанія слѣдующее, напр., «воспоминаніе» графини Головиной:

«Въ Готѣ покойный герцогъ похороненъ, по его волѣ, въ его саду безъ гроба, въ рубашкѣ. Его могила внутри выстлана газономъ и окружена плетнемъ, чтобы земля не коснулась его. Гробъ же его стоитъ въ церкви, находящейся недалеко отъ его могилы. Странныя свойства его души, своеобычная фантазія, тщеславіе, пренебрегающее истиной, которой онъ не признавалъ, даетъ представленіе о фиглярѣ, который своими фокусами не попадаетъ въ цѣль. Предметъ, который онъ хотѣлъ скрыть, открылся предъ глазами публики. Мнѣ досадно за герцога, который все же умеръ и съѣденъ червями. Вѣчность существуетъ и для него; его небрежный костюмъ не помѣшаетъ ему войти въ жизнь вѣчную» (229).

О комъ тутъ говорится? О чемъ тутъ идетъ рѣчь? Г. Шумигорскому, казалось бы, лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно, что фигляровъ много на свѣтѣ—ими хоть прудъ пруди, и этого указанія никоимъ образомъ недостаточно для опредѣленія личности. Гр. Головина хорошо знала, о комъ она писала и о чемъ вспоминала; переводчикъ же, г. Шумигорскій, и не догадывается, что этотъ, по словамъ гр. Головиной, фигляръ игралъ выдающуюся роль въ исторіи Германіи, его знала и высоко цѣнила Екатерина II [1]), его уважалъ Фридрихъ II и всѣ глубоко были опечалены, узнавъ, что 29-го марта 1804 года умеръ герцогъ Саксенъ-Готскій Эрнстъ II. Мало того: г. Шумигорскій и не подозрѣваетъ, что предокъ этого «фигляра», герцогъ Эрнстъ I, переписывался съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ и что русское посольство ѣздило отъ царя къ нему въ Готу. Если бы г. Шумигорскій обладалъ

ски умерщвлены; Jean (не Jacques) Debry былъ только раненъ и спасся. Этотъ вопросъ былъ подробно изслѣдованъ проф. Зибелемъ въ статьяхъ: Der Rastadter Gesandtenmord (Hist. Zeitsch., 1874, XXXII), Urkundliches über den Rastadter Gesandtenmord, Berlin, 1876; Graf Lehrbach und der Rastadter Gesandtenmord (Hist. Zeitsch., 1878, XXXIX).

[1]) Сборникъ, XXIII, по указателю.

общимъ историческимъ образованіемъ, онъ прочелъ бы любопытныя данныя объ этомъ фиглярѣ гр. Головиной въ изслѣдованіи А. Трачевскаго «Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II», Спб. 1877.

Въ Россіи, г. Шумигорскій интересуется даже дѣтьми упоминаемыхъ гр. Головиной лицъ—«изъ дочерей М. А. Нарышкиной одна умерла въ младенчествѣ, другая—отъ чахотки» (159), говоритъ переводчикъ въ примѣчаніи; за границей, даже особое указаніе гр. Головиной не останавливаетъ г. Шумигорскаго. Такъ, называя аббата Эджеворта, гр. Головина прибавляетъ: «одного имени котораго достаточно, чтобы внушить глубокое уваженіе» (237); но г. Шумигорскому это имя не внушаетъ ровно ничего, такъ какъ онъ не знаетъ, что Edgeworth de Firmont былъ духовникомъ французскаго короля Людовика XVI въ послѣдніе часы его жизни, которые онъ подробно описалъ, и это описаніе было издано въ Петербургѣ, въ видѣ довольно рѣдкой теперь брошюры: Dernières heures de Louis XVI, roi de France et de Navarre, écrites par l'abbé Edgeworth de Firmond, son digne confesseur. St.-Pétersbourg, 1814. Рядомъ съ дѣвочкой, умершей «въ младенчествѣ», г. Шумигорскій вовсе не упоминаетъ о томъ, что аббатъ Эджевортъ умеръ въ Россіи, въ Митавѣ. Иногда переводчикъ только затрудняетъ читателя невѣрнымъ чтеніемъ фамиліи: кто подъ Монтагю (188) узнаетъ англичанку lady Montague, вдову графа Сандуича? Даже Чимарозо, если вѣрить г. Шумигорскому, написалъ комическую оперу Impressario in Augustino (75), а не Impresario in angustie.

Мы отмѣтили ошибку г. Шумигорскаго въ переводѣ перваго же слова, по которой воспоминанія обращены въ записки; предлагаемъ читателямъ оцѣнить переводъ послѣднихъ словъ воспоминаній гр. Головиной:

«Я разсказала массу маленькихъ событій, которыя не могутъ всѣхъ интересовать, но нельзя забывать, что я пишу не мемуары, а воспоминанія, изъ которыхъ тѣ, которыя касаются императрицы, имѣютъ для меня громадную цѣну.

«Нельзя равнодушно слѣдовать по тѣмъ тропинкамъ, по которымъ проходили на зарѣ жизни. Сердце также имѣетъ тропинки, по которымъ любятъ ходить; тропинками этими являются честныя и чистыя чувства, а предѣлами ихъ является наша могила» (269).

Кому нуженъ такой переводъ текста, не очищеннаго къ тому же критикой? При серьезной работѣ всякій постарается основаться на подлинникѣ, который хотя съ трудомъ, но все же можетъ быть добытъ; подобный же переводъ можетъ интересовать только любителей «всероссійскихъ сплетенъ».

Переводъ воспоминаній гр. Головиной изданъ съ выпусками, кото-

рые такъ претили Бодянскому: «Записки гр. Головиной изданы въ полномъ ихъ видѣ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, выброшенныхъ» (271) по цензурнымъ условіямъ. Г. Шумигорскій ничѣмъ не отмѣчаетъ пропусковъ; мы замѣтили ихъ только три—всѣ они крайне ничтожны и касаются исключительно императора Павла I. Гр. Головина пишетъ, во-первыхъ, «sa tête était un dédale où la raison s'égarait; во-вторыхъ, что именно гр. Паленъ подготовилъ катастрофу 11-го марта 1801 г. и, въ-третьихъ, что̀ Крюссоль объ этомъ сообщилъ, при чемъ у г. Шумигорскаго поставлены точки (163).

Переводъ воспоминаній гр. Головиной г. Шумигорскій сопровождаетъ предисловіемъ и послѣсловіемъ.

Мы довольно подробно разсмотрѣли переводъ г. Шумигорскаго, такъ какъ придаемъ большое значеніе «Воспоминаніямъ гр. Головиной», особенно въ той части, которая не касается императрицы Екатерины II [1]). Предисловіе и послѣсловіе не имѣютъ сами-по-себѣ значенія и лишь дополняютъ общую характеристику нашихъ историковъ-дилеттантовъ.

Въ предисловіи, дѣлая выводы изъ своего перевода, г. Шумигорскій, какъ историкъ-дилеттантъ, фантазируетъ до извращенія фактовъ, имъ же сообщенныхъ въ переводѣ. Ему, какъ оказывается, нельзя въ этомъ отношеніи довѣрять. Неточности въ переводѣ объясняются слабымъ знаніемъ французскаго языка; повтореніе ошибокъ гр. Головиной свидѣтельствуетъ о его исторической неподготовленности къ подобному труду; но чѣмъ объяснить ту развязную самоувѣренность, съ какою онъ сообщаетъ завѣдомо ложные факты?

Г. Шумигорскій пишетъ въ предисловіи: «Проживъ большую половину жизни и желая возобновить въ памяти подробности о сношеніяхъ своихъ съ любимыми лицами, Головина начала писать свои «Записки» лишь для себя одной, но объ этой ея работѣ узнала императрица Елизавета и пожелала познакомиться съ нею. Начало «Записокъ» (объ екатерининскомъ времени) встрѣтило одобреніе императрицы, и, приглашая Головину продолжать «Записки», она просила ее сообщать ей ихъ и впредь» (XIX). Между тѣмъ сама гр. Головина сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Однажды вечеромъ (осенью 1811 года) императрица Елизавета сказала мнѣ: «Непремѣнно хочу, чтобы вы согласились на то, о чемъ я васъ сейчасъ попрошу: пишите мемуары. Никто не способенъ на это больше васъ, и я обѣщаю вамъ помогать и доставлять вамъ матеріалы». Я сослалась на нѣкоторыя затрудненія, но они были устранены, и пришлось согласиться. Я предпринимала работу, къ которой не чувствовала себя способной, но все-

---

[1]) Бильбасовъ, Ист. Ек. Вт., XII, № 1245 (II, 497).

таки на другой день я принялась за перо. Черезъ нѣсколько дней я показала ихъ начало императрицѣ; она казалась удовлетворенной и приказала мнѣ продолжать» (249). Кто же можетъ довѣрять г. Шумигорскому, когда онъ самъ себѣ не довѣряетъ: въ переводѣ пишетъ одно, а въ предисловіи другое, прямо противоположное?

И вотъ при такомъ-то болѣе чѣмъ невнимательномъ отношеніи къ воспоминаніямъ гр. Головиной, г. Шумигорскій въ предисловіи и въ послѣсловіи взводитъ «напрасный поклепъ на отцовъ іезуитовъ» (VIII, 272) въ томъ, будто они хранятъ подлинныя бумаги гр. Головиной и Свѣчиной, предоставляя намъ довольствоваться лишь списками съ нихъ.

Г. Шумигорскому, какъ стороннику свящ. Морошкина, автора «Іезуитовъ въ Россіи», чуждо точное употребленіе слова іезуитъ, какъ наименованія членовъ Общества Іисуса, вслѣдствіе чего выходитъ путаница. Ему необходимо напомнить, что члены Общества Іисуса, какъ католическаго ордена, всѣ суть католики, но далеко не всѣ католики суть члены Общества Іисуса, суть іезуиты. Г. Шумигорскій очень настойчиво называетъ іезуитомъ графа де Фаллу (XIII, 272), издавшаго бумаги г-жи Свѣчиной, Pensées chrétiennes и ея Lettres, и составившаго Vie de M-me Swetchine [1]). Comte de Falloux былъ министромъ народнаго просвѣщенія; при немъ изданъ знаменитый законъ о свободѣ обученія (sur la liberté de l'enseignement), и, безъ сомнѣнія, для Общества Іисуса было бы большою честію считать его въ числѣ своихъ членовъ, но онъ никогда имъ не былъ, и г. Шумигорскій, конечно, самъ не знаетъ на какомъ основаніи онъ называетъ его іезуитомъ. Равнымъ образомъ и chevalier d'Augard, кавалеръ д'Огардъ (XII), не былъ іезуитомъ, даже въ морошкинскомъ смыслѣ, усвоенномъ г. Шумигорскимъ.

Съ бумагами г-жи Свѣчиной, изданными де Фаллу, г. Шумигорскій незнакомъ; онъ не разъ цитируетъ это изданіе, но всегда со словъ другихъ. Если бы онъ поинтересовался прочесть хотя бы только жизнеописаніе г-жи Свѣчиной, онъ узналъ бы, что всѣ ея бумаги были завѣщаны графу де Фаллу, какъ ея наслѣднику, légataire universel [2]). Графъ де Фаллу умеръ бездѣтнымъ и оставилъ бумаги Свѣчиной своему родственнику виконту де Блоа (vicomte de Blois), который ими теперь и владѣетъ.

По увѣренію г. Шумигорскаго, бумаги гр. Головиной находятся «у достопочтенныхъ отцовъ іезуитовъ» (VIII, 272). Даже извѣстный ученый о. Пирлингъ, первый, напечатавшій отрывокъ изъ воспоминаній гр. Головиной, не могъ убѣдить г. Шумигорскаго (271), что онъ

---

[1]) de Falloux, Oeuvres de M-me Swetchine, 7 v. Paris, 1858.

[2]) Falloux, Vie de M-me Swetchine, préface.

ошибается и что въ «іезуитскихъ архивахъ» нѣтъ бумагъ Головиной. Ея воспоминанія очень интересовали, какъ писалъ намъ нѣкогда о. Пирлингъ, И. С. Гагарина, который всю жизнь искалъ ихъ и умеръ, не отыскавъ. О. Пирлингу болѣе посчастливилось: въ 1883 г. графъ Андрей Мнишекъ сообщилъ ему воспоминанія гр. Головиной, въ 4-хъ тетрадяхъ, и тогда же имъ были напечатаны въ Revue de la Révolution отрывки о большой французской революціи. Гр. А. Мнишекъ имѣетъ экземпляръ графини Фредро, полученный имъ отъ ея сына графа Максимиліана, камеръ-юнкера. Этотъ же списокъ былъ поднесенъ графомъ Фредро, внукомъ гр. Головиной, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и нынѣ хранится въ собственной Его Величества библіотекѣ.

Гдѣ бы, однако, ни былъ подлинникъ воспоминаній графини Головиной, онъ не придастъ г. Шумигорскому бо̀льшаго знанія французскаго языка и не измѣнитъ его небрежнаго отношенія къ тексту. Зачѣмъ же г. Шумигорскому такъ желательно видѣть оригиналъ? Что онъ надѣется найти въ немъ, чего не было бы въ спискахъ?

Въ своихъ воспоминаніяхъ графиня Головина «ни словомъ не упоминаетъ о переходѣ своемъ въ латинство» (XIV). Казалось бы, это должно было предостеречь переводчика. Графиня Головина писала не записки, а воспоминанія; если она «ни словомъ» не вспомнила о своемъ переходѣ въ лоно католической церкви, то она, конечно, имѣла на это свои основанія. Она сознавала, что лишь не многіе способны понять «смутную тревогу чего-то жаждущей души», что большинству чужды, непонятны страдальческія исканія вѣчной истины, мученическія стремленія къ высокому, неземному идеалу, та духовная страстность, которая дается въ удѣлъ не многимъ, только избраннымъ, и къ которой толпа всегда остается безучастна и нерѣдко относится съ злобнымъ осужденіемъ, забывъ божественный завѣтъ: «не судите, да не судимы будете».

Г. Шумигорскій не только судитъ, но и осуждаетъ. Упомянувъ о «совращеніи русскихъ женщинъ высшаго общества», объ ихъ «отступничествѣ», онъ видитъ въ этомъ лишь «религіозную горячку» и отмѣчаетъ только, что онѣ «сами себя вычеркнули изъ списка русскихъ подданныхъ» (XIV). Такое смѣшеніе вѣроисповѣднаго чувства съ вѣрноподданническимъ невольно напоминаетъ, что премудрость «не внидетъ въ душу злохудожну».

Обращаемъ вниманіе на неряшливость изданія: Екатерину II нельзя называть «императрицей Маріей» (45), какъ нельзя называть подлинникъ воспоминаній гр. Головиной «нерукотворнымъ памятникомъ» (XIX); къ главѣ XV нельзя указывать въ примѣчаніи: «Про-

долженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 848» (127); въ концѣ стр. 237 незачѣмъ выбрасывать двѣ строки [1]); и т. д.

Въ «Указателѣ личныхъ именъ» эта неряшливость доведена до того, что недоумѣваешь, зачѣмъ и кому нуженъ такой указатель. Такъ, напримѣръ, подъ именемъ княгини Куракиной, Натальи Ивановны, отмѣчены два совершенно разныхъ лица: кн. Репнина, рожд. Куракина (4) и кн. Куракина, рожд. Головина (123).

Путевыя воспоминанія этой кн. Н. И. Куракиной, рожд. Головиной, вышли на-дняхъ въ свѣтъ. Они составляютъ первый томъ историческаго сборника «Девятнадцатый Вѣкъ», издаваемаго кн. Ѳ. А. Куракинымъ.

Читая Souvenirs des voyages de la princesse Natalie Kourakine, отдыхаешь душой: ни придворныхъ интригъ, ни козней или сплетней высшаго общества, ни скучной злобы дня, ни политическаго шантажа, ни общественной неправды, ничего подобнаго нѣтъ въ путевыхъ воспоминаніяхъ кн. Куракиной. Они вводятъ насъ въ свѣтлый міръ искусства, знакомятъ съ художественною областью и дружатъ съ свободными профессіями.

Три раза путешествовала кн. Куракина по Европѣ, по цѣлымъ мѣсяцамъ жила въ Парижѣ и Вѣнѣ [2]), посѣтила Германію, Швейцарію, Италію, и въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ останавливалась для ночлега, она тщательно записывала все, что̀ видѣла, съ кѣмъ встрѣчалась, что̀ дѣлала. А видѣла она и осматривала, преимущественно, произведенія искусствъ, встрѣчалась и знакомилась особенно охотно съ художниками, артистами, писателями, и посвящала весь день свой на посѣщеніе галлерей, выставокъ, театровъ. Она упоминаетъ также въ своихъ замѣткахъ, но только упоминаетъ, о встрѣчахъ съ коронованными особами и высокопоставленными лицами, съ членами парламентовъ и министрами, своими и чужими, никогда не останавливая на нихъ вниманія читателя.

Княгиня Куракина страстно любила театръ, интересовалась музыкой, много читала. Знаменитая пѣвица Каталани—ея véritable amie (417), она восторгается Марсъ, Тальмой, Лаблашемъ и др. сценическими знаменитостями своего времени; она подкупаетъ парижскихъ ouvreuses, чтобъ спокойно слѣдить за представленіемъ (24, 27); въ частныхъ домахъ для нея устраиваютъ вокальные и музыкальные вечера, на которыхъ она и сама охотно поетъ (47, 74, 152, 186), несмотря на свои 50 лѣтъ. Она музыкантша въ душѣ, и арфа—ея любимый инструментъ: возвра-

---

[1]) „Истор. Вѣстн.“ LXXVIII, 55.

[2]) Однажды она прожила въ Парижѣ 10 мѣсяцевъ (123) и въ Вѣнѣ 9 (354).

щаясь поздно вечеромъ изъ театра, она играетъ на арфѣ слышанные ею мотивы (75, 77, 89, 105, 118, 201). Ее интересуетъ всякая новая пьеса, и въ Парижѣ она проводитъ всѣ вечера въ театрѣ; не понимая ни слова по-нѣмецки (324, 338, 360), она посѣщаетъ въ Вѣнѣ драматическія представленія, и для нея возобновляютъ «Falsche Katalani» (320). Она знакомится съ M-me Récamier, une des plus jolies personnes de Paris (39), съ M-me Staël, произведеніями которой зачитывалась (217); она «пожирала» Compensations dans les destinées humaines, par M. Asais (78), бесѣдовала съ такими писателями, какъ Brifaut и Aimé Martin, слушала спеціально для нея устроенное сообщеніе аббата Сикара о глухонѣмыхъ (43,47), со слезами на глазахъ осматривала «домишко» Ж.Ж. Руссо (109,113) и жилище Вольтера (132). Возвращаясь съ придворнаго обѣда, она, княгиня Куракина, принимаетъ у себя, вечеромъ, за чашкой чая, артистовъ, художниковъ, писателей и записываетъ въ своемъ дневникѣ: Il m'est très doux d'avoir l'amitié de tout ce monde, que je préfère bien à toutes les grandes sociétés (196).

Кн. Куракина интересовалась искусствомъ, всякимъ искусствомъ, до литографіи включительно (211), и свои впечатлѣнія въ этомъ отношеніи тщательно отмѣчала въ своихъ путевыхъ замѣткахъ. Предпочитая представителей свободныхъ профессій «всѣмъ высшимъ обществамъ», она не скрыла отъ насъ и своего негодованія на высшее русское общество. Въ Карлсбадѣ, на офиціальномъ обѣдѣ по случаю дня рожденія императора Николая I, посланникъ Д. П. Татищевъ небрежно обошелся съ кн. А. А. Долгорукимъ, бывшимъ министромъ юстиціи; кн. Куракина записала по этому поводу: Parce qu'il a quitté le ministère, on le bafoue. Cela fait mal, très mal, et je suis plus décidée que jamais à renoncer à notre grande société. Il n'y a ni âme, ni coeur, et l'on deviendrait misanthrope, si l'on n'y prenait garde (427).

Наша путешественница объѣзжала Европу въ большой каретѣ, которую она находила «маленькою» и которую наши отцы титуловали дормезомъ. J'y suis comme dans un joli boudoir (354), говоритъ княгиня. Въ эту petite calèche впрягали шестерку лошадей (414) и, тѣмъ не менѣе, въ Гейдельбергѣ, при подъемѣ на гору, лошади стали, карета двинулась подъ гору, и кн. Куракина съ крикомъ выскочила изъ экипажа (371). Въ дурную погоду она оставалась весь день въ каретѣ; въ хорошую, проѣзжая плѣнительными мѣстами, она останавливала лошадей, выходила изъ экипажа и любовалась видами. Въ глухихъ мѣстечкахъ она предпочитала «грязному постоялому двору» свой будуаръ и проводила ночь въ каретѣ.

Путевыя замѣтки кн. Куракиной изданы съ тщательностью, дѣлающею большую честь издателю. Онѣ писаны на французскомъ языкѣ,

на которомъ и изданы, при чемъ корректуру текста держалъ «докторъ словесныхъ наукъ Сорбонскаго университета г. Мальнори», чтò избавило читателей отъ несноснаго правописанія того времени, съ которымъ они хорошо уже знакомы по подлиннымъ письмамъ въ изданіи «Архива кн. Воронцова». Текстъ, конечно, ни мало не пострадалъ отъ исправленій правописанія; какъ ловкіе обороты автора, такъ и его неудачныя выраженія сохранены вполнѣ.

Такъ, напр., объ одной изъ саксонскихъ принцессъ записано: Elle est laide comme le péché, mais la bonté perce à travers tout cela et semble tirer un voile sur la laideur (345); въ тѣхъ же выраженіяхъ составленъ отзывъ о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ: Plus on le regarde, plus on passe un voile sur sa figure pour ne prendre garde qu'à son esprit et lui trouver une teinte de bonté provenant de son excellent coeur (405).

Неизмѣнено и крайне неудачно сдѣланное самимъ авторомъ заглавіе: Souvenirs des voyages. Кн. Куракина записывала свои впечатлѣнія каждый день, по вечерамъ, и сама называла свои замѣтки дневникомъ: Hier, en mettant mes idées de la journée dans mon journal j'oubliai d'y insérer и т. д. (413). Забывая кое-что даже въ тотъ же день, она, менѣе чѣмъ кто-либо, могла довѣрять своей памяти: j'ai rencontré ce soir un personnage qui me connait, mais je n'ai jamais pu me souvenir ni de son non, ni de sa personne (316), и такія отмѣтки встрѣчаются довольно часто (336, 420). Оно и понятно: она не могла вспомнить, кто и въ какой день посѣтилъ ее, что и когда видѣла она въ томъ или другомъ театрѣ—это отмѣчается ежедневно и немедленно, такъ какъ такія мелочи вспомнить нельзя, а забыть легко. Вотъ почему выраженіе Souvenirs des voyages должно быть признано, какъ заглавіе, крайне неудачнымъ, но, конечно, не подлежало измѣненію.

Еще болѣе неудачно, чѣмъ заглавіе, неподлежащее измѣненію—помѣщеніе примѣчаній въ концѣ книги, чтò, въ будущемъ, по крайней мѣрѣ, необходимо подлежитъ измѣненію. Искать примѣчаніе въ книгѣ толстой, тяжелой, крайне неудобно и, къ тому же, досадно, когда поиски оказываются безплодными. Читателя должно облегчать, а не затруднять; въ виду облегченія именно и составляются примѣчанія, разъясняющія читателю всѣ мѣста, вызывающія какое-либо недоумѣніе. Такъ, напр., подъ 2-мъ сентября 1817 г., въ Женевѣ, говорится о подаркахъ, полученныхъ авторомъ, о его чествованіи (152); ищете объясненій въ примѣчаніи, но тщетно. Иногда же примѣчаніе можетъ ввести только въ заблужденіе — польскій король Станиславъ-Августъ не «сопровождалъ Екатерину по Крыму» (429).

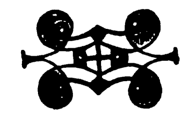
Въ предисловіи справедливо указано, что въ замѣткахъ кн. Куракиной «числа помѣчались старымъ стилемъ» (XXXVIII). Вслѣдствіе

этого она два раза отпраздновала Успеніе Пресвятыя Богородицы— 3-го августа, по католическому обряду, въ Ахенѣ (381), и 15-го августа, по православному, въ Брюсселѣ (384), хотя въ примѣчаніяхъ объ этомъ не упомянуто. Въ этомъ отношеніи кн. Куракина, прослушавъ католическую мессу въ Шамуни, записала: Le curé disait la messe, je l'entendis avec la même ferveur presque que si je me trouvais à une messe grecque; il y a si peu de différence (139).

Не поняли мы также примѣчанія по поводу собачки Munito (73, 374), отгадывающей задуманную карту. Указавъ, что при этомъ два раза вынимался валетъ трефъ, кн. Куракина отмѣтила: on dirait qu'il devinait ma couleur (73), что въ примѣчаніи сопровождается слѣдующимъ разъясненіемъ: «князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ былъ брюнетъ» (432).

Эти мелкія замѣчанія могутъ уже свидѣтельствовать, что дѣльное, умѣло исполненное изданіе Souvenirs des voyages de la princesse Natalie Kourakine не даетъ повода къ замѣчаніямъ болѣе серьезнымъ.

В. Бильбасовъ.

I.

Императрица Екатерина II и графъ Орловъ-Чесменскій.

Письмо графа Алексѣя Орлова къ императрицѣ Екатеринѣ II.

12-го іюля 1795 г.

Всемилостивѣйшая государыня! Еще имѣю счастіе поздравить ваше императорское величество съ прошедшими высокоторжественными праздниками, которые сдѣлали всей Россіи благоденствіе по высокой вашей щедротѣ и милосердію. При семъ прилагаю письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ чужестранца, получивъ оное съ почты, которое надписано на имя вашего величества. Я жъ, распечатавъ мой пакетъ и не нашедъ ни отъ кого никакого отзыву ко мнѣ, за долгъ свой поставляю—представить вамъ и мой пакетъ, въ которомъ и письмо къ вашему величеству, на ваше разсмотрѣніе. А при томъ прошу и молю васъ, отъ неизвѣстныхъ людей, чтобъ вы сами писемъ не распечатывали. Злымъ людямъ нѣтъ предѣловъ; а вы—наше и всей Россіи счастіе. И тако да молю Всевышняго, да защититъ тебя могущею Своею десницею отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ золъ на вѣки нерушимо, и да продлитъ дніе живота вашего для всеобщаго благополучія всѣхъ вѣрноподданныхъ вамъ. Я жъ, повергая себя и все мое семейство ко освященнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшій и преданнѣйшій графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій.

II.

Письмо императрицы Екатерины II графу А. Орлову.

19-го іюля 1795 г.

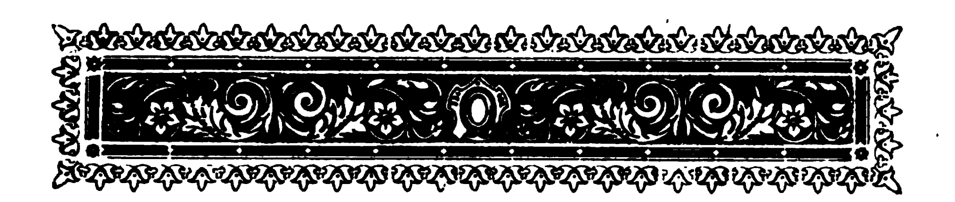
«Графъ Алексѣй Григорьевичъ. Письмо ваше отъ 12-го сего мѣсяца я получила и благодарю васъ какъ за поздравленіе ваше, такъ и за желанія, произносимыя отъ вашего ко мнѣ усердія, въ которомъ я никогда не сомнѣвалась; въ знакъ же моего къ вамъ благоволенія посылаю вамъ табакерку. Вся цѣна ея состоитъ въ изображеніи того памятника, который славу вашу и знаменитыя отечеству заслуги ваши свидѣтельствуетъ. Относительно пакета, отъ васъ доставленнаго, увѣдомляю васъ, что онъ заключалъ въ себѣ просьбу одного иностранца по долговой его претензіи, въ коей онъ уже удовлетворенъ. Пребываю всегда вамъ доброжелательная.

Слѣдующая приписка сдѣлана собственноручно императрицей:

«Я бы въ табакерку насыпала табакъ, ростущій въ моемъ саду, и иного нынѣ не нюхаю, но опасалась, что дорогою засохнетъ».

Сообщилъ **Александръ Успенскій.**

Два письма князя П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Воейкову
1821—1824 гг. [1]).

1.

Остафьево, 19-го октября (1821).

За что ты обираешь Пушкина [2])? Въ «Образцовыхъ» [3]) нѣкоторыя его басни стоятъ подъ моимъ именемъ [4]). Люблю читать Крылова, но и проч., которое ты берешь эпиграфомъ, его же и напечатано въ его Мысляхъ въ «Музеумѣ» московскаго Измайлова [5]). Дмит-

---

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, принадлежавшихъ академику А. Ѳ Бычкову. Въ „Русской Старинѣ" 1892 года, декабрь, стр. 652—662, академикомъ Л. Н. Майковымъ было напечатано письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Воейкову, относящееся къ 1818 году.

[2]) Василія Львовича.

[3]) Т. е. въ изданномъ подъ редакціею Воейкова „Новомъ собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 годъ" (Спб. 1821. Двѣ части).

[4]) Во 2-й части упомянутаго изданія (стр. 131—134) были напечатаны съ инiціалами князя П. А. Вяземскаго (К. В.) двѣ басни В. Л. Пушкина „Волкъ и Пастухи" и „Павлинъ, Зябликъ и Сорока" (обѣ эти басни, за подписью ихъ автора (В. Пушкинъ), первоначально были помѣщены въ „Трудахъ Общества любителей россiйской словесности", ч. III, Москва. 1812, Стихотворенія, стр. 32—34). Басня „Волкъ и Пастухи" внесена ошибочно и въ „Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго" между его стихотвореніями 1821 года (т. III, Спб., 1880, № CXVII, стр. 215—216).

[5]) Такимъ образомъ изъ настоящаго письма князя Вяземскаго обнаруживается, что напечатанная въ четвертой части „Россійскаго Музеума, или Журнала Европейскихъ новостей", издававшагося въ 1815 году въ Москвѣ В. В. Измайловымъ, статья „Мысли и характеры" (стр. 300—309), подписанная буквою N, принадлежитъ перу В. Л. Пушкина. Въ ней (стр. 306) находится слѣдующее мѣсто: „Я читаю басни Крылова съ большимъ удовольствіемъ, а желаю подражать Дмитріеву". Статья эта не вошла въ „Сочиненія В. Л. Пушкина", изд. подъ редакціею В. И. Сантова (Спб. 1893).

*

ріеву [1]) сказалъ о твоемъ намѣреніи и смѣялся съ нимъ твоимъ забавнымъ стихамъ [2]). Какихъ тебѣ еще стиховъ моихъ въ «Сынъ» [3])? У тебя и такъ бездна ихъ [4]), которыхъ ты не печатаешь. Сдѣлай одолженіе, выпроси у Н. И. Греча формуляръ жизни и службы Ив(ана) Ив(ановича) [5]), самимъ авторомъ ему доставленный. То-то зальются на меня своры, когда издастся мое извѣстіе [6]). Я литературную исповѣдь свою не сквозь зубы дѣлаю, а во все горло и духовникамъ нашимъ не въ бровь, а въ самый глазъ. Впрочемъ, надобно же когда-нибудь истинѣ сорваться съ языка. Каковъ Каченовскій въ своемъ 18 № [7])? Теперь недостаетъ только защищать ему моровую язву

---

[1]) Ивану Ивановичу.

[2]) О какомъ намѣреніи Воейкова и какихъ его стихахъ идетъ рѣчь въ письмѣ—неизвѣстно.

[3]) „Сынъ Отечества“ издавался въ то время Н. И. Гречемъ и А. Ѳ. Воейковымъ.

[4]) Въ „Сынѣ Отечества“ за 1821 годъ напечатано восемь стихотвореній князя Вяземскаго.

[5]) Дмитріева.—Свѣдѣнія, сообщенныя И. И. Дмитріевымъ Н. И. Гречу, были помѣщены послѣднимъ въ его трудѣ „Опытъ краткой исторіи русской словесности“ (Спб. 1822), стр. 280—282.

[6]) Т. е. „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“; оно было помѣщено при шестомъ изданіи стихотвореній И. И. Дмитріева, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1823 году. Многіе находили мнѣніе князя Вяземскаго о значеніи Дмитріева преувеличеннымъ, а отзывъ его въ „Извѣстіи“ о заслугахъ и дарованіяхъ Крылова несправедливымъ, даже пристрастнымъ. Въ числѣ обвинителей кн. Вяземскаго былъ, какъ извѣстно, и Пушкинъ (см. его письма къ князю Вяземскому въ Сочиненіяхъ А. С. Пушкина, редакція П. А. Ефремова, томъ VII (Спб. 1903), стр. 104—105 и 107—108). На отзывъ объ „Извѣстіи“, помѣщенный въ № 2 „Литературныхъ Листковъ“ 1824 г., князь Вяземскій отвѣчалъ тогда же въ „Сынѣ Отечествѣ“ (1824 г., № XIV) небольшою статьею „Нѣсколько вынужденныхъ словъ“ (см. Полное собр. сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. I, Спб. 1878, стр. 174—177); въ позднѣйшей „Припискѣ“ (1876 г.) къ „Извѣстію“ князь Вяземскій также возражалъ противъ правильности заключенія, что въ своей статьѣ о Дмитріевѣ онъ излишне его хвалилъ и какъ бы умышленно старался унизить Крылова (см. тамъ же, стр. 153—166).

[7]) Въ № 18 „Вѣстника Европы“ 1821 года было напечатано начало статьи „О свойствахъ царя Іоанна Васильевича“, направленной противъ Карамзина. Подъ статьею не стояло подписи автора (Н. С. Арцыбашева), которая явилась въ концѣ статьи, помѣщенной въ № 19 того же журнала. „Не для извиненія пороковъ и не потому, чтобъ они казались намъ менѣе ужасными,—такъ начинается эта статья,—а для объясненія истины, хотимъ сказать нѣсколько словъ о царѣ, котораго и русскіе и чужеземные писатели провозгласили лютѣйшимъ тираномъ, изыскивая, такъ сказать, выраженія къ безславію его памяти. (Въ примѣчаніи ссылка: И(сторія) Г(осударства) Р(оссійскаго) въ продолженіи всего IX тома). Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ истощать свое краснорѣчіе на поношеніе усопшаго; онъ не возстанетъ изъ могилы и не скажетъ: ты ошибаешься, ты судишь неспра-

71-го [1]) года, и вѣрно защитить, если Карамзинъ дойдетъ до нея. О такой гнусности и шутить не хочется: общее презрѣніе и безъ помощи остроумія прибиваетъ имена такихъ людей къ позорному столбу. Присылай мнѣ 2-й томъ «Образцовыхъ». Александрѣ Андреевнѣ [2]) свидѣтельствую мою сердечную преданность. Напечатаешь-ли стихи Шаликова [3])? Не вводи меня въ лжецы. Спасибо за доставленіе критики. Будь здоровъ и съѣзди перомъ кого-нибудь въ рожу;

На равнинѣ битвы сонъ! [4])

Это никуда не годится и читателей въ сонъ погружаетъ. У насъ, гдѣ истинамъ нельзя входить въ сѣчу, должно по крайней мѣрѣ намъ лично ходить на кулачки, чтобы руки не костенѣли и кровь не остывала. Вяземскій [5]).

2.

1-го мая (1824). Москва.

Я слышу, что между книгопродавцами возникаетъ брань за Бакчисарайскій фонтанъ, что у тебя въ «Инвалидѣ» есть уже статья о претензіяхъ Ширяева съ компаніею на славу покупки манускрипта [6]).

ведливо; ты смотришь на дѣло не съ той стороны, съ какой истина велитъ его разсматривать, ты вѣришь ложнымъ свидѣтелямъ; но священный долгъ безпристрастія предписываетъ историку употреблять съ самою строгою разборчивостію все отрицательное, что ни найдетъ онъ въ памятникахъ временъ прошедшихъ, и запрещаетъ присовокуплять къ древнимъ укоризнамъ собственныя свои слова язвительныя, означающія или явное предубѣжденіе, или желаніе похвалиться силою слога. Дѣеписатель благомыслящій никогда не приметъ на себя отвратительной должности ругателя" (стр. 126—129).—„А кто побьетъ Каченовскаго за „Исторію" Карамзина?—писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 19-го октября 1821 г.—Тутъ, право, не слова, а кошки нужны" („Остафьевскій Архивъ", т. II, Спб. 1899, стр. 217).

[1]) Т. е. 1771 года.

[2]) Женѣ А. Ѳ. Воейкова, рожденной Протасовой.

[3]) Въ № XLII „Сына Отечества" за 1821 г., отъ 14-го октября, напечатано стихотвореніе князя Петра Ивановича Шаликова „Къ незабвенной дачѣ", а въ № XLIII, отъ 21-го октября, его „Посланіе къ князю Петру Андреевичу Вяземскому". „Напоминай Воейкову о напечатаніи стиховъ Шаликова" — писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 19-го октября 1821 года (см. Остафьевскій Архивъ", т. II, стр. 217).

[4]) Стихъ изъ баллады Жуковскаго „Ахиллъ".

[5]) Письмо имѣетъ адресъ: „Милостивому государю моему Александру Ѳедоровичу Воейкову"; оно было отправлено Воейкову черезъ А. И. Тургенева (см. „Остафьевскій Архивъ", т. II, стр. 218).

[6]) Издателемъ „Бахчисарайскаго Фонтана" Пушкина былъ князь П. А. Вяземскій. Въ № XIII „Новостей литературы" 1824 года, составлявшихъ прибавленіе къ „РусскомуИнвалиду" и издававшихся А. Ѳ. Воейковымъ и В. Козло-

Статьи твоей я еще не читалъ, но вотъ на всякій случай мое объясненіе: я имѣлъ дѣло съ однимъ Пономаревымъ, Сéменъ [1]) типографщикъ имѣлъ дѣло съ однимъ Пономаревымъ, и вотъ письменныя оному доказательства. Воспользуйся ими, если въ самомъ дѣлѣ загорится какая-нибудь тяжба: ты можешь въ статьѣ отъ себя сказать, что по случаю возникающихъ споровъ отъ статьи, напечатанной у тебя о покупкѣ манускрипта Пушкина, ты отнесся ко мнѣ, какъ къ издателю Фонтана, чтобы узнать истину, и что я прислалъ къ тебѣ для объясненія всѣхъ недоумѣній росписку мою въ полученіи денегъ отъ Пономарева и росписку изъ типографіи Сéмена въ выдачѣ всѣхъ экземпляровъ тому же Пономареву. Ни въ томъ, ни въ другомъ документѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на другихъ книгопродавцевъ, употребившихъ Пономарева будто коммисіонеромъ. Тамъ они вѣдайся, какъ хотятъ; а дѣло только въ томъ, чтобы статья моя, у тебя напечатанная [2]), хотя и безъ моего имени, не утратила бы вида достовѣрности, который ей по всѣмъ правамъ принадлежитъ. Разумѣется, не зачѣмъ сказывать, что она моя; довольно будетъ, если объявишь, что ты отнесся ко мнѣ, чтобы дознаться правды.—Каково идетъ у насъ здѣсь война [3])? Неужели ты, по праву корсарства, не можешь перепе-

---

вымъ (этотъ № имѣетъ цензурное разрѣшеніе къ печати отъ 9 апрѣля 1824 г.), была помѣщена (стр. 10—12) статья князя П. А. Вяземскаго (безъ его подписи) „О Бахчисарайскомъ фонтанѣ не въ литтературномъ отношеніи“, въ которой сообщалось, что книгопродавецъ Пономаревъ купилъ „Бахчисарайскій фонтанъ“ за три тысячи рублей и такимъ образомъ за каждый стихъ этой поэмы заплатилъ по пяти рублей. Вскорѣ послѣдовали возраженія, что „Бахчисарайскій фонтанъ“ купленъ книгопродавцемъ А. С. Ширяевымъ, а что Пономаревъ былъ лишь коммиссіонеромъ (см. ниже). Въ самомъ „Русскомъ Инвалидѣ“ и въ „Новостяхъ литературы“ особыхъ статей по этому поводу не появлялось. Въ № 59 „Русскаго Инвалида“ (отъ 8 марта 1824 г.) было напечатано только слѣдующее извѣстіе: „Московскіе книгопродавцы купили (курсивъ нашъ) новую поэму „Бахчисарайскій фонтанъ“, сочиненіе А. С. Пушкина, за 3.000 руб. Итакъ за каждый стихъ заплачено по пяти рублей. Доказательство, что не въ одной Англіи и не одни англичане щедрою рукою платятъ за изящныя произведенія поэзіи“.

[1]) Августъ Ивановичъ Сéменъ содержалъ въ Москвѣ типографію при Медико-хирургической академіи.

[2]) См. стр. 117—118, прим. 1-е.

[3]) Князь П. А. Вяземскій тексту „Бахчисарайскаго фонтана“ предпослалъ свою статью: „Вмѣсто предисловія къ „Бахчисарайскому фонтану“: Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова“. Противъ князя Вяземскаго выступилъ Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ (р. 1796 † 1866),—стихотворецъ, авторъ „Мелочей изъ запаса моей памяти“, племянникъ И. И. Дмитріева,—напечатавшій въ № 5 „Вѣстника Европы“ 1824 г. (мартъ) „Второй разговоръ между Классикомъ и Издателемъ Бахчисарайскаго фонтана“; статья эта была подписана буквою N. Возгорѣ-

чатать у себя то, что печатаетъ Дамскій Журналъ [1])? Уговори Бирюкова [2])! Не всякій заглядываетъ въ дамскій—,а этотъ—«Вѣстника Европы» открытъ для всѣхъ проходящихъ [3]).—Перепечатай, если можно, мои статьи двѣ и третью, которая на-дняхъ выдетъ и которою заключится мое отраженіе [4]). Я все думалъ прежде, что брань Каченовскаго: ему нельзя не отвѣчать, потому что онъ пользуется какою-то довѣренностью; но, если зналъ бы, что наскочилъ на меня пигмей-Дмитріевъ [5]), то вѣрно отступилъ бы шагъ назадъ, чтобы дать ему возможность упасть въ грязь. Дѣло сдѣлано! Вступитесь въ это дѣло. Меня хвалить и заступаться за меня не должно; но заступайтесь единственно за честь, достоинство характера литтераторскаго, которыя нарушены явно нахальствомъ, надменнымъ невѣжествомъ и холопскимъ поступкомъ Дмитріева.

лась полемика. Князь Вяземскій помѣстилъ въ „Дамскомъ Журналѣ", издававшемся княземъ Шаликовымъ (1824 г., № 7, апрѣль) статью: „О литтературныхъ мистификаціяхъ по случаю напечатаннаго въ 5-й книжкѣ „Вѣстника Европы" втораго и подложнаго разговора между Классикомъ и Издателемъ Бахчисарайскаго фонтана". Со стороны М. А. Дмитріева послѣдовалъ „Отвѣтъ на статью: О литературныхъ мистификаціяхъ" уже за его подписью („Вѣстникъ Европы" 1824 г. № 7, апрѣль). Князь Вяземскій не остался въ долгу, и въ № 8 „Дамскаго Журнала" (апрѣль) явился его „Разборъ Втораго Разговора, напечатаннаго въ 7 № Вѣстника Европы". Дмитріевъ отвѣчалъ въ № 8 „Вѣстника Европы" (апрѣль) статьею „Возраженія на разборъ Втораго разговора". Полемика окончилась въ № 9 „Дамскаго Журнала" (май) статьею князя Вяземскаго „Мое послѣднее слово".

[1]) Еще ранѣе (въ концѣ марта и въ апрѣлѣ) князь Вяземскій просилъ А. И. Тургенева постараться напечатать помѣщенныя въ „Дамскомъ Журналѣ" свои полемическія статьи или въ „Новостяхъ литературы" Воейкова, или въ „Сынѣ Отечества", издававшемся Н. И. Гречемъ (см. „Остафьевскій Архивъ", т. III, Спб. 1899, стр. 18, 31, 34, 36—37). „Да развѣ Воейковъ по праву корсарства своего не можетъ перепечатать у себя напечатанное въ другомъ журналѣ, не прося новаго разрѣшенія отъ цензуры?—писалъ князь Вяземскій Тургеневу 21-го апрѣля—Скажи ему. „Дамскій Журналъ" читаютъ

двѣ-три набожныя лани,
Звѣришки бѣдныя, безъ связей, безъ подпоръ,

а „Вѣстникъ Европы" имѣетъ какое-то популярство. Такимъ образомъ выходитъ, что меня бранятъ всенародно, а я отбраниваюсь приватно" (тамъ же, стр. 34).

[2]) Цензоръ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета Александръ Степановичъ Бируковъ, цензуровавшій „Новости литературы", издававшіяся Воейковымъ.—Но петербургская цензура не разрѣшила печатать то, что было дозволено московскою цензурою (см. письмо Тургенева къ князю Вяземскому, отъ 15-го апрѣля 1824 г., въ „Остафьевскомъ Архивѣ", т. III, стр. 32).

[3]) Черточки означаютъ слова, неудобныя для напечатанія.

[4]) См. выше, стр. 118—119, прим. 3-е.

[5]) Князь Вяземскій называлъ М. А. Дмитріева иногда и „лже-Дмитріевымъ".

Выходить въ бой полемическій подъ знаменами Каченовскаго, который воюетъ противъ однихъ изящныхъ писателей нашихъ Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина, есть точно безстыдство непростительное. Дождись онъ лучше другаго случая, если хотѣлъ полаять на меня, но не лай и не кидайся на меня подъ плетью Каченовскаго. Да и къ тому же что за подьяческія уловки и за блистательное невѣжество царствуютъ въ его Второмъ разговорѣ [1])! Онъ не доколупнулся ни одной мысли моей: нѣтъ ни одного взгляда дальновиднаго! Онъ придирался къ однимъ словамъ моимъ и не постигъ ихъ духа. Право, мнѣ хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь разсмотрѣлъ эту тяжбу въ видѣ общей пользы, а именно не личной моей, pour n'en pas faire une dispute de parti [2]). Довольно и такъ размѣнялись мы личностями. Къ тому же всякое заступленіе за меня, послѣ того что я самъ отгрызался, было бы нѣкоторымъ образомъ вспоможеніе. Нѣтъ! желалъ бы исключительно разсмотрѣніе литтературнаго и литтераторскаго дѣла. Потому что, какъ ни говори, а Дмитріевъ еще не литтераторъ, а я хорошъ-ли, иль нѣтъ, отъ того-ли, что на безлюдьи и Ѳома дворянинъ, но все стою въ числѣ русскихъ литтераторовъ и по тому самому заслуживаю нѣкоторое уваженіе. Вотъ точка, съ которой можно обнять вѣрнымъ взглядомъ все это дѣло.

Сейчасъ Шаликовъ сказывалъ мнѣ, что у него печатается какая-то аппеляція Ширяева [3]). Слѣдовательно, если у тебя ничего о томъ не будетъ, то все можешь сказать отъ себя два слова о положеніи дѣла.

Вотъ тебѣ клюковка для «Инвалида»!

Отвѣтъ двумъ журнальнымъ близнецамъ [4]) на 15-ть

---

[1]) См. выше, стр. 118, прим. 3-е.

[2]) Т. е. чтобы изъ этого не дѣлать партійнаго спора.

[3]) Въ № 9 „Дамскаго Журнала" (май), стр. 119—123, была помѣщена статья, за подписью И. П—ъ, подъ заглавіемъ „Еще нѣсколько словъ о Бахчисарайскомъ фонтанѣ, не въ литтературномъ отношеніи". Въ этой статьѣ сообщалось, между прочимъ, слѣдующее: „Бахчисарайскій фонтанъ купленъ не книгопродавцемъ Пономаревымъ, какъ сказано въ XIII № „Новостей Русской Литтературы", а книгопродавцемъ Ширяевымъ. Первый, имѣя болѣе свободнаго времени отлучаться отъ лавки своей на Никольской улицѣ, гдѣ у него книги продаются, покупаются и мѣняются, былъ только посредникъ между книгопродавцемъ и почтеннымъ издателемъ княземъ П. А. Вяземскимъ, получилъ за посредство 500 руб. и слѣдовательно—не поспоритъ, если на 10 стр. XIII № „Новостей Русской Литтературы" имя его замѣнится именемъ Ширяева. Ширяевъ выдалъ за рукопись 3.000 руб., принялъ на свой счетъ печатанье, стоившее 500 руб., присовокупя къ тому плату посреднику. Такимъ образомъ каждый стихъ (Бахчисарайскаго фонтана) пришелся книгопродавцу не за пять, а почти за восемь рублей".

[4]) М. А. Дмитріеву и А. И. Писареву. Даровитый и остроумный водевилистъ Александръ Ивановичъ Писаревъ (р. 1803†1828), недоброжелательно

эпиграммъ, изъ коихъ послѣдняя подъ девизомъ: Finis coronnat opus (судите же о предыдущихъ!) есть слѣдующая:

Мы дѣти можетъ быть незлобіемъ сердецъ,
Когда щадимъ тебя, репейникъ Геликона,
А можетъ быть мы наконецъ
И дѣти Аполлона!

Вы дѣти, хоть въ школярныхъ латахъ,
И вѣкъ останетесь дѣтьми;
Одинъ изъ васъ старикъ въ ребятахъ,
Другой дитя между людьми.
Свое жъ незлобіе сердечно
И Феба—грѣхъ тутъ путать вамъ,
Но дѣти, дѣти вы конечно
Незлобьемъ дѣтскихъ эпиграммъ.

относившійся къ князю Вяземскому (о чемъ см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 338) задѣвалъ его не только въ своихъ многочисленныхъ, остававшихся не напечатанными, эпиграммахъ. Въ своей сатирѣ „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса" (изданной въ 1859 г. М. Н. Лонгиновымъ) онъ посвятилъ цѣлую строфу князю Вяземскому (см. „Библіографическія Записки" 1859 г., столб. 618—619). Наконецъ, въ двухъ его водевиляхъ: „Учитель и ученикъ, или въ чужомъ пиру похмѣлье" (Москва. 1824) и „Хлопотунъ, или дѣло мастера боится" (Москва. 1825, стр. 68; разрѣшенъ цензурою къ печати 18 сентября 1824 года) находятся куплеты, направленные противъ князя Вяземскаго, называемаго въ нихъ Мишурскимъ. Куплеты въ водевилѣ „Учитель и ученикъ" (стр. 58) имѣютъ въ виду именно тогдашнюю литературную полемику князя Вяземскаго съ М. А. Дмитріевымъ:

Извѣстный журналистъ Графовъ
Задѣлъ Мишурскаго разборомъ;
Мишурскій, не теряя словъ,
На критику отвѣтилъ вздоромъ.
Пошли писатели шумѣть,
Кричать, бранятся отъ бездѣлья,
А публикѣ за что жъ терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Этотъ водевиль шелъ въ первый разъ на сценѣ Московскаго театра 24-го апрѣля 1824 года, и въ немъ игралъ знаменитый Щепкинъ (см. „Московскія Вѣдомости" 1824 г., № 32). Безъ сомнѣнія, на этомъ именно представленіи присутствовалъ князь П. А. Вяземскій вмѣстѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VII, Спб. 1882, стр. 339—340). И. А. Шляпкинъ въ своей „Хронологической канвѣ для изученія біографіи Грибоѣдова" (см. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, Спб. 1889, т. I, стр. XVIII) ошибается, относя разсказъ князя Вяземскаго объ этой выходкѣ противъ него Писарева къ началу января 1824 года.

Разумѣется, имени моего не выставлять. Если цензура залягается, то сократи заглавіе, но оставь журнальные близнецы, потому что оно удачно изображаетъ Дмитріева и Писарева-Кунавина [1]). Пожалуй можно сказать, что это переводъ съ греческаго.

Кланяйся Жуковскому и скажи, чтобы онъ мнѣ скорѣе отвѣчалъ на мои запросы о продажѣ его книгъ [2]).

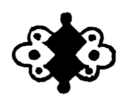
Чтобы доказать вамъ низость и глупость близнецовъ, вотъ одна изъ 15-ти дюжинныхъ эпиграммъ:

Я, вѣря слухамъ, былъ въ надеждѣ,
Что онъ Варшавой проученъ [3]);
Знать ложенъ слухъ! Какъ былъ и прежде,
Все тотъ же неучъ онъ!

И съ такою подлою душою они думаютъ, что могутъ быть возвышенными поэтами и уваженными литтераторами [4]).

Прости. Что твоя нога?

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) Эта эпиграмма князя Вяземскаго осталась ненапечатанною. Въ 1825 году онъ помѣстилъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ (стр. 289) другую эпиграмму на тѣхъ же лицъ, озаглавленную также „Къ журнальнымъ близнецамъ“ (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. III, Спб. 1880, стр. 388).

[2]) О продажѣ въ Москвѣ экземпляровъ третьяго изданія Стихотвореній Жуковскаго (Спб. 1824) (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. III, Спб. 1899, стр. 37).

[3]) Намекъ на удаленіе князя Вяземскаго изъ Варшавы и увольненіе его отъ службы, происшедшее въ 1821 году (подробности объ этомъ см. въ Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. II, Спб. 1879, стр. 89—95); въ Варшавѣ князь Вяземскій состоялъ (въ 1817—1821 гг.) при Н. Н. Новосильцовѣ.—„Какая низость припутать тутъ Варшаву!—писалъ князь Вяземскій 1-го мая 1824 г. А. И. Тургеневу, очевидно, по поводу этой эпиграммы.—Съ хорошимъ народцемъ я связался! Это послужитъ мнѣ урокомъ“ (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. III, Спб. 1899, стр. 38—39).

[4]) „Отошли письмо (печатаемое нынѣ нами) Воейкову; оно не интересное и потому запечатано—писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 1-го мая 1824 года. Пишу ему о спорѣ, возникающемъ между книгопродавцами за „Бахчисарайскій фонтанъ“, источникъ толикихъ браней. Спроси у Воейкова эпиграммы на меня и Грибоѣдова... Впрочемъ, вотъ тебѣ всѣ эпиграммы Дмитріева и Писарева; легко узнать, которыя на меня и которыя на Грибоѣдова. А у Воейкова возьми мой отвѣтъ“ (т. е. „Отвѣтъ двумъ близнецамъ“, приводимый въ печатаемомъ нынѣ письмѣ князя Вяземскаго) (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. III, Спб. 1899, стр. 38).

Названный Димитрій и Адамъ Вишневецкій.

Загадочна исторія Димитрія. Уже современники не могли въ ней разобраться. Съ теченіемъ времени она еще болѣе запуталась. Коренная ошибка состояла въ обширномъ пользованіи извѣстіями изъ вторыхъ и третьихъ рукъ безъ надлежащаго разбора, безъ строгой предварительной оцѣнки. Не мало мѣста удѣлялось также анекдотическому элементу съ удобной оговоркой, что есть же такое, сякое преданіе. А выяснить преданіе, опредѣлить степень его достовѣрности, объ этомъ рѣдко кто заботился.

Въ настоящее время постановка вопроса совершенно измѣнилась. Новѣйшія произведенія о Смутномъ времени отличаются истинно научнымъ характеромъ. Замѣтно у лучшихъ историковъ стремленіе добраться до первоисточниковъ, подвергнуть ихъ тщательной критикѣ и рѣшительно отбросить легендарные наростки.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманіе статьи г. Вацлава-Собѣскаго «первомъ покровителѣ Самозванца» [1]). Въ нихъ приводятся два-три до сихъ поръ неизвѣстныхъ документа изъ богатаго архива Яна Замойскаго, который будетъ вскорѣ издаваться сполна въ Варшавѣ. Только-что упомянутые документы касаются Адама Вишневецкаго съ Димитріемъ.

Родъ князей Вишневецкихъ отличался воинственнымъ духомъ. Они стояли какъ бы на стражѣ польской границы противъ татаръ и казаковъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ староство Черкасское не выходило

---

[1]) Waclaw Sobieski, Pierwszy Protektor Samozwanca въ Варшавскомъ журналѣ Tygodnik Illustrowany, 1903, 27—30.

изъ ихъ семейства. Они сроднились съ удальствомъ. У нихъ выработался типъ отчаяннаго наѣздника, колониста-завоевателя. Мечъ и пуля не были для нихъ пустой забавою, ибо заднѣпровскія ихъ владѣнія постоянно возростали. Главнымъ препятствіемъ ихъ расширенія было постоянно грозившее имъ встрѣчное наступленіе московскихъ людей, которые не спускали глазъ съ Украйны.

Князь Адамъ Вишневецкій, первый видный покровитель Димитрія, былъ истымъ представителемъ своего могучаго рода. Воспитанникъ Виленскихъ іезуитовъ, онъ оставался до конца жизни ярымъ православнымъ, былъ братчикомъ во Львовѣ, окружалъ себя попами и дѣлалъ монастырскіе вклады. Набожное настроеніе сочеталось у него съ предпріимчивымъ характеромъ и страстью до военнаго дѣла, а беззавѣтную храбрость часто поджигала горѣлка. Съ русскими онъ не ладилъ и ладить не могъ по очень простой причинѣ. Строго опредѣленной границы на окраинѣ не было, тамъ господствовало кулачное право и примѣнялась теорія захвата. Въ данную минуту, съ той и другой стороны всѣ усилія сосредоточивались около двухъ «городищъ», Прилукъ и Свѣцино, которыя при всей своей маловажности имѣли большое стратегическое значеніе. Уже въ 1602 году, русскіе сдѣлали на Прилуки кровавый набѣгъ, о которомъ кіевскій воевода, князь Острожскій, доносилъ Сигизмунду III, требуя быстраго и сильнаго отпора [1]). Однако жъ на этомъ дѣло не стало, и на сеймѣ 1605 года московскій гонецъ горько жаловался на коварство князей Вишневецкихъ, посягающихъ на Прилуки и Свѣцино [2]). Такимъ образомъ, вопросъ объ обладаніи городищами оставался еще не рѣшеннымъ.

Къ этому-то вельможѣ и явился Димитрій. Скажемъ лучше, онъ былъ, вѣроятно, къ нему подосланъ. Выборъ сдѣланъ слишкомъ удачно, чтобъ не предположить глубокаго разсчета и хорошаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ. Положимъ, что московскіе люди не знали, не вѣдали, какъ тотъ самый Димитрій Вишневецкій, который, измѣнивъ Польшѣ, служилъ Ивану Грозному, пытался потомъ посадить на валашскій престолъ самозванца Гераклида; но имъ было несомнѣнно извѣстно, что Адамъ Вишневецкій прельщался Заднѣпровьемъ, и что столкновенія съ Борисомъ Годуновымъ были для него неизбѣжны.

Въ дальнѣйшемъ развитіи дѣла постороннее, руководствующее вліяніе выступаетъ еще яснѣе. Напомнимъ здѣсь, что Димитрій сперва хотѣлъ было пристроиться въ Острогѣ, но тамъ ему не повезло: князь Константинъ его выпроводилъ, не удостоивъ его своего вниманія. И

---

[1]) Москва, Архивъ министерства юстиціи, Литовская метрика, новыя книги, 55: 1602, 10 іюля, Острожскій Сигизмунду III.

[2]) С.-Петербургъ, Публ. библ., Польская, F, IV, 119, л. 99.

вотъ Димитрій обращается къ сопернику князя Острожскаго: оба князя соперничали изъ-за Черкасскаго староства. Это—послѣдовательное, хорошо разсчитанное стремленіе добыть себѣ высокаго покровителя.

Добраться до него было только первымъ шагомъ. А добрался Димитрій до Вишневецкаго при содѣйствіи игумена-исповѣдника, безъ сомнѣнія мѣстнаго. Такъ положительно увѣряетъ современникъ Забчичъ [1]), такъ повѣствуетъ и всеобщая молва. Все прочее, сцена въ банѣ, духовное завѣщаніе, какая-то романическая связь,—должно быть покуда отстранено безъ всякаго милосердія. Это не что иное, какъ позднѣйшія прибавки, исходящія отъ лицъ, непричастныхъ къ дѣлу и не приводящихъ вѣскихъ доводовъ.

Воздѣйствіе на Вишневецкаго совершилось, какъ теперь достовѣрно извѣстно, инымъ путемъ. Князь не сейчасъ повѣрилъ Димитрію и не положился безъ оглядки на его слово. Онъ долго сомнѣвался въ его царскомъ происхожденіи и только тогда измѣнилъ свое мнѣніе, когда московскіе люди стали сбѣгаться въ Брагимъ и увѣрять, что Димитрій истинный царевичъ. Дружное свидѣтельство около двадцати лицъ, прибывшихъ изъ далека и собравшихся въ томъ же мѣстѣ, указываетъ опять-таки на заранѣе обдуманный планъ, который методически выполняется. Самъ Димитрій увѣрялъ впослѣдствіи варшавскаго нунція Рангони, что у него есть сторонники въ Москвѣ, съ которыми онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, и если онъ такъ торопился выступить въ походъ, то это было именно потому, чтобы ихъ не погубить въ случаѣ преждевременнаго раскрытія всѣхъ подробностей предпріятія.

Московскія свидѣтельства, конечно, не придавали особой правдоподобности разсказамъ Димитрія. Вишневецкій врядъ-ли имъ повѣрилъ по внутреннему убѣжденію. Ему было выгодно повѣрить, имѣть козырь въ рукахъ, а московскія свидѣтельства служили ему оправданіемъ. Ужь если свои люди выдаютъ Димитрія за царевича, то почему же постороннему отъ него отрекаться? Рѣшившись на этотъ шагъ, Вишневецкій энергично принялся за дѣло.

7-го октября 1603 года онъ написалъ письмо къ Яну Замойскому, которое подтверждаетъ все предъидущее:

«Такъ какъ въ домъ мой,—пишетъ Вишневецкій,—явился человѣкъ, который сообщилъ мнѣ, что онъ сынъ Ивана, извѣстнаго тирана великаго княжества Московскаго, и хочетъ требовать помощь отъ его королевскаго величества государя нашего, чтобы могъ добыть столицу своихъ предковъ, то я доношу объ этомъ вамъ, моему чтимому пану, какъ

---

[1]) Вержбовскій, **Матеріалы къ исторіи Московскаго государства**, вып. III, стр. 15.

стражу и хорошему печальнику Рѣчи Посполитой. Въ виду также того, что вы, мой чтимый панъ, изволите весь нашъ, вамъ преданный домъ, излюбливать и быть милостивымъ паномъ и пріятелемъ, осмѣливаюсь просить совѣтъ, что съ нимъ дѣлать. Въ нескоромъ сообщеніи вамъ о немъ не было другой причины какъ то обстоятельство, что я самъ очень былъ in dubio [1]) о немъ. Теперь же, такъ какъ болѣе двадцати москвичей въ разное недавнее время до него прибѣжало, признавая принадлежность ему того государства jure naturali [2]), то я посылаю testimonii gratia [3]) вамъ, моему чтимому пану, извѣстія изъ Москвы и отъ пана старосты Остерскаго [4]) пару писемъ, изъ которыхъ вы увидите, что съ нимъ дѣлать, и униженно прошу васъ, какъ чтимаго моего пана, меня о томъ увѣдомить».

Замойскій, какъ извѣстно, не пошелъ на удочку. Дважды онъ писалъ Вишневецкому о Димитріи. Одно письмо напечатано [5]), другое находится въ архивѣ Замойскаго. Содержаніе ихъ тождественно. Великій канцлеръ и гетманъ явился здѣсь опытнымъ, прозорливымъ государственнымъ человѣкомъ. Не увлекаясь предвзятой мыслью, онъ хотѣлъ рѣшить задачу оффиціальнымъ путемъ, безъ всякихъ подпольныхъ покушеній и, прежде всего, требовалъ отправленія Димитрія въ Краковъ, къ королю.

Вишневецкій понялъ, что на содѣйствіе Замойскаго полагаться нельзя. Его можно было какъ-нибудь обойти, но короля слѣдовало непремѣнно познакомить съ обстоятельствами дѣла. Вслѣдствіе даннаго ему порученія, Вишневецкій и послалъ Сигизмунду III донесеніе, писанное якобы со словъ самого Димитрія, гдѣ бросаются въ глаза искусственный подборъ фактовъ и даже противорѣчія. Г. Собѣскій подмѣтилъ, что и въ письмѣ, и въ донесеніи встрѣчается характерное выраженіе «jure naturali» на счетъ царственныхъ правъ Димитрія, и это невольно наводитъ на мысль, что Вишневецкій участвовалъ въ составленіи донесенія. Оно дошло въ Краковъ не раньше первыхъ чиселъ ноября. По крайней мѣрѣ, нунцій Рангони выслалъ его въ Римъ только 8-го ноября, хотя онъ очень торопился съ доставкою свѣдѣній. Неизвѣстно, писалъ-ли отъ себя Вишневецкій королю. А было что писать. На немъ лежала прямая обязанность провѣрять показанія Димитрія, подробно разспросить сбѣжавшихся московскихъ людей, удостовѣриться въ ихъ правдивости. О такихъ попыткахъ онъ, кажется, не заботился. Ему

---

[1]) Въ сомнѣніи.
[2]) По природному праву.
[3]) Свидѣтельства ради.
[4]) Михаила Ратомскаго.
[5]) Listy Żołkiewskiego, n. 96, стр. 129.

хотѣлось самому везти Димитрія къ королю. Очевидно, онъ уже дорожилъ своимъ царевичемъ.

Между тѣмъ Димитрій ускользнулъ изъ его рукъ. Дѣло это довольно темное. Сложилось оно такъ. Князь Адамъ познакомилъ Димитрія съ своимъ двоюроднымъ братомъ Константиномъ, перешедшимъ въ католичество и женатымъ на Урсулѣ Мнишекъ. Слѣдствіемъ этого сближенія было сватовство съ Мариною, сестрою Урсулы, вступленіе подъ опеку сендомирскаго воеводы и обѣщаніе уступить ему Сѣверщину. Причина такого поворота, кажется, довольно ясна. Князь Адамъ, какъ православный вельможа, не могъ имѣть вліянія при дворѣ Сигизмунда III, особенно въ виду нерасположенія Замойскаго. Надо было искать другого покровителя. Мнишекъ былъ подходящее лицо, а сватовство съ Мариной еще болѣе скрѣпляло эти узы. Князю Адаму такая сдѣлка не могла нравиться. Хотя онъ и пишетъ королю, что по нездоровью не можетъ самъ пріѣхать и посылаетъ Димитрія съ княземъ Константиномъ [2]), однакожъ онъ, вѣроятно, сожалѣлъ, что Сѣверщина переходила въ другія руки.

Вскорѣ однако же Димитрію пришлось задобривать князя Адама. Отъ его произвола зависѣлъ успѣхъ похода, ибо военныя дѣйствія переносились въ Заднѣпровье и развивались за самыхъ владѣніяхъ Вишневецкихъ или въ ихъ окрестностяхъ. Дважды Димитрій писалъ князю Адаму, обѣщая быть ему всепреданнымъ и навсегда благодарнымъ [1]). Обѣщанія подѣйствовали, и, при торжественномъ въѣздѣ въ Кіевъ, князь Адамъ уже находился при царевичѣ.

Дальнѣйшія сношенія съ Димитріемъ еще не вполнѣ установлены. Неизвѣстно, доставлялъ-ли Вишневецкій подкрѣпленія во время похода или же содѣйствовалъ другимъ образомъ. Послѣ коронаціи, онъ однимъ изъ первыхъ прискакалъ въ Москву и не безъ своекорыстныхъ цѣлей. Вопреки обширнымъ владѣніямъ своего рода, онъ самъ былъ въ долгахъ. 28-го іюля 1604-го года состоялось даже противъ него судебное рѣшеніе. Пора было расплачиваться и прежде всего требовать возмездіе за сдѣланныя въ пользу Димитрія издержки. Но надежды князя, кажется, не вполнѣ сбылись. Золотомъ его въ Кремлѣ не осыпали, и онъ скоро убрался изъ Москвы къ своему же счастью, избѣгнувъ такимъ образомъ майскаго погрома.

Изъ предыдущаго вытекаетъ заключеніе, что у Димитрія была партія въ Москвѣ. Онъ былъ орудіемъ въ ея рукахъ и дѣйствовалъ, вѣроятно, по ея указаніямъ.

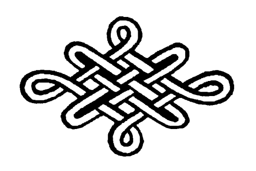
---

[1]) Архивъ Замойскаго, записка Сигизмунда III къ Замойскому.
[2]) Архивъ Замойскаго, второе письмо отъ 19-го мая 1604 года

Адамъ Вишневецкій только тогда призналъ царевича и взялся за дѣло, когда убѣдился, что московскіе люди придерживаются Димитрія. Внѣшняя обстановка болѣе подѣйствовала на него, чѣмъ странные разсказы появившагося у него пришельца.

Интересно было бы прослѣдить таинственныя сношенія Димитрія съ московскими людьми до самаго выступленія въ походъ. При настоящей документальной скудости, можно только намекнуть, что слѣдуетъ имѣть въ виду особенно Романовыхъ.

П. Пирлингъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XIII [1]).

Упраздненіе римско-католическихъ монастырей въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ по случаю бывшаго мятежа въ 1863—1864 годахъ.

Упраздненіе замѣшанныхъ въ мятежѣ 1863—1864 годовъ римско-католическихъ монастырей въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ породило множество толковъ; при чемъ одни по невѣдѣнію, другіе — съ цѣлію возбудить неудовольствіе противъ русскаго правительства, обвиняли не только на словахъ, но и въ печати главнаго начальника края графа М. Н. Муравьева въ разныхъ произвольныхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ по этому предмету, направленныхъ будто-бы единственно къ преслѣдованію римско-католической религіи и ея послѣдователей. На сколько обвиненія эти лишены правды, покажетъ прямое изложеніе самыхъ фактовъ. Пусть судитъ по нимъ самъ благосклонный читатель. Но такъ какъ упраздненіе замѣшанныхъ въ мятежѣ римско-католическихъ монастырей основывалось не на произволѣ, а на законѣ 11-го (23-го) іюня 1864 года и производилось по примѣненію къ высочайшему указу 19-го іюля 1832 года, то, предварительно изложенія самыхъ фактовъ, не лишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о тѣхъ причинахъ, которыя послужили основаніемъ къ сказанному указу, проложившему открытый путь къ свободному возвращенію уніатовъ въ лоно православной церкви и предоставившему защиту православному населенію

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1903 года.

здѣшнихъ губерній отъ враждебныхъ на него дѣйствій полонизма и латинства.

Вотъ что, между прочимъ, было сказано въ этомъ указѣ:

«Мысль о возстановленіи въ римско-католическихъ монастыряхъ строгой жизни и древняго, предписываемаго орденскими уставами, благочинія давно уже занимала наше правительство, какъ это видно изъ пожалованной грамоты 14-го ноября 1783 года на установленіе въ Могилевѣ архіепископства и рескрипта 3-го сентября 1795 года на имя генералъ-губернатора Тутолмина. Мѣстное положеніе римско-католическихъ монастырей служило доказательствомъ, что многіе изъ нихъ основаны были не только безъ всякой пользы, но и во вредъ окружающаго ихъ населенія. Въ Литвѣ, Самогитіи и Инфлянтскихъ уѣздахъ, населенныхъ преимущественно жителями римско-католическаго исповѣданія, причиталось по одному изъ нихъ на 20, на 30 и даже на 40 тысячъ римско-католиковъ, между тѣмъ какъ въ юго-западныхъ губерніяхъ и Бѣлоруссіи, гдѣ почти всѣ жители были православнаго вѣроисповѣданія, по одному монастырю на двѣ тысячи и на тысячу душъ обоего пола, сверхъ приходскихъ церквей, завѣдываемыхъ бѣлымъ духовенствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что монахи этихъ монастырей самымъ положеніемъ ихъ поставлялись въ необходимость вести жизнь праздную, безъ всякаго пособія ближнему и часто служившую въ тягость обществу, или пропагандировать латинство. Излишество римско-католическихъ монастырей оказывалось еще замѣчательнѣе при сравненіи количества ихъ съ числомъ православныхъ обителей, которыхъ было всѣхъ 356 на слишкомъ 35 милліоновъ жителей одного господствующаго исповѣданія, т. е. въ православномъ, какъ одинъ на сто тысячъ, и въ римскомъ, какъ одинъ на 8.500 душъ».

Изъ собранныхъ, по повелѣнію императора Николая I-го, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній открылось: «что главнѣйшая причина упадка монашескихъ обителей, часто возбуждавшая негодованіе въ самомъ римско-католическомъ духовномъ начальствѣ, было самое малое и отъ неизбѣжнаго вліянія обстоятельствъ безпрестанно уменьшавшееся число монашествующихъ, давно же несоразмѣрное съ числомъ существовавшихъ обителей. Эта несоразмѣрность во многихъ мѣстахъ простиралась до такой степени, что нѣкоторыя монашескія обители не имѣли даже опредѣленнаго самыми снисходительными церковными правилами количества членовъ, которые чрезъ то лишены были всѣхъ выгодъ взаимнаго надзора и наставленія. Собранныя свѣдѣнія указали ясно, что число монастырей было несоразмѣрно ни съ потребностями церкви, ни съ народонаселеніемъ римско-католическаго исповѣданія. Всѣхъ ихъ считалось тогда около 300—и народонаселеніе, едва простиравшееся до двухъ съ половиною милліоновъ душъ, т. е.

по 1-му на 8.500 жителей. Невѣроятно и даже не естественно, чтобы изъ столь тѣснаго круга, при общемъ охлажденіи къ иноческой жизни, можно было избрать для каждой обители достаточное число людей испытанной нравственности и способностей, и чтобы всѣ поступавшіе въ монастыри принимали иноческій санъ по чистому убѣжденію и по призванію. Касательно состава монастырей каноническими правилами постановлено, чтобы въ каждой обители было 10 монаховъ, или, по крайней мѣрѣ, не менѣе 8. На этомъ основаніи папа Бенедиктъ XIV въ 1764 году поручилъ греко-унитскому митрополиту упразднить всѣ некомплектные монастыри. Во второй части изданной имъ по этому поводу буллы, между прочимъ, сказано: «мы извѣстились, что многія обители польской провинціи дошли до крайней нищеты, едва имѣя возможность содержать двухъ или трехъ монаховъ; въ подобныхъ обстоятельствахъ каноническія правила предписываютъ обращать многіе монастыри въ одни, такъ чтобы братство каждой обители состояло изъ 10, или, по крайней мѣрѣ, 8 человѣкъ, и имѣло приличное помѣщеніе».

На основаніи всего вышеизложеннаго, императоръ Николай I-й повелѣлъ объявить римско-католической духовной коллегіи и главнымъ мѣстнымъ начальствамъ западныхъ губерній: 1) объ упраздненіи некомплектныхъ монастырей, какъ лишенныхъ средствъ къ поддержанію порядка и благочинія между монашествомъ, исключивъ изъ этого правила лишь тѣ обители, которыя представляютъ бо̀льшія или меньшія удобства къ помѣщенію монаховъ изъ другихъ упраздненныхъ обителей; 2) объ упраздненіи монастырей, находившихся посреди православныхъ и греко-унитскихъ селеній, монахи которыхъ въ приходахъ чуждаго имъ исповѣданія не могли быть нужны ни для какихъ духовныхъ требъ; 3) монаховъ изъ упраздненныхъ монастырей переводить, по распоряженію римско-католической духовной коллегіи, мѣстныхъ епархіальныхъ и гражданскихъ начальствъ, въ другіе монастыри, того же ордена; 4) монастырскіе костелы, при которыхъ находилось д о с т а т о ч н о е ч и с л о п р и х о ж а н ъ, обращать, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, въ простые приходскіе или филіальные; въ противномъ случаѣ вмѣстѣ съ монастырскими зданіями передавать на общеполезныя заведенія; 5) въ Бѣлоруссіи и южныхъ губерніяхъ, гдѣ прихожане разсѣяны по разнымъ отдаленнымъ селеніямъ, при оставленіи монастырскихъ церквей, поручать губернаторамъ наблюдать, чтобы они строго держались указа 1795 года, на имя бѣлорусскаго генералъ-губернатора Пассека, чтобы на одного священника было на небольшомъ пространствѣ не менѣе ста дворовъ, т. е. жителей, имѣющихъ свои дома или другую недвижимую собственность; 6) въ случаѣ недостатка бѣлаго духовенства на мѣста священниковъ назначать и монаховъ, съ

тѣмъ, чтобы они сохраняли приличные знаки монашеской одежды и наблюдали правила своего ордена, насколько это было совмѣстно съ должностію приходскихъ священниковъ; 7) порядокъ опредѣленія священниковъ къ приходамъ, установленный въ 1831 году для самогитской епархіи и въ мартѣ мѣсяцѣ 1832 года распространенный на всѣ прочія римско-католическія епархіи, принять въ руководство при назначеніи бѣлаго духовенства и монаховъ къ церквамъ упраздненныхъ монастырей, въ которыхъ право ктиторства должно принадлежать правительству; 8) соединенныя съ фундушами упраздненныхъ монастырей обязанности оставить при ихъ церквахъ, обращаемыхъ въ приходскія, если обязанности эти могутъ быть выполняемы бѣлымъ духовенствомъ, опредѣляемымъ на основаніи указа 1795 года, т. е. при 100 дворахъ однимъ, а при 200 двумя священниками, въ противномъ случаѣ фундушевыя обязанности перевести вмѣстѣ съ монахами въ другія обители; 9) денежные капиталы, принадлежащіе упраздненнымъ монастырямъ, присоединить къ общему вспомогательному капиталу римско-католическаго духовенства и назначить изъ него суммы на удовлетвореніе нуждъ римско-католической церкви, сообразно съ ея правилами и духомъ христіанства; 10) недвижимыя имѣнія и другую собственность упраздняемыхъ монастырей передать въ казну съ тѣмъ, чтобы собираемые съ нихъ доходы обращать на разныя богоугодныя заведенія и въ томъ числѣ на учрежденіе училищъ, взамѣнъ тѣхъ, которыя были содержимы монастырями; 11) о богоугодныхъ заведеніяхъ и училищахъ при упраздняемыхъ монастыряхъ, предоставить сдѣлать распоряженія, по первымъ—мѣстному духовному начальству, и по вторымъ—министру народнаго просвѣщенія, зданія упраздненныхъ монастырей, за исключеніемъ помѣщенія священниковъ при церквяхъ, обращенныхъ въ приходскія, опредѣлить на общественныя заведенія, оставивъ въ каждой епархіи одинъ монастырь для нуждъ самаго духовенства, а именно: для призрѣнія престарѣлыхъ и одержимыхъ неизлѣчимыми болѣзнями священниковъ; 12) для лучшаго устройства благочинія въ обителяхъ, а равно и для учрежденія ближайшаго надзора надъ монашествомъ предоставить полную власть епархіальнымъ епископамъ надъ монастырями, на точномъ основаніи постановленія 1798 г., возложивъ на ихъ отвѣтственность и главное смотрѣніе за управленіемъ фундушами остающихся монастырей.

Послѣ кончины императора Николая I правительственный взглядъ на управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ совершенно измѣнился; законъ этотъ, принесшій много пользы русскому дѣлу, былъ совершенно позабытъ, какъ и многія другія весьма важныя законоположенія въ томъ же духѣ; наступала пора новыхъ вѣяній, пора примиренія съ польскими панами и польскимъ духовенствомъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ,

на которомъ по закону лежала обязанность наблюденія за послѣднимъ, совершенно ослабило свой надзоръ надъ папскимъ воинствомъ. Имѣя въ виду все это, ксендзы и монахи, пользуясь неограниченною свободою, стали пропагандировать латинство и польщизну въ древне-русскомъ краѣ, гдѣ девять десятыхъ народонаселенія не принадлежитъ къ польскому племени, и безпрепятственно строили костелы и каплицы. Правило о предварительномъ сношеніи съ православнымъ епархіальнымъ начальствомъ при необходимости таковой постройки, строго соблюдавшееся при императорѣ Николаѣ I, было отмѣнено незадолго до вооруженнаго мятежа; нежданно-негаданно министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе, которымъ предоставлялся латинскому духовенству еще бо̀льшій просторъ—de jure, которымъ de facto и безъ того уже римско-католическое духовенство пользовалось въ самыхъ неограниченныхъ размѣрахъ къ крайнему вреду православной церкви и ея послѣдователей: «государь императоръ, признавая, что для постройки иновѣрческихъ церквей достаточно разрѣшенія гражданскаго начальства и министерства внутреннихъ дѣлъ, высочайше повелѣть соизволилъ исключить изъ подлежащихъ статей Свода законовъ правило, по коему губернскія начальства, по представленіямъ о постройкѣ иновѣрческихъ церквей, обязаны предварительно сноситься съ православнымъ епархіальнымъ начальствомъ». Таковое высочайшее повелѣніе состоялось 6-го сего января (1862 г.) по совѣту министровъ.

Измѣненіе это сдѣлано было во вредъ русскому дѣлу въ краѣ, гдѣ втихомолку подготовлялся вооруженный мятежъ, въ возможность котораго, не смотря на предостереженія, не хотѣлъ вѣрить даже самъ генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ. По ходу дѣлъ слѣдовало бы ограничить широкій произволъ латинскаго духовенства и зорко слѣдить за нимъ, а тутъ какъ разъ выходило наоборотъ. Когда графъ М. Н. Муравьевъ, въ виду полученныхъ имъ мѣстныхъ свѣдѣній и значительности размноженія костеловъ и каплицъ между 1835—1863 годами, потребовалъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ разъясненія о времени даннаго разрѣшенія на ихъ построеніе, то оказалось, что министерство ровно ничего не вѣдало о нихъ.

Вслѣдствіе подобнаго положенія дѣла, по ходатайству графа М. Н. Муравьева, для упроченія спокойствія въ краѣ состоялось высочайшее повелѣніе отъ 11-го(23) іюня 1864 года, которымъ разрѣшено было генералъ-губернатору закрывать римско-католическіе монастыри за участіе въ мятежныхъ противу правительства дѣйствіяхъ. Это законоположеніе еще болѣе было усилено высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14-го апрѣля 1866 г., предоставлявшимъ генералъ-губернатору право закрывать, по его усмотрѣнію, и монастыри, которые онъ признавалъ особенно вредными въ политическомъ отношеніи. Не смотря на все это, главный начальникъ

края дѣйствовалъ крайне осмотрительно; имъ закрыты были только тѣ монастыри, виновность которыхъ по участію въ мятежѣ была доказана фактически. При упраздненіи заштатныхъ монастырей, въ которыхъ, вопреки папской буллы 1744 года, недоставало положеннаго комплекта иночествующихъ, открыты были весьма назидательныя для насъ дѣйствія латино-польскаго духовенства, показавшія ясно, на что оно способно—для достиженія намѣченной цѣли. Для сохраненія заштатныхъ монастырей, въ которые, по закону, пріемъ новыхъ лицъ не былъ дозволенъ, римско-католическій митрополитъ и епископы сами подавали примѣръ, какъ обходить законъ; съ этою цѣлью, они поручили подставлять въ заштатные монастыри, подъ тѣми же самыми именами вмѣсто умиравшихъ, новыхъ молодыхъ лицъ; законный комплектъ монашествующихъ этимъ способомъ сохранялся, и монастырь, подлежавшій упраздненію, но необходимый для пропаганды латинства и польщизны продолжалъ по-прежнему вредное для русскаго дѣла существованіе. Въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія находятся собственноручныя записки митрополита Жилинскаго и епископа Красинскаго, найденныя при монастырскихъ обыскахъ, изъ которыхъ видно, что они сами присылали подставныхъ лицъ въ женскіе монастыри и поручали дѣлать это и на будущее время. Епископъ Красинскій прислалъ въ женскій монастырь въ Освеяхъ, Дриссенскаго уѣзда, Витебской губерніи, Маріанну Литинскую для замѣщенія ею престарѣлой монахини Нарушевичъ, въ «случаѣ ея смерти». Что подобныя дѣйствія были въ большомъ употребленіи, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ подтвержденіе правдивости сказаннаго можно указать на визитатора монастырей Могилевской епархіи Терасевича, который сдѣлалъ распоряженіе о показываніи въ оффиціальныхъ спискахъ Креславскаго монастыря, подъ именемъ умершей монахини Квинтувны, служки Цяпинской, постриженной впослѣдствіи митрополитомъ Жилинскимъ, въ 1856 году, въ монахини и присланной имъ туда въ подставу на мѣсто умершей. Ни главное, ни мѣстныя начальства, ни министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшительно не знали ничего положительно о томъ, что творилось въ здѣшнихъ римско-католическихъ монастыряхъ; все, повидимому, обстояло благополучно въ краѣ, и мы, встрѣтясь лицомъ къ лицу съ вооруженнымъ мятежемъ, благодаря только настойчиво-энергичной и честной дѣятельности графа М. Н. Муравьева могли обнаружить зло въ самомъ его корнѣ. Оставалось одно—вырвать этотъ корень; къ чему М. Н. Муравьевъ и приступилъ по усмиреніи вооруженнаго панско-ксендзовскаго мятежа.

Въ 1864 году въ Вильнѣ были упразднены за мятежныя дѣйствія противу нашего правительства—слѣдующіе монастыри: Францисканскій, Бернардиновъ и Креста, въ которыхъ найдены были склады пороха, ору-

жія, обмундированія и гдѣ произносились революціонныя проповѣди и приводились мятежники къ присягѣ. Здѣсь нужно замѣтить, что монастырь Францисканскій еще въ 1861 году, во время враждебныхъ политическихъ демонстрацій, ежедневно при вечернихъ молебствіяхъ оглашался пѣніемъ революціоннаго гимна, въ которомъ преимущественно принимала участіе польская аристократія и чистая публика; полиція не смѣла даже показаться на монастырскомъ дворѣ, гдѣ передъ статуею Богоматери происходило кощунственное пѣніе; скрытый въ воротахъ дома противъ монастыря полицейскій чиновникъ, по распоряженію генералъ-губернатора, записывалъ тайкомъ лицъ, дерзко издѣвавшихся надъ русскою правительственною властію въ краѣ. До какой степени осторожно дѣйствовалъ графъ М. Н. Муравьевъ, упраздняя латино-польскіе монастыри, видно изъ того, что виленскій женскій монастырь Визитокъ, самый зловредный въ краѣ, оставался неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока не попалась въ руки правительства тайная переписка его настоятельницы Констанціи Тыманъ съ французскими епископами и настоятельницею тамошнихъ монастырей Визитокъ, изъ которой обнаружены были разныя клеветы на дѣйствія нашего правительства. Зловредность Виленскаго монастыря не подлежала, впрочемъ, никакому сомнѣнію и до обнаруженія этого факта, такъ какъ, вопреки закона, онъ занимался воспитаніемъ дѣвицъ польскихъ знатныхъ семействъ въ чисто польскомъ духѣ. Закрытіе монастыря Визитокъ въ Вильнѣ совершилось такимъ образомъ.

По порученію главнаго начальника края, данному 14-го ноября 1864 года, состоявшій въ его распоряженіи чиновникъ особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ А. П. Стороженко совмѣстно съ прелатомъ Жилинскимъ, который управлялъ Виленскою епархіею, и Нѣмекшею, при бытности помощника полицеймейстера ротмистра Колесникова, произвели осмотръ Виленскаго римско-католическаго женскаго монастыря Визитокъ, при чемъ оказалось, что въ немъ состояли на лицо: 32 монахини, изъ которыхъ 2 присланы были туда на исправленіе, 4 новиціатки и 8 сестеръ-прислужницъ; по штату же монастыря положено было только 16 монахинь; излишнія 16 монахинь и 4 новиціатки находились тамъ съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, а 8 сестеръ-прислужницъ проживали безъ всякаго разрѣшенія. Изъ сообщенныхъ затѣмъ 20-го ноября за № 11762 виленскимъ губернаторомъ С. Ѳ. Панютинымъ свѣдѣній было видно, «что въ монастырь Визитокъ принимались предпочтительно лица изъ аристократическихъ и богатѣйшихъ польскихъ фамилій, которыя приносили туда съ собою большое приданое, иногда до нѣсколькихъ тысячъ рублей; деньги эти поступали въ полную собственность монастыря. Монастырь Визитокъ, по строгой замкнутости своего ордена,

былъ не доступенъ для правительственнаго надзора и, вопреки оффиціальнымъ воспрещеніямъ, при терпимости мѣстнаго начальства, содержалъ пансіонъ, въ которомъ, подъ предлогомъ приготовленія къ монашеской жизни, воспитывались дочери богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ лицъ не только изъ сѣверо-западныхъ губерній, но даже изъ Волыни и Подоліи. Обстоятельства послѣдняго возстанія въ краѣ, дни вообще всѣхъ бывшихъ въ Польшѣ мятежей достаточно пояснили, какимъ духомъ крамолы и вражды ко всему русскому и православному пропитаны женщины изъ шляхты польской. Многія сотни этихъ женщинъ получили это несчастное направленіе при воспитаніи въ римско-католическихъ монастыряхъ, гдѣ съ религіею тѣсно были связаны идеи превратно понятаго патріотизма, или лучше сказать—полонизма. При безспорно огромномъ вліяніи женщины въ семействахъ, идеи эти распространялись не только между молодыми людьми, но даже передавались и дѣтямъ, вмѣстѣ съ молокомъ матери. Поэтому, если нельзя было прямо сказать, что инокини монастыря Визитокъ принимали явное участіе въ бывшихъ здѣсь въ послѣднее время безпорядкахъ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что пагубное ихъ вліяніе было вреднѣе даже открытаго сопротивленія, ибо дѣйствовало не только на настоящее поколѣніе, но посѣяло злокачественныя сѣмена и въ будущемъ. Не смотря на очевидный вредъ отъ этого монастыря для русскаго дѣла въ краѣ, все распоряженіе графа М. Н. Муравьева ограничилось порученіемъ губернатору: «выслать проживавшихъ безъ разрѣшенія въ монастырѣ сестеръ-прислужницъ въ тѣ мѣста, откуда тѣ прибыли» (23-го ноября за № 3740).

Когда распоряженіе это объявили монастырю къ исполненію, настоятельница монастыря Визитокъ, Виргинія-Констанція Тыманъ, обратилась съ слѣдующимъ письмомъ къ главному начальнику края: «Объявлена намъ прелатомъ визитаторомъ воля вашего высокопревосходительства, чтобы сестры-прислужницы нашего законнаго общества непремѣнно удалены были. На это все отвѣтить только можемъ молитвами, слезами, умоляя ваше высопревосходительство о милосердіи и сожалѣніи! Въ этомъ воплѣ справедливость вашего высокопревосходительства не можетъ усмотрѣть въ насъ неповиновенія, потому что оно здѣсь вовсе не объявляется, знаемъ, что отъ воли вашего высокопревосходительства зависитъ спокойствіе и ненарушимость нашего законнаго семейства! Между нами, въ настоящей жизни, нѣтъ никакой разницы; сердцемъ и душою со всѣми нашими сестрами равны мы всѣ передъ Богомъ; для свѣта же и людей всѣ мы умерли и совершенно погребены. Дѣло наше до сихъ поръ было: готовиться къ смерти, обращая всѣ силы наши на собственное усовершенствованіе души; всѣмъ нашимъ занятіемъ—молиться за весь свѣтъ! Милостію царя позволено намъ въ

нашемъ уголку исполнять наши законныя правила, на что мы обязались торжественно обѣтами. Взаимная обязанность торжественныхъ нашихъ обѣтовъ соединяетъ насъ съ нашими сестрами до самой смерти. Какимъ же образомъ можемъ мы разорвать эти священныя узы добровольной присяги, когда это безъ согрѣшенія передъ Богомъ быть не можетъ. Умоляемъ, во имя Бога, Творца и Создателя нашего, ваше высокопревосходительство дозволить намъ умереть въ настоящемъ уголку безъ угрызенія совѣсти, въ мирѣ съ нашимъ Богомъ такъ, какъ велятъ намъ наши обѣты, совершенные уже разъ навсегда и не нарушимые ничѣмъ въ совѣсти! Одно слово вашего высокопревосходительства можетъ намъ сдѣлать эту милость, единственную для насъ на этой землѣ. Чрезъ милосердіе и сожалѣніе сохраните насъ. А уже мы не только молитвами нашими, но самъ Богъ ниспошлетъ на васъ свое благоволеніе и сохранитъ тѣмъ отъ всѣхъ бѣдствій на землѣ.

«Милосердія, милосердія! во имя Бога,во имя справедливости вашего высокопревосходительства, во имя великодушія нашего всемилостивѣйшаго царя! Потому что царь, равно какъ и ваше высокопревосходительство, вѣрныхъ и спокойныхъ подданныхъ никогда не захотите карать и губить».

Весьма замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что въ то же самое время, когда писалось это письмо, эта же самая рука разсѣвала разныя клеветы на русское правительство! Цѣлыхъ шесть дней письмо настоятельницы Тыманъ оставалось безъ отвѣта; въ справедливой душѣ Михаила Николаевича происходила, повидимому, тяжелая борьба; понимая всю лживость этихъ клятвъ и обѣщаній и сознавая вполнѣ не только весь вредъ, принесенный краю Визитками въ прошломъ, но и будучи твердо убѣжденъ, что безъ строгаго за ними надзора польскія монахини не измѣнятъ своей вредоносной дѣятельности и въ будущемъ, онъ все-таки рѣшился выждать и 29-го ноября за № 3186 послалъ губернатору разрѣшеніе «оставить въ монастырѣ восемь сестеръ-прислужницъ», секретно же далъ порученіе «слѣдить зорко за монастыремъ Визитокъ». Въ такомъ положеніи оставалось это дѣло до февраля мѣсяца 1865 года, когда виленскій губернаторъ (22-го числа за № 1278) довелъ до свѣдѣнія главнаго начальника края: «что въ пріемныхъ комнатахъ монастыря Визитокъ собираются часто женщины высшаго польскаго общества неизвѣстно съ какою цѣлью, ведутъ тамъ секретные разговоры и, какъ слышно подъ рукою, передаютъ письма изъ-за границы». Вслѣдствіе этого подобныя самовольныя посѣщенія монастыря были воспрещены постороннимъ лицамъ. Въ случаѣ нужды, желающія побывать тамъ посѣтительницы обязаны были предварительно испросить на то разрѣшеніе губернатора; почти одновременно съ этимъ распоряженіемъ сгруппировались факты, которые ясно

обнаружили тайную интригу этого монастыря противу русскаго правительства. Главному начальнику представлено было слѣдующее письмо валанскаго епископа (отъ 24-го февраля), писанное по-латыни и переведенное на французскій языкъ. Вотъ его содержаніе.

«Многоуважаемый и достойнѣйшій администраторъ.

«Не безъ живѣйшей боли въ глубинѣ души узнали мы все то, что выдумываютъ и предпринимаютъ ежедневно въ Польшѣ противу католической вѣры и ея послѣдователей. На-дняхъ, жалобы инокинь ордена св. Франциска Сальскаго, въ вашемъ епархіальномъ городѣ, достигли нашего слуха или, правильнѣе сказать, до нашихъ сердецъ, такъ какъ онѣ опасаются изо дня въ день быть изгнанными изъ своего монастыря и сосланными въ Сибирь.

«Вслѣдствіе того, если посреди такихъ скорбей и столь сильныхъ огорченій, благоугодно будетъ сказаннымъ сестрамъ и съ соизволенія вашего величія, я готовъ, обливаясь слезами, принять по крайней мѣрѣ десять сестеръ въ три монастыря того же ордена, которые находятся въ моей епархіи, гдѣ онѣ воспользуются, согласно съ духомъ святыхъ установленій, радушнымъ и почетнымъ гостепріимствомъ со стороны ихъ сестеръ во Христѣ.

«Мы пишемъ, тѣмъ же числомъ и въ томъ же духѣ, игуменьѣ сказанныхъ монахинь, дабы, зная наши обѣщанія, она могла бы все устроить къ счастливому разрѣшенію вопроса.

«Да пріидетъ благій Господь въ помощь благочестивымъ сестрамъ и утѣшитъ ихъ въ жестокой скорби, которою онѣ опечалены.

«Въ этой надеждѣ желаю вамъ, достойнѣйшій администраторъ и отецъ, всѣхъ благъ, вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга и братъ (м. п.) І. П. епископъ Валанскій».

Письмо это, заадресованное на имя высланнаго изъ края еще въ 1863 году въ Вятку за политическую неблагонадежность епископа Красинскаго, было представлено главному начальнику края и послужило къ открытію тайной переписки монахинь Визитокъ. Стало, наконецъ, очевиднымъ, что этотъ монастырь, призывая Господа Бога, во свидѣтельство святости своей жизни, велъ тайную переписку съ за-границею черезъ особыхъ лицъ и жаловался на разныя небывалыя притѣсненія русскаго правительства. Медлить поэтому было нечего... Графъ М. Н. Муравьевъ поручилъ коммиссіи съ визитаторомъ римско-католическихъ монастырей Нѣмекшею во главѣ отправиться къ Визиткамъ и потребовать отъ настоятельницы монастыря заграничную переписку; въ случаѣ же ея запирательства произвести обыскъ. Когда командированныя къ Визиткамъ лица прибыли къ монастырскимъ воротамъ и дали звонокъ привратницѣ, она побѣжала увѣдомить настоятельницу о неожиданномъ посѣщеніи и, возвратившись отъ нея, за-

явила, что безъ разрѣшенія высшей духовной власти входъ въ монастырь посторонним лицамъ воспрещенъ. Такъ какъ медлить въ пустыхъ переговорахъ коммиссіи не приходилось, то визитаторъ прелатъ Нѣмекша повторилъ приказаніе привратницѣ о пропускѣ въ монастырь, а находившійся тутъ полицеймейстеръ объявилъ, что, при дальнѣйшей медленности, ворота будутъ отперты и безъ ея содѣйствія.. Привратницѣ не оставалось ничего болѣе, какъ исполнить приказаніе. Когда члены коммиссіи пояснили настоятельницѣ монастыря цѣль своего посѣщенія, она немного попризадумалась и затѣмъ, желая избѣжать обыска, передала полицеймейстеру шесть писемъ, въ которыхъ предлагалось всѣмъ сестрамъ переселиться во Францію, гдѣ имъ былъ обѣщанъ радушный пріемъ. Письма эти были: 1) отъ епископства Орлеанскаго, 2) Анны-Маріи Балине, 3) епископства Валанскаго, 4) монастыря въ Реймсѣ; 5) епископства въ Аннеси; 6) монастыря въ Аннеси.

Такимъ образомъ становилось яснымъ, что монахини Визитки, опасаясь отвѣтственности за свое прошлое, намѣрены были сами удалиться за границу и для достиженія этой цѣли пустили въ ходъ всѣ пружины. Дѣйствительно дѣло скоро обнаружилось. Одновременно съ открытіемъ заграничной переписки настоятельницы монастыря Визитокъ министерство внутреннихъ дѣлъ увѣдомило главнаго начальника края [1]), «что, по повелѣнію государя, министръ иностранныхъ дѣлъ передалъ ему полученную изъ Парижа депешу, которою баронъ Будбергъ сообщалъ, что находившійся въ Парижѣ нунцій, узнавъ, что Виленскій монастырь Визитокъ, единственный того ордена въ означенномъ городѣ, секуляризованъ, обратился къ барону съ просьбою объ исходатайствованіи отправленія монахинь во Францію, гдѣ настоятельница Визитокъ въ Реймсѣ изъявила желаніе принять ихъ. Не встрѣчая, съ своей стороны, препятствія къ разрѣшенію виленскимъ Визиткамъ переселиться во Францію, для поступленія въ Реймскій монастырь ихъ ордена въ случаѣ, еслибы штатный монастырь Визитокъ въ Вильнѣ, единственный у насъ сего ордена, былъ упраздненъ, но, не находя его въ числѣ монастырей, объ упраздненіи которыхъ графъ М. Н. Муравьевъ сообщилъ министерству, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ его сообщить ему о томъ, имѣла-ли дошедшая до нунція въ Парижѣ вѣсть о секуляризаціи означеннаго монастыря какое-либо основаніе; дѣйствительно ли оный упраздненъ и не находитъ ли онъ какого-либо препятствія къ удовлетворенію ходатайства нунція. Дѣло это въ Петербургѣ считали, повидимому, столь важнымъ, что въ день полученія въ Вильнѣ съ почты означеннаго запроса пришла изъ С.-Петербурга 26-го февраля отъ министра

[1]) Отношеніе за № 366.

слѣдующая депеша: «По желанію вице-канцлера, испрашиваю отзыва по телеграфу на вопросъ о монастырѣ Визитокъ». Отвѣтная телеграмма главнаго начальника края заключалась въ слѣдующемъ: «По имѣющимся въ виду письмамъ французскихъ епископовъ къ настоятельницѣ монастыря Визитокъ, по сообщенному мнѣ вашимъ превосходительствомъ ходатайству нунція, Визитки будутъ отправлены въ Реймсъ; подробности сообщаются почтою. О срокѣ высылки увѣдомлю. Генералъ Муравьевъ».

Въ виду такого положенія, не желая долѣе медлить, главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края предложилъ [1]) виленскому губернатору: «1) объявить Визиткамъ, чтобы онѣ немедленно приготовились къ выѣзду за границу, и назначить для сборовъ кратчайшій, по возможности, срокъ, обративъ при этомъ случаѣ особенное вниманіе на настоятельницу, которая изобличается въ секретной перепискѣ съ заграницею; 2) доставить списки монахинь, какъ тѣхъ, которыя пожелаютъ отправиться за границу, для выдачи имъ на проѣздъ паспортовъ и денежнаго пособія, такъ и тѣхъ, которыя по старости или по другимъ причинамъ захотятъ здѣсь остаться, для размѣщенія таковыхъ по другимъ монастырямъ; 3) находящуюся въ услуженіи монастырскую прислугу, по удовлетвореніи слѣдовавшимъ ей содержаніемъ изъ штатной монастырской суммы, выслать въ тѣ общества, къ которому каждая приписана; 4) монастырскій костелъ, какъ не имѣющій прихода, закрыть, передавъ костельное имущество въ другой костелъ, по усмотрѣнію прелата Немекши, затѣмъ монастырскія зданія принять временно въ вѣдѣніе полиціи, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. О срокѣ высылки Визитокъ, имѣющихъ быть отправленными подъ надзоромъ полиціи до прусской границы, увѣдомить, представивъ вмѣстѣ и разсчеты издержекъ на проѣздъ монахинь до границы».

На слѣдующій день, т. е. 28-го февраля, графъ М. Н. Муравьевъ извѣстилъ министра внутреннихъ дѣлъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ къ упраздненію монастыря Визитокъ и къ высылкѣ ихъ, согласно ходатайства нунція во Францію, съ назначеніемъ путевыхъ издержекъ до границы и по 25 рублей каждой монахинѣ на дальнѣйшее слѣдованіе изъ штатной суммы монастыря.

Въ просьбѣ настоятельницы не было отказано; вмѣстѣ съ Визитками пожелали ѣхать безвозвратно за границу четыре монахини ордена Кармелитокъ босыхъ, отъ которыхъ и отобрана была подписка о невозвращеніи ихъ въ Россію.

Выѣздъ монахинь Визитокъ за границу назначенъ былъ первона-

---

[1]) 27-го февраля за № 870.

чально, по ихъ желанію, на 7 число марта; но такъ какъ въ Вильн пошли тотчасъ же разные толки да пересуды и начался сборъ денегъ въ ихъ пользу, которыхъ набрали въ двое сутокъ нѣсколько тысячъ то для предупрежденія какихъ-либо безпорядковъ, которые неминуемо, навлекли бы разныя непріятности на лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, графъ М. Н. Муравьевъ далъ предложеніе виленскому губернатору о негласномъ отправленіи ихъ за границу 5-го марта; на дорогу имъ было отпущено 2717 рублей 58 коп. Распоряженіе о высылкѣ монахинь было подписано главнымъ начальникомъ края во второмъ часу по полуночи со втораго на третье марта. Не желая тревожить губернатора ночью, я поручилъ дежурному писарю вручить на другой день конвертъ старшему полицеймейстеру въ восьмомъ часу утра, когда онъ по заведенному порядку поѣдетъ послѣ утренняго доклада изъ дворца къ губернатору и попросить его отъ моего имени передать лично конвертъ С. Ѳ. Панютину, какъ очень нужный. Двое сутокъ оставались еще до отъѣзда монахинь, и мнѣ казалось, что времени было весьма достаточно какъ для распоряженія о выдачѣ имъ прогоновъ, такъ и для предупрежденія ихъ о сокращенномъ срокѣ отъѣзда, который къ тому же имѣлъ содержаться въ тайнѣ; на повѣрку вышло другое. На слѣдующій день въ восьмомъ часу утра, пришедши въ канцелярію для провѣрки исполненія даннаго мною писарю приказанія, я встрѣтилъ во дворцѣ виленскаго губернатора С. Ѳ. Панютина, который, возвращаясь изъ монастыря Визитокъ, заѣхалъ къ главному начальнику края съ докладомъ. Поздоровавшись съ нимъ, я обратился къ нему съ вопросомъ.

— Получили-ли вы, Степанъ Ѳедоровичъ, спѣшную бумагу, подписанную ночью о высылкѣ Визитокъ не 7-го марта, какъ было прежде предположено, а 5-го числа утромъ, и объ отпускѣ имъ изъ казначейства денегъ на дорогу?

— Нѣтъ не получилъ,—отвѣтилъ мнѣ губернаторъ.

Объявивши ему, что конвертъ повезъ къ нему старшій полицеймейстеръ полковникъ Саранчевъ, я вошелъ за нимъ въ кабинетъ къ Михаилу Николаевичу, куда насъ пригласилъ дежурный адъютантъ.

— Здравствуйте, господа,—обратился къ намъ нашъ начальникъ.

Подавши руку Степану Ѳедоровичу, онъ спросилъ у него:

— Получили предложеніе о Визиткахъ и сдѣлали распоряженіе?

— Еще не получилъ; конвертъ повезъ ко мнѣ полиціймейстеръ...

— Полицеймейстеръ только-что ушелъ отъ меня, а бумага подписана мною вчера вечеромъ....

— Во второмъ часу по полуночи, ваше высокопревосходительство,— отвѣтилъ я ему. Не желая безпокоить Степана Ѳедоровича, такъ какъ времени еще остается довольно, я приказалъ писарю передать ее

утромъ полицеймейстеру, который бываетъ ежедневно съ докладомъ у его превосходительства около 8 часовъ.

— Видите... Спѣшная бумага, а васъ не хотятъ безпокоить,—обратился онъ къ губернатору. На службѣ нѣтъ и не можетъ быть безпокойствъ,—продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ,—прошу васъ этого впредь не дѣлать и отправлять бумаги немедленно, по ихъ подписаніи.

Мнѣ оставалось принять это къ свѣдѣнію и исполненію. Это было единственное замѣчаніе, которое я получилъ отъ графа Н. М. Муравьева, не смотря на то, что полтора года состоялъ безотлучно при немъ.

4-го марта сообщивъ ковенскому губернатору о предстоящемъ 5-го числа, въ 5 часовъ утра, выѣздѣ Визитокъ безвозвратно за границу, въ сопровожденіи жандармскаго офицера и прелата Нѣмекши, Михаилъ Николаевичъ поручилъ ему сдѣлать распоряженіе о недопущеніи никакихъ имъ встрѣчъ.

Наступило и 5-е марта; выѣздъ Визитокъ изъ Вильны совершился тихо.

Въ 4-мъ часу утра всѣ монахини собрались въ корридорѣ, тускло освѣщенномъ ночникомъ; тамъ ожидали ихъ прелатъ Нѣмекша, старшій полицеймейстеръ полковникъ Саранчевъ, жандармскій офицеръ, назначенный вмѣстѣ съ прелатомъ сопутствовать имъ до границы, и другіе служащіе. Поверхъ своей зимней одежды Визитки имѣли на себѣ орденское одѣяніе, а поперекъ груди надѣты у нихъ были большія деревянныя распятія. Все имущество монахинь, заблаговременно упакованное, было скоро уложено по телѣгамъ и отправлено на вокзалъ; оставалось уѣзжающимъ сказать свое послѣднее прости тихому пристанищу, въ которомъ, по собственной ихъ винѣ, не удалось имъ окончить земное свое странствованіе; но, нужно отдать имъ полную справедливость въ томъ, что онѣ съумѣли выдержать себя; ни одинъ мускулъ лица у нихъ не дрогнулъ, хотя старыя прислужницы, прощаясь съ ними, обливались слезами. Опускаясь послѣдовательно одна за другою на колѣни, онѣ безмолвно цѣловали порогъ покидаемаго ими жилища и направлялись затѣмъ къ выходу, подлѣ котораго ожидали ихъ экипажи. На станціи желѣзной дороги, не смотря на ранній часъ утра, поджидалъ ихъ неутомимый губернаторъ С. Ѳ. Панютинъ, подъ личнымъ наблюденіемъ котораго и совершился отъѣздъ Визитокъ за границу. Сопровождавшій ихъ до Гумбинена прелатъ Нѣмекша прислалъ оттуда 5-го марта слѣдующую телеграмму губернатору: «Le depart des soeurs jusqu'au soir. Nous les benissons de tout notre coeur».

Возвратясь затѣмъ на другой день въ Вильну, онъ разсказалъ про негостепріимную встрѣчу монахинь пруссаками въ Гумбиненѣ, которые приводили на станцію своихъ женъ и дѣтей, чтобы показать имъ

польскихъ монахинь, одѣтыхъ въ орденское платье съ распятіемъ на груди; во время ихъ молитвы—нѣмцы пѣли пѣсни, трунили надъ ними, спрашивая у нихъ, не скрываютъ-ли они въ крестахъ кинжалы?

По отъѣздѣ визитокъ изъ Вильны монастырскія зданія вмѣстѣ съ костеломъ были переданы въ православное духовное вѣдомство для устройства дѣвичьяго монастыря во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины, который до того времени предполагалось устроить въ зданіяхъ пофранцискаго монастыря, на Трокской улицѣ.

По просьбѣ главнаго начальника края, митрополитъ московскій Филаретъ командировалъ изъ Москвы двухъ инокинь Флавіану и Антонію для переговоровъ по устройству обители, съ предназначеніемъ первой—игуменьею а второй— казначеею.

Когда нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда визитокъ за границу назначенная по распоряженію главнаго начальника края коммиссія стала подробно осматривать монастырскія зданія, которыя, какъ оказалось, были сильно запущены и содержались очень грязно, то въ одномъ изъ монастырскихъ подваловъ открытъ былъ задѣланный кирпичемъ подземный ходъ черезъ переулокъ, ведшій къ упраздненному въ 1830 годахъ помиссіонарскому мужскому монастырю, а въ другомъ подвалѣ найдены были разныя орудія пытокъ, рогатки на шею, желѣзные наручники, ржавыя цѣпи и разный хламъ.

Въ упраздненныхъ зданіяхъ повизитскаго монастыря въ Вильнѣ устроена была въ 1865 году женская православная обитель во имя св. равноапостольныя Маріи Магдалины.

Изъ существовавшихъ въ Вильнѣ до послѣдняго мятежа римско-католическихъ монастырей при графѣ М. Н. Муравьевѣ были упразднены еще слѣдующіе: мужской монастырь 1-го класса ордена францисканотъ, на Трокской улицѣ, на дворѣ котораго передъ статуею Богоматери виленская аристократія собиралась на вечернее пѣніе революціоннаго гимна вмѣстѣ съ толпою горожанъ; мужской первоклассный монастырь ордена Бернардиновъ, на Зарѣчьѣ; Крестовый у военнаго госпиталя на Антоколѣ и два заштатныхъ женскихъ монастыря св. Михаила, рядомъ съ Бернардинами и малыхъ Босоногихъ, за полицейскимъ переулкомъ; мужскіе монастыри были упразднены за доказанное ихъ участіе въ мятежѣ, а заштатные по ничтожному комплекту монахинь, примѣняясь къ папской буллѣ Бенедикта XIV. Вообще при графѣ М. Н. Муравьевѣ въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ было закрыто 24 штатныхъ и 3 заштатныхъ монастыря.

Когда вѣсть о предстоявшемъ закрытіи монастыря Визитокъ и о высылкѣ монахинь за границу разнеслась по Вильнѣ, среди высшаго польскаго общества поднялась неописанная суматоха, такъ какъ Визитки были очень близки его сердцу. Не смотря на строгія правила

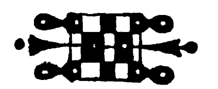
этого монастыря, туда поступали исключительно вдовы и престарѣлыя дѣвы, изъ лучшихъ польскихъ и зажиточныхъ фамилій, фанатичекъ по вѣрѣ и по польскому патріотизму; монастырь Визитокъ считался очень богатымъ; при своемъ поступленіи туда каждая новиціатка дѣлала значительный денежный вкладъ въ монастырскую казну и сохраняла за собою до самой своей смерти принадлежавшій ей капиталъ; при томъ монастырь Визитокъ, кромѣ штатной своей суммы на содержаніе получалъ еще ежегодно, по повелѣнію императора Павла 1-го, по три тысячи рублей серебромъ изъ поіезуитскаго фундуша на воспитаніе свѣтскихъ дѣвицъ.

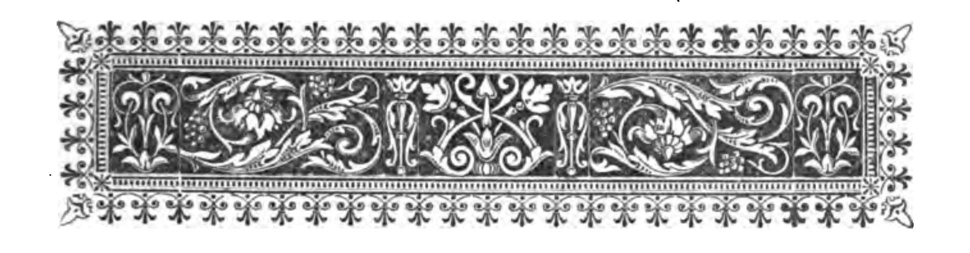
Хоть впослѣдствіи и было имъ воспрещено заниматься воспитаніемъ дѣвицъ, но монахини продолжали по-прежнему вести это дѣло, пользуясь недоступностію правительственнаго контроля, не дерзавшаго проникать во внутрь монастырской ограды. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего и удивительнаго; если въ именномъ высочайшемъ указѣ 16-го іюня 1835 года, которымъ признано было необходимымъ распространить правительственный надзоръ за воспитаніемъ во всѣхъ женскихъ римско-католическихъ монастыряхъ, министерство обѣщало «взять всѣ мѣры, дабы сей надзоръ не былъ стѣснителенъ для монастырей и оставался всегда въ границахъ благовиднаго наблюденія», то можно сказать съ положительностію, что во время предшествовавшее вооруженному мятежу 1856—1863, когда польскимъ тенденціямъ была предоставлена полнѣйшая свобобода въ Сѣверо-Западномъ краѣ, правительственный надзоръ за римско-католическими монастырями былъ не только чисто фиктивный, но можно смѣло сказать, что его не существовало вовсе.

Изъ цѣлой общины монахинь Визитокъ только двѣ монахини—Любомирская и Квинто заявили желаніе остаться у своихъ родственниковъ, сумасшедшая монахиня Сулистровская была переведена въ заведеніе умалишенныхъ, а всѣ остальныя пожелали выѣхать за границу, безъ возврата въ Россію, въ чемъ и выдали подписки; при этомъ имъ позволено было взять съ собою всѣ ихъ частные капиталы и все движимое имущество, а для прислуги имъ дорогою онѣ могли выбрать по своему усмотрѣнію одну изъ прислужницъ.

При нихъ ѣхали прислужница Комаръ и ксендзъ Ѳома Валентиновъ Любовицкій, о которомъ ходатайствовала настоятельница монастыря Визитокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго[1]).

I.

Въ семинарской библіотекѣ города Б—ва рано утромъ, 26-го марта 184... года, происходилъ между педагогами бурсы чрезвычайно оживленный разговоръ, обратившійся, съ приходомъ профессоровъ духовнаго сана, въ горячій споръ. Раздавались, преимущественно, два голоса—громкій, крикливый, принадлежавшій профессору Нобилеву, преподавателю философіи, и тонкій, пискливый—отца Ивана Синички, профессора герменевтики. Когда говорилъ философъ, рѣзко отчеканивая каждое свое слово, духов-

[1]) Василій Петровичъ Лободовскій началъ свою службу 26-го октября 1842 года въ Харьковскомъ губернскомъ правленіи писцомъ 2-го разряда и 16-го марта 1845 года переведенъ въ Курское губернское правленіе, въ которомъ оставался только до 29-го сентября того же года.

Выдержавъ экзаменъ и сдавъ пробную лекцію, Василій Петровичъ 29-го августа 1852 года былъ принятъ во 2-й кадетскій корпусъ учителемъ русскаго языка и словесности. Спустя пять лѣтъ, будучи уже въ чинѣ коллежскаго асессора, онъ былъ переведенъ (10-го мая 1857 г.) въ Сибирскій кадетскій корпусъ. Въ декабрѣ (9-го) 1860 года В. П. былъ произведенъ въ надворные совѣтники, 9-го февраля 1861 года утвержденъ наставникомъ-наблюдателемъ по предмету русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и 9-го декабря 1864 года произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

По преобразованіи корпуса въ Сибирскую военную гимназію В. П. Лободовскій перечисленъ въ томъ же заведеніи штатнымъ преподавателемъ и 9-го декабря 1868 года произведенъ въ статскіе совѣтники.

Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ отставкѣ и скончался 20-го февраля 1900 года.

Желая быть въ своихъ очеркахъ вполнѣ безпристрастнымъ и не стѣсняться характеристикою событій, В. П. ведетъ свой разсказъ, не называя настоящихъ фамилій, но съ ручательствомъ за достовѣрность всего разсказаннаго.

Ред.

ныя особы тихонько покашливали, уныло созерцая свои бороды и выражая не то удивленіе, не то сожалѣніе, а скорѣе, безотчетный страхъ; свѣтскіе же педагоги, послѣ каждаго возгласа философа, неистово гоготали, по временамъ приговаривая:

— Ну, и бестія же! молодецъ, право, молодецъ! Не даромъ товарищи зовутъ его геніемъ: это ужъ не въ первый разъ онъ такъ рѣжетъ нашего брата!

Отецъ Иванъ Синичка, маленькій, худенькій, смотря чрезъ старыя неуклюжія очки и поминутно ерзая на стулѣ, привскакивалъ съ мѣста и тоненькой фистулой произносилъ:

— Позвольте же, господа, позвольте! это не такъ. Намъ такъ смотрѣть на это дѣло не подобаетъ! Это продерзость мальчишки... понимаете? заносчиваго мальчишки... вотъ какъ на это смотрѣть надлежитъ!

Онъ съ достоинствомъ поворачивалъ голову въ сторону духовныхъ педагоговъ, которые съ недоумѣніемъ вопросительно взирали на свѣтскихъ.

Въ то время, когда все это, предъ началомъ классовъ, происходило въ семинарской библіотекѣ,—по лѣстницѣ архіерейскаго дома подымался блѣдный, высокаго роста и суроваго вида монахъ, съ большимъ крестомъ на груди. Это былъ отецъ архимандритъ, ректоръ семинаріи.

На площадкѣ лѣстницы, предъ входомъ въ покои владыки, онъ остановился у окна, досталъ изъ кармана большой бѣлый гребень, тщательно расчесалъ имъ длинную клинообразную бороду и, спрятавъ гребень, долго смотрѣлъ въ окно, повидимому, обдумывая что-то и нервно шевеля губами. Наконецъ, онъ тихонько пріотворилъ дверь и велѣлъ послушнику доложить о немъ владыкѣ.

— Что такъ рано, отецъ Іезекіиль? Взойди сюда!—послышался изъ отдаленной комнаты дребезжащій, но сильный старческій голосъ владыки.

Отвѣсивъ смиренно земной поклонъ и принявъ благословеніе, отецъ Іезекіиль такъ неудачно повелъ докладъ, что его высокопреосвященство, по обыкновенію, вспылилъ.

— Да что ты мямлешь... исключить... продерзость... безчиніе... Вѣдь, ты же самъ ввелъ обычай, чтобы ученики, не стѣсняясь, дѣлали возраженія учителямъ на лекціяхъ?

— Это сдѣлано, высокопреосвященнѣйшій владыко, по настоянію профессора философіи Нобилева, въ видахъ поднятія умственнаго развитія учащихся.

— Ну, такъ что же? Да кто этотъ Перепелкинъ? Не тотъ-ли это, котораго въ прошломъ году на экзаменѣ я назвалъ либеральнымъ

философомъ за то, что онъ—между нами будь сказано—жестоко таки срѣзалъ тебя на твоемъ странномъ—чтобъ не сказать болѣе—возраженіи?

— Тотъ самый, ваше высокопреосвященство,—отвѣчалъ отецъ ректоръ, сильно сконфузясь и кашляя въ руку.

— И который еще,—сталъ припоминать владыко,—прямо съ улицы былъ принятъ въ философскій классъ?

— Онъ самый, высокопреосвященнѣйшій владыко.

— Ну, такъ говори же толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Отецъ Варсонофій прочелъ греческій текстъ и... и для вящшаго уразумѣнія...

— Да брось это вящшее!—нетерпѣливо затопалъ ногами владыка.

— И для вящшаго уразумѣнія,—упорно продолжалъ отецъ ректоръ,—сталъ разлагать какой-то неправильный глаголъ.

— Ну, твой Варсонофій дуракъ, ему-ли разлагать неправильные греческіе глаголы, когда онъ ничего не смыслитъ въ языкахъ!—сердито вставилъ владыка.—Что жъ Перепелкинъ?

— А Перепелкинъ какъ захохочетъ!—Во-первыхъ, говоритъ, вы неправильно прочли текстъ; во-вторыхъ, въ текстѣ есть опечатка, которой вы не замѣтили; въ третьихъ, начало глагола совсѣмъ не то, какъ вы объясняете, и пошелъ, пошелъ, пошелъ!...

— Зачѣмъ же Варсонофій позволилъ ему много говорить и не выгналъ его вонъ изъ класса?

— Отецъ Варсонофій, въ горячности, назвалъ его дуракомъ, а онъ съ великою продерзостію ему въ отвѣтъ:—«Если дуракомъ, говоритъ, называть того, кто правильно понимаетъ вещи, то какъ же величать тѣхъ, кто ихъ не понимаетъ, и даже не въ состояніи понимать?» Послѣ классовъ я велѣлъ отцу эконому отвести его въ карцеръ, но онъ и здѣсь говорилъ дерзости.

Владыка шагалъ по комнатѣ, изрѣдка пропуская сквозь зубы: гм! гм! Но при послѣднихъ словахъ онъ сурово вскрикнулъ:

— Дураки всѣ! Перепелкина немедленно исключить, а Варсонофію перемѣни предметъ, а не то и самого.

Владыка не докончилъ фразы и сердито отпустилъ отца ректора.

Перепелкинъ, надъ которымъ стряслась такая бѣда, былъ на видъ небольшой, худенькій, черненькій бурсачокъ, уже оканчивающій курсъ богословъ, хотя казался чуть не второклассникомъ. При переходѣ изъ философскаго въ богословскій классъ, ему только одному изъ 35 человѣкъ было 18 лѣтъ, между тѣмъ, какъ прочіе почти всѣ были въ возрастѣ отъ 20 до 24 лѣтъ. Онъ былъ первымъ всегда, и по всѣмъ предметамъ, охотно помогалъ товарищамъ и въ писаніи сочиненій на данныя темы, и въ объясненіи уроковъ, любилъ возражать учителямъ,

за чтò и прослылъ между товарищами за генія; но это не мѣшало духовнымъ педагогамъ, вслѣдствіе отсталости своей, не любящимъ ученика съ такими свойствами, называть его дуракомъ за каждый любознательный вопросъ, или возраженіе, чтò сильно оскорбляло самолюбиваго юношу, и онъ, въ такихъ случаяхъ, обыкновенно говорилъ:

— Вотъ проповѣдуютъ смиренномудріе, а сами никакъ не могутъ обойтись безъ бранныхъ кличекъ и обидныхъ словъ.

Гораздъ онъ былъ и на выдумки, за что особенно любили его товарищи. Въ сороковыхъ годахъ въ Б—ую бурсу не проникли еще ни Лермонтовъ, ни Гоголь. Даже Пушкинъ многимъ былъ извѣстенъ только по наслышкѣ. Перепелкинъ узналъ, что у помѣщика Б., въ разстояніи полуторы версты отъ города, есть сочиненія этихъ писателей, слышалъ также, что у него вообще хорошая библіотека, которой завѣдуетъ крѣпостной человѣкъ Левкò, случайный его знакомецъ и даже обязанный ему чѣмъ-то. Левкò, или Лёвка, какъ звали его господа, сообщилъ ему, подъ большимъ секретомъ, что по ночамъ, съ 11 до 4 часовъ, онъ могъ бы пускать его въ барскую библіотеку, но съ условіемъ, чтобъ онъ объ этомъ—сохрани Богъ—не проговорился. Мальчикъ, еще первый годъ въ философскомъ классѣ, когда ему было только 15 лѣтъ съ небольшимъ, ухитрялся какъ-то исчезать по ночамъ изъ бурсы, успѣлъ не разъ прочесть глубоко заинтересовавшихъ его писателей и даже кое-что списалъ. Но секрета не сдержалъ. Постоянно декламируя стихи изъ Пушкина, Лермонтова и разсказывая смѣшныя сцены изъ Гоголя, котораго сильно полюбилъ, онъ возбудилъ въ товарищахъ такое любопытство, что тѣ заставили таки его сознаться, гдѣ и какъ ему удалось познакомиться съ такими хорошими вещами. Съ тѣхъ поръ стали назойливо приставать къ нему многіе, чтобъ онъ и имъ, каждому порознь, предоставилъ возможность продѣлать то же самое. Но Лёвко перепугался и сначала былъ рѣшительно неумолимъ, и только послѣ долгихъ переговоровъ сдался, наконецъ, на такой рискованный планъ Перепелкина: въ два праздника сряду, когда господа непремѣнно должны были уѣзжать въ городъ на балы, дававшіеся по какому-то торжественному случаю, партія семинаристовъ въ десять человѣкъ, съ Перепелкинымъ во главѣ, явится въ библіотеку, разошьютъ книги, перепишутъ, что нужно, и всякій разъ, предъ выходомъ, приведутъ книги въ такой видъ, въ какомъ онѣ были.

Но какъ улизнуть изъ бурсы такой оравѣ? Пробовали подкупить криваго сторожа, но тотъ и деньги взялъ, и водку выпилъ, а отъ сдѣлки сурово и наотрѣзъ отказался; даже пригрозилъ доложить его высокопреподобію, отцу архимандриту, если будутъ настаивать. Перепелкинъ далъ совѣтъ спуститься по веревкѣ со втораго этажа на глухой семи-

нарскій дворъ, обратно товарищи поднимутъ по веревкѣ же, но на доскѣ. Операція какъ нельзя лучше удалась, и Перепелкинъ еще болѣе возвысился во мнѣніи товарищей, изъ которыхъ многіе и раньше обожали его за веселый нравъ, находчивость, а главное, за его обязательную услужливость всѣмъ немощнымъ по наукѣ. Такая любовь къ нему выразилась даже оригинальнымъ образомъ во время одной изъ этихъ ночныхъ экспедицій. Чтобы незамѣтно попасть въ библіотеку помѣщика, большой партіи надо было осторожно, съ согласія раньше подкупленнаго сторожа, пройти чрезъ садъ, мимо котораго, позади господской усадьбы, протекала рѣчушка, мелкая въ сухое время, но сильно, хотя и не надолго, вздувавшаяся послѣ дождей, такъ что въ бродъ она не для всѣхъ была удобна. Перепелкинъ же плавать не умѣлъ, а ростомъ былъ меньше другихъ. Всѣ эти обстоятельства бурсаки приняли въ соображеніе, взвѣсили и, послѣ серьезнаго обсужденія ихъ, переправили своего атамана на широчайшей спинѣ высокорослаго богослова Семенова.

II.

Отецъ Іезекіиль возвращался отъ владыки гораздо бодрѣе, чѣмъ шелъ къ нему. Онъ широко шагалъ, быстро перебирая чотки. Не любилъ онъ Перепелкина, мало того, даже ненавидѣлъ его, что давно уже подмѣтили не только товарищи послѣдняго, но даже и всѣ преподаватели. Да и какъ было любить такого сорванца-занозу, который его, отца ректора, десять лѣтъ, безъ всякихъ приготовленій, безмятежно читавшаго богословіе, вынуждалъ теперь по ночамъ готовиться къ лекціямъ, и все-таки не удовлетворялся стройнымъ систематическимъ изложеніемъ ихъ и вѣчно надоѣдалъ возраженіями и указаніями какихъ-то противорѣчій. И вспомнилъ отецъ Іезекіиль, что, по милости же его самого, Перепелкинъ прямо былъ принятъ въ философскій классъ, съ улицы, какъ выразился сейчасъ его высокопреосвященство.

Тогда владыку удивляло, что мальчикъ 15 лѣтъ и такой «несуразный» на видъ, прямо изъ деревни, не пройдя никакой школы, просится въ философскій классъ? Но отецъ Іезекіиль настоялъ, чтобы мальчика допустили къ экзамену. Онъ поразилъ на экзаменѣ всѣхъ преподавателей бойкими и смѣлыми отвѣтами; особенное же удивленіе возбудили два сочиненія, написанныя имъ на данныя темы, на русскомъ и латинскомъ языкахъ.

Все это быстро пронеслось въ головѣ отца ректора, пока онъ подхо-

дилъ къ семинаріи. Навстрѣчу ему показался отецъ инспекторъ,— «скорбная голова», какъ его давно прозвалъ профессоръ философіи Нобилевъ. Онъ же былъ и виновникъ всей этой исторіи.

Облобызавъ, по обычаю, другъ другу руки, обѣ власти пошли тихонько чрезъ семинарскій дворъ, повидимому, занятыя одпѣми и тѣми же мыслями.

— Зазнался, больно зазнался! — изрекъ отъ избытка сердца отецъ Іезекіиль, сообщивъ вкратцѣ резолюцію преосвященнаго.

— Я, ваше высокопреподобіе, даже такого мнѣнія, если позволите сказать,—зашепелявилъ отецъ инспекторъ:—что его подбиваютъ на пакости товарищи.

— Вы думаете?—глубокомысленно спросилъ отецъ ректоръ. Кто же это?

— Смоквинъ, Неглигентовъ и, пожалуй, не безъ участія тутъ, конечно, косвеннаго и... профессора Нобилева,—смиренно вымолвилъ отецъ инспекторъ, Варсонофій.

Отецъ Іезекіиль долго молчалъ и, уже поднявшись на лѣстницу, ведущую въ его квартиру, пристально взглянулъ въ глаза собесѣдника и опять повторилъ вопросъ: «Вы думаете?».

— Кхе! кхе! кхе!—раскашлялся отецъ Варсонофій.

— Да,—многозначительно заключилъ отецъ ректоръ, не дожидаясь отвѣта инспектора,—это надо принять къ свѣдѣнію. Нобилевъ давно уже всѣхъ и все пересмѣялъ въ городѣ и всѣмъ надавалъ кличекъ.

При послѣднихъ словахъ, сказанныхъ ректоромъ какъ-то особенно, въ растяжку, отецъ инспекторъ опять сильно раскашлялся и поспѣшно сталъ откланиваться его высокопреподобію, который не безъ лукавой ироніи прямо взглянулъ ему въ глаза.

Вѣсть объ исключеніи Перепелкина съ быстротою молніи облетѣла всѣ углы бурсацкіе и вызвала громкое неудовольствіе противъ начальства и великое сожалѣніе о такомъ товарищѣ, рѣдкомъ по доброжелательству и готовности помочь всякому. Многіе плакали, или свирѣпо злились, ругая, на чемъ свѣтъ стоитъ, виновника бѣды, а нѣкоторые даже отказались отъ скуднаго бурсацкаго обѣда, который, противъ обыкновенія, прошелъ въ самомъ суровомъ молчаніи со стороны учащихся всѣхъ классовъ. Послѣ обѣда, въ дортуарахъ, молодежь опять заволновалась.

— Какъ же это такъ,—слышалось со всѣхъ сторонъ:—посылаютъ учить насъ человѣка скудоумнаго, совершенно не понимающаго дѣла, который на каждомъ шагу дѣлаетъ промахи, а какъ поправитъ грубую его ошибку знающій ученикъ, его исключаютъ, совершенно не принимая въ соображеніе, что предметъ для насъ очень важный и неправильно понятый текстъ ввелъ бы всѣхъ насъ въ заблужденіе. Гдѣ же спра-

ведливость? Да и гдѣ же, наконецъ, казалось бы, и учиться правдѣ, какъ не въ такихъ заведеніяхъ?

Перепелкинъ, когда ему сообщили, черезъ дверь въ карцеръ, о резолюціи преосвященнаго, нервно зарыдалъ. Прежде всего ему пришла на мысль мать, страстно его любившая, какъ первенца и единственнаго сына въ большой семьѣ, состоявшей изъ восьми дочерей. Ея горячая любовь къ нему и была причиной того, что его не отдали по десятому году, какъ обыкновенно дѣлалось, въ бурсу, а продержали дома до 15-ти лѣтъ. Отецъ и мать повезли, было, его своевременно въ уѣздный городъ, чтобы тамъ отдать въ духовное училище, но на дорогѣ встрѣтили возвращавшагося оттуда своего благочиннаго, который, взглянувъ пристально на тщедушнаго мальчика, спросилъ иронически:

— Выдержитъ-ли онъ еженедѣльную порку?

— Какъ еженедѣльную?—вскрикнула матушка, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— А такъ ужъ тамъ заведено,—отвѣчалъ спокойно и со смѣхомъ отецъ благочинный,—моего Ванюшку отъ Рождества до вакацій разъ двадцать выпороли, хотя онъ и хорошо учится.

— Ну, попе, вертай назадъ!—рѣшительнымъ тономъ скомандовала энергичная матушка.

— Какъ назадъ?—завопилъ отецъ Савва, супругъ ея, совершенно ошеломленный такимъ необычайнымъ и вовсе непредвидѣннымъ оборотомъ дѣла. Что я стану съ нимъ дома дѣлать?—взмолился онъ заунывнымъ голосомъ, выражая на своемъ умномъ лицѣ весь ужасъ новаго неожиданнаго положенія.

— А такъ-таки, вертай и вертай, а не то—я руки на себя наложу, если ты поѣдешь дальше, чтобъ отдать мое дитя въ эту бойню. А дѣлать съ нимъ будешь то, что̀ и доселѣ дѣлалъ: учи его самъ. Вѣдь, тебя же всѣ считаютъ ученымъ, ну, и готовь его въ старшіе классы, пусть хоть тѣломъ поокрѣпнетъ дѣтище.

— А ты какъ думаешь, черномазый?—благодушно спросилъ мальчика отецъ благочинный, пристально всматриваясь въ его недоумѣвающее лицо.

Мальчуганъ выпучилъ черные глазенки и, казалось, былъ въ большомъ затрудненіи, какъ рѣшить такой мудреный вопросъ.

— А мы, мама,—сказалъ онъ, наконецъ,—все-таки поѣдемъ въ городъ, остановимся у тети Саши, гдѣ мальчики живутъ, и если они скажутъ, что ихъ шибко дерутъ,—мы драла домой во весь духъ.

Эту мысль одобрилъ и отецъ благочинный, очень расхохотавшійся, когда матушка заупрямилась было подвергнуть его даже такому испытанію.

Въ городѣ не только мальчики, но старъ и младъ—всѣ подтвердили,

что прежде пороли исправно, но все-таки милосердно, больше для острастки, чтобъ не баловались ребята; нынче же, съ пріѣздомъ новаго смотрителя духовнаго училища, порка производится, особенно по субботамъ, самая жестокая. Сверхъ того, при допросахъ, достается еще волосамъ, щекамъ и зубамъ.

Эти разсказы такъ подѣйствовали на нашего мальчугана, что онъ даже не рѣшился побѣгать съ сверстниками въ саду.

— Насъ, вѣдь,—разсказывалъ остроглазый школяръ Миша,—бьютъ особенно за то, что, въ перемѣну, мы бѣгаемъ по корридору и возимся въ классѣ, чтобы согрѣться, а то замерзнешь, потому что зимой не топятъ печекъ.

Семья поспѣшно собралась домой. Батюшка всю дорогу обдумывалъ планъ обученія сынишки. Всего болѣе затруднялъ его греческій языкъ, котораго спряженія какъ-то не давались ему и въ школѣ, и потому онъ всю дорогу раздумывалъ, гдѣ бы достать грамматику, въ которой бы ясно и толково все это излагалось. А мысль была уже та, чтобы готовить сынка прямо въ реторику, а если Богъ поможетъ, такъ и въ философію.

Матушку занимало другое. Она никакъ не могла переварить мысли, какъ это могутъ быть такіе изверги, которые мучаютъ дѣтей за то, что они возятся въ классѣ и не ходятъ, а бѣгаютъ въ корридорѣ, чтобы согрѣться.

— Попе, да развѣ и теперь казна не отпускаетъ на отопленіе?

— Какъ, поди, не отпускаетъ!—процѣдилъ сквозь зубы, занятый своими серьезными мыслями, отецъ.

Многое въ этомъ родѣ припомнилось заключенному въ карцерѣ Перепелкину, и онъ даже пожалѣлъ, что не прошелъ этой суровой школы, которая, быть можетъ, пріучила бы его къ воздержности въ словахъ.

— Ты здѣсь еще, Перепелкинъ?—спросилъ кто-то, тихонько стукнувъ въ дверь карцера.

— Здѣсь, Иванъ Семеновичъ!—отозвался Перепелкинъ на голосъ профессора философіи Нобилева.

— Ты, дружище, когда тебя выпустятъ изъ карцера, соберись къ отцу, выпроси у него деньжатъ, да я своихъ прибавлю немного, и затѣмъ, отправляйся—гдѣ пѣшкомъ, а гдѣ съ обозами—прямо въ Питеръ. Тамъ разыщешь одного вельможу, любителя и покровителя духовныхъ, и разскажешь ему все откровенно: онъ тебя выручитъ изъ бѣды, а то могутъ отдать въ солдаты, если будетъ прописано, что исключенъ за дерзость. Хотя объ этомъ еще будетъ у насъ разговоръ съ начальствомъ.

И, дѣйствительно, на другой день произошелъ бурный разговоръ по поводу этого дѣла.

Профессоръ Нобилевъ былъ умный, начитанный и, вмѣстѣ съ тѣмъ очень гуманный человѣкъ, но, къ несчастью, по мѣстному выраженію, любилъ сильно запускать за галстухъ, и въ пьяномъ видѣ былъ грубъ, заносчивъ и дерзокъ со всѣми, а ужъ не приведи Богъ съ монахами, которыхъ терпѣть не могъ. Про него ходили слухи, что, еще въ академіи, онъ, подвыпивши, спустилъ кубаремъ какую-то монашествующую власть по ступенькамъ лѣстницы за то, что эта власть несправедливо дерзнула при всѣхъ товарищахъ назвать его неучемъ. И только заступничество извѣстнаго Иннокентія-проповѣдника спасло его отъ неминуемой гибели. Въ качествѣ профессора, онъ былъ любимъ учениками, прежде всего за свою простоту и доступность, но еще болѣе за то, что умѣлъ не только возбудить, но и постоянно поддерживать въ нихъ любовь къ наукѣ. Кромѣ его никто не умѣлъ такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ убѣдительно говорить о нравственныхъ принципахъ, обязательныхъ для человѣка и тѣсно связанныхъ съ наукой. Товарищи-педагоги недолюбливали его, а многіе даже боялись его, особенно, когда онъ являлся, будучи уже на второмъ взводѣ, какъ обыкновенно измѣрялась его слабость. Въ этихъ случаяхъ, онъ, не стѣсняясь, всѣмъ говорилъ колкости.

И вотъ на другой день, послѣ рѣшенія участи Перепелкина, Нобилевъ шумно вошелъ въ сборную учительскую, примыкавшую къ библіотекѣ. Всѣ замѣтили, что онъ на второмъ взводѣ. Небрежно поздоровавшись съ коллегами, онъ сейчасъ же грубо отнесся къ особамъ духовнаго сана.

— Что, преподобные отцы, многихъ мы приведемъ на путь истины, поступая такъ разбойнически? При всемъ умственномъ убожествѣ своемъ, мы тоже беремся учить другихъ тому, чего сами не знаемъ,—говорилъ подвыпившій философъ.

Отецъ Иванъ Синичка незамѣтно выскользнулъ изъ комнаты и, по долгу совѣсти, немедленно сообщилъ отцу инспектору о начинающемся безчинствѣ; инспекторъ же, по долгу службы, немедленно доложилъ о томъ отцу ректору. И вотъ они, всѣ трое, тихонько вошли въ библіотеку съ другаго хода и остановились у дверей учительской.

— Настави, направи, учили апостолы,—продолжалъ резонировать желчный философъ,—а мы ни наставить, ни направить не умѣемъ, неспособны, а умѣемъ только ругаться, а иногда драться, хотя и беремся за дѣло, котораго не смыслимъ, чѣмъ, разумѣется, и вводимъ въ соблазнъ молодежь. Вотъ какое воспитаніе! Потому-то и выходятъ отсюда не рѣдко мерзавцы!

— А!—сказалъ онъ, обведя всѣхъ глазами,—Синичка ужъ улетѣла, чтобъ христіанскій слухъ не оскорбить нечестивыми рѣчами! А можетъ быть и съ цѣлью предупредить начальство.

При этихъ словахъ онъ съ азартомъ отворилъ дверь въ библіотеку и сильно прихлопнулъ подслушивавшаго отца ректора, который, съ достоинствомъ потерши себѣ лобъ и переносицу, принялъ осанистую, хотя и смиренную позу, и взволнованнымъ голосомъ возопилъ:

— Чаша терпѣнія переполнилась! Васъ всѣхъ, господа, други и братья во Христѣ, призываю во свидѣтели неблагопотребнаго поведенія профессора Нобилева. Посему прошу васъ, милостивый государь,—обратился онъ къ послѣднему,—не безпокоиться заходить въ классъ, а немедленно удалиться отсюда и дома дожидаться резолюціи архипастыря.

Про владыку говорили, что онъ умѣетъ и распечь и обласкать, даже какою-нибудь существенною помощію искупить грубую выходку. Такъ, однажды, онъ раскричался у себя на деревенскаго попа, что у того и сапоги скверные, и ряса грязная, и волоса лохматые, да расходился владыка такъ, что началъ толкать и поворачивать бѣднягу въ разныя стороны, съ укоризнами и смѣхомъ. Священникъ, перепуганный, переконфуженный, потерялъ, наконецъ, терпѣніе и говоритъ ему дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Владыко, да неужели жъ ты совершенно забылъ злосчастный свой дьяческій домъ, изъ котораго вышелъ, и вообще жалкое, нищенское положеніе бо̀льшей части сельскихъ священно-и церковнослужителей? Вѣдь, у меня десять душъ дѣтей, малъ-мала меньше, а работникъ-то дома и въ полѣ я одинъ—попадьѣ только бы въ пору съ ребятами справиться—съ прихода же я и ста рублей въ годъ не получаю!

Выговоривъ все это раздраженнымъ голосомъ, бѣдный священникъ разрыдался. Не выдержалъ владыка и самъ прослезился.

— Ну, перестань, отче, да разскажи мнѣ основательно всю свою убогую жизнь.

— Что тутъ разсказывать, владыко! Бываетъ такая нужда, что руки наложилъ бы на себя, если бы не жаль было дѣтей малыхъ. А тутъ еще притѣсненія и обиды отъ управляющаго-нѣмца, да пріятеля его становаго. Пришелъ просить у вашего высокопреосвященства другаго мѣста.

Сердобольный владыка и денегъ своихъ далъ попу на хозяйственныя дѣла, да еще самъ выбралъ изъ своего гардероба двѣ ряски для него попроще, а въ скоромъ времени и на лучшій приходъ перевелъ его.

На утро келейникъ доложилъ владыкѣ, что пришелъ отецъ ректоръ.

— Зови! отвѣчалъ преосвященный.

— Знаешь-ли, что мнѣ пришло на мысль,—весело заговорилъ владыка, широко благословляя отца архимандрита,—не лучше-ли, вмѣсто исключенія дерзкаго мальчишки, выпороть его хорошенько, лишивши на время, для этой цѣли, стихаря, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и права произносить проповѣдки? Вѣдь онъ, хоть малъ и невзраченъ, а любитъ такъ, какъ я припоминаю, ораторствовать и—надо правду ска-

зать—умненькія вещи всегда говоритъ, которыя какъ-то долго остаются въ головѣ. Какъ думаешь?

Ободренный ласковой рѣчью владыки, отецъ ректоръ смѣло началъ:

— Еще произошелъ случай, сугубой важности, высокопреосвященнѣйшій владыко, требующій совмѣстнаго обсужденія съ проступкомъ Перепелкина. Профессоръ Нобилевъ, ежедневно предаваясь пьянству, и прежде поносныя рѣчи и хулу изрыгалъ на начальство, а нынѣ, якобы въ защиту невиннаго Перепелкина, съ самыми неблагопотребными укоризнами сталъ относиться ко всѣмъ служащимъ и, по словамъ отца Ивана Синички, просто во всеуслышаніе непристойно порицалъ всѣхъ начальниковъ и сослуживцевъ въ учительской комнатѣ, куда и я былъ привлеченъ шумомъ, проходя въ это время по корридору. Такъ какъ онъ и кричалъ, и стучалъ, и дверь съ азартомъ отворялъ, то я предложилъ ему немедленно отправиться домой и ожидать резолюціи вашего высокопреосвященства.

— Да что это такое дѣлается у васъ?—въ задумчивости отъ недоумѣнія, но на этотъ разъ совершенно спокойно говорилъ владыка. Я ужъ и не придумаю сразу, какъ тутъ быть. Ты знаешь, что Нобилева всѣ въ городѣ считаютъ умнѣйшимъ и наилучшимъ профессоромъ въ семинаріи, каковъ онъ дѣйствительно и есть. Но и оставить все это безъ послѣдствій тоже нельзя.

Отецъ Іезекіиль поминутно, во все время, пока говорилъ владыка, переминался съ ноги на ногу, какъ-бы одержимый какимъ-то безпокойствомъ и, видимо, пылалъ непреодолимымъ желаніемъ изрещи нѣчто, не совсѣмъ поддающееся слову.

— Отецъ Варсонофій думаетъ, и я раздѣляю его мнѣніе,—не безъ робости заговорилъ онъ, откашлявшись въ руку,—что Перепелкинъ дѣлаетъ выходки противъ учителей по наущенію Нобилева. Впрочемъ, и ранѣе всѣмъ было извѣстно, что Нобилевъ вездѣ, не стѣсняясь мѣстомъ или обществомъ, весьма неуважительно всегда говорилъ про семинарскій педагогическій персоналъ и всѣхъ надѣлилъ кличками и просмѣялъ.

Владыко еще серьезнѣе задумался и такъ и отпустилъ отца Іезекіиля, ничего не сказавъ.

На другой день послѣдовала письменная резолюція: Перепелкина исключить и немедленно удалить изъ заведенія. Магистру Нобилеву оставить профессорскую должность и проситься смотрителемъ духовнаго училища въ К—въ.

III.

Въ іюнѣ Перепелкинъ собрался въ путь по направленію къ Петербургу. Подъ вечеръ 15-го числа, усталый, подходилъ онъ къ г. М. Его обогнала тройка взмыленныхъ лошадей и съ огромнѣйшей таратайки, въ которой сидѣло двое, раздался громовой окрикъ:

— Что за человѣкъ?

— Семинаристъ!—отвѣчалъ Перепелкинъ.

— Пашпортъ!—заревѣлъ усастый господинъ, колоссальныхъ размѣровъ, въ форменной одеждѣ.

Перепелкинъ быстро свернулъ съ дороги къ ракитамъ, чтобы снять съ плечъ сумку и достать билетъ, но въ это время форменный усачъ неистово заоралъ: «лови, держи бродягу!»

Высокій бѣлокурый молодой человѣкъ, спутникъ форменнаго господина, въ одинъ мигъ скрутилъ ему назадъ руки. Ведя его къ таратайкѣ, онъ ему шепнулъ:

— Ради Бога молчите, ни слова не говорите отъ себя безъ спроса, какъ будто въ ротъ воды набрали,—тогда все обойдется благополучно.

Усачъ разразился площадной бранью и, обдавъ Перепелкина спиртуознымъ запахомъ, поднялъ его одной рукой на таратайку и пихнулъ ногой въ передокъ, подъ сидѣнье кучера, котораго началъ угощать фухтелями въ загривокъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не разогналъ лошадей такъ, что потомъ ужъ и сдержать не могъ и чуть не вывалилъ всѣхъ при поворотѣ въ подгородную слободу. Перепелкина сильно трясло и колотило. Къ счастію, черезъ нѣсколько минутъ они уже были въ квартирѣ становаго.

— Запереть его на ночь въ холодную!—скомандовалъ усастый господинъ,—онъ же становой приставъ 2-го участка: завтра въ 8 часовъ къ допросу. Да смотрѣть, чтобъ не ушелъ!

Перепелкинъ, съ усталости, уснулъ, какъ убитый. На другой день онъ былъ разбуженъ какимъ-то равномѣрнымъ хлопаньемъ, похожимъ на то, какъ будто что-то, по близости къ нему, выколачивали. Онъ выглянулъ въ маленькое окошечко съ желѣзнымъ переплетомъ.

Шагахъ въ пятнадцати, наискосокъ отъ него, сидѣлъ на крыльцѣ становой, въ халатѣ, съ раскрытой, обросшей волосами грудью, внимательно читая какую-то бумагу и куря изъ длиннаго чубука.

Предъ нимъ кого-то наказывали розгами въ двѣ руки.

Наказаніе продолжалось долго, но наказываемый не проронилъ ни одного звука.

— Крѣпче его!—прикрикнулъ становой, не отрывая глазъ отъ бумаги.

Удары посыпались чаще и сильнѣе, но какъ-будто падали на бездушный предметъ: истязуемый ничѣмъ не заявлялъ о своихъ страданіяхъ.

Наконецъ, становой махнулъ рукой. Экзекуція прекратилась.

Съ земли поднялся красивый молодой мужичокъ, подобралъ свои порты и немедленно скрылся.

Изъ небольшой группы, стоявшей шагахъ въ двухъ вправо отъ становаго, выдѣлилась молоденькая лѣтъ 16—17, миловидная дѣвушка и повалилась въ ноги начальству.

— Я, баринъ, ваше благородіе, совсѣмъ не къ нимъ сказала:—наплевать! Вотъ-те Христосъ! Побей меня Богъ, коли къ нимъ.

— Врешь, ракалія!—сказало начальство совершенно спокойно и какъ-будто даже благодушно. Липа! Липа! позвать мнѣ барышню!—крикнулъ онъ, не отрывая глазъ отъ бумаги и все пыхтя изъ длиннаго чубука.

Явилась длинная и тонкая, какъ жердь, Липа, дочь его.

— Какъ тебѣ разсказывала Леля про нее?—спросилъ становой свою дочь, кивнувъ головой по направленію къ подсудимой.

— О, это—страшно дерзкая мерзавка!—затараторила Липа. Леля говоритъ—смотрю, идетъ съ должности мужъ. Я кричу, говоритъ:— Лизка, Лизка! скорѣй накрывай на столъ, баринъ идетъ! Она побѣжала на кухню. Вотъ ужъ мужъ пришелъ, раздѣлся и даже сѣлъ застолъ, а Лизки нѣтъ, какъ нѣтъ! Я на кухню, говоритъ Леля, да еще бѣгомъ черезъ весь дворъ. И что жъ вы думаете?—слышу, Лизка кричитъ, заигрывая съ кучеромъ:—А и пускай ждутъ! наплевать!—Это она кухаркѣ говоритъ, а та торопитъ ее нести кушанье.

Начальство, не отрывая глазъ отъ бумаги и продолжая курить, мотнуло головой.

Лизку схватили и повалили. Она взвизгнула. Засвистали розги, раздался пронзительный крикъ. Перепелкинъ заткнулъ уши и отошелъ отъ окна. Когда онъ опять подошелъ къ окну, Лизу вела мимо его помѣщенія какая-то старушонка, вся въ слезахъ. Наказанная, закрывъ лицо руками, едва-едва тащила ноги, истерически всхлипывая.

Начальство все такъ же спокойно читало бумагу и пыхтѣло изъ трубки.

Къ нему приблизился худой, мизерно одѣтый мужичокъ. На видъ ему было лѣтъ подъ 50.

— Ты что же, лодарь, недоимку не вносишь?—сказалъ становой опять таки совершенно спокойно и едва на мигъ оторвавъ глаза отъ бумаги, а ротъ—отъ чубука, и, не дожидаясь отвѣта, мотнулъ головой.

Мужичекъ спокойно и безпрекословно повалился на землю. Во все время экзекуціи не издалъ ни одного звука.

Затѣмъ оставались еще два субъекта несомнѣнно цыганской породы: безобразная, черная, какъ головешка, старуха издоровенный человѣчина, такого же цвѣта, въ плисовой поддевкѣ.

Что они говорили начальству, трудно было разобрать. Пока они объясняли дѣло и перекорялись между собой, становой, не перебивая ихъ, все смотрѣлъ въ бумагу и курилъ трубку.

Наконецъ, онъ всталъ, закатилъ двѣ оплеухи здоровенныя плисовой поддевкѣ, харкнулъ прямо въ лицо старухѣ и ушелъ, не сказавъ имъ ни слова.

Тѣмъ и кончился нелицепріятный судъ земской власти.

Перепелкинъ думалъ, что про него забыли, но вскорѣ къ нему вошелъ вчерашній его знакомецъ, скрутившій ему наканунѣ руки назадъ, и объявилъ, что онъ можетъ продолжать свой путь, такъ какъ арестъ его произошелъ по недоразумѣнію, или, лучше сказать, шепнулъ онъ на ухо и оглядываясь, потому что начальство было зѣло пьяно.

— Да вы зайдите-ка ко мнѣ,—крикнуло еще трезвое начальство проходившему мимо оконъ Перепелкину: мы васъ чайкомъ согрѣемъ послѣ холодной-то. Я, вѣдь, батенька, и самъ изъ голышниковъ,—продолжалъ онъ, съ раскатистымъ смѣхомъ,—ну, и покалякаемъ.

Перепелкинъ зашелъ.

— Вы какого же класса будете и куда пробираетесь?—спросилъ становой, усадивъ путника возлѣ себя на стулъ и приказавъ подать ему чаю.

— Те, те, те!—залепеталъ онъ, когда Перепелкинъ сказалъ, что идетъ въ Петербургъ для поступленія тамъ въ университетъ: это, батенька, еще журавли въ небѣ, а я вамъ дамъ сейчасъ, коли хотите, синицу въ руки, только не выпустите ее. Мой родной братъ Виталій ректоромъ въ N. академіи. Хотите поступить въ академію, братъ приметъ васъ по моему письму безъ всякихъ разговоровъ, а пожелаете въ университетъ, поможетъ вамъ другая особа, которая на-дняхъ ѣдетъ туда и которая Христомъ-Богомъ умоляла меня подыскать ей образованнаго человѣка, для сопровожденія ея въ пути въ качествѣ чтеца. Видите-ли, она давно больна глазами и ѣдетъ туда полѣчиться у извѣстнаго тамошняго профессора-окулиста. Одинъ семинаристъ и далъ, было, слово сопутствовать ей туда и оттуда, но вчера сообщилъ, что не можетъ ѣхать по непредвидѣннымъ домашнимъ обстоятельствамъ. Такъ вотъ, батенька мой, какой случай! Я и вамъ сдѣлаю добро, да и барынѣ-старушкѣ, очень мнѣ нужной, какъ нельзя лучше услужу. Сейчасъ послѣ завтрака и махнемъ туда. Эй, Липа! прикажи готовить завтракъ, да послать разсыльнаго за лошадьми!

Такъ распоряжался судьбой путника юноши усастый господинъ, и Перепелкинъ подумалъ, подумалъ да и принялъ безпрекословно его предложеніе.

— Сколько я могу судить,—сказалъ становой за завтракомъ Перепелкину,—вы такой же мечтатель, какъ и братъ мой Виталій. Онъ тоже

все возмущается разными неправдами людскими и все желалъ бы перестроить на свой ладъ. Я, батенька, о такихъ пустякахъ не думаю и вамъ не совѣтую, лучше будетъ.

— Нѣтъ, я съ вами не согласенъ: о такихъ вещахъ нельзя не думать,—замѣтилъ Перепелкинъ.

Становой опрокинулъ большую рюмку водки въ ротъ и, крякнувъ, продолжалъ.

— Почему не думать, но надо жить своимъ умомъ, а не книжнымъ. Это было правиломъ моего отца. Онъ былъ кремень, мать кроткая голубица. Я въ отца и, благодаря Бога, прозябаю: братъ же въ мать, и если бы не поступилъ въ монахи, то давно заклевали бы его куры.

— Моя должность собачья,—горячился онъ, осушая третью рюмку: рѣдко, кто просиживаетъ на такомъ мѣстѣ лѣтъ 5—6, а я, слава Богу, изворачиваюсь тутъ уже 15-й годъ. Вотъ взгляните-ка, какія кипы бумагъ лежатъ въ письмоводительской комнатѣ,—это все строжайшія предписанія немедленно разслѣдовать, разыскать, описать, взыскать, арестовать, донести, встрѣчать, провожать особъ, и не простыя предписанія, а съ угрозами, въ случаѣ неисполненія, строжайшихъ выговоровъ со внесеніемъ въ формуляръ, посылки нарочнаго на твой счетъ, преданія суду, удаленія отъ должности и проч. И понятно, всякій губернскій тузъ можетъ тебя упечь ни за что, ни про что, такъ что всякъ часъ будь на чеку.

Перепелкинъ хотѣлъ, было, что-то возразить, но бѣлокурый знакомецъ его—онъ же письмоводитель становаго,—дернулъ его за рукавъ.

— А какія бываютъ,батенька мой, оказіи!—заговорилъ онъ,придвигая къ себѣ графинъ съ водкой, отодвинутый отъ него подальше предусмотрительной Липой: вотъ теперь почти вся семья моя ушла пѣшкомъ на богомолье, и такъ третій годъ ужъ дѣлаетъ... и будетъ дѣлать всегда. Видите-ли, проѣзжала особа, графъ-ли,князь-ли, было велѣно встрѣчать и провожать. Два перегона сдѣлали благополучно; онъ исправника отпустилъ, на третьемъ и четверти версты не сдѣлали, одна пристяжная запнулась и оборвала постромку. Мнѣ бы скакать впередъ, а, я съ дуру, заслышавъ крикъ, назадъ бросился. Ямщики и самъ смотритель уже прибѣжали, суетятся и трясутся, какъ въ лихорадкѣ. Особа, съ пѣной у рта, ругаетъ всѣхъ на чемъ свѣтъ стоитъ. «А ты, куда смотрѣлъ?»—вскинулся онъ на меня.

— Да я тутъ, ваше сіятельство, ни при чемъ,—осмѣлился я сказать.

— Молчать, болванъ!—завизжалъ онъ паскуднымъ голосомъ, грозясь на меня изъ экипажа кулакомъ.

— Ну, тутъ, видимо, Богъ меня спасъ. Становой набожно перекрестился. «Вѣрите-ли,—продолжалъ онъ,—я остервенился, какъ лютый звѣрь, и сдѣлалъ уже шагъ, чтобъ долбануть его по башкѣ вотъ этимъ,—

онъ сжалъ и разжалъ внушительныхъ размѣровъ длань,—вѣдь только мокренько бы стало, потому, гниль, плюгапъ, но вдругъ хлынула у меня кровь изъ носа, чего никогда у меня во всю жизнь не было. Ясно, Провидѣніе спасло меня и мою семью. Движеніе мое не было замѣчено.

Онъ опять набожно перекрестился и залпомъ выпилъ одну за другой двѣ рюмки, не смотря на всѣ нѣмые протесты со стороны Липы.

— Жена,—продолжалъ онъ, дала обѣтъ ежегодно пѣшкомъ ходить на богомолье; съ ней ходитъ и семья. Вотъ и теперь 5 дней, какъ они ушли къ угоднику Божію, верстъ за полтораста отсюда. Ну, вы теперь погуляйте хоть въ саду, а я маленько сосну, а тамъ и махнемъ.

Село Разбѣжное, куда, послѣ двухъ-часоваго отдыха, направились становой съ Перепелкинымъ, принадлежало богатой помѣщицѣ, вдовѣ генералъ-маіора Бланквиста, убитаго въ турецкую войну 1828 года. Оно было расположено на большой возвышенности, съ трехъ сторонъ окруженной лѣсомъ. Церковь, стоявшая на горѣ, видна была, какъ на ладони, съ большой дороги верстъ за двадцать.

— Вотъ туда мы ѣдемъ,—показалъ на церковь становой, приказавъ свернуть на проселочную дорогу и въ ту же минуту уснулъ.

День былъ солнечный. Видъ во всѣ стороны открывался широкій, но однообразный. Въ воздухѣ ни шелеста, ни звука. Перепелкинъ предался мечтамъ. Еще вчера, до арестованія его пьянымъ становымъ, положеніе его представлялось ему крайне непредвидѣннымъ и безотраднымъ; нынѣ же, повидимому, все должно измѣниться къ лучшему. По милости судьбы или слѣпаго случая, онъ стоитъ на распутьи двухъ дорогъ, изъ которыхъ выбирай любую. Университетъ давно соблазнялъ его, но не въ такой степени, чтобъ онъ теперь сразу отдалъ ему предпочтеніе предъ академіей. Съ одной стороны, отецъ его былъ сильно нораженъ и опечаленъ тѣмъ, что сыну его преграждена дорога въ академію, къ которой отецъ Савва питалъ благоговѣйное почтеніе, и съ поступленіемъ въ которую сына онъ соединялъ завѣтныя и самыя вожделѣнныя мечты; съ другой, и у самого Савоньки почему-то образовалось мнѣніе, что въ академіи преподаются науки основательнѣе, чѣмъ въ университетѣ.

— Что жъ мнѣ помѣшаетъ, по окончаніи курса въ академіи, выйти въ свѣтское званіе и вступить на педагогическое поприще, тѣмъ болѣе, что и академія не нашего района?—думалъ онъ.

На 7-й верстѣ проселка, въ селѣ Пружанахъ, перемѣнили лошадей и живо примчались въ Разбѣжное.

Домъ помѣщицы тоже стоялъ на горѣ, близъ церкви, въ великолѣпномъ паркѣ, спускавшемся до огромнаго пруда, прославленнаго на всю губернію крупными и необыкновенно вкусными карасями.

Становой объяснилъ Перепелкину, что помѣщица вдова бездѣтная и что при ней живутъ родная ея племянница, Клавдія Дмитріевна, дѣвица, круглая сирота, и родная сестра покойнаго мужа, фрейлейнъ Амалія Бланквистъ.

Всѣ онѣ были въ саду, куда и повелъ ихъ лакей. Онѣ шли навстрѣчу пріѣхавшимъ—хозяйка впереди съ большимъ зеленымъ зонтомъ надъ глазами. Когда становой отрекомендовалъ ей Перепелкина, какъ изъявившаго желаніе сопутствовать ей въ качествѣ чтеца, она поцѣловала въ лобъ земскую власть и тутъ же крикнула лакею:

— Скажи приказчику, чтобъ онъ сегодня же отправилъ Степану Ивановичу телку отъ холмогорки.

— Онъ, вѣдь,—выражаясь вульгарно,—хапуга у насъ,—обратилась она въ шутливомъ тонѣ къ Перепелкину—и ничего даромъ не сдѣлаетъ.

Степанъ Ивановичъ расшаркался и облобызалъ ручку благодѣтельницы безъ всякаго непріятнаго чувства.

— Мое положеніе безвыходное,—продолжала она:—безъ книгъ я обойтись не могу, а самой читать нельзя. Онѣ же вонъ,—указала она на спутницъ,—или смѣшатъ меня своимъ чтеніемъ, или приводятъ въ досаду. Вотъ и сейчасъ изъ-за смѣха не могли дочитать любопытнаго извѣстія о случившемся недавно на Окѣ несчастіи съ людьми. Одна читаетъ,—указывала она на фрейлейнъ Бланквистъ,—ледика опрокинюлась, а другая, племянница моя, Клодочка,—готка опгокинулась. Э л ь она выговариваетъ какъ г. Тутъ поневолѣ или расхохочешься, или разсердишься.

— Такъ у насъ всегда и бываетъ,—продолжала она опять черезъ минуту,—а потому не удивляйтесь, что за такой сюрпризъ, какъ привозъ мнѣ настоящаго лектора, я сейчасъ же подарила Степану Ивановичу, любезному нашему становому, прелестную телку, которою не дальше, какъ три дня тому назадъ, онъ такъ залюбовался, что, вопреки своей природѣ, званію и чину, пришелъ въ паѳосъ, объясняя мнѣ ея высокія достоинства.

Степанъ Ивановичъ раскатистымъ, хотя, замѣтно, сдержаннымъ хохотомъ поддерживалъ веселое настроеніе своей благодѣтельницы.

— У меня есть и серьезное чтеніе,—возобновила она разговоръ на эту же тему, послѣ того, какъ отдали приказаніе накрывать на столъ,—но Клодочка его не долюбливаетъ, а фрейлейнъ Амалія немилосердно коверкаетъ и перевираетъ слова. Это почти еще нетронутыя критическія статьи Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ запискахъ». Вы, вѣдь, конечно, знакомы съ ними?

— Да,—процѣдилъ сквозь зубы Перепелкинъ, раскраснѣвшись, потому что о Бѣлинскомъ онъ и не слыхивалъ, а «Отечественныхъ Записокъ» и въ рукахъ не держалъ.

— Я сказала: почти не тронутыя, потому что пробовали таки, но тутъ вышелъ смѣшной казусъ...

— Ахъ, ma tante, не газсказывайте!—заговорила, зардѣвшись, Клодочка и убѣжала.

— Видите-ли, на прошлой недѣлѣ гостили у насъ два новоиспеченныхъ прапорщика, закончившихъ первые четыре класса въ здѣшнемъ корпусѣ: двоюродный мой племянникъ и сынъ директора корпуса. Въ это же время пріѣхалъ рекомендованный мнѣ Степаномъ Ивановичемъ въ чтецы семинаристъ. Вотъ мы всѣ вечеромъ и усѣлись на террасѣ послушать его. Онъ бойко и толково прочелъ, къ общему нашему удовольствію, небольшой легкій разсказецъ изъ «Отечественныхъ записокъ». Замѣтивъ общій интересъ, я и подсунула ему статью Бѣлинскаго, котораго нашъ архіерей называетъ антихристомъ, за то, что онъ будто бы развѣнчалъ Державина, какъ выражается владыка. Семинаристъ, взглянувъ на статью, посмотрѣлъ на меня вопросительно, а на остальную публику съ какой-то недовѣрчивой улыбкой. Онъ откашлялся и началъ чтеніе, перемѣнивъ темпъ изъ скораго, какимъ былъ читанъ разсказъ, на медленно важный, торжественный, какъ будто совершалъ какое-то священнодѣйствіе, и надо отдать полную справедливость—читалъ необыкновенно хорошо. Я заслушалась. Но каково было мое удивленіе, когда, взглянувъ на другихъ, я увидѣла слѣдующую картину: Клодочка, прислонившись щечкой къ олеандрѣ, спитъ, какъ убитая; спитъ и сынъ директора, откинувши голову на спинку кресла; племянникъ же мой, пока еще борется со сномъ и-нѣтъ-нѣтъ-да и клюнетъ носомъ въ розы, которыя стояли предъ нимъ въ большой вазѣ. Амалія неизвѣстно когда выпорхнула отсюда незамѣтно. Я не могла не расхохотаться при видѣ такой сцены. Разсмѣялся и семинаристъ, замѣтивъ тихонько, что такія вещи и не по вкусу военнымъ.

— Да, у нихъ вкусъ другой,—замѣтилъ и Степанъ Ивановичъ, подойдя къ закускѣ и смакуя прекрасную англійскую водку, рекомендованную ему хозяйкой дома. Они не книжники, а люди практичные, продолжалъ онъ, постепенно оживляясь отъ сердечно излюбленной имъ влаги. Я, извольте видѣть, былъ приглашенъ къ нимъ какъ-то лѣтомъ въ лагерь, для производства слѣдствія по случаю скоропостижной смерти солдатика. Кончить дѣло въ одинъ день не успѣлъ и долженъ былъ тамъ заночевать. Мнѣ отвели помѣщеніе въ маленькомъ баракѣ. Я, не раздѣваясь, бросился на койку и тотчасъ же уснулъ, по обыкновенію. Проснувшись, слышу разговоръ какъ будто близко отъ меня, но никакъ не могу себѣ представить, гдѣ бы это могли быть тутъ люди, потому что весь мой баракъ сажени двѣ въ квадратѣ. Но помѣрѣ того, какъ я приходилъ въ себя, голоса становились слышнѣе и яснѣе, и голоса, несомнѣнно, ребячьи:

— Что пѣхотный полковой командиръ,—говорилъ одинъ.—Онъ развѣ лѣтъ въ двадцать наживетъ состояніе тысячи въ двѣ душъ крестьянъ.

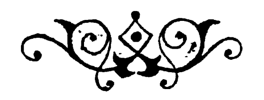
— Конечно,—отвѣчалъ другой,—не чета кавалерійскому, которому не трудно и въ десять лѣтъ сдѣлаться владѣльцемъ имѣнія тысячи въ три душъ. Или, вотъ, артиллеристы тоже... большія деньги наживаютъ, да и на большихъ еще деньгахъ всегда и женятся.

— Ну, нѣтъ, господа,—замѣчалъ третій. Ужъ если завидовать кому, такъ это инженерамъ: иному такъ посчастливится, что лѣтъ черезъ десять оставляетъ службу милліонеромъ, да еще увѣшанный орденами.

— Что говорить!—отвѣчалъ первый,—инженерамъ всегда и вездѣ лафа на казенныхъ постройкахъ, да, вѣдь, математики-то проклятой требуется много для того, чтобы кончить курсъ въ инженерномъ корпусѣ. Вотъ, вѣдь, что.

— И на эту тему они разсуждали почти до разсвѣта,—говорилъ становой. Утромъ я узналъ, что это были кадеты четвертаго класса, запоздавшіе изъ отпуска и заключенные на ночь въ карцеръ, который отдѣлялся отъ моего помѣщенія только двумя перегородками. Вотъ эти юнцы не вашему брату чета,—заключилъ онъ, съ укоризной обращаясь Перепелкину и бросая умильные взгляды изъ-за обѣденнаго стола на англійскую водку, оставшуюся на закусочномъ столѣ: вы, вѣдь, какъ заведете споры о разныхъ тонкостяхъ богословскихъ, философскихъ реторическихъ, грамматическихъ и проч., то просто затыкай уши, или бѣги вонъ. Шубы все-таки не сошьешь изъ этихъ тонкостей, да и сытъ не будешь!

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Высочайшее разрѣшеніе Г. Р. Державину съѣздить на одинъ день въ Царское Село.

23-го декабря 1800 г.

Среди распоряженій императора Павла Петровича было и запрещеніе негласнаго въѣзда и выѣзда изъ столицы. Насколько широко это послѣднее повелѣніе распространялось, видно, между прочимъ, изъ приводимаго здѣсь письма Гавріила Романовича Державина къ генералъ-прокурору П. Х. Обольянинову.

«Милостивый государь мой Петръ Хрисанфовичъ!»—писалъ Державинъ 21-го декабря 1800 г.—«За нужное съ моей стороны нахожу осмотрѣть подъ вѣдѣніемъ моимъ состоящую Царско-Сельскую бумагодѣлательную мельницу для заготовленія ассигнаціонныхъ листовъ: вслѣдствіе чего покорнѣйше прошу ваше превосходительство испросить мнѣ у государя императора высочайшее позволеніе съѣздить на одинъ день въ Царское Село. Пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію всегда вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга».

23-го декабря Обольяниновъ доложилъ его императорскому величеству о ходатайствѣ Державина и въ тотъ же день сообщилъ Гавріилу Романовичу о высочайшемъ дозволеніи однодневной отлучки.

Сообщ. **Н. А. Мурзановъ.**

Къ біографіи А. А. Фета (Шеншина).

Въ біографіи Аѳанасія Аѳанасьевича Фета разсказывается, что отецъ поэта, Аѳанасій Неофитовичъ Шеншинъ, во время своего пребыванія въ Германіи въ 1819 году, женился въ Дармштадтѣ на г-жѣ Шарлоттѣ Фетъ. Первымъ плодомъ этого брака былъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, который до 14-ти лѣтъ своего возраста и писался по отцу Шеншинымъ, но потомъ долго носилъ фамилію своей матери, такъ какъ обнаружилось, что лютеранское благословеніе на бракъ не имѣло у насъ законной силы, а православное вѣнчаніе было совершено послѣ его рожденія.

А. А. Фетъ въ «Раннихъ годахъ моей жизни» говоритъ, что родной братъ его матери, сынъ дармштадтскаго оберъ-кригсъ-коммиссара Карла Беккеръ, носилъ въ Россіи имя Эрнста Карловича, точно такъ же, какъ и мать до присоединенія къ православной церкви — Шарлоты Карловны.

Далѣе, въ главѣ X («Школьная жизнь»), Фетъ вспоминаетъ слѣдующій случай: «Однажды отецъ безъ дальнѣйшихъ объясненій написалъ мнѣ, что отнынѣ я долженъ носить фамилію Фетъ, при чемъ самое письмо ко мнѣ было адресовано: Аѳанасію Аѳанасьевичу Фету».

Прошло много лѣтъ. Высочайшимъ указомъ 26-го декабря 1873 г., Аѳанасію Аѳанасьевичу присвоена фамилія Шеншина, со всѣми связанными съ нею правами.

Возобновивъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ переписку съ товарищемъ-сослуживцемъ по орденскому кирасирскому полку Ксенофонтомъ Ѳедосѣевичемъ Гевеліоти[1]), А. А. писалъ: «Въ настоящую радост-

---

[1]) К. Ѳ. Гевеліоти происходилъ изъ дворянъ Таврической губ., родился 1823 г. Вступилъ въ службу въ кирасирскій военнаго ордена полкъ юнке-

ную для меня минуту.... не изумляйся, увидѣвъ незнакомую тебѣ подпись. Объясню въ двухъ словахъ. Жизнь моя самый сложный романъ, который, Богъ дастъ, сообщу хоть въ главныхъ чертахъ, но довольно въ настоящую минуту сказать, что я вынужденъ былъ съ университета носить чужое имя Фета, подъ которымъ пишу и печатаю и по сей день, а теперь мнѣ уже 6 лѣтъ возвращена по высочайшему повелѣнію моя настоящая фамилія Шеншинъ [1]).

Было ли имя Фетъ чужимъ Аѳанасію Аѳанасьевичу, родившемуся 23-го ноября 1820 года, т. е. при жизни мужа, неразведенной съ нимъ, Шарлотты Карловны, можно выяснить по приводимой ниже сего выпискѣ изъ письма г-на Беккеръ отъ 7-го октября 1820 года къ А. Н. Шеншину. Письмо это попало въ томъ году въ число перлюстрованныхъ московскимъ почтъ-директоромъ.

А. Григоровичъ.

Переводъ выписки изъ письма военнаго коммисара Беккера изъ Дармштадта отъ 7-го октября 1820 года къ предводителю дворянства А. Шеншину въ Мценскъ.

Письмо ваше и Шарлотты, любезной моей дочери, отъ 31-го сентября получилъ я въ воскресенье ввечеру, въ 10-мъ часу, 1-го октября. Они, такъ какъ и два письма къ Фету и г-жѣ Грейсъ, найдены Эрнстомъ въ незапертой вашей комнатѣ. Я долженъ сказать вамъ, что крайне жалѣю о такомъ поступкѣ вашемъ, который запрещаютъ законы божескіе и человѣческіе, а христіанская религія полагаетъ въ числѣ величайшихъ грѣховъ. Добрый и благородный человѣкъ, если онъ въ здравомъ разсудкѣ, не сдѣлалъ бы того. Вы увезли дочь мою и при томъ беременную. Не подлый-ли это поступокъ? Кто далъ вамъ право нарушать насильственнымъ образомъ существующія божескія

ромъ 16-го апрѣля 1842 г. и въ 1844 г. произведенъ въ корнеты; по прошенію уволенъ отъ службы 10-го февраля 1851 г. и скончался въ 1880 г. Съ поэтомъ его связывали товарищескія отношенія по службѣ въ полку. Фетъ принятъ въ кирасирскій военнаго ордена полкъ унтеръ-офицеромъ 21-го апрѣля 1845 года и въ 1853 г. въ чинѣ штабсъ-ротмистра прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи уланскому его величества полку.

[1]) Письмо къ Коршу Аѳанасій Аѳанасьевичъ заканчиваетъ слѣдующимъ шуточнымъ четырехстишіемъ:

„Смущаюсь я не разъ одинъ,
Какъ мнѣ писать въ дѣлахъ текущихъ:
Я между плачущихъ - Шеншинъ,
И Фетъ я только средь поющихъ“.

распоряженія и семейственныя связи? Вы учинили сію чрезвычайную несправедливость противъ невинныхъ и добрыхъ людей, которые, свято уважая божескіе законы и семейственныя связи, не могли согласиться на ваше буйное и безстыдное желаніе разрушить оныя. Они полагали свое благополучіе не въ большомъ свѣтѣ между испорченными людьми, а въ маломъ кругу честныхъ членовъ семейства. Чѣмъ мы васъ оскорбили, что вы безъ всякой причины такъ жестоко нарушили счастіе нашей жизни? Мы приняли васъ какъ больнаго иностранца въ свой домъ съ искренностію и любовью и поступали какъ съ стариннымъ другомъ, не предполагая, что согрѣваемъ въ груди своей ядовитую змѣю, которая вмѣсто благодарности уязвитъ насъ жестоко и неизлѣчимо. Если вы вѣруете въ Бога, который наказываетъ за зло, то должны страшиться себя самого и трепетать, что не можете поправить зла, причиненнаго невиннымъ людямъ. Вы пишете ко мнѣ, что не смѣете извинять себя, а между тѣмъ просите моего благословенія на союзъ, не достойный этого. Чрезъ то показываете вы, что чувствуете великость и мерзость вашего поступка. Крайне жалкое положеніе доброй, бѣдной и любимой моей дочери Шарлотты заслуживаетъ, конечно, великихъ уваженій, которыя сохраняю я въ отеческомъ сердцѣ. Но вы, государь мой, что можете чувствовать къ ней, несчастной женщинѣ? Мы, напротивъ, сохранимъ навѣки къ ней чистѣйшую любовь и почтеніе за превосходныя ея качества, ибо вынужденное преступленіе не можетъ ихъ уничтожить однимъ ударомъ. Всѣ, знающіе съ малолѣтства сію и всѣми любимую женщину, утверждаютъ, что употребленіемъ ужаснѣйшихъ и непонятнѣйшихъ средствъ прельщенія лишена она разсудка и до того доведена, что безъ предварительнаго развода оставила своего обожаемаго мужа Фета и горячо любимое дитя, бросила престарѣлаго и больнаго отца своего, къ которому была привязана узами природы, любви и благодарности столько, что часто жертвовала своимъ здоровьемъ, сохраняя и услаждая жизнь его, наконецъ, покинула отцовскій домъ, мѣсто рожденія, для того, чтобъ ѣхать въ дальнія страны съ постороннимъ человѣкомъ, котораго знала она только нѣсколько мѣсяцевъ. Люди, наблюдавшіе за поступками вашими, называютъ васъ человѣкомъ распутнымъ, закоренѣлымъ въ порокахъ, обольстителемъ, нарушителемъ брачнаго союза и неблагодарнымъ. Если вы думаете, что не нужно вамъ согласія моего на бракъ съ Шарлоттою, если вы не исполните обѣщанія, мнѣ письменно даннаго, то не остается мнѣ инаго дѣлать, какъ принесть на васъ жалобу присутственнымъ мѣстамъ россійскаго государства съ пожертвованіемъ даже всего нашего имущества. Нашъ великій герцогъ охотно подкрѣпитъ нашу просьбу письмомъ своимъ къ императору Александру и къ матери его, вдовствующей императрицѣ, а принцесса Вельгельмина Луиза къ сестрѣ своей, императрицѣ Елиса-

ветѣ Алексѣевнѣ. Мы увѣрены, что россійское правительство не оставитъ безъ наказанія такой дерзости, въ чужихъ краяхъ учиненной, и для великой націи столь поносной. Не почитайте сего за безразсудную угрозу, а за обдуманное намѣреніе—единственное средство къ защитѣ и спасенію бѣдной моей дочери. Весь Дармштадтъ, всѣ члены двора знаютъ и почитаютъ мою Шарлотту, теперь столь несчастную, образцомъ добродѣтели и благочестія. Имъ всѣмъ извѣстно, что сія добрая дочь жертвовала всѣми удовольствіями молодости и даже здоровьемъ для бѣднаго отца своего, котораго прихоти сносила съ ангельскимъ терпѣніемъ. Вы обязаны сохраненіемъ своей жизни Шарлоттѣ и нашей къ ней любви. Въ противномъ случаѣ сидѣли-бъ вы теперь въ тюрьмѣ и размышляли-бъ о великости вашего преступленія. Богъ отвратилъ сіе, и какъ судите (?), сколь близко бываетъ справедливое наказаніе отъ дурныхъ дѣлъ и что если мѣра грѣховъ исполнится, то хитрости всей Азіи и всѣ крестьяне Орловской губерніи не могутъ защитить преступника отъ наказанія, особливо когда будетъ то угодно Богу. Ибо если онъ допускаетъ, что невинные оскорбляются, то вѣрно накажетъ и виновнаго. Но старайтесь понять сіе, ибо оно можетъ послужить къ будущей вашей пользѣ.

КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ
и ея переписка съ разными лицами.

IX [1]).

Переговоры между державами по поводу турецкихъ дѣлъ.—Мнѣніе Ливенъ объ этихъ переговорахъ.—Возвращеніе ея въ Парижъ.—Назначеніе Гизо министромъ иностранныхъ дѣлъ.—Намѣреніе англійской королевы посѣтить Францію.

Въ то время какъ княгиня Ливенъ пріѣхала въ Англію, политика англійскаго кабинета, руководимая Лордомъ Пальмерстономъ, была особенно враждебна Франціи, и между тѣмъ какъ министерство Тьера прилагало всевозможныя усилія къ тому, чтобы столкновеніе, возникшее между султаномъ и египетскимъ пашою, разрѣшилось мирнымъ путемъ, лордъ Пальмерстонъ, не желавшій, чтобы это произошло помимо него, принялъ рѣшительно сторону Махмуда. По его мнѣнію, Мехметъ-Али долженъ былъ прежде всего сложить оружіе и признать своего сюзерена. Къ его взгляду присоединились не только Австрія и Пруссія, но и Россія. Не желая поддержать правительство Людовика-Филлипа, императоръ Николай, не смотря на соперничество, издавна существовавшее между Россіей и Англіей въ восточномъ вопросѣ, принялъ сторону враждебную Франціи и согласился слѣдовать политикѣ Англіи. Русскому посланнику, Бруннову, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшему въ Лондонъ, было при-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г.

казано дѣйствовать въ этомъ вопросѣ согласно съ лордомъ Пальмерстономъ, который, убѣдившись окончательно въ томъ, что Франція не раздѣляетъ его взглядовъ, рѣшилъ обойтись безъ нея.

Переговоры, которые происходили въ Лондонѣ по поводу турецкихъ дѣлъ, держались въ величайшей тайнѣ; тѣмъ не менѣе Гизо догадывался о нихъ и предупредилъ свое правительство. Впрочемъ, онъ былъ далекъ отъ мысли, что державы заключатъ какое-либо соглашеніе безъ участія Франціи, и предполагалъ, что дипломаты, придя къ какому-либо соглашенію, сообщатъ ему объ этомъ и предложатъ присоединиться къ ихъ рѣшенію.

Тьеръ раздѣлялъ, въ этомъ случаѣ, заблужденіе посланника и также не допускалъ возможности соглашенія между Россіей и Англіей. Возлагая надежды на военныя силы паши и не допуская мысли, что Англія рѣшится поддержать требованія султана силою оружія, онъ былъ убѣжденъ, что султанъ подчинится всѣмъ послѣдствіямъ нанесеннаго ему пораженія.

Дворцовая революція, происшедшая въ это время въ Константинополѣ и повлекшая за собою паденіе великаго визиря Хозрева-паши, непримиримаго врага Мехмета-Али, давала надежду на скорое и миролюбивое рѣшеніе вопроса, какъ вдругъ въ дипломатическомъ мірѣ узнали, что въ іюлѣ (1839 г.) въ Лондонѣ была подписана конвенція, въ силу которой Англія, Россія, Австрія и Пруссія «обязались оказать Портѣ поддержку для того, чтобы побороть пашу и, въ случаѣ надобности, защитить отъ него Константинополь».

Извѣстіе о заключеніи конвенціи вызвало во Франціи страшное негодованіе, которое еще болѣе усилилось, когда англичане, въ исполненіе договора, бомбардировали Бейрейтъ, взяли Сенъ-Жанъ д'Акръ и нанесли египтянамъ пораженіе въ Сиріи.

Война между Англіей и Франціей казалась неизбѣжной.

Во время этихъ событій Ливенъ, какъ мы уже знаемъ, была въ Лондонѣ. Она видѣлась ежедневно съ Гизо. Не касаясь политики, Ливенъ описывала своей пріятельницѣ, г-жѣ Аппони [1]), только лондонскія удовольствія и развлеченія.

«Здѣсь всѣ страшно веселятся,—писала она въ исходѣ іюля 1839 г.,— и конца этому не предвидится. Говорятъ, будто засѣданія парламента продолжатся до 10-го августа. Я этого не выдержу и думаю переселиться на дачу Сутерланда, близъ Лондона, гдѣ я буду достаточно близко, чтобы люди мнѣ преданные могли навѣщать меня ежедневно.

«Я видѣла королеву нѣсколько разъ за обѣдомъ и на концертахъ.

---

[1]) Гр. Аппони былъ въ 1839 г. австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ и сынъ его былъ женихомъ дочери А. Бенкендорфа.

Она нравится мнѣ точно такъ же, какъ и ея разговоръ, простой, вполнѣ умѣстный, и приличный для двадцатилѣтней женщины и королевы.

«Въ сущности, я буду очень довольна вернуться въ Парижъ, такъ какъ, не смотря на все душевное удовлетвореніе, какое я здѣсь испытываю, лондонская жизнь слишкомъ утомительна, и это удовольствіе для меня не подходящее. Привычка поздно засиживаться, и жара много портятъ удовольствіе. Каждый день эти проклятые званые обѣды, которые начинаются въ половинѣ девятаго; это несносно. Я очень похудѣла, мнѣ нуженъ отдыхъ. На будущей недѣлѣ, кажется, будетъ меньше приглашеній, и я этимъ воспользуюсь чтобы отдохнуть.

«Парламентъ будетъ распущенъ 10—11-го августа, и я поѣду погостить къ лорду Грею вмѣстѣ съ Пальмерстонами, Кланрикедами и др. А тамъ увидимъ; далеко я не поѣду, но мнѣ необходимо быть за городомъ. Впрочемъ, я живу тутъ среди прекраснаго сада, между двумя парками и въ великолѣпнѣйшемъ дворцѣ. Это очаровательно. Я похожа на заколдованную царевну, такъ какъ живу въ этомъ домѣ совершенно одна. Я скучала о Парижѣ. Судя по газетамъ, тамъ происходитъ сильное броженіе умовъ. Я увѣрена, что вашъ мужъ вспоминаетъ меня и мою несчастную страсть къ событіямъ.

«Я была больна; я не поправилась до сихъ поръ, я лѣчусь, глотаю лѣкарства и поэтому не знаю никакихъ новостей. Я разсчитываю уѣхать въ началѣ будущаго мѣсяца».

Какъ мы видимъ, въ этихъ письмахъ не упоминается ни слова о кризисѣ, который переживалъ осенью 1839 года политическій міръ. Только въ одномъ письмѣ, отъ 1-го августа, княгиня писала:

«Здѣсь (въ Англіи), несомнѣнно, не желаютъ войны, во Франціи ея не боятся! Да хранитъ насъ отъ нея Господь!»

24-го августа, она присовокупляла:

«Политика, какою я ее вижу послѣднія шесть недѣль, ужасная вещь. Впрочемъ, здѣсь замѣчаются нѣкоторые признаки улучшившихся отношеній къ Франціи, по крайней мѣрѣ всѣ очень любезны съ посланникомъ, выражаютъ большое желаніе, чтобы былъ заключенъ миръ, словомъ, съ внѣшней стороны все обстоитъ благополучно, но я предполагаю, что это такъ только съ внѣшней стороны».

Княгиня, по обыкновенію, не ошибалась. Умы успокоивались. Австрія и Пруссія сожалѣли объ оскорбленіи, нанесенномъ Франціи, и выражали желаніе загладить его. Когда, въ началѣ сентября 1839 г. Ливенъ уѣхала изъ Лондона въ Англію, всѣ, повидимому, серьезно желали мира.

Тѣмъ не менѣе княгиня сильно тревожилась при мысли, что въ случаѣ войны, въ которой Россія была бы союзницей Англіи, она, какъ русская подданная, была бы вынуждена покинуть Францію.

12-го сентября послѣ бесѣды съ русскимъ посланникомъ Киселе-

вымъ и австрійскимъ посланникомъ, графомъ Аппони, которые посѣтили ее, Ливенъ писала Гизо изъ Парижа:

«Мои посланники не вѣрятъ въ возможность войны. Они очень сдержанны, очень спокойны; оба держатъ себя превосходно. По-прежнему очень хвалятъ короля и не жалуются на Тьера. Аппони говоритъ только, что онъ очень горячъ, и что если бы всѣ походили на него, то давно уже была бы война. Впрочемъ, онъ не приписываетъ ему желанія воевать. Словомъ, на словахъ все идетъ хорошо. Бульверъ [1]) страшно труситъ, и мнѣ кажется, что ему частенько приходится имѣть весьма бурныя объясненія. Онъ старается оправдать Напира [2]) и объяснить его поступки. Мои посланники откровеннѣе. Они говорятъ прямо, что это дѣло постыдное. Правда, они ненавидятъ лорда Пальмерстона».

24-го сентября Ливенъ, не увѣренная въ томъ, будетъ война или нѣтъ, все еще волновалась по поводу того, что ей пришлось бы, быть можетъ уѣхать изъ Парижа.

«Вы говорите,—писала она Гизо,—что кризисъ разрѣшится черезъ мѣсяцъ; что-то будетъ, Боже мой! Не подавайте мнѣ надежды, что мнѣ можно будетъ остаться въ Парижѣ или во Франціи. Это немыслимо. Я не могу быть единственной русской, которая останется въ непріязненной странѣ. Подумайте, какой ужасъ, если начнется война! А я считаю болѣе вѣроятнымъ, что она будетъ. Это будетъ естественный ходъ событій, созданный конвенціей и тѣмъ положеніемъ, которое приняла согласно съ этимъ Франція. Война, въ особенности, вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ Тьера. Если онъ не одержитъ нравственной побѣды, добившись измѣненія договора, то ему придется начать войну. Другаго выхода нѣтъ. Возможно-ли надѣяться на первое? Я этого не думаю. Дѣло зашло слишкомъ далеко, и вы [3]) высказали слишкомъ много угрозъ. А державы подумаютъ, что имъ выгоднѣе начать войну тотчасъ, такъ какъ въ настоящее время вы еще не готовы. Черезъ полгода вы были бы слишкомъ хорошо подготовлены. Это дѣло было ведено очень худо. Виноваты, отчасти обѣ стороны. Но дѣло не въ томъ.

«Между тѣмъ, можно-ли воевать изъ-за нѣсколькихъ пашалыковъ? Право, это было бы безуміемъ, но вѣдь люди безумны».

Гизо смотрѣлъ на дѣло спокойнѣе. Онъ не раздѣлялъ опасеній своего друга; не вѣрилъ въ возможность войны и высказывалъ въ своихъ письмахъ надежду на мирный исходъ столкновенія, хотя въ концѣ сентября положеніе дѣлъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ было еще чрезвычайно

---

[1]) Повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ.

[2]) Англійскій адмиралъ Напиръ, бомбардировалъ Бейрейтъ, не получивъ на это разрѣшенія своего правительства.

[3]) т. е. французское правительство.

натянуто, какъ видно изъ слѣдующаго его письма отъ 25-го сентября 1840 г.

«Вы видите какъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ стараются поссорить насъ, Тьера и меня. Личная вражда здѣсь усиливается. Всѣ убѣждены, что Тьеръ хочетъ войны. Я энергично отрицаю это. Но на этомъ настаиваютъ, скрывая подъ этимъ свое собственное упорство. Это создаетъ чрезвычайно опасное и щекотливое положеніе. Я говорю опасное, хотя въ сущности мой взглядъ не измѣнился. Я не вѣрю въ возможность войны и не желаю ея. По моему мнѣнію, она была бы нелѣпостью, какъ всякое безпричинное явленіе есть безсмыслица. Я же никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы Бейрейтъ или Дамаскъ были достаточнымъ поводомъ для войны».

Это письмо было однимъ изъ послѣднихъ, которыя Ливенъ получила отъ Гизо изъ Лондона. Въ тотъ моментъ когда онъ писалъ его, кабинетъ Тьера палъ подъ бременемъ ошибокъ, совершенныхъ первымъ министромъ во время кризиса, вызваннаго осложненіемъ дѣлъ на востокѣ; ему пришлось выйти въ отставку вслѣдствіе серьезнаго разногласія во мнѣніи съ королемъ, касательно вооруженій, которыя Людовикъ-Филиппъ считалъ достаточными, а Тьеръ хотѣлъ увеличить. Въ исходѣ октября кабинетъ подалъ въ отставку и Гизо, вызванный въ Парижъ, принялъ, въ министерствѣ Сульта, портфель иностранныхъ дѣлъ, съ твердымъ намѣреніемъ содѣйствовать энергично упроченію мира.

Возвращеніе Гизо въ Парижъ было большою радостью для княгини Ливенъ и еще болѣе скрѣпило узы, которыя ихъ связывали. Идя въ палату, возвращаясь оттуда и еще разъ вечеромъ Гизо заходилъ въ отель Талейранъ, отдыхалъ тамъ за пріятной бесѣдой или приказывалъ принести себѣ къ княгинѣ бумаги, требовавшія немедленнаго просмотра либо подписи.

Въ обществѣ этой женщины выдающагося ума, которая съ 1812 г. видѣла вблизи столькихъ людей, была свидѣтельницею столькихъ событій и обладала въ высокой степени тѣмъ «нѣчто», которое дается привычкою вращаться въ высшемъ свѣтѣ, Гизо-министръ находилъ то, что онъ, человѣкъ скромнаго происхожденія не имѣлъ въ своей семьѣ, то, что онъ, профессоръ и писатель, не встрѣтилъ въ книгахъ, что, какъ глава партіи, онъ не могъ пріобрѣсти въ парламентской борьбѣ. Онъ довершилъ въ ея обществѣ и въ ея салонѣ свое политическое воспитаніе. Поэтому можно думать, что Гизо, въ значительной степени былъ обязанъ своими отношеніями къ Ливенъ тѣмъ новымъ качествамъ, которыя сдѣлали, въ эту эпоху, изъ могучаго оратора искуснаго дипломата и безподобнаго редактора депешъ и дипломатическихъ писемъ.

Съ другой стороны, близость княгини къ Гизо и ихъ частыя свиданія создали Ливенъ, въ эту эпоху, въ Парижѣ, почти оффиціальное

положеніе, хотя королевская семья, повидимому, не особенно симпатизировала ей. Лордъ Мальмсбери замѣтилъ однажды, вечеромъ, когда онъ видѣлъ ее, въ интимномъ кругу въ Тюильри, гдѣ она сидѣла между королевой и сестрой короля, что онѣ обѣ относились къ ней довольно холодно и держали себя гораздо болѣе непринужденно, когда она уѣхала. Также точно держала себя съ нею королева Викторія, когда ей была представлена бывшая посланница.

Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что многіе считали Ливенъ опасной интриганкой, и молодая королева, точно такъ же какъ французскія принцессы, опасалась быть можетъ, что она истолкуетъ и передастъ, ихъ слова превратно.

Защитники княгини указываютъ на ея честное отношеніе къ ея двумъ знаменитымъ друзьямъ, лорду Грею и Гизо; таково же было, вѣроятно, мнѣніе короля Людовика-Филиппа, который, находя, что Ливенъ могла быть, въ случаѣ надобности, полезной и надежной посредницей, оказывалъ ей то вниманіе, къ которому ее давно пріучили.

Осенью 1843 г. Францію посѣтила королева Викторія. Это было одно изъ выдающихся событій царствованія Людовика-Филиппа и апогеемъ славы кабинета Гизо, который употребилъ все свое стараніе, чтобы загладить воспоминаніе о недоразумѣніяхъ, которыя возникли между Франціей и Англіей въ 1839—1840 гг.

Европа все еще относилась къ правительству Людовика-Филиппа недоброжелательно. Въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ продолжали смотрѣть на короля, какъ на похитителя престола, и выражали это тѣмъ или другимъ путемъ. Императоръ Николай показывалъ это при всякомъ удобномъ случаѣ. Король прусскій посѣтилъ Лондонъ, не заѣхавъ по пути въ Парижъ.

Франція могла разсчитывать только на одну Англію, да и то не знала, въ какой степени это возможно. Таковы были обстоятельства, при которыхъ молодая королева Викторія рѣшилась неожиданно посѣтить королевскую семью въ «Eu» [1]).

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ (1840 г.) она сообщила объ этомъ намѣреніи своимъ министрамъ, лорду Эбердину и сэру Роберту Пилю, которые одобрили его, но королева просила ихъ держать это въ тайнѣ, до конца парламентской сессіи, во избѣжаніе происковъ, которые могли бы помѣшать выполненію этого плана. Тайна была строго соблюдена, такъ что король Людовикъ-Филиппъ узналъ о намѣреніи королевы только въ исходѣ августа. Это извѣстіе преисполнило его радости.

Посѣщеніе англійской королевы вводило его, такъ сказать, въ семью

---

[1]) Главный городъ кантона Нижней Сены, въ 20 километрахъ отъ Діепа, съ красивымъ королевскимъ замкомъ.

европейскихъ державъ, и, хотя онъ не могъ разсчитывать, что ея примѣръ найдетъ послѣдователей, но онъ былъ увѣренъ, что это придастъ ему болѣе силы, значенія и вліянія.

Король поспѣшилъ сообщить это радостное извѣстіе Гизо, который отдыхалъ въ Val-Richer отъ утомленія только-что окончившейся парламентской сессіи.

26-го августа Людовикъ-Филиппъ писалъ ему: «совѣтую вамъ пріѣхать, самое позднее, въ четвергъ, чтобы мы могли условиться и хорошенько поговорить обо всемъ».

Въ этотъ моментъ княгиня Ливенъ жила въ окрестностяхъ Версаля, въ Босежурѣ, куда она переѣхала на лѣто. Тутъ она узнала о предстоявшемъ посѣщеніи королевы Викторіи. Понимая, насколько это событіе могло упрочить значеніе министерства, душою котораго былъ ея знаменитый другъ, она была внѣ себя отъ радости, и, пользуясь своими сношеніями съ дипломатами, аккредитованными при французскомъ дворѣ, спѣшила передать ему о впечатлѣніи, которое произвело на нихъ это извѣстіе.

Первое ихъ чувство была досада. За исключеніемъ Киселева, который находился съ княгиней Ливенъ въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ, дипломаты, почти всѣ, громко высказывали свое неудовольствіе.

Представитель Австріи, графъ Аппони, едва могъ скрыть свое недоброжелательство.

30-го августа Ливенъ заѣхала къ нему; онъ встрѣтилъ ее словами:

— Такъ она ѣдетъ сюда, эта маленькая королева! это капризъ маленькой дѣвочки! король не сдѣлалъ бы этого!

— Почему же, если бы ему захотѣлось это?—возразила задѣтая за живое княгиня Ливенъ.

— Онъ бы этого не захотѣлъ.

— Возможно. Тѣмъ не менѣе это крупное событіе, которое произведетъ вездѣ большое впечатлѣніе.

— Не думаю,—возразилъ австрійскій посланникъ. Всѣ скажутъ, что это капризъ ребенка.

— Капризъ, на который изъявили согласіе министры, а они не дѣти.

— Да, но они очень робки и дрожатъ передъ нею.

— Во всякомъ случаѣ, короля посѣтитъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ монарховъ Европы, и который обыкновенно никуда не передвигается. Это большой прецедентъ.

Графъ Аппони пожалъ плечами и замѣтилъ, смѣясь:

— Король жестоко ошибается, если онъ полагаетъ, что изъ-за этого

прочіе монархи измѣнятъ свое отношеніе къ нему. Ни одинъ изъ нихъ не пріѣдетъ.

— Но послѣ посѣщенія королевы король легче обойдется безъ этого. Однако, какъ это васъ волнуетъ,—продолжала Ливенъ. Правы были тѣ, кои мнѣ говорили, что господа дипломаты недовольны.

Графъ Аппони покраснѣлъ и постарался умалить впечатлѣніе, которое произвели его послѣднія слова.

— Не скажу, чтобы я былъ недоволенъ. Мы такъ хороши съ Англіей, мы такъ увѣрены въ ней, что мы будемъ очень довольны этимъ посѣщеніемъ.

«Какъ онъ глупъ,—писала Ливенъ, передавая Гизо этотъ разговоръ. Несомнѣнно, что Европа будетъ очень недовольна, и это доказываетъ, что всѣ безъ исключенія континентальныя державы относятся къ здѣшнему правительству недоброжелательно. Относитесь бережно къ Англіи, это вашъ лучшій козырь».

Отъ австрійскаго посланника Ливенъ заѣхала въ англійское посольство; тамъ настроеніе было совершенно иное.

«Я видѣла Коулея[1]) и его жену; они на седьмомъ небѣ. Въ письмахъ, полученныхъ изъ Лондона вчера, отъ Генри Грэвиля, говорится, что королева проведетъ въ «Eu» всего одинъ день и что она непремѣнно будетъ въ Парижѣ».

«По правдѣ сказать, чѣмъ больше я думаю объ этомъ событіи, тѣмъ болѣе нахожу, что оно имѣетъ огромное значеніе. Радуйтесь этому, но, смотрите, не возгордитесь. Примите какъ слѣдуетъ королеву, ухаживайте за принцемъ; не бойтесь пересолить».

Дѣлая визиты, Ливенъ посѣтила въ тотъ же день и бывшаго министра, графа Моле, который все еще не могъ помириться съ постигшей его неудачей и съ тѣми людьми, которые были виновниками его паденія. Къ числу ихъ принадлежалъ Гизо, поэтому княгиня ожидала, что онъ будетъ недоволенъ событіемъ, которое должно было упрочить положеніе его соперника. Этотъ разъ она ошиблась. Графъ Моле былъ патріотъ. Онъ считалъ это событіе благопріятнымъ для своего отечества и радовался ему.

«Я никого не застала у Моле,—писала Ливенъ Гизо. Сначала мы говорили о томъ, о семъ. Я твердо рѣшила не заговаривать объ англійской королевѣ, чтобы посмотрѣть, хватитъ-ли у него безтактности не упомянуть о единственной вещи, которая болѣе всего занимала его. Наконецъ, я упомянула о герцогѣ д'Оссуна, съ которымъ я только-что видѣлась передъ тѣмъ. Моле спросилъ меня, говорилъ-ли онъ мнѣ о путешествіи королевы.

---

[1]) Cowley—англійскій посланникъ въ Парижѣ.

Я отвѣчала «нѣтъ», это была истинная правда; тогда онъ сказалъ мнѣ:

— Что касается меня, то я въ восторгѣ отъ этого путешествія, это превосходно. И я радуюсь этому событію вдвойнѣ, потому что это злитъ нѣкоторыхъ людей. Это даже очень смѣшно.

— Какъ? про кого вы говорите?

— О, во-первыхъ, Сенъ-Жерменское предмѣстье. Они готовы лопнуть съ досады; объ этомъ негодуютъ на всѣхъ языкахъ. Вчера, на вечерѣ у Аппони, это было неподражаемо. Бѣдные дипломаты! когда я говорилъ кому-либо изъ нихъ (а я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сказать каждому): «говорятъ, что къ намъ ѣдетъ англійская королева?»—мнѣ отвѣчали: «Читали вы статью въ «National»?

— Нѣтъ, я его никогда не читаю.

«Это великое событіе»,—вотъ единственно, что я могъ добиться отъ отъ нихъ, и они склоняли голову съ виноватымъ видомъ. По правдѣ сказать, это слишкомъ откровенно; всѣ говорили на одинъ ладъ. Очевидно, это пораженіе, но они выказываютъ это слишкомъ явно.

— Помните, графъ, что вы сказали мнѣ по секрету, нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Вы сказали: дипломатическій корпусъ глупъ.

— О да, это правда! Ну, такъ я скажу вамъ, что единственный порядочный человѣкъ у Аппони былъ герцогъ Ноальскій. Онъ сказалъ мнѣ: «это очень важное событіе, это утвердитъ династію, и я понимаю, что король и всѣ тѣ, кто ему преданъ, гордятся и радуются этому».

Между тѣмъ, Ливенъ узнала, что русскій посланникъ, Киселевъ, котораго она считала единомысленнымъ съ нею, не отставалъ отъ своихъ коллегъ по дипломатическому корпусу, и когда одинъ изъ нихъ предложилъ пари, что королева въ послѣдній моментъ одумается и не пріѣдетъ въ Англію, то Киселевъ имѣлъ неосторожность присоединиться къ этому мнѣнію. Узнавъ объ этомъ, Ливенъ тотчасъ пригласила его заѣхать къ ней, чтобы дать ему понять, что онъ поступилъ неосторожно.

«Киселевъ заѣзжалъ вчера ко мнѣ въ Босежуръ, передъ моимъ отъѣздомъ,—писала она Гизо. Мнѣ хотѣлось сказать ему, что дипломатическій корпусъ ведетъ себя глупо, и дать ему, такимъ образомъ, понять, что ему слѣдовало бы говорить и поступать иначе. Онъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ держалъ пари, о чемъ онъ искренно сожалѣетъ. Я успокоила его и сказала, что на это не обратятъ вниманія. Но ему слѣдуетъ быть осторожнѣе въ словахъ.

«Онъ утверждаетъ, и я ему вѣрю, что, говоря о путешествіи королевы, онъ всѣмъ говоритъ: что «это очень большое событіе», и когда ему возражаютъ, что это «капризъ дѣвочки», то онъ отвѣчаетъ: «маленькая дѣвочка, которая царствуетъ и является въ сопровожденіи

своихъ линейныхъ судовъ и министровъ—это уже правительство, это сама Англія». Я похвалила его и совѣтовала ему продолжать въ томъ же духѣ. Я серьезно хотѣла оказать услугу Киселеву и увѣрена, что мнѣ удастся это сдѣлать, доказывая, что всѣ его коллеги дураки».

X.

Приготовленіе короля Людовика-Филиппа къ принятію англійской королевы.—Пріѣздъ ея.—Переписка Ливенъ съ императрицей.—Ея политическое положеніе.—Переворотъ во Франціи.—Императоръ Наполеонъ III.—Послѣдніе годы жизни княгини Ливенъ.—Ея кончина и характеристика.

Между тѣмъ въ «Eu», подъ личнымъ надворомъ короля, шли дѣятельныя приготовленія къ пріему высокихъ посѣтителей, которому хотѣли придать блескъ, достойный французской короны.

Людовикъ-Филиппъ,съ которымъ жали въ «Eu» королева и его дочери, принцесса Луиза, бывшая въ замужествѣ за королемъ бельгійскимъ, и Клементина за принцемъ Августомъ Кобургскимъ, поспѣшилъ вызвать своихъ сыновей: герцога Омальскаго, принца Жуанвильскаго и герцога Монпансье.

Отсутствовалъ одинъ только герцогъ Немурскій, командовавшій въ то время войсками въ Бретани, гдѣ происходили большіе маневры, которые король не счелъ возможнымъ прерывать.

Людовикъ лично слѣдилъ за всѣмъ, приказалъ прислать изъ Парижа пушки и инвалидовъ, кои должны были состоять при нихъ, «столовое серебро и фарфоровую посуду».

За неимѣніемъ достаточнаго помѣщенія, онъ велѣлъ построить въ зàмковомъ паркѣ деревянные бараки, въ которыхъ было поставлено до шестидесяти кроватей, присланныхъ изъ Нейли.

— Это будетъ въ родѣ того лагеря, который взялъ Абдель-Каберъ [1]),—говорилъ король.

«Я только-что ушелъ отъ короля,—писалъ Гизо 31-го августа. Онъ водилъ меня по лагерю, отъ котораго онъ въ восторгѣ, какъ будто это дѣйствительно лагерь Абдель-Кабера и какъ будто онъ взялъ его самъ. Онъ чрезвычайно моложавъ, вполнѣ доволенъ предстоящимъ событіемъ, въ восторгѣ отъ того, что онъ можетъ хорошо устроить и показать свой дворецъ и дѣйствовать въ интересахъ своего престола. Онъ предполагаетъ имѣть продолжительный и вполнѣ откровенный разговоръ съ

---

[1]) Абдель-Каберъ, князь кабиловъ, долго боролся съ французами и въ 1847 г. сдался Ламорисьеру и герцогу Омальскому.

лордомъ Эбердиномъ. Само собою разумѣется, съ королевой онъ не скажетъ ни слова о политикѣ, если она сама къ тому его не вызоветъ.

«Королева будетъ здѣсь въ субботу, конечно, если позволятъ вѣтеръ и погода, которые въ настоящую минуту превосходны.

«Содѣйствіе небесъ необходимо, такъ какъ въ здѣшнюю гавань нельзя войти, когда захочешь.

«Принцъ Жуанвильскій отправился вчера въ Шербургъ, гдѣ онъ будетъ ожидать королеву, которая пріѣдетъ завтра днемъ, и остановится только для того, чтобы осмотрѣть гавань и взять лоцмана.

«Здѣсь всѣ убѣждены, что она не поѣдетъ въ Парижъ. Думаютъ, что она проведетъ здѣсь три дня. Въ первый день будетъ большой завтракъ въ лѣсу; на другой день спектакль.

«Большая коляска, въ которой король повезетъ королеву изъ гавани, очень хороша и отдѣлана съ большимъ вкусомъ. Въ ней есть мѣсто для обѣихъ королевскихъ семей, въ полномъ составѣ.

«Королева помѣстится въ нижнемъ этажѣ, въ покояхъ бельгійской королевской четы, гдѣ масса любопытныхъ портретовъ. Въ ея комнату ставятъ очень большую англійскую кровать.

«Ковры сняты. Король спрашивалъ меня, слѣдуетъ-ли, по моему мнѣнію, положить ихъ. «Я отвѣчалъ отрицательно. Теперь тепло, и къ тому же паркетъ очень хорошъ, несравненно лучше англійскаго паркета.

«Завтра пріѣзжаютъ герцогъ Омальскій и герцогъ Монпансье, которые помѣстятся въ баракахъ. Герцогъ Немурскій не возвратится изъ Бретани. Король нашелъ неудобнымъ отозвать его изъ лагеря, оставивъ десять тысячъ солдатъ въ ожиданіи и праздности, и вызвавъ этимъ неудовольствіе всего населенія. По-моему, онъ поступилъ правильно.

«Королеву сопровождаютъ лэди Каннингъ и миссъ Лидсъ. Лордъ Эбердинъ помѣстится въ тѣхъ комнатахъ, которыя я занимаю обыкновенно. Мнѣ отведено рядомъ съ нимъ болѣе маленькое и простое, но вполнѣ достаточное помѣщеніе. Городъ переполненъ пріѣзжими; въ особенности наѣхало много англичанъ изъ Діеппа, Гавра и Булона, даже изъ Саугамптона и Брайтона.

«Маленькій кабинетикъ, гдѣ есть мѣсто только, чтобы поставить кровать и стулъ, отдается за 25 франковъ въ день. Королю пришлось нанять въ городѣ сорокъ комнатъ.

«Между тѣмъ, приблизительно все уже готово, и если бы королева пріѣхала завтра, то ее могли бы принять вполнѣ приличнымъ образомъ.

«Изъ Лондона выписали «God save the queen» [1]), и полковая му-

[1]) Англійскій національный гимнъ.

зыка разучиваетъ его, а также саксонскій маршъ принца Альберта.

«Поѣдетъ-ли королева въ Парижъ? Вотъ вопросъ,—писалъ Гизо 1-го сентября. Этого никто не знаетъ.

«Себастіани, пріѣхавшій вчера изъ Лондона, говоритъ утвердительно. Королева Бельгійская упорно отрицаетъ это. Во всякомъ случаѣ, король предложитъ ей поѣхать и будетъ настаивать на этомъ. Мы рѣшили это съ нимъ сообща. Но мы дрожимъ при этой мысли. Крики уличныхъ мальчишекъ, выстрѣлъ какого-нибудь негодяя—все возможно въ наше время. Говоря объ этомъ вчера, мы пришли съ королемъ, въ концѣ концовъ, въ большое смущеніе, но все-таки остались при прежнемъ рѣшеніи.

«Надобно предложить поѣздку и настаивать на ней приличнымъ образомъ. Если она не пожелаетъ ѣхать, отлично; если пожелаетъ, то мы сдѣлаемъ видъ, какъ будто ничего не боимся, и все будетъ хорошо.

«Если она выразитъ желаніе быть въ Парижѣ, король предложитъ ей помѣститься въ Тюильри, или въ Сенъ-Клу, по ея выбору.

«Въ Тюильри ей можно будетъ отвести покои герцогини Немурской и смежныя съ ними—королевы Бельгійской. Это будетъ прекрасно. Но Сенъ-Клу лучше, красивѣе, веселѣе и надежнѣе. Какъ она захочетъ.

«Я въ восторгѣ, что она пріѣдетъ, но буду очень счастливъ, когда она уѣдетъ.

«Королева очень любезна, такъ какъ очень хочетъ быть любезной. Она сказала принцамъ, что она давно уже рѣшила вступить прежде всего на французское судно и посѣтить первымъ королевскій дворецъ.

«Короля и его приближенныхъ волнуетъ еще одинъ вопросъ: выѣдетъ-ли король въ море навстрѣчу королевѣ. Онъ хочетъ выѣхать на рейдъ и, по-моему, вполнѣ правъ. Окружающіе сильно возстаютъ противъ этого и просятъ меня воспротивиться этому. Вчера меня умоляла о томъ Бельгійская королева. Всѣ боятся какой-нибудь случайности. Входъ въ гавань здѣсь труденъ и возможенъ не во всякое время дня. Можетъ случиться, что король съ королевой Викторіей не будутъ въ состояніи войти въ гавань. Это можетъ подать поводъ къ насмѣшкамъ. Тѣмъ не менѣе, я вполнѣ согласенъ съ королемъ. Хорошо быть осторожнымъ и бояться насмѣшить людей, но если всего бояться, то ничего нельзя дѣлать.

«Королева Бельгійская настаиваетъ на томъ, чтобы королеву не уговаривали ѣхать въ Парижъ. Ей хотѣлось бы побывать тамъ, но это невозможно. Она обѣщала не удаляться отъ берега. Если бы она по-

ѣхала далѣе, вглубь страны, то въ Англіи сочли бы нужнымъ назначить регентство».

Въ томъ же письмѣ Гизо описываетъ подробно помѣщеніе, приготовленное для августѣйшихъ посѣтителей.

«Комнаты, приготовленныя для королевы, убраны хорошо: въ залѣ прекрасной работы мебель, обитая розовой матеріей съ цвѣтами. Для принца Альберта хорошій кабинетъ съ обтянутой пунцовымъ бархатомъ мебелью. Спальня, не помню какого именно цвѣта,—большая и заставлена мебелью. Въ ней стоитъ, противъ камина, огромная желтая кровать.

«Во всѣхъ комнатахъ множество портретовъ. Напротивъ кровати королевы, вправо отъ камина, портретъ отца императора Наполеона и Лафайета. Налѣво—три принца Бурбонскаго дома. За спальней королевы ея кабинетъ, небольшой, но хорошенькій. Много разныхъ мелочей, придающихъ уютность, и о которыхъ король позаботился самъ. Вчера онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва по поводу того, что дверные замки плохо прилажены.

«Какъ только завидятъ флотилію королевы, будетъ сдѣлано три пушечныхъ выстрѣла. Мы облачимся въ мундиры, сядемъ въ экипажи а когда вернемся, т. е. въ которомъ часу, одному Богу извѣстно.

«Въ Лондонѣ дипломатическій корпусъ также не хотѣлъ вѣрить въ то, что королева поѣдетъ во Францію. Тамъ также держали пари; Брунновъ—такъ же точно, какъ Киселевъ».

Насколько мы знаемъ княгиню Ливенъ, не подлежитъ сомнѣнію, что эти разсказы должны были живо интересовать ее. Они давали ей, кромѣ того, пищу для ея бесѣдъ и для корреспонденціи, которую она поддерживала со многими членами дипломатическаго корпуса. Но одна маленькая подробность, сообщенная Гизо, повергла ее въ отчаяніе.

Онъ писалъ ей о намѣреніи Людовика встрѣтить королеву Викторію въ морѣ.

Узнавъ объ этомъ, Ливенъ была страшно взволнована и убѣждала его отговорить отъ этого короля, такъ какъ это могло угрожать опасностью и королю, и ея другу.

«Прошу васъ»,—умоляла она его въ письмѣ отъ 2-го сентября,—«не оказывать никакихъ любезностей на морѣ. Отговорите короля выѣзжать ей навстрѣчу.

«Тамъ, гдѣ есть малѣйшая вѣроятность подвергнуться большой бѣдѣ, рисковать не слѣдуетъ. Пусть король остается на берегу, и главное, чтобы вы не выѣзжали въ море. Ваше письмо бросило меня въ дрожь. Послѣдуйте моему совѣту. Если королева еще не пріѣдетъ, когда

вы прочтете эти строки, послѣдуйте моему совѣту: умоляю васъ, послушайтесь меня!»

Когда этотъ совѣтъ былъ полученъ Гизо, королева Викторія уже прибыла въ «Eu».

Вечеромъ 2-го сентября Гизо писалъ Ливенъ:

«Сейчасъ вернулся въ свою комнату. Вамъ первой сообщаю видѣнное. Въ четверть шестаго выстрѣлы изъ пушекъ возвѣстили намъ о приближеніи королевы. Въ три четверти шестаго король, принцы, лордъ Коулэй, адмиралъ Маккау и я сѣли въ королевскую шлюпку, чтобы ѣхать навстрѣчу королевѣ. Мы отъѣхали отъ берега съ полмили. Море и небо были великолѣпны, берегъ былъ усѣянъ всѣмъ окрестнымъ населеніемъ. Наши шесть парусныхъ судовъ были разукрашены флагами. Французы и англичане привѣтствовали другъ друга весело и шумно. Грохотъ орудій едва покрывалъ крики матросовъ.

«Мы причалили къ яхтѣ. Взошли на нее. Король былъ взволнованъ, королева также, онъ обнялъ ее. Она сказала мнѣ:

— Мнѣ весьма пріятно встрѣтить васъ тутъ.

«Она сошла въ королевскую шлюпку вмѣстѣ съ принцемъ Альбертомъ. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ берегу, крики толпы и грохотъ орудій усиливались. Королева сошла на берегъ съ такимъ сіяющимъ лицомъ, какого я никогда не видалъ; на ея лицѣ выражалось смущеніе, нѣкоторое удивленіе, и въ особенности большое удовольствіе, по поводу оказаннаго ей пріема.

«Въ королевской палаткѣ было много объятій и рукопожатій. Затѣмъ всѣ сѣли въ коляски и двинулись въ путь. Кричали столько же: «да здравствуетъ англійская королева», сколько: «да здравствуетъ король!» Все было какъ слѣдуетъ, только одни изъ воротъ парка, черезъ которыя король хотѣлъ въѣхать, оказались слишкомъ узки для осьмерки лошадей. Пришлось проѣхать чрезъ главныя ворота и нѣсколько сократить путь.

«Когда пріѣхали во дворецъ, войска, выстроенныя во дворѣ, сдѣлали на караулъ. Вся англійская свита очень, очень довольна. Мы сѣли за столъ четверть девятаго и только сейчасъ разошлись.

«Я говорилъ прежде всего съ лордомъ Эбердиномъ.

— Прошу васъ,—сказалъ онъ,—принять это за вѣрный признакъ нашей политики и по дѣламъ съ Испаніей, и по всѣмъ прочимъ дѣламъ.

«Мы коснулись всѣхъ вопросовъ и рѣшили, что мы обсудимъ ихъ основательно вмѣстѣ. Я, съ своей стороны, буду дѣйствовать открыто и полагаю, что онъ будетъ дѣйствовать также. Бруновъ и Нейманъ [1])

---

[1]) Повѣренный въ дѣлахъ Австріи.

чуть не сдѣлали ему оффиціальный выговоръ по поводу этого путешествія. Онъ немного разсерженъ и подсмѣивается надъ ними.

«Въ Парижъ королева не поѣдетъ. Она пробудетъ здѣсь до четверга. Въ четвергъ, 7-го, въ два часа, она должна быть въ Брейтонѣ. Завтра отдыхъ.

«Въ понедѣльникъ прогулка и завтракъ въ лѣсу, во вторникъ концертъ, въ среду спектакль.

«Эбердинъ бесѣдовалъ вчера съ королемъ,—сообщалъ Гизо 4-го сентября,—т. е. король говорилъ съ нимъ цѣлый часъ. Эбердинъ былъ очень, очень пораженъ имъ, его умомъ, обиліемъ его мыслей, твердостью сужденій, легкостью и живостью его рѣчи.

«Когда онъ вышелъ отъ короля, мы сѣли съ нимъ въ коляску. Эбердинъ видимо былъ чрезвычайно озабоченъ; быть можетъ, нѣсколько смущенъ, какъ человѣкъ, которому нужно опомниться, прійти въ себя отъ быстрой ходьбы по полямъ и лѣсамъ.

— Король говорилъ со мною весьма серьезно,—сказалъ онъ.

«И этому можно повѣрить, такъ какъ, возвратясь съ прогулки, я нашелъ короля также сильно озабоченнымъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ произвелъ на Эбердина. Когда я вернулся, онъ тотчасъ позвалъ меня къ себѣ, чтобы спросить о томъ».

Ливенъ въ своихъ письмахъ обсуждала со своимъ другомъ текущія событія и съ удивительнымъ пониманіемъ французскихъ интересовъ давала ему совѣты. Она прекрасно понимала, что Франціи нечего было ожидать отъ Россіи, и что императоръ Николай никогда не будетъ доброжелателенъ къ «похитителю престола», царствовавшему во Франціи.

Поэтому она была всецѣло за союзъ Франціи съ Англіей и всѣми силами защищала Тюильрійскій кабинетъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ руководилъ Гизо. Она не могла ничего сдѣлать, чтобы измѣнить недоброжелательство Петербурга, и только старалась вліять на русскаго посланника въ Парижѣ, чтобы уменьшить послѣдствія его недоброжелательнаго отношенія, которое приводило ее въ отчаяніе. Также точно она старалась повліять на Австрію и Пруссію.

Однажды ее посѣтили австрійскій посланникъ, графъ Аппони, и прусскій посланникъ, графъ Арнимъ.

«Они пріѣхали рано,—писала она Гизо;—я была въ лѣсу съ Погенполемъ, который сопровождаетъ меня обыкновенно на прогулку и обѣдаетъ со мною. Мы еще успѣли поболтать до обѣда. Аппони безподобенъ. Онъ говоритъ:

— Теперь уже нельзя будетъ сказать, что это былъ капризъ маленькой дѣвочки, такъ какъ она не пріѣдетъ въ Парижъ.

«А самъ же говорилъ это, три дня тому назадъ.

«Они узнали, что королева не поѣдетъ въ Парижъ отъ меня, такъ какъ въ городѣ ее еще ожидаютъ.

«Оба посланника сказали мнѣ:

— Это еще болѣе лестно, такъ какъ этимъ оказано вниманіе королю лично.

«Словомъ, они совершенно измѣнили тонъ».

Въ описываемую эпоху княгиня Ливенъ, повидимому, позабыла всѣ причины неудовольствія, которыя она имѣла противъ императора Николая и, хотя изъ ея переписки не видно, какая была причина совершившейся перемѣны, но несомнѣнно, что, начиная съ 1843 г., она состояла корреспонденткой русскаго двора и сообщала императрицѣ всѣ новости политическаго характера, какія ей удавалось получить, препровождая ихъ въ письмахъ на имя графини Нессельроде; императрица за завтракомъ передавала ихъ своему августѣйшему супругу, который, прослушавъ письмо, нерѣдко уносилъ его съ собою, чтобы перечитать еще разъ и воспользоваться сообщенными въ немъ свѣдѣніями.

О сношеніяхъ княгини съ ея дворомъ въ Парижѣ было извѣстно правительству и дипломатическому корпусу. Она не скрывала этой переписки, напротивъ, она умышленно говорила о ней, дѣлала это открыто, стараясь показать, что она не заслуживала названія шпіонки, которое ей давали ея недоброжелатели.

«Она хотѣла, чтобы ея салонъ, въ которомъ первое мѣсто принадлежало, разумѣется, Гизо, былъ открытъ для иностранныхъ и французскихъ политическихъ дѣятелей, находившихся въ Парижѣ постоянно или проѣздомъ, которые могли сообщить ей какія-либо новости дня, безъ которыхъ она не могла обойтись». Герцогъ де-Брогли, который дѣлаетъ это замѣчаніе [1]), присовокупляетъ: «Не смотря на благоволеніе, коимъ она меня удостоивала, разговоръ со мною казался ей интереснѣе въ тѣ дни, когда я видался съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и могъ сообщить ей какія-либо новости, которыя она не могла получить инымъ путемъ».

Такимъ образомъ объясняется вліяніе, которое она имѣла во Франціи со времени своего сближенія съ Гизо. Во время іюльской монархіи она была рѣшительной сторонницей англо-французскаго союза. Ей было извѣстно недовѣріе, которое императоръ Николай питалъ къ Людовику-Филиппу. Она знала, что его предубѣжденіе не удастся побѣдить, и чтобы Франція не пострадала отъ этого, она склоняла ее къ союзу съ Англіей.

Со временемъ, когда Людовикъ-Филиппъ лишился престола, и императоромъ сталъ Наполеонъ III, она измѣнила тактику. Въ 1852 г. она

---

[1]) Въ своемъ сочиненіи: „Un bienfait de la monarchie“.

старалась сблизить Петербургскій кабинетъ съ Парижскимъ и была искренне огорчена, понявъ, что всѣ ея старанія въ этомъ отношеніи были безплодны и что ей приходилось отказаться отъ своей мечты.

Но въ 1844 году, при министерствѣ Гизо, она старалась, съ одной стороны, дѣйствовать въ интересахъ своего отечества, съ другой употребила все свое вліяніе, которое она еще сохранила на государственныхъ дѣятелей Англіи, чтобы доказать имъ необходимость жить въ дружескомъ отношеніи съ Франціей, и такимъ образомъ она содѣйствовала дѣлу мира.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же, 1844 года, императоръ Николай посѣтилъ Англію. Страстно желая знать всѣ подробности этой поѣздки, княгиня просила своихъ лондонскихъ друзей и добрыхъ знакомыхъ сообщить ей всѣ малѣйшія подробности, которыя она передавала, по мѣрѣ ихъ полученія, Гизо, Баранту и другимъ лицамъ, не забывая сообщить ихъ и императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ. Въ числѣ ея корреспондентовъ былъ первый министръ Англіи, лордъ Эбердинъ. Она была въ восторгѣ, когда услышала отъ него и могла передать всѣмъ и каждому, что «посѣщеніе императоромъ Лондона удалось какъ нельзя лучше, что всѣ классы общества были въ восторгѣ отъ него и что онъ человѣкъ замѣчательный».

Передавая эти отзывы своимъ французскимъ знакомымъ, Ливенъ особенно подчеркивала слѣдующую многозначительную фразу лорда Эбердина: «Нашимъ парижскимъ друзьямъ нѣтъ повода сожалѣть объ этомъ посѣщеніи, такъ какъ, мнѣ думается, оно принесетъ пользу всѣмъ намъ».

Въ эту эпоху лордъ Эбердинъ былъ для княгини надежнымъ другомъ и драгоцѣннымъ корреспондентомъ. Въ началѣ ихъ знакомства, въ 1833 г., она отзывалась о немъ иначе. Она находила, что его взгляды «низки и подлы» (pensées baises et lâches) потому, что онъ отзывался въ то время недоброжелательно о русской политикѣ. Но теперь, когда она сама дѣйствовала исключительно въ интересахъ этой политики и была безпристрастнѣе, она была признательна лорду Эбердину за то, что онъ относился доброжелательно къ Гизо и способствовалъ дружественному соглашенію, установившемуся между Англіей и Франціей.

Она любила всякаго, кто относился сочувственно къ Гизо. Нравиться ему было самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы понравиться княгинѣ; ея расположеніе къ нему, съ теченіемъ времени, еще болѣе усилилось, и если справедливо, что ни одна женщина, ни въ какой странѣ, никогда не пользовалась въ такой степени дружбою и довѣріемъ выдающихся и замѣчательныхъ людей своего времени, то съ другой стороны несомнѣнно, что изъ числа этихъ лицъ никто не внушалъ ей такой глу-

бокой привязанности, какую Ливенъ питала къ преданному спутнику ея жизни.

Къ этой эпохѣ относится письмо княгини Ливенъ къ ея другу, лэди Гренвиль, въ которомъ она передаетъ ей, со свойственнымъ ей остроуміемъ и живостью, о встрѣчѣ, происшедшей у нея между Тьеромъ, главою оппозиціи, и Гизо, первымъ министромъ.

Въ сочиненіи Тьера «О консульствѣ и имперіи» вкралась ошибка по отношенію къ вдовствующей императрицѣ, которую Ливенъ такъ любила. Она просила автора пріѣхать къ ней, чтобы побесѣдовать объ этомъ. Онъ явился. Она приказала никого не принимать.

— Почему? Неужели же вы не примите и г. Гизо?

— Да, ради васъ.

Но онъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы Гизо былъ принятъ, если онъ явится.

— Прекрасно.

Она позвонила и сказала: «Я принимаю только г. Гизо».

Онъ явился въ обычный часъ и замѣтно вздрогнулъ, увидавъ своего противника.

«Они не встрѣчались уже четыре съ половиною года,—писала Ливенъ лэди Гренвиль,—произошло маленькое замѣшательство. Я расхохоталась; они оба послѣдовали моему примѣру и бесѣдовали часа полтора самымъ пріятнымъ образомъ о всевозможныхъ предметахъ: о положеніи министерства, о парламентѣ, о настоящемъ, о будущемъ, рѣшая, что Франціей можетъ управлять только Тьеръ или Гизо, Гизо или Тьеръ, и все это говорилось совершенно свободно, безъ всякаго стѣсненія. Очевидно, это доставляло удовольствіе обоимъ, а мнѣ было очень забавно слышать ихъ.

Тьеръ спросилъ Гизо:

— Вы рѣшили остаться министромъ?

— Да, положительно,—отвѣчалъ Гизо, и разговоръ продолжался.

«Они были согласны во всемъ, за исключеніемъ вопроса о войнѣ и мирѣ. Гизо утверждалъ, что можно было поддержать миръ, Тьеръ говорилъ, что въ концѣ концовъ это будетъ невозможно».

Добродушіе, выказанное княгинею въ этомъ случаѣ, не вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что говоритъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ герцогиня Деказъ (Decazes), которая, познакомившись съ Ливенъ въ Лондонѣ, въ 1820 г., посѣщала ее въ Парижѣ:

«Она была всегда серьезна,—пишетъ герцогиня;—я видѣла на ея лицѣ улыбку, но никогда не видѣла, чтобы она смѣялась», и прибавляетъ: «впрочемъ, она не стѣсняла веселья другихъ. Въ то время какъ другіе весело болтали, она бесѣдовала въ полголоса съ людьми серьезными. Она предпочитала бесѣду вдвоемъ общему разговору и, если ей случа-

лось принять участіе въ немъ, то касалась вопросовъ, которые интересовали ее въ ту минуту».

Однажды, вечеромъ, въ Парижѣ герцогиня заѣхала къ Ливенъ. Въ залѣ было человѣкъ двѣнадцать, съ коими княгиня оживленно бесѣдовала. Герцогиня подумала, что они обсуждали какой-нибудь серьезный вопросъ, подошла, прислушалась и была глубоко изумлена, услыхавъ, что княгиня говорила... о преимуществѣ прежнихъ фижмъ надъ современными юбками. «Она очень искусно описывала ту и другую, и этотъ предметъ разговора, такъ мало гармонировавшій съ важными событіями, которыя волновали въ то время политическій міръ, былъ избранъ ею именно потому, чтобы не говорить о другихъ вещахъ».

Рисуя портретъ княгини, герцогиня Деказъ отмѣчаетъ такъ называемые ею «аристократическіе предразсудки» Ливенъ и замѣчаетъ, что княгиня понимала аристократичность не такъ, какъ ее понимаютъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи, а такъ, какъ ее понимали въ Англіи. «Быть герцогомъ Ноальскимъ или герцогомъ де-Монтебелло было въ ея глазахъ равносильно. Но если у васъ не было титула, если вы не были ни министромъ, ни депутатомъ, то вы были, въ ея глазахъ, ничѣмъ, полнымъ ничтожествомъ».

Въ доказательство этого герцогиня приводитъ слѣдующій анекдотъ.

Княгиня собиралась на воды въ Германію, гдѣ она должна была имѣть свиданіе съ русскимъ императоромъ. Не желая путешествовать одна, она искала себѣ спутника; г. Дюмонъ, бывшій министръ (это было въ царствованіе Людовика-Филиппа), предложилъ ей своего зятя г. Труберта (Trubert). Княгиня согласилась и осталась очень довольна его вниманіемъ и предупредительностью во время продолжительнаго путешествія, которое они совершили съ нимъ въ экипажѣ съ глазу на глазъ. Тѣмъ не менѣе, пріѣхавъ къ мѣсту назначенія, она сказала ему очень бойко и безъ малѣйшаго стѣсненія:

— Ваше положеніе, милостивый государь, не позволяетъ мнѣ представить васъ знакомымъ моего круга, поэтому я полагаю, что намъ слѣдуетъ проститься.

Они болѣе не встрѣчались. Насколько вѣренъ этотъ разсказъ, остается на отвѣтственности герцогини Деказъ.

Не смотря на эти недостатки, друзья не измѣняли княгинѣ Ливенъ. Въ концѣ царствованія Людовика-Филиппа она могла похвастать тѣмъ, что сохранила еще почти всѣхъ знакомыхъ, которыхъ она пріобрѣла въ молодости, и что въ ея салонѣ можно было встрѣтить всѣхъ тѣхъ, съ коими она сошлась по пріѣздѣ въ Англію въ 1812 г. и которыхъ не похитила смерть. Въ Парижѣ, гдѣ она жила восемь мѣсяцевъ въ году, въ Лондонѣ, куда она часто ѣздила, на водахъ въ Германіи, въ помѣстьяхъ во Франціи и Англіи, куда ее приглашали, она встрѣчалась

съ своими друзьями и была такъ же рада встрѣтить въ нихъ по-прежнему преданныхъ ей людей, какъ и они были рады ея неизмѣнной памяти о нихъ. И вездѣ, у нея въ домѣ и въ обществѣ, всѣ относились къ ней съ почтеніемъ, подобавшимъ королевѣ. И это дѣлалось не ради ея молодости или красоты; ей было въ то время шестьдесятъ три года, лицо ея было изборождено морщинами и казалось еще старѣе отъ тяжелаго кружевнаго чепца, который покрывалъ ея сѣдые волосы, и отъ ея обычнаго туалета: чернаго бархатнаго платья, украшеннаго фрейлинскимъ шифромъ.

Ее посѣщали охотно потому, что она была другомъ перваго министра, котораго можно было встрѣтить у нея каждый день и въ особенности потому, что всѣхъ прельщала очаровательная любезность ея обхожденія, и потому, что она являлась интересной представительницею вымиравшаго прошлаго, въ которомъ она блистала и занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Она знала всю исторію послѣднихъ лѣтъ, всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ, и сама была живымъ воспоминаніемъ.

Насталъ 1848 годъ, положившій конецъ іюльской монархіи. Слѣпая и ожесточенная оппозиція расшатывала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе престолъ, который еще не утвердился прочно; кризисъ былъ близокъ и событія принимали зловѣщій характеръ.

«Я понимаю, что г-жа Ливенъ находится какъ въ лихорадкѣ,—писала 4-го февраля барону де-Барантъ герцогиня Саганъ. Я помню, какъ въ одинъ изъ припадковъ ипохондріи, которыми она часто страдала, она выражала желаніе, чтобы произошло какое-нибудь чрезвычайное событіе, какое-нибудь осложненіе, которое доставило бы ей развлеченіе. Европа 1848 г. доставитъ ей хорошее развлеченіе!»

Герцогиня Саганъ ошибалась. Княгиня Ливенъ была слишкомъ близко заинтересована въ кризисѣ, чтобы взглянуть на него, этотъ разъ, какъ на развлеченіе. Надвигавшаяся буря грозила снести правительство, которымъ около восьми лѣтъ руководилъ Гизо, и Ливенъ не даромъ, содрогалась видя нападки, коимъ подвергался ея другъ.

Вскорѣ событія пошли стремительно къ развязкѣ. Какъ только въ Парижѣ начались волненія, Ливенъ, какъ и всѣ застигнутыя катастрофою врасплохъ, не считая себя въ безопасности въ своемъ домѣ, искала убѣжища у князя Аренберга, а затѣмъ у графа Сентъ-Оклеръ (Saint-Auclaire). Гизо заходилъ къ ней нѣсколько разъ въ день изъ министерства или изъ палатъ и сообщалъ ей новости. Въ промежуткѣ между этими посѣщеніями онъ посылалъ ей записочки, чтобы сообщить ей о ходѣ событій и успокоить ее. Уступая просьбамъ своихъ друзей, онъ провелъ у одного изъ нихъ ночь съ 23-го на 24-е февраля. Всю эту ночь княгиня волновалась за него, такъ же какъ и за себя.

24-го февраля къ княгинѣ пріѣхалъ графъ Аппони, австрійскій по-

сланникъ, и предложилъ ей переѣхать къ нему въ домъ, который находился подъ охраною австрійскаго флага и, слѣдовательно, былъ неприкосновененъ. Она согласилась на это только тогда, когда узнала, что Гизо уѣхалъ въ Англію и что они не могли болѣе видѣться.

Нѣсколько дней спустя она подъ чужимъ именемъ (г-жи Робертсъ) также бѣжала въ Англію и обѣдала съ Гизо, у кого же?—у лорда Пальмерстона, и оба противника пожимали другъ другу руки.

Наскучивъ жизнью въ Лондонѣ, Ливенъ переѣхала весною въ Ричмондъ, гдѣ она жила уединенно, грустила и не знала, что предпринять.

«Я не могу рѣшиться основаться въ Англіи,—писала она де-Баранту изъ Ричмонда 29-го мая 1848 г.,—это мнѣ не улыбается. А между тѣмъ у меня нѣтъ надежды, чтобы я могла скоро вернуться во Францію или чтобы я даже хотѣла этого, такъ какъ ваша страна навела на меня какой-то ужасъ. Между тѣмъ лондонскій дымъ и вообще лондонская жизнь такъ мнѣ ненавистны, что я бѣжала сюда и останусь здѣсь; сюда ко мнѣ можетъ пріѣхать всякій, кто захочетъ. Я буду ѣздить иногда въ Лондонъ, чтобы повидать друзей. Я отдыхаю, но мнѣ скучно».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ настроеніе княгини и ея планы измѣнились. Она собиралась вмѣстѣ съ Гизо возвратиться въ Парижъ и наняла свою прежнюю парижскую квартиру, въ улицѣ Saint-Florentin, но они рѣшили провести еще нѣкоторое время въ Брайтонѣ, гдѣ они жили въ то время.

Старикъ Меттернихъ, подобно Гизо ставшій жертвою революціи и вынужденный покинуть свою страну, также жилъ въ Брайтонѣ со своей женою.

«Я была вмѣстѣ съ мужемъ у княгини Ливенъ,—писала г-жа Меттернихъ въ своемъ дневникѣ. Мы встрѣтили у нея Гизо, который полагаетъ, что Людовикъ-Наполеонъ можетъ возстановить порядокъ».

Въ январѣ мѣсяцѣ 1849 г. она писала: «Мы часто видимъ княгиню Ливенъ. Она сообщаетъ намъ всѣ парижскія новости. Она все болѣе и болѣе принимаетъ сторону Наполеона. Гизо говоритъ очаровательно. Но онъ заблуждается. Онъ убѣжденъ, что одной, хорошо сказанной, увлекательной рѣчи было бы достаточно, чтобы спасти міръ. Нѣтъ надобности прибавлять, что онъ считаетъ себя, вѣроятно, тѣмъ ораторомъ, который можетъ совершить это чудо».

Любопытно, въ какомъ тонѣ отзывалась въ это время о Меттернихахъ княгиня Ливенъ.

«Я видала супруговъ Меттернихъ [1]),—писала она де-Баранту,—она толста, вульгарна, добра, держитъ себя просто, естественно; онъ спокоенъ, самодоволенъ, безконечно много говоритъ, но очень неподвиженъ, тяжеловѣсенъ, очень скученъ, когда онъ говоритъ о самомъ себѣ и своей

[1]) Письмо къ Баранту отъ 19-го января 1849 г.

непогрѣшимости, и очарователенъ, когда онъ говоритъ о прошломъ и въ особенности объ императорѣ Наполеонѣ».

Въ этомъ же письмѣ, адресованномъ де-Баранту, княгиня сообщаетъ, что она собирается въ Парижъ. Но холера, которой она ужасно боялась, заставила ее отложить поѣздку; только въ концѣ октября она вернулась въ Парижъ, гдѣ извѣстіе о возвращеніи княгини и Гизо вскорѣ привлекло въ ея салонъ его обычныхъ посѣтителей. Хотя Гизо не былъ болѣе у власти и было очевидно, что онъ не займетъ болѣе оффиціальнаго положенія, тѣмъ не менѣе княгиня Ливенъ сохранила свое значеніе въ дипломатическомъ мірѣ. Всѣмъ было извѣстно, что она оставалась личной корреспондентшей императора Николая. «Она посылаетъ свои донесенія императрицѣ»,—говоритъ въ своихъ мемуарахъ Меттернихъ.

Избраніе принца Людовика-Наполеона президентомъ республики и переворотъ 2-го декабря 1852 г. потребовали отъ княгини Ливенъ еще болѣе ловкости и такта. Всѣ ея друзья, съ Гизо во главѣ, были въ числѣ побѣжденныхъ; не смотря на это, княгиня, старавшаяся всегда получать свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, на другой же день послѣ переворота открыла свой салонъ побѣдителямъ. Чтобы принимать ихъ, не лишаясь своихъ прежнихъ друзей, нужно было имѣть много ловкости и умѣнья, на что̀ способны весьма немногія женщины. Ливенъ оказалась на высотѣ этой задачи. Побѣдители и побѣжденные одинаково ухаживали за ней и миролюбиво бесѣдовали въ ея салонѣ. На ея воскресные пріемы съѣзжались всѣ знаменитости политическаго и дипломатическаго міра Парижа. Бесѣда шла свободно и непринужденно. Гизо пріѣзжалъ первымъ, уѣзжалъ послѣднимъ. Что касается княгини, то она часто недомогала и бо̀льшею частію весь вечеръ не вставала съ дивана. Но, прислушиваясь, со своего мѣста, внимательно къ тому, что говорилось, и вставляя свои мѣткія замѣчанія, она доказывала, что ея умъ былъ попрежнему свѣжъ и отзывчивъ.

Ливенъ, съ самаго избранія принца Людовика-Наполеона президентомъ, какъ бы предугадала выдающуюся роль, которая была предназначена ему судьбою, и поставила себѣ задачею способствовать сближенію Франціи и Россіи. Графъ Морни, одинъ изъ самыхъ преданныхъ сторонниковъ принца, желалъ этого сближенія такъ же горячо, какъ и она. Онъ сдѣлался завсегдатаемъ княгини, льстилъ ей, ублажалъ ее и придавалъ ея мнѣнію величайшую цѣну.

Одно лицо, приближенное къ императрицѣ Евгеніи, разсказываетъ, что незадолго до ея брака съ Людовикомъ-Наполеономъ, когда она была уже втайнѣ его невѣстою, Морни настоялъ на томъ, чтобы она посѣтила княгиню Ливенъ.

— Ее надобно привлечь къ вамъ,—говорилъ онъ. Никто не можетъ такъ расположить въ вашу пользу европейскіе дворы, какъ она.

Будущая императрица послѣдовала его совѣту и долго послѣ того вспоминала «высокую, худощавую, сухую и чопорную старуху». Въ то время княгиня уже утратила свою прежнюю, очаровательную грацію. Она разсыпалась въ любезностяхъ, и m-lle Монтихо могла понять, что особа, принявшая ее такъ почтительно, знала, какая высокая судьба ожидала ее. При этомъ свиданіи присутствовалъ герцогъ Брогли. «Я не могу забыть,—разсказываетъ онъ,—что въ этомъ салонѣ мнѣ пришлось послѣдній разъ привѣтствовать красавицу иностранку, которую я зналъ нѣкогда въ Мадридѣ, въ мою бытность тамъ секретаремъ посольства и которой было суждено вступить со временемъ на престолъ. Объ этомъ, въ то время, уже всѣ говорили, и всѣ взоры были обращены на нее, хотя она не была еще оффиціально объявлена невѣстою принца. Но когда я увидѣлъ, что хозяйка дома помѣстилась на низенькомъ стулѣ подлѣ дивана, на который она усадила юную красавицу, то я понялъ, что выборъ принца сдѣланъ и что мнѣ слѣдуетъ какъ можно скорѣе засвидѣтельствовать ей мое почтеніе, чтобы не затеряться въ толпѣ царедворцевъ, которые, вѣроятно, сдѣлали то же самое наблюденіе».

Въ тотъ же день, 22-го января 1853 г., графъ Сентъ-Оклеръ писалъ барону де-Баранту: «Наша будущая императрица была въ воскресенье у княгини Ливенъ, нисколько не стѣснялась занять первое мѣсто, пройти первая въ двери, и все это она дѣлала, какъ говорятъ, весьма свободно».

Къ сожалѣнію, надежды княгини Ливенъ на сближеніе ея двора съ французскимъ правительствомъ не оправдались. Напротивъ, возникли разныя недоразумѣнія, которыя привели вслѣдъ за тѣмъ къ Крымской войнѣ. Дипломатическія сношенія между державами ухудшались, и конференція, созванная въ Вѣнѣ для улаженія недоразумѣній, не привела къ желаемому результату.

Княгиня Ливенъ оказалась въ этомъ случаѣ не особенно проницательной, и совѣты, которые она посылала императору, не были внушены пониманіемъ истиннаго положенія тогдашняго французскаго правительства.

Побѣжденные думаютъ обыкновенно, что ниспровергнутое ими правительство не будетъ прочно и долговѣчно. Весьма естественно, поэтому, что княгиня Ливенъ, подчиняясь вліянію политическихъ дѣятелей, которые играли столь видную роль въ іюльской монархіи, а теперь обратились въ ничто, слыша постоянно вокругъ себя, что императорское правительство было слабо и не имѣло корней въ странѣ и что оно было слишкомъ непрочно, чтобы выдержать продолжительную войну съ иностранной державою и потому скорѣе готово усту-

пить, чѣмъ взяться за оружіе,—въ концѣ концовъ повѣрила этому и въ этомъ смыслѣ писала своему двору, совѣтуя ему быть твердымъ и неуступчивымъ.

«Наполеонъ не обнажитъ меча»,—писала она, основываясь на словахъ русской колоніи въ Парижѣ.

Русскій посланникъ, графъ Киселевъ, высказывалъ совершенно противоположное мнѣніе, которое онъ защищалъ въ своихъ донесеніяхъ, приводя свои соображенія и стараясь убѣдить своего монарха въ вѣроятности войны. Колеблясь между этими двумя противорѣчивыми мнѣніями, императоръ Николай остановился на томъ, которое болѣе всего льстило его самолюбію. Русскому посланнику въ Парижѣ было выражено порицаніе; онъ не посмѣлъ болѣе ничего говорить. Русская политика стала еще высокомѣрнѣе, и въ концѣ концовъ началась война, оправдавшая слова императрицы Евгеніи, что «эта война была дѣломъ посланницъ».

Ливенъ была глубоко огорчена, увидавъ, что результатъ не оправдалъ ея ожиданій и что она была вынуждена уѣхать изъ Парижа. Состояніе ея здоровья, ея привычки, вкусы, словомъ, все дѣлало это перемѣщеніе для нея въ высшей степени тягостнымъ. Подобно большинству своихъ соотечественниковъ, жившихъ во Франціи, она переѣхала въ Брюссель. Это было въ исходѣ февраля 1854 г.

«Она уѣхала весьма опечаленная,—разсказываетъ Сентъ-Оклеръ. Она написала мнѣ на прощанье нѣсколько горестныхъ строкъ. Ея салонъ былъ нашимъ послѣднимъ убѣжищемъ для политическихъ бесѣдъ».

Живя въ Брюсселѣ, Ливенъ слѣдила съ тревогой за ходомъ войны, окончанія коей она страстно желала. Въ исходѣ 1854 года она сдѣлала попытку получить у Наполеона III разрѣшеніе вернуться въ Парижъ.

Но какъ только англійское правительство узнало о томъ, неизвѣстно почему, оно взволновалось, лордъ Коулэй отправился къ графу Валевскому, Ливенъ была принесена въ жертву «дружескому согласію», существовавшему между державами и ей было запрещено являться во Францію. Она подчинилась этому рѣшенію, не жалуясь, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя просила своихъ друзей довести до свѣдѣнія Наполеона, что здоровье не позволяетъ ей провести зиму въ Брюсселѣ, что она желаетъ отправиться въ Ниццу и что ей необходимо посовѣтоваться въ Парижѣ со своими врачами. Не позволятъ-ли ей остановиться тамъ на нѣсколько дней?

Разрѣшеніе на этотъ разъ было получено, и Ливенъ, въ самомъ началѣ 1855 г., была уже въ Парижѣ, гдѣ и провела послѣдніе годы жизни, окруженная заботами Гизо и своего сына Павла. Доктора объявили, что она не можетъ вынести путешествія, и она осталась спокойно у себя.

Французское правительство закрыло глаза на ея пребываніе, и Ливенъ, мало-по-малу, съ большой осторожностью и тактомъ вернулась къ своимъ прежнимъ привычкамъ, стала принимать своихъ друзей; ея салонъ пріобрѣлъ снова политическое значеніе, и хотя у нея собиралось не такъ много, какъ прежде, но все же достаточно, чтобы она не испытывала скуки.

Она горячо интересовалась заключеніемъ мира, положившаго конецъ крымской кампаніи.

Лордъ Голландъ писалъ изъ Парижа за нѣсколько дней до созыва конференціи: «тутъ идутъ всевозможныя интриги, Брунновъ, Морни и Ливенъ совѣщаются цѣлыми часами».

Съ другой стороны, Ливенъ писала Гревилю, что она предвидѣла при заключеніи мира большое затрудненіе, что враги были слишкомъ требовательны, что они не принимали во вниманіе положеніе царя по отношенію къ его народу.

Англія, которая, какъ извѣстно, хотѣла продолженія войны, не простила Ливенъ ея вмѣшательства, и лордъ Коулэй отвергалъ всѣ ея попытки сойтись съ нимъ.

Она дожила до подписанія мира, но вскорѣ послѣ этого бронхитъ унесъ ее въ нѣсколько дней.

Она сохранила до конца жизни свои умственныя способности и встрѣтила смерть съ твердостью духа. Она давно уже страшилась болѣзни и смерти, но наканунѣ ея она успокоилась, въ особенности послѣ того, какъ она пріобщилась, «сидя на кровати, сосредоточенная, серьезная и печальная».

Въ тотъ же день, узнавъ, что одинъ изъ ея близкихъ друзей, Мейендорфъ, пріѣхалъ въ Парижъ, она писала ему: «какъ я рада и какъ я горюю! Вы пріѣхали, а я уѣзжаю такъ далеко! Навѣстите меня, можетъ быть, еще не будетъ поздно».

Онъ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ. Она приняла его съ глазу на глазъ на одну минутку.

— Я думала, что я умру сегодня вечеромъ,—призналась она.

Гизо въ письмѣ къ своему другу, барону де-Баранту, трогательно описалъ послѣднія минуты жизни княгини Ливенъ.

«Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ была тяжела, у нея не было силы откашлять мокроту. Въ этомъ была вся бѣда. Въ понедѣльникъ (27-го января 1857 г.) утромъ я нашелъ ее гораздо слабѣе, лицо ея еще болѣе измѣнилось, но она была все такъ же спокойна, говорила мало, но заботилась о малѣйшей бездѣлицѣ, не исключая меню обѣда для ея племянника Бенкендорфа и племянницы, пріѣхавшихъ наканунѣ изъ Штуттгарта. Около полудня она сказала Олифу (своему врачу): «жаль будетъ, если я не умру этотъ разъ, я чувствую себя совсѣмъ готовой».

Вечеромъ, около десяти часовъ, она сдѣлала знакъ, чтобы я подошелъ, и сказала мнѣ:

— Я задыхаюсь..... вѣеръ!

«Я подалъ его, она попробовала обмахиваться. Ей поставили на грудь горчичникъ. Почувствовавъ, что онъ жжетъ, она показала знакомъ, что хочетъ писать. Ей подали карандашъ и бумагу. Она написала очень четко: «How long must it remain» (какъ долго должна я его держать). А нѣсколько минутъ спустя, она сказала мнѣ:

— Уйдите, уйдите всѣ, я хочу спать!

«Мы вышли—ея сынъ, племянникъ и я.

«Черезъ часъ за нами пришли. Она скончалась.

«Я убѣжденъ, что она чувствовала приближеніе смерти и не хотѣла, чтобы мы видѣли, какъ она умираетъ.

«Черезъ часъ послѣ ея смерти, ея сынъ передалъ мнѣ запечатанное письмо, написанное ею наканунѣ карандашемъ:

«Благодарю васъ за двадцать лѣтъ привязанности, любви и счастья,— писала она. Не забывайте меня. Прощайте, прощайте. Не отказывайтесь отъ моей кареты по вечерамъ».

Въ ея духовномъ завѣщаніи было поясненіе этихъ словъ. Она часто говорила Гизо: «я не жалѣю, что вы не богаты, это мнѣ нравится. Но я не могу помириться съ тѣмъ, что у васъ нѣтъ кареты». Она завѣщала ему 8.000 франковъ ежегодно и карету.

Передъ смертью она выразила желаніе, чтобы ея тѣло было перевезено въ Курляндію и погребено рядомъ съ ея сыновьями, скончавшимися въ 1835 г., въ семейномъ склепѣ, въ ихъ родовомъ имѣніи, близъ Митавы.

Она была положена въ гробъ, согласно ея волѣ, въ ея черномъ, бархатномъ платьѣ и княжеской коронѣ, съ распятіемъ изъ слоновой кости, въ рукахъ,—символъ успокоенія, которое она обрѣла, наконецъ, послѣ ея тревожной жизни.

«Вотъ еще одна кончина, которая искренно опечалила меня,—писалъ де-Барантъ своей сестрѣ, узнавъ о смерти княгини Ливенъ,—она оставитъ пустоту, которую нечѣмъ будетъ заполнить. Хотя я и не былъ въ числѣ наиболѣе близкихъ друзей княгини, но я находилъ большое удовольствіе въ ея обществѣ; я сходился съ нею въ мысляхъ и во взглядахъ; это была личность высокаго ума и благороднаго характера, на которую можно было положиться».

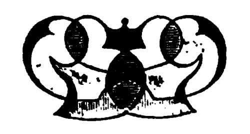
Такъ сошла въ могилу, оплакиваемая друзьями, эта типичная женщина-политикъ, одаренная страстной волей, большой настойчивостью, развитымъ умомъ и удивительнымъ умѣньемъ быть совѣтницей и вдохновительницей близкихъ людей, способная быть для нихъ преданнымъ другомъ и, въ свою очередь, глубоко любимая ими.

Каковы бы ни были ея увлеченія и недостатки, создавшія ей немало враговъ, все же эта «дипломатическая Сибилла», какъ ее называли въ шутку, представляла выдающееся явленіе въ тотъ вѣкъ, когда политика оживлялась вмѣшательствомъ женщинъ, когда Европа была обширнымъ салономъ, въ которомъ женщины чувствовали себя въ своей сферѣ, и когда политика часто смѣшивалась съ интригой и всегда пользовалась ею.

Княгиня Ливенъ была воплощеніемъ женщины-политика и дипломата, обладавшей несравненнымъ даромъ выспросить, слушать, вести разговоръ, руководить имъ съ извѣстной цѣлью, не давая ему впадать въ скабрезный тонъ; она умѣла поддержать любопытство, привлечь и удержать государственныхъ людей. Гизо,—человѣкъ кабинетный,—даже упрекалъ ее въ томъ, что она не любила чтенія и уединенныхъ занятій, что она любила только бесѣду съ живыми людьми. Мало того, въ Лондонѣ, точно такъ же, какъ въ Парижѣ, она принимала преимущественно государственныхъ людей и дипломатовъ и весьма рѣдко—литераторовъ, если они не занимались политикой.

Біографъ княгини Ливенъ, Эрнестъ Доде, интересной книгой котораго мы широко пользовались при составленіи настоящей статьи, полагаетъ, что Бальзакъ олицетворилъ княгиню Ливенъ въ образѣ нѣкоторыхъ своихъ героинь.

В. В. Тимощукъ.

*

Указъ императора Александра графу Штейнгелю по поводу неповиновенія крестьянъ Выборгской губерніи[1]).

15-го апрѣля 1820 г.

Донесеніе ваше отъ 12-го (24-го) апрѣля о неповиновеніи, оказанномъ крестьянами Сальминскаго погоста, ни мало меня не удивило. Сихъ послѣдствій ожидать надлежало отъ положенія, въ коемъ сіи люди находились, и о коемъ я васъ лично извѣщалъ въ послѣднее мое пребываніе въ Финляндіи

Я полагалъ, что, вслѣдствіе моихъ съ вами объясненій, вы отправитесь сами на мѣсто еще прошлою осенью, дабы лично удостовѣриться въ чинимыхъ притѣсненіяхъ симъ поселянамъ и принять надлежащія мѣры къ огражденію оныхъ отъ злоупотребленій, коихъ неоднократно были они жертвою. Но, къ сожалѣнію моему, вами сего учинено не было.

Нынѣ полагаю я необходимымъ присутствіе ваше на мѣстѣ происшествія.

Обстоятельства довольно важны. Съ одной стороны, мѣстное начальство жалуется на усильное неповиновеніе крестьянъ, коего терпимость можетъ имѣть пагубныя послѣдствія. Съ другой, извѣстно мнѣ, по личному моему проѣзду чрезъ сей край, что поселяне сіи озлоблены разными частыми притѣсненіями земскихъ чиновниковъ, коихъ даже и разумѣть не могутъ по различію нарѣчія, ими употребляемаго. Сіи же чиновники, вѣроятно, расположены къ мщенію за принесенныя на нихъ жалобы отъ поселянъ и легко статься можетъ, что и все происшествіе увеличено ими въ семъ намѣреніи. Между тѣмъ уже военная сила требуется, и вами отряжены на мѣсто батальонъ и казачья команда. Послѣдствія могутъ быть самыя плачевныя и даже совершенно противныя строгой справедливости.

Личная моя довѣренность къ достоинствамъ и правиламъ вашимъ заставляетъ меня желать, чтобы вы ускорили поѣздку вашу въ Сальминскій погостъ. Вамъ оба языка извѣстны, равномѣрно какъ и законныя постановленія. Нетрудно вамъ будетъ лично вникнуть въ настоящее существо дѣла, выслушавъ жалобы крестьянъ и вразумя въ надлежащихъ ихъ обязанностяхъ; слѣдуетъ вамъ въ точности изыскать, отчего возникло неповиновеніе, отъ недоразумѣнія или отъ притѣсненія чиновниковъ.

До вашего пріѣзда запретите всякое военное дѣйствіе; водворя же спокойствіе и устройство въ семъ краѣ и изыскавъ по сущей справедливости виновныхъ, донесите мнѣ о всѣхъ обстоятельствахъ въ подробности.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

---

[1]) Весь черновикъ указа писанъ собственноручно императоромъ Александромъ I.

Петербургская жизнь въ 1825—1827 гг.

(По письмамъ англичанки) [1].

Въ 1825 г. полномочнымъ посломъ при русскомъ дворѣ, на время отсутствія изъ Россіи англійскаго посланника, отозваннаго по болѣзни, былъ назначенъ сэръ Эдвардъ Дисброо, ранѣе этого бывшій въ Петербургѣ короткое время въ 1814 г., куда онъ сопровождалъ лорда Каткарта.

«Сегодня утромъ,—писалъ Дисброо 5-го(17-го) апрѣля 1825 г. своимъ друзьямъ въ Англію,—я дѣлалъ оффиціальные визиты принцу и принцессѣ Оранскимъ и великимъ князьямъ Михаилу и Николаю, которые приняли меня каждый отдѣльно. Остается представиться вдовствующей государынѣ, которая нездорова и поэтому не принимаетъ. Императоръ уѣхалъ сегодня въ Варшаву.

«Въ Петербургѣ за послѣднія десять лѣтъ произошли большія перемѣны. Во многихъ большихъ домахъ, гдѣ я бывалъ прежде и гдѣ съѣзжались обѣдать безъ зова, разъ въ недѣлю, прекратились пріемы. Изъ старыхъ знакомыхъ я встрѣтилъ герцогиню Серра Капріола, мужъ которой скончался года полтора тому назадъ. Ихъ домъ былъ здѣсь однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ. Она живетъ теперь скромно и принимаетъ всего человѣкъ тридцать своихъ старыхъ знакомыхъ и друзей. Ея дочь, г-жа Апраксина, молодая, очаровательная женщина, умерла.

«Княгиня Б. никого не принимаетъ, по случаю кончины одной изъ ея дочерей; другая ея дочь, княгиня Зинаида Волконская, переселилась въ Москву. Головины умерли, оба семейства Голицыныхъ уѣхали. Княгиня Куракина сошла съ ума; ея домъ запертъ.

---

[1]) Изъ соч. Old days in diplomacy. Recollections of a closed century. Bythe daughter of Sir Edvard Cromwel Disbrowe. London. 1903.

«Изъ дипломатовъ Ла-Ферроне хочетъ привезти сюда будущую зиму свою жену. Супруга австрійскаго посланника Лебцельтерна очень умна и любезна; г-жа Лудольфъ, жена неаполитанскаго посланника, и г-жа Гуерьеро, супруга португальскаго посла, дѣлаютъ пріемы, также какъ графиня Лаваль и графиня де-Мэстръ и нѣкоторыя другія дамы дипломатическаго корпуса».

Два мѣсяца спустя по полученіи этого письма, супруга Дисброо послѣдовала за нимъ въ Петербургъ; сообщая свои впечатлѣнія лондонскимъ друзьямъ и роднымъ, она писала 13-го (25-го) іюля 1825 г.:

«Вчера я очень устала. Мнѣ пришлось встать въ шесть часовъ утра, чтобы сопровождать моихъ кавалеровъ [1]) въ Царское Село, гдѣ они представлялись царской фамиліи.

«Проѣхавъ въ экипажѣ двадцать двѣ версты, мы прибыли благополучно во дворецъ; я отправилась къ г-жѣ Лонгиновой, а мои кавалеры пошли переодѣться для представленія.

«Такъ какъ въ этой роскошной странѣ всякій, состоящій при дворѣ, имѣетъ съ семьей помѣщеніе во дворцѣ, то Лонгиновы помѣщались въ особомъ павильонѣ, небольшомъ деревянномъ домикѣ возлѣ дворца. Для всѣхъ лицъ, кои должны были представляться, были приготовлены помѣщенія и экипажи. Все было обставлено роскошно. Лордъ Блумфильдъ, состоявшій весьма долго при особѣ нашего короля, говоритъ, что онъ никогда не видалъ ничего роскошнѣе здѣшней придворной жизни. Такъ, напр., для дипломатическаго корпуса и всѣхъ иностранцевъ, приглашенныхъ на праздникъ въ Петергофъ, будетъ отведено готовое помѣщеніе, столъ и экипажи на всѣ три дня празднества».

«Я слышала, что на Петергофскихъ празднествахъ весьма многіе, какъ мужчины, такъ и дамы, пріѣзжающіе взглянуть на праздникъ и коимъ не удается найти помѣщеніе, совершаютъ свой туалетъ въ экипажахъ. Я хочу поучиться въ этой странѣ, какъ приспособляться къ обстоятельствамъ.

«Г-жа Лонгинова говорила мнѣ, что многія русскія дамы тратятъ на платья отъ 400—500 ф. ст. въ годъ и что это считается умѣреннымъ; франтихи тратятъ гораздо больше. А княгиня Софія Волконская сказала мнѣ, что у нея было прошлую зиму всего четыре платья, но она держитъ себя очень независимо, и имѣетъ свои собственные взгляды, рѣшается ходить одна безъ лакея, ѣздить только на парѣ лошадей, не хочетъ бывать при дворѣ, словомъ, ее находятъ «очень странной». Ея дочь, княжна Алина, прелестная дѣвушка, отлично воспитана, не много страдаетъ отъ странностей своей матери. Г-жа Лебцельтернъ, рожденная графиня Лаваль, русская, но замужемъ за здѣшнимъ австрійскимъ

---

[1]) Мужа и брата, Кеннеди.

посланникомъ; она говоритъ по-англійски, какъ природная англичанка, и прекрасная музыкантша. Ея отецъ французъ, а ея мать очень богатая русская дама. Мы обѣдали у нея на-дняхъ; угощенье было роскошное, мороженое подавалось въ вазахъ изо льда; онѣ казались сдѣланными изъ литаго стекла и были очень красивой формы. Говорятъ, будто ихъ нетрудно дѣлать».

20-го іюля (1-го августа) Дисброо съ супругою и ея братомъ отправились въ Петергофъ, на праздникъ по случаю тезоименитства вдовствующей императрицы.

Для нихъ было отведено помѣщеніе въ Англійскомъ дворцѣ.

«Комнаты были обширны, со множествомъ зеркалъ, но въ нихъ стояло весьма мало мебели». Англичанъ поразило, какъ мало заботятся о прислугѣ.

«Для нашихъ слугъ ничего не было приготовлено, кромѣ помѣщенія. Впрочемъ, Парнеръ (служанка англичанка) никогда не бываетъ требовательна и провела, не ропща, двѣ ночи на диванѣ безъ простынь, покрываясь однимъ одѣяломъ.

«Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петергофъ, мы отправились на смотръ,—записала г-жа Дисброо,—въ экипажѣ, называемомъ линейкою, въ которой помѣщается восемь человѣкъ; она похожа на два дивана, составленныхъ спиною; въ линейкахъ дозволяется ѣздить по всему парку, такъ какъ колеса у нихъ такъ широки, что они не оставляютъ на дорожкахъ колеи. Помѣщеніе, столъ, прислуга, линейки,—все было отъ двора, вообще, дипломатическому корпусу былъ оказанъ прекрасный пріемъ; его не чествуютъ такъ ни въ одной странѣ.

«Я въ восторгѣ отъ оказаннаго мнѣ пріема. Графиня Литта ввела меня въ зало и оставила одну съ ихъ величествами. Императоръ Александръ поцѣловалъ мою руку, и я сдѣлала видъ, что цѣлую его въ щеку, по русскому обычаю. Императрица Елисавета не позволила мнѣ поцѣловать ея руку, но обняла меня, и оба они были такъ привѣтливы, такъ милостивы, что мнѣ было жаль уйти отъ нихъ. Вдовствующая императрица вошла въ ту комнату, гдѣ я стояла, и говорила со мною нѣкоторое время; это удивительная для своихъ лѣтъ женщина, она держится такъ прямо, какъ молодая дѣвушка, и очень хороша собою. Мое платье, сшитое здѣсь, было очень просто, тюлевое, на бѣломъ атласномъ чехлѣ, съ длиннымъ шлейфомъ, съ которымъ я справлялась какъ нельзя лучше и ни разу не споткнулась. Гофмейстеру, графу Соллогубу, было поручено заботиться о дипломатахъ, руководить нами и слѣдить за тѣмъ, чтобы намъ было оказано всевозможное вниманіе. Въ пять часовъ намъ былъ поданъ великолѣпный обѣдъ. Мы сѣли за столъ втроемъ. Въ семь часовъ за нами пріѣхали придворныя кареты, и мы поѣхали въ паркъ, гдѣ собралось до ста тридцати тысячъ чело-

вѣкъ. Императрица говорила моему мужу, что въ тотъ день въ Петергофъ съѣхалось до 4.000 экипажей. Само собою разумѣется, что для такого множества людей невозможно было отвести помѣщеніе, и было очень любопытно видѣть, какъ публика располагалась бивуаками: экипажи всевозможнаго вида и фасона были превращены въ уборныя и спальныя. Въ одномъ экипажѣ совершала свой туалетъ хорошенькая женщина, въ другомъ обѣдали; тутъ сидѣла группа сѣдовласыхъ, сумрачныхъ финновъ, далѣе—толпа нѣмецкихъ колонистовъ, татаръ, калмыковъ, евреевъ; всюду стояли лошади, телѣги, лежали мужчины, женщины, дѣти, образуя самыя живописныя группы. Люди всѣхъ званій были допущены на гулянье, и было очень оригинально видѣть, какъ придворныя дамы, всѣ въ брилліантахъ, императоръ, великіе князья и княгини, князья и графы расхаживали среди толпы простонародья; длиннобородые мужики и женщины въ деревенскихъ платьяхъ смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ и почтеніемъ, и держали себя такъ смирно и прилично, какъ будто они вѣкъ свой бывали во дворцѣ и на балахъ. Они стояли совсѣмъ близко отъ императорской фамиліи; и никто не толкался, не шумѣлъ; по-истинѣ, зрѣлище было достойное удивленія. Я думаю, что подобный праздникъ возможенъ только въ Россіи, гдѣ народъ очень тихъ и пріученъ къ порядку».

«Мы начали эту недѣлю баломъ у Ла-Ферроне,—писала г-жа Дисброо 18-го (30-го) ноября 1825 г. Я сопровождала Алину Волконскую и оставалась на балу до половины четвертаго. Было очень весело, общество было избранное, блестящее.

«Ла-Ферроне говоритъ, что слѣдовало бы именнымъ указомъ запретить котильонъ, но, я думаю, этого никогда не будетъ, такъ какъ это здѣсь одинъ изъ излюбленныхъ танцевъ. Онъ продолжается иногда часа два и, я думаю, можетъ очень наскучить, если танцовать его каждый вечеръ.

«Придумали новую фигуру: завязать кавалеру глаза, чтобы онъ выбралъ даму съ завязанными глазами, но, такъ какъ для этого кавалерамъ накидывали на голову большой платокъ, то было попорчено не мало тупеевъ [1]), и поэтому фигура не понравилась.

«Нашъ знакомый, гр. Апраксинъ, страшно негодовалъ на нее. Говорятъ, будто онъ краситъ себѣ брови и усы.

«Вы не можете себѣ представить, какъ дѣвицы здѣсь наряжаются и при этомъ носятъ такое сочетаніе цвѣтовъ: желтое платье, отдѣланное голубыми или пунцовыми цвѣтами, или голубое платье, съ розовой отдѣлкой и т. п., и всегда много драгоцѣнныхъ камней. Послѣ Алины Волконской, моя первая любимица Саша Алопеусъ, дочь русскаго по-

---

[1]) Особая прическа.

сланника въ Берлинѣ, которая проводитъ эту зиму въ Петербургѣ. Госпожа Алопеусъ [1]) была, вѣроятно, хороша, какъ ангелъ, она и теперь еще самая красивая женщина, какихъ я знаю. Графиня Моденъ и ея дочери очень любимы въ обществѣ; онѣ очень милыя, а графиня извѣстна своею добротою».

Это письмо еще не было отослано, какъ въ Петербургѣ было получено печальное извѣстіе о кончинѣ императора Александра.

«Не удивляйтесь мрачному тону моего письма,—писала г-жа Дисброо 2-го (14-го) декабря 1825 г. Иначе писать невозможно, среди царствующаго здѣсь горя и всеобщаго унынія.

«Г. Лоо (Law), англійскій священникъ, произнесъ въ воскресенье прочувствованную рѣчь, въ которой высказалъ самыя горячія похвалы покойному монарху. Церковь была задрапирована чернымъ, что̀ производило самое скорбное впечатлѣніе.

«Княжны Софія и Алина Волконскія ѣдутъ въ Таганрогъ къ своему отцу, князю Петру Волконскому. Онъ пишетъ: «Все кончено; императора нѣтъ на свѣтѣ, моя карьера окончена; я служилъ этому ангелу и не могу служить другому монарху. Богу извѣстно, что я служилъ ему не только какъ императору, но и какъ другу».

«Вдовствующая императрица очень довольна торжественнымъ богослуженіемъ, отслуженнымъ въ англійской церкви, по случаю кончины императора. «Поблагодарите отъ меня добрыхъ англичанъ»,—сказала она. Съ тѣхъ поръ, какъ получено печальное извѣстіе, городъ словно вымеръ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что народъ искренно горюетъ».

При восшествіи на престолъ императора Николая, изъ Англіи, какъ извѣстно, былъ посланъ привѣтствовать новаго императора герцогъ Веллингтонъ. Пріѣздъ его вызывалъ въ Петербургѣ всеобщее удовольствіе. Любопытно, что въ то время это былъ единственный русскій фельдмаршалъ. Ему были оказаны всевозможныя почести. Помѣщеніе для него было отведено въ томъ домѣ, гдѣ жилъ и скончался старикъ Гурьевъ, на набережной; для встрѣчи его были посланы на границу офицеръ и фельдъегеръ, и ему была приготовлена въ подарокъ великолѣпная соболья шуба, стоимостью въ 6.000 рублей.

Французскій посланникъ далъ въ честь герцога роскошный обѣдъ; приглашенныхъ было свыше пятидесяти человѣкъ, весь дипломатическій корпусъ и многія высокопоставленныя лица; но Веллингтону вскорѣ такъ надоѣли ежедневные смотры, на которыхъ онъ долженъ былъ присутствовать, что онъ рѣшилъ значительно сократить свое пребываніе въ Петербургѣ. Его путь былъ настоящимъ тріумфомъ; ему оказы-

[1]) Во второмъ бракѣ за княземъ Лопухинымъ.

вали въ каждомъ городѣ воинскія почести; вездѣ предполагались празднества, но онъ присутствовалъ на нихъ только въ Берлинѣ.

Въ числѣ всевозможныхъ подарковъ, приготовленныхъ для него, была пара пистолетовъ, тульскаго издѣлія, осыпанныхъ бриліантами, стоимостью въ 6.000 ф. стерл.[1]).

«Русскіе не привыкли видѣть главнокомандующаго въ статскомъ платьѣ; по ихъ понятіямъ онъ долженъ бы быть всякій разъ въ полной формѣ. За обѣдомъ, даннымъ въ честь герцога французскимъ посланникомъ Ла-Ферроне, хозяйка дома шла къ столу подъ руку съ герцогомъ и съ лордомъ Странгфордомъ, такъ какъ иначе онъ долженъ былъ бы идти впереди».

Похороны императора Александра были назначены 2-го (14-го) марта.

«Мы, дамы дипломатическаго корпуса,—писала г-жа Дисброо [2]),—получили особое приглашеніе быть въ 9-ть часовъ въ церкви и оставаться до окончанія церемоніи. Я страшно боюсь озябнуть, такъ какъ, само собою разумѣется, мы не можемъ быть въ шубахъ и намъ придется стоять нѣкоторое время подъ колоннадою. Платье, въ которомъ мы должны быть, очень теплое, двойная вуаль на головѣ очень пріятна, и фланелевый шлейфъ замѣнитъ намъ плащъ, пока мы будемъ ожидать. Весь дипломатическій корпусъ соберется въ домѣ французскаго посольства, откуда мы поѣдемъ въ соборъ въ сопровожденіи отряда кавалеріи. Отдано строгое приказаніе, чтобы наши дома охранялись какъ слѣдуетъ, во избѣжаніе какихъ-либо безпорядковъ.

«Герцогъ Веллингтонъ скоро уѣзжаетъ. Это время я была очень занята изготовленіемъ для Сомерсета и Блэя моделей русскихъ экипажей; въ настоящую минуту передо мною стоятъ на столѣ двѣ телѣги, двѣ коляски, запряженныя четверкою лошадей, четверо дрожекъ и шесть саней. Это такія же точно модели, какія я послала своимъ дѣтямъ, но онѣ, повидимому, забавляютъ и взрослыхъ».

«Прошлую субботу [3]) мы были на церемоніи перевезенія тѣла покойнаго императора въ Казанскій соборъ. Мы собрались въ церковь рано и пробыли тамъ отъ половины одиннадцатаго до трехъ. Погода была холодная, была сильная снѣжная мятель.

«Печальная колесница была золотая, съ высокимъ катафалкомъ. Когда гробъ внесли въ церковь, то генералъ-адъютанты не могли поднять его на катафалкъ; его подняли двадцать человѣкъ старыхъ солдатъ.

«Вдовствующая императрица вошла первая. За гробомъ слѣдовали государь съ государыней, герцогъ Веллингтонъ и чины, несшіе регаліи.

---

[1]) Письмо г-жи Дисброо 27-го февраля (11-го марта) 1826 г.

[2]) Письмо отъ 19-го февраля (3-го марта), 1826 г.

[3]) Письмо отъ г-жи Дисброо 8-го (20-го) марта 1826 г.

Церковь при полномъ освѣщеніи была красивѣе, чѣмъ можно было предполагать, но всѣ присутствующіе страдали отъ холода; предполагали, что хотя въ церкви не было печей, но что отъ толпы будетъ душно. Между тѣмъ толпа не была впущена.

Послѣ похоронъ императора Александра, Дисброо оставался еще довольно долго въ Россіи, присутствовалъ на коронаціи Николая I-го и при торжественномъ поднесеніи ему лордомъ Гертфордомъ ордена Подвязки, которое состоялось въ Александровскомъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ, 27-го іюня (9-го іюля) 1827 г. Лордъ Гертфордъ и его свита были приглашены послѣ церемоніи вдовствующей императрицей въ Павловскъ къ обѣду. Такое же приглашеніе получили и Дисброо съ женою.

«Въ началѣ,—писала г-жа Дисброо 28-го іюня (10-го іюля) 1827 г.,—когда я выразила желаніе ѣхать въ Царское Село, чтобы видѣть церемонію поднесенія ордена, мужъ мой сказалъ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи и что мнѣ неудобно быть въ числѣ зрителей, когда они приглашены принять оффиціальное участіе въ церемоніи. Представьте же себѣ мое удивленіе, когда въ субботу я получила спеціальное приглашеніе отъ вдовствующей императрицы. А у меня не было приготовлено платья! Что дѣлать? Но милая г-жа Turin сдѣлала для меня чудеса и въ воскресенье утромъ, въ половинѣ восьмаго, у меня уже было четыре новыхъ платья (для присутствія на церемоніи и обѣдѣ), ибо, по обыкновенію, никто не зналъ—нужно-ли будетъ имѣть платье со шлейфомъ или безъ шлейфа, поэтому то и другое должно быть готово.

«Ни императоръ, ни императрица не обѣдали въ Павловскѣ. Государынѣ запрещено малѣйшее утомленіе. Такимъ образомъ, изъ царской фамиліи за обѣдомъ присутствовали только трое: вдовствующая императрица и великій князь Михаилъ Павловичъ съ великой княгиней Еленой Павловной. За столомъ сидѣло сто двадцать человѣкъ, всѣ фрейлины были на-лицо. Обѣдъ былъ роскошный, и весь столъ былъ убранъ васильками, что̀ было очень оригинально и красиво.

«Лордъ Гертфордъ сидѣлъ рядомъ съ императрицей, возлѣ него герольдмейстеръ ордена, который только кивалъ головою и улыбался, но не понималъ ни слова изъ того, что̀ говорилось, даже когда великая княгиня Елена Павловна обращалась къ нему по-англійски. Мы разошлись тотчасъ послѣ обѣда, получивъ отъ ея величества приглашеніе провести съ нею вечеръ въ Розовомъ павильонѣ. Я играла за ея столомъ въ мушку, и она очень любезно и весело объясняла лорду Гертфорду правила этой игры. Молодежь играла въ petits jeux и страшно веселилась.

«Императрицу очень потѣшали громкіе взрывы хохота, который они не могли сдержать. Ее особенно забавляли Францискъ Сеймуръ и морякъ Меррей. Наши молодые люди говорятъ, что они никогда не видали,

чтобы барышни играли въ игры съ такимъ увлеченіемъ. За ужиномъ императрица не сидѣла, но ходила около столовъ и разговаривала съ гостями.

«На слѣдующій день я получила отъ императрицы Александры Өеодоровны приглашеніе быть у нея. Она приняла меня на балконѣ, угощала клубникой со сливками и была чрезвычайно любезна и милостива. Въ часъ дня состоялась церемонія поднесенія ордена Подвязки; посторонняя публика не была допущена и могла только видѣть, какъ участвующіе въ церемоніи вышли изъ золоченыхъ каретъ и шли по колоннадѣ. Даже обѣ императрицы не участвовали въ церемоніалѣ; но къ одной изъ дверей была придѣлана занавѣсь, сквозь которую онѣ и дѣти смотрѣли на шествіе.

«Императрица говорила мнѣ, что, къ ея величайшему смущенію, маленькая Ольга Николаевна подъ конецъ церемоніи просунула головку сквозь дырку, которую она продѣлала въ занавѣси. Мой мужъ замѣтилъ ея хорошенькое личико, выглядывавшее изъ-за занавѣси, и такъ заглядѣлся на нее, что чуть не забылъ въ должный моментъ сдѣлать поклонъ. Лордъ Гертфордъ былъ одѣтъ великолѣпно, такъ же, какъ и всѣ остальные участники церемоніи.

«Во главѣ процессіи шли Гертфордъ и герольдмейстеръ ордена, сэръ Нейлоръ; за ними слѣдовалъ лордъ Гилль съ орденомъ на подушкѣ, лордъ Сеймуръ съ мечемъ, капитанъ Мейнель, несшій шляпу императора, капитанъ Сеймуръ съ плащемъ, ассистенты съ печатями и, наконецъ, два пажа, несшіе шляпу лорда Гертфорда и корону.

«Погода была прекрасная, и толпа зрителей, собравшаяся около дворца, была въ свѣтлыхъ, яркихъ платьяхъ, такъ что зрѣлище было великолѣпное.

«Чины англійскаго посольства обѣдали у министра двора, князя Петра Волконскаго».

Нѣсколько дней спустя, Дисброо были снова приглашены къ обѣду въ Царское Село. За столомъ сидѣли императоръ и вдовствующая императрица, но императрица Александра Өеодоровна появилась только послѣ обѣда. Тогда же вошли и дѣти, самая младшая великая княжна сдѣлала хорошенькій реверансъ и какъ будто понимала, какъ надобно держать себя; замѣтивъ, что фрейлины стояли, сложивъ руки, она сдѣлала то же самое и стояла все время пресерьезно».

Молодой Сеймуръ получилъ отъ императора перстень съ алмазомъ.

Лордъ Гертфордъ оставилъ 10.000 руб. на заведенія императрицы Маріи.

Осенью 1827 г. Дисброо оставилъ Россію и былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ къ Виртембергскому двору.

«Какъ бы вы думали, съ кѣмъ мнѣ тяжелѣе всего разстаться,

уѣзжая отсюда?—писала г-жа Дисброо роднымъ 12-го (24-го) сентября 1827 года. Съ императоромъ и императрицей? Они были такъ милостивы ко мнѣ, что я искренно привязалась къ нимъ и не могу помириться съ мыслію, что я, быть можетъ, никогда не увижу ихъ.

«Я всегда буду вспоминать объ императорѣ, какъ о самомъ нѣжномъ супругѣ, и объ императрицѣ, какъ о самой очаровательной, любезной женщинѣ; если бы вы видѣли ее на-дняхъ въ маскарадѣ! Она была такъ хороша собою, такъ счастлива и весела!

«Мы откланялись имъ въ воскресенье, и они обошлись съ нами такъ милостиво, что я позабыла совершенно объ этикетѣ и чувствовала, какъ будто я разстаюсь съ самыми близкими родными, а потому вела себя очень неприлично.

«Императоръ и великій князь Михаилъ (Павловичъ) и принцъ прусскій сдѣлали намъ честь и посѣтили насъ послѣ прощальной аудіенціи»,—писалъ тогда же самъ Дисброо,—«и, такъ какъ я уже не былъ посломъ, то честь, оказанная мнѣ этимъ посѣщеніемъ, была еще больше, ибо это было необычно».

Черезъ нѣсколько дней Дисброо и его супруга уѣхали изъ Петербурга.

Возвращеніе Тарнопольской области Австріи.

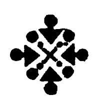
Высочайшій рескриптъ сенатору Тейльсу.

26-го іюня 1815 г.

Игнатій Антоновичъ! Коллежскій секретарь Крамеръ, присланный ко мнѣ съ донесеніями вашими отъ 18-го мая, достигъ меня на пути къ арміи. Многочисленныя занятія мои теперь токмо дозволяютъ мнѣ отправить его къ вамъ обратно съ разрѣшеніями, коихъ вы испрашиваете относительно до ввѣренной управленію вашему Тарнопольской области. По силѣ первой статьи трактата, заключеннаго между мною и австрійскимъ императоромъ и при семъ къ вамъ препровождаемаго, доставшіеся намъ въ 1809 году уѣзды: Злочевской, Баржезанской, Тарнопольской и Залащицкой имѣютъ быть возвращены Австріи въ теченіе шести недѣль, со дня размѣна ратификаціи; границы же въ сей части Галиціи возстановляются по-прежнему такъ, какъ оныя стояли до 1809 года. Сколь не согласенъ я съ вами въ пользѣ, каковую бы ощутила казна наша отъ сохраненія нами еще до 1-го января будущаго года управленія надъ симъ краемъ; но постановленія, нынѣ подписанныя, содѣлывая (?) сіе невозможнымъ, я возлагаю на васъ исполненіе сей статьи и повелѣваю вамъ приступить немедленно къ сдачѣ показанныхъ четырехъ уѣздовъ коммиссару, который для принятія оныхъ, со стороны австрійскаго правительства назначенъ будетъ, стараясь какъ наискорѣе привести дѣло сіе къ надлежащему окончанію.

Для меня пріятно при семъ случаѣ отдать полную справедливость трудамъ, понесеннымъ вами, и отличному усердію, вами изъявленному во все время управленія вашего Тарнопольскою областію. Желая ознаменовать на самомъ опытѣ мое къ вамъ благоволеніе, повелѣлъ я, сходственно съ представленіемъ вашимъ, наградить чиновниковъ, признанныхъ отъ васъ того достойными.

Пребываю вамъ благосклонный.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

XVIII [1]).

Бесѣды митрополита Филарета.—Стихотворенія Гнѣдича.—Продажа иностранныхъ книгъ.—Кончина князя Ширинскаго-Шихматова и назначеніе А. С. Норова министромъ народнаго просвѣщенія.—Молитва всеискупающая.—Разсказъ попугая.—Логика или наука о законахъ мышленія.—Книга Уствани.—О цитированіи изъ иностранныхъ запрещенныхъ книгъ.—Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа.—Мелочи изъ запаса моей памяти М. Дмитріева.—Брошюра „Паденіе Турціи".—Разсказы пестрой птички.—Русскія пословицы и поговорки Ѳ. Буслаева.—Очерки современной Турціи.—Статья о хозяйственныхъ орудіяхъ на Нью-Іоркской выставкѣ.—Два слова о письмахъ графа Ростопчина, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ".—Великорусскія пѣсни въ Саратовской губерніи.—Руководство къ познанію новой исторіи Смарагдова.—Закрытіе Комитета 2-го апрѣля.

18-го февраля 1853 года князь Ширинскій-Шихматовъ изъяснилъ въ докладѣ государю, что московскій военный генералъ-губернаторъ препроводилъ къ тамошнему попечителю, для напечатанія, съ соблюденіемъ цензурныхъ правилъ, бесѣду московскаго митрополита Филарета, въ день 50-ти лѣтія Екатерининскаго училища благородныхъ дѣвицъ. Генералъ-адъютантъ Назимовъ считалъ неудобнымъ подвергнуть эту бесѣду разсмотрѣнію Московскаго цензурнаго комитета. Министръ народнаго просвѣщенія не находилъ никакого препятствія къ напечатанію бесѣды, но какъ нѣкоторыя мѣста относятся тутъ къ государю и къ императрицѣ, то онъ и представлялъ бесѣду митрополита Филарета на высочайшее благоусмотрѣніе. На этомъ докладѣ послѣдовала 18-го февраля высочайшая резолюція: «Можно».

---

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1903 г.

Разсматривая стихотворенія Гнѣдича, назначенныя къ печатанію новымъ изданіемъ, цензоръ Крыловъ представилъ выписку сомнительныхъ пьесъ и мѣстъ, а при этомъ замѣтилъ вообще, что Гнѣдичъ, какъ эллинистъ, напитанный духомъ классическихъ твореній, переносилъ въ собственныя произведенія такія идеи, которыми было свойственно восхищаться древнимъ грекамъ, выше всего цѣнившимъ республиканскія добродѣтели. Такимъ образомъ, онъ очень часто увлекался къ прославленію вольности и свободы, называя даже иногда свободу—святою, Гомера—пророкомъ о древнихъ царяхъ и греческихъ тираннахъ, выражался съ особою жестокостью, озлобленіемъ, и въ уста перуанца, проклинающаго испанское порабощеніе, вложилъ такія слова, въ которыхъ заключается собственно хула на Бога христіанскаго. Мѣстъ этихъ нельзя исключить, не вредя составу пьесъ, въ которыхъ они находятся. Между тѣмъ вся совокупность этихъ мѣстъ не служитъ доказательствомъ какого-либо непозволительнаго направленія стихотвореній вообще; благородствомъ мыслей и заслугами въ литературѣ авторъ оставилъ по себѣ безукоризненную память дѣятеля на поприщѣ русской поэзіи. Стихотворенія Гнѣдича читаются теперь немногими, а еще меньшимъ числомъ любителей поэзіи дочитываются. По всему этому Крыловъ полагалъ возможнымъ дозволить новое изданіе стихотвореній Гнѣдича вполнѣ, съ исключеніемъ только стихотвореній: «Къ кающейся грѣшницѣ» и «Эпиграмма», по его мнѣнію довольно неумѣстныхъ, такъ какъ въ послѣдней заключается острота надъ помѣщикомъ, разорившимъ своихъ крестьянъ благотворительнымъ учрежденіемъ, а въ первомъ—шутка надъ покаяніемъ дамы. С.-Петербургскій попечитель признавалъ возможнымъ исключить одну только первую изъ числа означенныхъ пьесъ.

14-го марта 1852 года князь Ширинскій-Шихматовъ въ докладѣ государю изъяснялъ, что статсъ-секретарь у принятія прошеній препроводилъ къ нему, по высочайшему повелѣнію, прошеніе двухъ с.-петербургскихъ книгопродавцевъ, Беллизара и Гауера, и повѣреннаго трехъ московскихъ книгопродавцевъ: Урбена, Готье и Рено, въ которомъ они, описывая затруднительное положеніе торговли иностранными книгами, просятъ воспретить производство этой торговли людямъ, не могущимъ представить доказательствъ доброй нравственности и нѣкоторой степени образованія, съ назначеніемъ синдика изъ книгопродавцевъ, который давалъ-бы той торговлѣ направленіе, согласное съ видами правительства; при томъ освободить отъ платежа взимаемой нынѣ пошлины если не всѣ вообще, привозимыя изъ-за границы книги, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ книгъ, которыя не будутъ освобождены отъ платежа пошлины, брать ее въ цензурѣ, а не въ таможняхъ взимая съ сихъ послѣднихъ пошлину только за переплетъ.

Князь Ширинскій-Шихматовъ находилъ это ходатайство неосновательнымъ и неудобоисполнимымъ. Первое ограниченіе онъ признавалъ лишь за желаніе устранить изъ книжной торговли природныхъ русскихъ; выдачу книгъ изъ таможенъ считалъ нисколько не стѣснительною для книгопродавцевъ, ибо она производится всегда безъ замедленія; равно признавалъ и пошлину для нихъ вовсе не затруднительною, потому что они прибавляютъ пошлинныя деньги къ продажной цѣнѣ книгъ; а на пошлину за запрещенныя книги также не могутъ жаловаться, такъ какъ, при высылкѣ ихъ за границу, пошлина возвращается каждому по принадлежности, и т. д. Принимая все это во вниманіе, а также и то, что изъ 14-ти с.-петербургскихъ и 5-ти московскихъ книгопродавцевъ въ прошеніи приняли участіе только 5, и что ни рижскіе, ни ревельскіе, ни дерптскіе, ни митавскіе, ни виленскіе, ни кіевскіе, ни одесскіе книгопродавцы вовсе не домогаются отмѣны пошлины съ привозимыхъ изъ-за границы книгъ и не просятъ ни о какомъ другомъ измѣненіи существующаго нынѣ порядка, министръ полагалъ, что прошеніе Беллизара и Гауера не заслуживаетъ вниманія. Это мнѣніе получило высочайшее утвержденіе.

Что касается выдачи иностранныхъ запрещенныхъ книгъ, въ видѣ исключенія, привилегированнымъ личностямъ, то она была, въ этотъ періодъ времени, крайне не значительна.

Въ заключеніе настоящаго обзора дѣятельности цензурнаго вѣдомства за этотъ періодъ времени, слѣдуетъ упомянуть, что въ это время пересматривался, но не получилъ окончательнаго утвержденія, цензурный уставъ, во всѣхъ его частяхъ, а 19-го іюля 1850 года высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о томъ, что въ цензоры должны быть опредѣляемы только чиновники, получившіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или инымъ способомъ пріобрѣтшіе основательныя свѣдѣнія въ наукахъ, если они при томъ достаточно ознакомлены съ историческимъ развитіемъ и современнымъ движеніемъ отечественной или иностранной словесности, смотря по назначенію каждаго, и въ продолженіе занятія этой должности не нести, вмѣстѣ съ нею, никакихъ другихъ обязанностей. Вмѣстѣ съ этимъ увеличенъ вообще штатъ цензурнаго вѣдомства, на который ассигновано 104.324 р. 92 к. въ годъ.

9-го мая 1853 года князь Ширинскій-Шихматовъ умеръ, послѣ непродолжительной болѣзни, и мѣсто его заступилъ бывшій его товарищъ, тайный совѣтникъ Норовъ, управлявшій министерствомъ съ 6-го апрѣля, и утвержденный въ званіи министра 11-го апрѣля 1854 года. Оставшись въ этомъ званіи уже до конца царствованія императора Николая I, новый министръ не ознаменовалъ своего управленія ничѣмъ особенно примѣчательнымъ по цензурному вѣдомству.

Обзоръ этого періода мы начнемъ, какъ и предыдущій, сообщеніями Комитета 2-го апрѣля.

28-го мая 1853 г. генералъ Анненковъ писалъ, что въ числѣ книгъ, изданныхъ въ 1851 и въ 1852 годахъ въ Казани на восточныхъ языкахъ, находятся: а) «Молитва всеискупающая» и стихи алкорана о единствѣ Бога, на арабскомъ языкѣ, съ описаніемъ, на татарскомъ языкѣ, пользы, получаемой отъ этой молитвы; б) «Разсказъ попугая», на турецко-татарскомъ языкѣ. Первая изъ этихъ книгъ сопровождается разсказомъ о томъ, какъ одинъ безнравственный человѣкъ, занимавшійся при жизни воровствомъ, разбоемъ и предававшійся пьянству и другимъ порокамъ, успѣлъ передъ смертью прочесть эту молитву, и все ему было прощено, и что и другіе, если также будутъ поступать, то и имъ простятся грѣхи. Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что подобное ученіе, къ какому бы оно исповѣданію ни относилось, не только не принесетъ никакой пользы для нравственности вѣрующимъ въ оное, но, напротивъ, можетъ отклонить отъ всякаго стремленія къ своему исправленію тѣхъ, кои предаются порокамъ и даже покушаются на злодѣяніе, такъ какъ, по толкованію молитвы, одного прочтенія ея въ предсмертный часъ достаточно для искупленія грѣховъ цѣлой жизни. Во второй книгѣ «Разсказъ попугая» помѣщенъ разсказъ о плотникѣ и золотыхъ дѣлъ мастерѣ, которые, придя въ Константинополь, притворились набожными монахами, и когда христіанскіе монахи, повѣривъ имъ, поручили ихъ надзору одинъ изъ своихъ храмовъ, то они украли оттуда драгоцѣнный образъ, а народъ увѣрили, что ликъ святаго, оскорбившись ихъ ненабожностью, ушелъ на небо жаловаться Іисусу Христу. Этотъ разсказъ по нелѣпости своей и нѣкоторой ироніи надъ вѣрованіями церкви въ св. иконы вовсе не слѣдовало пропускать въ печать, почему Комитетъ и испрашивалъ разрѣшенія государя на сообщеніе этихъ замѣчаній Норову, для поставленія въ виду лицъ, цензуровавшихъ тѣ книги, неосмотрительность ихъ, и предостереженіе на будущее время.

На журналѣ Комитета послѣдовала 25-го мая высочайшая резолюція: «Справедливо».

20-го іюня 1853 года статсъ-секретарь баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ 1852 году вышла въ печати, въ Москвѣ, «Логика или наука о законахъ мышленія», профессора Тульской семинаріи, протоіерея Смирнова, и Комитетъ 2-го апрѣля, встрѣтивъ въ изложеніи этой книги, мѣстами весьма нелѣпомъ, нѣкоторыя неумѣстныя выраженія, спрашивалъ черезъ синодальнаго оберъ-прокурора, графа Протасова, мнѣніе по этому предмету Св. Синода. Изъ числа замѣченныхъ Комитетомъ мѣстъ сочинитель, для объясненія понятія о недѣлимой или численной разности предметовъ, приводитъ слѣдующій примѣръ: «Разли-

чіе между Александромъ I, россійскимъ императоромъ, и Наполеономъ французскимъ, есть различіе численное или недѣлимое». Въ другомъ мѣстѣ, желая объяснить неправильныя дѣленія, авторъ говоритъ, что таково было бы, напримѣръ, дѣленіе людей по рогамъ и духовныхъ существъ по цвѣту, тогда какъ первые не имѣютъ роговъ, а вторые цвѣта. Св. Синодъ, разсмотрѣвъ указанныя Комитетомъ мѣста, нашелъ первое неприличнымъ, а второе несообразнымъ съ свойствомъ самаго даже неправильнаго дѣленія. Впрочемъ, послѣднее мѣсто подлежитъ, по мнѣнію Св. Синода, собственно критикѣ, равно какъ и другія, замѣчаемыя въ книгахъ погрѣшности противъ науки и языка. Комитетъ полагалъ эти замѣчанія и заключеніе Св. Синода сообщить Норову, для поставленія на видъ цензору невнимательность его при пропускѣ перваго изъ вышепрописанныхъ мѣстъ.

На журналѣ Комитета послѣдовала 17-го іюня высочайшая резолюція: «Исполнить».

20-го іюня 1853 года баронъ Корфъ писалъ, что въ 1851 году напечатана въ Казани, на турецкомъ языкѣ, книга подъ заглавіемъ «Уствани», содержащая въ себѣ сущность вѣрованія суннитовъ, и тутъ, между прочимъ, сказано: «Тотъ, кто называетъ нынѣшнихъ властителей справедливыми, есть отступникъ отъ вѣры (гяуръ)». Комитетъ 2-го апрѣля, находя выраженіе это предосудительнымъ и могущимъ имѣть вредное вліяніе, полагалъ предоставить Норову учинить распоряженіе, чтобы изъ будущихъ изданій книги «Уствани» слова эти были исключены.

На журналѣ Комитета послѣдовала 17-го іюня высочайшая резолюція: «Справедливо».

21-го ноября 1853 года Анненковъ писалъ, что оберъ-пасторъ Беркгольцъ, въ брошюрѣ своей: «Kirchliche Reise-Erinerungen aus dem Sommer 1852», даетъ очень благонамѣренный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ политическимъ устройствомъ евангелической церкви за границей; но, при разсужденіяхъ о дѣлѣ реформаціи въ XVI вѣкѣ, ссылается на одно мѣсто изъ сочиненія Прудона: «La revolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre», въ Россіи безусловно запрещеннаго, хотя выписанное изъ Прудона мѣсто также не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, и пасторъ Беркгольцъ могъ сдѣлать эту выписку въ бытность его за границей; но, имѣя въ виду послѣдовавшую, въ 1849 году, высочайшую волю, чтобъ не позволять у насъ никакихъ критикъ, какъ бы онѣ ни были благонамѣренны, на книги и сочиненія запрещенныя, Комитетъ 2-го апрѣля полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія сообразить, не слѣдуетъ-ли сдѣлать общее по цензурѣ распоряженіе, или даже ввести въ законъ, чтобы, примѣняясь къ упомянутой высочайшей волѣ, не было въ книгахъ, у насъ издаваемыхъ, допускаемо никакихъ ссылокъ или выписокъ изъ

такихъ книгъ иностранныхъ, которыя подвергнуты въ Россіи безусловному запрещенію.

На журналѣ послѣдовала 19-го ноября высочайшая резолюція: «Справедливо».

Годъ спустя (26-го ноября 1854 года) Норовъ сообщилъ Комитету, что главное управленіе цензуры разсуждало: 1) что въ издаваемыхъ въ Россіи книгахъ ссылки на безусловно запрещенныя иностранныя книги и выписки изъ нихъ, если въ самыхъ ссылкахъ и выпискахъ нѣтъ ничего предосудительнаго, не могутъ имѣть никакого вреднаго вліянія на читателей и, слѣдовательно, запрещать ихъ не приноситъ пользы; 2) что совершенно предупредить дѣланіе ссылокъ на безусловно запрещенныя иностранныя книги и выписокъ изъ нихъ нѣтъ практической возможности, потому что указанія вообще на новыя книги часто дѣлаются прежде разсмотрѣнія цензурою самыхъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя впослѣдствіи только подвергаются запрещенію, и такія указанія въ особенности часто берутся изъ иностранныхъ періодическихъ изданій, которыя почти исключительно присылаются по почтѣ и одобряются почтовою цензурою; 3) что возложеніе на цензоровъ обязанности исключать изъ разсматриваемыхъ ими рукописей и предназначаемыхъ къ новому изданію книгъ всѣ ссылки на безусловно запрещенныя иностранныя книги и выписки изъ нихъ составило бы трудъ, свыше всякой мѣры обременительный и большею частью безуспѣшный; ибо они должны были бы, при каждой ссылкѣ, при каждой выпискѣ, каковыхъ бываетъ весьма много, обращаться для справокъ къ каталогамъ запрещенныхъ иностранныхъ книгъ, число каковыхъ, издаваемыхъ дополнительно каждый мѣсяцъ, весьма значительно и должно безпрерывно умножаться; а какъ книгамъ, позволеннымъ цензурою, еще вовсе не издано каталоговъ, то цензоры, не найдя искомыхъ книгъ въ реестрахъ книгамъ запрещеннымъ, будутъ недоумѣвать, принадлежать-ли онѣ къ позволеннымъ или еще неизвѣстнымъ цензурѣ. Это затрудненіе увеличится еще, если принять въ соображеніе, что иностранной цензурѣ извѣстна только часть иностранныхъ книгъ, а между тѣмъ встрѣченныя цензоромъ ссылки и выписки могутъ относиться къ такимъ запрещеннымъ книгамъ, которыя вовсе не ввозятся въ Россію; цензоры же, занимающіеся чтеніемъ произведеній русской литературы, могутъ быть весьма мало ознакомлены съ подобными произведеніями заграничными. Необходимымъ слѣдствіемъ такого недоумѣнія и крайне затруднительнаго положенія цензора, угрожаемаго безпрерывною опасностью впасть въ нарушеніе обязанности, будетъ: или безотчетное исключеніе изъ рукописей и книгъ всѣхъ вообще ссылокъ и выписокъ изъ иностранныхъ писателей, не представляющихъ даже ничего предосудительнаго, или тяжкая отвѣтственность за пропускъ ихъ;

4) что предполагаемая мѣра произвела бы не только замѣшательство въ цензурныхъ учрежденіяхъ, но и подѣйствовала бы вредно на самую литературу, замедляя изданіе въ свѣтъ книгъ и отсѣкая въ нихъ многое, возвышающее достоинство, полноту и занимательность изданія; 5) что по внутренней цензурѣ существуетъ уже два высочайшихъ повелѣнія, изъ которыхъ одно, послѣдовавшее въ 1848 году, достаточно ограждаетъ въ этомъ отношеніи журналы, какъ изданія, наиболѣе распространенныя въ публикѣ и потому болѣе другихъ подлежащія строгости цензуры, ибо онымъ пояснено, что запрещеніе цензурою впускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги заключаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить о ихъ содержаніи въ журналахъ, а тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или переводѣ; а другое воспрещаетъ вообще критики (разборы) запрещенныхъ книгъ. Эти высочайшія повелѣнія, сверхъ общей обязанности цензоровъ не допускать въ печать ничего неодобрительнаго въ цензурномъ отношеніи, обезпечиваютъ совершенно безвредность выписокъ и ссылокъ, сколько таковыя нынѣ еще допускаются. По этимъ соображеніямъ, главное управленіе, не находя возможнымъ изданія по этому предмету какого-либо новаго постановленія или частнаго распоряженія, полагало бы ограничиться нынѣ существующими уже по этому предмету высочайшими повелѣніями 1848 и 1849 годовъ.

Комитетъ 2-го апрѣля согласился съ этимъ заключеніемъ и представилъ его на высочайшее возврѣніе.—На докладѣ его послѣдовала 1-го декабря высочайшая резолюція: «Исполнить».

13-го марта 1854 года Анненковъ сообщилъ, что въ приложеніи къ «Памятной книжкѣ Виленской губерніи на 1854 годъ», содержащемъ сочиненіе: «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа», Комитетъ 2-го апрѣля нашелъ такія мысли и выраженія, которыя вообще нельзя признать умѣстными и приличными, особенно же въ книгѣ, изданной (какъ настоящая) учрежденнымъ отъ правительства мѣстомъ, т. е. Виленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ—и съ разрѣшенія начальства. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ: «Великій князь Витовтъ», авторъ, безъ мѣры восхваляя Витовта, говоритъ: «но при всемъ томъ Витовтъ, истинный герой своего вѣка, возвелъ Литву до такой степени могущества мудрою политикой и стремленіемъ всей своей жизни пріуготовилъ ей такое прекрасное будущее, что ежели бы Провидѣнію угодно было продлить дни его, Литва съ западною Русью навсегда оградила бы свою самостоятельность, могущество и, быть можетъ, надолго перевѣсъ надъ сосѣдственными государствами». Кромѣ того, въ отдѣлѣ народныхъ литовскихъ пѣсенъ обратили на себя вниманіе Комитета три слѣдующія:

I.

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Я думаю, что мелю не одна,
А мелю одна,
Пою одна,
Одна обращаю жернова.
Зачѣмъ ты попалъ,
Молодой юноша,
На меня, бѣдную дѣвицу?
Вѣдь ты видѣлъ,
Сердечный юноша,
Что я не сижу во дворѣ,
Но по колѣна
Въ грязи;
По плечи
Въ водѣ;
Тяжки дни мои.

II.

Кто хочетъ жить среди горя,
Проливать тяжкія слезы,
Пусть ѣдетъ и сдѣлается
Женою барщинника.
Пойдетъ на барщину
Въ красный дворъ,
Гдѣ ее въ слезахъ
Поставятъ за жернова,
Возвратится съ барщины
Назадъ изъ двора,
Неся милыя слова
И горькія слезы... и т. д.

III.

Миленькая Литува (Литва)
Дорогая свобода,
Ты скрылась въ пространствѣ небесъ,
Гдѣ жъ тебя искать?
Развѣ только на лонѣ смерти.
Пусть смотритъ, куда хочетъ, несчастный!
Взгляни на востокъ,
Взгляни на западъ:
Бѣдность, принужденіе и притѣсненіе,
Потъ отъ труда, кровь отъ ударовъ
Залили пространную землю!
Миленькая Литува,
Дорогая свобода,
Сойди съ неба—сжалься!

Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что изъ этихъ пѣсенъ первыя двѣ могутъ возбуждать враждебныя чувства между сословіями края, а вышеприведенныя выраженія въ статьѣ о Витовтѣ, и въ особенности 3-я пѣсня, вредны въ политическомъ отношеніи, возбуждая сожалѣніе о несохранившейся самостоятельности Литвы и оплакивая потерю ея свободы. Поэтому Комитетъ полагалъ предоставить министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ сдѣлать соотвѣтствующее взысканіе, какъ съ Виленскаго статистическаго комитета, такъ и съ цензора, разсматривавшаго сборникъ.

На журналѣ Комитета послѣдовала 12-го марта высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо».

14-го апрѣля 1854 года, статсъ-секретарь баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ сочиненіи М. Дмитріева: «Мелочи изъ запаса моей памяти», напечатанномъ въ VI № «Москвитянина», находятся между прочимъ разныя подробности о паденіи Сперанскаго. Между тѣмъ изъ дѣлъ Комитета 2-го апрѣля видно, что въ 1848 году, по случаю включенныхъ въ «Воспоминанія Булгарина» разсказовъ о Сперанскомъ, замѣчена была уже неумѣстность въ печати намековъ на его удаленіе и вообще на подробности такого дѣла, которое, бывъ правительствомъ до нынѣ всегда оставляемо подъ покровомъ тайны, слишкомъ еще близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало, безъ особаго призванія и, вѣроятно, безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова. Основываясь и нынѣ на тѣхъ же самыхъ соображеніяхъ, Комитетъ находилъ, что если изложенныя теперь въ «Москвитянинѣ» подробности и представляютъ, такъ сказать, фактическій разсказъ, то, однако же, и въ этой формѣ, неприлично и не должно допускать оглашенія, чрезъ печать, такихъ и столь близкихъ къ намъ событій, коихъ причины или побужденія правительство, съ своей стороны, признало за благо оставить въ тайнѣ. Вслѣдствіе того, Комитетъ полагалъ сдѣлать соотвѣтственное въ этомъ смыслѣ по цензурѣ вразумленіе, для надлежащаго на будущее время руководства.

На журналѣ Комитета послѣдовала 11-го апрѣля высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо».

18-го апрѣля 1854 года по поводу брошюры: «Паденіе Турціи», содержащей въ себѣ: 1) Пророчество, найденное на гробѣ Константина Великаго, 2) Предсказанія султана Солимана и арабскаго астролога Муста-Эддына, 3) Предсказанія Мартына Задека, баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ прежнее время подобныя статьи, какъ не содержащія въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры, проходили незамѣтно, и ни цензурное вѣдомство, ни Комитетъ 2-го апрѣля не останавливали на нихъ вниманія; но недоумѣвая, можно-ли и должно-ли по видамъ правительства статьи такого рода пропускать въ печать и

при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Комитетъ подвергалъ упомянутую брошюру на благоусмотрѣніе государя, испрашивая съ тѣмъ вмѣстѣ высочайшихъ по этому предмету указаній, для общаго по цензурному вѣдомству руководства.

На журналѣ Комитета послѣдовала высочайшая резолюція: «Лучше избѣгать, ибо пользы отъ сего нѣтъ».

20-го іюня 1854 года баронъ Корфъ писалъ, что какъ въ одномъ изъ разсказовъ дѣтской книги: «Разсказы пестрой птички», переведенной съ нѣмецкаго,—подъ названіемъ: «Прекрасная Симильда и морской царевичъ», повѣствуется о деревенской дѣвушкѣ, обольщенной морскимъ царевичемъ, то Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что такой предметъ разсказа въ книгѣ, назначенной для дѣтскаго возраста, не говоря уже о совершенной, конечно, безполезности онаго, не можетъ даже быть признанъ и приличнымъ; а сопровожденіе волшебныхъ приключеній религіозными обрядами звона колоколовъ, погребенія и молитвы предъ алтаремъ можетъ причинить смѣшеніе понятій въ дѣтскомъ воображеніи, «стоны же изъ могилы» могутъ навести оное на суевѣрные и нелѣпые страхи, всегда столь трудно потомъ истребляемые. По всему этому, Комитетъ и признавалъ не безполезнымъ поставить въ виду Комитета учебныхъ руководствъ (одобрившаго эту книгу къ печати) вышеизложенныя замѣчанія, предостеречь оный, что слѣдуетъ обращать болѣе вниманія на содержаніе и изложеніе книгъ, предназначаемыхъ для дѣтскаго возраста.

На журналѣ Комитета послѣдовала 17-го іюня высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо.

24-го мая 1854 года баронъ Корфъ писалъ, что въ книгѣ: «Русскія пословицы и поговорки, собранныя и объясненныя Ѳ. Буслаевымъ»,—трудѣ, во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ и достойномъ уваженія, являются, къ сожалѣнію, слѣдующія совершенно неумѣстныя въ печати пословицы: «Дѣти отца бьютъ, въ запасъ пасутъ.—Мила жена, какъ къ вѣнцу ведутъ, да какъ вонъ несутъ.—Слава Богу! батюшку съ матушкой схоронилъ, какъ съ поля убралъ», вслѣдствіе чего Комитетъ 2-го апрѣля полагалъ, что не безполезно было бы обратить вниманіе Норова на допущеніе въ сборникѣ Буслаева этихъ трехъ пословицъ, предоставя ему, Норову, вмѣнить цензурнымъ комитетамъ въ обязанность, чтобы они не пропускали въ печать подобныхъ поговорокъ, корыя, едва-ли имѣя какое-нибудь общее распространеніе, столь противны патріархальному чувству нашего народа, и которыя если онѣ и существуютъ дѣйствительно въ какой-нибудь отдѣльной мѣстности, не можетъ, конечно, быть пользы оглашать и вводить, чрезъ печать, какъ-бы въ общее употребленіе.

На журналѣ Комитета послѣдовала 20-го мая высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо, отнюдь не слѣдовало пропускать».

21-го іюля 1854 года баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ статьѣ «Очерки современной Турціи», помѣщенной въ «Таврическихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и заимствованной изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», излагаются слѣдующія правила мусульманскаго ученія: «Постоянная борьба съ невѣрными, постоянное преслѣдованіе ихъ силою меча, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ истреблены до одного, или покуда исламъ не будетъ распространенъ во всѣ концы міра, составляетъ священнѣйшую обязанность для мусульманъ». «Въ случаѣ войны противъ невѣрныхъ, каждый мусульманинъ, способный носить оружіе, долженъ стать подъ знамена ислама». «Всѣ мѣры, клонящіяся къ истребленію враговъ вѣры, дозволены для мусульманина во время войны». Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что если этому и учитъ Коранъ и такое ученіе могло быть указано безъ вреда въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», то отнюдь не слѣдовало какъ бы поддерживать и освящать подобныя правила повтореніемъ ихъ, безъ всякаго возраженія или замѣчанія со стороны редакціи въ правительственномъ изданіи такого края (Таврической губерніи), гдѣ большая часть населенія принадлежитъ къ исламизму; еще менѣе же слѣдовало допускать это при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ. По этимъ уваженіямъ, Комитетъ полагалъ сообщить о томъ министру внутреннихъ дѣлъ для поставленія такой неосмотрительности на видъ редакціи и цензору «Таврическихъ Вѣдомостей».

На докладѣ Комитета послѣдовала 17-го іюля высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо».

По справкѣ въ цензурномъ комитетѣ оказалось, что статья эта была, прежде печати, процензирована министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но Норовъ не сообщилъ объ этомъ Комитету 2-го апрѣля и удовольствовался сообщеніемъ настоящаго высочайшаго повелѣнія къ свѣдѣнію одесскому попечителю.

21-го же іюля 1854 года баронъ Корфъ писалъ, что въ статьѣ о хозяйственныхъ орудіяхъ на Нью-Іоркской выставкѣ, напечатанной въ майской книгѣ «Трудовъ императорскаго вольнаго экономическаго общества», авторъ, упоминая о новыхъ примѣненіяхъ электричества и гальванизма, говоритъ между прочимъ: «сюда, кажется, должно причислить весьма интересное открытіе, сдѣланное здѣсь Новакомъ, уроженцемъ изъ Славоніи, и заключающееся въ томъ, что можно переносить, въ самое короткое время, на цинковую доску все печатное типографическою чернью, какъ бы книга или картина ни была стара. Потомъ, цинковая доска даетъ оттиски, какъ обыкновенные литографическіе камни, но въ болѣе изобильномъ количествѣ. Это открытіе, кромѣ мно-

жества техническихъ приспособленій, мнѣ кажется такого свойства, что можетъ подорвать всякій банковый и ассигнаціонный кредитъ. Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что цензоръ, при пропускѣ этой статьи, поступилъ бы гораздо осторожнѣе, исключивъ послѣднія слова, чтобы не наводить черезъ журнальную статью на мысль преступной попытки. Поэтому Комитетъ полагалъ сдѣлать строгое внушеніе цензору, разсматривавшему ту статью.

На докладѣ Комитета послѣдовала 17-го іюля высочайшая резолюція: «Справедливо».

12-го августа 1854 года баронъ Корфъ писалъ Норову: «Во 2-й іюльской книжкѣ «Москвитянина» напечатаны «Два слова о письмахъ графа Ѳ. В. Растопчина, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Тихонравовымъ. Въ этихъ «двухъ словахъ», подписанныхъ М. П., т. е. Михаилъ Погодинъ, разсказывается, что онъ эти самыя письма получилъ года три тому назадъ отъ сына графа Растопчина и приготовилъ ихъ къ печати съ своимъ предисловіемъ, но не могъ ихъ издать, и они остались въ его бумагахъ. За симъ г. Погодинъ продолжаетъ: «Тихонравовъ, которому я сообщилъ о нихъ свѣдѣніе, среди разговоровъ о старой нашей литературѣ, обратился ко мнѣ съ просьбой, назадъ тому мѣсяца два, о позволеніи помѣстить нѣсколько извѣстій изъ нихъ о сельскомъ хозяйствѣ, для пополненія статьи его о графѣ Растопчинѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ эти письма, кои не могъ я напечатать въ Москвѣ, напечатанными въ Петербургѣ! Маневръ ловкій, смѣлый, англійскій. Флагъ покрываетъ грузъ. C'est une bonne prise! Надо отдать честь г. Тихонравову, который умѣлъ найти дорогу къ оригиналамъ и напечатать ихъ въ Петербургѣ! Но вотъ въ чемъ дѣло: письма имъ искажены и изуродованы, и, читая ихъ, не получаешь понятія о подлинникѣ. Г. Тихонравовъ, напечатавъ письма въ такомъ видѣ, съ пересыпкою пошлыхъ и пустыхъ разсужденій, посягнулъ, въ своемъ библіографическомъ азартѣ, на честь одного изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ новой русской исторіи и подалъ о немъ самое превратное понятіе. Это есть литературно-историческое преступленіе». Я не вхожу и не считаю себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе ни справедливости дѣлаемыхъ здѣсь г. Тихонравову упрековъ, ни степени основанія, какое имѣлъ г. Погодинъ назвать его поступокъ англійскимъ маневромъ (при принятомъ нынѣ понятіи этого выраженія), хорошимъ призомъ и проч. Но по кругу дѣйствія, возложенному высочайшимъ довѣріемъ на Комитетъ 2-го апрѣля, я нахожу прямою своею обязанностью замѣтить, что эти упреки, выходящіе изъ предѣловъ того, что принадлежитъ собственно къ дозволенной литературной критикѣ и полемикѣ, бывъ сдѣланы гласно черезъ печать и передъ всею публикою, не могутъ, и по сущности ихъ, и по

формѣ, не быть почтены за оскорбленіе Тихонравова, а въ этомъ отношеніи законы наши совершенно положительны: цензурный уставъ запрещаетъ пропускать въ печать такія сочиненія, въ которыхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями, а Уложеніе 1845 года подвергаетъ извѣстнымъ, соразмѣрнымъ степени виновности, наказаніямъ, какъ цензора, нарушившаго это правило, такъ и того, кто составилъ и распространилъ хотя и не заключающее въ себѣ прямой клеветы, но ругательное или явно оскорбительное для чести частнаго лица сочиненіе. Вслѣдствіе того, я полагалъ бы, обративъ на помѣщенную въ «Москвитянинѣ» статью г. Погодина вниманіе министра народнаго просвѣщенія, предоставить дѣло сіе, въ дальнѣйшемъ онаго ходѣ, его дѣйствію и распоряженію». Вслѣдствіе того, сдѣлано замѣчаніе московскому цензору Ржевскому.

17-го сентября 1854 года баронъ Корфъ, по поводу «Великорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ въ Саратовской губерніи» и напечатанныхъ въ № 34-мъ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», писалъ Норову, что онѣ представляютъ, почти всѣ, самую преступную и печальную сторону семейнаго быта, именно тоску и отчаяніе мужей, которымъ опостылѣли ихъ жены и которые ищутъ себѣ удовольствій и утѣшеній внѣ семейной жизни. Не обращаясь къ вопросу, точно-ли всѣ эти пѣсни суть народныя и не принадлежатъ-ли, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, къ произведеніямъ собственнаго вымысла напечатавшаго ихъ, Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что если и нѣтъ достаточной причины подвергать цензора, за пропускъ ихъ въ печать, отвѣтственности, то не излишнимъ, однако же, было бы предостеречь какъ его, такъ и вообще цензурное вѣдомство, на будущее время, что народныя пѣсни, предаваемыя печати, должны подлежать столько же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности; а потому не слѣдуетъ пропускать такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ; желательно, напротивъ, чтобы подобныя пѣсни, если онѣ точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и не обновлялись въ памяти появленіемъ ихъ въ печати, въ особенности, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

На докладѣ Комитета послѣдовала 14-го сентября высочайшая резолюція: «До такой степени скверно, что заслуживаетъ строгаго взысканія съ цензора, да и губернатору выговоръ за небреженіе. Хочу знать, кто цензоръ; посадить на мѣсяцъ на гауптвахту».

Вслѣдъ за тѣмъ, 21-го сентября, баронъ Корфъ увѣдомилъ Норова конфиденціальнымъ письмомъ, что на докладной запискѣ его, Корфа, коею доведено было до свѣдѣнія государя, что вышеозначенныя пѣсни пропустилъ въ печать директоръ училищъ Саратовской

губерніи, Мейеръ, послѣдовала, 19-го сентября, высочайшая резолюція: «министру народнаго просвѣщенія донести, можетъ-ли онъ, по сему образчику своей глупости, или нерадѣнія, быть еще достойнымъ такого довѣрія».

Министръ народнаго просвѣщенія, въ докладѣ 25-го сентября, изъяснилъ, что Мейеръ имѣетъ за собою неоспоримыя отличныя заслуги по службѣ, но, не смотря на то, по важности упущеній, замѣченныхъ нынѣ въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», онъ, министръ, устранилъ Мейера отъ цензурной обязанности, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы, вслѣдъ за объявленіемъ ему ареста, даровать ему всемилостивѣйшее прощеніе; что же касается до обращенія губернскихъ вѣдомостей къ прямому ихъ назначенію газетъ мѣстныхъ, безъ всякаго литературнаго характера, то онъ, министръ, войдетъ о томъ въ соглашеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

На этомъ докладѣ послѣдовала 26-го сентября высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Вслѣдствіе же ходатайства министра финансовъ, Брока, высочайше разрѣшено не объявлять предсѣдателю Саратовской казенной палаты, статскому совѣтнику Гану (управлявшему Саратовской губерніею), выговора за помѣщеніе въ тамошнихъ вѣдомостяхъ безнравственныхъ пѣсенъ. Наконецъ, вопросъ о составѣ и программѣ губернскихъ вѣдомостей разрѣшенъ не ранѣе февраля 1855 года, когда высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Комитета министровъ положено: «въ части неоффиціальной могутъ быть помѣщаемы относящіяся до мѣстности свѣдѣнія и матеріалы географическіе, топографическіе, историческіе, археологическіе, статистическіе, этнографическіе и проч., о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ губерніи и т. д. Сообщаемыя же въ неоффиціальной части извѣстія, свѣдѣнія и матеріалы не должны облекаться въ формы такихъ литературныхъ статей, въ которыхъ обыкновенно имѣетъ мѣсто вымыселъ или не принадлежащая къ самому предмету обстановка, каковы: повѣсти, разсказы и т. п.».

19-го декабря 1854 года баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ «Руководствѣ къ познанію новой исторіи», Смарагдова, напечатанномъ 4-мъ изданіемъ, Комитетъ 2-го апрѣля остановился на слѣдующихъ мысляхъ и выраженіяхъ: идея политическаго равновѣсія представляется какъ «главное правило практической политики, состоящее въ томъ, чтобы совокупными силами слабѣйшихъ державъ отнять у сильнаго государства возможность вредить чьей-либо самостоятельности».—«Морскія державы по необходимости сдѣлались охранительницами политическаго равновѣсія: онѣ знаютъ, что переусиленіе какой-нибудь одной державы угрожаетъ главнымъ условіямъ ихъ собственнаго существованія, мореплаванію и торговлѣ».—«Человѣку суждено достигнуть цѣли

только путемъ опыта и заблужденія». «Революція возбудила дремавшія силы Англіи, породила таланты и героическіе характеры, которые наполнили и море и сушу славою своихъ подвиговъ». О французской революціи говорится, что «характеръ ея—чисто политическій, борьба философскихъ правъ времени противъ права историческаго, теоріи противъ опыта» и проч. По порученію Комитета 2-го апрѣля, баронъ Корфъ просилъ увѣдомить: можно-ли считать полезнымъ и умѣстнымъ включеніе подобныхъ мыслей въ руководство, предназначенное для среднихъ учебныхъ заведеній, и не должно-ли независимо отъ внушенія самому преподавателю (что̀ не входитъ въ кругъ дѣйствій Комитета) сдѣлать, за пропускъ этихъ мыслей въ печать, замѣчаніе цензору? На это министръ Норовъ отвѣчалъ (28-го декабря), что всѣ пять замѣченныхъ Комитетомъ мѣстъ неумѣстны въ учебной книгѣ, иныя по примѣнимости къ нынѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ, другія—по поводу, который они могутъ дать ученикамъ къ превратному понятію мысли, выраженной не съ дурною цѣлью. Мѣста 1-е и 2-е находятся въ прежнемъ изданіи этой книги, чрезъ это явствуетъ, что сочинитель не имѣлъ цѣлью примѣнить ихъ къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ; въ 3-мъ мѣстѣ мысль, отдѣльно взятая, совершенно ложна, но, въ связи съ предыдущимъ, гдѣ сказано, что просвѣщеніе сбрасываетъ съ себя оковы схоластики, обнаруживается, что тутъ идетъ рѣчь о заблужденіяхъ схоластиковъ; въ 4-мъ мѣстѣ авторъ безъ сомнѣнія хотѣлъ сказать, что ужасы революціи возбудили дремавшія силы тѣхъ государственныхъ людей, которые стремились упрочить порядокъ, и доказательствомъ того служитъ явное порицаніе Кромвеля, высказанное предъ тѣмъ, но авторъ выразился превратно; въ 5-мъ случаѣ такое же, дающее поводъ къ двусмысленности мѣсто, ибо слѣдующее за тѣмъ выраженіе: «борьба утопическихъ мечтаній противъ дѣйствительности» показываетъ, что авторъ не имѣлъ дурныхъ намѣреній. Почему онъ, министръ, согласно съ мнѣніемъ Комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, поставилъ на видъ цензору означенной книги быть впредь осмотрительнѣе, а по опредѣленію главнаго правленія училищъ, руководство Смарагдова положено, по его посредственности, вывести изъ употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ и замѣнить другимъ.

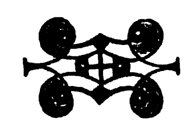
Въ концѣ 1854 года Норовъ вошелъ къ государю съ докладомъ, въ которомъ излагалъ неудобства существующаго порядка высшей цензуры. 28-го декабря 1854 года статсъ-секретарь Танѣевъ, возвращая министру его докладную записку (въ дѣлѣ не находящуюся), присовокупилъ, что на ней послѣдовала 27-го декабря слѣдующая высочайшая резолюція: «Полагаю не измѣнять существующаго порядка, но васъ назначить членомъ Комитета 2-го апрѣля, чѣмъ большая часть нынѣшнихъ неудобствъ отстранится». Понятно, что вслѣдствіе того,

первоначально данный Комитету 2-го апрѣля характеръ существенно измѣнился и что сношенія съ нимъ министерства народнаго просвѣщенія должны были сократиться такъ, что въ послѣдніе мѣсяцы царствованія императора Николая ихъ уже встрѣчается всего только одно, да и то заключало въ себѣ новое законоположеніе, увеличивавшее кругъ дѣятельности общаго цензурнаго вѣдомства и уменьшавшее таковое же Комитета 2-го апрѣля. Упомянутое законоположеніе (23-го января 1855 г.) состояло въ томъ, чтобы впредь Комитетъ принималъ къ своему разсмотрѣнію сочиненія на восточныхъ и на еврейскомъ языкахъ (вмѣсто предоставленія сего переводчикамъ по найму), собственно по тѣмъ замѣчаніямъ и соображеніямъ, которыя будутъ вносимы въ Комитетъ министромъ народнаго просвѣщенія, въ качествѣ его члена.

Хотя въ кругъ настоящаго труда не входитъ изложеніе событій царствованія императора Александра II-го, но для полноты свѣдѣній, необходимо указать на исходъ дѣятельности Комитета 2-го апрѣля.

Сперва въ апрѣлѣ 1855 года, по всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретаря барона Корфа, состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы Комитетъ вносилъ на высочайшее благоусмотрѣніе лишь дѣла наиболѣе серьезныя или же такія, при обсужденіи которыхъ произойдутъ между членами разногласія; по всѣмъ же остальнымъ дѣламъ заключенія свои приводилъ въ исполненіе собственною властію. Потомъ, въ концѣ того же, 1855 года, также по докладу барона Корфа, дѣятельность Комитета 2-го апрѣля и самое существованіе его окончательно прекращены.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу записокъ Н. Г. Залѣсова.

Въ запискахъ Н. Г. Залѣсова, помѣщенныхъ въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины», по поводу представленія государю императору генерала Романовскаго и депутаціи изъ Туркестанской области, сказано слѣдующее: «Бекчуринъ этотъ, будучи знакомъ со всѣми депутаціями, вскорѣ узналъ отъ нихъ (а можетъ и самъ ихъ научилъ), чтобы онѣ заявили государю о недовольствѣ на Романовскаго, но что слова ихъ передали наоборотъ, о чемъ какъ переводчикъ, такъ и самъ Романовскій знали заранѣе, ибо послѣднему они и прежде заявляли, что принесутъ жалобу на русское управленіе. Такого сообщенія было достаточно для Крыжановскаго, успѣвшаго довести о томъ до свѣдѣнія наслѣдника. Дѣйствительно, вскорѣ депутаты были потребованы къ его высочеству и черезъ Бекчурина заявили жалобы. Наслѣдникъ доложилъ объ этомъ государю. Романовскій былъ выставленъ обманщикомъ, и участь его была рѣшена».

Изъ этого видно: что Романовскій обвиняется во лжи, что онъ зналъ заранѣе о приносимой на него жалобѣ, и что переводчикъ умышленно перевелъ неправильно заявленіе депутаціи.

Романовскій былъ не въ ладахъ съ округомъ, и всѣ это знали. Интрига противъ Романовскаго велась очень усердно, и не мудрено, если нѣкоторые малые чины переусердствовали.

Изъ фразы, цитируемой выше, самъ авторъ записокъ не высокаго мнѣнія о Бекчуринѣ, такъ какъ онъ допускаетъ, что онъ самъ могъ подговорить своихъ соплеменниковъ на подобное заявленіе.

Если авторъ, хорошо знавшій Бекчурина, допускаетъ возможность подговора Бекчуринымъ своихъ соплеменниковъ, то отчего не допустить возможности неправильнаго перевода заявленій Бекчуринымъ при представленіи наслѣднику?

Насколько мнѣ извѣстно изъ писемъ по этому поводу отъ лица, интересовавшагося этимъ дѣломъ, и который, по обстановкѣ своей, могъ знать все это болѣе подробно, дѣло произошло такимъ образомъ:

При первомъ представленіи депутаціи наслѣднику, въ присутствіи Романовскаго, находившійся при этомъ К. заподозрилъ неправильность перевода, о чемъ и доложилъ наслѣднику, который, въ виду этого, потребовалъ къ себѣ вторично эту депутацію на другой день, но безъ Романовскаго.

Объ этомъ писалось мнѣ 4-го апрѣля, а вотъ выдержка изъ письма отъ 5-го апрѣля:

«Я бы долженъ былъ по-настоящему разорвать первый листъ и начать письмо съизнова и все потому, что никогда человѣкъ не можетъ добиться правды, слушая разсказъ изъ однихъ устъ и отъ одной стороны. Я сегодня былъ у Сеидъ-Азиса [1]), который видѣлъ меня у великаго князя, а потому, вѣроятно, не побоится мнѣ высказать всю правду о случаѣ съ депутаціей у Александра Александровича. Дѣло было такъ: Александръ Александровичъ обратился съ вопросомъ къ одному киргизу, числящемуся маіоромъ нашей службы уже довольно давно. Сеидъ-Азисъ сказалъ мнѣ, что киргизскій языкъ очень безтолковъ, да и говорятъ-то они безтолково, и при этомъ привелъ, какъ образецъ безтолковости, все то, что этотъ киргизъ сказалъ Александру Александровичу. Тутъ было и величіе бѣлаго царя, и богатство края, и счастіе быть подданными нашими и, наконецъ, большая похвала Черняеву, и признаніе въ томъ, что они никогда не видали Романовскаго и не знаютъ его.

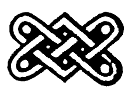
«Къ этой путаницѣ словъ онъ прибавилъ, кажется, что всѣ желали бы имѣть Черняева, но что они не прочь и отъ Романовскаго, если царь того захочетъ.

«Переводчикъ половины его рѣчи не понялъ и перевелъ только, что они желаютъ Романовскаго.

«Когда узнали, что перевели невѣрно, то это приняли за умыселъ, котораго въ сущности совсѣмъ и не было. Когда второй разъ призвали депутацію, то они стали смѣлѣе высказывать свои желанія и уже прямо объявили, что дѣйствительно весь народъ желалъ бы имѣть Черняева, а не Романовскаго [2]), хотя при первомъ представленіи объ этомъ ни слова не было сказано. Сеидъ-Азисъ мнѣ лично сказалъ, что по его мнѣнію Черняевъ далеко выше Романовскаго и что дѣйствительно народъ его желаетъ, а что ему самому рѣшительно все равно, какого ни пошли генерала, потому, что мы, торговые люди, всегда сойдемся съ русскимъ начальствомъ, которое всегда покровительствуетъ торговлѣ.

«Изъ этого видно, что простое недоразумѣніе, пустая ошибка переводчика повела къ весьма важнымъ результатамъ и даже накинула новую тѣнь на Д. И. (Романовскаго). Вотъ этотъ разсказъ, кажется, вѣренъ, а по первому можемъ судить, какъ всѣ объ этомъ дѣлѣ толкуютъ».

А. Литвиновъ.

---

[1]) Видный представитель г. Ташкента.

[2]) На этотъ разъ переводчикомъ былъ Бекчуринъ.

Соображенія гр. Ланжерона о необходимости уменьшить обширныя пространства генералъ-губернаторствъ.

Письмо графа Ланжерона [1]) къ императору Николаю I.

Одесса, 12-го іюля 1827 г.

Ваше императорское величество.

Не имѣя возможности въ настоящее время служить вашему императорскому величеству моимъ мечемъ, стараюсь послужить вамъ моимъ перомъ.

Осмѣливаюсь повергнуть на высочайшее вашего величества воззрѣніе четыре записки о различныхъ предметахъ управленія, о которыхъ семь лѣтъ опыта дали мнѣ нѣкоторыя понятія. Я легко могу ошибаться, но намѣренія мои благія, и если эти записки могутъ казаться мечтами, то по крайней мѣрѣ являются мечтами преданнаго подданнаго и ревностнаго гражданина. Записка о городѣ Керчи можетъ заслуживать внимательнаго разсмотрѣнія со стороны тѣхъ лицъ, которымъ вашему величеству угодно будетъ поручить разсмотрѣніе оной.

Но умоляю васъ бросить взоръ на остальныя три записки. Ваше величество, быть можетъ, найдете въ нихъ сильныя выраженія и рѣзкія истины, но кому же ихъ высказывать, какъ не монарху, подобному вамъ, который любитъ истину и столь достоинъ ее слушать.

---

[1]) Графъ Ланжеронъ (р. 1763 г., ум. 1831 г.), французъ по происхожденію, перешелъ на русскую службу въ 1789 году, находился при взятіи Измаила въ 1790 году, затѣмъ овладѣлъ Силистріею въ 1810 году, командовалъ корпусомъ въ 1812 году и былъ назначенъ въ 1814 году преемникомъ дюка де Ришелье по управленію Новороссійскимъ краемъ. Онъ много способствовалъ развитію г. Одессы, гдѣ въ честь его одна улица названа Ланжероновскою.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною покорностью вашего императорскаго величества нижайшій, послушнѣйшій и покорнѣйшій слуга и вѣрноподданный графъ Ланжеронъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

Записка гр. Ланжерона.

Обширность Россійской имперіи влечетъ за собою обширность тѣхъ частей, на которыя она раздѣлена въ отношеніи внутренняго управленія. Имперія дѣлится на губерніи, подобно тому, какъ Франція—на префектуры; но Россія, пространствомъ превосходящая Францію въ двадцать разъ, имѣетъ только пятьдесятъ губерній, тогда какъ во Франціи находится 80 префектуръ. Многія русскія губерніи своею площадью превосходятъ многія государства Европы, взятыя вмѣстѣ. Можно себѣ вообразить, до чего ходъ управленія долженъ быть медленъ, затруднителенъ, какъ для управляющихъ губерніями, такъ и для управляемыхъ. Высшія учрежденія находятся въ главномъ городѣ губерніи, въ отношеніи многихъ мѣстъ очень удаленномъ отъ предѣловъ губерніи, нерѣдко на разстояніи 300, 400 и даже тысячи верстъ. Какое обширное пространство должны преодолѣть обыватели, чтобы слѣдить и заботиться о своихъ интересахъ.

Губернаторы обязаны совершать путешествія утомительныя и продолжительныя для нихъ и дорого стоящія казнѣ, которая ихъ оплачиваетъ; они обязаны разъ или два въ годъ объѣзжать ввѣренныя имъ губерніи, и при этихъ быстрыхъ переѣздахъ они не въ состояніи ни всего обозрѣть, ни во все вникнуть, что было бы впрочемъ весьма полезно.

Трудно, я знаю, пособить этимъ неудобствамъ, потому что увеличеніе числа губерній и числа уѣздовъ вдвое или втрое (что мнѣ кажется необходимымъ) неизбѣжно вовлечетъ въ расходы, которые поглотятъ часть государственныхъ доходовъ; окажется необходимымъ купить или выстроить помѣщенія для новыхъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, а также помѣщенія для присутственныхъ мѣстъ, для тюремъ и т. д. Правда, это являлось бы расходомъ единовременнымъ, но онъ былъ бы значителенъ. Наконецъ, массѣ мелкихъ чиновниковъ, очень докучливыхъ, но неизбѣжныхъ въ виду столь же пагубнаго множества бумагъ, которыя надо писать [1]), необходимо было бы производить жалованье, правда незначительное въ отдѣльности въ нашей имперіи [и это также большое зло], но своимъ количествомъ являющееся тяжкимъ бременемъ для государства. При этомъ должно замѣтить, что во многихъ губерніяхъ не оказалось бы лицъ для занятія всѣхъ должностей [2]).

---

[1]) Губернскія правленія одни пишутъ ежегодно 40,50 и даже до ста тысячъ бумагъ въ годъ. Сенатъ разсылаетъ нѣсколько сотенъ тысячъ указовъ въ годъ.

[2]) Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи найдется не болѣе 6—8 лицъ, которыя могутъ быть избраны для занятія 10—12 мѣстъ по судебному вѣдомству, замѣщаемыхъ по выбору дворянства.

Но если невозможно или по крайней мѣрѣ очень затруднительно увеличить число отдѣльныхъ губерній и если признаютъ, не безъ основанія, полезнымъ подчинить ихъ генералъ-губернатору, невозможно безъ важныхъ неудобствъ, ввѣрить этимъ генералъ-губернаторамъ болѣе двухъ губерній,—и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ должно ввѣрять только одну губернію,—потому что есть губерніи, которыя по своему положенію, по своей важности или по обстоятельствамъ, временнымъ или постояннымъ, поглощаютъ все время и всѣ заботы одного лица.

Генералъ-губернаторъ обязанъ все лично видѣть. Вездѣ дѣятельный надзоръ полезенъ, но онъ въ особенности необходимъ, когда личный составъ присутственныхъ мѣстъ не заслуживаетъ никакого довѣрія и когда необходимо быстро и строго карать злоупотребленія, возникающія со всѣхъ сторонъ. Генералъ-губернаторъ обязанъ поэтому часто посѣщать ввѣренныя ему губерніи, останавливаться, смотря по ихъ важности, въ уѣздныхъ городахъ и даже въ деревняхъ. Въ состояніи-ли онъ это исполнить, хватитъ-ли у него на это времени, если онъ управляетъ тремя, четырьмя и пятью губерніями обширными и съ густымъ населеніемъ, если онъ долженъ ежегодно проѣхать четыре, шесть, восемь, и даже десять тысячъ верстъ, если ему въ годъ подаютъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ прошеній и отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ текущихъ бумагъ, которыя ему предстоитъ прочесть, указать, какіе дать на нихъ отвѣты, и затѣмъ подписать таковые. Къ этому умственному утомленію присоедините утомленіе физическое для человѣка уже въ годахъ, такъ какъ генералъ-губернаторы не могутъ быть назначены изъ молодыхъ офицеровъ.

Не буду упоминать о губерніяхъ Сибирскихъ; онѣ внѣ всякаго сравненія съ другими; я могъ бы даже сказать, что онѣ внѣ закона, который съ трудомъ до нихъ доходитъ или доходитъ въ извращенномъ видѣ; я буду говорить о внутреннихъ губерніяхъ и о важномъ мѣстѣ, которое самъ занималъ. Я былъ генералъ-губернаторомъ трехъ обширныхъ губерній, именно: Херсонской, Екатеринославской и Таврической; кромѣ того въ моемъ вѣдѣніи находились обширныя земли Черноморскихъ казаковъ и казаковъ р. Буга, также охрана границъ отъ набѣговъ черкесъ, что̀ было до крайности затруднительно и очень безпокойно. Я завѣдывалъ флотиліею для перевозки провіанта по крѣпостямъ Мингреліи, разными коммиссіями для снабженія провіантомъ войскъ, расположенныхъ въ Новороссіи, Бессарабіи, Польшѣ и т. д., также пѣхотными полками, артиллеріею, инженерными войсками, шестью крѣпостями, казаками, занимавшими кордоны таможенные и карантинные, гарнизонными баталіонами и инвалидными командами. Я управлялъ болѣе чѣмъ сотнею различныхъ колоній. Наконецъ, я былъ начальникомъ города Одессы, который, составляя отдѣльное управленіе, достав-

*

лялъ мнѣ одинъ столько же дѣлъ, какъ и всѣ прочія ввѣренныя мнѣ отрасли управленія. Всѣ земли, мнѣ ввѣренныя, составляли площадь равную Франціи, были населены десятью различными народностями и значительнымъ числомъ иностранцевъ; тутъ встрѣчалось до десяти различныхъ религій, и всѣ онѣ пользовались свободою богослуженія. Можно судить по этому объ обременявшей меня работѣ и о полной невозможности ее выполнить.

Необычайное развитіе торговли г. Одессы, балансъ которой въ первые два года моего управленія составлялъ въ пользу Россіи 102 милліона рублей (въ 1816 г.— 54 милліона и 1817 г.— 48 милліоновъ); предположенныя сооруженія для этого столь замѣчательнаго города, который 30 лѣтъ тому назадъ не существовалъ, а теперь имѣетъ 40.000 жителей; ежедневныя заботы, вызываемыя новыми учрежденіями; настоятельная необходимость соглашать или успокаивать людей, которые между собою не сходятся, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о нашихъ законахъ, нашихъ обычаяхъ и за малыми исключеніями являются отбросомъ Россіи и Европы; опасенія заразы [1]), которая въ 36 часовъ можетъ быть доставлена изъ Константинополя и пр. и пр.

Всѣ эти занятія дѣлаютъ необходимымъ и даже неизбѣжнымъ присутствіе генералъ-губернатора и поглощаютъ бо́льшую часть его времени.

Городъ Одесса, три губерніи и всѣ различныя вышеуказанныя мною обязанности дѣлаютъ сосредоточіе ихъ въ одномъ управленіи недостаточнымъ и даже пагубнымъ для блага страны; служба и интересы обывателей страдаютъ отъ него; дѣла накопляются, рѣшенія замедляются невозможностью для одного лица удовлетворить необъятности мелочей, въ особенности когда его долгъ и благо странъ, ему ввѣренныхъ, требуютъ, чтобы онъ сдѣлалъ объѣздъ въ шесть тысячъ верстъ и разсмотрѣлъ бы кромѣ того болѣе двадцати тысячъ бумагъ. Херсонская губернія, имѣя постоянныя связи и сношенія съ городомъ Одессою, не можетъ находиться въ вѣдѣніи особаго управленія; для этихъ двухъ важныхъ мѣстъ необходимъ одинъ центръ управленія и притомъ общій имъ обоимъ. Екатеринославская же губернія, отдаленная отъ нашихъ границъ на 500 верстъ, можетъ быть причислена къ внутреннимъ губерніямъ. Таврическая губернія можетъ быть также отдѣлена отъ херсонскаго генералъ-губернатора. Имѣя въ своемъ вѣдѣніи только Херсон-

---

[1]) Въ продолженіе семилѣтняго моего управленія Одессою, чума была завезена кораблями изъ Турціи—три раза, но мнѣ посчастливилось ограничить ее предѣломъ карантина, такъ что ни въ Одессѣ, ни въ губерніяхъ моихъ чумы не было. Въ теченіе одиннадцатилѣтняго управленія герцога Ришелье, моего предмѣстника, чума показалась одинъ только разъ въ 1812 году, но тогда она похитила въ г. Одессѣ и Херсонской губерніи до десяти тысячъ жертвъ.

скую губернію и г. Одессу, генералъ-губернаторъ, если онъ дѣятеленъ и усерденъ, будетъ въ состояніи исполнить всѣ возложенныя на него обязанности въ строгомъ значеніи сего слова и не опустить ничего, чтобы довести край до цвѣтущаго состоянія, указываемаго ему положеніемъ, природою, свойствомъ почвы и счастливыми обстоятельствами. могущественно дѣйствующими на его пользу. Можетъ быть, политики требовала бы присоединить Бессарабію къ тому же самому управленію, которому будетъ поручена Одесса и Херсонская губернія, но въ такомъ случаѣ получились бы опять неудобства, выше мною указанныя.

Все сказанное мною о южныхъ губерніяхъ Имперіи можетъ примѣниться и къ губерніямъ остальной Россіи.

Если необъятность Россійской Имперіи настоятельно требуетъ уменьшенія числа губерній, ввѣренныхъ одному лицу, она также требуетъ неизбѣжно увеличенія власти и правъ генералъ-губернаторовъ. Я далекъ отъ желанія доставить имъ возможность сдѣлаться маленькими тиранами подчиненныхъ, независимыми пашами, но имъ слѣдовало бы предоставить право рѣшать окончательно много дѣлъ, требующихъ быстраго рѣшенія, которое никоимъ образомъ послѣдовать не можетъ, если находишься за двѣ, три или шесть тысячъ верстъ отъ мѣстопребыванія Сената и государя императора.

Сосредоточеніе властей въ министерствахъ является вездѣ большимъ зломъ и неудобствомъ, даже во Франціи, гдѣ возможно дней черезъ восемь получить отвѣтъ отъ одного конца королевства въ другой. Это неудобство еще болѣе ощутительно въ Россіи, гдѣ множество дѣлъ, обременяющихъ министра, и его отдаленіе являются причинами, что нерѣдко проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, годъ даже, на полученіе отвѣта, часто настоятельнаго и котораго нерѣдко вовсе не получаютъ.

Присоединю къ этому и то еще, что многіе изъ важныхъ сановниковъ Россіи имѣютъ мало понятій о губерніяхъ, отдаленныхъ отъ столицы, и это не можетъ быть иначе въ столь необъятной Имперіи, какъ Россія.

Я знаю, что эта новая система не понравится министрамъ, которые ревностно охраняютъ предоставленную имъ власть и гордятся дарованными имъ преимуществами; она еще менѣе того понравится огромной толпѣ окружающихъ ихъ секретарей, письмоводителей, начальниковъ канцелярій. Но государство и частныя лица много отъ нея выиграютъ, и можно надѣяться, что этимъ внутреннее управленіе Россіи будетъ освобождено отъ злоупотребленій, его безчестящихъ и медленности, его тормозящей.

До чего незначительною властью пользуется въ Россіи генералъ-губернаторъ, котораго въ остальной Европѣ принимаютъ за неограниченнаго сатрапа,—можно видѣть изъ слѣдующаго. Во ввѣренныхъ мнѣ гу-

3.

Письмо графа Аракчеева къ московскому генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну.

10-го ноября 1824 года.

Дошло до свѣдѣнія государя императора, что помощникъ статсъ-секретаря, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Тургеневъ, получилъ вторично отпускъ для пребыванія въ Москвѣ, по случаю будто бы болѣзни матери его.

Его величество, подозрѣвая, что поводомъ таковаго г. Тургенева желанія пользоваться новымъ отпускомъ для пребыванія въ Москвѣ можетъ быть его неудовольствіе на случавшіяся въ службѣ его перемѣны и, затѣмъ, расположеніе къ какимъ-либо неблагопріятнымъ для правительства разглашеніямъ насчетъ бывшихъ здѣсь на сихъ дняхъ несчастій отъ наводненія,—высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ увѣдомить о семъ ваше сіятельство, дабы вы приняли по вашему званію секретныя мѣры, какъ къ развѣданію о семъ предметѣ, такъ и къ предупрежденію послѣдствій онаго, донеся о всемъ непосредственно его императорскому величеству въ собственныя руки.

4.

Рескриптъ князю А. Б. Куракину.

11-го ноября 1824 г.

Князь Алексѣй Борисовичъ! Бѣдствіе, постигшее С.-Петербургъ въ 7-й день сего ноября, внезапнымъ и необыкновеннымъ наводненіемъ, исполнило сердце мое горестными чувствами.

Судьбы Всевышняго праведны и неисповѣдимы. Въ глубокой покорности волѣ Его и скорбя о всѣхъ потерпѣвшихъ убытки и разстройство, правительство не можетъ вознаградить всѣ траты сего бѣдственнаго дня; но доставленіе скорой и существенной помощи наиболѣе раззоренным и неимущимъ я вмѣняю себѣ въ священный долгъ: они имѣютъ ближайшее право на отеческое мое попеченіе.

Я назначаю въ раздачу имъ безъ возврата милліонъ рублей изъ суммъ, составленныхъ отъ сбереженій хозяйственнымъ устройствомъ военныхъ поселеній.

Избирая исполнителями сей моей воли: васъ, генераловъ: графа Аракчеева, графа Милорадовича, Сукина, министра финансовъ, на-

чальника морскаго моего штаба и с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, повелѣваю изъ сихъ лицъ и изъ одной духовной особы, по назначенію первенствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ преосвященнаго митрополита Серафима, образовать подъ предсѣдательствомъ вашимъ Комитетъ о пособіи разореннымъ наводненіемъ С.-Петербурга. Комитетъ сей изберетъ еще для присутствія въ ономъ двухъ членовъ изъ здѣшняго россійскаго купечества.

Мое непремѣнное желаніе состоитъ въ томъ:

1) Чтобъ первымъ дѣломъ Комитета было доставленіе прибѣжища и содержанія лишенныхъ покрова и пищи, и вообще, чтобъ пособія изъ назначеннаго капитала оказуемы были тѣмъ единственно, для коихъ по совершенной бѣдности они необходимы.

2) Чтобъ пособія сіи вѣрно и точно доходили по назначеніямъ.

3) Чтобъ доставляемы они были скоро и безпрепятственно.

Сіи правила Комитетъ приметъ главнымъ основаніемъ своихъ дѣйствій. Чувства сострраданія, истинной любви къ ближнему, долгъ предъ Богомъ и Отечествомъ укажутъ вамъ и сотрудникамъ вашимъ во всей подробности пути, коимъ въ великомъ дѣлѣ благотворенія должно слѣдовать.

Пребываю вамъ всегда благосклонный.

5.

Письмо графа Аракчеева къ московскому генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну.

13-го ноября 1824 года.

Въ дополненіе къ изъясненному мною по высочайшей государя императора волѣ, вашему сіятельству въ письмѣ моемъ отъ 10-го дня сего мѣсяца, касательно отъѣзда отсюда въ Москву помощника статсъ-секретаря Тургенева, его величеству благоугодно было мнѣ приказать увѣдомить васъ, милостивый государь мой, что если онъ, Тургеневъ, будетъ приглашать къ вспоможенію здѣсь нынѣ претерпѣвшихъ отъ наводненія, то его величество соизволяетъ, чтобъ сіе не было возбранено, съ тѣмъ однако же, чтобы сборъ таковыхъ вспоможеній былъ произведенъ особымъ комитетомъ, который вы учреждаете въ Москвѣ подъ вашимъ предсѣдательствомъ, и чтобы составленный, такимъ образомъ, капиталъ сихъ суммъ былъ препровожденъ въ учрежденный здѣсь комитетъ, для доставленія пособій такимъ претерпѣвшимъ отъ наводненія, какъ то ваше сіятельство усмотрите изъ прилагаемаго отпечатаннаго списка, съ высочайшимъ рескриптомъ на имя дѣйствительнаго

тайнаго совѣтника князя Куракина, въ 11 день сего мѣсяца послѣдовавшаго.

Государю императору угодно, чтобы вы и о послѣдствіяхъ сего равномѣрно доносили его величеству въ собственныя руки.

6.

Высочайшее повелѣніе исправляющему должность предсѣдательствующаго въ коммиссіи финляндскихъ дѣлъ статсъ-секретарю барону Ребиндеру.

12-го декабря 1824 года, № 182.

Изъ представленнаго мнѣ вами отношенія финляндскаго генералъ-губернатора я съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ готовность сената Финляндіи на пожертвованіе въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія жителей С.-Петербурга трехъ сотъ тысячъ рублей ассигнаціями.

Принимая съ признательностію таковое человѣколюбивое предложеніе сословія высшаго правительственнаго мѣста въ Финляндіи, поручаю вамъ изъявить за оное чрезъ посредство генералъ-губернатора Закревскаго какъ членамъ финляндскаго сената, такъ и всѣмъ, въ ономъ пожертвованіи участвующимъ, мою особенную благодарность.

Относительно же предложенія хлѣбныхъ запасовъ выборгскихъ магазиновъ для помощи неимущимъ, то, по принятымъ мѣрамъ и достаточному количеству запасовъ въ столицѣ, не представляется уже въ томъ надобности.

7.

Рескриптъ московскому военному генералъ-губернатору князю Голицыну.

18-го декабря 1824 года, № 188.

Князь Дмитрій Владиміровичъ! Жители древней столицы нашей всегда отличались богоугодными подвигами человѣколюбія. Изъ письма вашего мнѣ пріятно видѣть новое тому доказательство, въ добровольныхъ значительныхъ пожертвованіяхъ Москвы, для пособія разореннымъ въ С.-Петербургѣ отъ наводненія. Я изъявляю вамъ и въ лицѣ вашемъ жителямъ ввѣренной вамъ столицы, участвующимъ въ пожертвованіяхъ, мою признательность, поручая объявить благоволеніе мое всѣмъ членамъ комитета, учрежденнаго въ Москвѣ для собиранія сихъ пожер-

твованій, за то рвеніе, съ какимъ они, по вашему засвидѣтельствованію, дѣйствуютъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

8.

Всеподданнѣйшее донесеніе А. Бенкендорфа.

10-го марта 1826 года.

Имѣвъ счастіе быть назначеннымъ въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ къ распредѣленію щедротъ его императорскаго величества жителямъ Васильевскаго острова, потерпѣвшимъ отъ наводненія 7-го ноября 1824 года, тогда же удостоился получить изустное высочайшее соизволеніе представить его величеству по окончаніи отчетъ моихъ дѣйствій. Нынѣ представя по командѣ подробный отчетъ, во исполненіе священной воли государя императора Александра I, съ благоговѣніемъ имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества краткій отчетъ о суммахъ; объясненіе всѣхъ моихъ дѣйствій и три выписки изъ книгъ, изъ которыхъ ваше императорское величество изволите усмотрѣть, на какомъ основаніи распредѣлялись или отказывались пособія.

Всемилостивѣйшій государь! Если ревностнѣйшее усердіе мое къ исполненію благотворной цѣли августѣйшаго монарха удостоится воззрѣнія вашего императорскаго величества, не отриньте всеподданнѣйшую мою просьбу о высочайшемъ вашего императорскаго величества соизволеніи на награжденіе чиновниковъ, мною по командѣ представленныхъ, которые неусыпными трудами и съ отличнѣйшимъ усердіемъ помогали къ исполненію высочайше мнѣ одѣланнаго порученія и денно и нощно трудились. Большая часть изъ членовъ комитета, оставя уже болѣе года коммерческія и домашнія дѣла свои, старались только объ исполненіи свято возложенной на нихъ должности.

Таковая милость будетъ единственная награда за безпредѣльное вѣрноподданническое усердіе имѣющаго счастіе пребыть и проч.

Приложеніе къ всеподданнѣйшему письму А. Бенкендорфа отъ 10-го марта 1826 года.

Краткое объясненіе отчета генералъ-адъютанта Бенкендорфа въ суммахъ, поступившихъ къ нему по поводу минувшаго наводненія.

А. Денежное пособіе . . . . 710.833 руб.

Денежныя выдачи первоначально производились малыми суммами, т. е. отъ 10 до 50 рублей для скорѣйшаго пособія, пострадавшимъ отъ наводненія

въ крайнихъ ихъ нуждахъ, не терпящихъ времени; а потомъ согласно съ правилами высочайше утвержденными и доставленными отъ центральнаго комитета. Всѣ сіи выдачи основаны были, какъ на помянутыхъ правилахъ, такъ и на внимательнѣйшемъ изслѣдованіи состоянія потерпѣвшихъ отъ наводненія, на числѣ семейства и на уваженіи бѣдности, особенно же достоинства августѣйшаго лица, отъ коего онѣ оказывались; потеря какъ въ движимомъ, такъ и недвижимомъ имуществѣ, по показаніямъ потерпѣвшихъ отъ наводненія, простиралась до 3-хъ милліоновъ рублей. И такъ выдача вышепоказанныхъ 710.833 руб. составляетъ только не съ большимъ четвертую часть означеннаго убытка. Но при всемъ томъ оною, можно сказать, оживотворено семействъ:

Вдовъ и супруговъ генераловъ	30	сем.
Штабъ-офицеровъ	174	„
Оберъ-офицеровъ	517	„
Разночинцевъ	1.396	„
Купцовъ	47	„
Мѣщанъ	377	„
Мастеровъ	242	„
Мастеровыхъ	114	„
Крестьянъ	101	„
Вольноотпущенныхъ	122	„
Дворовыхъ	11	„
Промышленниковъ	163	„
Артельщиковъ и дрягилей	105	„
Всего же	3.399	сем.
или	10.176	лицъ.

B. Одежда:

Купленной	25.440	руб.	60 к.
Пожертвованной по примѣрной оцѣнкѣ	20.797	„	70 „
Всего	46.238	руб.	30 к.

Одежда вся употреблена на 6.300 человѣкъ обоего пола и разнаго званія, по точнымъ словамъ 4-го отдѣленія собственноручной Высочайшей инструкціи, какъ на людей, потерявшихъ отъ наводненія все свое движимое имущество. Помянутая вновь данная имъ одежда составляла: крытые и нагольные тулупы, полушубки, шапки, обувь, платья женскія, бѣлье и проч. На нихъ же обращены и пожертвованныя разныя вещи, яко-то: сукно, тикъ и холстъ.

C. Продовольствіе пищею:

Купленнаго	15.895	руб.	11 к.
Пожертвованнаго по примѣрной оцѣнкѣ	900	„	— „
Всего	16.795	руб.	11 к.

По разстройству жилищъ, доставляемы были съ возможною поспѣшностію бѣднымъ семействамъ не только пріютъ помѣщеніемъ въ обывательскихъ домахъ, но и продовольствіе ихъ пищею, которое производилось въ покояхъ при биржевой залѣ, въ комнатахъ госпиталя Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка и въ домѣ Смоленской богадѣльни. Припасы заключались въ ржаномъ хлѣбѣ, мукѣ, соли и теплой пищѣ, коими вседневно кормлено

было въ продолженіе $1^{1}/_{2}$ мѣсяца почти до 3.300 человѣкъ, что составитъ вообще 148.500 порцій.

D. Для больныхъ	2.234 руб. 67 к.
Пожертвовано аптекаремъ	606 „ 50 „
Всего .	2.841 руб. 17 к.

Съ первыхъ дней послѣ наводненія, приглашенными медицинскими чиновниками и вольнопрактикующими врачами пользовано было въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ въ частныхъ домахъ 652 человѣка, для коихъ, по крайней ихъ бѣдности, происшедшей отъ наводненія, лѣкарства по рецептамъ медиковъ покупались изъ аптеки. Сверхъ оныхъ еще 227 человѣкъ больныхъ помѣщались въ госпиталѣ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, гдѣ они находились по іюнь мѣсяцъ 1825 г. Изъ всего же числа 879 человѣкъ больныхъ выздоровѣло 841, умерло 25, переведено въ Обуховскую больницу 10 и Калинковскую 3 человѣка.

E. Исправленіе построекъ	86.267 руб. 20 к.
Пожертвовано лѣса	5.000 „ — „
Всего .	91.267 руб. 20 к.

Разрушеніе и поврежденіе большаго числа деревянныхъ домовъ, службъ и заборовъ требовало ускорительнаго занятія къ устройству оныхъ, дабы тѣмъ отвратить какъ крайнее стѣсненіе помѣщенія людей въ уцѣлѣвшихъ домахъ, такъ и безобразность разрушенныхъ домовъ и повалившихся заборовъ. На сей конецъ приняты поспѣшнѣйшія мѣры, и потомъ очищены проспекты и улицы отъ грудъ лѣса и всякаго рода хлама, нанесеннаго водою въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, и тогда же въ 488 домахъ произведены слѣдующія главныя постройки:

1)	Домовъ весьма поврежденныхъ исправлено до совершенной удобности житья	136	
2)	Заборовъ поставлено по улицамъ и дворамъ	10.484	саж.
3)	Палисадовъ предъ домами	$706^{1}/_{2}$	„
4)	Воротъ и калитокъ	792	
5)	Крыльцъ и галлереекъ къ домамъ	267	
6)	Чулановъ, сараевъ, коровниковъ, конюшенъ и погребовъ	566	
7)	Печей новыхъ складено 315 и старыхъ починено 225. Итого	540	
8)	Рамъ новыхъ для оконъ	390	
9)	Стеколъ вставлено	4.121	
10)	Крышъ на дома новыхъ	21	
11)	Большихъ и малыхъ мостовъ	147	
12)	Мостковъ по канавкамъ предъ домами	$393^{1}/_{2}$	саж.

F. Коровъ . . . . . 46.402 руб.

Многія семейства, лишась коровъ, отъ коихъ имѣли всегдашнее свое пропитаніе, продавая молоко, приведены были сею потерею въ крайнюю нищету и бѣдность. Къ возстановленію ихъ хотя нѣкоторымъ образомъ въ

первобытное положеніе, куплено и роздано имъ 414 коровъ, кои обошлись цѣною отъ 82 до 103 руб. каждая; а дабы не затруднить помянутыхъ обывателей прокормкою коровъ въ первыхъ дняхъ, на что они по разоренному ихъ состоянію не имѣли никакихъ способовъ, выдано самобѣднѣйшимъ на кормъ каждой коровы по 25 рублей. Таковою помощію доставленъ способъ къ безбѣдному прожитію 386 семействамъ, заключающимъ въ себѣ болѣе 1.000 душъ.

G. Разный расходъ . . . . 21.400 руб. 15 к.

Въ числѣ сихъ расходовъ заключаются: поспѣшнѣйшая уборка съ улицъ и сожженіе 1.098 штукъ утопшаго скота, для предупрежденія заразы; перевозка съ проспектовъ къ берегамъ Невы казеннаго мачтоваго лѣса, винныя порціи, отпущенныя разнымъ командамъ и другимъ рабочимъ людямъ, дѣлавшимъ расчистку заваленныхъ улицъ и проспектовъ. Канцелярскіе расходы и наемъ квартиры для канцелярій моей и частнаго комитета.

Примѣчаніе. По всѣмъ вышеозначеннымъ предметамъ, въ теченіе одного года и 4-хъ мѣсяцевъ, въ канцеляріи временнаго военнаго губернатора и частномъ комитетѣ Васильевскаго острова, въ производствѣ находилось болѣе 3.000 дѣлъ, да особо комитетомъ составлено въ двухъ экземплярахъ — 10 томовъ списковъ, изъясняющихъ подробнѣйшія свѣдѣнія относительно каждаго лица, безъ чего нельзя было бы учинить рѣшительнаго вспоможенія и отклонять всѣ предъумышленія къ воспользованію сугубымъ пособіемъ.

9.

Высочайшій рескриптъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу.

16-го апрѣля 1826 года, № 107.

Александръ Христофоровичъ!

Совершенно одобряя неутомимое усердіе, съ коимъ вы исполнили волю блаженной памяти государя императора Александра Павловича и представили мнѣ отчетъ о вашихъ дѣйствіяхъ, при распредѣленіи высочайшихъ щедротъ жителямъ Васильевскаго острова, потерпѣвшимъ отъ наводненія, я съ удовольствіемъ видѣлъ изъ онаго, съ какою ревностью вы оправдали довѣренность къ вамъ его величества. Для меня тѣмъ пріятнѣе изъявить таковое мнѣніе мое, что остаюсь совершенно увѣренъ въ вашей не менѣе усердной всегдашней готовности исполнять тѣ порученія моего къ вашимъ заслугамъ вниманія, которыя на васъ нынѣ возлагаю, пребывая всегда вамъ благосклонный.

Сообщ. Н Д.

10.

Письмо С. Ѳ. Кандалинцова къ сестрѣ Е. Ѳ. Рюминой.

14-го ноября 1824 г. С.-Петербургъ.

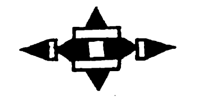
Вы, безъ сомнѣнія, милая Елена Ѳедоровна, имѣете уже нѣкоторое понятіе о бывшемъ здѣсь необыкновенномъ наводненіи, отъ котораго

большая часть города потерпѣла разореніе и нѣкоторыя части онаго, прилегающія ближе ко взморью, можно сказать, совершенно уничтожены. Всѣхъ бѣдствій и ужаса, въ которомъ были жители города въ сей день, изобразить нельзя. Ужаснѣйшая буря и слѣдовавшая за нею стремительно вода, наводнившая въ продолженіе пяти часовъ весь почти городъ, угрожала гибелью всѣмъ жителямъ, но къ счастію въ два часа по полудни измѣнился нѣсколько вѣтеръ и вода начала убывать, но нескоро могла придти въ обыкновенное свое положеніе; войдя же въ свои берега, представила другую горестнѣйшую картину разоренія и совершеннаго истребленія многихъ жилищъ, обитатели коихъ или не находили многихъ изъ своихъ родныхъ и близкихъ, или оплакивали найденные ихъ трупы.

Нельзя безъ состраданія и особаго чувства представить себѣ картину сихъ бѣдствій. Мы благодаря Бога весьма мало или вовсе ничего не потерпѣли, хоть и была на заднемъ у насъ дворѣ [1]) вода почти на полтора аршина и доходила до половины нашего двора; но Моховая наша улица и вся часть города, лежащая отъ оной къ Невскому монастырю, не была покрыта водою.

Сестра Марья Ѳедоровна, которая живетъ на Васильевскомъ острову, въ Финляндскихъ казармахъ, близъ Горнаго корпуса, на берегу Невы, бывъ окружена водою и видѣвъ всѣ ужасы этой бури, отъ страха, въ которомъ она была, и безпокойствія, чувствуетъ себя не такъ хорошо; впрочемъ, всѣ благодаря Бога здоровы.

Сообщилъ **Е. Н. Погожевъ**.

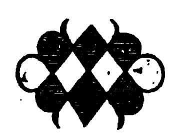
---

[1]) Въ началѣ XIX столѣтія извѣстный домъ Устиновыхъ на Моховой, гдѣ впослѣдствіи долго жилъ и скончался И. А. Гончаровъ, принадлежалъ Ѳ. Н. Кандалинцову. Сынъ его, С. Ѳ., молодой человѣкъ, описываетъ наводненіе своей сестрѣ. Владѣніе Кандалинцова доходило до Гагаринской улицы, имѣя обширный садъ съ бесѣдкой и задній дворъ. Впослѣдствіи гг. Устиновы выстроили на Гагаринской большой доходный домъ.

Православная миссія въ Америкѣ въ 1795 году.

Генералъ-маіоръ Нагель (правитель Иркутскаго намѣстничества) въ своемъ рапортѣ о состояніи Иркутской губерніи за вторую половину ноября 1795 года, между прочимъ, писалъ (отъ 1-го декабря) императрицѣ Екатеринѣ II: «За нужное нахожу всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству о полученномъ здѣсь изъ Америки съ острова Кадьяка любопытномъ извѣстіи, гдѣ имѣетъ свои заведенія морскихъ компаніоновъ покойнаго Шелехова и Голикова компанія, что отправленная туда, по высочайшему соизволенію вашего императорскаго величества, духовная свита, подъ начальствомъ архимандрита Іоасафа, совершила путь свой благополучно, и во время прошедшей зимовки на томъ островѣ начальникомъ сей свиты, реченнымъ архимандритомъ, окрещено стекшихся къ нему съ матерой земли и съ острововъ американцевъ до семи тысячъ и множество вѣнчано. Изъ сего краткаго извѣстія хотя не видно, всемилостивѣйшая государыня, того происшествія, по которому рѣшились столь желательно принимать тѣ народы святое крещеніе, стекаясь изъ отдаленныхъ странъ; но благодареніе Всевышнему, что дѣятельность проповѣди слова Божія, совершавшаяся чрезъ святѣйшія намѣренія высокомонаршей особы вашей, начинаетъ просвѣщать сердца народовъ, погруженныхъ въ вѣчномъ libraryракѣ и невѣжествѣ. Успѣхъ сей открываетъ надежнѣйшій поводъ къ непремѣнному соединенію ихъ яко уже единовѣрныхъ, ко всегдашнему къ Россіи доброхотству и къ вѣчному утвержденію владычества вашего надъ ними въ странахъ сихъ».

Сообщ. **Александръ Успенскій**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

съ человѣчьими головами, стоявшіе попарно по обѣимъ сторонамъ дворцовыхъ воротъ.

Третья глава отведена культурнымъ расамъ. Народъ, впервые насадившій въ Междурѣчьи (Месопотамія) высокую культуру, получилъ названіе шумиро-аккадьянъ. Полагаютъ, что народъ этотъ пришелъ изъ горнаго края на востокъ отъ Тигра и заналъ землю Шумиръ, т. е. южную половину Месопотаміи, и болѣе сѣверную его часть—Аккадъ. Шумиро-аккадьяне, по общему мнѣнію, принадлежатъ къ желтой расѣ, которую принято называть *туранской* или *урало-алтайской*. Низовья Тигра и Евфрата—край очень своеобразный: одну половину года почва похожа тамъ скорѣе на черную грязь, чѣмъ на землю; другую половину—она суха, какъ пыль. Шумиро-аккадьяне изрѣзали землю сѣтью канавъ и каналовъ, которые осушали ее въ мокрую пору и орошали въ сухую, вслѣдствіе чего этотъ край сдѣлался самымъ плодоноснымъ въ мірѣ. Они умѣли дѣлать кирпичи и изъ нихъ строили дворцы царямъ и храмы богамъ. На каждомъ кирпичѣ штемпелемъ печатались имя и титулъ царя строителя. Можно сказать почти навѣрно, что шумиро-аккадьяне изобрѣли письмо, вѣроятно, еще прежде, чѣмъ спустились въ Месопотамскую долину. Во всякомъ случаѣ, не найдено образчиковъ письма еще болѣе древняго. Оно состоитъ изъ прямыхъ черточекъ, изъ которыхъ составлялись разнообразнѣйшія группы; каждая группа изображала не букву, а цѣлое слово или слогъ. Съ теченіемъ времени, письмена изъ прямыхъ черточекъ обратились въ *клинообразныя*. Шумиро-аккадьяне были очень религіозны. Имъ представлялось, что мірозданіемъ управляетъ множество силъ и духовъ, которыхъ они почитали и очень боялись. Каждому изъ нихъ было отведено свое владѣніе въ природѣ.

Предметомъ *четвертой* главы служатъ семиты и начало Вавилона. Не извѣстно, когда именно, но навѣрно ранѣе 4000 л. до Р. Х., дикія, дотолѣ невиданныя племена стали прибывать въ Шумиръ и весьма скоро потянулись и въ Аккадъ. Пришельцы эти принадлежали не къ той же расѣ, какъ шумиро-аккадьяне, а къ бѣлой,—къ той вѣтви, которую зовутъ семитами. Когда они впервые появились, они были почти совершенными дикарями, но быстро переняли культуру шумиро-аккадьянъ, научились ихъ языку и письму, усвоили ихъ религію, но боговъ переименовали по-семитски. Около 3800 л. до Р. Х. прочно утвердилось обширное и сильное семитское царство, столицею котораго сдѣлался городъ Агадэ на Евфратѣ. Основателемъ этого царства былъ Шаррукинъ, обыкновенно называемый Саргономъ Древнимъ, въ отличіе отъ другаго Саргона, жившаго три тысячи лѣтъ позднѣе. Это былъ замѣчательный монархъ, о которомъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія,—онъ былъ великъ и въ войнѣ, и въ мирѣ, былъ мудрый государь и другъ всякой науки.

На Евфратѣ, недалеко отъ города Агадэ, находился городъ Тинтирки (что по-аккадски значитъ: „мѣсто жизни"; потомъ онъ былъ переименованъ въ Ка-Дингира или Ка-Димирра („ворота бога"). Городъ этотъ сдѣлался центромъ небольшаго отдѣльнаго княжества. Когда пришли семиты, они перевели имя его на свой языкъ—Баб-Илу. Таково было начало города, которому суждено было сдѣлаться однимъ изъ самыхъ богатѣйшихъ и знаменитыхъ въ мірѣ,—подъ именемъ Вавилона. Первымъ царемъ вавилонскимъ былъ Хамбураби, послѣ котораго остался замѣчательный памятникъ—полный сводъ законовъ, написанный на большой каменной плитѣ. Законы эти древнѣе всѣхъ, какіе были извѣстны до сихъ поръ: на тысячу лѣтъ древнѣе даже законовъ Моисея; въ нихъ особенно замѣчательна заботливость о бѣдныхъ, слабыхъ, беззащитныхъ и о сельскомъ хозяйствѣ; но наказанія—страшно жестокія: смерть или увѣчье.

Заключительная, *пятая* глава 1-го выпуска рисуетъ намъ картину выселенія семитовъ и образованія новыхъ государствъ.

Въ шести главахъ 2-го выпуска своего труда З. А. Рагозина знакомитъ читателей съ исторіей древняго Египта.

Н. К-ш-ъ.

Большой всемірный настольный атласъ Маркса. Изданъ подъ редакціей профессора Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго.

Передъ нами 1-й выпускъ роскошно издаваемаго атласа, который будетъ состоять изъ 62 главныхъ и 148 дополнительныхъ картъ на 53 большихъ двойныхъ таблицахъ in folio. Атласъ выходитъ въ 12 ежемѣсячныхъ выпускахъ, съ приложеніемъ пояснительнаго текста къ 8 картамъ по климатологіи, составленнаго профессорами В. Бебберомъ и В. Кеппеномъ, и при послѣднемъ—12-мъ выпускѣ—полнаго алфавитнаго списка-указателя, содержащаго около 250.000 географическихъ названій, помѣщенныхъ въ атласѣ, съ обозначеніемъ мѣста нахожденія каждаго названія.

Въ первомъ выпускѣ помѣщены: 1) Западныя и восточныя полушарія; 2) Карта Европейской Россіи (сборный листъ карты на 16 листахъ); 3) Карта Прибалтійскаго края; 4) Франція, съ дополнительными картами окрестностей Парижа, и Корсика и 5) Балканскій полуостровъ.

Нѣтъ надобности говорить о важности этого изданія, когда у насъ, въ Россіи, нѣтъ подобнаго атласа. Этотъ недостатокъ побудилъ г. Маркса предпринять изданіе большаго, всемірнаго, настольнаго атласа. Это предпріятіе сопряжено съ громадными затрудненіями, усиліями, затратою значительныхъ денежныхъ средствъ, простирающейся болѣе 100.000 руб. Не смотря на столь большую затрату, подписная цѣна назначена весьма умѣренная: за 12 выпусковъ въ Петербургѣ безъ доставки 12 руб.; а съ доставкою въ Петербургѣ и пересылкой во всѣ города Россіи—14 р.; съ пересылкою за границу—16 р. Желаемъ отъ души скорѣйшаго появленія остальныхъ выпусковъ, которые, несомнѣнно, будутъ оцѣнены по достоинству.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ФЕВРАЛЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Ивана Акимовича Никотина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подьяческая, № 39.
1904.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1904 года.

Библіографическій листокъ.

I. И. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904 г. Цѣна 3 руб.

Разсматриваемый нами сборникъ представляетъ собою окончаніе начатаго I. И. Иллюстровымъ труда систематическаго собиранія пословицъ и поговорокъ великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и инородческихъ,—начало котораго, подъ названіемъ „Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа", было напечатано первоначально въ февральской книгѣ „Юридическаго Вѣстника" за 1884 г. и затѣмъ, дополненное, издано отдѣльною книгою въ 1885 г.

Сборникъ г. Иллюстрова представляетъ несомнѣнный интересъ въ сферѣ изслѣдованій по обычному праву,—какъ сборникъ изреченій, выражающихъ понятія и воззрѣнія народа на различныя стороны правового быта, и въ жизни вообще—какъ сводъ завѣтовъ сѣдой старины и выработанныхъ вѣками, зачастую не утратившихъ своего значенія и по настоящее время, правилъ житейской мудрости.

Творенія народнаго ума выражаются въ сказкахъ, пѣсняхъ, загадкахъ, пословицахъ и поговоркахъ. Пословицы и поговорки суть выраженія вѣковой народной мудрости, заключающія въ себѣ ту или другую истину. Особенность всѣхъ этихъ произведеній народа—та, что они живутъ въ его устной рѣчи, передаются изъ рода въ родъ, отъ стараго къ малому; творцы этихъ произведеній неизвѣстны, они—созданіе цѣлаго народа, въ нихъ нѣтъ личнаго начала и относятся они ко всѣмъ людямъ одинаково.

Пословица есть краткое въ складной формѣ иносказательное народное изреченіе, заключающее въ себѣ какую-либо истину, напр.: „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ". Это опредѣленіе пословицы авторъ подтверждаетъ такимъ соображеніемъ: пословица есть изреченіе *краткое*,—въ пословицѣ нѣтъ лишнихъ словъ, мысль выражена настолько сгущенно и кратко, что изъ пословицы, какъ изъ пѣсни, слова не выкинешь.

Поговорка есть краткое въ простой формѣ народное изреченіе, выражающее истину, напр.: „береги денежку на черный день"; „вѣкъ живи, вѣкъ учись". Поговорка сходна съ пословицею въ томъ, что выражаетъ мысль сжато, кратко, иногда образно, но различается отъ пословицы тѣмъ, что выражаетъ истину прямо, просто, такъ что поговорку трудно отличить отъ пословицы, когда у послѣдней вторая часть опущена.

Пословицы затрогиваютъ различныя стороны общественной жизни и пользуются у народовъ особеннымъ уваженіемъ. Восточные народы называютъ пословицы *цвѣтомъ языка, нанизанными жемчужинами*, греки и римляне—*господствующими мнѣніями*, италіанцы—*училищемъ народа*, испанцы—*врачевствомъ души*, нѣмцы—*площадною мудростью*, англичане, французы и италіанцы—*плодами опыта*, а французы, сверхъ того, отмѣчаютъ мѣстное значеніе и силу пословицъ, говоря: „пословица въ своемъ краю пророчица". Русскіе называютъ пословицы *притчами, красными словцовъ, крылатымъ словомъ*. Вотяки называютъ пословицу *находчивымъ изреченіемъ*.

Опредѣливъ значеніе пословицъ и поговорокъ, г. Иллюстровъ подробно перечисляетъ источники, которыми онъ пользовался для своего труда. Перечень источниковъ занимаетъ 42 страницы боргеса,—что даетъ понятіе о томъ громадномъ трудѣ, который потребовался для использованія такого множества сочиненій по данному вопросу. Во всѣхъ этихъ источникахъ записано и собрано пословицъ и поговорокъ: а) великорусскихъ 113.432, б) малорусскихъ 30.431, в) бѣлорусскихъ 11.642 и г) инородческихъ 9.312, а всего 164.817. Эти цифры не могутъ опредѣлять самаго количества пословицъ и поговорокъ, такъ какъ многія изъ нихъ дословно повторяются въ нѣсколькихъ сборникахъ. Порядокъ расположенія пословицъ и поговорокъ въ этихъ сборникахъ двоякій: алфавитный и систематическій. Алфавитный порядокъ имѣетъ одно удобство: легко отыскать данныя пословицы и поговорки по начальной ихъ буквѣ, но преимущество должно быть отдано порядку систематическому, т. е. расположенію этого матеріала по предметамъ, по смыслу и значенію; здѣсь народныя воззрѣнія по поводу одного предмета являются собранными вмѣстѣ и выражаютъ народный взглядъ во всемъ его объемѣ; при такомъ порядкѣ расположенія пословицъ становится вполнѣ яснымъ иносказательный, иногда непонятный, смыслъ пословицы.

Въ разсматриваемомъ нами сборникѣ пословицы и поговорки расположены въ десяти главахъ: 1) о царѣ, 2) о служилыхъ людяхъ, 3) о сословіяхъ, 4) о бракѣ, семьѣ и роднѣ, 5) о правѣ собственности, 6) о договорахъ, 7) о благосостояніи и бѣдности, 8) о здоровьѣ и болѣзняхъ, 9) о преступленіяхъ и наказаніяхъ и 10) о судѣ. Пословицы и поговорки приведены г. Иллюстровымъ съ сохраненіемъ того правописанія, которое наблюдается въ тѣхъ сборникахъ, откуда онѣ заимствованы; если пословицы и поговорки дословно повторяются въ нѣсколькихъ сборникахъ и записяхъ, то сохранено правописаніе сборника старѣйшаго по времени составленія, а относительно дословно повторяющихся въ сборникахъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ пословицъ и поговорокъ сохранено правописаніе ихъ великорусское. Нѣкоторымъ пословицамъ даны соотвѣтствующія объясненія.

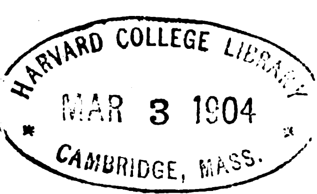
Въ концѣ сборника помѣщены алфавитные указатели: 1) именной, гдѣ указаны имена и фамиліи, встрѣчающіяся въ сборникѣ; 2) этнографическій, 3) географическій, въ которомъ указаны тѣ мѣстности, въ которыхъ записаны пословицы и поговорки, и тѣ мѣстности, про жителей которыхъ сложились пословицы и поговорки, и 4) предметный, гдѣ указаны предметы, къ которымъ относится пословицы и поговорки; при посредствѣ этого указателя легко

ИВАНЪ АКИМОВИЧЪ

НИКОТИНЪ.

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

IV [1]).

Надежды поляковъ на возстановленіе ихъ отечества.—Просьбы о томъ графа Огинскаго, кн. Чарторыйскаго, Костюшки и польскихъ дамъ.—Противодѣйствіе, встрѣченное Александромъ въ осуществленіи его идеи, и желанія поляковъ.—Мнѣнія Штейна и графа Каподистріи.—Записка Поццо-ди-Борго.—Присоединеніе къ Россіи герцогства Варшавскаго подъ именемъ королевства Польскаго.—Письмо императора Александра графу Островскому.—Дарованіе королевству конституціи.—Недовольство поляковъ.—Пребываніе государя въ Варшавѣ.—Варшавское Общество любителей наукъ.—Изданіе пѣсенъ и басенъ Нѣмцевича и ихъ значеніе для поляковъ.

Едва только русскія войска, преслѣдуя Наполеона, вступили въ тогдашнія Литовскія губерніи, какъ графъ Огинскій явился къ императору Александру съ предложеніямъ принять титулъ польскаго короля и дать обѣщаніе возстановить Польшу въ старинныхъ ея предѣлахъ. Опасаясь, что предложеніе его встрѣтитъ сильное сопротивленіе среди русскаго общества, онъ совѣтовалъ государю не обращать на это вниманія по ничтожеству общественнаго мнѣнія въ Россіи.

— Не къ публикѣ обращаюсь я,—говорилъ графъ Огинскій,—не на ея разсмотрѣніе повергаю я планъ, возможность котораго она даже не въ состояніи постигнуть.

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1904 г.

— Я не измѣнилъ своихъ намѣреній,—отвѣчалъ императоръ Александръ,—но я хочу прежде выждать окончанія борьбы.—Какъ побѣдитель, я возстановлю Польшу, потому что это согласно съ моимъ личнымъ желаніемъ и съ выгодами моего государства. Я знаю, что встрѣчу много затрудненій, но надѣюсь успѣть въ моемъ намѣреніи.

Вслѣдъ за Огинскимъ явился и князь А. Чарторыйскій, круто измѣнившій свое поведеніе. Видя успѣхи Наполеона въ началѣ военныхъ дѣйствій, Чарторыйскій писалъ императору Александру, что «ни одинъ полякъ не обязанъ и не имѣетъ никакихъ уважительныхъ причинъ жертвовать собою для русскаго правительства, которое было главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій его отечества».

Настаивая тогда на увольненіи его отъ русской службы, Чарторыйскій предупреждалъ, что если ему не будетъ дана отставка, то онъ все-таки сочтетъ свои связи съ императоромъ разорванными и присоединится къ конфедераціи.—«Что касается чувствъ привязанности, писалъ онъ, то если они говорятъ сильно съ одной стороны, то не менѣе уважительны они и съ другой, когда столько старинныхъ друзей, уважаемыхъ родственниковъ и любимое семейство внушаютъ ихъ къ себѣ.—Къ тому же всѣми признано, что личныя чувства, какъ бы они ни были почтенны, всегда и всюду должны уступать чувствамъ, которыми мы обязаны отечеству».

Онъ писалъ это въ полномъ убѣжденіи, что побѣда останется за Наполеономъ и что, для осуществленія своихъ желаній возстановить Польшу, онъ не будетъ уже болѣе нуждаться въ содѣйствіи императора Александра. Но увѣренность его не осуществилась: Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, полчища его были почти истреблены и въ декабрѣ русскія войска вступили въ Вильно. Озадаченный такимъ оборотомъ дѣлъ, князь Чарторыйскій, стараясь забыть прошлое, спрашивалъ теперь императора Александра, намѣренъ-ли онъ осуществить прежніе свои планы относительно Польши?

«Покоривъ поляковъ оружіемъ, захотите-ли вы покорить ихъ сердца? Желаете-ли вы упрочить связь между двумя націями и установить такой порядокъ вещей, котораго не поколеблютъ никакія случайности, ибо онъ обезпечитъ стремленія и благополучія побѣжденнаго народа» [1]).

Онъ отправилъ императору Александру записку о польскихъ дѣлахъ съ указаніемъ, какъ слѣдовало бы ихъ вести послѣ достигнутыхъ военныхъ успѣховъ; говорилъ о томъ, что государю необходимо совершить что-нибудь великое и прекрасное. По мнѣнію кн. Чарторыйскаго, обыкновеннымъ завоеваніемъ Польши нельзя удовлетвориться, и это значило

---

[1]) Письмо кн. Чарторыйскаго императору Александру 6-го декабря 1812 г. „Рус. Вѣст.“ 1865 № 7, 35.

бы оставить все по-старому; что возстановленіе Польши необходимо для Россіи, Англіи и для всей Европы.

— Въ случаѣ, если война будетъ продолжаться,—говорилъ Чарторыйскій,—надо сдѣлать такъ, чтобы поляки готовы были отдать свою послѣднюю копѣйку и жертвовать своею жизнью для общаго дѣла [1]).

Спустя нѣсколько дней онъ писалъ императору Александру:

«Опасаюсь съ одной стороны внушеній континентальныхъ державъ: онѣ захотятъ отклонить васъ отъ мысли, которой онѣ испугаются и которая слишкомъ прекрасна для того, чтобы ее поняли ихъ кабинеты. Съ другой стороны опасаюсь совѣтовъ лицъ, васъ окружающихъ, которыя по разнымъ соображеніямъ, быть можетъ, отнесутся къ этому плану враждебно, или, ослѣпленныя вашимъ успѣхомъ, забудутъ, что это—самое выгодное и славное средство его упрочить. Не могу себѣ представить, чтобы ваше величество, желавши, когда вы не могли, не желали теперь, когда вы можете все, чего хотите. Это такія минуты, которыя въ жизни не повторяются» [2]).

Чарторыйскій предлагалъ теперь немедленно прибыть къ Александру, чтобы защищать передъ нимъ интересы Польши, опасаясь противодѣйствія со стороны тѣхъ лицъ, которыя въ то время окружали государя.

— Вся надежда моя,—говорилъ князь императору Александру,—на ваши собственныя чувства; вы должны поступить въ этомъ дѣлѣ сообразуясь только съ своими намѣреніями. Соблаговолите вспомнить, государь, что въ вашей имперіи и между лицами, имѣющими вліяніе на ходъ дѣлъ, только вы одни отчасти расположены къ полякамъ. Ваши мысли, ваши предначертанія измѣняются значительно, по мѣрѣ отдаленія отъ васъ, тѣми, кому выпадетъ на долю исполнять ихъ. Отъ этого-то происходитъ крайняя неурядица и безпрерывныя противорѣчія во всѣхъ мѣрахъ, касающихся поляковъ. Въ то время какъ ваше величество желаете успокоить, ободрить, привлечь къ себѣ,—большая часть губернаторовъ стараются, напротивъ, озлоблять, отстранять и доводить ихъ до отчаянія. Нельзя-ли имѣть въ главной вашей квартирѣ постоянно какого-нибудь поляка, который былъ бы, такъ сказать, адвокатомъ, представителемъ своей націи, и которому поручено было бы завѣдываніе дѣлами, касающимися его страны? Я могъ бы занимать эту должность; но и всякій другой депутатъ, присланный изъ Вильны, выполнитъ ее не менѣе хорошо.

Императоръ Александръ понималъ, что князь Чарторыйскій гово-

[1]) Письмо кн. Чарторыйскаго Н. Н. Новосильцову 13-го (25-го) декабря 1812 г. „Русскій Арх." 1884 г., № 2, стр. 281.

[2]) Письмо кн. Чарторыйскаго императору Александру 15-го (27-го) декабря 1812 г. „Рус. Арх." 1871 г., стр. 843.

*

рить о губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи отъ Польши, и отвѣчалъ ему съ полною откровенностію. «Не смотря на весь блескъ моего теперешняго положенія, мнѣ предстоитъ преодолѣть огромныя трудности для того, чтобы осуществить мои планы относительно вашего отечества. И главная изъ этихъ трудностей лежитъ въ общественномъ мнѣніи Россіи. Образъ дѣйствій польской арміи въ нашихъ предѣлахъ, разграбленіе Смоленска, Москвы и вообще цѣлой страны,—все это пробудило старинную ненависть. Не слѣдуетъ забывать, что Литва, Подолія, Волынь считали и считаютъ себя до сихъ поръ русскими областями, и никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію уступить ихъ подъ владычество инаго государя, а не того, который управляетъ Россіей».

Не смотря на столь опредѣленный отвѣтъ, поляки все еще надѣялись воздѣйствіемъ на императора добиться своего. Они окружили его, слѣдовали за нимъ и призывали къ дѣятельности наиболѣе выдающихся своихъ соотечественниковъ.

Письмомъ отъ 9-го апрѣля 1814 года [1]) Костюшко просилъ императора Александра «даровать полякамъ всеобщую амнистію, безъ всякихъ ограниченій», провозгласить себя королемъ польскимъ «съ свободной конституціей, подходящей къ англійской конституціи», и тогда выражалъ готовность съ честью и преданностію служить родинѣ и «моему монарху».

«Съ особымъ удовольствіемъ,—писалъ государь [2]),—отвѣчаю на ваше письмо.—Самыя сокровенныя желанія мои исполнились, и съ помощью Всевышняго я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и почтенной націи, къ которой вы принадлежите.

«Я далъ въ этомъ торжественную клятву и благосостояніе польскаго народа всегда было предметомъ моихъ заботъ. Одни лишь политическія обстоятельства послужили преградою къ осуществленію моихъ намѣреній. Нынѣ препятствія эти уже не существуютъ, они устранены страшною, но въ то же время славною двухлѣтнею войною. Пройдетъ еще нѣсколько времени, и, при мудромъ управленіи, поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что человѣкъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, осуществитъ всѣ ихъ желанія.

«Какъ отрадно было бы мнѣ имѣть васъ помощникомъ при этихъ благотворныхъ трудахъ. Ваше имя, вашъ характеръ, ваши способности будутъ мнѣ лучшею поддержкою».

На помощь полякамъ, окружавшимъ императора Александра въ Вѣнѣ,

---

[1]) Изъ Бервиля, близъ Фонтенебло.

[2]) Отъ 3-го мая 1814 года изъ Парижа. „Русская Старина“ 1882 г. № 4, стр. 243.

явились и польскія дамы, какъ извѣстно, имѣвшія весьма большое политическое значеніе въ Польшѣ. Въ сентябрѣ 1814 года онѣ отправили императору адресъ, въ которомъ просили возстановить Польшу въ прежнихъ ея предѣлахъ.

«Да проститъ всепресвѣтлѣйшій императоръ—писали онѣ [1])—смѣлость польскихъ женщинъ, подающихъ настоящую просьбу.

«Мы видимъ въ императорѣ—Тита, Антонина, Карла Великаго и покровителя наукъ. Видя достоинства этихъ царей соединенными въ лицѣ всепресвѣтлѣйшаго императора, мы тѣмъ самымъ просимъ о ненарушимости нашего королевства.

«Провидѣніе видимо предназначило васъ совершать чрезвычайные подвиги. Среди величайшихъ политическихъ движеній и неслыханныхъ побѣдъ оно отняло у тебя мечъ и вручило тебѣ оливковую вѣтвь, дабы, шествуя съ оною на западъ, возвратить равновѣсіе Европѣ.

«Чудесное и для нашихъ земляковъ Провидѣніе привело ваше величество на ту стезю, гдѣ ты видѣлъ ихъ постоянство, вѣрность и твердость до послѣдней минуты при Наполеонѣ, пока онъ самъ не отпустилъ ихъ къ великодушному императору, дабы сей, освободивъ своимъ могуществомъ другіе народы отъ тягостнаго жребія, принялъ и ихъ подъ свое добродѣтельное покровительство, которое полагалъ онъ для нихъ (т. е. возстановленія Польши) единственною и величайшею наградою за ихъ важныя услуги.

«Всепресвѣтлѣйшій императоръ! Сжалься надъ народомъ, который достоинъ быть имъ, никогда не переставалъ существовать, славился побѣдителями, имѣлъ свой край (отечество), своихъ королей, свято охранялъ ихъ престолъ и покой, несъ вѣрную помощь чужимъ народамъ и вѣками занималъ лучшія страницы въ исторіи. Сей народъ, нѣкогда знаменитый, есть нынѣ скитающійся. Имѣнія наши пропали, главнокомандующій погибъ, мы лишились отцовъ, мужей, братьевъ,—однако и слабые остатки ихъ возвращаются не иначе, какъ въ блескѣ славы и съ оружіемъ въ рукахъ.

«Сія-то скорбь, самая ужасная для сердецъ нашихъ, не пройдетъ, пока ты, государь, благодѣтель человѣчества, не осушишь нашихъ слезъ возстановленіемъ нашего края (отечества). Соверши дѣло безсмертной славы, которое ты такъ блистательно началъ, и позднѣйшее потомство станетъ благословлять тебя.

«Съ упованіемъ повергая сію просьбу къ подножію престола твоего, всепресвѣтлѣйшій государь, остаемся къ отечеству привязанныя и великаго онаго освободителя обожающія польскія женщины».

Съ большимъ запасомъ просьбъ мужчинъ и женщинъ и съ собствен-

[1]) Въ прошеніи отъ 1-го (13-го) сентября 1814 г.

нымъ убѣжденіемъ, что конституціонная форма правленія есть наилучшая для государствъ, императоръ Александръ принялъ участіе въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Здѣсь ему пришлось выдержать упорную борьбу за осуществленіе своей идеи о возстановленіи Польши, со всѣми представителями державъ и даже иностранцами, находившимися въ русской службѣ. Принцъ Саксенъ-Кобургскій называлъ Польшу страннымъ государствомъ [1]) и противился ея объединенію.

«Всѣ начала,—писалъ Штейнъ въ запискѣ, поданной императору Александру,—входящія въ характеръ свободной націи: чистота нравовъ, уваженіе къ человѣчеству, холодный разсудокъ, просвѣщеніе; всѣ учрежденія, долженствующія лежать въ основѣ конституціи: среднее сословіе, городскія и общинныя учрежденія—имъ (полякамъ) неизвѣстны. Все заставляетъ опасаться, чтобы свобода, къ которой эта нація вовсе не приготовлена, не сдѣлалась бѣдствіемъ для нея самой, для ея сосѣдей и для державы, съ коею она должна остаться неразрывною» [2]).

Штейнъ предлагалъ дать полякамъ, принадлежащимъ Россіи, такія политическія учрежденія, которыя бы обезпечивали имъ участіе въ самоуправленіи, охранили бы ихъ отъ угнетеній, поддержали бы общественное мнѣніе и дали бы пищу ихъ дѣятельности. Учрежденіе земскихъ областныхъ чиновъ въ каждой польской провинціи послужило бы обезпеченіемъ полякамъ личной свободы, собственности, участіе во внутреннемъ управленіи и подало бы средства къ развитію въ народѣ нравственныхъ и умственныхъ силъ.

— Почему же вы,—спрашивалъ императоръ Александръ Штейна,—изъявляя постоянно либеральныя идеи, предлагаете мнѣ совершенно противное?

— Мнѣ кажется, — отвѣчалъ Штейнъ, — что каждое соображеніе должно обсуждаться въ отношеніи предмета, къ которому предполагается примѣнить его. Опасаюсь, чтобы Польша не сдѣлалась для васъ источникомъ непріятностей; ей недостаетъ средняго сословія, охраняющаго во всякой образованной странѣ понятія, нравы и имущество; вмѣсто средняго сословія тамъ видимъ невѣжественную буйную шляхту и жидовъ; подобный же недостатокъ въ среднемъ сословіи затрудняетъ ваши преобразованія и въ Россіи.

— Это правда,—отвѣчалъ государь,—но въ герцогствѣ Варшавскомъ дѣла идутъ очень хорошо.

— Не совсѣмъ... И Наполеонъ не давалъ воли полякамъ.

— Я тоже съумѣю держать ихъ въ порядкѣ,—сказалъ государь.

Графъ Каподистрія считалъ польскій народъ неспособнымъ къ сво-

---

[1]) „Русская Старина" т. XXII, стр. 493.

[2]) М. Богдановичъ „Исторія царствованія Александра", т. V, стр. 17.

бодѣ. Онъ говорилъ, что весь вопросъ о свободѣ будетъ относиться къ развращенной и развращающей знати, которой чужды основныя понятія справедливости и человѣколюбія, которая «шумитъ о независимости, а между тѣмъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти держитъ подъ страшнымъ гнетомъ рабства наибольшую часть населенія».

— Эта знать,—говорилъ Каподистрія императору Александру,—по своему своекорыстію, буйству и вѣковой враждѣ къ Россіи, никогда не оцѣнитъ вашихъ пожертвованій.

«Создавать,—писалъ пророчески Поццо-ди-Борго императору Александру [1]),—всеобщіе и постоянные интересы противъ себя есть великая политическая ошибка. Возможно-ли предполагать, чтобы ваше величество могли желать чего-нибудь, что̀ противорѣчило бы интересамъ вашей націи, которую сами же вы такъ возвеличили, открыли ей тайну ея могущества и сдѣлали ее господствующею въ Европѣ?.. Дѣйствія Россіи въ отношеніи къ Польшѣ были всегда дѣйствіями правительства сильнаго и здороваго противъ правительства слабаго и болѣзненнаго... Разрушеніе Польши, какъ политической державы, составляетъ почти всю новѣйшую исторію Россіи... Титулъ короля польскаго никогда не можетъ симпатизировать титулу императора и самодержца всей Россіи. Эти двѣ квалификаціи никогда не могутъ слиться вмѣстѣ; онѣ означаютъ вещи и предполагаютъ обязанности до того различныя, что одинъ и тотъ же государь не могъ бы соединить ихъ въ себѣ, не возбуждая недовольства въ той или другой націи или, быть можетъ, въ обѣихъ. Каковы бы ни были вначалѣ мотивы и цѣли завоеваній, но если разъ завоеванія совершились и всѣми признаны, то сохраненіе оныхъ есть уже совершенная необходимость, особенно, если, по свойствамъ и важности этихъ завоеваній, они входили въ систему основной политики государства, завоевавшаго страну. Польскія владѣнія, присоединенныя къ Россіи, находятся, по моему мнѣнію, именно въ этомъ положеніи. Отдѣлить ихъ какою-нибудь минутною мѣрой значило бы подвергнуть весь составъ и экономію государства гибельнымъ перемѣнамъ и возбудить нравственную оппозицію и раздѣленіе мнѣній, весьма вредныхъ и одинаково опасныхъ для обѣихъ націй...

«Размышляя объ этомъ событіи, умъ съ трудомъ постигаетъ возможность отдѣленія, однимъ простымъ актомъ, столькихъ провинцій отъ общей администраціи имперіи для того, чтобъ образовать изъ нихъ фактически независимое государство, которое управлялось бы, по взаимному съ нимъ соглашенію, системой свободныхъ учрежденій, само во-

---

[1]) Въ запискѣ отъ 8-го (20-го) октября 1814 г. „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г., № 1, стр. 401.

тировало бы налоги, разрѣшало бы ихъ употребленіе и могло бы создать свою армію, между тѣмъ какъ сами завоеватели были бы вынуждены удалиться и присутствовать простыми зрителями при этой революціи; трудно постигнуть, какимъ образомъ все это можетъ совершиться, безъ того, чтобъ отсюда не возникло злоупотребленій со стороны новыхъ отпущенниковъ и негодованія въ старыхъ подданныхъ.—Такой контрастъ былъ бы опасенъ во всякомъ случаѣ; но опасность эта значительно возрастаетъ вслѣдствіе рѣзкаго различія, которое установится въ положеніи русскихъ и поляковъ съ точки зрѣнія конституціонной.—Первые, сознавая свою силу и будучи дѣйствительно сильны, будутъ обречены на положеніе пассивное, тогда какъ вторые, будучи слабы и занимая положеніе сравнительно низшее, будутъ управляться свободно. Присоедините къ этому высокомѣріе торжествующаго тщеславія надъ величіемъ оскорбленнаго права,—и картина будетъ окончена.

«Легко можетъ быть, что ваше величество, въ цвѣтѣ лѣтъ увѣнчанные величайшими успѣхами и во главѣ Европы, будете въ состояніи вашимъ вліяніемъ и твердостію сдержать движенія, которыя могли бы возникнуть противъ этого новаго порядка вещей; но сдержать не значитъ погасить, и предполагая интересы и страсти двигателями сихъ предпріятій, зародыши смутъ будутъ возрастать непрерывно и будутъ воспроизводить тѣ же самыя дѣйствія при каждомъ изъ случаевъ, которые не могутъ не представиться въ ходѣ дѣлъ человѣческихъ...

«Я слишкомъ далекъ отъ мѣры желать увеличенія бѣдствія поляковъ ничѣмъ не извиняемою жестокостью. Но вопросъ не въ томъ, слѣдуетъ-ли оказать полякамъ всевозможное добро: каждый честный человѣкъ раздѣляетъ это желаніе; истинная задача для государственнаго ума заключается въ комбинаціи мѣръ благодѣтельныхъ для Польши съ общимъ интересомъ и безопасностію имперіи вашего величества. Въ глубокомъ убѣжденіи, что предлагаемый поляками планъ вредитъ и тому и другому, я высказалъ здѣсь свои мнѣнія».

Императору Александру и его преемникамъ, скоро пришлось сознать справедливость мнѣнія Поццо-ди-Борго; но во время Вѣнскаго конгресса разубѣдить его было невозможно.

— Коль скоро,—говорила графиня Эделингъ,—какое-нибудь мнѣніе засѣло у него въ головѣ, онъ держался его съ неодолимымъ упрямствомъ [1]).

Это упрямство, подкрѣпляемое совѣтами и просьбами поляковъ, въ особенности настаиваніемъ князя Чарторыйскаго, вызвало упорную борьбу императора со всѣми представителями европейскихъ державъ

---

[1]) Записки графини Эделингъ. „Русскій Арх." 1887 г. № 4, стр. 422.

на Вѣнскомъ конгрессѣ, борьбу, едва не приведшую Александра къ дуэли съ княземъ Меттернихомъ [1]).

«Императоръ Александръ,—писалъ князь Чарторыйскій [2]),—дурно окруженъ своими, тревожимый чужими, держится, однако, непреклонно. Всѣ кабинеты соединились противъ него, и никто не возвышаетъ голоса въ нашу пользу. Русскіе изрыгаютъ свое неудовольствіе и порицаютъ императора. Иностранцы и русскіе ревутъ въ одномъ согласномъ концертѣ. Они удостоиваютъ меня своею ненавистью, выставляя меня заступникомъ нашего дѣла и ближайшимъ совѣтникомъ императора. Не смотря на это изступленіе, я надѣюсь довести дѣло до изряднаго исхода».

Исходъ этотъ, съ польской точки зрѣнія, оказался не совсѣмъ удачнымъ.

По трактату, заключенному и подписанному 21-го апрѣля 1815 года между Россіею, Австріею и Пруссіею, только Варшавское герцогство было навсегда присоединено къ Россіи, Александръ принялъ титулъ короля польскаго и предоставилъ себѣ право даровать новому государству то внутреннее расширеніе, которое признаетъ за благо.

«Вообще же полякамъ, какъ россійскимъ, такъ австрійскимъ и прусскимъ подданнымъ, предположено было даровать народное представительство и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ полезнѣйшимъ и приличнѣйшимъ для него въ кругу его владѣній».

Итакъ, завѣтныя мечты императора Александра осуществились, хотя и не въ тѣхъ предѣлахъ, какъ онъ того желалъ. Тѣмъ не менѣе государь былъ такъ доволенъ, что еще за три дня до подписанія договора писалъ, 18-го апрѣля, президенту варшавскаго сената графу Островскому:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаю васъ о томъ, что участь вашего отечества наконецъ опредѣлена соглашеніемъ всѣхъ державъ, собравшихся на конгрессѣ.

«Принявъ титулъ короля польскаго, я хотѣлъ удовлетворить желаніямъ націи. Королевство Польское будетъ соединено съ Россійскою имперіею узами собственной его конституціи, на которой я желаю основать счастье страны.

«Если великій интересъ соблюденія общаго спокойствія не дозволилъ соединить всѣхъ поляковъ подъ однимъ скипетромъ, то я по

---

[1]) „Русская Старина", т. 54, стр. 639.

[2]) Польскія интриги. „Русскій Вѣстникъ" 1865 г., № 7-й, стр. 44-я.

крайней мѣрѣ старался смягчить, насколько возможно, суровость ихъ разъединенія и доставить имъ повсемѣстно мирное пользованіе ихъ національностью.

«Прежде, нежели выполненіе остающихся формальностей дозволитъ обстоятельно обнародовать всѣ статьи, касающіяся окончательнаго устройства дѣлъ Польши, я желалъ васъ перваго извѣстить самъ о содержаніи этихъ мѣръ, при чемъ я разрѣшаю вамъ съ сущностью этого письма ознакомить вашихъ соотечественниковъ.

«Примите увѣренія въ искреннемъ моемъ уваженіи. Александръ».

Письмо это было объявлено въ Варшавѣ 9-го (21-го) мая 1815 года, а четыре дня спустя, и именно 13-го (25-го) мая, утверждены Основныя начала польской конституціи, подписанныя, кромѣ императора Александра, Ланскимъ, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ, Ѳомою Вавржецкимъ, княземъ Ксаверіемъ Друцкимъ-Любецкимъ и государственнымъ референтомъ Шанявскимъ. Составленіе же подробной конституціи было поручено особому комитету подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго.

Основы конституціи были отправлены въ Варшаву при слѣдующемъ манифестѣ отъ 13-го (25-го) мая, на польскомъ языкѣ, который мы приводимъ здѣсь въ переводѣ на русскій языкъ.

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ I

Божіею милостію Самодержецъ всея Россіи, Король Польскій и пр. и пр. и пр.

«Война, начатая для порабощенія міра и перенесенная въ наше отечество, привела побѣдоносную Россію и Европу къ воротамъ Парижа. Съ этой минуты мы имѣли справедливую надежду, что увидимъ независимость народовъ, утвержденную на основахъ справедливости, умѣренности и либеральности, что военный деспотизмъ будетъ вычеркнутъ народами изъ книги законовъ гражданскихъ и политическихъ.

«Конгрессъ въ Вѣнѣ былъ созванъ для выполненія этихъ надеждъ и предоставленія благодѣяній прочнаго мира всѣмъ народамъ, перенесшимъ тяжесть столькихъ бѣдствій. Но для достиженія столь благодѣтельнаго намѣренія, необходимо, чтобы каждый народъ подчинилъ свои интересы и права интересамъ всей Европы и готовъ былъ принести новыя жертвы для общаго блага. Въ виду этихъ высшихъ предначертаній, принято рѣшеніе о судьбѣ польскаго народа. Забота о собственномъ благосостояніи побуждаетъ народы къ защитѣ общаго дѣла. А дѣло идетъ о допущеніи поляковъ въ среду народовъ, въ обезпеченіи имъ свободнаго пользованія благами нравственными и политическими,

которыя составляютъ драгоцѣнное наслѣдство и постоянное стремленіе цивилизованныхъ народовъ.

«Но, работая надъ возрожденіемъ новаго начала въ системѣ европейскихъ государствъ, нельзя было дѣла польскія вести отдѣльно. Счастіе каждаго народа отдѣльно и благо общее не допускали рѣшенія, могущаго вредить общей безопасности и равновѣсію. Благоразумная политика, уроки прошлаго и самая религія, указывавшая намъ на долгія страданія народа, возлагали на насъ святую обязанность, чтобы мы, не щадя никакой жертвы, обезпечили свѣту миръ и охранили Европу отъ новыхъ бѣдствій.

«Поляки! Намъ пріятно цѣнить благородство вашихъ чувствъ и неизмѣнность стремленій, никогда не имѣвшихъ другихъ цѣлей, какъ только возрожденіе отечества, которое вы любите болѣе всего. Горячность вашихъ желаній часто отдаляла васъ отъ предпринятаго спасительнаго намѣренія и бросала на дорогу, не приводившую къ нему.

«Но минули ошибки и неизбѣжныя отъ нихъ бѣдствія. Нами всегда руководило великодушіе даже для виновныхъ, прощеніе, искреннее забвеніе прошлаго и желаніе уничтожить самые слѣды вашихъ страданій, даруя дѣйствительное счастіе.

«Условія заключеннаго въ Вѣнѣ трактата обезпечиваютъ вашъ народный бытъ и многія преимущества, которыми будете пользоваться, переходя подъ нашу державу.

«Поляки! Новыя связи будутъ соединять васъ навсегда съ народомъ великодушнымъ, который, по старымъ родственнымъ связямъ съ вами, по своему геройству, достойному равняться съ вашимъ, по славному и общему названію славянскаго народа, охотно войдетъ съ вами въ братскія сношенія. Конституція и неизмѣнный союзъ соединятъ васъ съ судьбами монархіи, которая слишкомъ велика, чтобы желать увеличенія, и не можетъ держаться иныхъ правилъ, кромѣ имѣющихъ въ основѣ справедливость и свободу. Съ этихъ поръ вашъ патріотизмъ, наученный опытностію, направляемый благодарностью, найдетъ въ народныхъ учрежденіяхъ цѣль, способную захватить всю его дѣятельность. Конституція примѣнена къ мѣстнымъ потребностямъ вашего края и къ вашему характеру; сохраненіе языка, пополненіе общественныхъ должностей, полная свобода торговли, легкость сношеній съ областями, оставшимися подъ чужимъ господствомъ, народное войско;—однимъ словомъ, вамъ открыты всѣ пути для прогрессивнаго увеличенія вашихъ правъ, возрастанія вашей промышленности и распространенія просвѣщенія между вами. Таковы преимущества, которыми вы будете пользоваться подъ державой нашей и нашихъ наслѣдниковъ; изъ этихъ преимуществъ составится то вѣчное наслѣдство, которое вы завѣщаете вашимъ потомкамъ.

«Это новое государство—есть королевство Польское. Имя столь желанное, давно уже призываемое всѣми вашими желаніями и всѣми усиліями, и за которое вы пролили столько крови.

«Для избѣжанія затрудненій, явившихся изъ-за обладанія Краковомъ, мы подали мысль, чтобы этотъ городъ остался свободнымъ и нейтральнымъ. Область его будетъ находиться подъ охраной трехъ дружескихъ государствъ, познаетъ счастіе мира, посвятитъ себя наукѣ, искусству и торговлѣ. Она станетъ памятникомъ великой по мысли политики, памятникомъ, поставленнымъ въ томъ самомъ городѣ, надъ которымъ парятъ воспоминанія о славныхъ старыхъ польскихъ дѣяніяхъ и гдѣ почіютъ останки вашихъ лучшихъ королей.

«Наконецъ, чтобы увѣнчать дѣло, встрѣтившее столько препятствій, рѣшено, чтобы народность вашихъ братьевъ, остающихся въ подданствѣ Австріи и Пруссіи, была предоставлена опекѣ и гарантіи настоящихъ правительствъ.

«Поляки! не было другаго способа обезпечить ваше народное благосостояніе. Нужно было сохранить вамъ родину, которая не могла бы болѣе дѣлаться поводомъ зависти, безпокойства сосѣдей и поводомъ войны для Европы. Таковы были намѣренія друзей человѣчества и самихъ же поляковъ; такъ совѣтовала просвѣщенная политика.

«На основѣ торжественныхъ условій европейскаго конгресса, собравшагося въ Вѣнѣ, и по силѣ акта уступки его величества короля Саксонскаго [1]), принимаемъ въ вѣчное владѣніе провинціи бывшаго

[1]) Уступка эта подтверждена слѣдующимъ актомъ:

„Мы, Фридрихъ-Августъ Божіею милостію король Саксонскій и проч. и проч.

„Вслѣдствіе территоріальныхъ условій, заключенныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ между великими государствами, мы, трактатомъ 18-го числа текущаго мѣсяца, отреклись отъ обладанія княжествомъ Варшавскимъ. А такъ какъ увольненіе подданныхъ этого края отъ присяги есть натуральное сего послѣдствіе, то и считаемъ своею обязанностію, согласуясь съ обстоятельствами и для общаго блага, нести жертвы, которыя на насъ возлагаютъ.

„А потому увольняемъ нашихъ слугъ и нашихъ подданныхъ княжества Варшавскаго отъ присяги, намъ данной. Съ глубокимъ сожалѣніемъ разстаемся съ подданными, которые представляли такія нѣжныя доказательства ихъ привязанности и вѣрности. Воспоминаніе объ этомъ остается навсегда запечатлѣннымъ въ сердцѣ нашемъ. Ихъ счастіе было всегда цѣлью нашихъ отеческихъ заботъ и не перестанетъ никогда быть предметомъ самыхъ горячихъ нашихъ желаній, которыя будемъ возносить къ Божественному Провидѣнію. Призываемъ, чтобы и тому правительству, которому на будущее время поручено ихъ счастіе, оказывали то же послушаніе и вѣрность, какія оказывали намъ. Дано въ Люксембургѣ, дня 10-го (22-го) мая 1815 г. Frederik Auguste“.

княжества Варшавскаго, которыя нами получены по силѣ трактатовъ. Учреждаемое временное правленіе состоитъ изъ лицъ, нами уполномоченныхъ, дабы безъ потрясеній привести народъ къ прочному порядку вещей и къ конституціоннымъ основамъ, создаваемымъ при вашемъ же собственномъ содѣйствіи.

«Намѣстники наши объяснятъ вамъ всѣ выгоды, обезпечиваемыя вамъ Вѣнскимъ трактатомъ, и тѣ, которыя явятся для васъ при конституціонномъ союзѣ съ нашимъ государствомъ. Этотъ союзъ утвердитъ за вами ваши права, ваше предназначеніе и ваши обязанности.

«Призываемъ всѣ классы жителей, призываемъ войско и чиновниковъ къ выполненію присяги на вѣрность, которая будетъ залогомъ нашего вѣчнаго посвященія народу и нашихъ отеческихъ о немъ попеченій. Первой нашей заботой будетъ облегченіе гнетущихъ тяжестей, обрушившихся на ваше отечество въ несчастныя времена. Не тайна для насъ ихъ обширность, и мы съ сожалѣніемъ взирали до сихъ поръ на невозможность ихъ уничтоженія.

«Поляки! пусть знаменательная эпоха въ измѣненіи вашей судьбы упрочитъ навсегда ваши желанія, ваши надежды и ваши чувства. Стремленіе къ славѣ нашего государства и непоколебимое довѣріе къ нашимъ желаніямъ да послужатъ къ счастію новаго вашего быта и сдѣлаютъ васъ достойными постепеннаго улучшенія вашей будущности» [1]).

Въ Основахъ конституціи было сказано, что польскія провинціи присоединены къ Россіи подъ отдѣльнымъ названіемъ к о р о л е в с т в а П о л ь с к а г о [2]), будутъ всегда находиться подъ скипетромъ этого государства и получатъ народную конституцію, въ основу которой лягутъ: «порядокъ, справедливость и свобода».

Королевству дарована свобода печати, національное войско, которое сохраняетъ свое обмундированіе и цвѣта, содержится на счетъ государства, обязано защищать границы Польскаго королевства и можетъ быть употреблено т о л ь к о въ Е в р о п ѣ.

Въ статьѣ 37-й Основъ конституціи было сказано: «Великая консти-

---

Контрасигнировали: Князь Меттернихъ, гр. Разумовскій, князь Гарденбергъ.

Переводъ на польскій языкъ подписали: Ланской, князь Адамъ Чарторыйскій, Новосильцовъ, Ѳома Вавржецкій, Ксаверій князь Друцкой-Любецкій, государственный референтъ и главный секретарь правительства Шанявскій.

[1]) Другой переводъ этого манифеста находится въ Военно-ученомъ архивѣ. Отдѣлъ I, д. № 483.

[2]) Въ русскихъ актахъ королевство Польское называлось царствомъ Польскимъ. См. Полное Собраніе Закон., т. XXXIII, № 26312 и № 26454.

туціонная хартія, даруемая народу нашего королевства Польскаго, должна считаться навсегда за самую дѣйствительную и священную связь, которою это королевство невозвратно и на вѣчныя времена соединяется съ государствомъ Всероссійскимъ, какъ въ особѣ нашей, такъ и всѣхъ нашихъ наслѣдниковъ и преемниковъ. Сущность настоящаго акта достаточно выказываетъ благодѣтельность нашихъ намѣреній относительно жителей королевства Польскаго. Выраженныя здѣсь основы получатъ впослѣдствіи развитіе въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ.

«Возлагаемъ наши упованія на привязанность и вѣрность нашихъ новыхъ подданныхъ и надѣемся, что, слѣдуя нашему примѣру и посвящая себя своей родинѣ, они облегчатъ намъ возможность возвеличить и упрочить ея счастіе».

Верховная власть принадлежала королю, но за его отсутствіемъ управленіе страною поручалось намѣстнику, или изъ членовъ императорскаго дома, или изъ коренныхъ, или натурализованныхъ поляковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Александръ готовилъ это мѣсто цесаревичу Константину Павловичу, но обстоятельства случились иначе.

Поляковъ,—писалъ князь Чарторыйскій [1],—«особенно пугаетъ великій князь Константинъ Павловичъ. Они опасаются, что никакая конституція не предохранитъ ихъ отъ насилій преемника Александра I-го».

Вмѣстѣ съ манифестомъ отправленъ былъ изъ Вѣны въ Варшаву князь Чарторыйскій, съ порученіемъ занять мѣсто въ верховномъ временномъ совѣтѣ, учрежденномъ для управленія царствомъ Польскимъ [2]).

«Въ то время,—писалъ ему императоръ 13-го (25-го) мая [3]),—которое вы провели близъ меня, вы имѣли случай ознакомиться съ моими намѣреніями относительно учрежденій, которыя я хочу установить въ Польшѣ, и улучшеній, которыя я желаю ввести въ этой странѣ. Вы постараетесь никогда не терять ихъ изъ виду при совѣщаніяхъ Совѣта и обращать на нихъ все вниманіе вашихъ товарищей для того, чтобы ходъ правительства и реформы, которыя ему поручено произвести, были согласны съ моими воззрѣніями. Вы не упустите, если въ томъ представится нужда, принять на себя инниціативу для ускоренія результатовъ и представлять проекты, сообразные съ принятою системою. Такъ какъ вамъ не менѣе извѣстенъ мой взглядъ на духъ, въ коемъ

---

[1]) Въ письмѣ Н. Н. Новосильцову 13-го (25-го) декабря 1812 г. „Русскій Арх." 1884 г., № 2, стр. 281.

[2]) Со вступленіемъ русскихъ войскъ въ герцогство Варшавское былъ учрежденъ верховный временный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго былъ В. С. Ланской и членами князь А. Чарторыйскій, Новосильцовъ, кн. Любецкій и Вавржецкій. Организація совѣта напечатана въ „Русск. Архивѣ" 1871, т. II, стр. 1570—1583.

[3]) „Русскій Архивъ" 1871 г., т. I, стр. 870.

долженъ производиться выборъ разныхъ чиновниковъ, то вы не преминете смотрѣть за тѣмъ, чтобы онъ былъ направленъ въ этомъ смыслѣ. Въ странѣ, столь давно колеблемой всякими безпорядками и переворотами, въ высшей степени важно дѣйствовать послѣдовательно и обдуманно. Вотъ что̀ я хотѣлъ еще разъ напомнить вамъ этими строками, которыя я позволяю вамъ даже показывать для того, чтобы придать болѣе вѣсу тому, что вамъ придется говорить для исполненія моихъ намѣреній».

Имѣя въ рукахъ такой рескриптъ, Чарторыйскій ѣхалъ полнымъ распорядителемъ и первенствующимъ дѣятелемъ.

По прибытіи въ Варшаву, онъ вмѣстѣ съ совѣтомъ составивъ «обрядъ празднованія», и 8-го (20-го) іюня происходило торжество возстановленія Польскаго королевства.

Въ рѣчи, произнесенной передъ присягою, Вавржецкій между прочимъ говорилъ [1]):

«Въ исторіи всѣхъ вѣковъ нѣтъ примѣра, чтобы одинъ монархъ излилъ столько благодѣяній на народъ, который противъ него велъ войну и никакой не оказалъ еще услуги. Мы только начнемъ свое служеніе тогда, когда съ искренностію сердца достойно будемъ цѣнить сіе соединеніе и съ вѣрностью исполнять священныя обязанности союза.

«Усовершенствованный науками и опытами разумъ покажетъ россіянамъ, что они, предавши забвенію прежнія недоброхотства, должны являть новымъ братіямъ своимъ родственную пріязнь и помощь. Но тотъ же разумъ и поляковъ убѣдить долженъ, что они не иначе могутъ обрѣсти отдыхъ, безопасность и общественное благополучіе, какъ только подъ щитомъ превозмогающей силы своихъ братій.

«Всепресвѣтлѣйшій императоръ и царь пріобрѣлъ законное право на глубочайшую признательность поляковъ и на совершенную ихъ преданность. Наконецъ наступила пора пробудить старинныя добродѣтели народныя, равно какъ и обычаи, вліяніемъ иноплеменныхъ искаженные! Пора военную храбрость соединить съ благоразуміемъ и гражданскими доблестями, основать будущее счастіе на благочестіи, общественныхъ добродѣтеляхъ и на горячей любви къ отечеству.

«Вся Европа взираетъ на новое царство Польское. Въ ней находятся многіе поступковъ нашихъ наблюдатели, строгіе и недоброжелательные.

«Мы должны прилежно смотрѣть за своимъ поведеніемъ. Такимъ образомъ, съ Божіею помощью, опровергнемъ и упреки и предсказанія злобныхъ иноплеменниковъ, оправдаемъ безмѣрное великодушіе всемилостивѣйшаго императора, царя польскаго и не только не лишимся

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1815 г., ч. 82, № 13, стр. 62—64.

выгоднаго мнѣнія Европы, но даже принудимъ ее уважать и прославлять нынѣшнее насъ возстановленіе».

Въ тотъ же день, послѣ присяги, данъ былъ во дворцѣ обѣденный столъ, а въ театрѣ спектакль безплатно. На слѣдующій день, 9-го (21-го) числа, въ томъ же дворцѣ былъ балъ, и оба дня весь городъ иллюминованъ. Многочисленные транспаранты «изображали благодарность жителей».

«Нельзя описать радостныхъ восклицаній подданныхъ вашего императорскаго и царскаго величества,—сказано въ донесеніи временнаго правительствующаго сената [1]),—равно какъ о той благодарности, которую видѣть можно было на лицѣ каждаго. Спокойствіе и благопристойность, съ каковыми со стороны народа празднуемо было двухдневное сіе торжество, превосходитъ всякую похвалу».

Со своей стороны князь Чарторыйскій говорилъ, что «общее впечатлѣніе было таковымъ, какого только можно желать: безграничная благодарность за толикія благодѣянія, на которыя уже перестали надѣяться, и чувства преданности, запечатлѣвающія обѣтъ вѣрности въ сердцахъ вашихъ новыхъ подданныхъ.

«Тѣ, которые въ этой странѣ присутствовали при столь многихъ прежнихъ церемоніяхъ, замѣтили, что эта имѣла иной характеръ,—нѣчто спокойное и искреннее, ничего театральнаго и поддѣльнаго. Словно эта нація, послѣ стольких страданій, не имѣла болѣе силъ предаться безумной радости; глубокое умиленіе и разумное убѣжденіе выражались на всѣхъ лицахъ и составляли разительную характеристику этого дня.

«Основы конституціи въ особенности увлекли всѣ сердца; но онѣ были необходимы, чтобы произвести это дѣйствіе послѣ долгаго ожиданія часто обманутыхъ надеждъ».

При этомъ князь Чарторыйскій самонадѣянно выразился, что воспоминаніе объ этомъ днѣ должно быть наградою императору Александру за его труды на благо человѣчества [2]).

Какъ ни рѣзко было это выраженіе, но Александръ принялъ его и употребилъ въ отвѣтѣ на адресъ, прочитанный графомъ Замойскимъ.

— Я очень тронутъ,—сказалъ государь,—чувствами польскаго народа, вами переданными. Увѣрьте его моимъ именемъ, что мною руководитъ желаніе возвратить ему существованіе. Соединяя его съ народомъ одного съ нимъ происхожденія—славянскаго, я упрочиваю его благосостояніе и спокойствіе: видѣть его счастливымъ считаю лучшею себѣ наградою.

---

[1]) Отъ 11-го (23-го) іюня 1815 г. Донесеніе подписали: Ланской, князь Адамъ Чарторыйскій, Новосильцовъ, Вавржецкій и князь Ксаверій Любецкій.

[2]) „Русскій Арх.“ 1871, т. I, стр. 873 и 874.

Счастіе вещь относительная: оно слагается и зависитъ отъ взглядовъ и требованій. Поляки желали гораздо бóльшаго, чѣмъ получили. Они ненавидѣли русскихъ, не желали соединенія съ ними и употребляли всѣ мѣры, чтобы удалить ихъ изъ края [1]). По высочайшему повелѣнію всѣ русскіе чиновники, находившіеся на службѣ въ бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ, въ званіяхъ областныхъ и окружныхъ начальниковъ, съ 15-го (27-го) іюля 1815 г. были уволены, снабжены прогонными деньгами и отправлены въ Петербургъ; оставлено только 10 человѣкъ при канцеляріи предсѣдателя правительствующаго совѣта и изъ бывшихъ окружныхъ начальниковъ 19 человѣкъ, переименованныхъ въ чиновниковъ разныхъ порученій [2]).

Замѣстивъ русскихъ чиновниковъ своими сторонниками, князь Чарторыйскій употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы удалить и великаго князя Константина Павловича, командовавшаго русскими и польскими войсками и находившагося въ Варшавѣ. Чарторыйскій писалъ императору Александру, что присутствіе великаго князя дѣлаетъ невозможнымъ всякій контроль, всякій порядокъ. Связь, которая должна существовать между гражданскимъ управленіемъ и военнымъ, не существуетъ, и установить ее при русскомъ великомъ князѣ будетъ весьма трудно; что этому причиною независимость военной власти, съ которою правительство не въ силахъ бороться. Онъ писалъ, что великій князь арестовываетъ офицеровъ, обращается съ ними сурово, отдаетъ ихъ безъ вины подъ судъ и даже арестовалъ предсѣдателя города Варшавы; что онъ предписываетъ правительству вызывать къ нему на судъ гражданскихъ чиновниковъ, подъ-префектовъ, старостъ и тому подобное. «Никакое усердіе, никакая покорность не могутъ его смягчить. Онъ, повидимому, возненавидѣлъ эту страну и все, что въ ней происходитъ, и эта ненависть возрастаетъ съ пугающею быстротою. Это предметъ его ежедневныхъ разговоровъ со всѣми. Армія, нація, частныя лица, ничто не находитъ милости въ его глазахъ. Конституція, въ особенности, подаетъ ему поводъ къ безпрестаннымъ насмѣшкамъ; все, что есть правило, форма, законъ, подвергается глумленію и брани, и, къ несчастью, дѣйствія уже послѣдовали за словами. Великій князь не держится даже военныхъ законовъ, которые онъ самъ утвердилъ. Онъ непремѣнно хочетъ ввести тѣлесныя наказанія и вчера приказалъ пустить ихъ въ ходъ, не смотря на единогласныя представленія комитета. Дезертирство, уже теперь значительное, сдѣлается всеобщимъ; въ сентябрѣ большинство офицеровъ попроситъ увольненія.

---

[1]) О нерасположеніи поляковъ къ русскимъ, см. „Письма А. С. Дохтурова къ его супругѣ“, „Русскій Арх.“ 1874, т. I, стр. 1115 и 1116.

[2]) Всепод. рапортъ предсѣдателя правительствующаго совѣта царства Польскаго 17-го августа 1815 г. Военно-учен. арх. отд. I, д. № 483.

«Словно составленъ планъ для того, чтобы противодѣйствовать видамъ вашего величества, чтобы сдѣлать ваши благодѣянія мнимыми, чтобы въ самомъ началѣ предотвратить успѣхъ вашего предпріятія. Его высочество въ такомъ случаѣ былъ бы, самъ того не вѣдая, слѣпымъ орудіемъ этого пагубнаго замысла, первымъ дѣйствіемъ коего было бы ожесточить въ равной степени и русскихъ и поляковъ и отнять всякую силу у самыхъ торжественныхъ изреченій вашего величества. Повидимому, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторые приближенные великаго князя, какъ явные, такъ и тайные, много содѣйствуютъ поддержанію его мрачнаго и гнѣвнаго настроенія.

«Чего бы не далъ я для того, чтобы здѣсь успѣли угодить великому князю и исполнить въ этомъ отношеніи желаніе вашего величества. Но это рѣшительно невозможно и если онъ здѣсь останется, я предвижу, напротивъ того, самыя печальныя послѣдствія.

«Государь! время не терпитъ, и каждый часъ можетъ принести съ собою столкновеніе, катастрофу, при мысли о коей я содрогаюсь.

«Великій князь, повидимому, не хочетъ соблюдать никакой осторожности, словно онъ желаетъ довести дѣло до разрыва. Никакой врагъ не могъ бы повредить болѣе вашему величеству»....

Князь Чарторыйскій просилъ государя предоставить великому князю только званіе главнокомандующаго войсками, а не правителя и судьи. Но и это онъ считалъ не вполнѣ удобнымъ, такъ какъ великій князь отдалъ приказъ, по которому онъ считалъ себя въ правѣ подвергнуть суду военнаго совѣта любое лицо, и судъ долженъ происходить, какъ онъ повелитъ [1]). Князь Чарторыйскій настоятельно просилъ объ удаленіи великаго князя и съ нимъ вмѣстѣ всѣхъ остальныхъ русскихъ чиновниковъ.

«Хотя безъ сомнѣнія,—писалъ онъ [2]),—впослѣдствіи многіе русскіе чиновники могутъ найти мѣста въ странѣ, однако въ настоящую минуту не могу скрыть отъ вашего императорскаго и царскаго величества, что вся страна ожидаетъ и нетерпѣливо ожидаетъ того дня, когда, сообразно съ основами конституціи, всѣ безъ изъятія русскіе чиновники покинутъ страну. Лишь съ этого дня страна будетъ считать дѣйствительное свое существованіе; пока ихъ видятъ здѣсь, не считаютъ себя избавленными отъ ферулы, которая все-таки даетъ себя чувствовать».

«Армія все еще надѣется на отозваніе великаго князя,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ [3]). Лишь въ этой надеждѣ и отъ боязни, чтобы ихъ

---

[1]) Письмо кн. Чарторыйскаго императору Александру 31-го іюля 1815 г. „Русскій Арх". 1871 г. т. I, стр. 882.

[2]) Тамъ же, стр. 886.

[3]) Тамъ же, стр. 888.

побужденія не были представлены вашему величеству въ ложномъ свѣтѣ, они (офицеры) еще остаются на службѣ.

«Я недавно узналъ достовѣрно, что въ Петербургѣ составилось, по большей части изъ военныхъ, общество, главная цѣль коего состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать благодѣятельнымъ намѣреніямъ вашего величества относительно Польши. Общество это выслало сюда своихъ представителей, и, повидимому, великій князь дѣйствовалъ и дѣйствуетъ подъ ихъ вліяніемъ, при чемъ имъ главнымъ образомъ руководствуетъ желаніе популярности.

«Это общество уже приготовило увѣщаніе (?) относительно Польши, которое собиралось послать вашему величеству. Война, возникшая между тѣмъ [1]) и занявшая этихъ крамольниковъ, и совѣты нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей помѣшали исполненію этого намѣренія».

Нѣтъ надобности говорить, что въ донесеніяхъ князя Чарторыйскаго было много ложнаго и преувеличеннаго. При всей строптивости характера великаго князя Константина Павловича, надо помнить, что кн. Чарторыйскій мечталъ если не о польской коронѣ, то почти былъ увѣренъ въ томъ, что будетъ намѣстникомъ, и тогда присутствіе великаго князя было бы для него, конечно, неудобно. Императоръ Александръ придалъ письмамъ князя Чарторыйскаго то значеніе, которое они должны были имѣть, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя поступилъ съ нимъ такъ, какъ онъ не ожидалъ.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, поляки приняли манифестъ и основы конституціи холодно и были недовольны тѣмъ, что Польша осталась раздѣленною между тремя государствами: Россіею, Пруссіею и Австріею.

«Всемилостивѣйшій государь!—писалъ В. С. Ланской [2]).—Бывшаго сената герцогства Варшавскаго президентъ Островскій объявилъ публикѣ повелѣніе къ нему вашего императорскаго величества объ участи герцогства.

«Хотя полагаю, что доведено уже до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, какъ принято сіе объявленіе, но вмѣняю въ обязанность съ своей стороны донести вашему величеству, что оно не произвело такого вліянія, какого ожидать было можно отъ народа болѣе чувствительнаго.

«Причиною есть слѣдующее:

«Болѣе уже года, хотя не совершенно, но извѣстно было настоящее событіе; во все сіе время непрестанно было толковано, какимъ образомъ возстановится существованіе Польши. Всеобщее желаніе частію

---

[1]) По случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы.

[2]) Въ письмѣ отъ 4-го мая 1815 г. «Русскій Архивъ» 1863 г., стр. 839—841.

*

искренно, частію притворно-запальчивое, но имѣющее одну и ту же цѣль, чтобы быть Польшѣ владѣніемъ отдѣльнымъ и въ томъ же пространствѣ, въ какомъ было оно прежде раздѣленія, такъ помрачило нѣкоторые умы, что вмѣсто довлѣемой признательности къ безпримѣрнымъ благотвореніямъ вашего императорскаго величества, оказываемымъ сей націи, вмѣсто покорнаго благодаренія за высокое въ судьбѣ ея участіе, наконецъ, вмѣсто того, чтобы чувствовать, чтобы превозноситься снисхожденіемъ, съ которымъ ваше императорское величество предпринимали, какъ извѣстно было, осчастливить ихъ принятіемъ титла короля, они (подстрекаемые свойственною нѣкоторымъ кичливостію, что по твердости духа, по храбрости и другимъ мнимымъ достоинствамъ они единственны), наполнились мечтаніемъ, что возстановленіе Польши по-прежнему королевствомъ быть должно, и такъ рѣшительно опредѣляли сіе, какъ бы были въ правѣ того требовать.

«Обольщенные таковымъ заблужденіемъ казались быть доброхотнѣе для насъ, нежели когда-нибудь; но теперь сіе прельщеніе исчезло, и холодность, особенно, какъ говорятъ, черезъ отдѣленіе нѣкоторыхъ частей герцогства къ Пруссіи и Австріи, становится примѣтною до такой опрометчивости, что объявленіе титула короля и увѣреніе въ будущемъ конституціонномъ правленіи принимаются не за милость, но за опасеніе послѣдствій отъ бѣглеца изъ Эльбы.

«Я увѣренъ въ душѣ моей, что приверженность нѣкоторыхъ, а особливо военныхъ къ врагу Европы не угаснетъ, и ничто не обратитъ къ намъ ихъ расположеніе. Туда манятъ ихъ: прелести грабежа, тамъ господствуетъ дерзкая вольность, тамъ ни за какое безчиніе нѣтъ отвѣтственности; здѣсь: порядокъ, чинопочитаніе, повиновеніе повелѣніямъ, точность въ исполненіи ихъ и отвѣтствіе за преступленіе правилъ службы и даже правилъ добродѣтели.

«Государь! Простите русскому, открывающему предъ тобою чувства свои и осмѣливающемуся еще изъяснить, что благосердіе твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правиламъ, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять на насъ ядъ свой. Болѣе не смѣю говорить о семъ и, какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный вашему императорскому величеству, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно».

Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и появленіе его во Франціи подало полякамъ надежду на поправленіе ихъ обстоятельствъ, и они

готовы были принять его сторону [1]). «По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ,— сказано въ письмѣ изъ Дрездена отъ 9-го апрѣля 1815 года [2]),—поляки продолжаютъ состоять съ Наполеономъ въ тайныхъ сношеніяхъ. Переписка по сему предмету ходитъ черезъ генерала Паца, находящагося въ Дрезденѣ, и князя Любомирскаго, братъ котораго служитъ во французской гвардіи и оказывается очень дѣятельнымъ; уже два раза сдѣлалъ поѣздки на островъ Эльбу и нынѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправится изъ Польши къ Наполеону во Францію [3]).

«По всѣмъ донесеніямъ высшей полиціи,--писалъ Д. Курута И. И. Дибичу [4]),—духъ поляковъ и разумъ ихъ ни мало не улучшается, а напротивъ того приверженность ихъ къ Наполеону болѣе и болѣе увеличивается и расплoжается.--Молчаніе вь политическихъ происшествіяхъ, происходящее единственно отъ прекращенія сообщенія съ Франціею,, приписываютъ его успѣхамъ внутренняго распорядка и увѣряютъ себя что (онъ) вскорѣ будетъ торжествовать и поставитъ себя на прежнюю степень могущества. Въ ежечасныхъ между ими собраніяхъ пріятнѣйшій предметъ ихъ разговоровъ есть Наполеонъ.

«Графъ Ожаровскій, съ нѣкоторымъ числомъ благомыслящихъ чиновниковъ, старается всѣми средствами вперить въ нихъ и уразумить, что истинное ихъ блаженство основано на непреложныхъ и милостивыхъ правилахъ нашего государя и что благополучіе свое должны основать на благости его величества.—Дай Богъ, чтобы въ семъ намѣреніи послѣдовалъ желаемый успѣхъ».

«По полученіи здѣсь,—писалъ управляющій Волынскою губерніею [5]), извѣстія, что государю императору благоугодно было принять на себя титулъ польскаго короля, совсѣмъ не примѣтно того энтузіазма, какого ожидать было должно по прежнимъ разсужденіямъ поляковъ о возстановленіи Польскаго королевства.—Я замѣчаю, что имъ не нравится назначенное присоединеніе герцогства Варшавскаго къ Россійской имперіи, ибо они надѣялись, что присоединенныя прежде отъ польскаго края губерніи составятъ съ Варшавскимъ королевство, подъ особымъ управленіемъ. Когда же передъ симъ получено было извѣстіе о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы, то примѣтна была радость многихъ, и я ду-

---

[1]) Рапортъ познанскаго коменданта графу Барклаю-де-Толли 8-го апрѣля 1815 г. Арх. канцеляр. воен. министерства, св. 24, д. № 9.

[2]) Тамъ же.

[3]) По этому письму приняты мѣры, чтобы остановить поѣздку поляковъ въ южную Германію, Саксонію и во Францію.

[4]) Отъ 8-го (20)-го мая 1815 г. Арх. Канцел. военнаго министерства, св. 40, д. № 6.

[5]) Главнокомандующему въ Петербургѣ 22-го мая 1815 г. Госуд. Арх., XII, № 271.

маю, что нѣкоторые, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, питаютъ еще прежнюю на Бонапарта надежду».

Узнавъ объ этомъ донесеніи губернатора Комбурлея [1]) и опасаясь отъ того дурныхъ послѣдствій, волынское дворянство спѣшило подъ защиту своего сторонника и покровителя сенатора Сиверса, ревизовавшаго въ то время губернію. «Осѣдлавъ» его, дворянство просило сенатора убѣдить императора Александра въ ихъ преданности и заявить, что оно видитъ въ немъ короля польскаго [2]). На самомъ же дѣлѣ Комбурлей былъ правъ.

По ежедневно собираемымъ свѣдѣніямъ оказывалось, что поляки оставались по-прежнему приверженными Наполеону, выдумывали и распускали разные слухи въ его пользу. Недовольные тѣмъ, что пруссаки занимали Познань, поляки сочинили остроту: «родилось въ Польшѣ дитя безъ познанія» (Urodzilosz w Polszcze Dziecko bez poznania). Въ Варшавѣ ходила по рукамъ записка, что Польское королевство будетъ заключать въ себѣ одиннадцать провинцій и что къ нему будетъ присоединена Литва.

Объ этомъ хлопотали многіе, въ томъ числѣ и Костюшко.

«Государь!—писалъ онъ Александру 13-го іюня 1815 года [3]). Князь Чарторыйскій сообщилъ мнѣ о всѣхъ благодѣяніяхъ, которыя ваше императорское и королевское величество пріуготовляете для польскаго народа. Никакія слова не могутъ выразить моей благодарности и удивленія; одна лишь забота тревожитъ меня еще, отравляя мою радость я уроженецъ Литвы, государь, и мнѣ остается жить не долго, а между тѣмъ будущее моей родины и многихъ частей моего отечества покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Я не забылъ тѣхъ великодушныхъ обѣщаній, которыя выше императорское и королевское величество соблаговолили лично высказать по этому поводу мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ соотечественниковъ, и я никогда не осмѣлюсь усомниться въ дѣйствительности этихъ священныхъ словъ, но мысль, напуганная столь продолжительными несчастіями, жаждетъ постоянно быть вновь успокоенной. Я не осмѣлюсь никогда торопить выполненіемъ вашихъ великихъ предначертаній; я свято буду хранить эти мысли въ тайнѣ и лишь съ именнаго разрѣшенія вашего величества воспользуюсь этой священной тайной».

Не получивъ отвѣта на это письмо, Костюшко писалъ князю Чарторыйскому [4]): «Я не намѣренъ дѣйствовать, оставаясь въ неизвѣстно-

---

[1]) Онъ управлялъ Волынскою губерніею на правахъ генералъ-губернатора.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе сенатора Сиверса отъ 24-го мая 1815 г.

[3]) „Русская Старина" 1882 г. № 4, стр. 245 и 246.

[4]) „Русская Старина" 1882 г. № 7, стр. 141.

сти относительно страны и руководствуясь только надеждами. Интересъ отечества я соединилъ съ царскимъ; отдѣлять его въ моей душѣ я признаю невозможнымъ. Я посвятилъ жизнь бо̀льшей части отечества, если не возможно служить всей странѣ, но не самой малой части, которую высокопарно назвали царствомъ Польскимъ.

«Воздадимъ благодарность и сохранимъ вѣчную признательность императору за воскресеніе уже потеряннаго польскаго имени; однако не одно имя составляетъ народъ, но территорія съ народонаселеніемъ. Обѣщаніе, данное императоромъ мнѣ и многимъ другимъ относительно возвращенія нашего отечества по Двину и Днѣпръ,—давнихъ границъ Польскаго королевства, не представляетъ другой гарантіи кромѣ нашихъ желаній. Дѣйствительное исполненіе этого обѣщанія доставило бы намъ бо̀льшее уваженіе, равно какъ и значеніе, и постоянную дружбу съ русскими, а пользуясь либеральной и совершенно отдѣльной конституціей, какъ мы о томъ часто бесѣдовали между собою, поляки были бы счастливы находиться съ русскими подъ скипетромъ такого великаго монарха.

«Судя по ходу дѣлъ, съ самаго начала, русскіе занимаютъ совмѣстно съ нами первыя государственныя должности; не подлежатъ сомнѣнію, что это не можетъ возбудить среди поляковъ большаго довѣрія; напротивъ того, каждый со страхомъ придетъ къ тому заключенію, что со временемъ польское имя подвергнется презрѣнію и что русскіе будутъ обращаться съ нами, какъ съ покореннымъ народомъ, потому, что такая незначительная горсть народонаселенія никогда не въ состояніи защитить себя отъ перевѣса и насилія русскихъ интригъ.

«Слѣдуетъ-ли намъ молчать объ остальныхъ нашихъ братьяхъ, находящихся надъ русскою властью. Сердце наше трепещетъ и печалится, что они не соединены съ прочими. Гдѣ же находятся тѣ 11 или 10 милліоновъ людей, которые, согласно священнымъ словамъ самого императора, должны составлять царство Польское, и которые, подобно Венгерскому королевству, при отдѣльной конституціи и съ собственными законами, должны были соединиться съ имперіею подъ однимъ скипетромъ.

«Я отдѣляю чувствительное сердце, полное человѣколюбія, и душу, преисполненную великодушія, готовую на добро,—ни съ кѣмъ несравнимаго великаго Александра отъ исполнительнаго кабинета. Я лично буду ему по гробъ благодаренъ за воскресеніе польскаго имени. Полякамъ будетъ оказано добро, хотя и въ стѣсненныхъ границахъ.—Пусть Провидѣніе направляетъ васъ, я же ѣду въ Швейцарію, не имѣя возможности съ успѣхомъ служить моему отечеству. Ты знаешь, что душою и сердцемъ я желалъ содѣйствовать общему благу».

Онъ уѣхалъ неудовлетворенный въ своихъ желаніяхъ, и ему, какъ и многимъ изъ его соотечественниковъ, оставалось вѣрить ходячимъ слу-

хамъ, что Наполеонъ, утвердившись вторично во Франціи, прибудетъ въ Польшу и возстановитъ ее въ старинныхъ предѣлахъ [1]).

Въ ожиданіи этого, поляки относились непріязненно ко всему русскому. «Русскіе тутъ хуже животныхъ,—писалъ графъ Булгари Михайловскому-Данилевскому [2]),—и цѣлая армія, на Волыни расположенная, свидѣтельствовать въ томъ можетъ.—Русскіе законы въ пренебреженіи, и самоуправіе торжествуютъ».

Имя Наполеона производило магическое дѣйствіе на поляковъ, не смотря на то, что онъ постоянно разорялъ ихъ и заставлялъ проливать кровь для своихъ цѣлей, тогда какъ Александръ простилъ ихъ измѣну, благотворилъ имъ и осыпалъ своими милостями еще до присоединенія Варшавскаго герцогства къ Россіи.

«Съ того самаго времени,—писалъ государь тайному совѣтнику С. Ланскому [3]),—какъ верховный совѣтъ довелъ до свѣдѣнія моего различные недостатки по герцогству Варшавскому, я обратилъ вниманіе на доставленіе возможныхъ выгодъ краю сему, нѣсколько уже лѣтъ разоряемому и оставленному наконецъ правительствомъ, какъ скоро побѣдоносныя войска наши приближались. Тогда же положилъ поддержать упадокъ герцогства, лишеннаго способовъ къ существованію.

«Такимъ образомъ соединивъ въ верховномъ совѣтѣ всѣ части управленія герцогствомъ и назначивъ членами онаго природныхъ поляковъ, далъ надлежащій ходъ дѣламъ и способъ снискивать обиженнымъ правосудіе подъ защитою своихъ соотчичей. — Учрежденіемъ лучшаго полицейскаго надзора уважилъ личную безопасность каждаго жителя; разрѣшеніемъ привоза иностранныхъ товаровъ возобновилъ торговлю, вовсе уже не существовавшую; уничтожилъ сборъ мяса и вина на продовольствіе войскъ, въ герцогствѣ расположенныхъ; утвердилъ положеніе Совѣта: объ обезпеченіи Варшавскаго края солью, о почтовомъ сообщеніи, о выпускѣ за границу желѣзной руды, съ платежемъ прежней пошлины, до 1811 года бывшей. Напослѣдокъ предоставилъ совѣту сдѣлать положеніе и по наряду обывательскихъ подводъ для воинскихъ надобностей, которое равномѣрно послужило бы къ облегченію обывателей».

Идя далѣе по пути благотворенія герцогству, императоръ Александръ повелѣлъ Ланскому: 1) Уничтожить многія подати на сумму до 8 милліоновъ злотыхъ, 2) облегчить жителей относительно содержанія госпи-

---

[1]) Извѣстія изъ Польши 1-го іюня 1815 г. Арх. Канцеляріи военнаго министерства. Св. 24 дѣло № 8.

[2]) Отъ 5-го октября 1816 г. изъ Радзивилова. «Русская Старина» 1902 г., № 10, стр. 34.

[3]) Въ указѣ отъ 1-го февраля 1814 года изъ Труа. Арх. министерства внутрен. дѣлъ, III отдѣленіе, 1 столъ, дѣло 1814 г. № 60.

талей, 3) разрѣшить выпускъ изъ Россіи въ герцогство всего того, что вывозилось до начатія войны, 4) сдѣлать распоряженіе, чтобы войска и команды, слѣдуя только по военнымъ дорогамъ, не имѣли постоевъ по другимъ путямъ и не отягощали бы жителей, 5) принимаемые отъ населенія припасы для войскъ зачитать въ число денежныхъ податей и проч. Сверхъ того императоръ Александръ повелѣлъ графу Н. И. Салтыкову [1]) отправить въ распоряженіе предсѣдателя временнаго верховнаго совѣта Ланскаго 4 милліона рублей на нужды администраціи, приказалъ выдать на удовлетвореніе жалованьемъ польскихъ войскъ сначала 400 тысячъ злотыхъ [2]), а потомъ 2.127,245 руб. [3]).

Такая щедрость вызвала со стороны графа Аракчеева представленіе записки, въ которой онъ писалъ [4]):

«Высылка большихъ денежныхъ суммъ въ герцогство Варшавское дѣлаетъ въ государствѣ нашемъ ощутительный упадокъ внутренняго курса нашихъ ассигнацій и весьма требуетъ благоразумнаго размышленія, безъ чего во всѣхъ частяхъ сдѣлаться можетъ замѣшательство; почему необходимо нужнымъ считаю приказать въ герцогствѣ Варшавскому верховному совѣту немедленно заняться соображеніемъ и приисканіемъ собственныхъ способовъ для формированія и содержанія войскъ».—Графу Аракчееву было сообщено, что сумма на польскія войска дается заимообразно отъ министра финансовъ, доколѣ рѣшена будетъ участь герцогства и доходы его приведутся въ порядокъ [5]).

Поляки не цѣнили великодушія къ нимъ императора Александра и смотрѣли на его благодѣянія какъ на нѣчто должное.—Заявляя о своемъ убожествѣ, безденежьи и всеобщемъ разореніи, они вмѣстѣ съ тѣмъ просили о возстановленіи на русскія деньги театра въ Варшавѣ. На этой просьбѣ императоръ Александръ написалъ: «денегъ не имѣютъ на необходимые предметы, а хотятъ тратить на веселіе». Тѣмъ не менѣе, переговоривши съ княземъ Чарторыйскимъ, государь приказалъ удовлетворить и эту просьбу, хотя и сознавалъ, что все сдѣланное имъ не оцѣнится поляками. Поэтому не съ особенно хорошимъ расположеніемъ духа государь отправился въ свое новое царство. Тамъ онъ увидѣлъ, однако же, всѣ наружные признаки радостной встрѣчи.

31-го октября императоръ въ польскомъ мундирѣ и съ орденомъ Бѣлаго Орла въѣхалъ въ Варшаву верхомъ среди польскихъ войскъ и

---

[1]) Высочайшее повелѣніе отъ 28-го февраля 1814 г. № 5.

[2]) Высочайшее повелѣніе министру финансовъ Гурьеву 22-го іюля 1814 г.

[3]) Высочайшее повелѣніе ему же 30-го сентября 1814 г.

[4]) Въ запискѣ отъ 16-го февраля 1815 г.

[5]) Впослѣдствіи предоставлено министру финансовъ сообразить, не выгоднѣе-ли для насъ чеканить польскую монету, чтобы не высылать въ герцогство русскихъ денегъ.

окруженный сановниками государства. Народъ съ наружнымъ восторгомъ привѣтствовалъ короля, старавшагося очаровать всѣхъ своею любезностію. Замѣтивъ въ окнѣ мать князя Чарторыйскаго, Александръ привѣтствовалъ ее поклономъ, вызвавшимъ восторгъ и слезы.—Существованіе Польши, короля польскаго въ національномъ мундирѣ казалось ей сновидѣніемъ: «слезы полились изъ моихъ глазъ,—записала княгиня въ своемъ дневникѣ;—у меня есть родина, и я оставлю ее своимъ дѣтямъ» [1]).

Поселившись въ королевскомъ замкѣ, Александръ употреблялъ всѣ средства, чтобы обольстить поляковъ.—На балахъ, на праздникахъ онъ былъ всегда изысканно любезенъ, носилъ польскій мундиръ и орденъ и удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ знатнѣйшихъ лицъ. Награды и всякаго рода милости сыпались щедрою рукою: назначено нѣсколько генералъ и флигель-адъютантовъ, розданы русскіе ордена и денежныя вспомоществованія; пожалованы многія дѣвицы во фрейлины. Съ имѣній тѣхъ поляковъ, которые служили подъ знаменами Наполеона, снято запрещеніе, и милость эта распространена на уроженцевъ западныхъ губерній Россіи. Представителями послѣднихъ были въ Варшавѣ графъ Огинскій и депутаты отъ трехъ губерній: Виленской, Гродненской и Минской. Въ продолжительной бесѣдѣ наединѣ съ графомъ Александръ далъ ему много обѣщаній.—Онъ говорилъ о твердости даннаго имъ слова, о тѣхъ громадныхъ затрудненіяхъ, которыя пришлось ему побороть, чтобы достигнуть возстановленія Польскаго королевства, обѣщалъ сдѣлать то же и для Литвы, но только просилъ не торопиться и имѣть къ нему довѣріе. Соглашаясь принять депутацію, государь желалъ знать заранѣе, о чемъ будутъ его просить.

— Я не могу допустить,—говорилъ онъ Огинскому,—чтобы вы просили о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ, такъ какъ не слѣдуетъ подавать повода къ мысли, что вы меня о томъ просите. Необходимо, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что я сдѣлаю это по собственному почину, что именно я желаю этого. Мнѣ извѣстно, что вы не можете признать удовлетворительными отношенія, существовавшія до сихъ поръ между вашими областями и Россіею. Каждый разсудительный человѣкъ убѣжденъ въ этомъ. Но никто не можетъ допустить предположенія, чтобы я намѣренъ былъ отдѣлить эти области отъ Россіи.—Вы недовольны въ Литвѣ, и ваше недовольство должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока вы не сольетесь съ вашими соотечественниками и не воспользуетесь благами конституціи; когда это совершится, тогда только ваше соединеніе съ Россіею будетъ сопровождаться довѣріемъ и полнымъ согласіемъ между обѣими націями.

---

[1]) Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ“, т. III, стр. 352.

Изъ этихъ словъ можно было заключить, что императоръ Александръ, не желая присоединять Литву къ Польшѣ, намѣренъ былъ въ ближайшемъ будущемъ дать конституцію Россіи, чтобы слить воедино всѣхъ своихъ подданныхъ узами родства и дружбы.— Такъ это и было понято всѣми.

Выслушавъ адресъ депутатовъ, прочитанный Огинскимъ, государь отвѣчалъ имъ общими фразами и ничѣмъ не обнадежилъ.

— Скажите вашимъ довѣрителямъ, что ихъ благосостояніе всегда составляетъ предметъ моихъ попеченій и заботъ.—Увѣрьте ихъ, что я не забывалъ о нихъ даже среди трудовъ, вызванныхъ войною, и что я всегда думаю о средствахъ къ улучшенію ихъ судьбы и обезпеченію ихъ спокойствія и счастія.

Между тѣмъ работы коммиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго пришли къ концу, и 15-го ноября 1815 года императоръ Александръ утвердилъ конституціонную хартію королевства Польскаго.

Теперь оставалось только назначить намѣстника, и князь Адамъ Чарторыйскій, до обнародованія конституціи управлявшій всѣми дѣлами королевства и докладывавшій о нихъ лично государю, былъ увѣренъ, что займетъ это мѣсто. Онъ успѣлъ уже наполнить главнѣйшія административныя должности своими приверженцами, и поляки стали называть Польшу не Польскимъ, а Пулавскимъ царствомъ, по имени Пулавъ,— имѣнія князей Чарторыйскихъ. Испытывая на себѣ съ молодости вліяніе Чарторыйскаго, доходившее до безцеремоннаго и рѣзкаго обращенія; зная честолюбивые виды его и желая сохранить за собою власть настолько, чтобы все исходило лишь отъ него одного, а не отъ кого другаго, императоръ не могъ остановиться въ выборѣ намѣстника на князѣ Чарторыйскомъ.—Государь могъ ожидать, что князь поведетъ дѣла самостоятельно и быть можетъ посягнетъ на его власть и права.

Убѣдивъ брата, великаго князя Константина Павловича, также отказаться отъ званія намѣстника, императоръ Александръ назначилъ генерала Заіончека. Это назначеніе какъ громомъ поразило кн. Адама Чарторыйскаго и всю его фамилію. «Я видѣлъ его тогда,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій [1]),—въ ту самую ночь, въ которую была подписана конституція и былъ назначенъ Заіончекъ намѣстникомъ. Это происходило часу во второмъ по полуночи. Я стоялъ въ комнатѣ, передъ кабинетомъ государя, съ княземъ Волконскимъ и съ статсъ-секретаремъ Марченко, какъ вдругъ вошелъ съ разстроеннымъ видомъ князь Чарторыйскій и ходилъ по горницѣ болѣе четверти часа, и не только не взглянулъ на насъ во все сіе время ни одного разу, но даже

---

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г. № 10, стр. 88.

и не поклонился намъ: онъ былъ какъ въ изступленіи, вѣроятно, отъ оскорбленнаго самолюбія».

Князю Чарторыйскому оставлено званіе члена Совѣта, точно также, какъ и великому князю, назначенному вмѣстѣ съ тѣмъ и командующимъ польскими войсками.

Впослѣдствіи являлось затрудненіе, какъ помѣстить князя Чарторыйскаго въ Совѣтѣ, всѣхъ-ли выше или послѣ графа Станислава Потоцкаго. Заіончекъ спрашивалъ о томъ мнѣнія Н. Н. Новосильцова. «Я, соображая,—писалъ послѣдній императору Александру [1],—и сравнивая всѣ обстоятельства, къ сему принадлежащія, не могъ разрѣшить его сомнѣнія иначе, какъ присовѣтовавъ ему посадить графа Потоцкаго первымъ по правую, а князя Чарторыйскаго по лѣвую руку».

Подписавъ 19-го ноября (1-го декабря) указъ о назначеніи Заіончека намѣстникомъ, государь выѣхалъ изъ Варшавы недовольнымъ, скучнымъ и даже сердитымъ. Онъ окончательно порвалъ связь съ другомъ дѣтства, избѣгалъ встрѣчи съ фамиліею князей Чарторыйскихъ и могъ ожидать противодѣйствія съ ихъ стороны. Такъ и было въ дѣйствительности. Въ 1816 году Заіончекъ просилъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бороздина доложить отъ его имени государю, «что партія Чарторыйскихъ походитъ на заговоръ и можетъ имѣть всѣ послѣдствія онаго, ежели не обратятъ на оную вниманія. Конечно, не должно сего опасаться въ царствованіе государя, котораго Польша признаетъ своимъ благодѣтелемъ, но умышленія Чарторыйскихъ могутъ обнаружиться при наслѣдникахъ его».

Съ отъѣздомъ императора изъ Варшавы поляки остались въ полномъ неудовольствіи. Они надѣялись услышать изъ устъ государя, что къ царству Польскому будутъ присоединены Могилевъ, Витебскъ, Волынь, Подолія и Литва. Услышавъ противное, они по-прежнему обратились къ поднятію національнаго духа, при помощи тайныхъ обществъ и интригъ.

Воспоминанія о минувшей славѣ польской, желаніе видѣть свое отечество въ прежнихъ предѣлахъ, а себя гражданами, независимыми отъ чужаго вліянія, гражданами, сохранившими языкъ, обычаи и свойства предковъ, были главною причиною, почему нѣкоторые изъ нихъ рѣшились тайнымъ образомъ поддерживать и распространять народный духъ во всѣхъ частяхъ бывшей Польши съ тѣмъ, чтобы населеніе было всегда готово къ взаимному соединенію, когда представится къ тому удобный случай.

Первая мысль объ учрежденіи тайнаго общества родилась еще въ

---

[1] Въ собственноручномъ письмѣ 2-го (14-го) декабря 1815 г. Военно-ученый Арх. Отд. I, д. № 483.

1811 году. Поляки желали тогда создать тайную силу, которая, при удобномъ случаѣ, могла бы даровать Польшѣ независимое существованіе. Попытки эти не имѣли, однако же, успѣха. Главный начальникъ польскихъ войскъ, кн. Понятовскій, узнавъ о такой мысли, объявилъ, что поляки, покровительствуемые императоромъ французовъ, должны отъ него одного ожидать будущаго своего благоденствія.

Вскорѣ послѣ возвращенія польскихъ войскъ изъ Франціи, когда герцогство Варшавское было присоединено къ Россіи, два молодыхъ офицера, Прондзинскій и Колачковскій, пригласивъ къ себѣ 16-ти-лѣтняго Малаховскаго, составили общество истинныхъ или правдивыхъ поляковъ. Они обязались: 1) быть всегда настоящими добрыми поляками, 2) умножать общество свое новыми членами и принимать ихъ по установленному обряду; 3) распространять народный духъ; 4) не щадить усилій къ достиженію цѣли и 5) хранить тайну.

Для принятія въ общество необходимо было собраніе трехъ членовъ и совершалось въ потьмахъ. Два члена, такъ называемые «свидѣтели невидимые», ожидали вступающаго въ темной комнатѣ, въ которую вводилъ его третій членъ съ фонаремъ подъ особою мантіею. Кромѣ его никто не долженъ былъ знать новаго члена, которому предварительно указывалась неизвѣстность, коею покрыта судьба Польши, и необходимость твердой нравственной связи между поляками. Введеннаго спрашивали: кто вы? Онъ долженъ былъ отвѣчать—я полякъ; слѣдовалъ вторичный вопросъ: вы полякъ?—Да, истинный полякъ. Тогда членъ наводилъ на глаза принимаемаго потаенный фонарь, который скрывалъ подъ мантіею, и въ новой рѣчи объявлялъ ему, что онъ долженъ исполнять пять тѣхъ обязательствъ, которыя приведены выше, и сверхъ того не стараться узнавать другихъ членовъ общества и никогда не говорить о нихъ.

Наружнымъ знакомъ, по которому члены узнавали другъ друга, былъ перстень изъ серебра съ красною эмалью, внутри онаго пять точекъ означали число установленныхъ правилъ, а снаружи три точки показывали число членовъ, его принявшихъ. На перстнѣ были вырѣзаны двѣ буквы: P. P. обозначавшія слова Prawdziwy Polak (истинный полякъ). Обычай носить такіе перстни далъ поводъ назвать это общество перстневымъ (Piérscionkowym).

Впослѣдствіи члены общества, число которыхъ было не болѣе 12 человѣкъ, показывали, что они не имѣли въ виду ничего серьезнаго, хотѣли только шутя обманывать нѣкоторыхъ знакомыхъ и главною забавою ихъ было заставлять заику Сабанскаго исполнять обязанности оратора. По показанію Малаховскаго, общество это рушилось съ дарованіемъ конституціи Польскому королевству. Хотя существо-

ваніе его было весьма кратковременно, но оно указываетъ на общее настроеніе поляковъ, стремившихся къ одной цѣли—самобытности Польши. Однимъ изъ главныхъ лицъ, считавшихъ необходимымъ питать въ народѣ духъ патріотизма безъ различія правительствъ, которымъ поляки были подвластны, былъ генералъ Домбровскій.

— Конституція и отеческое правленіе царя нашего,—говорилъ онъ незадолго до своей кончины адъютанту своему Мицѣльскому,—не защитятъ насъ отъ новыхъ перемѣнъ, какія могутъ возникнуть въ Европѣ, еще не получившей твердаго и неизмѣннаго устройства. Покушеніе Наполеона съ острова Эльбы возвратить потерянный престолъ служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Что же было съ нами, если бы побѣдоносные орлы Наполеоновы опять явились подъ Вислою. Робкіе, какъ агнцы, хотя и съ львиною крѣпостью, мы опять принесли бы ему на жертву легіоны свои въ замѣнъ суетныхъ обѣщаній его. Выйдемъ изъ сего унизительнаго состоянія, откроемъ въ Польшѣ источникъ силы народной, общественное мнѣніе. Оно не можетъ быть противно конституціи и царю нашему, который предпочитаетъ признательность людей, умѣющихъ цѣнить его благодѣяніе, слѣпой благодарности тварей безсмысленныхъ. Поляки отъ природы склонны къ энтузіазму и легко могутъ быть обмануты; хорошіе воины, не худые граждане, они заняты однимъ настоящимъ и не заботятся о будущемъ. Они храбры, не имѣя сознанія о внутреннемъ своемъ достоинствѣ и о собственной силѣ. Оттого они не могли пользоваться благопріятными случаями и, забывая себя, увлекались однимъ энтузіазмомъ къ своимъ предводителямъ, которые, въ свою очередь, думали болѣе о своей личной славѣ, нежели о благѣ народномъ. Таковъ былъ и Понятовскій.

Мицѣльскій признавался, что слова Домбровскаго убѣдили его, и онъ передалъ ихъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ. Всѣ они условились распространять ихъ въ публикѣ безъ разбора, кого только признаютъ достойными особенной довѣренности, съ просьбою точно также передавать своимъ знакомымъ, преимущественно живущимъ въ Галиціи, Познани и въ польскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, дабы такимъ образомъ соблюсти единство патріотизма.

Сохраненіе или возрожденіе національныхъ добродѣтелей и готовность жертвовать всѣмъ для отечества въ случаѣ нужды составляло обязательство польскихъ патріотовъ [1]). Къ нимъ на помощь пришло и «Варшавское общество любителей наукъ».

Въ собраніи своемъ 21-го ноября (3-го декабря) 1815 г. общество

---

[1]) Выписка изъ допросовъ, снятыхъ слѣдственною коммиссіею въ Варшавѣ. Арх. Канцел. воен. минист., св. 59, дѣло № 197.

постановило отправить императору Александру просьбу о принятіи его подъ свое покровительство. Принося благоговѣйную признательность за попеченія, которыя, среди военныхъ трудовъ, государь не переставалъ оказывать всѣмъ заведеніямъ народнаго просвѣщенія въ польскихъ областяхъ, находящихся подъ властію Россіи, общество называло его великимъ государемъ, другомъ и покровителемъ наукъ. Оно писало, что столь славнымъ именемъ должны называть его особенно поляки за созданные имъ училища на Волыни и открытый Виленскій университетъ, одаренный царскими щедротами и осыпанный милостями. Члены общества просили распространить и на нихъ милость и покровительство, и увѣряли, что отнынѣ любовь къ отечеству будетъ у нихъ слита нераздѣльно съ любовію къ королю, и они будутъ жертвовать всѣмъ единственно славѣ его царствованія. Въ концѣ прошенія было сказано, что тѣснѣйшія узы будутъ соединять народъ польскій съ русскимъ, какъ двухъ старѣйшихъ братьевъ великаго славянскаго племени. Общество обѣщало государю, что взаимное усовершенствованіе двухъ нарѣчій единаго первоначальнаго славянскаго языка и успѣхи словесности будутъ новымъ плодомъ союза между двумя народами, союза, который Варшавское общество наукъ будетъ стараться сохранять и укрѣплять [1]).

Получивъ по ходатайству князя Чарторыйскаго высочайшую покровительственную грамату 15-го (27-го) марта 1816 г. [2]), общество постановило 9-го (21-го) апрѣля память этого важнаго событія соединить съ воспоминаніемъ о дарованіи подобной граматы въ 1808 году саксонскимъ королемъ и назначить 18-е (30-е) апрѣля днемъ торжественнаго ежегоднаго собранія, въ которомъ выражать чувство благодарности обоимъ государямъ [3]). Въ засѣданіи же общества 21-го мая (2-го іюня) 1816 г. было постановлено помѣстить въ залѣ торжествен-

---

[1]) Все это, конечно, были только одни слова. При обозрѣніи въ 1832 г. библіотеки общества оказалось изъ 30.000 томовъ на польскомъ и другихъ языкахъ только нѣсколько десятковъ русскихъ книгъ, а изъ числа 416 членовъ общества около 10 русскихъ, которые были или почетные, или корреспонденты, и ни одного дѣйствительнаго.

[2]) Она напечатана Д. В. Цвѣтаевымъ. См. „Варшавскія университетскія извѣстія“ 1899 г., книги VII и IX. Статья эта была напечатана отдѣльною брошюрою, въ которой грамата эта напечатана на стр. 22 и 23.

[3]) Въ напечатанномъ въ 1830 году уставѣ общества нѣтъ ни одного благодарнаго слова объ императорѣ Александрѣ, тогда какъ въ § 24 было сказано, что одно изъ публичныхъ засѣданій ежегодно будетъ посвящено признательнѣйшему воспоминанію высокой милости короля саксонскаго, даровавшаго Варшавскому обществу 10-го апрѣля 1808 г. названіе Королевскаго.

ныхъ засѣданій портретъ императора Александра противъ портрета короля Саксонскаго, но это было исполнено только въ 1828 г. [1]).

Заручившись покровительствомъ императора Александра, Варшавское общество любителей наукъ пошло смѣлѣе по пути возбужденія народнаго духа. Подъ патріотическимъ предлогомъ сохраненія чувства любви къ отечеству, общество приступило къ печатанію въ Варшавѣ «Историческихъ пѣсенъ» Нѣмцевича, бывшаго сначала членомъ, а потомъ и председателемъ общества.

Пѣсни эти, разсмотрѣнныя особою коммиссіею [2]), были названы обществомъ всеобщею учебною книгою польскаго народа. Общество признавало, что по этой книгѣ родители могли легко и пріятно обучать своихъ дѣтей и сами обучаться. Простая и потому для всякаго понятная проза, живой и мѣрный языкъ поэзіи, восхищающая слухъ музыка, искусно подобранныя по содержанію пѣсенъ картинки скоро и удобно передавали полякамъ, а въ особенности полькамъ, описанныя Нѣмцевичемъ воспоминанія изъ отечественной исторіи. При всеобщемъ возбужденіи поляковъ, воспоминанія эти запечатлѣвались глубоко въ умахъ и сердцахъ читателей.

Вмѣстѣ со внушеніямъ польскимъ юношамъ любви къ прежнему отечеству, авторъ пѣсенъ возбуждалъ въ нихъ мечтательный патріотизмъ и воспламенялъ воинскій духъ и страстную охоту подражать храбрымъ предкамъ. Въ этихъ преувеличенныхъ похвалахъ соотечественникамъ, Нѣмцевичъ старался поселить презрѣніе къ прочимъ народамъ, питалъ къ нимъ вражду и вызывалъ мщеніе за раздѣлъ Польши.

Нѣмцевичъ не скрывалъ своей цѣли и въ предисловіи сближалъ свои пѣсни съ марсельскими, во время французской революціи. Онъ хвалилъ послѣднія, приписывая имъ многія побѣды французскихъ войскъ. Ожививъ въ своихъ пѣсняхъ воспоминанія о побѣдахъ польскихъ королей и полководцевъ, Нѣмцевичъ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ подражать имъ. «Узнавъ,—говоритъ онъ,—сколько мы

---

[1]) Въ честь короля саксонскаго была выбита серебряная медаль, но такое вниманіе не было оказано императору Александру. Подъ портретомъ короля Саксонскаго была на мраморной доскѣ надпись, свидѣтельствующая о признательности общества къ его памяти; подъ портретомъ Александра не было никакой подписи. Въ залѣ собранія было много мраморныхъ бюстовъ (Домбровскаго, Альбертранди, Сташица, Чацкаго, Нѣмцевича, кн. Сапѣги, Богуша и друг.), было много гравюръ, и ни одной русскихъ императоровъ, хотя Николай I пожаловалъ обществу ежегодно по 8.000 злотыхъ на награды за сочиненія по задачамъ Общества.

[2]) Въ составѣ: князя Чарторыйскаго, епископа Пржимовскаго, Липинскаго, Шанявскаго и Коссаковскаго.

прежде были сильны и славны, пожелаемъ сдѣлаться опять такими». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «взявъ въ свои руки на короткое время лиру, долго висѣвшую надъ гробомъ отечества, я кладу ее опять на колыбель отечества». Въ своихъ пѣсняхъ Нѣмцевичъ ведетъ пылкихъ польскихъ юношей съ Болеславомъ Храбрымъ къ Кіевскимъ воротамъ, съ Константиномъ Острожскимъ — подъ Оршу, съ Баторіемъ на осаду Великихъ Лукъ, съ Владиславомъ IV—подъ Смоленскъ, съ Жолкѣвскимъ въ Москву, изъ которой онъ возвращается съ большою добычею. Поэтъ указываетъ на соединеніе Литвы съ Польшею и изображаетъ данникомъ Польши князя прусскаго Альберта, а плѣнниками Василія Ивановича Шуйскаго, брата его Дмитрія, митрополита Филарета и князя Василія Голицына. Въ замѣчаніяхъ объ упадкѣ и характерѣ польскаго народа, Нѣмцевичъ старается представить въ благодѣтельномъ для народа видѣ польскую революцію 1794 года, потушенную послѣднимъ раздѣломъ Польши. Онъ говоритъ, что подъ гробовымъ покровомъ, распростертымъ надъ раздѣленными частями Польши, всегда тлѣло пламя любви къ отечеству, которая привела польскихъ юношей на берега Рейна, Тибра, Нила и явила ихъ подвиги на снѣжныхъ вершинахъ Альпійскихъ горъ.

Предсѣдатель Варшавскаго общества любителей наукъ Сташицъ въ рѣчи своей, произнесенной въ торжественномъ собраніи 18-го(30) октября 1817 года, говорилъ, что въ историческихъ пѣсняхъ родители найдутъ способъ внушать дѣтямъ гражданскія добродѣтели и воинскія доблести предковъ и что авторъ своими личными подвигами совершилъ на дѣлѣ все, что прославляетъ въ другихъ доблестныхъ полякахъ [1]).

Въ своемъ предисловіи къ историческимъ пѣснямъ Нѣмцевичъ объявилъ, что давно хранящіяся въ его порфелѣ басни и повѣсти ожидаютъ благопріятнаго времени для ихъ изданія, что̀ и послѣдовало въ 1817 году, при содѣйствіи Общества любителей наукъ и многихъ польскихъ дамъ. Басни и повѣсти преслѣдовали ту же цѣль и имѣли тоже политическое значеніе. Въ баснѣ «Крысы» слышится ѣдкая сатира, направленная по адресу Россіи.

Въ баснѣ Муравейникъ [2]) авторъ представляетъ раздѣлъ Польши въ видѣ развѣянной тремя сильными вѣтрами кучи муравьевъ, потомъ подъ силою другаго противнаго вѣтра (Наполеона) учрежденіе Варшавскаго герцогства. Далѣе слѣдуетъ недоумѣніе поляковъ о дальнѣйшей

[1]) Взглядъ на дѣйствія бывшаго Варшавскаго общества любителей наукъ (рукоп.). Нѣмцевичъ былъ сподвижникомъ Костюшки и съ нимъ былъ взятъ въ плѣнъ.

[2]) Басня „Муравейникъ" написана 30-го іюня 1815 г., тотчасъ по возстановленіи царства Польскаго, въ Вилановѣ, загородномъ мѣстѣ близъ Варшавы принадлежавшемъ нѣкогда польскому королю Іоанну III Собіескому.

своей участи и затѣмъ нечаянное появленіе солнца съ сѣверной стороны и радостное возстановленіе царства Польскаго. Но вскорѣ послѣ веселья наступила недовѣрчивость и жалобы поляковъ на Аквилона, за то, что онъ не собралъ и половины муравьевъ. «Предоставимъ, говоритъ Нѣмцевичъ,—будущему времени возвратить намъ то, что еще остается желать. Если кто изъ насъ столько мудръ, что нашелъ средства привести это дѣло въ прежнее положеніе, пусть объявитъ свою мысль, и если она будетъ согласна съ разсудкомъ, то каждый благомыслящій муравей не преминетъ воспользоваться ею. Теперь время заняться не толкованіями, а дѣлами: приступимъ къ очищенію развалинъ и постройкѣ зданія; пусть всѣ муравьи побольше натаскаютъ еловыхъ стеблей и смолы. Муравейникъ только трудами можетъ подняться къ верху. Между тѣмъ не будемъ горевать: надежды наши не въ мечтахъ о той сторонѣ, съ которой не станетъ уже дуть на насъ вѣтеръ, но въ добродѣтели, умѣ и мужествѣ».

Пѣсни и басни Нѣмцевича производили громадное впечатлѣніе; поляки слѣдовали наставленіямъ, въ нихъ даннымъ, и стали составлять тайныя общества, съ цѣлью возстановленіе Польши. Общества эти, имѣющія свою исторію въ будущемъ ихъ дѣйствіи, теперь были только въ зачаткѣ, но возвращавшіяся изъ заграничнаго похода русскія войска знали о существованіи этихъ обществъ, знали о недовольствѣ поляковъ и ихъ волненіи.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА

барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа [1].

1839 годъ.

Новгородскій губернаторъ Сенявинъ.—Кіевскій митрополитъ Филаретъ.—Кончина князя X. А. Ливена.—Характеристика Петербургскихъ баловъ.—Празднованіе юбилея адмирала Крузенштерна.—Графъ Орловъ.—Кончина графа Литты.—Маскарадъ у графа Левашова.—Кончина и погребеніе графа М. М. Сперанскаго.—Его характеристика.—Кончина С. С. Кушникова.—Статсъ-секретарь Позенъ.—Выдержки изъ бумагъ М. Сперанскаго.—Я. И. Ростовцевъ.—А. П. Ермоловъ.—Графъ А. И. Чернышевъ.—Сосланные французы въ Иркутскѣ.—Новыя назначенія по министерству юстиціи.—Фельдмаршалъ кн. Паскевичъ.—Семейство Віельгорскихъ.—Кончина В. Тутомлина.—Балугьянскій.—Князь Васильчиковъ въ Бородинскомъ бою.—Дѣло о поселеніи крестьянъ на Калмыкскихъ земляхъ.

1-го января. Важнѣйшія сегодняшія новости суть тѣ, что предсѣтель нашъ (Государственнаго Совѣта) Васильчиковъ пожалованъ княземъ, а Сперанскій—графомъ. Первому это важно, потому что у него много сыновей, но у послѣдняго одна замужняя дочь.

2-го января. Въ Новгородъ назначенъ новый губернаторъ, служившій прежде въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, камергеръ Сенявинъ, человѣкъ очень богатый и еще болѣе извѣстный по женѣ своей, урожденной Агеръ, одной изъ самыхъ выдающихся женщинъ нашего большаго свѣта. Первое дѣйствіе его по пріѣздѣ въ губернію было то, что онъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1904 г.

пожертвовалъ своимъ жалованьемъ (12-ть т. р). на улучшеніе содержанія чиновъ губернскаго управленія.

Извѣстный богачъ Павелъ Демидовъ, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Курскъ, не только пожертвовалъ на тотъ же предметъ своимъ жалованьемъ, но и безпрестанно сыпалъ огромныя суммы изъ своего достоянія и, при всемъ томъ, въ два года его управленія губернія совершенно разстроилась и стала гораздо ниже прежняго.

15-го января. На-дняхъ посѣтилъ меня кіевскій митрополитъ Филаретъ, соименный московскому. Этого старца, который уже 40 лѣтъ въ монашествѣ и 20 лѣтъ архіереемъ, не возможно не любить и не уважать.

Это какой-то отрывокъ древняго русскаго міра, инокъ въ настоящемъ смыслѣ и въ томъ духѣ, въ какомъ я воображаю себѣ монаховъ при основаніи первыхъ нашихъ обителей. Онъ невольно привлекаетъ сердца какимъ-то дѣтскимъ простосердечіемъ, истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и вообще отличными качествами своей души. Въ Казани, гдѣ онъ долго былъ архіепископомъ, народъ провожалъ его съ воплемъ и стенаніями, какъ отца; въ Кіевѣ, гдѣ онъ занялъ мѣсто покойнаго Евгенія, знаменитаго своими учеными трудами, — народъ тоже привязался къ нему, хотя онъ тамъ еще недавно, и при томъ бо́льшую часть года вынужденъ проводить здѣсь (въ Петербургѣ) по обязанностямъ синодальнаго члена. Онъ сильно скорбитъ объ этихъ невольныхъ отлучкахъ изъ Святого града, гдѣ, какъ онъ говоритъ, «и воздухъ наполненъ святостью».

На-дняхъ пришло сюда извѣстіе о кончинѣ князя Христофора Андреевича Ливена, бывшаго долгое время посломъ нашимъ въ Лондонѣ, а послѣдніе годы занимавшаго почетное мѣсто попечителя при наслѣдникѣ—мѣсто, въ которомъ онъ и умеръ теперь въ Римѣ, сопровождая наслѣдника въ заграничномъ его путешествіи. Онъ былъ женатъ на сестрѣ гр. Ал. Хр. Бенкендорфа, женщинѣ чрезвычайно умной, которая всегда премировала въ нашей дипломатіи, и она-то собственно, подъ именемъ мужа, была нашимъ агентомъ въ Англіи.

16-го января Вчера былъ второй балъ у княгини Кочубей для царской фамиліи. Когда государь, пріѣхавъ, вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, я одинъ изъ самыхъ первыхъ попалъ ему навстрѣчу, и онъ, проходя мимо и почти не останавливаясь, сказалъ мнѣ:

— Я еще не успѣлъ поздравить тебя съ твоимъ величіемъ. Оставайся старымъ Корфомъ, какимъ былъ.

Нынѣшній карнавалъ очень коротокъ, потому, что постъ начинается

уже 6-го февраля. За то и спѣшатъ натанцоваться и вообще навеселиться до-сыта. Кромѣ вчерашняго бала и многихъ ему предшедшихъ, сегодня балъ у Бутурлина, хотя не собственно для царской фамиліи, но на которомъ ожидаютъ однако же государя. Послѣ завтра, въ среду, балъ—прямо уже для царской фамиліи, у княгини Бѣлосельской, а въ четвергъ всѣ будутъ на балѣ дворянскаго собранія. Элементы, изъ которыхъ составляются всѣ эти балы большаго свѣта, довольно трудно обнять какими-нибудь общими чертами. Разумѣется, что на нихъ бываетъ весь аристократическій кругъ; но кто именно составляетъ этотъ кругъ въ такомъ государствѣ, гдѣ одна знатность происхожденія не даетъ сама по себѣ никакихъ общественныхъ правъ — объяснить не легко. Въ этомъ кругу есть всего по-немножку, но нѣтъ ничего, такъ сказать, доконченнаго, округленнаго. Тутъ есть и высшіе административные персонажи, но не всѣ; нѣкоторые отдѣляются отъ свѣтскаго шума по лѣтамъ, другіе по привычкамъ и наклонностямъ. Точно также въ этомъ кругу есть и богатые и бѣдные, и знатные и ничтожные, даже такіе, о которыхъ удивляешься, какъ они туда попали, не имѣя ни связей, ни родства, ни состоянія, ни положенія въ свѣтѣ! Между тѣмъ весь этотъ кругъ, какъ заколдованный: при 500.000 населенія столицы, при огромномъ дворѣ, при централизаціи здѣсь всѣхъ высшихъ властей государственныхъ — онъ состоитъ не болѣе, какъ изъ какихъ-нибудь 200 или 250 человѣкъ, считая оба пола, и въ этомъ составѣ переѣзжаетъ съ одного бала на другой, съ самыми маленькими и едва замѣтными измѣненіями, такъ что въ этомъ кругу, т. е. въ особенно, такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, невозможно и подумать дать въ одинъ вечеръ два бала вдругъ. Молодые люди-танцоры попадаютъ легче, но тоже не безъ труда. Такъ, напримѣръ, флигель-адъютанты и кавалергардскіе офицеры почти всѣ вездѣ; конногвардейскихъ много; прочихъ полковъ можно всѣхъ назвать на перечетъ, а нѣкоторыхъ мундировъ, напримѣръ гусарскаго, уланскаго и большей части пѣхотныхъ гвардейскихъ, рѣшительно нигдѣ не видать. Появленіе въ этомъ эксклюзивномъ кругу новаго лица, стараго или молодаго, мужчины или женщины, такъ рѣдко и необыкновенно, что составляетъ настоящее происшествіе. Заключу однимъ: человѣку, не посвященному въ таинства петербургскихъ салоновъ, невозможно ни по какимъ соображеніямъ угадать à priori, кто принадлежитъ къ большому кругу и кто нѣтъ. Есть министры, члены Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютанты, статсъ-секретари, придворные чины,—не говоря уже о сенаторахъ, которыхъ нигдѣ никогда не увидишь, которые рѣшительно никуда не приглашаются; есть люди знатные по роду и богатству, просвѣщенные, со всѣми формами лучшаго общества, которые въ томъ же положеніи; и есть, напротивъ,—какъ я уже сказалъ,—люди совершенно ничтожные, которые

вездѣ бываютъ, которыхъ вездѣ зовутъ, большею частью потому, кажется, что они играютъ въ высокую игру, до которой нѣкоторые изъ нашихъ баричей большіе охотники.

22-го января. Вчера было празднество 50-ти лѣтней въ офицерскихъ чинахъ службы адмирала Крузенштерна,—перваго русскаго офицера, совершившаго путешествіе кругомъ свѣта. Ему данъ былъ торжественный обѣдъ морскими генералами и офицерами въ огромной залѣ морскаго кадетскаго корпуса, великолѣпно убранной и освѣщенной—съ двумя хорами музыки и хоромъ пѣвчихъ. Кромѣ собственно моряковъ, на счетъ которыхъ данъ былъ весь праздникъ, были званы и посторонніе особы; всѣхъ участниковъ пира было до 400. Роль главнаго распорядителя принялъ на себя вице-адмиралъ Рикордъ, тоже извѣстный въ лѣтописяхъ нашего флота. Начальника нашего морскаго штаба князя Меншикова,—которому надлежало представить главнаго хозяина праздника, не было: онъ не охотникъ до подобныхъ репрезентацій и сказался больнымъ.

Въ половинѣ обѣда принесли Крузенштерну бриліантовые знаки Александровскаго ордена, при лестномъ рескриптѣ, который прочитанъ былъ директоромъ канцеляріи Меншикова Жандромъ. Потомъ Рикордъ сказалъ Крузенштерну рѣчь довольно кудрявую, но вмѣстѣ и довольно прозаическую. «Вы первые обнесли русскаго орла кругомъ свѣта», была единственная блестящая фраза.

Во время тоста «въ честь виновника празднества» нашъ славный Петровъ отлично пропѣлъ плохіе куплеты прозаическаго Булгарина.

Наконецъ, лучшимъ во всемъ праздникѣ была та сцена, когда вошли вдругъ три покрытые сѣдинами матроса и осѣнили Крузенштерна колоссальнымъ флагомъ Американской компаніи, по почину которой совершено имъ было путешествіе кругомъ свѣта. Три эти матроса остаются единственными изъ 52-хъ сподвижниковъ его плаванія. Старики очевидно были тронуты, и одинъ изъ нихъ, которому уже 82 года, заливался слезами.

Надобно впрочемъ сознаться, что, несмотря на плохія рѣчи и стихи, праздникъ былъ грандіозенъ.

Неуклюжесть, которою славится Крузенштернъ, напоминаетъ мнѣ слово о немъ великаго князя Михаила Павловича. Крузенштернъ — начальникъ морскаго кадетскаго корпуса и въ этомъ званіи долженъ маршировать передъ кадетами на парадахъ, ученьяхъ и пр., что̀ ему очень худо удается. Это дало поводъ великому князю сказать про него, что «обойдя нѣсколько разъ вокругъ свѣта, онъ не умѣетъ обойти вокругъ манежа».

Все это однако же не мѣшаетъ Крузенштерну пользоваться по уче-

нымъ его заслугамъ такою репутаціей въ европейскомъ ученомъ мірѣ, какую едва-ли имѣетъ кто-нибудь изъ другихъ нашихъ ученыхъ.

Я заѣзжалъ сегодня проститься къ Орлову[1]), думая, что онъ ѣдетъ завтра или послѣзавтра; но выходитъ, что онъ отправляется не прежде субботы, 28-го числа, и потому что, не имѣя уже возможности застать наслѣдника въ Италіи, ѣдетъ только до Вѣны, куда наслѣдникъ прибудетъ 10-го февраля.

Графъ Орловъ есть нынче едва-ли не ближайшій къ государю человѣкъ, и если государь не цѣнитъ свыше мѣры достоинство его въ государственномъ отношеніи, то по крайней мѣрѣ видитъ въ немъ истинно-преданнаго себѣ, русскаго душою, благороднаго, добраго и столь благонамѣреннаго, сколько любезнаго и пріятнаго въ общественной жизни человѣка. Проходитъ рѣдкій день, чтобы Орловъ не видѣлъ государя, т. е. не обѣдалъ или не проводилъ съ нимъ вечера, и между тѣмъ въ этихъ близкихъ, можно сказать, сердечныхъ отношеніяхъ онъ едва-ли кому дѣлалъ зло, не упуская никакого случая дѣлать добро. На его счетъ **одинъ** голосъ въ публикѣ и этотъ голосъ—общая пріязнь и уваженіе. Вчера государь изъявлялъ ему сожалѣніе свое о принужденной ихъ разлукѣ и «ты можешь повѣрить,—прибавляетъ Орловъ,—какъ я былъ тронутъ, когда на глазахъ его при этомъ блеснула слеза». Орловъ говорилъ мнѣ далѣе, что при всей невольной грусти о разлукѣ съ государемъ, съ своимъ семействомъ и со всѣми здѣшними отношеніями, ему нельзя было поколебаться ни минуты въ принятіи той священной обязанности, которую ввѣряетъ ему теперь государь. Онъ жалѣетъ только, что порученіе это дается ему слишкомъ поздно и что наслѣдникъ совершилъ уже довольно значительную часть своего путешествія.

23-го **января**. Я былъ сегодня у гр. Сперанскаго и истинно обрадовался положенію, въ которомъ его нашелъ. Голосъ и наружность его очень поправились, и самъ онъ совершенно доволенъ примѣтнымъ возстановленіемъ силъ. Я пробылъ у него часа полтора въ неистощимой бесѣдѣ. Онъ собирается выѣхать на-дняхъ въ первый разъ къ государю, и принялся уже серьезно за дѣло, такъ что скоро надобно ожидать движенія знаменитому дѣлу о лажѣ. За то у насъ опасно занемогъ предсѣдатель другаго департамента, гр. Литта. Водяная, которой давно уже видны были въ немъ примѣты, беретъ верхъ, и сегодня были у него на консультаціи Арендтъ и Бушъ. Въ его лѣта трудно предви-

---

[1]) Послѣ смерти князя Ливена назначенному состоять при наслѣдникѣ, бывшемъ въ то время за границею.

дѣть хорошій конецъ, и бѣдному изнемогающему нашему Совѣту, вѣроятно, грозитъ опять новая потеря!

24-го января. Бѣднаго гр. Литты уже нѣтъ! Онъ скончался сегодня утромъ въ 5 час., и не отъ водяной, какъ мнѣ ошибочно сказывали, а отъ грыжи. Доктора не рѣшились сдѣлать ему операціи, опасаясь, что онъ умретъ подъ ножемъ, и этимъ замедлили его смерть только на нѣсколько часовъ. Почти до послѣдней минуты онъ былъ въ совершенной памяти и успѣлъ исповѣдаться и причаститься. Смерть его надѣлала мнѣ тысячу хлопотъ, какъ сейчасъ разскажу.

Отобѣдавъ вчера спокойно въ своей семьѣ, я думалъ нѣсколько отдохнуть передъ баломъ, который назначенъ былъ у гр. Левашова, какъ вдругъ докладываютъ мнѣ, что пріѣхалъ камердинеръ отъ гр. Бенкендорфа.

— Графъ,—сказалъ онъ,—никуда не выѣзжаетъ по случаю семейнаго своего траура (кн. Ливенъ былъ женатъ на его сестрѣ), но, имѣя крайнюю необходимость сегодня съ вами увидѣться, проситъ васъ заѣхать къ нему, въ которомъ часу вамъ угодно.

Такъ какъ онъ живетъ рядомъ съ Левашовымъ и очень не близко отъ меня, то я велѣлъ сказать, что буду передъ восемью часами, т. е. передъ самымъ баломъ. Но между тѣмъ это приглашеніе крайне меня встревожило. Чего хочетъ отъ меня такъ экстренно секретная полиція, съ которою по роду дѣлъ Государственнаго Совѣта мои сношенія такъ рѣдки?

При всей чистотѣ моей совѣсти, я крѣпко испугался, повѣряя въ душѣ моей, не сказалъ-ли гдѣ-нибудь слова, которое могло навлечь на меня неудовольствіе государя, и опасаясь еще болѣе какого-нибудь безименнаго клеветническаго доноса на меня или моихъ чиновниковъ. Но страхъ мой разсѣялся при первыхъ словахъ Бенкендорфа.

— Le bon c-te Litta est à toute extrémité,—сказалъ онъ мнѣ,—et c'est vous que l'Empereur a designé pour mettre les scellés sur ses papiers en cas de décés [1]).

Послѣ этого онъ показалъ мнѣ докладную свою (французскую) записку, въ которой спрашивалъ разрѣшенія, кому запечатать и разобрать бумаги гр. Литты, если онъ умретъ, какъ то доктора полагаютъ. На запискѣ государь написалъ своею рукою: «c'est Korff qui doit le faire; faites le lui savoir» [2]).

Между тѣмъ, совсѣмъ уже одѣтый къ балу, я долженъ былъ отъ

---

[1]) Добрый графъ Литта очень плохъ, и императоръ намѣтилъ васъ для того, чтобы опечатать его бумаги въ случаѣ его кончины.

[2]) Корфъ долженъ сдѣлать это; дайте ему знать.

Цѣпнаго моста ворочаться къ Новой Голландіи, гдѣ домъ гр. Литты, чтобы узнать всѣ подробности, и велѣлъ дать знать себѣ въ случаѣ кончины, а оттуда ѣхать опять къ Цѣпному мосту, т. е. перекрестить дважды весь городъ. Едва я пріѣхалъ на балъ и государь замѣтилъ меня, какъ и подозвалъ къ себѣ. Я разсказалъ ему всѣ подробности о больномъ, а онъ повторилъ мнѣ приказаніе, данное въ письмѣ:

— Особенно,—сказалъ онъ,—посмотри, не найдется-ли тамъ какихъ бумагъ покойнаго батюшки по бывшему мальтійскому ордену (гр. Литта былъ при Павлѣ Grand-Bailli ордена). En tous cas tenez vous pour dit de mettre les scellés sur tout, dès que vous apprendrez qu'il n'est plus» [1]).

Вся эта бесѣда была милостива; но, несмотря на то, балъ былъ для меня,—какъ вѣроятно и для многихъ другихъ,—очень грустенъ: мы такъ привыкли видѣть гр. Литту въ каждомъ салонѣ, любоваться его вѣжливымъ, привѣтливымъ и вмѣстѣ барскимъ обхожденіемъ, слышать его громовой голосъ, смотрѣть на его шахматную игру, за которою онъ проводилъ цѣлые вечера, любоваться его бодрою и свѣжею старостью,—что невозможно было не вспоминать о немъ каждую минуту, особенно воображая его мученія. Я пріѣхалъ домой во второмъ часу, и пока по обыкновенію покурилъ и почиталъ въ постели, а потомъ отъ душевнаго волненія провалялся безъ сна, пробило уже и три часа. Въ началѣ шестаго вошли ко мнѣ съ запискою, въ которой одинъ изъ племянниковъ Литты, гр. Браницкій, извѣщалъ меня, что онъ умеръ въ 5 час., и приглашалъ тотчасъ пріѣхать для исполненія высочайшей воли. Вслѣдъ за мною пріѣхалъ туда и другой племянникъ покойнаго, кн. Юсуповъ, и мы тотчасъ принялись за дѣло; сперва запечатали кабинетъ, въ который снесли бумаги изъ всѣхъ другихъ комнатъ, а потомъ вскрыли и прочли тутъ же вмѣстѣ завѣщаніе, въ которомъ,—какъ извѣстно было,—содержалась воля покойнаго на счетъ его погребенія. Все это заняло нѣсколько часовъ, и я воротился домой уже въ исходѣ восьмаго.

26-го января. Вчера не было у меня ни одной свободной минуты, и приходится уже разсказать сегодня покороче, чтобы не запустить происшествій.

Утромъ 24-го я отправился къ предсѣдателю, чтобы донести подробнѣе о всемъ бывшемъ, и нашелъ тамъ государя.

— Тебѣ немного пришлось спать сегодня,—сказалъ онъ,—ты, я думаю, съ бала пріѣхалъ прямо на похороны.

---

[1]) Во всякомъ случаѣ считайте себя обязаннымъ опечатать все, лишь только вы узнаете, что онъ скончался.

Потомъ онъ разпрашивалъ, что мы нашли, и со всею подробностью разсказывалъ при мнѣ кн. Васильчикову содержаніе завѣщанія, которое уже было ему представлено. Родственники признали это нужнымъ потому, что графъ завѣщалъ похоронить себя сколько можно проще, безъ приглашеній и проч.; государь приказалъ исполнить въ точности его волю, изъявивъ впрочемъ увѣренность, что всѣ поспѣшатъ отдать ему послѣдній долгъ.

Завѣщаніе г. Литты состоитъ кратко въ слѣдующемъ: внукѣ покойной жены своей, извѣстной графинѣ Самойловой, живущей уже давно за границею, онъ назначилъ 100 т. р. [1]) пожизненной пенсіи; затѣмъ опредѣлены единовременные капиталы: въ пользу тюремнаго общества 100 т. р. для ежегоднаго выкупа изъ процентовъ содержащихся за долги; въ инвалидный капиталъ 100 т. р. для содержанія 10-ти инвалидовъ, преимущественно морской службы, въ которой самъ онъ долго служилъ, 10 т. р. для раздачи бѣднымъ въ день его погребенія; единовременныя выдачи, впрочемъ не выше 10 т. р. каждая, всѣмъ состоявшимъ съ нимъ въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и моему Никитину, который названъ въ духовной «mon ami»; единовременныя же выдачи и пенсіи всѣмъ находившимся при немъ людямъ [2]), (напримѣръ, камердинеру 15 т. р. и 1.000 руб. пенсіи, наконецъ); значительныя денежныя донаціи въ пользу всѣхъ находящихся въ Россіи (кромѣ западныхъ губерній) католическихъ церквей. Затѣмъ все прочее несмѣтное состояніе: домъ со всею драгоцѣнною движимостью, брилліантами, серебромъ, бронзами и проч., деревни и огромные капиталы, завѣщаны двумъ роднымъ племянникамъ его, Литтамъ, австрійскимъ подданнымъ, живущимъ въ Миланѣ. Государь боится, что это породитъ процессъ, потому что законы запрещаютъ иностранцамъ владѣть въ Россіи недвижимостью, а на покупку такого исполинскаго состоянія едва-ли найдутся охотники, но я думаю, что тутъ опасаться нечего, потому что у покойнаго было всего только 4 т. душъ, а все прочее заключается въ билетахъ и акціяхъ, сумма которыхъ впрочемъ достовѣрно не извѣстна. Тѣло, по завѣщанію, будетъ погребено въ Царскосельской католической церкви, гдѣ лежитъ уже другая внучка покойнаго, графиня Ожаровская.

Покойный всю жизнь свою отличался непомѣрною скупостью. Характеристическій въ этомъ отношеніи анекдотъ случился и въ послѣднія его минуты. За часъ до его смерти, когда доктора объявили уже ему самому, что нѣтъ надежды на спасеніе и когда ожидали священника для исповѣди и причастія, онъ приказалъ засвѣтить для встрѣчи его

---

[1]) Ассигнаціями, какъ и всѣ нижеслѣдующія суммы.

[2]) Которымъ сверхъ того отданы его экипажи и гардеробъ.

свѣчи въ проходныхъ комнатахъ; но едва кончился священный обрядъ и священникъ съ дарами удалился, какъ графъ вспомнилъ о свѣчахъ, велѣлъ тотчасъ ихъ гасить, чтобы не горѣли понапрасну.

27-го января. Смертью гр. Литты открылись четыре вакансіи: оберъ-камергера, предсѣдателя попечительнаго комитета о богоугодныхъ заведеніяхъ, предсѣдателя коммиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора и наконецъ предсѣдателя нашего (Государственнаго Совѣта) департамента экономіи.

Послѣднія двѣ вакансіи уже замѣщены.

Предсѣдателемъ исаакіевской коммиссіи назначенъ министръ императорскаго двора кн. Волконскій, который былъ уже ея членомъ.

Назначеніе предсѣдателя департамента экономіи представляло болѣе трудностей и повлекло за собою множество переговоровъ и комбинацій, къ которымъ присоединились и комбинаціи предсѣдателя гражданскаго департамента, на мѣсто уволеннаго гр. Мордвинова. По соображеніямъ государя или, лучше сказать, кн. Васильчикова, одобреннымъ государемъ — на первое мѣсто предназначался гр. Левашовъ, зять Васильчикова, а на второе — старикъ Кушниковъ, стоящій уже одною ногою въ гробу, но для исполненія этой комбинаціи надлежало обойти гр. Строганова, который гораздо старѣе Левашова, и вступить въ переговоры съ Кушниковымъ, чтобы облегчить его въ другихъ занятіяхъ. Первое, т. е. благовидное устраненіе Строганова, принялъ на себя самъ Васильчиковъ, а послѣднее поручили мнѣ. Кончилось тѣмъ, что Строганова заставили добровольно отказаться отъ занятія мѣста Литты, испугавъ его тѣмъ, что онъ плохо знаетъ по-русски; что между тѣмъ ему — какъ старшему, придется предсѣдательствовать и въ общемъ собраніи, въ случаѣ отлучки или болѣзни предсѣдателя, и пр. Кушниковъ съ своей стороны принялъ сдѣланное ему предложеніе съ восторгомъ, но не пожелалъ отказаться отъ званія предсѣдателя въ Опекунскомъ совѣтѣ, какъ о томъ ему предлагали, а вмѣсто того предложилъ сложить съ себя званіе предсѣдателя коммиссіи прошеній, тѣмъ болѣе, что по общему порядку многія дѣла переходятъ изъ нея именно въ гражданскій департаментъ. Родившійся отъ этого новый вопросъ: кому быть предсѣдателемъ коммиссіи прошеній, кн. Васильчиковъ разрѣшилъ съ необыкновенною для него быстротою, предложивъ на это мѣсто новаго нашего члена Тучкова, котораго никто еще не знаетъ и который моложе многихъ изъ нынѣшнихъ членовъ коммиссіи. Обо всемъ этомъ указы сегодня уже подписаны.

Вчера былъ выносъ тѣла гр. Литты изъ дому въ католическую церковь, при которомъ находился и государь, а сегодня торжественное его отпѣваніе, гдѣ были всѣ, кого можно только себѣ представить. Со-

гласно волѣ покойнаго пригласительныхъ билетовъ ни къ кому разсылаемо не было, гробъ простой, церковь не была обита чернымъ, и вообще весь парадъ состоялъ только въ соборномъ служеніи и многочисленномъ собраніи знати, между которою было и много дамъ.

Сожалѣніе о кончинѣ гр. Литты общее, не какъ о государственномъ человѣкѣ, каковымъ онъ не былъ, а какъ о привѣтливомъ, обходительномъ и пріятномъ вельможѣ, составлявшемъ необходимую принадлежность всѣхъ салоновъ большаго свѣта.

3-го февраля. Вчерашній маскарадъ у графа Левашова былъ столько же роскошенъ, сколько блистателенъ. Сначала между толпами кавалеровъ и дамъ въ разнохарактерныхъ костюмахъ явилось и нѣсколько дамъ въ маскахъ, которыя по обыкновенію интриговали мужчинъ. Мы всѣ были въ цвѣтныхъ фракахъ, безъ масокъ, но и безъ лентъ, въ домино, дававшихъ намъ видъ нѣмецкихъ пасторовъ, или какихъ-то Донъ-Базиліевъ съ круглыми шляпами, которыхъ однако никто не надѣвалъ. Военные были тоже всѣ въ домино, и въ этомъ видѣ оставались мы цѣлый вечеръ, и танцующіе, и играющіе, и простые зрители. Послѣ первой французской кадрили музыка заиграла вдругъ опять польское, и явилась особая императрицина кадриль. Императрица шла въ великолѣпнѣйшемъ новогреческомъ (албанскомъ) костюмѣ, въ предшествіи восьми паръ, одѣтыхъ въ такой же костюмъ—всѣ безъ масокъ. Пары эти составляли, сверхъ великой княжны Маріи Николаевны, фрейлины и молодые камеръ-юнкеры и камергеры.

Въ этомъ полуфантастическомъ нарядѣ, съ распущенными волосами, съ фесками, въ короткихъ платьяхъ съ обтянутыми ножками, залитыя золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями,—всѣ казались красавцами и красавицами. Протанцовавъ первую кадриль особо, эти избранные смѣшались потомъ съ толпой, и танцы продолжались отъ девятаго часа до третьяго.

Ужинъ для мужчинъ былъ въ прелестной оранжереѣ, чудесно освѣщенной, гдѣ игралъ особый хоръ музыки. Весь праздникъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, видъ оригинальности, которымъ отличался отъ обыкновенныхъ, однообразныхъ нашихъ баловъ, хотя можно себѣ представить, какихъ огромныхъ издержекъ стоила вся эта роскошь не столько еще для хозяина, сколько для гостей. Кромѣ особъ царской фамиліи всѣхъ великолѣпнѣе были одѣты: супруга англійскаго посла маркиза Кленрикардъ, сардинскаго—графиня Росси (бывшая знаменитая актриса и пѣвица Зонтагъ), жена церемоніймейстера Всеволожскаго, красавица, Криднеръ. Прелестны также были четыре древнегреческія дѣвы: графиня Аннета Бенкендорфъ [1]), княжна Щербатова [2]), Карамзина и жена

[1]) Послѣ вышла замужъ за графа Аппони.

[2]) Вышла послѣ за старшаго сына кн. И. В. Васильчикова.

флигель-адъютанта Толстаго (урожденная Бенкендорфъ). Особенно первыя три—бѣлизною и изяществомъ формъ, казались настоящими изваяніями древнихъ художниковъ.

11-го февраля. Сегодня Сперанскій очень плохъ, чрезвычайно плохъ, почти уже безнадеженъ. Ночью произошелъ переломъ въ болѣзни, повергшій его въ чрезвычайную слабость, начали дѣлаться страшные приливы крови въ голову и отъ слабости отнялся языкъ. Во второмъ часу утра, когда я тамъ былъ, употребляли послѣднія средства: облѣпили его горчицей и шпанскими мухами, поставили за уши піявки и обложили голову льдомъ. Доктора объявили, что мало надежды.

Сейчасъ (три четверти восьмаго) прискакали сказать мнѣ, что все кончилось.

12-го февраля. Свѣтило русской администраціи угасло. Сперанскій былъ, конечно, геній въ полномъ смыслѣ слова, геній съ недостатками и пороками, безъ которыхъ никто не бываетъ въ бѣдномъ нашемъ человѣчествѣ, но едва-ли не превзошедшій всѣхъ прежнихъ государственныхъ людей нашихъ,—если въ прибавокъ къ великому уму его взять огромную массу его свѣдѣній теоретическихъ и практическихъ. Имя его глубоко врѣзалось въ исторію. Сперва ничтожный семинаристъ, потомъ всемогущій временщикъ, знаменитый изгнанникъ, возставшій отъ паденія съ неувядшими силами, наконецъ, безсмертный зиждитель Свода (Законовъ), столь же исполинскаго въ мысли, какъ и въ исполненіи,—онъ и геніемъ своимъ, и чудными своими судьбами сталъ какимъ-то гигантомъ надъ всѣми современниками. Кончина его есть историческое событіе и вмѣстѣ бѣдствіе государственное. Многое въ его жизни осталось неразгаданнымъ, непонятымъ; иное объяснятъ намъ можетъ быть оставшіеся послѣ него мемуары, существованія которыхъ я никогда не подозрѣвалъ, но которые вчера видѣлъ собственными глазами. Жизнь Сперанскаго, описанная перомъ Сперанскаго—можетъ-ли быть что-нибудь любопытнѣе?

И сколько съ этой горестною кончиною разрушилось частныхъ надеждъ, сколько уничтожилось будущностей! Сколько молодыхъ и старыхъ, начинающихъ только и продолжающихъ свою карьеру, ожидало отъ Сперанскаго всего, всего! И кто послѣ Сперанскаго съ равною силой, съ равнымъ краснорѣчіемъ, будетъ возвышать свой голосъ въ царской думѣ, кому завѣщалъ онъ свое золотое перо, свой увлекательный даръ слова, свое мастерство въ улаживаніи и разсѣченіи самыхъ запутанныхъ трудныхъ государственныхъ вопросовъ! Правящій должность статсъ-секретаря въ нашемъ департаментѣ законовъ, Теубель,

человѣкъ съ отличными дарованіями, но совершенно эксцентрическій, не уважающій ни чьихъ достоинствъ, не отдающій никому справедливости,—въ отвѣтъ на записку, которою я увѣдомлялъ его сегодня о кончинѣ Сперанскаго, пишетъ мнѣ: «Я уже успѣлъ узнать незамѣнимую и особенно для насъ несчастную потерю сегодня по утру. Не смѣю сравнивать себя въ чувствахъ скорби съ тѣми, которые могли имѣть лично близкія къ покойному отношенія, но какъ служащій, никто, безъ сомнѣнія, глубже меня не былъ пораженъ этимъ гибельнымъ случаемъ. Богъ пусть судитъ, что теперь будетъ съ департаментомъ законовъ».

Въ домѣ Сперанскаго я нашелъ плачъ и стонъ. Дочь его (единственная), жена сенатора Багрѣева, и дѣти ея утопали въ слезахъ; люди тоже. Въ одной комнатѣ торговались съ гробовщикомъ, а въ другой—приготовляли столъ для послѣдняго ложа; въ третьей—снимали съ покойнаго маску для бюста и слѣпокъ съ рукъ его,—прекраснѣйшихъ, какія мнѣ случалось видѣть. На умномъ значительномъ лицѣ его, нисколько не обезображенномъ предсмертными страданіями, запечатлѣлась глубокая дума, какъ будто выспренній духъ его не улетѣлъ еще въ безвѣстные предѣлы!

— Онъ умеръ какъ праведникъ, а теперь лежитъ какъ будто спящій святой,—шепнулъ подлѣ меня кто-то изъ людей.

Я плакалъ горько и долго, долго не могъ отойти отъ этого величественнаго трупа. И во мнѣ плакало какое-то двойное чувство: чувство осиротѣвшаго сына русской земли, и чувство привязанности къ человѣку, съ которымъ тринадцать лѣтъ состоялъ я въ ближайшихъ связяхъ,—къ истинному творцу моей карьеры: не знаю, которое плакало больше.

13-го февраля. Тѣло покойнаго вчера еще было положено въ гробъ; вчера же приготовлена траурная комната, учреждено дежурство, и начались торжественныя панихиды по два раза въ день. Народу тутъ всегда множество, но болѣе второстепеннаго. Знать и вельможи наши не любятъ гробовъ и напоминанія смерти. Вообще Сперанскій былъ бѣденъ друзьями: онъ имѣлъ множество поклонниковъ, множество почитателей, можетъ быть столько же враговъ; но свойство его характера дѣлало его малоспособнымъ къ истинной дружбѣ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ состоялъ въ особенно тѣсной связи только съ покойнымъ княземъ Кочубеемъ и съ нашимъ Васильчиковымъ; но въ первомъ—онъ всегда видѣлъ болѣе бывшаго начальника, содѣйствовавшаго блистательнымъ его успѣхамъ, а надъ вторымъ всегда чувствовалъ далекое свое превосходство. Я думаю, что они любили и уважали его болѣе, чѣмъ онъ ихъ; но истинной дружбы и тутъ не было, потому что я не-

рѣдко имѣлъ случай слышать взаимныя обоюдныя ихъ нареканія. Въ семействѣ и вообще въ домашней жизни онъ былъ обожаемъ по ровному, кроткому, незлобивому своему характѣру; столько же бы онъ былъ любимъ и своими подчиненными, если бы было въ немъ—болѣе прямодушія.

Въ день кончины Сперанскаго параличъ разбилъ другаго новаго нашего предсѣдателя Кушникова, далеко отстоящаго отъ перваго во всѣхъ отношеніяхъ умственныхъ, но всѣми любимаго старца. Онъ въ памяти, но жизнь его въ величайшей опасности. Вчера онъ исповѣдывался и пріобщался; сегодняшнія извѣстія очень нехороши. Въ роковой день, 11-го февраля, увидѣвъ Арендта, онъ спрашивалъ: каковъ Сперанскій и на отвѣтъ его, что очень худъ, съ чувствомъ проговорилъ:

— Ахъ, Николай Өедоровичъ, бросьте меня и идите спасать его: я человѣкъ обыкновенный, какихъ много у государя, а другаго Сперанскаго нѣтъ!

Въ этотъ же день, посреди всѣхъ печалей случился истинно комическій анекдотъ. Нашъ физіономистъ Лемольтъ, котораго позвали снимать бюстъ съ скончавшагося Сперанскаго, услышавъ ошибочно, что умеръ и Кушниковъ (живущій очень близко къ дому Сперанскаго), разсудилъ, на всякій случай, заѣхать по дорогѣ и къ нему. И вдругъ, глупые люди Кушникова докладываютъ ему самому, что пріѣхалъ какой-то французъ снимать съ него маску!

14-го февраля. Сегодня въ 1-мъ часу послѣ полудня скончался и добрый нашъ старикъ Кушниковъ. И такъ, съ 24-го января по 14-е февраля мы потеряли трехъ предсѣдателей, всего же съ апрѣля прошлаго года, т. е. въ десять мѣсяцевъ, умерло восемь членовъ Совѣта, почти по одному на мѣсяцъ, именно: графъ Новосильцовъ, князь Лобановъ-Ростовскій, Родофиникинъ, Нарышкинъ, князь Ливенъ, графъ Литта, графъ Сперанскій и Кушниковъ,—въ томъ числѣ шесть Андреевскихъ кавалеровъ. Настоящее моровое повѣтріе!

16-го февраля. Вчера происходило торжественное погребеніе графа Сперанскаго въ Александро-Невской лаврѣ, въ присутствіи государя императора и великаго князя Михаила Павловича, со всею подобавшей высокому сану его почестью. Священный обрядъ совершалъ кіевскій митрополитъ Филаретъ, котораго покойный очень любилъ и уважалъ. Государь и великій князь пріѣхали только въ церковь и на дому не были, но провожали гробъ изъ церкви до могилы на новомъ

кладбищѣ и тутъ оставались до первой горсти земли, посыпанной на гробъ.

Сегодня я посѣщалъ оставшуюся дочь (Багрѣеву), которая подарила мнѣ карандашъ и листикъ бумажки. Карандашъ есть последній, которымъ писалъ покойный при своей жизни; листикъ бумажки тоже содержитъ въ себѣ одно изъ послѣднихъ начертаній его руки; это сравнительная вѣдомость суммамъ, которыя правительство издерживало ежегодно на пенсіи съ 1823 по 1837 годъ.

У меня сохранилось сверхъ этого множество собственноручныхъ записокъ ко мнѣ покойнаго, которыя я теперь буду хранить какъ завѣтное сокровище.

Сегодня я былъ на панихидѣ у С. С. Кушникова. Зала, великолѣпно убранная, великолѣпно освѣщенная и почти пустая. Наканунѣ его кончины, когда была еще надежда на выздоровленіе, я нашелъ переднюю его набитою множествомъ лицъ первой руки, и всякую минуту останавливались у подъѣзда кареты...

17-го февраля. Теперь происходятъ въ Петербургѣ обыкновенные трехлѣтніе выборы дворянства. Между выборными должностями есть нѣсколько членовъ совѣта кредитныхъ установленій,—званіе, въ которое выбираются дворяне болѣе для почета.

Вчера въ спискѣ кандидатовъ въ эту должность предложенъ былъ и извѣстный статсъ-секретарь Позенъ; но забаллотированъ 160-ю шарами противъ 40-ка. Исторія его несложная, но интересная.

Поступивъ на службу сперва въ министерство финансовъ, онъ долго тамъ прозябалъ незамѣченный, хотя товарищи и ближайшіе начальники умѣли уже оцѣнить его отличныя дарованія.

Потомъ взялъ его къ себѣ нынѣшній военный министръ гр. Чернышевъ, и тутъ въ самое короткое время онъ умѣлъ сдѣлать самую блистательную карьеру.

При тонкомъ умѣ, живомъ воображеніи и хорошемъ перѣ онъ тотчасъ завладѣлъ Чернышевымъ, умѣлъ пріобрѣсть всю его довѣренность и еще въ среднихъ чинахъ былъ употребляемъ ко всѣмъ важнѣйшимъ мѣрамъ и особенно ко всѣмъ новымъ предположеніямъ по военному министерству, и потомъ, сопутствуя нѣсколько разъ государю въ его путешествіяхъ, самъ объявлялъ уже высочайшія повелѣнія гр. Чернышеву. Въ 1834 г., когда я былъ перемѣщенъ въ государственные секретари, онъ стоялъ уже на такой степени, что вмѣстѣ съ директоромъ канцеляріи военнаго министерства Брискорномъ былъ предположенъ государемъ кандидатомъ на мое мѣсто въ управляющіе дѣлами Комитета министровъ, но Чернышевъ рѣшительно объявилъ, что не можетъ обойтись ни безъ того, ни безъ другаго, и тогда взяли Бахтина, служившаго при

кн. Меншиковѣ. Но когда, года черезъ два послѣ того, Бахтинъ былъ пожалованъ по мѣсту своему въ статсъ-секретари, то Чернышевъ потребовалъ этого же званія и для Брискорна и Позена, подъ благовиднымъ предлогомъ, что оба они не получили мѣста управляющаго дѣлами Комитета потому лишь, что были необходимы въ настоящихъ должностяхъ, и не должны отъ этого терпѣть.

Ходатайство его было уважено государемъ, и Позенъ былъ тогда на эпогеѣ милости и силы.

Оставайся онъ при одной службѣ, и можетъ быть эта милость и сила сохранились бы и росли по-прежнему; но онъ вздумалъ сдѣлаться богатымъ—и этого завистливая толпа уже не вытерпѣла. Еще въ меньшее время, чѣмъ ему нужно было для созданія своей карьеры, онъ создалъ себѣ огромное состояніе. По словамъ его—которыя и мнѣ кажутся правдоподобными,—ему посчастливились нѣсколько смѣлыхъ спекуляцій, участіе въ золотыхъ промыслахъ, въ винныхъ откупахъ и пр. Но многочисленные враги и завистники тотчасъ обратили обогащеніе его въ сильнѣйшее противъ него орудіе, приписали оное злонамѣренному употребленію власти, нашли неприличіе даже въ тѣхъ его операціяхъ, которыя общее мнѣніе дозволяетъ каждому и, не успѣвъ повредить репутаціи его ума и дарованій, успѣли очернить его характеръ, не только въ глазахъ публики, но и самого государя, котораго милость къ нему съ тѣхъ поръ быстро уменьшилась.

Неудача при выборахъ не пройдетъ безъ вредныхъ для него послѣдствій, ибо услужливые люди не оставятъ разблаговѣстить это въ городѣ и довести до свѣдѣнія государя. Теперь онъ давно уже не сопровождаетъ государя въ путешествіяхъ и вмѣстѣ съ милостію царскою потерялъ почти и весь вѣсъ у Чернышева, который столькимъ ему обязанъ. Обезпечивъ свое состояніе, Позенъ давно уже поговариваетъ объ отставкѣ: исполнитъ-ли онъ это намѣреніе не знаю; но ясно, что блистательная его карьера кончилась и,—при томъ гнусномъ свѣтѣ, который набросили на него клевета и злословіе, не возсіяетъ уже никогда солнце милости. Я съ моей стороны считаю Позена,—и по видѣннымъ не разъ мною опытамъ,—человѣкомъ добрымъ, благонамѣреннымъ и благороднымъ.

25-го февраля. Для разбора бумагъ покойнаго гр. Сперанскаго назначена коммиссія изъ бывшаго министра юстиціи Дашкова, статсъ-секретаря Танѣева и меня. Вчера мы приступили къ дѣлу вскрытіемъ печатей и отдѣленіемъ всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя съ перваго взгляда оказались совершенно частными и принадлежащими въ возвратъ семейству. Прочія, признанныя нами «provisoirement» казенными, но изъ которыхъ многія вѣроятно окажутся тоже частными, мы беремъ

къ себѣ для подробнаго разбора и описи. Жатва богатая, но однако не въ той степени, какъ можно было заключать по слухамъ и даже по предварительному предположенію государя.

1-го марта. Всѣ эти дни я занимался съ большимъ напряженіемъ разборомъ бумагъ Сперанскаго: раскладывалъ, читалъ и—благоговѣлъ передъ этимъ перомъ, этой бездной учености, этимъ необъятнымъ трудолюбіемъ, этимъ энциклопедическимъ умомъ! Чего тутъ нѣтъ, начиная отъ высшихъ философическихъ истинъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ мистицизма: исторія, религія, филологія, классическія и религіозныя древности, законодательство въ теоріи и практикѣ, администрація, финансы,—о всемъ тутъ есть не только матеріалы, не только отрывочныя замѣтки, но и полныя разсужденія и цѣлыя книги. И все это своею рукой и такимъ языкомъ, какимъ никто никогда не писалъ у насъ о подобныхъ предметахъ. И какъ интересна частная его переписка съ значительнѣйшими государственными людьми и учеными его вѣка. И сколько въ другихъ бумагахъ любопытнаго матеріала для его біографіи. Но настоящихъ мемуаровъ не нашлось: тò, что я принялъ за нихъ, оказалось краткимъ, къ сожалѣнію слишкомъ краткимъ дневникомъ съ 1821 по 1824 г. включительно: почти одно оглавленіе.

10-го марта. Я сказывалъ уже, что частная переписка Сперанскаго представляетъ большой и многосторонній интересъ: это живая панорама дѣлъ и людей того времени, когда Сперанскій былъ въ отлучкѣ, ибо по возвращеніи его сюда, тѣ письма, которыя онъ получалъ изъ губерній, не имѣютъ уже того общаго интереса. Все это государь приказалъ возвратить семейству; но покамѣстъ оканчивается разборъ другихъ бумагъ, письма остаются у меня. Не позволяя себѣ извлекать изъ нихъ ничего, могущаго нарушить священную письменную тайну, даже и за отдаленное время, я выпишу здѣсь только коечто, относящееся не къ поименованнымъ лицамъ, а къ людямъ вообще и къ дѣламъ [1]).

Отъ кн. Кочубея 4-го января 1821 г. «Бывъ нѣкоторое время въ отлучкѣ и не находясь въ столь непосредственныхъ отношеніяхъ къ дѣламъ, я не воображалъ себѣ, чтобы въ семъ (въ улучшеніяхъ по внутреннему положенію государства) была столь настоятельная необходимость.

«Перемѣна во всемъ съ 1812 г. удивительная! Какое приняло на-

---

[1]) Выписки расположены не въ хронологическомъ порядкѣ; но мы оставляемъ ихъ такъ, какъ помѣщены онѣ въ дневникѣ М. А. Корфа.

правленіе публичное мнѣніе! Какія требованія или претензіи! Но при томъ какой недостатокъ знаній и какая трудность искать людей, сколько-нибудь образованныхъ.

«Усердіе мое томилось непрестанно. Нѣтъ никакой помощи. Извелись чиновники; правила забылись; однимъ словомъ, нѣтъ никакого удовольствія, а трудовъ бездна. По своему министерству (внутреннихъ дѣлъ) сужу и о прочихъ, хотя впрочемъ министръ финансовъ запасся людьми лучшими, дѣлами части его управляющими. Но если бранятъ нерѣдко всѣхъ министровъ и довольно непристойно, то нѣтъ уже никакой мѣры въ запальчивости противъ министра юстиціи. Можетъ быть, Сенатъ ведетъ дѣла свои и не хуже, но симъ недовольны: надобно, говорятъ, чтобы все шло лучше. Однимъ словомъ, труда высшему правительству предстоитъ премного».

Его же 3-го апрѣля 1820 г. «Мнѣ кажется, что всѣмъ намъ должно думать не о томъ, какъ прежде лѣтъ за 50 было, но какъ сообразно направленію умовъ и вѣку расположиться должно, чтобы отвратить бѣдствія, коими болѣе или менѣе всѣ правительства угрожаемы быть могутъ. Я знаю, что мы менѣе другихъ подвержены опасности; что мы можемъ даже дѣлать и зло безъ вредныхъ для правительства послѣдствій; но однако жъ и у насъ гораздо болѣе нынѣ смѣютъ требовать отъ правительства, гораздо болѣе и гласнѣе смѣютъ хулить его. И у насъ здѣсь много болтаютъ о конституціи и пр. Молодыхъ людей множество заражено полупонятіями о законодательствѣ и пр. Я не сомнѣваюсь, что все обойдется у насъ хорошо; тѣмъ не менѣе однако желаю искренно, чтобы сдѣланъ былъ приступъ къ установленію лучшаго во всѣхъ частяхъ порядка».

Изъ того же письма. «По мѣрѣ расположенія сего (государя Александра къ возвращенію Сперанскаго) обращаются уже всѣ желанія наружныя къ возвращенію вашему, къ прочному вашему въ дѣлахъ водворенію. Я вижу тѣхъ, кои самому мнѣ утверждали, что вы не вѣруете въ Христа и что всѣ ваши распоряженія клонились къ пагубѣ отечества и пр., утверждающихъ нынѣ, что правила ваши христіанскія перемѣнились и что и понятія ваши даже о дѣлахъ управленія не суть прежнія. Несчастіе заставило васъ размышлять и пр. Многіе забѣгаютъ ко мнѣ спрашивать, будетъ-ли М. М. сюда? Какъ вы думаете: надобно бы обратить стараніе къ тому, чтобы его вызвали и пр. На все сіе отвѣтъ мой: не знаю, хорошо бы было и т. д.

«Знаете-ли вы: исторія ваша открыла мнѣ новый свѣтъ въ семъ мірѣ, но свѣтъ самый убійственный для чувствъ, сколько-нибудь насъ возвышающихъ. Я до ссылки вашей жилъ какъ монастырка. Мнѣ болѣе

или менѣе казалось, что люди говорятъ то, что чувствуютъ и думаютъ; но тутъ я увидѣлъ, что они говорятъ сегодня одно, а завтра другое и говорятъ не краснѣя и смотря вамъ въ глаза, какъ бы ничего не бывало. Признаюсь, омерзѣніе мое превышаетъ мѣру и, при слабомъ здоровьи моемъ, имѣетъ конечно нѣкоторое надъ онымъ вліяніе».

Отъ кн. А. Н. Голицина 22-го апрѣля 1819 г. «Государь императоръ, видя изъ отвѣта вашего къ гр. Аракчееву предположеніе ваше о мнѣніи публики на счетъ вашего назначенія, поручилъ мнѣ васъ удостовѣрить, что оное произвело вообще хорошее дѣйствіе.

«Иные приписывали отличной довѣренности къ вамъ порученіе края, столь требующаго всего вниманія государя по многимъ отношеніямъ; другіе находили, что сіе назначеніе будетъ имѣть для сибирскихъ губерній самыя благодѣтельныя послѣдствія. Въ разсужденіи же просьбы вашей объ отпускѣ, мало и знали объ ней, ибо она прислана была отъ васъ къ гр. Вязмитинову, а имъ доставлена прямо къ его величеству».

О. П. Козодавлева 30-го іюня 1819 г. «Знаете-ли вы, какая рѣдкость при опредѣленіи васъ сибирскимъ начальникомъ случилась? Всѣ были онымъ довольны; никто въ томъ правительство не упрекалъ, оно попало на общее мнѣніе»....

«Вы пишете, что въ Сибири ничего не читая можно заржавѣть. Сіе въ Сибири такъ, какъ и вездѣ. Здѣсь многіе и весьма многіе ржавчиной провоняли».

Отъ самого Сперанскаго кн. Кочубею 21-го сентября 1818 г. (Когда онъ былъ еще пензенскимъ губернаторомъ).

«При самомъ отправленіи вашемъ изъ Петербурга въ письмахъ къ его величеству и особенно гр. Аракчееву я просилъ суда и рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ своимъ предоставлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ образомъ. На случай одной крайности присовокуплялъ я другое средство: службу. Изъ двухъ однакоже именно выбрали худшее и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго, послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми, и, чтобы довершить всю странность сего положенія, то примкнули ко мнѣ Магницкаго, поставивъ такимъ образомъ мое поведеніе не только въ связи, но и въ зависимости отъ его порывовъ.

«Одинъ Богъ сохранилъ меня отъ печальныхъ предзнаменованій, съ коими появился я въ губерніи. По счастью и единственно по счастью, добрый смыслъ дворянства и особенно старинная связь моя съ Столыпиными мало-по-малу разсѣяли всѣ предубѣжденія.

«Ихъ совѣтами и ихъ сильной помощью я сталъ здѣсь помѣщикомъ и хотя вошелъ въ долги, но за то примирился со всѣми подозрѣніями и пріобрѣлъ почти общую къ себѣ привязанность. Между тѣмъ сношеніями и дѣлами мирился я и съ Петербургомъ. Д. А. (Гурьевъ) одинъ изъ первыхъ ко мнѣ обратился: по его ходатайству получилъ я продолженіе аренды, нѣкогда вами мнѣ испрошенной, и земли въ Саратовѣ. Вообще по всѣмъ частямъ министерствъ я не встрѣтилъ ничего кромѣ пріятнаго. Его величество сверхъ милостиваго вниманія ко всѣмъ моимъ представленіямъ по службѣ удостоилъ меня двумя благосклонными и совершенно въ партикулярномъ и отъ службы независящемъ слогѣ рескриптами. Въ нихъ нашелъ я и то драгоцѣнное мнѣ увѣреніе, что государь не сомнѣвается въ искренности и преданности чувствъ моихъ.

«Такимъ образомъ худое начало произвело добрыя послѣдствія»...

«Обращаясь лично къ себѣ, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобы сдѣлали меня сенаторомъ и потомъ дали бы въ общемъ и обыкновенномъ порядкѣ чистую отставку. Послѣ сего я побывалъ бы на мѣсяцъ или два въ Петербургѣ единственно для того, чтобы заявить, что я болѣе не ссыльный и что изганіе мое кончилось».

Отъ него же къ О. П. Козодавлеву 5-го ноября 1818 г. «Въ положеніи моемъ трудно оградиться отъ навѣтовъ. Къ сему сдѣлана уже привычка.

«Привыкли, напримѣръ, какъ слышу, и теперь еще продолжаютъ судить о мнѣ по извѣстіямъ, изъ Симбирска привезеннымъ. (Тамъ былъ въ то время Магницкій, удаленный вмѣстѣ съ Сперанскимъ). Но товарищъ мой въ несчастіи никогда не былъ мнѣ товарищемъ ни въ образѣ мыслей, ни въ поступкахъ и безъ большаго самолюбія, смѣю думать, что сіе сліяніе столько же само по себѣ странно, какъ и несправедливо».

14-го марта. Вчера я обѣдалъ у очень достойнаго человѣка, полковника Ростовцева [1]), адъютанта великаго князя Михаила Павловича и вмѣстѣ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, весьма многимъ ему обязанныхъ. Хотя Ростовцевъ женатъ, но обѣдъ былъ холостой. Въ немъ участвовали статсъ-секретари Позенъ, Брискорнъ и Бахтинъ, начальникъ штаба артиллерійскаго кн. Долгоруковъ, генералъ-аудиторъ Ноинскій, директоръ канцеляріи министра финансовъ Княжевичъ. Ростовцеву пріятели его заказали совершенно русскій обѣдъ, который былъ очень недуренъ; но чтобы и вино шло въ тотъ же тонъ, на бутылкахъ съ лучшими сортами французскихъ

[1]) Якова Ивановича, впослѣдствіи графа.

винъ вывѣшены были ярлыки: «сантуринское, крымское и пр.», на водкѣ «ерофеичъ, пѣнникъ».

16-го марта. Киселевъ (Павелъ Дмитріевичъ), который читалъ письмо Ермолова, сказывалъ мнѣ, что въ немъ, между прочимъ, Ермоловъ изъявляетъ удивленіе свое «благости царя, уполномочивающаго нѣсколько избранныхъ лицъ въ составѣ Совѣта разбирать и измѣнять существующіе законы и составлять новые, предоставляя себѣ одно утвержденіе ихъ мнѣнія». Отвѣтъ ему сдѣланъ не черезъ гр. Бенкендорфа, а черезъ военнаго министра, и довольно колко. Тамъ сказано, между прочимъ, что государь выбралъ его въ члены Совѣта, имѣвъ въ виду, что онъ долгое время управлялъ обширнымъ и важнымъ краемъ и предполагая поэтому въ немъ соединеніе свѣдѣній и опытности по всѣмъ частямъ администраціи и законодательства; но какъ теперь онъ самъ сознается, что не имѣетъ нужныхъ для сего званія способностей, то государь и предоставляетъ ему полную свободу—присутствовать или не присутствовать въ Совѣтѣ и пр.

20-го марта. Графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ (нынѣшній военный министръ), страшный охотникъ хвастать своими прежними воинскими подвигами и разсказывать ихъ всякому, кто готовъ слушать, а слушателей, при теперешней его силѣ, разумѣется, пропасть. Эту страсть онъ привилъ и женѣ своей (урожденной гр. Зотовой), которая сдѣлалась, такимъ образомъ, большою распространительницей военной славы своего супруга. На-дняхъ былъ у нихъ небольшой вечеръ. Въ одномъ углу графъ игралъ въ вистъ. Въ другомъ—графиня, въ кругу усердныхъ слушателей, трактовала любимую свою матерію. Недалеко отъ нихъ стоялъ кн. Меншиковъ, столько же острый, сколько колкій и злоязычный. Вдругъ графиня среди своего разсказа забыла имя города (Кассель), взятаго ея мужемъ во французскую кампанію. «Mais voilà le P-ce Menchikoff, qui nous tirera d'embarras; dites nous donc le nom de la ville qui avait été prise par Alexandre?» «Mais c'est Babilone, Madame». «Eh non, c'était encore quelque autre chose!» [1])

29-го марта. Вчера я обѣдалъ у М. В. Гурьева въ довольно многочисленной компаніи, которую потѣшалъ своими разсказами генералъ путей сообщенія Дестремъ, французъ, столько же извѣстный своимъ остроуміемъ и ученостью, сколько, впрочемъ, и хвастливостью.

---

[1]) „Вотъ князь Меншиковъ насъ выручитъ; скажите намъ названіе города, взятаго Александромъ". „Но вѣдь это Вавилонъ". „Нѣтъ, это что-то другое".

Вчера главный предметъ его разсказовъ составляла ссылка въ 1812 году. Въ числѣ многихъ французовъ, которые тогда удалены были изъ Петербурга безъ всякой другой причины, кромѣ общаго подозрѣнія въ непріязни къ Россіи, находились и четыре воспитанника Парижской политехнической школы, перезванные на нашу службу и имѣвшіе уже тогда у насъ маіорскій чинъ: Дестремъ, Базенъ, Потье и Фабръ,—люди, которые впослѣдствіи всѣ пріобрѣли себѣ имя и общую извѣстность на своемъ поприщѣ. Они отправлены были сперва въ Ярославль, а оттуда прямо въ Иркутскъ, гдѣ и прожили два года восемь мѣсяцевъ, подъ самымъ строгимъ надзоромъ, съ запрещеніемъ выходить изъ дому и принимать кого-нибудь къ себѣ. Единственное утѣшеніе ихъ было взаимное сообщество, потому что ихъ заключили всѣхъ вмѣстѣ, и занятіе науками. Тамъ же Дестремъ выучился по-русски и теперь можетъ поспорить въ знаніи нашего языка со многими изъ насъ. Тогдашній иркутскій губернаторъ Трескинъ, котораго Дестремъ называетъ чудовищемъ (послѣ онъ былъ за разныя преступленія подъ судомъ и разжалованъ), увеличивалъ еще ихъ страданія самыми деспотическими и превосходившими даже его инструкцію притѣсненіями. Наконецъ, когда они потеряли уже всякую надежду оставить въ жизни своей Иркутскъ, имъ вдругъ объявлена была свобода, съ правомъ возвратиться къ службѣ своей въ Петербургъ. Эту сцену описываетъ Дестремъ самымъ комическимъ образомъ. Городничій явился къ нимъ рано утромъ съ объявленіемъ, что «принесъ имъ радостную вѣсть». Въ ту минуту, какъ, читая принесенную имъ бумагу, они впали въ нѣмое оцѣпенѣніе восторга и потомъ бросались другъ другу на шею,—городничій съ таинственнымъ видомъ провозгласилъ, что имѣетъ объявить имъ «еще другую радостную вѣсть». Въ избыткѣ своего счастья, они не могли вообразить себѣ такой вещи, которая могла бы еще его увеличить. Между тѣмъ, эта радостная вѣсть состояла въ томъ, что «г. губернаторъ проситъ ихъ къ себѣ отобѣдать». Si non vero, e ben trovato.

12-го апрѣля. На счастье Блудова, ему даны отлично надежные помощники въ министерствѣ юстиціи. Чрезъ назначеніе Дегая статсъ-секретаремъ и Веймарна оберъ-прокуроромъ I департамента Сената, въ департаментѣ министерства юстиціи открылись вакансіи директора и вице-директора. Теперь помѣщены: на первую—оберъ-прокуроръ Данзасъ, а на послѣднюю—бывшій въ послѣднее время въ министерствѣ государственныхъ имуществъ Пальчиковъ—оба люди умные, образованные, отличныхъ правилъ, служившіе долго въ губерніяхъ и пріобрѣвшіе большую опытность, а что̀ всего важнѣе, люди съ твердымъ характеромъ. Оба они учились въ лицеѣ и вышли черезъ три года

послѣ меня (второй выпускъ 1820 г.), такъ что они не только теперь товарищи между собою по службѣ, но и бывшіе товарищи по школѣ.

На-дняхъ кн. Паскевичъ принималъ меня съ бумагами по-домашнему: на немъ сперва фланелевая фуфайка, потомъ мѣховая и, наконецъ, сверхъ всего, еще шелковый камзолъ на ваткѣ, чѣмъ и оканчивается верхній туалетъ. Ноги его покоятся въ огромномъ мѣховомъ мѣшкѣ. И все это въ комнатѣ, гдѣ температура безъ того выше обыкновенной. Онъ говоритъ, что взялъ привычку къ такой теплой одеждѣ за Кавказомъ, гдѣ она предохраняетъ отъ внѣшней жары, а теперь продолжаетъ употреблять ее въ предосторожность отъ простуды. Адъютанты сказывали мнѣ, что во всякую свободную минуту и по нѣскольку разъ въ день онъ ложится на диванъ, и тогда покрываютъ его шубами, а къ ногамъ прикладываютъ горячіе кувшины.

Фамилія графовъ Віельгорскихъ (или какъ ихъ у насъ зовутъ Велегурскихъ) издавна очень приближена ко двору: сынъ одного изъ нихъ воспитывался вмѣстѣ съ наслѣдникомъ [1]), и вообще они пользуются самой особенной милостью какъ государя, такъ и императрицы. Одинъ изъ нихъ, Матвѣй, любимый еще болѣе другаго (Михаила), теперь въ должности шталмейстера у великой княжны Маріи Николаевны и вмѣстѣ директоромъ одного изъ департаментовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Но какъ съ наступающимъ бракомъ великой княжны первая должность изъ синекуры обратится въ дѣйствительную и при томъ довольно заботливую, то Віельгорскій и принужденъ оставить послѣднюю. Гр. Нессельродъ, докладывая объ этомъ государю, испрашивалъ Віельгорскому награду; но государь никакъ на это не хотѣлъ согласиться.

— Я слишкомъ люблю Віельгорскаго, и потому подумаютъ, что даю ему награду изъ пристрастія.

Не смотря на всѣ убѣжденія Нессельрода и на отличное его засвидѣтельствованіе о службѣ Віельгорскаго, государь остался непреклоненъ.

— Пусть еще послужитъ и заслужитъ,—былъ его отвѣтъ.

Итакъ, Віельгорскому за то, что государь особенно къ нему расположенъ, приходится пробыть еще нѣсколько времени въ обѣихъ должностяхъ. Вѣроятно, что государь отсрочиваетъ его награду до свадьбы [2]).

---

[1]) Почти въ то самое время, какъ я писалъ сіи строки, этотъ молодой человѣкъ умеръ въ Римѣ.

[2]) И точно: въ день брака онъ получилъ ленту Станислава. Но съ тѣхъ поръ и посыпались уже на него награды, не по примѣру, а не въ примѣръ другимъ.

13-го апрѣля. Сегодня первый, нѣсколько весенній день. На солнцѣ 16°, а въ тѣни и въ воздухѣ есть уже что-то ароматическое. Ледъ на улицахъ однако не вездѣ еще стаялъ, особенно на сторонѣ къ сѣверу его очень много, а грязи еще болѣе.

Умеръ еще одинъ нашъ членъ, бывшій андреевскимъ кавалеромъ, Иванъ Васильевичъ Тутолминъ, человѣкъ добрый и почтенный. Онъ уже лѣтъ шесть или семь удалился совсѣмъ отъ дѣлъ и хотя числился еще въ нашихъ спискахъ, но постоянно жилъ въ Москвѣ. Я состоялъ съ нимъ нѣкогда въ ближайшемъ соотношеніи, потому что онъ былъ предсѣдателемъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ въ то время, когда я числился уже его членомъ. Онъ умеръ въ глубокой старости.

Нашъ старикъ Балугьянскій былъ всегда и совсѣмъ не по своей волѣ—человѣкъ чрезвычайно комическій. Глухота его, неловкость, нелюдскость, совершенное отсутствіе такта и какое-то простодушіе, доходящее иногда до совершеннаго ребячества, тысячу разъ давали поводъ къ презабавнымъ съ нимъ анекдотамъ.

Вотъ опять самая свѣжая уморительная сцена. Эстляндское дворянство,—по старинному обычаю своему въ отношеніи къ людямъ, которымъ хочетъ оказать особенную почесть, или въ которыхъ имѣетъ нужду,—причислило его въ свое сословіе и прислало ему дипломъ на званіе эстляндскаго дворянина, что̀ очень польстило старику. На другой день послѣ того является къ нему эстляндскій дворянинъ и ландратъ Гринвальдъ, который ничего не зналъ о новомъ своемъ собратѣ. Можно себѣ представить удивленіе его и смущеніе, когда старикъ бѣжитъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями и вдругъ, падая передъ нимъ на колѣни, кричитъ: «geben sie mir den Ritterchlag!»[1]) Первая идея Гринвальда была, что онъ сошелъ съ ума; вторая, что ему дана желанная Александровская лента. «Euer Exzelenz sind gewiss zum Alexanderritter ernannt worden?»[2]) «Ja, ja»,—отвѣчаетъ ему глухой Балугьянскій, слыша совсѣмъ другое, и вотъ, Гринвальдъ, за отсутствіемъ меча, даетъ ему легкій ударъ по плечу попавшеюся линейкой—«den Ritterchlag»,—и только уже послѣ этой церемоніи, когда Балугьянскій привѣтствовалъ Гринвальда «своимъ собратомъ», объяснилось обоюдное недоразумѣніе.

3-го іюня. Мой Васильчиковъ большой охотникъ разсказывать анекдоты изъ военной своей жизни, которые не всегда равно занимательны,

---

[1]) Примите меня въ рыцари.

[2]) Ваше превосходительство навѣрно назначены кавалеромъ Александровскаго ордена?

хотя самая карьера его, по общему свидѣтельству, была точно блистательна. Вчера мы говорили о предназначенныхъ на нынѣшнюю осень маневрахъ при Бородинѣ, и онъ разсказывалъ, что за Бородинское дѣло былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, обойдя 30 человѣкъ, и что сверхъ того въ этомъ же дѣлѣ нѣсколько разъ чудеснымъ образомъ спасена была его жизнь. Мать его, женщина набожная и богомольная, передъ отправленіемъ въ походъ 1812 г., подарила ему прекрасную греческую саблю, на клинкѣ которой былъ изображенъ ликъ Богоматери, съ просьбой надѣвать ее во всякомъ дѣлѣ.

— Но чудное дѣло,—прибавляетъ онъ,—до Бородинскаго сраженія я совсѣмъ забылъ объ этой саблѣ, а тутъ только впервые надѣлъ ее, перекрестившись съ молитвою за себя и за матушку. И что же: въ этомъ дѣлѣ убито было подо мною три лошади, меня задѣло въ три пріема и въ трехъ мѣстахъ осколками картечи, я былъ въ двухъ шагахъ отъ плѣна, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелями, и Божія помощь меня вынесла; отъ самой же сабли остался одинъ клинокъ съ образомъ Богородицы: эфесъ отскочилъ или его оторвало, не знаю уже какъ, но онъ пропалъ.

8-го іюня. По случаю споровъ между калмыками Бузулуцкаго уѣзда и занявшими часть ихъ земель казенными крестьянами, Сенатъ, до котораго дошло это дѣло въ 1836 г., предписалъ тѣхъ изъ крестьянъ, кои окажутся дѣйствительно уже поселившимися на калмыцкихъ земляхъ, оставить тамъ безъ перевода на другія мѣста.

Вслѣдствіе сего оренбургскій военный губернаторъ Перовскій предположилъ оставить на калмыцкихъ земляхъ 41 семейство, какъ прочно водворившіяся, а остальныя 108 семей (484 души) перевести въ другія мѣста. Но по представленію министра финансовъ (завѣдывавшаго еще тогда государственными имуществами), основанному на присланной отъ казенной палаты подворной описи, Сенатъ, видя, что и сіи крестьяне почти всѣ обзавелись уже на калмыцкихъ земляхъ домами и хозяйствомъ, въ 1837 году пояснилъ, что къ числу дѣйствительно поселившихся, о коихъ было упомянуто въ первомъ его указѣ, не должно причислять только тѣхъ, которые не имѣютъ еще хозяйственнаго обзаведенія или живутъ въ чужихъ домахъ, а всѣхъ прочихъ слѣдуетъ оставить на мѣстѣ водворенія.

Вопреки сему Перовскій распорядился о сводѣ съ калмыцкихъ земель всѣхъ означенныхъ 108 семей; при чемъ (какъ они показываютъ) разломаны въ ихъ домахъ печи, порѣзана дворовая птица и захвачены засѣянныя поля. Когда же крестьяне подали на сіе жалобу министру государственныхъ имуществъ и, извѣстясь, что по оной производится

переписка, опять, было, возвратилась на прежнія жилища, то Перовскій снова велѣлъ ихъ выслать.

Между тѣмъ, по упомянутымъ жалобамъ крестьянъ, министръ государственныхъ имуществъ требовалъ нужныхъ объясненій и, увидя изъ донесенія казенной палаты и изъ отзыва самого Перовскаго, что въ числѣ высланныхъ 108 семей у 99 были собственныя жилища и разработанныя земли, призналъ распоряженія военнаго губернатора несогласными съ предписаніями Сената; почему и представилъ объ отмѣнѣ сихъ распоряженій и о возвращеніи означенныхъ крестьянъ по-прежнему на занятыя ими калмыцкія земли.

Сенатъ, согласно съ заключеніемъ министра, вошелъ о томъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, который и поступилъ по порядку на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, въ началѣ нынѣшняго года въ то самое время, когда былъ въ гостяхъ у насъ и самъ Перовскій.

Теперь надобно сказать нѣсколько словъ о дѣйствующихъ лицахъ драмы, которая насъ ожидала.

О подсудимомъ Перовскомъ я имѣлъ уже случай говорить въ моемъ дневникѣ. Съ неоспоримымъ умомъ, но безъ высшаго образованія, самовластный, онъ не любимъ въ высшемъ кругу и едва-ли болѣе того любимъ въ управляемомъ имъ краѣ.

Судьями его были члены департамента экономіи, но съ новымъ уже своимъ предсѣдателемъ, графомъ Левашовымъ, который, при самомъ началѣ своего предсѣдательства, показалъ если не высокія финансовыя познанія, то по крайней мѣрѣ характеръ и самостоятельность. И тогда и теперь онъ одинъ рѣшаетъ дѣла въ своемъ департаментѣ.

Другой, также нѣкоторымъ образомъ подсудимый, былъ министръ государственныхъ имуществъ, Киселевъ. Надлежало рѣшить между нимъ и Перовскимъ: виноватъ-ли послѣдній или первый въ неправильномъ его обвиненіи? Всякое среднее рѣшеніе, которое очистило бы обоихъ, было тутъ невозможно. Можно себѣ представить, какъ дѣйствовалъ въ такомъ случаѣ Киселевъ со всѣми запасами его ума, ловкости, смѣтливости и блистательнаго положенія въ свѣтѣ и у царя.

За тѣмъ подъ рукою могъ дѣйствовать и дѣйствовалъ человѣкъ, хотя посторонній составу департамента экономіи, но не посторонній дѣлу, ибо онъ пропустилъ опредѣленіе Сената, обвинившее Перовскаго. Я говорю о тогдашнемъ министрѣ юстиціи Дашковѣ. Личный врагъ Перовскаго, Дашковъ не могъ молчать въ такомъ дѣлѣ, гдѣ и онъ раздѣлялъ нѣкоторымъ образомъ отвѣтственность Киселева.

Департаментъ экономіи не только утвердилъ докладъ Сената, но и сдѣлалъ еще такую добавку, чтобы «во вниманіе къ убыткамъ, понесеннымъ крестьянами какъ отъ неправильно-допущеннаго двукратнаго ихъ

переселенія, такъ и отъ притѣснительныхъ дѣйствій со стороны отряженныхъ для ихъ переселенія чиновниковъ, произведено было на законномъ основаніи изслѣдованіе и по оному сдѣлано крестьянамъ на счетъ виновныхъ надлежащее за убытки ихъ вознагражденіе».

Въ общемъ собраніи Совѣта это заключеніе прошло «par acclamation», безъ малѣйшей перемѣны.

Нѣкоторые члены шептали даже что-то о выговорѣ Перовскому, но это было обойдено. Князь Васильчиковъ лично, со всѣхъ сторонъ настроенный, стоялъ горячо за рѣшеніе департамента экономіи. Я не помню дѣла, въ которомъ бы онъ имѣлъ такое сильное убѣжденіе.

Но и Перовскій не дремалъ. Зная заключеніе Сената, узнавъ тотчасъ, какъ само собою разумѣется, и заключеніе Совѣта, онъ предварилъ поднесеніе государю сенатской меморіи, представленіемъ отъ себя обширной записки, въ которой, изложивъ подробно все дѣло (съ своей точки), описалъ побужденія и виды, которыми руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ, и уперся главнѣйше на томъ, съ одной стороны, что и теперь считаетъ неудобнымъ и даже невозможнымъ исполнить распоряженіе Сената, а съ другой, что возвращеніемъ крестьянъ на калмыцкія земли значило бы совсѣмъ уронить въ общемъ мнѣніи власть и образъ дѣйствія мѣстнаго начальника, и поощрить какъ тѣхъ крестьянъ, такъ и всѣхъ другихъ жителей, къ самовольному упорству. Потому онъ просилъ, если бы дѣйствія его признаны были неправильными (въ чемъ онъ впрочемъ отнюдь не сознавался), подвергнуть его какой угодно отвѣтственности, но крестьянъ оставить тамъ, куда онъ перевелъ ихъ тому назадъ уже два года.

Послѣдствіемъ этой искусной эволюціи было то, что меморію совѣтскую государь остановилъ, а записку Перовскаго прислалъ, частнымъ образомъ, къ Васильчикову, съ надписью, свидѣтельствовавшею, что она вполнѣ убѣдила его въ правотѣ Перовскаго и изъявлявшею надежду, что она такимъ же образомъ убѣдитъ и его, Васильчикова.

Что тутъ было дѣлать? Уступить безусловно не позволяло Васильчикову его убѣжденіе, честь Совѣта и интересъ тѣхъ лицъ, которыя обвинили Перовскаго; спорить и идти прямо наперекоръ представлялось тоже неумѣстнымъ, особенно потому, что въ запискѣ Перовскаго излагались разныя новыя обстоятельства и уваженія, которыхъ не было въ виду ни Сената, ни Совѣта. И такъ послѣ долгихъ совѣщаній мы рѣшились на средній путь: Васильчиковъ послалъ государю докладную записку, въ которой изъяснилъ, что хотя главный фактъ, именно неисполненіе мѣстнымъ начальствомъ сенатскаго указа, и послѣ новыхъ объясненій Перовскаго остается очевиднымъ и неопровергаемымъ; однако же записка его содержитъ въ себѣ разныя подробности, которыя, можетъ быть, ближе пояснятъ предлежащій разсмотрѣнію вопросъ; что,

во всякомъ случаѣ, какъ его величеству благоугодно уже было удостоить изъясненія Перовскаго высочайшаго вниманія, то не безполезнымъ представляется подвергнуть ихъ совокупному съ дѣломъ пересмотру; но что такъ какъ Государственный Совѣтъ по правиламъ своимъ никакихъ непосредственныхъ сношеній съ губернскими начальствами не имѣетъ, а Оренбургское казачье войско, къ которому принадлежатъ и бузулуцкіе калмыки, состоитъ въ главномъ завѣдываніи военнаго министерства, то всего удобнѣе было бы для возможнаго обезпеченія правильности рѣшенія дѣла, предоставить военному министру истребовать отъ Перовскаго подробное объясненіе о причинахъ, побудившихъ его дѣйствовать вопреки указу Сената, и по сношеніи затѣмъ о сущности дѣла съ министромъ государственныхъ имуществъ, внести въ Государственный Совѣтъ окончательное къ развязкѣ сего заключеніе.

На этой запискѣ государь написалъ своею рукою: «будетъ совершенно правильно», вслѣдствіе чего князь Васильчиковъ объявилъ Совѣту соотвѣтственное тому высочайшее повелѣніе, а я сообщилъ его для исполненія военному министру и для свѣдѣнія министру юстиціи.

Такимъ направленіемъ дѣла присоединилось къ числу дѣйствующихъ лицъ еще н о в о е: военный министръ графъ Чернышевъ.

Результатомъ всего этого было, что «un beau matin» вмѣсто ожидаемаго нами общаго отъ графа Чернышева и графа Киселева представленія въ Совѣтъ, князь Васильчиковъ получилъ отъ перваго бумагу, въ которой сообщалось ему, что «государь императоръ, разсмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ вытребованныя имъ, графомъ Чернышевымъ, по положенію Государственнаго Совѣта, объясненія Перовскаго, поручить ему изволилъ увѣдомить князя, что его величество по з р ѣ л о м ъ обсужденіи сего дѣла изволитъ находить, что разсмотрѣннымъ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшеніемъ общаго собранія Сената очевидно было бы нарушено неоспоримое законное право собственности Оренбургскаго войска на занятыя казенными крестьянами принадлежащія ему земли. Въ огражденіе сего права, которое необходимо и во всѣхъ случаяхъ должно быть неприкосновеннымъ, его величество повелѣть изволилъ: 1) оставить на земляхъ калмыцкихъ только тѣ 41 семейство, которыя военнымъ губернаторомъ признаны были прочно поселившимися, причисливъ ихъ навсегда къ казачьему войску; 2) остальныхъ крестьянъ, уже выведенныхъ, не переводя обратно, оставить въ настоящемъ положеніи; 3) впредь воспретить строжайше казенныхъ крестьянъ и вообще выходцевъ изъ внутреннихъ губерній допускать къ поселенію на казачьихъ земляхъ, иначе какъ по истребованіи предварительнаго заключенія военнаго губернатора и по испрошеніи высочайшаго разрѣшенія и 4) дѣло о переселеніи вышеупомянутыхъ крестьянъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оно производится, считать за симъ рѣшительно оконченнымъ». Это

отношеніе графъ Чернышевъ заключилъ еще болѣе неумѣстною и щекотливою для князя Васильчикова фразою: «Монаршую волю сію сообщая вамъ, милостивый государь, для зависящаго распоряженія, имѣю честь быть и пр.».

Я сказалъ выше, что не помню дѣла, въ которомъ Васильчиковъ имѣлъ бы такое сильное убѣжденіе; теперь прибавлю, что не помню и случая, въ которомъ бы я видѣлъ его такъ взбѣшеннымъ. Въ первомъ пылу своемъ онъ тотчасъ прислалъ за мною, и тутъ изъ добраго старика сдѣлался какимъ-то ожесточеннымъ, неистовствующимъ.

На другой день князь Васильчиковъ поѣхалъ къ государю и возвратился въ полномъ торжествѣ.

Бесѣда ихъ, какъ мнѣ разсказывалъ князь, была очень длинная, живая и съ обѣихъ сторонъ настойчивая. Главнымъ убѣжденіемъ, кромѣ сказаннаго выше, послужили, кажется, двѣ вещи: 1) что послѣднее высочайшее повелѣніе выставило бы Васильчикова въ самомъ двусмысленномъ видѣ передъ цѣлымъ Совѣтомъ, который, не имѣя свѣдѣнія ни о прежней докладной его, Васильчикова, запискѣ, ни о послѣдовавшей на ней резолюціи государя, знаетъ только объявленную имъ высочайшую волю, наперекоръ которой Чернышевъ объявляетъ теперь совсѣмъ другую, какъ бы уничтожая тѣмъ достовѣрность объявленной прежде имъ, Васильчиковымъ; 2) что отъ государя всегда зависѣть будетъ окончить дѣло это по благоусмотрѣнію, но тогда, когда оно придетъ къ нему по порядку, имъ самимъ указанному, со всѣхъ сторонъ обсуженное, а не по одноличнымъ изъясненіямъ Перовскаго.

Какъ бы то ни было, но вотъ отношеніе, которое сегодня (8-го іюня) послано княземъ Васильчиковымъ къ графу Чернышеву:

«Государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему объ отношеніи ко мнѣ вашего сіятельства (касательно того-то), высочайше повелѣть изволилъ дѣло сіе возвратить въ тотъ порядокъ, какой указанъ оному былъ монаршею волею, объявленной мною Государственному Совѣту и сообщенной вамъ, милостивый государь, въ отношеніи государственнаго секретаря отъ 18-го прошлаго марта, именно, чтобы ваше сіятельство, снесясь по полученнымъ отъ генералъ-адъютанта Перовскаго объясненіямъ съ г. министромъ государственныхъ имуществъ, окончательное къ развязкѣ дѣла сего заключеніе внесли въ Государственный Совѣтъ».

«Сообщая вамъ, милостивый государь, о таковой высочайшей волѣ, для зависящаго къ исполненію оной распоряженія, имѣю честь быть и проч.».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ В. К. Луцкаго.

Владиміръ Константиновичъ Луцкій, записки котораго печатаются ниже, родился 13-го іюля 1818 г., въ Ставропольскомъ уѣздѣ [1]), въ родовомъ имѣніи селѣ Рождествено. Получивъ образованіе въ Симбирской гимназіи, а потомъ въ Казанскомъ университетѣ, онъ въ 1839 году поступилъ въ Сумскій гусарскій полкъ. Прослуживъ въ немъ девять лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-ротмистра. Въ 1849 году В. К. поступилъ вновь на службу по удѣльному вѣдомству, въ 1861 году былъ назначенъ мировымъ посредникомъ, и въ 1863 году непремѣннымъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ 1867 году Владиміръ Константиновичъ переѣхалъ въ Петербургъ, былъ начальникомъ отдѣленія въ земскомъ отдѣлѣ и въ 1871 году назначенъ екатеринославскимъ вице-губернаторомъ. Прослуживъ въ этомъ званіи до 1880 года, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи своемъ Екатеринославской губерніи, Верхнеднѣпровскаго уѣзда. Въ 1883 году В. К. былъ избранъ въ мировые судьи того же уѣзда и 30-го ноября 1887 года скончался на 70-мъ году жизни.

Ред.

I.

Въ маѣ 1861 года я былъ назначенъ кандидатомъ мироваго посредника, а съ августа 1861 года вступилъ въ отправленіе обязанностей мироваго посредника, 2-го участка Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи.

[1]) Въ то время входившемъ въ составъ Симбирской губерніи.

На первомъ мировомъ съѣздѣ мы установили себѣ слѣдующую программу нашихъ дѣйствій: во 1) возможно чаще и не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ объѣзжать волости, 2) самимъ не составлять уставныхъ грамотъ, а добиваться, чтобы ихъ подавали владѣльцы, хотя бы и послѣ годичнаго срока и въ 3), въ случаѣ жалобъ крестьянъ на владѣльцевъ направлять дѣла такимъ образомъ, чтобы удовлетвореніе крестьянъ происходило какъ бы непосредственно отъ владѣльцевъ. Вообще мы старались, чтобы крестьяне усвоили себѣ мысль, что мировые посредники не начальники ихъ, и только въ случаѣ ихъ несогласій съ владѣльцемъ стараются, примирить интересы обѣихъ сторонъ и что гораздо болѣе крестьяне могутъ выиграть путемъ непосредственнаго соглашенія съ самими владѣльцами.

Первый объѣздъ мой я началъ съ Бригадировской волости. Въ этой волости заключалось 600 душъ у 7-ми владѣльцевъ, въ томъ числѣ было и мое маленькое имѣніе—18 душъ и 240 десятинъ земли.

Я въ немъ никогда и не бывалъ, предоставилъ крестьянамъ выборъ старосты и оставилъ ихъ на прежней запашкѣ. Когда я пріѣхалъ и остановился въ волостномъ правленіи, то сейчасъ же ко мнѣ явились мои крестьяне съ предложеніемъ, что надо намъ кончить. На вопросъ мой, какъ они желаютъ—перейти на оброкъ, или оставаться на издѣльной повинности или сейчасъ же на выкупъ,—отвѣчали, что на оброкъ у нихъ нѣтъ денегъ, выкупиться тоже имъ нельзя, а на барщинѣ не рука, тяжело.

— Я не думаю, чтобы вамъ была тяжела барщина,—сказалъ я. Вездѣ барщину правятъ въ нашемъ уѣздѣ.

— Такъ-то такъ,—отвѣчали крестьяне,—да обидно работать, когда царь волю далъ.

Я очень хорошо видѣлъ, что они дѣло понимаютъ, а только пробуютъ меня, и потому сказалъ имъ, чтобы они хорошенько обдумали, какъ они желаютъ, посовѣтовались съ людьми толковыми, а не кабатчиками и порѣшивъ, что они хотятъ, пришли бы ко мнѣ съ приговоромъ, и тогда мы кончимъ. Послѣ этого они спросили меня, какую я имъ дамъ землю. На это я отвѣтилъ, что я дачи нашей не знаю, никогда ея не видалъ; вижу только по плану, что она тянется лентой, а потому позволяю имъ выбрать 70 десятинъ земли, гдѣ они хотятъ.

Поблагодаривъ и поклонившись по старому обычаю въ ноги, они вышли. Затѣмъ ко мнѣ пришли крестьяне князя Болоховскаго, съ жалобой, что на Воздвиженіе ихъ посылали на барщину. Справившись у приказчика, справедливо-ли показаніе крестьянъ, я сказалъ имъ, чтобы они пришли ко мнѣ на другой день рано утромъ, такъ какъ я сегодня вечеромъ увижусь съ ихъ бариномъ, поговорю объ этомъ, и думаю,

что онъ позабылъ, что въ этотъ день праздникъ, и конечно имъ отдастъ день.

Крестьяне остались довольны.

Вечеромъ я поѣхалъ къ князю Болоховскому и передалъ ему просьбу крестьянъ; на это онъ мнѣ отвѣтилъ, что ихъ дѣйствительно посылали въ праздникъ на барщину, но что это сдѣлано согласно его приказанія и что онъ дня имъ не возвратитъ. Какъ я ни убѣждалъ его покончить это дѣло самому, не доводить до разбирательства, никакъ не могъ съ нимъ сговориться, только одно и твердитъ: если вы опредѣлите, чтобы я отдалъ день—отдамъ, а самъ по себѣ—нѣтъ.

Я пригласилъ его на другой день въ 8 часовъ утра прибыть въ волостное правленіе.

Онъ и крестьяне явились вмѣстѣ.

Дѣло было не сложное; самъ владѣлецъ подтвердилъ справедливость жалобъ крестьянъ, не согласился окончить примиреніемъ, и потому я, примѣняясь къ урочному положенію, гдѣ съ помѣщика за переработки взыскивается вдвое, предложилъ вмѣсто одного дня возвратить крестьянамъ два дня, такъ что на слѣдующей недѣлѣ они должны были работать на барщину только одинъ день. Крестьяне остались этимъ чрезвычайно довольны, да и помѣщикъ, какъ кажется, не былъ въ претензіи на это рѣшеніе, и мы разстались очень дружно.

Оттуда я проѣхалъ въ село Муловку, принадлежавшее князю Т—му. Человѣкъ этотъ любилъ жить на широкую ногу и положительно бросалъ деньги на вѣтеръ. Въ имѣніи этомъ, состоявшемъ изъ 1.000 душъ при 18.000 десят. земли, были устроены суконная фабрика на 80 станковъ и винокуренный заводъ на 200 тысячъ ведеръ. Князь держалъ свой оркестръ изъ 40 музыкантовъ, которымъ, кромѣ содержанія, платилъ 1.000 руб. въ мѣсяцъ. Оркестръ былъ великолѣпный; князь былъ запутанъ въ долгахъ, всегда безъ копѣйки: его разорили постройки и карты. Онъ выстроилъ въ деревнѣ купальню и умудрился вогнать ее въ 6.000 рублей сереб.

Я остановился въ волости, ко мнѣ сейчасъ же явились крестьяне, интересы одной половины которыхъ были совершенно противоположны интересамъ другой половины. У однихъ не было ни запашки, ни лошадей, они жили фабрикой и заводами; другіе наоборотъ были чистые хлѣбопашцы. Я ожидалъ, что при вводѣ уставной грамоты выйдетъ много затрудненій, но меня ободряло одно, что управляющій князя, Горенбургъ, въ высшей степени добросовѣстный и практичный, съумѣвшій пріобрѣсти довѣріе и любовь крестьянъ, будетъ, въ этомъ случаѣ, мнѣ хорошимъ помощникомъ. Крестьяне тутъ же принесли мнѣ жалобу, что при платежѣ подушныхъ за первую половину—они заплатили 70 руб. за дворовыхъ.

— Вечеромъ увижусь съ управляющимъ,—сказалъ я— и переговорю съ нимъ объ этомъ.

Въ этотъ пріѣздъ мой ни князя, ни княгини не было дома, они уѣхали въ Симбирскъ. Вечеромъ отправился я къ Горенбургу и заявилъ ему о претензіи крестьянъ. Онъ сказалъ мнѣ, что это дѣйствительно справедливо. Я просилъ его удовлетворить крестьянъ, желая избѣжать формальнаго разбирательства, то на это онъ мнѣ отвѣчалъ:

— А чѣмъ же я ихъ удовлетворю, когда у меня ни копѣйки нѣтъ денегъ?

На возраженіе мое, что въ такомъ имѣніи, гдѣ и фабрики, и заводы, трудно допустить мысль, чтобы въ конторѣ не было 70 рублей.

— Вотъ вы,—сказалъ онъ, —познакомитесь съ нашими дѣлами поближе, такъ убѣдитесь, что я говорю правду. Теперь князя едва-ли скоро дождемся, онъ поѣхалъ въ Симбирскъ получать деньги за суконный подрядъ. Получитъ тысячъ тридцать и всѣ ихъ спуститъ въ карты. Суконная фабрика и винокуренный заводъ наши идутъ въ убытокъ, такъ какъ мы все закупаемъ въ долгъ, а какъ разсчеты съ нами затруднительны, то мы платимъ чуть-ли не вдвое. Совѣстно управлять у такихъ господъ, приходится всегда и всѣхъ обманывать въ платежахъ, чтобы какъ-нибудь вывернуться.

— Но что же васъ заставляетъ, Карлъ Ивановичъ, служить у князя?

— А вотъ что,—отвѣчалъ онъ мнѣ. Имѣніе это не князя, а княгини; она осталась сиротою 5-ти или 6-ти лѣтъ послѣ отца и матери, я управляю ея имѣніями болѣе 30 лѣтъ, и когда она выходила замужъ, у нея было капитала, кромѣ чистыхъ имѣній, тысячъ сто, а теперь, въ какихъ-нибудь 7 или 8 лѣтъ, всѣ имѣнія заложены, денегъ, кромѣ долговъ, нѣтъ. Я любилъ ея родныхъ, люблю ее,—привычка, сударь мой, удерживаетъ меня, но дѣлать нечего, придется бросить, видя, что пользы сдѣлать не могу. Вы поговорите завтра съ старостой, пускай они подождутъ эти 70 руб., деньги ихъ не пропадутъ, я вамъ ручаюсь.

Вечеромъ мы разстались со старикомъ. На другой день утромъ я передалъ старостѣ слова управляющаго.

— Оно точно, Владиміръ Константиновичъ,—отвѣчалъ староста,— деньги за Карломъ Ивановичемъ не пропадутъ, отчего не подождать. Карлъ Ивановичъ больно для насъ хорошъ, да и князь бы ничего, только, Богъ его знаетъ, находитъ что-то на него что-ли, иной разъ выйдетъ на работу и позоветъ меня.

— Эй, староста!

— Чего изволите, ваше сіятельство.

— Дарю, говоритъ, міру, двѣ десятины лѣсу, выбирай самъ, гдѣ хочешь.

— Покорно, молъ, благодаримъ, ваше сіятельство.

А въ другой разъ погоритъ у мужика овинъ, воза кольевъ не допросишься.

— Вы меня разоряете!—скажетъ онъ.

Изъ Муловки я поѣхалъ въ Никольское, на Черемшанѣ, принадлежащее нашему писателю, графу Сологубу.

Громадный, великолѣпный домъ, церковь, хотя бы въ любой губернскій городъ, отличный на нѣсколькихъ десятинахъ садъ, суконная фабрика, мельница на Черемшанѣ на 24 постава, 18.000 десят. земли при 1.200 душахъ, и все это было заброшено. Фабрика въ арендѣ на такихъ условіяхъ, что арендаторъ могъ всегда, во всякое время, искать съ владѣльца значительную сумму денегъ, лѣсъ вырубленъ, земля перепорчена, крестьяне разнузданы; управляющій не говоритъ ни слова по-русски, привезъ съ собой человѣкъ 20 чухонцевъ, которыхъ назначилъ десятскими, тоже не понимающихъ и не говорящихъ по-русски, при этомъ человѣкъ вспыльчивый, вздорный, предпочитающій всему кулачную расправу. Взглянувши въ этотъ разъ мимоѣздомъ на имѣніе, я поѣхалъ въ село Суходольское, генерала Самсонова, стоящее отъ Никольскаго въ 12 верстахъ. Имѣніе это заключало въ себѣ 1.200 душъ и 7.000 десят. земли.

Надобно сказать, что по обнародованіи Положенія, въ мартѣ мѣсяцѣ, пріѣхалъ въ Суходольское село владѣлецъ, бывшій въ то время во Владимірѣ губернаторомъ, и, пригласивъ предмѣстника моего Ю. Б. Тургенева, началъ съ крестьянами переговоры объ ихъ устройствѣ; въ чемъ они заключались—я не знаю, знаю только, что и владѣлецъ и посредникъ ночью ускакали изъ имѣнія, и впослѣдствіи посредникъ боялся и заглянуть въ село, такъ что черезъ полгода я въ первый разъ пріѣхалъ туда. Селеніе выстроено весьма хорошо, избы всѣ крыты тесомъ, съ трубами, заборы высокіе, досчатые; улицы чистыя, широкія, видно во всемъ довольство и опрятность. Въ волостномъ правленіи я нашелъ старшину и 2-хъ стариковъ судей, какъ узналъ впослѣдствіи; одѣты всѣ были опрятно и въ комнатахъ чистота—это тѣмъ болѣе меня удивило, что меня не ждали. Я пріѣхалъ послѣ обѣда, старшина предложилъ мнѣ самоваръ, и я за чаемъ, подчуя и его, разговорился съ нимъ объ его волости. Онъ оказался человѣкомъ умнымъ, толковымъ и, что̀ всего удивительнѣе, основательно понимающимъ Положеніе 19-го февраля, фамилія его Сусловъ. На высказанное мною ему замѣчаніе о порядкѣ и чистотѣ въ селеніи, онъ мнѣ отвѣтилъ, что такъ уже изстари ведется—заведено дѣдами и отцами, ну, и мы не портимъ. Имѣніе это оказалось малоземельнымъ. Крестьяне имѣютъ съ небольшимъ по двѣ десятины на душу, а потому снимаютъ большія оброчныя статьи изъ Муравьевскихъ земель и въ уѣздѣ занимаются въ большихъ

*

размѣрахъ скотоводствомъ и покупкой и продажей хлѣба, народъ все зажиточный, человѣкъ десять такихъ, что имѣютъ до 20 тыс. капитала, какъ выразился старшина.

— Что у васъ было съ помѣщикомъ и посредникомъ?—спросилъ я.

— И не вспоминайте, сударь,—отвѣчалъ онъ,—совѣстно и въ глаза добрымъ людямъ посмотрѣть; намъ нечего жаловаться на нашего барина, онъ намъ и то, и другое предлагалъ, ему хотѣлось намъ же добра, а мы кромѣ грубости ничего ему не отвѣчали, ну, и прогнѣвали его; теперь уже вы насъ съ нимъ помирите, вы на то поставлены отъ царя.

Я сказалъ ему, что мнѣ хотѣлось бы поговорить со стариками, и онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы завтра утромъ собралась мірская сходка.

На другой день, человѣкъ 100 собралось на сходку, всѣ безъ щегольства, но опрятно были одѣты, лица чистыя, волосы на головѣ и бородѣ не всклокочены, ни одной порванной шапки, ни одного подбитаго глаза. Народъ не забитый, смѣлый, но безъ малѣйшей тѣни на дерзость.

Я подходилъ къ человѣкамъ 20 и съ каждымъ порознь разговаривалъ объ ихъ обязанностяхъ по новому положенію и, признаюсь, окончательно былъ удивленъ ихъ знаніемъ основныхъ началъ Положенія и сознаніемъ обязанностей. Я не могъ скрыть это отъ нихъ.

— Эхъ, батюшка,—говорили они,—нужда всему научитъ, какъ съ дуру-то набѣдокурили мы, нагрубили барину съ посредникомъ, видимъ: не ладно, ну, и наняли чтеца, онъ намъ изо дня въ день мѣсяца два читалъ все царское положеніе, да и у самихъ насъ въ рѣдкой семьѣ нѣтъ грамотнаго, такъ и по избамъ читали сами, слава Богу, теперь все въ толкъ взяли. Ну, да вотъ ты къ намъ почаще пріѣзжай, такъ мы, Богъ дастъ, по милости батюшки царя и устроимся. Вотъ бы ты только выхлопоталъ, чтобы баринъ насъ простилъ.

Только-что я успѣлъ покончить съ этимъ дѣломъ, какъ ко мнѣ является другой помѣщикъ, Петръ Григорьевичъ Пе—ко. Это былъ олицетворенный Гоголевскій Плюшкинъ.—Въ Озеркахъ у него было 100 душъ крестьянъ и тысячъ 100 денегъ, между тѣмъ онъ кромѣ пустыхъ щей и снятаго молока ничего не ѣлъ. Съ нимъ пришелъ староста и крестьянинъ.

На вопросъ мой, что нужно? крестьянинъ отвѣтилъ, что пришелъ съ жалобой.

— На кого ты жалуешься?—спросилъ я его.

— Извѣстно на кого; все на нашего-то,—сказалъ крестьянинъ, указывая на Пе—ко.

— Въ чемъ твоя жалоба?

— Во дворъ меня взялъ, совсѣмъ разорилъ, лошадь взялъ, избу взялъ—все отобралъ.

— Когда онъ тебя взялъ во дворъ?

— Послѣ Троицы.

— Когда у васъ въ церкви читали Указъ о царскомъ положеніи?

— Послѣ Благовѣщенія.

— Петръ Григорьевичъ, правду-ли онъ показываетъ? —спросилъ я, обращаясь къ помѣщику.

— Правду, батюшка, правду, лгать не хочу,—отвѣчалъ онъ.

— Ты говорилъ, что тебя взяли во дворъ послѣ Троицы,—сказалъ я крестьянину, а теперь ужъ Покровъ давно прошелъ; что же ты прежде объ этомъ не заявлялъ?

— Вишь-ли—что! онъ взялъ меня во дворъ. Пріѣхалъ посредникъ,—я къ нему, а онъ мнѣ говоритъ: «ты до меня не касаешься», у васъ, говоритъ, «есть свой посредникъ».

— Я, вотъ, вчерась пришелъ къ нему,—говорилъ крестьянинъ, указывая на помѣщика,—полушубокъ надо, мой-то вонъ какой, весь въ дырахъ. Вели, батюшка, ему меня въ крестьяне спустить.

— Петръ Григорьевичъ,—сказалъ я, обращаясь къ Пе—ко,—вамъ извѣстно, что по Положенію 19-го февраля помѣщики не имѣютъ права изъ крестьянъ брать во дворъ. Потрудитесь мнѣ объяснить, какимъ образомъ, послѣ обнародованія Положенія, вы взяли его во дворъ?

— Взялъ, батюшка, виновенъ, взялъ. Я человѣкъ старый, читаю плохо, понемногу, до того мѣста въ Положеніи, гдѣ запрещено брать во дворъ, не дочиталъ, и взялъ его. Вѣдь я его, батюшка, не держу, пускай идетъ въ крестьяне, что мнѣ.

— Пускай идетъ, куда я пойду?—говорилъ крестьянинъ. Ты лавки и полати изъ избы повытаскалъ, какъ я буду жить тамъ?

— Ну, поставлю тебѣ и лавки и полати, ступай себѣ.

— Ты лошадь-то взялъ, на чемъ я работать буду?

— Вѣдь я тебѣ лошадь отдаю, возьми.

— Отдаешь!—ты мою-то продалъ, она была у меня молодая, а отдаешь мнѣ, что ноги не таскаетъ; татары на мясо не возьмутъ.

— А гдѣ я возьму твою-то, вѣдь ея и въ деревнѣ давно нѣтъ.

— Ты вотъ что—говорилъ крестьянинъ, обращаясь ко мнѣ,—вели ему, здѣсь однодворецъ есть, онъ хочетъ промѣнять эту лошадь-то, 10 цѣлковыхъ придачи проситъ, а лошадка-то добрая.

— Петръ Григорьевичъ, такъ вы пожалуйста вымѣняйте ему ту лошадь,—сказалъ я.

— Слушаю, батюшка, вымѣняю.

— Борону-то вели барину мнѣ отдать.

— Ну что лѣзешь, безстыжіе глаза, возьми ее, она на дворѣ,—отвѣчалъ Пе—ко.

— Возьми! зачѣмъ я возьму, ты изъ нея зубья выдергалъ, вѣдь они желѣзные, а что безъ зубьевъ-то дѣлать?

— Петръ Григорьевичъ, прикажите зубья-то вставить и отдайте борону съ зубьями.

— Слушаю, батюшка.

— Соху-то отдай,—говорилъ крестьянинъ.

— Возьми; она въ амбарѣ.

— А полица-то гдѣ? Ты полицу стащилъ.

— Петръ Григорьевичъ, потрудитесь отдать и полицу.

— Отдамъ, батюшка, отдамъ.

— Ну, покорно благодарю,—сказалъ крестьянинъ.

— Я черезъ двѣ недѣли буду у васъ въ Озеркахъ, прошу васъ, Петръ Григорьевичъ, къ тому времени устроить крестьянина въ его дворѣ по прежнему, а ты, если что тебѣ не будетъ возвращено, тогда заявишь мнѣ.

На мировые съѣзды, не смотря на большія разстоянія отъ насъ уѣзднаго города, который находился въ самомъ концѣ уѣзда, мы всѣ собирались аккуратно и не спѣшили, чтобы скорѣе отдѣлаться; напротивъ, каждое дѣло разбиралось основательно, спорили, не соглашались другъ съ другомъ, но спорили безъ желчи, безъ личностей, короче — не смѣшивали служебныхъ отношеній съ частными.

Уѣздный городъ нашъ самый жалкій по захолустью; пріѣдешь, если нѣтъ знакомаго, то рискуешь ночевать на улицѣ, никто не пуститъ ночевать, а гостиницы—ни одной. Относительно стола, если не купишь на базарѣ, который бывалъ разъ въ недѣлю, тогда сиди голодный. Въ виду этого мы наняли подъ мировой съѣздъ самый помѣстительный домъ, какой могли найти, и всѣ уже останавливались тамъ, затѣмъ по очереди завѣдывали столомъ; заранѣе высылали повара, который по окрестнымъ селеніямъ закупалъ припасы. Члена отъ правительства мы принимали, какъ гостя, и не допускали до расходовъ. Какъ велись дѣла на съѣздѣ, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что два года, которые мы прослужили въ одномъ составѣ, ни одно постановленіе съѣзда не было кассировано ни губернскимъ присутствіемъ, ни министерствомъ. Членъ губернскаго присутствія Самаринъ иначе не называлъ Ставропольскій съѣздъ, какъ «соль земли».

Въ виду громадности уѣзда, чтобы облегчить жителей, мы сдѣлали распоряженіе, утвержденное губернскимъ присутствіемъ, чтобы съѣзды происходили: одинъ мѣсяцъ въ Ставрополѣ, а другой въ селѣ Коровинѣ.

Въ концѣ января я приступилъ ко вводу уставныхъ грамотъ въ имѣніяхъ гг. Тургеневыхъ, такъ какъ у нихъ грамота была составлена по обоюдному соглашенію, слѣдовательно, не предвидѣлось надобности въ осмотрѣ надѣла. Я началъ съ имѣнія Леонтія Борисовича Тургенева.

Такъ какъ это была первая грамота въ уѣздѣ, то съѣхалось нѣсколько помѣщиковъ, и сошлись крестьяне изъ окрестныхъ селеній. Она вводилась съ нѣкоторою торжественностью. Прочитавъ крестьянамъ по пунктамъ уставную грамоту и убѣдившись, что они поняли каждый пунктъ и согласны на оные, я вошелъ въ свою комнату сдѣлать утвердительную надпись на грамотѣ. Когда же вернулся, чтобы объявить ее введенной, то нашелъ въ залѣ, гдѣ стояли крестьяне, священника, готоваго служить молебенъ. Тургеневъ просилъ меня, введя грамоту, передать ее священнику, который положитъ ее близъ Евангелія и отслужитъ молебенъ. Я объяснилъ владѣльцу и крестьянамъ, что грамота мною утверждена, и что теперь они обязаны исполнять ее въ точности. Копіи съ грамоты передалъ владѣльцу и крестьянамъ, а подлинную подалъ священнику, прося его приступить къ молебну.

На другой день владѣлецъ закончилъ съ крестьянами выкупную сдѣлку, при чемъ простилъ имъ слѣдующую съ нихъ $^{1}/_{5}$ часть платежа, т. е. по 30 руб. съ души, и, кромѣ того, хотя не много, но прибавилъ имъ земли.

Нашлись въ уѣздѣ люди, которые сердились за это на Тургенева, увѣряя, что онъ взбунтуетъ всѣхъ крестьянъ, что теперь всѣ будутъ требовать такого же выкупа отъ своихъ помѣщиковъ; что ему, какъ предводителю дворянства, не слѣдовало приступить къ подобной сдѣлкѣ. Досталось и мнѣ:—зачѣмъ я утвердилъ такую грамоту. Нашлись однако и среди этихъ господъ мои защитники, которые говорили, что мнѣ нельзя было не утверждать, что вообще посредники секретно обязаны правительствомъ убѣждать владѣльцевъ дѣлать всевозможныя выгоды крестьянамъ. Изъ Коровина я поѣхалъ сначала къ Михаилу Борисовичу, а потомъ къ Юрію Борисовичу Тургеневымъ, у нихъ также ввелъ уставныя грамоты по добровольному соглашенію, но на выкупную крестьяне не пошли, говоря, что осмотрятся и подождутъ.

Такъ какъ при вводѣ уставныхъ грамотъ я спрашивалъ людей, жившихъ во дворѣ, но записанныхъ по ревизіи въ крестьянахъ, хотятъ-ли они получить надѣлъ или взять увольнительныя свидѣтельства, то по возвращеніи моемъ домой былъ заваленъ просьбами о выдачѣ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ крестьянъ другихъ имѣній. Приходилось разбирать права такихъ людей на мѣстахъ съ повѣркою по ревизскимъ сказкамъ, такъ какъ не только крестьяне, но и сами помѣщики не знали, кто дворовый, а кто живущій во дворѣ; какъ велико было число крестьянъ, жившихъ во дворѣ, можно судить по слѣдующимъ имѣніямъ.

У князя Трубецкаго я выдалъ увольнительныя свидѣтельства 143 лицамъ; у Кротковой—102 ч. и у графа Сологуба имѣли право на полученіе свидѣтельствъ 280 человѣкъ. Кромѣ того тутъ было весьма много, едва ли не на половину, семействъ изъ 2-хъ, 3-хъ и даже

4-хъ ревизскихъ душъ.—При увольненіи встрѣчались курьезныя просьбы: помѣщикъ Кирѣевъ жаловался на меня губернскому присутствію, что я неправильно уволилъ крестьянъ, жившихъ у него во дворѣ, какъ не пользовавшихся надѣлами, тогда какъ они всѣ отъ него постоянно надѣлялись коровою и свиньею. Съ нимъ же былъ еще другой случай: одинъ изъ его дворовыхъ, который жилъ постоянно на сторонѣ, обратился ко мнѣ съ просьбой, что онъ желаетъ быть уволеннымъ, не ожидая окончанія 2-хъ лѣтняго обязательнаго срока, почему и представляетъ за полтора года оброкъ въ 45 руб. Удостовѣрившись, что дѣйствительно человѣкъ этотъ при помѣщикѣ не жилъ, а занимался уже 5 лѣтъ конторской частью въ имѣніи князя Дадіана, я, принявъ оброкъ, выдалъ ему, на основаніи особаго мнѣнія главной коммиссіи, увольнительное свидѣтельство, деньги же отослалъ въ волостное правленіе, для доставленія владѣльцу, какъ получаю увѣдомленіе, что владѣлецъ денегъ не принимаетъ и принесъ на меня жалобу въ губернское присутствіе.

Вскорѣ получилъ запросъ губернскаго присутствія вмѣстѣ съ жалобою. Въ этой жалобѣ онъ писалъ, что дворовые должны прослужить два года, и что онъ только-что намѣревался требовать этого человѣка къ себѣ, который, хотя и жилъ на сторонѣ, но безъ платежа оброка. Разсмотрѣвъ это прошеніе, я постановилъ оставить выданное увольнительное свидѣтельство въ своей силѣ, такъ какъ владѣльцы дворовыхъ людей, служившихъ на сторонѣ, не въ правѣ требовать къ себѣ; въ виду же заявленія владѣльца, что человѣкъ этотъ былъ отпущенъ имъ безъ оброка, представленные имъ 45 руб. возвратить дворовому человѣку обратно. Такимъ образомъ Кирѣевъ остался и безъ человѣка, и безъ денегъ.

Объѣзжая сельскія общества, толкуя съ крестьянами объ ихъ новомъ устройствѣ, я видѣлъ, что они не понимаютъ Положенія и, по сродному всякому человѣку желанію лучшаго, ждутъ болѣе льготъ, чѣмъ имъ даровано Положеніемъ; особенно ихъ сбивалъ двухлѣтній срокъ. Большинство изъ нихъ толковало такъ: «два года еще прослужимъ помѣщику, такъ ужъ царь велѣлъ, а тамъ чистая воля». Чтецы, нанимаемые ими за штофъ водки, поддерживали за нихъ это мнѣніе. Мировой посредникъ 3-го участка, Лентовскій, непремѣнно хотѣлъ, чтобы крестьяне подписывали уставныя грамоты, но они упорно отъ этого отказывались. Сообразивъ все это, я пришелъ къ убѣжденію, что совершенно излишне и даже вредно для дѣла настаивать на подписи крестьянами грамоты, а что грамоты слѣдуетъ, если онѣ окажутся правильными, вводить прямо, на основаніи Положенія, это тѣмъ болѣе я признавалъ полезнымъ, что крестьяне толковали между собою объ условіяхъ ввода, что это не царское положеніе.

— Коли-бъ было царское,—говорили они,—то прямо бы и дѣлали,

не спрашивая, а то насъ собираютъ и спрашиваютъ, какъ мы хотимъ, такъ, или по другому. Да развѣ царь когда спрашиваетъ, какъ кто хочетъ, онъ дѣлаетъ, какъ онъ хочетъ; и выходитъ, что оно не царское, а барское, и что бары обманываютъ насъ.

Я воспользовался этими толками и при первоначальномъ вводѣ грамотъ входилъ съ крестьянами въ разговоры о соглашеніи, предоставляя выработать это впослѣдствіи.

Какъ скоро снѣгъ въ поляхъ стаялъ, я приступилъ ко вводу грамотъ въ Бригадировской волости. Такъ какъ большинство владѣльцевъ тамъ не жили, управляющихъ въ имѣньяхъ также не было, а завѣдывали неграмотные сельскіе старосты, то пришлось самому составлять грамоты, да, впрочемъ, и тамъ, гдѣ жили владѣльцы, нужно было передѣлывать всѣ грамоты, доставляемыя отъ нихъ. Оттуда я поѣхалъ въ Озерскую волость, гдѣ и приступилъ къ введенію грамотъ, начавъ съ имѣнія извѣстнаго читателю Пе—ко. Крестьяне были чрезвычайно довольны, когда поняли порядокъ работъ, при чемъ заявили, что они не иначе будутъ работать, какъ по урочному положенію, такъ какъ съ ихъ бариномъ по соглашенію работать нельзя. Отъ него жалобъ не оберешься. Послѣ того они просили меня, чтобы въ ихъ надѣлы отвести болото десятины 2 или $2^1/_2$, находящееся противъ ихъ усадьбы. Когда я имъ объяснилъ, что это болото въ ихъ владѣніи не было, всегда было у помѣщика, и безъ его согласія нельзя, тогда они предлагали помѣщику оставить у нихъ въ пользованіи на 6 лѣтъ съ тѣмъ, что они за это ежегодно будутъ давать ему по подводѣ съ тягла для доставленія хлѣба на Майну, что по разсчету составляло 30 руб. въ годъ. Когда же и на это владѣлецъ не соглашался, они давали по двѣ подводы, но Пе—ко не взялъ и этого. Удивленный такимъ настойчивымъ требованіемъ и огромною цѣною, предлагаемой крестьянами за неудобное болото, я спросилъ ихъ, почему они за нимъ тянутся?

— Онъ, злодѣй, зарѣжетъ насъ,—говорили крестьяне—коли ты не выручишь. Вѣдь ты, Владиміръ Константиновичъ, видѣлъ наши угодья, прямехонько съ одной стороны улицы тянется болото, курица, утка, гусь—все идетъ на болото, а онъ, вѣдь, ты его знаешь, выстроитъ себѣ шалашъ, тамъ и жить будетъ, штрафомъ насъ зарѣжетъ.

Зная хорошо Петра Григорьевича, я былъ увѣренъ, что онъ не отдастъ болота изъ коммерческаго разсчета добывать съ крестьянъ штрафъ, но какъ у насъ на съѣздѣ при составленіи таксы на штрафы было опредѣлено въ селеніяхъ взыскивать штрафъ только со скота и птицы, которые зайдутъ кромѣ засѣянныхъ полей въ мѣста, огороженныя заборомъ, или окопанныя канавой, то въ виду этого, я тутъ же составилъ постановленіе и выдалъ старостѣ и помѣщику, что до тѣхъ поръ, покуда помѣщикъ не огородитъ этого болота, онъ не въ правѣ взыски-

вать за потраву. Такъ какъ на загородку или канаву нужны были деньги, а съ ними Пе—ко разстаться не могъ, то онъ такъ и оставилъ болото не огороженнымъ. Онъ уже послѣ просилъ съ крестьянъ 10 подводъ въъ годъ за это болото, но они не дали и пользовались имъ даромъ.

II.

На другой день я предположилъ ввести грамоту у помѣщицъ Аверкіевыхъ. Это были двѣ старыя дѣвушки отъ 60 до 70 лѣтъ. Онѣ знали меня еще ребенкомъ, носили меня на рукахъ и теперь, хотя мнѣ было уже 40 лѣтъ, все еще считали меня молодымъ человѣкомъ. Онѣ всегда радушно всѣхъ принимали, не знали, гдѣ посадить и какъ угостить. Дворовые и крестьяне были страшно распущены и избалованы. Въ крѣпостное время предводителю нужно было ограждать не крестьянъ отъ помѣщицъ, а помѣщицъ отъ крестьянъ. Такъ какъ онѣ не умѣли составить уставной грамоты, то я пошелъ къ нимъ вечеромъ, чтобы написать имъ ее. Конечно сейчасъ же былъ поданъ самоваръ, всевозможное деревенское печенье, свѣжее масло, сливки, началось подчиванье и, странно, у этихъ барынь, которыхъ крестьяне слушались изъ милости, проглядывало во всѣхъ словахъ неудовольствіе на Положеніе 19-го февраля. Я зналъ, что онѣ любили меня, а между тѣмъ старушки старались разными тонкими намеками уколоть меня.

— Вотъ, Владиміръ Константиновичъ, думали-ли мы,—говорила старшая сестра, когда тебя маленькаго носили на рукахъ, что ты будешь распоряжаться нашимъ имѣньемъ.—Ну, что дѣлать, хозяйничай, батюшка, какъ знаешь, мы, старыя дуры, намъ ужъ и воли ни въ чемъ нѣтъ.

— Полноте, сестрица,—перебивала младшая,—будемъ лучше Бога благодарить, что у насъ Владиміръ Константиновичъ, а не другой какой, все-таки его знаемъ, и онъ насъ любитъ, все намъ лучше. Развѣ вы думаете, что это онъ по своей волѣ дѣлаетъ? Это все манцыпація ему велитъ.

— Вотъ то-то и есть, Владиміръ Константиновичъ,—начала опять старшая,—говоришь ты, что насъ, старухъ, любишь, а вѣдь какой скрытный, не хотѣлъ сказать, какъ манцыпацію порохомъ подорвать хотѣли.

— Какъ порохомъ, Александра Ивановна?—спросилъ я ее.

— Ну что притворяешься, какъ порохомъ? будто ничего не знаешь,

ну, такъ и хотѣли и пороху подсыпали, да вотъ жандармы разузнали и не дали.

— Полноте, сестрица,—перебила младшая,—чтобы изъ этого прибыли было, вотъ кабы манцыпацію подорвали раньше, покуда по губерніямъ не разослали, ну, тогда еще такъ, а то теперь, такъ сказать, у всѣхъ въ рукахъ, пожалуй, подрывай ее, никакого толка не будетъ.

— Эхъ, молоды вы еще, Авдотья Ивановна (а Авдотьѣ Ивановнѣ 60 лѣтъ), такъ вотъ вы и говорите, а помоему былъ бы толкъ. У Владиміра Константиновича какая манцыпація?—«копія», а настоящая-то гдѣ?—въ Петербургѣ. Вотъ кабы ее тамъ подорвали, пріѣхалъ бы къ намъ нынче Владиміръ Константиновичъ манцыпацію дѣлать, а я бы ему сейчасъ: «а по какому, батюшка, праву вы манцыпацію дѣлаете? покажите-ка мнѣ. Онъ бы мнѣ ее вынулъ, а я бы ему опять, «это, молъ, батюшка, копія, а вы мнѣ настоящую манцыпацію покажите». А настоящую-то въ тѣ время подорвали; гдѣ бы онъ взялъ? такъ бы отъ насъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

Я буквально передалъ разговоръ, и изъ этого можно видѣть, что съ этими добрыми старушками и нечего было входить въ разъясненія относительно составленія уставныхъ грамотъ, и потому, изъ добытыхъ у нихъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, я составилъ самъ, а онѣ не читавъ (да если бы и читали, то не поняли бы), подписали ее, причемъ старшая упрашивала не ввести ее въ бѣду. На другой день утромъ собрались крестьяне и сторонніе понятые. Только-что я вышелъ къ нимъ и не успѣлъ сказать ни одного слова, какъ сзади въ толпѣ начали раздаваться голоса: «мы не согласны, мы руки не дадимъ».

— Кто тамъ кричитъ, что руки не дастъ,—спросилъ я строго— нечего издали кричать, выходи впередъ и говори здѣсь передъ міромъ! Не бойся говорить, за это ничего не будетъ.

Тогда вышелъ впередъ одинъ молодой крестьянинъ.

— Это я говорилъ, Владиміръ Константиновичъ,—сказалъ онъ.

— Вотъ такъ-то лучше,—отвѣчалъ я ему,—мы будемъ съ тобой говорить здѣсь передъ міромъ, ты чего хочешь?

— Я... мы... я ничего, вотъ только мы руки не дадимъ.

— А развѣ кто у тебя, или у міра руки проситъ?—Кому ты руки не дашь?

— Сторонніе!—сказалъ я, обращаясь къ понятымъ—заставлялъ я Аверкіевыхъ крестьянъ руки давать?

— Нѣтъ, батюшка, не заставляли.

— Ну, такъ что же вы безъ толку галдите: руки не дадимъ. Да и на что мнѣ ваши руки? Знайте, ребята, я пріѣхалъ вводить грамоту по царскому указу, такъ мнѣ не только въ твоей, да коли и господа ваши не подпишутъ ее, или по-вашему не дадутъ руки, такъ я пле-

вать на это хочу, не нужно мнѣ согласія ни твое, ни барское—это дѣлается по царскому повелѣнію. Слушай еще разъ: если царь велитъ дѣлать рекрутскій наборъ, спрашиваетъ онъ васъ, хотите вы ставить рекрутъ или нѣтъ?

— Зачѣмъ ему спрашивать, вѣстимо, велитъ давать рекрутъ, такъ ужъ давай, тамъ ужъ хочешь или нѣтъ, а давай!

— Ну, такъ и здѣсь, велитъ онъ мнѣ грамоту вводить—я и ввожу, и мнѣ дѣла нѣтъ, согласенъ ты или нѣтъ. Теперь вы слушайте, я буду говорить со старостой.

Я началъ говорить о числѣ ревизскихъ душъ, о количествѣ крестьянской земли и о мѣстахъ, гдѣ они пашутъ ее. Затѣмъ прочиталъ по пунктамъ уставную грамоту и объявилъ ее введенной. Тутъ опять раздался между крестьянами шопотъ и потомъ голоса сзади:

— Не надо намъ ее, не возьмемъ, староста, не бери ее!

— Тише,—закричалъ я,—что вы думаете, я упрашивать васъ буду, чтобы вы ее взяли? Староста, возьми грамоту и держи ее въ волостномъ правленіи. А вы знайте, что если на васъ будетъ жалоба и я найду, что вы не работаете, какъ сказано въ грамотѣ, всякій разъ васъ буду штрафовать.

— А какъ мы будемъ работать по грамотѣ, коли мы не знаемъ, что въ ней, у насъ ея нѣтъ,—заявилъ мнѣ одинъ изъ крестьянъ.

— Мнѣ что за дѣло,—отвѣчалъ я,—я вамъ давалъ грамоту, вы не взяли, такъ уже какъ хотите, по мнѣ за все будете отвѣчать по грамотѣ. Теперь ступайте по домамъ, завтра на работу; выслать людей не меньше, какъ въ грамотѣ,—слышишь, староста! Ну, съ Богомъ, ступайте, мнѣ некогда.

Старушки при вводѣ грамотъ не были, но были ихъ старыя дѣвушки, которыя имъ передали все по-своему, и когда я пришелъ къ нимъ, онѣ бросились ко мнѣ со слезами, говоря, что слышали, какъ крестьяне грубили мнѣ, и боятся, что они меня убьютъ. Напрасно увѣрялъ я ихъ, что никакихъ грубостей отъ крестьянъ не было, и никто на жизнь мою не покушался, что я долженъ былъ призвать ихъ приказчика и толковать ему правило о числѣ рабочихъ мужчинъ и женщинъ, и урочное положеніе о рабочихъ. Старушки внимательно слушали и, какъ я уже сказалъ прежде, у нихъ запашка была не большая, то и оказалось, что по числу рабочихъ по уставной грамотѣ и урочному положенію можно было даже увеличить запашку, тогда ихъ благодарности не было конца.

На другой день я назначилъ вводъ грамоты въ имѣніи Малаева. Подавъ грамоту, Малаевъ присоединилъ къ ней весьма курьезное приложеніе: для успѣха работъ онъ просилъ назначить для крестьянъ время для завтрака $^1/_4$ часа, для обѣда $^1/_2$ часа, а лѣтомъ,

во время жнитва, запретить имъ за обѣдомъ употреблять горячую пищу, а только холодную, т. е. квасъ или молоко и хлѣбъ, такъ какъ, по его мнѣнію, при щахъ или горячей кашѣ весьма много уходитъ времени, эту пищу онъ дозволялъ крестьянамъ употреблять во время ужина. Объявивъ г-ну Малаеву, что Положеніе 19-го февраля не даетъ права мировому посреднику распоряжаться назначеніемъ кушаньевъ на обѣдъ и ужинъ, я съ надписью возвратилъ ему эти приложенія. Крестьяне съ нетерпѣніемъ ждали ввода грамоты, которая избавляла ихъ отъ произвольныхъ требованій владѣльца. Когда я приступилъ къ чтенію, то они заявили мнѣ о желаніи перейти на оброкъ. Разъяснивъ имъ, что въ настоящее время я не въ правѣ безъ согласія владѣльца перевести ихъ на оброкъ, совѣтовалъ обратиться къ нему съ просьбой объ этомъ. Малаевъ сказалъ имъ, что онъ согласится на это въ такомъ только случаѣ, если крестьяне немедленно приступятъ къ выкупу ихъ надѣла. Тутъ надо было разъяснить крестьянамъ положеніе о выкупѣ и вести переговоры съ владѣльцемъ объ условіяхъ дополнительнаго платежа. Къ удивленію моему, г-нъ Малаевъ оказался весьма сговорчивымъ и предложилъ крестьянамъ снисходительныя условія. Крестьяне вызвали меня изъ волостнаго правленія и осаждали просьбой скорѣе писать объ этомъ.

— Не знаемъ, что съ нимъ приключилось, Владиміръ Константиновичъ,—говорили они,—пожалуйста, пиши скорѣе, да не отпускай его отъ себя, а то какъ одумается, то съ нимъ послѣ и не совладаешь.

Сначала я составилъ уставную грамоту на оброки по обоюдному соглашенію, а потомъ приступилъ къ выкупному договору. Малаевъ все время былъ со мною, вмѣстѣ мы обѣдали, крестьяне не выходили изъ волости, имъ сюда жены приносили хлѣба. Въ 11 часовъ ночи все было сдѣлано, готово, договоръ подписанъ обѣими сторонами и утвержденъ мною. Малаевъ и крестьяне остались чрезвычайно довольны и все благодарили меня за то, что я согласилъ ихъ.

— Безъ васъ,—говорили они,—никогда бы у насъ это дѣло не состоялось.

Я забылъ сказать, что во все это время былъ тутъ П. Г. Пе—ко. При соглашеніяхъ и уступкахъ, которые дѣлалъ Малаевъ крестьянамъ я наблюдалъ за Пе—ко; лицо его изображало не то недоумѣніе, не то испугъ, онъ неодобрительно качалъ головою, порываясь что-то сказать Малаеву, но его стѣсняло мое присутствіе. Наконецъ, когда Малаевъ заявилъ, что онъ отказывается за исключеніемъ жнитва, что остальной издѣльной работы до утвержденія выкупа не будетъ получать съ крестьянъ и оброка, Пе—ко вскочилъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, схватилъ шапку и, ни съ кѣмъ не простившись, выбѣжалъ изъ волостнаго правленія.

Проработавши съ 9 ч. утра до 11 часовъ ночи, я утомился, и на другой день только-что я проснулся, ко мнѣ пришелъ Аверкіевскій староста.

— Что тебѣ надо?—спросилъ я.

— Къ тебѣ, Владиміръ Константиновичъ; сколько мужиковъ да бабъ высылать на работу?

— У васъ есть уставная грамата, по ней и высылай, сколько тамъ написано.

— Да вѣдь міръ ее не взялъ;—скажи, пожалуйста, сколько.

— Не знаю, въ уставной грамотѣ написано.

— Да вѣдь какъ же, коли мы меньше пошлемъ, вѣдь ты насъ оштрафуешь?

— Оштрафую, не спущу.

— Ну, вотъ ты и скажи сколько.

— Да вѣдь я тебѣ говорю, что не знаю,—справься по грамотѣ.

— Да развѣ съ нашими чертями сладишь: не моги, говорятъ, брать уставной грамоты, ну, вотъ ты и поди, не знаю, что и дѣлать; я, знаешь, чтобы не быть въ отвѣтѣ, всѣхъ поголовно погоню.

— Гони пожалуй, мнѣ что за дѣло.

— Ну, такъ и ладно, я такъ и погоню ихъ, и нынче погоню, и завтра погоню. Ну, прощай.

— Прощай,—отвѣчалъ я.

Староста ушелъ.

Вечеромъ онъ опять пришелъ ко мнѣ и просилъ выдать уставную грамоту, говоря, что міръ позволяетъ взять ее ему, но я отказалъ, объявивъ, что только тогда выдамъ ее, когда все общество придетъ ко мнѣ и будетъ просить грамоту. Часа черезъ два явились всѣ крестьяне, просили простить ихъ и выдать имъ грамоту, обѣщаясь ее въ точности выполнить. Тогда я взялъ ее отъ старшины и передалъ старостѣ.

Я уже 5-ть недѣль какъ не былъ дома, и при томъ наступила страстная недѣля и потому на другой день утромъ поѣхалъ домой и хотя всего Озерки отъ меня 45 верстъ, но дорога отъ распутицы такъ была испорчена, что я не доѣхалъ до дому и ночевалъ въ 4 верстахъ въ селѣ Никольскомъ и только на другой день утромъ пріѣхалъ домой. Это было среди страстной недѣли. Дѣти мои мнѣ страшно обрадовались, мы не видались пять недѣль. Пасху я встрѣтилъ въ своей семьѣ. Среди недѣли ко мнѣ явились крестьяне изъ Никольскаго, графа Сологуба, съ заявленіемъ, что управляющій отрѣзываетъ отъ нихъ часть земли и кромѣ того отбираетъ одно поле, а вмѣсто него даетъ другое. Видя изъ рапорта волостнаго правленія, что безтолковый нѣмецъ произвольно приступилъ къ разверстанію угодій, я написалъ ему, что крестьяне до ввода уставной грамоты договаривались владѣть той землей, какой

владѣли до обнародованія Положенія, и просилъ его до прибытія моего никакихъ измѣненій въ крестьянскомъ надѣлѣ не дѣлать, обѣщавъ самъ пріѣхать въ Никольское во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Объявивъ объ этомъ распоряженіи крестьянамъ, отпустилъ ихъ домой. Въ понедѣльникъ на Ѳоминой я поѣхалъ въ Никольское и, пріѣхавъ туда, нашелъ полную неурядицу. Безтолковый нѣмецъ произвелъ тамъ отрѣзку надѣла, оставивъ крестьянамъ, согласно Положенію, по 4 десятины на душу и кромѣ того сдѣлалъ и разверстаніе, отобравъ отъ крестьянъ нѣкоторыя поля въ пользованіе помѣщика, а взамѣнъ ихъ указалъ имъ другія. На другой день рано утромъ я поѣхалъ осматривать отобранныя у крестьянъ поля, а также и замѣненныя другими. Со мной было шесть человѣкъ выбранныхъ отъ крестьянъ, волостной старшина, сельскій староста и помощникъ управляющаго имѣніемъ. Возвратившись съ осмотра, я составилъ актъ и опредѣлилъ впредь до уставной грамоты оставить у крестьянъ ту землю, которой они владѣли и въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ какомъ заявили мнѣ крестьяне, что нѣкоторые изъ нихъ, въ виду отобранія отъ нихъ земли, наняли себѣ въ окрестностяхъ селенія и засѣяли уже горохомъ и овсомъ; но по неимѣнію сѣмянъ для посѣва, возвращенной земли они принять не желаютъ. Составивъ именной списокъ этимъ крестьянамъ, а также отобравъ отъ нихъ показанія и разспросивъ стороннихъ людей, я опредѣлилъ уплаченныя ими за наемъ земли деньги взыскать съ конторы и возвратить имъ, а конторѣ предоставить распорядиться по ея усмотрѣнію той землей, отъ которой крестьяне отказались. Обѣ стороны подписали эти постановленія и разошлись довольными, но не больше какъ черезъ часъ пришли опять крестьяне и заявили, что они ни земли, ни денегъ не хотятъ и что даже совсѣмъ не будутъ сѣять на той землѣ, которой надѣлены отъ владѣльца, а будутъ нанимать на сторонѣ. На вопросъ мой, почему это они такъ думаютъ, крестьяне отвѣчали, что такъ какъ у нихъ землю отобрали, то теперь они опоздали сѣвомъ. Видя тутъ не что иное, какъ дѣйствіе какихъ-то подстрекателей, я объяснилъ имъ, что они говорятъ вздоръ, сѣвъ только-что начинается, ежели и опоздали сѣвомъ, то только горохомъ, который они и посѣяли на наемной землѣ, за которую имъ и возвращены деньги.

Но крестьяне упорно стояли на своемъ и кричали, что ни земли, ни денегъ не хотятъ. Когда же я имъ сказалъ, что для меня все равно, я буду съ нихъ требовать какъ уплаты казенныхъ повинностей, такъ и выполненія барщины и всѣхъ работъ и что они не посмѣютъ отговариваться тѣмъ, что не пользовались надѣломъ земли отъ помѣщика, такъ какъ имъ возвратили прежнія ихъ земли и съ конторы взысканы уплаченныя ими деньги за наемную землю.

— Теперь мы ее назадъ не возьмемъ,—отвѣчали крестьяне,—и работать на помѣщика не будемъ.

Давъ имъ нѣсколько успокоиться, я объяснилъ, что мнѣ съ ними больше толковать не о чемъ; чтобы они шли по домамъ, а старостѣ приказалъ сдѣлать нарядъ по обыкновенію на завтрашній день на барскую работу.

Вечеромъ ко мнѣ пришелъ староста и сказалъ, что онъ въ конторѣ получилъ приказъ о работахъ и сдѣлалъ нарядъ, но увѣренъ, что крестьяне не выйдутъ на работы, такъ какъ есть нѣсколько человѣкъ, которые сбиваютъ ихъ, и главный зачинщикъ явный, — это судья волостнаго правленія. Отпустивъ старосту домой, я черезъ нѣсколько времени позвалъ къ себѣ старшину и судей, разъяснилъ имъ всѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ упорства крестьянъ, и въ заключеніе сказалъ, что такъ какъ мнѣ нѣтъ возможности говорить съ цѣлой толпою, то я поручаю имъ, какъ болѣе толковымъ людямъ, переговорить съ крестьянами и образумить крикуновъ. Все это время я наблюдалъ за Лысымъ (прозваніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало ему: онъ былъ совершенно лысый). Видно, что онъ мужикъ умный, плутоватый; его маленькіе, рысьи глазки такъ и бѣгали изъ стороны въ сторону, онъ слушалъ со вниманіемъ и болѣе всѣхъ поддакивалъ мнѣ, безпрестанно повторяя: «такъ, батюшка, такъ, дураки, что съ ними подѣлаешь; пользы своей не понимаютъ, какъ есть дураки».

Рано утромъ я былъ разбуженъ шумомъ подъ окнами; взглянувъ, увидѣлъ полный сельскій сходъ. Когда я вышелъ къ нему и спросилъ, зачѣмъ они собрались, толпа зашумѣла, какъ шмели, такъ что ничего нельзя было разобрать.

Приказавъ имъ замолчать, я вызвалъ впередъ нѣсколько человѣкъ и спросилъ, что имъ надо. Они отвѣчали, что земли не хотятъ и работать не пойдутъ. Объявивъ имъ, что я еще вчера объяснилъ имъ все и больше говорить съ ними не буду; что я бы теперь же могъ и наказать, и оштрафовать ихъ, но мнѣ жалко ихъ, такъ какъ они дѣлаютъ это по глупости, смущаемые негодяями, поэтому я даю имъ срокъ одуматься. Я черезъ часъ уѣду въ Суходолъ (8-мь верстъ отъ Никольскаго) вводить уставную грамоту, гдѣ пробуду сегодня и завтра, но если они въ эти два дня не перестанутъ дурить, то чтобы пеняли на себя, а я уже долженъ буду по власти, данной мнѣ государемъ, привести ихъ къ повиновенію. Съ этими словами я распустилъ ихъ по домамъ.

Въ то время, когда я занимался введеніемъ уставной грамоты въ Суходолѣ, явился ко мнѣ старшина и заявилъ, что изъ Никольскаго пріѣхало человѣкъ 6 или 7 крестьянъ, ходятъ по дворамъ и подбиваютъ крестьянъ грамоты не подписывать и ни на какія условія не соглашаться. Сдѣлавъ распоряженіе о немедленномъ ихъ арестованіи, я при-

казалъ на завтра, когда грамота будетъ уже подписана, привести ихъ на сходъ.

Я спросилъ ихъ, зачѣмъ они пріѣхали сюда и какъ осмѣлились возбуждать крестьянъ къ неповиновенію? Они въ этомъ не сознавались, но тутъ же были уличены всѣми крестьянами. Я объявилъ имъ, что я на этотъ разъ оставлю ихъ безъ наказанія, но что если къ утру никольскіе крестьяне не образумятся, то я ихъ буду имѣть въ виду какъ главныхъ зачинщиковъ неповиновенія.

На другой день утромъ ко мнѣ пріѣхали изъ Никольскаго старшина и староста и заявили, что крестьяне положительно отказались отъ помѣщичьихъ работъ, а у тѣхъ, которые выѣхали на работы, порубили у сохъ оглобли, а у телѣгъ колеса, и просили принять мѣры къ усмиренію крестьянъ. Видя, что никольскіе крестьяне окончательно вышли изъ повиновенія и что кроткими мѣрами на нихъ дѣйствовать безполезно, опасаясь также, чтобы упорство ихъ не имѣло вліянія на крестьянъ князя Трубецкаго въ с. Муховкѣ, я рѣшился ѣхать въ Самару и, переговоривъ съ губернаторомъ, принять рѣшительныя мѣры. Такъ какъ Суходольское отъ Волги всего въ 12 верстахъ, а пароходъ по росписанію долженъ проходить на этомъ мѣстѣ въ 4 ч. утра, то я въ началѣ 3-го выѣхалъ изъ Суходольскаго и, пріѣхавши на Волгу, взялъ рыбачью лодку и поѣхалъ на середину рѣки ждать парохода. Не больше какъ черезъ 1/4 часа показался пароходъ, я пересѣлъ на него и въ 4 часа послѣ обѣда пріѣхалъ въ Самару.

Вечеромъ отправился къ губернатору, который на другой день назначилъ экстренное губернское присутствіе и просилъ меня въ оное. Губернаторомъ, какъ я уже сказалъ, былъ Арцимовичъ. Въ губернскомъ присутствіи я изложилъ весь ходъ дѣла. Всѣ члены присутствія вполнѣ одобрили мои дѣйствія, но когда я обратился къ нимъ съ вопросомъ, что мнѣ дѣлать теперь,—то Самаринъ отвѣчалъ: такъ какъ я былъ на мѣстѣ и вполнѣ ознакомленъ съ настроеніемъ крестьянъ, то разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ меня, и они желали бы знать, что я намѣренъ предпринять. На это я сказалъ, что, испытавъ всѣ способы убѣжденія, я нахожу теперь необходимымъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, во-первыхъ, чтобы показать крестьянамъ, что правительство имѣетъ достаточно силы заставить ослушниковъ повиноваться закону, а во-вторыхъ, потому, что безнаказанность подобныхъ дѣйствій можетъ вредно вліять на окрестныхъ крестьянъ, и потому полагалъ бы ввести туда военную команду. На вопросъ губернатора, въ какомъ размѣрѣ я считаю ее необходимой, я отвѣчалъ, что ручаюсь за немедленное водвореніе спокойствія и повиновенія, если мнѣ дадутъ 3-хъ жандармовъ.

— Вы меня напугали словами «военная команда»,—сказалъ Сама-

ринъ, но въ томъ размѣрѣ, въ какомъ вы просите, я колеблюсь изъявить согласіе, опасаясь за васъ. Въ селеніи свыше 1000 душъ, что же вы подѣлаете съ 3-мя человѣками?

— Усмирю волненіе,—отвѣчалъ я. Дайте мнѣ 3-хъ жандармовъ, и отвѣчаю вамъ, что все будетъ улажено.

Губернаторъ согласился. Тотчасъ было сообщено жандармскому штабъ-офицеру, чтобы на другой день утромъ, къ отходу парохода, были мнѣ присланы жандармы. Вечеромъ я пошелъ къ губернатору, пилъ у него чай, условился съ нимъ о содѣйствіи полиціи и взялъ отъ него письмо къ исправнику. На другой день послѣ обѣда отправился на пароходѣ въ Ставрополь. Такъ какъ отъ Самары до Ставрополя не болѣе 90 верстъ, то мы разсчитывали пріѣхать часовъ въ 9 вечера, но не такъ случилось. Пароходъ попался сквернѣйшій, «Казань», дрова оказались сырыя,мы ползли, какъ черепаха, и только часовъ въ 12 ночи добрались до Моравишъ, гдѣ и остановились ночевать. Утромъ, часовъ въ 5, просыпаюсь, смотрю въ окно и не узнаю мѣстности; зову человѣка, спрашиваю, гдѣ мы?

— Около Зеленовки,—отвѣчаетъ онъ.

— Какъ же такъ? вѣдь мы вчера дошли до Моравишъ? Зеленовка осталась позади.

— Паровъ нѣтъ, теченіемъ снесло,—отвѣчалъ человѣкъ.

Тутъ всѣ пассажиры расшумѣлись, вышли на палубу и съ упреками обратились къ капитану.

— Что я могу вамъ сказать, господа,—отвѣчалъ капитанъ—одно, что мнѣ совѣстно, что я командиръ такого парохода, какъ «Казань». Я принялъ его всего только двѣ недѣли, но если бъ зналъ такія его милыя свойства, то конечно ни за что бы не согласился принять его.

Впослѣдствіи этотъ пароходъ былъ исключенъ изъ числа пассажирскихъ пароходовъ. Такимъ образомъ мы едва въ 12 ч. добрались до Ставрополя. Тамъ я нашелъ нашего уѣзднаго предводителя Тургенева и сосѣдняго помѣщика по селу Никольскому—Кроткова. Переговоривъ съ исправникомъ,рѣшили такъ, чтобы онъ отправлялся съ жандармами въ Никольское и къ утру собралъ бы новый сходъ. Жандармовъ бы на ночь размѣстилъ у болѣе вліятельныхъ крестьянъ, и одного непремѣнно у Лысаго. Жандармамъ я далъ наставленіе, какъ обращаться и что говорить хозяевамъ. Сами же мы: предводитель, я и Кротковъ, поѣхали въ деревню послѣдняго, съ тѣмъ, чтобы у него ночевать, а на другой день ѣхать въ Никольское.

Утромъ часовъ въ 9-ть мы пріѣхали въ Никольское. Мужики ждали на площади; ихъ было человѣкъ 300, но бабъ и ребятишекъ вдвое больше. Вошедъ въ середину схода вмѣстѣ съ исправникомъ и предводителемъ, я, обращаясь къ крестьянамъ, сказалъ, что такъ какъ ото-

бранная у нихъ управляющимъ произвольно земля имъ возвращена, то будутъ-ли они ее пахать или не будутъ, мнѣ дѣла нѣтъ, но что теперь я требую отъ нихъ барщинной работы и въ послѣдній разъ спрашиваю ихъ, будутъ-ли они работать?!

Толпа зашумѣла, начали переглядываться, перешептываться и, наконецъ, одинъ, выйдя изъ толпы, отвѣчалъ: «нѣтъ, не будемъ, царь не велѣлъ на господъ работать».

— Гдѣ и отъ кого слышалъ ты объ этомъ царскомъ указѣ?—спросилъ я.

— Слышалъ или не слышалъ, а работать не будемъ, вотъ и сказъ, толковать нечего.

Въ толпѣ раздался смѣхъ. Тогда я велѣлъ жандармамъ взять его, а исправнику обойти ряды крестьянъ, приказавъ тѣмъ, которые изъявятъ готовность ходить на работу, отходить въ правую сторону. Ни одинъ человѣкъ не отошелъ. Тогда я приказалъ, находящимся при исправникѣ разсыльнымъ наказать этого крестьянина. Когда стали раздѣвать его, то между бабами и ребятишками раздались вопли и крики. Заранѣе предвидя это и зная, что 3-хъ жандармовъ достаточно для удаленія ихъ, мы подготовили пожарныя трубы и, когда бабы не послушались приказанія исправника отойти, то ихъ облили изъ трубъ. Мгновенно всѣ онѣ разбѣжались. Мужики, когда растянули перваго, закричали:

— За что одного сѣчь? Сѣки насъ всѣхъ!

— Вдругъ нельзя,—отвѣчалъ предводитель,—погодите по-одиночкѣ всѣхъ переберемъ и высѣчемъ.

Послѣ каждаго удара его спрашивали: пойдетъ-ли онъ на работу? Но онъ упорно молчалъ. Ему дали 50 ударовъ. Послѣ этого вышелъ одинъ молодой парень, самъ раздѣлся и легъ, но послѣ 10 ударовъ сталъ просить прощенья и обѣщался идти на работу; вышелъ еще одинъ и, обратясь къ намъ, сказалъ: «сѣките и меня». Этотъ не выдержалъ и 3-хъ ударовъ, сталъ просить прощенья и обѣщалъ идти на работу. Болѣе охотниковъ не являлось; тогда предводитель велѣлъ жандармамъ идти по рядамъ и спрашивать, нѣтъ-ли желающихъ быть высѣченными? Но вмѣсто желающихъ всѣ стали на колѣни, начали просить прощенья, заявляя, что и землю возьмутъ, и на работу будутъ ходить. Тогда я велѣлъ исправнику отправить въ Ставрополь перваго наказаннаго крестьянина, но онъ тутъ же упалъ на колѣни и со слезами просилъ прощенья, обѣщавъ исполнять всѣ повинности. Видя, что весь этотъ, такъ называемый, бунтъ кончился, я его простилъ, и мужики спокойно разошлись по домамъ. Мы уѣхали опять къ Кроткову; оттуда предводитель поѣхалъ домой, исправникъ—по уѣзду, я же остался на нѣсколько дней, чтобы посмотрѣть, какъ пойдутъ работы.

На другой день крестьяне, которымъ слѣдовало идти на барщину, вышли всѣ, а остальные принялись пахать возвращенную землю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великій князь Константинъ Павловичъ отказывается отъ переписки по своей административной дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ.

Отношеніе его высочества управляющему министерствомъ юстиціи, статсъ-секретарю тайному совѣтнику Блудову.

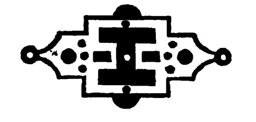
6-го декабря 1830 г. № 40.

По случаю происшедшаго въ Варшавѣ возмущенія, я съ находившимися тамъ россійскими войсками прибылъ въ предѣлы Россіи, оставивъ въ Варшавѣ весь архивъ.

По сему поводу и по занятію дѣлами сообразными съ теперешними обстоятельствами, находясь въ невозможности быть въ сношеніяхъ съ вашимъ превосходительствомъ по тѣмъ дѣламъ, по какимъ сношенія сіи между нами были, я прошу васъ прекратить оныя впредь до времени, исключая случаевъ самыхъ чрезвычайныхъ, не требующихъ соображеній съ архивами, или относящихся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

О семъ равномѣрно извѣстилъ я гражданскихъ губернаторовъ высочайше ввѣренныхъ надзору моему губерній, съ тѣмъ, чтобы они, управляя оными силою законовъ, въ случаяхъ требующихъ разрѣшеній, испрашивали оныя отъ вашего превосходительства.

Сообщ. А. В. Безродный.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XIV [1]).

Характеристика М. Н. Муравьева.—Домашняя жизнь его въ Вильнѣ.—Сослуживцы его и подчиненные.

Вѣроятно, не безъинтересно будетъ читателю познакомиться съ порядкомъ препровожденія времени графомъ М. Н. Муравьевымъ во время бытности его въ Вильнѣ главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края, состоявшаго подъ его управленіемъ безъ малаго два года, съ 30-го апрѣля 1863 г. по 17-е апрѣля 1865 года. Можно сказать положительно, что въ тогдашнее мятежное время жизнь его текла крайне однообразно, за постоянными докладами и сосредоточивалась: съ 8 часовъ утра до 5 часовъ по полудни и съ 7 часовъ и никогда не позже 7½ ч. послѣ обѣда, до 2 часовъ и долѣе за полночь, въ рабочемъ кабинетѣ, небольшой комнатѣ верхняго помѣщенія дворца, въ два окна, выходившихъ на площадь съ фонтаномъ. Двѣ небольшія одностворчатыя двери, съ промежуткомъ въ аршинъ, вели въ этотъ знаменитый въ тогдашнее боевое время кабинетъ, гдѣ рѣшалась судьба Сѣверо-Западнаго края, быть или не быть ему за Россіею; дипломатія цѣлой почти Европы шла тогда на насъ войною. Прямо противу входа стоялъ, припертымъ узкою стороною къ окну, большой, съ тремя выдвижными ящиками, старинный письменный, крытый зеленымъ сукномъ, столъ, краснаго дерева, съ трехъ сторонъ котораго размѣщены были шесть креселъ, стараго фасона,

---

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1904 г.

съ узкими рѣзными ручками; на одномъ изъ нихъ, стоявшемъ влѣво отъ входа, сидѣлъ обыкновенно Михаилъ Николаевичъ, покуривая любимый Жуковъ табакъ изъ трубки съ длиннымъ чубукомъ, и выслушивалъ служебные доклады, по строго соблюдавшейся очереди. Съ другой стороны стола стояли три кресла: одно, спинкой къ окну, служило для складыванія бумагъ при докладѣ; на среднемъ, противъ главнаго начальника края, садился обыкновенно докладчикъ; стоявшее слѣва кресло было также подспорьемъ для размѣщенія докладовъ; наконецъ, два кресла помѣщались около узкой стороны стола, противъ входной двери въ кабинетъ; сидя на одномъ изъ нихъ, получали обыкновенно приказанія лица, передъ отправленіемъ куда-нибудь въ командировку. Цѣлый столъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, былъ загроможденъ книгами, бумагами, вѣдомостями и разными свѣдѣніями, необходимыми Михаилу Николаевичу для постоянныхъ подручныхъ его справокъ. Нужно было удивляться, съ какою скоростію онъ всегда отыскивалъ тамъ необходимое. Влѣво отъ входной двери стоялъ прислоненнымъ къ стѣнѣ стариннаго фасона, какъ и вся мебель, диванъ краснаго дерева, къ правой сторонѣ котораго, подъ прямымъ угломъ, поставлена была на подставкѣ доска съ помѣщенной на ней большаго формата картою сѣверо-западныхъ губерній; по цѣлой поверхности этой карты воткнуты были булавки съ разноцвѣтными большими головками, изображавшими разнаго рода войска, которыми главный начальникъ края распоряжался очень часто самъ; отмѣтки о передвиженіи войскъ дѣлались по донесеніямъ военныхъ начальниковъ офицерами генеральнаго штаба, такъ что Михаилу Николаевичу во всякое время было наглядно извѣстно, гдѣ, сколько и какого рода оружія находилось войска.

Мятежническія шайки преслѣдовались по лѣсамъ изъ кабинета, какъ-бы по шахматной доскѣ. Передъ диваномъ и ландкартою стоялъ круглый столъ, на которомъ помѣщалась большая лампа съ рефлекторомъ, на случай вечернихъ справокъ по картѣ. Если прибавить къ меблировкѣ комнаты металлическій барометръ около лѣваго окна на стѣнѣ, нѣсколько креселъ и стульевъ, разставленныхъ по стѣнамъ, небольшой шкапъ, старинные часы подъ стеклянньмъ четырехъ-угольнымъ колпакомъ, принадлежность дома, бронзовые дорожные часы на письменномъ столѣ, по срединѣ котораго стояла чернильница и за нею бронзовый четырехъ-свѣчный подсвѣчникъ съ опускнымъ изъ зеленой тафты абажуромъ, то убранство кабинета будетъ вполнѣ очерчено.

Простота и патріархальность обстановки этой комнаты поражали всякаго, кто мало-мальски былъ знакомъ съ петербургскими грандіозными дѣловыми кабинетами, но, вмѣстѣ съ этимъ, каждый посѣтитель кабинета невольно сознавалъ, что здѣсь творилось великое дѣло. Другой выходъ изъ кабинета, подлѣ самаго дивана, замаскированный спущенною

портьерою, велъ въ уборную и спальню главнаго начальника края, а также и на внутреннюю лѣстницу, которая соединяла низъ жилаго помѣщенія съ верхомъ и служила для домашнихъ ходомъ въ домовую церковь, помѣщавшуюся въ большомъ верхнемъ угловомъ залѣ, выходившемъ окнами въ дворцовый тѣнистый садъ; для постороннихъ посѣтителей входъ въ церковь былъ съ параднаго крыльца, при садовыхъ воротахъ. Съ лѣвой стороны кресла, на которомъ сидѣлъ Михаилъ Николаевичъ, стоялъ стулъ съ привязаннымъ къ нему зеленымъ снурномъ отъ звонка, проведеннымъ къ камердинеру, старику Василію Ѳедоровичу, состоявшему при немъ болѣе 35 лѣтъ, который обязанъ былъ, смотря по звонку, или подавать трубку, или вызывать дежурнаго адъютанта въ кабинетъ.

Доклады по расписанію были раздѣлены по часамъ, и строго соблюдавшаяся очередь никогда не нарушалась; подобное систематическое распредѣленіе служебныхъ занятій, облегчая усидчивый трудъ, предоставляло вмѣстѣ съ тѣмъ докладчику возможность располагать своимъ свободнымъ временемъ, котораго вообще у насъ тогда было очень и очень немного. Случайный перерывъ доклада былъ весьма рѣдокъ и вызывался иногда экстренностію посѣщенія пріѣзжаго лица, или спѣшною телеграммою. Когда пріѣзжалъ во дворецъ митрополитъ Іосифъ, съ которымъ Михаилъ Николаевичъ находился въ отличныхъ отношеніяхъ, то онъ постоянно спѣшилъ встрѣтить православнаго архипастыря при входѣ въ большой залъ. Особая канцелярія помѣщалась въ большой боковой комнатѣ, выходившей на Фонтанную площадь; за нею устроенъ былъ телеграфъ, гдѣ постоянно занимались два дежурныхъ телеграфиста—по пріему и по передачѣ депешъ.

Въ одиннадцать часовъ утра ежедневно назначенъ былъ общій пріемъ просителей и представлявшихся по службѣ лицъ; тогда принимались и разныя депутаціи, прибывавшія съ разныхъ сторонъ въ Вильну, къ главному начальнику края; осматривались и формировавшіяся жандармскія команды. Съ боемъ одиннадцати часовъ дежурный адъютантъ возвѣщалъ присутствовавшимъ о выходѣ Михаила Николаевича. Пріемы, вообще, были непродолжительны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никто не уходилъ оттуда, не высказавшись главному начальнику края, который выслушивалъ секретныя сообщенія, отходя въ амбразуру окна. Нужно было видѣть то всеобщее, напряженное вниманіе представлявшихся, съ которымъ они слѣдили за каждымъ словомъ знаменитаго начальника, и ту неподкупную любовь, которая проглядывала въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ движеніи окружавшихъ его приближенныхъ къ нему лицъ; это была такая охрана, которую никогда не могла бы одолѣть не только польская, но и никакая темная вражья сила.

Первымъ отправлялся ежедневно утромъ и вечеромъ съ докладомъ П. А. Черевинъ, который и жилъ на верху во дворцѣ въ первой ком-

натѣ отъ передней; послѣ него главный начальникъ края принималъ виленскаго коменданта А. С. Ваткина, въ вѣдѣніи котораго находилась политическая тюрьма зданія № 14; послѣ него приглашался въ кабинетъ губернскій почтмейстеръ баронъ Россильонъ, съ заграничными газетами, изъ которыхъ прочитывались выдержки; истинное наслажденіе доставляли Михаилу Николаевичу ругательные отзывы о немъ заграничной прессы; онъ ихъ собиралъ и тщательно хранилъ.

— Заграничная брань Россіи полезна; а вотъ отъ иноземныхъ похвалъ русскому не поздоровится,—говаривалъ онъ зачастую.

Виленскій губернаторъ С. Ѳ. Панютинъ и старшій полицеймейстеръ полковникъ М. А. Саранчовъ по нѣсколько разъ въ день являлись во дворецъ съ словесными докладами. Тайному совѣтнику Булычеву порученъ былъ докладъ прошеній по политическимъ дѣламъ, поступавшимъ къ главному начальнику края; для содѣйствія ему былъ откомандированъ чиновникъ особыхъ порученій графъ К. Ф. Ожаровскій; статскій совѣтникъ Лаптевъ завѣдывалъ перепискою на французскомъ языкѣ. Надворный совѣтникъ П. Ф. Неѣловъ, исправлявшій должность оберъ-аудитора военнаго полеваго суда, докладывалъ военно-судныя дѣла, а коллежскій асессоръ Яковлевъ—слѣдственныя политическія. Политическимъ отдѣленіемъ генералъ-губернаторской канцеляріи завѣдывалъ подполковникъ А. С. Павловъ, на родной сестрѣ котораго былъ женатъ правитель той канцеляріи А. Д. Тумановъ, назначенный на эту должность по рекомендаціи его В. И. Назимовымъ. Статскій совѣтникъ Л. С. Маковъ велъ дѣла по крестьянскому вопросу въ теченіе полугода, а затѣмъ, когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ по случаю болѣзни сына и оттуда уже не возвратился, его мѣсто заступилъ В. Д. Левшинъ. Попечитель Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ имѣлъ также опредѣленные часы у главнаго начальника края по дѣламъ учебнаго вѣдомства. Послѣ присоединенія Августовской губерніи царства Польскаго къ виленскому генералъ-губернаторству, я былъ назначенъ Михаиломъ Николаевичемъ предсѣдателемъ, образованной въ Вильнѣ, центральной коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ той губерніи; членами въ ней состояли: В. Ѳ. Самаринъ, П. А. Мясоѣдовъ и Н. И. Никотинъ; по упраздненіи же этой коммиссіи, вслѣдствіе обратной передачи той губерніи въ вѣдѣніе намѣстника царства Польскаго графа Ѳ. Ѳ. Берга, я получилъ въ управленіе особую канцелярію во дворцѣ, въ которой сосредоточены были всѣ дѣла по умиротворенію Сѣверо-Западнаго края и по преобразованію его для окончательнаго слитія съ Россіею. Позднѣе всѣхъ приходили съ докладами предсѣдатели слѣдственныхъ коммиссій. Дѣловые доклады слѣдовали одинъ за другимъ. Кто не успѣвалъ въ назначенное для того время кончить свой докладъ, того графъ Михаилъ Николаевичъ приглашалъ с л о ж и т ь с в о ю л а в о ч к у и уступить мѣсто слѣдующему

по очереди лицу. Не успѣвшій окончить свой докладъ или призывался снова, въ выдававшееся свободное время, или ожидалъ слѣдующую свою очередь. Вечерніе доклады ежедневно начинались послѣ 7 часовъ, чтеніемъ входящихъ бумагъ; эта обязанность возложена была на П. А. Черевина, который послѣ доклада переписывалъ на бумагахъ послѣдовавшую резолюцію главнаго начальника края. Входящія бумаги поступали сотнями, и каждая изъ нихъ тотчасъ же записывалась во входящій журналъ, а затѣмъ всѣ бумаги немедленно раздавались по принадлежности.

По спѣшности дѣла, въ особенности же во время отлучки П. А. Черевина, когда читалъ бумаги Михаилу Николаевичу молодой чиновникъ А. Н. Мосоловъ, привезенный имъ изъ Петербурга и занимавшійся въ особой канцеляріи шифрованными депешами, случались по временамъ ошибочныя отмѣтки въ резолюціяхъ; тогда исполнившій бумагу по таковой отмѣткѣ получалъ замѣчаніе.

— Неужели вы считали меня способнымъ приказать подобный вздоръ? По смыслу бумаги сами могли бы догадаться исправить допущенную ошибку.

При началѣ каждаго доклада графъ М. Н. Муравьевъ давалъ обыкновенно указанія на то, что необходимо было приготовить къ слѣдующей очереди; исполненіе по такимъ распоряженіямъ обязательно было доложить ему прежде прочихъ дѣлъ и бумагъ. Если исполненіе полученнаго приказанія не могло, по чему-либо, быть готовымъ къ назначенному времени, то докладчикъ непремѣнно обязанъ былъ самъ, передъ началомъ доклада, заявить о томъ, добавивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, когда надѣется онъ исполнить порученное, и тогда все проходило благополучно; если же по забывчивости онъ этого не дѣлалъ, а напоминалъ ему о томъ самъ Михаилъ Николаевичъ, то получалъ отъ него замѣчаніе въ родѣ слѣдующаго:

— Не стыдно-ли вамъ не исполнить порученія? Можетъ быть вамъ это трудно? Въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, я поручу другому.

Однажды я позванъ былъ дежурнымъ адъютантомъ въ кабинетъ во время доклада начальника окружнаго штаба А. Э. Циммермана, съ которымъ я жилъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Личность этого генерала была вполнѣ достойна уваженія. Едва успѣлъ я переступить порогъ кабинета, какъ замѣтилъ, что Михаилъ Николаевичъ былъ чѣмъ-то недоволенъ.

— Пожалуйста, любезный Никотинъ, потрудитесь написать распоряженіе по войскамъ, въ Вильнѣ расположеннымъ, о скорѣйшемъ доставленіи свѣдѣній вотъ по этой запискѣ (которую онъ мнѣ и передалъ). Начальникъ штаба не имѣлъ, видимо, времени этимъ заняться.

Такъ какъ исполненіе по настоящему приказанію состояло въ на-

писаніи бумаги въ полъ-листа, то минутъ черезъ двадцать я принесъ ее, и затѣмъ, передавая ее начальнику штаба, онъ прибавилъ:

— Видите, ваше превосходительство, статскій чиновникъ, желающій исполнить полученное приказаніе, не встрѣтилъ при этомъ никакого затрудненія, а вамъ не благоугодно было сдѣлать это по штабу.

По выходѣ послѣ доклада изъ кабинета, Аполлонъ Эрнестовичъ зашелъ ко мнѣ въ особую канцелярію и долго смѣялся надъ своею забывчивостью. Послѣ этого эпизода наши хорошія отношенія остались по-прежнему. Не таковы были послѣдствія другаго приключенія въ этомъ же родѣ. Зовутъ меня однажды въ кабинетъ во время вечерняго доклада правителя общей генералъ-губернаторской канцеляріи; вхожу и вижу: творится что-то необыкновенное; А. Д. Тумановъ, съ поднятыми на самый лобъ очками, раскраснѣвшійся, держитъ, стоя, въ рукахъ какую-то бумагу. Когда я подошелъ къ креслу у стола, графъ М. Н. Муравьевъ, взглянувъ на докладчика, сказалъ ему:

— Прочтите бумагу въ третій разъ и, обратясь затѣмъ ко мнѣ, добавилъ: вслушайтесь со вниманіемъ.

Правитель канцеляріи прочелъ предложеніе В. И. Назимова на имя попечителя Виленскаго учебнаго округа князя Ширинскаго-Шихматова, въ которомъ, сообщивъ ему, что во всѣхъ совершавшихся въ краѣ политическихъ безпорядкахъ участвуютъ всюду гимназисты и ученики, поручилъ ему пригласить родителей ихъ, родственниковъ и воспитателей, вообще всѣхъ тѣхъ, кому ввѣренъ былъ надзоръ за ними, чтобы они строго смотрѣли за молодежью, предваряя ихъ при этомъ, что въ случаѣ дальнѣйшихъ безобразій со стороны учащихся отвѣтственность падетъ вмѣстѣ съ ними и на ихъ самихъ, при чемъ они будутъ подвергнуты штрафу отъ 25 до 100 рублей. Когда чтеніе бумаги кончилось, Михаилъ Николаевичъ сказалъ читавшему:

— Переведите бумагу на русскій языкъ.

При этихъ словахъ, какъ ни серьезно было положеніе, я невольно улыбнулся; мгновенная улыбка скользнула и по лицу Михаила Николаевича; между тѣмъ окончательно растерявшійся правитель канцеляріи молчалъ и представлялъ собою настоящаго рыцаря печальнаго образа; мнѣ стало его жаль.

— Переведите ему, пожалуйста, бумагу на русскій языкъ,—обратился ко мнѣ главный начальникъ края.

— Нужно привести въ извѣстность всѣ случаи неисполненія указаннаго распоряженія и подвергнуть виновныхъ обѣщанному взысканію штрафовъ.

— Видите, милостивый государь,—продолжалъ графъ М. Н. Муравьевъ, человѣкъ, какъ говорится, пришелъ съ вѣтру и съ перваго же разу понялъ въ чемъ дѣло, а я вотъ бьюсь съ вами около получаса

времени, которое у насъ слишкомъ дорого, и не могу добиться толку. Вы привыкли съ вашимъ Назимовымъ казать кукиши изъ кармана крамольникамъ, вотъ они васъ въ грошъ и не ставили, и только еще болѣе безчинствовали. Нечего было грозить, когда трусили исполнить угрозу. Извольте привести въ извѣстность всѣ случаи ученическихъ безобразій, послѣ сдѣланнаго предваренія, и заготовьте распоряженіе о взысканіи высшаго штрафа съ тѣхъ лицъ, которыя обязаны были наблюдать за мальчишками.

Этотъ несчастный переводъ русской бумаги на русскій языкъ не могъ никогда переварить мой бывшій сослуживецъ.

Въ первое время моихъ докладовъ, когда я не освоился еще съ пріемами, Михаилъ Николаевичъ выговаривалъ и мнѣ, при замѣченныхъ мною же самимъ опискахъ въ бумагахъ. По принятому тогда обычаю, всѣ исходящія бумаги читались вслухъ докладчикомъ; одобренныя главнымъ начальникомъ края откладывались въ одну сторону, неодобренныя—въ другую; по окончаніи чтенія первыя подписывались послѣдовательно одна за другою главнымъ начальникомъ края. Начнешь, бывало, читать бумагу не съ заголовка и получишь вопросъ:

— Кто это пишетъ?

— Предложеніе такому-то губернатору, ваше высокопревосходительство.

— Такъ и читайте, а то безъ имени—баранъ—овца.

Замѣтивши при чтеніи бумаги описку въ ней, я имѣлъ привычку замяться на этомъ мѣстѣ.

— Что тамъ такое?—слѣдовалъ новый вопросъ.

— Описка, ваше высокопревосходительство; извините, не досмотрѣлъ...

— Какъ же вамъ не стыдно! прикажите поскорѣе исправить.

Вотъ и тащишь, бывало, бумагу къ дежурному адъютанту для передачи на исправленіе кому-либо изъ писарей, которыхъ командировалъ въ Вильну графъ Гейденъ изъ главнаго штаба; въ особой канцеляріи ихъ было только четверо: Львовъ, Тихановскій, Ильинъ и Тихановъ; всѣ на подборъ молодцы. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что подобныя исправленія бумагъ во время моихъ докладовъ вскорѣ прекратились, такъ какъ Михаилъ Николаевичъ сталъ довѣрять мнѣ исправленіе бумаги послѣ своей подписи не только при опискахъ, но и по существу, приговаривая при этомъ:

— Вы не забудете сдѣлать указанную поправку?

— Не смѣю забыть, ваше высокопревосходительство; для памяти я сдѣлалъ отмѣтку на бумагѣ.

— Пожалуйста, не позабудьте поправить.

При первомъ затѣмъ докладѣ я обыкновенно прочитывалъ ему по

черновому отпуску сдѣланное исправленіе и получалъ благодарность. Этотъ обычай былъ вскорѣ замѣченъ и въ особой канцеляріи, при чемъ нашлись такія личности, которыя подумали, что я дѣлаю это самовольно. Память графа М. Н. Муравьева была необыкновенная; случалось мнѣ, по его указаніямъ, отыскивать въ Полномъ Собраніи разные подходящіе къ встрѣченному недоразумѣнію законы тридцатыхъ годовъ и находить справки въ дѣлахъ, имъ рѣшенныхъ болѣе года тому назадъ. Работалось при немъ легко; не смотря на продолжительность моихъ вечернихъ докладовъ, иногда часа три случалось читать вслухъ не вставая съ мѣста, все-таки не чувствовалось усталости; только, бывало, почувствуешь словно горчичники поставлены на лопаткахъ, отъ постояннаго перекладыванія бумагъ то направо, то налѣво. Доклады вышеизложеннымъ порядкомъ продолжались ежедневно; послѣднимъ докладчикомъ являлся обыкновенно предсѣдатель слѣдственной по политическимъ дѣламъ коммиссіи съ подробнымъ отчетомъ о сдѣланныхъ въ теченіе дня новыхъ открытіяхъ. Благодаря настойчивому вниманію, съ которымъ слѣдилъ графъ Муравьевъ за ходомъ слѣдствій по тайной организаціи, сдѣланы были весьма важныя открытія по мятежной организаціи, главный центръ которой укрывался въ Петербургѣ. Доклады въ то время не прерывались даже и по высокоторжественнымъ праздникамъ; послѣ обѣдни мы снова принимались за обычную работу и никому, я думаю, не приходило въ голову серьезно роптать на это, въ виду важности тогдашняго положенія дѣлъ. Даже въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія въ 1864 году я не избѣжалъ обычныхъ моихъ докладовъ—утромъ и вечеромъ; первый продолжался не болѣе получаса, а послѣдній окончился очень рано въ 9-ть часовъ вечера. Строго соблюдавшаяся очередь докладовъ давала возможность свободно располагать своимъ временемъ, лишь бы быть на мѣстѣ въ опредѣленный часъ, да не имѣть недоимокъ по исполненію полученныхъ приказаній. Самая болѣзнь не мѣшала Михаилу Николаевичу выслушивать доклады, только тогда допускались въ кабинетъ самыя приближенныя къ нему лица; принималъ онъ ихъ въ халатѣ и всегда извинялся въ этомъ. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ и хочу я разсказать подробно, такъ какъ онъ освѣтитъ характеръ этого вполнѣ русскаго государственнаго человѣка и представитъ его въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ въ какомъ привыкли представлять его поборники польской справы.

Пришедши, по заведенному порядку, въ началѣ восьмаго часу вечера во дворецъ, въ день сочельника передъ Рождествомъ Христовымъ въ 1864 году, я узналъ отъ дежурнаго адъютанта, что нашъ начальникъ боленъ и отказалъ всѣмъ доклады, поручивъ только, по выходѣ изъ кабинета П. А. Черевина, попросить меня съ самыми нужными

бумагами. Дѣйствительно, около восьми часовъ, я былъ приглашенъ въ кабинетъ. Графъ М. Н. Муравьевъ сидѣлъ въ халатѣ; на груди и на затылкѣ были поставлены мушки, голова обвязана бѣлымъ платкомъ.

Облокотясь на столъ лѣвою рукою, больной поддерживалъ ею свою голову. Въ кабинетѣ, освѣщенномъ четырьмя стеариновыми свѣчами, подъ зеленымъ тафтянымъ абажуромъ, было довольно темно.

— Здравствуйте, Иванъ Акимовичъ, извините меня, что я принимаю васъ въ халатѣ; крѣпко мнѣ неможется,—проговорилъ больной тихимъ голосомъ.

— Вы бы изволили отдохнуть, ваше высокопревосходительство, успокоились бы хоть немного.

— Какой тутъ покой. Что можно сдѣлать сегодня, того нельзя будетъ сдѣлать завтра; нужно поэтому спѣшить. Садитесь-ка, да почитайте, можетъ, позабудется и боль. Что у васъ есть тамъ экстреннаго? Долго не буду въ состояніи слушать васъ сегодня.

Дѣйствительно, докладъ продолжался не болѣе часу. По окончаніи занятій, видимо страдавшій боецъ за святое русское дѣло, глубоко и тяжело вздохнувши, проговорилъ, положивъ голову на руку, какъ-бы разсуждая съ собою:

— Человѣколюбіе, гуманность, милосердіе... какія громкія и прекрасныя слова! Да и какъ скоро можно сдѣлаться при ихъ помощи популярнымъ! А вотъ заставить бы этихъ говоруновъ подписать хоть одинъ смертный приговоръ, тяжелое послѣдствіе ихъ безумной гуманности; тогда они поняли бы, что значитъ рѣшиться на лишеніе жизни человѣка, хоть и преступника. Модный, гуманный докторъ, жалѣя больнаго, у котораго въ сильной степени заражена кисть руки антоновымъ огнемъ, начинаетъ оперировать по суставамъ, въ надеждѣ остановить гангрену; а больной, при каждомъ отдѣленіи сустава, стонетъ, да охаетъ. Серьезный же врачъ, не видя другаго исхода, какъ отнятіе цѣлой кисти, скрѣпя свое сердце, однимъ разомъ отдѣляетъ зараженную кисть. Больной кричитъ, какъ и при отнятіи пальца, а болѣзнь остановилась. Звѣрь, кровопійца, кричатъ про него модные гуманные люди. А чье поведеніе гуманнѣе? Зло политическое та же гангрена, остановить его можно только въ началѣ и то самыми рѣшительными мѣрами; медленность и колебаніе служатъ только поощреніемъ къ дальнѣйшимъ безобразіямъ и къ бо̀льшимъ еще дерзостямъ крамольниковъ. Пожаръ тушится стаканомъ воды, если во̀-время замѣтятъ огонь; а дашь разгуляться пламени, не зальешь и рѣкою... Благодарю васъ, обратился послѣ минутнаго раздумья ко мнѣ Михаилъ Николаевичъ и, приподнимаясь съ трудомъ съ своего мѣста, дернулъ за снурокъ отъ звонка. До свиданія, пойду и попробую уснуть. Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ; ступайте домой, отдохните и вы.

Вошедшій на эти слова старикъ камердинеръ Василій Өедоровичъ, взявши подъ руку больнаго, повелъ его потихоньку изъ кабинета. Грустно, невыносимо грустно стало мнѣ при одной мысли о близкой возможности потерять такого незамѣнимаго начальника и, погруженный въ тяжелую думу, отправился я домой, къ своей семьѣ, въ этотъ вечеръ ранѣе обыкновеннаго. Никогда не забуду я этой бесѣды, такъ она врѣзалась мнѣ въ память. Враги графа М. Н. Муравьева разсказываютъ много разнаго вздора про его жестокость, злобу; я же скажу, во имя святой правды, что если можно было сдѣлать кому-либо добро, то конечно только при такомъ, какъ онъ, начальникѣ, входившемъ въ мельчайшія подробности обыденной жизни бѣднаго труженика изъ нашей чиновней братіи.

— Служащій долженъ быть вполнѣ обезпеченъ,—говаривалъ онъ обыкновенно; не пойдетъ усиленно работа, если на умѣ постоянно вертится—что завтра будетъ ѣсть семья, или какъ укрыть ее отъ холода. Дайте ему все необходимое, и тогда можете смѣло требовать отъ него честнаго труда и усидчивой работы.

Въ служебныхъ отношеніяхъ своихъ съ подчиненными графъ М. Н. Муравьевъ дѣйствительно былъ очень требователенъ и взыскателенъ, но требованія эти имѣли единственную цѣль: успѣшное выполненіе возложеннаго на него государемъ великаго дѣла умиротворенія Сѣверо-Западнаго края. Онъ самъ первый подавалъ намъ всѣмъ примѣръ добросовѣстнаго отношенія къ такому усидчивому труду, о которомъ не многіе только могутъ имѣть понятіе. Людей честно преданныхъ службѣ онъ постоянно отличалъ, награждалъ и поддерживалъ деньгами, особенно же онъ былъ щедръ при серьезныхъ командировкахъ.

— Чиновникъ ни въ чемъ не долженъ нуждаться въ дорогѣ, особенно въ такое время, какъ нынѣшнее. Не обращаться же ему за подачкою къ полякамъ, которые и безъ того городятъ разный вздоръ про русскихъ служащихъ.

Однажды, въ разговорѣ со мною послѣ доклада о замѣщеніи коммиссарскихъ вакансій въ Августовской губерніи, онъ мнѣ сказалъ такую любезность:

— Гдѣ вы найдете теперь истинно дѣльныхъ людей? Я управлялъ тремя министерствами и смогъ выбрать только двухъ дѣльныхъ начальниковъ отдѣленій. Укажите мнѣ другаго, какъ вы, и я поклонюсь вамъ до земли.

Совѣстно писать мнѣ эти строки, какъ бы самовосхваленія, но призываю Сердцевѣдца во свидѣтельство справедливости сказаннаго; да и къ чему лгать. Моя пѣсня спѣта, и видитъ Господь, что я для себя ровно ничего не желаю.

Когда пріѣзжали въ Вильну губернаторы, что̀ случалось впрочемъ

очень рѣдко и всегда по вызову, то принято было за правило, чтобы, прежде своего доклада главному начальнику края, они собрали самыя обстоятельныя свѣдѣнія по тѣмъ вопросамъ, которые хотѣли возбудить и уже затѣмъ, по доведеніи о томъ до свѣдѣнія Михаила Николаевича, онъ выслушивалъ подробно обстоятельства дѣла, о которомъ предстояла рѣчь, и назначалъ губернатору время для доклада. Этотъ пріемъ былъ самый практичный; обѣ стороны знали всю суть дѣла, которое поэтому рѣшалось быстро и безошибочно. Однажды вызванъ былъ въ Вильну ковенскій губернаторъ Н. М. Муравьевъ, сынъ Михаила Николаевича, любившій покутить и пожуировать. Не забуду я тотъ страхъ, который натерпѣлся онъ передъ докладомъ.

— Одинъ я не пойду. Я просилъ отца, чтобы и вы, Иванъ Акимовичъ, присутствовали при докладѣ.

Однако и мое присутствіе не помогло; по рединѣ доклада на чемъ-то онъ остановился.

— Мнѣ кажется, Николай Михаиловичъ, что ты не совсѣмъ твердъ въ томъ дѣлѣ, о которомъ время докладывать,—обратился къ нему Михаилъ Николаевичъ.

— Нѣтъ, батюшка,—началъ было оправдываться сконфуженный сынъ.

— Поѣзжай назадъ въ Ковну, да займись этимъ дѣломъ посерьезнѣе; а когда надлежаще его усвоишь—телеграфируй, я тебя и вызову.

Жутко приходилось, бывало, тѣмъ господамъ, которые еще въ столь недавнее прошлое время привыкли загребать жаръ чужими руками и, ничего не понимая, рѣшали по-своему всякое дѣло; теперь имъ самимъ частенько перепадало на орѣхи. Вотъ подобнаго-то рода всезнайки, да люди, не любившіе усидчиваго труда, и разсказываютъ разнаго рода небылицы про того, кто не любилъ только выслушивать вздоръ, да толковать съ глупцами о серьезныхъ вещахъ. Дѣльныя возраженія графъ М. Н. Муравьевъ выслушивалъ всегда съ полнымъ вниманіемъ; сколько разъ случалось мнѣ оспаривать полученныя приказанія по крестьянскому вопросу въ Августовской губерніи, и кромѣ благодарности, я никогда ничего другаго не слыхалъ отъ него по этому поводу. Передѣлка подписанныхъ имъ бумагъ бывала прямымъ послѣдствіемъ возраженія моего, съ которымъ онъ прежде не соглашался. Въ подобныхъ случаяхъ, въ послѣдствіи времени, обыкновенно дѣлалъ я такъ. Къ слѣдующему моему докладу я заготовлялъ два распоряженія: по полученному мною приказанію начальника и по моему мнѣнію, которое имъ не было принято во вниманіе; подавая къ подписи первую бумагу, я считалъ прямою своею обязанностію снова высказать мой взглядъ на дѣло; случалось при этомъ, что Михаилъ Николаевичъ бралъ молча изъ рукъ моихъ бумагу,

быстро обмакивалъ перо въ чернилицу, подносилъ руку для подписи и затѣмъ спрашивалъ меня:

— Приготовили вы другое исполненіе? и на утвердительный мой отвѣтъ добавлялъ: прочитайте.

Когда чтеніе оканчивалось, я получалъ отъ него благодарность; прочитанная бумага имъ подписывалась, а первая разрывалась собственноручно. Подобное отношеніе графа М. Н. Муравьева къ дѣлу доказываетъ высокій умъ и чистую душу нашего государственнаго дѣятеля, котораго враги Россіи представляли какимъ-то извергомъ.

Во второй половинѣ іюня мѣсяца 1864 года правитель общей канцеляріи А. Д. Тумановъ попросился въ двухъ-недѣльный отпускъ, въ Дуббельнъ, близъ Риги, гдѣ пользовалась морскими купаньями его жена. Результатъ ходатайства вышелъ самый плачевный: отпуска нѣтъ, а имѣешь охоту путешествовать, выходи въ отставку. Предъувѣдомленный объ этомъ моимъ сотоварищемъ, я рѣшился попробовать счастья и попросить за него. Докладъ въ этотъ вечеръ былъ у меня черезчуръ великъ, и я могъ разсчитывать поэтому, что главный начальникъ края будетъ доволенъ; мнѣ посчастливилось при этомъ окончить занятія съ нимъ очень скоро.

— Какъ я любуюсь всегда вашимъ докладомъ, любезный Иванъ Акимовичъ,—сказалъ мнѣ Михаилъ Николаевичъ, когда я собралъ бумаги; скоро, толково и ясно. Это не то, что возиться съ Тумановымъ; тотъ пока разберетъ свою лавочку, израсходуетъ полчаса... а еще вздумалъ въ отпускъ проситься. Вы, вотъ видите, можете заступить его; мало вамъ и безъ того дѣла...

— У него больная жена въ Дуббельнѣ, ваше высокопревосходительство; двѣ недѣли не Богъ знаетъ сколько времени, я постараюсь управиться.

— Вамъ все мало работы,—отвѣчалъ Михаилъ Николаевичъ, видимо желавшій дать ему отпускъ.

— Позвольте ему съѣздить, ваше высокопревосходительство, я заступлю его и постараюсь, чтобы дѣло отъ этого нисколько не пострадало.

— Знаю, что дѣло не только не пострадаетъ, а выиграетъ, но смотрите, не захворайте вы...

— Богъ милостивъ, ваше высокопревосходительство, управлюсь и буду беречься.

— Прикажите же написать ему двухъ-недѣльный отпускной билетъ.

Въ эти двѣ недѣли мнѣ пришлось усиленно поработать, такъ что у меня бывало по нѣсколько очередей докладовъ въ день; за мной носили цѣлые вороха бумагъ; по общей канцеляріи оказалась большая отсталость по дѣламъ, но мнѣ какъ-то особенно посчастливилось, и все было приведено въ надлежащій порядокъ.

Когда правитель канцеляріи возвратился изъ отпуска, графъ М. Н. Муравьевъ пригласилъ его во время моего доклада въ кабинетъ и сказалъ ему:

— Канцелярія ваша была запущена. Въ эти двѣ недѣли Иванъ Акимовичъ былъ настоящимъ мученикомъ; цѣлые чемоданы бумагъ таскали за нимъ каждый разъ; теперь все приведено въ порядокъ. Смотрите, не запустите снова и благодарите его.

Мы молча обмѣнялись рукопожатіями. Это обстоятельство, совершенно для меня неожиданное, послужило, однако же, поводомъ къ охлажденію ко мнѣ товарища моего по службѣ, который, нужно замѣтить, при прежнемъ генералъ-губернаторѣ игралъ роль. Впрочемъ, сказать правду, я съ нимъ близокъ никогда и не былъ. Получилъ онъ назначеніе на эту должность въ маѣ мѣсяцѣ 1862 года, т. е. за полгода до вооруженнаго мятежа. Какимъ смиреннымъ человѣкомъ показался онъ мнѣ, когда я встрѣтилъ его въ первый разъ у Назимовыхъ, не подозрѣвая, что онъ былъ уже предназначенъ Владиміромъ Ивановичемъ на должность правителя канцеляріи.

Между серьезнымъ дѣломъ въ особой канцеляріи изрѣдка водилось у насъ и бездѣліе. Въ минуты выдававшагося дѣловаго затишья придумывались бывало разныя развлеченія. Въ числѣ лицъ, состоявшихъ по порученіямъ при главномъ начальникѣ края, былъ одинъ молодой человѣкъ, назову его хоть X. Онъ былъ отличный малый во всѣхъ отношеніяхъ, но желаніе имѣть у Михаила Николаевича особый докладъ не давало ему покоя. Не знаю, преслѣдовала-ли его мысль объ этомъ во снѣ, но, подъ ея вліяніемъ, онъ чуть не бредилъ о томъ на яву. Я очень любилъ его за его веселый нравъ, и жили мы съ нимъ, не смотря на разность нашихъ лѣтъ, какъ говорится, душа въ душу; я нѣсколько разъ бралъ его съ собою по командировкамъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ въ Сувалки, я далъ ему разработать одинъ вопросъ по крестьянскому дѣлу Августовской губерніи. Возвратясь въ Вильну и явясь прямо съ желѣзной дороги къ Михаилу Николаевичу, я попросилъ его, по окончаніи доклада о результатахъ поѣздки, дать мнѣ одинъ день сроку, для приведенія въ исполненіе послѣдовавшихъ по этому поводу его приказаній, на что̀ и получилъ разрѣшеніе. Случилось такъ, что не бывшій въ это время во дворцѣ мой спутникъ ничего не зналъ про это. Вечеромъ того же дня, когда я не явился еще въ особую канцелярію для занятій, мой искатель докладовъ, придя туда съ портфелемъ подъ мышкой, попросилъ дежурнаго адъютанта, В. И. Павлова, доложить о себѣ Михаилу Николаевичу. Адъютантъ, полагая, что ему приказано было явиться, отправляется въ кабинетъ и докладываетъ: — такой-то съ докладомъ.

— Что такое?—спросилъ его главный начальникъ края. Адъютантъ повторилъ снова: такой-то съ докладомъ.

— Какой у него можетъ быть докладъ? Прикажите ему передать бумаги Ивану Акимовичу.

Въ эту самую минуту, когда вышедшій изъ кабинета адъютантъ выговаривалъ искателю докладовъ о неприличіи подобной выходки и о послѣдствіяхъ таковой, я вошелъ въ красную гостиную, гдѣ происходила описанная сцена. Узнавши, въ чемъ дѣло, я посмѣялся отъ души надъ неудачнымъ приключеніемъ дѣловаго человѣка и спросилъ его о причинѣ подобной неудачной попытки.

— Ты поручилъ мнѣ обработать вопросъ по крестьянскому дѣлу,— отвѣтилъ онъ.

— Ну такъ что же? Обработанный тобою вопросъ и долженъ былъ мнѣ отдать.

— А я полагалъ, что ты сдѣлалъ это по приказанію Михаила Николаевича и что я самъ лично обязанъ ему доложить...

— Вотъ тебѣ и урокъ для будущаго—не полагай впередъ того, чего не слѣдуетъ. Ну, да я возьму твой конфузъ на себя и выручу изъ бѣды, объяснивъ начальству причину твоего недоразумѣнія, а на будущее время все-таки удержи, хоть и похвальные, твои порывы къ особымъ докладамъ; они вѣдь не такъ легко даются, какъ ты это полагаешь.

По окончаніи служебныхъ занятій, прекращавшихся нерѣдко часу въ третьемъ за полночь, остававшіяся во дворцѣ на службѣ лица собирались въ красную гостиную; двери изъ кабинета отворялись, и всѣ присутствовавшіе толпою входили туда. Перебросившись нѣсколькими словами съ вошедшими, или сообщивши имъ какое-нибудь новое открытіе по части подпольной крамолы, утомленный нашъ главный начальникъ, при пожеланіи всѣмъ спокойной ночи, удалялся, наконецъ, въ свою почивальню, а мы расходились по домамъ, чтобы на завтра, съ восьми-девяти часовъ утра, снова приняться за обычную работу. Затѣмъ комендантъ дворца, жандармской офицеръ Медвѣдевъ, разставлялъ, начиная снизу, парныхъ часовыхъ при дверяхъ, и тогда безъ его вѣдома никто уже не могъ пробраться туда, гдѣ, спя бо̀льшею частію въ креслахъ, проводилъ ночь тотъ, неусыпнымъ трудомъ и ревностнымъ попеченіямъ котораго ввѣрено было державнымъ вождемъ русскаго народа не только умиротвореніе потрясеннаго кровавымъ мятежомъ искони русскаго края, но и упроченіе его̀ въ будущемъ за Россіею тѣснѣйшимъ сближеніемъ съ нею, вопреки всѣмъ разсчетамъ нашихъ заклятыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Выше было сказано, что служебныя занятія во дворцѣ начинались съ 8 часовъ утра и, послѣ двухъ-часоваго обѣденнаго перерыва, съ

5 до 7 часовъ, продолжались ежедневно за полночь. Отлучиться кому-либо изъ служащихъ домой не было никакой возможности, и потому въ отдѣльной комнатѣ верхняго помѣщенія дворца, изъ которой вела узкая лѣстница въ нижній корридоръ, былъ устроенъ походный буфетъ, которымъ завѣдывалъ старикъ-камердинеръ Василій Ѳедоровичъ, состоявшій при Михаилѣ Николаевичѣ болѣе 35 лѣтъ. Подобные честные слуги-ветераны, беззавѣтно преданные своимъ господамъ, перевелись у насъ совсѣмъ на святой Руси; въ настоящее время есть только наемники. Въ буфетѣ водка не полагалась.

Въ заключеніе остается мнѣ разсказать про одинъ изъ моихъ послѣднихъ петербургскихъ докладовъ, когда сдѣлалось положительно извѣстно, что Михаилъ Николаевичъ не возвратится въ Вильну.

Этотъ случай какъ нельзя лучше выкажетъ характеръ нашей знаменитой государственной личности. По окончаніи доклада, въ кабинетѣ на Сергіевской улицѣ, когда я сложилъ всѣ бумаги въ портфель и намѣревался выйти, Михаилъ Николаевичъ, выдвинувши правый ящикъ письменнаго своего стола и вынувъ оттуда почтовый листъ большаго формата, исписанный связнымъ почеркомъ кругомъ на четырехъ страницахъ, передалъ его мнѣ со словами:

— Не угодно-ли вамъ прочесть это.

Взявши у него изъ рукъ поданный мнѣ листъ бумаги, я съ первыхъ же строкъ понялъ, что это былъ безъимянный доносъ на меня; обернувши затѣмъ мистическое посланіе, я убѣдился, что не ошибся въ своемъ предположеніи, такъ какъ неизвѣстный авторъ не подписался и скрылъ, по общепринятому доносчиками порядку, свое презрѣнное имя. Взволнованный этою выходкою и не медля ни минуты, я возвратилъ, не начиная чтенія, поданную мнѣ Михаиломъ Николаевичемъ бумагу, со словами:

— Благоволите уволить меня, ваше высокопревосходительство, отъ чтенія этой мерзости; начиная со скамьи Московскаго университета, въ которомъ достойные профессора укрѣпляли въ юныхъ своихъ слушателяхъ истинныя понятія о правдѣ, чести и долгѣ вѣрноподданнаго гражданина и въ теченіе 19-ти-лѣтней моей службы я презиралъ и буду презирать безъимянные доносы, какъ самую гнусную, подлую вещь. Если вамъ угодно будетъ вѣрить тому, что здѣсь написано, я вполнѣ подчиняюсь вашему рѣшенію и не желаю оправдываться.

Графъ М. Н. Муравьевъ видимо остался доволенъ моимъ отвѣтомъ и старался успокоить меня, такъ какъ я былъ очень взволнованъ.

— Неужели вы думаете, Иванъ Акимовичъ, что я показалъ бы вамъ эту пасквиль, если бы хоть въ чемъ-нибудь повѣрилъ взводимымъ на васъ обвиненіямъ безъимяннаго негодяя, — отвѣчалъ онъ

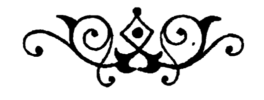
*

мнѣ, — бросая бумагу на столъ. Честный человѣкъ всегда идетъ прямо и обвиняетъ виновнаго въ глаза, а не изъ-за угла. Вы очень хорошо сдѣлали, что отказались прочесть это глупое сочиненіе; презрѣніе есть достойное возмездіе негодяямъ за подобныя выходки; слабые только начальники ловятся на такую удочку...

Съ этой минуты я убѣдился наглядно, какъ былъ расположенъ ко мнѣ незабвенный мой начальникъ, и какое высокое довѣріе я имѣлъ счастіе заслужить у него. Легко было трудиться подъ начальствомъ такого человѣка, который требовалъ отъ своего подчиненнаго только одного добросовѣстнаго и честнаго отношенія къ порученному дѣлу, и котораго никакія стороннія нашептыванія не могли бы заставить измѣнить разъ составленное имъ доброе мнѣніе; на это потребовались бы слишкомъ вѣскіе доводы, а не гнусныя слова безъимяннаго доноса какого-нибудь негодяя.

Совсѣмъ другое случилось со мною въ концѣ 1869 года; но объ этихъ грустныхъ и тяжелыхъ дняхъ, затормозившихъ успѣшное развитіе правильно поставленнаго тамъ русскаго дѣла, напимъ замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, будетъ разсказано мною подробно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Награда за цѣлованіе ножки императора Павла I.

Въ Московскомъ архивѣ министерства императорскаго двора [1]) сохранилось весьма интересное прошеніе секундъ-маіора Михаила Думашева, отъ 25-го декабря 1796 г., императору Павлу Петровичу. Въ своемъ прошеніи Думашевъ писалъ: «Всемилостивѣйшій государь! Съ того времени, какъ ты воспріялъ правленіе Россіи, гремятъ повсюду дѣла твои, въ коихъ ты блистаешь мудростію, кротостію и человѣколюбіемъ. Мы имѣемъ въ тебѣ монарха добраго и любящаго помогать несчастнымъ, въ числѣ которыхъ будучи, дерзаю утруждать тебя моимъ прошеніемъ.

«Служилъ я при императорскомъ россійскомъ дворѣ пажемъ и камеръ-пажемъ во время царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Мать моя, а по ней и я имѣли счастіе пользоваться высокою милостію сея императрицы и покойнаго императора, твоего родителя. Я первый удостоился поцѣловать твою ножку, когда ты, по рожденіи, былъ принесенъ къ императрицѣ, твоей бабушкѣ. Я недостойный, по ея волѣ, держалъ Спасителевъ образъ, когда она изволила тебя благословить. Потомъ побѣжалъ къ твоему родителю съ поздравленіемъ. Онъ спросилъ меня: «Мишель» (такъ изволилъ онъ всегда меня милостиво называть),—«видѣлъ-ли ты моего сына?» и, когда я доложилъ ему о своемъ счастіи, то онъ, пожаловавъ мнѣ 100 рублей,—сказалъ: «вотъ тебѣ, рѣзвый Мишель, на апельсины». Прости, государь, что я говорю мало касающееся до настоящей моей просьбы. Это происходитъ отъ чистаго сердца. Я не могу удержаться, чтобъ не представить тебѣ милостей, оказанныхъ мнѣ твоимъ родителемъ.

«Въ томъ же году съ моею матерью послѣдовало несчастіе. Я, будучи выпущенъ въ армейскіе полки капитаномъ, былъ во время войны съ Пруссіей въ походахъ до самаго замиренія. По восшествіи на престолъ твоего родителя, я послалъ къ нему письмо, которое и было вручено чрезъ Александра Ивановича Глѣбова. На семъ письмѣ осмѣлился я подписать «Мишель». Родитель твой, прочитавъ, изволилъ засмѣяться и сказать: «Справься, какой онъ имѣетъ чинъ. Армія скоро вступитъ въ Россію, и онъ самъ ко мнѣ пріѣдетъ». Но мое отечество внезапно лишилось своего императора, и вся моя надежда исчезла. Можетъ быть, Богу угодно было лишить меня Петра для того, чтобъ, по

---

[1]) Опись 462, д. № 4.

перенесеніи многихъ горестей, съ вящшимъ, наконецъ, восторгомъ могъ я имѣть благодѣтеля въ Павлѣ. Послѣ того, въ чрезмѣрной горести и унынiи, взявъ отставку, прiѣхалъ я въ домъ покойной моей матери, послѣ которой получилъ на свою часть долгу 6.000 рублей, доходу же съ деревень имѣлъ только 500 рублей. Для уплаты сего долгу продалъ я бо̀льшую часть полученнаго мною наслѣдства; но осталось еще платить 4.000 рублей, который долгъ день ото дня увеличивался. Мои деревни проданы съ аукціона за весьма умѣренную цѣну. Полученныя за нихъ деньги отданы моимъ заимодавцамъ; но и симъ весь долгъ еще не заплатился. Нынѣ имѣю только 19 душъ и ветхій деревянный домъ, который идетъ въ опись за казенные 800 рублей, взыскиваемые съ меня въ Приказъ общественнаго призрѣнія. Жена моя просила двумя письмами князя Зубова объ исходатайствованіи того, чтобы на уплату долговъ изъ государственнаго двадцатилѣтняго банка были выданы деньги и приняты ея деревни, содержащія 250 душъ и находящіяся Тульскаго намѣстничества въ Крапивенскомъ и Одоевскомъ округахъ и Костромскаго намѣстничества въ Луховскомъ округѣ, которыхъ деревень, такъ какъ на нихъ сдѣлано запрещеніе, никому ни купить, ни въ закладъ принять безъ указнаго дозволенія не можно. Но она ничего чрезъ сіе не получила. И такъ, молю тебя, государь, повели принять деревни жены моей въ оный банкъ и выдать слѣдующую за нихъ сумму.

«Изъ дѣлъ твоихъ видно, что сердце твое всегда отверсто гласу несчастныхъ, почему и я недостойный уповаю быть причастнымъ твоей милости.

«Всемилостивѣйшій государь! Вашего императорскаго величества вѣрный подданный секундъ-маіоръ Михайло Думашевъ».

На прошеніи Думашева сдѣлана слѣдующая помѣта: «По сему данъ указъ Василію Степановичу Попову 2-го января 1797 года [1]). Въ «журналѣ именныхъ высочайшихъ указовъ» [2]) мы, дѣйствительно, нашли слѣдующій указъ Попову отъ 3-го (а не отъ 2-го) января 1797 г.: «Василій Степановичъ. Всемилостивѣйше пожаловавъ маіору Михайлѣ Думашеву десять тысячъ рублей, повелѣваемъ доставить ему оные изъ нашего Кабинета». Такъ щедро наградилъ государь «рѣзваго Мишеля», который «удостоился первымъ поцѣловать его ножку».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

---

[1]) Василій Степановичъ Поповъ, генералъ-лейтенантъ, управлявшій Кабинетомъ его императорскаго величества при императорѣ Павлѣ I.

[2]) Московское отдѣленіе общаго архива министерства Императорскаго двора. Оп. 497 № 104, указъ за № 8.

Наполеонъ III и князь Бисмаркъ

во время польскаго мятежа.

(Извлеченіе изъ статьи Эмиля Оливье)[1].

I.

Явились, наконецъ, истинные преемники Фридриха, желѣзные люди, помощью которыхъ Пруссія владѣетъ Германіей: Бисмаркъ голова, король, Роонъ и Мольтке—руки. Они составляютъ недѣлимое цѣлое, такъ что нельзя себѣ представить одного безъ всѣхъ. Вильгельмъ былъ бы только дѣльнымъ генераломъ, еслибъ его славу не создали его сподвижники.

Бисмаркъ, при всемъ его умѣ, смѣлости и изобрѣтательности, былъ бы только новѣйшимъ Альберони, безъ короля, Роона и Мольтке. Не солисты велики и грозны, а весь квартетъ. Виндгорстъ сказалъ однажды: «За спиной канцлера два милліона солдатъ. Направлять иностранную политику съ такой силой не особенно трудное дѣло». Бисмаркъ это и не оспаривалъ. «Вотъ кому мы обязаны, послѣ его величества, единствомъ Германской имперіи», сказалъ онъ, указывая на Мольтке. Безъ арміи не было бы Германіи».

Какъ только эти грозные дѣятели овладѣли міровой сценой, немедленно произошла перемѣна въ чувствахъ и взглядахъ. Дипломатія, ставъ выше предразсудковъ шовинизма, внесла нѣкоторое великодушіе въ международныя отношенія. Она хотѣла не быть маклеромъ, или торговцемъ, который продаетъ возможно дороже, а сама несла расходы за свою славу и даже иногда давала взаймы безъ процентовъ. Пруссаки

---

[1]) Napoleon III et Bismark en Pologne, par M. Emile Ollivier „Revue des deux mondes“, 15 Juillet 1901.

иначе понимали политику: ихъ принципомъ стало никогда ничего не дѣлать даромъ; do ut des, изъ руки въ руку, по народной поговоркѣ; всякая политика чувства, активная, или пассивная, представляется имъ нелѣпостью, выгода должна быть единственнымъ нормальнымъ мѣриломъ.

Бисмаркъ всегда отрицалъ приписываемое ему изреченіе: сила первенствуетъ надъ правомъ. Онъ совершенно основательно отвергалъ эту безсмысленную передѣлку знаменитой фразы Мирабо: Марсъ тиранъ, а Право властитель міра.

Съ 1863 г. начинается настоящая бисмарковская эра: мы сталкиваемся съ нимъ во всѣхъ событіяхъ; онъ ихъ вызываетъ, направляетъ, или пользуется ими. Прослѣдимъ его въ польскомъ возстаніи, гдѣ онъ впервые приложилъ руку къ дѣламъ Европы.

II.

Въ годы, послѣдовавшіе за подавленіемъ мятежа 1830 г., годы скорби и печали, польскіе эмигранты, вмѣсто того, чтобъ обдумывать грустное событіе и умудряться опытомъ, больше прежняго предались погубившимъ ихъ химерамъ. Адамъ Чарторыйскій, увлеченный общимъ движеніемъ, отрекся отъ своего прошлаго 1815 г. и сталъ главой дворянъ, ихъ королемъ in partibus. Министромъ у него былъ одинъ изъ его племянниковъ, графъ Владиславъ Замойскій, человѣкъ умный, энергичный, неутомимо дѣятельный, который одновременно подготовлялъ военное движеніе и дипломатію. Въ каждый европейскій центръ проникалъ польскій агентъ, стараясь возбудить симпатіи и вызвать содѣйствіе. Главными такими центрами были Парижъ и Римъ.

Польскіе революціонеры мало заботились о папѣ и объ иностранныхъ дворахъ; они добивались сочувствія народовъ, сладились съ революціонерами всѣхъ національностей и готовили почву будущаго возстанія въ государствѣ и въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ. Мирославскій, человѣкъ честный, но пылкій и увлекающійся, далеко не военный, хотя называлъ себя генераломъ, руководилъ ими. Помимо политическихъ революціонеровъ и дворянъ, среди эмигрантовъ, подъ вліяніемъ трехъ талантливыхъ поэтовъ Мицкевича, Словацкаго, Бразинскаго и фанатика Товіанскаго, образовывалась партія преображенія Польши.

Политики волновались, фанатики пѣли и молились, а въ отдаленномъ уголкѣ Польши выдающагося ума человѣкъ, маркизъ Александръ Велепольскій думалъ, размышлялъ и наблюдалъ. Онъ видѣлъ все возро-

тающее разложеніе, невѣжество низшихъ классовъ, доходящее до отупѣнія, безпечную пустоту дворянства; крестьянъ, хотя и свободныхъ, но безъ земли, и отсутствіе средняго рабочаго сословія, связывающаго дворянина съ крестьяниномъ. Слѣдовательно, соціальная реформа была главной настоятельной потребностью для Польши. Надо было возстановить школы, университеты, сдѣлать крестьянина собственникомъ, замѣнивъ повинности ежегодной платой, и создать среднее сословіе освобожденіемъ евреевъ.

Ихъ было много въ Польшѣ; тутъ, какъ и вездѣ, они являлись умными, дѣятельными, работящими, тѣсно сплоченными между собою. Они сохранили старинный костюмъ и нѣмецкое нарѣчіе, длинныя бороды, серьги; замужнія женщины носили, на бритыхъ головахъ, уборы, болѣе или менѣе украшенные каменьями. Деньги были въ ихъ рукахъ, но они занимали приниженное, безправное положеніе среди народа, дѣлами котораго распоряжались. Они платили спеціальные налоги, напримѣръ, на мясо, приготовленное по ихъ закону. Они не смѣли выходить изъ отведенныхъ имъ кварталовъ послѣ заката солнца и во время богослуженій, не могли имѣть земельную собственность, ни селиться около границы, такъ какъ ихъ считали неисправимыми контрабандистами.

Убѣдясь въ необходимости соціальныхъ реформъ, Велепольскій увидалъ, что онѣ могутъ осуществиться только, если Польшей не будутъ управлять изъ Петербурга, а она вновь получитъ автономію и хартію 1815 г. При этомъ онъ сознавалъ, что возстановленіе автономной Польши не достижимо собственными силами, а постороннее вмѣшательство, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно быть вооруженнымъ. Во время же своего пребыванія въ Лондонѣ, онъ убѣдился, что всѣ готовы расточать любезныя слова Польшѣ, но никто не дастъ ей солдатъ.

Поэтому можно было надѣяться только на добровольное согласіе царя, но чтобъ добиться этого согласія, надо было отказаться отъ безысходныхъ сожалѣній, неоспоримо доказать свою добросовѣстность и довольствоваться, пока, автономіей административной. Своими теоритическими знаніями и практическими наблюденіями Велепольскій пришелъ къ заключенію, что революціонный методъ безплоденъ, и единственное спасеніе въ конституціонномъ началѣ; поэтому всѣ его стремленія свелись къ такому взгляду: «Наше прошлое обращено въ пепелъ; надо его создать вновь, пользуясь матеріаломъ настоящаго».

Но поляки Царства и эмигранты не послушались Велепольскаго. Имъ не нравилась такая мудрая предусмотрительность, и они хотѣли возобновить революцію 1830 года. Не имѣя возможности начать вооруженную борьбу, они придумали, неслыханный въ исторіи возстанія, пріемъ. Зная, какъ таинственность дѣйствуетъ на воображеніе поляковъ, они учредили анонимный распорядительный комитетъ. Зная

также, что настроеніе поляковъ, главнымъ образомъ, мистически-религіозное; что духовенство и монахи воодушевлены стремленіемъ къ независимости, руководители обратили на нихъ особое вниманіе. Они были увѣрены, что когда духовенство начнетъ движеніе, за нимъ пойдутъ всѣ женщины. До тѣхъ поръ революціи происходили на улицахъ, теперь ее начали въ церквахъ; прежде воздвигали баррикады, теперь стали устраивать процессіи; прежде притѣснителей встрѣчали камнями, а теперь—пѣніемъ гимновъ и псалмовъ.

Растерявшійся кн. Горчаковъ обратился къ содѣйствію Велепольскаго, который и сталъ во главѣ управленія.

Ему было тогда шестьдесятъ лѣтъ. Высокій, полный, въ золотыхъ очкахъ, съ медленной, тяжелой поступью, не предвѣщающій, по наружности, высокаго ума и развитія. Въ тѣсномъ кругу семьи и друзей знали его горячее сердце, рѣдкую доброту, и онъ очаровывалъ своимъ живымъ, страстнымъ и увлекательнымъ разговоромъ. Въ обществѣ же онъ становился черствъ и замкнутъ; ни тѣни благосклонности на его надменномъ лицѣ,—оно выражало только силу, непреклонную волю и властность. Онъ обыкновенно молчалъ, не разсуждалъ, кратко и рѣзко выражая свои взгляды. То, о чемъ онъ умалчивалъ, производило еще бóльшее впечатлѣніе, чѣмъ то, что онъ высказывалъ. Его упрекали въ гордости,—обычный упрекъ, когда человѣкъ, зрѣло обдумавъ свою мысль, не сдается на противорѣчіе перваго встрѣчнаго. Болѣе основательно считали его пренебрежительнымъ; видя жизнь и людей въ настоящемъ свѣтѣ, онъ не попадался на удочку громкихъ фразъ; рукоплесканія его не воодушевляли, порицанія не останавливали, и онъ только слишкомъ явно это показывалъ. Впрочемъ, будь онъ совсѣмъ инымъ, хоть такимъ же добродушнымъ, какимъ казался Горчаковъ, онъ все-таки не обезоружилъ бы непримиримую враждебность нѣкоторыхъ партій, желающихъ только того, чего имъ нельзя было дать.

Польшѣ еще разъ представился случай упрочить за собой лучшую участь. Она отъ этого отказалась съ печальной безпечностью; реформы встрѣчены были усиленнымъ революціоннымъ пѣніемъ, національнымъ трауромъ и покушеніями. Чѣмъ больше дѣлалъ Велепольскій, тѣмъ больше разгоралась ненависть къ нему. Мѣстные жители и эмигранты наперерывъ клеветали на него. Всѣ его реформы,—говорили они, одна—комедія; если Россія желаетъ примириться съ Польшей, пусть прогонитъ измѣнника и сама убирается съ нимъ, а тамъ—видно будетъ. Возстаніе готовилось почти открыто, только день не былъ назначенъ. Велепольскій хотѣлъ помѣшать ему, объявивъ рекрутскій наборъ согласно русскому закону 1815 г., но это только ускорило взрывъ. Но зато это возстаніе, плохо подготовленное, безоружное, послѣ первой минуты паники, было легко подавлено и усмирено.

Итакъ, революція, сама по себѣ, не смогла бы окончательно уничтожить Польшу: за это взялась дипломатія.

III.

Эмиграція также дѣятельно подготовляла иностранное вмѣшательство, какъ комитетъ готовилъ возстаніе. Посредствомъ агентствъ, центромъ которыхъ былъ Краковъ, распространялись ложные слухи, клеветы, извращающія очевидные факты, и Европу окутали густымъ облакомъ лжи. Такъ, напримѣръ, разсказывалось, что уже семь лѣтъ сѣкутъ монахинь въ Минскѣ, принуждая ихъ отказаться отъ ихъ вѣры, а въ Минскѣ даже не было и монастыря. Эмиграція имѣла столько дѣятельныхъ представителей, сколько партій надо было увлечь: Мирославскій дѣйствовалъ на революціонеровъ, Владиславъ Чарторыйскій агитировалъ при дворѣ, Замойскій въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Браницкій вліялъ на принца Наполеона. Подъ давленіемъ этой непрерывной агитаціи, всюду дѣйствующей одновременно, распространялось общее единодушное сочувствіе возстанію. Консерваторы стояли за него потому, что имъ руководило дворянство; католики потому, что ему содѣйствовало духовенство; революціонеры—изъ удовольствія гдѣ бы то ни было устроить безпорядки; Монталамберъ говорилъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ Гарибальди и Кошутъ; въ салонахъ и въ трактирахъ, въ церквахъ и въ тайныхъ обществахъ выражались одни и тѣ же желанія. Проклинавшіе итальянское движеніе, какъ антикатолическое, сливались съ поощряющими польское возстаніе, хотя оно было католическое; Дюпанлу и Кине язвительно оспаривали другъ у друга исключительное право быть поляками. Всѣ признавали честную попытку Велепольскаго предательствомъ, способнымъ возмутить благородныя души. При дворѣ тоже единодушіе: принцъ Наполеонъ и императрица переглядывались и поддерживали другъ друга; Валевскій оказывалъ комитету расположеніе, въ которомъ отказалъ Кавуру; дамы также увлекались убійцами русскихъ, какъ солдатами, подавляющими борьбу за независимость въ Мексикѣ. Чарторыйскимъ были открыты всѣ двери министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ Браницкимъ всѣ двери Пале-Рояля; даже далеко не сантиментальный Жирарденъ написалъ чувствительное письмо русскому императору, заклиная его оставить Польшу. Только принцесса Матильда, Морни, Фульдъ и Персиньи боролись противъ всеобщаго увлеченія. Самыя пылкія симпатіи питалъ императоръ. Еслибъ онъ могъ отдаться личному чувству, онъ ни минуты не противился бы вліянію, которое оказывали

на него общественное увлеченіе, императрица, принцъ Наполеонъ, Валевскій и Чарторыйскій; но онъ былъ джентльмэнъ и считалъ себя связаннымъ услугами, полученными отъ русскаго государя, и своими собственными завѣреніями въ искренней, вѣрной дружбѣ. Онъ разрушилъ надежды, возлагавшіяся на его вмѣшательство польскими революціонерами, форменнымъ отреченіемъ, напечатаннымъ въ Journal officiel (23-го апрѣля 1861 г.). Кромѣ того, онъ написалъ конфиденціальное письмо государю, гдѣ выражалъ сожалѣніе по поводу варшавскихъ событій и просилъ не вѣрить коварнымъ инсинуаціямъ: дружеское согласіе слишкомъ невыгодно для другихъ, поэтому стараются его поколебать. Государь вызвалъ Монтебелло (9-го мая 1861 г.). «Я прочиталъ письмо императора Наполеона,—сказалъ онъ;—оно произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе, и я откровенно отвѣчу на него, такъ какъ считаю это своимъ долгомъ при нашихъ отношеніяхъ. Мнѣ особенно пріятно, что онъ отдаетъ мнѣ справедливость, признавая меня самымъ искреннимъ и вѣрнымъ своимъ союзникомъ, въ продолженіе пяти лѣтъ. Передайте ему, что я такимъ и останусь, насколько это будетъ зависѣть отъ меня. Я убѣжденъ, что тѣсная дружба въ интересахъ обоихъ нашихъ государствъ, и только необходимость можетъ заставить меня измѣнить это мнѣніе. Наружное спокойствіе возстановлено въ Польшѣ, но броженіе продолжается; задача моя тяжела. Тѣмъ не менѣе я не отниму того, что далъ, и введу дарованныя учрежденія, какъ обѣщалъ, лишь бы Польша сама не дѣлала мои предначертанія неосуществимыми. Если же она будетъ прибѣгать къ революціоннымъ дѣйствіямъ, я подавлю ихъ съ должной твердостью».

Наполеонъ III предупредилъ желанія своего союзника. Его министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель призвалъ князя Чарторыйскаго и объявилъ ему, «что императоръ будетъ крайне недоволенъ, если онъ будетъ заниматься интригами, противными его взглядамъ и политикѣ, такъ какъ русскій государь больше всѣхъ правителей Европы доказывалъ ему свое расположеніе, и онъ желаетъ остаться съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ. Съ другой стороны, Велепольскій просилъ его никакимъ путемъ не вмѣшиваться въ его дѣла и дать ему одному справиться съ его тяжелой задачей. Это было лишней причиной для императора не измѣнять своего дружескаго отношенія къ Россіи; тѣмъ болѣе, что онъ приписывалъ тогда польское возстаніе партіи международныхъ революціонеровъ, одинаково опасныхъ, какъ для царя, такъ и для него. Это пассивное положеніе соблюдалось такъ добросовѣстно, что варшавскій комитетъ сѣтовалъ на него въ своемъ манифестѣ. И возстаніе не вызвало участія императора.

Впрочемъ, не было ни одной державы, желающей дать Польшѣ что-либо кромѣ пустыхъ словъ. Англичане прямо говорили, что ничего дру-

гаго предложить не могутъ. Руссель заявилъ еще за годъ передъ тѣмъ: «никогда ни одинъ государственный человѣкъ Англіи, исполнявшій обязанности премьера, не предполагалъ оказывать существенную поддержку полякамъ; никогда ни одинъ министръ не считалъ долгомъ Англіи вмѣшиваться иначе какъ выраженіемъ своихъ симпатій (26-го марта 1862 г.). Австрія, подъ предлогомъ дурныхъ отношеній съ русскимъ кабинетомъ, вовсе не стремилась поддерживать у себя подъ бокомъ независимость, которая стоила бы Галиціи и угрожала бы Венеціи. Въ Пруссіи же возстаніе встрѣчало сильную враждебность. Прусскіе короли и государственные дѣятели давно рѣшили, что Пруссія еще больше чѣмъ Россія не можетъ допустить существованіе независимой Польши.

Поэтому, какъ только вспыхнуло возстаніе въ русской Польшѣ, король и Бисмаркъ двинули войска къ границѣ, объявили осадное положеніе Познани и предложили царю заключить военную конвенцію для взаимной поддержки обѣихъ державъ.

8-го февраля 1863 года было подписано соглашеніе, по которому, по требованію русскаго или прусскаго командующаго войсками, начальники частей должны взаимно помогать другъ другу, а въ случаѣ надобности и переходить границы, для преслѣдованія мятежниковъ. По секретному параграфу, обѣ стороны обязывались сообщать другъ другу о движеніи инсургентовъ. Договоръ считался дѣйствительнымъ, пока обѣ стороны признаютъ его нужнымъ.

Эта конвенція была только естественнымъ примѣненіемъ полицейскаго права, которымъ сосѣднія государства всегда оберегаютъ себя отъ мятежниковъ. Но Наполеонъ III, которому надоѣла его пассивная роль, усмотрѣлъ въ томъ законномъ и безобидномъ договорѣ поводъ къ активному вмѣшательству, тѣмъ болѣе заманчивый, что оно относилось не къ Россіи его союзницѣ, а къ Пруссіи, съ которой онъ состоялъ только въ дипломатическомъ кокетствѣ. Онъ прежде всего высказалъ свое неудовольствіе Гольцу, въ грустныхъ, но ласковыхъ выраженіяхъ, что если бъ Австрія сдѣлала такой промахъ, ему было бы все равно; но со стороны Пруссіи это глубоко огорчаетъ его.

Друэнъ-де-Люисъ повысилъ тонъ и сразу сдѣлалъ крупный и весьма важный шагъ. Онъ поручилъ Талейрану представить Бисмарку возраженіе противъ конвенціи, по которой Пруссія принимала на себя отвѣтственность за репрессивныя мѣры Россіи.

Бисмаркъ нашелъ вполнѣ естественнымъ, что императоръ считается съ общими симпатіями, вызываемыми во Франціи польскимъ движеніемъ, но просилъ его тоже найти естественнымъ, что Пруссія ихъ не раздѣляетъ. Возстановленіе Польши было бы для нея смертнымъ приговоромъ; изъ трехъ участвующихъ въ дѣлежѣ державъ, она одна ни

подъ какимъ видомъ не можетъ отказаться отъ выпавшей ей доли. Потеря Галиціи не нанесетъ существеннаго ущерба Австріи; Россіи даже выгодно было бы отказаться отъ Царства Польскаго и не имѣть больше всѣхъ хлопотъ и осложненій, съ которыми она борется столько лѣтъ. Но для Пруссіи, потеря ея польскихъ владѣній равнялась бы расчлененію, такъ какъ важныя провинціи, составляющія, такъ сказать, колыбель монархіи, оказались бы отдѣленными отъ центра государства.

— Что касается меня,—сказалъ Бисмаркъ,—если бъ надо было выбирать, я предпочелъ бы, чтобъ Франція завладѣла Бельгіею и даже еще отодвинула свои границы, чѣмъ чтобъ Пруссія отказалась отъ территоріальныхъ преимуществъ, которыя дало ей раздѣленіе Польши.

Талейранъ, совершенно устраняя эти предположенія, опять вернулся къ конвенціи.

— Я нахожу ее несвоевременной,—сказалъ онъ,—компрометтирующей и, по меньшей мѣрѣ, не нужной.

— Ненужной!—вскричалъ Бисмаркъ,—не согласенъ. Во-первыхъ; она произвела очень полезное нравственное воздѣйствіе; инсургенты, зная какой пріемъ ихъ ожидаетъ на нашихъ границахъ, удалились и направились на Галицію, гдѣ русскіе, успокоенные нашимъ отношеніемъ, ихъ успѣшно преслѣдовали; однимъ словомъ, мы охладили возстаніе и ободрили Россію, а я боялся, что она падетъ духомъ!

— Какъ это возможно?—замѣтилъ Талейранъ. Я думаю она заинтересована не меньше Пруссіи и у нея хватитъ силъ и возможности отстоять свое право.

— Ошибаетесь. Въ Россіи есть либеральная партія, весьма многочисленная, которая давно желала бы отказаться отъ Польши и съ прискорбіемъ видитъ какихъ жертвъ денежныхъ и человѣческихъ стоитъ это владѣніе. Князь Орловъ, котораго вы хорошо знаете, одинъ изъ главныхъ сторонниковъ этой партіи, да и я самъ, будь я русскій, раздѣлялъ бы, вѣроятно, этотъ взглядъ.

— Пруссія никогда не потерпитъ самостоятельную Польшу у своихъ границъ,—говорилъ Бисмаркъ англійскому послу Буканану. Подавленіе возстанія для нея вопросъ жизни, или смерти.

— А что бы вы сдѣлали, если бъ русскіе были побѣждены?—спросилъ Буканапъ.

— Намъ пришлось бы самимъ занять Польшу, чтобы не дать развиться враждебной намъ державѣ.

— Европа никогда этого не допуститъ.

— Кто это Европа?

— Нѣсколько великихъ державъ.

— Развѣ онѣ ужъ пришли къ соглашенію?

Бугананъ уклонился, но завѣрилъ, что Франція не потерпитъ угне-

тенія Польши. Бисмаркъ прервалъ разговоръ, сказавъ, что не стоитъ обсуждать гадательныя предположенія.

Точное значеніе конвенціи было именно то, которое придавалъ ей Бисмаркъ.

IV.

Единоличныя представленія правительства были послѣдовательно отвергнуты петербургскимъ кабинетомъ, и тогда задумали сдѣлать Россіи коллективное представленіе. Всѣ, однако же, знали, что Англія пошлетъ Польшѣ сколько угодно депешъ, но ни малѣйшей матеріальной поддержки; что Пруссія скорѣе возьмется за оружіе въ помощь Россіи, чѣмъ согласится на возстановленіе независимой Польши; что Австрія, какъ ни натянуты ея отношенія съ сосѣдкой, все-таки откажется отъ враждебныхъ дѣйствій. Знали, наконецъ, что царь не уступитъ, такъ какъ, послѣ неблагодарной враждебности поляковъ въ отвѣтъ на его реформы и амнистіи, онъ покрылъ бы себя позоромъ, если бъ что-либо даровалъ имъ изъ-за угрозъ Европы, тогда какъ не сдался на дружескія и конфиденціальныя увѣщанія союзника.

Слѣдовательно, можно было предвидѣть съ математической точностью, что коллективное представленіе потерпитъ такую же неминуемую неудачу, какъ представленія единичныя, и тогда придется или вынести униженіе, или отвѣчать войной на оскорбительный отказъ; при этомъ войну придется, конечно, вести однимъ противъ Россіи и Пруссіи, а можетъ быть и противъ Австріи.

Если готовы были принять такой исходъ, можно было участвовать въ коллективной демонстраціи. Если же не хотѣли доводить до войны, то нужно было только неуклонно держаться политики, установившейся съ 1861 г., и не давать никакихъ дипломатическихъ одобреній возстанію, которое затихнетъ, какъ только будетъ предоставлено самому себѣ; оставить Русселя и Пальмерстона говорить, что имъ угодно, и все предоставить гуманности царя и доброй волѣ его министровъ, которые тѣмъ больше дадутъ, чѣмъ меньше отъ нихъ будутъ требовать. Конечно, кричащее общественное мнѣніе было бы недовольно, но общественное мнѣніе—понятіе крайне растяжимое, и каждый создаетъ его по влеченію своихъ страстей и капризовъ. Даже въ демократіи было не мало противниковъ польскаго увлеченія. Прудонъ, со свойственной ему смѣлостью и силой ума, возобновлялъ противъ Польши тѣ обвиненія, которыя лишили всякаго сочувствія къ ней философовъ

XVIII вѣка при ея расчлененіи. Онъ шелъ еще дальше и говорилъ, что не питаетъ ни малѣйшаго сострàданія «къ этой надменной аристократіи, сгнившей съ XII вѣка, притѣсняющей народъ съ XI вѣка, при чемъ единственной ошибкой заинтересованныхъ державъ въ 1772 и 1796 гг. было то, что онѣ не поступили съ ней по заслугамъ, отобравъ у нея все и пустивъ ее по міру». Если бы народъ просвѣщали вмѣсто того, чтобы потворствовать его невѣжеству, если бъ объяснили, что поляки получили просимыя для нихъ льготы, но не захотѣли ими воспользоваться; если бъ указали на высокое значеніе попытки Велепольскаго; если бъ доказали, что теперешнее возстаніе еще больше предыдущихъ вполнѣ недостойно участія, безумно и преступно; если бъ при этомъ не скрывали невозможность помочь ей чѣмъ-либо кромѣ громкихъ фразъ, и невозможность пройти однимъ черезъ Германію въ недосягаемую Россію; если бъ сказали, какихъ страшныхъ жертвъ людьми и деньгами стоила бы эта безплодная попытка; если бъ представили весь ужасъ этой войны, которую не рѣшились бы взять на свою отвѣтственность даже признававшіе ее неизбѣжной; если бы доказали физическую невозможность осуществить избавленіе, котораго желали— общественное мнѣніе успокоилось бы, а потомъ и измѣнилось.

Морни, понимавшій то, чего не видѣли другіе, всѣми силами старался доказать, что это теченіе приведетъ къ самоубійству; если же устоятъ противъ общественнаго увлеченія, то расположеніе и благодарность русскаго государя, всегда руководящагося чувствомъ, навсегда обезпечены императору, и Франція, съ поддержкой Россіи, спокойно займетъ первенствующее мѣсто въ западной Европѣ. Старанія Морни были тщетны, и помимо его согласились на предложенное Англіею коллективное представленіе, но оно имѣло не больше успѣха, чѣмъ единичныя. Горчаковъ сначала осмѣялъ, а потомъ сухо отклонилъ его:

— Конференцію трехъ заинтересованныхъ державъ,—говорилъ онъ,— для взаимнаго огражденія ихъ владѣній, Россія можетъ допустить; но конференція восьми державъ, подписавшихъ вѣнскій трактатъ, для предписанія государю мѣръ управленія Польшей, означала бы вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи, и она отвергается окончательно.

Еще опредѣленнѣе отклонялось предложеніе перемирія: «перемиріе заключается между воюющими сторонами, а въ Польшѣ только мятежники и законное правительство, которое ихъ усмиряетъ».

По полученіи отвѣта Россіи, Друэнъ-де-Люисъ предложилъ опять послать такую же депешу или ноту. Англійскій кабинетъ отказался: «Это будетъ угрозой Россіи, она отвѣтитъ вторичнымъ отказомъ, что̀ вызоветъ войну, а мы ея не желаемъ». Тогда рѣшили послать ноты каждой отдѣльно, но всѣ три депеши были различны. Руссель обсуждалъ, но очень спокойно, а между строкъ можно было читать, что

ему, въ сущности, совершенно безразлично. Депеша Австріи была ворчливая, обиженная, точно она не понимала, какъ могли требовать отъ такой порядочной особы, чтобы она забыла свою связь съ двумя другими державами и вела отдѣльно переговоры съ Россіею и Пруссіею. Депеша Друэнъ-де-Люиса, озлобленная, раздраженная, вызывающая. Это пахло порохомъ. Если Россія отвѣтитъ въ томъ же духѣ, — а она имѣетъ на то полное право, — война неизбѣжна. Государь такъ и хотѣлъ: его войско равнялось 400.000 человѣкъ и должно было еще усилиться, наборомъ 150.000 человѣкъ; но Австрія держала себя двухсмысленно, и ему необходимо было соглашеніе съ Пруссіею. Онъ обратился къ королю Вильгельму собственноручнымъ письмомъ.

Бисмаркъ, при напряженномъ внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи прусской политики, имѣя на шеѣ парламентъ, конфедерацію и Австрію, при неоконченномъ и еще неиспытанномъ переформированіи арміи, не хотѣлъ пускаться въ рискованную войну съ Франціею, тѣмъ болѣе, когда отъ Наполеона III приходили самыя дружескія увѣренія.

Гольцъ писалъ Бисмарку: «Мы въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Цезаремъ, и онъ никогда не былъ такъ любезенъ и общителенъ, какъ теперь. Австрія оказала намъ большую услугу для нашихъ отношеній съ Франціею». Этотъ несчастный польскій вопросъ, будто бы сказалъ ему императоръ, не вызвалъ борьбы между ними, но охладилъ наши отношенія; это наше единственное разногласіе, и я дорого бы далъ, чтобъ оно исчезло: Пруссія могла бы его устранить».

«Его притязанія теперь скромнѣе, чѣмъ когда-либо», добавлялъ Гольцъ, «онъ хочетъ только благородно отступиться отъ дѣла». Друэнъ-де-Люисъ, со своей стороны, заявлялъ живѣйшее стремленіе императора сдѣлать что-нибудь сообща съ Пруссіею.

Государь былъ благодаренъ за предложеніе содѣйствія, котораго не просилъ, и теперь не разсердился на отказъ, а рѣшилъ сохранить миръ. Поэтому онъ предписалъ канцлеру дать надлежащіе отвѣты.

Отвѣтъ Горчакова на ноту Франціи не имѣлъ вызывающаго характера и былъ вполнѣ вѣжливъ, оставаясь отрицательнымъ: «По зрѣломъ размышленіи, мы не нашли возможнымъ измѣнить наши взгляды, выраженные въ депешѣ 1-го (13-го) іюля; мы думаемъ исполнить желаніе г. министра иностранныхъ дѣлъ Франціи, воздерживаясь отъ дальнѣйшихъ обсужденій, которыя не приведутъ къ соглашенію и только утвердятъ оба правительства въ ихъ взглядахъ на вопросъ, въ коемъ мы, къ сожалѣнію, не раздѣляемъ воззрѣній Тюильрійскаго кабинета». Тѣмъ не менѣе императоръ почувствовалъ обиду этого отказа продолжать переговоры, и Друэнъ-де-Люисъ не скрылъ это отъ лондонскаго и вѣнскаго кабинетовъ: «Императоръ Александръ отвѣчаетъ только передъ

Богомъ и своею совѣстью въ исполненіи своего долга по отношенію къ подвластнымъ ему народамъ и не обязанъ отдавать отчетъ Европѣ въ примѣненіи его верховной власти». Таково было окончательное отклоненіе, обращенное къ тѣмъ, которые во имя общихъ интересовъ и въ силу условныхъ договоровъ сочли себя въ правѣ участвовать въ разрѣшеніи польскаго вопроса.

Императоръ Наполеонъ колебался, ограничиться-ли этимъ предостереженіемъ Друэнъ-де-Люиса, на которое ни Англія, ни Австрія не отвѣтили, или поставить Россіи ультиматумъ, преддверіе войны. Геру, Авенъ, Анри Мартенъ метали громы и молніи, требуя, чтобы приняли вызовъ. «Принять пощечины отъ Россіи, примириться съ такимъ позоромъ, значитъ облить грязью Францію». Всѣ женщины были за войну. «Франція», умѣренный органъ сенатора Ла-Героньера, не допускала возможности унизительнаго мира. Прево-Парадоль въ «Courrier du Dimanche» издѣвался въ сардоническихъ выраженіяхъ. Видя, какъ «Constitutionnel» высмѣиваетъ больше обыкновеннаго іюльское Правленіе и политику 1840 г., онъ восклицаетъ: «Огонь усиливается передъ отступленіемъ, и пушки грознѣе палятъ. Мы видимъ теперь эту картину».

Религіозный фанатизмъ находилъ себѣ полное примѣненіе. Повсюду устанавливали молитвы, и на оружіе поляковъ призывалось благословеніе Божіе. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, напр., у доминиканцевъ Вожирара, раздавали статуэтки, изображающія польскихъ крестьянъ, вооруженныхъ косами. Даже папа, не смотря на энциклику Григорія XVI противъ мятежа 1830 г., рѣшился на открытую демонстрацію. По просьбѣ многихъ епископовъ, онъ возобновилъ торжественную процессію, совершавшуюся ежегодно въ прежнія столѣтія, во время которой переносили изъ Сенъ-Жанъ-де-Латранъ въ Сентъ-Мари-Мажеръ икону Спасителя, очень чтимую въ Скала-Санта. Пій IX приказалъ кардиналу-викарію прибавить къ возвѣщенію о процессіи имъ самимъ составленный параграфъ, призывающій молитвы вѣрующихъ на Польшу, «которая была столько лѣтъ оплотомъ христіанства».

— Я даю это удовлетвореніе многимъ, обращеннымъ ко мнѣ просьбамъ,—сказалъ онъ французскому посланнику;—это, можетъ быть, не много въ глазахъ свѣта, но въ глазахъ церкви очень много; молитвы сильнѣе всего, онѣ стоятъ всякаго оружія.

Только одинъ журналистъ, Эмиль де-Жирарденъ, съ энергіею и краснорѣчіемъ защищалъ циркуляры Горчакова и совѣтовалъ императору противодѣйствіе необдуманнымъ увлеченіямъ. Морни и Фульдъ поддерживали эту политику въ засѣданіяхъ. Императоръ, не возбуждаемый больше принцемъ-Наполеонъ, весьма своевременно попавшимъ

въ опалу, не замедлилъ понять, не смотря на свои польскія симпатіи, въ какую пропасть его толкали безотвѣтные газетные крикуны.

Да и какъ вести войну? Какъ добраться до Польши? Черезъ Тріестъ, проходя Австрію, Францъ-Іосифъ не допуститъ. Черезъ Рейнъ, или Балтійское, или Сѣверное море? Пруссія приметъ въ штыки. А способъ спустить изъ воздушныхъ шаровъ цѣлую армію на территорію, недоступную ни съ какой стороны, былъ неизвѣстенъ. На всѣ возраженія отвѣчали стереотипными въ то время восклицаніями: «никто не устоитъ противъ французской арміи. Да здравствуетъ Польша! Въ Варшаву!»

А если бы императоръ началъ войну, эти же крикуны, чтобы загладить свои подстрекательства, при неминуемомъ погромѣ, первые вызвали бы и устроили его паденіе. Онъ это понялъ, не поставилъ никакого ультиматума и, какъ Австрія,—ничего не отвѣтилъ.

V.

Государь, видя, что ему нечего надѣяться на дворянъ и духовенство и считая безразсуднымъ давать мятежникамъ такую политическую свободу, какой не пользовались его вѣрноподданные, рѣшилъ отмѣнить систему Велепольскаго и обрусить край. Онъ поручилъ это Милютину, одному изъ главныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ. Милютинъ, принявъ управленіе дѣлами Польши, далъ крестьянамъ земельный надѣлъ, за который казна платила помѣщикамъ по предварительной оцѣнкѣ. Опубликованіе этого указа (19-го февраля (2-го марта) 1864 г.), какъ громомъ поразило повстанцевъ, которымъ Австрія заградила границы Галиціи. Они сложили оружіе: членовъ подпольнаго комитета арестовали и повѣсили.

Предсмертнымъ крикомъ этого комитета въ 1864 г., какъ и въ 1831 г., было проклятіе державамъ, которыя такъ много говорили, но ничего не дѣлали: «Вмѣшательство западныхъ государствъ только увеличило, а не смягчило бѣдствія Польши; оно не запугивало, а только раздражало врага, возбуждая его злобу противъ жертвы... въ началѣ Польша имѣла дѣло только съ царемъ и его войскомъ, русскій народъ оставался равнодушенъ къ борьбѣ; но иностранное вмѣшательство задѣло національное чувство, и вся Россія сплотилась со своимъ правительствомъ. Теперь она воздвигаетъ православныя церкви въ Вильнѣ въ честь Муравьева».

Велепольскій, отстраненный отъ своихъ обязанностей, удалился съ

*

семьей въ Берлинъ. Потомъ переселился въ Дрезденъ, гдѣ жилъ скромно, въ уединеніи и наукѣ, не видя никого; его можно было встрѣтить утромъ у обѣдни въ дворцовой церкви, съ большимъ молитвенникомъ въ рукахъ. Такая масса затаенныхъ волненій сломила и его. Разбитый параличемъ, почти слѣпой, онъ переходилъ только съ постели въ кресло, гдѣ сидѣлъ и стоналъ цѣлыми часами, не произнося ни слова. При этомъ онъ сохранилъ всѣ умственныя способности, свою поразительную память, ясность сужденій и даже горячность чувствъ, удивительную въ едва живомъ человѣкѣ. Онъ никогда не говорилъ о своемъ прошломъ; однажды скульпторъ просилъ позволенія сдѣлать его бюстъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—генералъ, проигравшій сраженіе, не имѣетъ права оставлять свое изображеніе потомству.

Онъ угасъ 30-го декабря 1877 г.

Польша загладитъ свою ошибку 1863 г. только, когда поставитъ памятникъ этому великому человѣку на лучшемъ мѣстѣ Варшавы. Поляки, не примиряющіеся съ Россіею, совершаютъ настоящее національное самоубійство. Во время возстанія многія польки принимали участіе въ схваткахъ; одна изъ самыхъ отважныхъ кончила тѣмъ, что вышла замужъ за русскаго. Дай Богъ, чтобъ и Польша поступила также.

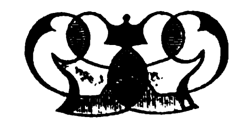
Результаты этого похода, плохо начатаго и плохо законченнаго, были не менѣе пагубны и для Наполеона III. Англіи еще разъ удалось порвать союзъ Франціи съ Россіей, къ чему всегда клонилась ея политика. «Царь Петръ,—пишетъ Сенъ-Симонъ,—имѣлъ большое влеченіе соединиться съ Франціею; онъ желалъ понемногу отдалить насъ отъ приверженности къ Англіи, но она отстраняла насъ до неприличія, что̀ продолжалось еще долго послѣ его отъѣзда изъ Парижа. Съ тѣхъ поръ имѣли случай много каяться, что поддались коварнымъ чарамъ Англіи и безумно пренебрегли Россіею». Во время всѣхъ польскихъ переговоровъ единственной заботой Англіи было отдалить насъ отъ Россіи; какъ только это удалось, она перестала и думать о Польшѣ. Но это не дало намъ даже болѣе близкихъ отношеній съ ней: она становилась все недовѣрчивѣе, и императоръ не могъ быть доволенъ такимъ ненадежнымъ союзомъ.

Польша встала между нами и Россіей; съ другой стороны, Венеція препятствовала сближенію съ Австріею, не смотря на искреннее желаніе ея императора быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Франціею. Наполеону оставалось только или примириться съ безсильнымъ одиночествомъ, или добиваться союза съ Пруссіей, которому ничто не препятствовало, если онъ соглашался содѣйствовать ея расширенію въ Германіи, не требуя себѣ компенсаціи на Рейнѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Гольцъ передавалъ своему двору слова Друэнъ-де-Люиса: «Англіи

предстоятъ крупныя осложненія. Если вы желаете шепнуть намъ что-нибудь, мы выслушаемъ внимательно». Императоръ выразился будто бы еще яснѣе: «Мнѣ хотѣлось бы сговориться съ вами относительно важныхъ обстоятельствъ. Мнѣ ничего не нужно отъ васъ, но вы не можете не сознавать, что ваше настоящее положеніе невыносимо: вы окружены множествомъ мелкихъ владѣній, которыя мѣшаютъ вамъ и парализуютъ каждый вашъ шагъ. Я займусь теперь системой союзовъ и очень желалъ бы участія Пруссіи [1]).

Крымская война завязала союзъ съ Англіею. Война съ Италіею вызвала соглашеніе съ Россіею. Польскій погромъ породилъ дружбу съ Пруссіею. Всѣ эти три соглашенія, различныя сами по себѣ, тождественны по своей цѣли: императоръ установилъ дружескія отношенія съ Англіею, а потомъ съ Россіею, чтобъ подготовить освобожденіе Италіи, а чтобъ его закончить, онъ подалъ руку бисмарковской Пруссіи.

Сообщ. **С. Норманъ.**

[1]) Донесеніе Гольца, отъ 23-го ноября 1863 г.

Мѣры противъ распространенія ложныхъ и вредныхъ слуховъ.

Рескриптъ императора Александра графу Воронцову.

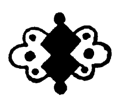
2-го мая 1824 г. Царское Село.

Графъ Михаилъ Семеновичъ! Я имѣю свѣдѣніе, что въ Одессу стекаются изъ разныхъ мѣстъ и въ особенности изъ польскихъ губерній и даже изъ военно-служащихъ, безъ позволенія своего начальства, многія такія лица, кои, съ намѣреніемъ или по своему легкомыслію, занимаются лишь одними неосновательными и противными толками, могущими имѣть на слабые умы вредное вліяніе. Равномѣрно доходитъ до свѣдѣнія моего и то, что пріѣзжающіе въ Одессу военные чины не наблюдаютъ предписанной формы въ одеждѣ.

Будучи увѣренъ въ усердіи и попечительности вашей о благѣ общемъ, я несомнѣваюсь, что вы обратите на сей предметъ особенное свое вниманіе и примите строгія мѣры, дабы подобные безпорядки и ниже малѣйшее отступленіе военныхъ чиновъ отъ подлежащей формы въ ихъ одѣяніи не могло имѣть мѣста въ толь важномъ торговомъ городѣ, какова Одесса, не позволяя проживать въ ономъ никому безъ надлежащихъ видовъ, особливо тѣмъ изъ военно-служащихъ, кому не данъ отпускъ именно въ Одессу, или пріѣзжающимъ не въ узаконенное для отпусковъ время, а тѣмъ менѣе отлучающимся туда отъ своихъ командъ, безъ позволенія начальства, съ коихъ за таковое самовольство надлежитъ строго взыскивать.

Графъ Воронцовъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ отъ 23-го мая 1824 г. донесъ, что въ числѣ военныхъ чиновниковъ, въ Одессѣ находящихся, проживаетъ здѣсь полковникъ 6-го Егерскаго полка Раевскій, который не имѣетъ отпуска именно въ Одессу. Онъ, будучи долго весьма боленъ, уволенъ за границу до излѣченія еще въ 1822 году; но, познакомившись въ Бѣлой Церкви съ докторомъ, пріѣхавшимъ со мною изъ Англіи, началъ у него лѣчиться и, слѣдуя совѣтамъ его, нашелъ отъѣздъ въ чужіе края не нужнымъ: ибо, въ продолженіе не много больше года приведенъ почти изъ отчаяннаго состоянія въ положеніе, по сравненію съ прежнимъ, здоровое; но, будучи послѣ таковой болѣзни весьма слабъ, никакъ не можетъ вступить въ дѣйствительную службу и желаетъ пользоваться еще сего года здѣсь, въ Одессѣ, морскими ваннами.

Донесеніе это принято къ свѣдѣнію.

Графъ А. А. Кейзерлингъ [1].

(Біографическая замѣтка).

I.

Александръ Андреевичъ Кейзерлингъ родился 15-го августа 1815 г., въ Эстляндіи, въ имѣніи Кабиллы, гдѣ протекли счастливые годы его дѣтства, въ кругу обширной семьи. У его отца было десять человѣкъ дѣтей; между ними и родителями существовали самыя дружескія, полныя любви отношенія.

Маленькій Александръ былъ прелестный бѣлокурый, голубоглазый мальчикъ, здоровый и выносливый, хотя не очень сильный. Онъ учился дома вмѣстѣ съ братьями и дѣтьми нѣкоторыхъ родственниковъ и друзей, подъ руководствомъ превосходнаго домашняго учителя Римшнейдера, принадлежавшаго къ числу рѣдкихъ личностей, которыя своими знаніями и нравственными качествами умѣютъ пріобрѣсти огромное нравственное вліяніе на своихъ учениковъ.

При тѣхъ условіяхъ деревенской жизни, въ которыхъ росъ Кейзерлингъ, въ немъ рано проявилась склонность къ наблюдательности и любовь къ изслѣдованію природы.

Въ то время какъ его братья любили ѣздить верхомъ, охотиться, танцовать, онъ собиралъ коллекціи, приносилъ домой гусеницъ, наблюдалъ за развитіемъ изъ нихъ бабочекъ и пріобрѣлъ совершенно самостоятельно не мало знаній по естественной исторіи.

Восемнадцати лѣтъ Кейзерлинъ поступилъ (въ 1833 г.) въ Берлин-

---

[1]) Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern zusammengestellt von seiner Tochter Freifrau Helene von Taube von der Issen. Berlin. 1902.

скій университетъ и подъ вліяніемъ знаменитыхъ ученыхъ Гумбольдта и Л. фонъ Буха окончательно увлекся естествознаніемъ и посвятилъ себя его изученію.

Въ Берлинѣ онъ познакомился и близко сошелся со многими выдающимися учеными, какъ, напр., съ извѣстнымъ ботаникомъ Августомъ Гризебахомъ, съ которымъ онъ совершилъ, съ научной цѣлью, экскурсію въ Альпы; со Шваномъ, который вмѣстѣ со Шлейденомъ положилъ начало ученію о клѣткѣ, какъ основѣ строенія организмовъ; но особенно близко онъ сошелся и подружился съ молодымъ зоологомъ Блазіусомъ, съ которымъ впослѣдствіи совмѣстно работалъ и совершилъ большое путешествіе въ Карпаты, обогатившее его познаніями.

Рѣшивъ, по окончаніи университета, посвятить себя наукѣ, Кейзерлингъ совершилъ съ научной цѣлью нѣсколько путешествій по Германіи и, въ мартѣ мѣсяцѣ 1840 г., готовился предпринять новое путешествіе, когда получилъ неожиданно приглашеніе принять участіе, въ качествѣ натуралиста, въ снаряженной русскимъ правительствомъ, подъ начальствомъ барона А. Мейендорфа, научно-статистической экспедиціи для изслѣдованія промышленности и естественныхъ богатствъ Россіи. Кейзерлингъ принялъ сдѣланное ему предложеніе, но, желая сохранить полную самостоятельность, отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія.

Въ апрѣлѣ 1840 г. онъ уже былъ въ Россіи и, послѣ личнаго свиданія съ Мейендорфомъ, въ которомъ онъ нашелъ человѣка развитаго, пріятнаго въ обхожденіи и способнаго администратора, вопросъ объ его участіи въ экспедиціи былъ рѣшенъ окончательно.

Петербургъ не понравился Кейзерлингу, показался ему скучнымъ и однообразнымъ. «Здѣсь все прекрасно,—писалъ онъ сестрѣ, нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда [1]), но деревья еще не вполнѣ распустились; въ окрестностяхъ Петербурга много березовыхъ рощъ, но на нихъ висятъ однѣ сережки. Пока городъ мнѣ не особенно нравится. Во-первыхъ, ему не достаетъ высокихъ, остроконечныхъ церковныхъ колоколенъ западно-европейскихъ городовъ, которыя будятъ столько чувствъ и воспоминаній. Подъѣзжая къ Петербургу, видишь только огромное, усѣянное крышами пространство, надъ которымъ возвышается Исаакіевскій соборъ съ тяжеловѣснымъ куполомъ. Мнѣ не нравится также длинный рядъ дворцовъ, которые тянутся непрерывно вдоль набережной. Тутъ словно все подведено подъ извѣстную, однообразную мѣрку и не видно, чтобы люди строили себѣ дома каждый по своему вкусу и потребностямъ. Поэтому тутъ не уютно; все правильно и

---

[1]) Письмо къ Эвелинѣ Кейзерлингъ, отъ 8-го мая 1840 г.

обширно, и этой наружной правильности принесено въ жертву все остальное».

Но зато когда ему довелось побывать въ Москвѣ, то она плѣнила его своей своеобразной красотою, и онъ говорилъ съ восторгомъ, что никогда не видалъ ничего оригинальнѣе и великолѣпнѣе этого города.

Изъ числа ученыхъ и писателей, въ кругу которыхъ Кейзерлингъ вращался въ Петербургѣ, онъ познакомился особенно близко съ академикомъ Бэромъ [1]).

«Онъ живетъ въ домѣ весьма простой архитектуры, который стоитъ въ саду [2]),—записалъ Кейзерлингъ въ своемъ дневникѣ.

«Меня ввели въ кабинетъ, заваленный книгами. На стѣнѣ висѣли портреты Бюффона, Линнея и др.

«Его бесѣда была весьма оживленная и интересная. Бэръ средняго роста, худощавъ; у него продолговатое, морщинистое лицо съ довольно длиннымъ, сильно загнутымъ носомъ; узкій и низкій лобъ обрамленъ сѣдыми волосами. Платье сидитъ на немъ мѣшковато.

«Сегодня, 10-го мая, я снова видѣлъ Бэра въ Зоологическомъ музеѣ, гдѣ онъ демонстрировалъ что-то великой княжнѣ, дочери Елены Павловны. Бэръ, повидимому, убѣжденный русскій патріотъ.

«Въ музеѣ я подошелъ къ (академику) Брандту, назвалъ свою фамилію и выразилъ желаніе осмотрѣть коллекціи. Вначалѣ онъ отнесся ко мнѣ холодно, но когда я упомянулъ о своихъ работахъ, то онъ воскликнулъ: «Ахъ, такъ это вы писали о летучихъ мышахъ» и протянулъ мнѣ руку».

Кромѣ Бэра и Брандта, Кейзерлингъ познакомился, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, съ семействомъ барона Радена, отцомъ извѣстной своимъ умомъ фрейлины великой княгини Елены Павловны, баронесы Эдиты Раденъ, въ семьѣ которой онъ встрѣтилъ самый радушный пріемъ.

Баронъ Мейендорфъ старался познакомить его главнымъ образомъ съ людьми, имѣвшими вліяніе въ тѣхъ губерніяхъ, кои ему предстояло посѣтить.

«Баронъ Мейендорфъ, опасаясь людской зависти, старается, чтобы объ его экспедиціи говорили какъ можно меньше,—писалъ Кейзерлингъ отцу [3]). Его положеніе здѣсь очень оригинально, такъ какъ онъ держится только благодаря Канкрину. Императоръ не благоволитъ къ нему, такъ какъ онъ слыветъ человѣкомъ свободомыслящимъ.

«Канкринъ выразилъ желаніе познакомиться со мною, и я буду

---

[1]) Карлъ Максимовичъ Бэръ р. 1792 † 1876 г., одинъ изъ самыхъ выдающихся естествоиспытателей новаго времени.

[2]) Записано 10-го мая 1840 г.

[3]) Письмо отъ 1-го (13-го) іюня 1840 г.

имѣть честь представиться ему. Но я болѣе вращаюсь въ кругу ученыхъ. Академикъ Бэръ здѣшній Гумбольдтъ и единственный изъ ученыхъ, къ которому публика благоволитъ. Я имѣлъ съ нимъ чрезвычайно интересные разговоры. Онъ горячо сочувствуетъ промышленнымъ планамъ Мейендорфа и чрезвычайно интересуется общими вопросами народовѣдѣнія и промышленнаго развитія страны. Но при этомъ онъ гораздо болѣе далекъ отъ тѣхъ спеціальныхъ ученыхъ трудовъ, коими я до сихъ поръ занимался, нежели я ожидалъ. У насъ находится точка соприкосновенія въ присущей намъ обоимъ любви къ путешествіямъ. Но я вижусь гораздо чаще съ академикомъ Брандтомъ; это весьма серьезный ученый зоологъ, который находится, повидимому, въ постоянной, хотя безмолвной оппозиціи съ Бэромъ. Онъ завѣдуетъ коллекціями, которыя мы разсматриваемъ совмѣстно. Это два корнеея здѣшней академіи по отдѣлу естественныхъ наукъ. Благодаря рекомендаціи Мейендорфа, я получилъ доступъ въ великолѣпный музей горнаго корпуса.

«Насколько я могу судить о министрѣ финансовъ, по тому, что я слышу о немъ ежедневно отъ Мейендорфа, онъ принадлежитъ къ числу лицъ, кои цѣнятъ въ людяхъ прежде всего ихъ умъ и научные труды и считаютъ пріобрѣтеніемъ для страны живое описаніе всего видѣннаго въ такой формѣ, которая сдѣлала бы эти наблюденія достояніемъ науки».

Отъѣздъ экспедиціи Мейендорфа изъ Петербурга былъ назначенъ 2-го (14-го) іюня 1840 г.

«Моими спутниками будутъ Мурчисонъ, богатый англійскій аристократъ и большая знаменитость въ ученомъ мірѣ,—писалъ Кейзерлингъ матери наканунѣ отъѣзда,—затѣмъ де-Вернейль, французъ, весьма симпатичный во всѣхъ отношеніяхъ. Эти господа ѣдутъ на свои средства; они пробудутъ съ нами всего два мѣсяца; съ нами отправляется также одинъ русскій юноша Зиновьевъ.

«Съ Мейендорфомъ и прочими членами экспедиціи у меня установились самыя хорошія, дружественныя отношенія».

Изъ Петербурга экспедиція отправилась на сѣверъ, въ Петрозаводскъ, Вытегру, Архангельскъ, а оттуда, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, на югъ къ берегу Азовскаго моря для изслѣдованія и нахожденія залежей каменнаго угля.

«Мы ѣхали съ такою быстротою,—писалъ Кейзерлингъ [1]), что едва успѣвали заносить свои наблюденія въ записныя книжки. Раньше какъ въ полночь мы почти никогда не останавливались на ночлегъ, а на

---

[1]) Изъ писемъ къ брату и матери отъ 11-го (23-го) и 12-го (24-го) сентября 1840 г. и къ отцу отъ 5-го (17-го) декабря того же года.

слѣдующее утро, часовъ въ пять или шесть, мы уже катили далѣе, дѣлая по 150 верстъ въ день.

«Мейендорфъ во всѣхъ отношеніяхъ любезный начальникъ экспедиціи, отнюдь не мелочной, готовый на всякія жертвы, хотя бы онѣ были сопряжены съ личнымъ для него неудобствомъ, если только это можетъ доставить удовольствіе его спутникамъ.

«Я всегда удивлялся непоколебимой твердости и невзыскательности, съ какою онъ преслѣдуетъ свою цѣль, не взирая на всевозможныя непріятности, не смотря на грязь, проливные дожди, непроѣзжія дороги, почтовыя станціи безъ лошадей и прочія невзгоды нашего далекаго путешествія, за которыя насъ вознаграждало, впрочемъ, широкое гостепріимство, которое оказывали намъ всюду русскіе богатые помѣщики и мѣстные сановники».

По возвращеніи изъ экспедиціи, которая дала весьма благопріятные результаты въ томъ смыслѣ, что изслѣдованный ею каменный уголь оказался высокаго качества, Кейзерлингъ остался въ Петербургѣ для приведенія въ порядокъ собранныхъ во время путешествія палеонтологическихъ коллекцій и составленія отчета о сдѣланныхъ экспедиціей наблюденіяхъ.

Чрезвычайно лестный отзывъ, данный учеными о работѣ Кейзерлинга, котораго Л. Бухъ аттестовалъ какъ «молодаго человѣка много обѣщающаго въ будущемъ», и отличная рекомендація Мейендорфа были причиною, что въ январѣ мѣсяцѣ 1841 г. онъ былъ принятъ на русскую службу чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ для производства геологическихъ изысканій.

«Это гораздо болѣе того, что я могъ ожидать,—писалъ Кейзерлингъ отцу 31-го января 1841 г.

«Третьяго дня вечеромъ Мейендорфъ представилъ меня и моихъ спутниковъ министру финансовъ.

— Который графъ Кейзерлингъ?—былъ его первый вопросъ.

— Мнѣ говорили о васъ много хорошаго,—сказалъ онъ.

Прощаясь со мною, онъ сказалъ:

— Итакъ, мы украсимъ ваши плечи бѣлыми эполетами.

«Сегодня утромъ,—занесъ Кейзерлингъ 20-го февраля (5-го марта) 1841 г. въ свою записную книжку,—я тщетно прождалъ заказаннаго мною мундира и рѣшился, наконецъ, ѣхать къ Канкрину въ черномъ фракѣ.

«У министра мнѣ пришлось прождать съ полчаса въ пріемной, куда вошелъ между тѣмъ тайный совѣтникъ Ореусъ, весьма милый человѣкъ, который сталъ разспрашивать меня о моемъ отцѣ и т. д.

«Скоро въ пріемную вошелъ Канкринъ.

— А, здравствуйте, графъ,—сказалъ онъ и пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ.

«Графъ Канкринъ курилъ сигару и бесѣдовалъ со мною съ часъ о разныхъ предметахъ.

«Между прочимъ, онъ спросилъ, что связываетъ француза и англичанина, де-Вернейля и Мурчисона. Я отвѣчалъ, что единственно научный интересъ.

«Затѣмъ онъ спросилъ, каковы политическіе взгляды де-Вернейля, и когда я сказалъ, что онъ приверженецъ нынѣ царствующей династіи, то министръ замѣтилъ, что таковы должны быть всѣ благомыслящіе люди, и повторилъ эту сентенцію, когда я присовокупилъ, что де-Вернейль мало интересуется политикой, такъ какъ, по его мнѣнію, съ нынѣшнимъ либерализмомъ не далеко уѣдешь.

«Канкринъ затрогивалъ также разные научные вопросы, но при этомъ всякій разъ приговаривалъ:

— Я въ этомъ весьма мало свѣдущъ, я сужу только по здравому человѣческому уму.

«Онъ спросилъ, каковы мои успѣхи въ изученіи русскаго языка.

— Очень слабы,—отвѣчалъ я.

— А вамъ придется, быть можетъ провести, нѣсколько лѣтъ въ мѣстности, гдѣ вы будете вынуждены научиться русскому языку.

«Наконецъ, я спросилъ его, съ кѣмъ я долженъ обсуждать планы моихъ работъ, съ нимъ или съ Чевкинымъ?

— Говорите объ этомъ съ генераломъ Чевкинымъ, вѣдь вы его знаете; иначе, при его самолюбіи, онъ былъ бы обиженъ.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я,—тѣмъ болѣе, что при обсужденіи научныхъ вопросовъ, я встрѣчалъ постоянно съ его стороны полную готовность оказать мнѣ содѣйствіе.

— Это вѣрно,—подтвердилъ Канкринъ—и я за это весьма благодаренъ ему, но въ другомъ отношеніи съ нимъ не легко имѣть дѣло.

Бесѣдуя часто съ Канкринымъ, Кейзерлингъ имѣлъ случай высказать ему, что хотя экспедиціи, снаряжавшіяся въ послѣдніе годы, познакомили съ геологическимъ строеніемъ Россіи, но въ этомъ отношеніи многое еще предстояло сдѣлать и что это изученіе могло принести огромную пользу. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, Канкринъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе снарядить, съ научной цѣлью, большую геологическую экспедицію на Уралъ, къ которой были привлечены Мурчисонъ и де-Вернейль и въ распоряженіе которой были предоставлены большія средства.

Всѣ подготовительныя работы были возложены на этотъ разъ на Кейзерлинга, а въ помощники ему былъ назначенъ поручикъ Кокшаровъ, впослѣдствіи извѣстный минералогъ и академикъ.

Все лѣто 1841 г. было посвящено этими учеными изслѣдованію Урала, осенью же они отправились въ Киргизскую степь.

«Въ отношеніи живописномъ, это было самое любопытное путешествіе,—говоритъ Кейзерлингъ [1]). Двоюродный братъ киргизскаго князя, широконосый киргизъ съ чисто монгольскими выдающимися скулами, но въ эполетахъ казацкаго капитана, встрѣтилъ меня на границѣ киргизскихъ владѣній, въ полной парадной формѣ, и сопровождалъ меня всю дорогу по степи. Моимъ конвоемъ командовалъ султанъ Медетжъ Чукишъ-Чукимъ (Medetj Tschukitsch Tscukim). Въ мою карету было впряжено 17 лошадей; родственникъ хана ѣхалъ позади меня на тройкѣ, впереди ѣхало 30 конвойныхъ. По обѣ стороны моей кареты ѣхало по казаку, которые упирались тупымъ концомъ своихъ копій въ моихъ лошадей: вокругъ экипажа гарцовали съ дикими криками киргизы, съ обнаженной грудью, въ бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ и неистово колотили моихъ лошадей; словомъ это было настоящее столпотвореніе и настоящій праздникъ для этихъ лихихъ наѣздниковъ. Мѣстность, по которой я ѣхалъ, представляла собою пустыню, на которой то тамъ, то сямъ паслись тощіе верблюды; на горизонтѣ виднѣлись песчаные холмы, и мы проѣзжали сотни верстъ, не встрѣтивъ ни деревца, ни человѣка, только изрѣдка попадалась намъ войлочная кибитка киргиза.

«Въ ожиданіи моего пріѣзда, была отложена свадьба одного родственника хана, на которой я присутствовалъ. Празднество началось съ лошадинаго бѣга, на который мы смотрѣли съ ханомъ, сидя на пригоркѣ, подъ балдахиномъ, окруженные киргизами. Самая быстрая лошадь можетъ пробѣжать 30 верстъ въ часъ, въ среднемъ 1 версту въ 1 минуту 9 секундъ. Затѣмъ слѣдовали военныя игры, примѣрное сраженіе; участвовавшіе въ этихъ играхъ старались сбросить другъ друга съ лошади, но это обыкновенно имъ не удавалось, и дѣло кончалось тѣмъ, что на всадникѣ обрывали въ клочья китель или мѣховую одежду, и онъ оставался на лошади нагимъ. Во время борьбы они наносили другъ другу такіе побои, что многіе уходили, кашляя кровью. Наконецъ, происходило состязаніе въ ѣздѣ и въ стрѣльбѣ въ цѣль; во всѣхъ этихъ упражненіяхъ киргизы проявили большое искусство. Вечеромъ насъ занималъ пѣснями киргизскій бардъ, аккомпанировавшій себѣ на двухструнной турецкой гитарѣ. Это напомнило мнѣ пѣсни Давида и пророковъ. Придя въ неистовый восторгъ, бардъ скорѣе выкрикивалъ, нежели пѣлъ, и только послѣднія слова выходили у него нараспѣвъ. Подъ конецъ праздника появились дѣвушки и подростки, которыя сидѣли

---

[1]) Письмо къ сестрѣ, графинѣ Луизѣ Кейзерлингъ, изъ Царицина, отъ отъ 15-го августа 1841 г.

въ палаткѣ за рѣшеткой, между тѣмъ какъ мужчины окружили палатку и обращались къ нимъ съ импровизированными стихами. Дѣвушки отвѣчали имъ пѣснями, протягивали нѣкоторымъ руку. Мнѣ была оказана особая честь: я былъ допущенъ въ ихъ палатку, и каждая изъ дѣвушекъ приподняла вуаль, чтобы я могъ видѣть ея лицо.

«Ханъ оказалъ мнѣ самый любезный пріемъ, а когда я уѣзжалъ, то онъ хотѣлъ подарить мнѣ верблюда и двухъ лошадей, отъ чего, само собою разумѣется, я долженъ былъ отказаться. Тогда онъ подарилъ мнѣ затканную золотомъ шапку и шубу».

Два года спустя, въ 1843 г., Кейзерлингъ совершилъ, по порученію правительства, изслѣдованіе Печерскаго края, результатомъ котораго была капитальная работа «Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschoraland» [1]), за которую онъ былъ избранъ въ почетные члены и члены-корреспонденты многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ.

Вскорѣ послѣ этого вторичнаго путешествія на сѣверъ, именно въ январѣ 1844 г., Кейзерлингъ женился на старшей дочери министра финансовъ, Зинаидѣ Егоровнѣ Канкриной, и, оставивъ службу, удалился въ свое имѣніе Райкюль, въ Эстляндіи, гдѣ занялся хозяйствомъ и общественной дѣятельностью. Онъ долгое время исполнялъ обязанности предводителя эстляндскаго дворянства и представителя мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества.

Способности къ административной дѣятельности, которыя онъ проявилъ въ исполненіи этихъ обязанностей, обратили на него вниманіе правительства, и въ періодъ реформъ онъ выступилъ на болѣе широкое поприще дѣятельности, принявъ, по предложенію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Головнина, постъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, который онъ занималъ въ теченіе семи лѣтъ, съ 1862 до 1869 года.

II.

Новый родъ дѣятельности, приведшій Кейзерлинга въ соприкосновеніе съ ученымъ міромъ, доставилъ ему большое нравственное удовлетвореніе, тѣмъ болѣе, что онъ встрѣчалъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ поддержку со стороны министра, который «предоставилъ ему въ управленіи округомъ полную самостоятельность» [2]).

Одною изъ первыхъ заботъ новаго попечителя было освѣжить профессорскій и учительскій персоналъ округа и привлечь въ Дерптъ вы-

---

[1]) Научныя наблюденія, сдѣланныя во время поѣздки на Печеру.

[2]) Письмо Кейзерлинга къ К. Бэру отъ 19-го іюня 1863 года.

дающихся ученыхъ, среди которыхъ видное мѣсто занялъ Шлейденъ. Но замкнутая корпорація дерптскихъ профессоровъ встрѣтила назначеніе этого ученаго несочувственно.

«Здѣсь боятся,—писалъ Кейзерлингъ Бэру [1]),—какъ бы онъ (Шлейденъ) не былъ щукою, которая возмутитъ покой здѣшнихъ карасей, т. е. его пріѣздъ вызоветъ среди достопочтенныхъ карасей большое раздумье, и они бы покачивали многозначительно головою, если бы шея у нихъ была не такъ толста. Но мнѣ остается только радоваться, что карасямъ, ввѣреннымъ моему попеченію, придется выйти изъ ихъ обычной дремоты. Въ Ревелѣ столяръ, который дѣлаетъ стулья, не имѣетъ права дѣлать столовъ, а тотъ, кто дѣлаетъ столы, не можетъ дѣлать стульевъ,—а такъ какъ Шлейденъ помимо работъ по ботаникѣ писалъ и объ Шеллингѣ и лунѣ, то это вызываетъ здѣсь большое сомнѣніе относительно того, будетъ ли онъ тутъ пригоденъ. Профессорамъ приходится мириться съ неизбѣжнымъ, но они надѣются по крайней мѣрѣ устранить его отъ участія во всѣхъ совѣщаніяхъ и засѣданіяхъ».

Непріязненное отношеніе, какое встрѣтилъ въ Дерптѣ Шлейденъ, выразилось вскорѣ во всевозможныхъ интригахъ, и Кейзерлингъ уже въ началѣ учебнаго года писалъ, что «о лекціяхъ Шлейдена распространяютъ чрезвычайно много ложнаго [2]). «Дѣлается-ли это по непониманію или отъ недоброжелательства, рѣшить не берусь, говоритъ онъ, но весьма вѣроятно, что это вызвано и тою и другою причиною. Пока его чтенія не выходятъ изъ области самыхъ отвлеченныхъ теорій. Онъ только въ первой лекціи высказалъ свой взглядъ на роль естествоиспытателя. Вопроса о происхожденіи человѣка онъ не касался вовсе, тѣмъ не менѣе въ корреспонденціи изъ Дерпта, появившейся въ одной Аугсбургской газетѣ («Allgemeine Zeitung»), говорилось, что «приглашеніе Шлейдена было преступленіемъ въ глазахъ православныхъ» и «пасторы метали противъ него громы». Далѣе въ этой весьма нескладно написанной статьѣ говорилось, что «противъ Шлейдена старались возбудить крестьянъ, распространяя слухъ, что онъ пріѣхалъ ниспровергнуть религію». Но публика была на сторонѣ Шлейдена, также точно, какъ и правительство, которое произвело его черезъ нѣсколько чиновъ прямо въ тайные совѣтники» [3]).

Кейзерлингъ привлекъ въ Дерптъ изъ Петербурга также знаменитаго естествоиспытателя академика Бэра, который часто бывалъ у него въ домѣ и своимъ пытливымъ умомъ оживлялъ бесѣду и дер-

---

[1]) Къ нему же 10-го апрѣля 1863 г.

[2]) Письмо къ К. Бэру отъ 19-го ноября 1863 г.

[3]) Изъ письма Кейзерлинга къ дочери отъ 15-го августа 1864 г.

жалъ себя такъ просто, что присутствіе столь знаменитаго человѣка никого не стѣсняло.

Онъ былъ въ то время уже очень старъ и такъ какъ всѣ его дѣти были давно уже женаты или замужемъ, то онъ жилъ со своей незамужней сестрою, въ маленькомъ домикѣ за городомъ, возлѣ собора; такъ называлось мѣсто, гдѣ разбитъ паркъ вокругъ развалинъ бывшаго епископскаго собора. Тамъ находилась обсерваторія, университетская клиника и множество дачъ. Бэръ скончался въ Дерптѣ, и памятникъ, воздвигнутый ему послѣ его смерти, стоитъ нынѣ въ тѣнистой аллеѣ этого парка.

Въ Дерптѣ семейство Кейзерлинга встрѣтило стараго друга ихъ дома, доктора Георга Зейдлица, который удалился туда на покой и пріобрѣлъ себѣ въ окрестностяхъ Дерпта имѣніе. Это былъ старый знакомый Канкриныхъ, его связывали съ Кейзерлингами узы самой искренней дружбы.

«Его голова, обрамленная серебристыми волосами, была поразительно красива; черты его лица были рѣзкія, а изъ-подъ густыхъ бровей свѣтились полные огня голубые глаза; онъ былъ большой оригиналъ. Такъ, напр., онъ до того не любилъ все искусственное, что не терпѣлъ въ своемъ саду куртинъ; кусты, деревья и цвѣты росли у него привольно на травѣ. У него былъ свѣтлый, очень саркастическій умъ. Въ молодости его соединяли узы самой нѣжной дружбы съ Жуковскимъ, біографію котораго онъ впослѣдствіи написалъ, изобразивъ поэтичную и безнадежную любовь поэта къ Маріи Мойеръ съ такою нѣжностью, какой никто не могъ ожидать отъ этого насмѣшливаго человѣка. Онъ до конца жизни былъ бодръ и не терялъ любви къ умственному труду».

Среди представителей науки, въ кругу которыхъ Кейзерлингъ вращался въ Дерптѣ, назовемъ профессора Миндинга, астронома Медлера и другихъ. Въ домѣ профессора Медлера, большаго оригинала, который всегда виталъ въ надзвѣздномъ мірѣ, собиралось избранное общество. Онъ имѣлъ обыкновеніе за столомъ и во время разговора чертить рукою круги по столу. Его разсѣянность вошла въ поговорку: онъ не могъ безъ жены найти шляпы, палки, чуть ни самого себя. Она помогала ему даже въ его астрономическихъ вычисленіяхъ. Бывали дни, когда онъ совершенно не могъ оторваться отъ своихъ мыслей и спуститься на землю, тогда онъ не существовалъ для обыкновенныхъ смертныхъ.

Но когда Медлеръ отрѣшался отъ небесъ и спускался на землю, то онъ бывалъ очень любезенъ и остроуменъ, произносилъ юмористическія застольныя рѣчи и могъ поддержать любой разговоръ. Его помощникъ, профессоръ Кнаузенъ, датскій уроженецъ, страдалъ припадками безпричиннаго смѣха; иногда случалось, что онъ разражался ночью гром-

кимъ хохотомъ. Разсказывали, что онъ представлялся однажды датскому королю и, взглянувъ на монарха, разразился такимъ гомерическимъ хохотомъ, что не могъ отвѣтить ни слова на его милостивую рѣчь. Когда же его спросили впослѣдствіи о причинѣ столь неумѣстной веселости, то онъ отвѣчалъ, что онъ всегда представлялъ себѣ монарха въ образѣ карточнаго короля и что онъ былъ такъ пораженъ, увидавъ его безъ скипетра и короны, одѣтаго, какъ всѣ смертные, что не могъ удержаться отъ смѣха».

Вскорѣ, по пріѣздѣ своемъ въ Дерптъ, Кейзерлингъ приступилъ къ выработкѣ новаго университетскаго устава, который былъ высочайше утвержденъ въ 1864 г. и на много лѣтъ обезпечивалъ Дерптскому университету самостоятельное существованіе.

Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года онъ отправился съ готовымъ уставомъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ представить его на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Время было тяжелое, смутное, только-что окончилось возстаніе въ Польшѣ, и государь почти никого не принималъ. Однако Кейзерлингъ былъ приглашенъ во дворецъ къ обѣду.

«Кромѣ ихъ величествъ за столомъ были только наслѣдникъ и великій князь Александръ [1]).

Говорили о Шлейденѣ и смѣялись надъ сообщеніями, появившимися о немъ въ эстляндской газетѣ «Pernausche Postbote» записалъ Кейзерлингъ. Послѣ обѣда было засѣданіе въ Совѣтѣ министровъ, гдѣ обсуждались различные пункты университетскаго устава.

«Главный вопросъ былъ все-таки денежный, говоритъ Кейзерлингъ. Генералъ Чевкинъ хотѣлъ урѣзать насъ на 20.000 р. ежегодно; затѣмъ, онъ соглашался сначала дать намъ только половину этой суммы, а потомъ три четверти. Но такъ какъ онъ отнесся къ университету уже черезчуръ недоброжелательно, то министръ не согласился съ нимъ ни по одному пункту».

Не смотря на то, что дѣятельность Кейзерлинга по управленію имъ учебнымъ округомъ была весьма плодотворна, ему не долго пришлось посвятить свои труды Дерптскому университету и балтійскимъ школамъ. Вызванныя польскимъ возстаніемъ новыя вѣянія, клонившіяся къ поднятію русскаго національнаго самосознанія и къ обрусѣнію нашихъ окраинъ, сдѣлали для Кейзерлинга невозможнымъ дальнѣйшую дѣятельность въ званіи попечителя, такъ какъ онъ не сочувствовалъ многимъ начинаніямъ, выразителемъ которыхъ явились «Московскія Вѣдомости» Каткова и единомысленные съ нимъ люди.

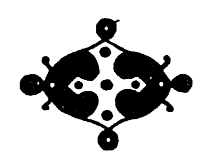
Между прочимъ онъ энергично возсталъ противъ требованія, чтобы

---

[1]) Впослѣдствіи императоръ Александръ III.

преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ велось въ Дерптскомъ округѣ на русскомъ языкѣ, и противъ многихъ другихъ нововведеній въ учебномъ дѣлѣ. Уже въ 1864 г. Ю. Самаринъ, состоявшій при Прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ Е. А. Головинѣ, въ извѣстныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ разъясненію положенія дѣлъ въ прибалтійскомъ краѣ, указывая на необходимость освободить его отъ преобладающаго нѣмецкаго вліянія, высказалъ мысль о замѣнѣ Кейзерлинга другимъ лицомъ, и онъ самъ чувствовалъ, что удаленіе его изъ Дерпта составляло только вопросъ времени.

Когда, 15-го августа 1869 г., было получено предписаніе эстляндскаго губернатора о томъ, чтобы учителя-лютеране являлись въ царскіе дни на молебствіе въ православную церковь, при чемъ губернаторъ ссылался на приказъ генералъ-губернатора Суворова, послѣдовавшій въ 1853 г., но до тѣхъ поръ не исполнявшійся, то Кейзерлингъ немедленно подалъ въ отставку и 23-го октября былъ уволенъ отъ должности попечителя. Навсегда оставивъ государственную службу, онъ поселился въ деревнѣ, гдѣ прожилъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1891 г., посвятивъ себя занятіямъ наукою, воспитанію дѣтей и службѣ по выборамъ мѣстнаго дворянства.

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

I. Письма князя А. И. Одоевскаго [2]).

1.

2-го октября 1821 г.

Мы не въ Витебскѣ, но—въ Велижѣ! [3]) въ Велижѣ, гдѣ кромѣ жидовъ, жидовъ и жидовъ еще никого не видалъ я изъ числа обывателей сего многолюднаго и прелестнаго города, построеннаго на берегахъ Западной Двины и Велижа, на пространствѣ нѣскольких десятковъ саженъ. Не пугайся, Волдемаръ! я почти въ темницѣ, и въ темницѣ, загаженной всею возможною жидовскою неопрятностью; но я веселъ— столько, сколько могу быть веселымъ безъ тебя, безъ Волдемара Львова [4]), безъ Тенегина въ ожиданіи роковой минуты, когда должно будетъ

---

[1]) Помѣщаемыя здѣсь письма разныхъ лицъ къ князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) Поэтъ и декабристъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій (р.1802 † 1839) былъ на годъ старше своего двоюроднаго брата князя В. Ѳ. Одоевскаго. (Въ письмѣ отъ 22-го марта 1822 года князь А. И. Одоевскій писалъ князю В. Ѳ. Одоевскому, между прочимъ, слѣдующее: „Въ мои лѣта—т. е. будучи годомъ старѣе осмнадцатилѣтняго вѣтреннаго Володи — обдумываешь все, что ни дѣлаешь).

[3]) Князь А. И. Одоевскій былъ въ то время юнкеромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Конный полкъ вмѣстѣ съ другими полками гвардіи выступилъ на маневры въ Велижъ еще въ сентябрѣ 1821 года и вернулся изъ „велижскаго похода" въ Петербургъ лишь въ концѣ мая 1822 года (см. Анненковъ, Исторія л.-гв. Коннаго полка, ч. I, Спб. 1849, стр. 262—264).

[4]) Вѣроятно, князь Владиміръ Владиміровичъ († 1856), литераторъ, перу котораго принадлежитъ нѣсколько повѣстей и сказокъ; его отецъ, князь Владиміръ Семеновичъ Львовъ, былъ крестнымъ отцомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

разлучиться даже и съ первымъ моимъ другомъ послѣ дражайшей, безцѣнной маменьки [1]), втораго моего Бога.

Я веселъ по совсѣмъ другой причинѣ, нежели мой Жанъ-Жакъ [2]) бывалъ веселымъ. Онъ радовался—свободѣ, а я—неволѣ. Я надѣлъ бы на себя не только холстъ, кирассу, но даже—вериги, для того только, чтобъ посмотрѣть въ зеркало, какую я дѣлаю рожу: ибо—le génie aime les entraves [3]). Я не почитаю себя геніемъ, въ этомъ ты увѣренъ, но признаюсь, что духъ мой имѣетъ что-то общее avec le génie [4]). Я люблю побѣждать себя, люблю покоряться, ибо знаю, что испытанія ожидаютъ меня въ жизни сей, испытанія, которыя, вѣрно, будутъ требовать еще бо̀льшаго напряженія моего духа, нежели все, что ни случилось со мною до сихъ поръ.—Ахъ!—я забылъ въ эту минуту, что я лишился маменьки и что я еще наслаждаюсь жизнію. Конечно, ужъ это одно испытаніе доказываетъ нѣкоторую твердость, или разслабленіе моего воображенія, которое не въ силахъ представить мнѣ всего моего злосчастія.—Я слабъ, слабѣе, нежели самый слабый младенецъ, и потому кажусь твердымъ. Я перенесъ все—отъ слабости! Я не знаю, что я пишу—всѣ мои чувства въ волненіи, а мысли въ разстройствѣ. Прощай. Алекс(андръ) Одоевской.

2.

Велижъ, 15-го октября 1821 г.

Можетъ быть, прочелъ ты до конца послѣдній мой вздоръ и можетъ быть подумалъ, что я не въ полномъ умѣ; все зависитъ отъ минуты, когда ты распечатывалъ письмо: стоило только быть хладнокровнымъ, чтобы почесть меня сумасшедшимъ. И такъ, едва-ли уже не сбираешься ты описать въ элегіи несчастіе молодаго человѣка, который по крайней мѣрѣ чѣмъ-нибудь похожъ на Торквато [5]).

Называй меня полуумнымъ, сумасшедшимъ: я не буду оправдываться; не буду отдавать тебѣ отчета ни въ чувствованіяхъ, ни въ мысляхъ, ибо только хладнокровный человѣкъ можетъ слѣдовать за связью мыслей своихъ. Я упустилъ изъ рукъ нить Аріадны и бродилъ въ лавиринтѣ: это худо, весьма худо, признаюсь въ томъ откровенно; но умъ можетъ-ли быть въ вѣчномъ согласіи съ сердцемъ?

---

[1]) Отецъ князя А. И. Одоевскаго, генералъ-маіоръ князь Иванъ Сергѣевичъ († 1839), былъ женатъ первымъ бракомъ на княжнѣ Прасковьѣ Александровнѣ Одоевской.

[2]) Руссо.

[3]) Геній любитъ препоны.

[4]) Съ геніемъ.

[5]) Торквато Тассо.

И если ты за то сочелъ безумнымъ брата,
Что сердце ссорится съ умомъ,
То вѣрно бы пришлось и самаго Сократа—
Врасплохъ—отправить въ желтый домъ.

Разсудокъ, который привыкъ все класть на вѣсы свои, не можетъ взвѣшивать чувствованій: итакъ, разстройство мое должно быть для тебя непонятнымъ, если ты читалъ письмо съ хладнокровіемъ стоика, но ты не стоикъ, и это спасаетъ меня.

Причиною разстройства моего духа были грусть и скука, хотя нигдѣ нельзя пріятнѣе провести время, какъ въ обществѣ новыхъ моихъ товарищей: но минувшее и будущее сильнѣе дѣйствуетъ мгновенія настоящаго, слишкомъ быстраго для наслажденія души.

Я упомянулъ о новыхъ моихъ сотоварищахъ; ты, вѣрно, хочешь познакомиться съ ними; вотъ они: графъ Комаровской [1]), давнишній мой другъ, любезный молодой человѣкъ, весьма, весьма ученый, съ утонченнымъ, даже строгимъ вкусомъ; Ринкевичъ [2]), столь же сладострастный, какъ и ты, и столь же любви достойный: образованный и одаренный изящною чувствительностью; князь Долгорукой [3]), Донауровъ [4]), Лужинъ [5]), хорошо учились и весьма обходительные молодые люди. Съ ними бесѣдую, съ ними раздѣляю часто веселый досугъ;

Иль сбросивъ бремя свѣтскихъ узъ,
Въ крылатые часы отдохновенья,
Съ безпечностью любимца музъ,
Питаю огнь воображенья
Мечтами лестными, цвѣтами заблужденья.
Мечтаю иногда, что я поэтъ,
И лавра требую за плодъ забавы,
И дерзостнымъ орломъ лечу, куда зоветъ
Упрямая богиня славы:
Безъ заблужденья—счастья нѣтъ.
За мотылькомъ бѣжитъ дитя во слѣдъ,
А я душой парю за призракомъ волшебнымъ,
Но вдругъ существенность жезломъ враж(д)ебнымъ
Разрушила мечты—и я ужъ не поэтъ!

---

[1]) Графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій, въ 1832 г. вышедшій въ отставку ротмистромъ.

[2]) Александръ Ефимовичъ Ренкевичъ, впослѣдствіи прикосновенный къ дѣлу декабристовъ и въ 1826 году переведенный изъ корнетовъ л.-гв. Коннаго полка въ Бакинскій гарнизонный батальонъ прапорщикомъ.

[3]) Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ († 1868), бывшій впослѣдствіи шефомъ жандармовъ и военнымъ министромъ.

[4]) Александръ Михайловичъ Донауровъ († 1823, на девятнадцатомъ году отъ роду).

[5]) Иванъ Дмитріевичъ Лужинъ († 1868), впослѣдствіи московскій оберъполиціймейстеръ и почетный опекунъ.

Я не поэтъ!—и тщетныя желанья
Духъ юный отягчили мой!
Надежда робкая и грустны вспоминанья
Гостьми нежданными явились предо мной [1]).

Я вспомнилъ о могилѣ, которая сокрываетъ въ себѣ мое счастіе [2]), о тебѣ, о разлукѣ съ дражайшимъ папенькой—и я не могу ужъ болѣе писать. Прощай.

Твой другъ и братъ Александръ Одоевской.

3.

С.-Петербургъ, 23-го января 1823 г.

Мой милой другъ и братъ Володя.

Ты очень лѣнивъ, даже непростительно лѣнивъ. Тебѣ, вѣрно, пріятно такъ долго играть со мною въ молчанку, но это только тебѣ одному пріятно! Хоть бы подумалъ о ближнемъ своемъ. О, себялюбіе и проч.! Вотъ благопріятный случай написать длинную диссертацію объ этомъ общемъ свойствѣ людей XIX-го вѣка; но я не учился у Давыдова [3]) и больше чувствую, нежели говорю. А ты не говоришь, и можетъ быть... Не сердись, Володя, за точки—ей, ей, вырвалось!

Ахъ! другъ мой, мой милой Володя! Зачѣмъ ты не пишешь ко мнѣ? Ты цѣлый день сидишь у своего столика, чернильница предъ тобою, и ты никогда не выпускаешь пера изъ рукъ. То философствуешь для журналовъ, то для дѣвицъ! Что бы стоило тебѣ промарать двѣ строки и надписать: къ брату Одоевскому. Не ты-ли самъ бранилъ меня за мое молчаніе, хотя оно было невольное? Я пишу къ тебѣ, когда только могу. Рѣдко, рѣдко бываетъ перо въ рукахъ у меня: тяжелый палашъ замѣняетъ его, и съ тѣхъ поръ, какъ я въ Петербургѣ, едва ли обидѣлъ я одно гусиное крыло—и то ради папеньки и ради тебя, мерзавецъ!

Ахъ, Володя, Володя! не забывай меня: по чести, мало людей на свѣтѣ, которые бы столь же чистосердечно тебя любили!

Но пора кончить мою элегію въ прозѣ! Кто поручится, что ты уже

---

[1]) Эти отрывки являются самыми ранними изъ извѣстныхъ доселѣ стихотвореній князя А. И. Одоевскаго. Первое стихотвореніе („Полночь"), помѣщенное въ печатныхъ изданіяхъ его сочиненій, относится къ 1826 году.

[2]) Т. е. мать князя А. И. Одоевскаго.

[3]) Профессоръ Московскаго университета Иванъ Ивановичъ Давыдовъ (р. 1794 † 1863) былъ въ то время также инспекторомъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона (въ которомъ получилъ воспитаніе князь В. Ѳ. Одоевскій) и профессоромъ въ немъ логики и исторіи философіи.

не разсердился на меня? Можетъ быть, ты перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Все измѣняется! Но дай Богъ, чтобъ долго не измѣнилось сердце моего Вольдемара. Пора кончить,—а все то же говорю! Для перемѣны вотъ новости—врядъ-ли для тебя не старыя. У насъ въ Петербургѣ было торжественное собраніе въ Россійской Академіи [1]). Карамзинъ читалъ отрывки изъ 10-го тома своей Исторіи и мастерски описалъ характеръ Годунова—его происки, его властолюбіе: изображеніе, можетъ быть, краснорѣчивѣйшее во всей нашей словесности. Потомъ Гнѣдичъ прокричалъ экзаметры Жуковскаго [2]) и свинцовые александрійскіе стихи Воейкова [3]); Шаховской [4]) пропѣлъ двѣ сцены изъ своей комедіи—Аристофанъ [5]), а мой наставникъ, секретарь Академіи, Соколовъ [6]) прочелъ переводъ изъ Ливія, который мнѣ понравился,—можетъ быть, потому, что онъ мой учитель: нельзя всегда быть безпристрастнымъ—особливо, когда имѣешь сердце. Я могу это сказать, когда я о тебѣ думаю, Володя. Засвидѣтельствуй мое почтеніе любезной нашей кузинѣ княжнѣ Щербатовой [7]): ты часто бываешь съ нею.

Твой другъ и братъ Александръ Одоевской.

4.

С.-Петербургъ, 2-го марта 1823

Мой милой Володя.

Ты философъ хоть куда! Я читалъ, перечитывалъ твое письмо; и понялъ, сколько можно понять едва просвѣщенному корнету лейбъ-гвардіи Коннаго полка [8])—глубокомысленныя умозрѣнія непонятнаго Шеллинга [9]), одѣтыя во вкусѣ Давыдова [10]) любимѣйшимъ изъ

---

[1]) Торжественное собраніе Россійской Академіи происходило 14-го января 1823 года. (Свѣдѣнія о томъ, что читалось въ этомъ собраніи, помѣщены въ примѣчаніяхъ къ „Письмамъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву", изд. Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ, Спб. 1866, стр. 0155—0156).

[2]) Отрывки изъ второй пѣсни Вергиліевой Энеиды.

[3]) Отрывокъ изъ поэмы „Искусства и науки" (эпизодъ о Ломоносовѣ).

[4]) Извѣстный драматургъ князь Александръ Александровичъ Шаховской.

[5]) Комедія эта была впослѣдствіи напечатана въ Москвѣ, въ 1828 году.

[6]) Непремѣнный секретарь Россійской Академіи Петръ Ивановичъ Соколовъ († 1835) читалъ изъ Тита Ливія разсказъ о взятіи Рима галлами.

[7]) Родная тетка князей Владимира Ѳедоровича и Александра Ивановича Одоевскихъ, княжна Прасковья Сергѣевна Одоевская была замужемъ за княземъ Александромъ Александровичемъ Щербатовымъ и имѣла отъ этого брака четырехъ дочерей.

[8]) Въ корнеты Коннаго полка князь А. И. Одоевскій былъ произведенъ 23-го февраля 1823 года.

[9]) Князь В. Ѳ. Одоевскій увлекался Шеллинговою философіею.

[10]) Ивана Ивановича (см. выше, стр. 374, прим. 3-е).

его учениковъ-мечтателей. Я читалъ, читалъ—и напряженный умъ мой не видѣлъ ни зги въ дедалѣ [1]) Шеллинговой философіи; но не менѣе того, мнѣ пріятно было, ничего не понимая, смотрѣть на буквы, начертанныя перомъ твоимъ! Такъ, милой другъ! разсудокъ мой, изъ почтенія къ Шеллингу, молчалъ, но за то сердце говорило. Я былъ доволенъ уже тѣмъ, что письмо отъ тебя, и не любопытствовалъ нимало о истинномъ содержаніи онаго. Вотъ какъ я люблю тебя, Володя мой!

Впрочемъ, (изъ того, что я понялъ) я замѣтилъ, что ты не только философъ на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, ибо первое правило человѣческой премудрости быть счастливымъ, довольствуясь малымъ. Ну, не мудрецъ-ли ты, когда ты довольствуешься одними словами, а что касается до смысла, то, по добротѣ своего сердца, просишь у Шеллинга—едва, едва только малую толику? Ты, право, философъ на самомъ дѣлѣ! Желаю тебѣ дальнѣйшихъ успѣховъ въ практическомъ любомудріи. Мой жребій теперь, мое дѣло быть весьма довольнымъ новымъ состояніемъ своимъ и обстоятельствами. И я философъ!—я смотрю на свои эполеты, и вся охота къ опроверженію твоихъ сужденій исчезла у меня. Мнѣ, право, не до того. Вѣрю всему, что ты пишешь; вѣрю честному твоему слову, а самъ беру шляпу съ бѣлымъ султаномъ и спѣшу—на Невской проспектъ. Твой вѣрной другъ Александръ Одоевской.

5.

С.-Петербургъ, 23-го декабря 1823.

Если бъ я не получилъ твоего письма, я все молчалъ бы, да и молчалъ—не отъ лѣни, но отъ худой памяти; забылъ, гдѣ ты живешь. Теперь, мой милой Володя, ты можешь представить себѣ удовольствіе Александра, когда онъ распечатывалъ письмо своего друга. Наконецъ есть способъ начать нашу переписку; она нужна моему сердцу. Ты знаешь, что я не Стерновой секты [2]); вѣрь моимъ словамъ: я говорю, что чувствую.

Но къ чему сказалъ я это? Володя и Александръ слишкомъ знаютъ другъ друга. Я болтливъ—по крайней мѣрѣ не отъ старости;—но вотъ доказательство, какъ я страшусь общаго порока сентиментальности! Оправдываюсь въ томъ, въ чемъ, вѣрно, ты никогда не подозрѣвалъ меня.

---

[1]) Т. е. въ лабиринтѣ.

[2]) Т. е. не сентименталенъ. Лаврентій Стернъ (р. 1713 † 1768), англійскій писатель, одинъ изъ родоначальниковъ сентиментализма въ литературѣ.

Мой другъ! я теперь оплакиваю смерть любезнаго своего собрата и пріятеля, Донаурова [1]); онъ умеръ на 19-мъ году и не сдержалъ обѣщаній, которыя за него давали—умъ его и сердце. Ахъ! думалъ-ли я, когда я проводилъ время съ нимъ въ Велижѣ—думалъ-ли я, что придется намъ разстаться съ товарищемъ, достойнымъ общей нашей пріязни? Грустно имѣть друзей!—невольно навернулась слеза, когда я увидѣлъ своего любезнаго собрата,—надежду, любовь всего семейства своего—въ гробу, безъ чувства, безъ этой искры, которая столь драгоцѣнна была его друзьямъ, его матери [2]). Радость—мгновенна; но горесть возбуждаетъ одно воспоминаніе за другимъ: я невольно вспомнилъ все, что я потерялъ въ этой жизни—я вспомнилъ ту, которая была для меня матерью, наставникомъ, другомъ, божествомъ моимъ. Я лишился ея, когда сердце уже могло вполнѣ чувствовать ея потерю;—вотъ, что судьба опредѣлила мнѣ въ самыя радостныя минуты зари нашей жизни [3]). Я помню, когда я увидѣлъ,—но, нѣтъ! досказать-ли?—я увидѣлъ, какъ опускали гробъ ея въ землю—ахъ! холодъ разлился по жиламъ. Мой другъ! Это такое чувство, съ которымъ ничего не можешь сравнить. Боже мой!—разлучиться навѣки—и съ кѣмъ?—Будь меня счастливѣй! Твой вѣрный Александръ Одоевской.

6.

3-го іюня (1825).

Милый Володя. Виль... [4]) твой въ чрезвычайномъ былъ безпокойствѣ. Онъ получилъ твое письмо, гдѣ ты называешь Бул.... [5]) твоимъ церемоніймейстеромъ—разсердился, пришелъ въ отчаяніе—хотѣлъ непремѣнно предложить Ѳаддеусу—нѣчто; онъ такъ былъ взбѣшенъ предательствомъ, что наговорилъ онъ ему съ три пропасти... Видишь, въ чемъ дѣло: онъ отдалъ твою «Мнемозину» [6]) Гречу [7]), а тотъ показалъ

---

[1]) См. выше, стр. 373, прим. 4-е.

[2]) Отецъ А. М. Донаурова, сенаторъ Михаилъ Ивановичъ Донауровъ († 1817) былъ женатъ на Марьѣ Ѳедотовнѣ Веригиной (р. 1774 † 1848).

[3]) Памяти своей горячо любимой матери князь А. И. Одоевскій посвятилъ стихотвореніе „Къ отлетѣвшей", написанное въ 1828 году (см. Сочиненія князя А. И. Одоевскаго, съ примѣчаніями, составленными М. Н. Мазаевымъ, Спб. 1893, стр. 5—6).

[4]) Т. е. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

[5]) Т. е. Булгарина, Ѳаддея Венедиктовича.

[6]) Альманахъ, издававшійся въ 1824 и 1825 г.г. княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и В. К. Кюхельбекеромъ.

[7]) Въ 1825 году часть лѣта (до конца августа) Кюхельбекеръ жилъ даже на одной дачѣ съ Н. И. Гречемъ (см. „Русскую Старину" 1875 г., т. XIII, стр. 346).

Булгарину. Впрочемъ, тотъ божится, что словъ твоихъ не списывалъ. Наконецъ буря утихла. Я увѣрилъ Вильг... твоего, что ты перенесешь это мелочное неудовольствіе и будешь доволенъ тѣмъ, что за тебя сдѣлалъ твой Виль... Больше ничего нельзя сдѣлать: онъ такъ за тебя вступился, что чудо. Прощай.

II. Письма В. К. Кюхельбекера [1]).

Закупъ [2]), марта 23-го (1825).

Получилъ я твое письмо отъ 16. Единственное, ибо никакихъ другихъ не получалъ.—Твоя статья [3]) уже напечатана: итакъ я долженъ быть ею доволенъ; дѣлать нечего: но Пушкинъ очень правъ, что назвалъ задорнымъ цехъ,

О которомъ не сужу,
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу [4]).

Ты все сдѣлалъ, что я отъ тебя ожидалъ: и въ заключеніе ты порядкомъ себя похвалилъ, а другихъ пожурилъ, ты былъ бы не Одоевскій, если бы того не сдѣлалъ!

Сдѣлай милость послѣднюю, о которой тебя прошу: вышли исправно экземпляры, какъ не высланные еще по сю пору третьей, такъ и четвертой части [5]).—Касательно третьей я уже къ тебѣ писалъ: но на всякій случай повторю, кто еще не получилъ ее: во 1-хъ, въ село Бѣльково Духовскаго уѣзда Смоленской губерніи Софья Васильевна Гринева; во 2-хъ, городничій города Рославля, полковникъ Сергѣй Семеновичъ Веселовской; въ 3-хъ, Владиміръ Андреевичъ Глинка въ Константиноградѣ, въ Полтавской губерніи.

Не знаю, откуда вы взяли съ Эристовымъ [6]), что буду въ Москву: я, признаюсь, не намѣренъ! На Ѳоминой недѣлѣ я ѣду въ С.-Петер-

---

[1]) Въ Приложеніяхъ къ „Отчету Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ", стр. 69—73, было напечатано письмо Кюхельбекера къ князю В. Ѳ. Одоевскому, относящееся къ позднѣйшему времени (1845 г.).

[2]) Имѣніе сестры Кюхельбекера, Юстины Карловны Глинки, въ Духовщинскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи.

[3]) „Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ самихъ Издателей",—статья, которою заключилась IV-я и послѣдняя часть „Мнемозины" (Москва. 1825, стр. 230—236), альманаха, издававшагося въ 1824—25 гг. княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ.

[4]) Ср. „Евгеній Онѣгинъ", глава первая, строфа XLIII.

[5]) „Мнемозины".

[6]) Вѣроятно, съ княземъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Эристовымъ (р. 1797

бургъ. Если бы ты, душа, могъ мнѣ выслать остальныя мои деньги туда въ канцелярію Гвардейскаго экипажа на имя моего брата [1]), ты бы меня очень обязалъ: мнѣ деньги тамъ очень нужны.—Буде не можешь всѣхъ выслать, постарайся, какъ-нибудь, переслать мнѣ хотя сотни двѣ.

Я здѣсь занялся опять греческимъ языкомъ и брежу Эсхиломъ; принялся переводить его Агамемнона размѣромъ подлинника—сенаріями; хотѣлъ, было, доставить тебѣ въ «Телеграфъ» [2]) отрывочекъ, да сердитъ: я по сю пору не получилъ еще ни одного номера;—исправность примѣрная!—Кромѣ того написалъ я двѣ главы романа, актъ трагедіи [3]), да статью большую для Селивановскаго [4]); я дѣятеленъ, здоровъ и веселъ!—Прости! да хранятъ тебя свѣтлые боги вдохновенья, которыхъ мой Эсхилъ называетъ:

Λαμπροῦς δυνάστη;, ἐμπρεπόντας αἴθερι [5]).

Любезному, почтенному Степану Никитичу [6]) и всему семейству его мой усердный поклонъ. Вильгельмъ.

Эристова извѣщаетъ Кюхельбекеръ, что онъ надѣется его обнять если и не въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ въ Камчаткѣ или въ Японіи: ибо мы оба вездѣ успѣемъ побывать.

---

† 1858), лицейскимъ товарищемъ Кюхельбекера, писателемъ, впослѣдствіи сенаторомъ.

[1]) Михаила Карловича († 1857), капитанъ-лейтенанта Гвардейскаго экипажа, тоже декабриста.

[2]) Въ „Московскій Телеграфъ", издававшійся въ Москвѣ съ 1825 г. Н. А. Полевымъ; князь Одоевскій принималъ участіе въ этомъ журналѣ.

[3]) Аргивяне, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ съ хорами. Изъ нея были напечатаны только отрывки: прологъ съ хорами въ „Мнемозинѣ" 1824 г., ч. II, стр. 1—28 и два хора въ „Трудахъ Вольнаго Общества любителей россійской словесности", ч. XXX, стр. 301—302, и ч. XXXI, стр. 101—105. Полный списокъ этой трагедіи Кюхельбекера сохранился въ бумагахъ В. А. Жуковскаго (см. „Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1884 годъ", стр. 46—47).

[4]) Вѣроятно, какую-либо статью для печатавшагося тогда московскимъ книгопродавцемъ и типографомъ Семеномъ Алексѣевичемъ Селивановскимъ († 1835) энциклопедическаго словаря; какъ извѣстно, словарь этотъ не былъ выпущенъ въ свѣтъ (объ этомъ словарѣ см. статью И. Остроглазова въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 г., книга третья, стр. 329—348).

[5]) Этотъ стихъ изъ Эсхилова „Агамемнона" (ст. 6) приведенъ Кюхельбекеромъ съ ошибками. Читается онъ такъ:

Λαμπροὺς δυνάστας, 'εμπρέποντας αἰθέρι,

т. е. блестящія силы, свѣтящіяся въ небесной выси.

[6]) Бѣгичеву († 1857), ближайшему другу А. С. Грибоѣдова.

2.

5-го апрѣля (1825).

Любезный, добрый другъ.

Ты на меня сердишься; сдѣлай милость, не сердись! Конь, и о четырехъ копытахъ, спотыкается... О подписчицѣ же нашей, которая подобно Геленѣ зажгла между нами войну, скажу, что она подписалась прошлаго году у самого меня, когда я былъ въ здѣшнихъ мѣстахъ: ее зовутъ не Бѣльковою, но Гриневою, какъ то я тебѣ уже два раза писалъ; живетъ же она въ Бѣльковѣ, здѣсь, въ Духовскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. Имена прочихъ подписчиковъ (и ихъ адреса), не получившихъ 3-ей части, я къ тебѣ прислалъ. Изъ письма Баратынскаго [1]) вижу, что и онъ получилъ только первую часть: перешли прочія на имя купца Слёнина [2]) въ Питеръ, а не къ Гречу. Пушкинъ получилъ-ли всѣ части? Справься, душа! Сдѣлай милость.

О твоихъ непріятностяхъ сердечно, душевно жалѣю: тѣмъ болѣе, что я тебя самъ въ эту пору огорчалъ. За деньги тебѣ очень обязанъ: онѣ пришли какъ нельзя болѣе кстати. Теперь мы à peu près квиты.

Господина Онѣгина [3]) (иначе же нельзя его назвать) читалъ: есть мѣста живыя, блистательныя: но ужели это поэзія? Разговоръ съ книгопродавцемъ [4]) въ моихъ глазахъ не въ примѣръ выше всего остальнаго Матушка [5]) меня за тебя крѣпко журила: и ѐсть за что! Она тебя заочно любитъ и, будучи большая лѣкарка-самоучка, очень жалѣла, что не могла полѣчить тебя.

При семъ препровождаю къ тебѣ прологъ Агамемнона Эсхилова: сотвори съ нимъ, что разсудишь за благо. Если еще участвуешь въ «Телеграфѣ», отпечатай его въ ономъ. Что «Телеграфъ»? Ѣдетъ-ли? А prороs, прошу тебя, буде примите мой прологъ [6]),—быть корректоромъ онаго, ибо—soit dit entre nous [7])—не очень вѣрю филологическимъ знаніямъ господина Полеваго. Если захочешь прибавить къ моимъ замѣчаніямъ нѣкоторыя свои, напр.: объ устроеніи греческой сцены (о чемъ можешь прочесть въ Шлегелевыхъ Dramatische Vorlesungen [8]) или объ

---

[1]) Поэта Евгенія Абрамовича.

[2]) Извѣстный петербургскій книгопродавецъ-издатель Иванъ Васильевичъ Слёнинъ († 1836).

[3]) „Евгеній Онѣгинъ" Пушкина вышелъ въ свѣтъ въ 1825 году.

[4]) Т. е. „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ" Пушкина.

[5]) Юстина Яковлевна Кюхельбекеръ, рожденная Ломенъ (р. 1757†1841).

[6]) Прологъ „Агамемнона" не появлялся въ „Московскомъ Телеграфѣ".

[7]) Будь сказано между нами.

[8]) Сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго ученаго и поэта Августа-Вильгельма Шлегеля (р. 1767 † 1845).

единствѣ времени, какъ греки разумѣли оное, очень буду тебѣ обязанъ. Какой Давыдовъ въ Петербургѣ? Иванъ Ивановичъ [1]) что-ли? Прости, любезный, не поминай насъ лихомъ.—Пиши ко мнѣ въ Питеръ, въ казармы гвардейскаго штаба. Ѣду!—Прости. В. К.

Vorlesungen Герингъ можетъ доставить тебѣ.

Четвертый актъ моей трагедіи [2]) готовъ: берегъ! берегъ!

3.

(С. Закупъ, апрѣль—май 1825).

Любезный другъ! Ты спрашиваешь, что я дѣлаю здѣсь [3]): читаю, ѣмъ, пью, много; очень много сплю, монашествую и передумываю 2 актъ моихъ «Аргивянъ» [4]), здѣсь написанный, но требующій большихъ поправокъ.

Пришли мнѣ Шихматова [5]): 1) Петра Великаго [6]); 2) Освобожденную Россію [7]); 3) Ночь на размышленіе [8]); 4) Двѣ его оды на 1812 годъ и на смерть Кутузова; 5) буде можешь, оду на освященіе Казанскаго собора и 6) забытую мною въ моихъ бумагахъ, сложенныхъ въ коробъ, Эпистолу къ юному другу. Пришли, сдѣлай милость, непремѣнно: одна изъ главныхъ причинъ, побудившихъ меня сдѣлаться журналистомъ—желаніе отдать справедливость этому человѣку [9]); а съ послѣднимъ № «Мнемозины» мое журнальное поприще—надѣюсь на Господа!—навсегда кончено: ибо боюсь посредственности, къ которой прямой трактъ лежитъ черезъ область журнальныхъ мнѣній, преній и рвеній. Вашъ всепокорный Кюхельбекеръ [10]).

---

[1]) См. выше, стр. 374, прим. 3-е.

[2]) См. выше, стр. 379, прим. 3-е.

[3]) Т. е. въ деревнѣ сестры, селѣ Закупъ.

[4]) См. выше, стр. 379, прим. 3-е.

[5]) Сочиненія князя Сергѣя Александровича Ширинскаго-Шихматова (въ монашествѣ Аникиты) (р. 1783 † 1837), ревностнаго послѣдователя А. С. Шишкова.

[6]) Петръ Великій. Лирическая пѣснь (Спб. 1810).

[7]) Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или Спасенная Россія (Спб. 1807).

[8]) Это стихотвореніе вышло въ свѣтъ въ 1814 году.

[9]) Въ „Сынѣ Отечества“ 1825 г. (ч. 102-я, № XV, стр. 257—276, и № XVI, стр. 357—386) Кюхельбекеръ и помѣстилъ свой сочувственный разборъ поэмы князя Ширинскаго-Шихматова „Петръ Великій“.

[10]) Письмо имѣетъ слѣдующій адресъ: „Его сіятельству князю Владиміру Ѳеодоровичу Одоевскому, въ Москвѣ, на Тверской, въ Газетномъ переулкѣ, въ домѣ кн. Петра Ивановича Одоевскаго“.

4.

(С.-Петербургъ, сентябрь—октябрь 1825 г.)

Любезный другъ Владиміръ Ѳеодоровичъ.

Братъ твой [1]) вручитъ тебѣ это письмо: онъ на словахъ пополнитъ тебѣ то, что время не позволяетъ мнѣ тебѣ написать или что напишу не довольно вразумительно, не довольно ясно, не довольно убѣдительно. Я къ князю Александру Ивановичу имѣю полную, безусловную довѣренность; итакъ все, что касается до меня, ты ему выскажи, какъ будто бы ты говорилъ съ самимъ со мною, безъ всякаго посторонняго свидѣтеля.—Во 1-хъ, прошу тебя (безъ всякой ложной деликатности, которая можетъ меня только оскорбить) сказать князю, что я тебѣ долженъ—рубль въ рубль, копейка въ копейку. Если бы ты былъ самъ богатъ, если бы не нуждался, какъ то, я знаю, съ тобою есть, и было и, можетъ быть, еще будетъ, и тогда бы, мой другъ, я не согласился быть твоимъ должникомъ безъ собственнаго моего согласія.—Теперь дѣлать нѣчего: но будь искренъ и вспомни, въ какія мы съ тобою впали хлопоты и непріятности—отъ того, что не далъ ты мнѣ разглядѣть въ настоящемъ видѣ общаго намъ дѣла [2]). Ты знаешь, что я никакой тираніи не терплю: особенно же такой, которая отъ меня требуетъ слѣпоты. Но объ этомъ довольно: пишу къ тебѣ въ послѣдній разъ, если ты не исполнишь моего требованія.—2. Объ тебѣ, мой другъ, объ самомъ: вырвись, ради Бога, изъ этой гнилой, вонючей Москвы, гдѣ ты душою и тѣломъ раскиснешь!—Твое-ли дѣло служить предметомъ удивленія Полевому и подобнымъ филинамъ? Чтò за радость щеголять молодыми, незрѣлыми, неулегшимися еще познаніями передъ совершенными невѣжами? Учись; погляди на бѣлый свѣтъ; узнай людей истинно просвѣщенныхъ, каковъ, напр., тотъ, который подастъ тебѣ это письмо [3]). Посмотри, какая разница!

Я желалъ бы быть волшебникомъ, чтобъ тебя махомъ вырвать изъ кругу, въ которомъ находишься и котораго я хуже для тебя вообразить не могу; вспомни, чего отъ тебя ожидаютъ истинные друзья твои. Извини, братъ, что пишу къ тебѣ, можетъ быть, и жестко: хочу тебя разбудить; ты спишь не въ безопасномъ мѣстѣ: конечно, падать и падать—розы! но понижаться непримѣтно—все-таки падать.—Я думалъ

---

[1]) Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій (см. выше, стр. 371, прим. 3-е). Съ октября 1825 года Кюхельбекеръ жилъ на одной съ нимъ квартирѣ (см. „Русскую Старину“ 1875 г., т. XIII, стр. 347).

[2]) Рѣчь идетъ о денежныхъ расчетахъ по изданію „Мнемозины“.

[3]) Т. е. князь А. И. Одоевскій.

написать къ тебѣ цѣлую диссертацію: у меня накопилось; ты часто былъ для меня предметомъ размышленія горькаго, предметомъ разговоровъ съ твоимъ братомъ. Ввѣрься ему: это человѣкъ, который для тебя все сдѣлаетъ. Онъ и лучше тебѣ доскажетъ то, что не умѣю выразить, какъ бы хотѣлъ: желалъ бы я вмѣстѣ и сильно потрясти тебя, и не огорчить; задача трудная.—Теперь тарабара о разныхъ вещахъ! Ты не отвѣчаешь на письма А. А. Филиппова [1]); это, мой другъ, не хорошо; тѣмъ болѣе, что онъ тебѣ обязанъ.—Ты меня не увѣдомилъ, взялъ-ли ты мою парижскую лекцію [2]) у Елагина [3]): если взялъ, отдай Александру [4]).— Посылается вамъ наша комедь [5]): прошу замолвить объ ней слова два въ «Телеграфѣ», буде можно [6]). Что мой разборъ Іоанны [7])? Возврати мнѣ его; онъ мнѣ нуженъ. Прощай, любезный! Цѣлую, обнимаю тебя: не сердись на меня, да послушай; а если иначе нельзя, разсердись, да

---

[1]) Алексѣй Алексѣевичъ Филипповъ долгое время служилъ потомъ на Кавказѣ; въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ былъ въ Тифлисѣ губернскимъ прокуроромъ, а въ началѣ 1840-хъ годовъ тамъ же товарищемъ предсѣдателя Палаты уголовнаго и гражданскаго суда.

[2]) Въ 1820 и 1821 гг. Кюхельбекеръ путешествовалъ за границею, въ качествѣ секретаря при оберъ-камергерѣ Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ. Во время пребыванія въ Парижѣ въ 1821 году Кюхельбекеръ началъ читать въ „Атенеѣ“ (Athénée Royal) лекціи (по-французски) о славянскихъ литературахъ и славянскомъ языкѣ. Послѣ одной лекціи, въ которой Кюхельбекеръ говорилъ о вліяніи на родное слово вольнаго Новгорода и его вѣча, Кюхельбекеръ получилъ, чрезъ русское посольство, приказаніе прекратить чтеніе лекцій и вернуться въ Россію (см. „Русскую Старину“ 1875 г., т. XIII, стр. 342).

[3]) Вѣроятно, у Алексѣя Андреевича Елагина († 1846), мужа извѣстной Авдотьи Петровны Елагиной (въ первомъ бракѣ Кирѣевской), рожд. Юшковой, вотчима славянофиловъ Ивана и Петра Васильевичей Кирѣевскихъ. А. А. Елагинъ былъ ревностнымъ поклонникомъ Шеллинга (см. Полн. собраніе сочиненій Ивана Васильевича Кирѣевскаго, т. I, М. 1861, Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго, стр. 7).

[4]) Т. е. князю А. И. Одоевскому.

[5]) Шекспировы духи. Драматическая шутка въ двухъ дѣйствіяхъ (Спб. 1825).

[6]) Въ № XXII „Московскаго Телеграфа“ (ноябрь), стр. 197—200, былъ помѣщенъ отзывъ объ этомъ произведеніи Кюхельбекера, отзывъ въ общемъ благосклонный („вся пьеса вообще наполнена какою-то непритворною веселостью: стихи, несмотря на нѣкоторыя негладкости, очень хороши“). А вотъ что писалъ Пушкинъ П. А. Плетневу о томъ же произведеніи: „Кюхельбекера Духи—дрянь. Стиховъ хорошихъ очень мало; вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно“ (см. Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. А. Ефремова, т. VII, Спб. 1903, стр. 238).

[7]) Вѣроятно, разборъ „Орлеанской Дѣвы“ Шиллера въ переводѣ Жуковскаго, появившемся въ 3-мъ изданіи „Стихотвореній“ Жуковскаго, вышедшемъ въ 1824 году.

послушай. Изъ всѣхъ твоихъ знакомыхъ поклонъ одному Титову [1]). Прости! Твой Вильгельмъ.

Живу я въ домѣ Булатовой, въ Почтамской, на углу, противу Исакіевской церкви.

A propos—не купитъ-ли Селиван(ов)скій [2]) десятка два-три моей комедіи?

III. Письма И. И. Дмитріева.

1.

Москва, января 14-го дня 1827 г.

Милостивый государь мой князь Владиміръ Ѳедоровичь.

На-дняхъ я имѣлъ удовольствіе получить при рапортѣ вашего бурмистра села Никольскаго Абросима Шорина ящикъ съ костромскимъ табакомъ. Этотъ знакъ вашей пріязни и памяти обо мнѣ обрадовалъ меня не меньше альманаковъ, которыми я по благосклонности ко мнѣ нѣкоторыхъ издателей забавляю скудный остатокъ вялой жизни.

Примите же отъ меня искреннюю благодарность, а съ нею вмѣстѣ и усердное привѣтствіе съ благополучнымъ достиженіемъ новаго года. Желаю вамъ отъ всего сердца въ продолженіи онаго и впредь возможныхъ благъ, условныхъ и настоящихъ, пуще же всего домашняго постояннаго счастія.

Прошу васъ, наконецъ, засвидѣтельствовать милостивой государынѣ Ольгѣ Степановнѣ [3]) душевное мое почтеніе, съ коимъ навсегда и къ вамъ имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою И. Дмитріевъ.

2.

Москва, 21-го февраля 1827 г.

Какъ я порадованъ былъ вашимъ письмомъ, почтеннѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичь! Удовольствіе мое смущено было только извѣ-

---

[1]) Владиміру Павловичу († 1891), товарищу князя В. Ѳ. Одоевскаго по Московскому университетскому благородному пансіону. Впослѣдствіи В. П. Титовъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ и Штутгардѣ и членомъ Государственнаго Совѣта.

[2]) См. выше, стр. 379, прим. 4-е.

[3]) Князь В. Ѳ. Одоевскій былъ съ 1826 года женатъ на Ольгѣ Степановнѣ Ланской (р. 1797 † 1872).

стіемъ о бывшей растройкѣ вашего здоровья; но, слава Богу, что оно пришло въ прежній порядокъ. Наслаждайтесь, любезный князь, домашнимъ счастьемъ, вашею молодостью; посвящайте всѣ минуты ея любви и дружбѣ, добру и умственнымъ способностямъ, коими надѣлила васъ благодѣтельная природа.

Варвара Ивановна [1]) не съ полною точностью передала вамъ слова мои: я только желалъ, чтобъ вы поддерживали журналъ Полеваго [2]) вашими сочиненіями. Ревнуя искренно по славѣ нашей литтературы, и при томъ уже на порогѣ жизни, я не могу быть никакой партіи. Напротивъ того, всѣмъ нашимъ издателямъ и авторамъ, поэтамъ и прозаикамъ, классикамъ и романтикамъ, желаю отъ всей души наравнѣ: ума, таланта, возможнаго просвѣщенія, вѣрнаго вкуса, патріотизма, и, наконецъ, при доброй совѣсти христіанскаго духа кротости и смиренія.

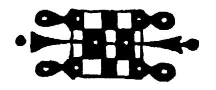
Погодина журналъ [3]) преимуществуетъ предъ «Телеграфомъ» въ правильности и чистотѣ языка, но за то «Телеграфъ» разнообразнѣе, свѣжѣе, занимательнѣе и болѣ похожъ на европейскіе журналы. Впрочемъ я люблю и уважаю обоихъ издателей.

Вотъ моя исповѣдь. Заключаю увѣреньемъ васъ, любезный князь, въ сердечномъ почтеніи и привязанности, съ коими навсегда къ вамъ пребудетъ, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Позвольте, милостивая государыня княгиня Ольга Степановна, принести вашему сіятельству живѣйшую благодарность за обязательное ваше приписаніе. Чувствуя въ полной мѣрѣ всю цѣну этой чести, препоручаю себя въ ваше милостивое ко мнѣ благорасположеніе и покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго почтенія и преданности, которыя навсегда къ вамъ сохранитъ, милостивая государыня, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ланская, рожденная княжна Одоевская († 1844), жена Сергѣя Степановича Ланского (р. 1787 † 1862, впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ и, съ 1861 г., графа), шурина князя В. Ѳ. Одоевскаго.

[2]) „Московскій Телеграфъ“.

[3]) „Московскій Вѣстникъ“, издававшійся М. П. Погодинымъ, подъ покровительствомъ Пушкина, сталъ выходить съ 1827 года.

Высочайшая благодарность объ успѣшномъ окончаніи студентовъ перваго курса въ Петербургской духовной академіи.

I.

Рескриптъ митрополиту Амвросію.

27-го августа 1814 г.

Преосвященный митрополитъ Амвросій. Разсмотрѣвъ докладъ Коммиссіи духовныхъ училищъ объ окончаніи перваго курса ново-образованной Санктпетербургской академіи, остаюсь увѣреннымъ, что сей вертоградъ наукъ дастъ въ свое время плоды обильные, поколику пріялъ сѣмена благія и расцвѣлъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ искусныхъ смотрителей.

Слава и благодареніе Всевышнему, тако благословившему намѣренія мои доставить церкви достойныхъ пастырей! Я имѣю особенное удовольствіе изъявить при семъ случаѣ признательность вашему высокопреосвященству, зная, съ какимъ усердіемъ споспѣшествовали къ утвержденію юношества во благихъ началахъ, и къ достиженію цѣли, предположенной въ новомъ образованіи духовныхъ училищъ. Подвиги ваши всегда равно знаменуютъ отличное служеніе и ревность о благѣ общемъ.

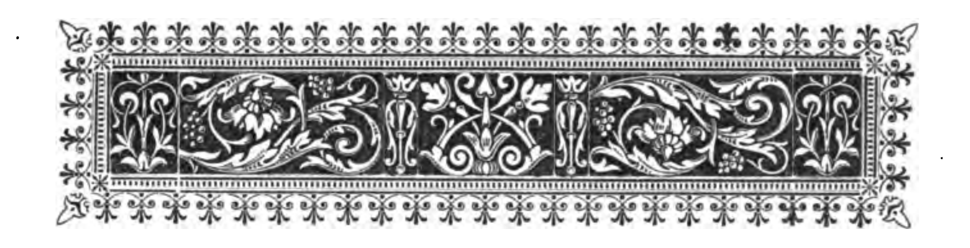
Будьте увѣрены въ моемъ непремѣняемомъ къ вамъ уваженіи. Пребываю навсегда благосклонный.

II.

Рескриптъ архимандриту Филарету (впослѣдствіи митрополиту московскому).

27-го августа 1814 г.

Отецъ архимандритъ Филаретъ, Санктпетербургской духовной академіи ректоръ. Донесеніе объ успѣшномъ окончаніи перваго академическаго курса обратило мое вниманіе на отличные труды ваши и способность къ образованію юношества. Начальство отдаетъ вамъ справедливость, ввѣряя опытности вашей успѣхъ втораго курса. Богъ да подкрѣпитъ силы ваши къ перенесенію трудовъ на новомъ поприщѣ! По благимъ расположеніямъ души вашей, надѣюсь, что питомцы, призванные на служеніе церкви, научатся отъ васъ ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ и просвѣтятся внутренно истиннымъ свѣтомъ Евангельскаго ученія. Пребываю вамъ благосклонный.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

III [1]).

С ъ пріѣздомъ Перепелкина, въ домѣ Александры Андреевны всѣ оживились. Произошло это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ самъ своею личностью произвелъ на всѣхъ такое хорошее впечатлѣніе, что даже постоянно угрюмая и молчаливая, фрейлейнъ Амалія постоянно всѣмъ твердила: «карошъ, карошъ»! Чтеніемъ же его, произведеннымъ въ видѣ перваго опыта, тотчасъ послѣ обѣда въ присутствіи еще не уѣхавшаго Степана Ивановича, не только всѣ были удовлетворены, но оно даже превзошло ожиданія хозяйки, и она шепнула земской власти, что не забудетъ его услуги, потому что, по ея мнѣнію, дебютантъ читаетъ еще лучше, чѣмъ прежній, отказавшійся, семинаристъ.

— Этакъ проще какъ-то, знаете-ли, безъ разсчета на эффектъ,— проговорила она почти вслухъ по окончаніи чтенія.

Во-вторыхъ, начались серьезныя приготовленія къ отъѣзду, которыя всѣхъ заняли. Сборовъ было не мало. Еще задолго раньше, на домашнемъ совѣтѣ рѣшено было ѣхать на своихъ лошадяхъ, въ трехъ экипажахъ. Маршрутъ нѣсколько разъ измѣнялся, въ виду мнимыхъ или дѣйствительныхъ опасностей, о которыхъ сообщалось знакомыми въ видѣ слуховъ, циркулировавшихъ между людьми бывалыми. Степану Ивановичу поручено было провѣрить эти слухи и, соображаясь съ ними, составить подробный маршрутъ кратчайшаго и безопаснѣйшаго пути,

---

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1904 г.

*

съ обстоятельнымъ росписаніемъ остановокъ для удовлетворенія потребностей людей и лошадей. Степанъ Ивановичъ приложилъ все стараніе, чтобъ исполнить это порученіе самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ, въ надеждѣ, разумѣется, на приличный гонораръ, въ чемъ онъ и не ошибся.

Отъѣзжая теперь въ свою резиденцію,—какъ выразился, весело настроенный счастливымъ дебютомъ Перепелкина, Степанъ Ивановичъ,— онъ обѣщалъ привезти лично, дополненный и перебѣленный, въ трехъ экземплярахъ, маршрутъ, рано утромъ 22-го іюня, т. е. въ день, окончательно назначенный для выѣзда изъ Разбѣжнаго. Также весело настроенная случайнымъ пріобрѣтеніемъ въ лицѣ Перепелкина хорошаго чтеца, что̀ составляло, по ея словамъ, существенно важный вопросъ въ тысяче-верстномъ путешествіи на долгихъ,—равно какъ и надежнаго спутника для безопасности въ дорогѣ, хотя при ней было, кромѣ Клодочки, фрейлейнъ Амаліи, три здоровенныхъ кучера, два форрейтора, два лакея, два повара и три горничныхъ,—Александра Андреевна предложила своему новому лектору 200 рублей на экипировку, не въ счетъ жалованья, котораго назначено 30 рублей въ мѣсяцъ на полномъ ея содержаніи. Онъ долженъ былъ съѣздить съ приказчикомъ въ губернскій городъ, заказать тамъ себѣ платье и исполнить много порученій какъ ея, такъ и Клодочки и фрейлейнъ Амаліи. Все это надо было покончить въ три дня и возвратиться непремѣнно, по крайней мѣрѣ, къ вечеру 21-го іюня.

Прибывъ въ городъ, Перепелкинъ разнесъ и развезъ тотчасъ же по магазинамъ заказы дамъ, заказалъ себѣ платья на 90 рублей, послалъ по почтѣ отцу сто рублей и затѣмъ, запершись въ своемъ номерѣ въ гостиницѣ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ пожиралъ статьи Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ запискахъ», которыми онъ запасся изъ библіотеки помѣщицы.

Удивительный переворотъ совершался въ его понятіяхъ и мысляхъ послѣ каждой статьи. Онъ часто вскакивалъ съ дивана, на которомъ читалъ лежа, ходилъ большими шагами по комнатѣ и все твердилъ:

— Вотъ голова! вотъ душа!.. А мы-то, мы-то? Вотъ дураки! вотъ простофили! Все афтоніанскими хріями пробавлялись, да громогласно декламировали:

Ступитъ на горы—горы трещатъ;
Ляжетъ на воды—воды кипятъ;
Граду коснется—градъ упадетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ.

И въ первый разъ ему приходитъ на мысль, что такими криками можно изображать только какого-нибудь Илью Муромца, а не историческую личность.

Его увлеченія Бѣлинскимъ могли бы стоить ему значительнаго охлажденія со стороны дамъ села Разбѣжнаго, если бы не поправилъ дѣла мосье Рагу, очень юркій французъ, содержатель лучшаго моднаго магазина въ городѣ. Онъ лично разъискалъ Перепелкина, сильно постучался къ нему въ дверь и патетически объяснилъ ему, что такъ небрежно относиться къ порученіямъ особъ прекраснаго пола нельзя, не рискуя подвергнуться ихъ сильному гнѣву, а весьма нерѣдко даже и навсегда потерять ихъ уваженіе къ себѣ. Дѣло въ томъ, что въ запискѣ, оставленной для мосье Рагу, оказались предметы не его спеціальности, что̀ и подтвердилось по сличеніи съ подлинными записками барынь. Перепелкинъ не могъ не сознать всей опасности неловкаго положенія, въ которое былъ бы поставленъ, не исполнивши даннаго ему порученія, какъ слѣдуетъ, а потому тотчасъ же, для провѣрки, отправился по магазинамъ съ собственноручными документами обитательницъ села Разбѣжнаго.

Къ вечеру 20-го іюня Перепелкинъ и приказчикъ окончательно справились со всѣми дѣлами и немедленно отправились въ путь. Дорогой еще больше оцѣнилъ Перепелкинъ услугу, оказанную ему юркимъ французикомъ Рагу,—хотя, конечно, больше въ своихъ личныхъ интересахъ—когда простодушный приказчикъ выразилъ свои опасенія: «потрафятъ-ли они во всемъ на барыню? Она-де очень горячая и не скоро отходитъ. Старая барыня, т. е. фрейлейнъ Амалія, такая же. Вотъ, молодая-де барышня та ничего.. только засмѣется, когда на нее не потрафишь».

Но опасенія приказчика и запуганнаго его словами Перепелкина оказались напрасными. Всѣ остались довольны какъ нельзя больше и своевременнымъ возвращеніемъ ихъ изъ города, и точнымъ исполненіемъ возложенныхъ на нихъ порученій.

Въ это время приготовленія къ отъѣзду были въ полномъ разгарѣ. На дворѣ мылись огромные экипажи, и чистилась сбруя. Въ комнатѣ, примыкавшей къ столовой, сортировали багажъ, перенумерованный и имѣвшій особыя отмѣты для болѣе удобной укладки по разнымъ экипажамъ. Здѣсь теперь суетилось и съ озабоченнымъ видомъ дѣлало распоряженія новое лицо, котораго Перепелкинъ еще не встрѣчалъ и не видалъ. Это былъ управляющій всѣми имѣніями генеральши Бланквистъ, расположенными въ двухъ смежныхъ губерніяхъ, родомъ латышъ, умный и честный человѣкъ, по фамиліи Лампіусъ. Ни въ одномъ изъ десяти имѣній онъ не имѣлъ постояннаго пребыванія, но наѣздомъ посѣщалъ часто каждое изъ нихъ, оставаясь иногда подолгу тамъ, гдѣ требовалось его присутствіе. Это тѣмъ удобнѣе было дѣлать для него, что онъ былъ одинокій человѣкъ. Въ настоящее время его вызвали въ Разбѣжное на время отсутствія госпожи. Перепелкинъ засталъ его въ глубо-

комъ раздумьи расхаживающимъ между грудами чемодановъ, ящиковъ, коробокъ и проч.

— Нѣтъ, въ три экипажа, пожалуй, все это не войдетъ. Стѣснитъ,— разсуждалъ онъ самъ съ собою,—а куда же приткнуть повара и кухню?— съ ужасомъ въ лицѣ и разставивъ руки, сказалъ онъ, наконецъ, какъ-бы обращаясь къ Перепелкину.

— Я не могу понять,—замѣтилъ послѣдній:—какая цѣль двѣ недѣли по жарѣ тащиться на долгихъ, когда на почтовыхъ можно доѣхать безъ хлопотъ дней въ 5—6?

— Въ такомъ случаѣ и вы остались бы, вѣроятно, за штатомъ!— рѣзко сорвалось съ языка управляющаго. У богатыхъ людей свои нравы и обычаи,—продолжалъ онъ съ добродушной улыбкой:—да при томъ же гдѣ набрать лошадей на станціяхъ для такого обоза, не пріостановивъ движеніе по тракту? Поѣдутъ большею частію проселками. А протащитесь вы, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, я думаю, никакъ не менѣе трехъ недѣль. Да, вотъ, кстати: я совѣтую вамъ имѣть при себѣ въ карманѣ вотъ эту бумажку,—сказалъ онъ, подавая четко написанный реестрикъ разнообразнаго багажа—спасибо скажете мнѣ послѣ. Прислуга неграмотна, по значкамъ будутъ разбирать и перепутаютъ. Вотъ вы и выручите всѣхъ изъ бѣды. Такіе же экземплярчики будутъ у барыни и у камердинера, но они или потеряютъ ихъ, или не найдутъ вò-время.

Осложненіе обязанностей, связанныхъ съ полученіемъ реестрика, привело въ раздумье неопытнаго юношу: какъ, дескать, опредѣлятся отношенія къ нему странствующаго персонала, если сверхъ спеціальнаго назначенія будетъ возложена на него еще руководящая роль по другимъ частямъ? Это раздумье привело къ мрачнымъ мыслямъ, усилившись отъ одного обстоятельства, котораго онъ никакъ не могъ себѣ разрѣшить. За ужиномъ оказалось четыре прибора. Гдѣ же ужинаетъ почтенный Лампіусъ? Неужели его, кандидата Дерптскаго университета, золотаго человѣка и умницу, по словамъ самой госпожи, не удостоиваютъ сажать съ собой за столъ только потому, что онъ управляющій. Да еще какой управляющій! Въ семь лѣтъ,—говорила Александра Андреевна,—онъ привелъ совершенно разстроенныя ея имѣнія въ такое цвѣтущее состояніе, что ихъ и узнать нельзя и что возбуждаетъ къ ней зависть у всѣхъ сосѣдей по разнымъ ея имѣніямъ. Любимъ крестьянами. Даже приказчиковъ умѣлъ выбрать въ каждомъ имѣніи такихъ, которые оказались и толковыми и честными.

Въ первый разъ въ жизни пришлось Перепелкину задумываться надъ значеніемъ общественнаго положенія человѣка. Какія же преимущества имѣетъ невѣжественный чиновникъ предъ образованнымъ управ-

ляющимъ?—все время разсуждалъ онъ за ужиномъ и даже ночью,у себя въ комнатѣ. Вотъ же Степанъ Ивановичъ пользуется нѣкоторымъ вниманіемъ, даже нѣкоторою фамиліарностью отношеній со стороны генеральши. Эти мысли долго не давали уснуть Перепелкину.

На другой день, рано утромъ, онъ былъ уже на ногахъ и отправился въ садъ. Проходя черезъ дворъ и зная, что отъѣздъ назначенъ въ 12 часовъ дня, онъ былъ пораженъ удивленіемъ, при видѣ заложенныхъ экипажей, съ возсѣдающими на нихъ кучерами и форрейторами. Оказалось, что это дѣлается для проминки лошадей и въ видѣ репетиціи. Чрезъ полчаса лошади стояли уже на дворѣ отложенныя. Старшій кучеръ Ефремъ, о необыкновенной силѣ котораго много было говорено вчера за ужиномъ, тихо, но внушительно толковалъ что-то другимъ кучерамъ и форрейторамъ, которые, повидимому, внимательно слушая его, изрѣдка приговаривали: «знамо дѣло... чего ужъ!.. вѣстимо... какъ есть тутака»! Со стороны же Ефрема только и слышались: «логъ перелогъ, сдержи, не распускай, натяни, выравнивай, труськомъ, въ ногу», которыя онъ съ особенною выразительностію произносилъ.

Но наставленія свои энергичный Ефремъ заключилъ здоровенной затрещиной, неизвѣстно за что отпущенной малому лѣтъ 16, очевидно, форрейтору. Протеста ни откуда не послѣдовало, и всѣ разошлись мирно. Только малый, вытерши съ лица кровь, побѣжавшую изъ носа, далеко отшвырнулъ сапогомъ ласкавшуюся, какъ бы изъ жалости къ нему, собаченку и, увидѣвъ, оглянувшись назадъ, что компанія уже окончательно разбрелась по людскимъ, а на господскомъ крыльцѣ никого не видать, дважды жестоко вытянулъ по спинѣ кнутомъ бураго коня, съ большимъ наслажденіемъ чесавшаго себѣ шею объ изгородь сада, гдѣ всѣ лошади привязаны были послѣ проминки.

Было около 8 часовъ утра. Въ барскомъ домѣ всѣ еще спали безмятежно. На второмъ крыльцѣ, выходящемъ въ садъ, показался управляющій и, увидѣвъ въ бесѣдкѣ Перепелкина, кивнулъ ему головой и направлялся къ нему.

— Рано же вы встаете,—сказалъ онъ, подавая руку Перепелкину. А я, противъ обыкновенія, сегодня заспался послѣ глупой вчерашней возни съ багажемъ.

— Да, я почти всю ночь не спалъ и, откровенно говоря,—изъ-за васъ. .

— Изъ-за ме-е-ня?—протянулъ Лампіусъ,—съ изумленіемъ выпучивъ умные сѣрые глаза на Перепелкина.

— Я все ломалъ голову надъ вопросомъ: неужели же васъ, повидимому, очень цѣнимаго и уважаемаго человѣка, не удостоиваютъ сажать съ собою за столъ, между тѣмъ какъ становой...

— Только-то?—перебилъ съ добродушной улыбкой Лампіусъ, дружески трепя Перепелкина по плечу.

— Видите-ли,—сказалъ онъ немного погодя: сойтись съ русскими барами даже на короткую ногу, хотя бы и управляющему (разумѣется, образованному) не особенно трудно,—было бы только охоты; но надо знать, что, по-моему, нѣтъ въ свѣтѣ народа, который бы такъ жестоко и нагло способенъ былъ оскорблять человѣка, пользуясь неравенствомъ положеній, какъ русскіе, и при томъ нерѣдко безъ всякой злости, въ самой добродушной фамиліарной формѣ. Поэтому я дѣйствую согласно русской пословицѣ: «знай, сверчокъ, свой шестокъ!» и никогда не отступаю отъ этого правила. Съ приказчикомъ объясняются въ передней. Я могу себѣ позволить, при докладахъ, два-три шага отъ передней, но не болѣе и ужъ дальше не сдаюсь ни на какія сантиментальности искреннія или притворныя. Уважающій себя человѣкъ никогда никому не позволитъ себя третировать такъ, какъ не рѣдко третируютъ бары маленькихъ людей за ихъ заигрыванія съ ними. Я это говорю вообще, а не примѣнительно къ себѣ. На свое положеніе, опредѣлившееся вполнѣ согласно съ моими видами, я пожаловаться не могу. Я поступилъ на полторы тысячи рублей, а теперь съ наградными получаю до пяти тысячъ въ годъ. Къ дѣлу я привязался такъ, что забылъ уже и думать о профессурѣ, къ которой когда-то горячо стремился.

— А скуки не испытываете, или тягостнаго утомленія отъ этихъ перекочевокъ изъ деревни въ деревню? — полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Помилуйте, когда тутъ скучать! Много у меня дѣла по прямымъ моимъ обязанностямъ,—теоретическаго, изучаемаго мною по лучшимъ руководствамъ, и практическаго, всегда исполняемаго на моихъ глазахъ, подъ моимъ руководствомъ, а иногда при личномъ моемъ участіи: въ боронованіи, сѣяніи, сортировкѣ зерна, уборкѣ и мочкѣ льна, конопли и проч. Иначе никакой возможности не было бы отучить отъ патріархальныхъ пріемовъ, гдѣ совершенно непроизводительно затрачивается масса силъ, труда и добра.

Перепелкинъ весь обратился въ слухъ и вниманіе, даже до того, что удержался отъ кашля, къ чему чувствовалъ побужденіе.

— При томъ же я считаю прямымъ долгомъ входить въ положеніе крестьянъ и наблюдать за ихъ образомъ жизни,—продолжалъ Лампіусъ, поощренный вниманіемъ къ нему незнакомца: вамъ всѣ скажутъ, что теперь во всѣхъ, управляемыхъ мною, деревняхъ меньше стало пьянства, меньше грязи, вони и тѣсноты въ избахъ, нѣтъ порки, производившейся зачастую самодурами-приказчиками, меньше колотитъ мужикъ бабу, а баба—оборванныхъ и голодныхъ ребятишекъ. Да и ребятишки меньше ревутъ, потому что прибавилось сытости и тепла.

Вотъ только не удается мнѣ развить грамотность: батюшки и дьякона не только не помогаютъ, но даже, большею частью, противъ этого.

Пылкій юноша, все время смотрѣвшій чуть не съ благоговѣніемъ на некрасивое, но доброе, оживленное чувствомъ и умомъ лицо Лампіуса, не вытерпѣлъ и съ жаромъ бросился цѣловать его, приговаривая со слезами на глазахъ:

— Я такого умнаго, честнаго и до самоотверженности добраго человѣка никогда въ жизни еще не встрѣчалъ. Боже мой, какъ я завидую вамъ! И какъ бы я былъ радъ и счастливъ, найдя такую дѣятельность, которая заняла бы всѣ силы моей души и была бы въ такой же степени плодотворна, какъ ваша!

— Ну, молодой человѣкъ, вы преувеличенно взглянули на мою дѣятельность! Я же не въ мѣру разболтался: давно, признаться, не видался съ интеллигентными людьми. Полезнымъ, я вамъ скажу, можно быть вездѣ. Участливымъ къ людямъ сдѣлали меня собственное мое несчастіе, или, правильнѣе сказать, несчастіе, совершенно неожиданно обрушившееся на моего отца и причинившее невыразимое горе и страданія всему нашему семейству.

— Какъ такъ?

— Я сдавалъ послѣдній экзаменъ въ Дерптскомъ университетѣ, когда было получено письмо отъ матери, что отецъ мой заключенъ въ тюрьму и чтобы я немедленно поспѣшилъ, но не на мызу, которую мы 12 лѣтъ арендовали, а въ Ревель, къ теткѣ, родной сестрѣ моего отца, куда перебралось наше семейство. Трудно представить весь ужасъ, который овладѣлъ мною при видѣ этого семейства, еще недавно жившаго въ довольствѣ и просторѣ, теперь же тѣснившагося въ сыромъ подвалѣ со всѣми признаками крайней нищеты, съ осунувшимися лицами и воспаленными отъ слезъ глазами. Полчаса рыданія душили всѣхъ, и я не могъ узнать причины этой перемѣны. Наконецъ, дѣло объяснилось. За мѣсяцъ назадъ отъ барона В., владѣльца арендуемой нами мызы, былъ полученъ приказъ немедленно сдать мызу новому арендатору. Отецъ заупрямился, такъ какъ срокъ заарендованія не кончился, и подалъ прошеніе въ судъ. Дня черезъ два отецъ былъ заарестованъ, семейство выгнано вонъ, въ чемъ было, все имущество конфисковано и впослѣдствіи продано съ молотка по иску барона, завинившаго отца въ самовольныхъ якобы порубкахъ владѣльческаго лѣса, и когда нашлись лжесвидѣтели, подтвердившіе эту кляузу, отецъ былъ посаженъ въ острогъ. Свиданіе наше было ужасное. Онъ такъ зарыдалъ, что я лишился чувствъ и обезумѣлъ. Человѣкъ въ порѣ лѣтъ — ему было не болѣе 45 — атлетическаго сложенія, опустился и осунулся до неузнаваемости, а волоса, въ которыхъ раньше не пробивалось ни одной сѣдинки, сдѣлались теперь какъ лунь бѣлые.

Онъ велѣлъ мнѣ немедленно отправиться въ Ригу и умолять главнаго начальника края разслѣдовать это дѣло. Но это была напрасная потеря времени и истощеніе послѣднихъ средствъ, добытыхъ чрезъ продажу кой-какихъ золотыхъ вещей матери и сестеръ. Я пороги обилъ у этого начальника, бросался на колѣни и слезами обливалъ его ноги, но все только слышалъ одни слова: «Вы слишкомъ нетерпѣливы, молодой человѣкъ! все будетъ сдѣлано своевременно и по закону». Однажды дежурный чиновникъ, тронутый неутѣшнымъ моимъ горемъ, сказалъ мнѣ: «Да вы напрасно стараетесь разжалобить этого бездушнаго колпака: онъ изъ кожи лѣзетъ, какъ бы угодить нѣмцамъ, которые помыкаютъ имъ какъ тряпкой, а тутъ еще касается дѣло всемогущаго барона—такъ можно-ли ожидать добра! Ужъ если хотите добиться, то подайте прошеніе на высочайшее имя». Я такъ и сдѣлалъ. Черезъ три года отецъ былъ оправданъ въ взведенной на него клеветѣ насчетъ порубки лѣса, но искъ нашъ о возмѣщеніи убытковъ за имущество, беззаконно конфискованное и проданное съ молотка, до сихъ поръ остается не разрѣшеннымъ. Тѣмъ временемъ отецъ, сидя въ тюрьмѣ, сошелъ съ ума и умеръ отъ воспаленія мозга. Семья, насъ было 10 душъ, я старшій—частію разбрелась—кто въ услуженіе, кто въ ученье къ мастерамъ, а часть малолѣтнихъ съ матерью остались на моихъ рукахъ. И больше года пришлось намъ пить горькую чашу, пока я случайно не попалъ на это мѣсто.

— Знаете-ли,—сказалъ нервно Перепелкинъ: вашъ разсказъ произвелъ на меня такое дѣйствіе, что я собственными руками, безъ малѣйшаго состраданія, разорвалъ бы на мелкія части и мерзавца-барона и того проклятаго колпака, который, ради популярности у нѣмцевъ, оставался глухъ къ такимъ вопіющимъ злодѣйскимъ неправдамъ.

— Ого, какой вы! Молоды еще очень, упрыгаетесь,—сказалъ Лампіусъ и пошелъ навстрѣчу Степану Ивановичу, который, расправляя свои огромные щетинистые усы, молодцовато выступалъ по главной аллеѣ.

— Ну, видно, мнѣ съ барынями не видаться сегодня,—говорилъ онъ издали: если онѣ не встанутъ къ 10 часамъ, то я удеру на слѣдствіе въ Лысково, а завтра, часовъ въ семь утра, я буду въ Трусихѣ, гдѣ имъ назначенъ сегодня ночлегъ.

— Не безпокойтесь, онѣ встаютъ,—возразилъ Лампіусъ, указывая на сторожа, который открывалъ ставни въ спальняхъ. А что такое случилось въ Лысковѣ?—полюбопытствовалъ онъ.

— Суриковъ опять засѣкъ двоихъ—мельника и мельничиху.

— Что жъ, и это сойдетъ?

— Я думаю. Внушено не очень раздувать исторію и поменьше довѣрять показаніямъ крестьянъ.

Въ это время по двору прошелъ причтъ въ полномъ штатѣ: священникъ, дьяконъ, дьячекъ и пономарь. Вступивъ на парадное крыльцо, они обнажили головы и стали охорашиваться, отираться и расчесывать волосы на головѣ и бородѣ, затѣмъ высморкались, откашлялись и, внимательно осмотрѣвъ другъ друга, прошли въ комнаты, подъ предводительствомъ толстаго красноносаго батюшки.

Черезъ полчаса дверь изъ залы въ садъ отворилась, и на террасу плавно выступила генеральша, въ сопровожденіи барышень и батюшки, что-то повѣствовавшаго, сильно ударяя на букву о.

Степанъ Ивановичъ, какъ только замѣтилъ, что въ его сторону обратился взоръ ея превосходительства, тотчасъ издали вытянулся въ струнку и по военному отдалъ честь, приложивъ руку къ фуражкѣ. Лампіусъ и Перепелкинъ, снявъ фуражки, почтительно поклонились.

Всѣ трое молча приблизились къ террасѣ на нѣсколько шаговъ и остановились. Очевидно, здѣсь строго соблюдался этикетъ, или же все дѣлалось согласно съ настроеніемъ госпожи, которое, повидимому, не было такъ игриво, какъ въ первое представленіе Перепелкина, когда Степанъ Ивановичъ позволилъ себѣ развернуться до развязности чисто военнаго человѣка.

Между тѣмъ батюшка все повѣствовалъ въ носъ, сильно растягивая слова и нестерпимо ударяя на о.

Степанъ Ивановичъ досталъ изъ портфеля и держалъ наготовѣ прекрасно перебѣленный, на отличной бумагѣ, маршрутъ въ трехъ экземплярахъ. Генеральша замѣтила это и кивнула ему головой. Онъ стремительно поднялся на террасу и съ ловкостью гусара вручилъ ей плодъ кропотливаго своего труда.

— Благодарю. Тамъ сдѣлано распоряженіе....сказала она, очевидно намекая на что-либо посущественнѣе словесной благодарности.

Степанъ Ивановичъ расшаркался, но не дерзнулъ уже поцѣловать ручку благодѣтельницы, какъ въ первый разъ, за телку.

Затѣмъ генеральша обратилась къ Лампіусу и Перепелкину и оффиціальнымъ тономъ поручила—первому распорядиться, чтобы отъѣзжающіе люди сейчасъ собрались на молебенъ и потомъ немедленно занялись укладкой вещей, а второму—послѣ молебна разобрать привезенную почту и озаботиться упаковкой отобранныхъ ею книгъ въ чемоданъ, который и имѣть подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ.

— Я еще попрошу васъ, Савва Петровичъ... такъ, кажется, васъ зовутъ?—обратилась къ Перепелкину Александра Андреевна.

— Саввичъ,—отвѣчалъ онъ, по обыкновенію, краснѣя, какъ піонъ.

— Виновата! Такъ, вотъ, я васъ попрошу, Савва Саввичъ, изъ лю-

безности къ намъ, дамамъ, принять на себя обязанность наблюдать за людьми, чтобъ они на остановкахъ не напивались, особенно поваръ. Онъ мастеръ своего дѣла, но не муракъ и выпить. Эдуардъ Ивановичъ—имя Лампіуса—сообщитъ вамъ краткую характеристику всѣхъ отъѣзжающихъ, чтобы вы знали, съ кѣмъ вамъ предстоитъ имѣть дѣло.

Нанялся, что̀ продался, подумалось Перепелкину, и въ словахъ Александры Андреевны, повидимому, ничего особеннаго не заключавшихъ въ себѣ, прозвучала для него нотка, вызвавшая легкую горечь въ душѣ.

— Вотъ ваша команда,—шепнулъ ему Лампіусъ, когда всѣ собрались на молебенъ.

Впереди всѣхъ стояли: главный кучеръ Ефремъ и очень благообразнаго вида, съ густыми бакенбардами, человѣкъ, скорѣе похожій на совѣтника или предсѣдателя палаты, чѣмъ на двороваго. Одѣтъ онъ былъ просто, но очень прилично, а на осмысленномъ его лицѣ можно было прочесть своеобразное выраженіе собственнаго достоинства.

— Да неужели же это поваръ?—удивлялся Перепелкинъ.

— Онъ самый и есть. А вы подумали—профессоръ какой? Хотя, правду сказать, по своей спеціальности онъ, дѣйствительно, не уступитъ никакому профессору. На образованіе его кулинарнаго таланта потрачены тысячи, и вышло чудо, за которымъ шлютъ къ Александрѣ Андреевнѣ гонцовъ изъ губернскаго города во время проѣзда высокопоставленныхъ особъ. Я вамъ совѣтую, не смотря ни на кого и ни на что, относиться къ нему какъ можно мягче, теплѣе и, такъ сказать, сердечнѣе: тогда пойдетъ все какъ по маслу, въ противномъ случаѣ, не оберетесь бѣдъ. Зовутъ его Михей Терентьичъ. Такъ вы и обращайтесь къ нему и не стѣсняйте его въ поклоненіяхъ Бахусу, хотя бы они были и очень усердны. Поваренокъ, ему сопутствующій — вонъ тотъ, что̀ сзади его стоитъ—знаетъ, какъ въ этихъ случаяхъ поступать съ нимъ. Онъ дастъ ему выспаться и, приготовивъ весь матеріалъ и инструменты, разбудитъ его за полчаса до стола, и все у него отлично поспѣетъ. А если ужъ онъ клюкнетъ такъ, что его и добудиться нельзя будетъ, тогда онъ выльетъ ему на голову ведро воды, и онъ очнется, какъ трезвый.

— Ну, а если застудитъ голову?

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, не сантиментальничайте: изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее. Если обѣдъ будетъ дурной, то его велятъ выпороть, а онъ—я его хорошо понимаю—въ такомъ случаѣ убьетъ кого-нибудь и самъ повѣсится. Вотъ каковъ этотъ Михей Терентьичъ.

Начался молебенъ.

Дамы опустились на колѣни. Фрейлейнъ Амалія вынула изъ ридикюля крошечный, въ изящномъ переплетѣ, молитвенникъ и погрузилась въ него. Александра Андреевна далеко была впереди другихъ, полузакрытая геранью, и трудно было уловить, чѣмъ еще другимъ, кромѣ колѣнопреклоненія, выражалась ея религіозность. Клодочка разсѣянно посматривала то въ окна, то на публику, особенно на причтъ.

Послѣдній, при всемъ внѣшнемъ благообразіи, не отличался стройнымъ ансамблемъ въ священнослуженіи и едва-ли могъ вызвать особенное религіозное настроеніе. Батюшка очень непріятно гнусилъ и сильно билъ на о. Діаконъ разбитымъ голосомъ порывался вытянуть высокія ноты и постоянно обрывался. Дьячокъ такъ читалъ молитвы, что ни одного слова нельзя было уловить при всевозможномъ напряженіи слуха. Пономарь поминутно икалъ. Совокупное же пѣніе всѣхъ ихъ дотого было негармонично, что Клодочка едва сдерживала улыбку, а на серьезномъ лицѣ Лампіуса выражалось нѣчто въ родѣ жестокаго страданія. Усерднѣе всѣхъ, повидимому, молился Ефремъ. Онъ истово крестился, вздыхалъ и часто клалъ земные поклоны. Да еще, въ углу, поодаль отъ другихъ, стояла на колѣняхъ сморщенная старушонка, вся въ черномъ и въ слезахъ. Это была дворовая, которую всѣ, начиная съ госпожи, величали Арефьевной. Она вынянчила, принятую въ домъ генеральши, десятимѣсячную сиротку Клодочку и такъ привязала ее къ себѣ и сама къ ней привязалась, что между ними установилось нѣчто родственное, что̀ и было причиной особыхъ къ ней отношеній со стороны самой госпожи, а за нею и всѣхъ другихъ. Стоя на колѣняхъ, она тоже часто клала поклоны и подолгу не отрывала головы отъ пола. На ея кроткомъ старческомъ лицѣ, сохранившемъ слѣды красоты, выражалось столько непритворнаго сердечнаго умиленія и благоговѣнія, что разсѣянной Клодочкѣ стоило только случайно остановиться на ней взоромъ, чтобъ въ ту жъ минуту сосредоточиться на одномъ чувствѣ и, хоть подъ конецъ молебна, поусердствовать Богу.

Степанъ Ивановичъ имѣлъ озабоченный видъ и обнаруживалъ повременамъ сильное нетерпѣніе, часто поглядывая то на стѣнные часы, то на свои карманные.

Профессоръ кулинарнаго искусства все время стоялъ потупившись, ни разу ни на кого и ни на что не взглянулъ и, кажется, далекъ былъ мыслями отъ всего происходившаго. Онъ ни разу не перекрестился, даже когда подходилъ къ кресту. Между тѣмъ, по выраженію его интеллигентнаго лица, нельзя было не замѣтить, что въ его головѣ работала какая-то мысль.

Пріявъ мзду, духовные чинно удалились съ благопожеланіями отъѣзжающимъ.

Начался суетливый процессъ выноски и укладки вещей. Лицо ге-

неральши было очень серьезно и выражало не то тоску, не то заботу. Степанъ Ивановичъ съ нѣкоторою робостью заявилъ ей о необходимости скакать ему сейчасъ въ Лысково, на слѣдствіе, и о намѣреніи его поспѣть завтра, къ восьми часамъ утра, въ Трусиху, чтобы освѣдомиться, не потребуется-ли какой услуги съ его стороны.

— Пожалуйста,—сказала только Александра Андреевна и, кивнувъ ему головой, направилась въ садъ.

Перепелкинъ вышелъ на дворъ, чтобъ посмотрѣть, куда пристроятъ ввѣренный его попеченію чемоданчикъ съ книгами. Тамъ все укладывалось по росписанію, сдѣланному Лампіусомъ, и подъ его личнымъ наблюденіемъ.

— А, вѣдь, мои опасенія, что некуда будетъ пристроить поваровъ съ кухней, къ счастію, оказались напрасными: эти чудища, пожалуй, проглотятъ вдвое больше скарба, чѣмъ сколько его везутъ,—сказалъ весело Лампіусъ, обращаясь къ Перепелкину и указывая на три огромныхъ экипажа, вытянутые въ одну линію у главнаго крыльца. Впереди стояла громадныхъ размѣровъ карета, подъ шестерикъ, цугомъ; далѣе такихъ же размѣровъ дормезъ, тоже подъ шестерикъ, цугомъ; наконецъ, меньшихъ размѣровъ, но очень глубокій дормезъ, подъ четверикъ.

Въ первомъ экипажѣ помѣщаются Александра Андреевна, Клодочка и горничная, которая на время чтенія дорогой мѣняется мѣстомъ съ Перепелкинымъ.

Второй экипажъ, т. е. большой дормезъ, занимаютъ: фрейлейнъ Амалія, Перепелкинъ и вторая горничная. Третій занятъ камердинеромъ и двумя поварами. Здѣсь долженъ былъ помѣщаться и лакей въ ненастную погоду, а въ хорошую — съ главнымъ кучеромъ на козлахъ экипажа генеральши.

У послѣдняго экипажа теперь возились повара съ посудой. Тутъ же стояла среднихъ лѣтъ женщина, мать поваренка, и все причитывала наставленія послѣднему:

— А ты, Павлуша, угождай Терентьичу, да старайся перенять дѣло. А ужъ вы, Терентьичъ, будьте милостивы, не оставьте малаго. Барыня сказала, что коли переиметъ дѣло-то Павлуха, то женитъ его на Стешкѣ Спиридоновой.

— Такъ я тебѣ и женился на корявой сорокѣ!—пробурчалъ Павлуша.

Терентьичъ ничего не говорилъ и, управившись со всѣми предметами своей профессіи, старался теперь удобнѣе пристроить кубышку, очевидно, съ запретнымъ зельемъ. Отъ Лампіуса не ускользнуло это обстоятельство. Онъ велѣлъ закладывать третій экипажъ, названный поварскимъ, и, подойдя къ Терентьичу, сказалъ:

— Ты если хочешь, Терентьичъ, промочить горлышко, то дѣлай это сейчасъ, чтобъ выспаться до пріѣзда въ Трусиху—всего одинъ большой перегонъ,—гдѣ назначенъ, по росписанію, обѣдъ и ночлегъ. Экипажъ поварской сейчасъ пойдетъ и всегда будетъ уходить часомъ раньше другихъ предъ приготовленіемъ обѣда. Да еще вотъ о чемъ я хотѣлъ попросить тебя, Михей Терентьичъ: не надѣлай ты бѣдъ этому молодому человѣку,— указалъ Лампіусъ на Перепелкина — тебя вѣдь подъ его надзоръ отдала генеральша.

Терентьичъ, молча, пристально взглянувъ на Перепелкина, вынулъ изъ экипажа кубышку съ запретнымъ, припряталъ въ карманъ и, еще разъ бросивъ взглядъ на своего ментора, направился въ кухню. Минутъ черезъ пять, когда лакеи пронесли завтракъ въ столовую, Терентьичъ вышелъ съ подушкой въ рукахъ, бросилъ ее въ уголъ экипажа и завалился спать.

— Да съ нимъ, кажется, не трудно справляться,—замѣтилъ Перепелкинъ.

— Да, если вы будете держаться моего совѣта и не допустите Александры Андреевны или еще хуже—старой дѣвы, Амаліи, объясняться съ нимъ, когда у него хмѣль не совсѣмъ вышелъ изъ головы. Онѣ не понимаютъ, что это натура гордая и вмѣстѣ съ тѣмъ очень деликатная; даже посмѣялись, когда я имъ такъ охарактеризовалъ его. А между тѣмъ это такъ. Не будь вотъ здѣсь той благообразной старушки, что зовутъ Арефьевной, да Клавдіи Дмитріевны, въ этомъ домѣ давно бы произошла драма съ трагическимъ финаломъ. Былъ такой случай, разумѣется, въ отсутствіе мое. Три года тому назадъ, этотъ Терентьичъ, уже прославившійся на всю губернію своимъ искусствомъ, особенно въ приготовленіи постныхъ блюдъ, сталъ не потрафлять, какъ говорятъ здѣсь, на Амалію Ѳедоровну—между нами будь сказано, дуру и ханжу—да не только не потрафлять, а таки просто портить ея любимыя кушанья съ приправой грибовъ. Его потребовали въ горницу для объясненій, нашумѣли и пригрозили подвергнуть тѣлесному наказанію, буде не исправится. Онъ запилъ и на другой день перепортилъ всѣ блюда. Приказчикъ потребовалъ его въ контору, на расправу. Онъ немедленно явился и, увидѣвъ приготовленія къ наказанію его, вынулъ изъ подъ фартука поварской ножъ и неистово закричалъ, что перерѣжетъ всѣхъ, кто только бросится на него. Доложили барынѣ. Та по горячности расходилась такъ, что съ ней сдѣлалось дурно. Велѣла собрать больше людей, вырвать ножъ и немилосердно отпороть, а потомъ нѣсколько дней продержать въ кандалахъ. Все это легко было только сказать, но не исполнить. Онъ прижался въ уголъ и, размахивая ножемъ, никого не подпускалъ къ себѣ. Кузнецъ Гаврило, человѣкъ ловкій и сильный, схватилъ было, его за правую руку, въ которой былъ ножъ, но Те-

рентьичъ лѣвой рукой такого тумака далъ ему въ физіономію, что скулу свернулъ ему на сторону, и онъ повалился, какъ снопъ. Опять докладываютъ. Тамъ неистовствуютъ до истерики.

— Ma tante,—вдругъ говоритъ расходившейся барынѣ Клавдія Дмитріевна: я все улажу, только ты прости его на этотъ разъ. Я даю тебѣ слово, что впередъ онъ будетъ исправенъ». Та кивнула ей головой; Арефьевна, узнавъ въ чемъ дѣло, испугалась за свою любимицу и хотѣла, было, воспротивиться ея намѣренію идти одной въ контору, но та быстро порхнула чрезъ всѣ комнаты и внезапно очутилась лицомъ къ лицу съ Терентьичемъ.

— Что вы обступили его, какъ будто дикаго звѣря какого?—сказала она толпѣ, подавшейся назадъ, чтобъ дать ей дорогу. Брось, голубчикъ, ножъ,—обратилась она своимъ симпатичнымъ голосомъ къ изумленному Терентьичу: я боюсь его!

Тотъ безпрекословно далеко отбросилъ ножъ отъ себя.

— Видите-ли,—замѣтила она толпѣ: развѣ злой человѣкъ можетъ такъ скоро успокоиться?—Вотъ что, Терентьичъ: я тебѣ выпросила на этотъ разъ полное прощеніе, но дала слово тетѣ, что впередъ ты всегда будешь исправенъ.

— Голубушка, барышня,—сказалъ онъ такимъ растроганнымъ голосомъ, что у добрѣйшей и снисходительнѣйшей Клодочки и глаза наполнились слезами:—пусть же и намъ, злосчастнымъ рабамъ, оказываютъ хоть маленькую справедливость. Зачѣмъ барышня Бланка—такъ звали дворовые фрейлейнъ Амалію—велѣла отобрать у меня книги?

— Какія книги?

— Какъ же! «Парашу-сибирячку», «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», два пѣсенника.

— Да я не понимаю, когда и за что отобрали книги,—я объ этомъ ничего не слыхала.

— На прошлой недѣлѣ горничная Аннушка пришла и говоритъ: Бланка говоритъ, что ты только книжки читаешь, а дѣломъ не занимаешься, оттого-де и кушанья портишь. Велѣла, говоритъ, книжки отобрать. Я ничего не сказалъ. Она собрала и унесла ихъ.

— Ну, голубчикъ, я все устрою: и твои книжки тебѣ возвратятъ, и другихъ дамъ, только будь исправенъ.

Съ тѣхъ поръ всякія недоразумѣнія между кухней и горницей устраняются Арефьевной, которая всегда дѣйствуетъ отъ имени всѣми любимой барышни.

— Чудная эта дѣвушка,—сказалъ Лампіусъ въ заключеніе: если бы дано ей было солидное образованіе, или, по крайней мѣрѣ, позаботился бы кто дать серьезное направленіе ея мыслямъ, то изъ нея вышло бы

нѣчто въ родѣ совершенства, не смотря на странный и, повидимому, неодолимый недостатокъ въ выговорѣ.

Широкой жизненной волной со всѣхъ сторонъ охватило Перепелкина, юношу совершенно неопытнаго, все время пока возившагося усердно только съ книжками, преимущественно учебниками, и никогда не останавливавшагося мыслью, по крайней мѣрѣ надолго, на многихъ житейскихъ вопросахъ, до выводовъ о которыхъ уже додумались его товарищи постарше возрастомъ. Теперь у него голова была полна самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, но не было еще времени разобраться съ ними. Съ момента приключенія съ нимъ въ бурсѣ столько пронеслось предъ нимъ новыхъ и совершенно неожиданныхъ явленій, что мысль не успѣла пока выработать никакого опредѣленнаго понятія о происшедшемъ и происходящемъ теперь предъ его глазами. Онъ случайно попалъ въ среду людей, совершенно чуждыхъ ему по состоянію, положенію, нравамъ, обычаямъ, а между тѣмъ какой подъемъ духа испытываетъ онъ теперь отъ неудержимаго натиска разнообразныхъ идей, поминутно вторгающихся въ его душу и кипятящихъ пылкое его чувство. Вотъ хоть бы эта скромная личность, Эдуардъ Ивановичъ Лампіусъ.

Нашелъ же человѣкъ себѣ дѣло, да еще какое великое и святое—очищать ближняго отъ моральной и матеріальной грязи! А эта сиротка, Клодочка, воспитанная и все время вращающаяся среди крѣпостниковъ, какое высокое чувство христіанской любви проявляетъ къ порабощенному ближнему! И какъ трудно судить о людяхъ по наружности,—упорно думаетъ Перепелкинъ.—Вонъ Бланка весь молебенъ простояла на колѣняхъ, углубившись въ молитвенникъ и ни на кого ни разу не взглянувъ, а между тѣмъ оказывается ехидной злючкой, готовой до каторги довести человѣка. Или кучеръ Ефремъ. Все крестился, вперивъ глаза на образъ, тяжко вздыхалъ, да поминутно стукался лбомъ объ полъ,—а не онъ-ли, за часъ передъ тѣмъ, окровянилъ физіономію малому и, по всей вѣроятности, за совершенные пустяки!

И что же главное въ выработкѣ человѣческихъ свойствъ—натурали, которой, можетъ быть, и не передѣлаешь, убѣжденія-ли, привитыя воспоминаніемъ, дрессировка-ли по завѣдомо опредѣленному шаблону, или совокупность случайныхъ вліяній среды, столь разнообразной по своимъ природнымъ и заимствованнымъ особенностямъ—ничего не поймешь. Не поможетъ тутъ и исторія, которой насъ учили въ бурсѣ. Что жъ тамъ? войны, да разныя дипломатическія тонкости, да изувѣрства какихъ-нибудь фанатиковъ, религіозныхъ, политическихъ, или просто сумасбродовъ да пройдохъ-сорванцовъ, или общая и безцвѣтная резюмировка сомнительныхъ фактовъ, изъ которой ничего не выжмешь въ поученіе себѣ и другимъ.

Понятно,—продолжалъ онъ все развивать свои мысли,—когда дѣйствуетъ человѣкъ подъ вліяніемъ страстей—это звѣрь со всѣми свойствами дикаго животнаго изъ породы свирѣпыхъ и, можетъ быть, ничего другаго не остается по отношенію къ субъекту такого рода, какъ только немедленно удовлетворить или обуздать его. Но, вѣдь, Бланка совершенная флегма: ѣстъ, спитъ, молитвы читаетъ, съ котятами возится, болонку чешетъ и въ то же время подкапывается подъ человѣка, мучаетъ его. Или хоть бы Степанъ Ивановичъ. Человѣкъ, повидимому, не злой, хорошій семьянинъ, какъ надо думать, набожный, и, кажется, не утратилъ еще способности чувствовать горечь собственной обиды,—а между тѣмъ поретъ себѣ преспокойно стараго и малаго, да совершенно хладнокровно плюетъ въ физіономію старухи, можетъ быть, матери, которая пришла къ начальству съ сыномъ разобраться по дѣламъ какого-нибудь щекотливаго свойства. Степанъ Ивановичъ имѣетъ, положимъ, оправданіе въ поговоркѣ: «своя рубаха ближе къ тѣлу», или въ томъ принципѣ, что всякъ часъ надо быть на чеку, потому что любая губернская свинья можетъ тебя съѣсть съ потрохами, когда только ей вздумается, даже не дожидаясь соизволенія Божія, вопреки народной поговоркѣ: «Богъ не допуститъ—свинья не съѣстъ». Но Бланка-то какъ? Вѣдь не угрожаетъ же ей подобная опасность ни откуда?

Нѣтъ, чувство справедливости не развито въ людяхъ. Вотъ о чемъ должны позаботиться пастыри церкви и педагоги,—заключаетъ свои размышленія Перепелкинъ. Это чувство справедливости съ этого времени становится его конькомъ, его idée fixe.

По поводу этого чувства, въ видѣ перваго дебюта, онъ выдерживаетъ серьезную полемику съ Александрой Андреевной, при участіи въ дебатѣ Клавдіи Дмитріевны.

Дорогой, въ каретѣ, было прочитано стихотвореніе Некрасова: «Въ дорогѣ». Въ полученной наканунѣ отъѣзда почтѣ нашелся и фельетонный разборъ его, который и пришлось читать почти вслѣдъ за стихотвореніемъ.

— Вы, кажется, не раздѣляете мнѣнія критика?—спросила Перепелкина Александра Андреевна.

— Да,—отвѣчалъ Перепелкинъ, конфузясь и краснѣя.

— То-то! и по интонаціи вашей можно замѣтить. Стихотвореніе вы прочли такъ эффектно, какъ будто давно уже вошли во вкусъ подобныхъ вещей, а фельетонъ какъ-то... какъ бы это сказать... ну, съ ужимками, нелюбовно.

— Войдти во вкусъ подобныхъ вещей давно я не могъ, потому что ничего подобнаго я никогда не читалъ; съ стихотвореніемъ же этимъ я познакомился только вчера вечеромъ и, признаюсь откровенно, оно произвело на меня сильное впечатлѣніе. Производитъ на меня впечатлѣніе

я фельетонная критика, но только другаго рода. Мнѣ такъ и представляется творецъ этой критики или человѣкомъ недалекимъ по смыслу, или безсердечнымъ педантомъ.

— Вотъ какъ вы!—перебила его генеральша.

Клодочка вспыхнула и стала про себя читать стихотвореніе.

Произошла продолжительная пауза, во время которой Александра Андреевна, слегка кусая губы, съ улыбкой и пытливо посматривала то на Перепелкина, то на Клодочку.

— Что жъ вамъ особенно нравится у Некрасова и не нравится у его критика?—спросила Александра Андреевна тономъ, не то чтобъ раздраженнымъ, какъ показалось Перепелкину, а, дѣйствительно, немного неспокойнымъ.

Перепелкинъ замялся.

— Ну, что жъ вы, Савва Петровичъ?

Перепелкинъ покраснѣлъ, но молчалъ.

— Не Петровичъ, а Саввичъ,—поправила Клодочка, тоже вспыхнувъ, какъ зарево.

— Ахъ, да! Саввичъ... теперь буду помнить,—сказала генеральша, какъ-то особенно улыбаясь.

Перепелкинъ молчалъ.

— Ну, такъ какъ же, Савва Пет..... то-бишь, Саввичъ?—поправилась она съ тою же улыбкою.

— Признаться, я затрудняюсь выразить откровенно мое мнѣніе, а скажу только, что поэтъ, отъ лица ямщика, разсказываетъ душу раздирающую исторію, а фельетонистъ, по глупости или изъ педантизма, придирается къ стихамъ, находя ихъ аляповатыми.

— А что жъ, развѣ это не правда? Вѣдь, это какая-то странная поэзія... мужицкая по содержанію и грубости стиха.

Перепелкинъ молчалъ.

Клодочка съ любопытствомъ посматривала то на Перепелкина, то на тетку.

— Ну, такъ какъ же, Савва Петр..... фу, какое трудное ваше имя! Савва Саввичъ?

— Во-первыхъ, стихъ, по-моему, не только не аляповатъ, но отличается особенной силой и вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣлу, т. е. содержанію; во-вторыхъ, стихи составляютъ только внѣшнюю форму, слѣдовательно, дѣло второстепенное, и какъ бы они ни были хороши сами по себѣ, но безъ содержанія, затрогивающаго умъ или чувство, всегда будутъ для всякаго мыслящаго человѣка пустымъ наборомъ словъ, какъ это иногда бываетъ и у знаменитыхъ писателей.

— Вотъ какъ! Ну, напримѣръ, у кого?

— Да, вотъ хоть бы у Державина, въ его превосходной одѣ «Богъ»:

*

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ въ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.

Вѣдь эти стихи, какъ бы они ни казались кому хороши, по своей структурѣ, все-таки безсодержательны, потому, что ничего не даютъ ни мысли, ни чувству.

— Вотъ какъ!—протянула Александра Андреевна: не даромъ нашъ владыка говоритъ, что Бѣлинскій развѣнчалъ Державина и своимъ свободомысліемъ, какъ онъ выражается, развратилъ юношество. Вы уже на этомъ пути, мосье Перепелкинъ,—сказала она, строго взглянувъ на Клодочку.

— Позвольте вамъ сказать,—быстро и энергично заговорилъ, задѣтый за живое, Перепелкинъ: что на путь разврата я не вступалъ и не вступлю, потому что поставилъ себѣ цѣлію самоусовершенствованіе, слѣдовательно, стремленіе ко всему истинному, доброму, разумному и высоконравственному. Въ такихъ стремленіяхъ только и можно найти поддержку у людей, подобныхъ Бѣлинскому, который честною прямотою своихъ горячихъ убѣжденій, необыкновенною талантливостью и теплотою задушевнаго своего слова даетъ толчокъ мысли и чувству именно въ томъ направленіи, чтобы содѣйствовать возвышенію, а не развращенію человѣческой природы. Развращать могутъ только лицемѣры, ханжи, которые, подъ маской благочестія и святости, нерѣдко скрываютъ массу низкихъ страстей и пороковъ. Я привелъ безсодержательные стихи изъ Державина, не ради униженія его и не съ чужаго голоса, точно также и назвалъ его оду, откуда они взяты, превосходною, по собственному убѣжденію, потому что въ ней есть мѣста, оставляющія глубое впечатлѣніе въ душѣ, чего именно и требуется отъ истинной поэзіи.

— Вотъ какъ!—опять протянула госпожа Бланквистъ, вперивъ глаза на сильно раскраснѣвшуюся Клодочку.

Наступила пауза, продолжавшаяся минутъ пять, во время которой генеральша часто перемѣняла позы и казалась какъ будто раздраженной; Клодочка же съ робкимъ любопытствомъ посматривала то на нее, то еще чаще на Перепелкина.

— Я все думаю, — прервала, наконецъ, молчаніе Александра Андреевна:—что тутъ особенно трогательнаго въ этой выдуманной Некрасовымъ и навязываемой ямщику исторіи? Я представляю себѣ какую-нибудь замарашку Акульку, недурненькую лицомъ, которую бе-

рутъ въ горницу для забавы барышни, пріучаютъ ее къ кой-чему, даже грамотѣ, даже игрѣ на фортепьяно, чтобъ было съ кѣмъ играть барышнѣ въ четыре руки. И вотъ эта Акулька, прежняя замарашка, теперь умытая, разодѣтая, отшлифованная, или выдрессированная, уже начинаетъ задирать носъ и думать о себѣ Богъ знаетъ что. Никто, конечно, этого не замѣчаетъ, да не обращали, можетъ быть, даже и вниманія на нее, пока сохранялся строй жизни, къ которому всѣ привыкли; но вотъ обычный строй жизни быстро измѣняется: барышня, для забавы которой только и требовалась Акулька, выходитъ замужъ и уѣзжаетъ изъ имѣнія; старый баринъ, для котораго теперь, а можетъ быть и всегда безразлично было, существуетъ или не существуетъ на свѣтѣ Акулька, вскорѣ послѣ того умираетъ. Пріѣзжаетъ зять, лицо новое, который сразу видитъ ворону въ павлиньихъ перьяхъ, ну, конечно, общипываетъ ее, какъ и слѣдуетъ по законамъ божескимъ и человѣческимъ, тѣмъ болѣе, что эта ворона, очень ужъ зазнавшись, не только, можетъ быть, не попадала въ тонъ барина, какъ это требовалось ея положеніемъ, но даже задавала свой, по обычаю людей низкаго званія, когда они очутятся не на своемъ мѣстѣ.

Въ послѣднихъ словахъ, сказанныхъ какъ-то неспокойно, дѣйствительно чувствовалась нотка раздраженія, задѣвшая за живое Перепелкина. Но онъ промолчалъ. Клодочка, повидимому, тоже хотѣла что-то сказать на эту тему, но только пуще прежняго раскраснѣлась и не сводила глазъ съ Перепелкина, ожидая его реплики на слова тетки, но Перепелкинъ упорно молчалъ.

— Что жъ, я вѣрно охарактеризовала вамъ Акульку-замарашку?— сказала генеральша, смѣясь, очевидно, довольная своими послѣдними словами.

— Нѣтъ, невѣрно. Я представляю себѣ, что эта замарашка-Акулька, оставаясь въ своей мужицкой средѣ и не выходя изъ сферы понятій этой среды, могла бы сдѣлаться почтенной Акулиной, быть хорошей женой добраго мужа и хорошей матерью своихъ дѣтей, слѣдовательно, по-своему быть счастливой и доставлять счастье другимъ; но насильно оторванная отъ своей среды для забавъ барышни, поднятая въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ до уровня людей образованныхъ, потомъ опять брошенная въ эту же среду, сдѣлавшуюся ей чуждой въ моральномъ отношеніи, да еще насильно выданная замужъ за нелюбимаго человѣка, вопреки сердечной склонности, которую уже она имѣла къ учителю,—эта злосчастная, не по своей винѣ, Акулька, естественно, должна была захирѣть, зачахнуть и умереть, засвидѣтельствовавъ лишній разъ о безсердечіи и душевной черствости людей высшаго званія, забывающихъ, что такъ поступать съ ближнимъ,

хотя бы это былъ и рабъ, несогласно съ ученіемъ Христа, да и вообще противно всяческимъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ.

При послѣднихъ словахъ Перепелкина, произнесенныхъ, впрочемъ,—къ чести его надо сказать—тономъ совершенно спокойнымъ, безъ малѣйшаго задора, краска негодованія выступила на лицѣ генеральши. Чтобы скрыть ее, она быстро повернулась къ окну и засмотрѣлась на дорогу.

— Но вы забываете, Савва Саввичъ,—сказала наконецъ Клодочка, все время сочувственно смотрѣвшая на Перепелкина,—что этой мнимой Акулькѣ, воспитаніемъ ея и поднятіемъ чуть не до равенства съ господами, оказано великое и рѣдкое благодѣяніе, за которое ей и слѣдовало быть благодарной, а не подымать носъ и своевольничать, чѣмъ, очевидно, и вызвана катастрофа.

— Да откуда же это видно, что она подымала носъ и своевольничала—вѣдь это наши фантазіи? «Знать, она согрубила, аль стало тѣсно вмѣстѣ жить», эти предположенія ямщика, не даютъ повода думать ни о своеволіи, ни о заносчивости.

— Вотъ это именно есть: сочли неудобнымъ зазнавшуюся крѣпостную держать въ горницахъ, — говорила, безъ сомнѣнія, только для вида Клодочка.

— Такъ, въ такомъ случаѣ, лучше жъ было отдать ее замужъ за присватывавшагося къ ней учителя, а не подвергать ее нравственнымъ пыткамъ, насильно выдавъ ее замужъ за человѣка, съ которымъ, по степени ея умственнаго и нравственнаго развитія, ничего уже общаго у нея не могло быть.

— Сколько вамъ лѣтъ, мосье Перепелкинъ?—спросила Александра Андреевна, продолжая смотрѣть въ окно кареты.

— Мнѣ скоро будетъ 19 лѣтъ,—отвѣчалъ не безъ нѣкоторой гордости Перепелкинъ.

— Только-то! Значитъ, вы на годъ моложе Клодочки. Вотъ этою незрѣлостью и неопытностію и объясняются ваши опрометчивыя сужденія о дѣлѣ, для котораго требуется практическое пониманіе условій общественной жизни, а не теоретическое, часто ведущее людей неопытныхъ къ ложнымъ выводамъ.

Велѣно остановиться,

Это значило, что Перепелкинъ долженъ былъ пересѣсть во второй экипажъ.

Бланка очень обрадовалась этому перемѣщенію, которое, по ея мнѣнію, уже давно должно было состояться. Она полулежала въ дормезѣ, держа на рукахъ моську, противную для Перепелкина, и видомъ, и поминутною хрипотой, происходившей отъ одышки, вслѣдствіе ожирѣнія.

Освѣдомившись ломаннымъ языкомъ о томъ, что̀ новаго въ послѣдней почтѣ и что̀ вообще прочитано въ каретѣ, старая дѣва, очевидно, имѣла сильное желаніе разогнать свою скуку болтовней съ Перепелкинымъ, но предубѣжденный противъ нея и пренебрегши недавними наставленіями мосье Рагу: «быть всегда осторожнымъ съ дамами и никогда не манкировать вниманіемъ съ нимъ», онъ отвѣчалъ коротко, неохотно и даже сталъ притворяться дремлющимъ, чтобъ только отстала отъ него.

Но Бланка была не изъ такихъ особъ, которыя, разъ задумавъ что̀, скоро отказываются отъ своего намѣренія. Она кокетливо дотронулась рукой до Перепелкина и съ приторной нѣжностью сказала:

— Ви учӥтъ мина каваритъ по-русска, а я васъ по-нѣмецка и французска.

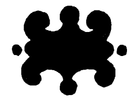
Маневръ этотъ возъимѣлъ свое дѣйствіе.

Перепелкину давно хотѣлось пріучиться къ пониманію разговорнаго языка французскаго и нѣмецкаго, которые онъ теоретически изучилъ въ бурсѣ весьма усердно.

И вотъ началось ломаніе трехъ языковъ, вызвавшее сосредоточенное вниманіе 2-й горничной, занимавшей мѣсто въ этомъ экипажѣ и удивившей Перепелкина своею переимчивостію, такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что больше десятка словъ, выясненныхъ Бланкой въ этотъ разъ для Перепелкина, она усвоила съ полной правильной интонаціей.

Трехъ-язычная бесѣда велась такъ оживленно и съ такимъ интересомъ для Перепелкина, что предубѣжденіе его противъ Бланки, вызванное характеристикой ея Лампіусомъ, стало уступать мѣсто чувству благодарности за такое полезное для него времяпрепровожденіе, и ему даже досадно стало, когда горничная замѣтила, что въѣхали въ село Трусиху.

(Продолженіе слѣдуетъ).

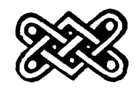

Мнѣніе Государственнаго Совѣта о мѣстѣ наказанія преступниковъ.

Высочайше утверждено 24-го января 1822 г.

Государственнаго Совѣта, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсматривано дѣло о наказаніяхъ за важнѣйшія преступленія.

Государственный Совѣтъ, уваживъ заключающееся въ семъ дѣлѣ обстоятельство, что одинъ преступникъ наказывается иногда въ разныхъ мѣстахъ и переводится съ мѣста на мѣсто безъ исцѣленія отъ ранъ, полагаетъ: 1) подтвердить повсемѣстно, чтобъ одинъ преступникъ былъ наказываемъ въ одномъ только мѣстѣ; 2) ежели кто учинитъ преступленія въ разныхъ уѣздахъ или городахъ, то начальники губерній должны назначать для наказанія преступника тотъ городъ, который многолюднѣе прочихъ; 3) наказанныхъ кнутомъ отправлять въ ссылку не прежде, какъ уже по совершенномъ ихъ излѣченіи и 4) изъ разныхъ злодѣевъ, участвовавшихъ вмѣстѣ во многихъ важныхъ преступленіяхъ, содѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, опредѣлять, смотря по числу людей, каждому, или двумъ, или тремъ—особое мѣсто наказанія, т. е. многолюднѣйшее.

Московскій университетъ и князь П. В. Лопухинъ.

(Переписка кн. П. В. Лопухина съ М. М. Херасковымъ и И. П. Тургеневымъ)

17-го февраля 1799 года Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ писалъ кн. П. В. Лопухину: «Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, князь Петръ Васильевичъ! Покорнѣйшую приношу вашему сіятельству благодарность за милостивое и обязательное ко мнѣ писаніе. Принимая во всей цѣнѣ благосклоннѣйшее позволеніе представить вамъ способъ къ вящшему подтвержденію вашего ко мнѣ благорасположенія, отваживаюсь доложить вашему сіятельству о себѣ, и ласкаюсь надеждою, что просьбою моею васъ не обезпокою.

«Государю императору угодно было пожаловать меня тайнымъ совѣтникомъ и возвратить мнѣ старшинство, по которому я не только сравнялся со многими тайными совѣтниками, въ послѣдній разъ произведенными въ дѣйствительные тайные совѣтники, но и сталъ старѣе нѣкоторыхъ поступившихъ въ высшій чинъ, о чемъ уже вы извѣстны. Товарищи мои произведены, а я, считая себя также въ службѣ, остался. При томъ же и не удостоился, съ другой стороны, получить знака монаршей высочайшей милости по моему чину.

«Въ таковомъ будучи положеніи, еще разъ прибѣгаю къ покровительству вашего сіятельства и всеусерднѣйше прошу, уваживъ болѣе, нежели двадцатилѣтнее, пребываніе мое при университетѣ кураторомъ и вообще службу мою, исходатайствовать знакъ нѣкотораго отличія и милости монаршей. Сіе не можетъ быть оскорбительно моимъ товарищамъ, потому что я уже былъ кураторомъ, когда они были еще молодые люди. Но желаю и имъ вашего за нихъ предстательства, по ихъ достоинствамъ. Оказанное мнѣ заступленіе и покровительство подкрѣпитъ ослабѣвающую бодрость духа моего и подастъ мнѣ новыя силы къ прославленію мужей, отличныхъ добродѣтелями и достойныхъ жить въ

памяти людей вѣчно, каковъ есть вы; они умножили бы благодарность мою къ вашей особѣ, ежели бъ только могла уже умножена быть сердечная преданность и то высокое почтеніе, кое питаю въ душѣ моей къ особѣ вашего сіятельства.

«Вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга».

Къ этому письму авторомъ его сдѣлана приписка:

Сіяетъ кто душой, тому не есть излишны,
Сіятельствъ имена, чины и титлы пышны;
Исчезнетъ въ вѣчности и княжество и чинъ;
Но будетъ тамъ сіять дѣлами Лопухинъ.

М. Х.

10-го марта того же года князь П. В. Лопухинъ, препровождая къ Хераскову высочайшую грамоту на пожалованіе ему ордена Св. Анны 1-й степени, добавилъ, что онъ пріятною обязанностію поставляетъ принести искреннее поздравленіе съ сею высокомонаршею милостію и изъявить сердечное желаніе, дабы чаще имѣлъ случай приносить подобныя поздравленія.

Слѣдствіемъ этого пожалованія было одно письмо Хераскова государю, а другое князю Лопухину [1]).

«Всемилостивѣйшій государь императоръ!

«Удостоясь принять высочайшій вашего императорскаго величества рескриптъ и при немъ знаки ордена Святыя Анны первыя степени, осмѣливаюсь пасть къ освященнѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества съ принесеніемъ живѣйшаго благодаренія. Послѣдніе дни жизни моей посвятятся въ прославленіе августѣйшаго вашего имени и въ ощущеніе высочайшихъ милостей и щедротъ».

Другое письмо на имя князя Петра Васильевича Лопухина:

«Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Удостоясь принять знакъ ордена Святыя Анны первой степени, при письмѣ вашей свѣтлости, и приписывая полученіе онаго милостивому вашему ходатайству, имѣю честь принести вамъ, милостивому государю, наичувствительнѣйшую благодарность. Смѣю удостовѣрить вашу свѣтлость, что никогда не забуду я вашего обязательнѣйшаго заступленіи и живо чувствовать буду во весь остатокъ дней моихъ милость вашу. При семъ приложенное на высочайшее имя благодарное письмо мое смѣю поручить благорасположенію вашей свѣтлости, и если нужно будетъ поднести оное, то всепокорнѣйше прошу оное исполнить.

«Съ истиннымъ высокопочитаніемъ, преданностію и величайшею признательностію имѣю честь быть».

---

[1]) Оба письма отъ 17-го марта.

P. S. «Осмѣливаемся всѣ вообще начальники университета всеусердно просить вашу свѣтлость о продолженіи вашего къ намъ и нашимъ подчиненнымъ покровительства. Мы несомнѣнно увѣрены, что вы благоволите быть предстателемъ у монаршаго трона за нашъ корпусъ, ибо по многимъ обстоятельствамъ потребенъ намъ надежный предстатель при лицѣ его императорскаго величества, который бы по дѣламъ нашимъ непосредственный имѣлъ доступъ ко всемилостивѣйшему государю и любя пользу, отъ наукъ проистекающую, ходатайствовалъ за нихъ и пекся объ ихъ благосостояніи, что уже вы и доказали по особливому вашему къ нимъ благорасположенію. И такъ, весь университетъ Московскій ободренъ будетъ и крайне обрадованъ, ежели удостоите воспріять на себя званіе его ходатая, къ которому бы университетскіе кураторы въ нужныхъ случаяхъ могли имѣть прибѣжище и, получая отъ вашей свѣтлости надлежащія наставленія, единственно въ вашей протекціи со всѣмъ своимъ училищемъ состояли. На все сіе съ покорностію ожидаемъ вашего благосклоннаго отзыва».

23-го марта кн. Лопухинъ доложилъ государю благодарственное письмо Хераскова и 24-го числа отправилъ Михаилу Матвѣевичу два письма. Первымъ изъ этихъ писемъ князь сообщилъ, что его величество принялъ означенное письмо со всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ, а во второмъ писалъ между прочимъ, что онъ всегда ставилъ и будетъ ставить себѣ честію исполнять всѣ порученія, какія относительно того сдѣлать ему будетъ угодно. Но что, въ то же время, онъ, князь Лопухинъ, считаетъ себя, довольно за сіе заплаченнымъ, если дѣйствія его въ пользу университета отнесутся къ его усердію, а не къ должности, коей на себя принять онъ и не ищетъ, и не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Лопухинъ просилъ Хераскова удостовѣрить гг. кураторовъ въ «семъ постоянномъ его образѣ мыслей и въ истинной благодарности за довѣріе ихъ».

6-го апрѣля 1799 г. князь Лопухинъ получилъ отъ Хераскова новое письмо, отъ 31-го марта, слѣдующаго содержанія:

«Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Почтеннѣйшее писаніе вашей свѣтлости, изъ коего видно къ совершенному обрадованію всѣхъ чиновъ, составляющихъ университетъ, усматривается обѣщаваемое милостивое принятіе ваше споспѣшествовать пользѣ учащихъ и учащихся, налагаетъ на всѣхъ насъ пріятный долгъ благодарности, а на меня при томъ и свидѣтельствовать сію признательность съ чувствованіемъ радости и удовольствія, что симъ отъ лица всего университета и исполняю.

«Въ полномъ увѣреніи на милость вашей свѣтлости, не премину я при встрѣчающихся случаяхъ воспользоваться вашимъ дозволеніемъ и откровенно во всемъ касательно до наукъ къ вамъ относиться.

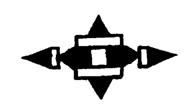
«При семъ случаѣ покорнѣйше прошу принять чувствительнѣйшую благодарность и за поднесеніе благодарительнаго письма моего государю императору. Вамъ, свѣтлѣйшій князь, долженъ я за новыя чувства радости моей о высочайшемъ ко мнѣ благоволеніи. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ, совершенною преданностію и признательностію имѣю честь быть».

Почти одновременно съ Херасковымъ, а именно 11-го марта 1799 г., къ князю Лопухину писалъ и директоръ Московскаго университета Иванъ Петровичъ Тургеневъ. «По искреннему»—говорилъ онъ—«желанію имѣть въ особѣ вашей свѣтлости предстателя Московскаго университета, и зная, что Михайла Матвѣевичъ Херасковъ принесъ къ вамъ просьбу о томъ, чтобъ вы вступиться изволили въ наше, искренно сказать, беззаступное состояніе. Ласкаюсь теперь пріятнѣйшею надеждою имѣть въ васъ милостиваго и прозорливаго ободрителя въ моихъ заботахъ. Смѣю увѣрить вашу свѣтлость, что ежели бъ вамъ угодно было взять на себя главное правленіе университета или, по крайней мѣрѣ, позволить адресоваться къ вамъ въ нуждахъ университетскихъ, то бы вдвое умножились мои старанія, мое усердіе о пользѣ какъ учащихъ, такъ и обучающагося и воспитываемаго здѣсь многочисленнаго юношества, которое требуетъ сильнаго покровителя, равно и учащіе ободрителя, который бы былъ въ состояніи возраждать и питать въ нихъ ревность и трудолюбіе, награждая добрыхъ и лишая лѣнивыхъ своей нѣжной и лестной для нихъ протекціи.

«Свѣтлѣйшій князь! не откажитесь быть истиннымъ и дѣйствительнымъ университету покровителемъ. Паче всего обрадуется моя склонность и рвеніе къ наукамъ, и я буду имѣть случай доказывать вашей свѣтлости ту искреннюю преданность, съ коею, равно какъ и съ истиннымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть, свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, вашей свѣтлости всепокорнѣйшій и обязаннѣйшій слуга».

Кн. Лопухинъ, письмомъ отъ 2-го апрѣля, благодаря за довѣріе, отвѣтилъ, что для него несравненно пріятнѣе, не налагая на себя званіемъ ходатая опредѣленной должности, стараться, сколько возможно, споспѣшествовать пользамъ университета изъ единаго усердія къ чести сего заведенія и изъ искренняго почитанія его къ лицамъ, онымъ управляющимъ.

Сообщилъ **Н. А. Мурзановъ.**

Отвѣтъ по поводу статьи: „Записки русскихъ женщинъ".

Съ чувствомъ искренняго соболѣзнованія прочелъ я «критическую» оцѣнку г. Бильбасова моего изданія «Записокъ» гр. В. Н. Головиной [1]): обнаруживъ много усердія и «отличной ревности» въ исправленіи корректурныхъ ошибокъ моего изданія, г. Бильбасовъ измѣняетъ флагу серьезнаго историка и совершаетъ рядъ историческихъ передержекъ, въ надеждѣ, вѣроятно, на то, что форма его «критики» побудитъ меня оставить ее безъ отвѣта, какъ сдѣлалъ это покойный Н. К. Шильдеръ [2]). Надѣвая на себя предъ читателями мантію жреца исторической истины, г. Бильбасовъ однако на столько погрѣшаетъ противъ этой истины, что я считаю своею обязанностію не оставлять читателей въ заблужденіи.

Прежде всего, г. Бильбасовъ обвиняетъ меня въ искаженіи текста «Записокъ» гр. В. Н. Головиной. Въ предисловіи къ «Запискамъ» мною подробно разсказана ихъ исторія [3]). Между прочимъ, было указано, что существуетъ нѣсколько списковъ съ «Souvenirs» Головиной и что переводъ ихъ былъ сдѣланъ мною по копіи съ одного изъ этихъ списковъ, бывшаго у меня въ рукахъ. Каждый, занимавшійся научной разработкой исторіи, знаетъ, что списки, воспроизводящіе какой-либо документъ, имѣютъ значеніе лишь по стольку, по скольку они воспроизводятъ оригиналъ. Къ сожалѣнію, за 80-лѣтній промежутокъ времени, истекшій со времени смерти гр. В. Н. Головиной, ни въ печати, ни въ историческихъ кружкахъ не существовало свѣдѣній, гдѣ именно находится оригиналъ ея «Записокъ». Хотя отъ времени до времени во французской печати и появлялись отрывки изъ нихъ, но безъ имени

[1]) „Записки русскихъ женщинъ" („Русская Старина", 1904, I, 99).

[2]) Тамъ же, 1901, IV, 33—41, статью: „Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I".

[3]) „Записки графини В. Н. Головиной", Спб., 1900, I—XXI.

автора; мало того, казалось, не было надежды на то, что владѣльцы оригинала напечатали его цѣликомъ даже въ отдаленномъ будущемъ: маркизъ де-Барегаръ, печатая отрывокъ изъ «Souvenirs» Головиной въ «Revue d'histoire diplomatique» (1896, X, 360), объявилъ, что онъ связанъ предъ кѣмъ-то обѣщаніемъ не обнаруживать имени ихъ автора. Этотъ по меньшей мѣрѣ архаическій секретъ стѣснялъ лишь возможность пользоваться драгоцѣннымъ историческимъ матеріаломъ, столь необходимымъ для изученія эпохи Екатерины и Павла, а при отсутствіи оригинала провѣрить бо̀льшую или меньшую близость къ нему списка, конечно, не было возможно. Предоставляю читателямъ судить, на сколько могъ я соблюсти «безусловную точность перевода съ оригиналомъ», въ нарушеніи которой обвиняетъ меня г. Бильбасовъ, скрывая отъ читателей сказанное мною въ предисловіи. Мало того, въ моемъ предисловіи къ «Запискамъ» Головиной главною причиной появленія ихъ перевода было ясно указано мое желаніе вызвать къ жизни самый оригиналъ, пребывавшій въ таинственной неизвѣстности, такъ какъ каждый списокъ, и мой въ частности, естественно не можетъ имѣть полной научной достовѣрности. Ниже я скажу, почему я, вопреки этому правилу, вполнѣ довѣряю списку г. Бильбасова. Изъ его замѣчаній я однако съ удовольствіемъ узнаю, что копія со списка, бывшаго у меня въ рукахъ, весьма близка къ оригиналу: въ 269 страницахъ русскаго перевода «Souvenirs», за исключеніемъ мѣстъ, не напечатанныхъ по цензурнымъ условіямъ, не хватаетъ, по словамъ г. Бильбасова, одной стихотворной строчки:

«Que ton château sur toi renverse ses murailles»

и «третьяго французскаго стихотворенія», содержаніе котораго г. Бильбасовымъ не указано. Пропускъ мною этой строки и «третьяго стихотворенія» г. Бильбасовъ объясняетъ по-своему: плохимъ знаніемъ мною французскаго языка и тѣмъ, что я «утомленъ былъ трудностями перевода французскихъ стихотвореній», прибавляя, что приведенная стихотворная строчка—«дѣйствительно очень трудна». Смѣю увѣрить г. Бильбасова, что если бы указанная строчка дѣйствительно оказалась «очень трудною» для меня, какъ для него,—въ Петербургѣ, оказалось бы много знающихъ людей, къ которымъ я не затруднился бы обратиться за разрѣшеніемъ этой единственной трудности.

Остальныя два, три замѣчанія г. Бильбасова по тексту «Записокъ» свидѣтельствуютъ лишь объ ошибкахъ переписчика: «mission étrangère» вмѣсто правильнаго «missions etrangères» есть единственно важная и мѣняющая смыслъ текста. Что это была описка, доказываетъ переводъ въ единственномъ числѣ, а не во множественномъ, если бы слово это представляло трудность для переводчика, какъ, не замѣчая этого, увѣряетъ читателей г. Бильбасовъ. «Что это за иностранное

посольство»! восклицаетъ г. Бильбасовъ... «Въ подлинникѣ ни о какомъ иностранномъ посольствѣ не упоминается, и оно есть результатъ невѣжества переводчика, надѣющагося на безнаказанное извращеніе текста, еще не изданнаго и потому мало кому извѣстнаго [1]). Г. Шумигорскій, не имѣющій никакого понятія о безцѣнныхъ услугахъ, оказанныхъ иностранными миссіями христіанству и человѣчеству, обращаетъ миссіонеровъ въ посланниковъ»!

Эта прелестная по тону и самоувѣренности тирада г. Бильбасова выдаетъ его головой. Во-первыхъ, нельзя понять, какъ можно извращать текстъ еще не изданный и потому мало кому извѣстный, какъ неизвѣстенъ онъ былъ и переводчику. Г. Бильбасовъ настолько понимаетъ дѣло, что не станетъ ссылаться на разночтенія списковъ, которые безъ оригинала невсегда могутъ быть согласованы. Дѣло въ томъ, что у г. Бильбасова есть уже въ рукахъ копія съ оригинала «Souvenirs» гр. Головиной, и онъ, скрывая это отъ читателей, ломится въ открытую дверь, приберегая у себя за пазухой маленькій шансикъ на случай моихъ сомнѣній въ правильности его чтенія, а тѣмъ временемъ показывая силу критическаго своего ясновидѣнія [2]). Это умолчаніе г. Бильбасова даетъ мнѣ случай первому сообщить читателямъ, что французскій оригиналъ «Souvenirs» гр. Головиной находится въ Парижѣ во владѣніи потомка ея, графа Мнишка, который вмѣстѣ съ другимъ ея потомкомъ, гр. Лянскаронскимъ, и приготовляетъ его къ изданію, пользуясь при этомъ содѣйствіемъ графа Г. С. Строганова. Гр. Лянскаронскій, заботясь о возможной полнотѣ изданія, еще годъ тому назадъ обращался ко мнѣ за нѣкоторыми свѣдѣніями по изданію и за разрѣшеніемъ воспользоваться для него какъ примѣчаніями къ моему переводу «Записокъ», такъ и предисловіемъ къ нимъ, переведеннымъ для почтенныхъ издателей на французскій языкъ г. Пирлингомъ. Умалчивая обо всемъ этомъ, г. Бильбасовъ позволяетъ себѣ однако лишній разъ намекнуть на мою «небрежность»: «при серьезной работѣ,—говоритъ онъ,—всякій постарается основаться на подлинникѣ, который хотя съ трудомъ, но все же можетъ быть добытъ». Любопытно, однако, отмѣтить, что самъ г. Бильбасовъ написалъ первый томъ «Исторіи Екатерины II, основываясь лишь на изданіи Герцена: «Memoires de l'Impératrice Catherine II», хотя и сознавалъ, что «подлинность

---

[1]) Подчеркнуто нами. Е. Ш.

[2]) „Гдѣ бы однако ни былъ,—говоритъ онъ,—подлинникъ воспоминаній графини Головиной, онъ не придастъ г. Шумигорскому бо́льшаго знанія французскаго языка и не измѣнитъ его небрежнаго отношенія къ тексту. Зачѣмъ же г. Шумигорскому такъ желательно видѣть оригиналъ? Что онъ надѣется найти въ немъ, чего не было бы въ спискахъ?“

«Записокъ» можетъ быть научно обоснована лишь при непосредственномъ знакомствѣ съ рукописью» [1]). Мы не ставимъ, однако, этого въ вину г. Бильбасову, какъ никто не винилъ и Герцена, издавшаго «Записки» безъ сличенія ихъ съ недоступнымъ для него оригиналомъ. Готовящееся академическое изданіе «Записокъ» Екатерины и масса новыхъ матеріаловъ конечно заставятъ г. Бильбасова передѣлать какъ изданные имъ два тома его «Исторіи», такъ и послѣдующіе рукописные, если только они написаны.

Мы исчерпали въ сущности всѣ цѣнныя замѣчанія г. Бильбасова, потому что дальнѣйшія критическія его указанія возбуждаютъ только недоумѣніе, серьезно-ли говоритъ сей заслуженный историкъ или шутитъ съ читателями. Обращаясь къ этому переводу «Записокъ», онъ утверждаетъ прежде всего, что переводы на русскій языкъ русскихъ историческихъ мемуаровъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ, совершенно излишни, такъ какъ «удовлетворяютъ только праздное любопытство, незнакомое съ иностранными языками... Г. Шумигорскій оказалъ бы услугу исторической наукѣ изданіемъ французскаго подлинника, съ котораго онъ переводилъ (!), безъ обнародованія никому ненужнаго перевода». Остается спросить г. Бильбасова, не считаетъ-ли онъ часть русскаго общества, «незнакомаго съ иностранными языками», за состоящую изъ такихъ людей, которые отнюдь не имѣютъ права интересоваться прошлымъ своей страны и народа? Или г. Бильбасовъ думаетъ, что для удовлетворенія «празднаго любопытства» этого «необразованнаго» стада нужны только переводы иностранныхъ авторовъ, преимущественно беллетристовъ? При этомъ историкъ Екатерининской эпохи для доказательства своей мысли даетъ завѣдомо ложную справку, что записки императрицы Екатерины II «изданы были безъ перевода на русскій языкъ». Издававшій ихъ А. И. Герценъ не считалъ русскаго общества, не имѣвшаго лингвистическихъ познаній, за быдло, и, почти одновременно съ появленіемъ французскаго изданія, «Записки» Екатерины появились и въ русскомъ переводѣ въ Лондонѣ [2]). Справка г. Бильбасова—завѣдомо ложная, потому что объ этомъ переводѣ упоминается въ трудахъ самого г. Бильбасова [3]).

Еще болѣе страннымъ является удивленіе г. Бильбасова, почему «Souvenirs» Головиной превратились въ моемъ переводѣ въ «Записки» Головиной. «Такое смѣшеніе воспоминаній, souvenirs, съ записками, memoires,—пишетъ г. Бильбасовъ,—могло произойти только

---

[1]) „Исторія Екатерины II“, XII, ч. 2, 334.

[2]) „Записки императрицы Екатерины II“. Изданіе Искандера. Переводъ съ французскаго. London. 1859.

[3]) „Исторія Екатерины II“, XII, ч. 2, 333.

вслѣдствіе небрежнаго отношенія переводчика къ французскому языку, такъ какъ графиня В. Н. Головина, въ концѣ своихъ воспоминаній, категорически заявляетъ: «я пишу записки, а не воспоминанія». Уже эта цитата, сдѣланная по моему же переводу, должна была предостеречь критика. Если бы я издавалъ подлинникъ во французскомъ оригиналѣ, то, разумѣется, не счелъ бы себя въ правѣ—безъ оговорки, по крайней мѣрѣ, измѣнять заглавіе, данное Головиной своему труду только изъ скромности [1]). На самомъ же дѣлѣ, трудъ ея—есть именно «Записки», дающія въ строгомъ послѣдовательномъ разсказѣ широкую картину жизни высшаго общества ея эпохи, тѣмъ болѣе, что за Александровское время погодная запись событій въ «Запискахъ» отнюдь не носитъ характера «воспоминаній». Назвать трудъ Головиной въ русскомъ переводѣ «воспоминаніями» было бы именно свидѣтельствомъ «небрежнаго отношенія переводчика» къ родному, русскому языку, что̀, очевидно, не смутило бы г. Бильбасова, старающагося установить разницу въ терминологіи «записокъ» и «воспоминаній» тѣмъ, что, будто бы, въ «запискахъ» авторы съ должной полнотой сообщаютъ біографическія о себѣ подробности. Опровергать г. Бильбасова въ этомъ отношеніи, я считаю лишнимъ. Нѣсколькими страницами ниже, забывъ написанное, «жрецъ истины» самъ себя опровергаетъ, когда это ему нужно для нападенія на меня съ другой стороны. «Графиня Головина, говоритъ онъ, писала не записки, а воспоминанія; если она ни словомъ не вспомнила о своемъ переходѣ въ лоно католической церкви, то, конечно, имѣла на то свои основанія», т. е., по новому мнѣнію г. Бильбасова, біографическія данныя должны заключаться въ воспоминаніяхъ, а не запискахъ. Для полнаго его убѣжденія сошлемся также на его же собственную критическую статью обо мнѣ, озаглавленную: «Записки русскихъ женщинъ», и на примѣръ, для него непререкаемый, французскихъ издателей отрывковъ «Записокъ Головиной»: графа Фицтума «Catherine II d'après des memoires inédits» [2]) и маркиза де-Борегара, называющаго трудъ Головиной: «Memoires d'une grande dame russe» [3]).

Подчеркнувъ съ особымъ удовольствіемъ нѣсколько корректурныхъ и типографскихъ недосмотровъ въ моемъ переводѣ (въ родѣ: Брунзалъ вм. Бруксалъ, Mendon вм. Meudon), г. Бильбасовъ говоритъ затѣмъ о моихъ примѣчаніяхъ къ изданію. «Пока графиня Головина остается въ

---

[1]) Въ моемъ „предисловіи" было именно сказано: „Сама графиня была весьма скромнаго мнѣнія о своихъ „Запискахъ" и не хотѣла дать имъ громкаго названія „мемуаровъ" (XIX).

[2]) Par le comte Vitzthum. Paris, 1890.

[3]) „Revue d'histoire diplomatique", X, 360.

Россіи, г. Шумигорскій снабжаетъ свой переводъ кое-какими примѣчаніями, но все же не лишними; съ переѣздомъ же Головиной за границу примѣчанія переводчика отпадаютъ совершенно, и даже Гуфеландъ, всемірно извѣстный авторъ «Макробіотики», удостоивается только отмѣтки: «Знаменитый врачъ того времени, р. 1762, ум. 1836». Какъ событія, такъ и лица проходятъ мимо г. Шумигорскаго совершенно безслѣдно, ничего не говоря ни уму, ни сердцу. Онъ ничѣмъ не интересуется, потому что ничего не знаетъ. Онъ небрежно переводитъ и оставляетъ безъ всякаго примѣчанія слѣдующее, напр., «воспоминаніе» гр. Головиной: «Въ Готѣ покойный герцогъ похороненъ, по его волѣ, въ его саду, безъ гроба, въ рубашкѣ. Его могила внутри выстлана газономъ и окружена плетнемъ, чтобы земля не коснулась его... Странныя свойства его души, своеобычная фантазія, тщеславіе, пренебрегающее истиной, которой онъ не признавалъ, даетъ представленіе о фиглярѣ, который своими фокусами не попадаетъ въ цѣль. Предметъ, который онъ хотѣлъ скрыть, открылся предъ глазами публики. Мнѣ досадно за герцога, который все же умеръ и съѣденъ червями». О комъ тутъ говорится? О чемъ тутъ идетъ рѣчь? Г. Шумигорскому, казалось бы, лучше, чѣмъ кому-либо извѣстно, что фигляровъ много на свѣтѣ, ими хоть прудъ пруди, и этого указанія никоимъ образомъ недостаточно для опредѣленія личности. Графиня Головина знала о комъ она вспоминала и о чемъ писала; переводчикъ же, г. Шумигорскій, и не догадывается, что этотъ, по словамъ гр. Головиной, фигляръ игралъ выдающуюся роль въ исторіи Германіи, его знала и высоко цѣнила Екатерина II; его уважалъ Фридрихъ II, и всѣ (sic) глубоко были опечалены, узнавъ, что 29-го марта 1804 г. умеръ герцогъ Саксенъ-Готскій Эрнстъ II. Мало того, Шумигорскій и не подозрѣваетъ, что предокъ этого «фигляра», герцогъ Эрнстъ I, переписывался съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и что русское посольство ѣздило отъ царя въ Готу. Если бы г. Шумигорскій обладалъ общимъ историческимъ образованіемъ, онъ прочелъ бы любопытныя данныя объ этомъ фиглярѣ гр. Головиной въ изслѣдованіи Трачевскаго: «Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II Фридриха II и Іосифа II».

Изъ всего этого словоизверженія г. Бильбасова я понялъ только одно, что до появленія его статьи я зналъ однимъ фигляромъ на свѣтѣ меньше. Для удовлетворенія «празднаго любопытства» русскихъ читателей я снабдилъ «Записки» Головиной, въ той ихъ части, гдѣ она касается исторіи Россіи, примѣчаніями, которыя самъ же мой критикъ признаетъ «не лишними», даже «скудными» [1]); о лицахъ же, съ которыми Голо-

---

[1]) Забавно, что нѣсколькими строками ниже г. Бильбасовъ укоряетъ меня за излишество въ примѣчаніяхъ, такъ какъ о дѣвицахъ Нарышкиныхъ я

вина сталкивалась за границей, я не считалъ нужнымъ дѣлать особыя примѣчанія безъ крайней необходимости, если они не имѣли отношенія къ Россіи, чтобы не увеличивать размѣровъ книги, хотя о всѣхъ этихъ, часто совершенно ничтожныхъ личностяхъ легко было имѣть свѣдѣнія даже изъ всевозможныхъ «Biographies», извѣстныхъ мнѣ, быть можетъ, не менѣе, чѣмъ г. Бильбасову. Г. Бильбасовъ обиженъ за Саксенъ-Готскаго герцога, что Головина назвала его фигляромъ, и ставитъ мнѣ въ вину, что я не вступилъ въ особомъ примѣчаніи въ полемику съ Головиной, чтобы оградить память герцога, котораго многіе уважали за его просвѣщенный духъ и «вольтерьянство», но многіе и порицали. То обстоятельство, что предокъ этого «фигляра» переписывался съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и что русское посольство ѣздило къ нему отъ царя въ Готу, отнюдь не имѣетъ значенія по отношенію къ самому «фигляру» и не могло заставить меня, измѣняя своему правилу, обѣлять его репутацію. При томъ, мало-ли о комъ современники, въ томъ числѣ Головина, могли создавать себѣ неправильныя представленія, и если бы я вздумалъ вступать съ Головиной въ полемику, то, быть можетъ, это многимъ показалось бы не только излишнимъ, но и неприличнымъ. Указаніе г. Бильбасова на сочиненіе Трачевскаго, являющееся въ его глазахъ авторитетнымъ, нѣсколько односторонне: на стр. 179 этого труда г. Бильбасовъ нашелъ бы общую характеристику фюрстовъ, въ родѣ Эрнста, не совсѣмъ для нихъ лестную. Что касается до «общаго историческаго образованія», отсутствіе котораго предполагаетъ во мнѣ г. Бильбасовъ, то, хотя я и «не былъ въ Парижѣ», оно болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы предостеречь меня отъ ошибокъ, не корректурныхъ, а чисто историческихъ, встрѣчающихся въ трудахъ самого г. Бильбасова. Нашъ «жрецъ истины», мнящій себя единственнымъ на свѣтѣ спеціалистомъ по эпохѣ Екатерины, издавъ о ней въ двухъ томахъ массу не только «всероссійскихъ», но и заграничныхъ «сплетенъ» (пользуемся счастливымъ выраженіемъ самого Бильбасова),—не показываетъ твердости въ знаніи элементарныхъ историческихъ фактовъ и по этой эпохѣ. Такъ, по сообщенію «историка Екатерины II», другъ и союзникъ ея, императоръ германскій Іосифъ II былъ отцомъ своего преемника, императора Леопольда II [1]), тогда какъ по другимъ менѣе, вѣроятно, достовѣрнымъ,

---

упомянулъ, что одна изъ нихъ скончалась въ младенчествѣ, а другая—отъ чахотки. Историку екатерининскаго времени простительно не знать, что эти Нарышкины были дочери Александра I.

[1]) В. Бильбасовъ: „Историческія монографіи", IV, 465. Чтобы г. Бильбасовъ не отрекся отъ сдѣланнаго имъ открытія, привожу его полностію. „2-го декабря 1789 года они (инсургенты) объявили Іосифа II лишеннымъ власти въ Нидерландахъ. Императоръ, уже больной, не вынесъ такого „оскорбленія"

*

но общепринятымъ по сіе время свѣдѣніямъ онъ былъ братомъ его. Не къ невѣжеству «жреца истины», а къ «ярому» его желанію осудить меня отношу я его удивленіе, что, говоря о крымскихъ татарахъ, я перевелъ не точное выраженіе Головиной: «nouvellement conquis» словами: «вновь присоединенные», а не «завоеванные», какъ учитъ меня г. Бильбасовъ: всякому, даже не учившемуся въ семинаріи, извѣстно, что Крымъ былъ «присоединенъ», а не «завоеванъ». О «завоеваніи» его мы, можетъ быть, узнаемъ только изъ будущихъ работъ г. Бильбасова.

Фельетонные и недобросовѣстные пріемы «критики» моего оппонента краснорѣчиво говорятъ, для чего собственно производитъ онъ сыскъ надъ русскимъ переводомъ «Записокъ» Головиной. Въ одномъ лишь мѣстѣ, въ заключительной части своей «критической» замѣтки онъ, какъ видно, задѣтъ за живое: какъ смѣлъ я въ предисловіи къ «Запискамъ» говорить о вліяніи на Головину іезуитовъ и объ обращеніи ея въ католичество? Полемическія красоты г. Бильбасова являются при этомъ въ полномъ блескѣ, такъ что невольно удивляешься, какъ только рѣшается онъ гласно требовать искаженія исторіи въ партійныхъ, хотя бы и іезуитскихъ цѣляхъ. Конечно, исторія совращенія русскихъ аристократокъ въ католичество, совершавшагося іезуитами въ концѣ XVIII въ началѣ XIX в. ad majorem Dei gloriam и для наполненія іезуитской кассы, очень печальна по своимъ подробностямъ и едва-ли, даже для г. Бильбасова, выставляетъ ихъ выгодно въ моральномъ смыслѣ; и изъ того не слѣдуетъ, что объ этомъ должно умалчивать. «Въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ мой критикъ, графиня Головина ни словомъ не упоминаетъ о переходѣ своемъ въ латинство. Казалось бы, это должно было предостеречь переводчика. Графиня Головина писала не записки, а воспоминанія; если она ни словомъ не вспомнила о своемъ переходѣ въ лоно католической церкви, то, конечно, она имѣла на то свои основанія». Вслѣдъ затѣмъ г. Бильбасовъ позволяетъ себѣ рядъ возмутительныхъ передержекъ на мой счетъ. «Она (Головина), говоритъ онъ, сознавала, что лишь немногіе способны понять «смутную тревогу чего-то жаждущей души, что большинству чужды, непонятны страдальческія исканія вѣчной истины, мученическія стремленія къ высокому, неземному идеалу, та духовная страстность, которая дается въ удѣлъ немногимъ, только избраннымъ и къ которой толпа всегда остается безучастною и нерѣдко относится съ злобнымъ осужденіемъ, забывъ божественный завѣтъ: «не судите да не судимы будете». Г. Шумигорскій не только судитъ, но и осуждаетъ». Эта чисто—іезуитская, сладкая пѣснь г. Бильбасова, какъ

и, 20-го февраля 1790 года, скончался. Леопольдъ II, наслѣдовавшій отцу, явился ярымъ его порицателемъ“ (464—465).

увидитъ читатель, есть самое недобросовѣстное извращеніе моего мнѣнія о Головиной и о ея обращеніи и разсчитано только на то, что читателямъ, можетъ быть, незнакомо содержаніе моего предисловія. Вотъ выдержки изъ моего предисловія. «Графиня Головина выдѣлялась не только своею красотою, но и своимъ образованіемъ, умомъ и художественными дарованіями; мягкій и добрый характеръ, безупречная репутація, благородство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ также рѣзко отличали гр. Головину отъ многихъ другихъ представительницъ высшаго общества ея времени. Но въ характерѣ Головиной были особенности, направившія ея дѣятельность по ложной дорогѣ: это было преобладаніе сердца надъ разсудкомъ, чрезмѣрная впечатлительность и, какъ ея послѣдствіе, восторженность чувствъ... Всѣми этими качествами Головина приближалась къ типу «прекраснодушныхъ» русскихъ женщинъ второй половины XVIII в., создававшихъ себѣ религію сердца и жаждавшихъ правды и чистой, нѣжной любви. Но сѣрая русская дѣйствительность того времени не представляла ни уму, ни сердцу, жаждавшему преклоненія, никакихъ отчетливо сложившихся дисциплинъ, въ русской жизни нужно было тогда разбираться, нужно было самому создавать себѣ какіе-либо интересы: до такой степени она была некультурна и безформенна. Къ такой работѣ неспособны были люди, которые природой и воспитаніемъ предназначены были къ жизни созерцательной; оттого, при первой крупной неудачѣ, при первой жизненной бурѣ, они стремились съ своими духовными запросами туда, гдѣ волновавшія ихъ идеи нашли уже себѣ ясное и полное отраженіе, отвѣчавшее ихъ чувствамъ, и такимъ образомъ могли содѣйствовать ихъ душевному успокоенію. Дисциплинами этими явились роялизмъ и католицизмъ, представители которыхъ, эмигранты и іезуиты, въ нашемъ офранцуженномъ обществѣ были своими людьми, находя себѣ въ немъ вторую Францію..Красотъ русскаго духа, прикрытыхъ внѣшнимъ русскимъ убожествомъ, не знали и не понимали; зато казалось вполнѣ понятнымъ воплощеніе монархической идеи въ рѣчахъ эмигрантовъ, и единеніе съ Богомъ въ сладкихъ, иногда торжественныхъ рѣчахъ іезуитовъ. Оттого болѣе воспріимчивыя, болѣе нервныя и, быть можетъ, болѣе даровитыя изъ русскихъ женщинъ высшаго общества и сдѣлались жертвами іезуитской пропаганды: онѣ слишкомъ заняты были внутреннею своею жизнію, и кристальная чистота ихъ духовнаго томленія послужила имъ лишь въ пагубу, оторвавъ ихъ отъ родной почвы. Графиня Головина была одной изъ первыхъ жертвъ, захваченныхъ іезуитами, а за ней и отчасти благодаря ея вліянію

послѣдовалъ рядъ другихъ прозелитокъ, въ томъ числѣ подруга ея, знаменитая впослѣдствіи г-жа Свѣчина; но и въ самомъ своемъ отпаденіи отъ родной вѣры онѣ явились яркимъ выраженіемъ русскаго народнаго духа, духа смиренія и самоотреченія».

Читатели сами могутъ оцѣнить теперь, какъ я «сужу» и какъ я «осуждаю» Головину и какого довѣрія заслуживаетъ г. Бильбасовъ, для котораго, очевидно, всѣ средства хороши, если достигаютъ цѣли, по іезуитскому правилу. Но я дѣйствительно «судилъ» и «осуждалъ»... Дѣятельность іезуитовъ въ Россіи, которые пользовались «кристальной чистотой духовнаго томленія» своихъ жертвъ, чтобы ихъ грабить и сдѣлать ихъ орудіемъ католической пропаганды. Это, конечно, не можетъ нравиться ни Бильбасову, ни его друзьямъ. Некрасивыя въ моральномъ смыслѣ дѣйствія членовъ ордена Іисуса въ Россіи, имѣвшія большое значеніе въ культурной жизни русскаго общества XVIII и начала XIX вѣка, нужно было, по его мнѣнію, скрыть, и г. Бильбасовъ скорбитъ, что я не умолчалъ объ обращеніи Головиной въ католичество іезуитами, хотя ея обращеніе было сигналомъ для прозелитизма многихъ другихъ русскихъ женщинъ, и домъ Головиной сдѣлался центромъ католической пропаганды въ Петербургѣ. Г. Бильбасовъ, въ недовольствѣ своемъ, не останавливается и предъ инсинуаціями въ «либеральномъ» духѣ. «Упомянувъ, говоритъ онъ, о «совращеніи русскихъ женщинъ высшаго общества», объ ихъ «отступничествѣ», г. Шумигорскій видитъ въ этомъ лишь «религіозную горячку» и отмѣчаетъ только, что онѣ «сами себя вычеркнули изъ списка русскихъ подданныхъ». Такое смѣшеніе вѣроисповѣднаго чувства съ вѣрноподданническимъ невольно напоминаетъ, что премудрость «не внидетъ въ душу злохудожну». Фраза, указанная г. Бильбасовымъ, дѣйствительно заключается въ моемъ предисловіи къ «Запискамъ», но носитъ совсѣмъ другой характеръ. Дѣло въ томъ, что прозелитки іезуитовъ, въ томъ числѣ Головина, подъ вліяніемъ духовныхъ своихъ отцовъ, переселялись обыкновенно за границу, состояніе свое тратили на указанныя іезуитами цѣли и дѣтей своихъ воспитывали въ полномъ незнаніи Россіи; дочерей онѣ обыкновенно выдавали замужъ за иностранцевъ. Связь этихъ прозелитокъ съ Россіей поддерживалась только исправнымъ полученіемъ доходовъ съ русскихъ имѣній, которыя, впрочемъ, не долго оставались въ ихъ владѣніи и продавались. Уже во второмъ поколѣніи потомство прозелитокъ были для Россіи «иностранцами» въ полномъ смыслѣ этого слова. Это послѣдствіе дѣятельности іезуитовъ и было отмѣчено мною въ предисловіи. «Мужья, — писалъ я, — въ большинствѣ случаевъ зараженные «вольтерьянствомъ», обыкновенно смотрѣли на религіозную горячку своихъ женъ

съ насмѣшливымъ равнодушіемъ, не замѣчая, что ихъ дѣти также становятся чужды своему отечеству. Такимъ образомъ много русскихъ аристократическихъ семействъ сами себя вычеркнули изъ списка русскихъ подданныхъ». То, что сказано было о «семействахъ», «фамиліяхъ» нашихъ прозелитокъ, г. Бильбасовъ относитъ къ нимъ самимъ, но стоитъ-ли ему останавливаться предъ такими пустяками?

Г. Бильбасовъ, желая какъ-либо подорвать сообщаемыя мною въ предисловіи свѣдѣнія объ іезуитахъ, говоритъ, между прочимъ, что мнѣ чуждо точное употребленіе слова «іезуитъ», какъ наименованіе членовъ общества Іисуса. «Г. Шумигорскому, говоритъ онъ, необходимо напомнить, что члены общества Іисуса, какъ католическаго ордена, всѣ суть католики, но далеко не всѣ католики суть члены общества Іисуса, суть іезуиты»; графъ Фаллу и шевелье д'Огардъ, которыхъ я называю іезуитами, не были, по указанію г. Бильбасова, членами ордена іезуитовъ. Мнѣ также приходится напомнить г. Бильбасову, что въ іезуитскомъ орденѣ, какъ должно быть ему извѣстно, кромѣ явныхъ, были и тайные члены, которые по своему общественному положенію не могли гласно объявить о принадлежности своей къ ордену и тѣмъ удобнѣе и легче содѣйствовали ему на поприщѣ общественной дѣятельности втихомолку, тайкомъ, что̀ и оговорено было въ предисловіи: «были,—писалъ я,—іезуиты скрытые, еще не обнаружившіе своихъ цѣлей и принадлежности къ обществу Іисуса», въ числѣ ихъ былъ іезуитъ д'Огардъ, «подъ личиною веселаго свѣтскаго болтуна умѣвшій вывѣдывать почву и заручиться расположеніемъ вліятельныхъ лицъ». «Честь распространенія католицизма среди русскаго общества,—говоритъ сама Свѣчина,—принадлежитъ шевалье д'Огарду»[1]. Тотъ же д'Огардъ способствовалъ расхищенію императорской публичной библіотеки въ Петербургѣ, по свидѣтельству Антоновскаго. Фаллу же былъ министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи. «При немъ, говоритъ г. Бильбасовъ, изданъ былъ знаменитый законъ о свободѣ обученія (sur la liberté de l'enseignement, поясняетъ по-французски для бо̀льшаго, должно быть, впечатлѣнія г. Бильбасовъ) и, безъ сомнѣнія, для общества Іисуса было бы большою честію считать его въ числѣ своихъ членовъ, но онъ имъ никогда не былъ». Г. Бильбасовъ говоритъ это такъ увѣренно, что точные списки іезуитовъ, вѣроятно, ему извѣстны, но ему трудно вѣрить и въ данномъ случаѣ, такъ какъ и здѣсь онъ позволяетъ себѣ передержку въ надеждѣ на незнакомство съ дѣломъ русскихъ читателей, для удовлетворенія «празднаго любопытства» которыхъ написалъ онъ

[1]) Falloux: „Madame Swetchine" etc., I, 30: „L'honneur de l'introduction du catholicisme parmi les Russes est dù au chevallier d'Augard".

статью о моихъ прегрѣшеніяхъ. Законъ о свободѣ обученія (sur la liberté de l'enseignement), изданный Фаллу и выдвигаемый въ его защиту противъ меня г. Бильбасовымъ, вовсе не былъ «либеральнымъ» актомъ французскаго правительства, на что̀, очевидно, желаетъ намекнуть г. Бильбасовъ, а изданъ былъ въ пользу религіозныхъ конгрегацій, въ томъ числѣ и ордена іезуитовъ, дѣятельность которыхъ на поприщѣ воспитанія и обученія стѣснена была ранѣе господствомъ антиклерикальныхъ тенденцій въ законодательствѣ. Вотъ на какой свободѣ (la liberté) уловляетъ читателей нашъ жрецъ истины! Стоитъ прочитать самого Фаллу, описавшаго пребываніе Свѣчиной въ католичествѣ, чтобы увидѣть, насколько сочувствовалъ онъ іезуитамъ и ихъ дѣятельности [1]).

Но довольно! Закончимъ нашъ отвѣтъ «историку Екатерины II» отвѣтомъ великой государыни ея журнальному противнику: «Отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумагѣ, до которой онъ дотрогивается».

Евгеній Шумигорскій.

---

[1]) Г. Бильбасовъ утверждаетъ при этомъ, что цитаты изъ изданія Фаллу заимствую «всегда» изъ др. авторовъ. Это утвержденіе свидѣтельствуетъ или о плохомъ знакомствѣ его съ русской исторической литературой, или о новой, сознательной его инсинуаціи. Между тѣмъ, самъ онъ цитуетъ «Vie de m-me Swetchine»; на самомъ же дѣлѣ изданіе Фаллу носитъ слѣдующее заглавіе: «Madame Swetchіcn. Sa vie et ses oeuvres».

Письма С. П. Шевырева — К. С. Сербиновичу
и
князю П. А. Ширинскому-Шихматову.

1.

Письмо С. Шевырева — Конст. Степ. Сербиновичу.

26-го апрѣля 1850 г. Москва.

Примите, ваше превосходительство, мою новую книгу: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь», съ тѣмъ же дружелюбнымъ вниманіемъ, съ какимъ принимали вы прежніе труды мои. Надѣюсь, что журналъ вашъ [1]), мнѣніе котораго для меня всегда лестно, скажетъ слово и объ этой книгѣ, одушевленной стремленіемъ узнавать наше отечество и любовью къ нему.

Въ іюльской книжкѣ вашего журнала сказано было, что я не нашелъ надобности обращаться къ греческому подлиннику, разбирая переводъ «Одиссеи» В. А. Жуковскаго. Надобность эту я признаю совершенно въ будущемъ окончаніи моего разбора. Естественно и кажется приличнѣе сначала указать на красоты и достоинства перевода, нежели на недостатки. Главная мысль того разбора, который встрѣтилъ сильное сочувствіе въ вашемъ журналѣ, взята изъ примѣчаній къ моимъ же лекціямъ Исторіи словесности [2]), но безъ упоминанія объ источникѣ, откуда взята она по обычаю времени. Но прибавлю къ тому, что она доведена до крайности, какъ всегда поступаютъ заимствователи. Я еще надѣюсь докончить свой трудъ надъ «Одиссеей» Жу-

[1]) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, редакторомъ котораго былъ К. С. Сербиновичъ.

[2]) 1-й выпускъ; во 2-й лекціи 21 и 22 прим.

ковскаго и сказать свое мнѣніе о напечатанныхъ разборахъ. Журналы петербургскіе спѣшатъ болѣе обнаружить недостатки перевода и свои познанія въ греческомъ языкѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживаютъ свое безвкусіе, выставляя даже образчики новыхъ опытовъ перевода чуждыхъ всякаго достоинства, и съ тѣмъ вмѣстѣ объявляли требованія, неразумныя относительно народности языка, которыя «Библіотека для чтенія» довела до уродливой крайности.

Приношу вамъ мое душевное поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова и желаю вамъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Съ чувствами искренняго уваженія и постоянной преданности имѣю честь быть и проч.

2.

Письмо С. Шевырева—князю П. А. Ширинскому-Шихматову.

14-го ноября 1851 г. Москва.

По приказанію вашего сіятельства, имѣю честь препроводить къ вамъ мои двѣ первыя вступительныя лекціи въ педагогію, равно и третью о цѣли воспитанія, которую я имѣлъ счастіе читать въ присутствіи вашемъ. Если онѣ заслужатъ благосклонное вниманіе и одобреніе ваше, то мнѣ лестно будетъ видѣть ихъ напечатанными въ Журналѣ министерства. Прошу покорнѣйше ваше сіятельство великодушно извинить меня въ томъ, что замедлилъ доставленіемъ: причиною была многосложность моихъ занятій.

Съ живѣйшимъ и радостнымъ чувствомъ благоговѣйной преданности принялъ я отъ его превосходительства г. попечителя бриліантовый перстень, пожалованный мнѣ государынею императрицею за мою книгу: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». Благодарно и глубоко чувствую, что ходатайству вашему я обязанъ этимъ всемилостивѣйшимъ знакомъ высочайшаго ея императорскаго величества вниманія къ труду моему.

Новое дѣло по каѳедрѣ педагогіи, на меня возложенное волею непосредственнаго моего начальника, съ обѣщаніемъ мнѣ полнаго оклада жалованья, поглощаетъ у меня силы, труды и все мое свободное время. Примѣрные уроки съ учениками уѣздныхъ училищъ, съ разрѣшенія вашего сіятельства, устроены и идутъ успѣшно. Работаю подкрѣпленный до сихъ поръ однимъ чувствомъ пользы, какую могу принести ввѣренному мнѣ юношеству. Позвольте мнѣ надѣяться, ваше сіятельство, что вы благоволите, согласно обѣщанію вашему, неукоснительно подкрѣпить меня въ этихъ новыхъ трудахъ и новыми средствами, въ ко-

торыхъ нуждаюсь я не только для воспитанія собственныхъ дѣтей моихъ, но и для самой каѳедры.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть [1]) и проч.

3.

Письмо С. Шевырева—Конст. Степ. Сербиновичу.

10-го февраля 1852 г. Москва.

Письмо вашего превосходительства я имѣлъ честь получить нѣсколько дней тому назадъ, а сегодня пришли оттиски моихъ лекцій. Примите за все чувства моей сердечной признательности. Ваше доброе слово о трудахъ моихъ для меня очень, очень утѣшительно. Ваша усердная заботливость объ исправности текста обязываетъ двоякою благодарностію. Перемѣну, совершенную княземъ Плат. Александр. [2]), пріемлю покорно, но позволю сказать одно. Слово: народъ при демократической заразѣ Запада сдѣлалось у насъ какъ-то страшно. Но я привыкъ при эпитетѣ—русскій народъ—чувствовать какое-то спокойствіе не только у себя въ отечествѣ, но даже и во всей Европѣ, потому что съ именемъ русскаго народа соединяю нераздѣльныя два понятія о безусловной покорности церкви и о такой же преданности и послушаніи государю. Что касается до другихъ народовъ, правда, что они запятнали себя—какимъ-то ужаснымъ, чудовищнымъ стремленіемъ къ народовластію, и потому можно бы было замѣнить ихъ государствами. Но во всякомъ случаѣ, невозможно же удалить ихъ отъ участія въ нашемъ воспитаніи съ тѣхъ поръ, какъ самодержавная воля Петра Великаго насъ связала съ ними. Можемъ ли мы въ наукѣ и даже въ обществѣ сдѣлать хотя шагъ безъ этого вліянія?—Желательно бы мнѣ было въ слѣдующей лекціи удержать этихъ дѣятелей, но съ тѣми измѣненіями, которыя я имѣлъ честь объяснить вамъ.

Къ письму я присоединяю тѣ измѣненія, какія, согласно совѣтамъ вашимъ и замѣчаніямъ, я счелъ за нужное сдѣлать. Я удалилъ отъ себя вопросъ богословскій и, не разсуждая о составныхъ частяхъ существа человѣческаго, принимаю тѣло, душу и духъ только, какъ данныя для воспитанія.

Часть антропологическая у меня разработана довольно подробно;

---

[1]) На письмѣ написано карандашемъ рукою Ширинскаго-Шихматова: «На разсмотрѣніе К. С. Сербиновича съ тѣмъ, чтобы онъ доложилъ мнѣ о содержаніи этихъ лекцій и о пользѣ напечатанія оныхъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія».

[2]) Ширинскимъ-Шихматовымъ.

теперь тружусь надъ историческою, которая мнѣ знакомѣе; затѣмъ послѣдуетъ практическая. Два года труда, надѣюсь, дадутъ мнѣ возможность представить науку въ достаточной полнотѣ. Желалъ бы, признаюсь искренно, бо̀льшей поддержки отъ моихъ начальниковъ. Одна библіотека по этому предмету мнѣ стоитъ въ нынѣшнемъ году болѣе трехсотъ р. серебромъ. Кромѣ того, я оставилъ на время всѣ прочіе труды и разстроилъ свои финансы. Г. попечитель обѣщалъ мнѣ исходатайствовать полный окладъ. Г. министръ благосклонно подтвердилъ обѣщаніе. Надѣюсь на ихъ общее слово. А между тѣмъ дѣти ростутъ и требуютъ средствъ для воспитанія. Плодъ новыхъ трудовъ я назначилъ для этой цѣли—и до сихъ поръ живу только надеждою. Между тѣмъ у меня на совѣсти продолженіе прежняго труда—Исторіи русской словесности. На все бы достало и силъ и бодрости духа, если бы было ободреніе, если бы силы подкрѣпляемы были помощію. Молитва, чувство долга, польза юношей—вотъ, что подкрѣпляетъ, вотъ, что даетъ силы, а безъ этого, право бы, изнемогъ. Ваше доброе желаніе въ концѣ письма я принялъ съ теплымъ чувствомъ благодарности. Сочувствіе, какъ ваше, сладко и живительно сердцу.

Примите чувства моего глубочайшаго уваженія и душевной преданности, съ которыми имѣю честь быть и проч.

4.

Письмо С. Шевырева—Конст. Степ. Сербиновичу

11-го марта 1852 г. Москва.

Примите, ваше превосходительство, мою искреннюю благодарность за присылку корректуры моей лекціи и за ваше обязательное письмо. Извините, что опоздалъ отвѣтомъ; но виноватъ не я. Только вчера отдали мнѣ письмо ваше въ правленіи. Въ другой разъ прошу васъ покорнѣйше адресовать ко мнѣ прямо, въ домъ мой, и съ этою цѣлію прилагаю адресъ.

Относительно перемѣнъ покоряюсь имъ, тѣмъ болѣе, что въ сущности остаются тѣ же мысли.

«Не безъ участія иноземнаго» будетъ двусмысленно: подумаютъ языка согласно со смысломъ предъидущаго, а потому если нельзя поставить: «не безъ участія иныхъ государствъ въ томъ» и проч., то уже переставить слова: «не безъ иноземнаго участія», хотя иноземное участіе, признаюсь, по-русски будетъ не хорошо.

Что касается до заключенія, то да остается такъ, какъ поправлено. Остерегаюсь слова: одуховленный, хотя признаю въ немъ правильность

мысли, остерегаюсь потому, что не встрѣчаю его ни въ свящ. писаніи, ни въ переводахъ отцовъ. Желалъ бы такъ поставить: душа въ ея духовномъ возрожденіи — храмъ Божественнаго Духа, а впрочемъ все предоставляю вамъ и вашему благоусмотрѣнію.

Какъ только улучу досугъ, по окончаніи академическаго года, постараюсь обработать еще нѣкоторыя лекціи и доставить вамъ.

Примите мою душевную благодарность за участіе ваше въ дѣлѣ, которое касается моихъ личныхъ интересовъ. Надѣюсь, что князь Платонъ Александровичъ сдержитъ свое слово. Думаю, что и попечитель уже послалъ представленіе, какъ обѣщалъ мнѣ. Ожидаю счастливаго исхода дѣлу и полагаюсь на ихъ общія обѣщанія.

Потеря Гоголя вдвойнѣ для меня чувствительна. Кромѣ общей, я въ немъ оплакиваю и личную потерю, ибо онъ былъ мнѣ близокъ. Увы! сожженіе всѣхъ послѣднихъ слѣдовъ его литературной дѣятельности оказывается вѣрнымъ. Въ «Москвитянинѣ» вы прочтете подробности. По истеченіи шести недѣль, узнаемъ всю правду. Семь главъ втораго тома онъ мнѣ читалъ: это утрата, долго незамѣнимая въ нашей словесности.

Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою. Поступленіе въ продажу изданныхъ нами публичныхъ лекцій зависитъ отъ разрѣшенія г. министра на напечатаніе послѣдней заключительной страницы, которое профессоръ Рулье послѣ завтра отправитъ черезъ наше начальство въ Петербургъ. Я увѣренъ, что князь Платонъ Александровичъ не замедлитъ своимъ разрѣшеніемъ; но случаются замедленія въ канцеляріи касательно отправки. Покорнѣйшая просьба моя и моихъ товарищей къ вамъ состоитъ въ томъ, чтобы вы благоволили содѣйствіемъ вашимъ ускорить отсылку желаннаго разрѣшенія, какъ только оно дано будетъ министромъ. Замедленіе въ продажѣ лекцій вводитъ насъ въ большіе убытки. Требованія книгопродавцевъ безпрерывныя; но мы строго и нерушимо исполняемъ приказаніе начальства.

Съ чувствами искренняго уваженія, душевной преданности и признательности къ вашему участію, имѣю честь быть и проч.

5.

Письмо С. Шевырева—Конст. Степ. Сербиновичу.

10-го іюня 1852 г. Москва.

Позвольте мнѣ, во-первыхъ, принести вашему превосходительству искреннюю благодарность за оттиски моихъ лекцій изъ педагогіи, за столь исправное и заботливое ихъ напечатаніе и за экземпляръ драго-

цѣннаго письма о послѣднихъ дняхъ жизни незабвеннаго В. А. Жуковскаго; во-вторыхъ, извиниться и оправдаться передъ вами въ томъ, почему я до сихъ поръ не могъ исполнить даннаго мною обѣщанія о присылкѣ продолженія педагогическихъ чтеній.

Лишь только я заключилъ послѣднюю лекцію истекшаго академическаго года, какъ въ тотъ же самый день напала на меня лихорадка, та же самая, которую я испыталъ осенью прошлаго года, при началѣ академическаго года. Я долженъ былъ выдержать три пароксизма. Недѣля отдыха между концомъ лекцій и началомъ экзаменовъ пошла у меня на болѣзнь. Не успѣлъ оправиться, какъ начались экзамены, страдная пора университетскихъ декановъ. Своихъ экзаменовъ 7. Чтеніе кандидатскихъ диссертацій и студенческихъ работъ за годъ отнимало свободное время, а силъ было и безъ того немного. Изнеможеніе отъ трудовъ было причиною того, что лихорадка опять возвратилась и задала еще 2 пароксизма. Извините великодушно, что васъ занимаю такими подробностями, но позволяю себѣ ихъ только съ цѣлью оправдаться.

Въ это же самое время выздоровленія и экзаменовъ свободные часы долженъ я былъ посвятить разбору бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго Н. В. Гоголя. Нашлись: весьма замѣчательная его внутренняя автобіографія; какъ автора: дополненіе къ его перепискѣ съ друзьями; размышленія о Божественной литургіи, теплыя, чистыя, умилительныя, обнаруживающія его христіанскій духъ и его преданность церкви и государю; пять черновыхъ тетрадей 2-го тома «Мертвыхъ Душъ», забытыя имъ, вѣроятно,—печальный остатокъ, уцѣлѣвшій нечаянно отъ ауто-дафе́. Все это требуетъ разбора, редакціи, переписки. Могу сдѣлать это только я самъ.—Жду свободныхъ совершенно минутъ для этого дѣла.

Изнемогъ я отъ всѣхъ трудовъ прошлаго академическаго года. Педагогія досталась мнѣ не даромъ. Я поставилъ новую каѳедру. Работалъ съ усердіемъ самъ. Одушевлялъ студентовъ къ труду. Еще годъ работы—и наука была бы поставлена въ той полнотѣ, какъ я предполагалъ ее. Но не знаю, смогу-ли это сдѣлать. Обѣщанія моихъ начальниковъ до сихъ поръ не исполняются. Заботясь о воспитаніи другихъ, самъ нуждаюсь въ средствахъ для воспитанія моихъ дѣтей и долженъ о нихъ позаботиться. Можетъ быть, труды мои не достойны поощренія. Въ такомъ случаѣ, лучше обратить ихъ на другое.

Мнѣ нуженъ отдыхъ. Надобно освѣжить и укрѣпить силы. Хочется согласить отдыхъ съ дѣломъ по сердцу: навѣстить печальное семейство Н. В. Гоголя. Собираюсь въ Полтаву. Средствъ не было. Но кстати, получилъ на-дняхъ изъ департамента требованіе 200 экз. «Поѣздки» [1])

---

[1]) Поѣздки въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

и обѣщаніе 400 р. сер. денегъ. Душевно благодарю князя П. А. [1]) за то, что онъ вспомнилъ свое обѣщаніе и даетъ мнѣ средство къ совершенію задуманнаго дѣла. Но вотъ и къ вамъ моя покорнѣйшая просьба. Сдѣлайте милость, по доброму расположенію вашему ко мнѣ, поторопите изъ департамента высылку ко мнѣ денегъ. Въ бумагѣ обѣщаютъ прислать ихъ тотчасъ по полученіи экземпляровъ. Они отправляются сегодня по желѣзной дорогѣ. Собираюсь ѣхать въ концѣ іюня. Хорошо бы было получить мнѣ деньги до отъѣзда. Обѣщаніе, мною вамъ данное, во всякомъ случаѣ будетъ исполнено, хотя и позднѣе.

Примите чувства моего глубочайшаго уваженія и искренней преданности, съ которыми честь имѣю быть и проч.

6.

Письмо С. Шевырева—К. С. Сербиновичу.

12-го марта 1856 г. Москва.

Примите, ваше превосходительство, выраженіе моей глубочайшей признательности за драгоцѣнный даръ вашъ—экземпляръ извлеченія изъ вашего отчета по вѣдомству духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія. Гостинецъ этотъ былъ для меня тѣмъ пріятнѣе, что напомнилъ мнѣ благосклонное ко мнѣ расположеніе покойнаго графа Николая Александровича. Чтеніе отчета было для меня по-прежнему назидательно и утѣшительно: доброе насажденіе, какъ видно, преуспѣваетъ. Желаю душевно, чтобы Богъ послалъ вамъ силъ для продолженія дѣла, которое Ему угодно.

Мы въ Москвѣ провели недѣлю историческую, встрѣчая и угощая черноморскихъ защитниковъ Севастополя. Описаніе этихъ праздниковъ выйдетъ особою книжкою, которую я постараюсь вамъ доставить.

Съ чувствами глубочайшаго почтенія и душевной преданности имѣю честь быть и проч.

[1]) Князя Платона Александровича Ширинскаго-Шихматова.

О перевезеніи тѣла кн. Понятовскаго въ Варшаву·

I.

Отношеніе графа Аракчеева генераль-губернатору герцогства Варшавскаго Ланскому.

9-го декабря 1813 г., № 30, Франкфуртъ-на-Майнѣ.

По всеподданнѣйшему докладу моему доставленнаго при отношеніи вашего высокопревосходительства, отъ 29-го октября № 13, прошенія президента города Варшавы Венгржецкаго, о позволеніи привезти въ Варшаву тѣло князя Понятовскаго, для приличнаго погребенія, его императорское величество высочайше повелѣть изволилъ сообщить вамъ, что желаніе сіе безъ цѣли; ибо не вмѣстно воздавать почести человѣку, бывшему единственною причиною всѣхъ золъ, коимъ подверглись области, составляющія герцогство. Благомыслящіе поляки сами согласятся, что есть-ли бы не было князя Понятовскаго, мечтанія коего привлекли на свою сторону легковѣрные умы, то жители не испытали бы на себѣ участи, распространившей повсемѣстно бѣдность и разореніе между ими.

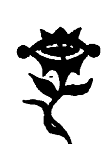
Сообщая вашему высокопревосходительству сію высочайшую волю, для объявленія оной президенту Венгржецкому, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

II.

Высочайшее повелѣніе саксонскому генераль-губернатору, г. генераль-адъютанту князю Рѣпнину.

12-го мая 1814 г. № 10. Парижъ.

Тѣло покойнаго князя Понятовскаго, командовавшаго польскою арміею, преданное землѣ послѣ Лейпцигской битвы, повелѣваю отдать польскимъ войскамъ, возвращающимся изъ Франціи въ свое отечество для погребенія онаго съ приличною почестію въ Варшавѣ.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

XIX [1]).

Дѣятельность главнаго управленія цензуры.—Сборникъ русскихъ пословицъ В. И. Даля.—Вопросъ объ изданіи сочиненій Н. В. Гоголя.—Такса для извозчиковъ.—Лѣтопись полковника Грабянки.—Патріотическія стихотворенія во время Восточной войны.

Обращаясь къ собственной, непосредственной дѣятельности главнаго управленія цензуры и самого министра Норова, слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіе всего этого періода продолжалась дѣятельность учрежденныхъ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ, просматривавшихъ книги и журналы. Какъ и въ предыдущій періодъ, они не переставали подавать министру обширные и многочисленные рапорты обо всемъ противуцензурномъ, найденномъ ими въ произведеніяхъ печати, предупреждая и сокращая тѣмъ замѣчанія Комитета 2-го апрѣля, такъ что и во время министерства Норова если не всѣ, то большинство замѣчаній и взысканій по цензурному вѣдомству со стороны министра совершились вслѣдствіе указаній этихъ чиновниковъ.

Въ концѣ 1853 года академики: протоіерей Кочетовъ и Востоковъ дали неблагопріятный отзывъ о Сборникѣ русскихъ пословицъ, состав-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1904 г.

леннымъ Далемъ. Изъ нихъ первый говорилъ, что трудъ Даля есть трудъ огромный, но чуждый выбора и порядка; въ немъ есть мѣста, способныя оскорбить религіозное чувство читателей; есть изреченія, опасныя для нравственности народной; есть, наконецъ, мѣста, возбуждающія сомнѣніе и недовѣріе къ точности ихъ изложенія. Вообще о достоинствѣ сборника Даля можно отозваться пословицею: «въ немъ бочка меду, да ложка дегтю; куль муки, да щепотка мышьяку». Въ заключеніе же пространнаго своего разбора, Кочетовъ говорилъ, что трудъ Даля достоинъ признательности; недостатокъ разборчивости его, при помѣщеніи матеріаловъ въ свой сборникъ, достоинъ сожалѣнія. Можно пожелать, чтобы Даль, для чести своей и для пользы народной, тщательно вновь пересмотрѣлъ свой сборникъ, разсортировалъ всѣ его матеріалы, расположилъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ, и издалъ по матеріямъ, во многихъ книгахъ и книжкахъ, подъ приличными заглавіями. Академія же наукъ въ настоящемъ видѣ этого сборника издать не имѣетъ ни возможности, ни приличія, ни даже безопасности. Академикъ Востоковъ съ своей стороны изложилъ, что Далемъ помѣщены въ его сборникѣ не только пословицы, но и поговорки, загадки, клятвы, примѣты и даже разные обороты словъ, употребляемые въ рѣчи народной. напримѣръ «Отгадай, въ которомъ ухѣ звенитъ; прокричать уши; съ позволенія сказать; не вѣдь что; вотъ еще!, ночь на дворѣ, зги не видать; ни свѣтъ ни заря». Нѣкоторыя пословицы, по мнѣнію Даля, имѣютъ историческое значеніе (напримѣръ «Ананьинъ внукъ ѣдетъ изъ Великихъ Лукъ»,—«лиса Патрикѣевна»)—что ничѣмъ доказано быть не можетъ. Далѣе Востоковъ полагалъ, что не прилично помѣщать, въ числѣ пословицъ, изреченія Св. Писанія (напримѣръ «Ищай обрящетъ а толкущему отверзется; ищите и обрящете, толцыте и отверзется; Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ; помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его; блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ»); неприличными также находилъ онъ поговорки: «Бултыхъ яко прославился» (семинарская) и: «Не дивья Богородица, коли сынъ Христосъ». Слѣдующія поговорки не пахнутъ русскимъ: «Египетъ богатъ пшеномъ, Италія виномъ», «въ углу палка стоитъ, оттого на дворѣ дождь», «онъ не въ своей тарелкѣ». Сверхъ того Даль разсудилъ включить въ число пословицъ выписки изъ русскихъ писателей новѣйшаго времени (изреченія Суворова: «Служить такъ не картавить, а картавить такъ не служить; политика—тухлое яйцо, неосторожно разобьешь, такъ одна только вонь; пуля дура, штыкъ молодецъ; пукля не пуля, коса не тесакъ»; Крылова: «А ларчикъ просто открывался»; Грибоѣдова: «Служить бы радъ, прислуживаться тошно»; Измайлова: «Павлушка мѣдный лобъ»—(намекъ на Павла Свиньина). «Этотъ

сборникъ, писалъ еще Востоковъ, расположенъ не по азбучному порядку, какъ прежніе таковые сборники, а по матеріямъ. Нѣкоторыя пословицы помѣщены по нѣскольку разъ въ разныхъ мѣстахъ, потому что онѣ принадлежатъ по значенію своему, къ тому и другому отдѣлу, и даже въ одномъ отдѣлѣ встрѣчаются повторенія одной и той же пословицы, чтб произошло отъ недосмотра. Вообще собирателю надлежало бы пересмотрѣть и тщательнѣе обработать свой трудъ, который конечно содержитъ въ себѣ весьма много хорошаго».

Представляя 6-го ноября 1853 года эти мнѣнія великому князю Константину Николаевичу, по инипіативѣ котораго и возникло дѣло о напечатаніи труда Даля на счетъ Академіи наукъ, Норовъ присовокупилъ, что, основываясь на отзывахъ двухъ академиковъ, цензурнаго комитета и петербургскаго попечителя, онъ, съ своей стороны, полагалъ бы полезнымъ, если бы Даль счелъ возможнымъ сдѣлать въ своемъ важномъ собраніи измѣненія и исправленія, соотвѣтствующія цензурнымъ требованіямъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ писалъ вслѣдъ затѣмъ Норову, 17-го декабря 1853 года: «Желая извлечь изъ огромнаго труда Даля всевозможную пользу, я передалъ оный статсъ-секретарю барону Корфу, который, по разсмотрѣніи онаго, увѣдомилъ меня, что главное достоинство этого сборника заключается именно въ полнотѣ его; что онъ составляетъ «драгоцѣнный небывалый запасъ къ изученію отечественнаго слова, отечественной жизни, народной мудрости и, вмѣстѣ, народныхъ предразсудковъ и суевѣрій»; что сборникъ этотъ, оставаясь въ одномъ рукописномъ экземплярѣ, легко можетъ быть утраченъ, а посему было бы весьма полезно напечатать его, не для обращенія въ народѣ, но въ видѣ манускрипта, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, безъ всякихъ однако же пропусковъ, для храненія въ главныхъ библіотекахъ и сообщенія извѣстнымъ ученымъ».

На это Норовъ отвѣчалъ великому князю, 19-го декабря 1853 года, что онъ не находитъ препятствія войти съ докладомъ къ государю о дозволеніи напечатать въ видѣ манускрипта, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, собраніе пословицъ Даля, и раздѣляетъ мнѣніе барона Корфа, но только не во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторое число вредныхъ пословицъ раскольниковъ или же оскорбительныхъ для святыни, и опасныхъ въ видахъ правительственныхъ, онъ, Норовъ, полагаетъ, во всякомъ случаѣ, подлежащими исключенію. Собственно для пользы любопытнаго труда Даля, какъ въ большомъ его объемѣ, напечатанномъ для немногихъ, такъ и въ случаѣ изданія онаго сообразно съ правилами цензуры, онъ полагалъ бы необходимымъ принять въ соображеніе мнѣніе академика протоіерея Кочетова, глубоко обдуманное во всѣхъ отношеніяхъ.

*

Въ письмѣ же на имя великаго князя Константина Николаевича Даль писалъ: «Отзывы о моемъ сборникѣ, въ двухъ словахъ, заключаются въ томъ: 1) что онъ составленъ небрежно, 2) что онъ не можетъ быть напечатанъ. Въ самомъ посвященіи вашему высочеству я сказалъ: «Это трудъ для меня непосильный, потребовавшій нѣсколькихъ лѣтъ, и при всемъ томъ не доведенный до должнаго порядка и оконченности». Можетъ быть, недостатокъ этотъ въ отзывахъ не совсѣмъ справедливо названъ небрежностью. Вѣкъ мой на исходѣ, досугу отъ служебныхъ занятій остается мало, немочи одолѣваютъ; я сдѣлалъ, что смогъ; пусть за мною потрудятся другіе, имъ уже будетъ полегче. Опровергать за симъ въ частности тѣ изъ критическихъ замѣчаній, которыя мнѣ кажутся неосновательными, было бы излишнимъ и неумѣстнымъ. Скажу только, что точка зрѣнія и самыя убѣжденія бываютъ неодинаковы. Такъ, напримѣръ, можно взять два огромные тома и, перелистывая ихъ, отыскивать то, что можетъ дать предлогъ и поводъ къ порицанію; и можно взять эти же томы и сказать: вотъ огромный, небывалый запасъ для изученія русскаго языка, народной мудрости и суемудрія. Это не сочиненіе, и собиратель не отвѣчаетъ за то, что ему далось; въ порядкѣ расположенія можно бы еще сдѣлать много улучшеній, но это вообще трудъ, которому нѣтъ конца, каждый можетъ пополнять, исправлять и располагать по готовому, какъ ему угодно, благо запасъ собранъ и сохраненъ. Съ сущностью отзывовъ цензуры и Академіи я согласенъ: пословицы не расположены окончательно въ смысловомъ порядкѣ и печатать сборника не слѣдуетъ; но я не вижу, какимъ образомъ можно вмѣнить человѣку въ преступленіе, что онъ собралъ и записалъ сколько могъ собрать различныхъ народнымъ изреченій, въ какомъ бы то ни было порядкѣ. А между тѣмъ, отзывы эти отзываются какими-то приговорами преступнику».—Вслѣдъ за тѣмъ, великій князь Константинъ Николаевичъ 12-го января 1854 г. написалъ Норову, что полагаетъ оставить до времени предположеніе о напечатаніи собранія пословицъ Даля, и потому проситъ возвратить ему рукопись. На томъ дѣло и кончилось.

Съ декабря 1853 года началось въ главномъ управленіи цензуры дѣло о напечатаніи новаго дополненнаго изданія полнаго собранія сочиненій Гоголя и продолжалось болѣе $1^1/_2$ года. До рѣшенія настоящаго дѣла, великій князь Константинъ Николаевичъ писалъ, 29-го января 1855 года, Норову: «Я узналъ на-дняхъ, что въ главное управленіе цензуры поступило на разсмотрѣніе полное собраніе сочиненій Гоголя, которое предполагается издать въ пользу его семейства, при чемъ, сверхъ сочиненій уже напечатанныхъ и которыя полагается напечатать вновь, есть и вовсе неизданныя. Въ то же время до свѣдѣнія моего

дошло, будто есть цензоры, которые затрудняются пропустить нѣкоторыя мѣста, напечатанныя въ первомъ изданіи его сочиненій, и не соглашаются на изданіе нѣкоторыхъ еще не напечатанныхъ рукописей. Обстоятельства эти побуждаютъ меня обратить вниманіе ваше на то, что пропуски въ новомъ изданіи тѣхъ мѣстъ, которыя уже были однажды напечатаны, только обратятъ на нихъ всеобщее вниманіе, а при томъ всѣмъ извѣстныя личныя свойства Гоголя, его теплая вѣра, его любовь къ Россіи и преданность престолу служатъ, кажется, ручательствомъ благонамѣренности всего, что онъ писалъ, и изъемлютъ отъ мелочной разборчивости цензоровъ. Посему я просилъ бы васъ обратить на эти обстоятельства вниманіе главнаго управленія цензуры и пригласить оное имѣть ихъ въ виду при разборѣ помянутыхъ сочиненій. Я тѣмъ болѣе желалъ бы, чтобы они были скорѣе напечатаны, что даже въ моей библіотекѣ нѣтъ полнаго собранія сочиненій Гоголя, которыя уже не находятся въ продажѣ. Прошу васъ вѣрить, что я буду искренно благодаренъ за ваше просвѣщенное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ».

Одновременно съ тѣмъ, членъ главнаго управленія цензуры, Дубельтъ, подалъ 31-го января особое по настоящему предмету мнѣніе, гдѣ, послѣ изложенія замѣчаній цензоровъ и Московскаго цензурнаго комитета, а также и мнѣнія московскаго попечителя, ходатайствовавшаго о напечатаніи сочиненій Гоголя вполнѣ и безъ малѣйшихъ измѣненій, продолжалъ далѣе: «Гоголь, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны. Какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ, подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то и онъ представляетъ сцены, не всегда строго нравственныя, и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судятъ ошибочно или невыгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Но общее направленіе у него всегда нравственное, неприличное, и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе, или возбуждаетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіяхъ дѣйствительно кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, кѣмъ и по какому случаю что сказано. Эти-то мѣста всѣ, безъ исключенія, отмѣчены цензорами. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ.

Дьячекъ, разсказывая о дѣйствіяхъ лукаваго, прибавилъ: «Чтобы ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой!»

Въ разсказѣ того же дьячка находится: «чортъ съ тобою! давай креститься!»

Казакъ Данило говоритъ про другаго трезваго казака: «горѣлки даже не пьетъ! Экая пропасть! Мнѣ кажется, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ!»... «Кто—я, сказалъ бурсакъ, я святой жизни? Богъ съ вами, панъ, что вы это говорите! да я, хоть оно и не пристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ противъ самаго страстнаго четверга!»

Кіевскій семинаристъ-философъ говоритъ: «Эхъ жаль, что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!»

Въ комедіи Игроки сваха Θекла говоритъ: «Да, на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь, да перекрестишься!»

Та же Θекла, доказывая преимущество русскаго языка передъ иностранными, прибавила: «Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски!»

При видѣ князя Потемкина: «это царь? спросилъ кузнецъ Вакула одного изъ запорожцевъ.—Куда тебѣ царь! Это самъ Потемкинъ, отвѣчалъ тотъ».

«Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить».

Помѣщикъ Пѣтухъ съ своими крестьянами бредилъ въ озерѣ рыбу. Увидя проѣзжающаго Чичикова, онъ вышелъ на берегъ голый и просилъ путешественника къ себѣ обѣдать, «держа одну руку надъ глазами козырькомъ, въ защиту отъ солнца, другую же пониже, на манеръ Венеры медицейской».—За обѣдомъ, безпрестанно подчуя Чичикова и услышавъ возраженіе, что у него мѣста не осталось въ желудкѣ для новаго куска, Пѣтухъ сказалъ: «Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій, нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій».

«Если бы проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель съ дьявольски сплетенною плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика».

«Казакъ Вакула три раза ударилъ чорта хворостиной, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только-что выпоролъ засѣдатель».

«Пискаревъ, пріѣхавъ на балъ, въ Петербургѣ, въ тѣснотѣ не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ какого-нибудь тайнаго совѣтника».

Въ Запискахъ сумасшедшаго, въ одномъ мѣстѣ отмѣчено»: «я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: никакихъ совершенно ресурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ

самомъ уголку и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: это, говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рыжаковъ, или дрожки, или бобра рублей въ триста. Съ виду такой тихонькой, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичка починить перышко, а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ».

«П... пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки; онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ...; чтобы еще болѣе показать образованность П... пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать».

«Не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича (въ томъ же полку) за то, въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ поручики».

«Уже такъ Провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки».

«Здѣсь выписаны наиболѣе рѣзкія мѣста; цензоры же отмѣтили еще множество другихъ, которыя, даже взятыя отдѣльно, не представляютъ ничего сомнительнаго. Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о небесномъ и тому подобное останавливало ихъ, коль скоро эти упоминанія соединяются съ чѣмъ-либо житейскимъ.

Сверхъ того, цензоры обращаютъ особенное вниманіе, въ Мертвыхъ душахъ, на полковника Кошкарева, который въ помѣстьѣ своемъ учредилъ разныя коммиссіи и завелъ огромное письменное дѣлопроизводство по сельскому управленію, и на доносы губернскихъ чиновниковъ другъ на друга, затѣянные съ цѣлью освободить отъ отвѣтственности Чичикова, также на положеніе мѣстнаго генералъ-губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собирался уѣхать въ С.-Петербургъ, жаловаться на нихъ государю. Но поступки Кошкарева представлены, какъ дѣйствія сумасброднаго помѣщика, и примѣнять ихъ къ государственному управленію было бы слишкомъ насильственнымъ примѣненіемъ, а при описаніи чиновничьихъ интригъ въ губерніи выставлена въ яркомъ и прекрасномъ видѣ заботливость генералъ-губернатора о прекращеніи зла и его твердая справедливость.

«Ежели,—продолжалъ Дубельтъ,—вышеприведенныя изъ сочиненія Гоголя, и имъ подобныя мѣста, въ сущности безвредныя, запрещать, то цензура впадетъ въ тѣ же ошибки, въ которыя впали цензоры, помнится, лѣтъ 20 тому назадъ, судившіе какъ ниже слѣдуетъ.

Въ сочиненіяхъ было сказано:	Цензоръ написалъ:
Улыбку устъ твоихъ Небесную ловить.	Женщина не достойна того, чтобы ея улыбку называть небесною.
Ты поняла, чего душа моя желала.	Запретить, ибо дѣло идетъ о душѣ.
Одинъ твой нѣжный взглядъ Дороже мнѣ вниманья всей вселенной.	Запретить, ибо во вселенной есть высшія власти, которыя должны намъ быть дороже взгляда женщины.
О какъ бы я желалъ Въ тиши и близъ тебя къ блаженству пріучиться.	Запретить, ибо къ блаженству пріучаться должно, не близъ женщины, а близъ Евангелія.

«По уваженію же того, что сочиненія Гоголя въ общемъ направленіи вполнѣ благонамѣренны, что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнемъ, заставитъ почитателей автора пріискивать выпущенныя мѣста по первому изданію, а это придастъ видъ преступнаго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго; что съ тѣмъ вмѣстѣ упадетъ достоинство новаго изданія, и наслѣдники Гоголя не получатъ тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтены для нихъ литературными заслугами умершаго ихъ родственника,—я полагаю справедливымъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1851 г., исходатайствовать разрѣшенія на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій».

Съ этимъ мнѣніемъ согласился членъ главнаго управленія, Пршецлавскій, но окончательное рѣшеніе дѣла послѣдовало лишь въ слѣдующее царствованіе. Главное управленіе постановило (6-го мая 1855 г.) испросить высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе полнаго собранія сочиненій Гоголя безъ измѣненій, и на докладѣ о томъ 15-го мая 1855 года послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ».

12-го декабря 1853 года Норовъ вошелъ съ докладомъ, въ которомъ изъяснилъ, что въ фельетонѣ № 227 «Сѣверной Пчелы» напечатано между прочимъ: «Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ исполненія предписанія о введеніи таксы или опредѣленной цѣны за поѣздки извощикамъ. Я разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. У нихъ противъ

таксы есть магическое слово: «занять». А каждому вольно дарить свои деньги. Однако же увидимъ, что-то будетъ. Ничего нѣтъ мудренѣе, какъ справиться съ извощиками, которые какъ птицы летаютъ по городу. Не даромъ существуетъ французская пословица: «тотъ имѣетъ лучшую прислугу, кто служитъ самъ себѣ». Принимая во вниманіе, что эти строки содержатъ въ себѣ хотя и косвенное, но вовсе неумѣстное сужденіе о новой правительственной мѣрѣ касательно таксы для здѣшнихъ извощиковъ; что эти сужденія могутъ быть истолкованы въ смыслѣ, подстрекающемъ къ уклоненію отъ обязанности повиноваться распоряженіямъ начальства; и что они прямо противны цензурному уставу, коимъ воспрещены вообще сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ, онъ, Норовъ, долгомъ считалъ испрашивать высочайшее соизволеніе на сдѣланіе, отъ высочайшаго имени, строгаго выговора, за напечатаніе той статьи, какъ автору ея, Булгарину, такъ и цензору Бекетову.

На это послѣдовала, 13-го декабря, высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Въ ноябрѣ 1853 года кіевскій попечитель представлялъ главному управленію цензуры о разногласіи, происшедшемъ между Кіевскимъ цензурнымъ комитетомъ и предсѣдателемъ временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ (въ Кіевѣ). Эта коммиссія приготовила къ изданію Лѣтопись полковника Грабянки, содержащую въ себѣ, главнымъ образомъ, подробный разсказъ о гетманствѣ Богдана Хмѣльницкаго; цензоръ Мацкевичъ требовалъ исключенія оттуда нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ высказывалось слишкомъ явное пристрастіе къ малороссійской національности; предсѣдатель же коммиссіи Судіенко полагалъ, что подвиги Хмѣльницкаго на защиту православія и русской народности такъ велики, что похвалы, усвоенныя, въ предисловіи, его личности, не могутъ быть излишни. Разсматривая это дѣло, главное управленіе приняло, преимущественно, въ основаніе: 1) Секретное высочайшее повелѣніе, прежде объявленное графу Уварову, о наблюденіи за тѣмъ, чтобы писатели разсуждали сколь возможно осторожнѣе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о народности или языкѣ Малороссіи и другихъ подвластныхъ Россіи земель, не давая любви къ родинѣ перевѣса надъ любовью къ отечеству, т. е. имперіи, изгоняя все, что можетъ вредить послѣдней любви, особенно о прежнемъ будто бы необыкновенно счастливомъ положеніи подвластныхъ племенъ, и чтобы цензоры обращали строжайшее вниманіе, въ этомъ отношеніи, на кіевскія и харьковскія періодическія изданія; 2) конфиденціальное отношеніе отъ 17-го октября 1853 г. министра народнаго просвѣщенія (вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, по докладу Комитета 2-го апрѣля), коимъ

онъ поручилъ кіевскому попечителю сдѣлать строгій выговоръ цензору Тулубу, за одобреніе къ печати въ № 38 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» малороссійскихъ историческихъ пословицъ и поговорокъ, признанныхъ «могущими способствовать къ поддержанію вражды между малороссами и великороссами». На основаніи этого, главное управленіе 28-го августа 1854 года положило изъ Лѣтописи Грабянки исключить слѣдующія мѣста: 1) на стр. VI слова: «въ исторіи своей родины Грабянка видѣлъ одно славное въ прошедшей ея жизни, и свой трудъ посвятилъ этому времени, не сказавъ ни слова о современной ему эпохѣ»; 2) на стр. VII вмѣсто словъ: и наконецъ поставить: надъ поляками, а послѣ словъ: его предшественниковъ прибавить: и наконецъ присоединеніе Малороссіи къ единовѣрной державѣ царя Алексѣя Михайловича», 3) послѣ словъ: О постепенномъ притѣсненіи казаковъ прибавить: поляками; 4) сдѣлать большіе выпуски на стр. 193 и 195—197. Сверхъ того, на стр. XIV предисловія, напечатано: «Сказаніе заключается трогательнымъ описаніемъ послѣднихъ дней жизни Хмѣльницкаго, созванія рады для избранія новаго гетмана, смерти его и погребенія, описаніемъ, живо напоминающимъ намъ прекрасную думу подобнаго содержанія. Остановивъ свое вниманіе на послѣднихъ семи словахъ, и не имѣя въ виду, о какой именно думѣ здѣсь упоминается, и дозволена-ли она къ печати, главное управленіе опредѣлило: окончательное рѣшеніе о дозволительности этихъ словъ предоставить кіевскому попечителю.

8-го февраля 1854 года Норовъ вошелъ съ докладомъ (собственноручно имъ самимъ составленнымъ), гдѣ говорилъ: «По случаю настоящихъ событій, въ цензуру представляется множество различныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, съ изъясненіемъ патріотическихъ чувствованій. Всѣ они съ большею или меньшею силою, съ большимъ или меньшимъ искусствомъ выражаютъ троякое направленіе умовъ: глубокую преданность престолу и вѣрѣ, чувство національной гордости готовое на всякую борьбу съ врагами и пожертвованія, и порывы негодованія противъ посягательства чуждыхъ народовъ на величіе и благоденствіе Россіи. Уважая столь возвышенныя и прекрасныя начала, и имѣя въ виду настоящую потребность общества въ ихъ обнаруженіи, цензура обязана благопріятствовать распространенію ихъ посредствомъ печатанія, но для сего нужны ей наставленія, до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій».

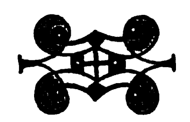
На этомъ докладѣ написано рукою министра: «Государь императоръ высочайше разрѣшилъ безпрепятственное печатаніе изложенныхъ

во всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ сочиненій, съ тѣмъ только, чтобы въ нихъ не заключалось брани».

Вслѣдствіе желанія московскаго литератора, К. Аксакова, напечатать, по поводу Крымской войны, стихотвореніе свое: Къ Россіи, главное управленіе цензуры вывело на справку, что въ мартовскомъ «Современникѣ» напечатаны были стихотворенія Тютчева, изъ которыхъ одно оканчивалось такъ:

И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь,
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Государь, прочитавъ это стихотвореніе, собственноручно зачеркнулъ послѣдніе два стиха и написалъ: Подобныя фразы не допускать. На основаніи этого, главное управленіе 20-го марта 1854 г. положило: стихотвореніе Аксакова, содержащее въ себѣ неумѣстно рѣзкія и какъ бы понудительныя воззванія объ освобожденіи Россіи отъ турецкаго владычества единовѣрныхъ намъ племенъ, съ выражаемыми заранѣе укоризнами, въ случаѣ неисполненія этого, къ печати не одобрять.

Празднованіе въ Москвѣ возвращенія императора Александра въ Петербургъ.

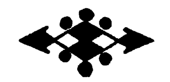
Письмо А. П. Тормасова—С. К. Вязмитинову.

6-го декабря 1815 г.

Вчерашняго утра въ 8 часу я имѣлъ честь получить съ нарочнымъ отъ вашего высокопревосходительства всерадостнѣйшую вѣсть о возвращеніи его императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя императора и государыни императрицы. Во мгновеніе вѣсть сія разлилась по всей Москвѣ и, въ 12 часовъ, при стеченіи многочисленнаго упоеннаго истинною радостію народа, совершено было торжественное въ соборномъ храмѣ Успенія Божіей Матери благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, предъ коимъ преосвященный Августинъ произнесъ прекрасную рѣчь, несказанно всѣхъ восхитившую; а послѣ многолѣтія всеобщій миръ возвѣщенъ 101 пушечнымъ выстрѣломъ.

Принося чувствительнѣйшую вамъ благодарность за скорое сообщеніе сего вожделѣннаго извѣстія, прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство повергнуть отъ меня къ стопамъ всемилостивѣйшаго нашего государя приношеніе всеподданнѣйшаго отъ лица ввѣренной мнѣ столицы поздравленія съ благополучнымъ его императорскаго величества возвращеніемъ и изъявленіе истинной радости, которою событіе сіе всѣхъ здѣшнихъ жителей исполнило.

Съ истиннымъ душевнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.

Къ біографіи В. Г. Варенцова.

Въ дополненіе къ статьѣ профессора Е. А. Боброва, напечатанной въ 12-й книжкѣ «Русской Старины» за 1903 годъ, сообщаю пять писемъ Виктора Гавриловича Варенцова къ моему отцу, Льву Николаевичу Модзалевскому (род. въ 1837, ум. въ 1896 г.), съ которымъ Варенцовъ познакомился и близко сошелся за границей, въ Гейдельбергѣ, гдѣ отецъ мой, командированный министерствомъ народнаго просвѣщенія для приготовленія къ профессурѣ, слушалъ лекціи философскаго факультета [1]).

Въ статьѣ своей «Къ біографіи К. Д. Ушинскаго», разсказывая о знакомствахъ послѣдняго, завязавшихся въ 1862—1863 г., Л. Н. Модзалевскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Знакомство съ Варенцовымъ [2]), бывшимъ сперва профессоромъ въ Казани, а впослѣдствіи—окружнымъ инспекторомъ въ Одессѣ, также весьма оживило и утѣшило Константина Дмитріевича, который сразу сошелся съ этою свѣтлою личностью. Въ это время въ Одессѣ еще готовились къ открытію университета, о чемъ особенно хлопоталъ Варенцовъ, который и Ушинскаго уговаривалъ перенести свою ученую дѣятельность въ этотъ новый разсадникъ науки и снова взяться за преподаваніе философско-юридическихъ предметовъ. Константинъ Дмитріевичъ хотя и не могъ уже свернуть съ избраннаго имъ научно-педагогическаго пути, но весьма

---

[1]) См. „Изъ педагогической автобіографіи Л. Н. Модзалевскаго“, С.-Пб. 1899.

[2]) „Бывшіе друзья и почитатели В. Г. Варенцова давно озабочены составленіемъ его біографіи, для которой имѣющіяся у меня письма покойнаго также могли бы представить интересный матеріалъ“. Примѣч. Л. Н. Модзалевскаго.

заинтересовался судьбою будущаго университета, а еще болѣе свѣтлою личностью самого Варенцова, который зиму 1862 года проводилъ въ Гейдельбергѣ и успѣлъ образовать вокругъ себя кружокъ молодыхъ русскихъ съ правильными еженедѣльными собраніями, на которыхъ читались ученыя статьи, изслѣдованія, сообщенія, отзывы о новыхъ книгахъ и т. п., при чемъ нерѣдко возникали оживленныя пренія [1]).

«Что̀ Варенцовъ», спрашивалъ Ушинскій Л. Н. Модзалевскаго въ письмѣ своемъ отъ 6-го января 1863 г. изъ Веве: «Въ Гейдельбергѣ-ли онъ, и могу-ли я найти его тамъ въ мартѣ? Это необыкновенно симпатичная личность, и, видѣвъ его разъ, не легко потомъ забудешь» [2])

1.

Ницца. 30-го января 1863 г.

Вотъ, Левъ Николаевичъ, доѣхали! Это замѣчательное событіе совершилось вчера утромъ. Время стоитъ такое, какого у насъ не бываетъ середи самаго жаркаго лѣта; поля покрыты густой зеленью; розы и миндальное дерево въ полномъ цвѣтѣ, а лимоны и апельсины спѣлые сотнями висятъ на деревьяхъ. Здѣсь и пальмы, и алоэ, и кактусы: Богъ знаетъ, чего тутъ нѣтъ! На море можно засмотрѣться. И тепло такъ, какъ было въ Эмсѣ въ іюлѣ. Да нѣтъ, нечего тутъ и разсказывать! словами не поможешь.

Ну, а народъ подгулялъ! Понимаете? Одно слово—французъ: шумитъ, хвастается, обѣщаетъ золотыя горы,—а самъ ничего не сдѣлаетъ, только и норовитъ надуть васъ. Ну и насчетъ вина тоже-съ: пьютъ до безобразія. А живутъ грязно, одѣваются въ лохмотья, любятъ милостыню попросить, конечно, чтобы спасти душу грѣшнаго прохожаго.

31-го января.

Письмо мое не идетъ еще къ вамъ; потому что я хочу дать вамъ мой адресъ и никакъ не могу этого сдѣлать: въ Ниццѣ все занято; квартиръ нѣтъ; Рихтеры уѣзжаютъ дальше—въ Ментонъ, и я думаю, что мнѣ придется сдѣлать то же самое.

---

[1]) „Къ біографіи К. Д. Ушинскаго", Тифлисъ, 1881, стр. 28—29 (оттиски изъ „Кавказа" 1881 г., № 259, 274 и 281).

[2]) Тамъ же, стр. 29 и „Русская Школа" 1893 г., № 7—8, стр. 61 (выдержки изъ 25-ти писемъ К. Д. Ушинскаго къ Л. Н. Модзалевскому). Нѣкоторыя статьи Варенцова указаны въ „Критико-біографическомъ Словарѣ" С. А. Венгерова (т. IV, С.-Пб. 1895, стр. 85—86).

Я ѣду въ Ментонъ, и вотъ какой будетъ мой адресъ: M-r Warentzoff, Mentone (les Alpes maritimes), hôtel de la Grande Bretagne; можете для ясности поставить, что это—во Франція. Пожалуйста, если будетъ что, не откажитесь переслать, а я по гробъ жизни не забуду.

Простите, если я въ чемъ согрубилъ вамъ, какъ говорилъ Пугачевъ съ эшафота, кланяясь народу.

А знаете что? Я никакъ не могу отвязаться отъ мысли, что можетъ быть и мы теперь были бы не лишніе въ Россіи; меня такъ и подмываетъ поѣхать туда и посмотрѣть, нельзя-ли чѣмъ-нибудь помочь дѣлу. Что дѣлаетъ Неклюдовъ? [1]). Кланяйтесь Чистякову [2]) и Бутовскому, да и Пироговымъ [3]) тоже. Если можно, скажите Альбертини [4]), что я два раза былъ у него наканунѣ моего отъѣзда и никакъ не могъ застать его.

2.

Ментона, а по-французски Мантонъ (Menton). 1-го (13-го) февраля 1863 года.

Вы такъ обрадовали меня письмомъ вашимъ, Левъ Николаевичъ, что я, не прочитавши даже его, сейчасъ же сѣлъ за столъ, чтобы отвѣчать вамъ. Ахъ, какая тоска тутъ у нихъ, если бы вы только знали! Ну, точь въ точь наша Саратовская деревня. Нѣтъ, больше не могу выносить, ѣду завтра же въ Ниццу, а оттуда за моремъ въ Геную; тамъ въ Миланъ, въ Венецію, въ Тріестъ, въ Вѣну и Прагу. Въ Прагѣ я пробуду подольше: недѣлю, можетъ быть—двѣ. Если будутъ мнѣ письма, то задержите пока у себя; недѣли черезъ двѣ я пришлю вамъ адресъ на Вѣну или на Прагу. Если понравится мнѣ у славянъ, то въ Гейдельбергъ я можетъ быть и не попаду; но до этого еще очень долго.

Я все учился итальянскому языку; наконецъ, надоѣло страшно; теперь штудирую Фрёбеля, и это немножко утѣшаетъ въ тоскѣ по Германіи и по васъ. Рехневскій [5]) пишетъ, что статья моя о Франціи [6])

---

[1]) Николай Адріановичъ Неклюдовъ (ум. въ 1896 г.), впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, извѣстный ученый криминалистъ.

[2]) Александръ Ивановичъ Чистяковъ, командированный министерствомъ за границу, преподаватель древнихъ языковъ въ Ларинской гимназіи въ Петербургѣ, впослѣдствіи директоръ 1-ой С.-Петербургской гимназіи.

[3]) Николаю Ивановичу Пирогову и его супругѣ.

[4]) Быть можетъ, Никол. Викент. Альбертини, извѣстному публицисту 1860-хъ годовъ.

[5]) Юлій Семеновичъ Рехневскій, съ 1862 по 1866 г. редакторъ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія"; умеръ въ 1887 г.

[6]) Вѣроятно—„Обзоръ современнаго положенія низшихъ нормальныхъ школъ во Франціи"—въ „Ж. М. Н. Пр." 1863 г., № 1, отд. III, стр. 49—70; статья не подписана.

напечатана въ январской книжкѣ журнала и разсчитана по 50 р. за листъ. И то дѣло! Но когда будутъ напечатаны другія, этого онъ сказать не можетъ, подавленный множествомъ матеріаловъ, которые имѣются въ редакціи. «При томъ же о швейцарскихъ школахъ уже есть у насъ статья К. Д. Ушинскаго» [1],—пишетъ онъ,—«тѣмъ не менѣе»... и проч., какъ обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ [2]).

А больше писемъ не было мнѣ? Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ. А вотъ что было бы хорошо,—если бы вы увидѣли M-me Egge и спросили, нѣтъ-ли у ней, да уже кстати и на почтѣ. Оно, признаться, и не кстати, да я вѣдь знаю ваши добродѣтели,

До которыхъ другимъ далеко!

Не только прокламацій, я и французскихъ-то газетъ ужъ больше недѣли не видалъ; въ Ниццѣ я пробуду денька два-три ради русскихъ и всякихъ другихъ газетъ. Очень ужъ тянетъ меня въ Россію, совсѣмъ не сидится на мѣстѣ; такъ бы вотъ и уѣхалъ, если бы не зима. А здѣсь, Господи, какая благодать! Окно мое выходитъ на югъ и при томъ на самое море; до него 10 шаговъ, небо всегда ясно; солнце такъ и жаритъ, и окно открыто съ 8 часовъ утра. Все цвѣтетъ и зеленѣетъ. Женщины классически хороши. Я здоровъ совершенно, чего и вамъ отъ всей души желаю, благодѣтель вы эдакій! А о польскомъ-то вопросѣ пишите повоздержнѣе, особенно въ Австрію-то. Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай.

3.

Тріестъ. 6-го марта 1863 г.

До сихъ поръ все шло отлично, Левъ Николаевичъ! Погода была такъ хороша, что я могъ, сколько угодно, любоваться красотою и моря, и горъ, и венеціанскихъ женщинъ. Теперь, только-что я началъ археологическую экскурсію по славянскимъ землямъ, какъ полился дождь, который неумолимо заставляетъ меня, не останавливаясь въ Лайбахѣ, Грацѣ и Брюнѣ, посмотрѣть только мимоходомъ Вѣну и затѣмъ спѣшить прямо въ Прагу, гдѣ у меня есть старые знакомые отъ страны Русскія, града Самары. Пожалуйста, напишите мнѣ туда хоть нѣсколько словечекъ, какъ живете вы, что дѣлаете, нѣтъ-ли чего изъ Россіи, и если были письма ко мнѣ, то пришлите nach Prag, poste restante, да ужъ и Böhmen прибавьте для ясности.

---

[1]) „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи"—тамъ же, стр. 1—48.

[2]) Статья Варенцова „О народномъ образованіи въ Швейцаріи" напечатана была безъ подписи въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" за 1863 г., № 3, отд. III, стр. 444—468.

А я во все это время почти ничего не дѣлалъ, очень ужъ былъ занятъ изученіемъ итальянской жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Ну, и ничего, и доволенъ, что успѣлъ поѣздить, посмотрѣть; жалѣю только, что не могъ спуститься дальше до Рима и до Неаполя: очень уже сильно поистратился. А вы, я думаю, чего-чего не изучили въ теченіе этого времени! а понаписали-то столько, что намъ—старымъ людямъ

Читать ваши книги—не прочесть будетъ,
По листамъ ходить—всѣ не выходить!

Съ какимъ бы удовольствіемъ я теперь посидѣлъ, побесѣдовалъ съ вами, да Богъ знаетъ, когда увидимся! Я изъ Праги напишу вамъ, могу-ли я пріѣхать въ Гейдельбергъ (это я насчетъ презрѣннаго металла говорю) и какъ поступить съ неблагородно-оставленнымъ мной наслѣдствомъ, состоящимъ изъ книгъ и бумагъ.

Теперь же позвольте пожелать вамъ и проч., какъ обыкновенно говорится.

Очень вамъ преданный Варенцовъ.

4.

Прага. 16-го марта 1863 г.

Вчера ночью я пріѣхалъ къ Прагу и сегодня утромъ—первымъ дѣломъ моимъ было бѣжать на почту, чтобы узнать, нѣтъ-ли писемъ. За то я и былъ награжденъ достойнымъ образомъ, получивши письмо отъ васъ, мой добрѣйшій Левъ Николаевичъ! Спѣшу отвѣчать; но найдетъ ли васъ письмо мое? Кто ожидалъ, что семестръ кончится такъ скоро? На всякій случай я напишу завтра другое письмо на имя Ал. Ив. Чистякова; тамъ будетъ мое завѣщаніе, которое состоитъ въ слѣдующемъ.

Такъ какъ я не буду въ Гейдельбергѣ, то нельзя ли переслать мои вещи или въ Берлинъ, если вы можете придумать къ кому, и написать тогда мнѣ,—или ужъ въ Прагу Hôtel de Saxe, № 20, Pflostergasse. Я пробуду здѣсь недѣли двѣ, можетъ быть и больше. Нельзя ли переслать не по почтѣ, а какимъ-нибудь инымъ способомъ, не столько дорогимъ? Затѣмъ я состою вамъ должнымъ за чемоданъ, за пересылку моихъ писемъ и наконецъ за предстоящій транспортъ: потрудитесь пожалуйста получить требуемую сумму отъ Ал. Ив. Чистякова, и если ея будетъ не довольно, то напишите мнѣ, сколько прислать и по какому адресу, что и будетъ исполнено немедленно. Вещи, кромѣ подушки, кажется, всѣ въ чемоданѣ, стало быть ее можно бросить.

Статьи о французскихъ школахъ я не имѣю; но, если вы видѣли ее, не можете ли мнѣ сообщить, сколько она занимаетъ, чтобы я могъ разсчитать количество презрѣннаго металла.

Я хотѣлъ сообщить вамъ о моей поѣздкѣ по славянскимъ землямъ и объ осмотрѣ здѣсь училищъ и семинарій; но, начавши говорить о славянахъ, трудно будетъ кончить. Скажу только, что такого радушія, такого братскаго пріема и такихъ отрадныхъ минутъ я никакъ не могъ ожидать. Въ Грацѣ, напримѣръ, я попалъ сначала на обѣдню въ память Кирилла и Меѳодія, а потомъ на юбилярный вечеръ по случаю тысячелѣтія славянской грамоты (9-го марта); мы оставались тамъ до 2-хъ часовъ ночи: рѣчи и стихи почти на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, славянская музыка и пѣсни чешскія и сербскія, и такое радушіе кругомъ... И славянки такъ же привѣтливы къ намъ, какъ ихъ мужья и братья. Мою чешско-русскую рѣчь понимаютъ совершенно. Училища австрійскія—ультра-католическія; семинарій почти нѣтъ, въ деревняхъ положены только Законъ Божій, чтеніе, письмо и счетъ; все предписано и заклеймено чернымъ двухъ-головымъ орломъ; учебники довольно стары и плохи; но есть и довольно-сильная партія движенія. Южные славяне очень онѣмечились; чехи держатся крѣпко; самыя школы у нихъ гораздо лучше австрійско-нѣмецкихъ, какъ я видѣлъ это въ Моравіи. Сколько я книгъ-то опять накупилъ и наполучалъ отъ авторовъ! Жадность!

Přeju Wam dobrého zažití. Šťastnou cestu! Напишите мнѣ, не полѣнитесь.

5.

Одесса. 21-го февраля 1866 г.

Я послалъ къ вамъ, Левъ Николаевичъ, протоколы послѣдняго педагогическаго съѣзда и просилъ г. Водовозова [1]) передать ихъ вамъ. Не знаю, получили-ли вы.—А теперь къ вамъ другое дѣло. Я напечаталъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» отвѣтъ [2]) Галахову на статью его въ 1 № «Сѣверной Почты» [3]). Нельзя-ли будетъ этотъ отвѣтъ перепечатать гдѣ-нибудь въ петербургскихъ газетахъ или въ «Педагогическомъ Сборникѣ»? Конечно, лучше было бы прямо послать туда; но въ такомъ случаѣ я рисковалъ не только не видѣть въ печати статьи, но даже лишиться и самаго экземпляра ея, что̀ со мной не разъ случалось.

Хотѣлось бы и очень бы хотѣлось побесѣдовать съ вами пространнѣе, да вѣдь Богъ знаетъ, и это письмо дойдетъ-ли до васъ. Такъ умѣрю пылъ моихъ страстей и ограничусь выраженіемъ глубочайшаго уваженія

---

[1]) Василія Ивановича Водовозова, извѣстнаго педагога.

[2]) „О программѣ преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ Одесскаго округа. Г. Галахову"—„Одесскій Вѣстникъ" 1866 г. № 34 и 35 (съ подписью „В.").

[3]) „О планѣ преподаванія учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа"—„Сѣверная Почта" 1866 г., № 1.

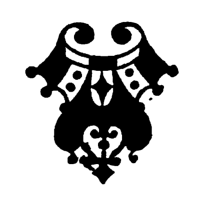
къ вамъ и преданности, съ каковыми и проч., какъ требуетъ того общепринятая форма и влеченіе моего сердца.

В. Варенцовъ.

Министръ не далъ намъ разрѣшенія учредить, по примѣру вашихъ, педагогическія собранія. Не возьметесь-ли вы провести тамъ у себя такую мысль: Ученый Комитетъ снова взялъ себѣ на откупъ разрѣшеніе вводить въ учебныхъ заведеніяхъ руководства и пособія; это убьетъ нашу учебную литературу. Не возьмется-ли поправить дѣло ваше Педагогическое Общество? Пусть оно составитъ комитеты, которые разсмотрятъ существующіе у насъ учебники, и, отдѣливъ пшеницу отъ плевелъ, напечатаетъ для назиданія серьезныя рецензіи.

Надѣюсь лѣтомъ увидѣться съ вами.

Сообщ. Б. Л. Модзалевскій.

Литературные листки, какъ прибавленіе къ «Сѣверному Архиву».

Прошеніе Ѳаддея Булгарина въ С.-Петерб. цензурный комитетъ.

9-го апрѣля 1823 года.

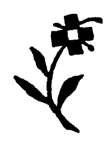
Для освѣженія сухости «Сѣвернаго Архива», заключающаго въ себѣ статьи, единственно до наукъ касающіяся, намѣренъ я издавать въ видѣ прибавленій къ сему журналу:

«Литературные листки»,

въ которыхъ помѣщаться будутъ: 1) Проза. Замѣчанія о нравахъ и обыкновеніяхъ, краткія нравственныя изреченія и повѣствованія, грамматическія изысканія, критика и проч. 2) Стихи. Легкія стихотворенія, изъ коихъ рѣшительно исключаются любовь и вино[1]). 3) Объявленія о книгахъ, эстампахъ, нотахъ, литографіяхъ. 4) Извѣстія о художникахъ и ихъ произведеніяхъ, описаніе достопримѣчательныхъ случаевъ и проч.

«Литературные листки» издаются безъ возвышенія цѣны на «Сѣверный Архивъ», число ихъ и время выхода въ свѣтъ не опредѣляются.

Листки издавать разрѣшено.

---

[1]) Т. е. благородное чувство любви не подразумѣвается подъ симъ выраженіемъ (прим. Булгарина).

Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг. [1].

I.

22-го марта (3-го апрѣля) 1856 г., въ то время, когда засѣданія Парижскаго конгресса были въ самомъ разгарѣ, Тувенель, бывшій въ то время французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ,—писалъ секретарю конгресса Бенедетти въ Парижъ:

«Изъ моихъ послѣднихъ депешъ вы увидите, безо всякаго преувеличенія, тѣ затрудненія, какія намъ придется преодолѣть, чтобы заставить Порту смотрѣть на вопросъ о Придунайскихъ княжествахъ съ нашей точки зрѣнія, если только это, вообще, окажется возможнымъ.

«Это настоящій Малаховъ курганъ, который мой союзникъ, лордъ Стратфордъ Редклифъ [2]), повидимому, совершенно не расположенъ взять приступомъ вмѣстѣ со мной.

«Помните, что мы предприняли дѣло трудное и что намъ слѣдуетъ дѣйствовать съ величайшей осторожностью.

«Остерегайтесь въ особенности, чтобы насъ не оставили на полупути одних и чтобы намъ не пришлось утѣшиться признательностью валаховъ. Въ этомъ случаѣ я опасаюсь гораздо болѣе австрійцевъ, нежели турокъ!»

Французскій дипломатъ оказался прозорливымъ и предугадалъ тѣ безчисленныя затрудненія, которыя вопросъ о Придунайскихъ княжествахъ создалъ европейской дипломатіи.

Какъ извѣстно, вопросъ этотъ не былъ окончательно рѣшенъ на Парижской конференціи; всѣ чувствовали, что относительно его дер-

---

[1]) Trois années de la question d'Orient. 1856—1859. d'après les papiers inédits de M. Thouvenel par L. Thouvenel, Paris. 1897.

[2]) Англійскій посолъ въ Константинополѣ.

жавы расходились по существу, поэтому было рѣшено отложить его окончательное обсужденіе, чтобы не помѣшать заключенію столь желаннаго всѣми мира.

Впрочемъ, протекторатъ Россіи надъ Княжествами, установившійся послѣ заключенія въ 1829 году Адріанопольскаго мира, былъ отмѣненъ, права и привилегіи княжествъ были торжественно подтверждены и имъ было обѣщано независимое управленіе, свобода вѣроисповѣданія, мореплаванія, торговли и, наконецъ, пересмотръ дѣйствующихъ законовъ.

Съ этой цѣлью, въ Молдавію и Валахію рѣшено было послать особую коммиссію, которая должна была узнать желанія мѣстнаго населенія и сообщить ихъ уполномоченнымъ державъ, которые уже выработали бы окончательную организацію Княжествъ.

Относительно этого французскимъ правительствомъ еще на Парижской конференціи было высказано мнѣніе, что единственнымъ средствомъ прекратить бѣдствія Молдавіи и Валахіи было соединеніе этихъ двухъ Княжествъ въ одно, подъ управленіемъ иностраннаго принца.

Лордъ Кларендонъ горячо поддержалъ это мнѣніе французскаго правительства, къ которому безмолвно присоединились Россія и Пруссія, но оно вызвало живѣйшій протестъ со стороны Австріи и Турціи, не смотря на то, что Блистательная Порта изъявила, разумѣется, весьма неохотно, свое согласіе признать, въ принципѣ, необходимость созвать мѣстныя собранія, или «диваны», которыя явились бы выразителями желаній молдаво-валаховъ; однако, она не спѣшила созывать ихъ, и было ясно, что турецкое правительство будетъ оказывать систематическое противодѣйствіе всякому измѣненію существующаго порядка въ Придунайскихъ княжествахъ. Можно было думать, что Порта, будучи увѣрена въ поддержкѣ Австріи и отчасти Англіи, скоро откажется отъ всѣхъ добрыхъ намѣреній, высказанныхъ на конгрессѣ отъ его имени англійскимъ посланникомъ.

Взглядъ Австріи въ этомъ вопросѣ выразился совершенно ясно и опредѣленно въ нижеслѣдующей замѣткѣ, препровожденной ея оффиціальнымъ представителемъ въ Константинополѣ, барономъ Прокешъ-Остеномъ его французскому коллегѣ.

«Я позабылъ сказать вамъ вчера,—писалъ онъ Тувенелю, — что я не раздѣляю вашего мнѣнія (относительно соединенія Княжествъ). Я не говорю о затрудненіяхъ, на которыя указываютъ въ своихъ запискахъ мѣстные дѣятели, или о трудности избрать для новаго княжества подходящаго принца, но я обсуждаю этотъ вопросъ съ точки зрѣнія европейской, австрійской, русской и турецкой.

«Созданная такимъ образомъ страна, очутившись между этими тремя сосѣдями, была бы для Австріи второй Швейцаріей; въ рукахъ Россіи

она была бы грознымъ орудіемъ противъ Австріи и Турціи, а для этой послѣдней она была бы клиномъ, вбитымъ въ ея тѣло. Можно-ли ожидать, что притязанія румынъ на этомъ остановятся? Это было бы совершенно несогласно съ человѣческой природою: Румыны нашли бы верховное владычество Порты для себя позоромъ и несправедливостью; они нашли бы, что ихъ страна слишкомъ мала; они стали бы домогаться образовать независимое государство, въ составъ котораго была бы включена Буковина, румынская часть Трансильваніи, Банатъ и которое простиралось бы до Балканъ. Какой чудесный примѣръ для Сербіи! Какой прекрасный случай для Россіи, при поддержкѣ которой эти страны стали бы добиваться осуществленія своихъ цѣлей.

«Нѣтъ, я не могу повѣрить, чтобы нынѣ стали защищать мысль, отвергнутую на Вѣнской конференціи, и которая была бы постоянно угрозою для Австріи».

Съ другой стороны французскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Валевскій, предсѣдательствовавшій на конгрессѣ,—писалъ Тувенелю 24-го марта (5-го апрѣля) 1856 г:

«Лордъ Стратфордъ получитъ самыя точныя инструкціи, чтобы условиться съ вами, какимъ образомъ повліять на Порту въ желаемомъ вопросѣ о Княжествахъ. Мы хотимъ ихъ соединенія; Англія, которая вначалѣ колебалась, присоединяется къ нашему взгляду.

«Австрія будетъ всѣми силами противиться этому, но на нашей сторонѣ Россія. Весьма важно доказать турецкому правительству, что если оно станетъ въ этомъ случаѣ на сторону Австріи, противъ Англіи, Россіи и Франціи, то существованію Турціи можетъ угрожать большая опасность.

«Весьма важно, чтобы турецкое правительство отвѣтило отказомъ на домогательства барона Прокеша [1]), который навѣрно будетъ добиваться того, чтобы Порта просила о продленіи оккупаціи Княжествъ австрійскими войсками. Если бы турецкое министерство сдѣлало ошибку уступивъ въ этомъ случаѣ требованіямъ интернунція, то оно этимъ окончательно погубитъ себя.

«Прусскій посланникъ въ Константинополѣ получитъ отъ Мантейфеля [2]) приказаніе условиться съ вами и ничего не упускать, что могло бы способствовать соединенію Княжествъ».

Какъ видно изъ этихъ строкъ, если графъ Валевскій и заблуждался въ этомъ случаѣ относительно намѣреній великобританскаго правительства, то у него не было по крайней мѣрѣ никакихъ иллюзій относительно Австріи.

[1]) Австрійскій интернунцій въ Константинополѣ, прежній титулъ австрійскаго посланника въ Константинополѣ.

[2]) Прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ то же время Фуадъ-паша, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, писалъ Тувенелю: «хотя англійскіе уполномоченные и поддерживали, довольно горячо, на конгрессѣ мысль о соединеніи Княжествъ, но, судя по холодному и равнодушному тону, съ какимъ лордъ Стратфордъ поддержалъ это требованіе здѣсь (т. е. въ Константинополѣ), я сразу понялъ, что онъ желалъ бы получить отказъ. Решидъ-паша и лордъ Стратфордъ полагали, что ежели министры султана предложатъ исполнить желаніе императора Наполеона III, то султанъ будетъ этимъ такъ оскорбленъ, что онъ немедленно уволитъ Решидъ-пашу въ отставку».

Внутреннее положеніе Княжествъ, судьба которыхъ такъ волновала европейскихъ дипломатовъ, было въ то время весьма печальное.

Господаремъ Валахіи былъ князь Стирбей, а Молдавіи князь Григорій Гика, горячій сторонникъ соединенія Княжествъ, но интриги, коими были окружены оба господаря, крайняя испорченность нравовъ, существовавшая на всѣхъ ступеняхъ административной іерархіи, халатное отношеніе къ дѣлу и крайняя недобросовѣстность мѣшали осуществленію самыхъ лучшихъ намѣреній.

Несчастное населеніе Молдавіи и Валахіи, эксплоатируемое господарями, дошло, мало-по-малу, до крайней степени нищеты и угнетенія. Тувенель былъ совершенно правъ, когда онъ писалъ Бенедетти:

«Я вполнѣ понимаю желаніе валаховъ получить иностраннаго принца и подозрѣваю, что король Фридрихъ-Вильгельмъ IV имѣетъ уже кандидата на Румынскій престолъ и что онъ даже условился по поводу этого съ императоромъ Александромъ II. Но я все-таки опасаюсь, что добиться согласія Австріи на соединеніе Княжествъ будетъ несравненно труднѣе, нежели думаютъ.

«Центръ переговоровъ находится въ Вѣнѣ. Признаюсь, на мѣстѣ императора Франца-Іосифа я уступилъ бы въ этомъ вопросѣ не иначе, какъ подъ угрозою войны, да и то если бы Австріи былъ предоставленъ преобладающій голосъ при выборѣ принца. Турція не можетъ представить никакого вѣскаго возраженія, у Австріи же ихъ найдется десять. Конечно, ей можно возразить, что она не можетъ получить долинъ По и Дуная. Таково же и мое мнѣніе, но я полагаю, что если Австрія не получитъ преобладающаго вліянія въ Дунайской долинѣ, то его получитъ Россія».

Впрочемъ, согласно условіямъ Балта-лиманскаго договора, заключеннаго въ 1849 г. между Россіей и Турціей, по которому право назначать господарей перешло къ правительствамъ Россіи и Турціи, Стирбей и Гика должны были вскорѣ сложить съ себя власть, и назначеніе новыхъ господарей въ тотъ моментъ, когда обсуждался вопросъ

о преобразованіи всего административнаго строя Княжествъ, конечно, должно было еще болѣе осложнять положеніе дѣлъ.

Между тѣмъ лордъ Стратфордъ Редклифъ, питавшій къ князю Стирбею особую антипатію, побуждалъ Порту замѣнить его другимъ господаремъ. Съ другой стороны главный уполномоченный Турціи на конгрессѣ, великій визирь Али-паша, не смотря на свою обычную сдержанность, отзывался о немъ также крайне недоброжелательно.

По этому поводу Бекларъ, представитель Франціи въ Валахіи, которому были какъ нельзя лучше извѣстны интриги, происходившія въ то время въ Бухарестѣ, писалъ Тувенелю 12-го (24-го) апрѣля 1856 г.:

«Мнѣ извѣстно отъ самого князя Стирбея, что Али-паша послалъ изъ Парижа своему правительству, по телеграфу, депешу весьма недоброжелательную для нашего господаря; ему сообщилъ объ этомъ его уполномоченный въ Константинополѣ. Великій визирь жалуется «на послѣднія мѣры, принятыя княземъ Стирбеемъ. Я спросилъ князя, о какихъ мѣрахъ говоритъ Али-паша, и онъ напомнилъ мнѣ о нотѣ 5-го февраля, съ коей мною посланы копіи вамъ и графу Валевскому. Если Али-пашѣ извѣстно содержаніе этого документа, которое совершенно не согласуется съ взглядами Турціи и Россіи, то я понимаю, что онъ пришелся ему не по вкусу.

«Кромѣ того, князь Стирбей написалъ поздравительное письмо императору Наполеону III, каковое было передано его величествомъ прямо въ руки, княземъ Георгомъ Стирбеемъ, сыномъ господаря, въ аудіенціи, на которой турецкій посолъ въ Парижѣ не присутствовалъ, что̀ и вызвало главнымъ образомъ неудовольствіе великаго визиря».

Между тѣмъ турецкое правительство, убѣдясь въ томъ, что ему не избѣжать переговоровъ съ державами, по вопросу о преобразованіяхъ въ Молдавіи и Валахіи, рѣшилось подчиниться требованіямъ Парижскаго конгресса, смѣстить господарей Стирбея и Гику и возложить управленіе Княжествами на простыхъ каймакамовъ. Въ Бухарестъ былъ назначенъ князь Александръ Гика, а въ Яссы—Теодоричъ Балшъ; изъ нихъ первый имѣлъ въ глазахъ Блистательной Порты то преимущество, что онъ относился крайне враждебно къ Россіи и ея вліянію.

«Выборъ, сдѣланный Портою, вызываетъ сожалѣніе,—писалъ Бекларъ [1]); князь А. Гика здѣсь (въ Бухарестѣ) уже извѣстенъ; его восьмилѣтнее управленіе (1834—1842) было рядомъ злоупотребленій. Порта, которая смѣнила его, сдѣлавъ ему строгій выговоръ, не могла забыть этого. Въ настоящее время князь Александръ Гика, истощенный, озлобленный и почти впавшій въ дѣтство старикъ, что можно ожидать отъ него? Англійскій консулъ Колькгунъ (Colquhoun), прини-

---

[1]) Бекларъ—Тувенелю 3-го (15-го) іюля 1856 г.

мавшій дѣятельное участіе въ его смѣщеніи въ 1842 г., надѣется, что онъ будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ лорда Стратфорда, но неужели же Порта не могла сдѣлать инаго выбора, если она желаетъ сохраненія мира и порядка? Передавъ власть въ руки ненавистной, алчной и неинтеллигентной оппозиціи, она создастъ себѣ не мало серьезныхъ затрудненій».

Въ то же самое время французскій консулъ въ Яссахъ начертилъ слѣдующій портретъ другаго ставленника Порты, каймакама Балша:

«Вамъ извѣстно,—писалъ онъ Тувенелю [1],—что я считаю соединеніе Княжествъ непремѣнной основою серьезнаго и плодотворнаго преобразованія этой страны. Когда я писалъ о тѣхъ именитыхъ боярахъ, которые особенно энергично противятся этому соединенію, то я имѣлъ въ виду, между прочимъ, именно Балша. Люди въ его положеніи, очевидно, заинтересованы въ томъ, чтобы Княжества не были соединены, такъ какъ они могутъ надѣяться стать господарями одного изъ нихъ. Поэтому они всѣми силами будутъ противиться соединенію, а въ странѣ, гдѣ люди такъ боязливы и алчны, глава правительства, хотя бы временнаго, имѣетъ всѣ средства запугать и подкупить.

«Балшѣ тѣмъ легче будетъ дѣйствовать, что австрійцы, повидимому, намѣрены поддержать его, и по-моему несомнѣнно, что Австрія стремится играть здѣсь ту роль, какую играла нѣкогда Россія».

Эта характеристика лицъ, коимъ Порта ввѣрила власть въ Молдавіи и Валахіи, при столь исключительныхъ и серьезныхъ обстоятельствахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Турція ни мало не заботилась о томъ, чтобы въ Бухарестѣ и въ Яссахъ установился прочный порядокъ.

Впрочемъ, какъ видно изъ предъидущаго, державы ожидали со стороны Австріи еще бóльшаго противодѣйствія, нежели со стороны Турціи.

Чувствуя надобность объяснить свой образъ дѣйствій какимъ-нибудь дипломатическимъ аргументомъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Буоль писалъ барону Прокешу, что Вѣнскій кабинетъ съ самаго начала высказался за поддержаніе административнаго раздѣленія Молдавіи и Валахіи, которое было въ его глазахъ непремѣннымъ условіемъ цѣлости Турецкой имперіи и лучшимъ залогомъ хорошихъ отношеній между Австріей и этими двумя княжествами.

«Впрочемъ,—продолжалъ графъ Буоль,—этотъ вопросъ, касающійся цѣлости и неприкосновенности Турціи, долженъ быть рѣшенъ ею самою, и поэтому она одна имѣетъ право предлагать его на обсужденіе».

Взглядъ Австріи не встрѣтилъ сочувствія ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ. Князь Горчаковъ, въ разговорѣ съ графомъ Буолемъ, высказывалъ, что онъ не раздѣляетъ этого взгляда и что Россія намѣрена

---

[1]) Викторъ Пласъ—Тувенелю 8-го (20-го) іюля 1856 г.

въ точности исполнить всѣ постановленія, касающіяся Княжествъ, такъ же точно, какъ и всѣ прочія статьи Парижскаго трактата, поэтому она не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы результатъ опроса, который должны были произвести европейскіе коммиссары, былъ предугаданъ и что Россія пошлетъ своего коммиссара въ Бухарестъ только тогда, когда Австрія окончательно выведетъ изъ Княжествъ свои войска.

Въ августѣ 1856 г. внутреннее положеніе княжествъ было особенно мрачно. Въ Бухарестѣ первыя правительственныя распоряженія князя Александра Гики были чрезвычайно неудачны. По словамъ французскаго генеральнаго консула, князь, выказывавшій себя раньше сторонникомъ реформъ и соединенія Княжествъ, достигнувъ власти, совершенно измѣнилъ тонъ.

«Вся его клика,—какъ писалъ Бекларъ,—заволновалась и старалась захватить разныя теплыя мѣстечки, а самъ Гика только и мечталъ о личномъ успѣхѣ и собиралъ подписи подъ адресами, въ которомъ его называли «отцомъ и спасителемъ отечества», но ему, при всемъ стараніи, едва удалось собрать пять тысячъ подписей. Молодежь Бухареста, которая называла себя «національной партіей», составила, въ видѣ протеста, другой адресъ, который она хотѣла представить «европейской коммиссіи» и въ которомъ требовала соединенія Княжествъ. Подъ этимъ адресомъ были собраны, въ короткое время, сотни тысячъ подписей.

«Этотъ бѣдняга,—писалъ Тувенелю Бекларъ, говоря о князѣ Александрѣ Гикѣ,—слабѣетъ все болѣе и болѣе физически и умственно. Грустное зрѣлище! Нужно же было поставить въ Валахіи во главѣ управленія этого ничтожнаго старика, который совершенно не понимаетъ настоящаго положенія дѣлъ, тогда какъ здѣсь нуженъ человѣкъ свѣжій, не связанный никакими обязательствами, не замѣшанный въ постыдныя интриги и не имѣющій никакихъ связей съ неисправимымъ классомъ бояръ».

Пресса, которая уже была весьма стѣснена при Стирбеѣ, подвергалась при князѣ Александрѣ Гикѣ еще бо́льшему гоненію, и въ добавокъ, не смотря на рѣшеніе, принятое на Парижскомъ конгрессѣ, австрійскія войска все еще занимали Валахію.

Въ Молдавіи положеніе дѣлъ было еще того хуже.

«Австрійцы начинаютъ держать себя слишкомъ воинственно, и ихъ войскамъ, право, пора бы уже уйти отсюда,—писали Тувенелю изъ Яссъ [1]),—иначе Молдавію останется только объявить австрійской провинціей. Теодорицъ Балшъ всѣми силами поддерживаетъ Турцію и Австрію въ ихъ оппозиціи противъ соединенія. Въ одиннадцати округахъ,

---

[1]) Пласъ—Тувенелю 26-го августа (7-го сентября) 1856 г.

на которые раздѣлена Молдавія, одиннадцать префектовъ смѣщены; ихъ замѣстители, все извѣстные негодяи, избранные изъ числа лицъ, не сочувствующихъ соединенію. Министры, чиновники и даже лица судебнаго вѣдомства избраны изъ той же партіи. Министромъ внутреннихъ дѣлъ разсылаются въ странѣ эмиссары, которые, пользуясь тѣмъ, что ворники (сельскіе старосты) неграмотны, заставляютъ ихъ прикладывать печати сельскихъ обществъ къ петиціямъ, протестующимъ противъ соединенія, а тѣхъ, которые не соглашаются на это, немилосердно бьютъ»; журналисты и священники, писавшіе въ пользу соединенія, подвергаются преслѣдованію».

«Пресса въ Молдавіи упразднена,—писалъ онъ нѣсколько дней спустя.—Остались однѣ только правительственныя газеты. Отсутствіе всякаго контроля даетъ правительству возможность дѣйствовать совершенно беззастѣнчиво. Ясно, что все то, что̀ происходитъ здѣсь, по наущенію Порты и Австріи, имѣетъ цѣлью повліять на предстоящіе выборы. Когда же пріѣдетъ европейская коммиссія? Ее ожидаютъ съ нетерпѣніемъ».

Такимъ образомъ, не прошло и полгода послѣ заключенія Парижскаго договора, какъ дипломатическому міру угрожали новыя осложненія, и Франція, въ вопросѣ о Княжествахъ разошедшаяся во взглядахъ со своими союзницами, Англіей, Австріей и Турціей, должна была сблизиться съ Россіей и Пруссіей, которыя дѣйствовали съ нею въ этомъ вопросѣ единодушно.

Этотъ переворотъ въ системѣ союзовъ 1854 г. смущалъ тогдашнихъ французскихъ политиковъ и придавалъ въ ихъ глазахъ вопросу о Придунайскихъ княжествахъ совершенно особенное и чрезвычайно важное значеніе.

«Весьма прискорбно,—писалъ Тувенель Бенедетти, — что Россія получитъ, въ концѣ концовъ, первый голосъ въ спорномъ вопросѣ, который мы надѣялись рѣшить безъ ея участія. Въ настоящую минуту Константинополь, Вѣна и Лондонъ противъ насъ! Правда, Али-паша и Фуадъ-паша поняли наконецъ всю цѣну «безкорыстныхъ» совѣтовъ, которые даютъ имъ изъ Вѣны, и Прокешъ рветъ и мечетъ по поводу того, что Порта не выказываетъ ни малѣйшаго желанія продлить оккупацію Молдавіи и Валахіи австрійскими войсками.

Что касается Англіи, то она сдѣлала въ Берлинѣ довольно странныя сообщенія, и лордъ Кларендонъ трогательно выразилъ свое сожалѣніе по поводу высказаннаго имъ на конгрессѣ взгляда относительно Княжествъ.

«Впрочемъ, лордъ Стратфордъ, боясь общественнаго мнѣнія, не можетъ открыто противиться тому, чтобы «диваны» высказали свои

желанія, и я пользуюсь этимъ неудобствомъ его положенія какъ посланника конституціонной державы.

«Вопросъ о соединеніи Княжествъ не такъ простъ, какъ мы полагали вначалѣ; особенно возмутительно то, что надъ нами смѣются, и все то, что происходитъ въ настоящее время въ Бухарестѣ и въ Яссахъ, подъ сѣнью австрійскихъ штыковъ, походитъ на мистификацію.

«Попомните мое слово, что если дѣло пойдетъ такъ, то восточный вопросъ возродится не далѣе какъ черезъ годъ, и мы найдемъ себѣ союзника не иначе, какъ въ Петербургѣ.

«Вы этого не хотите но это будетъ такъ. У меня есть чутье, которое до сихъ поръ меня ни разу не обманывало; въ 1850 г. я писалъ изъ Аѳинъ, оффиціально, что вопросъ о Святыхъ мѣстахъ разрѣшится войной, а теперь я предсказываю, что вопросъ о Княжествахъ окончится подобно египетскому вопросу въ 1840 г.» [1]).

Эти предостереженія производили тревожное впечатлѣніе на французское министерство иностранныхъ дѣлъ, и Бенедетти писалъ Тувенелю 6-го (18-го) октября 1856 г., въ довольно грустномъ тонѣ, что относительно оккупаціи Молдавіи и Валахіи австрійскими войсками французскому правительству уже надоѣло принимать во всемъ на себя иниціативу и заботиться о турецкихъ интересахъ болѣе, нежели сами турки! «Пожалуй скажутъ, что, дѣйствуя наперекоръ Вѣнскому кабинету, мы хотимъ заискивать у Россіи.

«До сихъ поръ еще не рѣшено, соберется-ли европейская коммиссія въ Бухарестѣ до эвакуаціи его отъ австрійскихъ войскъ.

«Наконецъ, мы связаны по отношенію къ Россіи въ вопросѣ о Болградѣ [2]) такимъ образомъ, что никакое отступленіе невозможно.

«Англія также зашла далеко, и лордъ Пальмерстонъ считаетъ, что его самолюбіе такъ задѣто, что онъ не соглашается ни на какія уступки, которыя могли бы возстановить доброе согласіе или, лучше сказать, какъ-нибудь покончить дѣло, оставивъ Болградъ Россіи. Онъ

---

[1]) Когда вице-король египетскій Мегметъ-Али, хотѣвшій отдѣлиться отъ Турціи, угрожаемый англійскимъ флотомъ, былъ принужденъ признать свою вассальную зависимость отъ Порты.

[2]) Согласно 20 статья Парижскаго трактата Россія согласилась исправить границу Бессарабіи. Въ этой статьѣ было сказано, что граница пройдетъ къ югу отъ Болграда. Оказалось, что существуетъ два пункта, носящіе названіе Болградъ. Русскіе утверждали, что въ конвенціи говорилось не о томъ Болградѣ, который сталъ послѣ Адріанопольскаго мира главнымъ городомъ болгарскихъ поселеній этой мѣстности, а о Болградъ-Табакѣ. Англія энергично протестовала противъ этого, полагая, что Россія хочетъ такимъ образомъ обезпечить себѣ доступъ въ рукавъ Дуная. Этотъ споръ вызвалъ неудовольствіе между Лондонскимъ и Парижскимъ кабинетами, который склонялся въ пользу толкованія Россіи.

сказалъ во всеуслышаніе, что Россія должна отказаться отъ Болграда, и онъ не хочетъ отъ этого отступить.

«Послѣ того какъ лордъ Кларендонъ получилъ наше послѣднее сообщеніе, лордъ Коулей говоритъ, со слезами на глазахъ, что союзу угрожаетъ гибель, что Болградъ есть начало исторіи, которая можетъ окончиться весьма печально, если не будутъ приняты надлежащія мѣры».

«Несчастный вопросъ о Княжествахъ совершенно сбилъ съ толку турокъ,—писалъ въ то же время Тувенелю графъ Валевскій. Австрія ловко съумѣла дать понять (турецкимъ министрамъ), что этотъ вопросъ угрожаетъ существованію Турецкой имперіи; но чтобы попасться на эту удочку, нужно имѣть весьма мало ума и совѣсти!

«Что касается Болграда, то въ этомъ случаѣ встрѣчается только одно препятствіе, но оно довольно существенно: это тщеславіе лорда Пальмерстона. Я прошу всякаго честнаго человѣка сказать мнѣ по совѣсти: можно-ли ставить на одну доску пустяшное неудобство—предоставить Россіи Болградъ, и выгоды, которыя проистекутъ для Турціи отъ благопріятнаго рѣшенія пограничныхъ вопросовъ и въ особенности отъ выполненія Парижскаго трактата, самаго благопріятнаго для Порты изъ всѣхъ договоровъ, заключенныхъ за послѣднія полтораста лѣтъ. Лордъ Стратфордъ такъ околдовалъ турецкаго министра, что онъ не соглашается признать, до какой степени для Турціи важно, чтобы англійскія суда не находились въ Черномъ морѣ безконечно долго.

«Имѣемъ-ли мы какое-нибудь основаніе вздорить, уже не говорю съ австрійцами, а съ англичанами, изъ-за такого вопроса, какъ вопросъ о Болградѣ? За вѣжливостью, которую намъ оказываетъ Россія, скрывается большая неудача. Мы не можемъ дѣйствовать согласно съ Петербургомъ, не нарушая этимъ всѣхъ традицій нашей политики».

Однако несомнѣнно, что недоразумѣнія, возникшія у Франціи съ ея союзниками 1854 года на почвѣ Восточнаго вопроса, заставили французское правительство уже въ 1856 г. тяготѣть къ Россіи.

Разумѣется, вскорѣ послѣ Севастополя подобная перемѣна должна была показаться весьма странной, въ особенности въ глазахъ тѣхъ лицъ, кои способствовали возникновенію системы союзовъ, направленныхъ въ 1853—1856 гг. противъ честолюбивыхъ помысловъ императора Николая.

Подъ вліяніемъ удивленія, вызваннаго этимъ новымъ вѣяніемъ, обнаружившимся въ Парижѣ, одинъ изъ знатоковъ Восточнаго вопроса во Франціи, Карлъ Шеферъ, бывшій первымъ драгоманомъ французскаго посольства Константинополѣ во время Крымской войны, писалъ Тувенелю 8-го (20-го) сентября 1856 г.:

«Пишу вамъ нѣсколько словъ въ годовщину Альминской битвы. Я не могу забыть того глубокаго и отраднаго впечатлѣнія, какое произ-

вела эта первая побѣда на всѣхъ насъ и на всѣхъ тѣхъ, кои хотѣли быть тогда вмѣстѣ съ нами, а число таковыхъ было въ то время довольно значительно. Нынѣ я только и слышу, что говорятъ о Россіи и въ такихъ выраженіяхъ, которыя меня волнуютъ.

«Къ ней протягивается тысяча рукъ, чтобы помочь ей какъ можно быстрѣе достигнуть желаемаго.

«Разсказы о московскихъ коронаціонныхъ празднествахъ вскружили всѣмъ голову! Даже радикальныя газеты тронуты ими. Я ужасно боюсь, какъ бы то, что произошло въ Москвѣ, не дало намъ желанія устроить подобное же зрѣлище въ Парижѣ. Даже нѣжный и буколическій «Constitutionnel» вооружается противъ англичанъ и обвиняетъ ихъ въ «недоброжелательствѣ къ императорскому правительству». Англичане увѣряютъ, что они достаточно сильны, чтобы добиться исполненія Парижскаго трактата и они правы. Они знаютъ, что они хотятъ, а ихъ союзники этого не знаютъ».

II.

Въ Константинополѣ злополучный вопросъ о Придунайскихъ княжествахъ вызвалъ такую бездну интригъ, какія возможны только на Востокѣ.

Решидъ-паша, этотъ «великій дѣятель» современной Турціи, завидуя лаврамъ, которыя пожиналъ на Парижскомъ конгрессѣ его соперникъ Али-паша, горѣлъ желаніемъ занять снова должность великаго визиря, которую онъ исполнялъ неоднократно, и лордъ Стратфордъ Редклифъ, «старый другъ» Решида, какъ его называли французы, нашелъ въ вопросѣ о Княжествахъ благопріятный предлогъ, чтобы возстановить его во власти, и вслѣдствіе интригъ англійскаго посланника, который по словамъ султана «не давалъ ему ни минуты покоя», Али-паша былъ уволенъ въ отставку, а на его мѣсто назначенъ Решидъ, всегдашній сторонникъ Англіи.

Въ Константинополѣ всѣ были возмущены этимъ назначеніемъ и слабостью, которую проявилъ въ этомъ случаѣ султанъ, дѣйствовавшій по указкѣ Редклифа.

Сераскиръ, Мехмедъ Руджи-паша былъ внѣ себя отъ негодованія и говорилъ, что «если бы султанъ дорожилъ собственнымъ достоинствомъ, то онъ отдѣлался бы отъ назойливыхъ приставаній англійскаго посланника, вручивъ ему паспорта».

Такимъ образомъ англійскій посланникъ одержалъ надъ Абдулъ-

Меджидомъ большую побѣду, но ему показалось этого мало. Такъ какъ султанъ принялъ, незадолго передъ тѣмъ, вопреки существовавшему обычаю, орденъ Почетнаго Легіона, то Редклифъ убѣдилъ свое правительство прислать Абдулъ-Меджиду орденъ Подвязки и постарался устроить дѣло такъ, чтобы церемонія передачи орденскихъ знаковъ султану совпала съ возвращеніемъ Решида-паши къ дѣламъ.

Первое свиданіе Решида-паши съ его коллегами прошло весьма холодно. Они едва обмѣнялись нѣсколькими ничего незначащими словами. Решидъ первый поклонился капитанъ-пашѣ, который отвѣтилъ ему поклономъ, не произнеся ни слова.

«Когда я спросилъ его,—пишетъ Утрэ [1]),—что было рѣшено третьяго дня на совѣтѣ, то Решидъ-паша отвѣчалъ мнѣ, что трудно избрать между двумя союзниками, которыхъ одинаково любишь, и что ему надобно дать время на размышленіе.

— Мы это знаемъ,—отвѣчалъ я,—но мы хотимъ знать да или нѣтъ относительно текущихъ важныхъ дѣлъ и при томъ хотимъ знать это немедленно.

— Но вѣдь я ничего не значу, я маленькій человѣкъ,—отвѣчалъ великій визирь.

— Вы, вновь вступившій въ должность великій визирь, ваша свѣтлость,—сказалъ я,—а мы желаемъ знать именно взглядъ великаго визиря.

«Решидъ сказалъ, что у него былъ въ то утро Бутеневъ [2]) и предложилъ ему такой же точно вопросъ.

«Мы разстались очень холодно».

Интрига, доставившая власть Решиду-паши, была оцѣнена въ Парижѣ такъ, какъ она того заслуживала. Въ виду серьезнаго положенія дѣлъ, вызваннаго вопросомъ о соединеніи Княжествъ, для Франціи не могло быть безразличнымъ, что во главѣ турецкаго кабинета сталъ человѣкъ, находившійся всецѣло подъ вліяніемъ Англіи.

«И такъ, Решидъ-паша сдѣлался снова великимъ визиремъ!—писалъ Бенедетти Тувенелю [3]), узнавъ объ этомъ назначеніи,—что лордъ Стратфордъ доволенъ этимъ—вполнѣ понятно. Что касается самого Решида, то онъ разсчитываетъ, вѣроятно, на наше долготерпѣніе, но какимъ образомъ удастся ему распутать тѣ затруднительные вопросы, которые послужили поводомъ удаленія Али-паши и возвращенія его къ власти? Споръ относительно Болграда оконченъ, Россія не думаетъ отказаться отъ него, и мы того мнѣнія, что никто не имѣетъ права принудить ее къ этому. Англія и Австрія полагаютъ, что въ такомъ случаѣ онѣ

---

[1]) Первый драгоманъ французскаго посольства въ Константинополѣ.

[2]) Русскій посолъ въ Константинополѣ.

[3]) Бенедетти—Тувенелю 22-го октября (4-го ноября) 1856 г.

должны имѣть обсервaціонный пунктъ въ Босфорѣ. Это значитъ, что Россія сохранитъ Болградъ, а Турція, въ видѣ вознагражденія, «добьется оккупаціи» Княжествъ австрійскими войсками и стоянки англійскаго флота въ Босфорѣ.

«Вотъ положеніе, въ которое будетъ поставлена Турція съ переходомъ власти къ Решиду-пашѣ, если только онъ не думаетъ провести лорда Стратфорда, точно такъ же, какъ онъ провелъ князя Меншикова».

Таково было положеніе дѣлъ въ Константинополѣ, которое по мѣрѣ усиленія англійскаго вліянія вызывало все болѣе и болѣе сильную тревогу и неудовольствіе французскаго правительства.

Въ это же время, въ Петербургѣ, чрезвычайный французскій посланникъ графъ Морни, вскорѣ послѣ коронаціи императора Александра II, сталъ заискивать дружбу русскаго правительства, добивавшагося нарушенія союза европейскихъ державъ, который образовался противъ него въ 1854 г. Все заставляло предполагать, что подъ давленіемъ разныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ рѣшеніе Восточнаго вопроса, система союзовъ, существовавшихъ въ Европѣ, должна была роковымъ образомъ измѣниться. Столь грандіозное на первый взглядъ дѣло Парижскаго конгресса расползалось по швамъ, по прошествіи всего восьми мѣсяцевъ.

Между тѣмъ европейская коммиссія, на которую Парижскимъ конгресомъ была возложена обязанность узнать желанія молдаво-валаховъ, собравшаяся въ Константинополѣ еще въ маѣ мѣсяцѣ 1856 г., выжидала терпѣло благопріятнаго момента, когда обстоятельства позволятъ ей отправиться въ Бухарестъ.

На первыхъ же засѣданіяхъ коммиссіи обнаружилась бездна недоразумѣній и недоброжелательства.

«Я вижу, что мы затѣяли трудное дѣло,—писалъ Тувенель Бенедетти,—но о томъ, чтобы не посылать коммиссію въ Бухарестъ, конечно не можетъ быть рѣчи. Эта чаша должна быть испита до дна; надобно постараться, чтобы изъ нея никто не отравился».

И дѣйствительно въ Молдавіи и Валахіи, откуда все еще не были выведены австрійскія войска, происходили страшныя неурядицы, не предвѣщавшія ничего добраго, и 1856-й г., сулившій такъ много хорошаго, «окончился среди полной неизвѣстности относительно будущаго». Но такъ какъ всякое дѣло имѣетъ конецъ, то трудные переговоры, которые велъ французскій посланникъ съ турецкими министрами, чтобы добиться желаемой редакціи фирмана о созывѣ молдавскихъ и валахскихъ «דивановъ», привели наконецъ къ желаемому результату. Предоставленіе несчастному населенію Княжествъ права высказать ихъ

желанія было большимъ успѣхомъ. Но, какъ увидимъ далѣе, между текстомъ фирмана и его примѣненіемъ на дѣлѣ была огромная разница.

Обнародованіе фирмана, котораго всѣ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, произвело въ Княжествахъ огромное впечатлѣніе. Всѣмъ казалось, что на горизонтѣ вспыхнула заря румынской національной самобытности.

«Валахи ликуютъ,—писалъ французскій консулъ Бекларъ [1]),—недовольны лишь одни знатные бояре, которые, не могутъ утѣшиться по поводу того, что ихъ смѣшали съ людьми, стоящими ниже ихъ по происхожденію.

«Жители собираются въ общественныхъ мѣстахъ, чтобы обсудить текстъ фирмана и подготовиться къ выборамъ. Эти сборища бываютъ шумны и безтолковы, чтб вполнѣ понятно со стороны людей, такъ мало знакомыхъ съ парламентскими обычаями.

Не менѣе сильное впечатлѣніе произвелъ фирманъ и въ Молдавіи. Французское правительство, желая еще разъ подтвердить свою готовность содѣйствовать соединенію Княжествъ, приказало помѣстить въ Moniteur'ѣ по этому поводу замѣтку, которая не произвела особенно сильнаго впечатлѣнія въ Лондонѣ, но за то въ Вѣнѣ графъ Буоль отнесся крайне непріязненно къ этой статьѣ, въ которой былъ высказанъ взглядъ Наполеона III.

— Если бы Европа сговорилась на конгрессѣ,—сказалъ графъ Боуль,— и посадила въ Бухарестѣ европейскаго принца, то мы бы утопили его собственноручно.

Предостереженія, которыя французскій посланникъ посылалъ въ Парижъ изъ Константинополя, говоря, что вопросъ о Княжествахъ создастъ всѣмъ не мало хлопотъ, вполнѣ оправдывались событіями.

«Если «диваны» выскажутся въ смыслѣ благопріятномъ соединенію, писалъ Тувенель герцогу Грамонъ (французскому посланнику въ Туринѣ) 14-го (26-го) марта 1857 г.,—то Англіи будетъ очень трудно не поддержать ихъ, но вопросъ осложняется тѣмъ, какія средства надобно пустить въ ходъ, чтобы сломить упорство Порты; я заранѣе увѣренъ, что лордъ Стратфортъ мнѣ въ этомъ не поможетъ.

«Вообще надежды на успѣхъ у насъ мало».

Между тѣмъ члены европейской коммиссіи послѣ всевозможныхъ проволочекъ прибыли наконецъ въ Бухарестъ.

Пріѣздъ европейскихъ коммиссаровъ до такой степени ободрилъ сторонниковъ соединенія, что они уже не скрывали своего желанія, чтобы главою вновь нарождавшагося государства былъ избранъ иностранный принцъ.

«Въ Валахіи,—писалъ по этому поводу французскій коммиссаръ

---

[1]) Бекларъ—Тувенелю 2-го (14-го) января 1857 г.

Талейранъ — причину этого надобно искать въ недовѣріи, которое питаютъ тамъ къ тремъ главнымъ кандидатамъ въ правители, князьямъ Стирбею, Бибеско и Александру Гикѣ. Въ Молдавіи, гдѣ особенно горячо желаютъ видѣть иностраннаго принца, всѣ дрожатъ при мысли, что можетъ вернуться бывшій господарь князь Михаилъ Стурдза.

«Князь Стирбей не выходитъ изъ дома и мало кого принимаетъ. Его сдержанность приводитъ каймакама въ отчаяніе. Онъ работаетъ съ утра до вечера и занимается исключительно вопросами административными, законодательными и финансовыми, которые онъ предлагаетъ представить на обсужденіе «дивановъ». Князь Бибеско, пріѣхавшій третьяго дня, уже принялъ весьма многихъ лицъ. Его пріѣздъ, послѣ восьмилѣтняго отсутствія, производитъ, разумѣется, большое впечатлѣніе. Князь Бибеско обладаетъ даромъ слова и чаруетъ всѣхъ, кто его слышитъ. Сэра Бульвера (англійскаго коммиссара) ждутъ со дня на день. Онъ уѣхалъ на нѣсколько дней за городъ для поправленія своего здоровья, состояніе котораго совершенно не соотвѣтствуетъ принятымъ имъ на себя обязанностямъ.

«Русскій коммиссаръ, Базили, держитъ себя съ самаго пріѣзда своего въ Валахію очень спокойно. Я видѣлъ его нѣсколько разъ. Онъ громко высказываетъ свое удовольствіе по поводу того, что протекторатъ Россіи надъ Княжествами упраздненъ, такъ какъ, по его словамъ, «онъ доставлялъ его правительству однѣ непріятности», не принося ему никакой существенной выгоды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не вѣритъ въ успѣхъ дѣла, предпринятаго «семью державами». Онъ негодуетъ противъ молдаванъ и валаховъ, противъ австрійцевъ и турокъ. «Послѣдніе не очистили даже Княжества отъ своихъ войскъ, говоритъ онъ. Они оставили солдатъ и орудія въ Журжево и Калафатѣ». Каймакамъ Гика, на вопросъ Базили по этому поводу, былъ видимо очень удивленъ и увѣрялъ, что ему объ этомъ ничего не извѣстно. Мнѣ самому это не было извѣстно, и я замѣчаю уже не первый разъ, что здѣсь не знаютъ о томъ, что дѣлается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы».

«Вопросъ о соединеніи Княжествъ по-прежнему поселяетъ между всѣми раздоръ,—писалъ Бенедетти 18-го (31)-го мая 1857 г.

«Англія по-прежнему идетъ на буксирѣ у лорда Стратфорда, хотя въ Лондонѣ стараются щадить насъ.

«Австрія не идетъ ни на какія уступки, и всѣ ея усилія направлены въ настоящую минуту къ тому, чтобы Молдавія, гдѣ наши противники дѣйствуютъ особенно энергично, высказалась противъ соединенія. Тогда не будетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, но настоящій успѣхъ будетъ все же на сторонѣ вѣнскаго кабинета.

«Сардинія готова, разумѣется, дѣйствовать вмѣстѣ съ нами.

«Пруссія не отказываетъ намъ въ обѣщанной поддержкѣ.

*

«Россія безмолвствуетъ»; она отвѣчаетъ, когда ее спрашиваютъ, но въ общемъ старается держать себя какъ можно сдержаннѣе».

Въ Валахіи, благодаря присутствію европейскихъ коммиссаровъ, не ожидали во время выборовъ большихъ волненій, но за то въ Молдавіи, гдѣ были сосредоточены всѣ усилія противниковъ соединенія, можно было всего ожидать.

Вогоридесъ, заявлявшій себя вначалѣ сторонникомъ соединенія, сбросилъ маску и дѣйствовалъ угрозою, обманомъ и насиліемъ.

Митрополитъ ясскій, разсчитывая на поддержку со стороны русскаго и французскаго уполномоченнаго, пріободрился и вступилъ съ каймакамомъ въ открытую борьбу. Тогда Вогоридесъ, согласно приказанію, полученному имъ по телеграфу отъ Решида-паши, опубликовалъ ложные избирательные листы, и приставамъ было приказано, чтобы въ теченіе тридцати дней, въ которые могли быть представлены заявленія, никому не давали почтовыхъ лошадей.

Въ то время, какъ Молдавія сдѣлалась такимъ образомъ ареною самыхъ оживленныхъ интригъ, французскій посланникъ въ Константинополѣ велъ, по странной ироніи судьбы, ожесточенную борьбу съ тремя правительствами, которыя не далѣе, какъ три года назадъ, дѣйствовали совмѣстно съ Франціей противъ Россіи.

Турецкіе министры, по своему обыкновенію, отвѣчали на всѣ его требованія и заявленія двусмысленно, или обманывали его, но,—какъ писалъ Тувенель Бенедетти 6-го (18)-го іюня 1857 г., «Решидъ-паша какъ будто немного упалъ духомъ и даже поговариваетъ—о своемъ намѣреніи подать въ отставку.

«Бутеневъ, которымъ я и ранѣе былъ доволенъ, сдѣлался еще рѣшительнѣе послѣ протеста ясскаго митрополита, и я полагаю, что Базили также не будетъ дремать. Если мы хотимъ по прежнему соединенія Княжествъ, то русскіе будутъ дѣятельно содѣйствовать намъ въ этомъ; но предоставить имъ играть главную роль въ Княжествахъ значило бы дѣйствовать не соотвѣтственно нашей цѣли.

«Повторяю еще разъ, дѣло идетъ не столько о соединеніи Княжествъ, сколько о честномъ выполненіи Парижскаго трактата. Первое вытекаетъ изъ этого само собою».

Натянутыя отношенія, возникшія между Франціей и тремя великими державами, такъ недавно бывшими ея дѣятельными союзницами, не могли долго оставаться тайною политическихъ канцелярій. Во Франціи общественное мнѣніе было этимъ взволновано такъ же точно, какъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ, гдѣ всѣ выражали желаніе, чтобы найдено было средство возстановить согласіе между державами.

Съ этой цѣлью императора Наполеона III склонили посѣтить въ августѣ мѣсяцѣ королеву Викторію въ Осборнѣ, гдѣ вопросъ, волно-

вавшій парижскій и лондонскій кабинеты, могъ быть обсужденъ окончательно.

«Я въ восторгѣ, — писалъ Тувенель Бенедетти 18-го іюня (1-го іюля) 1857 г.,—по поводу сообщеннаго вами извѣстія и желаю отъ души, чтобы путешествіе императора въ Осборнъ состоялось. Надѣюсь, что императоръ получитъ должное удовлетвореніе.

«Самое главное выяснить, хотятъ-ли въ Лондонѣ быть болѣе пріятными Австріи, нежели намъ. Изъ вопроса о соединеніи Княжествъ лордъ Стратфордъ сдѣлалъ то, что онъ дѣлаетъ изъ всего, т. е. вопросъ личный. Въ силу особенностей своего характера, онъ сдѣлался шестою великой державой Европы, и если свиданіе императора съ Пальмерстономъ будетъ имѣть послѣдствіемъ хотя бы только выясненіе этого обстоятельства, то и этого будетъ достаточно».

Въ то время, какъ писались эти строки, европейская коммиссія влачила въ Бухарестѣ жалкое существованіе. Событія приняли слишкомъ драматическій характеръ, они слишкомъ волновали европейскую публику, чтобы это скороспѣлое созданіе Парижскаго конгресса могло имѣть какое-нибудь, хотя бы малѣйшее, вліяніе на ходъ дѣлъ.

Европейской коммиссіи, засѣдавшей въ столицѣ Валахіи, не доставало двухъ непремѣнныхъ условій успѣха: нравственнаго вліянія и власти. Коренное разногласіе, существовавшее между коммиссарами, ихъ полное незнакомство съ мѣстными условіями были причиною, что ихъ засѣданія превратились въ «кислосладкіе разговоры», во время которыхъ главною темою были сопровождавшіе выборы скандалы, которые передавались къ великому удовольствію однихъ, къ отчаянію другихъ.

Французскій коммиссаръ Талейранъ, человѣкъ весьма умный, сразу подмѣтилъ эту обратную сторону медали.

«На-дняхъ,—писалъ онъ Тувенелю,—во время засѣданія произошла жестокая схватка между сэромъ Генри Бульверомъ и Базили. Первый, который придирается ко всякому, когда на него находятъ припадки ипохондріи, назвалъ поведеніе Базили коварнымъ за то, что онъ прочелъ протестъ молдавскаго митрополита. Базили, какъ вамъ извѣстно, не дастъ себя въ обиду. Эти господа обмѣнялись довольно рѣзкими словами, и по столу, за которымъ засѣдаетъ коммиссія, было сдѣлано нѣсколько ударовъ кулакомъ. Остальнымъ пришлось вмѣшаться, и предсѣдатель, коимъ былъ въ тотъ день Эйхманъ [1]), не зналъ, что дѣлать».

Вслѣдствіе истолкованія, даннаго европейской коммиссіей нѣкото-

---

[1]) Австрійскій коммиссаръ. Въ засѣданіяхъ коммиссіи предсѣдательствовали по очереди коммиссары всѣхъ державъ.

рымъ не вполнѣ яснымъ мѣстамъ фирмана, коммиссары рѣшили единогласно, что въ редакціи избирательныхъ листовъ должны были быть сдѣланы существенныя поправки; на это требовалось время, и Блистательная Порта, по настоянію французскаго посланника, согласилась отсрочить на двѣ недѣли назначенный княземъ Вогоридесомъ день выборовъ. Но каймакамъ, полагая, быть можетъ, сдѣлать угодное турецкому правительству, не исполнивъ его приказаніе, или слѣпо повинуясь приказаніямъ Австріи, не обратилъ никакого вниманія на оффиціальное приказаніе Порты.

«Вогоридесъ отказывается принять во вниманіе толкованіе, данное фирману коммиссіей,—писалъ Пласъ Тувенелю 27-го іюня (9-го іюля) изъ Ясъ,—до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ категорическаго приказанія Порты. А таковаго онъ до сихъ поръ не получалъ, поэтому все заставляетъ предполагать, что здѣсь всѣ откажутся отъ подачи голосовъ. Митрополитъ уже заявилъ о таковомъ намѣреніи со своей стороны, а его примѣръ имѣетъ большой вѣсъ».

Но Вогоридеса ничто не могло смутить.

Поддерживаемый оффиціально Австріей, поощряемый лордомъ Стратфордомъ Редклифомъ и увѣренный въ поддержкѣ Решида-паши, онъ приказалъ приступить въ Молдавіи къ выборамъ. Результатъ превзошелъ всѣ ожиданія.

«Вы будете, вѣроятно, поражены результатомъ выборовъ, произведенныхъ въ Молдавіи,—писалъ Пласъ Тувенелю 11-го (23-го) іюля 1857 г.— изъ числа 48 игуменовъ подали голосъ 5 человѣкъ, изъ коихъ одинъ иностранецъ! Изъ 3.263 священниковъ приняли участіе въ выборахъ всего 29 человѣкъ. То, что мнѣ уже извѣстно, свидѣтельствуетъ, что большинство избирателей, внесшіе свои имена въ списки, воздержались отъ голосованія. Изъ нѣсколькихъ тысячъ помѣщиковъ не участвовало въ выборахъ и двухсотъ человѣкъ! Неужели же Турція, Австрія и Англія не отступятъ отъ своего требованія, видя всеобщее неодобреніе страны, мнѣніе которой всѣ яко бы хотѣли узнать?»

Но англійскій посланникъ поздравилъ Порту съ торжествомъ консервативной партіи.

Французскій же посланникъ рѣшилъ, что его нога не будетъ болѣе у великаго визиря Решида-паши и послалъ ему съ простымъ кавасомъ письмо, которое долженъ былъ передать ему первый драгоманъ посольства. Въ этомъ письмѣ онъ обвинялъ турецкое правительство, англійскаго посланника и австрійскаго интернунція въ томъ, что они «не дали населенію Молдавіи возможности свободно высказать свои желанія и тѣмъ нарушили постановленія Парижскаго трактата».

Когда все это сдѣлалось извѣстно въ Парижѣ, то гнѣвъ Наполеона III не зналъ предѣловъ. Онъ рѣшилъ потребовать отставки Решида-

паши и уничтоженія выборовъ, а въ противномъ случаѣ отозвать своего посланника. Представители Россіи, Пруссіи и Сардиніи присоединились къ этому рѣшенію.

Любопытенъ разсказъ Тувенеля о его прощальной аудіенціи у Абдулъ-Меджида, который какъ нельзя лучше рисуетъ этого безвольнаго, слабохарактернаго и нерѣшительнаго султана.

«Настала пора покончить,—писалъ Тувенель французскому министру иностранныхъ дѣлъ:

«25-го іюля (6-го августа) «Аяччіо» (французскій стаціонеръ въ Босфорѣ) бросилъ якорь передъ домомъ нашего посольства. Я находился на большой террасѣ дворца со всѣмъ личнымъ составомъ миссіи. Тутъ же были князь Лобановъ, князь Стурдза, испанскій посланникъ маркизъ Суза и многія другія лица. Послѣ двадцати одного пушечнаго выстрѣла, которые должны бы были вызвать угрызенія совѣсти въ душѣ лорда Стратфорда, мы отдали послѣдній разъ честь французскому флагу, который затѣмъ былъ спущенъ. Нѣсколько минутъ спустя я вошелъ на «Аяччіо» при крикахъ: «да здравствуетъ императоръ!», а три четверти часа спустя мы подошли къ ступенямъ Долма-Бахче. Султанъ, котораго не было въ то время во дворцѣ, приказалъ предупредить его. Вскорѣ мнѣ сообщили, что его величество вернулся, и когда я шелъ по двору ко дворцу, то султанъ, только-что сошедшій съ лошади, направился ко мнѣ съ выраженіемъ самаго глубочайшаго волненія. Онъ то и дѣло оборачивался, какъ бы приглашая меня идти рядомъ съ нимъ, и, направившись къ кіоску, съ трудомъ взошелъ на его ступени.

«Блѣдный, какъ смерть, онъ прислонился къ стѣнѣ и ждалъ, что я заговорю:

— Ваше величество,—сказалъ я,—вотъ уже часъ, какъ въ Константинополѣ нѣтъ болѣе французскаго посланника, но я, какъ частное лицо, пользовавшееся милостивымъ вниманіемъ вашего величества, хотѣлъ откланяться вамъ.

«Султанъ былъ, повидимому, совершенно убитъ совершившимся фактомъ; наконецъ, онъ былъ въ состояніи заговорить; послѣ нѣсколькихъ любезныхъ словъ,—сказанныхъ мнѣ лично, онъ воскликнулъ:

— Какое несчастье, что подобное событіе, какъ разрывъ съ державою, которая сдѣлала такъ много для моей имперіи и для меня, произошло въ царствованіе Абдулъ-Меджида.

«Эти слова были для меня лучомъ свѣта, озарявшимъ тьму, и я понялъ, что все кончено.

— Я не буду продолжать разговора, который одинаково тягостенъ для вашего величества и для меня. Поэтому я удаляюсь, но въ эту тяжелую минуту меня поддерживаетъ сознаніе, что я исполнилъ до

конца свой долгъ по отношенію къ императору и къ вашему величеству.

«Я поклонился. Султанъ проводилъ меня до лѣстницы, глядя на меня, какъ статуя, до тѣхъ поръ, пока я не скрылся изъ вида.

«Я ушелъ съ этой аудіенціи съ сердцемъ, сокрушеннымъ при видѣ агоніи этого правительства. Но видъ султана, если не ошибаюсь, открылъ мнѣ тайну, которая можетъ все объяснить. Не было-ли заключено между Англіей, Австріей и Турціей секретнаго договора, коимъ эти державы обязались, во что бы то ни стало, противиться соединенію Княжествъ?

«Не прошло и часа послѣ того, какъ въ Терапію прибылъ Гакки-бей, первый секретарь султана. Ему было приказано пробыть у меня подольше, чтобы всѣ видѣли его каикъ стоящимъ у набережной передъ домомъ французскаго посольства. Гакки-бею было приказано выразить мнѣ еще разъ личное сожалѣніе султана и объявить, что его величество приказалъ высказать это оффиціально всѣмъ членамъ посольства. Этотъ шагъ подтверждаетъ мои догадки; султанъ хочетъ, не давая себѣ вполнѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, сложить съ себя всякую отвѣтственность въ грядущихъ событіяхъ».

«Новые» союзники, которыхъ французское правительство пріобрѣло въ вопросѣ о Княжествахъ, въ точности сдержали свое обѣщаніе. Одновременно съ французскимъ посланникомъ торжественно прервали дипломатическія сношенія съ Турціей посланники: русскій Бутеневъ, прусскій—баронъ Вильденбрукъ и сардинскій—генералъ Дурандо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма графа Н. П. Румянцова и записка Н. М. Карамзина къ А. И. Ермолаеву [1]).

1.

С.-Петербургъ, 12-го марта 1818 г.

Вамъ извѣстно мое намѣреніе издавать постепенно рукописныя лѣтописи наши, хранящіяся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ [2]); и хотя первый томъ еще печатается, я просилъ Академію приступить къ напечатанію втораго, начавъ его такъ называемою Волынскою лѣтописью [3]). Мнѣ извѣстно, что вы, милостивый государь мой,

---

[1]) Въ пятидесятыхъ годахъ покойнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ была пріобрѣтена часть бумагъ археолога Александра Ивановича Ермолаева (р. 1780 † 1828 г.), познанія котораго въ палеографіи, русской исторіи и древностяхъ высоко цѣнились современными ему учеными. Кромѣ черновыхъ статей и замѣтокъ самого Ермолаева въ этихъ бумагахъ нашлось нѣсколько писемъ къ нему. Изъ нихъ два письма митрополита Евгенія Болховитинова были напечатаны А. Ѳ. Бычковымъ въ „Сборникѣ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (томъ V, вып. I, Спб. 1868, стр. 240—241 и 244). Въ настоящее время на страницахъ „Русской Старины“ помѣщаются находящіяся въ тѣхъ же бумагахъ письма государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцова къ Ермолаеву и записка къ нему Карамзина.

[2]) Еще въ 1813 году графъ Румянцовъ представилъ въ Академію Наукъ 25.000 р. для изданія русскихъ лѣтописей. Въ первомъ томѣ долженъ былъ быть напечатанъ Кенигсбергскій списокъ лѣтописи, хранящійся въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Какъ извѣстно, къ печатанію русскихъ лѣтописей на Румянцовскій капиталъ Академіею Наукъ приступлено не было, и впослѣдствіи этотъ капиталъ съ наросшими на него процентами былъ переданъ на учрежденіе Археографической Коммиссіи и изъ него были покрыты издержки по изданію Актовъ Археографической Экспедиціи.

[3]) Ермолаевскій списокъ Волынской лѣтописи (нынѣ принадлежащій Императорской Публичной Библіотекѣ) относится къ XVIII вѣку.

съ оной древній списокъ имѣете; позвольте мнѣ къ вамъ обратиться съ покорною просьбою пожаловать мнѣ на нѣкоторое время сію лѣтопись для сличенія вамъ принадлежащаго списка съ академическимъ [1]).

Вы любите распространеніе нашихъ познаній въ отечественной исторіи; вы занимаете мѣсто именитое между тѣми, кои оную хорошо вѣдаютъ и, окончательно скажу, вы любите меня одолжать; какъ мнѣ сумнѣваться въ успѣхѣ моего теперешняго домогательства?

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

2.

Москва, 21-го іюня 1820 г.

Найдя въ Вѣдомостяхъ, что государю императору угодно было вамъ воздать за службу вашу отличіемъ, ордена святыя Анны алмазными знаками, премного тому обрадовался, и не могу воздержать себя, чтобы того вашему высокоблагородію не свидѣтельствовать и не принесть вамъ искреннѣйшаго поздравленія; готовъ и впередъ брать живѣйшее участіе въ успѣхахъ вашихъ.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Алексѣю Николаевичу [2]), а г. Востокову [3]) скажите, что я премного прельщаюсь ученою и прелюбопытною его статьею о перемѣнахъ, чрезъ кои переходила древняя наша грамматика [4]). Изданіе сочиненія о періодѣ извѣстнаго экзарха Болгарскаго [5]) и Сборника, найденнаго въ Воскресенскомъ монастырѣ [6]), дадутъ ему случай къ новой жатвѣ. На сихъ дняхъ отправилъ я г. Строева [7]) для составленія каталога тѣхъ рукописей, которыя я самъ видѣлъ въ Боров-

---

[1]) Съ Ипатьевскимъ спискомъ, хранящимся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

[2]) Оленину, директору Императорской Публичной Библіотеки.—А. И. Ермолаевъ былъ хранителемъ рукописей той же Библіотеки.

[3]) Александру Христофоровичу.

[4]) Знаменитое „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ“ Востокова, напечатанное въ XVII томѣ „Трудовъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ“. Этотъ томъ вышелъ въ свѣтъ въ іюнѣ 1821 г.

[5]) Изслѣдованіе К. Ѳ. Калайдовича „Іоаннъ, ексархъ болгарскій“, изданное на средства гр. Н. П. Румянцова, вышло въ свѣтъ въ 1826 году.

[6]) Извѣстнаго Святославова сборника 1073 года. Намѣреніе гр. Румянцова издать этотъ памятникъ не осуществилось.

[7]) Павла Михайловича. Объ его поѣздкѣ въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь см. у Н. Барсукова „Жизнь и труды П. М. Строева“, Спб. 1878, стр. 39—41. Составленное Строевымъ описаніе рукописей этого монастыря вошло въ изданный Императорскимъ Обществомъ любителей древней письменности трудъ его „Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый-Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутіева-Боровскаго“ (Спб. 1891).

скомъ Пафнутьевомъ монастырѣ, а потомъ поѣдетъ онъ описывать библіотеку Серпуховскаго монастыря; авось либо и тутъ забытое богатство древней россійской словесности отыщется. Въ Москвѣ я нѣкоторыя старопечатныя книги купилъ, и имянно два изданія разныхъ [книгъ] Ветхаго Завѣта доктора Скорина; оба довольно сбережены, но оба не полные. У графа Толстаго [1]) видѣлъ я пребогатую русскими древними рукописями библіотеку, а у г. Зоя Павловича Зосимы удивительное собраніе древнихъ медалей всѣхъ странъ и россійскихъ древнихъ монетъ [2]).

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

3.

Петербургъ, 5-го маія 1821 г.

Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 2-го сего мѣсяца. Съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ къ познаніямъ вашимъ прочелъ я и беречь буду ученыя ваши замѣчанія на счетъ извѣстнаго Евангелія [3]).

Извиняюсь передъ вами и Алексѣемъ Николаевичемъ, что поклепалъ васъ въ томъ, будто бы отдалъ я вамъ изображеніе битвы подъ Новымъ-Городомъ, котораго у себя я отыскать не могу. Пожалуйте, поблагодарите Алексѣя Николаевича за то благосклонное для меня попеченіе, которое онъ брать изволилъ объ отчисткѣ мнѣ принадлежащихъ древнихъ сабель; когда онѣ готовы будутъ, прикажите вы, милостивый государь мой, явиться къ себѣ моему домоправителю Владиміру Иванову для принятія ихъ. Онъ самой тотъ, который будетъ имѣть честь вашему высокоблагородію вручить сіе письмо.

Вы, статься можетъ, по дружбѣ ко мнѣ пристрастно судите и службу мою, и нѣкоторые подвиги среди отставки: но во мнѣ возбуждаете себѣ

---

[1]) Собраніе рукописей графа Ѳедора Андреевича Толстого, какъ извѣстно, поступило потомъ въ Императорскую Публичную Библіотеку.

[2]) О собраніи Зоя Павловича Зосимы см. въ статьѣ П. П. Свиньина „Первое письмо изъ Москвы", напеч. въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1820 г. (ч. I, стр. 217—221). З. П. Зосима († 1827), богатый грекъ, проживавшій въ Россіи, извѣстенъ, между прочимъ, своими крупными пожертвованіями (болѣе 120 тысячъ рублей) на Академію коммерческихъ наукъ въ Москвѣ (см. въ Энциклопедическомъ Словарѣ, изд. русскими учеными и литераторами, т. II (Спб. 1861), ст. 270—271).

[3]) Быть можетъ, замѣчанія Ермолаева о рукописномъ Холмскомъ евангеліи XIII вѣка, пріобрѣтенномъ гр. Н. П. Румянцовымъ въ 1821 году (см. „Переписка А. Х. Востокова", изд. И. И. Срезневскимъ, Спб. 1873, стр. 23). Объ этой рукописи см. Востоковъ, Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, № CVI, стр. 173—174.

благодарность; продолжайте, пожалуйте, ко мнѣ дружеское ваше расположеніе и будьте увѣрены, что никто лучше моего не цѣнитъ достоинствъ вашихъ.

На досугѣ пожалуйте, дайте мнѣ знать, можетъ-ли г. Востоковъ приступить къ собранію неизданныхъ еще грамотъ, начавъ именно съ тѣхъ, которыя существуютъ разсѣяны въ разныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Императорской Библіотекѣ, и нельзя-ли мнѣ доставить имъ реестръ, расположенный въ хронологическомъ ихъ порядкѣ; ежели числа ихъ не достанетъ къ составленію порядочнаго тома, я иными списками ихъ дополню.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

4.

Ржевъ, 2-го сентября 1822 г.

Хотя поздно, въ чемъ приношу извиненіе, но однакоже данное обѣщаніе исполняю; при письмѣ семъ, мнѣ благодѣтельствуя, Алексѣй Ѳедоровичь [1]) препроводитъ къ вамъ, милостивый государь мой, очень хорошій списокъ съ той надписи [2]), которую вы имѣть желали. Она точно существуетъ въ Московскомъ соборѣ, но, кажется мнѣ, не на той иконѣ, на которой вы быть ей полагали. Пожалуйте, прикажите срисовать ее для себя, а сей рисунокъ покорно васъ прошу возвратить г-ну Гиппингу [3]), для пріобщенія къ моей библіотекѣ.

Свидѣтельствуйте, пожалуйте, мое почтеніе Алексѣю Николаевичу и увѣдомьте его, что, посѣтивъ Микулино-Городище, мнѣ нынѣ принадлежащее, я отъ своихъ крестьянъ пріобрѣлъ крестовъ мѣдныхъ до 36 старинныхъ, довольно большой величины, которые при распашкахъ земли удавалось имъ находить; большею частію они совершенно одинаковой формы и одинаковаго рисунка: подлѣ Христа видится особа, увѣнчанная короной [4]); опричь сихъ крестовъ, въ числѣ находокъ есть древняя небольшая печать, которая, по придѣланному къ ней ушку, видно, что носилась на груди. Нельзя почесть всѣ сіи находки за вещи

---

[1]) Малиновскій, начальникъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Ср. „Переписка государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцова съ московскими учеными", изд. Е. В. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ Московск. Общества исторіи и древностей россійскихъ", 1882 года, книга первая, стр. 232—233.

[2]) На иконѣ, находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

[3]) Завѣдывавшему библіотекою канцлера.

[4]) Объ этихъ крестахъ графъ Румянцовъ писалъ подробнѣе А. Ѳ. Малиновскому 2-го же сентября (см. „Переписка графа Н. П. Румянцова съ московскими учеными", стр. 231).

важныя; но нельзя же отнять у нихъ того достоинства, что онѣ любопытны. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ я все сіе Алексѣю Николаевичу, вамъ и г. Востокову, которому прошу сказать мой поклонъ, представлю на заключеніе, и буду васъ всѣхъ троихъ просить опредѣлить тотъ вѣкъ, къ которому сіи вещи принадлежатъ.

Въ Москвѣ я пріобрѣлъ Стихирарь XIII или XIV вѣка [1]), и какъ г. Калайдовичъ судилъ, что онъ любопытенъ бы былъ для г. Востокова, я поручилъ ему оный отправить къ нему для разсмотрѣнія [2]), и прошу его, чтобы онъ сію рукопись возвратилъ потомъ въ мою библіотеку къ г-ну Гиппингу; но, статься можетъ, покажу ему услугу поважнѣе этой: я торгую одно духовное сочиненіе, писанное на листахъ изъ хлопчатой бумаги болгарскимъ нарѣчіемъ въ половинѣ XIV вѣка. Ежели мнѣ сія рукопись достанется, я непремѣнно пришлю ее на разсмотрѣніе г. Востокову; онъ можетъ быть твердо въ томъ увѣренъ, что мнѣ всегда весьма пріятно будетъ споспѣшествовать разными доставленіями похвальнымъ и отличнымъ его трудамъ. Съ небольшой печати, найденной на поляхъ Микулина-Городища, препровождаю къ вамъ слѣпокъ; можетъ статься, на оборотѣ вырѣзанная надпись вамъ, какъ и мнѣ, покажется любопытною; но въ самой той надписи поставленное слово смотри отымаетъ достоинство древности у сей печати [3]).

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

5.

7-го декабря 1824 г., Гомель.

Позвольте мнѣ подъ предстательствомъ сего письма поручить особому вашему покровительству и попеченію г. Сазонова [4]), моего бывшаго въ Римѣ пенсіонера, который теперь возвращается въ Петербургъ. Пре-

---

[1]) Востоковъ относилъ его къ концу XIV или началу XV вѣка (см. письмо его къ К. Ѳ. Калайдовичу 1822 г. въ „Перепискѣ А. Х. Востокова", изд. И. И. Срезневскимъ (Спб. 1873), стр. 37; Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, № CCCCXX, стр. 650—651).

[2]) Письмо К. Ѳ. Калайдовича къ Востокову, при которомъ былъ посланъ этотъ Стихирарь, см. въ „Перепискѣ А. Х. Востокова", стр. 36.

[3]) Объ этой же печати см. въ письмахъ къ А. Ѳ. Малиновскому графа Румянцова, отъ 2-го сентября 1822 г., и К. Ѳ. Калайдовича, отъ 7-го сентября 1822 г. (см. „Переписка графа Н. П. Румянцова съ московскими учеными", стр. 231—232 и 235). Надпись на печати приводится въ этомъ последнемъ письмѣ такъ: „зри смотри люби... а не п...".

[4]) Василій Кондратьевичъ Сазоновъ (р. 1789 † 1870), академикъ исторической живописи, былъ крѣпостнымъ графа Н. П. Румянцова, опредѣлившаго его въ 1804 г. на свой счетъ въ Академію Художествъ, а въ 1817 г. давшаго ему средства отправиться за границу. Сазоновъ особенно много работалъ по части церковной живописи.

провождаю здѣсь копію письма о немъ нашего посланника [1]), которую прошу передать Алексѣю Николаевичу [2]), и вы, милостивый государь мой, премного бы одолжить изволили, если бы на основаніи столь одобрительнаго о г. Сазоновѣ отзыва нашего министра постарались, чтобы сему художнику устроенъ былъ жребій приличный при самой той Академіи Художествъ, гдѣ получилъ онъ образованіе себѣ въ отличной нравственности и талантахъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

Записка Н. М. Карамзина [3]).

(1824 г.).

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичь! Мнѣ совѣстно было напоминать вамъ о вашемъ любезномъ обѣщаніи сказать нѣсколько словъ о двухъ послѣднихъ находкахъ, важныхъ для исторіи нашихъ древностей. Послѣдній листъ [4]) уже печатается. Если Богъ велитъ, то могу издать и 12-й томъ [5]): дозволяю себѣ надѣяться, что хотя къ тому времени вы меня подарите листочкомъ.

Навѣки вамъ преданный Н. Карамзинъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

[1]) Къ этому письму приложена копія съ письма къ канцлеру посланника при римскомъ папѣ, А. Я. Италинскаго, отъ 24-го сентября (4-го октября) 1824 года. Письмо это, писанное по-французски, было слѣдующаго содержанія:

„Я не хочу допустить г. Сазонова уѣхать изъ Рима, не снабдивъ его отъ себя письмомъ къ вашему сіятельству. Считаю вполнѣ справедливымъ засвидѣтельствовать предъ вами, что избранникъ вашъ совершенно оправдалъ надежды, которыя вы на него возлагали, и что какъ его талантъ, такъ и поведеніе заслуживаютъ величайшей похвалы. Хотя по своимъ наклонностямъ г. Сазоновъ и не прочь былъ бы продолжить свое пребываніе въ Римѣ—центрѣ и родинѣ искусствъ,—но онъ не желаетъ откладывать свой отъѣздъ, чтобы имѣть возможность представиться своему благодѣтелю, такъ какъ онъ считаетъ священнымъ для себя долгомъ выразить вашему сіятельству чувства благодарности, которыми полно его сердце“.

[2]) А. Н. Оленинъ, занимая должность директора Императорской Публичной Библіотеки, былъ въ то же время и президентомъ Академіи Художествъ. Ермолаевъ же, оставаясь хранителемъ рукописей библіотеки, былъ одновременно конференцъ-секретаремъ той же Академіи.

[3]) Записка безъ даты; относится къ 1824 году.

[4]) XI-го тома „Исторіи государства россійскаго“, который вышелъ въ свѣтъ въ 1824 году.

[5]) XII-й томъ, какъ извѣстно, былъ изданъ по смерти Карамзина, въ 1829 г. Въ этомъ томѣ въ примѣчаніяхъ нѣсколько разъ дѣлаются ссылки на сообщенныя А. И. Ермолаевымъ выписки изъ грамотъ и рукописей.

Благодарность О. П. Козодавлеву за управленіе министерствомъ юстиціи.

Письмо О. П. Козодавлева—А. А. Аракчееву.

9-го августа 1816 г.

Рескриптъ, данный министру юстиціи не только объявленъ въ Сенатѣ, но и публикованъ печатными указами, коего экземпляръ, ко мнѣ присланный, при семъ прилагаю. Публика изъ первыхъ строкъ заключитъ, что государь, повелѣвая скорѣе вступить ему въ должность, мною былъ недоволенъ, тѣмъ наипаче, что я ни единаго раза не былъ допущенъ къ его величеству и во все время восьмилѣтней бытности моей министромъ не получилъ ни чина, ни ордена. Хотя я къ симъ послѣднимъ весьма равнодушенъ и выпрашивалъ награды другимъ, а не себѣ; однако жъ мнѣ весьма больно за мою службу и неутомимые труды сдѣлаться теперь посмѣшищемъ публики.

Я убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство представить сіе государю императору. Я ссылаюсь на всѣхъ, съ коликимъ тщаніемъ и трудами и, позвольте сказать, съ успѣхомъ отправлялъ я почти четыре мѣсяца должность министра юстиціи. Производство въ чины двухъ несчастныхъ оберъ-секретарей не отъ меня случилось; предположенія министра юстиціи ихъ отставить и за что, были мнѣ неизвѣстны, они хранились у него можетъ быть съ прочими бумагами, съ коими онъ готовился къ личному докладу.

Полагаясь на безпристрастіе и справедливость вашу, я увѣренъ, что вы не отречетесь испросить мнѣ всемилостивѣйшаго его императорскаго величества рескрипта по случаю увольненія моего отъ управленія помянутымъ министерствомъ.

Письмо А. Аракчеева—О. П. Козодавлеву.

14-го августа 1816 г. Тверь.

Письмо вашего превосходительства сего 9-го августа я имѣлъ счастіе въ оригиналѣ поднести его императорскому величеству. Государь императоръ, прочитавъ оное, въ знакъ своего къ вамъ, милостивѣйшій государь, благоволенія, высочайше повелѣлъ изготовить рескриптъ, который вмѣстѣ съ симъ письмомъ и отправляю къ вашему превосходительству.

Рескриптъ О. Козодавлеву.

14-го августа 1816 г. Тверь.

Осипъ Петровичъ! Управленіе ваше министерствомъ юстиціи во время болѣзни дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Трощинскаго обращаетъ на васъ благоволеніе мое, тѣмъ наипаче, что вы въ то же время не оставили и по министерству внутреннихъ дѣлъ удовлетворять въ полной мѣрѣ желанію моему о сохраненіи частей, оное составляющихъ, въ надлежащемъ порядкѣ. Пребываю, впрочемъ, всегда вамъ благосклонный.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

отыскать пословицы и поговорки, касающіяся одного и того же предмета и помѣщенныя въ разныхъ главахъ сборника. Послѣ алфавитныхъ указателей помѣщены „указанія источниковъ“, откуда заимствованъ для сборника матеріалъ.

Приведемъ теперь нѣсколько объясненій г. Иллюстровымъ нѣкоторыхъ пословицъ. Вотъ, напр., что говорится въ сборникѣ (глава 1-я, стр. 78) относительно пословицы: „всуе законы писать, когда ихъ не хранить“: „послѣдняя изъ пословицъ дословно встрѣчается въ указѣ императора Петра I отъ 17-го апрѣля 1722 г., гдѣ сказано: „понеже ничто такъ къ управленію государствомъ нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правдѣ..., дабы въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить“.

Во второй главѣ собраны пословицы и поговорки, касающіяся „служилыхъ людей“. Конечно, многія изъ нихъ, напр., о воеводахъ, дьякахъ, подъячихъ и приказныхъ, имѣютъ значеніе только историческое, но нѣкоторыя пословицы и поговорки, касающіяся примѣненія служилыми людьми законовъ на практикѣ, а также касающіяся и службы, не утратили своего значенія и въ настоящее время. Вотъ одна изъ такихъ пословицъ съ помѣщенными въ сборникѣ варіантами: „законы—святы, да законники—супостаты“; „законы-то—святы, да исполнители—супостаты“; „законы—святы, но исполнители—худые (лихіе) супостаты“; „законы — миротворцы, да законники — крючкотворцы“.

Въ главѣ 6-й, о договорахъ, мы встрѣчаемъ такое объясненіе правежа. Правежъ состоялъ въ томъ, что въ случаѣ неплатежа долга должникъ приводился босой къ приказу до пріѣзда судьи и уводился отъ приказа, когда судья уѣзжалъ. Приставъ или праветчикъ билъ должника кнутомъ по голымъ ногамъ, и производилось это ежедневно, пока должникъ не уплачивалъ долга. По свидѣтельству Ж. Маржерета, неплатящихъ должниковъ приводили въ приказъ и тутъ отъ восхожденія солнца до 10 или 11 часовъ били по икрамъ толстыми палками; это повторялось каждый день до тѣхъ поръ, какъ должникъ заплатитъ долгъ или заимодавецъ признаетъ себя удовлетвореннымъ. А. Олеарій говоритъ, что если въ обѣщанный срокъ уплаты долга не послѣдуетъ, то должниковъ сажаютъ въ долговую темницу (яму) безъ всякаго воззрѣнія на лица. Затѣмъ ежедневно выводятъ должника на общественную площадь передъ приказомъ, и тамъ, въ продолженіе часа, бьютъ должника по голенямъ гибкими прутьями, толщиною въ мизинецъ, такъ что несчастный громко вопитъ отъ сильной боли. По выдержаніи такого наказанія и позора должникъ былъ обязанъ или снова отправиться въ темницу, или же представить поручительство въ томъ, что на завтра онъ снова предстанетъ на площадь и дастъ себя на дальнѣйшее битье.

И. К-ш-ъ.

Щукинскій сборникъ. Выпускъ второй. М. 1903. VI+521+2 нен. стр.

Второй выпускъ „Щукинскаго сборника“, только-что вышедшаго въ свѣтъ, отличается большимъ разнообразіемъ и цѣнностью содержанія,—какъ и всѣ ранѣе выпущенныя изданія почтеннаго московскаго собирателя Петра Ивановича Щукина. Не имѣя возможности въ краткой замѣткѣ указать подробно содержаніе новаго выпуска, укажемъ лишь наиболѣе цѣнный матеріалъ, въ него вошедшій. Большая часть бумагъ относится къ XIX вѣку и лишь сравнительно немного документовъ касается XVIII столѣтія. Въ числѣ послѣднихъ отмѣтимъ дорожныя записки неизвѣстнаго, 1797 г., описаніе свадьбы и, особенно, памятную книжку поручика Семеновскаго полка Александра Алексѣевича Благово за 1739 и 1740 гг. (стр. 385—455): здѣсь все любопытно—и записи цѣнъ на продукты, и метеорологическія наблюденія, и хозяйственныя распоряженія, и лаконическія сообщенія о государственныхъ событіяхъ (напр.: „сего 1740 году іюня мѣсяца въ Петербурхе казнены смертію министръ Артемей Петровъ сынъ Волынской отсѣчена ему рука и голова, Андрѣю Ѳедорову сыну Хрущову голова прочь, Михайлову сыну Еропкину голова ж прочь. Сенаторъ Платон Іванов сынъ Мусин-Пушкин битъ кнутом и отрѣзан языкъ и послан въ ссылку“ и т. под.), о полковой службѣ и т. под. Къ XIX вѣку относятся: воспоминанія М. Н. Макарова, пространныя записки архитектора Петра Иван. Гусева, отрывокъ изъ записокъ Ф. Толля, Н. П. Векломишева (о Кавказѣ), Александра Платоновича Кетова (сына Пл. Петр. Бекетова), отрывки изъ дневника Н. Гилярова, воспоминаніе неизвѣстнаго о Д. П. Трощинскомъ; чрезвычайно богатъ отдѣлъ писемъ: назовемъ среди нихъ письма кн. М. С. Воронцова за 1845-1854 г. (стр. 90—125), кн. А. И. Барятинскаго, Н. П. Щепкина (1855), И. И. Ястребцова, Ал. М. Княжевича, Ив. Ив. и Алек. Ив. Дмитріевыхъ (письмо къ Н. П. Бекетову), Ив. М. Снегирева, В. В. Варгина, Кс. Полеваго, кн. А. А. Шаховскаго, О. И. Сенковскаго, И. И. Лажечникова (записочка), в. к. Константина Павловича, А. С. Шишкова и др. Очень любопытенъ отдѣлъ „Изъ цензурной старины“ (1829—1851), „О запрещенныхъ книгахъ въ 1825 г.“ и списокъ періодическихъ изданій (1858 г.) съ цензорскими отмѣтками о направленіи журналовъ и газетъ въ родѣ: „Журналъ полезный, но редакція требуетъ наблюденія“ (о „Журн. для воспитанія“), „Газета не совсѣмъ удовлетворительная въ литературномъ отношеніи, но отличающаяся консерватизмомъ“ (о „Сѣверной Пчелѣ“ Греча и Булгарина), „Редакція этого журнала требуетъ самаго бдительнаго наблюденія со стороны цензуры“ (объ „Указателѣ Политико-Экономическомъ“ И. В. Вернадскаго) и т. под. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать выхода слѣдующаго выпуска „Щукинскаго сборника“.

Б. Модзалевскій.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. МАРТЪ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Александра Александровича Кавелина.**

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, № 39.
1904.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Русскій Біографическій Словарь. Сабанѣевъ—Смысловъ. Спб. 1904 г., 8°, 673 стр. Цѣна 10 руб.

Новый томъ (по счету уже седьмой) капитальнаго изданія Императорскаго Русскаго Историческаго Общества заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ цѣнныхъ статей о многихъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятеляхъ; статьи составлены, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, весьма добросовѣстно, исчерпывая печатные матеріалы съ достаточной полнотой, перѣдко же заключаютъ въ себѣ также данныя, извлеченныя изъ множества частныхъ и правительственныхъ архивовъ. Въ составленіи настоящаго тома приняли участіе—такіе ученые, какъ акад. Пыпинъ, (статья о Салтыковѣ-Щедринѣ), проф. Д. А. Корсаковъ (объ О. И. Сенковскомъ), Н. И. Барсовъ (о протоіереѣ Самборскомъ), Н. И. Веселовскій, проф. Бороздинъ, В. В. Сиповскій, проф. Глазенапъ, проф. В. М. Колюбакинъ, проф. П. А. Гейсманъ (съ А. Богдановымъ—біографія М. Д. Скобелева); большія статьи даны о фельдмаршалѣ гр. П. С. Салтыковѣ (А. К. Ильенко), гр. Н. П. Салтыковѣ (г. Заіончковскаго), о Ю. Ѳ. Самаринѣ (г. Дм. Самарина); наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить статьи г-жи Корсаковой, К. Я. Здравомыслова, Н. П. Павлова-Сильванскаго, Б. Л. Модзалевскаго, Н. А. Кубасова, О. Эрихсенъ, К. І. Храневича, г. А. Куналова, Вл. Грекова, А. Николаева и др., составленныя весьма добросовѣстно и со знаніемъ дѣла. Каждый вновь выходящій томъ закрѣпляетъ за „Словаремъ“ репутацію фундаментальнаго и въ высшей степени полезнаго и цѣннаго изданія, скорѣйшаго довершенія коего слѣдуетъ желать отъ всей души.

Б. Г.

Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Составилъ П. М. Майковъ. Спб. 1904 г., 8°. Цѣна 4 руб.

Къ исполнившемуся недавно двухсотлѣтію со дня рожденія И. И. Бецкаго вышла въ свѣтъ обширная монографія П. М. Майкова, посвященная жизнеописанію этого замѣчательнаго дѣятеля временъ императрицы Екатерины II. Задавшись цѣлью представить въ полномъ объемѣ біографію Бецкаго и разсмотрѣть съ возможной обстоятельностью дѣятельность его на разнообразныхъ поприщахъ учебно-административнаго его служенія, г. Майковъ тщательно разобралъ и подвергнулъ критикѣ весь значительный печатный матеріалъ, посвященный Бецкому, и сдѣлалъ сводъ литературы о немъ; но, не ограничиваясь матеріалами печатными, г. Майковъ не пожалѣлъ ни времени, ни труда для работъ въ многочисленныхъ архивахъ: Государственномъ (въ Петербургѣ) и Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ), Министерства Императорскаго Двора, Сенатскомъ, Императорской Академіи Художествъ, Морскаго Министерства, Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, въ архивахъ Опекунскаго Совѣта въ Петербургѣ и Москвѣ, Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба и др.; наводилъ онъ справки и въ нѣкоторыхъ шведскихъ архивахъ; однимъ словомъ, исчерпалъ для своей работы все, что представлялось возможнымъ. Результатомъ этого кропотливаго труда, давшаго много новаго матеріала, исполненнаго съ любовью и знаніемъ дѣла, и явилась книга г. Майкова, содержащая въ себѣ свыше 700 страницъ (474 стр. текста и 278 стр. приложеній и указателя) довольно убористой печати.

Постепенно слѣдя за фактами біографіи Бецкаго, г. Майковъ повѣствуетъ о его рожденіи, родителяхъ и раннихъ годахъ жизни (гл. I), о пребываніи его за границей и о жизни его въ Петербургѣ до 1764 г. (гл. II), затѣмъ разсматриваетъ дѣятельность Бецкаго въ Канцеляріи отъ строеній (гл. III), по Воспитательному Дому (гл. IV) и учрежденіямъ, при немъ находившимся (гл. V), по Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ (гл. VI), по Академіи Художествъ (гл. VII), Сухопутному-Шляхетному корпусу (гл. VIII), Коммерческому Училищу (гл. IX) и, наконецъ, заключаетъ перечисленіемъ служебныхъ и общественныхъ отличій, полученныхъ Бецкимъ, характеристикой отношеній его къ императрицѣ Екатеринѣ и отзывами о немъ современниковъ,—русскихъ и иностранцевъ. Въ приложеніяхъ (къ каждой главѣ) во второй половинѣ своего труда, г. Майковъ сообщаетъ огромное количество извлеченныхъ имъ изъ различныхъ архивовъ писемъ Бецкаго, его оффиціальныхъ бумагъ и представленій по различнымъ управлявшимся имъ заведеніямъ, духовное его завѣщаніе и т. под. матеріалы. Заключается книга г. Майкова весьма обстоятельнымъ и обширнымъ (стр. 197—278) „Указателемъ личныхъ именъ“, встрѣчающихся въ текстѣ біографіи и приложеній (при чемъ каждое имя сопровождается сжато изложенной біографической замѣткой о данномъ лицѣ), и украшена портретомъ Бецкаго.

Трудъ г. Майкова, представленный въ рукописи въ Императорскую Академію Наукъ на конкурсъ историческихъ сочиненій, былъ удостоенъ въ 1902 г. преміи имени графа Уварова.

Б. М.

Николай Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903 гг.). С.-Петербургъ. 1904 г.

Книга г. Энгельгардта состоитъ изъ предисловія и четырехъ главъ: 1) Начало русской цензуры, 2) Очерки александровской и николаевской цензуры, 3) Цензура въ эпоху великихъ реформъ и 4) Двухсотлѣтіе русской печати.

Въ статьѣ «Императоръ Николай I и европейскія революціи» случайно попала часть оригинала (напечатаннаго на стр. 545 и 546), который относится къ слѣдующей статьѣ.

Библіографическій листокъ.

Русскій Біографическій Словарь. Сабанѣевъ—Смысловъ. Спб. 1904 г., 8°, 673 стр. Цѣна 10 руб.

Новый томъ (по счету уже седьмой) капитальнаго изданія Императорскаго Русскаго Историческаго Общества заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ цѣнныхъ статей о многихъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятеляхъ; статьи составлены, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, весьма добросовѣстно, исчерпывая печатные матеріалы съ достаточной полнотой, нерѣдко же заключаютъ въ себѣ также данныя, извлеченныя изъ множества частныхъ и правительственныхъ архивовъ. Въ составленіи настоящаго тома приняли участіе—такіе ученые, какъ акад. Пыпинъ, (статья о Салтыковѣ-Щедринѣ), проф. Д. А. Корсаковъ (объ О. И. Сенковскомъ), Н. И. [illegible]

[illegible] наго изданія, скорѣйшаго довершенія коего слѣдуетъ желать отъ всей души.

Б. Г.

Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Составилъ П. М. Майковъ. Спб. 1904 г., 8°. Цѣна 4 руб.

Къ исполнившемуся недавно двухсотлѣтію со дня рожденія И. И. Бецкаго вышла въ свѣтъ обширная монографія П. М. Майкова, посвященная жизнеописанію этого замѣчательнаго дѣятеля временъ императрицы Екатерины II. Задавшись цѣлью представить въ полномъ объемѣ біографію Бецкаго и разсмотрѣть съ возможной обстоятельностью дѣятельность его на разнообразныхъ поприщахъ учебно-административнаго его служенія, г. Майковъ тщательно разобралъ и подвергнулъ критикѣ весь значительный печатный матеріалъ, посвященный Бецкому, и сдѣлалъ сводъ литературы о немъ; но, не ограничиваясь матеріалами печатными, г. Майковъ не пожалѣлъ ни времени, ни труда для работъ въ многочисленныхъ архивахъ: Государственномъ (въ Петербургѣ) и Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ), Министерства Императорскаго Двора, Сенатскомъ, Императорской Академіи Художествъ, Морскаго Министерства, Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, въ архивахъ Опекунскаго Совѣта въ Петербургѣ и Москвѣ, Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба и др.; наводилъ онъ справки и въ нѣкоторыхъ шведскихъ архивахъ; однимъ словомъ, исчерпалъ для своей работы все, что представлялось возможнымъ. Результатомъ этого кропотливаго труда, давшаго много новаго матеріала, исполненнаго съ любовью и знаніемъ дѣла, и явилась книга г. Майкова, содержащая въ себѣ свыше 700 страницъ (474 стр. текста и 278 стр. приложеній и указателя) довольно убористой печати.

Постепенно слѣдя за фактами біографіи Бецкаго, г. Майковъ повѣствуетъ о его рожденіи, родителяхъ и раннихъ годахъ жизни (гл. I), о пребываніи [illegible]

[illegible] Бецкаго, его оффиціальныхъ бумагъ и представленій по различнымъ управлявшимся имъ заведеніямъ, духовное его завѣщаніе и т. под. матеріалы. Заключается книга г. Майкова весьма обстоятельнымъ и обширнымъ (стр. 197—278) „Указателемъ личныхъ именъ", встрѣчающихся въ текстѣ біографіи и приложеній (при чемъ каждое имя сопровождается сжато изложенной біографической замѣткой о данномъ лицѣ), и украшена портретомъ Бецкаго.

Трудъ г. Майкова, представленный въ рукописи въ Императорскую Академію Наукъ на конкурсъ историческихъ сочиненій, былъ удостоенъ въ 1902 г. преміи имени графа Уварова.

Б. М.

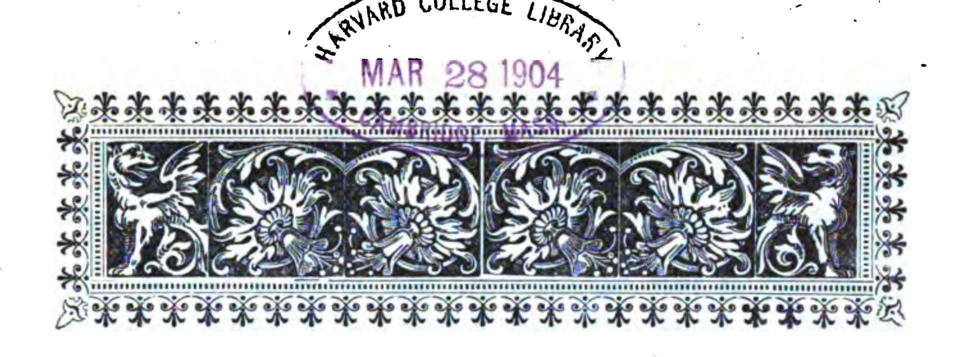
Николай Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903 гг.). С.-Петербургъ. 1904 г.

Книга г. Энгельгардта состоитъ изъ предисловія и четырехъ главъ: 1) Начало русской цензуры, 2) Очерки александровской и николаевской цензуры, 3) Цензура въ эпоху великихъ реформъ и 4) Двухсотлѣтіе русской печати.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

КАВЕЛИНЪ.

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

V [1]).

Впечатлѣніе, произведенное въ Россіи извѣстіемъ о присоединеніи царства Польскаго.—Возбужденныя надежды, призывавшія молодежь къ серьезнымъ занятіямъ.—Вліяніе заграничныхъ впечатлѣній на состояніе умовъ.—М. Ѳ. Орловъ и его неудачная попытка составить тайное общество.—Образованіе его въ 1816 году.—Первыя задачи общества: устраненіе иноземнаго вліянія въ государствѣ, стремленіе къ уничтоженію злоупотребленій и освобожденію крестьянъ.—Положеніе послѣднихъ въ то время.—Преслѣдованіе благотворительныхъ цѣлей.

Присоединеніе къ Россіи царства Польскаго и дарованіе конституціи полякамъ не было неожиданностью для русскаго общества; объ этомъ говорили съ самаго начала Вѣнскаго конгресса, и говорили съ чувствомъ неудовольствія.

«Хвалитія хотя не возглашають,—писалъ 9-го февраля 1815 г. Петръ Лунинъ А. П. Тормасову [2]),—но написано и готово.—Дьяконовъ уже учатъ громогласно возглашать многолѣтіе государю Казанскому, Астраханскому и герцогства Варшавскаго. Третьяго дня прибывшій курьеръ изъ Вѣны отъ 23-го января привезъ увѣреніе, что между Австріею, Пруссіею и Россіею все положено и

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1904 г.
[2]) Государств. Архивъ, XI № 1049.

договоры кончены; остаются токмо прочія владѣнія и съ оными спѣшать окончаніемъ, прежде прибытія въ Вѣну на конгрессъ Веллингтона, который уже долженъ будетъ подписать согласный договоръ, всѣми утвержденный».

Договоръ не былъ еще оконченъ, какъ «запертая хищная птица Наполеонъ),—говорилъ графъ Платовъ [1]),—изъ Эльбы улетѣла въ стадо подобное себѣ, которое, встрѣтивъ его съ радостію, снова является послушнымъ злобнымъ велѣніямъ ея.—Теперь новое потребно единодушіе, дабы стереть съ лица земли сіе безпокойное твореніе».

Многіе опасались, что проникшій въ Россію слухъ о возстановленіи Польши, присоединеніи ея къ Россіи и дарованіи конституціи будетъ настолько дурно принятъ русскимъ обществомъ, что вызоветъ полнѣйшее охлажденіе къ Александру и къ вторичной войнѣ съ Наполеономъ.

«Государь!—писалъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ [2]). Намъ предстоитъ новая война [3]), которая вовлечетъ въ большія издержки, какъ бы блистателенъ ни былъ ея исходъ.—Не буду говорить о потерѣ людей, такъ какъ всѣ они почтутъ за счастіе умереть за такое дѣло, важность котораго понятна и прочувствована всѣми; но... новый титулъ, который ваше императорское величество собираетесь принять [4]) и, наконецъ, дальнѣйшее отсутствіе ваше изъ Россіи, настоятельно требуемое событіями,—вотъ пункты, которые вашему величеству чрезвычайно необходимо выяснить вашимъ подданнымъ, чтобы они не оставались въ неизвѣстности, парализующей всегда болѣе или менѣе дѣйствія народа... Если отъ Россіи желаютъ такой же энергіи въ 1815 году, какую она проявила въ 1812 г., то, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы ваше величество, не теряя времени, обнародовали въ ней ваши великодушныя намѣренія, которыя могутъ вызвать сочувствіе народа, и главное, государь, разсѣять всякое опасеніе въ томъ, что конституція, даруемая вашимъ величествомъ Польшѣ, является какъ бы знакомъ предпочтенія. Подобнаго же опасенія со стороны народа, который такъ дорожитъ отеческимъ расположеніемъ своего монарха и притомъ монарха, столь горячо любимаго имъ, можетъ само по себѣ вызвать нѣчто въ родѣ разочарованія. Когда этотъ вопросъ будетъ разъясненъ достаточно яснымъ и утѣшительнымъ образомъ прежде, нежели его успѣютъ исказить толки, дошедшіе до общества косвеннымъ путемъ, было бы также не безполезно, государь, успокоить вашихъ подданныхъ относи-

---

[1]) Письмо гр. Платова Г. Р. Державину отъ 26-го апрѣля 1815 г. Сочин. Державина, изд. Я. К. Грота, т. VI, стр. 306.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ 4-го (16-го) апрѣля 1815 г. „Русская Старина“ 1882 г., т. XXIV, стр. 243.

[3]) По случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы.

[4]) Титулъ короля польскаго.

тельно продолжительнаго отсутствія вашего императорскаго величества и касательно продленія того способа управленія, которое не можетъ быть продолжительно и лишено злоупотребленій, потому что управленіе это временное» [1]).

Совѣты Чернышева осуществились: 9-го мая 1815 г. былъ подписанъ манифестъ о присоединеніи царства Польскаго, но ранѣе его объявленія появился особый листокъ подъ заглавіемъ «Къ читателямъ «Сына Отечества», въ которомъ было напечатано письмо императора Александра къ графу Островскому. И манифестъ и листокъ возбудили всеобщіе толки.

10-го мая 1815 года министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій писалъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварову: «Въ вышедшемъ вчера листкѣ подъ заглавіемъ «Къ читателямъ «Сына Отечества» напечатанъ высочайшій е. и. в. рескриптъ на имя президента варшавскаго сената графа Островскаго о принятіи его величествомъ титула короля польскаго. Хотя въ семъ листочкѣ и сказано, что рескриптъ почерпнутъ изъ чрезвычайнаго прибавленія къ «Варшавскимъ Вѣдомостямъ», однако же ваше превосходительство безъ сомнѣнія сами видите, сколь неприлично помѣщать въ частномъ журналѣ извѣстіе о столь важномъ политическомъ событіи, до Россіи касающемся, пока наше правительство не признало еще за благо обнародовать оное. Весьма непріятно для меня напоминать столь часто цензурнымъ комитетамъ объ ихъ обязанностяхъ. Въ настоящемъ случаѣ прошу васъ сдѣлать строжайшій выговоръ, какъ цензору, одобрившему упомянутый листокъ, такъ и самому издателю «Сына Отечества», которому надлежало бы знать, что подобныхъ статей въ его журналѣ помѣщать не слѣдуетъ. На будущее же время предписать цензурному комитету, дабы отнюдь не позволялъ помѣщать въ частныхъ изданіяхъ ни оффиціальныхъ статей, особенно высочайшихъ рескриптовъ, ни извѣстій о важныхъ происшествіяхъ, до Россіи относящихся, ежели не будутъ оныя напередъ обнародованы отъ правительства» [2]).

Отправляя письмо графу Островскому, императоръ желалъ сохранить его въ тайнѣ отъ русскихъ подданныхъ и былъ очень недоволенъ, когда оно появилось въ русской печати. Не успѣлъ Уваровъ по-

---

[1]) Письмо это ходило по рукамъ въ нѣсколькихъ спискахъ и съ нѣкоторыми измѣненіями текста.—Мы помѣщаемъ то, которое напечатано въ „Русской Старинѣ“.

[2]) „Русская Старина“ 1889 г. № 5, стр. 465.—По справкѣ оказалось, что никто изъ цензоровъ не одобрилъ своею подписью листка къ напечатанію; но что издатель не усумнился издать его, какъ напечатаннаго въ Варшавѣ съ разрѣшенія русскаго тамъ правительства.

*

лучить отношеніе министра народнаго просвѣщенія, какъ письмо было напечатано въ «Духѣ Журналовъ» и въ «Русскомъ Инвалидѣ». Послѣдній присоединилъ къ нему слѣдующія строки: [1])

«Мы тѣмъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ сообщаемъ читателямъ нашимъ извѣстіе о семъ происшествіи, имѣющемъ благодѣтельнѣйшее вліяніе на будущій жребій Польши, что исторія сей націи не представляетъ намъ ни одного изъ случаевъ, какимъ наполнены лѣтописи нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствъ. Ни одного заговора, ни одного цареубійства, ни одного гоненія за вѣру, ни одного фанатическаго кровопролитія и никакого рода инквизиціоннаго суда. Кто не будетъ радоваться, что для такой націи открывается столь благопріятная будущность».

Цензоръ разрѣшилъ напечатать это прибавленіе отъ имени редакціи, съ условіемъ, чтобы слово цареубійство было исключено, но редакція не исполнила требованія цензора. Тогда попечитель С.-Петербургскаго округа поручилъ цензурному комитету назначить экстраординарное засѣданіе и сдѣлать строжайшій выговоръ издателямъ, «объявивъ имъ и взявъ съ нихъ подписку, чтобы впредь никакъ не осмѣливались издавать въ печать ничего безъ одобренія и подписи цензора, или вопреки замѣчаніямъ его, подъ опасеніемъ немедленнаго прекращенія права на изданіе журнала». Уваровъ говорилъ, что и теперь вина издателей настолько велика, что заслуживаетъ прекращенія изданій, «если бы не удерживало отъ сего то обстоятельство, что подписавшихся на полученіе журнала находится великое число. А ежели впредь издателями будетъ сдѣлано подобное упущеніе, то начальство приметъ подобный поступокъ въ видѣ подлога и предастъ виновнаго строгости законовъ» [2]).

«Выписка изъ «Инвалида»,—писалъ Г. Р. Державинъ В. С. Попову [3]),—для меня хотя и странна, но не весьма удивительна, ибо господа политическіе разсказчики умѣютъ коварно льстить и насмѣхаться... Панегиристъ г. Поляковъ умышленно пропустилъ случавшееся у нихъ (поляковъ) извѣстное по исторіи, дабы иронически надъ ними посмѣяться. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ эти вещи обыкновенны.—Правды нигдѣ ни на грошъ нѣтъ».

Въ объявленномъ 9-го мая манифестѣ было сказано, что «не суетное любостяжаніе внушило намъ искать распространеніе предѣловъ нашихъ. Такое чувствованіе было бы не сродно подъявшимъ оружіе для

---

[1]) См. „Русскій Инвалидъ“ 1815 г. № 38 отъ 12-го мая.

[2]) Отношеніе Уварова С.-Петербургскому цензурному комитету 25-го мая 1815 г. Арх. С.-Петерб. университета, дѣла цензурныя 1815 г., д. № 148.

[3]) Отъ 27-го іюня 1815 года.

защищенія отечественной страны, а не для завоеваній. Непреоборимая сила Имперіи Россійской, на вѣрѣ, на любви, на благополучіи основанная, отъ внѣшнихъ пріобрѣтеній возрасти не можетъ.

«Но соединеніе подъ единый скипетръ обширнѣйшей части герцогства Варшавскаго необходимымъ представилось къ устроенію всеобщаго въ Европѣ равновѣсія и порядка. Симъ ограждается предѣловъ нашихъ безопасность, возникаетъ твердый оплотъ, навѣты и вражескія покушенія отражающій, возрождаются узы братства племенъ, взаимно между собою сопряженныхъ единствомъ происхожденія. Сего ради признали мы за благо устроить участь сего края, основавъ внутреннее управленіе онаго на особенныхъ **правилахъ**, свойственныхъ нарѣчію, обычаямъ жителей и къ мѣстному ихъ положенію примѣненныхъ.

«Слѣдуя ученію христіанскаго закона, коего владычество объемлетъ толикое число разноплеменныхъ народовъ, но при всемъ томъ отличающія ихъ свойства и обычаи сохраняетъ неизмѣнными, возжелали мы, созидая благополучіе новыхъ подданныхъ, поселить въ сердцахъ ихъ чувство приверженности къ престолу нашему и тѣмъ изгладить навсегда слѣды прежнихъ бѣдствій, отъ пагубнаго несогласія и долговременной борьбы происткшихъ».

Манифестъ произвелъ крайне разнообразное впечатлѣніе: большинство было противъ присоединенія Польши и дарованія ей конституціи, видѣло въ этомъ ошибку со стороны императора Александра и источникъ многихъ бѣдствій въ будущемъ. «Возстановленіе царства Польскаго,—говоритъ современникъ[1]),—было ничѣмъ инымъ, какъ сооруженіемъ новаго горнила мятежей и смутъ. Съ другой стороны многіе надѣялись, что, даровавъ конституцію Польшѣ, императоръ не забудетъ и Россіи».

«Для молодыхъ людей изъ русскихъ дворянъ,—говоритъ баронъ Розенъ[2]),—именно въ гвардейскихъ полкахъ, походъ по Германіи и Франціи былъ то же, что вступленіе въ новый міръ образованный, о коемъ до сего времени имѣли понятіе только отдѣльныя или частныя лица.—Подъ небомъ болѣе пріятнымъ и нѣжнымъ, посреди новыхъ отношеній, обнаруживавшихъ высшее образованіе, подъ вліяніемъ болѣе кроткихъ нравовъ и болѣе человѣколюбивыхъ взглядовъ на жизнь вообще, много изъ русскихъ офицеровъ пріобрѣли новыя идеи и новыя воззрѣнія на состояніе своей родины.—Молодые люди, проведшіе бóльшую часть своей жизни въ единообразіи отдаленныхъ русскихъ уѣздныхъ городовъ, или среди шумныхъ вакханалій и пиршествъ столичныхъ, увидѣли вдругъ на цвѣтущихъ берегахъ Луары и Гаронны

---

[1]) М. Ө. Орловъ. „Русская Старина" 1877 г. Т. XX, стр. 661 и 662.
[2]) Записки декабриста, изд. 1870 г. Лейпцигъ, стр. 77 и 78.

Подобно Трубецкому и другіе, желая подготовить себя къ общественной дѣятельности, стали заниматься чтеніемъ соотвѣтствующихъ сочиненій, которыя привели ихъ къ изученію формъ и строя иностранныхъ государствъ и сравненію ихъ съ порядками, существовавшими въ отечествѣ. Нѣкоторые не ограничивались только чтеніемъ, но считали необходимымъ подготовить себя болѣе серьезно. Такъ въ концѣ 1816 года П. И. Пестель, генеральнаго штаба поручикъ Никита Муравьевъ, капитанъ князь С. П. Трубецкой и князь Илья Долгоруковъ—всѣ вмѣстѣ слушали курсъ политической экономіи у профессора Германа. Князь Ѳедоръ Петровичъ Шаховской слушалъ курсъ политическихъ и дипломатическихъ наукъ въ Москвѣ у профессора Шлецера.

Узнавъ, что многіе офицеры обратились къ серьезнымъ занятіямъ, императоръ Александръ потребовалъ отъ полковыхъ командировъ свѣдѣніе, кто именно слушаетъ курсы и, по полученіи о нихъ хорошаго отзыва, нашелъ очень страннымъ это необыкновенное явленіе [1]).

— Это странно,—говорилъ онъ нѣсколько разъ,—очень странно! Отчего они вздумали учиться.

Многіе, собираясь поступить въ гражданскую службу, чтобы своимъ примѣромъ хотя нѣсколько облагородить ее, занялись собственной подготовкой и изученіемъ статистики, исторіи въ обширномъ ея значеніи, правъ: римскаго и естественнаго, физики и химіи и нравственной философіи [2]).

Всѣ эти лица хорошо понимали, что дѣятельность ихъ не можетъ быть полезною, если они не будутъ имѣть вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о состояніи отечества и если они не пріобрѣтутъ познанія въ наукахъ, имѣющихъ цѣлью усовершенствованіе гражданскаго быта государства. Такое убѣжденіе, несомнѣнно, дало толчекъ къ развитію образованія въ Россіи [3]).

«У насъ,—писалъ Коховскій [4]),—молодые люди, при всѣхъ скудныхъ средствахъ, занимаются болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Многіе изъ нихъ вышли въ отставку и въ укромныхъ своихъ сельскихъ домикахъ учатся, устраиваютъ благоденствіе и просвѣщеніе земледѣльцевъ, судьбою ихъ попеченію ввѣренныхъ. Часто въ отдаленной отъ столицы области встрѣтишь человѣка съ истиннымъ образованіемъ ума и сердца. Новая возникающая отрасль (поколѣніе), наши юноши съ какой жаждой, съ какимъ рвеніемъ разрываютъ завѣсы, скрывающія истины, и въ глубь ихъ проникаютъ! Сколько встрѣтишь теперь 18-ти-лѣтнихъ мо-

---

[1]) Отрывокъ изъ записокъ кн. Трубецкаго.

[2]) Показаніе Ѳ. Н. Глинки 15-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 82.

[3]) Отрывокъ изъ записокъ кн. Трубецкаго.

[4]) Въ письмѣ генералу Левашову 24-го февраля 1826. Тамъ же. Бумаги Блудова.

лодыхъ людей, о которыхъ смѣло можно сказать, что они читали старыя книги. Въ устроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ просвѣщеніе весьма тускло; откуда же почерпаютъ они свои свѣдѣнія? въ силѣ духа времени. Пора танцовъ, баловъ, острыхъ словъ прошла; въ бесѣдахъ болтанье замѣнилось разсужденіемъ».

Эти разсужденія приводили къ сознанію о необходимости преобразованія внутренняго строя Россіи, а заграничныя впечатлѣнія усиливали его.

«Двукратное пребываніе за границей,—говорилъ фонъ-Визинъ [1],—открыло мнѣ много идей политическихъ, о которыхъ прежде не слыхивалъ. Возвратясь въ Россію, въ свободное время отъ службы продолжалъ я заниматься политическими сочиненіями разнаго рода и иностранными газетами. Въ это время читая разныя теоріи политическія дерзалъ въ мечтаніяхъ моихъ желать приноровленіе оныхъ къ Россіи».

«Свободный образъ мыслей,—говорилъ А. Бестужевъ [2],—я заимствовалъ наиболѣе изъ книгъ и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ занимали меня какъ француза и англичанина. Изъ новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлалъ на меня вліяніе Геренъ, а изъ публицистовъ—Бентамъ».

А. Н. Муравьевъ читалъ и изучалъ Макіавеля, Монтескье, Руссо и другія политическія сочиненія [3].

«Первыя вольнодумческія и либеральныя мысли,—показывалъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ [4],—получилъ я во время нашего пребыванія въ Парижѣ въ 1814 году. До того я не зналъ о существованіи конституціи. Сіе наименованіе даже мнѣ было вовсе неизвѣстно. Любовь къ отечеству, которое мы спасли отъ ига Наполеона, меня одушевляла [5]; чте-

---

[1]) Показаніе отставнаго генералъ-маіора фонъ-Визина 2-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 21.

[2]) Второе показаніе А. Бестужева. Тамъ же, д. № 7.

[3]) Показаніе А. Н. Муравьева. Тамъ же, д. № 19.

[4]) Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола 29-го января 1826 г. Тамъ же, Южное общество, д. № 4.

[5]) Она была внушена ему съ самыхъ юныхъ лѣтъ его патріотомъ-отцомъ. „Я родился съ пламенною любовію къ отечеству,—писалъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ Державину; воспитаніе еще возвысило во мнѣ сіе благородное чувство, единое достойное быть страстію души сильной; и 44 года не уменьшили его ни на одну искру: какъ въ 20 лѣтъ я былъ, такъ точно и теперь, готовъ, какъ Курцій, броситься въ пропасть, какъ Фабій обречь себя на смерть; но отечество не призываетъ меня, и такъ безвѣстность, скромныя добродѣтели—вотъ удѣлъ мой. Я и въ немъ не вовсе буду безполезнымъ отечеству: вырощу дѣтей достойныхъ быть русскими, достойными умереть за Россію". (Письмо И. М. Муравьева-Апостола къ Г. Р. Державину 10-го сентября 1814 г. Сочиненія Державина, изданіе Я. К. Грота, т. VI, стр. 297)

ніе иностранныхъ журналовъ, а наиболѣе «Constitutionnel» ихъ укрѣпляло».

На вопросъ Пестелю, какимъ образомъ революціонныя мысли появились и возростали въ умахъ? онъ писалъ [1]):

«На сей вопросъ весьма трудно отвѣчать, ибо отвѣтъ мой долженъ будетъ уже выходить собственно изъ круга сужденій о тайномъ обществѣ; не менѣе того постараюсь объяснить какъ могу.

«Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ; политическія науки вездѣ преподаются; политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое.

«Происшествія 1812—1815 годовъ, равно какъ предшествовавшихъ временъ показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобностями оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другаго видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. То же самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать. Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ».

Необходимо замѣтить, что великія событія Отечественной и послѣдующихъ войнъ, требовавшія сильнаго напряженія физическихъ и нравственныхъ силъ, съ наступленіемъ затишья, вызывали какое-то безпокойное исканіе дѣятельности. «Если рыбу,—говорилъ Ѳ. Н. Глинка [2]),—разгулявшуюся въ раздольныхъ моряхъ, засадятъ въ садокъ, и та всплескиваетъ на верхъ, чтобы вздохнуть вольнымъ Божьимъ воздухомъ:—душно ей! И душно было тогда въ Петербургѣ людямъ, только-что разставшимся съ полями побѣдъ, съ трофеями, съ Парижемъ и прошедшимъ на возвратномъ пути черезъ сто тріумфальныхъ воротъ почти въ каждомъ городкѣ, на которыхъ на лицевой сторонѣ написано: «Храброму россійскому воинству», а на обратной: «Награда въ отечествѣ». И эти разгулявшіеся рыцари попали въ тѣсную рамку обыденности, въ застой совершенный, въ монотонію томительную».

---

[1]) Въ показаніи 13-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общест., д. № 1.

[2]) „Русская Старина" 1871 г. № 2, стр. 245.

Молодость и ощущеніе избытка жизни требовали выхода. Гарнизонная служба не могла замѣнить офицерамъ прежнія сильныя ощущенія, что̀ и заставило ихъ искать удовлетвореніе въ масонскихъ ложахъ и въ образованіи разныхъ тайныхъ обществъ.

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ былъ однимъ изъ первыхъ рѣшившихся образовать тайное общество по примѣру прусскаго тугендбунда.

Тяжкія бѣдствія, постигшія Пруссію въ 1806 году, послѣ разгрома ея Наполеономъ, возбудили въ населеніи стремленіе къ спасенію своей національности. Съ 1807 года начали составляться тайные союзы, изъ которыхъ общество, учрежденное въ Кенигсбергѣ подъ именемъ Тугендбунда—Союза добродѣтели—распространилось болѣе другихъ и сильнѣе другихъ пугало Наполеона. Учредители и члены этого союза были люди высшихъ классовъ, сановники и извѣстные ученые. Это не былъ заговоръ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; члены тугендбунда старались оживить заснувшій національный духъ, пробудить самосознаніе въ народѣ, котораго до сихъ поръ усыпляли и давили [1]).

«Я возвратился,—говорилъ М. Орловъ [2]),—изъ чужихъ краевъ въ 1814 году увѣренный, что тугендбундъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ, употребленныхъ для спасенія Пруссіи и Германіи, и вознамѣрился сдѣлать (образовать?) тайное общество, составленное изъ самыхъ честныхъ людей, для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи».

Орловъ вошелъ объ этомъ въ переписку съ графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ и говорилъ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ. «Установивъ,—продолжаетъ Орловъ,—нѣсколько мыслей между нами, мы готовили общій планъ, который хотѣли предложить на утвержденіе его императорскаго величества, надѣясь, что государь, также какъ и его величество король прусскій для тугендбунда, возьметъ насъ подъ свое покровительство. Сія странная мысль, внушенная однако же чистымъ желаніемъ добра, не долго насъ занимала, ибо другія обстоятельства возникли.

«Государь изволилъ отправиться въ Вѣну, и вскорѣ разнеслись слухи о возстановленіи Польши. Сія вѣсть горестно меня поразила, ибо я всегда почиталъ, что сіе возстановленіе будетъ истиннымъ несчастіемъ для Россіи. Я тогда же написалъ почтительное, но по моему мнѣнію довольно сильное письмо къ его императорскому величеству. Но сіе письмо, извѣстное генералъ-адъютанту Васильчикову, у меня пропало

---

[1]) Шлоссеръ „Всемірная исторія“ изд. 1872 г. т. VI, стр. 541.

[2]) Въ показаніи 4-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 83.

еще не совсѣмъ доконченнымъ» и свѣдѣнія о немъ, дошедшія до государя, были причиною того, что онъ долго сердился на М. Ѳ. Орлова.

Послѣдній, въ 1815 году, по обязанностямъ службы отправился въ Парижъ, гдѣ заболѣлъ и оставался въ такомъ положеніи до апрѣля 1816 года [1]). Мысль объ образованіи тайнаго общества была на время имъ оставлена.

---

[1]) Съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Орловымъ мы неоднократно встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи и потому считаемъ не лишнимъ привести разсказъ о немъ бывшаго военнаго совѣтника, а потомъ сенатора Н. Старынкевича.

„Генералъ-маіоръ Михаилъ Орловъ, послѣ похода во Францію въ 1815 году, оставался въ Парижѣ по сентябрь 1816 г. Я прибылъ туда въ декабрѣ 1815 г. и засталъ вмѣстѣ съ нимъ брата его генералъ-адъютанта Алексѣя Орлова, который и оставался послѣ того въ Парижѣ около трехъ мѣсяцевъ. Генералъ-маіоръ Михайло Орловъ былъ тогда боленъ. Его болѣзнь продолжалась по самый апрѣль; во все сіе время онъ никого не принималъ. По просьбѣ обоихъ братьевъ и по участію въ положеніи М. Орлова, бывалъ я у него почти каждый день во все продолженіе болѣзни и проводилъ всегда нѣсколько часовъ. Занимался онъ въ сіе время литературою и магнетизмомъ, и того болѣе чтеніемъ объ Азіи и въ особенности объ Индіи, которая тогда преимущественно его интересовала. Въ желаніи имѣть точнѣйшія о сей землѣ свѣдѣнія, приглашалъ онъ иногда къ себѣ жившаго лѣтъ двадцать въ Индіи и оттуда незадолго передъ тѣмъ возвратившагося француза лѣтъ подъ шестьдесятъ, по имени Моренаса, который тогда при пособіи нашего двора занимался изданіемъ словаря индійскаго языка; да раза три былъ у него извѣстный драматическій писатель Александръ Дюваль, бывшій нѣкогда въ С.-Петербургѣ, котораго и зналъ онъ по сему случаю. Изъ числа чиновъ нашего корпуса войскъ, во Франціи тогда остававшагося, посѣтили его раза четыре генералъ-маіоры графъ Александръ Гурьевъ и Константинъ Полторацкій, въ бытность ихъ въ Парижѣ въ 1816 году въ отпуску на короткое время. Путешественниковъ нашего отечества, и особенно молодыхъ, въ 1816 г. въ Парижѣ почти не было; я не видалъ у него ни одного. Изъ чиновъ, имѣвшихъ постоянное пребываніе въ Парижѣ, навѣщали его генералъ-адъютантъ баронъ Жомини и бывшій секретарь нашего въ Парижѣ посольства камеръ-юнкеръ Ермоловъ. По выздоровленіи велъ онъ (Орловъ) ту жизнь, какую вообще всѣ путешественники ведутъ въ Парижѣ; болѣе же всего занимался покупкою старыхъ картинъ. Посѣщалъ дома княгини Волконской, урожденной Бѣлосельской, княгини Голицыной, рожденной Измайловой и тайн. совѣтника Демидова. Бывалъ довольно часто у нашего посланника и знакомъ былъ съ посланниками англійскимъ сиромъ Стюартомъ, шведскимъ Левенгельмомъ и датскимъ Вольтерсдорфомъ; тутъ могъ онъ встрѣчать французовъ или другихъ чужестранцевъ. Самъ, сколько мнѣ извѣстно, не посѣщалъ никого изъ нихъ и у него, кромѣ названныхъ мною Моренаса и Дюваля, видѣлъ я только молодаго человѣка Виконта Сегюра,—родственника Коленкура, барона Мегриньи и купца Fontaine, торгующаго старыми картинами. Политика совсѣмъ не интересовала его въ сіе время, и я, не измѣняя истины, могу сказать, что въ продолженіе его болѣзни и по выздоровленіи не видѣлъ я у него ни одного политическаго сочиненія. Онъ получалъ одну газету „Moniteur", но и

«По возвращеніи въ Россію,—говорилъ онъ,—«предубѣжденный будучи, что возстановленіе Польши не могло быть столь сильно поддерживаемо русскимъ правленіемъ, безъ вліянія польскаго тайнаго общества, надъ намѣреніями и волею государя, я вознамѣрился къ первому моему предмету присоединить другой, т. е. противопоставить польскому—русское тайное общество. Изъ сего видно, что планъ онаго уже предположеннымъ на высочайшее утвержденіе представленъ быть не могъ. Симъ занимался я конецъ 1816 года и начало 1817 г.; но ни намѣреніе мое, ни трудъ мой къ концу приведены не были, и все осталось безъ исполненія.

«Стараясь преклонить къ намѣреніямъ моимъ молодыхъ людей, я говорилъ о семъ бывшему правителю канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора Новикову и Александру Муравьеву. Одинъ изъ нихъ, не помню кто, открылъ мнѣ, что тайное общество по большей части изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ уже составлено, и сіе открытіе заставило бросить всѣ мои прежнія сочиненія».

Говорившій М. Ѳ. Орлову о существованіи въ Петербургѣ тайнаго общества былъ, конечно, Александръ Муравьевъ, учредившій и стоявшій во главѣ этого тайнаго общества.

Дѣло началось съ того, что въ 1815 году въ Семеновскомъ полку устроилась артель изъ 15 или 20 человѣкъ офицеровъ, и они каждый день обѣдали вмѣстѣ. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ. Полковой командиръ Семеновскаго полка генералъ Потемкинъ покровительствовалъ артели и иногда обѣдалъ съ офицерами. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ императоръ Александръ приказалъ Потемкину закрыть артель, сказавъ: «что такого рода сборища офицеровъ ему очень не нравятся» [1]).

Артель была закрыта, но офицеры продолжали сходиться, и въ самомъ началѣ 1816 года [2]) нѣсколько офицеровъ л.-гв. Семеновскаго полка, по приглашенію служившаго въ томъ же полку Александра Николаевича Муравьева, имѣвшаго тогда 24 года отъ роду, соединились въ общество, имѣвшее цѣлью содѣйствовать всѣми силами къ устрой-

---

ту читалъ мало и рѣдко, такъ что я часто смѣялся надъ нимъ, что не зналъ онъ такихъ происшествій, кои всенародно нѣсколько дней по газетамъ уже извѣстны были. Онъ находился въ сіе время въ наилучшемъ положеніи по службѣ. Я видѣлъ въ немъ чувствованіе живѣйшей преданности къ особѣ его величества и не токмо не примѣтилъ замысловъ ко вреду престола и отечества, но не открылъ и помышленія о томъ. (Записка Николая Старынкевича безъ года и числа. Государств. Арх. XI, № 1170).

[1]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 1862 г., стр. 6 и 7.

[2]) По показанію нѣкоторыхъ, члены общества считали днемъ его основанія 9-е февраля 1816 г.

ству благосостоянія Россіи. Соединившіеся были: Сергѣй (21-го года) и Матвѣй (23-хъ лѣтъ) Ивановичи Муравьевы-Апостолы, Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ (22-хъ лѣтъ) и князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой (25-ти лѣтъ) [1]). Всѣ они были люди молодые, однополчане, связанные товарищескою дружбою. Она возникла еще на бивакахъ, среди военныхъ опасностей и была сильною, живою и прочною.

Спустя нѣкоторое время Александръ Муравьевъ предложилъ гвардейскаго генеральнаго штаба поручику Никитѣ Михайловичу Муравьеву вступить въ ихъ общество, а Никита Муравьевъ и князь С. П. Трубецкой, познакомившись съ адъютантомъ командира 1-го корпуса графа Витгенштейна Павломъ Ивановичемъ Пестелемъ и найдя въ немъ тѣ же мысли, пригласили присоединиться къ нимъ. Это приглашеніе имѣло, какъ увидимъ, большое значеніе въ будущемъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени Пестель и Никита Муравьевъ стали во главѣ общества и его руководителями. Способности и обширныя познанія ихъ, по словамъ князя Ильи Долгорукова, подчинили ихъ вліянію многихъ членовъ [2]).

На одномъ изъ первыхъ совѣщаній учредителей было положено стараться увеличивать «елико возможно» число членовъ и выбирать ихъ «съ качествами душевными и нравственностію твердою» [3]). Скоро въ общество поступили: Николай Новиковъ, Илья Бибиковъ, князь Илья Андреевичъ Долгоруковъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, кн. Павелъ Петровичъ Лопухинъ, офицеры Преображенскаго полка Сергѣй и Иванъ Шиповы, л.-гв. Семеновскаго полка князь Ѳедоръ Петровичъ Шаховской и Кавалергардскаго полка Михаилъ Лунинъ.

---

[1]) Въ книгѣ „Сказаніе о родѣ князей Трубецкихъ", изданіе княгини Е. Э. Трубецкой (стр. 268), о князѣ С. П. Трубецкомъ говорится слѣдующее: „Воспитаніе онъ получилъ вѣроятно домашнее, какъ и большинство тогдашнихъ молодыхъ людей высшаго общества и, затѣмъ, вступилъ въ военную службу, въ л.-гв. Преображенскій полкъ". Это не вѣрно. Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой поступилъ на службу 10-го ноября 1808 года подпрапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, произведенъ въ прапорщики 25-го октября 1810 года, въ подпоручики 2-го іюня 1812 года, и въ поручики 23-го сентября 1813 г. Въ 1815 году (16-го іюня) онъ былъ назначенъ полковымъ казначеемъ л.-гв. Семеновскаго полка, 29-го августа 1816 г. С. П. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, и 4-го марта 1819 г. въ капитаны. Въ маѣ (14-го) того же года кн. Трубецкой былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ главнаго штаба его императорскаго величества и 24-го января 1821 г. переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ полковники онъ произведенъ 1-го января 1822 года, а 22-го декабря 1824 г. назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 4-го пѣхотнаго корпуса.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Долгорукова 3-го февраля 1826. Госуд. Арх., I, д. № 230.

[3]) Показаніе князя С. П. Трубецкаго. Госуд. Арх., I, д. № 4.

По разнорѣчію показаній, трудно указать съ точностію, кто, когда и кого принялъ въ общество, да это и не имѣетъ значенія; гораздо важнѣе то, что съ самаго начала образованія общества члены дѣлились на руководителей и руководимыхъ, на знающихъ и незнающихъ истинной цѣли учрежденія общества.

Александръ и Никита Муравьевы, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и П. Пестель имѣли тогда одинаковый образъ мыслей и опредѣленную цѣль — введеніе въ Россіи монархическаго конституціоннаго правленія.

«Тайное наше общество, — показывалъ Пестель, — было революціонное съ самаго начала своего существованія и во все продолженіе не переставало никогда быть таковымъ. Перемѣны, въ немъ происходившія, касались собственно его устройства и положительнѣйшаго разъясненія его цѣли, которая всегда пребывала революціонная. О ней знали лишь немногіе, а остальнымъ говорилось глухо, что цѣлью образованія общества есть введеніе новаго порядка въ управленіи [1]). Для достиженія этого, рѣшено было употреблять тѣ способы, которые впослѣдствіи будутъ признаны удобными и соразмѣрными со средствами общества; «но пока отстраненіе иноземцевъ отъ вліянія въ государствѣ» и освобожденіе крестьянъ было признано неотложно необходимымъ.

Положеніе крестьянъ было по истинѣ ужасно. О тяжкомъ ихъ состояніи и историческомъ прошломъ написаны многочисленныя и обширныя сочиненія [2]), но мы считаемъ все-таки необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ состояніи, въ которомъ находились крестьяне въ описываемое нами время.

«Всѣ почти помѣщики,—говоритъ И. Д. Якушкинъ [3]),—смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія уничтожалось и самое дворянство. Но, по мнѣнію тѣхъ же старовѣровъ, ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа».

Помѣщичьи крестьяне находились подъ полнымъ произволомъ помѣщиковъ, въ большинствѣ жестоко съ ними обращавшихся.

«Поведеніе русскихъ дворянъ,—говорилъ А. Бестужевъ [4]),—въ этомъ

---

[1]) Показанія Пестеля 23-го февраля и 6-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх., I, Южное общество, дѣло № 1.

[2]) Наиболѣе полнымъ и выдающимся есть сочиненіе В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка".

[3]) Въ своихъ „Запискахъ". Лондонъ, изд. 1862 г., стр. 21.

[4]) Въ своемъ показаніи. Государств. Архивъ, I, д. № 11.

отношеніи ужасно. Негры на плантаціяхъ счастливѣе многихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Продавать въ розницу семьи, похитить невинность, развратить женъ крестьянскихъ считается ни во что и дѣлается явно. Не говорю уже о барщинѣ и оброкахъ; но есть изверги, которые раздаютъ борзыхъ щенковъ для прокормленія грудью крестьянокъ! Къ счастію человѣчества, такіе примѣры не часты, но къ стыду онаго существуютъ.

18-го ноября 1816 года два крестьянина Костромской губерніи, помѣщика графа Головкина, подали лично императору жалобу на своего помѣщика. Жалуясь на жестокія притѣсненія, они просили взять ихъ въ казенное вѣдомство, съ обязательствомъ внести заплаченную сумму за имѣніе помѣщику въ десятилѣтній срокъ. Они писали, что помѣщикъ ихъ изъ 12.000 наслѣдственныхъ душъ прожилъ болѣе 10.000, а остальныхъ онъ такъ обременяетъ оброками, что платятъ нынѣ отъ 90 до 135 руб. съ души; что они просили помѣщика уменьшить оброкъ, но повѣренные ихъ были за это наказаны [1]).

Нижне-Ломовскій помѣщикъ, князь Чегодаевъ, довелъ крестьянъ до самаго бѣднѣйшаго состоянія. Онъ изнурялъ ихъ «непомѣрными работами» и не давалъ имъ времени для собственныхъ, отбиралъ у нихъ хлѣбъ и пчелъ. Крестьяне скитались по разнымъ селеніямъ, прося милостыню, а самъ Чегодаевъ съ утра до вечера былъ пьянъ. По произведенному разслѣдованію, имѣніе его было взято въ опеку [2]).

Владѣлица села Обжей, Дмитріевскаго уѣзда, Курской губерніи, помѣщица Брискорнъ, вмѣстѣ съ очень близкимъ ей протопопомъ Гапоновымъ, тиранила крестьянъ. Она посылала взрослыхъ и малолѣтнихъ дѣтей на суконную фабрику и морила ихъ тамъ голодомъ. Умиравшихъ, сотнями, Брискорнъ приказывала складывать въ сарай и по ночамъ ихъ вывозили на кладбище, валили кучею въ ямы и зарывали безъ отпѣванія.

«Мы еще прошлаго года,—писали крестьяне императору Александру [3]),—хотѣли послать тебѣ о семъ нашу жалобу, а не послали потому, что барыня наша и дмитріевскій протопопъ Гапоновъ все намъ говорили, что по твоему указу и на твою армію сукна тѣ дѣлаютъ, а повелѣніе твое властно и живыхъ насъ землею засыпать, то мы и остановились тебя утруждать, а согласились тайно сказать о томъ дмитріевскимъ исправнику и стряпчему, и они пріѣхали на фабрику. Но

---

[1]) Арх. собств. его величества канцеляріи. Книга № 10.

[2]) Донесеніе пензенскаго губернатора Ѳ. П. Лубяновскаго министру внут. дѣлъ 7-го марта 1822 г.

[3]) Въ прошеніи отъ 25-го января 1822 г. Арх. собствен. его величества канцеляріи, д. № 261, кн. 7.

исправника подкупила барыня, а стряпчій не пошелъ на подкупъ и хотѣлъ мертвыя тѣла свидѣтельствовать, то барыня не только не допустила его, но еще протопопъ Гапоновъ велѣлъ ей послать просьбы на стряпчаго къ курскому прокурору и къ губернатору. А какъ у нея, барыни нашей, сынъ отъ перваго мужа, Струкова, служитъ въ твоей министеріи, у князя Лобанова, то все и сдѣлалось по ея; стряпчему велѣно у нея же прощенія просить».

Елисаветградскій помѣщикъ, нѣмецъ И. Клейстъ, заковывалъ крестьянъ въ желѣзо, колодки и рогатки; содержалъ ихъ въ погребѣ съ затворомъ верхнихъ дверей, безъ свѣта и воздуха. Онъ употреблялъ ихъ на работы въ воскресные дни скованными. Два мальчика, родные братья, были скованы вмѣстѣ такъ, что меньшой могъ только ползать на корточкахъ. Отъ постояннаго употребленія на работы крестьяне не имѣли времени быть по нѣскольку лѣтъ на исповѣди и св. причастіи. Замученныхъ имъ крестьянъ Клейстъ продавалъ, отбиралъ у многихъ скотъ и давалъ только хлѣбъ для скуднаго пропитанія. О жестокостяхъ его показало 96 человѣкъ сосѣдей.

Крестьяне Устюжскаго уѣзда жаловались графу Аракчееву [1]), что помѣщикъ ихъ, Павелъ Толстой, позволялъ имъ жениться не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы молодая прямо отъ вѣнца шла къ нему «для блудодѣянія». «Если же,—писали крестьяне,—по переѣздѣ куда-либо вотчины нашей въ какую деревню, то беретъ отъ мужей женъ и дѣвушекъ лѣтъ 12-ти насильно же». Толстой отдавалъ крестьянъ въ ученье мастерствамъ съ спеціальною цѣлью воспользоваться женами во время ихъ отсутствія.

Вышне-волоцкій помѣщикъ, капитанъ Корсаковъ, сѣкъ своихъ людей такъ: двое, по его приказанію, били батогами, а третій, онъ самъ, вдоль спины—кнутомъ.

Помѣщикъ Симбирскаго уѣзда, полковникъ Николай Демидовъ, вмѣстѣ съ женою сѣкли въ одинъ день по нѣскольку разъ и всегда до крови; сѣкли кнутомъ толщиною въ палецъ, при чемъ Демидовъ часто говорилъ, что сѣкшій худо бьетъ.

— Дѣвичья комната тѣсна,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ,—неудобно размахнуться.

Такія наказанія производились обыкновенно за то, что горничная не хорошо расчесала барынину любимую собачку, а за то, что дурно былъ заштопанъ чулокъ, барыня сама била палкою по голому тѣлу, давая

[1]) Въ письмѣ, полученномъ 22-го октября 1823 г. Арх. Собственной его величества канцеляріи, дѣло № 201.

ударовъ по двадцати. По щекамъ били до крови за то, что роняли нечаянно какую-нибудь вещь и тѣмъ пугали барыню [1]).

Бѣлозерскій помѣщикъ, Волоцкой, имѣлъ въ своемъ домѣ подполье, въ которомъ держалъ прикованными къ стѣнѣ провинившихся крестьянъ. Наказываемымъ связывали руки назадъ и затѣмъ за шею приковывали такъ, что можно было только сидѣть или лежать. Въ такомъ положеніи ихъ держали до 4-хъ недѣль; отъ долгаго пребыванія въ такомъ положеніи дѣлались параличи въ рукахъ [2]).

Жившіе въ Петербургѣ, генералъ-маіоръ Ласкинъ и его супруга, отличались необыкновенною жестокостью. У трехъ дѣвочекъ были волосы на головѣ вырваны, а двѣ изъ нихъ такъ изсѣчены, что у одной были раны, а у другой струпья. Одной изъ дѣвочекъ приказано было въ наказаніе вымыть руки кипяткомъ; случалось, что баринъ сѣкъ ихъ до крови, а барыня приказывала слизывать эту кровь съ пола языкомъ [3]).

Помѣщикъ Костромской губерніи, Шиповъ, отличался особеннымъ развратомъ и, по произведенному слѣдствію, изнасиловалъ 15 дѣвушекъ. Онъ не отрицалъ этого факта, но говорилъ, «что люди его сами собою, замѣтя склонность его, приводили къ нему женщинъ и дѣвокъ, но что насилія онъ никому не чинилъ».

«Три примѣра,—сказано въ выпискахъ изъ журналовъ Комитета министровъ [4]),—могутъ послужить доказательствомъ, до какой степени достигъ въ немъ развратъ: 1) зимой, по вечерамъ, онъ собиралъ къ себѣ женщинъ и лучшимъ изъ нихъ приказывалъ раздѣваться до-нага; 2) однажды приказалъ троимъ молодымъ мужчинамъ, раздѣвшись, идти въ баню къ женщинамъ и когда крестьянинъ Матвѣевъ представилъ ему непристойность такого приказанія, то помѣщикъ продержалъ его двое сутокъ въ желѣзахъ; 3) призвавъ къ себѣ крестьянина Боброва, Шиповъ принудилъ его подъ крестнымъ цѣлованіемъ дать обѣщаніе отыскать въ Петербургѣ такого человѣка, который бы, посредствомъ волшебства, склонилъ къ любодѣянію съ нимъ, Шиповымъ, вольноотпущенную дѣвку помѣщицы Даниловой». Бобровъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, взялъ первый попавшійся сучекъ дерева и отослалъ его своему помѣщику, какъ волшебную палочку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бобровъ

---

[1]) Арх. мин. юстиціи, дѣло 1818 г., № 1169. Судъ постановилъ отобрать имѣніе въ опеку, а Демидовымъ предоставить имѣть прислугу изъ вольнонаемныхъ.

[2]) Арх. министерства юстиціи, дѣло 1819 г., № 3586.

[3]) Тамъ же, дѣло 1819 г., № 1474. Ласкинъ былъ уволенъ отъ военной службы и вмѣстѣ съ женою преданъ суду.

[4]) Отъ 16-го декабря 1824 г. и 10-го февраля 1825 г. Арх. министерства юстиціи, дѣло 1821 г., № 1318.

лично подалъ императору прошеніе дать крестьянамъ въ ссуду 80 тыс., чтобы выкупиться отъ жестокаго помѣщика. По этому прошенію имѣніе Шипова было взято въ опеку, а самъ онъ преданъ суду.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы нарисовать себѣ картину жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами. Архивы министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ переполнены дѣлами подобнаго рода; но надо при этомъ припомнить, что девять-десятыхъ помѣщиковъ, при помощи полиціи и даже предводителей дворянства, скрывали свои преступленія, не доходившія до свѣдѣнія правительства. Злоупотребленіе помѣщичьею властью было такъ велико и обще, что помѣщикъ мало-мальски снисходительный къ своимъ крестьянамъ поощрялся наградою.

«По засвидѣтельствованію генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта князя Хованскаго,—писалъ императоръ Александръ [1]),—о примѣрномъ устройствѣ хозяйства крестьянъ витебскаго помѣщика отставнаго полковника Насѣкина и попеченіи его объ ихъ благосостояніи, всемилостивѣйше жалуемъ его кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й степени».

Вскорѣ послѣ войны было замѣчено, что огромное число крестьянъ бѣжало отъ своихъ помѣщиковъ и бродило по всей Россіи. Нуждаясь въ пропитаніи, они занялись грабежомъ и разбоями. Партіи разбойниковъ появились въ губерніяхъ: Симбирской, Гродненской, Черниговской, Новгородской, Тамбовской, Нижегородской, Астраханской и другихъ. Бродяжничество, увеличивавшееся съ года на годъ, дошло до того, что всѣ мѣста, куда по закону бродяги посылались для исправленія, были настолько переполнены ими, что начальство, какъ военное, такъ и гражданское, отказывалось принимать ихъ. Вслѣдствіе этого, былъ образованъ особый комитетъ, для изысканія способовъ къ удобнѣйшему размѣщенію бродягъ, и сдѣланы распоряженія объ учрежденіи въ губерніяхъ помѣщеній для нихъ и преступниковъ, сдѣлавшихся неспособными къ работѣ. Въ маѣ (4-го) 1820 года было издано особое положеніе о бродягахъ [2]). Они выработали для себя особый терминъ—не помнящихъ родства, т. е. прикидывались полоумными и на допросахъ показывали, что не помнятъ, кто ихъ родные и изъ какой они деревни. Дѣлалось это для того, чтобы ихъ не возвращали обратно къ помѣщику. Остававшіеся на мѣстахъ жительства крестьяне, притѣсняемые помѣщикомъ, волновались, бунтовали и нерѣдко убивали сво-

---

[1]) Въ указѣ Капитулу орденовъ, 9-го мая 1824 г.

[2]) Варадиновъ „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, ч. II, книга 2-я, стр. 37 и 38.

*

его владѣльца. Бунты крестьянъ происходили во все время царствованія императора Александра и по всему пространству Имперіи [1]).

Многочисленныя и частыя жалобы угнетенныхъ въ большинствѣ случаевъ не достигали цѣли, и Комитетъ министровъ даже постановилъ не принимать просьбъ помимо мѣстнаго начальства и взыскивать всѣ безпорядки съ губернаторовъ. По поводу такого рѣшенія, императоръ Александръ писалъ въ указѣ Комитету министровъ [2]):

«Въ меморіи Комитета 6-го марта нахожу я положеніе по просьбѣ крестьянъ титулярнаго совѣтника Алексѣева на помѣщика своего, чтобы изслѣдованія по оной поручить ярославскому губернатору, и ежели показанія крестьянъ окажутся справедливы, то имѣніе взять въ опеку, а помѣщика предать суду.

«Апробуя въ полной мѣрѣ рѣшеніе таковое, не могу однако я согласиться съ дальнѣйшимъ разсужденіемъ Комитета, чтобы, взыскивая съ губернатора всякій безпорядокъ, положить между тѣмъ преграду подобнымъ жалобамъ мимо мѣстнаго начальства въ томъ уваженіи, что я обременяюсь просьбами, изъ коихъ могутъ быть иныя по изслѣдованію и несправедливы.

«Еслибы я могъ быть увѣренъ, что губернаторъ доставитъ всегда удовлетвореніе безпомощному крестьянину, то сужденіе Комитета было бы основательно; но, къ сожалѣнію, примѣры были сему противные, и многія уже просьбы, принесенныя мнѣ, оказались справедливыми, хотя мѣстное начальство и не доносило министерству о противузаконныхъ дѣйствіяхъ помѣщиковъ. Сверхъ того, извѣстно мнѣ, что были случаи, гдѣ крестьяне, жалующіеся на помѣщиковъ, въ замѣнъ удовлетворенія были еще наказаны. И потому утвердить мнѣніе Комитета было бы подвергать крестьянъ опасности удвоеннаго наказанія.

«Вслѣдствіе сего повелѣваю принесеніе ко мнѣ жалобъ оставить въ нынѣшнемъ положеніи».

Спустя три года императоръ Александръ писалъ тому же Комитету министровъ [3]):

«По положенію Комитета, 30-го сентября 1819 года состоявшемуся и на мое утвержденіе представленному, мнѣ предлежало рѣшить судьбу 114-ти поселянъ, приговоренныхъ къ разнымъ наказаніямъ Новгородскою уголовною палатою, Правительствующимъ Сенатомъ и самимъ Комитетомъ министровъ, согласившимся съ ихъ заключе-

---

[1]) Варадиновъ „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, ч. II, книга 1-я, стр. 512—514; 560—618, книга 2-я, стр. 36 до 38 и другія.

[2]) Въ указѣ 16-го марта 1817 г. Арх. Комитета министровъ, книга № 136.

[3]) Въ указѣ 14-го апрѣля 1820 года.

ніями, по дѣлу о безпорядкахъ въ Бурегскомъ приказѣ удѣльнаго вѣдомства.

«Важность сего рѣшенія остановила меня. Я желалъ прежде знать во всей подробности преступленія обвиненныхъ; потребовалъ къ себѣ дѣло, самъ имъ занимался, и чѣмъ внимательнѣе входилъ въ разсмотрѣніе онаго, тѣмъ болѣе удостовѣрился, что люди сіи не заслуживаютъ наказанія. Дѣло показываетъ, что они имѣли справедливыя причины быть недовольными мѣстнымъ своимъ начальствомъ, желали довести жалобы свои до свѣдѣнія вышняго правительства, искали къ тому возможности—и наконецъ явно домогались о томъ средствами, простотѣ ихъ свойственными. Домогательства сіи вмѣнены имъ въ ослушаніе и буйство. Уголовная палата обвинила и осудила ихъ, принявъ въ семъ смыслѣ ихъ поступокъ вопреки слѣдствію, которое происходило въ присутствіи самого начальника губерніи и тѣмъ болѣе заслуживало уваженія. Прочія мѣста и лица, ревизовавшія сіе дѣло, увлечены были въ неправыя по оному заключенія сужденіями уголовной палаты. Къ управлявшимъ же Новгородскою удѣльною конторою и головѣ Бурегскаго приказа Степанову, главному виновнику сихъ безпорядковъ, видно, напротивъ того, вездѣ болѣе снисхожденія, нежели они по дѣяніямъ своимъ заслуживали. Въ отношеніи къ дѣяніямъ послѣднихъ надлежало бы продолжить строгое изслѣдованіе; но смерть головы Степанова, изъявъ его изъ власти закона, положила предѣлъ дальнѣйшимъ открытіямъ истины.

«По симъ уваженіямъ, не утверждая положенія Комитета, я повелѣваю:

1) Поселянъ Бурегскаго приказа, несправедливо осужденныхъ, не подвергать никакому наказанію и отъ суда освободить.

2) Управлявшихъ съ 1813 г. по 1816 годъ Новгородскою удѣльною конторою не иначе опредѣлять къ другимъ должностямъ, какъ съ моего дозволенія.

3) Новгородскую уголовную палату, за неправильное разсматриваніе сего дѣла, оштрафовать чувствительною пенею въ пользу человѣколюбивыхъ заведеній.

4) Комитету министровъ привести сіе въ исполненіе».

Указы эти, при благоустроенной администраціи и бо̀льшей чистотѣ нравовъ, могли бы имѣть благодѣтельныя послѣдствія, но при тогдашнихъ злоупотребленіяхъ оставались гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, и въ общемъ положеніе крестьянъ было безотрадное. Губернаторы и предводители дворянства прикрывали преступленія и жестокости помѣщиковъ и удѣльныхъ чиновниковъ.

По жалобамъ крестьянъ они не производили изслѣдованій подъ

тѣмъ предлогомъ, чтобы не подавать повода къ подобнымъ просьбамъ въ прочихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

«Такая мѣра предосторожности,—писалъ императоръ Александръ[1]),— никогда не откроетъ правительству беззаконныхъ поступковъ и, такъ сказать, покровительствуетъ преступленію.

«Ложный доносъ наказывается, а потому лучше подвергнуть крестьянина суду, ежели извѣтъ его окажется несправедливымъ, нежели оставлять сотни преступленій въ другихъ мѣстахъ безгласными, изъ одного такого опасенія, что поданъ будетъ поводъ беззащитнымъ людямъ искать правосудія».

Его найти было трудно и негдѣ. Подавленные произволомъ и жестокостію, разоренные и лишенные крова, крестьяне многихъ помѣщиковъ скитались и просили милостыню. Были и такіе, которые питались желудями, листьями, травою и умирали съ голода цѣлыми семействами[2]).

«Витебской губерніи,—писалъ императоръ Александръ герцогу Александру Виртембергскому[3]),—Невельскаго уѣзда помѣщицы Михельсоновой крестьяне принесли мнѣ нынѣ жалобу на терпимое ими разореніе отъ самовластія управляющаго ими, нѣкоего Николая Иванова Дюранта, который отъ того, что госпожа ихъ сама ни во что не входитъ, будучи отъ природы нѣма, распоряжаетъ ими совершенно по своему произволу и, вступя въ подряды по исправленію большихъ дорогъ, выслалъ ихъ всѣхъ для таковыхъ работъ, назадъ тому уже четыре мѣсяца, на Московскій трактъ, между тѣмъ, какъ семейства ихъ остаются дома безъ пропитанія, а земля въ запустѣніи.

«Просители явились ко мнѣ въ такомъ жалостномъ положеніи, въ какомъ ваше высочество сами увидите ихъ, представляемыхъ подполковникомъ Кочубеемъ, при генералѣ-отъ-артиллеріи графѣ Аракчеевѣ состоящемъ, съ коимъ они отсюда отправлены».

Тогдашнее общество, не исключая самыхъ образованныхъ и лучшихъ сыновъ Россіи, находило такое отношеніе къ крестьянамъ весьма естественнымъ и въ порядкѣ вещей.

Въ 1818 году императоръ Александръ посѣтилъ Крымъ. Встрѣча, сдѣланная намъ въ Байдарской долинѣ,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій[4]),—была самая плачевная; «жители обоего пола, числомъ болѣе

---

[1]) Въ указѣ сенатору Болотникову 13-го ноября 1816 г. Арх. Собствен. его величества канцеляріи, книга № 14.

[2]) Высочайшее повелѣніе сенатору Ланскому 26-го іюля 1817 г. Тамъ же, кн. 50.

[3]) Бѣлорусскому военному губернатору, отъ 3-го августа 1818 года. Тамъ же.

[4]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1897 г. № 7, стр. 100.

двухъ тысячъ, ожидали нась при въѣздѣ въ селеніе и приняли насъ съ горькими рыданіями, жалуясь и вопія на притѣсненія помѣщика своего Мордвинова [1]), который слылъ величайшимъ филантропомъ и пріобрѣлъ себѣ въ Россіи необыкновенную славу такъ называемыми голосами, которые онъ подавалъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ продолженіе двадцати лѣтъ всякій разъ, когда дѣло шло о благѣ отечества. Онъ не смотрѣлъ ни на какія лица, сколь бы они ни были въ милости при дворѣ; голоса его, находящіеся въ рукахъ каждаго, содѣлали имя его любезнымъ для Россіи; врядъ-ли кто въ одинаковой мѣрѣ съ нимъ пользовался уваженіемъ и общею признательностію. Тѣмъ болѣе поразило насъ видѣнное нами въ Байдарахъ, и государь сказалъ: «славны бубны за горами».

Такимъ образомъ въ отношеніи крестьянъ Мордвиновъ, точно также какъ извѣстный математикъ и ректоръ Казанскаго университета Лобачевскій [2]) и даже незлобивый Н. М. Карамзинъ были сынами своего вѣка.

«Теперь я въ хорошемъ положеніи,—писалъ Н. М. Карамзинъ [3]),—а вчера былъ возмущенъ развратомъ и пьянствомъ людей своихъ, такъ что отослалъ одного въ полицію для наказанія и велѣлъ отдать въ рекруты. Это зло безпрестанно умножается: отъ рабства-ли? но рабы нашихъ отцовъ не спивались съ кругу. Есть, видно, другая причина; но я не догадливъ. Что, если бы Академія наукъ, или Россійская задала ученымъ рѣшить: въ какомъ отношеніи находится размноженіе кабаковъ къ успѣхамъ просвѣщенія, нравственности и вѣры христіанской? Это показалось бы дерзостію въ вѣкъ либеральный. Не знаю, дойдутъ-ли люди до истинной гражданской свободы; но знаю, что путь дальній и дорога весьма не гладкая».

Для выясненія, насколько, при такихъ условіяхъ, тяжко было положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, мы приведемъ подлинное донесеніе коммиссіи [4]), посланной въ августѣ 1815 года на экзекуцію въ имѣніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кочубея, въ деревню Кочубеевку Херсонской губерніи.

«Никакая экзекуція,—доносила коммиссія [5]),—не можетъ произвесть

---

[1]) Впослѣдствіи графа и члена Государственнаго Совѣта.

[2]) См. „Историческій Вѣстникъ" 1900 г. № 9, статью Загоскина.

[3]) Въ письмѣ И. И. Дмитріеву 29-го декабря 1819 г. См. „Николай Михайловичъ Карамзинъ", соч. М. Погодина, часть II, стр. 407.

[4]) Членами ея были: совѣтникъ херсонской уголовной палаты Бужинскій, уѣздный предводитель дворянства Комстадіусъ и уѣздный стряпчій Раковичъ.

[5]) Арх. Министерства юстиціи, дѣло 1815 г. № 3280. Объ этой экзекуціи упоминается и въ сочиненіи В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", изд. 1888, т. I, стр. 408.

толико сильнаго сострадания о человѣчествѣ, какъ теперешнее состояніе крестьянъ. Дома у нихъ пусты, безъ крышъ, безъ оконъ и даже безъ дверей. Хлѣбопашествомъ въ семъ году не занимались ни для помѣщика, ни для себя; хлѣба вовсе не имѣютъ; во дворахъ нѣтъ ни скота, ни птицы. Малолѣтнія дѣти изнурены нуждою и пищею; незадолго передъ симъ крестьяне болѣли повально».

Тронутые такимъ состояніемъ крестьянъ, члены коммиссіи, прежде чѣмъ приступить къ экзекуціи, пытались уговаривать ихъ придти въ повиновеніе помѣщику, но встрѣтили полный отказъ. Крестьяне единогласно обрекли себя на всѣ бѣдствія, какія бы съ ними ни были, и отказались повиноваться Кочубею.

«Позвольте, ваше превосходительство,—писали члены коммиссіи херсонскому гражданскому губернатору [1],—утвердить сіе очевидными доказательствами. Когда палачъ приготовился наказывать кнутомъ крестьянина Караульнаго, то туда же была подведена и его жена. Стоявшія подлѣ нея прочія женщины приказывали ей, чтобы она не плакала, и Караульная съ равнодушіемъ смотрѣла на наказаніе мужа. Когда палачъ, по наказаніи, грозилъ всему обществу тою же участью, то никто тѣмъ не тронулся и всѣ изъявили непреклонность къ повиновенію. Когда дочь Караульнаго подошла къ нему, чтобы проститься, то онъ не допустилъ ее къ себѣ. Наконецъ, когда при наказаніи прочихъ плетьми, за каждымъ ударомъ, спрашивано было, будетъ-ли повиноваться помѣщику?—каждый отвѣчалъ: «не буду».

«При такомъ упорствѣ, крестьяне сохранили одно только смиреніе и не показали никакой дерзости ни при исполненіи экзекуціи, ни при внушеніяхъ. Но когда уполномоченный отъ Кочубея, коллежскій ассесоръ Степановъ, предложилъ имъ хлѣбъ и другія нужныя вспомоществованія съ тѣмъ, что и впредь, по волѣ Кочубея, будутъ ими пользоваться, то они отказались что-либо принять, полагаясь на волю Божію и на судьбу».

Крестьянскіе бунты были особенно часты послѣ отечественной войны.

Еще война за предѣлами Имперіи была въ полномъ разгарѣ, когда возвратившіеся ратники были водворены въ мѣстахъ прежняго ихъ жительства и разнесли ропотъ въ народѣ.

— Мы проливали кровь,—говорили они,—а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа.

— Вы видѣли,—говорилъ С. Н. Глинка актеру С. Н. Сандунову,—съ какимъ самоотверженіемъ благословляли крестьяне сыновъ своихъ на брань и съ какимъ рвеніемъ отдавали себя и все свое. Не во всемъ,

[1]) Арх. минист. юстиціи, дѣло 1815 г. № 3280.

до этого времени, я былъ согласенъ съ вами, касательно преобразованія крестьянскаго быта. Но теперь, судя по направленію народнаго духа, твердо увѣренъ, что люди русскіе способны къ нравственному образованію. Дѣло въ томъ: какое дадутъ ему направленіе и уравняютъ-ли его съ нынѣшними необычными событіями.

Къ сожалѣнію, ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Императоръ Александръ вознаградилъ всѣ сословія за участіе въ борьбѣ и изгнаніи враговъ изъ отечества, а относительно крестьянъ было сказано въ манифестѣ, что они получатъ «мзду свою отъ Бога» [1]), и крестьяне продолжали нести на себѣ тяжелое иго помѣщичьей власти. Такое положеніе не могло не вызывать къ себѣ сочувствія, и большинство декабристовъ показывало, что главнѣйшимъ поводомъ къ поступленію ихъ въ тайное общество было «угнетеніе истинно ужасное (говорю не по слухамъ, прибавлялъ Кюхельбекеръ, а какъ очевидецъ, ибо живалъ въ деревнѣ не мимоѣздомъ), въ которомъ находится большая часть помѣщичьихъ крестьянъ, особенно же господъ мелкопомѣстныхъ и средняго разбора. Исключаю милліонеровъ (и то не всѣхъ) и совершенно бѣдныхъ. О послѣднихъ замѣтилъ я, что у господина, который самъ пашетъ, крестьянинъ обыкновенно сытъ, одѣтъ и не битъ [2]).

— Служа большею частію въ арміи,—говорилъ М. М. Спиридовъ [3]),— квартируя въ домахъ у самихъ крестьянъ, признаюсь, (что) входя въ подробный разборъ ихъ положенія, видя обращеніе съ ними господъ, часто я ужасался и причину сему находилъ въ принадлежности ихъ (въ закрѣпощеніи помѣщикамъ). Въ Малороссіи видѣлъ въ одной и той же деревнѣ: казеннаго жителя изобилующаго во всемъ [4]), а господскаго томящагося въ бѣдности. Потомъ сдѣлавъ переходъ въ Житомірскую губернію, болѣе былъ приведенъ въ скорбь общею бѣдностью поселянъ: видѣлъ тамъ, что плодородная сія губернія отдаетъ дань однимъ владѣльцамъ, видѣлъ неусыпную дѣятельность хлѣбопашца, плоды которой служили къ обогащенію ихъ пановъ; видѣлъ неисчислимыя богатства хлѣба на токахъ ихъ, а у поселянъ къ окончанію года недоставало ни зерномъ, ни печенымъ не токмо для продажи, но даже и для пропитанія. Повсемѣстная дешевизна далеко, чтобъ служила имъ въ пользу, ибо непремѣнное принужденіе покупать все необходимое въ домоводствѣ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г. № 11, стр. 247.

[2]) Показаніе Вильгельма Кюхельбекера 17-го февраля 1826 г. Государст. Архивъ, I, д. № 13.

[3]) Въ своемъ показаніи. Тамъ же, д. № 3.

[4]) Казенный крестьянинъ, какъ увидимъ, также не изобиловалъ во всемъ. Это зависѣло отъ мѣстности, въ которой онъ жилъ, и отъ начальства, которому было ввѣрено попеченіе о немъ.

въ корчмахъ у евреевъ ввергало ихъ въ бѣдную нищету. Сознаюсь, мое сердце содрогалось, жалѣя ихъ.

Не лучше было положеніе и казенныхъ крестьянъ. Казенныя имѣнія раздѣлялись на экономическія и удѣльныя; число первыхъ было несравненно болѣе и участь ихъ бѣдственнѣе. Крестьяне удѣльные имѣли свои права, свои конторы, которыми управлялись и ограждались отъ насилія земской полиціи и губернскаго начальства. Управляющему конторой было поставлено въ обязанность руководствоваться установленными правилами и самовластно не распоряжаться. Онъ не могъ отрѣшить голову, избраннаго міромъ, безъ особеннаго на то разрѣшенія отъ министра, и всѣ расходы производились посредствомъ общихъ совѣщаній. Земская полиція не имѣла никакого вліянія на управленіе удѣльныхъ имѣній и не могла въѣзжать въ нихъ иначе, какъ только по уголовнымъ дѣламъ, да и то съ чиновникомъ отъ конторы. Это было преимущество удѣльныхъ крестьянъ, и они находились несравненно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ экономическіе, которые зависѣли отъ земскаго суда, губернскаго правленія и казенной палаты. Набѣги чиновниковъ этихъ учрежденій совершенно разоряли крестьянъ. Всѣ ихъ грабили, никто о нихъ не заботился и не отвѣчалъ за ихъ благосостояніе. Выборъ волостныхъ головъ и сельскихъ засѣдателей производился при чиновникахъ земскаго суда и служилъ имъ обильною пищею для наживы. Исправники, становые также грѣли у нихъ свои руки и, какъ мы уже видѣли, наживали состояніе; даже головы и тѣ злоупотребляли своею властью. «Будучи избираемы,—доносилъ московскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ [1],—изъ зажиточныхъ и потому значущихъ въ обществѣ крестьянъ, по избраніи въ сіе званіе снискиваютъ покровительство чиновниковъ земской полиціи и, угождая нѣсколькимъ имѣющимъ въ обществѣ голосъ зажиточнымъ крестьянамъ, позволяютъ себѣ угнетать крестьянъ бѣдныхъ и вмѣсто того, чтобы черезъ каждый годъ давать обществу отчетъ въ собранныхъ съ онаго деньгахъ, отъ нихъ общества не смѣютъ онаго и требовать. А земскіе исправники, подъ видомъ, что имъ воспрещено вмѣшиваться въ сіи дѣла, кои предоставлены самимъ обществамъ, къ тому головъ не понуждаютъ. Равномѣрно, вмѣсто того, чтобы черезъ два года дѣлать выборы другихъ головъ, старые, съ поддержкою исправниковъ и значущихъ въ обществѣ крестьянъ, остаются на мѣстахъ своихъ на нѣсколько двухъ-лѣтій, подъ предлогомъ, что общество ими довольно и перемѣны не желаетъ, доколѣ не дойдутъ на нихъ жалобы до вышняго начальства въ губерніи и доколѣ оно властію своею не приметъ надлежащихъ мѣръ. Тогда уже крестьянскія

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 9-го февраля 1817 г. Арх. Собствен. его величества канцеляріи, книга № 35.

общества приступаютъ къ повѣркѣ волостнаго головы за все прошедшее время въ его отчетахъ, которые при томъ бываютъ въ безпорядкѣ, и потому общества дѣлаютъ на нихъ начеты на немало-тысячныя суммы, такъ что рѣдко голова, въ такомъ случаѣ, въ состояніи бываетъ выплатить подобное взысканіе».

По тогдашнимъ правиламъ экономическій крестьянинъ, желающій получить паспортъ, обязанъ былъ отправиться въ уѣздный городъ, иногда за сто верстъ отъ своего селенія. Тамъ онъ долженъ былъ заплатить за него 6 рублей, заплатить казначею, писарю, сторожамъ, нанять квартиру и возвратиться опять домой. Пріѣзжающіе засѣдатели и сборщики податей требовали взятки и если крестьянинъ не платилъ, то въ самую рабочую пору гнали его прокладывать дороги.

«Волость, деревня сдѣлались арендами для чиновниковъ; они берутъ за все: за подати, за рекрутъ, за провожденіе колодниковъ, за высылку къ суду, даже за свой пріѣздъ. Нѣтъ ни одного поселянина, который бы не платилъ вдвое, втрое положеннаго, и нѣтъ почти ни одного, который бы отъ частыхъ поборовъ вѣдалъ, сколько съ него взимается» [1]).

Многія губерніи обнищали, и правительство медленными мѣрами или скудными пособіями не исцѣляло нищеты. Дожди и засухи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довершили разореніе. Среди этихъ бѣдствій отъ крестьянъ требовали исполненія всѣхъ повинностей, при чемъ чиновники злоупотребляли властью и пользовались случаемъ для наживы. Устройство проселочныхъ дорогъ занимало руки трети Россіи, а хлѣбъ гнилъ на корню.

— О притѣсненіяхъ земскихъ чиновниковъ, — говорилъ А. Бестужевъ,—можно написать книгу.—Малѣйшій распорядокъ свыше даетъ имъ поводъ къ тысячѣ насилій и взятокъ. То соберутъ крестьянъ въ сѣнокосъ и жатву и мѣсяцъ ничего не дѣлаютъ (оставляютъ безъ работы); то дадутъ сдѣлать, и потомъ ломаютъ, говоря, что это не по формѣ. Назначаютъ на работу ближнихъ въ даль и наоборотъ, чтобы взять за увольненіе нѣсколько рублей съ брата. Да и кромѣ того собираютъ прибавочные налоги, такъ что съ души сходитъ втрое противу указныхъ податей [2]).

Излишніе поборы, обязанность крестьянъ довольствовать стоявшія у нихъ войска тяготили ихъ. Запрещеніе винокуренія отняло во многихъ губерніяхъ всѣ средства къ сбыту зерна, а размноженіе питейныхъ домовъ испортило нравственность и разорило крестьянскій бытъ.

---

[1]) Записка П. Сумарокова, Архивъ Государств. Совѣта, дѣло Комитета 1826 г. № 57.

[2]) Собственноручное показаніе А. Бестужева. Госуд. арх., I, особая опись д. № 11.

Всѣ вздыхали о прежнихъ годахъ, всѣ роптали на настоящее и жаждали лучшаго до того, что ложный слухъ, будто даются мѣста на невѣдомой имъ рѣкѣ Аму-Дарьѣ, влекъ тысячи жителей Украйны—куда не знали сами. Цѣлыя селенія снимались съ насиженнаго мѣста и бродили наугадъ [1]).

Измѣненіе такого положенія являлось настоятельно необходимымъ.

«Россія, — говорили руководители тайнаго общества руководимымъ,—представляетъ обширное государство, составленное изъ частей разнородныхъ; ея населеніе имѣетъ различныя права, различные законы, различную вѣру. Состояніе высшаго класса, т. е. дворянства, почти во всемъ одинаково, но состояніе низшаго, простаго народа, весьма различно. Въ Финляндіи—свобода; у магометанъ и язычниковъ—также; въ царствѣ Польскомъ существуетъ въ законѣ, но не на дѣлѣ. Одни только православные христіане подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ. Крестьяне казенные, великорусскіе и украинскіе казаки не несутъ на себѣ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ также весьма не ровное: одни оброчные, другіе пахотные, третьи фабричные, четвертые и то, и другое, и третье вмѣстѣ. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ повинностей. Помѣщикъ налагаетъ ихъ по своему произволенію: изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему вздумается или, отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичьихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и польской Украйнѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго. Пьянство одна отрада ихъ и отъ него лучшій доходъ помѣщика.—Государственные доходы, основанные на безнравственности народа, продажное правосудіе, взятки—вотъ зло, съ которымъ должно вступить въ борьбу, и только черезъ его истребленіе можно водворить въ отечествѣ благосостояніе [2]).

— Я представляю себѣ Россію,—говорилъ Ѳ. Н. Глинка [3]),—какъ нѣкую могучую жену, спокойно, вопреки всего почіющую. Въ головахъ у ней, вмѣсто подушки—Кавказъ, ногами прещетъ въ Балтійское море, правая рука закинута на хребетъ Урала, а лѣвая, простертая за Вислу—грозитъ перстомъ Европѣ.—Я знаю, я увѣренъ, что превращать древнее теченіе вещей есть то же, что совать персты въ мельничное колесо: персты отлетятъ, а колесо все идетъ своимъ ходомъ. Вотъ моя политическая вѣра! Вотъ мои мысли, вотъ мои чувства.

Далекій отъ всякаго насилія, Ѳ. Н. Глинка тѣмъ не менѣе желалъ

---

[1]) Показаніе А. Бестужева. Гос. Арх., I, д. № 11.

[2]) Отрывокъ изъ записокъ кн. С. П. Трубецкаго.

[3]) Въ показаніи 7-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 82.

блага Россіи и цвѣтущаго ея положенія. Слѣдуя изреченію китайскаго мудреца Хенгдзи-Фое, онъ находилъ, «что благополучна та страна, гдѣ тюрьмы пусты, житницы полны, доктора ходятъ пѣшкомъ, а хлѣбники—верхами; гдѣ на ступеняхъ храмовъ Божіихъ толпится народъ, а крыльца судилищъ заросли травою».

Тогдашнее состояніе Россіи было далеко отъ этого идеала и подвергалось осужденію. Собиравшіеся въ разныхъ мѣстахъ члены общества имѣли одну печаль и одинъ предметъ разговоровъ. Они говорили о тягости налоговъ, объ излишествѣ войскъ, о военныхъ поселеніяхъ, о разорительныхъ для Россіи иностранныхъ займахъ, сдѣланныхъ безъ существенной нужды; говорили о систематической медленности правительства въ удовлетвореніи претензій частныхъ людей, о многихъ несправедливостяхъ въ дѣлахъ, съ казеннымъ интересомъ сопряженныхъ, отягощеніи войскъ ученьемъ, о множествѣ чиновниковъ и скудномъ ихъ жалованьи, какъ причинѣ злоупотребленій, о самовластіи вельможъ, не своевременномъ пособіи губерніямъ, въ которыхъ былъ неурожай и голодъ; о возстановленіи Польши, вредномъ для Россіи, о преимуществахъ, дарованныхъ завоеваннымъ полякамъ и финляндцамъ передъ завоевателями; сожалѣли о расходахъ, производимыхъ Россіею для царства Польскаго, говорили объ опредѣленіи въ бывшія польскія губерніи губернаторовъ изъ поляковъ, о переводѣ въ Литовскій корпусъ поляковъ, служившихъ въ русскихъ полкахъ, о причисленіи Выборгской губерніи къ великому княжеству Финляндскому, о недостаткахъ нашего законодательства и о многомъ другомъ [1]).

Порицая единогласно мѣры правительства, они разсуждали, что каждый, принеся пользу отечеству въ военное время, не долженъ оставаться безполезнымъ и въ мирное; что, содѣйствуя государю въ трудахъ военныхъ, долженъ помогать ему и въ мирныхъ подвигахъ; что дѣятельность частнаго человѣка ничтожна, но, дѣйствуя сообща, можно принести много пользы государю и отечеству. «Надо помогать другъ другу,—говорили они,—надо заняться чтеніемъ и распространеніемъ полезныхъ и либеральныхъ книгъ». Пестель говорилъ, что обязанность каждаго благомыслящаго человѣка образовать себя на пользу отечества, страдающаго отъ злоупотребленій, и стараться искоренить ихъ. «Стараться о распространеніи просвѣщенія вообще и въ особенности между нижнимъ классомъ народа, дабы тѣмъ самымъ довести его современемъ до того состоянія, въ которомъ онъ могъ бы пользоваться свободою [2]).

---

[1]) Показаніе титулярнаго совѣтника Григорія Перетца 28-го февраля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 66.

[2]) Показанія подполковника 22-го Егерскаго полка Миклашевскаго 28-го января 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 76.

Благовидность цѣли, «умъ и свѣдѣнія сихъ людей (учредителей),— говорилъ Шиповъ [1]),—привлекли многихъ». Ихъ увѣряли, что молодые люди хорошихъ фамилій положили «дѣйствовать въ своихъ округахъ, по силамъ и возможностямъ, на улучшеніе всѣхъ отраслей наукъ, художествъ, даже ремеслъ и упражняться въ практической благотворительности, дѣлая сборы для бѣдныхъ, опредѣляя сиротъ въ училища, а безмѣстнымъ пріискивая пристанища» [2]). Подобные разговоры велись тогда открыто въ гостиныхъ, и часто прибавлялось, что науки политическія не имѣютъ у насъ значенія, художества мало поощряются, изученіе права (законовъ) слишкомъ поверхностно, къ благотворительности нѣтъ сочувствія; что молодые люди, окончивъ слегка учебные курсы, слишкомъ придаются суетной жизни и нерѣдко одной страсти къ картамъ.

— Благотворное вліяніе просвѣщенія,—говорилось на совѣщаніяхъ,— сосредоточилось вблизи столицъ и сдѣлалось удѣломъ высшаго класса; между тѣмъ какъ внутри государства все покрыто мракомъ. Многосложный политическій составъ Россіи, требуя великаго числа чиновниковъ, заставляетъ чувствовать сей недостатокъ, имѣетъ пагубное вліяніе на правосудіе и ходъ судебныхъ дѣлъ [3]).

— Правительство,—говорили другіе,—занято важнѣйшими видами, а кто мѣшаетъ намъ, жертвуя своими средствами и способностями, улучшать все вокругъ себя постепенно и скромнымъ образомъ? Когда же дѣятельность общества получитъ болѣе правильный видъ и будетъ о чемъ сказать, тогда скажемъ правительству и станемъ искать открытаго покровительства на дальнѣйшія дѣйствія, предъявивъ о томъ, что уже сдѣлано.

Кто изъ молодыхъ людей, истинно любящихъ отечество, не согласится съ такою программою дѣйствій и не приметъ участіе въ ея исполненіи? Всѣ вступившіе въ общество были люди нравственные, вполнѣ честные, скорбѣвшіе о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, и искренно желавшіе исправленія существовавшаго порядка.

— Я былъ обольщенъ мыслію,—говорилъ впослѣдствіи Лунинъ [4]),— что сіе тайное политическое общество, ограничитъ свои дѣйствія нравственнымъ вліяніемъ на умы и принесетъ пользу постепеннымъ приготовленіемъ народа къ принятію законно-свободныхъ учрежденій, дарованныхъ щедростію императора Александра полякамъ и намъ имъ пріуготовляемыхъ.

---

[1]) Во всеподд. письмѣ 8-го февраля 1826 г. Тамъ же, д. № 231.

[2]) Показанія Ѳ. Н. Глинки. Тамъ же, д. № 82.

[3]) Показаніе князя Ѳ. П. Шаховскаго 30-го марта 1826 г. Госуд. Арх., I, дѣло № 22.

[4]) Въ показаніи 8-го апрѣля 1826 г. Тамъ же, дѣло № 23.

Задачу, принимаемую на себя членами общества, нельзя назвать исключеніемъ изъ общаго желанія. «Едва-ли не треть русскаго дворянства,—показывалъ А. Бестужевъ,—мыслила подобно намъ, хотя была насъ осторожнѣе».

«Вижу, ваше превосходительство,—писалъ П. Коховскій генералу Левашову [1]),—что высочайше утвержденный комитетъ прилагаетъ великое усиліе открыть всѣхъ членовъ тайнаго общества. Но большой отъ того пользы для правительства произойти не можетъ. Мы не составлялись (т. е. не воспитывались и не приготовлялись) въ (тайномъ) обществѣ, но совершенно готовые въ него лишь соединялись.

«Я съ немногими членами тайнаго общества былъ знакомъ и вообще думаю, число ихъ не велико. Но изъ большаго числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, очень не многіе были противнаго со мною мнѣнія».

Отъ поступающихъ въ общество требовалось: 1) строгое исполненіе обязанностей по службѣ; 2) честное, благородное и безупречное поведеніе въ частной жизни; 3) подкрѣпленіе словомъ всѣхъ мѣръ и предположеній государя къ общему благу; 4) разглашеніе похвальныхъ дѣлъ и осужденіе злоупотребленій лицъ по ихъ должностямъ; 5) поддержаніе всѣми силами принимаемыхъ правительствомъ или частными людьми полезныхъ предпріятій; 6) обнаруживаніе безчестныхъ поступковъ частныхъ людей, которые дойдутъ до свѣдѣнія общества; 7) удаленіе отъ дурныхъ поступковъ тѣхъ, на которыхъ члены могли имѣть вліяніе.

Если одинъ членъ замѣтитъ въ другомъ что-либо предосудительное, то долженъ тотчасъ откровенно сказать ему, а тотъ не долженъ обижаться, но стараться загладить свой поступокъ. На обязанности членовъ лежало пріисканіе людей способныхъ и достойныхъ войти въ составъ общества, но о таковыхъ заранѣе давать знать обществу, «чтобы можно было собрать о нихъ каждому члену свѣдѣнія; не удостовѣряться о достоинствахъ и доброй нравственности ихъ по однимъ слухамъ, но стараться изыскивать средства испытывать ихъ» [2]).

«Дѣйствія общества, — говоритъ кн. С. П. Трубецкой [3]),—должны были основываться на томъ разсужденіи, что многіе изъ правительственныхъ лицъ и частныхъ людей будутъ возставать противъ нѣкоторыхъ намѣреній императора (какъ и было то касательно свободы крестьянъ) и, слѣдовательно, какъ бы ни былъ слабъ голосъ тѣхъ, которые стали бы ихъ оправдывать, но безпрерывное склоненіе въ обще-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го февраля 1826 г. Госуд. Арх., I. Бумаги Блудова.

[2]) Показаніе кн. С. П. Трубецкаго. Госуд. Арх., I, д. № 1.

[3]) Въ своихъ запискахъ.

ствѣ разговора на извѣстный предметъ и оправданіе его убѣдитъ многихъ, возбуждая разсужденіе, пояснитъ могущія произойти послѣдствія и, въ случаѣ ожидаемой пользы, способствуя къ опроверженію сопротивленія, дастъ силу правительству привесть предположенія свои въ исполненіе».

Въ бумагахъ Ѳ. Н. Глинки сохранилась весьма любопытная, написанная имъ для себя, програма обязанностей его, какъ члена общества:

«Порицать: 1) А—ва [1]) и Долгорукова; 2) военныя поселенія; 3) рабство и палки; 4) лѣность вельможъ; 5) слѣпую довѣренность къ правителямъ канцелярій (Ге—нъ [2]) и Ан—скій [3]); 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты; 7) крайнюю небрежность полиціи при первоначальныхъ слѣдствіяхъ.

Желать: открытыхъ судовъ и вольной цензуры.

Хвалить: Ланкастерскую школу и заведеніе для бѣдныхъ у Плавил. (Плавильщикова).

Исполненіемъ подобной програмы выражалась дѣятельность большинства членовъ зарождающагося общества и, кажется,—прибавляетъ

---

[1]) Графа Аракчеева. „Оппозиція Аракчееву,—говоритъ Н. И. Гречъ,—князю А. Н. Голицыну и всѣмъ темнымъ властямъ была тогда въ модѣ, была дѣломъ извѣстнымъ, славою и знаменемъ тогдашняго юнаго поколѣнія" („Русск. Стар." 1871, т. IV, стр. 491).

[2]) Геттунъ, правитель канцеляріи с.-петербургскаго генералъ-губернатора, записки котораго напечатаны въ „Историческомъ Вѣстникѣ", былъ извѣстный взяточникъ. „Здѣшній городской голова, Жуковъ,—записалъ Ѳ. Н. Глинка,—человѣкъ злаго сердца, плохаго ума, войдя въ связь съ иностранцами, продалъ имъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, своихъ согражданъ. Торгуя самъ пенькою, онъ старается прежде и выгоднѣе всѣхъ сбыть собственный товаръ и на сей-то конецъ, останавливая все теченіе промышленности и торговли, дѣлаетъ неслыханныя притѣсненія купечеству, изъ коего бѣднѣйшіе страждутъ наиболѣе. Многіе отъ притязаній его разорились, другіе, разорясь, померли отъ печали, и словомъ нѣтъ ни одного честнаго купца, который бы не проклиналъ головы Жукова. Но онъ не только остается не смѣненнымъ и не наказаннымъ, но дѣйствуетъ еще и губитъ людей свободно потому, что состоитъ въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ Геттуномъ, платя ему 25 тыс. въ годъ отъ Думы за право красть у казны или города 400 тыс. ежегодно и, сверхъ того, уплачивая также не маловажную подать за право стѣснять торги и промыслы и обижать купечество. Геттунъ былъ въ полной довѣренности у графа Милорадовича и злоупотреблялъ его именемъ".

[3]) „Юрисъ-консультъ Анненскій, пользующійся полною довѣренностію министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго и употребляющій оную въ полной мѣрѣ во зло, не перестаетъ брать взятокъ, портить дѣла и губить людей. Недавно увидѣлъ я полковника Куроша, блѣднаго, разстроеннаго.... Что съ вами сдѣлалось?—Злодѣй Анненскій зарѣзалъ! Просилъ съ меня тысячу рублей; я, понадѣясь на правоту, не далъ. Онъ обратился къ соперницамъ, взялъ 2 тыс. и поворотилъ дѣло въ ихъ пользу".

Глинка [1]),—для пользы общей и правительства, многіе взяточники обличены [2]), люди безкорыстные восхвалены, многіе невинно утѣсненные получили защиту, многіе выпущены изъ тюремъ, и, между прочимъ, цѣлая толпа сидѣвшихъ по оговору воровскаго атамана Розетти.

Такъ понималась большинствомъ членовъ цѣль общества, вызывавшая благотворительную дѣятельность. Въ то время общество не имѣло опредѣленной организаціи, и члены его носили названіе: другъ, братъ и мужъ. Другомъ считался каждый человѣкъ, имѣющій свободный образъ мыслей, знающій или не знающій о существованіи общества; онъ могъ быть полезенъ ему въ будущемъ и потому намѣчался членами для привлеченія въ общество, безъ его вѣдома и согласія. Братомъ назывался тотъ, кто далъ обязательство содѣйствовать обществу, цѣль котораго ему не была открыта. Мужемъ — тотъ, кто зналъ тайные виды общества [3]).

Сначала члены общества ограничивались только одними разговорами между собою, и опредѣленныхъ собраній или правильныхъ засѣданій не было. Собирались по пяти, по шести человѣкъ въ разныхъ мѣстахъ.

— Мы теперь,—говорилъ однажды Никита Муравьевъ Ѳ. Н. Глинкѣ,—всѣ слушаемъ курсы и въ особенности политическихъ наукъ, то, чтобы лучше вразумляться въ сихъ наукахъ, мы положили производить между собою разговоры, даже заводить споры о разныхъ системахъ и мнѣніяхъ. Для сего собираются у меня; но, какъ ваша квартира довольно также пространна и мы часто мимо ея проѣзжаемъ, то позвольте намъ иногда заѣзжать къ вамъ.

Глинка разрѣшилъ, и собиравшіеся у него были: Никита Муравьевъ, П. Пестель, князь С. Трубецкой и иногда С. Муравьевъ.

---

[1]) Въ показаніи 7-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 82.

[2]) Въ примѣчаніи къ этому показанію Ѳ. Н. Глинка писалъ: „Въ извѣстной (французской) книгѣ о карбонарахъ сказано: чтобъ огорчить народъ, старайтесь всѣми силами опредѣлять къ мѣстамъ взяточниковъ, поддерживайте ихъ, закрывайте ихъ дѣла; бѣдныхъ давите, отличайте криводушныхъ, пренебрегайте добродѣтелью—словомъ, щадите всякія злоупотребленія, дабы народъ, прискучивъ настоящимъ порядкомъ вещей, сказалъ: дайте намъ что-нибудь новое. Такова дѣятельность карбонаровъ, а у прежде бывшаго (до 1821 года) общества дѣятельность въ непощаженіи зла была совершенно противу-карбонарская".

„Недовольныхъ или карбонаріевъ,—говорилъ А. Якубовичъ,—въ природѣ человѣка и порядкѣ вещей нѣтъ; но они являются среди притѣсненій, несправедливостей и малаго попеченія о нихъ правительства (Всеподд. письмо Якубовича 23-го декабря 1825 г. Госуд. Арх., I. Бумаги Блудова).

[3]) Показаніе М. Орлова, 4-го января 1826 г. Госуд. Арх., I., д. № 83.

«Молодые люди,—говорилъ послѣдній [1]),—занимавшіеся сими предметами, вскорѣ восчувствовали желаніе видѣть въ отечествѣ своемъ представительное устройство, сообщали другъ другу свои мнѣнія, соединились единствомъ желаній, и вотъ зародышъ тайнаго общества политическаго».

Вообще совѣщанія были случайныя; мнѣнія частныя никогда не выражали мнѣнія обязательнаго для всѣхъ. Пестель и Муравьевъ часто говорили объ образѣ правленія, о необходимости правъ для народа.

Крѣпостное состояніе представлялось И. Д. Якушкину единственною преградою къ сближенію всѣхъ сословій и вмѣстѣ съ тѣмъ общественному образованію Россіи. «Пребываніе нѣкоторое время въ губерніяхъ,—говорилъ онъ [2])—и частыя наблюденія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ болѣе и болѣе утверждали меня въ семъ мнѣніи».

Завѣтною мечтою Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола и Н. И. Тургенева было освобожденіе крестьянъ. Они считали этотъ вопросъ основнымъ въ русской жизни и вмѣстѣ съ другими стремились къ достиженію такой цѣли. Собиравшіеся часто спорили, и въ началѣ существованія общества споры эти оканчивались одними словами [3]). «Такіе споры въ то время никакой важности не показывали, — говоритъ Ѳ· Глинка [4])—и оканчивались ничѣмъ. Подобные разговоры не только у меня или въ другихъ квартирахъ, но заводимы были встрѣчавшимися членами повсюду: на балахъ, вечеринкахъ, въ театрѣ—вездѣ толковали о политикѣ, и, я помню, когда проходили политическую экономію, то часто встрѣчные другъ у друга спрашивали: вы физіократъ или меркантилистъ?»

Человѣкъ вполнѣ честный, высокой нравственности и необыкновенной доброты, Ѳ. Н. Глинка не допускалъ обмана и безусловно вѣрилъ, что истинная цѣль общества заключается въ благотвореніи, въ улучшеніи нравственности, въ обнаруженіи злоупотребленій, и старался всѣми силами содѣйствовать обществу въ этомъ направленіи. Онъ и его сочлены хлопотали объ уменьшеніи зла и возвышеніи добра, «подавая руку помощи и заступленія по закону угнетенной невинности и простодушной простотѣ, уловленной тѣми, о коихъ въ настольномъ указѣ (на зерцалѣ) сказано, что они подбираютъ законы, какъ карты и подкапываютъ фортецію правды».

«Сіе обыкновеніе,—говорилъ Глинка [5]),—порицать зло и помогать

---

[1]) Въ своемъ показаніи. Госуд. Арх., I. Южное общество, дѣло № 2.

[2]) Въ показаніи 25-го мая 1826 г. Тамъ же, дѣло № 20.

[3]) Всеподданнѣйшее письмо князя Ильи Долгорукова, 3-го февр. 1826 г. Госуд. Арх., I, дѣло № 230.

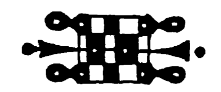
[4]) Въ показаніи 15-го февраля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 82.

[5]) Показаніе Глинки 7-го апрѣля 1826 г. Тамъ же.

добру казалось тогда невиннымъ, ибо люди (за семь лѣтъ передъ симъ) были моложе и чувствительность ихъ была раздражительнѣе, а чувство правды было болѣе пылко и болѣе порывисто. Желаніе отклонить какое-либо мѣстное злоупотребленіе и пріобрѣсти умѣнье помочь безпомощному, отстоять на судѣ сироту и объяснить, доведя до начальства сущность дѣла—вотъ побужденія, заставлявшія членовъ съ любовію заниматься сухимъ и скучнымъ изученіемъ законовъ».

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малая заботливость по возстановленію благосостоянія крестьянъ послѣ Отечественной войны.

Высочайшее повелѣніе генералу-отъ-кавалеріи Тормасову.

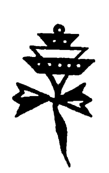
27-го марта 1816 года, № 56.

Александръ Петровичъ! Изъ свѣдѣній, доставленныхъ вами о теперешнемъ состояніи Московской губерніи, усматриваю я, что болѣе 400 деревень не обстроились еще послѣ разоренія, непріятелемъ причиненнаго. Сего нельзя бы предполагать, судя по тому, что одни дворяне московскіе получили пособія отъ казны до 2-хъ милліоновъ рублей и по самому времени, коего три года протекло уже послѣ изгнанія непріятеля. Я очевидцемъ былъ за границею, какъ въ нѣсколько мѣсяцевъ возрасли деревни, совершенно истребленныя и выжженныя, въ такихъ даже мѣстахъ, гдѣ съ приближеніемъ союзныхъ войскъ удалилось правительство и, слѣдовательно, ни пособія оказать, ни пещись объ нихъ не было въ состояніи. Напротивъ къ прискорбію замѣчаю, что въ Можайскомъ уѣздѣ изъ 158 деревень ни одна по сіе время не исправилась.

По главному начальству вашему въ Московской губерніи, я поручаю въ особенное попеченіе ваше предметъ сей, повелѣвая немедленно войтить въ сношеніе съ предводителями дворянства, дабы они приняли мѣры къ поправленію помѣщичьихъ имѣній, яко собственности дворянства,—улучшеніе коей существенную приноситъ ему же пользу.

Касательно казенныхъ имѣній не оставите вы сверхъ сношеній съ начальствами, коимъ оныя подвѣдомы, наблюдать чрезъ особо посылаемыхъ чиновниковъ, дабы въ нынѣшнемъ году непремѣнно всѣ деревни обстроились, воспособляя тому средствами, зависящими отъ васъ.

О успѣхѣ же, какой по повелѣнію сему произойдетъ, донесите осенью мнѣ въ собственныя руки.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
И
ЕВРОПЕЙСКІЯ РЕВОЛЮЦІИ [1]).

I.

Наслѣдіе Вѣнскаго конгресса.—Меттернихъ и императоръ Францъ.—Меттерниховскіе конгрессы.—Главные охранители Священнаго Союза.—Взаимныя между ними отношенія до іюльской революціи въ Парижѣ.

Несчастное событіе 14-го декабря 1825 года, среди котораго произошло вступленіе на престолъ Николая Павловича, положило неизгладимую печать на все царствованіе этого государя. Одаренный свѣтлымъ умомъ, самыми благими намѣреніями относительно Россіи, непреклоннымъ характеромъ и желѣзною волею, этотъ замѣчательный государь, которому отдавали справедливость даже враги его, какъ въ Россіи, такъ и за границею, до конца жизни своей не могъ забыть горькаго для него дня вступленія своего на престолъ. Съ этой самой минуты и до конца своего царствованія на всякое противозаконное дѣло, на малѣйшее проявленіе свободной мысли, смотрѣлъ онъ какъ на преступленіе, грозящее подорвать авторитетъ власти, на какой бы низкой ступени ни стояла эта власть. Твердая и строгая власть и безпрекословное пре-

---

[1]) 1. Шильдеръ. Императоръ Николай I; 2. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. IV и т. VIII; 3. Кн. Щербатовъ. Князь Паскевичъ; его жизнь и дѣятельность. 4. Гервинусъ. Исторія XIX вѣка. 5. Рохау. Исторія Франціи съ 1814—1852.

клоненіе передъ нею, какова бы она ни была,—вотъ принципы, которые руководили императоромъ во все его царствованіе во внутренней политикѣ.

Но эти же самыя начала императоръ положилъ и въ основу своей внѣшней политики. Получивъ въ наслѣдство трактаты 1815 года и знаменитый Священный Союзъ, онъ считалъ своею обязанностью строго сохранять ихъ въ полномъ объемѣ и при всякомъ нарушеніи считалъ долгомъ протестовать если не дѣломъ, то своимъ авторитетнымъ словомъ. А такъ какъ въ то время Европою, кромѣ Англіи, управлялъ знаменитый генералъ-полицеймейстеръ Европы, или, какъ по-просту называли его, кучеръ Европы — Меттернихъ — крайній ретроградъ, то всякое проявленіе свободнаго слова, всякое уклоненіе отъ трактатовъ 1815 года считалось политическимъ преступленіемъ, которое часто вело за собою вмѣшательство постороннихъ державъ во внутреннія дѣла чуждаго государства, для возстановленія, такъ называемаго, законнаго порядка.

Меттернихъ, человѣкъ весьма небольшаго ума, долгое время занималъ первое мѣсто въ европейскомъ концертѣ. Лордъ Россель, коротко знавшій Меттерниха, не находилъ въ немъ ни широкаго пониманія, ни замѣчательнаго ума, ни слѣдовъ серіознаго размышленія. Это былъ человѣкъ рутины, которому даже порицатели его не отказывали въ вкрадчивости и ловкости; великія современныя событія развили въ немъ эти природные дары, но знанія его и понятія были лишены всякой основательности. Фуше прославлялъ полицейскую проницательность Меттерниха, его быстрое пониманіе людей, ихъ слабостей и ошибокъ, но, не смотря на это, онъ до такой степени былъ лишенъ основательнаго познанія людей и самого себя, что всю жизнь оставался въ полномъ убѣжденіи, что у него не было ни одного личнаго врага.

Незаслуженную славу государственнаго мужа онъ началъ пріобрѣтать въ то время, когда Австрія совершенно неожиданно поднялась блестящимъ образомъ, когда, въ войнѣ 1813 года, недостаточныя силы Россіи и Пруссіи позволили Австріи предписать условія своего вступленія въ союзъ. Съ тѣхъ поръ Меттернихъ получилъ вліятельное мѣсто въ совѣтѣ европейскихъ державъ, на что, по мнѣнію Штейна, не давали ему права ни его дарованія, ни характеръ, ни военное положеніе его родины. Этого права не признавалъ за нимъ также, ни прежде, ни послѣ, ни одинъ изъ заслуживающихъ вниманія людей, особенно изъ людей государственныхъ, находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ. Князь Меттернихъ достигъ въ Австріи высшихъ почестей и мѣста государственнаго канцлера, Европа украсила его рѣшительно всѣми орденами, но въ исторіи Австріи за нимъ не можетъ сохраниться слава великаго министра. Между тѣмъ, наблюдатели, близко къ

нему стоявшіе, утверждали, что онъ, по своей внутренней натурѣ, не былъ чуждъ либеральныхъ началъ, но что онъ подавлялъ ихъ изъ желанія угодить своему государю и вслѣдствіе этого постоянно обнаруживалъ свое презрѣніе къ свободнымъ идеямъ и давалъ полную волю орудіямъ крутаго деспотизма, не стѣсняясь въ самыхъ произвольныхъ дѣйствіяхъ, и все свое призваніе ставилъ въ подавленіи какого бы то ни было свободнаго движенія.

Повелитель Меттерниха, императоръ Францъ, со дня вступленія на престолъ оказался естественнымъ врагомъ Іосифовыхъ учрежденій и во внутреннихъ дѣлахъ подчинился гибельному вліянію мрачнаго Тугута, человѣка византійской школы, который круто перешелъ отъ реформъ Іосифа II къ старой системѣ Фердинанда, снова ввелъ въ государственный строй мертвый механизмъ централизаціи, оффиціальной формалистики и полицейскаго надзора. Въ немъ постепенно начала развиваться все болѣе и болѣе страстная любовь къ итальянской полиціи отца; всѣ доносы стекались къ нему во дворецъ; подозрительность его не останавливалась ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ: слова эрцгерцога Карла подслушивались, и замки его сламывались въ собственныхъ стѣнахъ его дома.

Въ то время, какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ императоръ Александръ желалъ предоставить нѣкоторую политическую свободу французамъ, испытавшимъ такую горькую участь, Францъ видѣлъ въ этомъ страшное зло. Своимъ итальянскимъ подданнымъ онъ говорилъ, чтобы они и не надѣялись на какую-нибудь конституцію. Простое упоминаніе о конституціонныхъ учрежденіяхъ бѣсило его; каждая свободная школа, каждое толкованіе религіозныхъ истинъ, философія и исторія, литература и ученость, малѣйшее сомнѣніе въ его непогрѣшимости—все это было ему ненавистно. Вслѣдствіе такого настроенія, онъ неумолимо мстилъ за каждое политическое возстаніе самыми ужасными мѣрами.

Вѣнскій конгрессъ, размежевавъ карту Европы, не справясь съ желаніями народовъ, которые несли громадныя жертвы за свое освобожденіе, положилъ къ новой Европѣ привить старые порядки и, давъ, по настоянію Александра I, ограниченную монархію Франціи, рѣшилъ оставить всѣ остальные народы при средневѣковыхъ формахъ. Понятно, что такое устройство вовсе не соотвѣтствовало духу новаго времени, который радикально измѣнился съ 1789 года. Прогрессивное развитіе во всѣхъ отрасляхъ умственной и общественной жизни требовало новыхъ формъ, болѣе свободной сферы и болѣе самостоятельной дѣятельности.

Со времени Вѣнскаго конгресса, главными охранителями его постановленій были основатели Священнаго Союза, возникшаго, какъ извѣстно, по инціативѣ императора Александра. Увлеченный мистициз-

момъ, онъ надѣялся, что, слѣдуя евангельскимъ истинамъ, онъ создастъ всеобщій миръ и тишину въ Европѣ и составитъ благоденствіе народовъ, которые на томъ же конгрессѣ были размежеваны безъ всякаго съ ихъ стороны согласія. Главными охранителями его были три союзныя державы: Россія, Австрія и Пруссія. Этотъ тройственный союзъ подъ главнымъ руководствомъ Меттерниха и заправлялъ всѣми европейскими дѣлами, при чемъ отношенія между этими тремя державами были далеко не одинаковы. Не вдаваясь въ подробности этихъ взаимныхъ отношеній между ними, нельзя, однако, не сказать хотя вкратцѣ о нихъ, чтобы видѣть ихъ взгляды на европейскія дѣла, опредѣлить ихъ отношенія другъ къ другу и оцѣнить степень добросовѣстности каждаго изъ союзниковъ. Постараемся сгруппировать оффиціальные документы, чтобы видѣть рельефно заслуги, оказанныя другъ другу въ трудныя минуты, и степень признательности ихъ за эти услуги.

Начнемъ съ Австріи.

Въ то время, какъ Англія и, въ лицѣ императора Александра, Россія хотѣли по возможности щадить самолюбіе Франціи,—Австрія и Пруссія рѣшились не щадить ихъ, и, только благодаря настоянію русскаго государя, требованія ихъ были ограничены.

По глубокому убѣжденію Александра I союзъ четырехъ державъ долженъ былъ служить главнымъ основаніемъ для поддержанія всеобщаго мира. Русскому послу въ Вѣнѣ поручено было поддерживать всѣми силами союзъ съ Австріею, которая, между тѣмъ, руководимая Меттернихомъ, дѣйствовала противъ Россіи самымъ коварнымъ образомъ. Первый разладъ возникъ при вопросѣ о правахъ принца Евгенія. Императоръ Александръ поддерживалъ Евгенія, а Австрія была противъ. По поводу письма императора Франца къ Александру, графъ Нессельроде находилъ, что письмо это далеко не проникнуто тѣми чувствами дружбы и привязанности, на которыя императоръ Александръ имѣетъ несомнѣнное право.

Нашъ посланникъ гр. Штакельбергъ въ своихъ депешахъ и письмахъ безпрестанно убѣждаетъ, чтобы наше правительство не довѣряло австрійскому кабинету, который, изъ опасенія нашего могущества, ищетъ повсюду намъ враговъ. Хитрое австрійское правительство очень хорошо сознаетъ свою слабость, потому именно старается повсюду находить противувѣсъ державѣ, которую она имѣетъ основаніе бояться. Со всѣми державами австрійскій кабинетъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ, и князь Меттернихъ «съумѣлъ себѣ сдѣлать изъ дипломатическаго корпуса въ Вѣнѣ настоящій сераль», обитатели котораго считаютъ своимъ долгомъ каждый день приходить къ нему, чтобы выслушивать его проповѣди. Если даже,—говорилъ Штакельбергъ,—его мнѣніе не понравится правительству, то онъ все-таки, «какъ хорошій

русскій человѣкъ», не перестанетъ твердить «Caveat Consul». Онъ не вѣритъ въ искренность политики Меттерниха.

Естественно, что при такихъ отношеніяхъ положеніе Штакельберга было не особенно пріятно. Однажды Меттернихъ какъ-то узналъ, что Штакельбергъ доносилъ, что итальянцы совсѣмъ недовольны австрійцами и находятъ неудобнымъ провести всю свою жизнь «между перомъ писаря и палкою австрійскаго капрала». Вообще Штакельбергъ находилъ, что какъ бы мелочна ни была политика Меттерниха, русское правительство обязано зорко слѣдить за нею, а лично,—заявлялъ онъ,—никогда не преклонится передъ Меттернихомъ, «этимъ вѣнскимъ Далай-Ламою». Прося увольненія, графъ Штакельбергъ находилъ лучшимъ, чтобы вѣнскій представитель Россіи имѣлъ фамилію, оканчивающуюся на овъ или скій. Графъ Штакельбергъ составлялъ исключеніе изъ всего дипломатическаго корпуса въ Вѣнѣ, всѣ послы котораго писали свои донесенія подъ диктовку австрійскаго министра.

Не смотря на взаимныя дружественныя отношенія между императоромъ Александромъ и императоромъ австрійскимъ, русское правительство неоднократно было вынуждено замѣтить, что Вѣнскій кабинетъ не дѣйствуетъ въ отношеніи его съ достаточною откровенностью. Что же касается обязанности слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Австріи, то графъ Штакельбергъ до самаго отъѣзда своего изъ Вѣны не переставалъ предостерегать свое правительство на счетъ своекорыстной и двоедушной политики князя Меттерниха, который нашелъ теперь, послѣ паденія Наполеона, другое пугало, выставляемое имъ на-показъ и общее назиданіе. Это—«красная нѣмецкая шапка». Австрійское правительство ничего такъ не боялось, какъ словъ: Deutschtum и Burschenwesen». Въ самыхъ ужасныхъ краскахъ нарисовалъ Меттернихъ положеніе дѣлъ въ Германіи, гдѣ «нѣмецкій якобинизмъ» будто-бы подвергаетъ опасности весь новый порядокъ, установленный послѣ столькихъ усилій. По мнѣнію Штакельберга, Меттернихъ ничего болѣе не желаетъ, какъ вмѣшательства Россіи въ германскія дѣла, но обязательно, чтобы Россія дѣйствовала по его совѣтамъ и указаніямъ, чтобы, говоря проще, Россія вынимала каштаны изъ огня для Австріи.

Хотя императоръ Александръ былъ доволенъ дѣйствіями Штакельберга и ясно видѣлъ, что нельзя полагаться на Австрію, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился идти по разъ избранному пути къ достиженію поставленной имъ цѣли—«спокойствію народовъ, ненарушимости трактатовъ и достиженію общаго благополучія».

При назначеніи въ Вѣну графа Головкина ему было указано, что во время дружескихъ и конфиденціальныхъ переговоровъ былъ подписанъ враждебный Россіи договоръ. Ему было указано, что у Вѣнскаго кабинета есть задняя мысль, направленная къ устройству оборо-

нительнаго союза противъ Россіи, т. е. союза, который враждебенъ общему дѣлу, если находятъ нужнымъ скрывать въ непроницаемой тайнѣ. Такимъ образомъ императоръ Александръ и его ближайшіе совѣтники единогласно признавали необходимымъ относиться съ большою осторожностью къ политикѣ Вѣнскаго кабинета.

Въ 1817 году Меттернихъ нашелъ нужнымъ созвать конгрессъ изъ монарховъ и ихъ министровъ для излѣченія Европы отъ недуговъ, которыми она одержима. Главнымъ поводомъ было вновь утвердить основы новаго порядка вещей, установленнаго актомъ Вѣнскаго конгресса, въ особенности же должна быть вновь закрѣплена и доказана предъ всѣмъ свѣтомъ твердость союзныхъ узъ между четырьмя великими державами. Въ Ахенѣ, гдѣ назначенъ былъ конгрессъ, тотчасъ же обнаружилось разногласіе между Россіею и Австріею, Меттернихъ приводилъ необходимость вмѣшиваться въ дѣла чуждаго государства, а Александръ былъ противнаго мнѣнія. Меттернихъ постоянно при всякомъ случаѣ упиралъ на то, что Европа весьма больна и нуждается въ хорошемъ уходѣ и лѣченіи. Европа, по его словамъ, должна подвергнуться тому процессу лѣченія, который практикуется въ домахъ умалишенныхъ. Съ этой точки зрѣнія Меттернихъ не только настаивалъ на необходимости неутомимой борьбы всѣхъ союзныхъ правительствъ противъ революціонеровъ, избравшихъ, по его словамъ, Францію главнымъ поприщемъ своей агитаціи, но крайне необходимо предупредить распространеніе этой агитаціи за предѣлами Франціи. Основная точка зрѣнія императора Александра была нѣсколько мистическая— «поддерживать и увѣковѣчить великую христіанскую ассоціацію». Изъ Ахенскаго конгресса онъ вынесъ убѣжденіе, что въ Священномъ Союзѣ заключается якорь спасенія для Европы и въ союзѣ Россіи съ Австріею находится лучшая опора вновь установленному порядку вещей. Съ этимъ взглядомъ не всѣ русскіе государственные люди были согласны. По словамъ Поццо-ди-Борго три призрака преслѣдуетъ Вѣнскій дворъ: воспоминаніе о войнахъ своихъ противъ Франціи, боязнь видѣть турокъ отброшенными въ Азію и боязнь предъ мыслью, что Польша находится подъ конституціоннымъ правленіемъ. Не будучи въ состояніи или не умѣя быть сильною въ самой себѣ, Австрія ищетъ свою силу въ политическихъ интригахъ. Въ особенности же она боится Россіи и потому повсюду возбуждаетъ опасенія на счетъ ея могущества и замысловъ.

Вѣнскій дворъ былъ вполнѣ удовлетворенъ на Ахенскомъ конгрессѣ, и въ бесѣдахъ между императоромъ Адександромъ, императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, Францъ могъ убѣдиться, что всѣ они трое одинаково ненавидятъ всякія революціонныя затѣи. И вотъ теперь Вѣнскій кабинетъ, въ видахъ подавленія всякой политической

свободы въ Европѣ, постоянно обращался за содѣйствіемъ къ Россіи. Пользуясь миролюбіемъ и снисходительною уступчивостью русскаго императора, Меттернихъ проводилъ свои политическіе принципы въ Германіи и Италіи. Во всѣхъ нотахъ австрійскаго правительства Меттернихъ постоянно твердилъ одно и то же: европейскіе народы больны, и революціонныя идеи повсюду распространяются съ ужасающею быстротою, подтачивая жизненную силу государствъ. Поэтому уже въ 1819 году по настоянію Меттерниха были приняты самыя реакціонныя мѣры. Но этого мало было; Меттерниху непремѣнно хотѣлось, чтобы онѣ были, такъ сказать, санкціонированы императоромъ Александромъ. Меттернихъ прекрасно зналъ, какимъ безграничнымъ авторитетомъ пользовался въ Германіи русскій императоръ. На этотъ разъ однако Александръ не принялъ непосредственнаго участія, видя желаніе Австріи подчинить себѣ всѣ германскія государства.

Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ самъ себѣ противорѣчилъ. Одобряя всѣ ретроградныя дѣйствія Австріи, онъ въ то же время проповѣдывалъ, что «современныя правительства вовсе лишены обаянія, между тѣмъ какъ, напротивъ, вся ихъ сила должна состоять въ либеральныхъ учрежденіяхъ, даруемыхъ ими своимъ народамъ».

Точно также, когда въ 1820 г. вспыхнула революція въ Неаполѣ, Меттернихъ настоялъ на необходимости вновь собраться монархамъ для укрощенія революціи. Понятно, что Россіи менѣе всего было дѣла до этой революціи, а заинтересована въ ней была только одна Австрія. Тѣмъ не менѣе Меттернихъ убѣдилъ императора Александра, что неаполитанская революція есть дѣло общее, въ которомъ Австрія заинтересована не болѣе, чѣмъ другія державы, что виды Вѣнскаго кабинета совпадаютъ съ пользою всей Европы. Всѣ же союзныя правительства согласны: 1) на счетъ опасности революціонеровъ; 2) необходимости одинаковаго отношенія къ новому неаполитанскому правительству, и 3) необходимости принятія самыхъ энергическихъ мѣръ для усмиренія революціи; наконецъ, 4) всѣми союзниками сознается, что соблюденіе трактатовъ должно быть основаніемъ ихъ политики. Вслѣдствіе этого на конгрессѣ было опредѣлено общее начало, на основаніи котораго союзныя правительства имѣютъ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ,

Русское правительство скоро согласилось съ Вѣнскимъ кабинетомъ на счетъ необходимости общей борьбы противъ революціи, но желало основать право это на актѣ Священнаго Союза, который долженъ былъ лежать, по убѣжденію Александра, въ основаніи всѣхъ дѣйствій и всей политики союзныхъ правительствъ.

Въ 1822 году вспыхнуло возстаніе въ Греціи, которое въ теченіе

девяти лѣтъ было предметомъ переговоровъ между Россіею и Австріею. Возстаніе это въ глазахъ оберъ-полицеймейстера Европы было исчадіемъ всемірныхъ крамольниковъ и мятежниковъ, осмѣлившихся взбунтоваться противъ законной власти. Меттернихъ и императоръ Францъ старались увѣрить въ томъ же и русское правительство. Съ величайшею настойчивостью проповѣдывалъ Меттернихъ, что Россія не должна вступаться за грековъ. По словамъ его, не интересы человѣколюбія защищаютъ сторонники грековъ, но дѣло революціи; не торжества Креста хотятъ они, но раздора между державами, а между Россіею и Австріею въ особенности. Извѣстно, что на этотъ разъ императоръ Александръ не поддался на рѣчи Меттерниха и рѣшилъ вступиться за грековъ. Тогда-то начались всѣ возможныя интриги.

Въ виду возможности войны съ Турціею, необходимо было выяснить, какое положеніе приметъ Австрія. На всѣ вопросы по этому предмету Меттернихъ или отмалчивался или отвѣчалъ незначущими фразами. Вообще же онъ настаивалъ, что Россія отнюдь не должна начинать войну изъ-за грековъ, которые бунтовщики, флибустьеры и разбойники. Нашъ посолъ въ Вѣнѣ заявилъ, что императоръ Александръ такъ усердно исполнялъ желаніе Австріи и Пруссіи на Троппаускомъ и Лайбахскомъ конгрессахъ, что имѣетъ право надѣяться на взаимность въ данномъ случаѣ.

Татищеву поручено было добиться отъ Меттерниха подписанія конфиденціальнаго протокола, въ которомъ справедливость нашихъ требованій была бы признана самымъ положительнымъ образомъ. Не смотря на настояніе Татищева и спеціально для того посланнаго въ Вѣну, Головкина, Меттернихъ дѣйствовалъ весьма двусмысленно и, какъ утверждалъ въ своемъ донесеніи Татищевъ, не оставлялъ по отношенію къ Россіи своего «надувательства». Вообще въ восточномъ вопросѣ Меттернихъ вдоволь эксплоатировалъ свое личное вліяніе, чтобы уговорить императора Александра не заступаться дѣятельнымъ образомъ за греческихъ крамольниковъ. Всѣ разсужденія Меттерниха объ опасностяхъ, какимъ подвергается Европа отъ революціонеровъ, имѣли прежде всего цѣлью помѣшать энергическому вмѣшательству Россіи въ пользу грековъ, и, по его словамъ, вопросъ могъ быть рѣшенъ не иначе, какъ при участіи всѣхъ великихъ державъ, но не одной Россіи.

Стоитъ обратить вниманіе на то, что нашъ вѣнскій посолъ, Татищевъ, безусловно вѣрилъ Меттерниху, расхваливалъ его въ своихъ депешахъ и даже говорилъ, что ему легко исполнять возложенное на него порученіе, ибо онъ находитъ въ Меттернихѣ мысли одинаковыя съ мыслями императора Александра. Не смотря на всѣ происки Меттерниха, Татищевъ говорилъ, что «мы не имѣемъ никакой причины быть недовольными точкой зрѣнія Вѣнскаго кабинета на восточный вопросъ». Онъ

былъ убѣжденъ, что въ восточномъ вопросѣ мы не имѣемъ лучшаго союзника, какъ Австрія, и восхвалялъ прямоту Вѣнскаго кабинета.

Наконецъ, въ декабрѣ 1824 года Татищевъ долженъ былъ объявить, что если Австрія пойдетъ на буксирѣ Англіи, то Россія одна покончитъ съ греческимъ вопросомъ безъ всякаго содѣйствія Австріи. Въ 1825 г., вступившій на престолъ императоръ Николай, видя равнодушіе великихъ державъ, рѣшилъ войти въ соглашеніе съ одною изъ нихъ,—съ Англіею. Переговоры по этому дѣлу съ лордомъ Веллингтономъ привели къ подписанію протокола о независимости Греціи, что̀ привело едва не въ отчаяніе Меттерниха, видѣвшаго, что руководительство Европою ускользаетъ изъ его рукъ. Не смотря на энергичную политику императора Николая, Австрія продолжала свою двуличную систему, хотя русскій государь заявлялъ, что онъ готовъ и впредь идти по стопамъ своего брата, поддерживать тѣсный союзъ съ Австріей и что онъ будетъ добросовѣстно исполнить международные трактаты 1814 и 1815 годовъ. Мало того, Татищеву было повелѣно дать австрійскому императору положительное обѣщаніе, что если онъ когда-либо будетъ нуждаться въ посторонней помощи, то смѣло можетъ разсчитывать на помощь Россіи. Не смотря однако на все это, Австрія не приступила къ договору Россіи съ Англіею и Франціею для разрѣшенія восточнаго вопроса. Можно теперь представить себѣ раздраженіе и злобу Меттерниха, когда до Австріи достигла вѣсть о Наваринской битвѣ. Убѣдившись, что теперь восточныя дѣла будутъ устроены тремя великими державами помимо всякаго участія Австріи, князь Меттернихъ не могъ скрыть своего крайняго неудовольствія и принужденъ былъ обѣщать Россіи содѣйствовать ея видамъ на Востокѣ и заставить Порту сдѣлаться болѣе уступчивою въ отношеніи трехъ союзныхъ державъ. Но въ то же время подъ рукою Вѣнскій дворъ продолжалъ интриговать противъ Россіи и распространять противъ нея всѣ возможныя обвиненія. Интриги дошли до того, что русское правительство предписало Татищеву объявить безъ обиняковъ князю Меттерниху, что дѣйствія его въ Греціи, Египтѣ и Константинополѣ отлично извѣстны въ Петербургѣ, что онъ сильно ошибается, думая разстроить союзъ трехъ державъ и убить непоколебимую энергію русскаго императора.

Когда послѣдовалъ разрывъ между Турціею и тремя союзными державами, а русскія войска готовились перейти Прутъ, Австрія начала вооружаться и сосредоточивать войска въ Трансильваніи. Замѣчательно въ этомъ случаѣ поведеніе императора Николая, который на случай вступленія австрійскихъ войскъ въ Дунайскія княжества отдалъ главнокомандующему такое приказаніе: 1) Если австрійскія войска сдѣлаютъ попытку остановить дѣйствіе русской арміи въ Княжествахъ, главнокомандующій долженъ былъ пригласить ихъ отступить назадъ. 2) Если

австрійскія войска не отступятъ, наша армія должна была, не останавливаясь, идти впередъ. Наконецъ, 3) если австрійцы окажутъ сопротивленіе нашему движенію, войскамъ было приказано отвѣчать на силу силою и, обезоруживъ, отправить ихъ назадъ чрезъ австрійскую границу. Татищеву же было приказано въ первомъ случаѣ заявить Вѣнскому кабинету благодарность за уваженіе, съ которымъ австрійскія войска отнеслись къ справедливому требованію русскаго военнаго начальства. Во второмъ случаѣ посолъ долженъ былъ объяснить австрійскому правительству, сколь страннымъ должно казаться рускому правительству поведеніе австрійскихъ войскъ, присутствіе которыхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій можетъ только мѣшать. Татищевъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ настаивать на немедленномъ выводѣ австрійскихъ войскъ изъ Валахіи. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ Татищевъ былъ уполномоченъ объявить Вѣнскому кабинету, что поведеніе австрійскихъ войскъ равносильно объявленію войны Россіи. Если Австрія желаетъ войны—Россія къ ней готова. Если же она напротивъ желаетъ сохранить миръ, то должна вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ и никоимъ образомъ не вмѣшиваться въ военныя дѣйствія.

При такихъ условіяхъ Австріи пришлось сохранить нейтралитетъ во время войны 1828 и 1829 годовъ, хотя до самаго Адріанопольскаго мира она стремилась изолировать Россію посредствомъ соглашенія между Англіею и Франціею съ одной стороны и Турціею съ другой. Въ виду этихъ обстоятельствъ, по приказанію императора, Татищеву было предписано заявить Меттерниху, что если Австрія собираетъ войска, то наши уже собраны; если она заключаетъ займы, то наши фонды готовы даже для двойной войны, и въ тотъ день, когда мы явно увидимъ доказательства враждебныхъ намѣреній, тогда право давать отпоръ несправедливому нападенію дастъ намъ также право предупредить его, и имъ мы воспользуемся. Лицемѣріе и предательское двоедушіе Австріи такъ надоѣли императору Николаю, что онъ приказалъ не обращать на это вниманіе.

Блестящій Адріанопольскій миръ сильно подѣйствовалъ на Австрію и въ особенности на Меттерниха, при чемъ русское правительство имѣло положительныя доказательства въ намѣреніи Австріи, въ случаѣ надобности, силою заставить Россію согласиться на невыгодныя для нея условія мира. Татищевъ не затруднился прямо объявить Меттерниху, что всѣ его «придирки» отлично извѣстны въ Петербургѣ и принимаются въ соображеніе. Неудовольствіе по тому же поводу выразилъ и императоръ Францъ, который косвеннымъ образомъ далъ понять, что если въ настоящее время революціонный духъ все распространяется, то въ этомъ отчасти виновата Россія, разстроившая союзъ великихъ державъ. Императоръ Николай приказалъ отвѣчать, что Вѣнскій

кабинетъ самъ систематически дѣйствовалъ противъ этого союза и своимъ потворствомъ Турціи привелъ къ полному его разрыву. Только такая политика могла ободрить упадшій духъ революціонеровъ.

По окончаніи турецкой войны князь Меттернихъ долженъ былъ сознаться, что онъ рѣшительно не въ состояніи измѣнить совершившіяся событія и низвергнуть Россію съ той высоты, на которую она сама себя поставила собственною энергіею и силою.

Вспыхнувшая въ 1830 году въ Парижѣ революція весьма сильно содѣйствовала сближенію между Австріею и Россіею. Ни та, ни другая держава не могли къ ней относиться равнодушно. Правительство Луи-Филиппа провозгласило принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, что̀ совершенно отрицало право Россіи и Австріи препятствовать государственнымъ переворотамъ, имѣющимъ источникъ въ народныхъ возстаніяхъ.

Въ виду этого, рѣшено было, что прусскія войска будутъ сосредоточены на Рейнѣ, австрійскія—въ Италіи, а русскія—на западныхъ границахъ имперіи. Въ то же время союзники рѣшили не признавать Луи-Филиппа французскимъ королемъ. Вскорѣ, однако, Меттернихъ измѣнилъ свой взглядъ, и, вопреки желанію Россіи, Австрія, а затѣмъ и Пруссія должны были присоединиться къ Англіи, которая первая признала новое французское правительство.

Точно также, вопреки своимъ принципамъ, императоръ Николай I долженъ былъ признать и отдѣленіе Бельгіи отъ Нидерландовъ и образованіе новаго Бельгійскаго королевства.

Таковы были отношенія между Австріею и Россіею отъ Вѣнскаго конгресса до 1830 г., когда вспыхнула парижская революція.

Совсѣмъ другое положеніе дѣлъ было между Россіею и Пруссіею.

Близкія и самыя дружественныя связи между императоромъ Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III существовали издавна, и если происходили какія-нибудь несогласія между Россіею и Пруссіею, то развѣ только по поводу торговыхъ договоровъ. По словамъ нашего посланника, Алопеуса, король искренно преданъ государю и любитъ русскій народъ; но ни прусскіе министры, ни армія не любятъ Россіи. Уже въ 1814 году, послѣ перваго взятія Парижа, офицеры прусскаго генеральнаго штаба «были заняты планомъ наступательной и оборонительной войны (съ Россіею), исходя изъ того положенія, что отнынѣ это единственная держава, которой должно бояться Пруссіи».

Тотъ же посланникъ говоритъ, что въ Пруссіи во внутреннемъ управленіи большіе безпорядки; самъ король все меньше занимается дѣлами; каждый министръ тянетъ свою сторону, а во внѣшнихъ дѣлахъ прусское правительство полагается на мудрость русскаго царя.

Въ 1823 г. русское правительство жаловалось на пристрастное от-

ношеніе прусскаго правительства къ газетамъ. Русскій посланникъ обратилъ серьезнымъ образомъ вниманіе министровъ на нѣкоторыя берлинскія газеты. Графъ Бернсторфъ благодарилъ за это сообщеніе и обѣщалъ строже наблюдать за газетами.

Въ 1823 году пріѣхалъ въ Россію принцъ Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ германскій, съ письмомъ отъ короля, въ которомъ подтверждалась тѣсная личная дружба между обоими монархами. Принцъ былъ такъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, что, по возвращеніи въ Берлинъ, писалъ императору: «до конца жизни моей я не забуду счастливыхъ минутъ, которыя я имѣлъ счастье провести при васъ. Ваше величество не можете себѣ представить, какое утѣшеніе вы съумѣли поселить въ моемъ сердцѣ и какія надежды вы возбуждали—чувства, тѣмъ болѣе трогательныя, что исходили отъ монарха, всегда готоваго быть и лучшимъ государемъ, и лучшимъ человѣкомъ».

Императоръ Александръ на это письмо отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я искренно желалъ бы, чтобы ваше пребываніе вамъ доказало привязанность, которую я къ вамъ питаю, и расположеніе, на которое дали вамъ право какъ ваши личныя качества, такъ и узы, соединяющія наши семейства, право, которое признавать я всегда сочту долгомъ. Ваше королевское высочество можете быть увѣрены, что я цѣню достойнымъ образомъ дружбу, которую вы мнѣ выражаете, и что моя дружба къ вамъ принадлежитъ вполнѣ».

По мѣрѣ осложненія дѣлъ на востокѣ, Пруссія стала бояться своихъ дружескихъ отношеній къ Россіи, но все-таки прусскій король рѣшился ни въ какомъ случаѣ не участвовать въ какой бы то ни было новой войнѣ и принести сохраненію мира всѣ жертвы, согласныя съ честью и достоинствомъ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе, однако, турецкая война, окончившаяся побѣдоносно для Россіи, произвела хорошее впечатлѣніе на прусскаго короля, которому было сообщено въ августѣ 1828 г., что русскій государь вѣритъ въ дружбу Пруссіи, и ни интриги англійскаго правительства, ни приготовленія Австріи не представляютъ серіозной опасности, пока Австрія и Англія убѣждены, что Пруссія ни въ какомъ случаѣ не объявитъ себя противъ государя императора и что она не только не согласна содѣйствовать, но, напротивъ, будетъ противодѣйствовать всякой коалиціи или нападенію на него. Особенную заслугу оказала Пруссія въ 1829 г. при заключеніи Адріанопольскаго мира.

II.

Бесѣды императора Николая съ Бургоэномъ.—Отправка Дибича въ Берлинъ, а Орлова въ Вѣну.—Воинственныя намѣренія императора Николая.—Разочарованіе его въ союзникахъ.—Собственноручная записка императора по этому поводу.—Варшавская революція.—Намѣреніе относительно Польши.

Императоръ Николай въ 1829 и 1830 годахъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ во Франціи и былъ заранѣе увѣренъ, что они кончатся революціей. Въ своемъ предвидѣніи онъ даже подавалъ Карлу X совѣты воздержаться отъ слишкомъ крутыхъ мѣръ, которыми онъ нарушалъ хартію. За четыре мѣсяца до начала революціи онъ писалъ графу Дибичу, что опасается за будущее. «Во всякомъ случаѣ,—писалъ онъ,—прискорбно сказать, что сумашествіе короля всему тому причиною». Для него это было тѣмъ прискорбнѣе, что отношенія Франціи къ Россіи въ то время были наилучшія, а между тѣмъ Карлъ X съ своимъ министромъ Полиньякомъ принималъ самыя радикальныя мѣры, почти совершенно уничтожавшія всякую свободу. И вотъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ произошла революція, вслѣдствіе которой Карлъ X долженъ былъ отречься отъ престола, передавъ его внуку своему, герцогу Бордосскому. Но дѣло зашло уже слишкомъ далеко, и народъ провозгласилъ королемъ герцога Орлеанскаго, вступившаго на престолъ подъ именемъ Луи-Филиппа. Такимъ образомъ на престолѣ очутился не законный наслѣдникъ, а представитель младшей линіи Бурбоновъ. Русскій императоръ никогда не могъ простить этого Луи-Филиппу и во все свое царствованіе относился къ нему довольно высокомѣрно. Въ согласіи Луи-Филиппа вступить на престолъ помимо законнаго наслѣдника онъ видѣлъ коварство и вѣроломство герцога Орлеанскаго.

Еще до воцаренія Луи-Филиппа, пока тотъ былъ объявленъ намѣстникомъ королевства, императоръ Николай бесѣдовалъ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, барономъ Бургоэномъ, который приводитъ происходившій между ними разговоръ.

— То, что мы предвидѣли, совершилось,—сказалъ государь, подходя ко мнѣ. Сообщенія прерваны; но и этого довольно, чтобы опасаться всего. Сообщенія прерваны—доказательство, что мятежъ торжествуетъ. Какое ужасное несчастіе!

Я присоединился къ сожалѣніямъ, къ печальнымъ опасеніямъ императора.

— Чѣмъ кончится все это?—сказалъ онъ.—Что, по вашему мнѣнію, выйдетъ изъ всего этого?

— Увы, государь, догадки тутъ невозможны: въ Парижѣ мятежъ, вотъ все, что мы знаемъ. Когда страна видитъ возмущеніе въ своей

столицѣ, оно сходно съ умопомѣшательствомъ въ человѣкѣ: никто не можетъ сказать, что онъ предприметъ.

— Что произойдетъ, если Карла X свергнуть? Не будетъ-ли у васъ республики?

— Нѣтъ признаковъ, чтобы думали о республикѣ,—отвѣчалъ я.

— Не изберутъ-ли какого-нибудь Бернадота?

— Онъ слишкомъ далекъ, государь, и вполнѣ забытъ.

— Я не говорю о королѣ шведскомъ, но о какомъ-нибудь военачальникѣ, избранномъ преторіанцами.

— Нѣтъ, государь, нѣтъ, наши солдаты, слава Богу, еще никогда не покушались на такія преступныя, безумныя дѣйствія, какъ преторіанскій выборъ.

— Такъ что же будетъ?

— Подобно вашему величеству, я блуждаю во тьмѣ хаоса.

По настоянію императора, я приступилъ съ нимъ къ разсмотрѣнію различныхъ догадокъ; отреченіе въ пользу законныхъ наслѣдниковъ, примѣры котораго нашъ вѣкъ представлялъ въ минуты смутъ или анархіи, казалось намъ наиболѣе желательнымъ рѣшеніемъ.

Впрочемъ, такъ какъ императоръ готовился ѣхать въ Финляндію, а полученныя имъ извѣстія были не полны, я же не имѣлъ никакихъ и не могъ разсчитывать на скорое прибытіе курьера изъ Парижа, то настоящая бесѣда была не продолжительна. Императоръ все еще надѣялся, хотя и весьма слабо, на торжество или на долгое сопротивленіе королевской партіи или въ Парижѣ или внѣ возмутившейся столицы. Во всякомъ случаѣ онъ полагалъ, что весь дипломатическій корпусъ послѣдуетъ за Карломъ X.

Этотъ разговоръ происходилъ 30-го іюля, а по возвращеніи изъ Финляндіи государь узналъ, что на престолѣ Франціи сидитъ не законный наслѣдникъ, а герцогъ Орлеанскій подъ именемъ Луи-Филиппа. Это устраненіе старшей линіи Бурбоновъ раздражило императора такъ, что 5-го августа кронштадтскій военный губернаторъ получилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

«По случаю возникшаго во Франціи мятежа и перемѣны существовавшаго правительства, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ ни подъ какимъ видомъ не допускать кораблямъ сей націи, плавающимъ подъ флагомъ трехцвѣтнымъ, а не бѣлымъ, входъ въ Кронштадтскій портъ, но если бы усиливались войти въ оный, то останавливать ихъ дѣйствіемъ оружія. Его императорскому величеству равномѣрно благоугодно, чтобы всякій корабль французскій изъ оставшихся нынѣ въ Кронштадтскомъ портѣ, который бы перемѣнилъ бѣлый флагъ на трехцвѣтный, немедленно былъ высланъ въ море. Сообщая вашему превосходительству высочайшую волю сію къ непремѣнному и строгому

исполненію, имѣю честь присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ увѣдомляю объ оной г. начальника морскаго штаба его величества.

Вслѣдъ за тѣмъ 5-го августа, по описанію Бургоэна, произошла слѣдующая сцена:

«Когда я вошелъ въ кабинетъ, императоръ встрѣтилъ меня на самомъ порогѣ и, ставъ передо мною, произнесъ мрачнымъ, но рѣзко отчетливымъ, голосомъ слѣдующія слова:

— Ну что, имѣете-ли вы извѣстія отъ вашего правительства отъ господина намѣстника королевства? Вы уже знаете, что я не признаю никакого другаго порядка вещей кромѣ прежняго и считаю его единственно законнымъ потому, что онъ истекаетъ изъ легитимной королевской власти.

На эти рѣзкія слова Бургоэнъ отвѣчалъ:

— Признаюсь, государь, я крайне удивленъ, что ваше величество смотрите такъ на вопросъ, отнынѣ безповоротно рѣшенный моимъ отечествомъ, которое всегда умѣло отстаивать то, что дѣлало.

«Мы подошли въ это время къ столу, стоявшему влѣво, въ глубинѣ комнаты. Императоръ, идя возлѣ меня, сказалъ возвышеннымъ голосомъ:

— Да, таковъ образъ моихъ мыслей: принципъ легитимизма—вотъ что будетъ руководить мною во всѣхъ случаяхъ.

«Подойдя въ это время къ столу, императоръ, сильно ударивъ по нему, воскликнулъ:

— Никогда, никогда не могу я признать того, что случилось во Франціи.

«Я оставался спокойнымъ въ виду этого энергическаго проявленія необдуманной воли, которую мнѣ предстояло побороть.

— Государь,—возразилъ я,—нельзя говорить никогда; въ наше время слово это не можетъ быть произносимо: самое упорное сопротивленіе уступаетъ силѣ событій.

— Никогда,—продолжалъ императоръ съ тѣмъ же жаромъ,—никогда не уклонюсь я отъ моихъ принциповъ: съ принципами нельзя вступать въ сдѣлку. Я же не вступлю въ сдѣлку съ моею честью.

— Знаю,—отвѣчалъ я,—что слово вашего величества свято и что если вы принимаете на себя обязательство, то оно становится для васъ непреложнымъ закономъ; вотъ почему я и придаю столько цѣны тому, чтобы вы не связывали себя на будущее время поспѣшными заявленіями.

«Послѣ этихъ словъ императоръ перемѣнилъ тонъ и продолжалъ значительно смягченнымъ голосомъ:

— Садитесь и поговоримъ спокойно.

— Ваше величество съ самаго начала говорили со мною такъ опре-

дѣленно, такъ рѣшительно, что и я считаю себя въ правѣ сдѣлать то же.

— Говорите все, выскажите все, что у васъ на сердцѣ; для того-то я и пригласилъ васъ; мы здѣсь вовсе не для того, чтобы обмѣниваться любезностями.

— И такъ, государь, позвольте мнѣ представить вамъ вполнѣ откровенную картину того, что случилось бы, если бы вы исполнили рѣшеніе, о которомъ мнѣ говорилъ графъ Чернышевъ сегодня утромъ.

— Хорошо, я слушаю васъ.

И Бургоэнъ развилъ передъ императоромъ послѣдствія, которыя навѣрно угрожали бы тогда спокойствію Европы.

Выслушавъ его, государь сказалъ:

— Я еще въ недоумѣніи какъ поступлю; но какимъ образомъ вы хотите, чтобы мы стали на сторону того, что совершилось въ Парижѣ?

— Тѣмъ лучше, государь, если вы еще не приняли рѣшенія въ виду столь важныхъ событій; это доказываетъ вашу мудрость, потому, что всѣ мы въ подобныя минуты должны усугублять спокойствіе и осторожность. Что случилось бы, если бы я самъ не подавилъ въ себѣ перваго движенія, когда сегодня утромъ вашъ военный министръ сдѣлалъ мнѣ отъ вашего имени рѣшительное сообщеніе? Въ какомъ бы видѣ были теперь дѣла, если бы я принялъ это сообщеніе въ буквальномъ смыслѣ и только написалъ о немъ въ Парижъ?

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Николай Павловичъ сказалъ, что онъ еще не знаетъ что предпринять и посовѣтуется съ своими коллегами, сказавъ, что онъ посылаетъ въ Вѣну и Берлинъ Орлова и Дибича для переговоровъ. Бургоэнъ, предположивъ, что дѣло идетъ о конгрессѣ, сказалъ:

— Что же выйдетъ, государь, изъ подобнаго конгресса.

— Рѣчь идетъ не о конгрессѣ,—возразилъ государь;—мы располагаемъ другими средствами для соглашенія.

Эта бесѣда, въ которой Бургоэнъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, значительно охладила первоначальный воинственный пылъ Николая Павловича. Къ тому же Бургоэнъ прибавилъ, что если Россія, хотя и сохранитъ миръ, но покажетъ себя враждебною въ отношеніи Франціи, то со стороны Франціи естественнымъ образомъ должно произойти сближеніе съ Англіею.

Замѣчательны слова государя по этому поводу.

— Не теряйте изъ виду большую разницу между Англіей и мною. Не смотря на все то, что меня волнуетъ и что мнѣ не нравится у васъ, я никогда не переставалъ интересоваться судьбами Франціи. Всѣ эти дни меня безпокоила мысль, что Англія, завидуя завоеванію Алжира, воспользуется вашими смутами, чтобы отнять у васъ это прекра-

еное владѣніе. Что же касается Австріи, то она трепещетъ за Италію; изъ-за этого страха она сожалѣетъ о вашей новой революціи и потому только безпокоится; она никогда не будетъ сожалѣть о вашихъ горестяхъ; мы же, напротивъ того, всегда счастливы, когда Франція возрастаетъ въ силѣ и благоденствіи.

— Повторяю вамъ, что я обѣщаю не предпринимать торопливаго рѣшенія; что же касается до моего мнѣнія, то я всегда выскажу его прямо; мы не объявимъ вамъ войны, примите въ этомъ увѣреніе; но мы условимся сообща, какого образа дѣйствій намъ слѣдуетъ держаться въ отношеніи Франціи.

На эти слова государя Бургоэнъ высказалъ мысль, что объявить войну Франціи было бы со стороны державъ дѣйствіемъ столько же безумнымъ, сколько и опаснымъ; что Франція уже не истощенная 1814 года, а Россія уже не соединенная Европа 1815 года. Затѣмъ онъ сказалъ: «наши внутреннія перемѣны никого не касаются; поэтому нѣтъ повода къ постороннему вмѣшательству. Если бы союзные монархи захотѣли возобновить коалицію, то пусть они вспомнятъ, что только въ такомъ случаѣ мы будемъ вынуждены искать поддержки у народовъ».

Выслушавъ эти слова, императоръ своимъ движеніемъ выразилъ удивленіе и неудовольствіе, такъ, что Бургоэну пришлось его успокаивать, подтверждая, что сказанное относится лишь къ предположенію о коалиціи, которая не осуществится.

Въ заключеніе этой бесѣды императоръ Николай сказалъ:

— Если бы во время кровавыхъ смутъ въ Парижѣ народъ разграбилъ домъ русскаго посольства и обнародовалъ мои депеши, то были бы поражены, узнавъ, что я высказывался противъ государственнаго переворота; удивились бы, что русскій самодержецъ поручаетъ своему представителю внушить конституціонному королю соблюденіе конституціи, утвержденной присягою.

Результатомъ этой бесѣды была отмѣна преслѣдованія трехцвѣтнаго флага подъ предлогомъ полученнаго извѣстія, что это не есть цвѣтъ возстанія, но что правительство намѣстника короля, утвержденное Карломъ X и слѣдовательно сдѣлавшееся въ нашихъ глазахъ законнымъ, торжественно его приняло.

Въ виду возможныхъ случайностей, государь хотѣлъ ознакомиться со взглядами на французскую революцію короля прусскаго и императора австрійскаго, для чего, какъ сказано выше, въ Вѣну былъ посланъ Орловъ, а въ Берлинъ Дибичъ.

Между тѣмъ изъ Франціи была отправлена революціонная экспедиція въ Бельгію. 26-го марта экстренный поѣздъ привезъ до 1.400 человѣкъ, частью бельгійцевъ, частью французовъ въ Лиль, гдѣ они

получили изъ арсенала оружіе, и приготовились къ насильственному вторженію въ чужое государство. Темною ночью толпа перешла границу, но была разсѣяна. Другая толпа волонтеровъ, состоявшая изъ пьемонтцевъ и французовъ, вторглась въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ Ліона въ Савойю, достигла до Шамбери, овладѣла ратушей и провозгласила республику. Хотя эти попытки не имѣли успѣха, тѣмъ не менѣе Франція, въ виду начинавшихся въ мартѣ мѣсяцѣ революцій, готовилась выставить на нѣмецкой границѣ двухсотъ-тысячный корпусъ на случай всякихъ политическихъ событій и въ особенности, «чтобы по первому зову нѣмецкаго народа тотчасъ перейти Рейнъ и подать Германіи безкорыстную помощь противъ чужаго угнетенія». Не менѣе готовилась Франція къ энергическому вмѣшательству въ итальянскія дѣла, гдѣ объявленіе войны Сардиніею противъ Австріи обѣщало обширное политическое поприще для Франціи. Австрія уже готовилась сдѣлать большія уступки, предлагая отдать Сардиніи Ломбардію и ввести представительное правленіе въ Венеціи съ вице-королемъ. Все это не состоялось потому, что въ это время въ самой Франціи въ маѣ и въ іюнѣ произошли внутреннія смятенія.

По водвореніи порядка во Франціи и воцареніи Луи-Филиппа, въ Петербургъ былъ присланъ генералъ Аталэнъ съ письмомъ короля къ императору Николаю слѣдующаго содержанія:

Мой братъ.

«Оповѣщая ваше величество о моемъ восшествіи на престолъ письмомъ, которое вручитъ вамъ отъ моего имени генералъ Аталэнъ, считаю нужнымъ говорить съ вами съ полною откровенностью о послѣдствіяхъ той катастрофы, которую я такъ бы хотѣлъ предупредить.

«Уже давно я сожалѣлъ, что король Карлъ и его правительство не слѣдуютъ по пути болѣе сообразному съ ожиданіями и желаніями народа; но однако я былъ далекъ отъ того, чтобы предвидѣть тѣ ужасныя событія, которыя только-что произошли. Я думалъ, что и при несовершенствѣ хартіи и нашихъ учрежденій достаточно было бы немного осторожности и умѣренности, чтобы правительство долго могло продолжать такъ дѣйствовать. Но съ 8-го августа 1829 г. новый составъ министерства меня крайне встревожилъ. Я видѣлъ, до какой степени этотъ составъ былъ противенъ и подозрителенъ въ глазахъ народа, и я, вмѣстѣ съ нимъ, раздѣлялъ общее безпокойство въ виду тѣхъ мѣропріятій, которыхъ мы должны были ожидать. Тѣмъ не менѣе привязанность къ законамъ и любовь къ порядку сдѣлали такіе успѣхи во Франціи, что противодѣйствіе министерству навѣрно не вышло бы за предѣлы парламентарныхъ путей, если бы само министерство въ своемъ безуміи не подало роковаго сигнала самымъ дерзкимъ нарушеніемъ хартіи и уничтоженіемъ всѣхъ гарантій нашей народной свободы, ради

которой ни одинъ французъ не откажется пролить свою кровь. Никакое излишество не сопровождало однако эту ужасную борьбу. Но было бы трудно избѣжать, чтобы ея послѣдствіемъ не было потрясеніе нашего общественнаго строя, и то самое возбужденіе умовъ, которое отвращало ихъ отъ безпорядка, направляло къ опытамъ политическихъ теорій, которые повергли бы Францію, а можетъ быть и Европу, въ ужасныя бѣдствія. Вотъ при этихъ-то обстоятельствахъ, государь, всѣ взоры обратились на меня. Сами побѣжденные сочли меня необходимымъ для ихъ спасенія. Но быть можетъ я былъ еще болѣе необходимымъ для побѣдителей, чтобы не придать ложнаго значенія побѣдѣ. Итакъ я принялъ эту благородную и тяжкую обязанность, устранивъ всѣ личныя соображенія, заставлявшія меня уклониться, ибо я чувствовалъ, что малѣйшее колебаніе съ моей стороны могло испортить будущность Франціи и спокойствіе всѣхъ нашихъ сосѣдей. Ничего не говорящій титулъ намѣстника королевства могъ возбудить опасныя надежды, почему необходимо было торопиться выйти изъ временнаго положенія насколько для того, чтобы внушить необходимое довѣріе, настолько же и для того, чтобы спасти хартію, сохранить которую необходимо, важность которой такъ хорошо понималъ покойный императоръ, вашъ августѣйшій братъ, и которая сильно пострадала бы, если бы умы не были быстро успокоены и удовлетворены.

«Ни отъ прозорливости вашего величества, ни отъ вашей высокой мудрости не ускользнетъ сознаніе, что для достиженія этой спасительной цѣли весьма желательно, чтобы парижскія дѣла разсматривались въ ихъ настоящемъ видѣ и чтобы Европа, воздавая должное побужденіямъ, которыя мною руководили, окружила мое правленіе тѣмъ довѣріемъ, которое оно въ правѣ внушить. Не упустите, ваше величество, изъ виду, что пока король Карлъ X царствовалъ во Франціи, я былъ самымъ покорнымъ и вѣрнымъ изъ его подданныхъ, и что только въ минуту, когда я увидѣлъ дѣйствія законовъ прекращенными, а проявленіе королевскаго авторитета вполнѣ уничтоженнымъ, только тогда я счелъ своимъ долгомъ уступить народному желанію, принявъ корону, къ которой меня призывали. Главнымъ образомъ на васъ, государь, устремляетъ Франція свои взоры. Она любитъ видѣть въ Россіи своего самаго естественнаго и самаго могучаго союзника. Моя гарантія—благородный характеръ и всѣ достоинства, которыми отличаетесь ваше императорское величество.

Monsieur mon frère, de votre Majesté Imperiale, le bon frère.

Louis Philippe».

На это письмо императоръ Николай отвѣчалъ:

«Я получилъ чрезъ генерала Аталэна привезенное имъ посланіе. Событія, на вѣки прискорбныя, поставили ваше величество въ тягостное

положеніе. Ваше величество приняли рѣшеніе, которое одно, казалось вамъ, могло предотвратить отъ Франціи великія бѣдствія. Я ничего не скажу о побужденіяхъ, внушавшихъ образъ дѣйствій, усвоенный вашимъ величествомъ въ данномъ случаѣ, но я возсылаю горячія мольбы къ Божественному Провидѣнію, дабы оно благословило намѣренія вашего величества и усилія ваши на благо французскаго народа. Въ согласіи съ союзниками моими, я съ удовольствіемъ принимаю выраженіе желанія вашего величества поддерживать со всѣми европейскими государствами мирныя и дружественныя сношенія. Доколѣ эти сношенія будутъ основаны на существующихъ договорахъ и на твердой рѣшимости поддерживать права и обязательства, торжественно ими признанныя, а равно и территоріальныя владѣнія, Европа усмотритъ въ нихъ ручательство мира, столь необходимаго даже для спокойствія Франціи.

«Призванный совмѣстно съ союзниками моими поддерживать съ Франціею подъ новымъ ея правительствомъ таковыя охранительныя отношенія, я, съ своей стороны, спѣшу не только отнестись къ нимъ съ надлежащею заботливостью, но и не устану проявлять чувства, въ искренности коихъ мнѣ пріятно увѣрить ваше величество въ отвѣтъ на чувства, выраженныя вами. Nicolas».

Это письмо своимъ высокомѣріемъ произвело самое непріятное впечатлѣніе на короля, министровъ и на общественное мнѣніе Франціи, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ къ королю императоръ Николай вопреки дипломатическимъ обычаямъ не назвалъ Л. Филиппа братомъ.

Но едва только выяснились дѣла во Франціи, какъ получено было извѣстіе о революціи, вспыхнувшей въ Брюсселѣ. Бельгія, соединенная на Вѣнскомъ конгрессѣ съ Голландіею, рѣшила образовать самостоятельное государство.

Это извѣстіе, коренныимъ образомъ нарушавшее одно изъ постановленій конгресса 1815 года, придало еще толчокъ къ неудовольствію Николая I, и онъ, признавъ окончательно новую династію во Франціи, не могъ хладнокровно видѣть новую революцію въ Европѣ. Орловъ и Дибичъ, отправленные въ Вѣну и Берлинъ, получили подробныя инструкціи для совѣщанія съ союзниками.

Успѣхъ этихъ двухъ революцій показалъ народамъ присущую имъ силу, и потому, въ особенности въ Германіи, народъ былъ весьма недоволенъ положеніемъ вещей, и правительство опасалось внутреннихъ смутъ. Прусское правительство, также какъ и императоръ Николай, было убѣждено, что дѣло безъ войны не обойдется, и посланный въ Берлинъ Дибичъ 27-го августа былъ принятъ прусскимъ королемъ, съ которымъ онъ долженъ былъ условиться относительно тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало принять для обузданія революціоннаго движенія. Однако въ Берлинѣ, хотя и были убѣждены въ неизбѣжности всеобщей войны,

но не рѣшались активнымъ образомъ теперь же вмѣшиваться въ бельгійскія дѣла. Поэтому изъ посылки Дибича ничего не вышло, и онъ доносилъ, что, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, нельзя надѣяться, чтобы настоящій кризисъ могъ кончиться безъ общей и кровопролитной войны между законною властью и революціонною гидрою, желающею подъ маскою общаго благополучія низвергнуть все и построить кровавый свой престолъ на могилахъ и развалинахъ.

Записка Дибича, въ которой проводилась мысль о союзѣ между четырьмя великими державами противъ революцій, очень понравилась государю. Но хотя прусское правительство и указывало на опасное положеніе германскихъ государствъ, въ которыхъ іюльская революція нашла много матеріала для смутъ и безпорядковъ, тѣмъ не менѣе однако прусскій король, хотя и сосредоточилъ на Рейнѣ отъ 80 до 100 тысячъ войска, но вовсе не думалъ дѣйствовать активно. Да и мудрено было прусскому королю вмѣшиваться въ это дѣло потому, что у него самого, въ Пруссіи, стали ясно обнаруживаться симптомы волненій. Дибичъ долженъ былъ изложить предъ королемъ прусскимъ взглядъ императора Николая на французскія событія и программу взаимныхъ дѣйствій. Составленная по этому поводу записка Дибича состояла въ слѣдующемъ:

«Его величество императоръ, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, считаетъ дѣломъ крайней важности прійти въ соглашеніе съ своими союзниками въ особенности же и самымъ искреннимъ образомъ съ своимъ августѣйшимъ тестемъ, а также опредѣлить, сколь возможно точно, тотъ образъ дѣйствій, коего слѣдуетъ держаться въ нынѣшнюю минуту, какъ и тѣ мѣры, которыя надо принять на будущее время. Его величество полагаетъ, что въ обстоятельствахъ столь важныхъ письменныя объясненія недостаточны и что они не всегда могутъ передать съ должною ясностью самаго тона мысли. А такъ какъ онъ болѣе всего желаетъ, чтобы самыя затаенныя помышленія его, касающіяся сего важнаго дѣла, были вполнѣ извѣстны его величеству королю, то избралъ для сего фельдмаршала графа Дибича и, открывшись ему съ полнымъ довѣріемъ, поручилъ передать его королевскому величеству взглядъ императора на нынѣшнія обстоятельства и ихъ вѣроятныя послѣдствія.

«Государь желаетъ во всемъ и съ полнымъ довѣріемъ соображаться съ совѣтами своего августѣйшаго тестя, вести свою политику путемъ, совершенно согласнымъ съ тѣмъ, который изберетъ Пруссія, а относительно направленія, котораго слѣдуетъ держаться, будетъ принимать мнѣнія его королевскаго величества такъ, какъ бы они исходили отъ блаженной памяти императора Александра. Поэтому онъ и съ своей стороны считаетъ долгомъ выразить собственное мнѣніе съ полною откровенностью».

Далѣе императоръ Николай выражаетъ, что онъ возмущенъ слабостью принцевъ старшей линіи и якобинствомъ герцога Орлеанскаго, которому впрочемъ не можетъ отказать въ законномъ признаніи представителемъ Франціи во время малолѣтства герцога Бордоскаго, ибо это облечено въ законную форму Карломъ X, отказавшимся отъ престола въ пользу своего внука. Императоръ находилъ крайне важнымъ, чтобы въ декларацiяхъ своихъ союзные дворы держались твердыхъ выраженій, чистой и ясной законности, которая служитъ единственнымъ прочнымъ ручательствомъ въ установившемся спокойствіи государствъ. Если бы вслѣдствіе высшихъ соображеній прочіе союзные дворы признали бы нынѣшній порядокъ вещей во Франціи, то, по мнѣнію русскаго государя, необходимо заручиться увѣренностью въ сохраненіи общаго спокойствія, гарантированнаго со стороны французскаго правительства. Онъ за честь себѣ поставитъ то, что послѣднимъ уступилъ убѣжденіямъ своихъ августѣйшихъ союзниковъ и никогда не будетъ въ состояніи побѣдить въ себѣ чувства презрѣнія, внушеннаго ему якобинскимъ поведеніемъ нынѣшняго правительства Франціи. Наконецъ, видя крайнюю податливость, съ какою герцогъ уступаетъ всѣмъ предложеніямъ революціонной партіи, онъ убѣжденъ въ томъ, что демократія будетъ требовать все новыхъ и новыхъ уступокъ и не далека отъ того, чтобы придти къ республикѣ чисто демократической и ко всѣмъ проявленіямъ революціи 1789—1793 годовъ.

На случай войны назначалось подъ начальствомъ Дибича 14 пѣхотныхъ и 12 кавалерійскихъ дивизій, которыя должны были дѣйствовать вмѣстѣ съ прусскими войсками. Однако государь рѣшилъ не начинать никакихъ враждебныхъ дѣйствій и обождать, когда король прусскій не выразитъ мнѣнія, что избѣжать войны онъ считаетъ уже невозможнымъ, вслѣдствіе событій, совершающихся во Франціи. Тогда онъ поставитъ свои войска на полное военное положеніе и приблизитъ ихъ къ границѣ, на что для болѣе отдаленныхъ изъ нихъ потребуется отъ 3 до 4 мѣсяцевъ. На движеніе своихъ войскъ императоръ рѣшилъ ждать приглашеніе отъ короля прусскаго, а затѣмъ самому прибыть въ Берлинъ для личныхъ совѣщаній съ королемъ.

Успѣхъ бельгійской революціи заставилъ короля голландскаго просить помощи у русскаго императора въ силу существовавшихъ трактатовъ, и Чернышеву было приказано поставить армію на военное положеніе.

«Любезный другъ»,—писалъ ему императоръ Николай,—«депеши, только-что полученныя мною, таковы, что надо принять безотлагательныя мѣры для нашего выступленія въ походъ. Нидерландскій король пишетъ мнѣ, прося, въ силу существующихъ трактатовъ, вооруженной помощи. Нетерпѣніе его въ этомъ отношеніи такъ велико, что Виль-

гельмъ, принцъ Оранскiй, проситъ меня его именемъ послать часть войскъ, если то возможно, моремъ. Вы сами чувствуете, что это вещь неисполнимая въ настоящее время года. Если бы эта запоздалая просьба явилась мѣсяцемъ ранѣе, то всѣ принятыя мною мѣры позволили бы ее осуществить. Первый контингентъ, который я, какъ членъ союза, обязанъ выставить, будетъ составленъ изъ армiи, находящейся подъ начальствомъ брата. По моему разсчету ранѣе, какъ чрезъ два мѣсяца, мы не въ состоянiи будемъ выступить, по крайней мѣрѣ со всѣми силами. Поэтому малѣйшiй выигрышъ времени въ семъ дѣлѣ будетъ весьма цѣненъ. Можетъ быть извѣстiя обо всѣхъ этихъ громадныхъ приготовленiяхъ послужатъ къ тому, чтобы предотвратить войну, которую всѣ мы искренно желаемъ избѣгнуть; о приготовленiяхъ вы можете говорить громко, но безъ аффектацiи, не дѣлая изъ нихъ тайны. Сообщите прямо отъ себя генералу Вицлебену о мѣрахъ, которыя приказано принять, написавъ ему, для сообщенiя королю, что отнынѣ я считаю наши армiи уже соединенными и желаю посему, чтобы по всѣмъ военнымъ между нами сношенiямъ всякая дипломатическая формальность была отложена въ сторону; что вамъ приказано держать его въ постоянной извѣстности во всемъ, что будетъ дѣлаться у насъ, и что я буду весьма благодаренъ королю, если онъ дозволитъ отвѣчать тѣмъ же и мнѣ въ самыхъ простыхъ и самыхъ непосредственныхъ формахъ. Успокойте Канкрина (министръ финансовъ) насчетъ первоначальныхъ расходовъ и старайтесь, по возможности, уменьшить ихъ».

Эти воинственныя намѣренiя Николая I пришлись по вкусу графу Чернышеву. Сообщая объ этомъ Дибичу, Чернышевъ прибавлялъ отъ себя: «Если бы другiе кабинеты имѣли ту же энергiю, которую придаетъ императоръ нашему кабинету, то какъ должны бы были трепетать зачинщики смутъ и мятежей».

Между тѣмъ Дибичъ не переставалъ понукать пруссаковъ. Его очень безпокоило современное положенiе дѣлъ. «Тревожныя извѣстiя изъ Бельгiи,—писалъ онъ государю,—и смуты, обнаружившiяся во многихъ мѣстахъ Германiи, предвѣщаютъ, къ несчастiю, слишкомъ положительнымъ образомъ, что вооруженное вмѣшательство европейскихъ державъ не можетъ быть замедляемо безъ великаго вреда для общаго спокойствiя», Онъ предвидѣлъ, что при утвержденiи мятежниковъ въ Брюсселѣ и при плохомъ состоянiи голландскихъ войскъ, послѣднiя вскорѣ принуждены будутъ укрыться по своимъ крѣпостямъ, которыя тоже въ такомъ положенiи, что не могутъ долго держаться. «Тогда-то, говоритъ Дибичъ, тайныя крамолы Францiи открыто явятся на свѣтъ и честолюбивые виды этой державы могутъ обнаружиться внезапнымъ занятiемъ помянутыхъ крѣпостей, что солиднымъ образомъ обезпечитъ ихъ власть въ Бельгiи». Во избѣжанiе этого, Дибичъ считалъ нужнымъ,

чтобы пруссаки вмѣстѣ съ англичанами неотлагательно заняли бельгійскія крѣпости, въ особенности же Маастрихтъ.

Прусское правительство однако не рѣшалось, а для Англіи отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи было выгодно.

И такъ Россія готовилась къ войнѣ, и великій князь Константинъ Павловичъ получилъ приказаніе готовить армію къ походу за границу, съ цѣлью защищать идею Священнаго Союза и проливать русскую кровь неизвѣстно за чьи интересы. Здѣсь ставились на карту существенные интересы Россіи ради проблематическаго принципа побороть революціонныя идеи, въ какомъ бы уголку Европы онѣ ни проявились. «Не Бельгію желаю я тамъ побороть, говорилъ государь, но всеобщую революцію, которая постепенно и скорѣе, чѣмъ думаютъ, угрожаетъ намъ самимъ, если увидятъ, что мы трепещемъ передъ нею».

Воинственный пылъ императора Николая охлаждали только два человѣка: министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде и цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Первый доказывалъ, что дѣйствительно Пруссія по своему географическому положенію не можетъ безъ крайняго риска ввязываться въ войну съ Франціею изъ-за Бельгіи, что Россіи лучше не втягиваться въ войну, ибо вопросъ этотъ для насъ второстепенный, что мы не подвергаемся никакой опасности. Наконецъ, если мы ограничимся только наблюденіемъ, то поставимъ себя въ гораздо болѣе выгодное положеніе для всѣхъ переговоровъ относительно опредѣленія самыхъ существенныхъ интересовъ и въ отношеніи вопросовъ высокой политической важности. Всѣ эти выгоды мы потеряемъ совершенно даромъ, если примемъ на себя иниціативу, которая, въ виду географическаго положенія державъ, кажется. прежде всего должна быть предоставлена государствамъ, ближайшимъ образомъ заинтересованнымъ въ настоящемъ кризисѣ.

Въ свою очередь Константинъ Павловичъ также былъ противъ войны; онъ не былъ такъ непреклоненъ противъ духа времени, какъ его братъ, и совѣтовалъ осторожность. Онъ довольно вѣрно оцѣнивалъ современныя событія и политическую обстановку; наконецъ, онъ понималъ, что война, если только ей суждено быть, не будетъ похожа на коалиціонную войну 1813—1814 годовъ. Онъ писалъ брату:

«Когда происходила первая революціонная война, все дѣлалось съ энтузіазмомъ, порожденнымъ долгомъ и ужасомъ, который испытывали; всѣ хотѣли сохранить свое общественное положеніе и были спокойны за свой тылъ. При второй войнѣ, если она случится, пойдутъ по чувству долга и, въ большинствѣ случаевъ, не охотно. Новыя идеи настолько созрѣли во всѣхъ головахъ и вообще пустили слишкомъ глубокіе корни среди большинства новаго поколѣнія, чтобы можно было вѣрить въ обратное. Сверхъ того въ прошломъ было слишкомъ много

нарушено интересовъ и не исполнено обѣщаній, чтобы явилась возможность разсчитывать на единодушное содѣйствіе правому дѣлу».

«Я сильно сомнѣваюсь,—писалъ въ другомъ письмѣ цесаревичъ,—чтобы въ случаѣ, если бы произошелъ вторичный европейскій крестовый походъ противъ Франціи, подобно бывшему въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, мы встрѣтили то же рвеніе и то же воодушевленіе къ правому дѣлу. Съ тѣхъ поръ сколько осталось обѣщаній неисполненныхъ или обойденныхъ, и сколько попранныхъ интересовъ; тогда, чтобы сокрушить тиранію Бонапарта, тяготѣвшую надъ континентомъ, повсюду пользовались содѣйствіемъ народныхъ массъ и не предвидѣли, что рано или поздно то же оружіе могутъ повернуть противъ насъ самихъ».

Въ письмѣ графу Нессельроде цесаревичъ также выражалъ необходимость осторожности и невыгоды поспѣшныхъ дѣйствій. Относительно же Франціи онъ говорилъ: «Что касается Франціи, то она, не отказываясь отъ логики и не впадая въ противорѣчіе, не можетъ въ чужихъ земляхъ проповѣдывать не тѣ принципы, что у себя самой—открыто заявлять себя противъ внѣшней революціи, между тѣмъ какъ внутри у себя она вся дышетъ лишь одною революціей.

«Впрочемъ, по моему слабому мнѣнію, ей слѣдовало бы предоставить рвать и раздирать себя на части, но не кратковременными смутами и бунтами, а искусно возбуждаемою междуусобною войною; въ противномъ случаѣ война Европы противъ Франціи только соединила бы въ ней всѣ партіи въ видахъ сохраненія неприкосновенности французской почвы и обезпеченія оной отъ всякихъ покушеній. Это не должно мѣшать намъ быть готовыми къ дѣйствію, но я говорилъ и всегда буду говорить, что слѣдуетъ поступать не торопливо, вооружаясь съ спокойствіемъ и хладнокровіемъ».

Не смотря на всѣ эти совершенно основательные доводы, Дибичъ, Чернышевъ и императоръ Николай продолжали стоять за неизбѣжность и необходимость войны, и Россія энергично вооружалась, приводя свою армію на военное положеніе, не взирая на свое плохое финансовое состояніе, неурожай и холеру, бывшую въ Москвѣ.

Равнодушіе союзниковъ Священнаго Союза къ чужимъ дѣламъ, рѣзко противорѣча воинственному пылу государя, не могло не произвести на него тяжелаго впечатлѣнія, подъ вліяніемъ котораго онъ собственноручно написалъ замѣчательную записку, почти цѣликомъ приведенную г. Мартенсомъ въ его трудѣ:

«Серіозность настоящихъ обстоятельствъ, въ связи съ непосредственными интересами Россіи, заставляетъ меня уяснить себѣ самому вліяніе, ими производимое на меня. Результатъ этого испытанія передъ судомъ моей совѣсти, кажется, опредѣляетъ мои обязанности.

«Географическое положеніе Россіи на столько счастливо, что оно дѣлаетъ ее почти независимою въ отношеніи своихъ собственныхъ интересовъ отъ того, что происходитъ въ Европѣ; Россіи нѣтъ надобности искать союзниковъ, потому что ей нечего бояться; границами она довольна, и ей нечего желать въ этомъ отношеніи, и потому она ни въ комъ не должна вызывать безпокойства. Обстоятельства, вызвавшія заключеніе нынѣ дѣйствующихъ трактатовъ, относятся къ тому времени, когда Россія, послѣ рѣшительной побѣды надъ ненасытнымъ тщеславіемъ Наполеона, пришла какъ освободительница помочь Европѣ сбросить съ себя иго, подъ которымъ она томилась. Но память о благодѣяніяхъ скорѣе теряется, нежели забываетъ обиду. Уже въ Вѣнѣ вѣроломству почти удалось нарушить согласіе, только-что утвердившееся, и нужна была новая общая опасность, чтобъ снова открыто соединить державы съ тѣмъ, который, будучи всегда великодушенъ, былъ уже разъ ихъ освободителемъ.

«Въ продолженіе послѣдующихъ затѣмъ десяти лѣтъ, союзъ между Россіею, Австріею и Пруссіею казался тѣснымъ; однако неоднократно обѣ эти державы отступали отъ буквальнаго смысла и основныхъ принциповъ, на которыхъ были основаны союзные трактаты. Всегда терпѣніе и умѣренность покойнаго государя снова укрѣпляли союзъ и поддерживали видъ совершенной интимности.

«Когда Провидѣніе отняло его у Россіи, мы скоро убѣдились, что рядомъ съ наилучшими увѣреніями Австрія питала заднія мысли; правда, Пруссія намъ дольше была вѣрна, но обнаружилось существенное различіе между личными сношеніями съ королемъ и сношеніями съ его министрами. Впрочемъ, благодаря недостатку поводовъ, не было явнаго разногласія до позорной іюльской революціи.

«Мы давно предвидѣли это страшное событіе и мы исчерпали при Карлѣ X и его министрахъ всѣ средства убѣжденія, допускаемыя дружбою и хорошими нашими сношеніями. Все было тщетно. Тогда мы не затруднились открыто осудить противузаконныя мѣропріятія Карла X. Но развѣ могли мы въ то же время признать законнымъ государемъ Франціи другаго, а не того, кто имѣлъ на то всѣ права? Этого не допускалъ нашъ долгъ, который требовалъ оставаться вѣрнымъ началамъ, управлявшимъ въ продолженіе 15 лѣтъ всѣми дѣйствіями союзниковъ. Между тѣмъ наши союзники, не условившись съ нами насчетъ такого серіознаго и рѣшительнаго шага, поспѣшили своимъ признаніемъ увѣнчать революцію и узурпацію. Это былъ шагъ роковой, непонятный, и съ него начинается цѣлый рядъ бѣдствій, непрерывно обрушивающихся съ того времени на Европу.

«Мы сопротивлялись потому, что были къ тому обязаны; я уступилъ исключительно для сохраненія союза; но легко было предвидѣть,

что, послѣ такого примѣра трусости, рядъ событій и мѣропріятій, естественно, не могъ на этомъ остановиться, и, дѣйствительно, въ Брюсселѣ послѣдовали скоро примѣру Парижа. Тамъ сама королевская власть была виновата, потому что она дала поводъ къ возмущенію; напротивъ, въ Брюсселѣ ничего подобнаго не случилось, и отъ государя исходили только благодѣянія. Однако и здѣсь былъ принятъ тотъ же самый принципъ и было объявлено, что страна больше не признаетъ своего прежняго государя, и потому эта страна независима. Поспѣшимъ же признать эту независимость и утвердимъ ее, давъ странѣ государя.

«Но государь не былъ еще хозяиномъ въ своей прежней землѣ и, имѣя въ виду только свою честь, неустанно старается поддержать ее, подавая высокій примѣръ, достойный лучшей участи. И такъ было поступлено относительно Франціи, не спрося предварительно согласія своего стараго союзника; Австрія и Пруссія поторопились объявить о своемъ одобреніи. Но мы съ самаго начала пошли по болѣе благородному пути и, будучи единственными борцами за справедливость, съумѣли поставить предѣлы гнѣву Англіи и Франціи. Развѣ мы могли, не обезчестивъ себя, измѣнить нашъ образъ дѣйствій?

«Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о чести и поведемъ рѣчь только объ интересахъ. Развѣ наши интересы требуютъ согласія на новую несправедливость? Развѣ значитъ сохранять старый союзъ, если мы стараемся общими силами разрушить наше собственное дѣло? Развѣ старый союзъ еще существуетъ, если существуютъ два, прямо противуположныя цѣли стараго союза, стремленія? Развѣ этотъ союзъ еще существуетъ, если Пруссія даетъ намъ чувствовать, что, даже въ случаѣ нападенія французовъ на Австрію, она ограничится лишь заявленіемъ нравственной своей поддержки.

«Развѣ это, Боже мой, великій союзъ, созданный безсмертнымъ императоромъ?

«Сохранимъ же неприкосновеннымъ этотъ священный огонь и не будемъ его безчестить молчаливою уступчивостью передъ трусливыми и несправедливыми поступками державъ, ссылающихся на нашъ союзъ въ томъ только случаѣ, когда онѣ нуждаются въ нашемъ сообщничествѣ, при совершеніи подобныхъ дѣлъ; сохранимъ этотъ священный огонь для той торжественной минуты, наступленіе которой предупредить и отсрочить не въ состояніи никакая человѣческая сила, когда борьба между справедливостью и адскимъ началомъ должна возникнуть. Эта минута близка, и пребудемъ мы тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ силою обстоятельствъ и для собственнаго ихъ спасенія станутъ вторично тѣ, которые обуяются страхомъ въ такія минуты.

«Мы признали фактъ независимости Бельгіи потому, что самъ

король Нидерландовъ призналъ, но мы не признаемъ Леопольда потому, что не имѣемъ никакого права сдѣлать это до тѣхъ поръ, пока король нидерландскій не признаетъ его. Но въ то же время не скроемъ наше открытое неодобреніе двуличнаго и фальшиваго поведенія короля и покинемъ конференцію.

«Если Франція и Англія соединятся для нападенія на Голландію, мы будемъ протестовать потому, что бо̀льшаго сдѣлать не можемъ; по крайней мѣрѣ русское имя не будетъ опозорено въ соучастіи въ такомъ дѣлѣ. Нашъ образъ дѣйствій въ отношеніи Австріи и Пруссіи долженъ быть всегда одинаковъ; онъ долженъ постоянно напоминать имъ объ опасности того пути, по которому онѣ идутъ, и доказывать имъ, что онѣ забываютъ основныя начала союза; что мы никогда не совершимъ такой ошибки потому, что тогда подготовимъ неизбѣжную погибель добраго дѣла. Въ минуту опасности насъ всегда увидятъ готовыми придти на помощь тому изъ нихъ, который возвратится къ нашимъ старымъ началамъ, но въ противномъ случаѣ никогда Россія не пожертвуетъ ни своими деньгами, ни драгоцѣнною кровью своихъ солдатъ.

«Вотъ моя исповѣдь; она серьезна... Она ставитъ насъ въ новое и изолированное положеніе, но, смѣю сказать, въ положеніе почетное и насъ достойное.

«Кто смѣетъ на насъ напасть? Но если кто и осмѣлится, я увѣренъ въ поддержкѣ народа потому, что онъ оцѣнитъ свое положеніе и съумѣетъ, съ Божьею помощью, наказать смѣлость нападающихъ».

Извѣрившись на первомъ опытѣ въ своихъ союзникахъ, императоръ Николай рѣшилъ твердо не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но въ то же время не допустить ни малѣйшаго посягательства французовъ ни на матеріальные интересы Европы, какъ они опредѣлены и гарантированы международными соглашеніями, ни на внутренній миръ различныхъ государствъ.

Такимъ образомъ и Луи-Филиппъ былъ признанъ Россіею только потому, что уже ранѣе его признали въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ.

Покончивъ дѣло съ французскою революціею, русскій императоръ вовсе не былъ готовъ оставить революцію бельгійскую. На докладѣ поэтому поводу графа Нессельроде онъ положилъ резолюцію: «Нѣтъ больше возможности идти назадъ; наше достоинство предписываетъ намъ взять на себя иниціативу; поэтому вамъ нужно приготовить ноту къ тремъ правительствамъ, въ которой укажете на необходимость положить военною силою предѣлъ революціи, всѣмъ угрожающей».

Но въ это время совершенно неожиданно разразилась революція тамъ, гдѣ Николай Павловичъ ожидалъ менѣе всего, у себя дома—въ Царствѣ Польскомъ.

Когда первыя опасенія гражданской войны отчасти миновались, французское правительство начало заниматься иностранными дѣлами, которыя были почти потеряны изъ виду въ бурной суматохѣ первыхъ революціонныхъ дней. Вопросъ иностранной политики, представившійся временному правительству, былъ прямо вопросъ о мирѣ или о войнѣ. Могущественныя основанія побуждали къ войнѣ. Прежде всего это былъ народный голосъ; онъ требовалъ войны, какъ единственнаго средства уничтожить ненавистные договоры 1815 года, за которые съ необыкновенною твердостью стоялъ русскій императоръ. Между тѣмъ во Франціи, наоборотъ, соблюденіе договоровъ 1815 года издавна составляло одно изъ главныхъ обвиненій правительства.

6-го марта Ламартинъ предложилъ правительству проектъ циркуляра къ дипломатическимъ агентамъ Франціи за границею, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить манифестомъ новой республики къ европейскимъ дворамъ. Основныя мысли его были: признаніе и для другихъ государствъ права политическаго самоопредѣленія, которымъ Франція воспользовалась въ февральской революціи, и отказъ отъ всякой наступательной войны. Ламартиновская нота говорила: «Договоры 1815 года не имѣютъ болѣе никакого юридическаго значенія въ глазахъ французской революціи».

Несмотря на мирныя слова и расположеніе министра иностранныхъ дѣлъ, правительство не могло, или не хотѣло воспрепятствовать тому, чтобы изъ Франціи революціонныя предпріятія не направились въ нѣкоторыя сосѣднія страны. Иностранцы, жившіе въ большомъ числѣ во Франціи, именно нѣмцы, бельгійцы, итальянцы и поляки, вслѣдствіе февральскихъ событій пришли въ болѣе или менѣе живое политическое движеніе, которое получало не малое содѣйствіе отъ французскаго правительства и отъ французскаго народа. Въ особенности это содѣйствіе временное правительство проявило въ томъ смыслѣ, что оно обнаруживало крайнюю готовность облегчать возвращеніе иностранцамъ всѣхъ націй на родину и тѣмъ освободить Парижъ отъ части его горючаго политическаго матеріала и остававшагося безъ хлѣба населенія. Прежде всего, при открытомъ содѣйствіи правительства, значительныя толпы нѣмцевъ, подъ знаменемъ чернаго, краснаго и золотаго цвѣта, и съ явными революціонными намѣреніями имѣли возможность двинуться къ Рейну, который большинство ихъ перешло спокойно, такъ какъ въ это время политическое положеніе въ Германіи, казалось, могло обѣщать большой успѣхъ. Въ то же время поляки, жившіе во Франціи въ числѣ многихъ тысячъ, послѣ многихъ дерзкихъ попытокъ вынудить отъ правительства объявленіе войны, получили паспорта и деньги на дорогу, чтобы отправляться на родину,

которой, какъ можно было думать, открывалось поприще для дѣйствій противъ Россіи.

Послѣ того, какъ оставшіеся въ Парижѣ поляки потерпѣли неудачу своей попыткой вынудить у временнаго правительства дѣятельную поддержку своему дѣлу, они съ удвоенною ревностью бросились въ клубы, чтобы съ ихъ помощью устроить поворотъ иностранной политики отъ мира къ войнѣ. Посланные изъ возставшихъ польскихъ мѣстностей раздували огонь страстными изображеніями событій въ Познани и Краковѣ. 10-го мая Воловскій, полякъ, натурализованный во Франціи и членъ Національнаго собранія, представилъ собранію адресъ, подписанный депутатами изъ Познани, Кракова и Галиціи. Адресъ пламенными словами вызывалъ французскій народъ помочь, наконецъ, фактически польскому дѣлу, о которомъ семнадцать лѣтъ говорились одни только пустыя слова. Чтобы дать больше силы воззванію, составители его представляли въ немъ войска, усмирявшія польское возстаніе, оскорбителями святыни, грабителями храмовъ, поджигателями, убійцами женщинъ и дѣтей. «Мы посылаемъ вамъ нашихъ братьевъ,— говорилось въ концѣ адреса,—не для того, чтобы выпрашивать вашего состраданія, но чтобы открыто требовать вашей помощи противъ варварства.

«Они должны призвать васъ исполнить священную миссію, которую Богъ поручилъ вашей націи, и которой не отвергнетъ Франція,— исполнить эту миссію для своей сестры, окровавленной ножемъ убійцы».

Оказалось однако, что поляки только усилили соціалистическую партію, съ которой они соединились для совершенія переворота и чтобы въ члены Собранія выставить отъявленныхъ соціалистовъ. Поляки и пьяная толпа самаго низшаго слоя народа подняли шумъ противъ депутатовъ собранія, грозя кулаками. И вотъ среди хаоса и гвалта, въ которомъ не могли понимать другъ друга, дебатировался польскій адресъ и требовалось, чтобы Франція поставила сѣвернымъ державамъ короткій срокъ для полнаго возстановленія Польши, и по истеченіи срока немедленно двинула войска, чтобы достигнуть цѣли силою оружія. Извѣстный коммунистъ Барбесъ потребовалъ даже, чтобы Національное собраніе въ пользу войны за Польшу наложило на богатство налогъ въ мильярдъ. Коммунисты, завладѣвшіе собраніемъ, постановили объявить войну противъ Австріи, Пруссіи и Россіи въ случаѣ, если они тотчасъ не приступятъ къ возстановленію Польши. Въ то же время началось возстаніе противъ Національнаго собранія, кончившееся кровопролитнымъ междоусобіемъ. Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, а генералу Кавеньяку поручена была вся исполнительная

власть. Кавеньякъ усмирилъ кровопролитный мятежъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и 28-го числа передалъ свою власть въ руки Національнаго собранія.

Такимъ образомъ, шумныя попытки за освобожденіе Польши кончились ничѣмъ. Но двѣ революціи: во Франціи и Бельгіи ободрили поляковъ въ Россіи, Австріи и Пруссіи, и вслѣдъ за ними началось возстаніе въ Варшавѣ. Какъ разыгралась эта революція и чѣмъ она кончилась при посредствѣ Дибича и Паскевича, всѣмъ извѣстно и не можетъ служить предметомъ настоящихъ замѣтокъ, но для связи съ послѣдующими событіями, въ которыхъ большую роль игралъ одинъ изъ членовъ Священнаго Союза — король прусскій — единственный доброжелатель Россіи, необходимо связать ходъ событій до тѣхъ поръ, пока самъ прусскій король не принужденъ былъ подавлять революцію у себя дома. Что же касается до другаго союзника, Австріи, вѣчной соперницы Россіи, то императоръ Николай, вѣрный союзу, внялъ слезнымъ мольбамъ австрійскаго императора и въ 1849 году спасъ его тронъ отъ гибели.

Несправедливо было бы отрицать, что Пруссія оказала существенную услугу Россіи во время польскаго мятежа, который произвелъ на Николая I самое тяжелое впечатлѣніе, выраженное имъ въ собственноручной запискѣ карандашемъ. Въ виду неизвѣстности этой записки и исключительнаго ея интереса г. Мартенсъ въ своемъ трудѣ приводитъ ее безъ пропусковъ.

«Польша,—пишетъ государь,—всегда была соперница и непримиримый врагъ Россіи. Во время нашествія 1812 года ни одинъ изъ народовъ, ставшихъ подъ знамена Наполеона, не обнаруживалъ столько ненависти и мести, какъ поляки. Эти чувства, воодушевлявшія ихъ во время всѣхъ войнъ противъ Россіи, были ими обнаружены и въ продолженіе этой войны страшными звѣрствами. Но Господь благословилъ наше святое дѣло, и наши войска завоевали Польшу. Они заняли ее безъ всякой помощи какой-либо другой державы, а съ 1813 года Россія осуществляла въ этой странѣ всѣ права, вытекающія изъ завоеванія. Факты эти неопровержимы. Тогда представились различныя комбинаціи для окончательнаго устройства Варшавскаго герцогства.

«Императоръ Александръ полагалъ, что онъ лучше всего обезпечитъ интересы Россіи, возстановивъ Польшу, которая, будучи неразрывною частью имперіи, получитъ титулъ королевства и отдѣльное управленіе и войско. Онъ даровалъ ей даже конституцію и заплатилъ такимъ образомъ добровольно благодѣяніемъ за все зло, безпрерывно совершаемое поляками противъ Россіи. Такова была месть благородной души.

«Но развѣ цѣль императора Александра была достигнута? Эта цѣль, какъ было изложено выше, заключалась въ охраненіи инте-

*

ресовъ Имперіи посредствомъ созданія Польши счастливой и процвѣтающей подъ покровительствомъ Россіи и благодаря соединенію Польши съ нею.

«Извѣстно, что эта маленькая страна, будучи разорена и опустошена безпрерывными войнами, нѣсколькими революціями и частыми переходами изъ-подъ одной власти подъ другую, достигла въ пятнадцать лѣтъ высокой степени процвѣтанія. Доходы были не только достаточны для покрытія расходовъ государства, но они дали казнѣ возможность составить резервный фондъ, который потомъ пригодился на поддержку нынѣшней борьбы. Наконецъ, армія, организованная по образцу императорской, была всѣмъ снабжена со стороны Россіи; арсеналы были богато надѣлены всѣми запасами, безъ всякаго обремененія страны какими-либо жертвами на этотъ предметъ. Благодаря также нашимъ усиліямъ, армія достигла рѣдкаго совершенства и была образована настолько, что могла составить кадры для ста тысячъ человѣкъ. Въ такомъ духѣ было создано Царство Польское, цѣною величайшихъ жертвъ со стороны Имперіи. Какую же пользу получила послѣдняя отъ этого своего созданія?

«Продолжительными и кровопролитными усиліями, бывшими въ связи съ другими военными дѣйствіями, совершилось въ 1813 году завоеваніе герцогства Варшавскаго.

«Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ Россія не скупилась ни на какія жертвы для поддержанія польской арміи, для снабженія ея всѣмъ нужнымъ и для вооруженія крѣпостей Царства. Даже на ея иждивеніе содержались русскія войска, служившія для образованія польскихъ войскъ.

«Имперія была наводнена польскими произведеніями, въ ущербъ ея собственной промышленности. Словомъ, все бремя этого новаго пріобрѣтенія падало на Имперію, которая получила единственную пользу, заключавшуюся въ прибавленіи новаго титула къ титуламъ своего государя. Между тѣмъ, зло было осязательное. Провинціи, бывшія прежде польскими, видя подлѣ себя жителей Царства Польскаго, пользующихся настоящею, даже слишкомъ большою, независимостью, стали помышлять больше, чѣмъ когда-либо прежде, объ освобожденіи изъ-подъ власти Имперіи.

«Поэтому одной искры достаточно было, чтобы произвести огромный пожаръ въ этихъ областяхъ, и возстаніе ихъ повліяло прискорбнѣйшимъ образомъ на военныя дѣйствія. Еще бо̀льшее зло было слѣдствіемъ того порядка вещей, согласнаго съ модными идеями, который, будучи почти непримѣнимъ въ Царствѣ Польскомъ, былъ невозможенъ для Имперіи. Онъ породилъ надежды, которыя нанесли чувствительный ударъ какъ общественному порядку, такъ и уваженію государственной

власти, и вызвалъ въ первый разъ прискорбныя событія конца 1825 года. Разъ зло совершилось и примѣръ былъ данъ, трудно было думать, чтобы въ эпоху общихъ смутъ и бунтовъ такія преступныя мысли не продолжали развиваться, не смотря на опытъ, доказавшій ихъ призрачность и опасныя послѣдствія.

«Словомъ, подобный порядокъ вещей долженъ былъ разрушить то, что составляетъ силу Имперіи; т. е. убѣжденіе, что она не будетъ ни могущественна, ни велика иначе, какъ подъ монархическимъ правленіемъ и самодержавнымъ государемъ.

«То, что было ложно въ самомъ основаніи, не могло долго держаться. При первомъ сотрясеніи все зданіе развалилось. И такъ какъ интересы различно понимались въ обѣихъ странахъ, обнаружилось разногласіе мнѣнія по самому жизненному вопросу, а именно: какъ понимать и судить преступленія противъ безопасности государства и личности государя. То, что разсматривалось и наказывалось какъ преступленіе въ Имперіи, оправдывалось и даже восхвалялось въ Царствѣ Польскомъ. Послѣдствіемъ всего этого были: неустранимыя затрудненія, злобное возбужденіе умовъ и укрѣпленіе поляковъ въ ихъ намѣреніи освободиться изъ подъ русской власти, и это преступное стремленіе привело наконецъ къ катастрофѣ 1830 года.

«Однако, все-таки всѣ примирительныя средства, допускаемыя честью Россіи, были еще разъ испробованы, но все было напрасно; торжественныя клятвы повсюду нарушались; измѣна сдѣлалась общею, и всякая возможность соглашенія исчезла. Только тогда русскія войска двинулись. Они пошли, чтобы отомстить за національную честь, оскорбленную самою черною неблагодарностью въ томъ, что наиболѣе для нея свято. Огромныя жертвы были принесены и приносятся еще каждый день для достиженія этой цѣли. Но когда она будетъ достигнута и когда вопросъ силою оружія будетъ рѣшенъ, какой окончательный результатъ надо имѣть въ виду? Или, лучше сказать: въ чемъ будетъ заключаться въ этомъ важномъ дѣлѣ истинная польза Россіи?

«Все, что теперь случилось и что теперь еще дѣлается въ Польшѣ, очевидно, доказываетъ, что прошла пора великодушія; неблагодарность поляковъ сдѣлала его отнынѣ невозможнымъ, и на будущее время все должно быть въ новыхъ порядкахъ, для нихъ устраиваемыхъ, подчинено истиннымъ интересамъ Россіи. Исходя изъ этого положенія, невозможно не согласиться, что интересы Россіи не допускаютъ ни возстановленія Царства Польскаго въ томъ видѣ, какъ оно было создано въ 1815 г., ни сохраненія его конституціи. Дѣло заключается не только въ томъ, чтобы лишить Польшу фактической возможности вредить Россіи, но требуется еще сообразить, какое вознагражденіе можно получить отъ

нея за тяжкія жертвы, и какія выгоды можетъ извлекать Россія изъ владѣнія Польшею.

«Ничто, кажется, не можетъ вознаградить за жертвы и потери, понесенныя Россіей только ради удовлетворенія своей національной чести. Что же касается другаго вопроса, то также кажется, что Россія не можетъ извлечь изъ Польши при нынѣшнемъ ея состояніи никакой осязательной пользы; мало того, она даже не представляетъ никакого обезпеченія въ спокойномъ владѣніи Россіей этою страною.

«Оставаясь вѣрнымъ вышеуказанному началу, въ силу котораго слѣдуетъ сообразовяться исключительно съ истинными интересами Россіи, я полагаю, что единственный способъ разсмотрѣть этотъ вопросъ и дѣйствительно уяснить себѣ его слѣдующій.

«Россія держава могущественная и счастливая сама по себѣ; она никогда не должна быть угрозою ни для своихъ сосѣдей, ни для Европы. Но оборонительное ея положеніе должно быть на столько внушительно, чтобы сдѣлать всякое нападеніе невозможнымъ. Бросая взглядъ на карту, страшно становится, видя, что граница польской территоріи Имперіи доходитъ почти до Одера, между тѣмъ какъ на флангахъ она отступаетъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться близъ Полангена въ Балтійское море и у устьевъ Дуная въ Черное море. Въ этой выдающейся части находится населеніе, существенно враждебное Россіи, и потому требуется армія для удержанія его въ подчиненіи. Эта страна ничего не приноситъ Имперіи; напротивъ, она не можетъ существовать иначе, какъ посредствомъ постоянныхъ жертвъ со стороны Имперіи, чтобы дать ей возможность содержать свое собственное управленіе. Такимъ образомъ ясно, что выгоды отъ этого безпокойнаго владѣнія ничтожны, между тѣмъ какъ неудобства велики и даже опасны. Остается рѣшить, какъ пособить этому.

«Я тутъ не вижу другаго средства кромѣ слѣдующаго:

«что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, неблагодарность которыхъ была такъ очевидна,

«что истинные интересы требуютъ установить и утвердить свою границу по Вислѣ и Нареву,

«что она (Россія) предоставляетъ остальное, какъ недостойное принадлежать ему, своимъ союзникамъ, которые могутъ сдѣлать изъ него все, что имъ покажется нужнымъ,

«что, оставаясь вѣрною своимъ началамъ, Россія утвердила бы за тою частью Царства Польскаго, которая за нею осталась, пользованіе ея законами и учрежденіями настолько, насколько они были бы согласны съ ея безопасностью въ будущемъ,

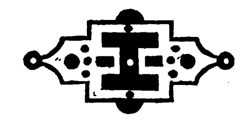
«что титулъ Царства Польскаго будетъ связанъ съ этою страною съ

цѣлью предупредить, чтобъ онъ не былъ данъ кому-либо другому, и чтобы не было создано новое государство, враждебное въ отношеніи Россіи».

Вскорѣ, однако, императоръ Николай убѣдился въ невозможности привести это въ исполненіе.

С. З.

(Продолженіе слѣдуетъ).

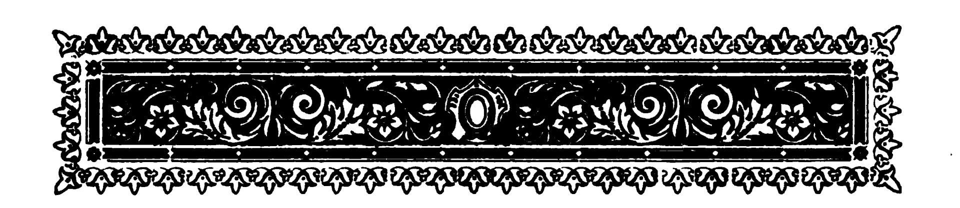

Всеподдан. собственноручное письмо Алексѣя Оленина о назначеніи ему аренды.

10-го іюня 1815 г.

Я за правило себѣ поставилъ не имѣть никакихъ другихъ покровителей кромѣ Бога и царя моего! Заступникъ мой предъ ними да будетъ вѣрная, ревностная моя служба! На семъ основаніи въ бѣдственномъ моемъ положеніи дерзаю прямо прибѣгнуть къ милосердію вашего императорскаго величества! Разстроенныя дѣла послѣ отца и матери моей, собственные мои долги, накопившіеся во время военной и гражданской моей службы, несостоятельность мою сдѣлали неизбѣжною, если ваше императорское величество не воззрите милосердымъ окомъ на горестное мое положеніе. Жалованья по исправляемой мною нынѣ должности я просить не смѣю, по стѣсненному положенію государственныхъ финансовъ; но прошу въ первый разъ, по примѣру многихъ моихъ товарищей, о пожалованіи мнѣ аренды, на 12-ть лѣтъ, безъ платежа арендныхъ денегъ (?). Семейство мое должно погибнуть, если я не получу подкрѣпленія отъ щедротъ царя! Несчастное сіе положеніе дѣлаетъ меня дерзновеннымъ. Припадая къ освященнымъ стопамъ царя и благотворителя моего, со слезами умоляю о всемилостивѣйшемъ принятіи прилежнѣйшей просьбы.

Шуточныя басни И. А. Крылова.

Въ 1901 году въ Императорскую публичную библіотеку поступило нѣсколько автографовъ Ивана Андреевича Крылова. Бо̀льшая часть этихъ рукописей, принадлежавшихъ нѣкогда семейству Олениныхъ, была уже издана. Оленинскими рукописями пользовался еще въ 1847 году Лобановъ, напечатавшій по нимъ три письма Крылова къ В. А. Олениной [1]). Въ 1868 году тогдашній владѣлецъ этихъ рукописей—Н. И. Стояновскій—предоставилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ распоряженіе редакторамъ юбилейнаго въ честь Крылова сборника, изданнаго Академіей Наукъ [2]). Въ сборникѣ были напечатаны по Оленинскимъ рукописямъ 1) комедія «Лѣнтяй», 2) басня «Пиръ» и 3) письмо къ В. А. Олениной. Но, кромѣ перечисленныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, напечатанныхъ въ полномъ собраніи сочиненій Крылова [3]), въ Оленинскихъ рукописяхъ сохранилось нѣсколько, правда мелкихъ, произведеній Крылова, доселѣ еще не появившихся въ печати. Къ числу ихъ принадлежатъ печатаемыя шуточныя басни.

Шуточныя басни, какъ видно изъ приписки, сдѣланной рукою В. А. Олениной, написаны Иваномъ Андреевичемъ въ Пріютинѣ. Пріютино—мыза Олениныхъ вблизи Петербурга; здѣсь Крыловъ часто, и иногда подолгу, гостилъ. «Теперь собираюсь,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ В. А. Олениной,—къ себѣ, въ ваше Пріютино,

---

[1]) „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова". Сочиненіе академика Михаила Лобанова, Спб. 1847, стр. 71—75.

[2]) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. VI, Спб. 1869, стр. 183—213, 273—278.

[3]) Полное собраніе сочиненій И. Крылова, съ біографіей его, написанной Плетневымъ, Спб. 1847, т. II, стр. 46 и 105.

гдѣ мнѣ никогда не можетъ быть скучно» [1]). Дѣйствительно, въ Пріютинѣ Оленинскій кружокъ проводилъ время особенно весело [2]). Не мало веселья вносилъ въ этотъ кружокъ и Крыловъ. Устимовичъ, слышавшій разсказы о пріютинской жизни отъ Ан. Ал. Андро (р. Олениной), прибавляетъ, что особенно привѣтливо свѣтятся ея глаза, нѣкогда воспѣтые Пушкинымъ, тогда, когда она разсказываетъ о проказахъ дѣдушки Крылова [3]). Изъ забавъ пріютинскаго общества была особенно въ ходу игра въ шарады, и, по разсказамъ очевидцевъ, особенно уморителенъ былъ въ этой игрѣ Крыловъ, когда онъ изображалъ различныхъ героевъ своихъ басенъ [4]). По всей вѣроятности, для одной изъ такихъ игръ и, можетъ быть, во время одной изъ такихъ игръ и были написаны шуточныя басни.

Рукопись съ шуточными баснями состоитъ изъ трехъ небольшихъ in 4⁰, листовъ синей бумаги, перешитыхъ черными шелковыми нитками. На верху перваго листа рукою В. А. Олениной написано: «Шуточныя басни И. А. Крылова въ Пріютинѣ».

Помѣщаемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены въ рукописи.

Паукъ и громъ.

Передъ окномъ
        Былъ домъ.
Ударилъ громъ,
И со стѣны паукъ
        Вдругъ стукъ,
Упалъ, лежитъ,
Разинулъ ротъ, оскалилъ зубы,
И шопотомъ сквозь губы
        Вотъ что кричитъ: [5])

---

[1]) По рукописи. См. также у Лобанова въ указ. соч., стр. 72.

[2]) П. М. Устимовичъ. „А. А. Андро", „Русск. Старина" 1890 г., VIII, стр. 389.

[3]) П. М. Устимовичъ. „Н. И. Гнѣдичъ", „Русск. Старина" 1887 г., VII.

[4]) П. М. Устимовичъ. „Ан. Ал. Андро", „Русск. Старина" 1890 г., VIII, стр. 389.

[5]) Первоначально первая половина басни читалась:

Былъ домъ.
Ударилъ громъ
Передъ окномъ
Паукъ
Со стѣны стукъ,
        Упалъ, лежитъ,
И вотъ что говоритъ...

„Когда бъ осломъ
Я созданъ былъ Зевесомъ,
Ходилъ бы лѣсомъ;
Меня бы громъ,—
Тряся окномъ
И домъ [1]),—
Съ стѣны не могъ стряхнуть".

Насъ чаще съ высоты стараются сопхнуть.

Оселъ и заяцъ.

Оселъ не птица,—
Онъ не гораздъ летать;
Однако жъ для него не въ первый разъ хвастать,
Мычать
И родъ звѣрей всѣхъ увѣрять,
Что молодецъ и онъ летать,
Что онъ подъ облака взовьется, какъ синица [2])
Или царица—
Орлица.
А заяцъ тутъ: „ну, ну-тка! Полети!"
—„Ахъ ты, косой трусиха!"—
Оселъ рычитъ:—„летаю, какъ орлиха,
Но не хочу!"—„Пожалуй, захоти!"—
Такъ мудро заяцъ отвѣчаетъ.
Оселъ бѣжитъ, скакаетъ,
И въ яму хлопъ.

Не суйся въ ризы, коль не попъ!

Комаръ и волкъ.

Комаръ
Жилъ у татаръ
Иль у казаръ.
Вдругъ волкъ
Къ нимъ въ двери толкъ.

Но рукою Крылова сдѣланы были поправки (карандашемъ), именно: передъ первыми тремя стихами разставлены цифры: предъ 1-мъ ст.—цифра 2; предъ 2-мъ—3; предъ 3-мъ—1. Слова: „Паукъ со стѣны" зачеркнуты и карандашемъ надписано:

И со стѣны паукъ
Вдругъ...

Стихъ же: „И вотъ что говоритъ"—зачеркнутъ чернилами.

[1]) Этотъ стихъ первоначально читался: „Вихая домъ", но послѣ карандашемъ былъ замѣненъ тѣмъ, что приведено выше. Вихать—сдвинуть съ мѣста.

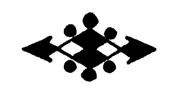
[2]) Первоначально:

Что онъ подъ небеса взовьется...

Давай кричать
И комара кусать.
Комаръ испугался,
На печку забрался.
Тутъ волкъ ему:
„Съ печи тебя стяну!"
А тотъ: „нѣтъ, не достанешь.
Устанешь,
Отстанешь!"
А волкъ
Вдругъ скокъ
Къ нему тутъ на полати,
Да вотъ его и проглотилъ,
А самъ таковъ и былъ.

И мнѣ пришло сказать тутъ кстати.
Что сильный слабаго не дивно погубилъ [1]).

Сообщ. **Л. Ильинскій**.

[1]) Послѣдній стихъ имѣлъ первоначально редакцію:
Что такъ бываетъ съ робкими во рати,—
но это зачеркнуто и написано:
Что сильный слабаго изволитъ жрати—
но затѣмъ послѣднія два слова измѣнены, какъ приведено выше.

Изъ записокъ В. К. Луцкаго.

III [1]).

Когда я былъ въ Никольскомъ, то получилъ письмо отъ помѣщика Аркадія Африкантовича Бабкина, въ которомъ онъ просилъ пріѣхать къ нему и уладить его дѣло съ крестьянами. Дѣло это выдавалось изъ ряда обыкновенныхъ, а потому я опишу его подробно. Бабкинъ, молодой человѣкъ, служилъ въ гвардіи и назадъ тому года четыре вышелъ въ отставку поручикомъ и пріѣхалъ въ имѣніе. Первымъ дѣломъ его было отдѣлить господскую землю отъ крестьянской. Онъ отрѣзалъ крестьянамъ кругомъ ихъ поселенія 500 десятинъ, а на остальной землѣ, которой было 1.200 десятинъ, завелъ хуторное хозяйство. Выстроилъ себѣ домикъ и началъ заниматься хлѣбопашествомъ. Всѣ работы производились наймомъ; крестьяне, которыхъ было 100 душъ, были имъ освобождены какъ отъ барщины, такъ и отъ оброка. Онъ рѣшительно никуда не показывался, не только я, недавно пріѣхавшій въ уѣздъ, но даже постоянные жители и его ближайшіе сосѣди, кромѣ дальняго его родственника Александра Петровича Бабкина, его ни разу не видѣли.

Все это было сдѣлано имъ еще въ 1858 году, и потому о немъ ходили странные слухи, кто называлъ его сумасшедшимъ, кто краснымъ, кричали, что онъ возстановляетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, что это самый вредный человѣкъ и что если не разстрѣлять, то все-таки надо сослать его въ Сибирь.

Я давно интересовался личностью Бабкина и вдругъ получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ пишетъ, что давно уже поставилъ себѣ цѣлью улучшеніе крестьянскаго быта и, воспользовавшись Положеніемъ 19-го

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

февраля, составилъ уставную грамоту на слѣдующихъ основаніяхъ: за нимъ числится крестьянъ 100 душъ, онъ предоставляетъ имъ надѣлъ въ 500 десятинъ удобной земли (болѣе противу опредѣленнаго для нашей мѣстности на 100 десятинъ). Земля отдается та самая, которая всегда была въ ихъ владѣніи, расположенная кругомъ селенія. За эту землю, которую онъ предоставляетъ имъ въ собственность, онъ не требуетъ отъ нихъ никакого выкупа, желаетъ только одного, чтобы они подписали грамоту, и вотъ, оканчиваетъ онъ письмо: «бьюсь съ ними $1^1/_2$ года, не соглашаются да и только. Я думалъ до сихъ поръ, что имѣю дѣло съ людьми, но, увы, горько разочаровался, приходится вѣрить сосѣдямъ, что наши крѣпостные не люди, а безсмысленные скоты».

Имѣніе его принадлежало къ Озерской волости. Я заѣхалъ сначала въ волостное правленіе, гдѣ спросилъ старшину, не знаетъ-ли онъ, почему бабкинскіе крестьяне не подписываютъ грамоты. Старшина говорилъ, что ничего не знаетъ, а писарь объяснилъ, что это происходитъ отъ безчувственности. Приказавъ писарю замолчать и не соваться, гдѣ его не спрашиваютъ, я опять обратился къ старшинѣ, не слыхалъ-ли онъ у нихъ какихъ разговоровъ о грамотѣ. На это онъ сказалъ мнѣ, что крестьяне очень довольны своимъ бариномъ, но грамоту не подписываютъ потому, что у барина остается много земли. Приказавъ на другой день собрать утромъ въ 8 часовъ сельскій сходъ у Бабкина на хуторѣ, я самъ поѣхалъ къ нему. Онъ жилъ верстахъ въ 5-ти отъ Озерокъ. Я пріѣхалъ къ нему часовъ въ 6-ть вечера. Познакомившись съ нимъ, я нашелъ въ немъ умнаго, образованнаго молодаго человѣка. Онъ жилъ скромно, безъ роскоши, но со всѣми удобствами. Комнаты были убраны весьма мило, у него быта очень хорошая библіотека, лучшіе газеты и журналы; онъ слѣдилъ за всѣми новостями по всѣмъ отраслямъ, такъ что вечеръ прошелъ незамѣтно. Бабкинъ горько жаловался на неблагодарность крестьянъ и сомнѣвался, чтобы мнѣ удалось покончить дѣло съ ними.

Я же, напротивъ, былъ вполнѣ увѣренъ, что крестьяне подпишутъ грамоту,и просилъ его только не вмѣшиваться, а предоставить все дѣло мнѣ.

На другой день, когда собрались крестьяне, я вышелъ къ нимъ и, поздоровавшись, спросилъ, знаютъ-ли они, какую милость имъ дѣлаетъ помѣщикъ? На это они отвѣчали, что знаютъ и должны вѣчно благодарить своею барина за его милости.

— А если такъ,—сказалъ я,—то почему же вы не подписываете уставной грамоты?

— Не смѣли безъ тебя, Владиміръ Константиновичъ,—отвѣчали они.

— Да мнѣ-то что тутъ за дѣло?

— Да все же ты нашъ начальникъ, не знали, какъ ты,—возразили крестьяне.

— Сколько разъ мнѣ вамъ толковать, что я не начальникъ вашъ. Всѣ ваши сдѣлки съ помѣщикомъ вы должны дѣлать сами, и все, на что вы съ нимъ согласитесь и подпишетесь, такъ и будетъ сдѣлано. Дѣло другое, если васъ помѣщикъ обижаетъ или вы не исполняете повинностей на помѣщика, какъ приказано государемъ, ну, тогда мое дѣло разобрать, кто правъ, кто виноватъ, и заставить виновника исполнить царское положеніе. А какъ у васъ нѣтъ споровъ и жалобъ на барина, а отъ барина на васъ, такъ мнѣ и дѣла нѣтъ и вмѣшиваться нечего. Поняли, что-ли?

— Понять-то поняли, да какъ же такъ безъ тебя, извѣстно дѣло, ты нашъ начальникъ, безъ тебя все боязно,—отвѣчали крестьяне.

Видя, что такимъ образомъ толку не добьешься, я приступилъ къ дѣлу.

— Помѣщикъ вашъ, – сказалъ я,—даритъ вамъ по 5 десятинъ на душу земли, а всего на 100 душъ 500 десятинъ. Онъ отдаетъ землю ту самую, которой вы и теперь владѣете, значитъ, вы ее знаете хорошо. За это онъ отъ васъ не требуетъ ни работы, ни денежной платы; теперь вы должны только подписать объ этомъ уставную грамоту. Выберите себѣ, кому вы довѣряете, пусть онъ придетъ ко мнѣ и подпишетъ.

Крестьяне начали между собою толковать. Видя, что кто-то мѣшаетъ имъ, я спросилъ, хотите подписать или нѣтъ?

— Да, вотъ, Владиміръ Константиновичъ, какъ-то боязно намъ-то подписывать, чтобы чего за это не вышло отъ царя,—отвѣчалъ одинъ изъ стариковъ.

— Да развѣ ты не знаешь, что я поставленъ отъ царя, чтобы вамъ толковать новое Положеніе. Ты мнѣ бобовъ-то не разводи, меня не проведешь, а лучше прямо говори, почему вы не подписываете?

— Да видишь что, Владиміръ Константиновичъ,—отвѣчалъ онъ же,— все намъ сумнительно, что у барина-то много земли остается; ну, что онъ безъ насъ дѣлать съ нею будетъ?

— Что онъ съ нею будетъ дѣлать?—это онъ знаетъ, а что вы свиньи, это я знаю,—отвѣчалъ я. Ну, стоите-ли вы, негодные, этой милости, которую вамъ дѣлаетъ баринъ. Я съ вами долго толковать не буду; вотъ вамъ полчаса срока обдумать, подписывать грамоту или нѣтъ. Если черезъ полчаса не подпишете, то я введу у васъ грамоту по Положенію.

— Ты погоди, Владиміръ Константиновичъ, прежде намъ скажи, какъ это по Положенію?

— Вы оброка не платили?

— Не платили.

— Ну, и платить не будете. Барщину не правили?

— Не правили.

— Ну, и править не будете.

— Покорно благодаримъ.

— Погодите благодарить, а вы дослушайте. Я по Положенію отрѣжу вамъ земли 400 десят. Остальныя 100 дес., какъ лишнія, противъ Положенія, отъ васъ возьму и отдамъ помѣщику. Затѣмъ съ 400 десятинами помѣщикъ передастъ васъ въ казну, и вы будете платить 49 лѣтъ по 7 р. 20 к. съ души. Теперь слышали, такъ подумайте, подписывать грамоту или нѣтъ, я вамъ даю полчаса.

— Чего тутъ думать, давай грамоту, подпишемъ.

— Нѣтъ, теперь вы у меня не такую подпишете, какую вамъ предлагалъ помѣщикъ, а подпишете по-моему. За помѣщикомъ вашимъ есть казенный долгъ, онъ долженъ каждый годъ платить по 208 руб., а платить еще надо 14 лѣтъ, такъ деньги эти будете платить вы. Это вамъ въ наказаніе за ваше глупое упрямство. Я сейчасъ пойду писать грамоту, вы можете идти обѣдать и, пообѣдавши, приходите.

Наканунѣ, изъ разговора съ Бабкинымъ я узналъ, что кромѣ этого долга онъ обязанъ еще по духовному завѣщанію и по раздѣльному акту съ братьями выплатить сестрѣ 10.000 руб. Вотъ почему мнѣ пришло на мысль развязать ему руки въ отношеніи банковаго долга, хотя долгъ и не значительный, но могли случиться обстоятельства, по которымъ онъ бы затруднялся своевременно платить, а это влекло непріятныя послѣдствія. Для крестьянъ же платить по 2 руб. съ души при такомъ надѣлѣ ничего не значило. Когда я объяснилъ Бабкину, то онъ говорилъ, что этого не желаетъ, а принимаетъ банковый долгъ на себя. Зная положеніе его дѣлъ, я совѣтовалъ ему написать грамоту, какъ я предположилъ. Если его хозяйственныя дѣла позволятъ, то онъ всегда можетъ внести долгъ въ банкъ, а между тѣмъ этотъ незначительный платежъ будетъ урокомъ для крестьянъ за ихъ недовѣріе; такъ и сдѣлали. Часа черезъ два, крестьяне собрались и подписали уставную грамоту, по которой они пріобрѣтали въ собственность 500 д. удобной земли за банковый долгъ, который должны платить въ теченіе 14 лѣтъ по 2 р. 4 к. съ души. Не знаю, заплатилъ-ли послѣ Бабкинъ долгъ, но когда, впослѣдствіи, я былъ членомъ Самарскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, то крестьяне аккуратно, каждый годъ въ февралѣ, привозили мнѣ эти деньги, и я ихъ вносилъ въ отдѣленіе банка.

Я получилъ письма, вслѣдствіе которыхъ мнѣ нужно было съѣздить въ Самару. Въ два дня я кончилъ свои дѣла въ Самарѣ и хотѣлъ уже ѣхать обратно, какъ случайно встрѣтился съ губернаторомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы переговорить о разныхъ дѣлахъ, между прочимъ спросилъ, куда я предполагалъ ѣхать отсюда.

Я отвѣчалъ, что ѣду въ Бѣсовку, имѣніе князей Дадіанъ, гдѣ уже сдѣлалъ предварительныя распоряженія ко вводу грамоты.

— Послушайте,—сказалъ губернаторъ,—я бы вамъ совѣтовалъ на нѣсколько времени отложить свою поѣздку въ Бѣсовку, а предварительно выслать туда военную команду.

Надо знать, что вскорѣ по обнародованіи Положенія въ Бѣсовкѣ вспыхнуло серьезное волненіе. Предводитель, который ѣздилъ усмирять волненіе, едва-едва ускакалъ отъ волновавшихся крестьянъ, затѣмъ волненіе приняло такіе размѣры, что посылали военную команду, и главные зачинщики, по приговору военнаго суда, были прогнаны сквозь строй.

Все это было до вступленія въ должность мировыхъ посредниковъ.

Я отвѣтилъ губернатору, что не вижу никакой надобности въ войскѣ, что я нѣсколько разъ бывалъ въ этой волости и нашелъ народъ совершенно спокойнымъ.

— По крайней мѣрѣ вытребуйте туда исправника, и пусть онъ наберетъ нѣсколько десятковъ безсрочныхъ.

Я и это предложеніе отклонилъ; объявивъ губернатору, что я разъ навсегда поставилъ себѣ за правило исполнять мои обязанности безъ содѣйствія полиціи, и если я сначала не встрѣтилъ ни разу надобности въ полиціи, то тѣмъ болѣе не нужна она мнѣ теперь, когда крестьяне уже достаточно ознакомились со мной.

— Ну, какъ хотите,—отвѣчалъ Арцимовичъ,—однако, надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ просьбѣ прислать мнѣ нарочнаго и написать два слова, какъ пойдетъ у васъ дѣло со вводомъ грамоты, а то я все время не буду спокоенъ за васъ...

Обѣщавъ это исполнить, я съ нимъ простился, при чемъ онъ мнѣ сказалъ, что въ іюлѣ думаетъ произвести ревизію въ Ставропольскомъ уѣздѣ.

На другой день я выѣхалъ изъ Самары, но уже не на пароходѣ, а на почтовыхъ, въ Бѣсовку, куда и пріѣхалъ въ 8 час. вечера. Такъ какъ крестьяне князей Дадіанъ были мордва, то съ вечера я занялся съ писаремъ и священникомъ переводомъ уставной грамоты на мордовскій языкъ по пунктамъ. Утромъ собрались крестьяне, и я приступилъ къ повѣркѣ грамотъ. Такъ какъ земля отводилась та самая, которою они владѣли, отрѣзки не требовалось, и споровъ крестьяне никакихъ не заявляли, то грамота была введена въ тотъ же день. Я ее читалъ по пунктамъ по-русски, а затѣмъ каждый пунктъ грамоты писарь читалъ по-мордовски, послѣ чего я спрашивалъ крестьянъ, поняли-ли они и не имѣютъ-ли чего противъ этого сказать. Когда они отвѣчали, что поняли, и что написано вѣрно, то я переходилъ къ другому пункту. По окончаніи всѣхъ пунктовъ, я объявилъ грамоту утвержденной и введенною, и приказалъ старостѣ дѣлать разсчетъ на ра-

боты по грамотѣ. Староста оказался весьма толковымъ мужикомъ. Я выдалъ ему и въ контору книги на записку рабочихъ и пробылъ слѣдующій день, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ работать крестьяне по грамотѣ.

Къ губернатору отправилъ нарочнаго съ извѣстіемъ, что грамота введена такъ тихо и покойно, какъ дай Богъ, чтобы удалось ввести и въ другихъ имѣніяхъ.

Вскорѣ я получилъ изъ Самары письмо, что Арцимовичъ назначенъ попечителемъ въ Одессу, а къ намъ губернаторомъ—Замятинъ, предсѣдатель Тульской палаты государственныхъ имуществъ. Такъ какъ, до прибытія новаго губернатора, не могла состояться ревизія волостныхъ правленій, а уставныя грамоты болѣе $^2/_3$ общаго числа были у меня введены, то я предположилъ ѣхать отдохнуть вмѣстѣ съ семействомъ на Сергіевскія сѣрныя воды, которыя отъ моего имѣнія всего въ 140 вер.

На сѣрныхъ водахъ я провелъ три недѣли и отдохнулъ отъ зимнихъ и весеннихъ занятій, которыхъ, по правдѣ сказать, было достаточно. Время проводилось на водахъ очень весело, много встрѣтилъ старыхъ моихъ казанскихъ знакомыхъ и товарищей, со многими познакомился на водахъ. Разъ какъ-то, когда я шелъ по саду къ водамъ, у самой галлереи мнѣ встрѣтилась дама уже пожилая, высокая, худая.

— Вы Луцкій?—спросила она меня.

— Да,—отвѣтилъ я ей.

— Вы посредникъ.

— Да.

— Что же это вы со мной надѣлали? Я отвела крестьянамъ землю, земля отличная, а вы послушали ихъ, забраковали, и заставляете меня вмѣсто 1.500 десятинъ, дать имъ 2.000. Я буду на васъ жаловаться министру.

— Позвольте мнѣ узнать вашу фамилію, сударыня.

— Я Шитцъ.

— Извините, сударыня, вы вѣроятно ошибаетесь, вашего имѣнія въ моемъ участкѣ нѣтъ.

— Я бугурусланская помѣщица.

— Помилуйте, сударыня, а я ставропольскій посредникъ.

— Это все равно, вы всѣ заодно. Имѣніе мое недалеко отсюда, извольте завтра же ѣхать и передѣлать, а то я на васъ буду жаловаться. Можетъ быть, вы и министра не боитесь? Я, милостивый государь, самому императору буду жаловаться, онъ не позволитъ такъ насъ, бѣдныхъ женщинъ, обижать.

Она такъ пристала, что я едва вырвался отъ нея. Прихожу домой,

а у меня за чаемъ сидитъ Бекетовъ, профессоръ Казанскаго университета, и Аристовъ, самарскій помѣщикъ, мой старый товарищъ по университету, и страшно хохочетъ, а когда я взошелъ, они обратились ко мнѣ съ вопросомъ.

— Что вырвался?

— Чортъ знаетъ, что такое!—отвѣчалъ я. Какая-то сумасшедшая ко мнѣ пристала.

— Это они напустили ее на тебя,—сказала мнѣ жена,—пришли ко мнѣ и говорятъ, что хотятъ чаю, я сказала, что жду тебя.

— Нѣтъ,—отвѣчали они,—вы его не скоро дождетесь, мы напустили на него Шитцъ: она теперь его не скоро отпуститъ.

— Да зачѣмъ же вы это дѣлаете?—спросилъ я.

— Да вотъ мы уже другой день не знаемъ, какъ отъ нея отвязаться. Она третьяго дня пріѣхала на воды, вчера и сегодня съ утра забралась къ намъ, сначала ко мнѣ,—сказалъ Аристовъ, потомъ къ Бекетову; не даетъ ни минуты покоя, все съ жалобами на крестьянъ и посредниковъ. Давеча идемъ съ ней, видимъ по другой аллеѣ идешь ты, мы ей и говоримъ: что вы все къ намъ пристаете, вонъ идетъ посредникъ, такъ вы всего лучше обратитесь къ нему. Онъ вамъ будетъ говорить, что онъ другаго уѣзда, не слушайте, это онъ, чтобы отвязаться, а они всѣ заодно, всякій можетъ дѣлать, что хочетъ.

Не успѣли они договорить послѣднихъ словъ, какъ она къ намъ во дворъ и на крыльцо. Я едва успѣлъ изъ противоположнаго окна выпрыгнуть на улицу, Бекетовъ выбросилъ мнѣ фуражку, и я пошелъ къ знакомымъ.

Возвратился часовъ въ 11 и узналъ, что она только-что ушла, страшно надоѣдала женѣ своими просьбами и жалобами, и обѣщалась на другой день утромъ опять придти. И, дѣйствительно, рано утромъ вновь явилась, но ей сказали, что я еще не возвращался, и вѣроятнѣе всего зашелъ къ знакомымъ. Такимъ образомъ я отъ нея отдѣлался.

Спустя нѣкоторое время, поѣхалъ я въ Самару, чтобы познакомиться съ новымъ губернаторомъ и переговорить о дѣлѣ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Скоро я покончилъ тамъ дѣла, губернаторъ мнѣ объявилъ, что онъ на-дняхъ ѣдетъ къ намъ на ревизію волостей. Я просилъ его непремѣнно въ Никольскую волость, гдѣ, пользуясь его пріѣздомъ, я введу уставную грамоту, а иначе придется непремѣнно туда вводить команду, такъ какъ крестьяне и слышать не хотятъ о грамотѣ. Вообще у меня въ участкѣ, да и во всей нашей губерніи, какъ я слышалъ отъ другихъ посредниковъ, легко и удобно было вводить уставныя грамоты въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики злоупотребляли своею властью и тѣснили крестьянъ, тамъ же, гдѣ

*

владѣльцы предоставляли крестьянамъ разныя льготы, напр.: у Трубецкаго, у Соллогуба, работниками считались отъ 18-ти до 50-ти лѣтъ, а свыше 50-ти уже на работу не выходятъ, женщины работали до 40 лѣтъ. Если же у женщины, хотя молодой, были маленькія дѣти и въ семьѣ не было другой женщины, то она отъ работъ освобождалась. Кромѣ того, крестьяне имѣли право свободной рубки дровъ и косьбы травы. Въ случаѣ пожара, кромѣ лѣса, выдавалась денежная помощь. Въ такихъ имѣніяхъ вводъ грамоты представлялъ страшное затрудненіе. Крестьяне ни за что не хотѣли принимать ихъ, оно и понятно: отъ уставныхъ грамотъ ихъ бытъ не только не улучшался, напротивъ, они теряли многое изъ своихъ прежнихъ правъ.

Губернаторъ горячо и долго спорилъ со мною относительно никольскихъ крестьянъ, доказывая, что нѣтъ никакой трудности ввести у нихъ грамоту, только нужно сумѣть за это взяться. Я ему отвѣчалъ, что лучше всего намъ не спорить, на мѣстѣ увидитъ самъ, что можно будетъ сдѣлать; скажу только одно, что если ему удастся своимъ вліяніемъ убѣдить крестьянъ принять грамоту и исполнить ее, то, не смотря на то, что я уже $1^1/_2$ года посредникомъ и въ 40 имѣніяхъ ввелъ грамоты,—охотно сознаюсь, что не сумѣлъ взяться за дѣло.

На другой день губернаторъ заѣхалъ ко мнѣ въ домъ мироваго съѣзда и просилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на ревизію по присутственнымъ мѣстамъ. Мы поѣхали въ уѣздное полицейское управленіе. Губернаторъ обратилъ вниманіе на какое-то дѣло и потребовалъ объясненія. Съ объясненіемъ выступилъ засѣдатель—Ѳедосеевъ. Этотъ человѣкъ всегда былъ засѣдателемъ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя помнить. На объясненія его губернаторъ,—который былъ отличный юристъ,—сказалъ: «что вы мнѣ чепуху несете? Подайте такой-то томъ Св. Законовъ».

Ѳедосеевъ подалъ.

— Отыщите такую-то статью и читайте.

Ѳедосеевъ нашелъ, но отъ страха не могъ разобрать ни слова.

— Вы, можетъ быть, безъ очковъ не можете читать?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Такъ отыщите очки, надѣньте и читайте.

Ѳедосеевъ ушелъ, явился въ очкахъ и мямлилъ про себя такъ, что ничего нельзя было понять. Замятинъ горячился.

— Да, читайте же, я вамъ говорю,—закричалъ онъ на него.

Я наклонился къ губернатору и на ухо сказалъ ему: «какъ вы требуете, чтобы онъ читалъ, когда человѣкъ сроду не носилъ очковъ, а теперь ихъ надѣлъ, и ничего не видитъ».

— Зачѣмъ же этотъ дуракъ надѣлъ ихъ?—спросилъ по-французски меня губернаторъ.

— Еще бы не надѣть,—отвѣчалъ я,—когда приказалъ губернаторъ, онъ привыкъ буквально исполнять всякое приказаніе.

Замятинъ расхохотался, велѣлъ снять очки, разъяснилъ, что слѣдовало сдѣлать, и уже спокойно продолжалъ ревизію. Отобѣдавъ у Замятина, я съ нимъ простился и сказалъ, что послѣ-завтра буду его ждать въ имѣніи Кроткова. Это послѣдняя волость 1-го участка, пограничная съ моимъ и всего въ 3-хъ верстахъ отъ Соллогубовскаго Никольскаго. Онъ обѣщалъ пріѣхать къ 8-ми часамъ.

Въ Кротковѣ былъ только предводитель да я. Губернаторъ пріѣхалъ, какъ и обѣщалъ, въ 8 часовъ вечера. Кротковъ ждалъ его съ чаемъ и легкой закуской. Вечеръ прошелъ незамѣтно, и мы послѣ ужина разошлись часовъ въ 12. На другой день мы собрались за чаемъ въ 7 часовъ утра, а въ 8 поѣхали въ Никольское. Исправникъ и становой поѣхали туда наканунѣ. Такъ какъ разстояніе было не болѣе 3-хъ верстъ, то мы черезъ $^1/_4$ часа были уже въ Никольскомъ. Всѣ крестьяне вышли навстрѣчу и ждали у рѣки Черемшана. Едва завидѣли губернатора, какъ встали на колѣни. Впереди стоялъ старшина съ хлѣбомъ-солью.

— Видите,—сказалъ губернаторъ,—съ какой покорностью эти люди встрѣчаютъ насъ, я пари держу, что черезъ полчаса вы съ ихъ согласія введете уставную грамоту.

— Дай Богъ, чтобы ваши слова сбылись.

Онъ вышелъ изъ экипажа, приказалъ крестьянамъ встать, принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль и началъ съ ними говорить объ ихъ хозяйствѣ; крестьяне, между прочимъ, жаловались ему на управляющаго за отрѣзку земли и другія безтолковыя распоряженія. Когда же губернаторъ имъ сказалъ, что они должны объ этомъ обратиться къ посреднику, то крестьяне отвѣчали:

— Да мы, поди, ужъ надоѣли Владиміру Константиновичу. Дай Богъ ему здоровья, онъ насъ въ обиду не даетъ и всякое дѣло разбираетъ, а все онъ не ты, ему надъ управляющимъ воли нѣтъ, а ужъ ты, ваше превосходительство, сократи его пожалуйста.

На это губернаторъ отвѣтилъ, что разберетъ на мѣстѣ дѣло, что о безпорядочныхъ дѣйствіяхъ управляющаго онъ слышалъ и отъ посредника.

— А вы,—говорилъ губернаторъ, обращаясь къ крестьянамъ,— теперь мнѣ здѣсь говорите, что всегда благодарны вашему посреднику за защиту, и что безъ него вамъ бы житья не было, такъ почему же вы его не слушаете и не вѣрите ему?

— Мы не вѣримъ ему!—закричали крестьяне,—что онъ прикажетъ, то и будетъ.

— Отчего же у васъ до сихъ поръ не введена уставная грамота, посмотрите, у сосѣдей вездѣ уже введена.

— У насъ о грамотѣ еще и рѣчи не было,—отвѣчали крестьяне.

— Ну, такъ я буду съ вами говорить,—ступайте въ барскій домъ и ждите меня.

Мы поѣхали впередъ, и я предложилъ губернатору безъ меня толковать съ крестьянами, а я въ это время займусь дѣлами въ другой половинѣ дома.

Не прошло и часу, какъ я услышалъ какой-то шумъ и крики; я пошелъ посмотрѣть, что дѣлается, ко мнѣ навстрѣчу шелъ губернаторъ, весь красный, внѣ себя.

— Помилуйте, Владиміръ Константиновичъ,—сказалъ онъ,—да вѣдь это разбойники; какъ вы съ ними ладите? Я сейчасъ же посылаю за военной командой. Они меня чуть не убили! Старшину сейчасъ же отрѣшите; я ихъ усмирю, я покажу имъ, какъ говорить дерзости.

Насилу я его успокоилъ и уговорилъ идти вмѣстѣ со мной въ отведенное намъ помѣщеніе и, вызвавъ къ себѣ старосту, приказалъ крестьянъ не распускать, такъ какъ губернаторъ будетъ еще съ ними говорить. Я просилъ его разсказать мнѣ, что тамъ было у него съ крестьянами.

— Помилуйте,—началъ онъ,—да вѣдь это чистые разбойники. Какъ вы рѣшаетесь ѣздить къ нимъ одни, они въ состояніи убить васъ.

— Ни васъ, ни меня они не убьютъ. Это не разбойники, а народъ фабричный, разбалованный при крѣпостномъ правѣ мошенниками-управителями. Они обкрадывали и обманывали графа на каждомъ шагу, а чтобы скрыть свои плутни и, чтобы крестьяне не доносили графу, они дозволяли крестьянамъ дѣлать все, что угодно. Посмотрите, у графа, при 18-ти тыс. десятинъ пахотной земли болѣе 6-ти тысячъ лѣсу. Лѣсъ этотъ, какъ я его помню, лѣтъ 15-ть тому назадъ, былъ строевой, годный для кораблестроенія, а теперь вы во всей дачѣ не найдете дерева въ 6-ть вершковъ. Крестьяне рубили его, кто сколько сможетъ. Крестьяне косятъ траву, гдѣ хотятъ, для себя пашутъ сколько угодно, а барская запашка ничтожная. Теперь посмотрите, изъ пашни у нихъ отрѣзали больше половины, луга и рыбныя ловли, по теперешнему Положенію, отходятъ, лѣса болѣе взять не имѣютъ права, слѣдовательно, Положеніе 19-го февраля ухудшаетъ ихъ настоящій бытъ; въ будущее они не смотрятъ. Вотъ теперь и рѣшите сами, могутъ-ли они, не говорю съ удовольствіемъ, а безропотно подчиниться новому Положенію.

— Что же вы будете дѣлать?—спросилъ меня Замятинъ.

— Будемъ обѣдать, такъ какъ мы съ 7-ми часовъ ничего не ѣли, а теперь уже 4 часа.

— Да вѣдь надо съ ними кончить,—прервалъ губернаторъ,—придумайте что-нибудь.

— Не могу придумать—голоденъ, вотъ послѣ обѣда придумаю.

Замятинъ разсмѣялся.

— Ну, въ такомъ случаѣ будемъ обѣдать.

Послѣ обѣда я просилъ губернатора не выходить къ крестьянамъ и не принимать ихъ повѣренныхъ, если они къ нему придутъ, до тѣхъ поръ, пока я ему не скажу; и затѣмъ я ушелъ въ свои комнаты. Меня уже дожидались крестьяне, въ томъ числѣ и Лысый.

— Что вамъ надо?—спросилъ я.

— Да мы вотъ къ тебѣ, Владиміръ Константиновичъ, мы, кажется, разсердили губернатора.

— Еще бы не разсердить, онъ пріѣхалъ къ вамъ, чтобы смѣнить вашего управляющаго, устроить васъ съ помѣщикомъ, а вы надѣлали ему грубостей. Теперь онъ не будетъ уже больше говорить съ вами, да и я тоже, а съ вами будетъ говорить военная команда, за которой посылаетъ губернаторъ. Ступайте и скажите это сходу.

— Ну, ладно, мы тебя знаемъ, ты военную команду къ намъ не пришлешь, ты это вѣдь такъ только говоришь: развѣ ты захочешь разорить насъ, ты вотъ что сдѣлай—умиротвори губернатора, чтобы уже онъ не сердился, а насъ научи, что дѣлать.

— Съ губернаторомъ я говорить не буду, это ваше дѣло, а не мое а коли хотите меня послушать, такъ вотъ что сдѣлайте: выберите отъ схода человѣкъ 5 стариковъ, пошлите ихъ къ губернатору просить прощеніе и сказать, что міръ покоряется и грамоту принимаетъ.

— Да, вотъ что: у насъ почитай, Владиміръ Константиновичъ, душъ 900 хотѣли на оброкъ, а душъ съ сотню—на издѣльную, какъ тутъ быть?

— Это уже мое дѣло, а не ваше; только не упрямьтесь, принимайте грамоту.

— Да ужъ упрямиться мы не будемъ, одна бѣда съ нашимъ нѣмцемъ, опять у насъ непорядки выдутъ.

— Кабы вы сначала не дурили, такъ и нѣмца этого у васъ давно бы не было. Я бы попросилъ губернатора, и онъ смѣнилъ бы его [1]).

— Владиміръ Константиновичъ, ты только намъ смѣсти его, все сдѣлаемъ.

— Нѣтъ, ребята, я съ вами торговаться не буду. Вы сдѣлайте прежде то, что я требую отъ васъ по царскому закону, а тамъ можетъ быть и я упрошу губернатора сдѣлать вамъ милость.

Слова мои подѣйствовали. Депутаты отправились къ губернатору. Онъ долго ихъ не принималъ, наконецъ, поздно вечеромъ, грамота была введена. Губернаторъ простилъ крестьянъ и уволилъ отъ должности управляющаго. Наконецъ, у меня свалился этотъ камень!..

---

[1]) Я такъ смѣло говорилъ потому, что у насъ уже было согласіе графа Соллогуба на увольненіе управляющаго.

Ночевать мы уѣхали къ Кротову съ тѣмъ, чтобы завтра выѣхать къ князю Трубецкому и въ Муховку. Къ князю велѣлъ я пріѣхать суходольскому и бѣсовскому волостнымъ старшинамъ и старостамъ, чтобы избавить отъ поѣздки губернатора въ эти волости. Вмѣстѣ съ ними велѣлъ пріѣхать по 12-ти человѣкъ домохозяевъ, уполномоченныхъ для этого приговоромъ сельскаго общества. Я уѣхалъ часа въ 4 въ Муховку прежде губернатора, былъ на мѣстѣ къ 6-ти часамъ, собралъ немедленно сходъ у волостнаго правленія и ожидалъ губернатора, который пріѣхалъ въ 7 часовъ.

Не только домъ князя Трубецкаго, но весь обширный дворъ и улицы Муховки были уставлены плошками, а за деревнею горѣли смоляныя бочки. Губернаторъ подъѣхалъ прямо къ сходу, принялъ хлѣбъ-соль и спросилъ, введена-ли грамота. Староста отвѣтилъ, что нѣтъ еще. Тогда губернаторъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, почему не введена и что, вѣроятно, крестьяне упрямятся. Я отвѣчалъ, что у меня съ крестьянами все давно улажено, но не ввожу оттого, что не могу согласиться на условія, требуемыя владѣльцемъ, относительно отрѣзки части надѣла; что, по не особенно хорошему качеству земли, его слѣдовало бы оставить у крестьянъ и по высокой платѣ, предъявленной владѣльцемъ за топливо. Если владѣлецъ оставитъ эту землю у крестьянъ и понизитъ плату, то я немедленно введу грамоту, а до тѣхъ поръ не введу.

— Это точно, ваше превосходительство, говорили крестьяне. Владиміръ Константиновичъ насъ въ обиду не дастъ, ты ужъ ему предоставь, мы все сдѣлаемъ, какъ онъ прикажетъ.

— Да я и не мѣшаю,—отвѣчалъ губернаторъ,—дѣлайте съ вашимъ посредникомъ какъ знаете, только слушайтесь его не такъ, какъ никольскіе.

— Никольскіе, ваше превосходительство, одно слово подлецы. Ихъ пороть, да пороть надо; а мы, вотъ какъ: скажетъ Владиміръ Константиновичъ отдай эту землю барину, и отдадимъ; велитъ эту взять— возьмемъ. Одно слово, что велитъ, то и сдѣлаемъ.

— Ну ладно, ребята, спасибо,—сказалъ губернаторъ,—теперь покуда прощайте; и мы поѣхали въ домъ князя Трубецкаго.

Когда мы пріѣхали къ нему, было уже 9-ть ч. вечера. Домъ былъ убранъ отлично, хозяйка ждала насъ за чаемъ, гостей было множество; въ числѣ ихъ и мой товарищъ, посредникъ, Наумовъ, съ своимъ отцомъ. Панчулидзевскіе музыканты (человѣкъ 30) играли великолѣпно.

Провели вечеръ отлично, послѣ ужина разошлись по комнатамъ, часа въ два ночи. Губернаторъ пришелъ ко мнѣ.

— Знаете что,—сказалъ онъ,—я много слышалъ отъ князя, но далеко не представлялъ себѣ то, что сегодня видѣлъ, вѣдь это волшебство! Посмотрю, что вы мнѣ покажете завтра.

— Завтра,—сказалъ я,—мы ѣдемъ въ Озерскую волость, и я вамъ покажу Плюшкина, Ноздрева и Коробочку въ лицахъ.

— Ну, вотъ, Владиміръ Константиновичъ, вы и не умѣете жить; развѣ такъ дѣлаютъ, вамъ слѣдовало меня везти туда прежде, а потомъ сюда, иначе хорошее впечатлѣніе изгладится.

— Что же дѣлать, такъ вышло. Въ Озеркахъ я съ вами разстанусь.

— Какъ? Развѣ вы не поѣдете къ Наумову?

— Не могу,—отвѣчалъ я,—не зная заранѣе о вашемъ пріѣздѣ, я на послѣзавтрашнее число назначилъ разбирательства четырехъ дѣлъ въ Матюшкинѣ, вызвалъ и крестьянъ и управляющихъ, а откладывать и отмѣнять не въ моихъ правилахъ.

— Это я и безъ васъ знаю,—отвѣчалъ губернаторъ,—и хотя очень желалъ бы еще провести съ вами нѣсколько дней, но и не подумаю упрашивать, знаю напередъ, что откажете. Однако прощайте, заболтался, пора и спать, а какъ мы завтра поѣдемъ?

— Мы выѣдемъ въ 12-ть ч., а въ 2 пріѣдемъ въ Озерки, часовъ въ 5-ть вы выѣдете оттуда, а въ 7-мь часовъ будете у Наумовыхъ.

На другой день, послѣ великолѣпнаго завтрака, мы выѣхали въ Озерки, гдѣ губернаторъ пробылъ часа два, разговаривалъ со старшиною и старостами и уѣхалъ къ Наумову. Мы разстались съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

На слѣдующій день, окончивъ разборъ дѣлъ, поѣхалъ я домой. Грамоты у меня въ участкѣ,—кромѣ 2-хъ, о которыхъ велись переговоры съ губернскимъ присутствіемъ, были введены вездѣ, и я, въ сравненіи съ прежнимъ, былъ далеко менѣе обремененъ дѣлами. Оставались только очередныя поѣздки на съѣздъ, объѣзды волостей, — шло все весьма покойно и хорошо. Но вотъ забывный случай въ Бѣсовской волости: возвращаясь со съѣзда, заѣзжаю туда. Вечеромъ въ волостное правленіе (я никогда и нигдѣ не останавливался у помѣщиковъ, избѣгая, чтобы крестьяне чего не заподозрили въ этомъ) приходитъ нѣсколько стариковъ.

— Что ты съ нами сдѣлалъ, Владиміръ Константиновичъ,—говорили они,—ты насъ по міру пустилъ, такъ нельзя работать, съ голоду умремъ.

— Какъ съ голоду умрете, что это значитъ?

— Да какже! ты зачѣмъ таку суставную грамоту давалъ: пахать одну борозду сохой, а другую плугомъ; такъ ничего родить не будетъ; снять нельзя, ты самъ хозяинъ.

— Что за вздоръ! Гдѣ это написано въ уставной грамотѣ? — покажи!

— Это въ уставной грамотѣ ты не писалъ, а писалъ работать по Положенію, а въ Положеніи такъ написано. Извѣстно, нашъ батюшка царь самъ не работаетъ и не знаетъ, какъ надо пахать, онъ такъ это

и подписалъ, не знавши; а ты намъ зачѣмъ не сказалъ? мы бы не взяли грамоту.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы за чепуху городите! Кто вамъ это читалъ? Откуда? Изъ какой книги?

— Изъ Положенія, что ты намъ далъ.

— Поди принеси его.

Крестьяне ушли; я позвалъ писаря.

— Что они толкуютъ? Я ничего не понимаю; не знаешь-ли ты?

— Не знаю, ваше высокородіе. Назадъ тому недѣли двѣ начали они объ этомъ толковать. Соберутся на сходъ и плачутъ, инда жалко смотрѣть, говорятъ, что съ голоду умрутъ. Къ вамъ донесенія не посылали, знали, что вы заѣдете. Говорятъ, что имъ солдатъ вычиталъ это въ Положеніи.

Крестьяне принесли Положеніе.

— Въ этой книгѣ онъ вамъ читалъ?—спросилъ я.

— Въ этой,—отвѣтили они.

— Гдѣ онъ читалъ? Сначала въ серединѣ или въ концѣ?

— Съ самаго какъ есть начала.

— Ну, ребята, теперь ступайте домой, ложитесь спать, а завтра, какъ солнце взойдетъ, такъ соберитесь полнымъ сходомъ сюда, и я съ вами потолкую.

Отпустивъ ихъ, я съ первой страницы, начиная съ оглавленія, принялся читать. Меня страшно тревожилъ подобный глупый слухъ, вдругъ я напалъ на это мѣсто.

Въ манифестѣ было сказано: «обнимая нашею царскою любовью всѣхъ проводящихъ борозды по полямъ сохою и плугомъ». Тутъ я понялъ въ чемъ дѣло, закрылъ книгу и ушелъ спокойно спать а въ 6-ть часовъ утра уже былъ на сходѣ.

Смотрю, моя мордва стоитъ, насупившись, грустные, смотрѣть на нихъ жалко.

— Здорово, старики!

— Здравствуйте, ваше благородіе,—отвѣчаетъ староста.

— А что, ребята, не хочется пахать по Положенію одну борозду сохою, а другую плугомъ?

Мордва молчитъ.

— Ну, слушайте теперь меня: то, что вамъ читалъ солдатъ, я прочитаю. Прочитавъ, я спросилъ: это тѣ самыя слова?

— Это, это, батюшка!—закричали они.

— Вотъ теперь я съ вами буду говорить; вы кто?

Мордва смотритъ на меня съ недоумѣніемъ и ничего не отвѣчаетъ.

— Я спрашиваю васъ, кто вы? Русскіе? Татары? Чуваши? Ну, кто е вы?

— Мы мордва,—отвѣтили тогда они.

— А чѣмъ вы пашете землю?

— Сохами.

— А гдѣ живетъ вашъ царь?

— Въ Петербургѣ.

— И такъ, вы мордва, пашете сохою, а царь живетъ въ Петербургѣ, такъ?

— Такъ, такъ.

— Деревню «Борокъ» знаете?

— Знаемъ, и Старый и Новый Борокъ знаемъ.

— Кто тамъ живетъ?

— Тамъ живутъ татары.

— Чѣмъ они пашутъ землю?

— Сабанами.

— Гдѣ ихъ царь живетъ?

— Въ Петербургѣ.

— Ладно. Въ Борокѣ живутъ татары, пашутъ сабанами, царь у нихъ живетъ въ Петербургѣ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ бывалъ кто изъ васъ?

— Я былъ, я былъ,—отвѣтили человѣкъ пять.

— Хохловъ знаете? видали?

— Знаемъ,—отвѣчала мордва.

— Чѣмъ они пашутъ землю?

— Плугомъ, на волахъ; ихъ нанималъ сюда и нашъ князь. Они работали здѣсь.

— А гдѣ ихъ царь живетъ?

— Извѣстно, ихъ царь—нашъ царь, живетъ въ Петербургѣ.

— Ну, вотъ и слушай: вы, мордва, въ Борокѣ, татары—въ Никольскомъ уѣздѣ, хохлы—въ Малороссіи; царь у всѣхъ одинъ—въ Петербургѣ. Онъ и говоритъ всѣмъ: я васъ всѣхъ люблю, мнѣ всѣ равны, что тѣ, которые пашутъ плугами, что тѣ, которые пашутъ сохами, всѣмъ даю землю, работайте, работайте по-своему. Вотъ это что, а не то, что вамъ пьяный дуракъ толковалъ, чтобы одну борозду пахать сохой, а другую плугомъ.

Между мордвой пошли толки. Не прошло 2-хъ—3-хъ минутъ, какъ они замѣтно повеселѣли и подошли ко мнѣ.

— Вотъ тебѣ большое за это спасибо; вотъ это хорошо, ай, какъ хорошо.

Такимъ образомъ недоразумѣніе уладилось. Мордва успокоилась, и я уѣхалъ домой.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ пришлось ѣхать въ Озерки. Тамъ

опять вышла пресмѣшная сцена съ П. Г. Пе—ко. Это было великимъ постомъ. Пріѣзжаю туда, только-что сѣлъ за самоваръ пить чай, смотрю: входитъ ко мнѣ Петръ Григорьевичъ, а вслѣдъ за нимъ его крестьяне и староста.

— Вы что пришли?—спросилъ я старосту.

— Да къ тебѣ, Владиміръ Константиновичъ.

— Прикрикни на подлецовъ,—сказалъ онъ, указывая на крестьянъ. Всѣ лапти отбилъ. Вѣдь у нашего (указывая на барина) щи варятъ по суставной грамотѣ.

— Какъ щи варятъ по уставной грамотѣ?

—Да какже, развѣ у него какой чортъ уживется. Ну, вотъ каждый день и посылаю къ нему бабу щи варить.

— Ну, такъ тебѣ что за дѣло? У тебя въ уставной грамотѣ сказано, сколько бабъ каждый день посылать на работу барскую, ты, и высылай, а что имъ велятъ дѣлать—хлѣбъ молотить, снѣгъ сбрасывать, щи варить, ужъ это не твое дѣло.

— Такъ-то такъ. Да вотъ какъ придетъ воскресенье, никто нейдетъ щи поварить.

— А въ воскресенье ты какое имѣешь право дѣлать нарядъ? Въ воскресенье работы нѣтъ.

— Слышь, староста,—заговорили крестьяне; въ будни мы не споримъ, куда хошь посылай, вездѣ пойдемъ, а въ воскресенье ты къ намъ и носа не показывай, бабъ не дадимъ...

— Помилуйте, батюшка, Владиміръ Константиновичъ,—заговорилъ Пе—ко,—что же я буду ѣсть въ воскресенье? А вѣдь я имъ послѣ этого день засчитываю.

— А это, Петръ Григорьевичъ, ихъ и ваше полюбовное дѣло. Согласитесь вы съ ними, очень радъ, а не согласны будутъ, ихъ заставить работать въ воскресенье—нельзя.

— Намъ не нужно твоего дня. Въ воскресенье мы бабъ не дадимъ.

— Оно конечно, Владиміръ Константиновичъ,—говорилъ Петръ Григорьевичъ,—одно воскресенье ничего, можно и не пообѣдать, но вотъ скоро приходитъ Пасха, какже цѣлую недѣлю ничего не ѣсть?

— Ну, ужъ это ваше дѣло, Петръ Григорьевичъ, я вамъ помочь не могу.

Вотъ еще черта характера этого Плюшкина. Приходитъ ко мнѣ старуха, лѣтъ 70, съ жалобой на Пе—ко.

— Ты что?—спросилъ я ее.

— Я, батюшка, живу у него по найму въ птичницахъ.

— А что получаешь?

— 50 коп. въ мѣсяцъ.

— Ну, и этого много тебѣ.

— Да я, батюшка, ничего, я довольна, только онъ мнѣ часто ихъ

не платитъ, а все вычитаетъ: то, говоритъ, утенокъ пропалъ, то, говоритъ, гусенка нѣтъ, и все записываетъ, придетъ мѣсяцъ, а онъ и даетъ мнѣ либо пятакъ, либо гривну, а остальное все вычитываетъ. Такъ вели отдать.

— Дура ты, какже я разсужу. Вотъ кабы ты утромъ, какъ погонишь птицу, пересчитала бы ее, да и вечеромъ, какъ пригонишь, опять пересчитала бы, а то я почемъ знаю, можетъ быть у тебя и пропадаютъ утята.

— Пробовала, батюшка, считать, не велитъ; не смѣй, говоритъ, барское добро сглазишь.

Я опредѣлилъ, чтобы Пе—ко уплатилъ ей одинъ руб. за два мѣсяца, и старуха осталась довольна. Съ нимъ было тѣмъ покойно, что онъ всегда исполнялъ постановленія посредника, а жаловаться въ съѣздъ никогда не думалъ оттого, что при жалобѣ слѣдовало представить копію съ опредѣленія, а за копію платили по 15 коп. съ листа.

Въ эту зиму былъ у насъ первый рекрутскій наборъ послѣ Крымской кампаніи. Народъ совсѣмъ отвыкъ отъ порядка набора, да и прежде въ рекруты назначалъ помѣщикъ, а тутъ приходилось самимъ крестьянамъ. Я рѣшительно не жилъ дома, крестьяне упрашивали, чтобы непремѣнно я лично присутствовалъ на сходахъ и разъяснялъ порядокъ назначенія въ рекруты. Я принялъ такой порядокъ. Сначала мнѣ сами крестьяне указывали семьи и составляли сходъ, который и опредѣлялъ изъ какой семьи взять рекрутъ. Дѣло обошлось весьма хорошо, такъ что изъ моего участка не поступило ни одной жалобы.

Въ концѣ 6-ой недѣли великаго поста я вернулся домой и встрѣтилъ Пасху въ своей семьѣ. На Святой недѣлѣ вдругъ съ нарочнымъ получаю письмо отъ губернатора, гдѣ онъ спрашиваетъ моего согласія на занятіе должности члена отъ правительства въ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи вмѣсто Д. Н. Рычкова, который подалъ въ отставку. Это было въ 1863 году, семейство мое состояло изъ 2-хъ сыновей и 3-хъ дочерей, требовавшихъ воспитанія.

Нужно было нанимать учителей, но при ограниченномъ состояніи я не могъ пригласить ихъ въ домъ. Въ виду этого, переговоривъ съ женой, я написалъ Замятину, что занять эту должность согласенъ. Дня черезъ два послѣ этого опять нарочный изъ Самары. Получаю на этотъ разъ письмо губернскаго предводителя, который приглашаетъ въ чрезвычайное дворянское собраніе. Въ другой бы разъ пожалуй и не поѣхалъ, но теперь пришлось кстати, и съ губернаторомъ повидаться, и квартиру поискать.

Пріѣхавъ въ Самару, я тотчасъ отправился къ губернатору. Онъ познакомилъ меня съ своей женой, Елисаветой Андреевной, родной сестрой графа Дмитрія Андреевича Толстаго, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, а потомъ внутреннихъ дѣлъ. Это была чудная жен-

щина умная, добрая, милая, радушная. Она съ перваго раза приняла меня какъ роднаго.

Я пріискалъ квартиру, написалъ женѣ, чтобы она пріѣхала пока одна осмотрѣть и если понравится, то тогда возвратилась бы въ деревню распорядиться перевозкою мебели и вообще всего хозяйства.

Вскорѣ пріѣхала жена. Мы наняли квартиру помѣсячно, въ надеждѣ найти потомъ болѣе удобную, и затѣмъ собрались ѣхать въ деревню, заняться укладкою вещей для переѣзда. Въ это время пришло высочайшее соизволеніе о назначеніи меня членомъ губернскаго присутствія, и Замятинъ просилъ меня скорѣе вернуться. Я далъ ему слово проѣздить не болѣе недѣли. И дѣйствительно черезъ недѣлю я былъ въ Самарѣ, но все еще одинъ.

На первыхъ порахъ принялся знакомиться съ дѣлопроизводствомъ присутствія.

Всѣ дѣла были раздѣлены между 4-мя членами. Самаринъ завѣдывалъ дѣлами по жалобамъ на мировыхъ посредниковъ по четыремъ уѣздамъ, Рычковъ тоже этими дѣлами по檢 тремъ уѣздамъ, Тургеневъ повѣркою уставныхъ грамотъ, Сосновскій выкупными договорами. Но Тургеневъ никогда не жилъ въ Самарѣ, и дѣла его были раздѣлены между Самаринымъ и Рычковымъ. Въ это время Самаринъ тоже подалъ въ отставку, и на его мѣсто еще никто не былъ приглашенъ, такъ что всѣ дѣла, которыя были у Самарина, Рычкова и Тургенева, перешли ко мнѣ, а у Сосновскаго остались только по выкупу. Секретаремъ былъ у насъ Павелъ Григорьевичъ Рождественскій, очень способный молодой человѣкъ. Въ губернскомъ присутствіи секретарю никогда не поручалось составить ни одной бумаги, онъ не писалъ рѣшенія ни по одному дѣлу, все это исполнялось и докладывалось членами. Такой порядокъ удержалъ и я. Засѣданія были разъ въ недѣлю по четвергамъ, въ квартирѣ губернатора, и начинались въ 6 часовъ послѣ обѣда и нерѣдко продолжались за полночь. При первомъ же засѣданіи обнаружилось, что къ моимъ докладамъ сочувственно относятся губернаторъ и прокуроръ, такъ какъ они вполнѣ раздѣляли мой взглядъ на дѣло. Сосновскій тоже никогда не противорѣчилъ, если мое опредѣленіе не расходилось съ мнѣніемъ Самарина по подобному дѣлу. Какъ только же онъ замѣчалъ, что я не придерживаюсь толкованія Самарина, тотчасъ возставалъ. Причины возраженія всегда были одни: «Юрій Ѳедоровичъ это дѣло не такъ бы рѣшилъ», а почему не такъ, онъ объяснить не могъ. Юрій Ѳедоровичъ былъ для него святыня. Впрочемъ, въ концѣ концовъ всегда соглашался и ни по одному дѣлу не подавалъ мнѣнія. Съ губернскимъ предводителемъ было другое дѣло. Тотъ всегда являлся защитникомъ дворянъ. Былъ-ли помѣщикъ правъ или нѣтъ, для него было безразлично, и когда составлялось рѣшеніе, то

онъ заявлялъ, что онъ при особомъ мнѣніи. Пріѣзжая на другой день въ канцелярію, я сначала спрашивалъ секретаря, прислалъ-ли предводитель мнѣніе, на что получалъ въ отвѣтъ:

— Полноте, Владиміръ Константиновичъ, онъ никогда не пришлетъ, и завтра, когда я заявлю ему, что сегодня послѣдній день для подачи мнѣнія, онъ безъ отговорокъ подпишетъ журналъ.

И, дѣйствительно, это такъ было постоянно. Я три года былъ членомъ губернскаго присутствія, почти каждое засѣданіе между мною и предводителемъ происходили споры, и ни разу особаго мнѣнія онъ не подалъ.

На мѣсто Самарина былъ приглашенъ Валерій Ивановичъ Чарыковъ, человѣкъ очень богатый, весьма добрый, но пунктуальный до мелочей.

Сообщ. **О. В. Червинская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

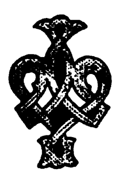
Любители музъ въ Аѳинахъ.

Переводъ письма графа Каподистріи кн. Волконскому.

19-го (31-го) января 1815 г. Вѣна.

Государь императоръ, узнавъ объ учрежденіи общества любителей музъ, вновь заведеннаго въ Аѳинахъ, и въ ободреніе наукъ соизволилъ участвовать въ открытой подпискѣ, на пользу сего благотворительнаго учрежденія. Его величество повелѣлъ мнѣ подписаться отъ высочайшаго его имени на годовую подписку 200 червонныхъ и обратиться къ вашему сіятельству для взносу суммы сей черезъ посредство мое въ центральную контору означеннаго общества, составленную здѣсь, въ Вѣнѣ.—Я долгомъ поставляю препроводить при семъ къ вашему сіятельству планъ учрежденія [1], съ спискомъ подписчиковъ, участвующихъ въ здѣшней столицѣ, и надѣюсь, что предпріятіе сіе по пользѣ своей присовокупитъ къ числу оныхъ и имя ваше.

Въ сентябрѣ 1815 года контора любителей музъ была переведена въ Мюнхенъ.

[1]) Приложеній въ нашихъ рукахъ не имѣется.

Характеристика декабристовъ Кюхельбекера, Торсона и Фаленберга.

(Изъ ежегоднаго отчета пастора Буцка (Butzka). Выписка изъ книги Евангелическо-лютеранской церкви въ Иркутскѣ).

I.

Донесеніе 1851 года [1]).

Баргузинъ 540 в. отъ Иркутска (на сѣверо-восточномъ прибрежьѣ Байкала). Государственный преступникъ Кюхельбекеръ.

Можетъ явиться вопросъ, принесли-ли какую-нибудь пользу Сибири декабристы послѣ того, какъ они были освобождены отъ каторжныхъ работъ въ Петровскѣ и поселены въ различныхъ городахъ Сибири! Ихъ высокое умственное развитіе и полный досугъ вполнѣ оправдываютъ подобное ожиданіе. Въ настоящее время въ восточной Сибири находится въ живыхъ всего трое декабристовъ-лютеранъ, о коихъ здѣсь только и можетъ быть рѣчь. Одинъ изъ нихъ—Карлъ Кюхельбекеръ, живущій въ Баргузинѣ. Въ отношеніи религіи онъ отличается, повидимому, полнымъ индифферентизмомъ; ибо, хотя онъ не пріобщался св. тайнъ съ 1838 года, когда въ Баргузинѣ былъ послѣдній разъ пасторъ Фрюоуфъ (Früauf), но онъ не выразилъ, къ моему удивленію, особеннаго удовольствія, получивъ возможность приступить къ св. причастію. Но за то величайшаго уваженія заслуживаетъ изумительная энергія, съ какою онъ приходитъ на помощь страждущему человѣчеству, оказывая медицинскую помощь населенію Баргузина и его окрестностей, гдѣ нѣтъ ни одного врача по профессіи: удачнымъ лѣченіемъ больныхъ, а еще болѣе своимъ полнѣйшимъ безкорыстіемъ и самоот-

[1]) Число и мѣсяцъ не обозначены.

верженіемъ, свидѣтельствующимъ объ его истинномъ человѣколюбіи, онъ снискалъ уваженіе, любовь и почтеніе какъ самыхъ высокопоставленныхъ, такъ и самыхъ бѣдныхъ лицъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто его знаетъ и кто испыталъ лично на себѣ его доброту. Эта похвала не преувеличена, хотя я не могу судить о побужденіяхъ, коими онъ руководствуется въ своихъ поступкахъ; то, чего въ немъ недостаетъ, съ одной стороны по недостатку твердой вѣры, то обнаруживается съ другой стороны еще ярче путемъ его дѣятельной любви къ ближнимъ, такъ что онъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи полнаго уваженія, и лютеранская вѣра, къ которой онъ принадлежитъ, можетъ имъ гордиться.

На мою долю выпала радостная обязанность сообщить ему, сначала письменно, а затѣмъ устно извѣстіе о томъ, что ему дозволено, въ видѣ особой монаршей милости, оставить свое теперешнее мѣстопребываніе и переселиться, по желанію, въ любое мѣсто Иркутской губерніи; но онъ не думаетъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ потому, что онъ смотритъ, и вполнѣ основательно, на свою настоящую дѣятельность въ Баргузинѣ какъ на призваніе.

Селенгинскъ (также Забайкальской области). Государственный преступникъ Торсонъ съ матерью и сестрою. Торсонъ—второй изъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ Восточной Сибири. Это человѣкъ весьма благородный, хотя его христіанскіе взгляды, надобно сознаться, не вполнѣ соотвѣтствуютъ догматамъ церкви. Онъ старъ, часто прихварываетъ и нуждается въ посторонней помощи; его мать, которой уже около девяноста лѣтъ, бодрѣе сына, хотя отъ старости она уже почти оглохла. Вся семья живетъ тихо и уединенно и пріобщается св. тайнъ всегда съ благоговѣніемъ.

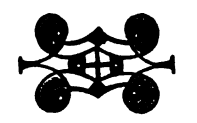
II.

Донесеніе 23-го мая 1852 г.

Въ послѣднемъ донесеніи, посланномъ изъ-за Байкала, было упомянуто о томъ, что изъ декабристовъ-лютеранъ осталось въ живыхъ въ Восточной Сибири всего трое. Послѣ того, въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, скончался въ Селенгинскѣ Торсонъ; слѣдовательно, кромѣ Кюхельбекера, въ Баргузинѣ находится въ настоящее время только одинъ Фаленбергъ. Онъ живетъ въ селеніи Шуша, въ 63 верстахъ къ югу отъ уѣзднаго города Минусинска (Енисейской губерніи). Это, кажется, единственный изъ декабристовъ, не принимавшій

лично участія въ событіи 14-го декабря, но пострадавшій въ силу стеченія разныхъ обстоятельствъ по самообвиненію. Написанная имъ собственноручно, по-русски, послѣдняя исповѣдь несчастнаго Петра Фаленберга заслуживала бы быть обнародованною для оправданія его передъ потомствомъ и какъ вещь любопытная психологически. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для коихъ несчастье, по неисповѣдимымъ путямъ Господнимъ, служитъ ко благу, душевному совершенству и къ христіанскому смиренію. Простота, скромность, чистосердечіе, душевная бодрость составляютъ отличительныя черты его характера. Своею сдержанностью при сужденіи и бесѣдѣ о политикѣ онъ отличается самымъ выгоднымъ образомъ отъ своихъ сотоварищей по несчастью. Отъ его брака съ казачкой изъ Саянска, которую онъ самъ обучилъ и образовалъ, у него двое дѣтей, которыхъ онъ воспитываетъ просто и въ страхѣ Божіемъ. Средства его весьма ограничены, единственное его достояніе составляетъ доходъ съ табачной плантаціи, съ которой онъ получаетъ ежегодно около сорока пудовъ табаку (Минусинскій уѣздъ плодороднѣйшая мѣстность). Весною 1851 г., во время разлива Енисея, когда у этой рѣки образовался новый рукавъ, который, разрушивъ нѣсколько домовъ, отдѣлилъ часть селенія Шуши отъ остальнаго жилья, плантація Фаленберга была затоплена и уничтожена. Жители Красноярска быстро собрали ему въ пособіе довольно значительную сумму денегъ; это доказываетъ, какою любовью и уваженіемъ онъ пользуется во всей округѣ.

Сообщ. баронъ **Николай Таубе**.

Письмо Г. Р. Державина къ генералъ-прокурору П. Х. Обольянинову о формѣ одежды губернскихъ чиновниковъ.

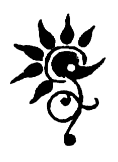
17-го января 1801 г.

Милостивый государь мой Петръ Хрисанфовичъ!

Бѣлорусскій вице-губернаторъ г. статскій совѣтникъ Энгельгардъ испрашиваетъ моего разрѣшенія, въ какихъ мундирахъ опредѣляемые изъ полковъ гвардіи въ Бѣлорусскую губернію счетчики должны быть: въ тѣхъ-ли, каковые положены въ губерніи, или по прежней ихъ службѣ, и съ какою обувью; ибо въ теченіе нынѣшняго года ожидаютъ тамо высочайшаго государя императора шествія чрезъ Бѣлорусскую губернію, то дабы къ тому времени счетчики могли быть надлежащимъ образомъ обмундированы. А какъ въ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи, объявленномъ Правительствующему Сенату 25-го числа марта 1800 года вашимъ высокопревосходительствомъ, предписано только, дабы при казнѣ опредѣленные присяжные таковыми не именовались, а назывались, по-прежнему, счетчиками, что жъ касается до мундировъ ихъ и обуви, то въ томъ указѣ ничего о томъ не сказано, почему я, съ моей стороны, и побуждаюсь отнестись къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею моею просьбою о снабженіи меня въ семъ случаѣ надлежащимъ разрѣшеніемъ, дабы я, основываясь наономъ, могъ сдѣлать мой отзывъ, какъ упомянутому бѣлорусскому вице-губернатору, такъ, для единообразнаго въ ономъ поступленія, предписать о томъ и всѣмъ казеннымъ палатамъ. Пребываю и проч.

Обольяниновъ отвѣтилъ, что «какъ въ указѣ 1800 г. марта 28-го ничего о мундирахъ для счетчиковъ не сказано, а указомъ 1797 г. февраля 15-го дня повелѣно всѣмъ служащимъ въ губерніи по статской службѣ носить общіе губернскіе мундиры, то за симъ уже особаго разрѣшенія дать не можно».

Сообщ. Н. А. Мурзановъ.

А. А. КАВЕЛИНЪ

И ПИСЬМА КЪ НЕМУ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

(Впослѣдствіи императора Александра II).

Александръ Александровичъ Кавелинъ [1]) родился въ 1793 г., 1-го іюля, въ Москвѣ, гдѣ отецъ его, тульскій помѣщикъ, самаго умѣреннаго состоянія, находился на службѣ совѣтникомъ въ казенной палатѣ. Лишившись въ дѣтствѣ родителей, Кавелинъ воспитывался у родственниковъ, и, будучи 10-ти лѣтъ отъ роду, помѣщенъ въ Пажескій корпусъ 1803 года, іюля 6-го дня. Юноша, одаренный отъ природы свѣтлымъ умомъ и живымъ характеромъ, сталъ вскорѣ на-ряду съ первыми товарищами. Оказывая большіе успѣхи въ наукахъ, онъ особенно отличался строгою нравственностію, унаслѣдованною отъ родителя его, бывшаго образцомъ безкорыстія, правдивости и рыцарской чести. Эти наслѣдственныя качества содѣлались отличительною, постоянною чертою характера Александра Александровича. Въ 1808 г. онъ произведенъ въ камеръ-пажи и состоялъ при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а въ 1810 г. выпущенъ въ офицеры, подпоручикомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Въ достопамятномъ 1812 году Кавелинъ стоялъ въ рядахъ тѣхъ избранниковъ изъ сонма сыновъ Россіи, которымъ судьба предназначила ве-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія объ А. А. Кавелинѣ заимствованы изъ „Русскаго Инвалида" 1850 г. № 272 и № 273.

ликую долю, долю—спасти отечество отъ вторгнувшагося въ его нѣдра потока иноплеменниковъ. На Бородинскомъ полѣ юный воинъ соединилъ кровь свою съ кровью многихъ убитыхъ и раненыхъ воиновъ русскихъ: онъ получилъ тяжелую рану въ лѣвую ногу картечью, съ поврежденіемъ костей, и другую рану въ правую руку пулею. Раны не дозволили Кавелину слѣдовать съ полкомъ на новые подвиги: онъ долженъ былъ лѣчиться, а по излѣченіи состоялъ въ резервной арміи, тогда расположенной въ герцогствѣ Варшавскомъ. За Бородинское дѣло Кавелинъ произведенъ въ поручики и награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Въ 1818 году Кавелинъ, будучи въ чинѣ капитана, назначенъ адъютантомъ къ его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу. Такое назначеніе было для Александра Александровича совершенною неожиданностію. Узнавъ о немъ, онъ пришелъ въ недоумѣніе, признавая себя для подобной службы вполнѣ неспособнымъ [1]). Знакомство его доселѣ ограничивалось почти одними товарищами, военными людьми; посѣщалъ онъ одинъ или два дома; большое общество было для него вовсе неизвѣстно, а общество дамъ, по его крайней застѣнчивости, недоступно. Александръ Александровичъ высказалъ со всею прямотою и откровенностью свое затруднительное положеніе генералъ-адъютанту Храповицкому, командовавшему тогда Измайловскимъ полкомъ. Онъ просилъ его довести это до свѣдѣнія великаго князя, и при томъ доложить его императорскому высочеству, что, не находя словъ, которыми бы могла выразиться его благодарность, онъ считаетъ обязанностію объяснить совершенную свою неспособность, которая не замедлила бы обнаружиться на самомъ дѣлѣ, еслибъ онъ не предупредилъ обнаруженіе искреннимъ объясненіемъ. Эта черта, столько знаменательная, окончательно рѣшила выборъ великаго князя, съ точностію обрисовавъ предъ его взорами характеръ Кавелина. Необыкновенная милость и вниманіе его высочества скоро уничтожили въ Кавелинѣ застѣнчивость, усвоили ему прекрасные навыкъ и ловкость въ обращеніи. Со вступленіемъ Николая Павловича на престолъ, онъ, бывъ уже съ 1819 года полковникомъ, назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству; въ 1827 году произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту его императорскаго величества; въ 1828 г., во время похода въ Турцію, занималъ должность коменданта императорской главной квартиры, находился въ сраженіи подъ Шумлою и при осадѣ крѣпости Варны.

Между тѣмъ государь императоръ готовилъ Александру Александровичу порученіе особеннѣйшей важности, порученіе—состоять при его первенцѣ въ качествѣ воспитателя. Когда государю императору благо-

---

[1]) См. „Семейная Хроника“ Аксакова.

угодно было объявить ему свое намѣреніе, то Александръ Александровичъ, никогда не предполагавшій для себя служенія такого рода, пришелъ въ бо̀льшее недоумѣніе, нежели въ какомъ былъ при назначеніи въ адъютанты. Письмо его къ государю императору, которое онъ называлъ своею исповѣдію, извѣстное лишь малому кругу самыхъ короткихъ друзей его и долженствующее быть достояніемъ исторіи, выразило всю его душу. Онъ не остановился высказать рѣзко, безъ пощады, всѣ свои недостатки, какъ они ему представлялись, и что онъ совершенно не приготовленъ къ возлагаемому на него служенію. Когда онъ писалъ это письмо, предъ взорами его была высота служенія, отвѣтственность сердца и совѣсти въ служеніи предъ вѣнценоснымъ отцомъ, предъ сыномъ, котораго глава назначена быть вѣнчанною, предъ многочисленнымъ народомъ русскимъ; — себя онъ оставилъ въ сторонѣ. Письмо было написано такъ убѣдительно и сильно—оно было написано изъ глубины души и отъ полноты сознанія—что государь императоръ склонился на представленія Александра Александровича. Мѣсто воспитателя занялъ полковникъ Мердеръ, а Александръ Александровичъ въ 1830 году назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса [1]), вслѣдъ за тѣмъ генералъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству, а въ 1833 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Вскорѣ Мердеръ заболѣлъ; къ выздоровленію его не было никакой надежды, и онъ, задолго до смерти, долженъ былъ удалиться съ своего поста. Тогда всѣ представленія Александра Александровича были не сильны отклонить отъ него поприща, давно ему предопредѣленнаго: въ 1834 году, мая 5-го, государь императоръ повелѣлъ ему состоять при его высочествѣ государѣ наслѣдникѣ. И кто болѣе достоинъ былъ занять это мѣсто, какъ не тотъ человѣкъ, который явилъ столь ясные и сильные опыты самоотверженія, преданности, строгой христіанской добродѣтели.

О томъ, какъ проходилъ свое служеніе Александръ Александровичъ при государѣ цесаревичѣ, излишнимъ будетъ всякое свидѣтельство: особеннѣйшее, постоянное благоволеніе къ нему цесаревича, какъ увидимъ ниже, свидѣтельствуетъ несравненно громче и краснорѣчивѣе всякаго слова. Друзьямъ почившаго, съ которыми онъ раздѣлялъ свои задушевныя думы, достаточно сказать только то, что онъ въ служеніи своемъ постоянно сохранялъ мысль о своемъ недостаточествѣ къ такому великому служенію. Величайшимъ утѣшеніемъ его было то, что государь императоръ самъ постоянно руководилъ его. Слово царя успокоивало и ободряло его: воспитавшись, такъ сказать, впечатлѣніями этого могущественнаго характера, онъ жилъ, онъ дышалъ ими. Впослѣд-

---

[1]) Всѣ воспитанники питали благоговѣйную любовь къ нему, какъ къ самому нѣжному отцу.

ствіи Александръ Александровичъ говаривалъ, съ особеннѣйшимъ наслажденіемъ о двухъ эпохахъ своей жизни: о годахъ своего адъютантства, и въ особенности о томъ времени, которое онъ провелъ при цесаревичѣ, въ которое онъ получалъ постоянныя наставленія и лично и письменно государя императора, въ которое онъ былъ зрителемъ изящныхъ качествъ и вѣнценоснаго отца и его наслѣдника. Александръ Александровичъ сопровождалъ цесаревича въ его путешествіи по Россіи и Европѣ. Но въ бесѣдахъ своихъ онъ мало говаривалъ о странахъ, имъ видѣнныхъ: и въ Россіи, и въ Европѣ онъ видѣлъ одну, порученную ему, святыню.

По совершеніи служенія при великомъ князѣ цесаревичѣ, въ 1841 году, Александру Александровичу повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и быть членомъ Совѣта военно-учебныхъ заведеній, а августа 8-го того же года онъ назначенъ, въ званіи сенатора, предсѣдателемъ коммиссіи надъ злоумышленниками въ Вильнѣ. За успѣшное окончаніе этого дѣла удостоился получить высочайшій рескриптъ отъ 6-го декабря 1841 г. [1]).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи изъ Вильны, и Александръ Александровичъ почувствовалъ сильные болѣзненные припадки; послѣдствія ихъ были такъ значительны, что врачи должны были прибѣгнуть къ операціи: онъ оправился, но съ этого времени примѣтнымъ образомъ силы его увяли. Эти припадки должно считать началомъ той болѣзни, которая, развиваясь постепенно и почти непримѣтно, произвела въ немъ нервное разстройство—причину окончательнаго сокрушенія его тѣлесной храмины. Въ 1842 году, 2-го декабря, едва болѣзнь его облегчилась, онъ былъ облеченъ саномъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора; 8-го декабря назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; въ 1843 г., 3 го октября, произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Александръ Александровичъ чувствовалъ, что тѣлесныя силы его ослабѣли; но онъ старался замѣнить недостатокъ тѣлесныхъ силъ напряженіемъ силъ душевныхъ, трудился неусыпно, съ прямымъ желаніемъ общественной пользы. Онъ былъ понятъ жителями столицы: они признали въ немъ человѣка, готоваго принять участіе во всякомъ нуждающемся. Особенно обратилъ онъ благотворное вниманіе на заключенныхъ въ тюрьмѣ. Пріемъ Александра Александровича, по наружности, былъ холоденъ, не привлекателенъ, какъ и у многихъ людей прямаго характера, чуждыхъ способности ласкательствовать; но сердце его пламенѣло любовію къ ближнему. И скоро жители Петербурга узнали это сердце: не долго могла его скрывать строгая наружность.

Съ начала 1846 года возобновились его болѣзненные припадки, но

---

[1]) Онъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ" 1902 г. № 3.

въ другомъ видѣ: ихъ дѣйствіе пало на нервы. Онъ лишился сна, ощутилъ въ себѣ возбужденіе неестественной дѣятельности: почему долженъ былъ просить увольненія отъ должности военнаго генералъ-губернатора. Государь императоръ, убѣдившись, что болѣзнь Александра Александровича дѣлаетъ для него невозможнымъ продолженіе службы въ многотрудной должности с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, соизволилъ на увольненіе его. При этомъ случаѣ изволилъ выразить чувство сердечнаго сожалѣнія къ болѣзненному состоянію своего вѣрнаго и достойнаго любимца въ всемилостивѣйшемъ рескриптѣ, при которомъ препровождались знаки ордена Святаго Равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени. Этимъ не ограничились вниманіе и милости государя императора. Онъ посѣтилъ больнаго и, находя для него нужнымъ свѣжій воздухъ и удаленіе отъ столичнаго шума, пожаловалъ ему обширное отдѣленіе въ Стрѣльнинскомъ загородномъ дворцѣ, для лѣтняго пребыванія. Въ Стрѣльнѣ проводилъ время Александръ Александровичъ въ обществѣ немногихъ друзей, имѣвшихъ возможность раздѣлять съ нимъ его досугъ. Безсонница и лишеніе аппетита продолжали истощать его. Но болѣзнь усиливалась. Было признано необходимымъ лѣченіе въ чужихъ краяхъ. На эту мѣру Александръ Александровичъ никакъ не соглашался. Нужна была власть надъ его сердцемъ великаго князя цесаревича. Великій князь нарочно для этого пріѣхалъ въ Стрѣльнинскій дворецъ, и предъ его словомъ склонился страдалецъ. Казенный пароходъ понесъ болящаго въ Данію. Въ Килѣ онъ началъ курсъ лѣченія, и, по истеченіи шести недѣль, получилъ совершенное выздоровленіе. Изъ Киля онъ переѣхалъ въ Гельголландъ для купанія въ морѣ. Проведши зиму въ Римѣ и потомъ снова воспользовавшись морскими ваннами, онъ возвратился въ концѣ лѣта 1847 года въ С.-Петербургъ.

Государь императоръ, уволивъ его въ 1846 году отъ должности с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, оставилъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта.

Въ концѣ лѣта 1850 года начали возобновляться его нервные припадки; съ наступленіемъ осени они усилились. Замѣтя усиленіе ихъ, онъ поспѣшилъ удалиться въ Гатчину. Изъ предшествовавшей болѣзни онъ зналъ, что удаленіе отъ семейства и совершенное уединеніе составляютъ необходимое условіе излѣченія. Сонъ и аппетитъ снова его оставили; онъ скончался отъ нервнаго удара. Почувствовавъ рѣшительное изнеможеніе, онъ пожелалъ исповѣдаться и пріобщиться Св. Тайнъ, а вслѣдъ за тѣмъ принялъ на себя помазаніе освященнымъ елеемъ—и въ $8^1/_4$ часовъ утра 4-го ноября 1850 года заснулъ тихо сномъ смертнымъ, будучи 57 лѣтъ. За нѣсколько недѣль до кончины, онъ могъ прогуливаться по улицамъ Гатчины. Встрѣчаясь

съ нищими, останавливалъ ихъ, покупалъ у нихъ набранные ими кусочки хлѣба за нѣсколько рублей серебромъ, прикрывая милостыню предъ глазами простаго человѣка покупкою. Онъ былъ въ душѣ христіанинъ: вѣровалъ, повиновался церкви, часто и по долгу молился, строго наблюдалъ за собою и мужественно боролся съ страстями своими. Отпѣваніе почившаго происходило, по повелѣнію государя императора, въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ Измайловскаго полка соборѣ. Оно было совершено с.-петербургскимъ митрополитомъ Никаноромъ съ значительнымъ числомъ духовенства, въ присутствіи его императорскаго величества государя императора и ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей. Тѣло предано землѣ въ Троицкой Сергіевой пустынѣ, гдѣ Александръ Александровичъ заблаговременно устроилъ свое фамильное кладбище.

I.

Письма великаго князя Александра Николаевича (впослѣдствіи императора Александра II) Александру Александровичу Кавелину.

1.

17-го ноября 1836 г.

Сожалѣю очень, что мнѣ не удастся сегодня васъ увидѣть, любезный Александръ Александровичъ, но Крейтонъ запретилъ мнѣ выходить по сегодняшней погодѣ.

Я слышалъ, что вы дурно ночь провели и что все еще не совсѣмъ хорошо себя чувствуете, надѣюсь, однако, что вамъ лучше, чѣмъ вчера, желаю вамъ скорѣе поправиться.

У насъ вчера вечеромъ началась военная игра, сегодня будетъ продолженіе, государь вамъ назначилъ корпусъ, который еще только-что идетъ изъ Шлезіи.

До свиданія, любезный Александръ Александровичъ.

Васъ искренно любящій Александръ.

2.

9-го ноября 1837 г. Москва.

Вчера вечеромъ получилъ я письмо ваше, любезный Александръ Александровичъ, отъ 5-го числа, благодарю васъ душевно и радуюсь,

что вы всѣхъ вашихъ нашли здоровыми. У насъ благодаря Бога все шло хорошо. Императрица однако все еще кашляетъ и потому не выѣзжаетъ. Баловъ еще никакихъ не было и сегодня будетъ дѣтскій б. для именинника. Я на прошедшей недѣлѣ ѣздилъ осматривать кадетскіе корпуса, которые оба въ большомъ порядкѣ, былъ еще въ удивительно хорошо устроенномъ Александровскомъ сиротскомъ домѣ, основанномъ послѣ холеры въ 1831 г.; а по вечерамъ были раза три въ театрѣ. Любопытенъ знать, какое дѣйствіе произведетъ на васъ Тальони.

Богъ дастъ, черезъ мѣсяцъ мы будемъ уже въ Петербургѣ, признаюсь, что я этой минуты жду съ нетерпѣніемъ, хотя и здѣсь хорошо, но все-таки дома лучше.

Слухъ о поѣздкѣ государя въ Петербургъ не знаю на чемъ могъ быть основанъ; онъ, слава Богу, здоровъ и вамъ кланяется, равно какъ и императрица и сестры.

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Маріи Павловнѣ[1]) и поклониться дѣтямъ вашимъ и всѣмъ нашимъ знакомымъ.

До свиданія, любезный Александръ Александровичъ, обнимаю васъ мысленно.

Вась душевно любящій Александръ.

3.

14-го іюня 1841 г. Петергофъ.

Посылаю къ вамъ обѣщанные портреты жены и мой собственный и прошу васъ, любезный Александръ Александровичъ, принять ихъ въ залогъ памяти отъ насъ обоихъ.

При семъ случаѣ я радъ письменно выразить вамъ, милый другъ, всю мою искреннюю благодарность за все то время, которое вы были при мнѣ и я васъ такъ часто мучилъ; будьте увѣрены, любезный Александръ Александровичъ, что чувства признательности и истинной дружбы къ вамъ слишкомъ глубоко вкоренились въ моемъ сердцѣ, чтобы могли когда-нибудь измѣниться; это не пустыя слова, а выраженіе того, что я чувствую въ моемъ сердцѣ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Маріи Павловнѣ, а васъ самихъ надѣюсь я обнять сегодня вечеромъ или завтра поутру.

Васъ отъ всей души любящій Александръ.

---

[1]) Супругѣ А. А. Кавелина.

4.

9-го іюня 1841 г. Петергофъ.

Завтра утромъ отправляюсь въ городъ и въ $^1/_2$ 1 ч. буду къ вашимъ услугамъ, любезный Александръ Александровичъ. Хочу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы въ городѣ кое-что посмотрѣть. Юлію Ѳедоровну [1]) я предварилъ о часѣ, она хотѣла тоже поранѣе туда отправиться. Итакъ, до свиданія, любезный Александръ Александровичъ; обнимаю васъ отъ всего сердца.

Васъ душевно любящій Александръ.

5.

29-го августа 1841 г. Царское Село.

Благодарю васъ душевно, любезнѣйшій мой Александръ Александровичъ, за ваше милое письмо изъ Ковны и за подробное описаніе происходившаго въ присутствіи государя. Надѣюсь, что дѣло, по которому вы находитесь въ Вильнѣ, скоро развяжется, и вамъ можно будетъ скоро воротиться. Вчера былъ я у Маріи Павловны, мы имѣли съ ней довольно длинный разговоръ, о которомъ она можетъ быть вамъ напишетъ и за который я ей чрезвычайно благодаренъ; нельзя быть добрѣе ея. У насъ съ самаго отъѣзда государя ничего особеннаго не было, время стоитъ преславное, и мы вполнѣ наслаждаемся нашимъ любимымъ Царскимъ Селомъ.

Завтра утромъ отправляемся съ женой по желѣзной дорогѣ въ городъ, для церемоніи въ Невской Лаврѣ. Мы одни будемъ фигурировать, императрица остается здѣсь. Завтра вечеромъ будетъ здѣсь спектакль, а послѣ завтра балъ. Прежде чѣмъ кончить письмо, я долженъ васъ поздравить, любезный Александръ Александровичъ, съ завтрашнимъ днемъ вашего ангела, какъ моимъ именемъ, такъ и именемъ жены.

Прощайте, милый другъ; обнимаю васъ отъ всего сердца. Васъ душевно любящій Александръ.

6.

31-го октября 1841 г. Царское Село.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за ваше поздравительное письмо отъ 11-го октября. Государь, императрица и

---

[1]) Баранова (впослѣдствіи графиня), сестра В. Ѳ. Адлерберга, бывшаго министра императорскаго двора—Ю. Ѳ. Баранова, въ то время была воспитательницею великихъ княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны.

Мари поручили мнѣ также благодарить васъ за живое участіе, которое вы принимали въ нашей общей радости. Я хотѣлъ отвѣчать вамъ съ курьеромъ, но такъ какъ это можетъ еще долго продолжиться, то я рѣшаюсь писать по почтѣ.

Ваше милое письмо имѣлъ я удовольствіе получить 10-го числа, на другой день крестинъ новорожденной княжны Маріи.........[1]), передъ самымъ отправленіемъ нашимъ въ Гатчину, гдѣ мы пробыли недѣлю самымъ пріятнымъ образомъ. Порядокъ тамошней жизни, впрочемъ, вамъ довольно извѣстенъ; при томъ погода намъ очень благопріятствовала. 23-го числа послѣ обѣда воротились мы сюда, а 24-го были съ государемъ въ городѣ для панихиды въ крѣпости.

Я съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ читалъ подробную записку о ходѣ всего вашего запутаннаго дѣла и радовался, что нашъ добрый и благородный Назимовъ первый[2]) напалъ на путь истины, хотя и съ личнымъ самоотверженіемъ, что̀ дѣлаетъ ему честь и что̀ меня еще больше радуетъ, это то, что и государь имъ теперь очень доволенъ и отдаетъ ему полную справедливость; скажите ему это моимъ именемъ.

Вы впрочемъ должны получить бумагу отъ военнаго министра, въ которой онъ объявляетъ вамъ высочайшее благоволеніе за успѣшный ходъ слѣдственнаго дѣла, съ тѣхъ поръ какъ вы тамъ предсѣдателемъ.

Зная меня, любезный другъ, вы легко поймете мою радость, ибо вѣрно никто болѣе меня не принимаетъ живѣйшаго участія во всемъ васъ касающемся.

Два дня тому назадъ былъ я у Маріи Павловны, нашелъ ее, слава Богу, здоровою, но она все это время страдала ревматизмомъ; ей, кажется, очень не хочется переѣхать въ городъ, въ новую квартиру, безъ васъ, впрочемъ я не полагаю, чтобы слѣдственное дѣло васъ задержало такъ долго, какъ вы сначала полагали.

Со вчерашняго дня у насъ стала зима, мы уже ѣздили на саняхъ, а сегодня совершенная вьюга; мы, кажется, останемся въ нынѣшнемъ году нѣсколькими днями дольше въ Царскомъ, чѣмъ обыкновенно, чему я впрочемъ очень доволенъ; по-моему хоть бы всю зиму здѣсь провести. Жена поручила мнѣ вамъ кланяться.

Прощайте, любезный Александръ Александровичъ, обнимаю васъ мысленно отъ всей души.

Васъ искренно любящій Александръ.

---

[1]) Слово нельзя разобрать; вѣроятно: «Максимиліановны». П. Кавелинъ

[2]) Слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

7.

10-го іюня 1842 г. Петергофъ.

Не могу пропустить сегодняшній день, чтобы не написать вамъ, любезный Александръ Александровичъ, хотя нѣсколько словъ, дабы поздравить васъ отъ всего сердца со днемъ вашего рожденія и пожелать вамъ всевозможнаго счастія, да сохранитъ васъ Богъ еще на многія лѣта!

Я воображаю, какъ вы должны наслаждаться тихою, безмятежною деревенскою жизнью въ вашей идеальной странѣ[1]), куда, признаюсь, и я послѣ всѣхъ вашихъ разсказовъ любопытенъ бы былъ самъ заглянуть.

Здѣсь у насъ начались обыкновенныя лѣтнія попыхи, до которыхъ вы такой особенный охотникъ. Петергофъ началъ уже наполняться иностранными принцами. Первые пріѣхали принцъ Фридрихъ Нидерландскій съ женой, тому уже 2 недѣли, потомъ принцъ Генрихъ Нидерландскій, нашъ лондонскій спутникъ и, наконецъ, вчера принцъ Прусскій; около 19-го числа ожидаютъ короля Прусскаго и кромѣ него двухъ принцевъ Нассаускихъ и эрцъ-герцога Карла (2-го сына эрцъ-герцога Карла). Въ будущее воскресенье, т. е. 14-го числа вечеромъ, начинаются у Царскаго Села маневры, въ которыхъ я буду командовать цѣлымъ корпусомъ, дай Богъ, чтобы все хорошо кончилось.

Вѣроятно, скоро и вы къ намъ будете, любезный Александръ Александровичъ, но покуда попрошу васъ поцѣловать руку отъ меня Маріи Павловнѣ, а васъ самихъ обнимаю еще разъ мысленно отъ всего сердца. Жена вамъ кланяется и проситъ меня васъ также поздравить. До свиданія. Васъ душевно любящій Александръ.

8.

8-го сентября 1842 г. 5 ч. утра. Царское Село.

Спѣшу раздѣлить съ вами, любезный Александръ Александровичъ, нашу радость, Богъ далъ намъ сына Николая, жена благодаря Бога чувствуетъ себя хорошо.

Обнимаю васъ отъ всего сердца. Александръ.

---

[1]) Въ то время Александръ Александровичъ находился въ отпуску и проводилъ лѣто въ имѣніи моей матери, въ Торопецкомъ уѣздѣ, Псковской губ. Слова подчеркнуты въ подлинникѣ. П. Кавелинъ.

9.

Ce 25 avril 1843.

En recevant ce matin votre lettre, j'aurais dû me fâcher, mais après l'avoir lu, je me suis désarmé, car votre belle et noble âme s'est peinte toute entière dans ces lignes que vous m'adressiez, cher et excellent ami! Il ne me reste qu'à vous prier d'agir avec moi toujours franchement, comme avec un vieil ami, devant lequel vous auriez grand tort de cacher la moindre chose, aussi je compte sur votre promesse.

A vous pour la vie
A.

(Переводъ).

25-го апрѣля 1843 г.

Получивъ сегодня утромъ ваше письмо, я чуть не разсердился, но, перечитавъ его, я почувствовалъ себя обезоруженнымъ, ибо ваша высокая и благородная душа вполнѣ обнаружилась въ тѣхъ строкахъ, съ которыми вы ко мнѣ обратились, дорогой и безподобный другъ мой. Остается мнѣ просить васъ поступать со мною всегда откровенно, какъ со старымъ другомъ, передъ коимъ вы были бы не правы скрывать что бы то ни было,—и такъ я разсчитываю на ваше обѣщаніе.

Вашъ на вѣки А.

10.

18-го іюня 1843 г. Александрія.

Благодарю васъ отъ всего сердца, любезный Александръ Александровичъ, за ваше милое письмо, которое я вчера вечеромъ получилъ. Радуюсь, что Гатчинская тихая жизнь вамъ уже стала пользу приносить, дай Богъ, чтобы вы могли точно поправиться и укрѣпиться силами для вашего хлопотнаго мѣста.

Поздравляю васъ, хотя немного поздно, но по крайней мѣрѣ отъ искренняго сердца съ прошедшимъ днемъ вашего рожденія, мой милый другъ; да сохранитъ васъ Богъ для всѣхъ тѣхъ, которые васъ уважаютъ отъ всей души, васъ любятъ, изъ коихъ первый есмь Азъ!

Я вамъ не писалъ потому, что я надѣялся, будучи въ этотъ день въ Царскомъ Селѣ, по случаю смотра 2-ой Гренадерской дивизіи (государь остался совершенно довольнымъ), васъ тамъ увидать, то же самое и 12-го числа я полагалъ, что вы сюда пріѣдете, но ожиданія мои, къ

сожалѣнію, не сбылись! Къ тому же подарокъ мой не поспѣлъ, я вамъ его отправлю или можетъ быть самъ вручу, коль скоро онъ будетъ готовъ.

Вы меня спрашиваете о маневрахъ, они, слава Богу, очень хорошо удались при самой благопріятной погодѣ, за что вамъ спасибо.—Государь былъ въ особенности доволенъ дѣйствіями нашего, т. е. Новгородскаго корпуса, коего авангардъ находился подъ моимъ начальствомъ; мы остались совершенными побѣдителями, и кирасиры снова по своему обыкновенію опоздали и не были даже употреблены. Объ этомъ происшествіи я поручилъ написать ген. Штрандману, чтобы обрадовать бѣднаго больнаго, закоснѣлаго врага кирасиръ.

Здѣсь, въ Петергофѣ, все по-прежнему за исключеніемъ карантина, въ которомъ мы съ женой все еще продолжаемъ находиться; корь ея совсѣмъ уже прошла, но ей не позволяютъ еще выѣзжать, она поручила мнѣ вамъ кланяться, равно и супругѣ вашей.

Итакъ я надѣюсь увидаться съ вами 24-го числа и найти васъ не съ негативными щеками и уже не такъ страшнымъ для глазъ жены и сестры!

Прежде чѣмъ кончать письмо, я хочу просить васъ обратить вниманіе ваше на прилагаемую записку генер.-маіора Романовича, того самаго, въ коляскѣ котораго меня повезли послѣ моего знаменитаго паденія въ 1832 г., съ тѣмъ чтобы, если это возможно, исполнить его желаніе; онъ, бѣдный, въ крайнемъ положеніи, и мнѣ бы очень хотѣлось его бы гдѣ-нибудь здѣсь пристроить. Онъ служилъ полков. въ Л.-Гв. Финляндскомъ п., а теперь по случаю уничтоженія резервной пѣхоты, гдѣ онъ командовалъ бригадой, находится въ распоряженіи инспектора ген.-лейт. Тришатнаго.

О томъ, о чемъ вы въ концѣ вашего письма мнѣ пишете, т. е. чтобы мнѣ быть ходатаемъ между войсками и государемъ, М. П. (Михаилъ Павловичъ) мнѣ говорилъ еще передъ своимъ отъѣздомъ; благодарю за добрый совѣтъ, который, при случаѣ, вы можете быть увѣрены, что я употреблю.

За симъ обнимаю васъ, милый Александръ Александровичъ, отъ всего сердца.

Васъ искренно любящій Александръ.

Государь и императрица вамъ кланяются, а я прошу поцѣловать за меня ручку супруги вашей.

11.

12-го (24-го) іюля 1846 г. Красное Село.

Благодарю васъ отъ всей души, любезный Александръ Александровичъ, за ваше милое письмо; оно принесло мнѣ истинное удоволь-

ствіе. Слава Богу, что здоровье ваше поправляется, и потому надѣюсь, что не въ продолжительномъ времени мы васъ опять увидимъ здѣсь,— вы меня знаете и легко поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду этой минуты! Государь, императрица и жена посылаютъ вамъ свой сердечный поклонъ, равно и сестры. На-дняхъ отпраздновали мы свадьбу Оли. Она, кажется, очень счастлива, да ниспошлетъ Господь Богъ на нихъ свое благословеніе! — Она остается здѣсь до конца августа. Здоровье императрицы, благодаря Бога, значительно поправилось послѣ Палермской зимы, надобно надѣяться, что нашъ ужасный климатъ не испортитъ добро, принесенное сицилійскимъ пребываніемъ.

Здѣсь мы также посреди нашихъ военныхъ занятій. Съ будущей недѣли начнутся смотры (государевы), потомъ большіе маневры. Погода у насъ съ недѣлю стоитъ жаркая, а то была прехолодная.

На осень сбираемся мы въ Царское Село. Гдѣ теперь находится ваше семейство?

За симъ обнимаю васъ, любезный другъ, отъ всего сердца.

Васъ искренно любящій Александръ.

12.

23-го сентября (4-го октября) 1846 г. Царское Село.

Доселѣ не могъ я отвѣчать и благодарить васъ, любезный Александръ Александровичъ, за ваше милое письмо по случаю нашего общаго съ вами праздника. Этотъ годъ провели мы его на Елагиномъ и были съ государемъ въ Невской Лаврѣ, попрежнему. Государь на прежнихъ обыкновенныхъ его осеннихъ поѣздкахъ не былъ тамъ съ 1834 года, т. е. 12 лѣтъ, а я съ 1843 г.

О пріѣздѣ вашемъ во Франкфуртъ узналъ я чрезъ В. А. Жуковскаго; онъ пишетъ мнѣ, что это былъ совершенный для него сюрпризъ и что онъ былъ крайне обрадованъ вашимъ здоровымъ видомъ и полнотой даже вашихъ щекъ, въ послѣднее время столь негативныхъ. Я вполнѣ надѣюсь, что зима, проведенная вами въ умѣренномъ климатѣ, еще болѣе укрѣпитъ ваши силы. Теперь вѣроятно милая Марія Павловна уже съ вами; я воображаю себѣ ваше счастіе послѣ столь долгой разлуки; прошу поцѣловать за меня ея ручки и сказать ей, сколь я сожалѣю, что не могъ пріѣхать съ нею проститься.

Здѣсь, благодаря Бога, все у насъ тихо, съ 7-го сентября переѣхали мы сюда и ведемъ съ тѣхъ поръ единообразную и пріятную жизнь.

На прошедшей недѣлѣ были 3 дня маневровъ между Царскимъ и городомъ при самой благопріятной погодѣ, а на 4-ый общій парадъ на

Марсовомъ полѣ и, къ полной общей радости, государь всѣмъ остался доволенъ.

Черезъ нѣсколько дней мы собираемся съ нимъ въ Москву на короткое время, чтобы осмотрѣть тамъ собранныхъ безсрочно-отпускныхъ. Государь, императрица и жена посылаютъ вамъ сердечный поклонъ, а я обнимаю васъ, любезный другъ, отъ глубины души.

Васъ искренно любящій Александръ.

13.

1-го (13-го) марта 1847 г. С.-Петербургъ.

Простите мнѣ, любезный Александръ Александровичъ, мое долгое молчаніе, но все это время столько было дѣла, что я едва имѣлъ минуту свободную.

Письмо ваше изъ Рима вручилъ мнѣ почтенный Мирковичъ [1]), онъ словесно подтвердилъ мнѣ то, что я уже слышалъ насчетъ вашего здоровья; дай Богъ, чтобы зима, проведенная въ тепломъ климатѣ, еще болѣе укрѣпила ваши силы и чтобы вы къ намъ воротились вполнѣ довольнымъ вашимъ заграничнымъ пребываніемъ. Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что государь согласно вашему желанію пожаловалъ награду Мирковичу, который точно вполнѣ ее заслуживаетъ;—этого человѣка нельзя не уважать!

Про наше здѣшнее бытье нечего много разсказывать, зимнія заня-

---

[1]) Александръ Яковлевичъ Мирковичъ, о которомъ великій князь упоминаетъ въ своихъ письмахъ, былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей и товарищъ А. А. Кавелина по Пажескому корпусу, изъ котораго были выпущены въ 1810 г. Оба они были камеръ-пажами, а Мирковичъ вышелъ первымъ и имя его занесено на мраморною доску. Братъ его, Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ, бывшій также пажемъ, былъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ какъ разъ въ то время, когда А. А. Кавелинъ былъ посланъ по высочайшему повелѣнію предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о политическихъ преступникахъ. Оба брата Мирковичи служили въ Конной гвардіи и въ рядахъ этого полка участвовали въ сраженіи при Бородино, въ которомъ Ѳедоръ Яковлевичъ былъ тяжело раненъ въ ногу. Александръ Яковлевичъ, имѣя хорошее состояніе, не особенно заботился о карьерѣ и хотя числился по военному министерству, но жилъ бо̀льшею частію въ своемъ имѣніи и оставался въ чинѣ полковника.

Когда, въ 1846 г., А. А. Кавелинъ заболѣлъ въ первый разъ, то Александръ Яковлевичъ по добротѣ своей и искренной привязанности къ своему другу и товарищу, въ виду того, что доктора рѣшили удалить А. А. Кавелина изъ семейства и по просьбѣ супруги его, принялъ на себя тяжелую обязанность сопровождать больнаго за границу. Онъ безотлучно находился при больномъ болѣе полугода, пока не пріѣхало къ нему семейство.

тія шли и идутъ обыкновеннымъ порядкомъ, и на недостатокъ дѣлъ пожаловаться нельзя.

На прошедшей недѣлѣ лишились мы нашего почтеннаго предсѣдателя Совѣта, онъ съ декабря мѣсяца сталъ все болѣе и болѣе ослабѣвать и, наконецъ, можно сказать, погасъ. Въ немъ лишились мы благороднѣйшаго и почтеннѣйшаго человѣка, а государь—истиннаго друга и вѣрнѣйшаго слуги, какихъ немного, за то и сожалѣнія всеобщія!

Мѣсто его еще доселѣ не замѣщено, хотя публика и называетъ много кандидатовъ.

Здоровье императрицы замѣтно поправилось послѣ Палермскаго пребыванія, но къ сожалѣнію далеко еще не въ томъ положеніи, какъ мы бы желали ее видѣть, ибо біеніе сердца еще по временамъ возвращается и всякая малая неосторожность влечетъ за собой простуду. Государь, благодаря Бога, здоровъ, и они оба поручили мнѣ вамъ кланяться, равно и жена моя.

Черезъ полтора мѣсяца ожидаетъ она родовъ, для чего мы намѣрены тотчасъ послѣ Пасхи, т. е. въ началѣ апрѣля, переѣхать въ Царское Село, чему я, признаюсь, очень радуюсь, ибо вы знаете мое особенное расположеніе къ этому любимому моему мѣсту.

Въ началѣ іюня полагаемъ мы ѣхать моремъ за границу въ Германію; для жены необходимо будетъ лѣченіе на минеральныхъ водахъ, но гдѣ, мы еще сами не знаемъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь мы съ вами съѣдемся.

Вообразите: нынѣшнимъ лѣтомъ минетъ 10 лѣтъ нашему путешествію по Россіи, неимовѣрно, какъ время скоро пролетѣло! Прощайте теперь, любезный Александръ Александровичъ, будьте здоровымъ не забывайте

Васъ всѣмъ сердцемъ любящаго Александра.

Прошу поцѣловать за меня ручку милой Маріи Павловны [1]).

---

[1]) Странныя случайности: 1) Послѣднее письмо было написано 1-го марта (1847 г.). 2) въ этомъ письмѣ въ первый разъ наслѣдникъ пишетъ: Прощайте теперь, любезный Алек. Алек., и пр.

*

II.

Письма великаго князя Александра Николаевича — Маріи Павловнѣ Кавелиной.

1.

Merci beaucoup, chère Марія Павловна, pour la lettre de notre excellent Александръ Александровичъ. Je suis enchanté que lui-même s'est décidé à rester à l'étranger, car je suis persuadé que cela ne peut que lui faire du bien. Quand comptez-vous vous mettre en route pour le rejoindre?

Votre dévoué
Alexandre.

(Переводъ). Благодарю васъ, дорогая Марія Павловна, за присылку письма дорогаго нашего Александра Александровича. Очень радъ, что онъ самъ рѣшился остаться за границею, ибо я увѣренъ, что это можетъ только принести ему пользу. Когда собираетесь вы ѣхать къ нему.

Преданный вамъ
(На подлинномъ) Александръ.

2.

Tsarskoé-Sélo, 9 septembre 1846.

Ayant appris trop tard, malheureusement, votre déménagement en ville pour pouvoir venir vous dire adieu, comme je l'avais voulu, permettez-moi de le faire au moins par écrit.

C'est du fond d'un cœur qui vous est bien sincèrement dévoué que je forme les voeux pour votre voyage. Je comprends parfaitement le bonheur que vous devez éprouver à l'idée de revoir bientôt notre cher Александръ Александровичъ. Grâce à Dieu, les nouvelles que Мирковичъ me donne continuent à être aussi satisfaisantes que possibles; il m'écrit que c'est à Francfort-s.-M. qu'il compte vous attendre. J'ose vous prier d'embrasser bien tendrement de ma part notre cher Александръ Александровичъ que j'aime comme un ami et que je vénère du fond de mon âme.

Pardon encore une fois pour mon griffonnage.

Votre dévoué.
Alexandre.

Царское Село. 9-го сентября 1846 г.

(Переводъ). Узнавъ о переѣздѣ вашемъ въ городъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно для того, чтобы успѣть проститься съ вами, какъ я этого желалъ, позвольте мнѣ исполнить желаніе мое письменно. Отъ глубины искренно преданнаго вамъ сердца посылаю вамъ мои лучшія пожеланія счастливаго пути. Вполнѣ понимаю ваше счастье при мысли скоро увидать дорогаго нашего Александра Александровича.

Извѣстія, сообщаемыя мнѣ Мирковичемъ, продолжаютъ быть по возможности удовлетворительными. Онъ пишетъ мнѣ, что они намѣрены ожидать васъ во Франфуртѣ-на-Майнѣ. Смѣю васъ просить нѣжно поцѣловать отъ меня нашего дорогаго Александра Александровича, котораго я люблю какъ друга и уважаю отъ глубины души.

Извиняюсь за мой дурной почеркъ.

Преданный вамъ Александръ.

3.

Moscou, ce 10 novembre 1850.

«Да будетъ воля Твоя»! Que puis-je vous dire de plus, chère Марія Павловна? Personne ne sait mieux que moi que dans des malheurs pareils à celui qui vient de vous frapper si terriblement, il n'y a pas de consolation humaine à offrir. Que Dieu vous donne la force de supporter cette cruelle épreuve. Quant à celui que nous pleurons, il aura certes une bonne place là-haut. Car ceux, dont le coeur pareil au sien a toujours été rempli de sentiments si chrétiens, ne peuvent pas ne pas être compris dans l'autre monde au nombre des justes! L'attachement sincère et le dévouement que je portais à notre excellent Александръ Александровичъ vous étaient connus, aussi je suis persuadé que vous ne doutez pas, chère Марія Павловна, de toute la part que je prends à cette cruelle perte.

Oui! je l'aimais de toute mon âme,—et comment aurais-je pu faire autrement; lui qui a été un véritable ami pour moi depuis mon enfance· Que Dieu le récompense pour tout ce qu'il a fait pour moi, cette mort subite a aussi été un coup de foudre pour moi. Mais n'est-ce pas un bonheur pour lui? Car une existence comme celle qu'il a menée les derniers jours, n'en était pas une. Permettez-moi maintenant, chère Марія Павловна, de me mettre complètement à votre disposition, j'ose vous supplier de disposer de moi et de continuer à me regarder comme un des vôtres; car la veuve de mon Александръ Александровичъ et sa famille будутъ всегда близки моему сердцу.

Que Dieu vous soutienne vous et tous les vôtres.

Votre tout dévoué Alexandre.

Москва. 10-го ноября 1850 г.

(Переводъ). «Да будетъ воля Твоя!» Что могу я еще сказать вамъ, дорогая Марія Павловна? Никто лучше меня не знаетъ, что въ несчастіяхъ, подобныхъ тому, которое такъ страшно васъ поразило, всякія утѣшенія излишни. Да поможетъ вамъ Богъ перенести это тяжкое испытаніе. Что касается того, котораго мы оплакиваемъ, то, конечно, онъ займетъ въ вышнемъ мірѣ подобающее ему мѣсто, ибо тѣ, коихъ сердце какъ его, было всегда проникнуто столь христіанскими чувствами, несомнѣнно въ томъ мірѣ будутъ сопричислены къ числу праведныхъ.

Вамъ извѣстны моя искренняя привязанность и преданность моя нашему дражайшему Александру Александровичу, поэтому я убѣжденъ, дорогая Марія Павловна, что вы не сомнѣваетесь въ участіи, которое я принимаю въ столь тяжкой утратѣ.

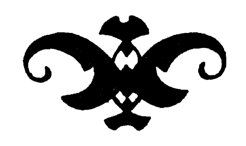
Да! я любилъ его отъ всей души, и могъ-ли я не любить того, который былъ для меня лучшимъ другомъ съ самаго моего дѣтства. Да наградитъ его Богъ за все, что онъ для меня сдѣлалъ. И для меня внезапная смерть его была громовымъ ударомъ. Но не счастье-ли это для него? вѣдь въ сущности послѣдніе его дни нельзя было считать настоящею жизнію.

Затѣмъ, умоляю васъ, дорогая Марія Павловна, вполнѣ располагать мною и продолжать считать меня однимъ изъ вашихъ близкихъ, ибо вдова моего Александра Александровича и семейство его будутъ всегда близкими моему сердцу.

Да укрѣпитъ Богъ васъ и всѣхъ вашихъ.

Преданный вамъ Александръ.

Сообщ. П. А. Ковелинъ.

Походъ Россіи на Индію какъ средство ослабить Англію.

Письмо А. Н. Сеславина къ князю П. М. Волконскому [1]).

1-го декабря 1819 г., Паламосъ, въ Каталоніи.

Близъ полугода, какъ я просилъ васъ поручить мнѣ должность, ежели его императорскому величеству не угодно, чтобы я, скрывъ мое званіе, сдѣлалъ путешествіе отъ Калькутты въ Остъ-Индію чрезъ Делли, Кагоръ въ Кабулъ, осмотрѣвъ берега рѣки Гангеса и Инда, оттуда чрезъ Бухарію и степи въ Оренбургъ или Салочковскую крѣпость, пункты, откуда должно начать наше движеніе, ежели бы рѣшено было когда-нибудь предпріятіе на остъ-индійскія англійскія владѣнія. Извѣстно, что вѣтры отъ мыса Доброй Надежды дуютъ постоянно полгода въ одну сторону и полгода въ другую; чтобы прибыть заблаговременно на мысъ и избѣжать противныхъ вѣтровъ, отправляются обыкновенно изъ Европы въ октябрѣ или ноябрѣ; пропустивъ сіе время, должно ожидать случая цѣлый годъ. Одно мѣсто въ кораблѣ, который отправился на Калькутту изъ Дюнкирхена, удержано было для меня до ноября мѣсяца. Но, не бывъ удостоенъ вашихъ отвѣтовъ столь долгое время, я потерялъ прекрасный случай оказать величайшую услугу отечеству, презирая бѣдствія и опасности, которымъ я могъ подвергнуться.

Предполагая, что служба моя и пламенное усердіе къ престолу содѣлались не нужными, я прошу покорно ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ позволеніе остаться въ Италіи; вы избавите меня отъ издержекъ, которыя могли бы меня разстроить совершенно, возвращаясь

---

[1]) Знаменитый партизанъ, участникъ войнъ 1812—1814 г.г., Александръ Никитичъ Сеславинъ (р. 1780 † 1858) жилъ долгое время за границею, гдѣ лѣчился отъ полученныхъ имъ ранъ. Князь П. М. Волконскій занималъ тогда должность начальника главнаго штаба его императорскаго величества.

въ Россію, ибо арендаторъ не платитъ денегъ, отзываясь неурожаемъ, а при томъ теплый климатъ способствуетъ много къ остановленію кровохарканія и къ излѣченію груди, которую я разбилъ при паденіи въ ровъ съ вала, будучи раненъ насквозь при штурмѣ Рущука [1]), гдѣ я, приведя колонну Уварова на назначенный пунктъ, первый взошелъ на крѣпостной валъ; генералъ-лейтенантъ Уваровъ тому свидѣтель. Ежели бы вы почли сіе невозможнымъ, увольте меня отъ службы; я вполнѣ отдаюсь на волю вашу; я не хочу занимать мѣсто другаго, который имѣетъ, можетъ быть, болѣе способностей, нежели я, не смотря на безпрерывныя занятія мои, которыя заставляли меня желать быть употребленнымъ единственно для того, чтобы принесть плоды оныхъ на пользу службы. Ваше сіятельство всегда были ко мнѣ милостивы, по гробъ того не забуду; скажите мнѣ откровенно, потерялъ-ли я милость и благосклонность государя,—это было бы для меня громовымъ ударомъ, или не находитъ во мнѣ способностей, свойственныхъ званію генерала; ибо болѣе ничего нельзя сказать про меня: въ преданности моей къ государю я буду спорить со всякимъ; я еще молодъ, могу употребить себя на другое, я буду полезенъ самому себѣ, ежели я столь несчастливъ, что не могу быть полезнымъ отечеству; тогда мнѣ ничего не нужно; я обходился и обойдусь безъ большаго, несмотря на то, что ограбленъ родною сестрою въ то время, когда я, защищая земли моихъ прародителей, проливалъ кровь. Тверской губернаторъ по сіе время не сдѣлалъ ничего по сему дѣлу; могли бы въ другомъ ослабить уваженіе и довѣренность къ законамъ, но не во мнѣ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся въ моихъ предположеніяхъ, ибо ничего не желаю, какъ только быть полезнымъ службѣ и содѣлаться достойнымъ той благосклонности монарха, которою я пользовался въ продолженіе 22 лѣтъ офицерской моей службы. Ежели я ошибся въ моихъ предположеніяхъ, простите меня великодушно: сіе происходитъ отъ нетерпѣливаго желанія служить, а время проходитъ.

Не думайте, ваше сіятельство, чтобъ предпріятіе мое основано было на легкомысліи; съ 1807 года, когда я принужденъ былъ оставить службу по неудовольствію, я рѣшился предпринять путешествіе въ Остъ-Индію, собравъ напередъ нужныя свѣдѣнія о странахъ, которыя я долженъ былъ проходить. Разсуждая часто объ Англіи и о причинахъ возвышенія ея, утвердился въ той мысли, что не въ Европѣ должно искать средство ослабить вліяніе Англіи на твердую землю, но въ Остъ-Индіи. Россія къ ней ближе всѣхъ; одна Россія въ состояніи разрушить владычество англичанъ въ Индіи и овладѣть всѣми источниками ея богатства и могущества. Вотъ, что побудило меня предпри-

---

[1]) Въ 1810 году.

нять путешествіе въ Остъ-Индію не чрезъ Персію, ибо на коварныхъ персіанъ полагаться нельзя, но чрезъ Бухарію и Кабулъ должно будетъ проходить; будущая внутренняя война въ Персіи за наслѣдство и неминуемая война англичанъ съ Сѣверною Америкою, удвоивъ долгъ Англіи до двухъ тысячъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, подадутъ новые способы исполнить наше предпріятіе. Три года тому назадъ, какъ наши купцы изъ Сибири встрѣтились съ англичанами, переодѣтыми въ молебщиковъ, у источниковъ Гангеса, которая выходитъ изъ ледяныхъ горъ Гималайя въ Багхирати или Делли. Отъ сего я заключаю, что ежели изъ Сибири и изъ Оренбургской линіи, изъ разныхъ пунктовъ, посланы будутъ надежные люди въ направленіи на Тибетъ, Багхирати, Кагоръ и Делли, мы будемъ имѣть подробное свѣдѣніе о путяхъ, самыхъ трудныхъ для прохожденія войскъ и неизвѣстныхъ по сіе время. Отъ Делли, первой англійской колоніи, останется 1.000 верстъ до Калькутты, земли населенныя и изобильныя, слѣдовательно, удобныя для прохожденія войскъ.

Я не прежде оставилъ Петербургъ, какъ посовѣтовавшись съ Петромъ Петровичемъ Коновницынымъ, которому я открылъ мое предпріятіе. Я просилъ г. Вязьмитинова [1]) исходатайствовать мнѣ паспортъ, какъ простому дворянину; посовѣтовавшись съ вами, объявилъ мнѣ, что государь отказалъ въ моей просьбѣ, это было для меня большимъ препятствіемъ, и я рѣшился чрезъ нѣкоторое время открыть вамъ мое намѣреніе. Въ 1813 году, когда я сдѣлалъ предложеніе идти съ отрядомъ отъ Страсбурга въ Испанію на соединеніе въ Веллингтономъ, предпріятіе, котораго успѣхъ зависѣлъ отъ тайны, было извѣстно всей арміи прежде моего отправленія. Этотъ случай заставилъ меня быть осторожнѣе во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ.

Армія, употребленная въ послѣдней войнѣ въ Индіи, подъ командою генерала Гастингса, состояла изъ 90.000 человѣкъ, изъ коихъ 10.000 единственно европейскихъ войскъ; прочіе же изъ индійскихъ дисциплинированныхъ солдатъ (cipayes), подъ командою европейскихъ офицеровъ. Нынѣшняя оборонительная линія англійской земли въ Индіи—2.500 англійскихъ миль. Всего же народа считается въ Индіи около 100 милліоновъ на пространствѣ одного милліона квадратныхъ миль. Три пятыхъ сего многочисленнаго народа повинуется нынѣ Великобританіи. Армія ея коснулась горъ Тибета и открыла источники Гангеса (Gange) и Инда (Indus). Въ 1819 г. подробная опись регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, содержимыхъ въ восточной Индіи: европейской инфантеріи—20.978, кавалеріи—4.692; артиллеріи—4.563, всего 30.253 чел.; индійской инфантеріи 132.815 чел., кавалеріи—

[1]) Сергѣя Козьмича.

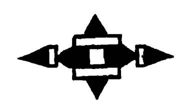
11.011, артиллеристовъ—8.759; всего регулярныхъ индійскихъ войскъ (сірауеs) въ службѣ компаніи 152.585 чел.; всего-на-всего регулярныхъ войскъ 182.836 ч. Сверхъ того находится 24 или 25 тысячъ иррегулярныхъ и около 6.000 инвалидовъ.

Ожидая отвѣта отъ вашего сіятельства, я отправился на островъ Минорку, чтобы осмотрѣть важнѣйшій изъ портовъ Средиземнаго моря и крѣпость онаго Магонъ, куда англичане, послѣ экспедиціи на Алжиръ, вошли со всѣмъ флотомъ, для починки онаго. Если Соединенные Штаты Сѣверной Америки посредствомъ переговоровъ съ Испаніею пріобрѣтутъ Флориду, англичане по сему островъ Кубу, почему бы намъ не исходатайствовать полуостровъ Калифорнію, который граничитъ съ нашими владѣніями въ Сѣверной Америкѣ, и островъ Минорку съ портомъ Магонъ; первый послужитъ намъ къ распространенію торговли и доставитъ намъ великія выгоды, послѣдній нуженъ намъ для укрытія нашихъ флотовъ въ Средиземномъ морѣ и для будущихъ предпріятій, заставляя болѣе и болѣе уважать нашъ флагъ. Мы имѣемъ право, кажется, всего отъ Испаніи, ибо мы были столь добры къ нимъ, что уступили часть нашего флота; между нами сказать, какъ же они насъ бранятъ за сію драгоцѣнную уступку, утверждая, что флотъ сей вовсе негодный.

Пишу вашему сіятельству изъ Паламоса въ Испаніи, близъ Барцелоны, куда буря заставила насъ укрыться; купеческіе корабли, которые не послѣдовали намъ, погибли въ нашихъ глазахъ. Исправя снасти, отправляюсь въ Магонъ и оттуда въ Гибралтаръ.

Тоска по отечеству начинаетъ съѣдать меня. Простите меня, что наскучилъ вамъ политическими моими идеями; обѣщаю вамъ не писать болѣе о нихъ. Прошу васъ удостоить меня двумя строками собственноручно, я почту сіе новымъ доказательствомъ вашего расположенія ко мнѣ [1]).

Сообщ. **Михаилъ Соколовскій.**

[1]) Арх. главн. штаба, дѣла канцеляріи начальники главнаго штаба. св. 30, д. № 1083.

Эпизодъ изъ жизни Н. И. Костомарова.

(По архивнымъ документамъ).

Въ біографіяхъ нашего замѣчательнаго историка, Н. И. Костомарова есть одинъ любопытный пробѣлъ, не восполняемый даже его собственною автобіографіею въ «Литературномъ наслѣдіи», Спб. 1890. Нигдѣ не разсказано объ избраніи Костомарова профессоромъ Казанскаго университета, гдѣ собирались создать для него новую спеціальную каѳедру русскихъ древностей или русской бытовой исторіи. Самъ Н. И. не обмолвился объ этомъ эпизодѣ изъ своей жизни ни единымъ словомъ. Единственно, что до сихъ поръ было извѣстно по указанному поводу въ печати—это одно письмо Н. И. Костомарова, которое было напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» уже послѣ его смерти, и котораго мы коснемся ниже.

Работая въ архивѣ Казанскаго университета, мы разыскали не только подлинные документы, относящіеся къ избранію Костомарова на новую, для него особо созданную каѳедру, но и весьма любопытную программу преподаванія, имъ тогда же составленную. Съ этими интересными документами мы и хотимъ ознакомить читателей.

Возвратившись въ 1857 г. изъ заграничнаго путешествія опять въ мѣсто своей ссылки, въ Саратовъ, магистръ историческихъ наукъ Н. И. Костомаровъ, не смотря на все еще тяготѣвшее надъ нимъ высочайшее воспрещеніе «служить по ученой части», наложенное императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1848 г. и подтвержденное «во всей силѣ» при вступленіи на престолъ государемъ Александромъ Николаевичемъ [1]),

---

[1]) „Литературное наслѣдіе", стр. 100 и 82. Обстоятельства, сопровождавшія водвореніе Костомарова въ Саратовъ, разъяснилъ въ своей статьѣ г.

надо полагать, задумалъ возстановить для себя профессорское званіе, которое онъ когда-то носилъ въ Кіевскомъ университетѣ. Свои взоры Н. И. обратилъ на ближайшій къ Саратову поволжскій университетъ Казанскій. Рѣшеніе это, должно быть, окрѣпло въ немъ къ концу 1857 г., и Костомаровъ 6-го декабря 1857 г. обратился тогда въ университетъ съ слѣдующимъ прошеніемъ:

«Имѣю честь обратиться къ Совѣту Императорскаго Казанскаго университета съ покорнѣйшею просьбою удостоить меня допущеніемъ къ преподаванію русскихъ древностей въ семъ университетѣ; при чемъ честь имѣю представить на обсужденіе ученаго сословія составленную въ общихъ чертахъ программу такого преподаванія».

Прошенію Костомарова данъ былъ законный ходъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 17-го января 1858 г., ректоръ далъ историко-филологическому факультету предложеніе за № 15, въ которомъ, препровождая самое прошеніе, просилъ факультетъ высказаться по такимъ тремъ вопросамъ: 1) представляется-ли въ настоящее время необходимость поручить преподаваніе русскихъ древностей—отдѣльно отъ русской исторіи—другому преподавателю, 2) съ какимъ званіемъ долженъ былъ бы быть опредѣленъ такой второй преподаватель, и 3) если отдѣльное преподаваніе русскихъ древностей факультетъ найдетъ нужнымъ, то сочтетъ-ли онъ магистра Костомарова, на основаніи изданныхъ имъ ученыхъ трудовъ. достойнымъ допущенія къ преподаванію означеннаго предмета?

Историко-филологическій факультетъ въ ближайшемъ своемъ засѣданіи заслушалъ и прошеніе аспиранта на каѳедру, и предложеніе ректора, а 30-го января вошелъ въ Совѣтъ съ ходатайствомъ, подписаннымъ деканомъ, протоіереемъ А. П. Владимірскимъ.

«Признательно сознавая просвѣтительную заботливость начальства», факультетъ, указывалъ, что изученіе древностей, поощряемое во всѣхъ европейскихъ университетахъ, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современнаго просвѣщенія и просилъ назначить на эту новую каѳедру Костомарова, «по крайней мѣрѣ, со званіемъ экстраординарнаго профессора». Свое рѣшеніе факультетъ мотивировалъ такъ:

Юдинъ, напечатавъ („Историческій Вѣстникъ", ноябрь 1903 г.) письмо князя А. Ѳ. Орлова изъ Стрѣльны отъ 11-го іюля 1848 г къ саратовскому губернатору Матвѣю Львовичу Кожевникову. Изъ этого письма, присланнаго съ фельдъегеремъ, который 24-го іюля привезъ Костомарова въ Саратовъ, видно, что Костомаровъ, отсидѣвъ годъ въ крѣпости и принесши въ своихъ „заблужденіяхъ" „искреннее раскаяніе", долженъ былъ быть опредѣленъ на службу, „но никакъ не по ученой части",—и съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора. Шефъ жандармовъ просилъ губернатора быть къ Костомарову „милостивымъ", какъ къ „человѣку съ достоинствами".

1. Наука древностей русскихъ, постепенно возникая изъ монографій, частію обогатилась уже матеріалами, приведеніе которыхъ въ единство требуетъ исключительнаго посвященія, частію, сливаясь, по самому значенію своему, съ славянскими древностями, и поясняясь изслѣдованіями, касающимися финскихъ и восточныхъ народовъ, особенно же германскаго и византійскаго міра; (наука эта) представляетъ обширное поприще, къ обозрѣнію котораго нынѣ существующее преподаваніе не представляетъ полныхъ пособій. Основываясь на реальныхъ и письменныхъ матеріалахъ и преданіяхъ, она, обозначая мѣсто, которое занималъ въ древности русскій народъ среди другихъ народовъ, его отличительныя свойства, обнимая познаніе развитія его въ семействѣ, общинѣ и подъ вліяніемъ высшихъ религіозныхъ и гражданскихъ началъ, познаніе бытовыхъ условій, изъ которыхъ возникали разныя явленія частной и общественной жизни, справедливо можетъ почесться отдѣльною, самостоятельною наукою. Если въ настоящее время сфера ея не можетъ быть достаточно опредѣлена, такъ что нѣкоторыя изъ ея задачъ остаются только постулятами, то причиною этому можно поставить то обстоятельство, что, требуя силъ, исключительно направленныхъ на приведеніе въ стройный порядокъ ея содержанія, она не пользовалась такъ же, какъ древности другихъ народовъ въ странахъ образованныхъ, поощрительнымъ распоряженіемъ, ставящимъ ее предметомъ отдѣльной каѳедры. Съ полною увѣренностію можно утверждать, что значеніе ея очевидно обнаружится съ учрежденіемъ этой послѣдней.

Лишнимъ, кажется, будетъ доказывать значеніе науки, задачи которой каждому просвѣщенному поощрителю полезныхъ знаній всегда будутъ казаться достойными отдѣльныхъ трудовъ, но нельзя не упомянуть, что преподаваніе науки русскихъ древностей въ образованіи юныхъ питомцевъ университета связано съ ихъ существеннымъ назначеніемъ. Нынѣ, когда все русское общество борется о томъ, чтобы успѣхамъ своего просвѣщенія придать правильное, естественное теченіе, когда сознано, что стремленіе къ цивилизаціи не лежитъ только въ отрицаніи прошедшаго, но въ познаніи его, въ совершенномъ проникновеніи причинъ и обстоятельствъ образованія и преобразованія въ минувшіе вѣки, по истинѣ великодушно будетъ признаніе пользы науки, выясняющей юношеству нашему условія жизни предковъ.

Рядомъ съ науками, указывающими путь впередъ, наука русскихъ древностей пробудитъ глубже сознаніе закона, столь благодѣтельнаго въ общей и частной жизни, закона постепеннаго нравственнаго развитія. Одна эта мысль, если только она ясно выражена, заставляетъ признать образовательное значеніе науки древностей и признательно выразить глубокое уваженіе къ правительству, покровительству и по-

ощренію котораго русскія древности будутъ одолжены пожертвованіемъ не только для частныхъ изысканій, но и для систематическаго объясненія ихъ въ университетѣ.

2. Что касается условій, которыя поставлены на видъ начальствомъ для соображенія при назначеніи преподавателя, то они непосредственно выходятъ изъ того значенія и того мѣста, которое угодно будетъ придать наукѣ на-ряду съ другими, преподаваемыми въ университетѣ. Согласно съ этимъ, историко-филологическій факультетъ покорнѣйше проситъ Совѣтъ университета принять на себя ходатайство предъ высшимъ начальствомъ о томъ, чтобы преподаваніе русскихъ древностей, какъ самостоятельной науки, присвоивало преподавателю оной права профессора со всѣми преимуществами, присвоенными званію адъюнкта, экстраординарнаго и ординарнаго профессора, дабы съ поощреніемъ науки соединено было поощреніе ея труженика. При томъ, такъ какъ очевидно, что наука русскихъ древностей, имѣя свои общія задачи, постоянно отдѣлялась и отдѣляется отъ русской исторіи, то и преподаваніе ея будетъ, конечно, поставлено въ такомъ отношеніи къ сей послѣдней, что еще яснѣе выразится самостоятельность обѣихъ каѳедръ, необходимость которыхъ доказываетъ ихъ близкое отношеніе ко всему отечественному.

3. Выразивъ свое мнѣніе о необходимости науки русскихъ древностей и объ условіяхъ ея преподаванія, историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Совѣта, что предложеніе г. Костомарова въ преподавателя русскихъ древностей служитъ ему лучшимъ доказательствомъ заботливости начальства о существенныхъ пользахъ факультета и возвышенной готовности ходатайствовать о введеніи въ кругъ университетскаго образованія науки, ожидающей отдѣльной каѳедры.

Единогласно признавая этого достойнаго ученаго совершенно отвѣчающимъ сему назначенію, факультетъ въ заслуженномъ отличіи, какимъ начальству угодно будетъ почтить сего труженика, увидитъ знакъ справедливаго возмездія за его труды, сопряженные съ лишеніями. При извѣстности, какою они пользуются въ русскомъ ученомъ мірѣ, достаточно, кажется, только обозначить ихъ общее значеніе. Г. Костомаровъ, соединяя въ себѣ завидныя качества даровитаго литератора [1]) и филолога, давно извѣстный ученому міру своими положительными трудами, касающимися народной словесности [2]), миѳологіи [3]),

---

[1]) Подъ псевдонимомъ извѣстны превосходныя стихотворенія г. Костомарова.

[2]) О народной были „Горе Злосчастіе"; о языкѣ и литературѣ южныхъ руссовъ по отношенію къ сѣвернымъ.

[3]) О миѳологіи славянъ.

исторіи внутренняго развитія сѣверныхъ и южныхъ руссовъ [1]) и, наконецъ, выходящимъ нынѣ изъ печати обширнымъ сочиненіемъ о торговлѣ русской [2]), занялъ уже почетное мѣсто въ ряду немногихъ современныхъ двигателей успѣховъ науки и потому принадлежитъ къ тѣмъ замѣчательнымъ ученымъ, выборъ котораго въ преподавателя науки не можетъ найти препятствія въ мнѣніи людей, давно уважающихъ его самопожертвованія въ дѣлѣ ея успѣховъ.

При томъ, такъ какъ эти труды, оцѣненные также иностранными учеными, доказываютъ и приготовленіе, и призваніе г. Костомарова къ занятіямъ по каѳедрѣ русскихъ древностей, то историко-филологическій факультетъ, не обинуясь, единодушно ходатайствуетъ о присвоеніи сего достойнаго ученаго Казанскому университету, по крайней мѣрѣ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора.

Ознакомимся теперь съ программою Костомарова, которую передадимъ въ краткомъ изложеніи.

Направленіе нашей отечественной исторіи, начинаетъ свою записку Костомаровъ, клонится въ настоящее время къ разъясненію и уразумѣнію внутренней жизни и быта. Мыслящей любознательности не можетъ удовлетворить изложеніе однихъ только внѣшнихъ событій, какъ бы вѣрно и живо ни были они изображаемы, и какъ бы разумно они ни были связаны между собой. Внѣшняя и былевая [3]) исторія касается только немногихъ, отдѣльныхъ лицъ изъ цѣлаго народа, именно такихъ лицъ, которыхъ обстоятельства или дарованія выдвинули на поверхность народной массы. Черезъ это остается мало разгаданною жизнь поколѣній, смѣнявшихъ одно другое, и протекавшихъ свой путь подъ вліяніемъ историческихъ событій. Теперь созрѣло и утвердилось сознаніе, что какъ разъ эта жизнь массъ и составляетъ сущность историческаго знанія.

Мы не довольствуемся уже болѣе знаніемъ того, что̀ измѣняло судьбу народа, что̀ заставляло его радоваться или страдать, оживляться или впадать въ апатію. Мы хотимъ теперь знать и то, какъ народъ чувствовалъ, какъ страдалъ, радовался, дѣйствовалъ. Насъ не удовлетворяютъ ни князья, ни полководцы, ни придворныя празднества и мирные договоры, ни важныя минуты государственныхъ явленій. Намъ надобно увидѣть бѣднаго поселянина въ его хатѣ, прислушаться къ его домашней рѣчи, узнать его обращеніе съ семьею и съ сосѣдями. Самыя внѣшнія событія, представляемыя обыкновенно исторіею до

[1]) О православныхъ выходцахъ изъ Литвы; о южной Россіи до Богдана Хмѣльницкаго; Богданъ Хмѣльницкій.

[2]) „Современникъ“ 1857 г., октябрь и проч.

[3]) Погодинъ и другіе пытались одно время замѣнить въ исторической терминологіи иностранное слово фактъ русскимъ быль.

сихъ поръ, не вполнѣ понятны и лишены истиннаго своего смысла—безъ знанія общенародной жизни—потому, что они сохраняютъ свой корень въ глубинѣ народныхъ побужденій. Прославляемые въ исторіи герои всегда останутся для насъ неясными силуэтами, если отъ нашего вниманія ускользнутъ нравственныя и матеріальныя особенности обстановки, сопровождавшей пріемы ихъ дѣятельности. Только соединяя изображеніе важныхъ событій съ картиною протекшаго народнаго быта, среди котораго они совершались, и можно образовать такую науку, которая удовлетворяла бы историческому смыслу, одухотворяющему угасшую жизнь столѣтій, воскрешаемую перомъ дѣеписателя.

Честь перваго указанія того, въ чемъ должна состоять наука русской исторіи, принадлежитъ Н. А. Полевому. Онъ впервые въ нашей литературѣ высказалъ эту потребность. Одно названіе его труда: «Исторія русскаго народа» показываетъ, что Полевой уже почувствовалъ недостаточность того историческаго метода, который долго ограничивался изображеніемъ государственныхъ перемѣнъ и все вводилъ единственно въ политическій кругъ. Талантливый писатель не достигъ своей цѣли—и не могъ достигнуть ея: у него было больше дарованія и ума, чѣмъ знаній для постройки предпринятаго творенія; вѣдь сокровищница источниковъ для такой исторіи народа была въ то время слишкомъ бѣдна. Но заслугъ Полеваго современная критика, обличавшая часто вполнѣ справедливо—недостатки его сочиненія, отнять у него не могла.

Чтобы осуществить идеалъ Полеваго и построить такую исторію русскаго народа, о какой онъ мечталъ, надлежало образоваться отдѣльной наукѣ древности: русской археологіи или бытовой исторіи, которая, отдѣлившись отъ подчиненности разсказу и изложенію политическихъ событій, изобразила бы цѣлостную картину народной жизни.

Возможность этой науки приготовили безцѣнныя изданія Археографической коммиссіи, Московскаго общества исторіи и древностей, Кіевской археографической коммиссіи вмѣстѣ съ Румянцовскимъ собраніемъ грамотъ, Древнею вивліоѳикою Новикова и разными матеріалами, изданными любителями старины и отдѣльно, и въ различныхъ сборникахъ, и въ періодическихъ изданіяхъ.

Основаніе построенію русской археологіи положили, по мнѣнію Костомарова, добросовѣстные труды нашихъ ученыхъ, обогатившіе литературу превосходными изслѣдованіями о прошедшей жизни нашей: труды Погодина, Забѣлина, Бѣляева, Калачева, Кавелина, Соловьева, Константина Аксакова, Чичерина, Мейера, Лешкова, Пыпина, Буслаева, Аѳанасьева, Бодянскаго, Срезневскаго, Ундольскаго и др.

Замѣтимъ, что среди русскихъ историковъ на первомъ мѣстѣ въ

костомаровскомъ спискѣ фигурируетъ имя Погодина. Костомаровъ питалъ къ Погодину какую-то странную и мало объяснимую, но очень крѣпкую симпатію. Въ XVII т. біографіи Погодина Н. П. Барсукова собрано и приведено много свидѣтельствъ этой симпатіи, за которую Костомарова и устно, и печатно укоряли Чернышевскій и другіе. Послѣ непріятнаго диспута съ Погодинымъ о литовскомъ происхожденіи Руси и всей тягостной полемики, возгорѣвшейся изъ-за диспута, послѣ рѣзкаго возраженія Костомарова, послѣдній резонно отвѣчалъ Погодину на его неумное и неуклюжее разъясненіе, будто диспутъ въ его представленіи былъ лишь шуткой: «Если Погодину угодно было,—писалъ Н. И. Костомаровъ,—съ кѣмъ-нибудь (только не со мною) шутить публичнымъ разсужденіемъ о варяжскомъ вопросѣ, то умѣстнѣе было бы устроить публичное разсужденіе въ балаганѣ на Адмиралтейской площади или лѣтомъ на Крестовскомъ островѣ». Послѣ всего этого Костомаровъ продолжалъ незлобиво писать Михаилу Петровичу дружескія письма и испрашивать у него «честнаго мира, безобиднаго для обоихъ». «Никакіе норманы, говорилъ онъ, и жмудины не изгладятъ изъ моего сердца того глубокаго уваженія, которое я питалъ къ вамъ болѣе двадцати лѣтъ, не зная васъ лично, и которое теперь еще полнѣе и живѣе послѣ того, какъ въ послѣднее время я имѣлъ удовольствіе сблизиться съ вами». Не мало надобно было заочнаго очарованія Погодинымъ, чтобы даже послѣ личнаго знакомства съ нимъ и послѣ исторіи съ диспутомъ не только не утратить къ Погодину уваженія, но еще увеличить его.

Но обратимся къ запискѣ Костомарова.

«Наступила, кажется, пора», говоритъ онъ, «когда наука русскихъ древностей или бытовой исторіи должна явиться въ университетахъ, въ отдѣльной формѣ преподаванія, независимо отъ преподаванія русской былевой исторіи».

Въ пользу выдѣленія бытовой исторіи и образованія для нея особой, новой каѳедры Костомаровъ приводитъ два соображенія.

Во первыхъ, этого заставляетъ желать важность предмета. Надобно дать ему болѣе значительный объемъ, чтобы развить въ образованной публикѣ сочувствіе къ нему, разлить въ ней необходимыя классическія знанія, безъ которыхъ не можетъ быть участія къ явленіямъ въ мірѣ науки и, наконецъ, приготовить въ юномъ поколѣніи дѣятелей для науки; такого рода преподаваніе послужитъ молодымъ людямъ основою для ихъ послѣдующихъ ученыхъ занятій.

Во вторыхъ, отдѣлить русскія древности отъ преподаванія русской исторіи побуждаетъ трудность предмета. Если бы даже и нашелся такой преподаватель, которому требующаяся для того громадная ученость позволила бы совладѣть съ обѣими отраслями историческаго

знанія какъ съ бытовой, такъ и съ былевою исторіей, то одна только критическая обработка источниковъ для былевой исторіи отниметъ у него все время. При томъ же у насъ нѣтъ подъ рукою никакихъ спеціальныхъ обработанныхъ сочиненій, обнимающихъ собою цѣлый предметъ русскихъ древностей (кромѣ нѣкоторыхъ монографій). Поэтому преподаватель древностей или бытовой исторіи долженъ будетъ прокладывать самъ себѣ дорогу къ систематическому изложенію науки въ кучѣ разнообразныхъ источниковъ, изданныхъ, бо̀льшею частью, безъ объясненій, и самъ долженъ будетъ заниматься ихъ объясненіемъ и оцѣнкой.

Отграничивъ бытовую исторію объ былевой, Костомаровъ проситъ не смѣшивать археологію или бытовую исторію еще съ археографіею.

Археографія есть только систематическое описаніе памятниковъ, служащихъ къ уразумѣнію тѣхъ сторонъ прошлой жизни народа, которыми занимается археологія. Предметъ археографіи памятники, ведущіе къ уразумѣнію жизни; предметъ же археологіи есть самая жизнь. Дѣло археографіи опредѣлить цѣнность памятниковъ по ихъ древности, указать, что̀ и въ какой степени они выражаютъ. Дѣло археолога или бытоваго историка—извлечь изъ нихъ смыслъ, относящійся къ жизни.

А жизнь народа, полагаетъ Костомаровъ, проявлялась въ четырехъ отношеніяхъ: физіологическомъ, политическомъ, общественномъ и духовномъ. Принимая за основаніе, что наука древностей или бытовая исторія имѣетъ цѣлію изобразить прошедшую жизнь, мы получимъ, что сообразно приведенному выше дѣленію сторонъ наружной жизни полная система русской археологіи будетъ заключать въ себѣ четыре отдѣла.

Въ первомъ, физіологическомъ отдѣлѣ Костомаровъ обѣщается представить вліяніе мѣстности и климата на организмъ народа, его этнографическія особенности, состояніе народнаго здоровья и тѣлеснаго склада, наружный видъ и тѣлесныя способности народа, сообразно памятникамъ прошедшаго.

Во второмъ отдѣлѣ, политическомъ, надобно изобразить государственное строеніе, въ которое облеклась народная жизнь, отношеніе къ сосѣдямъ, средства защиты, относительное могущество или слабость державы.

Третій отдѣлъ, общественный, будетъ обнимать общественный бытъ, т. е. тѣ формальныя связи, въ которыхъ воплощается соединеніе людей между собой. Эти связи: церковь, гражданство, промыселъ и домъ.

Четвертый, духовный, отдѣлъ изобразитъ настроеніе народнаго духа, которое выражается понятіями и чувствами въ отношеніи къ

высочайшему существу, человѣку и природѣ. Сюда войдутъ религія, народныя понятія и суевѣрія, воспитаніе, просвѣщеніе, народная и письменная литература.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ покажется на первый взглядъ, отдѣлы между собой сливаются; но на самомъ дѣлѣ у каждаго—своя особая сфера. Говоря о церкви, конечно, придется говорить и вообще о религіи; но въ III отдѣлѣ придется, напр., изобразить церковные обряды, а въ IV будетъ показано, какъ эти обряды возбуждали религіозное чувство, и какъ религіозное чувство выражалось въ этихъ обрядахъ. Или: въ III отдѣлѣ нужно разсмотрѣть супружескія отношенія, способъ ихъ проявленія, законы, обезпечивающіе супружескія отношенія, а въ IV отдѣлѣ надлежитъ трактовать взгляды, какіе составилъ себѣ народъ о супружествѣ. Равнымъ образомъ: напр., въ отдѣлѣ политической жизни мы коснемся войска, говоря о средствахъ защиты края, а въ отдѣлѣ общественной жизни должно быть представлено внутреннее устройство военнаго сословія, военное управленіе и военный бытъ.

Несомнѣнно, что Казанскій университетъ очень хотѣлъ пріобрѣсти для себя такую выдающуюся научную силу, какъ Н. И. Костомаровъ. 5-го апрѣля было баллотированіе въ Совѣтѣ, и какъ видно изъ избирательнаго листа, составленнаго тогда же на засѣданіи, Костомаровъ получилъ избирательныхъ голосовъ 15, а неизбирательныхъ—всего лишь 2. Но возникалъ очень трудный вопросъ объ изысканіи средствъ на содержаніе новой каѳедры [1]). Была затребована предварительно справка изъ правленія университета о состояніи средствъ. Правленіе отозвалось [2]), что опредѣлить въ точности остатки экономической суммы невозможно. За то оказались остатки отъ содержанія личнаго состава. Хроническая язва казанскаго университета, некомплектъ преподавателей, и тогда имѣлась на лицо: изъ 13 штатныхъ экстраординарныхъ профессуръ была занята лишь половина—7. За вычетомъ содержанія получавшихъ изъ этихъ же остатковъ четырехъ адъюнктовъ, имѣлся остатокъ въ 2802 р. Тогда Совѣтъ опредѣлилъ въ томъ же засѣданіи 5-го апрѣля 1858 г.: просить ходатайства г. попечителя Казанскаго учебнаго округа объ отдѣленіи преподаванія русскихъ древностей въ Казанскомъ университетѣ и о порученіи онаго магистру историческихъ наукъ Костомарову, съ званіемъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, съ выдачею ему въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ

---

[1]) Каѳедры русской бытовой исторіи нѣтъ еще ни въ одномъ русскомъ университетѣ даже до сихъ поръ, не смотря на всю ея очевидную необходимость.

[2]) Отъ 18-го марта за № 700.

*

содержанія изъ остатковъ штатной суммы, на жалованье преподавателямъ Казанскаго университета отпускаемой, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого времени таковая выдача была отнесена на счетъ государственнаго казначейства. Жалованье экстраординарнаго профессора, замѣтимъ мы, равнялось тогда 840 р. 60 коп. Постановленіе Совѣта было отправлено къ попечителю 10-го апрѣля. Итакъ, дѣло, повидимому, улаживалось, и Н. И. Костомаровъ, поставленный въ извѣстность о столь благополучномъ исходѣ его прошенія, прислалъ на имя казанскаго ректора Іосифа Михайловича Ковалевскаго слѣдующее письмо отъ 24-го мая 1858 г. изъ Саратова:

«Согласно отношенію вашего превосходительства отъ 5-го мая 1858 г., за № 179, честь имѣю доставить документъ о моей службѣ.

«Высоко цѣня честь, оказанную мнѣ Казанскимъ университетомъ, я прошу васъ принять изъявленіе моей глубокой признательности почтенному ученому сословію этого университета, удостоившему меня принятіемъ въ число своихъ членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте поручить себя на будущее время вашему благосклонному вниманію и принести искреннее увѣреніе въ полнотѣ чувствъ моего глубочайшаго къ вамъ уваженія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь пребыть» и проч.

Когда дѣло было представлено министерству народнаго просвѣщенія, то оно, повидимому, сочло нужнымъ снестись съ саратовскимъ губернаторомъ, которымъ тогда состоялъ (съ 1855 г.) Алексѣй Дмитріевичъ Игнатьевъ, который въ началѣ, повидимому, хорошо относился къ Костомарову [1]). Когда въ 1855 г. новый полицеймейстеръ вытребовалъ Костомарова, какъ поднадзорнаго, къ себѣ на смотръ, вмѣстѣ съ ссыльными поляками, уголовными преступниками, оставленными въ подозрѣніи, даже вмѣстѣ съ содержательницами домовъ терпимости, и на этомъ смотру надѣлалъ Костомарову дерзостей, то Игнатьевъ просилъ за полицеймейстера у Костомарова извиненія и предложилъ ему принять на себя должность дѣлопроизводителя статистическаго комитета. Но теперь, когда зашелъ вопросъ о профессурѣ, губернаторъ, надо думать, отозвался весьма неблагопріятно, чѣмъ всецѣло испортилъ дѣло—не смотря, на всю симпатію, которую питалъ къ Костомарову самъ министръ народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій.

В. Л. Борисовъ извлекъ изъ рукописей Казанскаго общества исторіи, археологіи и этнографіи одно письмо Н. И. Костомарова отъ 26-го іюля 1858 г., писанное изъ Петербурга, управлявшему тогда Казанскимъ учебнымъ округомъ, помощнику попечителя, извѣстному ученому историку-моряку, Ѳеодосію Ѳедоровичу Веселаго. Письмо это поступил

[1]) „Литературное наслѣдіе", стр. 75—76.

въ общество въ числѣ другихъ бумагъ Веселаго, чрезъ барона В. Р. Розена, и напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1899 г. [1]). Не перепечатывая самаго письма, приведемъ лишь его существенное содержаніе.

Прибывъ въ С.-Петербургъ съ цѣлію заранѣе сдѣлать запасъ извлеченій изъ рукописей и рѣдкихъ книгъ, необходимый для занятій русскими древностями, Костомаровъ узналъ, что представленіе о немъ и опредѣленіе въ должность профессора останавливается «по причинѣ странныхъ писаній г. саратовскаго губернатора». Костомаровъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія Евграфу Петровичу Ковалевскому, который лично сказалъ ему, что если губернаторъ поставляетъ на видъ старыя событія изъ біографіи Костомарова, то онъ самъ берется испросить высочайшее соизволеніе на опредѣленіе Костомарова профессоромъ въ Казанскій университетъ. Министръ поручилъ Николаю Ивановичу просить казанскаго ректора о скорѣйшемъ представленіи. Тогда Костомаровъ и обратился къ Веселаго, какъ къ помощнику попечителя, съ просьбою посодѣйствовать этому скорѣйшему представленію и «разрѣшенію вопроса: быть или не быть ему въ Казанскомъ университетѣ». Онъ заявилъ, что высоко цѣнитъ честь, оказанную ему почтенными членами университета, и считаетъ себя обязаннымъ Веселаго за оказанное имъ «вниманіе и покровительство». Свое письмо Костомаровъ заканчиваетъ увѣреніемъ, что онъ душевно желаетъ поскорѣе имѣть возможность трудиться съ цѣлію сдѣлаться достойнымъ этого призванія, сколько у него достанетъ силъ, способностей и здоровья.

Утвержденіе Костомарова въ званіи и. д. экстраординарнаго профессора на вновь созданной каѳедрѣ русскихъ древностей, какое испрашивалъ для него Казанскій университетъ, все не приходило. Но, повидимому, не было и прямаго отказа. По крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ архива таковаго мы не могли отыскать. Къ сожалѣнію, преклонный старецъ протоіерей А. П. Владимірскій, который тогда былъ деканомъ историко-филологическаго факультета, здравствующій до нынѣ, ничего не могъ сообщить намъ о дѣлѣ Костомарова, которое совершенно изгладилось изъ его памяти, и мы лишены возможности возстановить, какъ представляли себѣ дѣло о неутвержденіи Костомарова тогдашніе казанскіе профессора.

Между тѣмъ время шло, и въ апрѣлѣ 1859 г. [2]), Петербургскій университетъ пригласилъ Костомарова занять каѳедру русской исторіи послѣ удалившагося въ отставку Н. Г. Устрялова. Костомаровъ неме-

---

[1]) Сентябрь (№ 9), стр. 1048—1049.

[2]) „Литературное наслѣдіе“, стр. 109, 110, 112.

дленно отправился въ Петербургъ и представился министру. Е. П. Ковалевскій принялъ его очень любезно, но сказалъ, что онъ уже докладывалъ государю о снятіи запрещенія служить по ученой части, на что государь сказалъ, что ему сообщили, будто бы Костомаровъ написалъ какую-то неблагонамѣренную книгу о Стенькѣ Разинѣ. Когда министръ представилъ, что это сочиненіе вовсе не отличается дурнымъ направленіемъ, то государь обѣщался самъ прочитать книгу и приказалъ ее доставить, а дѣло опять остановилось. Губернаторомъ въ Саратовѣ все еще былъ Игнатьевъ. Наконецъ, уже въ сентябрѣ, Е. П. Ковалевскій пригласилъ Николая Ивановича къ себѣ и сообщилъ ему много радостныхъ вѣстей: государь императоръ лично прочиталъ «Бунтъ Стеньки Разина»; отозвался о немъ очень одобрительно, разрѣшилъ Костомарову опять служить по ученой части и утвердилъ его въ званіи экстраординарнаго профессора при Петербургскомъ университетѣ. 20-го ноября 1859 года состоялась уже вступительная лекція Николая Ивановича въ университетѣ при огромномъ стеченіи публики, съ великимъ успѣхомъ: не довольствуясь аплодисментами, толпа молодежи на рукахъ вынесла лектора изъ аудиторіи. Такимъ образомъ Казанскій университетъ навѣки утратилъ возможность пользоваться дарованіями Николая Ивановича.

Проф. **Е. Бобровъ**.

Воспоминанія педагога.

Бывшій инспекторъ классовъ Александровскаго военнаго училища генералъ-маіоръ Владиміръ Георгіевичъ фонъ-Бооль, воспоминанія котораго мы помѣщаемъ ниже, родился 31-го марта 1836 года.—Окончивъ образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ произведенъ въ прапорщики 16-го іюня 1856 г., съ назначеніемъ въ л.-гв. Волынскій полкъ и съ прикомандированіемъ къ Михайловской артиллерійской академіи. По окончаніи въ ней курса, по первому разряду, Владиміръ Георгіевичъ былъ отчисленъ въ свой полкъ, а затѣмъ 30-го іюля 1859 года назначенъ репетиторомъ физики въ 1-й кадетскій корпусъ.—Въ іюлѣ 1861 года онъ былъ переведенъ въ л.-гв. конную артиллерію и въ августѣ того же года утвержденъ учителемъ 3-го рода по физикѣ.—22-го ноября 1863 года В. Г. былъ утвержденъ въ должности помощника инспектора классовъ.—Въ іюлѣ 1866 года, будучи уже въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Николаевское Кавалерійское училище и съ производствомъ въ капитаны назначенъ 4-го іюля 1867 г. инспекторомъ классовъ Петровской Полтавской гимназіи.—Тамъ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ и въ августѣ того же года перемѣщенъ на ту же должность во Владимірскую-Кіевскую военную гимназію.—30-го августа 1870 года Владиміръ Георгіевичъ произведенъ въ полковники, а 22-го августа 1884 года назначенъ инспекторомъ классовъ 3-го военнаго Александровскаго училища; въ слѣдующемъ году, 30-го августа, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и 23-го декабря 1899 года скончался. Ред.

Почти всю свою жизнь я провелъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Съ шести до двадцати лѣтъ я былъ кадетомъ сперва въ малолѣтнемъ

Александровскомъ корпусѣ (въ Царскомъ Селѣ), потомъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, затѣмъ два года я пробылъ въ артиллерійской Академіи, потомъ былъ на службѣ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ двухъ военныхъ училищахъ, въ различныхъ военныхъ гимназіяхъ и снова въ кадетскомъ корпусѣ, послѣдовательно въ различныхъ должностяхъ.

Думаю, что такое продолжительное пребываніе мое среди дѣтей и юношей, собранныхъ въ качествѣ интерната, воспитывавшихся при различныхъ системахъ и разными лицами, давшее мнѣ возможность видѣть и наблюдать дѣтей и ихъ воспитаніе въ теченіе почти 60-ти лѣтъ, дѣлаютъ мои наблюденія не безполезными хотя для тѣхъ читателей, которые, подобно мнѣ, рѣшились посвятить свою жизнь воспитанію чужихъ дѣтей. Я сочту цѣль своихъ записокъ вполнѣ достигнутою, если хотя нѣкоторые вопросы, касающіеся личности дѣтей и ихъ воспитанія, наведутъ педагоговъ на размышленіе и заставятъ ихъ серьезнѣе вдуматься и внимательнѣе отнестись къ своимъ обязанностямъ.

I.

Домашняя жизнь и опредѣленіе въ корпусъ.

Предки мои, со стороны отца, были выходцами изъ Германіи. Дѣдъ мой былъ при Екатеринѣ II инженернымъ генераломъ, построилъ дворецъ, садъ и паркъ въ Гатчинѣ и такъ угодилъ императору Павлу, что при своемъ вступленіи на престолъ онъ предложилъ ему просить у него чего пожелаетъ. Дѣдъ мой попросилъ только увольненія отъ службы. Императоръ Павелъ грозно взглянулъ на дѣда, повернулся и отошелъ отъ него. Когда впослѣдствіи дѣдъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи своихъ сыновей въ кадетскій корпусъ, императоръ приказалъ отказать въ пріемѣ дѣтей, и только по смерти Павла Петровича состоялось опредѣленіе въ 1-й корпусъ моихъ дядей и моего отца.

Я родился 13-го марта 1835 года въ мѣстечкѣ «Новый дворъ», въ двухъ верстахъ отъ Новогеоргіевска. Отецъ мой, полковникъ артиллеріи, былъ въ это время командиромъ лабораторной роты и, по своей должности, пользовался хорошей казенной квартирой, предоставлявшей отдѣльный домикъ съ садомъ. Изъ живыхъ дѣтей моихъ родителей я былъ шестымъ; послѣ меня родились еще двѣ сестры.

Въ дѣтствѣ своемъ я обладалъ богатою памятью, такъ что удивлялъ своихъ родныхъ разсказами о различныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ столь раннее мое дѣтство, что никто не могъ себѣ вообразить,

чтобы я дѣйствительно могъ это помнить. Такъ я помню нѣкоторыя обстоятельства смерти моего отца въ 1838 году, когда мнѣ было всего два года и десять мѣсяцевъ. Мнѣ разсказывали, что отецъ, желая передъ смертью благословить всѣхъ дѣтей, велѣлъ привести ихъ къ себѣ; это было ночью съ 9-го на 10-е января, такъ что я, вѣроятно, былъ сонный и ничего объ этомъ не помню; но на другой день, едва я утромъ одѣлся и выбѣжалъ въ залу, первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, былъ мой отецъ, лежавшій на столѣ. Я обошелъ вокругъ стола, всматриваясь въ лицо съ закрытыми глазами, затѣмъ побѣжалъ назадъ, въ дѣтскую, гдѣ мои братья и сестры еще одѣвались, и закричалъ: «посмотрите, папа лежитъ на столѣ!» Я хорошо помню, какъ няньки стали выражать сожалѣніе; это я понялъ только изъ того тона, съ которымъ онѣ стали говорить, при этомъ я въ первый разъ услышалъ слово: «сиротка», хотя и не понялъ значенія его.

Въ день похоронъ отца я узналъ еще одно новое слово «покойникъ», которое часто повторялось вокругъ меня, но не понималъ настоящаго значенія этого слова и связалъ его съ тѣми новыми лицами, которыя я увидѣлъ. Въ комнату набралось много народа и между прочимъ пришли артиллерійскіе солдаты. Къ одному изъ нихъ я обратился съ вопросомъ: зачѣмъ ты сюда пришелъ? Солдатъ посмотрѣлъ на меня, какъ мнѣ тогда показалось, сурово, я струсилъ и предположилъ, что это и есть покойникъ. Года два спустя послѣ этого событія, я, разсказывая о смерти отца, сказалъ, что за нимъ пришли и унесли его покойники, и тогда только мнѣ объяснили это слово.

Весной того же года мать моя переѣхала въ Петербургъ на жительство. Дорога осталась въ моей памяти по нѣкоторымъ хотя и не важнымъ обстоятельствамъ. Мы ѣхали «на долгихъ», т. е. на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ всю дорогу, и останавливались для ночлега на постоялыхъ дворахъ. На Петербурго-Варшавскомъ шоссе постоялые дворы представляли тогда большія комнаты со скамейками вокругъ стѣнъ. Народу проѣзжало всегда много. Сидя на скамьѣ, я разсматривалъ проѣзжающихъ и, увидѣвъ высокаго, закутаннаго человѣка, я боялся его, вообразивъ себѣ, что это волкъ, такъ какъ, слушая въ сказкахъ о томъ, что волкъ говоритъ, я представлялъ себѣ волка человѣкомъ, пожирающимъ другихъ людей. Такое убѣжденіе сохранялось во мнѣ еще долго, и я былъ не мало удивленъ, когда мнѣ однажды, на пятомъ году, показали картинку съ изображеніемъ волка.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, мать моя остановилась у тетки,—родной сестры моего отца. Хотя мнѣ тогда было всего три года съ тремя мѣсяцами, но я очень хорошо помню домъ Сукмана, на Кирочной улицѣ, гдѣ жила тетка. Мы прожили у тетки очень не долго и къ концу лѣта переѣхали на отдѣльную квартиру. У тетки моей мы вотрѣтили стар-

шаго моего брата Александра, посланнаго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отцомъ въ Петербургъ, для обученія въ гражданской гимназіи. Такимъ образомъ вся наша семья собралась вмѣстѣ, одинъ только разъ и то на очень короткое время. Кромѣ матери и тетки, насъ было семеро дѣтей: три брата и четыре сестры (самая младшая сестра умерла вслѣдъ за отцомъ въ Новогеоргіевскѣ). Черезъ два или три мѣсяца по нашемъ пріѣздѣ, старшую сестру мою Елизавету отвезли въ Маріинскій институтъ; старшій братъ, оканчивавшій въ это время курсъ въ гимназіи, рѣдко бывалъ дома; младшая сестра—Ольга, постоянно больная ногами, лежала въ кровати и менѣе чѣмъ черезъ годъ умерла; затѣмъ я, второй братъ мой Константинъ и двѣ сестры—Юлія и Софья, мы вчетверомъ оставались безъ всякаго надзора и дѣлали, что хотѣли. Прислуга наша состояла изъ крѣпостнаго человѣка (онъ же и поваръ) и наемной горничной (она же должна была исполнять роль нашей общей няньки); мать моя была цѣлые дни въ отлучкѣ, то хлопотала по дѣламъ опеки, то по опредѣленію дѣтей въ казенныя заведенія, или разыскивала своихъ старыхъ знакомыхъ, а мы оставались одни по цѣлымъ днямъ и часто даже одни обѣдали. Вспоминая теперь дѣтство свое и моихъ сестеръ и брата, невольно удивляешься, какъ никто изъ насъ не выросъ калѣкой. Огромный четырехэтажный домъ, въ которомъ мы жили, былъ нами посѣщаемъ во всѣхъ углахъ. Вмѣстѣ съ другими дѣтьми, которыхъ въ домѣ жило очень много, мы избѣгали всѣ чердаки, лазили по крышамъ, носились по лѣстницамъ въ перегонку, нерѣдко падая, спускались въ пустые подвалы и погреба. Когда намъ надоѣстъ гулять по двору, мы уходили на улицу, гдѣ безъ шапокъ бѣгали въ запуски за экипажами. Зимой катались съ ледяной горы, построенной на заднемъ дворѣ, при чемъ я однажды съѣхалъ съ горы буквально на носу, вслѣдствіе чего истекалъ кровью и надолго затѣмъ закаялся лазить на гору; бросались снѣжками, лазили по сѣноваламъ. Мы такъ привыкли къ бродячей жизни, что тяготились, когда мать бывала дома (хотя это было рѣдко), потому что тогда мы не могли уходить безъ спроса; впрочемъ, на это почти не было запрещенія, потому что мы порядкомъ надоѣдали матери своимъ шумомъ. Если мать посылала съ нами лакея, то бѣганье по улицамъ только усиливалось, такъ какъ лакей, 19-ти или 20-тилѣтній веселый малый, любилъ съ нами бѣгать на перегонку и лазилъ по лѣстницамъ и крышамъ, какъ кошка.

Черезъ два года такого житья, въ августѣ 1840 года, второй братъ, Константинъ, былъ опредѣленъ въ первый кадетскій корпусъ, и тогда мы нѣсколько поутихли, хотя прогулки безъ всякаго надзора продолжались по-прежнему.

Къ особымъ условіямъ моего воспитанія въ младенчествѣ относится

и то обстоятельство, что со времени пріѣзда нашего въ Петербургъ, т. е. съ трехлѣтняго возраста, я постоянно спалъ одинъ въ комнатѣ. Бывало, постелятъ мнѣ на полу въ столовой, и я въ темнотѣ одинъ сплю цѣлую ночь. Одинъ разъ я былъ сильно напуганъ особымъ явленіемъ, которое я не въ состояніи объяснить себѣ и до сихъ поръ. Среди ночи я вдругъ проснулся, какъ бы чувствуя присутствіе кого-то около себя. Открывъ глаза, я увидѣлъ на большомъ сундукѣ, стоявшемъ какъ разъ у моихъ ногъ, человѣка, смотрѣвшаго на меня. Комната была слабо освѣщена луною, свѣтъ которой однако не падалъ прямо въ окна. Со страха я даже сѣлъ на постели и уставился глазами на этого человѣка. Мы молча смотрѣли другъ на друга нѣсколько секундъ. Я замѣтилъ только необыкновенно алый цвѣтъ губъ этого человѣка. Затѣмъ я быстро съ головой завернулся въ одѣяло и, дрожа всѣмъ тѣломъ, лежалъ такимъ образомъ, пока не уснулъ. Когда я проснулся утромъ, никого на сундукѣ не было. Глупая нянька, которой я разсказалъ объ этомъ, вмѣсто того, чтобы успокоить меня, говорила, что надо скромно вести себя, не то этотъ человѣкъ снова придетъ за мною. Никто впрочемъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство, и я продолжалъ спать одинъ въ той же комнатѣ.

Лѣтомъ въ 1841 году мы сидѣли за обѣдомъ, когда въ комнату вошелъ человѣкъ съ казеннымъ пакетомъ и подалъ его моей матери. Распечатавъ пакетъ, мать съ радостнымъ видомъ объявила, что я опредѣленъ въ малолѣтній Александровскій кадетскій корпусъ, куда долженъ быть доставленъ 10-го августа.

— Радъ-ли ты?—обратилась мать моя ко мнѣ съ вопросомъ.

Не имѣя ни малѣйшаго понятія о корпусѣ и не зная, какъ скоро это будетъ, я только улыбнулся. Всѣ приняли мою улыбку за знакъ удовольствія и тотчасъ успокоились, что мальчика, едва достигшаго шестилѣтняго возраста, приходится отрывать отъ семьи и отдавать въ казенное заведеніе.

II.

Александровскій кадетскій корпусъ.

Срокъ опредѣленія моего въ корпусъ наступилъ гораздо ранѣе, нежели я воображалъ себѣ; менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ меня повезли въ Царское Село, гдѣ находился Александровскій корпусъ, и представили директору корпуса генералъ-маіору Ивану Ильичу Хатову. Послѣ медицинскаго осмотра меня помѣстили въ третью роту во второе отдѣленіе,

къ классной дамѣ Вознесенской. Трудно передать словами тѣ чувства тоски и одиночества, которыя наполнили собою все мое существо, когда моя мать уѣхала въ Петербургъ, оставивъ меня одного. Я, росшій дома почти безъ надзора, вдругъ попалъ подъ строгую дисциплину кадетскаго корпуса старыхъ временъ, гдѣ играть и бѣгать позволялось лишь на опредѣленномъ небольшомъ квадратѣ залы, а лѣтомъ почти на такой же величины квадратѣ плаца, со ста другими дѣтьми одной и той же роты; гдѣ для того, чтобы пообѣдать или поужинать, надо было построиться и маршировать въ столовую всѣмъ четыремъ стамъ кадетамъ въ ногу; чтобы выйти на прогулку,—опять строиться и маршировать; точно также маршировать въ классы, изъ классовъ въ спальню, изъ спальни для умыванья (при чемъ маршировали въ умывальную комнату по отдѣленіямъ подъ надзоромъ классной дамы, воспитанники въ одномъ нижнемъ бѣльѣ).

Оставшись одинъ въ корпусѣ, я не плакалъ, не смотря на страшную тоску, овладѣвшую мною; не плакалъ только потому, что не въ моемъ характерѣ были слезы. Я въ дѣтствѣ своемъ всегда всѣхъ удивлялъ тѣмъ, что очень рѣдко плакалъ, да и то такъ, чтобы этого никто не видѣлъ, гдѣ-нибудь въ скрытомъ мѣстѣ. Я помню, что меня дома даже называли безчувственнымъ, не видя никогда у меня слезъ.

Надо отдать справедливость Александровскому корпусу, что не въ нравахъ заведенія было обижать новичковъ; напротивъ того, товарищи мои старались всячески развлечь меня, занимали меня разсказами о порядкахъ заведенія, о своемъ житьѣ-бытьѣ и даже успѣли меня научить, какъ я долженъ вести себя въ виду предстоявшей мнѣ перемѣны.

Дѣло въ томъ, что въ ротныя отдѣленія, куда я попалъ, помѣщались воспитанники не моложе семи съ половиною лѣтъ, а такъ какъ мнѣ было всего шесть лѣтъ, то я долженъ былъ по крайней мѣрѣ полтора года находиться въ особомъ малолѣтнемъ отдѣленіи. Какъ впослѣдствіи я самъ убѣдился, въ малолѣтнемъ отдѣленіи было дѣтямъ гораздо лучше, нежели въ ротныхъ отдѣленіяхъ, но товарищи мои, никогда въ немъ не бывшіе, почему-то составили себѣ о немъ очень дурное представленіе. Сообразивъ, что я по лѣтамъ своимъ буду переведенъ въ малолѣтнее отдѣленіе, они стали описывать мнѣ его въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, чѣмъ успѣли совершенно напугать меня; въ заключеніе они посовѣтовали мнѣ просто не идти туда, увѣривъ меня, что въ такомъ случаѣ меня оставятъ въ ротѣ. Я рѣшился поступить по ихъ совѣту.

Когда въ тотъ же день воспитанники построились къ ужину, директоръ Хатовъ взялъ меня за руку и повелъ въ малолѣтнее отдѣленіе, воспитанники котораго также приходили въ строй и остановились въ концѣ залы. Я упирался и вырывался изъ его рукъ, такъ что Хатовъ съ трудомъ тащилъ меня черезъ всю залу; когда же онъ наконецъ поставилъ меня въ строй къ другимъ дѣтямъ, я тотчасъ же убѣжалъ на свое

прежнее мѣсто, при чемъ Хатовъ, добрый, сѣдой старичекъ [1]), оставилъ меня въ покоѣ, не сказавъ ни слова.

Когда сѣли ужинать, старшая дама третьй роты Елисавета Николаевна Боньотъ, отличавшаяся строгимъ и раздражительнымъ характеромъ, подошла ко мнѣ, накричала на меня за ослушаніе и дерзость директору и настращала такими крутыми мѣрами, что я сразу потерялъ всякую рѣшимость на дальнѣйшее сопротивленіе, и когда на другой день, при построеніи къ обѣду, Хатовъ снова повелъ меня въ малолѣтнее отдѣленіе, я пошелъ безъ всякаго сопротивленія и отобѣдалъ на новомъ мѣстѣ; однако послѣ обѣда я снова ушелъ въ роту. На слѣдующій день отдѣленная моя дама—Вознесенская, сама отвела меня въ помѣщеніе малолѣтняго отдѣленія и сдала на руки, завѣдывавшей отдѣленіемъ дамѣ, добрѣйшей старушкѣ Марьѣ Ивановнѣ Боньотъ. Марья Ивановна занималась въ это время съ двумя только-что поступившими къ ней новичками, показывая и объясняя имъ картинки; она и меня посадила около себя и стала занимать разсказами. Но разсказы товарищей повліяли на меня такъ сильно, что, не смотря на доброту и ласки старушки, я только думалъ о бѣгствѣ, и это удалось мнѣ исполнить часа черезъ два, когда Марья Ивановна вышла въ другую комнату. Однако ласковое обращеніе Марьи Ивановны не прошло безслѣдно: я увидѣлъ, что въ малолѣтнемъ отдѣленіи совсѣмъ не такъ дурно, какъ мнѣ говорили, я даже сталъ жалѣть, что былъ такъ неблагодаренъ къ доброй старушкѣ, и когда Вознесенская вторично свела меня къ ней, я уже больше не пытался бѣжать.

Страннымъ кажется мнѣ теперь, почему ни директору, ни одной изъ классныхъ дамъ не пришло въ голову разспросить меня о причинѣ такого упорнаго съ моей стороны нежеланія идти въ малолѣтнее отдѣленіе; никто изъ призванныхъ для воспитанія дѣтей лицъ не поинтересовался, почему шестилѣтній мальчикъ, только-что привезенный въ заведеніе, несомнѣнно скучающій по дому, вполнѣ покоряется своей участи и остается въ одномъ мѣстѣ, но рѣшительно отказывается идти въ другое, хотя и то и другое мѣсто для него совершенно новыя и незнакомыя? Но дѣло объясняется тѣмъ формальнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, какое существовало между классными дамами. Почти за единственнымъ исключеніемъ, о которомъ будетъ сказано ниже, классныя дамы относились къ дѣтямъ безъ всякой сердечной теплоты, ограничиваясь однимъ только внѣшнимъ надзоромъ и обильнымъ распредѣленіемъ всевозможныхъ наказаній. Могу еще считать очень необыкновеннымъ то обстоятельство, что ни директоръ, ни отдѣленная

---

[1]) И. И. Хатовъ умеръ въ 1876 году, въ декабрѣ, 90 лѣтъ, справивъ 75-лѣтній юбилей своей службы.

дама не наложили никакого наказанія, какъ это слѣдовало бы по понятію Е. Н. Боньотъ, сразу постращавшей меня розгами.

Пять лѣтъ пробылъ я въ Александровскомъ корпусѣ; заведеніе это, сколько мнѣ извѣстно, еще никѣмъ не было описано и разобрано; оно уже давно закрыто, просуществовавъ около тридцати лѣтъ, воспитывая одновременно 400 мальчиковъ. Въ то время какъ мы подробно знаемъ устройство и ходъ учебнаго и воспитательнаго дѣла многихъ иностранныхъ школъ, никто ничего не знаетъ о томъ, что совершалось въ такомъ обширномъ закрытомъ заведеніи для первоначальнаго воспитанія и образованія, каковъ былъ Александровскій корпусъ; вотъ почему я считаю не лишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому заведенію.

III.

Нѣкоторыя историческія данныя объ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ.

11-го сентября 1766 года императрицею Екатериною II былъ утвержденъ уставъ сухопутнаго кадетскаго корпуса (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ, въ Петербургѣ), составленный Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ [1]). По этому уставу воспитанники корпуса раздѣлялись на пять возрастовъ, изъ коихъ первый возрастъ составляли дѣти отъ 5-ти до 9-ти лѣтъ; остальныя были старше. Поступающіе въ корпусъ не должны быть старѣе шести лѣтъ отъ роду. Кадеты перваго возраста были подчинены женскому надзору, составленному изъ одной управительницы и десяти воспитательницъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность не отлучаться отъ порученныхъ имъ дѣтей ни днемъ, ни ночью.

Въ 1797 году кадеты сухопутнаго кадетскаго корпуса, вмѣсто возрастовъ, были (по-старому) раздѣлены на пять ротъ и на малолѣтнее отдѣленіе. Пріемъ дѣтей былъ разрѣшенъ и старше шести лѣтъ; но дѣти отъ 5-ти до 10-ти лѣтъ помѣщались въ малолѣтнее отдѣленіе, подчиненное женскому надзору, составляя приготовительное учебное заведеніе для тѣхъ малолѣтнихъ дѣтей, коихъ родители, по недостаточному состоянію, не могли дать имъ самыхъ начальныхъ основаній умственнаго образованія.

Впослѣдствіи, когда 2-ой и Павловскій кадетскіе корпуса были преобразованы по образцу 1-го корпуса, въ нихъ также открылись

---

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. XVII, № 12741. Мельницкій. Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ завед. Спб. 1857, т. I, ч. I.

малолѣтнія отдѣленія; еще позже было открыто малолѣтнее отдѣленіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

6-го іюня 1830 года послѣдовало открытіе Александровскаго кадетскаго корпуса, въ Царскомъ Селѣ, въ зданіи упраздненнаго въ 1829 г. благороднаго пансіона при Царскосельскомъ лицеѣ. Цѣль этого заведенія была—воспитаніе малолѣтнихъ сиротъ и дѣтей заслуженныхъ воиновъ дворянскаго происхожденія до того возраста, въ которомъ они могутъ поступить въ столичные кадетскіе корпуса. Чтобы заведеніе это вполнѣ замѣняло для дѣтей материнское воспитаніе,—императрица (Александра Ѳеодоровна) приняла корпусъ подъ свое покровительство во всемъ, что можетъ относиться до умственнаго и нравственнаго образованія дѣтей [1]).

Всѣ, состоявшіе на лицо, малолѣтніе кадеты 1-го, 2-го, Павловскаго и Морскаго кадетскихъ корпусовъ менѣе 11-ти лѣтъ, 5-го іюля 1830 года, были перевезены въ Царское Село и помѣщены въ зданіи Лицея, а 6-го іюля отправились въ церковь вновь открытаго корпуса, куда прибыли императоръ Николай и императрица Александра Ѳеодоровна. Къ этимъ воспитанникамъ прибавили также всѣхъ кандидатовъ, записанныхъ въ кадетскіе корпуса отъ 7 до 10-ти лѣтняго возраста. Въ день открытія корпуса на лицо было 171 воспитанникъ, да сверхъ того считалось неявившихся 195, всего 366 человѣкъ [2]).

Съ открытіемъ Александровскаго корпуса, малолѣтнія отдѣленія 1-го, 2-го, Павловскаго и Морскаго корпусовъ были упразднены.

26-го іюня 1856 года высочайшимъ приказомъ 4-я (морская) рота Александровскаго корпуса была упразднена съ тѣмъ, чтобы не принимать дѣтей вновь, а находившіяся въ ней дѣти оставались до 10-тилѣтняго возраста.

6-го января 1857 года состоялся высочайшій приказъ, въ которомъ сказано: «Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ упразднить. Дѣтямъ, которыя по праву, данному имъ милостивымъ закономъ, воспитывались бы въ семъ заведеніи, предоставить воспитаніе семейное, выдавая на оное (отъ 6-ти до 10-ти-лѣтняго возраста) ежегодныя денежныя пособія изъ суммъ, которыя останутся свободными отъ закрытія Александровскаго корпуса. Всемилостивѣйшія пособія эти производить въ размѣрѣ отъ 300 руб. и меньше... Означенныхъ дѣтей,

---

[1]) Полн. собр. зак. Рос. Имп., т. IV, 6-го августа 1829 г. № 3072, 30-го августа № 3122 и т. V, 5-го дек. 1830 г. № 4170.

[2]) 1-го іюля 1830 г. было открыто малолѣтнее отдѣленіе 1-го Московскаго кадетскаго корпуса на тѣхъ же началахъ, какъ былъ устроенъ Александровскій корпусъ. (Для этого отдѣленія было построено особое зданіе на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Троицко-Сергіевскій резервный батальонъ).

по достиженіи десяти лѣтъ, принимать въ корпуса на казенное содержаніе, если родители или благотворители ихъ того пожелаютъ».

Вслѣдствіе этого приказа, пріемъ въ Александровскій корпусъ прекращенъ съ того же 1857 года, но корпусъ закрылся только въ 1860 г., съ переводомъ послѣднихъ малолѣтнихъ въ кадетскіе корпуса.

IV.

Размѣщеніе воспитанниковъ и учебная часть.

Александровскій корпусъ помѣщенъ былъ въ Царскомъ Селѣ въ особомъ трехъ-этажномъ зданіи [1]), въ которомъ съ большимъ удобствомъ расположены были спальни, классы, рекреаціонная зала, столовая, церковь, лазаретъ и квартиры классныхъ дамъ. Квартиры учителей, директора, инспектора и другихъ служившихъ при заведеніи лицъ помѣщались въ особомъ флигелѣ. При заведеніи находился большой садъ, при немъ съ одной стороны—песчаный плацъ, а съ другой стороны такой же величины лугъ; кромѣ того небольшой садикъ съ гимнастическими снарядами и большой дворъ съ мостками для прогулокъ въ зимнее время. Рекреаціонная зала была вмѣстѣ съ тѣмъ и гимнастической залой, но всѣ гимнастическія машины находились на одномъ концѣ ея и были отдѣлены скамейками отъ той части, которая назначалась для игръ дѣтей. Столовая зала находилась рядомъ съ рекреаціонной. Спальни помѣщались въ первомъ и второмъ этажахъ главнаго трехъэтажнаго зданія, въ верхнемъ этажѣ котораго находились: классы, помѣщеніе малолѣтняго отдѣленія, церковь и лазаретъ [2]).

Всѣ четыреста воспитанниковъ были интернами и раздѣлялись на четыре роты отъ 90 до 95 человѣкъ въ каждой и еще малолѣтнее отдѣленіе. Каждая рота дѣлилась на три отдѣленія, такъ что все заведеніе состояло изъ тринадцати отдѣленій (считая и малолѣтнее), каждое подъ особымъ надзоромъ и руководствомъ классной дамы. Въ малолѣтнее отдѣленіе поступали дѣти семи и шести, въ рѣдкихъ случаяхъ пяти лѣтъ. По достиженіи 8 лѣтъ, дѣти переводились въ одно изъ ротныхъ отдѣленій. Всѣхъ дѣтей въ малолѣтнемъ отдѣленіи бывало отъ

---

[1]) Съ упраздненіемъ Александровскаго корпуса, зданіе его было занято сперва Офицерскою стрѣлковою школою, а съ упраздненіемъ послѣдней—стрѣлковымъ баталіономъ Императорской фамиліи.

[2]) Впослѣдствіи надъ помѣщеніемъ рекреаціонной залы и столовой сдѣлали надстройку, куда и перенесли церковь.

25 до 28. Поступавшіе въ заведеніе старше $7^1/_2$ лѣтъ опредѣлялись прямо въ ротныя отдѣленія.

Малолѣтнее отдѣленіе помѣщалось особо отъ остальныхъ; оно имѣло отдѣльную спальню, изъ которой выходила дверь въ квартиру классной дамы. Квартира дамы состояла изъ трехъ комнатъ: двухъ маленькихъ и одной большой; послѣдняя была мѣстомъ препровожденія свободнаго отъ классовъ времени всѣхъ воспитанниковъ малолѣтняго отдѣленія, куда и собирались дѣти по окончаніи классныхъ уроковъ.

Каждое ротное отдѣленіе имѣло свою спальню, изъ нея вела дверь въ квартиру отдѣленной дамы; квартира эта представляла одну очень большую комнату, раздѣленную филенчатыми перегородками на три комнаты: большую и двѣ маленькія; первая назначалась для занятій воспитанниковъ, остальныя двѣ принадлежали дамѣ.

Три отдѣленія, составлявшія одну роту, помѣщались рядомъ и представляли какъ бы отдѣльное воспитательное заведеніе. Одна изъ трехъ дамъ, по представленію директора корпуса и утвержденію этого представленія высшимъ начальствомъ, назначалась старшею; она получала нѣсколько бо́льшее содержаніе противъ остальныхъ и имѣла право налагать болѣе строгія взысканія (напр. розги) и производила отпускъ воспитанникамъ всей роты. Во всѣхъ исключительныхъ случаяхъ классныя дамы остальныхъ двухъ отдѣленій обращались за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ старшей дамѣ. Дамы одной роты дежурили, по очереди, черезъ два дня въ третій по всей ротѣ.

При каждомъ отдѣленіи состояли три няньки, которыя прислуживали за столомъ воспитанниковъ, чистили одежду ихъ, убирали спальни. Вся остальная прислуга была мужская.

Въ помощь дежурнымъ дамамъ, при каждой ротѣ состояли двое дядекъ изъ заслуженныхъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, которые дежурили черезъ день и находились при воспитанникахъ только въ рекреаціонное время.

Курсъ ученія Александровскаго корпуса былъ элементарный и состоялъ изъ четырехъ классовъ. Младшій классъ назывался пріемнымъ, сюда поступали дѣти, не знавшія грамоты. Кромѣ того было еще три класса, изъ нихъ каждый раздѣлялся на три параллельныя отдѣленія, такъ что всего было 10-ть классныхъ отдѣленій на 400 человѣкъ, т. е. среднимъ числомъ на классъ приходилось по 40 человѣкъ.

Для поступленія въ заведеніе экзамена не требовалось, подвергали же дѣтей испытанію, чтобы правильно распредѣлить по классамъ: большая же часть поступающихъ ничего не знала и потому прямо поступала въ пріемный классъ, обыкновенно самый многочисленный по своему составу. Такъ какъ дѣти поступали въ заведеніе различнаго возраста, то и время ихъ пребыванія въ заведеніи было различно. По-

ступившій, напр., девяти лѣтъ съ мѣсяцами оставался въ корпусѣ всего одинъ годъ, а поступившій пяти лѣтъ былъ пять, а иногда и шесть лѣтъ въ заведеніи. Такимъ образомъ правильно прошедшихъ всѣ четыре класса заведенія и окончившихъ элементарный курсъ было довольно мало, большинство же проходило два и много три класса.

Классная дисциплина вообще была очень строга; но дѣти привыкали къ ней очень скоро, вслѣдствіе совершенно одинаковыхъ требованій всѣхъ учителей. О всякомъ желаніи своемъ ученикъ заявлялъ поднятіемъ руки, ожидая вопроса со стороны учителя. Безъ приказанія учителя, на столахъ не появлялось ни книги, ни тетради. Учителя наблюдали, чтобы дѣти сидѣли прямо, заложивъ обѣ руки назадъ.

Всѣ эти правила классной дисциплины и самый методъ преподаванія были введены и поддерживались въ заведеніи бывшимъ въ то время инспекторомъ классовъ, полковникомъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Мецомъ, который жилъ около двухъ лѣтъ за границею, преимущественно въ Германіи и Швейцаріи, куда онъ былъ командированъ для изученія методовъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи довольно слабый составъ учителей, Ѳедоръ Ѳедоровичъ умѣлъ однако научить ихъ тѣмъ пріемамъ, которые были наиболѣе цѣлесообразны при обученіи малолѣтнихъ дѣтей[1]). Но при невысокой подготовкѣ учителей, они большею частію усвоили только внѣшнюю форму, внѣшніе пріемы преподаванія, а самое преподаваніе отличалось довольно бѣднымъ содержаніемъ, что̀ особенно было замѣтно въ учителяхъ русскаго языка, отъ которыхъ требовалось также сообщеніе дѣтямъ свѣдѣній изъ естественной исторіи и географіи. Лучше всего велось дѣло по ариѳметикѣ, по крайней мѣрѣ у А. Б. Дихеуса; по иностраннымъ же языкамъ была въ буквальномъ смыслѣ слова «долбня».

Наказанія велись въ классахъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ рукахъ учителя находились слѣдующія наказанія:

1) Заставляли ребенка стоять на мѣстѣ болѣе или менѣе продолжительное время.

2) Ставили къ стѣнѣ или въ уголъ.

3) Высылали изъ класса за дверь.

4) Ставили въ журналъ дурной баллъ (даже и за невниманіе).

---

[1]) Положеніе заведенія въ Царскомъ Селѣ составляло, въ отношеніи пріобрѣтенія учителей, значительное затрудненіе. Учителя, не имѣя въ виду занятій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, неохотно шли на небольшое содержаніе въ Александровскій корпусъ. Если бы для нихъ не полагались казенныя квартиры, то вѣроятно заведеніе было бы поставлено въ положеніе крайне затруднительное (гражданской гимназіи въ Царскомъ Селѣ тогда не было). При казенныхъ квартирахъ комплектъ учителей хотя и былъ полонъ, но съ образованіемъ далеко не высокимъ.

5) Записывали въ классный журналъ.

Обѣ послѣднія мѣры считались особенно сильными, такъ какъ дурные баллы и записи выписывались къ воскресенью въ особую книгу, и классныя дамы оставляли записанныхъ безъ послѣдняго блюда и ставили стоять на часъ или полтора во время игръ.

6) Приносилась жалоба инспектору классовъ, при чемъ обыкновенно дѣло кончалось розгами.

Надо отдать справедливость учителямъ, которые никогда не прибѣгали къ собственноручной расправѣ (за однимъ только исключеніемъ, какъ увидимъ ниже, да и то съ согласія мальчика). Таскање за волосы, за уши и т. п. мѣры, столь распространенныя въ то время въ другихъ заведеніяхъ, здѣсь никогда не примѣнялось.

Къ мѣрамъ поощренія относились:

1) Постановка въ журналъ хорошаго балла (въ заведеніи принята была 12-ти балльная система).

2) Письменное заявленіе въ журналѣ о хорошемъ ученіи.

3) Пересаживаніе учениковъ съ мѣста на мѣсто. Послѣдняя мѣра считалась особенно важной. Въ началѣ курса всѣ ученики разсаживались по скамейкамъ по старшинству балловъ, полученныхъ ими на переводномъ экзаменѣ. Учитель за хорошій отвѣтъ пересаживалъ выше, а за дурной ниже, такъ что черезъ нѣсколько дней послѣ начала курса дѣти у каждаго учителя сидѣли въ особомъ порядкѣ, и при томъ порядокъ этотъ измѣнялся почти каждый урокъ. Сами дѣти хорошо помнили порядокъ для каждаго учителя и строго удерживали его.

Кромѣ этихъ мѣръ, въ рукахъ начальства были и болѣе строгія наказанія и поощренія. За хорошіе успѣхи назначали подарки, записывали фамилію на красную доску, а за упорную лѣность и дурное поведеніе на черную доску. Черная доска считалась столь важнымъ наказаніемъ, что разомъ даже не записывалась вся фамилія мальчика, а сперва писали первую букву фамиліи, потомъ вторую и т. д. Въ продолженіе пяти лѣтъ моего пребыванія въ заведеніи на черной доскѣ ни разу не было написано болѣе трехъ буквъ, да и то только однажды.

Отношенія учителей къ дѣтямъ были въ большей части случаевъ совершенно правильныя; но только одинъ учитель русскаго языка и естественной исторіи—Александръ Петровичъ Запѣнинъ относился къ дѣтямъ безобразно. Дѣти, ожидая его урокъ, заранѣе справлялись у своихъ товарищей того класса, гдѣ онъ былъ на предыдущемъ урокѣ, каковъ сегодня Запѣнинъ: «злой», «добрый» или «веселый». Если злой, то держи ухо остро, не повернись, не пророни слова, умѣй всегда правильно, скоро и бойко отвѣтить, иначе живо вылетишь за дверь, а это положеніе было опасное. Выгнанный за дверь молилъ Бога, чтобы не прошелъ по корридору инспекторъ, который имѣлъ привычку забирать съ

собой всѣхъ стоящихъ за дверьми, приказывалъ принести розги, и классный писарь, оставивъ свою работу, принимался за другую—сѣченіе. По этой причинѣ очень часто приходилось быть свидѣтелемъ такой сцены: въ классѣ идетъ работа, вдругъ съ шумомъ открывается дверь, и въ нее врываются всѣ стоящіе за дверьми и слезно умоляютъ учителя позволить имъ постоять въ классѣ, при этомъ не рѣдко падаютъ на колѣни. Это значитъ, что вдали коррадора показался Θедоръ Θедоровичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасность попасть подъ розги.

Но возвратимся къ Запѣнину. Когда онъ являлся въ классъ «злой», лицо его было красно и крайне сурово, глаза наливались кровью; по классу безпрестанно раздавались восклицанія: «болванъ», «оселъ», «пошелъ изъ класса». Съ особымъ злорадствомъ онъ прогонялъ за дверь тѣхъ, которые, увидя инспектора, возвращались въ классъ, прося прощенія. Если Запѣнинъ былъ «добръ», то онъ являлся въ классъ совершенно другимъ человѣкомъ, онъ дарилъ дѣтямъ тетрадки (казенныя), къ нему можно было безопасно обратиться съ какой угодно просьбой, а если онъ былъ при этомъ еще «веселъ», то самъ предлагалъ вопросъ: «Кто желаетъ тетрадки?». Вскакиваютъ почти всѣ. «Постойте,—прибавлялъ онъ,—«тетрадку получитъ тотъ, кто согласится получить десять ударовъ камышевкою». Желающіе тотчасъ стушевываются; но всегда находился «молодчина» (такъ называли его товарищи), который выступалъ на середину и начиналъ съ учителемъ торговаться. «Я,—говорилъ онъ,—согласенъ на 10-ть ударовъ, только не за одну тетрадку, а за три». Учитель предлагаетъ за три тетрадки 20-ть ударовъ, потомъ 15-ть. Мальчикъ соглашается, но съ тѣмъ, чтобы послѣ каждыхъ пяти ударовъ получать небольшой отдыхъ. При этомъ со стороны учителя ставилось условіемъ: «не кричать». Учитель бралъ мальчика за классную доску и, натянувъ ему штаны, отсчитывалъ должное число ударовъ и потомъ для расплаты посылалъ «старшаго» воспитанника въ канцелярію за тетрадями. Затѣмъ кто-нибудь изъ дѣтей обращался къ Запѣнину съ заявленіемъ, что у него качается зубъ; учитель посылаетъ къ сторожу за ниткой, привязываетъ ее къ зубу и вырываетъ зубъ. Потомъ онъ предлагаетъ свои услуги «зубодера» другимъ дѣтямъ; у дѣтей зубы молочные, поэтому въ классѣ всегда найдутся два-три мальчика, у которыхъ зубъ качается, и учитель находитъ работу. Такъ проходитъ полутора-часовой урокъ. Нерѣдко случалось слышать, какъ дѣти разговариваютъ между собою: «у меня зубъ качается; попрошу Запѣнина выдернуть», и приготовляютъ для этого нитку.

Вотъ шести и семилѣтнія дѣти пріемнаго класса, все новички (въ 1841 году, въ августѣ), пришли въ классъ; они еще не знаютъ, что такое Запѣнинъ; они, при входѣ его въ классъ, обращаются къ нему съ дѣтскою наивностью съ такими просьбами и вопросами, съ какими

привыкли обращаться къ своимъ родителямъ дома, съ какими обращались уже въ заведеніи къ другимъ учителямъ, бывшимъ въ классѣ въ утренніе часы; но Запѣнинъ сегодня «злой», онъ обдалъ всѣхъ такимъ взглядомъ, что дѣти тотчасъ присмирѣли, затѣмъ раздается крикъ: «по мѣстамъ, ослы!» Всѣ съ поспѣшностью заняли свои мѣста; у большинства, что называется, ушла душа въ пятки. Учитель подходитъ къ самому рослому, девятилѣтнему мальчику. Мальчикъ этотъ, только-что поступившій, былъ дома постоянно боленъ глазами, поэтому не могъ учиться и поступилъ въ корпусъ, не зная даже азбуки. Отъ продолжительной болѣзни глазъ онъ привыкъ держать голову наклоненной, при чемъ постоянно морщилъ лобъ; это придавало ему угрюмый видъ. Онъ былъ выше всѣхъ насъ на цѣлую голову и одѣтъ былъ еще въ домашнемъ сюртучкѣ. Къ этому-то мальчику подошелъ Запѣнинъ.

— Какъ фамилія?

— Тверитиновъ.

— Подыми голову!

Мальчикъ продолжаетъ стоять по-прежнему.

— Встань къ дверямъ!

Тверитиновъ становится около двери. Затѣмъ Запѣнинъ обращается къ классу: «сидѣть смирно, чтобы я не слышалъ ни малѣйшаго шума». Выйдя изъ класса, Запѣнинъ пошелъ въ сосѣдній классъ, гдѣ стояли шкафы съ моделями животныхъ, и взялъ тамъ модель слона. Едва Запѣнинъ вошелъ въ классъ со слономъ въ рукахъ, какъ стоявшій у дверей Тверитиновъ испугался слона и побѣжалъ по классу. Запѣнинъ вдругъ пришелъ въ «веселое» состояніе и со слономъ въ рукахъ погнался за Тверитиновымъ, стращая его, что слонъ вотъ-вотъ укуситъ. Мы всѣ разразились хохотомъ, удивляясь, что самый большой мальчикъ испугался слона, котораго никто изъ насъ не боялся. Сцена продолжается минуту или полторы: ребенокъ бѣгаетъ между скамьями, учитель за нимъ, дѣти повскакивали съ мѣстъ, наконецъ, мальчикъ падаетъ на колѣни и проситъ прощеніе. Учитель смилостивился, посадилъ его на мѣсто и постращалъ, что если онъ будетъ шалить, то принесетъ не только слона, но еще и другихъ звѣрей.

Впрочемъ, это былъ единственный учитель, державшій себя такъ съ дѣтьми, остальные исполняли свои обязанности по своему разумѣнію добросовѣстно. Я слышалъ, что впослѣдствіи учитель этотъ былъ удаленъ изъ заведенія за пьянство, но съ 1841 и до 1846 года, пока я былъ въ заведеніи, онъ оставался въ немъ.

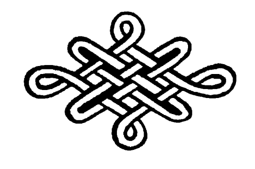
Пропуски уроковъ учителями бывали очень рѣдки. Учителя жили тутъ же, въ зданіи, имѣли занятія только въ заведеніи, поэтому были всецѣло преданы ему и приходили въ классы, даже будучи не совсѣмъ здоровыми. Во случаѣ продолжительной болѣзни учителя, уроки его

обыкновенно занимала дежурная классная дама, которая исключительно занималась съ дѣтьми французскимъ языкомъ.

Классныя занятія продолжались отъ 15-го августа до 15-го іюня. Въ концѣ учебнаго года производились экзамены, но не по всѣмъ предметамъ, а по одному или двумъ, по назначенію инспектора классовъ. О днѣ экзамена заранѣе не объявлялось, только въ старшемъ классѣ это было извѣстно дня за два. Въ то время, какъ въ одномъ классномъ отдѣленіи производился экзаменъ, во всѣхъ остальныхъ классахъ шли обычныя занятія. Цѣль экзамена, какъ видно, заключалась въ контролированіи учителя; принятый же порядокъ экзамена, т. е. назначеніе его только по нѣкоторымъ предметамъ и безъ предварительнаго приготовленія, не обременялъ дѣтей и не выводилъ ихъ изъ обычнаго строя жизни, и потому можно считать вполнѣ правильнымъ.

По окончаніи годовыхъ занятій, лучшимъ ученикамъ назначались подарки, состоявшіе изъ книгъ. Ко дню, назначенному для раздачи наградъ, всѣ заслужившія ихъ дѣти долго приготовлялись у танцмейстера и его помощниковъ, какъ подходить къ столу, кланяться на три стороны, принимать подарки, отступать два шага, снова кланяться на три стороны, и затѣмъ уходить на мѣсто. Раздача наградъ производилась въ присутствіи многочисленной публики, приглашенной изъ Петербурга, и каждому мальчику вручались подарки, при звукахъ трубъ и литавръ, игравшихъ тушъ. Для этой цѣли въ заведеніе приглашался извѣстный въ то время оркестръ Павловскаго вокзала Германа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Виды на торговлю съ Азіею въ началѣ XIX вѣка.

Письмо князя Г. П. Гагарина къ П. Е. Величко[1]).

13-го февраля 1804 года. С. Богословское.

Милостивый государь мой Павелъ Елисѣевичъ.

Письмо ваше отъ 19-го генваря, съ приложеніемъ описанія Хивы и проч., я сего теченія 4-го числа получилъ. Благодарю васъ покорнѣйше за оное, ибо мнѣ весьма пріятно видѣть опыты вашего ко мнѣ благорасположенія, служащаго дѣйствительнымъ возмездіемъ за искреннее уваженіе, которое къ достоинствамъ вашимъ имѣю, и которыя, по истинѣ скажу, заставляли меня желать имѣть васъ помощникомъ въ доставленіи оренбургской торговлѣ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя я, для блага отечества, въ виду имѣлъ и о которыхъ я съ вами говаривалъ.

Теперь не обинуясь скажу вамъ мою мысль насчетъ сообщенныхъ ко мнѣ бумагъ: топографическое описаніе ваше вниманія достойно и нынѣ и на предбудущія времена; но мщеніе Хивѣ, въ теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ, едва-ли возможно. Зажжемъ мы пожаръ на Востокѣ, но опасаться надобно, чтобъ не воспользовались имъ на Западѣ—въ такую эпоху времени, гдѣ весь политическій составъ не только Европы, но и другихъ частей свѣта, угрожается сильнымъ потрясеніемъ. Кажется, есть средства миролюбивыя, которыя я

---

[1]) Настоящее письмо писано княземъ Гавріиломъ Петровичемъ Гагаринымъ (р. 1745 † 1807), бывшимъ съ 30-го августа 1800 по 1802 годъ министромъ коммерціи, къ Павлу Елисѣевичу Величко, занимавшему въ то время должность директора оренбургской таможни († въ 1821 году въ званіи начальника оренбургскаго пограничнаго таможеннаго округа).— Письмо печатается по копіи, сохранившейся въ бумагахъ академика А. Ѳ. Бычкова.

и употребить хотѣлъ; но они, не знаю почему, разрушены, такъ, какъ и многія другія предпріятія, между которыми одно наименую: населеніе китайской границы.

Сіе предпріятіе, смѣю сказать, безошибочно было хорошо, но не знаю, для чего и почему испровергнуто, и люди и деньги потеряны. У насъ многое для того только испровергается, что для чего не я, а другой это выдумалъ. Жалкая это истина, но она, къ несчастію, существуетъ.

Азіатская торговля для насъ весьма важна; въ десять лѣтъ прилежной надъ нею работы, съ потребнымъ, но не весьма важнымъ иждивеніемъ, можетъ она для насъ быть нѣсколько разъ важнѣе европейской. Но для сего потребна твердая система, а гдѣ людей мѣняютъ такъ, какъ туфли, тамъ ничего добраго не выдетъ, ибо всякой преемникъ не можетъ въ точности войтить въ мысли своего предшественника. Изъ этого и выходитъ, что Россія всегда остается и оставаться будетъ при благихъ начинаніяхъ.

Еще долженъ я вамъ сдѣлать мое замѣчаніе о Мангишлакѣ. Сіе мѣсто ни къ какому важному назначенію неудобно. Я нѣкогда имѣлъ намѣреніе сдѣлать тутъ укрѣпленную торговую контору для бо̀льшаго сближенія съ Азіею,—подъ прикрытіемъ двухъ или трехъ батальоновъ и небольшой эскадры, но принужденъ былъ это предпріятіе оставить; ибо, по взятымъ справкамъ, оказалось, что для такого числа людей въ сладкой водѣ великой будетъ недостатокъ.

Вѣрьте, что съ истиннымъ почтеніемъ навсегда пребуду вамъ, милостивому государю моему, покорнѣйшимъ слугою князь Гавріилъ Гагаринъ.

Къ письму присоединены, въ копіи же, слѣдующія два примѣчанія, сдѣланныя сыномъ П. Е. Величко, Александромъ Павловичемъ (занимавшимъ въ 1827—1837 гг. должность управляющаго дѣлами Сибирскаго Комитета):

1) По предположенію о населеніи Сибири.

Предположеніе о населеніи Сибирскаго края, прилегающаго къ границамъ китайскимъ, о которомъ князь Гагаринъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ, состояло въ слѣдующемъ и имѣло слѣдующія послѣдствія:

По его докладу, состоялся 17-го октября 1799 года (Полн. Собр. Зак., № 19.157) указъ, заключающій въ себѣ нѣсколько пунктовъ. Въ 1, 2 и 3 пунктахъ говорится о населеніи Сибирскаго края, прилегающаго къ границамъ китайскимъ, отставными солдатами, преступниками и прочими; въ пунктѣ же 4 говорится о дозволеніи помѣщикамъ отдавать на поселеніе въ Сибири крестьянъ, не старѣе 45 лѣтъ, съ семействами, и съ зачетомъ въ рекруты.

Вслѣдствіе этого дозволенія вскорѣ начали поступать въ Сибирь помѣщичьи крестьяне—тысячами, и какъ ни о продовольствіи ихъ, ни о размѣщеніи или водвореніи не было сдѣлано предварительно никакихъ распоряженій,—то эти люди, столпясь въ Тобольской губерніи, скитались по дорогамъ безъ всякаго пристанища, умирали сотнями отъ холода и голода; жены родили въ оврагахъ или подъ возами, такъ что высшее правительство, по дошедшему о томъ свѣдѣнію, — нашлось въ необходимости, немедленно отмѣнивъ эту мѣру заселенія Сибирскаго края, прилегающаго къ границамъ китайскимъ, командировать въ Сибирь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лаббу, которымъ и были возникшіе безпорядки въ свое время, по возможности, устранены.

2) О Мангишлакѣ.

Дабы имѣть опорный пунктъ на сѣверо-восточномъ берегу Каспійскаго моря и для защиты нашихъ эмбенскихъ промышленниковъ отъ нападенія туркменскихъ морскихъ разбойниковъ, въ 1833 г. было возведено титулярнымъ совѣтникомъ Карелинымъ, у Мертваго Калтука, при началѣ залива Кайданъ или Кара-су, Ново-Александровское укрѣпленіе, но какъ впослѣдствіи оказалось, что качество воды, имѣющейся въ окрестностяхъ, вредно для организма, что самое укрѣпленіе расположено на неудобномъ мѣстѣ и что достигнуть до него съ моря (Аральскаго) можно только при благопріятствующихъ нѣсколькихъ вѣтрахъ, то въ 1839, 1840 и 1844 годахъ были посылаемы на Мангишлакскій полуостровъ офицеры генеральнаго штаба, морскіе и другіе чиновники для подробнѣйшаго обозрѣнія и описанія мѣстности и для выбора пункта, на которомъ можно бы возвести укрѣпленіе вмѣсто Ново-Александровскаго. По тщательномъ обозрѣніи мѣстъ, оказалось, что выгоднѣйшій и удобнѣйшій для того пунктъ—есть Курганъ-Ташъ при Тюкъ-Караганскомъ заливѣ. Этотъ пунктъ находится при главномъ торговомъ сообщеніи Хивы съ Астраханью, на разстояніи 300 верстъ отъ послѣдней и 250 верстъ отъ Гурьева Городка. Вода хорошаго качества и добывается изъ колодцевъ. Около береговъ Мангишлакскаго полуострова производится ловля рыбы и бой тюленей. Неудобства мѣстности укрѣпленія (построеннаго подъ названіемъ Ново-Петровскаго) заключаются въ затруднительномъ и едва-ли возможномъ воздѣлываніи тамошней почвы, каменистой и солонцеватой, въ недостаткѣ пастбищныхъ мѣстъ и топлива.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

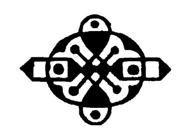
Пожалованіе дворянства племянникамъ фельдмаршала князя Барклая де-Толли.

Указъ Правительствующему Сенату.

31-го декабря 1827 г.

Въ справедливомъ уваженіи къ памяти и знаменитымъ заслугамъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Барклая де-Толли, всемилостивѣйше жалуемъ племянникамъ его, сыновьямъ двоюроднаго его брата Августа Барклая де-Толли, бывшаго въ Ригѣ первенствующимъ бургомистромъ, Георгу, Августу и Іоанну Барклаямъ де-Толли дворянское Россійской Имперіи достоинство, повелѣвая гербъ для нихъ составить въ Герольдіи и поднести къ намъ на утвержденіе.

Сообщ. **А. В. Безродный.**

И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ.

Взаимныя отношенія И. С. Тургенева и В. П. Боткина мало обращали на себя вниманія біографической литературы объ Иванѣ Сергѣевичѣ, почему, можетъ быть, каждый разъ при обсужденіи ихъ дѣлались или неправильные выводы или совсѣмъ невѣрныя ссылки. Правда, важнѣйшій матеріалъ для характеристики дружескихъ связей этихъ выдающихся людей сороковыхъ годовъ, т. е. ихъ переписка, за ничтожнымъ исключеніемъ, до сихъ поръ остается неопубликованною. Тѣмъ не менѣе накопился достаточный запасъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно придти къ опредѣленнымъ заключеніямъ. Насколько немаловажнымъ является Боткинъ въ біографіи Тургенева, можно судить по продолжительности ихъ дружбы.

В. П. Боткинъ (1810—1869 гг.), происходя изъ зажиточной московской купеческой семьи, т. е. изъ той среды, которая до половины XIX вѣка совсѣмъ не отличалась культурными стремленіями, былъ самъ себѣ обязанъ обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ. «Воспитанія у меня никакого не было,—писалъ онъ впослѣдствіи; вышедши изъ пансіона (весьма плохаго), я ровно ни о чемъ не имѣлъ понятія». Стремленіемъ къ наукѣ и къ знанію онъ отличался до послѣднихъ дней своей жизни. Боткинъ какъ бы вѣчно искалъ пробѣловъ въ своемъ образованіи и, наткнувшись на таковые, тотчасъ же съ поразительнымъ рвеніемъ принимался за пополненіе ихъ. На пятидесятомъ году своей жизни онъ пишетъ, напримѣръ: «Я началъ Гиббона, котораго, къ стыду моему, еще не читалъ. Теперь начинаемъ уже пятый томъ. Книга умная и необходимая, въ особенности для знакомства съ Византійскою исторіею» [1]). «Исторія Индіи составляетъ мой пробѣлъ,—говорилъ онъ

[1]) Фетъ. „Мои воспоминанія“, I, 375.

два года спустя, указывая на томы мелкой печати—и мнѣ необходимо его восполнить». Такъ занимался Боткинъ подъ старость, утративъ наполовину зрѣніе; какова же была его энергія въ молодости! Правда, у Тургенева, какъ у человѣка, получившаго систематическое образованіе, не могло случиться, чтобы онъ прочелъ Гиббона и англійскія книги по исторіи Индіи, не познакомившись съ Исторіей Россіи Соловьева, какъ это случилось съ Боткинымъ, но, несмотря на это, у Василія Петровича не замѣтно отрицательныхъ сторонъ самоучки: онъ не «открывалъ Средиземнаго моря», не отличался самомнѣніемъ и чувствовалъ себя совершенно свободно среди самыхъ образованныхъ людей.

Любимымъ однако занятіемъ В. П. Боткина было изученіе искусствъ, особенно живописи и музыки. Наиболѣе крупная его литературная работа «Письма объ Испаніи» имѣла большой успѣхъ въ свое время, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что эстетическій интересъ былъ въ ней на первомъ планѣ. Другое сравнительно крупное его сочиненіе о Шекспирѣ, широко задуманное, но не оконченное, свидѣтельствуетъ о его горячей любви къ театру. До послѣднихъ дней занимала его мысль написать книгу по исторіи искусствъ, и онъ раза два серьезно приступалъ къ задуманному [1]).

В. П. Боткинъ былъ по преимуществу эстетикъ, но онъ не чуждался и другихъ интересовъ, какіе поглощали его современниковъ, людей сороковыхъ годовъ, особенно кружокъ Бѣлинскаго, къ которому онъ принадлежалъ. Недаромъ, прочтя письма великаго критика, напечатанныя Панаевымъ въ его воспоминаніяхъ (1860 г.), Боткинъ писалъ: «Они произвели на меня такое впечатлѣніе, что я цѣлый вечеръ проходилъ словно во снѣ, забылъ идти на одинъ званный вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое» [2]). Какъ и лучшіе люди того прошлаго, о которомъ такъ горячо вспоминалъ онъ, Боткинъ не только увлекался философіей Гегеля, но и былъ въ этомъ случаѣ однимъ изъ наставниковъ Бѣлинскаго. Послѣднему Василій Петровичъ помогалъ даже личнымъ трудомъ. Друзья критика свидѣтельствуютъ, напримѣръ, что страницы о романтизмѣ въ статьяхъ Бѣлинскаго написаны Боткинымъ [3]). Василій Петровичъ раздѣлялъ вполнѣ и политическіе взгляды своихъ друзей. Онъ даже просилъ разъ Тургенева (1858 г.) передать Герцену, что симпатизируетъ его дѣятельности и что по его, Боткина, мнѣнію «Колоколъ» «составляетъ эпоху въ жизни Россіи». «Назвавшись европейскимъ государствомъ, надо идти сообразно съ европейскимъ духомъ,

---

[1]) „Анненковъ и его друзья“, стр. 578—579.

[2]) Фетъ, I, 319.

[3]) „Анненковъ и его друзья“, стр. 578.

или потерять всякое значеніе»—писалъ онъ въ 1859 году, характеризуя современную ему русскую жизнь [1]).

Но лишь до 60-ыхъ годовъ Боткинъ шелъ нога въ ногу со своими друзьями, до этой поры переживалъ вмѣстѣ съ ними нѣмецкій идеализмъ, потомъ французскій политическій либерализмъ, позднѣе—обширные проекты и планы отечественныхъ реформъ. Когда же его знаменитые сверстники приступили уже къ самой преобразовательной работѣ, Боткинъ внезапно оказался не только въ сторонѣ, но и въ лагерѣ противниковъ реформъ.

Дѣло въ томъ, что, на-ряду съ дѣйствительно замѣчательными качествами ума и образованія, у Василія Петровича развивался одинъ недостатокъ—эпикуреизмъ, подъ конецъ жизни совсѣмъ извратившій и изломавшій его богато-одаренную и оригинальную натуру. Неудачная женитьба, сдѣлавшая его одинокимъ человѣкомъ черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, усиливавшаяся съ годами болѣзненность довели этотъ эпикуреизмъ до крайнихъ, отталкивающихъ формъ. Фетъ, принадлежавшій къ самымъ горячимъ панегиристамъ Боткина, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы стремленіе къ земнымъ наслажденіямъ высказывалось съ такой беззавѣтной откровенностью, какъ у Боткина. Но нигдѣ стремленіе это не проявлялось въ такой полнотѣ, какъ въ клубѣ передъ превосходною закускою». «Вѣдь это все прекрасно—восклицалъ Боткинъ съ сверкающими глазами—вѣдь это все надо ѣсть!» Послѣдніе дни жизни Василія Петровича были достойнымъ концомъ такого сибарита. Занявъ одну изъ лучшихъ квартиръ Петербурга, обставивъ ее со всевозможной роскошью, онъ устроилъ себѣ прекрасный квартетъ изъ мастерскихъ исполнителей и нанялъ повара изъ кухни цесаревича. Не будучи въ силахъ по болѣзненному состоянію отдаваться удовольствію ѣды, онъ заказывалъ все-таки лукулловскіе обѣды, чтобы, созвавъ на нихъ гостей, хоть посмотрѣть, какъ они ѣдятъ, настойчиво рекомендуя блюда, казавшіяся ему особенно удачными. «Митя,—говорилъ онъ брату,—вотъ меня осуждали за бережливость. Зато ты видишь, какъ я обставилъ свою жизнь передъ концомъ. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени мнѣ это пріятно. Райскія птицы поютъ у меня на душѣ». И это говорилъ человѣкъ на краю могилы, со сведенными жестокимъ ревматизмомъ руками и ногами, котораго приходилось переносить на особыхъ носилкахъ изъ одной роскошно убранной залы въ другую [2])...

Общественная и политическая жизнь въ Россіи съ 60-ыхъ годовъ сдѣлалась гораздо сложнѣе, чѣмъ была въ предыдущія десятилѣтія; она

---

[1]) Фетъ, I, 298.

[2]) Фетъ, II, 202.

крѣпче захватила всѣ слои общества, заставивъ больно почувствовать и обратную сторону великаго преобразовательнаго движенія, каковую мало предвидѣло поколѣніе, создавшее эти реформы, т. е. люди сороковыхъ годовъ. Особенно тяжело отразилось все это на впечатлительномъ и раздражительномъ Боткинѣ, успѣвшемъ къ тому времени выработать цѣлый культъ тонкихъ наслажденій. «Увы! мы дошли до такого времени, когда рѣшительно некуда дѣться отъ политики,—писалъ онъ,—подъ тѣмъ или другимъ видомъ она преслѣдуетъ всюду, для объективнаго взгляда не осталось ни одного мѣста. Несмотря на то, что я представляю изъ себя олицетвореніе басни «Муха и Дорожные», тѣмъ не менѣе кипячусь и волнуюсь, и рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать, и чувствую величайшую потребность въ душевномъ спокойствіи. А какъ и гдѣ найти его?» «Я думаю, эта проклятая политика нисколько васъ не интересуетъ. Да и я ее терпѣть не могу: она мѣшаетъ жить», восклицаетъ Боткинъ черезъ три мѣсяца въ письмѣ къ тому же Фету [1]). Не видя возможности избавиться, уйти отъ «проклятой политики», Боткинъ началъ искать выхода изъ своего мучительнаго положенія въ томъ политическомъ лагерѣ, который могъ дать ему большее спокойствіе. Такимъ лагеремъ оказалась крайняя консервативная партія, во главѣ которой сталъ къ тому времени Катковъ.

Была еще одна причина, заставившая Боткина примкнуть къ этому теченію—его непониманіе тѣхъ фактовъ литературнаго движенія 60-ыхъ годовъ, которые носили рѣзкій, невѣжественный и грубый характеръ. И Тургеневъ, и Герценъ не менѣе его негодовали на «поганое, тупое, самодовольное глумленіе и зубоскальство» [2]), установившееся въ нѣкоторыхъ органахъ нашей журналистики 60-ыхъ годовъ послѣ смерти Добролюбова (17-го ноября 1861 г.); но Тургеневъ, равно какъ и Герценъ, видѣли въ этихъ крайностяхъ новые факты только по формѣ, Боткинъ же—новые—по самой сущности. Герценъ писалъ о молодежи 60-ыхъ годовъ: «Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость николаевской офицерщины и въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ—внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры?» Тургеневъ устами Потугина въ «Дымѣ» сдѣлалъ еще болѣе рѣшительное обобщеніе: «Правительство освободило насъ отъ крѣпостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишкомъ глубоко въ насъ внѣдрились; не скоро мы отъ нихъ отдѣлаемся. Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ; бариномъ этимъ бываетъ, большею частію, живой субъектъ, иногда какое-нибудь такъ-

---

[1]) Фетъ, „Мои воспоминанія“, II, 62, 83, 87, 90.

[2]) Выраженіе одного письма Тургенева къ Анненкову.

называемое направленіе надъ нами власть возымѣетъ... теперь, напримѣръ, мы всѣ къ естественнымъ наукамъ въ кабалу записались... Почему, въ силу какихъ резоновъ мы записываемся въ кабалу, это дѣло темное; такая ужъ, видно, наша натура. Но, главное дѣло, чтобъ былъ у насъ баринъ. Ну, вотъ онъ и есть у насъ; это значитъ нашъ, а на все остальное мы наплевать! Чисто холопы! И гордость холопская, и холопское униженіе. Новый баринъ народился—стараго долой! То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ; въ ухо Якова, въ ноги Сидору! Вспомните, какія въ этомъ родѣ происходили у насъ продѣлки! Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ, разящій шпагой, а какъ лакей, лупящій кулакомъ, да еще, пожалуй, и лупитъ-то онъ по господскому приказу».

Боткинъ въ тѣ же годы по поводу запрещенія «Современника» и «Русскаго Слова» высказался такимъ образомъ: «Все, что бунтующій пролетаріатъ и самая дикая демагогія выработали въ себѣ разлагающаго для неопытныхъ и слабоумныхъ головъ—все это проповѣдывалось въ нихъ (т. е. въ названныхъ журналахъ) за высочайшую истину» [1]). Вотъ почему онъ хватался прежде всего за полицейскія мѣры, тогда какъ Тургеневъ выдвигалъ на первый планъ образованіе. «Возьмите науку, цивилизацію и лѣчите этой гомеопатіей мало-по-малу», писалъ Иванъ Сергѣевичъ Герцену въ декабрѣ 1867 года, по поводу крайностей, въ которыя впадаетъ русскій человѣкъ, «самому себѣ предоставленный». Боткинъ, подъ конецъ жизни чуждый въ сущности литературѣ, по собственному его признанію, «пользовался знакомствомъ съ членами совѣта по книгопечатанію, стараясь поддержать ихъ въ ихъ энергіи» относительно репрессивныхъ мѣръ противъ печати [2]). Тургеневъ, лично и неоднократно задѣваемый недружелюбными и несправедливыми нападками «Современника», пишетъ черезъ два года послѣ своего выхода изъ журнала по поводу его пріостановки: «Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочелъ о прекращеніи «Современника»... Мнѣ кажется, Головнинъ поторопился» [3]).

«Тонкій и вѣрный вкусъ» В. П. Боткина сказался въ оцѣнкѣ произведеній Тургенева съ самаго начала литературной дѣятельности Ивана Сергѣевича. Замѣчательно, что Василій Петровичъ до конца жизни былъ въ числѣ очень немногихъ изъ друзей Тургенева, сумѣвшихъ сдѣлать надлежащую и разностороннюю оцѣнку его наиболѣе крупныхъ произведеній. Только Анненковъ и Боткинъ стали въ этомъ отношеніи

---

[1]) Фетъ. „Мои воспоминанія", II, 92.

[2]) Фетъ. „Мои воспоминанія". II, 82.

[3]) „Вѣстникъ Европы" 1887 г., янв., стр. 8. А. В. Головнинъ министръ народнаго просвѣщенія, главный начальникъ цензуры.

выше современниковъ и отнеслись безъ предвзятыхъ взглядовъ къ его, такъ сказать, боевымъ романамъ, несмотря на то, что Василій Петровичъ, напримѣръ, судилъ ихъ прежде всего съ эстетической точки зрѣнія. «Какая прелесть «Записки Охотника»,—писалъ Боткинъ Анненкову 12-го окт. 1847 г.,—«Пѣночкинъ» (т. е. разсказъ «Бурмистръ») и «Контора», помѣщенныя въ 10-мъ номерѣ «Современника». Какой артистъ Тургеневъ! Я читалъ ихъ съ такимъ же наслажденіемъ, съ какимъ, бывало, разсматривалъ золотыя работы Челлини» [1]). Въ февралѣ 1848 года онъ писалъ тому же Анненкову: «Записки Охотника» Тургенева доставили мнѣ истинное наслажденіе, и въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. Каждый изъ разсказовъ прекрасенъ по-своему, и я въ затрудненіи, которому изъ нихъ отдать преимущество. Больше всего восхищаетъ меня въ нихъ артистичность рисунка, поэтическое чувство природы и, что̀ важно, русской природы и тонкая наблюдательность». Сдержаннѣе отзывы Боткина о драматическихъ произведеніяхъ Ивана Сергѣевича: «Нахлѣбникъ» Тургенева очень хорошъ, хотя основной мотивъ и не совсѣмъ идетъ къ русской жизни. На сценѣ эта пьеса произвела бы фуроръ, и Щепкинъ былъ бы превосходенъ»,—писалъ онъ 10-го марта 1849 г. О «Провинціалкѣ» отзывался Василій Петровичъ, какъ о вещицѣ «недурной и граціозной» [2]). Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Тургеневу (1852 г.), онъ, сообщивъ Ивану Сергѣевичу слова Гоголя, высказанныя за два мѣсяца до смерти послѣдняго, что «во всей теперешней литературѣ больше всѣхъ таланта у Тургенева», прибавляетъ: «Меня этотъ отзывъ такъ обрадовалъ, что я не могу тотчасъ же не сообщить его тебѣ. Я совершенно согласенъ съ этимъ. Только ты больно лѣнивъ и неусидчивъ у меня—вотъ что плохо. Я знаю, что «Свои люди» Островскаго великолѣпная вещь, а все-таки сочности и таланта, поэтическаго таланта, въ тебѣ больше. Только, можетъ быть, не для театра» [3]). Черезъ годъ, въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу отъ 18-го іюля (1853 г.), онъ, между прочимъ, такъ характеризуетъ манеру творчества своего друга: ея «отличительную черту составляетъ тонкій артистическій юморъ, который безпрестанно задѣваетъ читателя то оригинальною метафорой, то неожиданнымъ сравненіемъ, то поэтическимъ, быстро мелькающимъ взглядомъ (и тѣмъ оно дороже!) и постоянно держитъ умъ его en éveil» [4]).

Но на-ряду съ похвалами творчеству Тургенева въ отзывахъ Ва-

---

[1]) Челлини (1500—1571 г.)—знаменитый итальянскій золотыхъ дѣлъ мастеръ эпохи возрожденія; пользуется славой первоклассннаго художника.

[2]) „Анненковъ и его друзья“, стр. 553, 554, 556 и 565.

[3]) Перв. собр. пис., 19.

[4]) „Русск. Обозрѣн.“, 1894 г., № 10-й, стр. 494.

силія Петровича около половины 50-хъ годовъ начинаетъ встрѣчаться и нѣкоторое недовольство: онъ сталъ считать талантъ Ивана Сергѣевича способнымъ дать больше, чѣмъ онъ давалъ до сихъ поръ. Незадолго до появленія «Рудина» Боткинъ писалъ Дружинину (4-го сент. 1855 г.): «Это правда, что Тургенева сбилъ съ толку Гоголь, и мнѣ всегда казалось, что направленіе, избранное Тургеневымъ, не соотвѣтствуетъ вовсе его таланту. Въ томъ-то и бѣда, что Тургеневу не достаетъ пока самости и смѣлости—этихъ всегдашнихъ признаковъ большихъ талантовъ. Самъ онъ несравненно выше и лучше всего, что до сихъ поръ онъ написалъ». Двадцать четвертаго того же сентября Василій Петровичъ сообщалъ Дружинину изъ Москвы: «Съ нетерпѣніемъ жду сюда Тургенева и его повѣсть (рѣчь идетъ о «Рудинѣ», законченномъ вчернѣ 24-го іюля), въ которой я почему-то надѣюсь, онъ гораздо болѣе приблизится къ самому себѣ, нежели въ прежнихъ своихъ повѣстяхъ» [1]). Надежда не обманула Боткина. Появленіе серіи романовъ Ивана Сергѣевича, открывшихъ новый періодъ въ его творчествѣ, окончательно поставило Тургенева въ глазахъ его друга на первое мѣсто среди современныхъ писателей. Къ сожалѣнію, пока еще неизвѣстны подробные отзывы Василія Петровича о «Рудинѣ» и «Дворянскомъ гнѣздѣ», но «Наканунѣ» вызвало такія строки въ письмѣ Боткина къ Фету отъ 20-го марта 1860 года: «Несмотря на всѣ недоразумѣнія, «Наканунѣ» я прочелъ съ наслажденіемъ. Я не знаю, есть-ли въ какой повѣсти Тургенева столько поэтическихъ подробностей, сколько ихъ разсыпано въ этой. Словно онъ самъ чувствовалъ небрежность основныхъ линій зданія и, чтобы скрыть эту небрежность, а можетъ быть и неопредѣленность фундаментальныхъ линій, онъ обогатилъ ихъ превосходнѣйшими деталями, какъ иногда дѣлали строители готическихъ церквей. Для меня эти поэтическія, истинно художественныя подробности заставляютъ забывать о неясности цѣлаго. Какіе озаряющіе предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдругъ раскрывающіе внутреннія перспективы предметовъ. Правда, что несчастный болгаръ рѣшительно не удался; всепоглощающая любовь его къ родинѣ такъ слабо очерчена, что не возбуждаетъ ни малѣйшаго участія, а вслѣдствіе этого и любовь къ нему Елены болѣе удивляетъ, нежели трогаетъ. Успѣха въ публикѣ эта повѣсть имѣть не можетъ, ибо публика вообще читаетъ по-утиному и любитъ глотать цѣликомъ. Но я думаю, едва-ли найдется хоть одинъ человѣкъ съ поэтическимъ чувствомъ, который не проститъ повѣсти всѣ ея математическіе недостатки, за тѣ сладкія ощущенія, которыя пробудятъ въ душѣ

[1]) „XXV лѣтъ“. „Сборникъ Общества для пособія нуждающ. литер. и учен.“

его ея нѣжныя, тонкія и граціозныя детали. Да, я заранѣе согласенъ со всѣмъ, что можно сказать о недостаткахъ этой повѣсти, и, все-таки, я считаю ее прелестною. Правда, что она не тронетъ, не заставитъ задуматься, но она повѣетъ ароматомъ лучшихъ цвѣтовъ жизни» [1]).

Судя по воспоминаніямъ Щербаня [2]), одного изъ сотрудниковъ Каткова и посредника между послѣднимъ и Тургеневымъ въ дѣлѣ печатанія «Отцовъ и дѣтей», Боткинъ былъ въ положительномъ восхищеніи отъ этого романа. Самъ Тургеневъ писалъ К. К. Случевскому $^{14}/_{26}$-го апрѣля 1862 года: «До сихъ поръ Базарова совершенно поняли, то-есть поняли мои намѣренія, только два лица: Достоевскій и Боткинъ» [3]). Василій Петровичъ боялся лишь одного, слѣдя за окончательной отдѣлкой «Отцовъ и дѣтей»—излишней какъ-бы придирчивости Тургенева къ частностямъ романа, выражавшейся въ безконечныхъ, по его мнѣнію, поправкахъ.

— Залижешь, Иванъ Сергѣевичъ,—говорилъ онъ,—залижешь!

— Нѣтъ, такъ лучше,—доказывалъ Тургеневъ,—ты пойми: Базаровъ въ бреду. Не просто «собаки» могутъ ему мерещиться, а именно «красныя», потому что мозгъ у него воспаленъ приливомъ крови».

Впрочемъ, боязнь Боткина была слишкомъ преувеличена. При внимательномъ чтеніи романа, мы замѣтимъ лишь два пятнышка, которыя могли произойти отъ поправокъ, посланныхъ, такъ-сказать, въ догонку, сданному уже въ печать произведенію, и потому не согласованныхъ по торопливости съ другими частностями романа. Описывая первый визитъ Базарова къ Одинцовой (гл. XV), Тургеневъ говоритъ, между прочимъ, о «свѣтѣ весенняго солнца», тогда какъ свиданіе это происходило во второй половинѣ іюня. Катѣ, сестрѣ Одинцовой, въ XVI гл., авторъ указываетъ 18-ть лѣтъ, а изъ данныхъ, приводимыхъ имъ раньше, ей долженъ былъ тогда идти 21-й годъ [4]). У Шекспира встрѣчаются нерѣдко гораздо болѣе грубые промахи въ этомъ родѣ, и, конечно, художникамъ, ищущимъ психологической правды, нельзя ставить въ вину нѣкоторыя фактическія несообразности. Но Тургеневъ былъ въ высокой степени требователенъ къ себѣ въ этомъ отношеніи, почему указанные недочеты могутъ быть объяснены у него лишь обиліемъ поправокъ, отъ которыхъ старался удерживать его Боткинъ.

Наконецъ, послѣднее крупное произведеніе Тургенева, появившееся при жизни Василія Петровича—«Дымъ»—вызвало такой отзывъ со стороны Боткина: «Иванъ Сергѣевичъ читалъ мнѣ свою новую повѣсть.

---

[1]) Фетъ. „Мои воспомин.“, I, 323.

[2]) „Русск. Вѣстн.“, 1890 г., кн. VII.

[3]) Перв. собр. пис., 107.

[4]) См. стр. 76, 80 и 85 тома II-го, по изданію „Нивы“.

Тутъ нѣтъ и тѣни похожаго на «Призраки» или «Собаку». Это настоящая сочная повѣсть съ его извѣстными достоинствами и съ меньшими противъ прежняго недостатками» [1]).

Какъ извѣстно, послѣ выхода въ свѣтъ «Отцовъ и дѣтей», въ творчествѣ Ивана Сергѣевича наступилъ долгій перерывъ. «Призраки», «Довольно» и разсказъ «Собака» на протяженіи четырехъ лѣтъ очень мало, конечно, заполняютъ этотъ пробѣлъ въ дѣятельности Тургенева, тѣмъ болѣе, что первыя два произведенія были начаты еще раньше появленія «Отцовъ и дѣтей». Боткинъ не могъ не обратить вниманія на продолжительное молчаніе и объяснялъ его тѣмъ, что Тургеневъ «не пришелъ еще ни къ какому опредѣленному міровоззрѣнію (т. е. послѣ бури, поднятой знаменитымъ романомъ) и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что въ молодомъ поколѣніи онъ потерялъ всякое значеніе. Нечего сказать, есть чѣмъ дорожить! Я бы желалъ, чтобы мнѣ уяснили, какое значеніе имѣетъ большинство нашего молодаго поколѣнія, съ его тупостью, всяческимъ невѣжествомъ, наглостью и самоувѣренностью дураковъ?» [2]). Это вѣрно, что шумный и враждебный походъ на Тургенева, предпринятый молодымъ поколѣніемъ 60-хъ годовъ съ «Современникомъ» во главѣ, заставилъ замолкнуть на нѣкоторое время Ивана Сергѣевича; правда и то, что авторъ «Отцовъ и дѣтей» былъ огорченъ въ тѣ годы потерей вниманія со стороны молодежи. Но Боткинъ не могъ понять того, что Тургеневъ дорожилъ мнѣніемъ молодыхъ читателей не ради сохраненія или исканія популярности, а ради торжества тѣхъ идеаловъ, которымъ онъ неизмѣнно служилъ. Онъ по самой натурѣ своей не могъ отнестись съ презрѣніемъ даже къ той аудиторіи, въ средѣ которой громче, чѣмъ слѣдуетъ, раздавался «судъ глупца и смѣхъ толпы холодной». Вотъ почему Иванъ Сергѣевичъ высказывался, что «мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить», и на закатѣ дней своихъ съ искренней радостью признался въ знаменитомъ письмѣ къ Иногородному Обывателю: «Тѣ оваціи (молодежи), о которыхъ упоминаетъ г. Иногородный Обыватель, мнѣ были пріятны и дороги именно потому, что не я шелъ къ молодому поколѣнію, нерасположеніе котораго я весьма философически переносилъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ (со времени появленія «Отцовъ и дѣтей»), но потому, что оно шло ко мнѣ, онѣ были мнѣ дороги, эти оваціи, какъ доказательство проявившагося сочувствія къ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ я всегда былъ вѣренъ и которыя громко высказывалъ въ самыхъ рѣчахъ моихъ, обращенныхъ къ людямъ, которымъ угодно было меня чествовать».

Что касается личныхъ отношеній между Тургеневымъ и Ботки-

---

[1]) Письмо къ Фету отъ 14-го марта 1867 г. „Мои воспом.", II, 115.

[2]) Письмо къ Фету отъ 9-го іюня 1866 г. „Мои воспомин.", II, 91.

*

нымъ, то таковыя завязались еще въ кружкѣ Бѣлинскаго, память о которомъ была одинаково священна для нихъ обоихъ, и быстро приняли характеръ весьма дружескій. Только съ начала 60-хъ годовъ наступаетъ замѣтное охлажденіе между пріятелями, и они постепенно начинаютъ даже избѣгать другъ друга. Не то было въ предшествующее десятилѣтіе. Такъ, почти весь май 1855 года Боткинъ провелъ у Тургенева въ Спасскомъ, цѣлую зиму 1857—58 гг. проводятъ они неразлучно въ Италіи, а зиму 1861—62 гг. въ Парижѣ. Щербань, часто встрѣчавшій ихъ тогда вмѣстѣ, говоритъ, что Боткинъ относился къ мало-практичному Тургеневу совсѣмъ какъ нянюшка, простирая заботы свои о немъ до мелочей. Самъ Иванъ Сергѣевичъ оставилъ намъ не мало свидѣтельствъ тому; такъ, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 22-го мая 1860 года, Тургеневъ пишетъ, напр., Анненкову: «Боткинъ, зайдя ко мнѣ, чуть не прибилъ моего портнаго за то, что онъ хочетъ мнѣ сдѣлать пиджакъ съ тальею: портной трепетно извинялся, а Василій Петровичъ with a wittering smile (съ надменной улыбкой): Mais c'est une infamie, monsieur (вѣдь это низость, государь мой)» [1]. Еще раньше Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ такой эпизодъ: «Сошлись мы съ нимъ (Боткинымъ) за обѣдомъ въ большомъ Берлинскомъ отелѣ (1858 г.). Заговоривши съ сидѣвшимъ противъ меня гостемъ, я упомянулъ о необычайномъ приростѣ городскаго населенія и замѣтилъ, что давно-ли мы учили по географіи, что въ Берлинѣ 400.000, а вотъ ихъ уже 700 тысячъ. Это нѣсколько преувеличено,—сказалъ мой собесѣдникъ,—такъ какъ ихъ всего неполныхъ 600.000. При этомъ возражающій ссылался на то, что ему, какъ здѣшнему жителю, это должно быть хорошо извѣстно. Я не уступалъ, и завязалось пари на два золотыхъ, которое нѣмецъ взялся немедля разрѣшить, сходивши въ свой номеръ за гидомъ. Когда онъ вышелъ изъ-за стола, Боткинъ, сидѣвшій рядомъ со мною, излилъ на меня всю желчь, вѣроятно, возбужденную въ немъ необычнымъ эпизодомъ во время методическаго трапезованія.

— Вотъ это чисто русское, растрепанное многознайство! Вотъ такъ-то мы по всему свѣту развозимъ свое невѣжество! Мнѣ стыдно подлѣ тебя сидѣть. Нашелъ, съ кѣмъ спорить! Съ туземцемъ! Я очень радъ, что онъ тебя оштрафуетъ за твое позорное русское хвастовство.

Я уткнулся носомъ въ тарелку и замеръ подъ его безпощадными упреками. Вдругъ чувствую руку на своемъ правомъ плечѣ, и споривтій со мною нѣмецъ, шепнувши мнѣ на ухо: «извините, я проигралъ», положилъ около моей тарелки два наполеона.

— Кельнеръ,—сказалъ я,—бутылку шампанскаго!

---

[1]) „Вѣстн. Евр.", 1885 г., апр., 467.

Надо было видѣть сладчайшій медъ, которымъ мгновенно засіяло лицо Боткина.

— Молодецъ, молодецъ!—воскликнулъ онъ, гладя меня по правому рукаву [1]).

Тургеневъ, впрочемъ, не сердился на непрошенную опеку и часто надъ ней подтрунивалъ: «что ты мнѣ за дядька дался»,—говаривалъ онъ Василію Петровичу, когда тотъ слишкомъ выказывалъ свою заботливость. Боткину, котораго Иванъ Сергѣевичъ любилъ величать въ шутку: то «дономъ Базиліемъ», то «старцемъ Василіемъ», или «нововявленнымъ исповѣдникомъ», больно, однако, доставалось отъ Тургенева за его эпикуреизмъ, раздражительность и капризность. Еще въ 50-хъ годахъ Иванъ Сергѣевичъ напалъ на эти его недостатки въ одной эпиграммѣ,—пародіи на Пушкинскаго «Анчара», заканчивавшейся слѣдующимъ куплетомъ:

„Къ нему читатель не спѣшитъ,
И журналистъ его боится,
Панаевъ сдуру набѣжитъ
И, корчась въ мукахъ, далѣ мчится“ [2]).

Къ сожалѣнію, эпикуреизмъ Боткина съ годами лишь развивался, и прежнія, добродушныя насмѣшки Ивана Сергѣевича надъ его аппетитомъ, надъ тѣмъ, что онъ «ѣстъ гигантски», что Василій Петровичъ заставляетъ его, Тургенева, «объѣдаться до глупости», эти шутливыя замѣчанія постепенно стали вытѣсняться другими. Уже изъ совмѣстной поѣздки въ Римъ (1857 г.) Иванъ Сергѣевичъ писалъ Анненкову: «Боткинъ здоровъ, я съ нимъ ежедневно вижусь, но я не живу съ нимъ. Въ его характерѣ есть какая-то старческая раздражительность—эпикуреецъ въ немъ то и дѣло пищитъ и кнснетъ; очень ужъ онъ заразился художествомъ» [3]). А въ февралѣ 1861 года изъ Парижа онъ сообщаетъ тому же Анненкову: «Боткину немного лучше, и есть надежда на окончательное выздоровленіе. Но если бы вы знали, какъ безобразно грубо выступилъ въ немъ эгоистъ, это даже поразительно! Охъ, Павелъ Васильевичъ, въ каждомъ человѣкѣ сидитъ звѣрь, укрощаемый одною только любовью» [4]). «Коли Боткина не будетъ въ Петербургѣ»,—пишетъ Тургеневъ упомянутому корреспонденту $^{13}/_{25}$-го апрѣля 1868 года,—«я на его квартирѣ остановлюсь, а то ужъ въ прошломъ году отзывало отъ него трупомъ, да еще ядовитымъ» [5]).

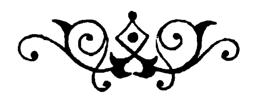
---

[1]) Фетъ. „Мои воспомин.“, I, 250.
[2]) Воспом. Полонскаго. „Нива“, 1884 г., стр. 87.
[3]) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., мартъ, стр. 11.
[4]) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., апр., 479.
[5]) „Русское Обозрѣніе“, 1894 г., февраль, стр. 495.

Если дѣло не дошло до полнаго разрыва между прежними друзьями, то причиной этого была не столько давность связей между ними, сколько снисходительность Ивана Сергѣевича къ Боткину, какъ къ неудачнику. Одинъ Тургеневъ видѣлъ въ немъ въ сущности горемыку, что̀ и высказалъ, между прочимъ, въ одномъ изъ писемъ къ Анненкову изъ Бадена (2-го іюня (ст. ст.) 1864 г.): «Боткинъ здѣсь замиралъ и таялъ отъ нѣги, что̀ не помѣшало ему съ остервенѣніемъ и скрежетомъ зубовъ отправиться къ Фету, у котораго онъ выстроилъ флигель, стоившій ему 1.500 рублей сер.! Вотъ человѣкъ—осудилъ себя на добровольное мученичество! А впрочемъ, я думаю, его тоска гложетъ и гонитъ съ мѣста на мѣсто» [1]).

Узнавъ о смерти Василія Петровича, Тургеневъ такъ высказался въ письмѣ къ Анненкову: «Давно не исчезало съ житейской сцены человѣка, столь способнаго наслаждаться жизнью; это былъ своего рода талантъ; но неумолимая судьба не щадитъ и талантовъ. Товарищемъ меньше! Съ братьями своими и пр. онъ поступилъ хорошо, но наше бѣдное общество [2]) осталось въ его глазахъ недостойнымъ козлищемъ. Удивительно ретроградные инстинкты и предубѣжденія сидѣли въ этомъ московскомъ купеческомъ сынѣ. Не хуже любаго прусскаго junker'a или николаевскаго генерала... Литература для него все-таки отзывалась чѣмъ-то въ родѣ бунта!» [3]). Нѣсколько мягче отозвался о немъ Иванъ Сергѣевичъ въ письмѣ къ Фету: «Итакъ, Василія Петровича не стало. Жалко его не какъ человѣка, а какъ товарища... Себялюбивое сожалѣніе! Умница былъ, а хоть и говорятъ, что «l'esprit court les rues», но только не у насъ въ Россіи... Да, у насъ и улицъ мало» [4])...

Н. Гутьяръ.

[1]) „Вѣстн. Евр.", 1887 г., янв., стр. 25.

[2]) Литературный фондъ.

[3]) „Русское Обозрѣніе", 1894 г., янв., стр. 28.

[4]) Фетъ. „Мои воспомин.", II, 206.

Оцѣнка канцелярской отписки [1].

Отвѣтъ г. Шумигорскаго представляетъ, какъ и слѣдовало ожидать, канцелярскую отписку чиновника, обязаннаго отвѣчать по вопросамъ, чуждымъ его вѣдомству. Разобраться въ этой отпискѣ вовсе, однако, не трудно.

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ идетъ рѣчь?

Три года назадъ г. Шумигорскій издалъ переводъ французской рукописи Souvenirs de la comtesse Golovine. Вслѣдствіе незнанія французскаго языка переводъ г. Шумигорскаго кишитъ ошибками, извращающими смыслъ оригинала. Точными выписками, съ указаніемъ страницъ, мы доказали всю негодность перевода. Съ этими нашими указаніями г. Шумигорскій соглашается вполнѣ и ни одного не опровергаетъ—этимъ онъ росписывается въ своемъ полномъ незнаніи французскаго языка. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, рядомъ указаній, точно обоснованныхъ, мы установили, что г. Шумигорскій, не обладающій общимъ историческимъ образованіемъ (allgemeine historische Bildung), допустилъ рядъ ошибокъ, которыя, согласно элементарнымъ требованіямъ историческихъ изданій, подлежали исправленію. Г. Шумигорскій, оставляя наши указанія безъ всякихъ возраженій, опять самъ же признаетъ свое невѣжество.

Наконецъ, въ третьихъ, мы указали, что г. Шумигорскому вовсе незнакома та technische Schulung, которая требуется отъ издателей архивнаго матерьяла.

Въ своей канцелярской отпискѣ г. Шумигорскій вновь подтверждаетъ всѣ эти наши три тезиса и упорно старается оправдать наше суж-

---

[1]) Бильбасовъ. Записки русскихъ женщинъ, въ „Русской Старинѣ“, CXVII, 99; Шумигорскій. Отвѣтъ по поводу статьи Записки русскихъ женщинъ, Ibid., 413.

деніе о его переводѣ. Чтобы не быть голословными, приведемъ опять примѣры съ указаніемъ страницъ:

1) Незнаніе французскаго языка: выраженіе nouvellement conquis г. Шумигорскій переводитъ «вновь присоединенные» (420), даже и не подозрѣвая, что nouvellement значитъ недавно, а не вновь, и объясняя невѣрный переводъ слова conquis желаніемъ исправить текстъ гр. Головиной, на что̀ онъ не имѣлъ никакого права.

2) Недостатокъ общаго историческаго образованія: г. Шумигорскій, незнакомый даже съ «Записками императрицы Екатерины II», наивно предполагаетъ, что готовящееся академическое изданіе этихъ записокъ «конечно, заставитъ г. Бильбасова передѣлать какъ изданные имъ томы его «Исторіи Екатерины Второй», такъ и послѣдующіе» (416). Какое невѣжество: Записки Екатерины II обрываются на второмъ пріѣздѣ принца Саксонскаго, въ 1759 г., и уже для воцаренія Екатерины, въ 1762 г., не имѣютъ значенія историческаго матерьяла!

3) Незнакомство съ техникой изданія: г. Шумигорскій не даетъ себѣ отчета въ томъ, что пишетъ, и въ своей отпискѣ самъ же укоряетъ себя въ пропускѣ одной строки и одного стихотворенія (414), хотя то и другое имъ же напечатано на стр. 144 и 221.

Такова сущность нашей замѣтки о переводѣ г. Шумигорскимъ «Воспоминаній гр. Головиной». Въ своей канцелярской отпискѣ г. Шумигорскій уклоняется отъ этой сущности и предпочитаетъ разглагольствовать о вопросахъ, до перевода не относящихся, при чемъ самодовольно перепечатываетъ цѣлыя страницы изъ своего предисловія и послѣсловія, которыхъ мы не касались, прямо заявивъ, что они не имѣютъ значенія (107). Насъ интересовали историческія воспоминанія графини Головиной, а не дешевая болтовня г. Шумигорскаго. Въ самомъ дѣлѣ, кого можетъ интересовать наборъ пустыхъ фразъ г. Шумигорскаго, не отличающаго dessous отъ dessus, о гр. Головиной, писавшей свои воспоминанія на французскомъ языкѣ? Въ вопросѣ объ обществѣ Іисуса чего можно ожидать отъ г. Шумигорскаго, не отдѣляющаго католицизма отъ іезуитизма? Въ доказательство, что Огаръ былъ іезуитъ, г. Шумигорскій приводитъ буквально слѣдующее: l'honneur de l'introduction du catholicisme parmi les Russes est dû au chevallier d'Augard (423). Для кого и зачѣмъ г. Шумигорскій аттестуетъ г. Бильбасова «іезуитомъ», «жрецомъ исторической истины», «вольтерьянцемъ», «недобросовѣстнымъ критикомъ», «заслуженнымъ историкомъ», «либераломъ»? Мы можемъ на это только замѣтить, что появившіеся уже тридцать томовъ нашихъ ученыхъ изслѣдованій достаточно свидѣтельствуютъ, что Бильбасовъ

n'a jamais mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Но жрецъ-ли, вольтерьянецъ-ли, Бильбасовъ всегда старался высоко держать знамя исторической науки, рѣзко выступая противъ невѣжества историковъ-дилеттантовъ. Эту особенность нашихъ критическихъ замѣтокъ давно уже отмѣтили въ нѣмецкой исторической литературѣ, поставили намъ ее въ заслугу, признавъ въ то же время, что, при всей рѣзкости, мы никогда не переступали за предѣлы дозволеннаго [1]). Такъ отнеслись мы и къ труду г. Шумигорскаго, указавъ на невѣжество, но не дозволивъ себѣ войти съ нимъ въ ученый споръ, ему совершенно недоступный. Говорить объ исторической наукѣ съ г. Шумигорскимъ значитъ oleum et operam perdere.

Мы знаемъ г. Шумигорскаго по его писаніямъ въ журналахъ, преимущественно въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и потому никогда не позволили бы себѣ серьезно говорить о научной сторонѣ его трудовъ. Можно-ли серьезно говорить съ господиномъ, который въ 1900 г. печатаетъ хвалебный отзывъ о 2-мъ томѣ «Исторіи кавалергардовъ» [2]), вышедшемъ въ свѣтъ лишь два года спустя? Argumentum ad crumenam, руководившій въ данномъ случаѣ г. Шумигорскимъ, однако, не обманулъ его. По крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ этого «поступка» г. Шумигорскій помѣстилъ въ «Новомъ Времени» объявленіе, приглашавшее всѣхъ подписываться на печатаемое имъ сочиненіе «Царствованіе императора Павла I». Подписка шла, вѣроятно, очень успѣшно, потому что нѣсколько мѣсяцевъ спустя новое объявленіе извѣщало, что подписавшіеся могутъ взять деньги обратно, такъ какъ названное сочиненіе г. Шумигорскаго не появится въ свѣтъ. Да и какъ ему появиться: въ 1902 г. въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ» напечатана г. Шумигорскимъ біографія Павла I, при чемъ изъ помѣщеннаго въ концѣ перечня матеріаловъ несомнѣнно усматривается, что авторъ не изслѣдуетъ представляющіеся вопросы, а только разсказываетъ своими словами факты, находимые въ матеріалахъ. Г. Шумигорскій понялъ, вѣроятно, что разсказать исторію царствованія Павла I, снабдивъ разсказъ массой иллюстрацій, хотя бы даже художественно исполненныхъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, вовсе еще не значитъ написать исторію императора Павла, и отказался отъ своего намѣренія. Оно ему къ тому же и не по силамъ: судя по его трудамъ,

---

[1]) Unter den Lebenden ist Prof. Bilbassow ohne Zweifel der bedeutendste der russischen Historiker; sein Verdienst, dass er mit unerschrockener und oft scharfer Kritik eingreift, wo Halbwissen und methodische Unsicherheit oder Flüchtigkeit und Tendenz ihm entgegentreten... Ausserordentlich scharf ist die an den russischen Arbeiten geübte Kritik, aber wir finden nicht, dass dabei gebotene Grenzen überschritten werden. Historische Zeitschrift, XCI I, 140.

[2]) „Историческій Вѣстникъ", LXXX, 292.

ему чужды даже элементарныя свѣдѣнія объ исторической критикѣ, безъ которой невозможно никакое историческое изслѣдованіе.

Этимъ мы прекращаемъ всякій споръ съ г. Шумигорскимъ по поводу его перевода воспоминаній гр. Головиной. Мы и теперь взялись за перо, слѣдуя лишь указанію Виргилія, совѣтующаго parcere subjectis et debellare superbos.

В. Бильбасовъ.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

IV [1]).

Большое удѣльное село Трусиха было крайнимъ пунктомъ 2-го стана, управляемаго Степаномъ Ивановичемъ. Экипажи, миновавъ двѣ церкви, очень хорошія для села, выѣхали на большую площадь, обстроенную по сторонамъ высокими и просторными домами. Въ отворенныя ворота одного изъ нихъ въѣхала карета генеральши, затѣмъ и дормезъ. На широкомъ крыльцѣ дома показались хозяинъ съ хозяйкой, очень дородные, съ подобострастными улыбками смотрѣвшіе на высаживаемую камердинеромъ генеральшу; возлѣ нихъ же стоялъ и сморщенный старичекъ, въ синемъ кафтанѣ, съ какимъ-то значкомъ на груди, очевидно, лицо оффиціальное, въ родѣ старосты или старшины. Всѣ трое низко кланялись, пока генеральша, при помощи камердинера, подымалась по ступенькамъ на крыльцо.

— Давно, ваше превосходительство, почитай, лѣтъ двадцать не были у насъ,—сказалъ хозяинъ, почтительно склонивъ голову и рукою, вытянутою по направленію къ сѣнямъ, приглашая генеральшу въ приготовленныя для нея комнаты.

— Да,—отвѣчала она, ласково раскланиваясь: — я сама теперь вспомнила, что въ послѣдній разъ ночевала у васъ съ мужемъ, а этому будетъ уже больше 20-ти лѣтъ.

— Мы только-что поженимшись тогда были,—ввернула на ходу

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

свое замѣчаніе бѣлая, какъ лебедь, и полная, какъ пышка, съ пріятными ямочками на щекахъ и подбородкѣ, хозяйка дома.

— Это село, ваше превосходительство, — продолжалъ хозяинъ, — только въ народѣ прозывается Трусиха, а по бумагамъ оно пишется «Большіе Овражки». Старики помнятъ, съ коихъ поръ и за что прозвали деревню Трусихой. Сказываютъ, зимой проходилъ босикомъ Божій человѣкъ и говорилъ всѣмъ на деревнѣ, что народился антихристъ и скоро пойдетъ по весямъ и градамъ, и поставитъ на лбу грѣшниковъ огненные значки, а нечистая сила, вслѣдъ за нимъ идущая, потянетъ ихъ всѣхъ въ геенну огненную. Такъ послѣ этого половина села разбѣжалась по лѣсамъ, и уже начальство облавами загоняло ихъ оттуда назадъ въ деревню. Отъ этого самого, вишь, и прозвали ее Трусихой, а по бумагамъ она значится «Большіе Овражки».

Камердинеръ доложилъ, что кушать подано. Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ, по поводу Божьихъ людей, нерѣдко причиняющихъ большой вредъ суевѣрному народу. Александра Андреевна разсказала. какъ не любилъ подобнаго рода людей покойный ея мужъ, и какъ онъ однажды за конвоемъ отправилъ въ городъ одну юродивую, которая по пятаку продавала мужикамъ грязные лоскутки для сосанія отъ всякихъ болѣзней.

Послѣ обѣда всѣ вчетверомъ отправились на площадь къ церкви.

Клодочкѣ, повидимому, доставляло большое удовольствіе то обстоятельство, что Александра Андреевна въ разговорахъ своихъ постоянно обращалась къ Перепелкину, какъ бы желая изгладить впечатлѣніе, какое могъ произвести на него давешній споръ ея съ нимъ въ каретѣ. Недалеко отъ церкви, около запруды водяной мельницы копошились три старика и два подростка. Они вбивали сваю, но она пошла вкось и врѣзалась въ иловатый грунтъ такъ, что слабосильные работники не въ состояніи были ни дать ей прямое направленіе, ни вытащить ее назадъ, какъ ни старались и ни подзадоривали себя «дубинушкой», выкрикивая: «еще разъ, еще два, зеленая, ухнемъ!» Потъ градомъ катился съ нихъ, но дѣло не спорилось.

— Что вы не пригласите кого на помощь?—сказала генеральша, обращаясь съ видомъ состраданія къ рабочимъ, когда они, едва переводя духъ, пріостановились на минуту.

— Некого, барыня,—отвѣчалъ старичекъ, повидимому изъ отставныхъ:—вишь, пора рабочая, всѣ страдуютъ въ полѣ. И насъ Христомъ Богомъ насилу упросили остаться, да, видно, придется бросить.

— Ну, я васъ выручу. Сходи кто-нибудь вонъ въ тотъ домъ,—указала она рукой,—и приведи сюда сейчасъ кучера моего Ефрема.

— Вотъ вы увидите,—сказала она, обращаясь къ Перепелкину,—какая у этого человѣка силища.

Въ ожиданіи прихода Ефрема, генеральша направилась къ церкви и сѣла на лежавшихъ у ограды бревнахъ, приглашая и свиту тутъ же расположиться.

Изъ воротъ показался Ефремъ въ сопровожденіи посланнаго за нимъ малаго. Вслѣдъ за ними, шагахъ въ десяти, шелъ Терентьичъ, очевидно, желавшій посмотрѣть на удаль Ефрема.

Ефремъ, смѣривъ презрительно съ головы до ногъ каждаго изъ нихъ, поднялъ съ земли колотило, которое едва по силамъ было пятерымъ, и такъ хватилъ сваю въ бокъ, что она сразу стала прямо. Потомъ сталъ на скамейку и, размахнувшись съ страшной силой, сразу же вогналъ ее въ грунтъ чуть-чуть не глубже, чѣмъ сколько требовалось, къ общему изумленію всѣхъ, особенно рабочихъ, которые, разинувъ рты, только руками разводили. Такимъ же способомъ, хотя и съ бо̀льшими трудностями, онъ загвоздилъ еще двѣ, и, обливаясь по̀томъ, спросилъ:

— Что больше ничаво не потребовается?

Генеральша велѣла ему спросить у хозяина, гдѣ остановились, два стакана водки за труды свои и отпустила его.

На другой день, къ 8 часамъ утра, прибылъ въ Трусиху Степанъ Ивановичъ.

Перепелкинъ, заслышавъ колокольцы, вышелъ изъ дормеза, въ которомъ спалъ, и объявилъ ему, что дамы едва-ли скоро встанутъ, такъ какъ до 2 часовъ слушали чтеніе.

— Ну, я, батенька, только и могу оставаться здѣсь, пока перемѣнятъ мнѣ лошадей: ѣду на встрѣчу губернатору. Вчера послали слѣдователи ему депешу, что если, согласно инструкціямъ, производить слѣдствіе по дѣлу Свистунова съ послабленіями ему, то всенепремѣнно будетъ бунтъ. Предводитель дворянства предлагалъ этому забіякѣ отправиться съ нимъ въ городъ, въ видѣ арестованнаго по распоряженію начальства, но онъ назвалъ это глупостью и трусостью. А между тѣмъ, въ позапрошлую ночь, чуть живьемъ его не сожгли на хорахъ въ залѣ, гдѣ онъ, мертвецки пьяный, ночью уснулъ на полу, въ одномъ бѣльѣ, безъ всякой постилки. Видите-ли, вздумалось ему поразвлечься забавами, обычными въ прежнее время, но теперь оставленными по случаю пріѣзда слѣдователей, помѣщавшихся во флигелѣ. Узнавъ, что они, послѣ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ, рано улеглись спать, онъ велѣлъ собрать женщинъ и дѣвокъ и заставилъ ихъ плясать въ залѣ, въ костюмѣ праматери Евы, даже безъ фиговаго листка, а самъ съ хоръ любовался на нихъ. Когда кончилась эта оргія—никто не могъ сказать. Слѣдователи были разбужены набатомъ и гвалтомъ на дворѣ и сами видѣли, какъ Свистуновъ выбросился изъ окна на балконъ, въ одномъ бѣльѣ, затѣмъ съ балкона—на крышу главнаго подъѣзда, а оттуда по

дождевой трубѣ спустился на землю и тутъ же въ бѣшенствѣ закричалъ: «не перепорю, а перерѣжу всѣхъ». Слѣдователи едва могли урезонить его, предупредивъ, что, въ случаѣ надобности, они прибѣгнутъ къ насилію надъ нимъ. Между тѣмъ, домъ пылалъ, но тушить нечѣмъ было: ни воды, ни инструментовъ пожарныхъ въ наличности не имѣлось. Такъ и сгорѣлъ домъ до тла. Еще счастье, что тихо было и моросилъ мелкій дождикъ.

— А какъ же спаслось его семейство?—спросилъ Перепелкинъ.

— Какое тамъ семейство можетъ быть у этого развратнаго разбойника! Онъ одну жену вогналъ въ могилу своимъ поведеніемъ, а другая вскорѣ послѣ свадьбы бросила его и уже десятый годъ живетъ у отца и не имѣетъ съ нимъ никакихъ сношеній.

— Но какъ ему сходятъ всѣ эти звѣрства и безчинства?

— Деньги, батенька, деньги выручаютъ, да большія связи: въ нихъ вся сила. Законы только къ маленькимъ людямъ прилагаются, а для сильныхъ они никакого значенія не имѣютъ, потому что они всячески могутъ обходить ихъ,—злобно проговорилъ Степанъ Ивановичъ.

— Да неужели же всѣ чиновники торгуютъ закономъ и совѣстью?—спросилъ, краснѣя и съ замѣтною робостію, Перепелкинъ.

— Торгуютъ! это слишкомъ много сказано и неправильно. А проще: берегутъ себя. Вотъ у Свистунова теперь два слѣдователя: одинъ—совѣтникъ изъ старыхъ, и разумѣется, держитъ сторону Свистунова; другой—стряпчій, изъ новыхъ, университетскаго образованія, и изъ кожи лѣзетъ, чтобы обвинить его. Первый, по-моему, бережетъ себя, а послѣдній дѣйствуетъ на гибель себѣ. Упекутъ-ли Свистунова—это еще вилами писано, а что его, голубчика, т. е. стряпчаго-то, вытурятъ изъ службы—это для меня несомнѣнно, какъ дважды два—четыре.

Было 9 часовъ. Барыни не вставали.

На дворъ влетѣла извѣстная уже Перепелкину таратайка съ перемѣнными лошадьми. Степанъ Ивановичъ, преподавъ Ефрему нѣкоторыя инструкціи насчетъ длинныхъ гатей впереди, дружески простился съ своимъ юнымъ протеже и быстро ускакалъ.

Только въ 11 часовъ открыли ставни на занимаемой дамами половинѣ. Эту операцію совершилъ самъ почтенный хозяинъ, не допустивъ лакея, чтобы онъ «неосторожнымъ выдергиваніемъ и опусканіемъ болтовъ не обезпокоилъ ея превосходительства»; за свое же безпокойство онъ уже напередъ разсчитывалъ баснословный кушъ.

На крыльцо выпорхнула Клодочка, свѣжая, румяная и, замѣтно, искала глазами кого-то.

Увидавъ гуляющаго по двору Перепелкина, съ книгой съ рукѣ, она граціозно кивнула ему головкой и ту жъ минуту направилась къ нему.

— Ma tante въ восторгѣ отъ васъ,—говорила она, еще издали мило протягивая ему миніатюрную свою ручку и выражая неподдѣльную радость по случаю такого оборота дѣлъ,—мы не скоро уснули послѣ васъ, и, я думаю, съ полчаса болтали и все о васъ. Когда Амалія Ѳедоровна разсказала, что вы начали у нея учиться говорить по-нѣмецки и по-французски, то ma tante выразилась такъ: «онъ очень любознательный молодой человѣкъ, и потому мы всѣ втроемъ примемся отъ скуки за это дѣло». Это, кажется, тетѣ Бланкѣ не понравилось. Вы смотрите, не влюбитесь въ нее,—пригрозила шалунья розовымъ пальчикомъ и убѣжала въ комнаты.

Когда вскорѣ затѣмъ былъ позванъ туда же и Перепелкинъ, пить чай, то, противъ ожиданія, онъ нашелъ Александру Андреевну далеко не въ духѣ, даже разстроенною.

Во-первыхъ, ей досадно было, что становой ускакалъ, не дождавшись ея пробужденія, хотя хозяинъ обстоятельно уже объяснилъ ей, почему Степанъ Ивановичъ не могъ этого сдѣлать; во-вторыхъ, росписаніе, сдѣланное послѣднимъ съ такимъ стараніемъ, оказывается, по ея мнѣнію, неудобоисполнимымъ. Вотъ теперь предстоитъ сдѣлать до ночлега два перегона, по 35 верстъ каждый, и послѣдній, по словамъ хозяина, очень трудный,—такъ какъ на немъ есть гать до 2-хъ верстъ,—придется совершать ночью, что-де совсѣмъ ужъ неудобно при такихъ громоздкихъ экипажахъ.

— Да почему же ночью? —говорила она нетерпѣливо и съ замѣтнымъ раздраженіемъ,—вѣдь, теперь только четверть 12-го; ну, ровно въ 12 выѣдемъ, а въ 3 часа будемъ на первой станціи.

— Это точно такъ, ваше превосходительство, но выстаивать и кормить лошадей надо не менѣе пяти часовъ, стало быть, придется выѣхать съ этой станціи часовъ около девяти.

Позвали Ефрема.

Оказалось, что предусмотрительный Степанъ Ивановичъ все взвѣсилъ, сообразилъ заблаговременно и на всякія случайности далъ толковому Ефрему опредѣленныя инструкціи, согласно которыхъ, если ея превосходительство изволитъ пробудиться отъ сна поздно, то поваровъ поспѣшитъ отправить на первую станцію, а господскимъ экипажамъ черезъ часъ ѣхать легкой рысцой, и, по пріѣздѣ на станцію, лошадей, въ сбруѣ, только выводить, пока господа будутъ кушать, и потомъ давши имъ по ведру воды, немедленно закладывать и ѣхать.

— Лошади всѣ у насъ выносливыя,—присовокупилъ Ефремъ,—ничего имъ не сдѣлается, что безъ корма пробудутъ часовъ семь—восемь, да хоть бы и десять, потому что ночевки наши очень ужъ длинныя и успѣютъ вдоволь нажраться.

Генеральша очень обрадовалась такому удовлетворительному рѣше-

нію этого вопроса и сохранила хорошее расположеніе духа даже и послѣ того, какъ услужливый и до приторности подобострастный и предупредительный хозяинъ содралъ съ нея жидовскую плату за свои безпокойства. Всего удивительнѣе для Перепелкина было то, что этотъ безсовѣстно алчный человѣкъ, видя послѣ этого явную холодность и невниманіе къ нему со стороны генеральши и всѣхъ ея спутниковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ лебезить передъ нею и другими и, выведя на крыльцо супругу, устроилъ такіе же проводы, какъ была встрѣча, поминутно кланяясь и вмѣстѣ съ женой подобострастно причитывая разныя благопожеланія на дальнѣйшій путь.

Пока накрывали на столъ, при остановкѣ на станціи, молодые люди сдѣлали маленькую прогулку по селу, во время которой выяснилось, что дня черезъ три они проведутъ сутки въ самомъ дальнемъ помѣстьѣ Александры Андреевны, Сухаревкѣ, куда должна быть выслана послѣдняя почта. Это любимое село управляющаго, гдѣ онъ развелъ великолѣпный фруктовый садъ, приносящій уже значительный доходъ, и гдѣ, по слухамъ, онъ завелъ во всемъ такіе образцовые порядки, что сосѣдніе помѣщики стали перенимать ихъ, а нѣкоторые даже пробовали переманить къ себѣ и виновника ихъ, почтеннаго Эдуарда Ивановича Лампіуса.

— Затѣмъ,— продолжала объяснять Клодочка,— близко уже отъ города N., они свернутъ въ сторону, верстъ за 20, и проведутъ дня три—четыре, а можетъ быть и гораздо больше у бабушки Флоры. Ее зовутъ Анна Петровна, но мужъ, страстно ее любившій, когда-то далъ ей имя Флоры, по поводу какого-то выиграннаго ею пари, и вотъ, послѣ смерти его, она настоятельно требовала, чтобы всѣ родственники не иначе называли ее, какъ бабушка Флора,—сказала Клодочка,—дѣлая не безъ успѣха усилія выговаривать слова такъ, какъ условились.

— Вы не разсердитесь, если она встрѣтитъ васъ грубовато, даже—боюсь я—дерзко: она со всѣми такова.... Имѣнія ея переходятъ по наслѣдству ко мнѣ и къ двоюродному моему брату, Полю. То, въ которомъ она теперь живетъ и гдѣ мы прогостимъ нѣсколько дней, отписано на меня, значитъ, вы будете у меня въ гостяхъ, а потому, изъ любезности ко мнѣ, отнесетесь снисходительно къ причудамъ бабушки, весьма доброй, впрочемъ, и справедливой.

— Эта перспектива интересна, если только бабушка Флора не возненавидитъ меня,—сказалъ Перепелкинъ:—но меня, собственно, не то теперь занимаетъ, а ваша упорная работа надъ собой, обѣщающая, повидимому, блистательный успѣхъ.

Съ чувствомъ глубокой живой признательности она пожала руку собесѣднику, и оба они поспѣшили къ обѣду.

Около четырехъ часовъ выѣхали, обезпокоенные мыслями о длинной

членовредительной гати, по поводу которой велся тихонько какой-то загадочный серьезный разговоръ между дворовыми людьми генеральши, обѣдавшими на дворѣ въ тѣни.

Александра Андреевна, на время своего обычнаго послѣобѣденнаго отдыха, только разъ вчера нарушеннаго, перемѣстила къ себѣ въ карету и вторую горничную, а молодыхъ людей отослала къ Амаліи Ѳедоровнѣ.

Вдругъ экипажи почему-то остановились. Выглянули въ окошки—оказалось, что они стоятъ на гати, но почему—не извѣстно.

Подождавъ немного, всѣ встали изъ дормеза и подошли къ первому экипажу, къ окнамъ кареты.

Генеральша спала, лежа на правомъ боку, прикрытая сѣрою вуалью. Горничныя, очевидно, только-что очнувшіяся отъ сна, съ недоумѣніемъ посматривали, что́ бы такое могло случиться, что и кучера нѣтъ на козлахъ, и господа изъ другаго экипажа вышли.

Кучеръ Ефремъ далеко впереди виднѣлся на гати и что-то внимательно осматривалъ.

Перепелкинъ прошелъ къ нему.

Оказалось, что гати аршина на три не существуетъ, а торчавшая въ трясинѣ саженная палка, оставленная какъ бы для измѣренія опасности, свидѣтельствовала, что тутъ очень топкое мѣсто и что всякій предметъ легко можетъ въ него погрузиться до значительной глубины.

— Что это значитъ?—спросилъ Перепелкинъ.

— А то и значитъ,—угрюмо отвѣчалъ Ефремъ,—что не нужно было посылать поваровъ впередъ.

— Да повара-то тутъ при чемъ? Вѣдь они же проѣхали, стало быть, и мы проѣдемъ.

— Проѣхали!—сказалъ насмѣшливо Ефремъ:—проѣхали потому, что гать была не испорчена, а какъ на деревнѣ узнали, какіе экипажи вслѣдъ ѣдутъ, ну, и разобрали гать, чтобъ содрать, значитъ, съ барыни. Извѣстно, тѣмъ и промышляютъ. Становой, вѣдь, чай, говорилъ объ этомъ барынѣ?

— Не знаю, не слыхалъ.

— Ну, мнѣ все это онъ досконально разсказалъ.

— Да почему жъ ты не предупредилъ барыню, что здѣсь дѣлаются такія пакости?

— А потому и не предупредилъ, что всѣ говорили, что это сказки, а взаправду ничего этого нѣтъ. Опять же наше дѣло подневольное: говоримъ только то, что у насъ спрашиваютъ.

Изъ-за пригорка показался верхомъ на лошади мужикъ и спѣшно направился на плотину. Подъѣхавъ къ разобранному мѣсту, онъ выразилъ удивленіе, что случилась «такая оказія».

— Вишь ты, на самой-то глыбкой трясинѣ!—разсуждалъ онъ, покачивая не покрытой лохматой головой.—Что жъ, господа,—обратился онъ къ Перепелкину:—не ночевать же вамъ туто-ка! Можно живо исправить. Тамо-т-ка, за буеракомъ,—указалъ онъ рукой,—недалече есть рабочій народъ. Только время-то, вишь, какое... страдное... себѣ дорого... дюже дорого,—говорилъ онъ, сдѣлавъ умильную физіономію и тряся головой:—дешево, стало, не возьмутъ—вотъ что бѣда!

— Ну, а какъ же, примѣрно?—полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Да, что съ васъ, господа-бояре? Надо, значитъ, по-божьему, чтобъ ни вамъ, ни работникамъ, примѣрно сказать, обиды не было: двѣ десятирублевки—только и всего! Мигомъ съорудуемъ,—проговорилъ онъ уже съ сіяющимъ лицомъ.

— Эхъ, вы пропойцы безстыжіе! А какъ становому-то вашему довести это дѣло-то, такъ, вѣдь, онъ такъ всполыснетъ васъ, что недѣли двѣ почесываться будете,—гнѣвно, съ суровымъ видомъ сказалъ Ефремъ.

— А ты, милый, не лайся! потому страда... по-божьему, значитъ, дѣйствуемъ... вотъ что, милый! А то становой... становой—что же? Нешто мы сдѣлали это?

А генеральша спала крѣпкимъ сномъ. Горничныя объяснили, что она и уснула только предъ тѣмъ, какъ остановились, а до того она то смотрѣла на дорогу, то подрёмывала.

Признали нужнымъ безотложно прервать сонъ ея превосходительства, для каковой цѣли сначала заговорили погромче, а когда этотъ пріемъ не удался, Клодочка вошла въ карету и тихонько дотронулась рукой до спящей.

— Доѣхали?—спросила Александра Андреевна, поспѣшно сдернувъ съ лица вуаль.

— Нѣтъ, ma tante, мы стоимъ на гати...

— Ахъ, гать, гать,—заговорила она, высовывая голову изъ окна кареты:—что же тутъ случилось?

Ей разсказали все подробно.

— Ну, я тутъ одна виновата,—сказала она, противъ ожиданія всѣхъ, совершенно спокойно:—мнѣ нужно было приказать поварскому экипажу, оставивъ поваровъ на станціи, вернуться на плотину и дожидаться насъ, какъ совѣтовалъ Степанъ Ивановичъ, а я эту предосторожность сочла ненужной, приписывая ее излишнему его усердію, тѣмъ болѣе, что многіе мнѣ говорили, будто такія продѣлки на этой гати случались давно когда-то, а что теперь о нихъ не слыхать.

Она вышла изъ кареты и, сопутствуемая свитой и прислугой, направилась къ мужику, который, запустивъ палку въ мѣсиво грязи, доказывалъ Ефрему, какъ глубоко можетъ засѣсть экипажъ.

— Ахъ, Боже мой, какіе негодяи!—воскликнула генеральша, по-

дойдя къ краю настилки:—вѣдь, за это могутъ васъ судить,—обратилась она строго къ лохматому мужику.

— Что жъ, барыня, нешто мы виноваты? Вѣстимо, шалости, да поди ты ищи, кто сдѣлалъ.

— Ты дорого просишь,—сказала Александра Андреевна:—довольно и половины того.

— Несходно, барыня, вотъ-те Христосъ—несходно. Пора, слышь, страдная, отъ работы всѣмъ животы подтянуло. Ну, да ужъ Богъ съ вами, одну десятку да одну пятитку дадите, а я живо слетаю, коли задаточку рублика два пожалуете.

Согласились, только потребовали, чтобъ черезъ часъ все было готово.

— Что вы, барыня, черезъ часъ!—сказалъ онъ,—пряча деньги за пазуху: у насъ тутъ близко за горкой... чрезъ полчаса все будетъ готово.

Прошли полчаса, но изъ-за горки никто не показывался.

Поѣхалъ туда верхомъ Ефремъ, но скоро вернулся и объявилъ, что меньше тридцати рублей не берутъ и то пріѣдутъ только къ вечеру, когда совсѣмъ управятся съ полосой.

Начались барскіе капризы, потребовавшіе растиранія висковъ одеколономъ, нюханія спирта и разныхъ пріемовъ для успокоенія расходившихся генеральскихъ нервовъ. А тутъ еще какъ на бѣду оказались всѣ эти флакончики и пузырьки съ разными аптечными и парфюмерными снадобьями именно въ поварскомъ экипажѣ, какъ значилось въ росписаніи, сохранившемся, дѣйствительно, или, по крайней мѣрѣ, оказавшемся на лицо, только у одного Перепелкина. Посыпались на всѣхъ обвиненія: и почему никто не напомнилъ, что поваровъ незачѣмъ было послѣ обѣда пускать впередъ, такъ какъ приготовить тѣсто для мягкихъ булокъ не поздно было бы и въ 8 часовъ вечера, и почему не помѣстили аптеки въ ея экипажѣ—хотя именно это и сдѣлано по ея приказанію,—да куда дѣвали ея росписаніе, да почему никто не смотритъ за людьми—это ужъ камушки летятъ въ огородъ Перепелкина—и распустили всѣхъ такъ, что камердинеръ даже потерялъ свое росписаніе. А когда Клодочка напомнила, что росписаніе сохранилось у Саввы Саввича, то ея превосходительство даже взвизгнула. «Что мнѣ въ росписаніи, когда всѣ распущены!»

Горекъ хлѣбъ въ чужихъ людяхъ! все время думалось Перепелкину, не смотря не всѣ сочувственныя отношенія къ нему Клодочки.

Но пока всѣ суетились около барыни, всячески успокоивая ее, Ефремъ, по совѣту Перепелкина, распорядился иначе и такъ скоро и ловко, что разомъ облегчилъ раздраженную до истерики барыню, безъ посредства всякихъ аптечныхъ снадобій. Онъ сгребъ, при помощи дру-

гаго кучера и форейторовъ, трехъ-аршинную по длинѣ настилку сзади экипажей и мигомъ застлалъ ею вѣроломную проруху впереди.

Когда, къ изумленію сидѣвшихъ въ каретѣ, занятыхъ уходомъ за генеральшей и потому не видѣвшихъ всего этого, экипажи тронулись съ мѣста и свободно поѣхали, то ея превосходительство съ ужасомъ обвела глазами всѣхъ, какъ бы спрашивая: дѣйствительно-ли все это происходитъ, или не рехнулись-ли ужъ они въ умѣ?

Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительность представилась ей въ полной очевидности.

Два всадника какъ изъ земли выросли на концѣ гати и стали поперекъ дороги, преградивъ путь экипажамъ. Третій всадникъ, съ литовкой за плечами, явился откуда-то сзади экипажей и былъ не кто иной, какъ лохматый мужичокъ, рядившійся съ барыней и обѣщавшій ей въ полчаса кончить работу.

Онъ подъѣхалъ къ Ефрему и, злобно сверкая глазами, закричалъ ему:

— Есть-ли у тебя крестъ-отъ на шеѣ, безстыжіе твои глаза?— и замахнулся на него косой. Ефремъ передалъ вожжи сидѣвшему съ нимъ рядомъ лакею, соскочилъ съ козелъ, выхватилъ у лохматаго литовку и, отбросивъ ее далеко въ болото, такого тумака далъ владѣльцу ея, что и онъ кубаремъ свалился съ лошади туда же, послѣ чего всадники, заградившіе путь, стремглавъ ускакали впередъ.

Предполагая, что ускакавшіе дадутъ знать другимъ и сдѣлаютъ нападеніе, на чтò, повидимому, намекалъ барахтавшійся въ грязи лохмачъ, велѣно было камердинеру и лакею, сидѣвшимъ на козлахъ, держать пистолеты на виду, а Ефрему кривая турецкая сабля вручена съ приказаніемъ ѣхать поскорѣе.

Нападеніе сдѣлано не было, но всѣ трое, съ сельскимъ старостой во главѣ, до заката солнца явились на станцію, или, правильнѣе сказать, къ дому, гдѣ остановились проѣзжающіе.

Александра Андреевна со всею свитою сидѣла на крыльцѣ, выходящемъ на улицу. Мужики еще издали, снявъ шапки, остановились шагахъ въ двухъ отъ крыльца—трое въ рядъ, а староста впереди— и низко поклонились.

Откашлявшись въ руку и сплюнувъ въ сторону, подслѣповатый староста, или старшина началъ такъ:

— Къ вашей чести, господа проѣзжающіе—кто тута у васъ старшóй, али старшая,—искалъ онъ глазами.

Перепелкинъ объяснилъ, что ѣдетъ генеральша.

— Енеральша!—съ испугомъ сказалъ онъ и, подавшись назадъ, огрызнулся на главнаго коновода, лохматаго мужика: почто жъ ты сбрехалъ, что ѣдутъ купцы? Ахъ-ты брехачъ скаредный!

— Купцы!—передразнилъ сердито лохмачъ: кто тебѣ сказалъ—купцы? нешто купцы ѣздятъ въ-простяжъ (цугомъ)?

— Въ-простяжъ!—передразнилъ и староста:—я нешто видѣлъ?

— Но что вамъ надо?—строго спросила генеральша.

Мужики переминались, сбитые съ толку.

Староста стоялъ, потупившись въ землю, сквозь которую, пожалуй, не прочь былъ бы провалиться, такъ, очевидно, озадачило и смутило его одно слово—генеральша.

— Что жъ, енеральша, такъ и енеральша, а обижать хоша бы и мужика тоже не полагается, потому законъ,—дерзко заговорилъ, выступая впередъ и сверкая злыми черными глазами, лохмачъ.

— И ты еще смѣешь, каналья, говорить о законѣ?—вскрикнула Александра Андреевна.

Клодочка попросила ее по-французски предоставить Перепелкину объясняться съ ними, а самой не безпокоиться.

— Но какой же законъ, любезный, нарушенъ нами?—обратился Перепелкинъ къ дерзкому лохмачу.

— Какъ же! Рядились, по рукамъ били, зад....

— Ну, вотъ ужъ и солгалъ! по рукамъ не били,—прервалъ его Перепелкинъ.

— Задатокъ дали, это все едино—и спятились назадъ, какъ не крещеные.

— За эти слова могутъ подвергнуть тебя наказанію, потому что спятились не мы, а ты. Зачѣмъ ты измѣнилъ условія? Вѣдь, ты рядился сдѣлать все въ полчаса и за 15 рублей, а когда, прождавши напрасно часъ—наибольшій срокъ, какой тебѣ назначенъ ея превосходительствомъ, послали кучера за тобой, ты ему сказалъ, что меньше тридцати рублей нельзя взять, да и поѣдете только послѣ уборки полосы.

— Ну, это все едино,—загалдѣли всѣ: что вамъ? лежи себѣ въ каретѣ, а то и усни, а насъ дѣло-то не ждетъ, потому страда.

— Ну, а плату же зачѣмъ увеличили вдвое?

— А нешто кто чураецца свово счастья, хоша бы, примѣрно, и господа?—сказали всѣ въ голосъ: Богъ послалъ такой случай, рѣдкостный...

— Ну, такъ что же вамъ нужно?—теряя терпѣніе, спросила генеральша.

— А нужно, значитъ, раздѣлаться,—продолжалъ лохматый: примѣрно, по-божьему, чтобъ ни намъ, ни вамъ быдто не въ обиду, пятнадцать рублёвъ, какъ рядились, да вонъ староста велитъ застлать то мѣсто, что вы разобрали—ну, за это положь хошь тоже 15 рублёвъ, да за обиду—ударилъ, значитъ, меня—ну, клади хошь пятитку, всего, зна-

чить, 35 рублевъ, примѣрно, значитъ, по-божьему, чтобъ ни намъ, ни вамъ было не въ обиду.

Генеральша обвела глазами всѣхъ и молчала, повидимому, соображала что-то.

— Да вотъ тоже штрафу съ вашей милости хошь пятитку, за самовольную, значитъ, поруху опчественной гати,—сказалъ съ нѣкоторой робостью староста, къ которому уже замѣтно стала возвращаться бодрость духа.

— Здѣсь есть кто старше тебя по должности?—спросила генеральша старосту.

— Нѣту! волость наша тута-ка въ сторонѣ, верстъ пять буде, тамотка голова и писарь,—отвѣчалъ староста, сильно опять заробѣвшій.

— Такъ вотъ что,—продолжала генеральша:—ты поѣдешь сейчасъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ,—указала она на Перепелкина—въ свою волость и тамъ, въ присутствіи головы и писаря, получишь требуемыя деньги, а вы—обратилась она къ Перепелкину—потребуете отъ того и другаго отдѣльныхъ росписокъ въ томъ, что деньги вами уплачены старостѣ, и за что именно, по пунктамъ въ ихъ присутствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы возьмете отъ нихъ росписку и въ принятіи моего письма къ губернатору (при этомъ староста блѣднѣетъ и трясется, другіе кашляютъ и переминаются съ ноги на ногу), которое они должны отправить эстафетой, на чтò и деньги имъ вручите. Я сейчасъ напишу письмо, а вы прикажите лошадей заложить,—сказала она, уходя въ комнаты.

Не ожидали мужички такого оборота дѣла и, видимо, растерялись.

— Эхъ, ты скаредъ лохматый!—сказалъ сердито староста,—обращаясь къ коноводу и отходя въ сторону.

За нимъ послѣдовали и другіе, тихонько перекоряясь между собою, и остановились шагахъ въ десяти отъ крыльца.

— Право слово, скаредъ!—долетало до крыльца.

— Чаво лаешься? може, брешетъ, ничаво не буде,—огрызался лохмачъ.

— Ну, вы заварили кашу, сами и расхлебывайте, а мнѣ тута-ка неча дѣлать,—сказалъ староста, уходя.

Въ это время лихо выѣхала изъ воротъ и подкатила къ крыльцу легкая хозяйская таратайка, заложенная парой лошадей, и Перепелкинъ крикнулъ, чтобъ староста не уходилъ, пока генаральша кончитъ письмо.

Мужики—какъ будто изъ ружья выпалили въ нихъ, бросились бѣжать вразсыпную. Староста хотѣлъ было соблюсти престижъ

своего званія и удаляться медленно, но, пораженный такой легкомысленной стремительностію другихъ, и самъ быстро поковылялъ за уголъ дома.

— Блудливы, какъ кошки, трусливы, какъ зайцы!—сказала Александра Андреевна, весело смѣясь, когда ей сообщили объ этомъ.

V.

Въ воскресенье, 26-го іюня, наконецъ, прибыли въ дальнее имѣніе Александры Андреевны Сухаревку, гдѣ предполагалось провести сутки, а можетъ быть и болѣе.

Въ Сухаревку вела и другая, кратчайшая дорога изъ Разбѣжнаго, но для громоздкихъ экипажей она признавалась совершенно неудобною, почему Александра Андреевна, ни въ чемъ не любившая стѣснять себя, десять лѣтъ не была уже въ этомъ имѣніи, хоть ежегодно объ этомъ подумывала и всѣмъ говорила. При прежнихъ управляющихъ Сухаревское имѣніе было ей въ тягость, потому что годъ отъ года дѣла тамъ все болѣе разстраивались, и оно почти не приносило доходовъ. Но вскорѣ послѣ вступленія Лампіуса въ управленіе всѣми имѣніями, оно оказалось однимъ изъ лучшихъ по доходности. Нашлись заброшенныя, по нерадѣнію прежняго управленія, пустоши, которыя пошли подъ сады, лѣса и посѣвы. Всего удивительнѣе для Александры Андреевны и сосѣднихъ помѣщиковъ было то, что пустовавшее испоконъ вѣка, на задахъ барской усадьбы, огромное пространство зыбкой болотной трясины, посредствомъ дренажа, было превращено въ прекрасный садъ, уже другой годъ приносящій хорошій доходъ, который Александра Андреевна, по чувству справедливости, пока цѣликомъ отдавала въ благодарность своему достойнѣйшему управляющему, Эдуарду Ивановичу Лампіусу. Плоды его полезной энергической дѣятельности она видѣла на каждомъ шагу. Такъ, при въѣздѣ въ село, она обратила вниманіе на разведенные у домовъ, для безопасности отъ пожаровъ, палисадники, въ которыхъ принялись и уже хорошо разрослись: верба, осина, бузина, а кое-гдѣ кленъ и липа. Не могла она также не замѣтить хорошо выбѣленныхъ снаружи стѣнъ избъ, а главное, торчавшихъ на нихъ дымовыхъ трубъ, между тѣмъ какъ прежде это считалось излишней роскошью для крестьянъ, испоконъ вѣковъ жившихъ въ курныхъ избахъ, гдѣ, по словамъ Лампіуса,—зимой дѣти задыхались отъ дыма во время

топка при закрытыхъ дверяхъ, а при открытыхъ замораживались, какъ тараканы.

По случаю воскреснаго дня, крестьяне были на селѣ и, одѣтые въ праздничную одежду, встрѣтили свою госпожу, въ большихъ группахъ, съ низкими поклонами, у воротъ господскаго дома, куда двумя часами ранѣе прибыли повара.

Генеральша привѣтливо кланялась изъ оконъ кареты.

Выйдя изъ экипажа, она прежде всего радушно поздоровалась съ стоявшимъ у крыльца священникомъ, очень старымъ на видъ, но тѣмъ не менѣе очень благообразнымъ, представлявшимъ собою типъ древняго патріарха. Такой же древній былъ и дьячекъ, прошамкавшій какое-то привѣтствіе госпожѣ, котораго она, навѣрное, не разслыхала.

Крестьяне, посмѣлѣе, подходили къ крыльцу и образовали кругъ. Были между ними красивые на видъ бабы и мужики. Послѣдніе были одѣты въ пестрыя ситцевыя рубашки, за немногими исключеніями, а дѣвки и бабы, большею частью, въ красные сарафаны; бабы имѣли на головахъ красивые кокошники.

— Все-ли у васъ благополучно, и какъ вамъ живется?—ласково и съ привѣтливой улыбкой спросила барыня, подойдя ближе къ толпѣ.

— Слава Богу! все благополучно,—отвѣчалъ староста.

— Что говорить!—загалдѣли въ толпѣ: супротивъ прежняго не въ примѣръ лучше... Живемъ за Хабаръ Ивановичемъ, какъ у Христа за пазухой...

— За какимъ Хабаръ Ивановичемъ?

— Боваръ Ивановичъ,—серьезно поправилъ староста.

— И онъ не обижается, что вы такъ исковеркали его имя?—смѣясь, спросила генеральша.

— Почто обижается!—опять заговорили въ толпѣ, онъ у насъ какъ свой... это не то, что прежній, пьяный Карлушка, который за все про все билъ по зубамъ, да поролъ... Что говорить—душа человѣкъ!

И многое въ этомъ родѣ слышалось, пока господа уходили въ комнаты.

Приглашенный остаться обѣдать и сопутствуя генеральшѣ въ прогулкѣ ея со всей своей свитой по новому обширному фруктовому саду, священникъ довершилъ характеристику Лампіуса, сказавъ:

— Я, ваше превосходительство, восьмой десятокъ живу на свѣтѣ, а такого разумнаго, добраго и справедливаго человѣка, признаться, не встрѣчалъ ни въ какомъ сословіи у насъ.

Генеральшу это какъ-будто немножко задѣло.

— Конечно, свѣтъ не безъ добрыхъ людей,—поправился священникъ,—но мнѣ не приходилось долго наблюдать такихъ людей. А къ Эдуарду Ивановичу я вотъ восьмой годъ уже присматриваюсь—и что же? Ни единаго раза мнѣ не пришлось перемѣнить своего мнѣнія о немъ. Мужики правду говорятъ: душа человѣкъ! Я никогда не слыхалъ, чтобъ на кого сердился онъ, кричалъ, бранилъ, а между тѣмъ всѣ слушаютъ его и безпрекословно исполняютъ его приказанія.

— Но знаете-ли, батюшка, мнѣ приходитъ на мысль вотъ что: такая кротость, вѣдь, можетъ и разнуздать крестьянство—присмотрятся къ нему и забалуютъ.

— Что вы, сударыня!—ужаснулся батюшка: да онъ очень строгъ и поблажки никому не даетъ и не дастъ. Вотъ если соизволите пройтись къ церкви, я вамъ покажу мѣсто злачное, котораго, какъ огня, боятся крестьяне, старъ и младъ—это сторожка при церкви о двухъ комнатахъ, въ которую и сажаетъ онъ,—а безъ него староста, провинившихся. А боятся ея потому, что сажаютъ только по праздникамъ, да прежде еще со мною побесѣдуетъ виновный, да иногда на колѣняхъ постоитъ въ церкви—вотъ и боятся.

Камердинеръ доложилъ, что пріѣхали господа Рашковы.

Дамы поспѣшили въ комнаты, а Перепелкинъ остался съ батюшкой въ саду.

Послѣдній, узнавъ намѣренія Перепелкина, сообщилъ ему нѣкоторыя данныя, какъ объ академіи, гдѣ его сынъ недавно кончилъ курсъ, такъ и о ея ректорѣ, на котораго-де положиться нельзя, такъ какъ по мягкости и слабости его характера имъ не только заправляютъ, а просто помыкаютъ всѣ, кто только этого пожелаетъ, вслѣдствіе чего и неправды тамъ творится много: кормятъ иногда очень дурно, оцѣнка студентовъ не всегда производится по дѣйствительнымъ успѣхамъ или даровитости, а чаще по отношеніямъ ихъ къ начальству. Преобладаетъ во всемъ монашествующій элементъ съ крайней нетерпимостью всего несроднаго ему.

— Моему сыну, по его способностямъ, начитанности и познаніямъ, предлежало остаться въ академіи профессоромъ церковной исторіи, о чемъ всѣ и говорили до выпуска; но послѣ выпуска ему предпочли монаха, котораго лучшіе профессоры академіи считали совершенною бездарностью,—заключилъ батюшка.

Въ саду показались Александра Андреевна со своими гостями. Это были: огромнаго роста мужчина съ длинными сѣдыми усами и густыми сѣдыми бровями, жена его, полная и очень важно державшая себя барыня, и двѣ дочери, очень красивыя лицомъ, но обѣ косыя.

Они шли по той аллеѣ, гдѣ сидѣли на скамейкѣ Перепелкинъ

и священникъ. Послѣдній привсталъ и, снявъ шляпу, привѣтствовалъ гостей почтительнымъ поклономъ, но въ отвѣтъ на это привѣтствіе не удостоился даже легкаго кивка ни отъ кого изъ нихъ. Это взорвало Перепелкина.

— Вы знакомы съ ними, батюшка?

— Какъ же: случалось справлять у нихъ разныя требы по случаю болѣзни ихъ священника.

— Отчего же никто изъ нихъ не очелъ нужнымъ отвѣчать вамъ на ваше привѣтствіе?

— А Господь ихъ вѣдаетъ! Такъ... гордыня...

— Ну, я въ такомъ случаѣ никогда не поклонился бы имъ первый.

— Нѣтъ, намъ, духовнымъ, не къ лицу гордость; да и не въ моихъ правилахъ на грубость отвѣчать грубостью,—скромно замѣтилъ добродушный старикъ.

Къ обѣду явилось еще нѣсколько гостей, между прочимъ Шпакъ-Дротовскій, бывшій уѣздный предводитель дворянства, и проживавшій у него отставной корнетъ Гжимайло, котораго онъ отрекомендовалъ такъ: «великій смѣхотворъ, изрядный стихотворъ, страстный обожатель прекраснаго пола и усерднѣйшій поклонникъ Бахуса».

— Гжимайло—фамилія мнѣ знакомая,—сказалъ Рашковъ.

— Въ послѣднюю турецкую войну,—обратился онъ къ Александрѣ Андреевнѣ,—мы съ покойнымъ вашимъ мужемъ производили слѣдствіе по одному дѣлу, въ которомъ былъ замѣшанъ старшій корпусный докторъ, совершенно оправданный нами, по фамиліи Гжимайло.

— Это мой отецъ, имѣю честь рекомендоваться,—расшаркался отставной корнетъ. Онъ уже давно отправился въ Елисейскія поля, практиковать тамъ «безъ лимоновъ»—прибавилъ онъ, захлебываясь отъ смѣха.

— Да, это была цѣлая исторія,—продолжалъ Рашковъ: въ турецкую войну въ войскахъ открылась цынга. Больнымъ велѣно было отпускать на каждаго человѣка по одному свѣжему лимону ежедневно. Лимоны были розданы. Старшій докторъ, Гжимайло, обходя утромъ кровати, спрашивалъ цынготнаго: «мялъ-ли ты лимонъ?—т. е. имѣлъ-ли ты лимонъ? По-польски мялъ—имѣлъ.

— Нѣтъ, не мялъ, ваше благородіе,—простодушно отвѣчалъ первый спрошенный.

Къ другому, къ третьему—тотъ же отвѣтъ,—хотя всѣ они получили по лимону и съѣли ихъ. Прибѣжалъ смотритель госпиталя. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, но выдержалъ бурю отъ разбушевавшагося доктора, порѣшивъ въ своемъ умѣ воспользоваться этимъ лингвистическимъ недоразумѣніемъ.

— Виноватъ, ваше превосходительство: все готово и сейчасъ будетъ

исполнено, не успѣли еще,—поминутно твердилъ онъ доктору, чуть не съ кулаками наступавшему на него.

— На другой день, рано утромъ, фельдшера, помогавшіе ему обворовывать госпиталь, поставили въ каждой палатѣ, на видномъ мѣстѣ, по вазочкѣ съ пятью—шестью лимонами и дали инструкцію больнымъ, чтобы каждый изъ нихъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, подходилъ къ вазочкѣ, бралъ въ руку лимонъ и, помявши его легонько, опять клалъ бы его на мѣсто.

— Мялъ-ли ты лимонъ?—спрашиваетъ на другой день больнаго недогадливый докторъ.

— Мялъ, ваше скородіе,—отвѣчаетъ съ сіяющимъ лицомъ каждый больной.

И вотъ больные мяли лимоны до тѣхъ поръ, пока госпиталемъ не была выведена поражающая цыфра расходовъ на нихъ—по случаю войны лимоны были очень дороги,—такъ что главнокомандующій, обративъ на это вниманіе, велѣлъ произвести, подъ рукой, секретное разслѣдованіе. Докторъ Гжимайло, безусловно честный человѣкъ, чуть съ ума не сошелъ, когда приступили къ раскрытію этого дѣла.

Однако сынокъ этого почтеннаго доктора не дослушалъ всѣхъ занявшаго разсказа Рашкова и, должно быть, исчезалъ въ столовую, гдѣ уже стояли разныя яства и питія, потому, что явился навеселѣ.

Проходя мимо барышенъ, ходившихъ по залѣ, онъ сказалъ имъ какой-то каламбуръ, отъ котораго косенькія красавицы и фрейлейнъ Амалія расхохотались, а Клодочка сдѣлала серьезную физіономію.

Она сдѣлала еще болѣе серьезную физіономію, а батюшка даже глубоко вздохнулъ, когда этотъ господинъ продѣлалъ такую штуку. Прогнавъ камердинера, сновавшаго черезъ залу, и, заперевъ ее, онъ вызвалъ изъ гостиной своего патрона, за которымъ послѣдовали супруги Рашковы и Александра Андреевна, и, легши брюхомъ на полъ посреди залы, сталъ выводить пальцемъ мистическіе круги на полу и произносить непонятныя слова, пока его патронъ, Шпакъ-Дротовскій, не принесъ изъ столовой графина съ водкой, который ставя передъ нимъ на полъ, бывшій уѣздный предводитель дворянства подмигнулъ публикѣ, давая знать, что ихъ ожидаетъ необычайное зрѣлище. Отставной корнетъ подвернулъ фалды своего темнозеленаго сюртука взъерошилъ себѣ волосы и, наливъ полную рюмку водки, поставилъ ее въ мнимый кругъ, очерченный пальцемъ. Затѣмъ онъ отошелъ отъ нея шаговъ на пять и оттуда сталъ дѣлать скачками круги около нея, все приближаясь къ ней и громко распѣвая:

Чарочка,
Сударочка!
Чапорушечка,

Моя душечка!
Ты залей тоску,
Потуши печаль:
Сокрушила змѣя
Молодецку грудь.

При послѣднихъ словахъ онъ опять бросается брюхомъ на полъ, схватываетъ зубами полную рюмку и, опрокинувъ немного голову назадъ, выпиваетъ всю до дна, при забористомъ смѣхѣ своего патрона, за которымъ взвизгнули, было, и косенькія барышни, но, пораженныя сдержанностію остальной публики, пріумолкли и даже замѣтно сконфузились, когда батюшка испустилъ протяжный и глубоко сокрушительный вздохъ.

— Это что!—говорилъ наивный Шпакъ-Дротовскій:—такія-ли штуки онъ продѣлываетъ! Я вамъ говорилъ: великій смѣхотворъ и изрядный стихотворъ.

Польщенный своимъ патрономъ, отставной корнетъ вдругъ закружился быстро на однихъ носкахъ и, сдѣлавъ тройной пируэтъ, высоко подскочилъ, крикнувъ сверху какой-то каламбуръ и, опускаясь, громко захохоталъ, но внизу встрѣтилъ гробовое молчаніе.

Хозяйка дома пригласила всѣхъ въ столовую.

— Sic transit gloria mundi!—сказалъ добродушно батюшка, слѣдуя за Перепелкинымъ и выбирая себѣ послѣднее мѣсто.

— Нѣтъ, отецъ Никита, вы садитесь вотъ сюда, поближе ко мнѣ,—сказала генеральша: я васъ давно не видала, и мнѣ хотѣлось бы побесѣдовать и съ вами.

Отецъ Никита повиновался.

— Откуда же взялась у васъ эта страшная, какъ вы говорите, для крестьянъ, церковная ваша сторожка?—спросила генеральша батюшку, когда онъ усѣлся поближе къ ней.

— Да кто жъ, какъ не Эдуардъ Ивановичъ, устроилъ ее, еще въ первый разъ какъ пріѣхалъ къ намъ.

— Да, вашъ управляющій—золотой человѣкъ!—сказали въ одно время Рашковъ и Шпакъ-Дротовскій. А все-таки пьянства не искоренилъ, какъ ни преслѣдовалъ пьяницъ,—добавилъ Рашковъ.

— Эдуардъ Ивановичъ вовсе не изъ такихъ людей, чтобы могъ преслѣдовать кого,—сказалъ батюшка: онъ жалостливъ къ людямъ, а главное, справедливъ—вотъ этимъ онъ много зла пресѣкъ въ имѣніи. Здѣсь были, по нашему мнѣнію, неисправимые люди, а у Эдуарда Ивановича они не только исправились, но сдѣлались первыми людьми. Вотъ хотя бы Матвѣевъ, нашъ церковный староста, вѣдь это былъ при прежнемъ управителѣ погибшій пьяница и воръ, а нынѣ это первый человѣкъ на селѣ, которому и цѣны нѣтъ. Или Антипъ, сельскій ста-

роста. Такого пьяницы поискать нужно было, а теперь онъ шестой годъ и въ ротъ не беретъ водки.

— Что жъ это сторожка церковная все дѣлаетъ такія чудеса у васъ?—спросила иронически мадамъ Рашкова, два раза уже пробовавшая переманить Эдуарда Ивановича въ дальнія имѣнія своего отца.

— Нѣтъ, не сторожка, сударыня,—отвѣчалъ съ воодушевленіемъ старикъ-священникъ,—а сострадательно-участливое и справедливое отношеніе къ людямъ, чего не было при прежнихъ злыхъ и безсмысленныхъ управляющихъ, которые своимъ гнуснымъ поведеніемъ и жестокосердною несправедливостью развращали людей и доводили ихъ до преступленія.

— Да, я помню, вы даже хотѣли изъ-за этого перейти въ другой приходъ,—замѣтила Александра Андреевна, вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно порѣшивъ въ своемъ умѣ увеличить жалованье Эдуарда Ивановича на тысячу рублей и давать къ праздникамъ больше наградныхъ.

— Послѣднее время управленія Карла Карловича Крейцберга,—продолжалъ священникъ,—отличалось такими жестокостями, что можно было ожидать бунта, или же просто убійства управляющаго, которое, по слухамъ, и задумывали уже многіе, въ томъ числѣ и Матвѣевъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Этотъ Матвѣевъ больше всѣхъ претерпѣлъ отъ злаго Карлушки, какъ звали, обыкновенно, у насъ на селѣ послѣдняго управляющаго. До пріѣзда его къ намъ, Матвѣевъ считался хорошимъ работникомъ, хорошимъ хозяиномъ и никогда ни въ чемъ предосудительномъ не замѣчался. Но Карлушка, и ко всѣмъ любившій придираться, почему-то его особенно возненавидѣлъ и то и дѣло назначалъ на барщину то его, то жену его; а у нихъ дѣтей куча малъ мала меньше и своего домашняго дѣла по горло. Тутъ еще жена стала похварывать. Начались прижимки и преслѣдованія со стороны злаго нѣмца, который, въ пьяномъ видѣ (а трезвымъ онъ никогда и не былъ), принималъ за ослушаніе и неповиновеніе ему всякое уклоненіе отъ барщины, хотя бы оно обусловливалось видимою для всѣхъ болѣзнію, или другими не предвидѣнными, но уважительными причинами. Запилъ мужикъ. Жена его окончательно слегла послѣ тѣлеснаго наказанія, которому ее подвергъ жестокосердный управляющій, несмотря на болѣзненное ея состояніе. Хозяйство ихъ стало опускаться, и наконецъ домашнія дѣла разстроились дотого, что Матвѣевъ, прежде честный человѣкъ, сталъ воровать у сосѣдей изъ клѣтушекъ муку, чтобы не уморить голодомъ дѣтей.

— Да, вы писали мнѣ объ этомъ,—прервала разсказъ генеральша.

— Какъ не писать, когда мы всѣ—я, жена и домочадцы сами ежедневно мучились, слыша о такихъ свирѣпостяхъ Крейцберга отовсюду.

— Да, вѣдь, безъ наказаній не обойдешься при нашемъ крестьянствѣ,—замѣтилъ не совсѣмъ спокойно Рашковъ.

— Тѣмъ болѣе, что притворяться больными, или тамъ другое что всѣ они большіе мастера,—подхватила мадамъ Рашкова.

— Такъ что и не разберешь, кто боленъ, а кто, просто, отвиливаетъ отъ работы,—поддержалъ чету бывшій уѣздный предводитель дворянства, Шпакъ-Дротовскій.

— Ну, такъ и катай-валяй по всѣмъ по тремъ!—заключилъ съ дикимъ хохотомъ отставной корнетъ Гжимайло.

— Зачѣмъ же катать-валять непремѣнно, да еще безъ разбора!— вступился батюшка. Вотъ Эдуардъ Ивановичъ совсѣмъ не такъ дѣйствуетъ. Онъ, какъ только сюда пріѣхалъ, всѣ дворы обошелъ, все внимательно осмотрѣлъ, всѣхъ обласкалъ, дѣтей одарилъ пряниками (онъ очень любитъ дѣтей, особенно маленькихъ), старшихъ подробно разспросилъ о всѣхъ ихъ нуждахъ и началъ съ того, что всѣмъ раззорившимся оказалъ существенную помощь, чѣмъ и поднялъ на ноги опустившихся и погибавшихъ: вотъ почему всѣ любятъ его, слушаются, охотно обращаются къ нему за совѣтами по своимъ домашнимъ дѣламъ, и вотъ почему имѣетъ свое дѣйствіе и церковная сторожка. При томъ же и собственный примѣръ его: онъ неправды ни въ чемъ не любитъ и не допускаетъ ни въ чемъ несправедливости, хотя онъ и лютеранинъ, а праздники наши чтитъ, всегда бываетъ при богослуженіи и духовенство уважаетъ, отчего церковь не пустуетъ, какъ прежде, когда въ воскресенье собирались спозаранку въ кабакъ, гдѣ творились всякія непотребства и...

Вдругъ, къ общему изумленію и испугу, раздалось за столомъ: кукареку! кукареку! кукареку!

Это отставной корнетъ Гжимайло, совершенно натурально, какъ настоящій пѣтухъ, прокричалъ трижды кукареку, трепля себя ладошками по бокамъ, какъ это дѣлаютъ пѣтухи крыльями.

Дамы вздрогнули. У Клодочки и генеральши выступила краска на лицѣ. Рашковы сдѣлали серьезныя физіономіи.

Корнетъ заливался смѣхомъ, а патронъ его вытиралъ слезы на глазахъ, выступившія у него отъ неудержимаго хохота. Не замѣчая, или не обращая вниманія на растерянность присутствовавшихъ за столомъ, онъ, поворачиваясь ко всѣмъ, поминутно твердилъ: «я вамъ говорилъ, я вамъ говорилъ, что это за смѣхотворъ!»

Батюшка опять тяжко вздохнулъ и устремилъ глаза на Перепелкина, на котораго съ испытующимъ любопытствомъ посматривали генеральша и Клодочка.

Всѣ хранили глубокое молчаніе во все время, пока продолжалось

веселое настроеніе «великаго смѣхотвора» и его патрона, сопровождаемое взрывами хихиканья.

— Я въ умѣ своемъ, пока вы говорили, батюшка, дважды перерѣшала вопросъ о вознагражденіи Эдуарда Ивановича за его труды,— сказала генеральша, увидѣвъ, что «смѣхотворы» окончательно умолкли. Я попрошу васъ увѣдомить его письменно, что съ нынѣшняго же года жалованье его опредѣляется въ шесть тысячъ рублей, кромѣ наградныхъ, размѣръ которыхъ будетъ зависѣть отъ количества годовыхъ доходовъ съ имѣній.

Когда послѣ обѣда подали въ гостиной кофе, камердинеръ доложилъ генеральшѣ, что крестьяне просятъ позволенія «играть пѣсни и водить хороводы» на площади, предъ барскимъ домомъ.

Позволеніе было дано.

Молодежь, не допивъ кофе, бросилась на площадь. За нею послѣдовали Амалія Өедоровна и отставной корнетъ Гжимайло.

Площадь вся была залита народомъ въ праздничной, преимущественно, пестрой одеждѣ. По срединѣ площади красовалась молодежь, попарно мужчины и женщины, въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ группахъ. Дальше, по сторонамъ, виднѣлся народъ обоего пола постарше возрастомъ, а еще дальше, у самыхъ избъ, на завалинкахъ, сидѣли старики и старухи, освѣщаемые косыми лучами заходящаго солнца.

На срединѣ площади отдѣльныя группы совѣщались, съ чего начать. Однѣ предлагали начать съ хоровода, другія затѣвали какую-то игру, для которой требовалось выбрать бабенокъ, способныхъ изображать «бѣлую лебедь и утицу-хохлатку». Выборъ палъ на двухъ «молодухъ», очень красивыхъ и нарядно одѣтыхъ. Одна выступала плавно, другая—съ перевальцемъ, какъ подобаетъ утицѣ. Онѣ заняли мѣсто напротивъ заправилы этой игры, молодцаватаго парня, въ плисовой безрукавкѣ и таковыхъ же шароварахъ. Перепелкинъ, какъ малороссъ, вовсе еще незнакомый съ великорусскими играми, сильно заинтересовался ожидаемымъ зрѣлищемъ и сталъ искать позицію, откуда бы удобнѣе было слышать и видѣть все, но, увы! его вожделѣніямъ на этотъ разъ не суждено было сбыться.

Откуда ни возьмись, между молодцоватымъ парнемъ и молодухами какъ изъ земли выросъ отставной корнетъ. Сказалъ-ли онъ или сдѣлалъ какую непристойность, только бабенки, долженствовавшія изображать бѣлую лебедь и утицу-хохлатку, со всѣхъ ногъ шарахнулись въ сторону съ визгомъ и руганью.

Молодцоватый парень выпрямился и не безъ достоинства сказалъ:

— Что жъ ты, баринъ, мѣшаешься въ наши игры? нѣшто мы для тебя ихъ затѣяли? Мы свою барыню и своихъ барышень хотѣли потѣшить, а не тебя. Вотъ что!

— Прохвостъ ты этакой!—слышалось въ одной группѣ.

— Кому мяли бока и по загривку надавали въ сусѣдяхъ за Стешку?—слышалось въ другой.

— Знаютъ тебя во всей округѣ,—громко заговорили во всѣхъ группахъ:—ходишь съ ружьемъ быдто для охоты, а взаправду охотишься только за горѣлкой да за бабами. Вотъ что! Пострѣлъ экой!

Отставной корнетъ свирѣпо посматривалъ, какъ бы ища глазами смѣльчаковъ, которые дерзаютъ такъ относиться къ его благородію, но не находя виновныхъ, онъ подошелъ къ барышнямъ и, разводя руками, говорилъ: «вотъ оно къ чему ведетъ сантиментальничанье управляющихъ съ этимъ народомъ»! Не встрѣтивъ, повидимому, и здѣсь никакого сочувствія, онъ быстро направился въ барскій домъ, куда чрезъ нѣсколько минутъ генеральша чрезъ камердинера пригласила пожаловать и всѣхъ господъ.

Отставной корнетъ стоялъ посреди гостиной, ерошилъ волосы и разглагольствовалъ: помилуйте, это разбойники!

— Вотъ вамъ и золотые управляющіе!—ехидно замѣтила госпожа Рашкова.

Генеральша замѣтно волновалась. Она велѣла позвать приказчика.

— Все, что слышалось въ толпѣ оскорбительнаго для господъ, относилось къ одному лицу, и это лицо само виновато въ томъ,—рѣзко отчеканилъ Перепелкинъ, къ общему удивленію.

Корнетъ устремилъ на него молніеносный взглядъ, но, къ счастію, Перепелкина поддержали всѣ барышни, даже старая дѣва Амалія Ѳедоровна.

Косенькія красавицы, наперерывъ другъ дружкѣ, стали подробно объяснять, какъ было дѣло, и генеральша, убѣдившись изъ ихъ словъ, что отставной корнетъ не только пустой скоморохъ, но еще и лгунъ превеликій, совершенно успокоилась и, выйдя на крыльцо, велѣла приказчику поблагодарить людей за ихъ желаніе доставить ей удовольствіе и объявить имъ, чтобъ они продолжали свои игры и пѣсни, и что она будетъ смотрѣть и слушать ихъ съ крыльца.

Но разъ разстроенное дѣло не всегда поправляется. Нѣкоторые уже разошлись, заслышавъ, что барыня позвала въ горницы приказчика, другіе какъ-то слишкомъ заробѣли еще прежде, когда послѣ ухода корнета, камердинеръ явился съ приглашеніемъ отъ генеральши всѣмъ господамъ пожаловать въ комнаты. Какъ ни суетились два парня въ красныхъ рубахахъ, дѣло какъ-то не ладилось, и въ концѣ концовъ провизжали только двѣ-три пѣсни и стали расходиться.

Но какъ ни очевидно для всѣхъ было, что оскорбительныя слова относились только къ одному корнету и что они имъ самимъ были вы-

званы, тѣмъ не менѣе возобновившійся на эту тему разговоръ опять обезкуражилъ генеральшу.

— Я не говорю, что мужиковъ за все про все непремѣнно надо драть, я этого не говорю,—горячился Рашковъ,—но что ихъ слѣдуетъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ и впроголодь,—это подсказываетъ здравый смыслъ и чувство самохраненія, иначе они всякому сантиментализму будутъ плевать прямо въ физіономію.

— Что плевать! Плевать они не будутъ, это не въ ихъ нравахъ, а изъ-за угла будутъ убивать всякаго попустителя, потому что мужикъ—звѣрь: ни ласки, ни справедливости не цѣнитъ и не понимаетъ, а считаетъ ихъ слабой уздой, отъ которой и стремится освободиться, какъ отъ послѣдняго несноснаго стѣсненія его свободы,—сказалъ авторитетно приземистый, черный, съ крупными и грубыми чертами лица, господинъ, до сихъ поръ не проронившій ни одного слова.

— Помнишь случай въ Михайловкѣ?—сказала его жена,—тоже ничѣмъ раньше не заявившая о своемъ существованіи.

— Какъ же! это всѣмъ извѣстно: управляющій сталъ кумиться да дружиться съ крестьянами,—а они возьми да и выкупай его во хмѣлю, въ брагѣ—чуть, вѣдь, не захлебнулся!

— Вотъ оно сантиментальничанье-то съ простымъ народомъ!—самодовольно замѣтилъ отставной корнетъ.

— А я вотъ какъ совѣтовалъ бы вамъ, Александра Андреевна, поступить на этотъ разъ,—внушительно говорилъ экс-предводитель Шпакъ-Дротовскій,—велѣть приказчику, во что бы то ни стало, открыть виновныхъ въ произнесеніи дерзкихъ словъ, и, не взирая на полъ и возрастъ, отодрать хорошенько, чтобъ не только самъ или сама закаялись это дѣлать, но внукамъ и правнукамъ заказали бы: никогда и ни въ какомъ случаѣ не разѣвать рта противъ господъ.

— Запрутся!—кто-то замѣтилъ.

— А въ случаѣ запирательства,—заговорилъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ будто вспомнилъ нѣчто необыкновенно пріятное для себя, Шпакъ-Дротовскій,—выстроить въ линію всѣхъ, бывшихъ на площади, да пятаго или пятую и того... т. е. отполосовать на всѣ четыре корки, какъ дѣлалось это у насъ въ корпусѣ. Тутъ двѣ цѣли разомъ достигаются: и запираться не станутъ, и отъ дерзостей отвыкнутъ.

— Да,—сказали въ одно время супруги Рашковы:—оставлять такія выходки безнаказанными невозможно, въ видахъ собственнаго самосохраненія.

— Да и по чувству собственнаго достоинства,—дополнилъ отставной корнетъ Гжимайло.

— Сама я тутъ ничего не сдѣлаю,—сказала, очевидно, волнуясь, генеральша,—но попрошу васъ, отецъ Никита, сообщить объ этомъ

приключеніи, равно какъ и о сужденіяхъ по поводу его добрыхъ нашихъ сосѣдей по имѣнію, Эдуарду Ивановичу. Относительно же увеличенія его жалованья теперь, пока, ничего не пишите: я ужъ сама.. послѣ... потомъ,—закончила она какъ-то растерянно.

Священникъ вздохнулъ и распростился съ генеральшей, пожелавъ ей здравія и благоденствія.

Стали разъѣзжаться и другіе гости.

Остались только супруги, лишь подъ конецъ заявившіе о своемъ пребываніи въ компаніи. И не безъ цѣли. Они уже давно, лѣтъ нѣсколько назадъ, зарились на примыкавшую къ ихъ имѣнію, бывшую пустошь, а теперь превосходно воздѣланную землю, торговали ее чрезъ управляющихъ и письменно у Александры Андреевны, а теперь лично пріѣхали сюда за этимъ дѣломъ. Но Александра Андреевна, при первомъ словѣ объ этомъ, оборвала ихъ, рѣшительно заявивъ, что ни за какія деньги этого участка она теперь никому не продастъ.

— Да, вѣдь, вы, ваше превосходительство, прежде располагали продать его,—сказалъ вкрадчивымъ голосомъ приземистый черный господинъ:—мы такъ были обрадованы возможностью засвидѣтельствовать вамъ лично наше почтеніе, когда узнали о вашемъ намѣреніи, проѣздомъ, завернуть въ Сухаревку,—продолжалъ онъ слащаво подъѣзжать къ генеральшѣ.

— Благодарю за честь, которую вы мнѣ оказываете своимъ посѣщеніемъ, но все-таки повторяю, что этого участка я вамъ не продамъ теперь, хотя прежде, какъ никуда негодную, по словамъ управляющихъ, пустошь, я, пожалуй, и даромъ отдала бы, если бы настоятельно лично меня о томъ просили.

Супруги переглянулись, помялись немного и то же отретировались.

— Замѣчательная чета!—сказала Александра Андреевна, проводивъ ихъ черезъ залу до передней:—онъ изъ сдаточныхъ въ солдаты крѣпостной, кажется, Шереметевыхъ, по отставкѣ попалъ въ швейцары къ почтъ-директору, а жена его въ судомойки. Оба понравились въ семействѣ всѣмъ, и онъ въ скоромъ времени былъ сдѣланъ помощникомъ эконома въ почтамтѣ. Пронырливостію и лукавствомъ успѣлъ выжить эконома и самъ сѣлъ на его мѣсто. Должно быть, хорошо экономилъ; по полученіи перваго орденка, давшаго ему право на потомственное дворянство, онъ сталъ скупать имѣнія. Наконецъ, таки попался, черезчуръ ужъ запустивъ руку въ казенный сундукъ. На метлы дворникамъ въ почтовыхъ зданіяхъ, да на рогожи и веревки для укупорки посылокъ онъ сталъ выводить по 30 тысячъ въ годъ. Ну, какъ-то досмотрѣлись, выгнали изъ службы и предали суду, подъ которымъ онъ и теперь состоитъ, живя себѣ припѣваючи и продолжая скупать и округлять прежнія имѣнія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг. [1]

III [1]).

Ближайшимъ послѣдствіемъ торжественнаго протеста со стороны французскаго посланника было паденіе Решида-паши. Въ виду разрыва дипломатическихъ сношеній, вызваннаго его образомъ дѣйствій, всемогущій великій визирь не могъ удержаться на своемъ посту. Его смѣнилъ Мустафа-паша, это было нѣкоторой уступкой Франціи со стороны султана, но при томъ обостреніи, до котораго дошло дѣло, она не могла этимъ удовлетвориться. Въ Парижѣ возлагали большія надежды на свиданіе императора Наполеона III съ англійскою королевою. И Тувенелю было послано приказаніе обождать въ Константинополѣ результата этого свиданія.

Тѣмъ временемъ интриги, которыя велись въ турецкой столицѣ представителями Англіи и Австріи, не прекращались. Лордъ Стратфордъ, пользуясь тѣмъ, что результатъ обмѣна мыслей съ Осборнѣ еще не былъ извѣстенъ, распространялъ слухъ, что «Франція рѣшила оставить вопросъ о Княжествахъ». Прокешъ, также не желавшій сдаться, искажалъ факты и утверждалъ, что достоинство турецкаго правительства не позволяетъ ему отмѣнить выборы, произведенные по его приказанію.

Между тѣмъ волненіе, вызванное въ Парижѣ константинопольскими событіями, возростало, и всѣ ожидали съ страстнымъ нетерпѣніемъ возвращенія Наполеона III изъ Англіи.

«По моему мнѣнію, писалъ Бенедетти Тувенелю 2-го (14-го) ав-

[1]) См. „Русскую Старину", февраль 1904 г.

*

густа 1857 г., мы одержали (въ Осборнѣ) полную побѣду. Мы были тверды и держали себя съ достоинствомъ; мы ни на іоту не отступили отъ требованій, высказанныхъ нами съ самаго начала, и Англія обязалась поддержать ихъ въ Константинополѣ и обѣщала привлечь на свою сторону австрійцевъ, которые выйдутъ изъ этой борьбы, не мало потерявъ въ общественномъ мнѣніи.

«Итакъ, лордъ Стратфордъ будетъ вынужденъ побудить Порту признать то, отъ чего онъ заставилъ ее отказаться. Это случай беспримѣрный въ жизни вашего коллеги; болѣе того, это есть самое положительное осужденіе всего его образа дѣйствій. Таковъ взглядъ печати и публики на развязку кризиса, который всецѣло приписываютъ ему, и всѣ удивлены одержаннымъ нами успѣхомъ».

Впрочемъ, успѣхъ, одержанный Франціей, нельзя было назвать полнымъ, такъ какъ послѣ Осборнскаго свиданія французское правительство умалчивало о самомъ главномъ пунктѣ своихъ требованій, а именно о полномъ соединеніи Молдавіи и Валахіи въ одно княжество, на чемъ во время Парижскаго конгресса такъ энергично настаивалъ Наполеонъ III.

Не отказываясь, въ принципѣ, отъ своей точки зрѣнія въ этомъ вопросѣ, французское правительство хотѣло теперь только «съ честью» покончить дѣло, на которомъ оно надѣялось, вначалѣ, настоять силою своего вліянія.

Легко себѣ представить впечатлѣніе, произведенное въ Молдавіи успѣхомъ, который былъ одержанъ французской политикой:

«Вѣсть объ отмѣнѣ выборовъ была громовымъ ударомъ, писалъ Тувенелю Пласъ, 15-го (27-го) августа 1857 г., но она вызвала (во всемъ населеніи) усиленную радость.

«Какое счастье, что умы успокоятся, ибо здѣсь, можно сказать, нѣтъ болѣе правительства. Все идетъ скверно, казна расхищена, администрація находится въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, военный министръ, который только что былъ у меня, говорилъ мнѣ, что солдаты уже три мѣсяца не получали жалованья и въ его кассѣ нѣтъ болѣе денегъ на ихъ продовольствіе. Вогородисъ понялъ, наконецъ, что его положеніе было весьма опасно и возвратился, повидимому, къ болѣе правильнымъ взглядамъ.

«Онъ полагаетъ, что для упроченія своего положенія въ будущемъ ему необходимо примириться съ тѣми, коихъ онъ такъ возстановилъ противъ себя. Съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ предложенія нѣкоторымъ лицамъ,—сторонникамъ соединенія, чтобы составить новое министерство, но онъ сумѣлъ внушить къ себѣ такое недовѣріе, что до сихъ поръ всѣ, къ кому онъ ни обращался, отвѣчали ему отказомъ. Тѣмъ временемъ европейская комиссія, засѣдавшая въ Бухарестѣ, вре-

менно прекратила свои занятія. Да и могли-ли эти безцвѣтныя засѣданія имѣть какое-либо значеніе въ то время, какъ въ Осборнѣ и на берегахъ Босфора рѣшались столь важные вопросы?»

Когда тревога, которая была вызвана въ Парижѣ разногласіемъ, происшедшимъ между союзниками, мало-по-малу улеглась, то французское министерство иностранныхъ дѣлъ постаралось выяснить, какъ велика была доля каждаго изъ нихъ въ происшедшемъ недоразумѣніи.

«Не вѣнскій кабинетъ, а лордъ Стратфордъ убѣдилъ англичанъ перейти въ лагерь нашихъ противниковъ, писалъ Бенедетти Тувенелю 16-го (28-го) августа. Это было ему необходимо для того, чтобы доставить власть Решиду-пашѣ и сдѣлать его снова всемогущимъ въ Константинополѣ. Повѣрьте мнѣ, въ этомъ кроется тайна многихъ, на первый взглядъ необъяснимыхъ вещей. Мы извѣстили здѣшняго турецкаго посланника, что съ нимъ будутъ прерваны сношенія, ежели, по прошествіи трехъ дней, не будетъ получено извѣстія о томъ, что наше требованіе исполнено, и на третій день Мехметъ-бей получилъ изъ Константинополя по телеграфу извѣщеніе объ отмѣнѣ выборовъ, произведенныхъ въ Молдавіи.

«Пережитый нами кризисъ весьма полезенъ для упроченія нашего вліянія. Теперь (въ Турціи) знаютъ, что съ нами надобно считаться; будьте увѣрены, что лордъ Стратфордъ и Решидъ-паша, которые расчитывали на нашу обычную снисходительность, будутъ, впредь, дѣйствовать осмотрительнѣе. Въ Константинополѣ, наконецъ, убѣдятся, что надобно считаться не только съ событіями, но и съ лицами, и что мы не можемъ разсчитывать со стороны Решида-паши на то безпристрастіе, которое намъ хотѣлось бы видѣть въ первомъ министрѣ султана.

«3-го (15-го) іюля, императоръ (Наполеонъ III), бесѣдовавшій со всѣми членами дипломатическаго корпуса, не сказалъ ни слова турецкому посланнику; бѣдный Мехметъ-бей, который не виноватъ ни душой, ни тѣломъ, вытерпѣлъ третьяго дня также цѣлую бурю со стороны министровъ. Я не могу понять роли султана въ этой борьбѣ, во время которой всѣ обнаружили свои тайныя мысли. Его слова противорѣчатъ поступкамъ. Никогда еще онъ не выказалъ такой слабости, какъ въ тотъ день, когда Решидъ-паша вынудилъ его утвердить составъ министерства, на другой же день онъ выказалъ истинное мужество, назначивъ сераскиромъ Мехмедъ-Ружди-пашу.

«Дайте понять преемникамъ Решида-паши, что, настаивая на нашемъ взглядѣ въ вопросѣ о соединеніи Княжествъ, мы никогда не думали насиловать мнѣнія другихъ державъ; однимъ словомъ, что вопросъ остается открытымъ; что онъ будетъ еще обсуждаться и что самымъ плохимъ средствомъ добиться побѣды было бы замолчать этотъ вопросъ. Графъ Валевскій возвратится изъ Біарица лишь 9-го (21-го) съ тѣмъ,

чтобы отправиться 11-го (23-го) въ Штутгардъ, гдѣ онъ будетъ присутствовать на свиданіи императоровъ, на которомъ будутъ также князь Горчаковъ и Киселевъ».

Въ тотъ же день, когда Бенедетти писалъ Туневелю вышеприведенныя строки, другой его парижскій корреспондентъ, поздравляя Тувенеля съ благополучнымъ окончаніемъ столкновенія, писалъ:

«Одно изъ самыхъ любопытныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ настоящимъ кризисомъ во взаимномъ положеніи державъ, состоитъ въ покорности, съ какою три державы (Пруссія, Россія и Сардинія) примкнули къ нашему рѣшенію. Вначалѣ столкновенія въ Петербургѣ, въ Потсдамѣ и въ Туринѣ оно вызвало никѣмъ не скрываемое удовольствіе; одни были въ восторгѣ при мысли, что между нами и Англіей возникло, наконецъ, явное несогласіе; другіе радовались тому, что это поставило насъ въ дурныя отношенія къ Австріи и что наша злоба обратится главнымъ образомъ противъ нея. Впрочемъ, ликовали болѣе всего въ Туринѣ. Въ Петербургѣ и въ Берлинѣ были нѣсколько встревожены, узнавъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній и о томъ что вашъ отъѣздъ изъ Константинополя, повидимому, неизбѣженъ. Въ это время разнесся слухъ, будто Австрія намѣрена вновь занять Княжества, что еще болѣе ухудшило бы положеніе дѣлъ, а когда сталъ извѣстенъ результатъ Осборнскаго свиданія, то ему обрадовались не менѣе какъ при извѣстіи о возникшемъ недоразумѣніи.

«Происшедшее недоразумѣніе дало намъ возможность оцѣнить по достоинству слухи о сближеніи, происшедшемъ якобы между Австріей и Россіей, которыя распространились въ Германіи, гдѣ, какъ говорятъ, вопросъ о Княжествахъ долженъ послужить почвою для временнаго сближенія между этими державами; этимъ объясняется сдержанный образъ дѣйствій Базили въ Бухарестѣ. Къ этому добавляютъ, что соглашеніе состоялось во время послѣдняго путешествія императора Александра и что посредникомъ при этомъ былъ король Виртембергскій. Изъ этого ясно, что со стороны Австріи дѣйствительно была сдѣлана попытка къ сближенію, но она была принята холодно. Это вытекаетъ изъ словъ, сказанныхъ княземъ Горчаковымъ во время поѣздки по Германіи, куда онъ сопровождалъ императора. Что касается отношеній вѣнскаго кабинета къ Англіи и къ Портѣ, то любопытно знать освящены-ли они какимъ-нибудь дипломатическимъ актомъ? Де-Буркене отрицаетъ это самымъ положительнымъ образомъ. Какъ бы то ни-было очевидно, что главнымъ виновникомъ недоразумѣній былъ лордъ Стратфордъ; въ настоящую минуту его правительство также страдаетъ отъ этого, какъ и мы. Если онъ останется на своемъ посту, то мы будемъ имѣть въ лицѣ его въ Константинополѣ самаго злостнаго врага. Но англійское правительство не имѣетъ обыкновенія отзывать уполно-

моченнаго, который занимаетъ въ обществѣ и въ палатѣ такое видное положеніе, какъ лордъ Стратфордъ Редклифъ. Всѣ согласны съ тѣмъ, что его образъ дѣйствій достоинъ порицанія, но въ сущности онъ льститъ самолюбію страны. Лордъ Кларендонъ признаетъ, что «присутствіе этого стараго маніака въ Константинополѣ опасно», какъ онъ высказалъ это на-дняхъ Персиньи, но нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы въ Лондонѣ думали объ его отозваніи изъ Константинополя».

Въ виду отставки Решида-паши и отмѣны выборовъ, произведенныхъ въ Молдавіи, французское правительство сочло себя удовлетвореннымъ и предписало своему посланнику возобновить сношенія съ Блистательной Портой.

23-го августа (5-го сентября) Тувенель былъ принятъ султаномъ, который пожелалъ придать аудіенціи особенную торжественность: подлѣ дворца были выстроены подъ ружьемъ войска, на лѣстницѣ стояли тѣлохранители.

Нѣсколько дней спустя, Тувенель, описывая герцогу Грамону сдѣланный ему пріемъ, коснулся въ своемъ письмѣ, между прочимъ, вопроса о сближеніи между Австріей и Россіей, который особенно занималъ въ то время дипломатовъ и въ возможность котораго онъ не вѣрилъ.

«Здѣсь можно отлично изучить настроеніе державъ, — писалъ онъ,—здѣсь страсти не скрываются и хотя уполномоченные державъ иногда преувеличиваютъ ихъ, но никогда не искажаютъ. Что касается того, что Россія какъ будто колеблется идти до конца вмѣстѣ съ нами въ вопросѣ о Княжествахъ, то причина этого кроется въ поѣздкѣ императора Наполеона III въ Осборнъ, которая многимъ не особенно нравилась».

Отмѣна выборовъ вызвала, какъ мы уже говорили, въ Яссахъ всеобщую радость. Каймакамъ, заботившійся прежде всего о своихъ собственныхъ интересахъ, совершенно перемѣнилъ образъ дѣйствій, но, перейдя неожиданно на сторону Франціи, онъ тѣмъ самымъ испортилъ свои отношенія къ Австріи, озлобленіе которой противъ него не имѣло границъ. Несчастный Вогоридесъ, лавируя между недовѣрявшимъ ему французскимъ правительствомъ и озлобленной противъ него Австріей, былъ все время въ страхѣ; «онъ даже заболѣлъ отъ волненія»,—писалъ Пласъ. Результаты новыхъ выборовъ были торжествомъ сторонниковъ соединенія, за которое почти единодушно высказалось все сельское населеніе.

Въ Валахіи избирательная кампанія началась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; что касается оттоманскаго правительства, которое было вынуждено преклониться передъ совершившимся фактомъ, то результаты выборовъ въ Молдавіи и Валахіи чрезвычайно смущали

министерство,—какъ писалъ Тувенелю въ своемъ донесеніи первый драгоманъ французскаго посольства, Амедей Утре,—«и оно чувствовало, какъ трудна будетъ его задача послѣ всѣхъ ошибокъ и неосторожностей, сдѣланныхъ министерствомъ Решида-паши. Али-паша сознался мнѣ, писалъ Утре, что выборы въ обоихъ Княжествахъ дали результаты благопріятные соединенію». Но онъ рѣшилъ разослать всѣмъ уполномоченнымъ Турціи при дворахъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, циркулярное посланіе, въ которомъ, выражая твердое намѣреніе честно исполнить обязательства, принятыя на себя Турціей (30-го марта) 1856 г., онъ напомнилъ имъ взглядъ Блистательной Порты на соединеніе и обращался къ доброжелательству и благоразумію правительствъ, торжественно провозгласившихъ «независимость и цѣлость» Оттоманской имперіи. Въ циркулярѣ говорилось, что Порта отвергаетъ мысль о политическомъ соединеніи Княжествъ, которое нарушило бы ея верховныя права, но что она не имѣетъ ничего противъ ихъ административнаго соединенія. Наконецъ, Али-паша сказалъ мнѣ дословно слѣдующее:

— Повидимому, даже тѣ коммиссары, которые вполнѣ чистосердечно желаютъ соединенія, испугались революціоннаго направленія «дивановъ» и страха, который внушаютъ нѣкоторые дѣятели 1848 г., вошедшіе въ ихъ составъ. Базили, въ особенности, смотритъ на будущее весьма мрачно.

Вскорѣ послѣ свиданія Наполеона III съ англійской королевою въ Осборнѣ, въ Штутгардтѣ состоялось свиданіе французскаго императора съ императоромъ Александромъ II, при чемъ такъ же точно, какъ въ Осборнѣ, монархами былъ затронутъ вопросъ о Княжествахъ, но и тутъ французскому правительству пришлось купить цѣною новыхъ уступокъ въ своей первоначальной молдаво-валахской программѣ политическую дружбу, возникшую между русскимъ и французскимъ монархами въ столицѣ Виртемберга въ исходѣ сентября 1857 года.

Нѣсколько дней спустя послѣ свиданія императоровъ, Бенедетти послалъ Тувенелю нижеслѣдующее въ высшей степени любопытное письмо отъ 3-го (15-го) октября:

«Штутгардтское свиданіе принесло все то, что отъ него ожидали,— писалъ онъ. Переговоривъ обо всемъ, императоры и ихъ министры разстались, обмѣнявшись увѣреніями во взаимномъ уваженіи и довѣріи, въ самомъ хорошемъ смыслѣ этихъ словъ. Само собою разумѣется, былъ разговоръ о Княжествахъ. Въ сущности, Россія не хочетъ ихъ соединенія, и мы постепенно направимъ свой руль въ другую сторону и будемъ добиваться ихъ соединенія только въ административномъ смыслѣ. Въ Штутгардтѣ старались осуществить то, что, какъ полагали, было уже условлено въ Осборнѣ. Мы сдѣлаемъ первый шагъ въ новомъ на-

правленіи въ нашемъ отвѣтѣ на циркулярное посланіе Али-паши; вы можете приписать всю заслугу этого дѣла ему; но не увлекайтесь и намекните ему, что мы это дѣлаемъ изъ любезности къ оттоманскому кабинету. Главное, не показывайте моего письма Бутеневу; наведите его на разговоръ о дѣлахъ и увѣрьте его, что (императоръ) возвратился изъ Штутгардта въ восторгѣ, очарованный; несомнѣнно, что нашъ императоръ имѣлъ большой личный успѣхъ въ Германіи.

«Вамъ извѣстно, что русская императрица не особенно хотѣла ѣхать въ Штутгардтъ и что она отклонила эту поѣздку подъ предлогомъ болѣзни. Но императоръ Александръ, очарованный своимъ первымъ свиданіемъ съ императоромъ Наполеономъ, положилъ конецъ всякимъ колебаніямъ, вызвавъ императрицу немедленно въ Штутгардтъ, и увѣряютъ, что ея величество раздѣляетъ нынѣ всѣ чувства своего супруга къ нашему монарху. Онъ имѣлъ не меньшій успѣхъ и среди мѣстнаго населенія. Его путешествіе было рядомъ овацій. Все это, непосредственно послѣ свиданія въ Осборнѣ, создаетъ намъ совершенно исключительное положеніе. Но Штутгардтское свиданіе вызвало волненіе въ Австріи, и подъ вліяніемъ этого чувства былъ рѣшенъ вопросъ о свиданіи русскаго и австрійскаго императоровъ въ Вѣнѣ. Императоръ Александръ обѣщалъ дать понять, что ничто не можетъ нарушить нашихъ дружескихъ отношеній и что онъ не допуститъ никакого разговора о дѣлахъ... Впрочемъ, неудовольствіе Россіи направлено скорѣе противъ Буоля, котораго не пожелали видѣть въ Веймарѣ. Балабинъ [1]) говорилъ мнѣ на-дняхъ, въ минуту неудовольствія, что «Россія не можетъ выслушивать никакихъ совѣтовъ изъ Вѣны до тѣхъ поръ, пока дѣлами Австріи будетъ руководить тріо: Буоль-Прокешъ-Гюбнеръ». Впрочемъ, Буоль, въ разговорѣ съ Де-Буркене высказалъ, что веймарское свиданіе «дополняетъ» Штутгардтское и что оно довершитъ такимъ образомъ «дѣло всеобщаго примиренія». Сущность въ томъ, что Австрія хотѣла, во что бы то ни стало, выйти изъ того одинокаго положенія, въ какое ее поставила ея настойчивая и неблагоразумная политика послѣдняго времени, пожертвовавъ для этого хотя бы самолюбіемъ. По общераспространенному мнѣнію, инниціатива этого свиданія принадлежала Австріи. Переговоры велись Рехбергомъ, который обо всемъ условился съ королемъ Виртембергскимъ, великимъ герцогомъ Гессенскимъ [2]) и княземъ Горчаковымъ. Но существуетъ и другая версія, согласно которой въ этихъ переговорахъ принималъ дѣятельную роль Будбергъ [3]). Говорятъ, будто представитель Россіи въ Вѣнѣ нашелъ свое положеніе въ Австріи

---

[1]) Повѣренный въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ въ отсутствіе графа Киселева.

[2]) Людовикъ III, великій герцогъ Гессенскій, р. 1806 † 1877 г.

[3]) Русскій посланникъ въ Берлинѣ.

столь затруднительнымъ, что онъ поставилъ себѣ, лично, цѣлью сблизить, по возможности, оба кабинета.

«Наконецъ, говорятъ, будто свиданіе въ Веймарѣ не отличалось особенной сердечностью. Императоръ австрійскій первый сдѣлалъ визитъ императору Александру, а на слѣдующій день послѣ свиданія, хотя оба императора поѣхали въ Дрезденъ, но русскій императоръ выѣхалъ четверть часа позже Франца-Іосифа. Князь Горчаковъ получилъ орденъ св. Стефана, но о томъ, чтобы графъ Буоль получилъ Андрея Первозваннаго, до сихъ поръ не слышно; словомъ, сближеніе двухъ монарховъ въ Веймарѣ не имѣло, пока, никакихъ существенныхъ послѣдствій».

Попятное движеніе французской политики въ вопросѣ о Княжествахъ, послѣ того какъ Франція высказала къ нимъ такія горячія симпатіи, могло поколебать ея авторитетъ въ глазахъ Порты; это огорчало и приводило въ уныніе Тувенеля, и онъ писалъ 4-го (16-го) октября 1857 г. герцогу Грамону:

«Слыша столько противорѣчивыхъ толковъ, я бы напрягъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы разгадать загадку Осборнскаго свиданія, если бы мнѣ не предстояло ломать голову надъ загадкою, заданною намъ въ Штутгардтѣ! Я все еще не знаю, каковъ нашъ истинный взглядъ на вопросъ о Княжествахъ, и меня утѣшаетъ только мысль, что мы какъ будто ровно ничего не думаемъ. Однако, намъ все-таки придется на что-нибудь рѣшиться, такъ какъ молдаво-валахи собрались уже на совѣщанія, и было бы благоразумно подсказать имъ, за что они должны подавать голосъ, чтобы они не натворили глупостей. Пока, вотъ вкратцѣ національная программа: иностранный принцъ съ наслѣдственной и конституціонной властью. Я сомнѣваюсь, чтобы эти три слова звучали пріятнѣе въ ушахъ русскихъ, нежели австрійцевъ, и легко можетъ случиться, что наши прекрасные петербургскіе друзья отступятся отъ насъ въ рѣшительный моментъ. Единственный благоразумный исходъ заключался въ соединеніи Княжествъ, выборѣ принца Портою и устройствѣ хорошей турецкой крѣпости въ Измаилѣ, и я, право, не знаю, что мы выиграли, поддерживая иллюзіи румынъ.

«Между тѣмъ, Решидъ-паша и его приверженцы извлекли пользу изъ свиданія въ Штутгардтѣ, и султанъ оказалъ великому сановнику честь пировать у него прошлую субботу. Вотъ событіе дня. Друзья бывшаго великаго визиря утверждаютъ, что онъ скоро будетъ снова у дѣлъ.

«Меня посѣтили великій логофетъ [1]) и Іоаннъ-Музурусъ [2]). Послѣдній

[1]) Николай-Аристархъ-бей.

[2]) Іоаннъ-Музурусъ-бей былъ долгое время турецкимъ посланникомъ въ Туринѣ.

произвелъ на меня впечатлѣніе эмиссара; поэтому я сказалъ ему, что «французскій посланникъ, не имѣя лично ничего противъ Решида-паши, будетъ, въ виду всего случившагося, вынужденъ воздержаться отъ всякихъ сношеній съ великимъ визиремъ». На что онъ мнѣ отвѣчалъ, впрочемъ довольно печальнымъ тономъ, «что Решидъ и не думаетъ вернуться на свой постъ до окончательнаго рѣшенія вопроса о Княжествахъ». Между тѣмъ его адъютантъ Косцельскій (Сеферъ-паша) отправляется въ Парижъ, и снова начнется фабрикація нелѣпыхъ писемъ, которыя будутъ представляться на прочтеніе султану. Надѣюсь, что Косцельскій будетъ принятъ въ Тюильри и въ Пале-Рояль холодно».

«Что касается лорда Стратфорда, то онъ озабоченъ, хотя въ то же время онъ клянется честью, что «Франція отказалась въ Осборнѣ отъ соединенія Княжествъ».

«Впрочемъ, мой англійскій коллега, кажется, серьезно подумываетъ о томъ, что онъ можетъ очутиться въ Лондонѣ одновременно съ сэромъ Генри Бульверомъ, который собирается вернуться туда. Мнѣ сказалъ это, по секрету, Решидъ-паша, присовокупивъ, что «онъ будетъ въ восторгѣ отдѣлаться отъ своего патрона»«.

Между тѣмъ, избранные недавно «диваны» начали свою дѣятельность:

«Я хотѣлъ бы,—писалъ Пласъ Тувенелю 26-го сентября (8-го октября) 1857 г.,—чтобы вы были свидѣтелемъ восторженнаго настроенія, которое охватило здѣсь всѣхъ и каждаго, по случаю открытія совѣщаній. Вы были бы вознаграждены этимъ за все свое стараніе поддержать несчастное изнемогающее населеніе, которое иначе было бы проглочено австрійцами и турками.

«Диванъ подавляющимъ большинствомъ высказался за «соединеніе Княжествъ подъ властью иностраннаго принца».

Въ это самое время въ Яссы прибыли неожиданно сэръ Генри Бульверъ и Базили съ цѣлью «установить сношенія «дивана» съ европейской коммиссіей».

«Одинъ изъ нихъ дипломатъ,—писалъ Пласъ,—а другой грекъ интриганъ. Изображать Россію на каждомъ шагу какъ верхъ совершенства въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, приписывать все «своему двору» съ такою настойчивостью, которая до-нельзя раздражаетъ нервы, говорить молдаванскому духовенству: «Помните, господа, что существуютъ узы, болѣе прочныя, нежели узы политическія, это связь религіозная, и не забывайте, что вы принадлежите къ великой православной семьѣ, обитающей на Востокѣ и во главѣ которой стоитъ Россія»,—многознаменательно; но въ этихъ словахъ здѣсь видятъ лишь новую попытку завоеванія со стороны Россіи при помощи религіи. Сэръ Генри Бульверъ дѣйствовалъ искуснѣе, но я полагаю все-таки,

что онъ уѣхалъ съ враждебнымъ чувствомъ къ «диванамъ», такъ какъ онъ всячески старался найти какой-нибудь недостатокъ въ системѣ выборовъ.

«Оставивъ на второмъ планѣ вопросы чисто политическіе и отдавъ предпочтеніе вопросамъ внутренней политики, молдавскій «диванъ» поступилъ весьма благоразумно, такъ какъ эти вопросы не терпѣли отлагательства, ибо управленіе князя Вогоридеса привело страну въ самое печальное положеніе.

«Какое жалкое правительство! Бессарабію грабятъ, присутственныя мѣста не что иное, какъ разбойничьи притоны; Вогоридесъ окружилъ себя только одними мошенниками. Въ Галацѣ убиваютъ на улицахъ, на большихъ дорогахъ нападаютъ на проѣзжихъ съ оружіемъ въ рукахъ, крестьяне творятъ насилія. Князь—человѣкъ въ высшей степени легкомысленный, лѣнивый, неспособный. Онъ и не думаетъ уходить въ отставку, но хотѣлъ бы получить какой-нибудь орденокъ, который упрочилъ бы его положеніе; нѣтъ той низости, которой онъ не одѣлалъ бы для этого».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ начались засѣданія валахскаго «дивана» въ Бухарестѣ.

«Базили и Бульверъ возвратились изъ Яссъ,—писалъ Тувенелю Талейранъ, присутствовавшій на первыхъ засѣданіяхъ «дивана». Молдаване, которые любятъ острить, говорятъ, что русскій уполномоченный хитеръ, какъ интриганъ, а англичанинъ хитеръ, какъ дипломатъ. Что касается меня, то я охотно отдалъ бы Базили тому, кто освободилъ бы меня отъ Бульвера. Послѣдній рветъ и мечетъ противъ австрійской циркулярной ноты, предлагающей, чтобы европейская коммиссія только зарегистровала политическія желанія «дивановъ», не подвергая ихъ обсужденію и критикѣ, что̀ значительно упростило бы наше дѣло.

«Базили получилъ депешу, въ коей ему предписывается подготовить умы къ соединенію Княжествъ въ одномъ лишь административномъ отношеніи, такъ какъ сверхъ этого Княжествамъ ничего не добиться. Базили никому не говоритъ объ этой депешѣ, и если бы я былъ о немъ лучшаго мнѣнія, то я бы подумалъ, что онъ такъ же стыдится ея, какъ и я! Мнѣ проговорилось объ этомъ одно лицо. Если здѣсь это узнаютъ, то послѣ всѣхъ надеждъ, поданныхъ нами населенію, наше дальнѣйшее пребываніе здѣсь окажется невозможнымъ. А въ Парижѣ по этому поводу хранятъ упорное молчаніе!»

Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ томъ, что подъ этимъ молчаніемъ скрывалось намѣреніе отказаться отъ поддержки требованій молдаво-валаховъ, Талейранъ писалъ нѣсколько дней спустя, что «послѣдствія нашей (французской) кротости уже даютъ себя чувствовать, и дерзкій тонъ нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ показываетъ, какъ выгодно мол-

чать и ничего не возражать. Здѣсь это впечатлѣніе нѣсколько ослабляется невѣдѣніемъ, въ какомъ находится публика, но мало-по-малу дѣло выяснится, и тогда настанетъ разочарованіе».

Положеніе становилось въ самомъ дѣлѣ критическимъ. Молдавскій «диванъ», большинствомъ восьмидесяти голосовъ противъ двухъ, высказался за соединеніе Княжествъ въ одно нейтральное, автономное государство, подъ главенствомъ Порты и подъ управленіемъ наслѣдственнаго и конституціоннаго иностраннаго монарха. То же было высказано «единогласно» валахскимъ «диваномъ», а Европа заговорила о какомъ-то неопредѣленномъ соединеніи Княжествъ въ административномъ отношеніи, при чемъ во главѣ Княжествъ стоялъ бы все тотъ же господарь, но подъ другимъ названіемъ.

Франція же, добившаяся отставки Решида паши,—яраго противника соединенія Княжествъ, порвавшая изъ-за вопроса о Княжествахъ громогласно дипломатическія сношенія со своей союзницей Турціей, поссорившись одновременно съ Австріей и Англіей, безмолвствовала.

Такой-ли результатъ можно было ожидать отъ блестящихъ свиданій въ Осборнѣ и Штутгардтѣ?

Сколько даромъ потраченной энергіи, сколько борьбы для того, чтобы достигнуть какого-то жалкаго административнаго соединенія Молдавіи и Валахіи.

Между тѣмъ, въ Константинополѣ подготовлялось событіе, которое повергло въ изумленіе всю Европу.

Решидъ-паша, лишившійся власти при такихъ обстоятельствахъ, которыя на вѣки погубили бы всякаго другаго человѣка, былъ слишкомъ ловокъ, чтобы не воспользоваться перемѣною, которая произошла въ Молдаво-Валахскомъ вопросѣ, и, собравъ всѣ свои силы, попытался еще разъ вернуться къ власти. Это ему удалось, и Европа узнала въ одинъ прекрасный день съ такимъ же изумленіемъ, какъ и Турція, о томъ, что-Решидъ паша назначенъ снова великимъ визиремъ.

Это неожиданное возвращеніе къ дѣламъ самаго извѣстнѣйшаго изъ государственныхъ людей современной Турціи подало поводъ къ одному факту, не имѣющему себѣ подобнаго въ лѣтописяхъ дипломатіи.

Предоставимъ слово Тувенелю, который въ частномъ и совершенно конфиденціальномъ письмѣ изобразилъ графу Валевскому по-истинѣ невѣроятныя подробности той сцены, которая вполнѣ заслуживаетъ стать достояніемъ исторіи.

«Прошлую субботу явился ко мнѣ Эминъ-бей [1]), въ сопровожденіи Антона Тингира [2]), армянина, семейство котораго издавна имѣетъ связи

[1]) Секретарь султана.

[2]) Антонъ Тингиръ, впослѣдствіи Яверъ-паша, почтъ-директоръ.

въ посольствѣ и который долженъ былъ служить ему переводчикомъ. Вотъ, дословно, начало нашего разговора:

— Его величество приказалъ мнѣ явиться къ вамъ и сказать, что онъ питаетъ къ вамъ лично чувства величайшаго уваженія и самой искренней дружбы.

Я поклонился, ничего не отвѣчая.

— Его величество,—продолжалъ Эминъ бей,—будетъ въ отчаяніи, если вы, хотя на минуту, могли бы предположить, что назначеніе Решида-паши великимъ визиремъ имѣетъ какое-либо политическое значеніе.

— Султанъ,—возразилъ я,—имѣетъ полное право выбирать въ министры тѣхъ лицъ, коихъ онъ считаетъ для этого подходящими; я никогда не осмѣлюсь оспаривать его право, но никогда не соглашусь съ тѣмъ, что, пользуясь этимъ правомъ, его величество не долженъ былъ бы руководствоваться политическими соображеніями.

— Вотъ именно въ этомъ мнѣ и поручено вполнѣ увѣрить васъ,— возразилъ Эминъ-бей. Его величество настоятельно просилъ васъ вѣрить, что онъ рѣшился предоставить снова власть Решиду-пашѣ только подъ вліяніемъ чисто личныхъ, особенныхъ, его одного касающихся, причинъ. Его величество приказалъ ему во всемъ удовлетворить васъ, обращать особенное вниманіе на дѣла посольства и не измѣнять составъ министерства. Если можетъ показаться, что это имѣетъ какой-либо политическій характеръ, то это совершенно не вѣрно. Поэтому его величество желаетъ, чтобы вы, изъ дружбы къ нему, позабыли все происшедшее и чтобы между вами и его великимъ визиремъ не существовало холодныхъ отношеній. Его величество предлагаетъ съ этой цѣлью быть посредникомъ между вами.

— Я весьма тронутъ,—отвѣчалъ я,—тѣми чувствами, коихъ вы являетесь выразителемъ, и я, лично, съ своей стороны, готовъ сдѣлать все возможное, чтобы показать, насколько я цѣню дружеское отношеніе султана. Но я имѣю обязанности по отношенію къ своему правительству и, какъ ни лестно для меня побужденіе, коимъ руководствовался его величество, давая мнѣ тѣ объясненія, коихъ я никогда не осмѣлился бы потребовать отъ него лично, тѣмъ не менѣе я обязанъ сказать вамъ, что, какъ посланникъ, я, къ величайшему моему сожалѣнію, не могу этимъ быть удовлетворенъ. Въ поступкахъ людей внѣшній видъ имѣетъ столь же важное значеніе, какъ самая сущность ихъ дѣйствій.

— Клянусь вамъ,—прервалъ меня Эминъ-бей, что его величество руководствовался въ этомъ случаѣ чисто личными побужденіями, которыя онъ, быть можетъ, разрѣшитъ мнѣ передать вамъ.

— Не меня въ данномъ случаѣ надобно убѣждать,—сказалъ я,— я вполнѣ довѣряю словамъ султана, но общественное мнѣніе имѣетъ

свои требованія. Всѣ помнятъ, что всего два мѣсяца тому назадъ, паденіе Решида-паши было вызвано политическими причинами первостепенной важности, и никто не повѣритъ, что его возвращеніе къ дѣламъ не было вызвано подобнаго же рода, но совершенно обратными причинами. Лучше было бы оставить его великимъ визиремъ, нежели удалить его съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе вернуть ему власть. Мы не ставили вопроса о личности, но султанъ, обсудивъ положеніе дѣлъ во всей совокупности, не только уволилъ Решида-пашу отъ должности великаго визиря, но даже вычеркнулъ его имя изъ состава вновь сформированнаго кабинета.

— Будьте увѣрены, что онъ заслужитъ своимъ образомъ дѣйствій ваше одобреніе. Ему приказано это.

— Я слышалъ изъ устъ самого султана, что это было приказано ему и прежде, и вы видите, какъ онъ исполнилъ это приказаніе.

«Выслушавъ меня, Эминъ-бей печально склонилъ голову въ знакъ безмолвнаго согласія и, заговоривъ снова о чисто личныхъ соображеніяхъ, руководствовавшихъ въ этомъ случаѣ султана, онъ произнесъ нѣсколько словъ, изъ коихъ я понялъ, что единственная цѣль, къ которой стремился при этомъ султанъ, было возстановленіе спокойствія и мира въ своемъ домѣ. Этого заявленія, въ связи съ новыми увѣреніями въ чувствахъ султана, было, по мнѣнію Эминъ-бея, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдить меня, поэтому онъ спросилъ, «разрѣшаю-ли я передать султану, что я согласенъ забыть все прошлое».

Отвѣтивъ на это секретарю, что онъ самъ можетъ вывести заключеніе изо всего сказаннаго во время разговора, Тувенель увидѣлъ по выраженію его лица и по отрывочнымъ фразамъ, коими онъ обмѣнялся по-турецки съ сопровождавшимъ его Тингиромъ, что исполнить это порученіе было свыше силъ Эминъ-бея, и предполагая, что при устной передачѣ его слова могли быть искажены, Тувенель предложилъ изложить свой отвѣтъ въ запискѣ. Эминъ-бей и его переводчикъ приняли это заявленіе съ живѣйшею благодарностью, и записка была составлена тутъ же.

Вотъ содержаніе этого любопытнаго документа, который сохранился въ бумагахъ Тувенеля:

«Г. Тувенель чрезвычайно тронутъ особымъ благоволеніемъ, выказаннымъ ему его величествомъ султаномъ, о чемъ свидѣтельствуетъ порученіе, съ коимъ былъ посланъ къ нему одинъ изъ его секретарей. Какъ посланникъ, онъ также признателенъ за это, такъ какъ его величество не обязанъ никому давать отчета въ томъ, какъ онъ считаетъ за благо воспользоваться своей монаршей властью. Но, высказавъ свою признательность, г. Тувенель долженъ заявить, что онъ имѣетъ, съ своей стороны, извѣстныя обязанности и, хотя увѣреніе въ томъ,

что «назначеніе новаго великаго визиря не вызвано никакими политическими соображеніями, но обусловлено исключительно соображеніями чисто личнаго характера», не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно намѣреній самого султана, но такъ какъ событія, происшедшія столь недавно, и которыя поэтому не могли быть забыты, не позволяютъ ему, къ сожалѣнію, относиться съ такимъ же довѣріемъ къ намѣреніямъ настоящаго главы оттоманскаго министерства, то онъ считаетъ должнымъ выждать дальнѣйшихъ событій, пребывая до тѣхъ поръ въ строго выжидательномъ положеніи».

Появленіе на сцену Решида-паши вызвало въ Парижѣ величайшее изумленіе и подало поводъ къ довольно непріятному и рѣзкому объясненію между министромъ инсстранныхъ дѣлъ, графомъ Валевскимъ, и турецкимъ посланникомъ, Мехмедъ-Джемиль-беемъ, но, благодаря ловкой тактикѣ Решида-паши, это неблагопріятное для него настроеніе скоро измѣнилось.

Великій визирь, прекрасно освѣдомленный обо всемъ, что дѣлалось въ Парижѣ черезъ своего сына, Мехмедъ-Джемиль-бея, человѣка весьма симпатичнаго, назначеннаго посланникомъ во Францію по его настоянію, не довольствовался оффиціальными сношеніями съ французскимъ правительствомъ и, будучи мастеромъ въ интригахъ, послалъ въ Парижъ своего тайнаго агента, который долженъ былъ дѣйствовать въ тамошнихъ высшихъ сферахъ въ его пользу. Этимъ агентомъ и его довѣреннымъ лицомъ былъ графъ Косцельскій, натурализованный французъ, сдѣлавшійся въ Константинополѣ Сеферъ-пашею.

— Косцельскій плутъ и негодяй,—сказалъ о немъ однажды Неджибъ-паша первому драгоману французскаго посольства.

— Но вы прекрасно знаете, ваше превосходительство, что Решидъ-паша имѣетъ несчастье употреблять только подобнаго рода людей,—отвѣчалъ ему Амедей-Утре.

Какъ бы то ни было, Косцельскій, одаренный изворотливымъ умомъ, человѣкъ вкрадчивый, льстивый, прекрасно розыгралъ въ Парижѣ свою роль и дѣйствовалъ какъ нельзя болѣе успѣшно въ пользу своего патрона. Благодаря своимъ связямъ въ высшемъ парижскомъ обществѣ, онъ получилъ доступъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, видѣлся съ графомъ Валевскимъ и, болѣе того, былъ приглашенъ въ Компьенъ, гдѣ находился въ то время Наполеонъ III, котораго онъ съумѣлъ обойти.

Словомъ, всего нѣсколько дней спустя послѣ вторичнаго назначенія Решидъ-паши на постъ великаго визиря, Тувенель былъ удивленъ, получивъ отъ графа Валевскаго нижеслѣдующее письмо, написанное изящнымъ женскимъ почеркомъ графини Валевской, которой графъ диктовалъ иногда свои конфиденціальныя письма. По странной ироніи судьбы

это письмо служило отвѣтомъ на длинное посланіе, въ которомъ посланникъ описывалъ свое оригинальное свиданіе съ секретаремъ султана, Эминъ-беемъ.

«Императоръ вполнѣ одобряетъ ваше поведеніе относительно Решида-паши,—писалъ ему графъ Валевскій.—Тѣмъ не менѣе вамъ придется нынѣ измѣнить его. Здѣсь отъ его имени были сдѣланы шаги, и ему надобно дать возможность доказать искренность его намѣреній. Насъ увѣряютъ, что онъ готовъ сойтись съ нами по всѣмъ пунктамъ. Говорятъ даже, что въ вопросѣ о Княжествахъ, если мы пожертвуемъ иностраннымъ принцемъ, то Решидъ-паша согласится на соединеніе на тѣхъ условіяхъ, какія будутъ нами поставлены. Если насъ не обманываютъ, то вы можете обѣщать ему забвеніе прошлаго.

«Великій визирь обставляетъ свои обѣщанія только однимъ условіемъ, а именно, чтобы вы вели, въ этомъ случаѣ, переговоры не черезъ третье лицо, а условились бы обо всемъ съ нимъ лично, держа въ величайшей тайнѣ свой разговоръ съ нимъ и въ особенности тѣ послѣдствія, какія онъ можетъ имѣть. Особенно настаиваютъ на томъ, чтобы вашъ драгоманъ, Амедей-Утре, не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ, и я прошу васъ обставить дѣло такъ, чтобы въ этомъ отношеніи было исполнено выраженное намъ желаніе. Это необходимое условіе для взаимнаго соглашенія».

Какъ видно, старанія Косцельскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и тонъ, которымъ заговорили въ Парижѣ, былъ далеко не тотъ, какимъ тамъ говорили о Княжествахъ въ 1855 г., когда впервые возникъ о нихъ вопросъ.

Но, казалось, самой судьбою было рѣшено, что на зыбкой почвѣ турецкой столицы событія должны были слѣдовать одно за другимъ съ головокружительной быстротою. Этотъ разъ счастье, повидимому, улыбнулось французскому посольству. Лордъ Стратфордъ Реклифъ уѣзжалъ въ Лондонъ, въ отпускъ, что было предвѣстникомъ его окончательнаго увольненія, состоявшагося вскорѣ послѣ этого. Это было большимъ успѣхомъ для французскаго посланника, который оставался такимъ образомъ въ глазахъ публики хозяиномъ положенія послѣ ожесточенной двухлѣтней борьбы.

Между тѣмъ дѣло «디вановъ» подвигалось впередъ, но очень медленно. Мы уже упоминали о единодушномъ желаніи, высказанномъ обоими собраніями народныхъ представителей относительно будущей формы правленія Княжествъ. Это было въ глазахъ дипломатовъ самымъ главнымъ пунктомъ, и если не могло быть никакихъ сомнѣній въ искренности желаній, выраженныхъ молдаво-валахами, то, съ другой стороны, это рѣшеніе было принято европейскими державами съ разными оговорками.

Европейская коммиссія въ Бухарестѣ спѣшила закончить свои засѣданія и выработать совмѣстно редакцію протокола, что составляло, главнымъ образомъ, возложенную на нее задачу. Но между злополучными уполномоченными возникли болѣе чѣмъ когда-либо жаркія пререканія изъ-за выраженій, въ какихъ должна была состояться редакція этого документа.

По этому поводу французскій уполномоченный, пришедшій окончательно въ уныніе, писалъ изъ Бухареста Тувенелю 17-го (29-го) декабря 1857 года:

«Послѣ нескончаемыхъ свиданій, кислосладкихъ разговоровъ и черновиковъ, которые каждымъ изъ насъ безчисленное множество разъ перечеркивались и исправлялись, выяснилось окончательно, что мы никогда не придемъ къ соглашенію относительно того, что слѣдуетъ написать. Тогда насъ осѣнила блестящая мысль сговориться молчать, и вотъ разсужденіе, которое я собираюсь предложить завтра на обсужденіе моихъ коллегъ: «Диванъ выразилъ четыре политическихъ пожеланія, относительно которыхъ коммиссія не должна была выражать своего мнѣнія; слѣдовательно, коммиссіи остается заняться обсужденіемъ вопросовъ внутренняго управленія, относительно которыхъ «диванъ» отказался высказаться. Итакъ, нашъ трудъ сводится съ нашей точки зрѣнія къ нулю, и для этого мы съѣхались сюда. Есть отъ чего придти въ отчаяніе. Но что особенно грустно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшно, это—то, что нѣтъ ни одного вопроса, относительно котораго мы не пришли бы къ точно такому же результату. Мы окончательно погибнемъ, если правительства, получивъ нашъ протоколъ, не протянутъ намъ руку спасенія, приказавъ намъ вернуться по домамъ.

«У Бульвера сдѣлалась мигрень, у Рихтгофена—желтуха, у Бенэи бронхитъ, у Лихмана—запоръ, у меня—разстройство желудка, а Савфетъ... бѣдный Савфетъ, ему приходится совсѣмъ плохо».

Изъ ложнаго положенія, въ какое были поставлены европейскіе кабинеты вопросомъ о Придунайскихъ Княжествахъ, столь чреватымъ самыми неожиданными послѣдствіями, было только два выхода: война или созывъ конференціи. Къ счастью, дѣло обошлось конференціей, которая была какъ бы дополненіемъ Парижскаго конгресса и собралась также въ столицѣ Франціи, чтобы рѣшить такъ или иначе надѣлавшій дипломатіи столько хлопотъ молдаво-валахскій вопросъ.

Такимъ образомъ 1857 годъ, ознаменовавшійся для французской политики въ Константинополѣ столь блестящими успѣхами, окончился довольно смутно и въ полной неизвѣстности относительно того, удастся-ли придумать такую комбинацію, которая хотя бы отчасти удовлетворила единодушное желаніе молдаво-валаховъ слиться и составить одно самостоятельное цѣлое.

IV.

Графъ Валевскій скоро разочаровался въ добрыхъ намѣреніяхъ Решида-паши и въ лживыхъ обѣщаніяхъ его агента Косцельскаго, и писалъ Тувенелю 26-го декабря 1857 г. (7-го января 1858 г.):

«Вамъ необходимо при первой же возможности разъяснить Решиду-пашѣ, что коль скоро онъ отказывается дать своему уполномоченному на Парижской конференціи точныя инструкціи въ условленномъ нами смыслѣ, то всякій изъ насъ получитъ полную свободу дѣйствій, и мы будемъ обсуждать вопросъ о соединеніи Княжествъ, исключительно съ точки зрѣнія интересовъ нашей политики. Скажу вамъ по секрету, что хотя мы и не прочь придти къ соглашенію, но все же мы сдѣлаемъ попытку добиться настоящаго, простаго соединенія Княжествъ, безъ иностраннаго принца и безъ всякихъ наслѣдственныхъ правъ. Если, что̀ весьма вѣроятно, всѣ выкажутъ готовность пойти на уступки, то и мы, со своей стороны, сдѣлаемъ то же. А если Турція вздумаетъ упрямиться и будетъ поддерживать политику Австріи, то она дорого за это поплатится, ибо, въ такомъ случаѣ, мы энергично поддержимъ Россію, которая находитъ, что въ вопросѣ объ избраніи господаря или господарей слѣдуетъ придерживаться постановленій 1834 г., въ силу которыхъ они назначаются самими Княжествами. Если пойдутъ на уступки, то мы постараемся настоять на назначеніи господаря или господарей Портою изъ списка трехъ кандидатовъ, представленныхъ Княжествами.

«Очевидно, что лица, коимъ было поручено говорить здѣсь отъ имени Решида-паши, зашли слишкомъ далеко. Сначала я хотѣлъ высказать имъ откровенно свой образъ мыслей. Но затѣмъ я рѣшилъ, что лучше оставить дѣло такъ, какъ оно есть. Что касается Косцельскаго, котораго я до сихъ поръ не называлъ вамъ, то онъ былъ главнымъ, хотя не единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ переговорахъ. Да будетъ вамъ также извѣстно, что англійское правительство хочетъ показать парламенту, что въ вопросѣ о Княжествахъ оно вполнѣ раздѣляетъ нашъ взглядъ. Поэтому можно ожидать, что лорды Пальмерстонъ и Кларендонъ выскажутся за соединеніе. Дѣло въ томъ, что они прекрасно понимаютъ, что если будетъ извѣстно, что они отказались отъ своего первоначальнаго взгляда, т. е. отъ союза съ Франціей и отъ своихъ симпатій къ молдаво-валахамъ, въ угоду Вѣнскому кабинету, то противъ нихъ тотчасъ образуется парламентское большинство, которое встрѣтитъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, по прежнему настроенномъ враждебно къ Австріи».

«Мы стараемся опровергнуть въ печати распространяемые здѣсь слухи о несогласіи, возникшемъ яко бы между нами, Россіей и Прус-

сіей,—писалъ Тувенелю въ то же время другой его парижскій корреспондентъ, Бенедетти. Если вѣрить этимъ слухамъ, то въ Петербургѣ и въ Берлинѣ оффиціально отказались отъ мысли о соединеніи Княжествъ. Въ сущности, по крайней мѣрѣ, насколько мнѣ извѣстно, въ Россіи этого никогда и не могли желать; и въ этомъ, кстати сказать, заключается наше оправданіе передъ тѣми, кои утверждаютъ, будто соединеніе Княжествъ было бы выгодно для Россіи. Не желая въ душѣ этого соединенія, Россія не высказывалась, однако, противъ него, чтобы не идти наперекоръ желанію, выраженному населеніемъ Княжествъ. Пруссія, напротивъ того, сочувствуетъ соединенію потому, что это непріятно Австріи, но она боится слишкомъ громко высказать это сочувствіе, чтобы не обнаружить своихъ заднихъ мыслей. Такимъ образомъ, эти двѣ державы могутъ сказать, что онѣ всегда воздерживались высказывать свое мнѣніе. Въ этомъ заявленіи нѣтъ ничего непріятнаго для насъ, и онѣ сдѣлаютъ все возможное, чтобы устранить всякій поводъ къ неудовольствію въ томъ послѣднемъ фазисѣ, въ который вступаетъ нынѣ вопросъ о Княжествахъ. Время, остающееся до окончательнаго рѣшенія этого вопроса, будетъ, по всей вѣроятности, употреблено на обмѣнъ мыслей относительно той комбинаціи, которая скорѣй всего могла бы повести къ соединенію Княжествъ, если не въ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Что касается англичанъ, то они сдѣлали все возможное, чтобы отнять у насъ всякую охоту быть сговорчивыми.

«Де-Буркене [1]) въ настоящее время въ Парижѣ. Сожалѣя о томъ, что Парижскій трактатъ не принесъ лучшихъ плодовъ, онъ не отрицаетъ, что нѣкоторая доля отвѣтственности за это падаетъ на вѣнскій кабинетъ».

Въ то время какъ вниманіе всей Европы было возбуждено предстоявшей конференціей, въ Константинополѣ, гдѣ чрезвычайныя событія слѣдовали одно за другимъ съ неимовѣрной быстротою, случилось новое, никѣмъ не предвидѣнное и чрезвычайно важное событіе.

26-го декабря 1857 г. (7-го января 1858 г.) скончался великій визирь Решидъ-паша.

Дней десять спустя Тувенель взялся за перо, чтобы сообщить графу Валевскому подробности неожиданной кончины перваго государственнаго дѣятеля современной Турціи:

«Мнѣ трудно передать вамъ,—писалъ онъ графу [2]),—какія-либо достовѣрныя свѣдѣнія, которыя могли бы объяснить это неожиданное событіе. Я долженъ, однако, упомянуть, какъ объ обстоятельствѣ весьма

---

[1]) Французскій посланникъ въ Австріи.

[2]) Тувенель—графу Валевскому 7-го (19-го) января 1858 г.

странномъ, что кафеджи [1]) великаго визиря скончался скоропостижно нѣсколько дней спустя послѣ своего хозяина. Какъ бы то ни было, согласно одной версіи, которая, за отсутствіемъ приговора людей науки, пользуется наибольшимъ довѣріемъ, Решидъ-паша поплатился жизнью за нѣкоторыя слабости, не свойственныя его возрасту, и которыя онъ тщательно скрывалъ. За стѣнами Эмиргіана [2]), гдѣ его жена была не только полновластною хозяйкою, но даже тираномъ своего мужа и не допускала ни малѣйшаго признака полигаміи, великій визирь имѣлъ два гарема, одинъ въ домѣ главнаго эвнуха, а другой у своего домоправителя, и въ каждомъ изъ нихъ было по двѣ молодыя невольницы-черкешенки. Съ его смертью тайна открылась, и сыновья покойнаго поспѣшили, по правиламъ Корана, отпустить на волю этихъ четырехъ одалисокъ, сдѣлавъ Портѣ общепринятую въ подобныхъ случаяхъ декларацію; обнаружилось также, что въ пятницу, 13-го (25-го) декабря, въ тотъ день когда Решидъ-паша посѣтилъ меня, на обратномъ пути домой, онъ побывалъ въ обоихъ гаремахъ и такъ злоупотребилъ своими силами, что заболѣлъ.

Ревность, которую испытывала ханумъ [3]) великаго визиря, не имѣла границъ и выражалась подъ часъ такими бурными вспышками, о которыхъ говорили въ обществѣ. Решидъ-паша, желая избѣжать непріятныхъ домашнихъ сценъ, устроилъ себѣ на сторонѣ тайные гаремы. Послѣ его кончины эти подробности дошли до свѣдѣнія ханумъ, которая быстро осушила свои слезы и стала поносить память своего супруга. Она изгнала изъ своего дома Салихъ-бея, младшаго сына Решида-паши, котораго она обвиняетъ въ томъ, что онъ былъ посвященъ въ тайны своего отца, такъ какъ онъ предъявилъ, при освобожденіи одалисокъ, документы, коими доказывались законныя права собственности, отъ которой онъ отказался какъ наслѣдникъ. Не довольствуясь изгнаніемъ Салихъ-бея, ханумъ призвала муллу, который допросилъ всѣхъ довѣренныхъ слугъ покойнаго великаго визиря и вынудилъ ихъ открыть на его счетъ разные факты, которые еще болѣе усилили гнѣвъ вдовы; она не выпускаетъ изъ своего дома Палеолога, врача, который сдѣлалъ санитарной коммиссіи, приглашенной въ Эмиргіанъ, докладъ о ходѣ болѣзни Решида-паши и о всѣхъ ея странныхъ и противорѣчивыхъ признакахъ, на основаніи котораго этого врача можно обвинить по меньшей мѣрѣ въ преступной небрежности.

«Въ Константинополѣ всѣ передаютъ другъ другу эти печальные анекдоты, и мнѣ хотѣлось, въ свою очередь, сообщить ихъ вамъ, чтобы

[1]) Слуга, имѣющій спеціальную обязанность приготовлять кофе.

[2]) Дворца великаго визиря.

[3]) Ханумъ значитъ жена. Решидъ-паша имѣлъ только одну законную жену. Онъ былъ женатъ два раза. Тутъ идетъ рѣчь о его второй женѣ.

вамъ были извѣстны всѣ подробности, касающіяся послѣднихъ минуть жизни самаго выдающагося историческаго дѣятеля Турціи, въ царствованіе Абдулъ-Меджида».

Надобно замѣтить, что Тувенель сообщилъ эти интимныя подробности только одному графу Валевскому.

Въ письмѣ о кончинѣ великаго визиря къ герцогу де-Грамону, который, находясь въ Туринѣ, всегда живо интересовался восточной политикой, французскій посланникъ писалъ коротко:

«Промедливъ отвѣтить вамъ два дня, я былъ далекъ отъ мысли, что мнѣ придется извѣстить васъ о смерти Решида-паши, которая случилась недѣлю спустя послѣ моего примиренія съ нимъ, коего я не могъ избѣжать.

«Великій визирь не выходилъ послѣдніе дни изъ дома вслѣдствіе легкаго нездоровья, которое имѣло трагическій исходъ послѣ принятой имъ слишкомъ горячей ванны, вызвавшей, какъ полагаютъ, параличъ легкихъ.

«Съ точки зрѣнія внѣшней и внутренней политики, это весьма крупное событіе для Турціи. Отъѣздъ лорда Стратфорда Редклифа и смерть Решида-паши совершенно измѣняютъ положеніе дѣлъ. Если бы намъ не предстояло перерѣшать вопроса о Княжествахъ, то всѣ сдѣланныя нами ошибки могли бы быть исправлены въ одну минуту и мы вернули бы здѣсь то вліяніе, какимъ мы пользовались до злополучной исторіи о Болградѣ.

«Какъ бы то ни было, съ исчезновеніемъ тѣхъ двухъ лицъ, которыя сѣяли въ Константинополѣ вражду между Англіей и Франціей, положеніе дѣлъ на Востокѣ упростится и будетъ менѣе натянуто».

Въ Парижѣ также вполнѣ понимали, какія важныя послѣдствія могла имѣть кончина Решида-паши, въ связи съ отъѣздомъ лорда Стратфорда.

Роль Косцельскаго, со смертью Решида-паши, была съиграна. Когда онъ явился съ Мехметъ-Джемиль-беемъ въ Тюильри, въ день новаго 1858 года, то ему замѣтили, что ему тутъ нечего дѣлать, и Косцельскому пришлось уѣхать изъ дворца, а вскорѣ послѣ того и изъ Парижа.

Кончина Решида-паши обнаружила страшный безпорядокъ, царствовавшій въ турецкихъ финансахъ вслѣдствіе расточительности султана. Первый драгоманъ французскаго посольства, Амедей Утре, писалъ объ этомъ въ своемъ донесеніи Тувенелю слѣдующее:

«Мехметъ-Кибризли-паша, сказалъ мнѣ: «Если бы султанъ губилъ себя одного, намъ это было бы безразлично, такъ какъ въ концѣ концовъ онъ человѣкъ и мы могли бы выбрать на его мѣсто его брата или сына. Но онъ губитъ страну, и мы нарушаемъ свой долгъ, не лишая его возможности дѣлать зло. Наше молчаніе преступно; мы по-

ощряемъ этимъ султана идти далѣе по тому пагубному пути, на который онъ вступилъ».

«Министры понимаютъ, что въ Европѣ у нихъ не будетъ кредита до тѣхъ поръ, пока они не упорядочатъ внутренняго управленія государствомъ, и что о займѣ нечего и думать, такъ какъ условія его были бы слишкомъ тягостны.

«Бюджетъ истекшаго 1273 года [1]) сводится съ дефицитомъ въ 150 милліоновъ піастровъ. Вотъ балансъ печальнаго управленія великаго Решида-паши».

Между тѣмъ въ Княжествахъ «диваны» окончили свое дѣло. Въ Молдавіи, гдѣ избирательный періодъ прошелъ, какъ мы видѣли, весьма бурно, дѣятельность депутатовъ, была очень почтенная.

«Молдавскій «диванъ» кончилъ, наконецъ, свои занятія,—писалъ Пласъ Тувенелю 22-го декабря 1857 г. (3-го января 1858 г.),—исполнивъ всѣ обязательства, возложенныя на него фирманомъ, коимъ были созваны «диваны». Заявивъ свои политическія желанія, онъ высказался также за необходимость внутреннихъ реформъ».

Представивъ результатъ своихъ трудовъ коммиссіи, «диванъ» приложилъ къ нимъ благодарственный адресъ державамъ.

«Послѣднее засѣданіе «дивана»,—писалъ Пласъ,—было весьма трогательное». «Въ этомъ народѣ есть еще много хорошаго и если удастся дать ему сносное правительство, то изъ него что-нибудь выйдетъ».

Въ Валахіи, гдѣ выборы прошли мирно, дѣятельность «дивана» дала, напротивъ того, менѣе практичный результатъ. Это собраніе, желая рельефнѣе выставить желанія народа, принесло все въ жертву политикѣ и пренебрегло вопросами внутренняго управленія.

Европейской коммиссіи оставалось только составить сообща протоколъ своихъ засѣданій и представить его на конференцію, которая должна была собраться въ Парижѣ. Но видимо самой судьбою было рѣшено, чтобы коммиссіи ничего не удавалось.

«Если насъ хотятъ увидѣть вскорѣ въ Парижѣ,—писалъ Талейранъ, то ничего не остается какъ прислать намъ приказаніе выѣхать отсюда съ протоколомъ или хотя бы безъ него. Бульверъ—это наша Пенелопа, которая уничтожаетъ ночью то, что было сдѣлано днемъ. Одежда арлекина болѣе одноцвѣтна, чѣмъ слогъ нашего интернаціональнаго труда. Бормотанье Бульвера смѣшивается въ немъ съ тарабарщиной Рихтгофена; туманная фразеологія Базили—съ грубымъ и тяжеловѣснымъ слогомъ Эйхмана; кудахтанье Савфета—съ безобиднымъ воркованіемъ Бензи.

«Я умалчиваю объ ошибкахъ противъ грамматики и орѳографіи.

---

[1]) Т. е. 1856 г.

Я полагаю, что теперь было бы своевременно объявить оффиціально, что нашъ трудъ будетъ отвратителенъ и составленъ не по формѣ, чтобы этимъ не были особенно поражены; нашъ протоколъ составленъ дотого не по формѣ, что Базили, Рихтофенъ и я рѣшили дополнить его «конфиденціальнымъ и тождественнымъ поясненіемъ», въ коемъ мы изложимъ нашимъ дворамъ истинное положеніе дѣла, о которомъ не можетъ дать понятіе оффиціальный отчетъ коммиссіи».

Нѣсколько дней спустя, Талейранъ послалъ Тувенелю свою лебединую пѣснь.

«Завтра мы подписываемъ протоколъ,—писалъ онъ.—Нельзя сказать, чтобы конецъ вѣнчалъ дѣло. Злополучное совпаденіе 1-го апрѣля ст. ст. съ 13-го апрѣля н. ст. заставляетъ насъ подписать нашъ трудъ заднимъ числомъ, изъ предосторожности, чтобы не дать злымъ языкамъ повода къ насмѣшкамъ. А пока мы просимъ судить насъ снисходительно».

Въ виду окончанія «диванами» и коммиссіей ихъ трудовъ, интересно уяснить себѣ, какой ими былъ достигнутъ результатъ?

«Созванные, согласно 24-ой статьѣ Парижскаго трактата для выраженія желаній народа относительно окончательной организаціи Княжествъ, диваны высказались, какъ мы уже знаемъ, въ Валахіи единодушно, а въ Молдавіи большинствомъ 81 голоса противъ 2 «за соединеніе княжествъ въ одно нейтральное, автономное государство вассальное, по отношенію къ Портѣ, подъ управленіемъ иностраннаго принца съ наслѣдственной и конституціонной властью». Какъ только это желаніе было высказано, державы, подписавшія Парижскій трактатъ, заволновались. Турція запротестовала; Россія таинственно молчала; Пруссія и Сардинія воздерживались высказать какое-либо мнѣніе. Франція, довольная успѣхомъ, который льстилъ ея самолюбію, не спѣшила воспользоваться плодами своей побѣды. Ей было довольно того, что она спасла Турцію въ Крымскую войну, а затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, вела трудную борьбу, отстаивая національные интересы молдаво-валаховъ. Что касается Австріи, то она твердила: «Диваны требуютъ, чтобы княжества были соединены въ одно. Видите, какіе они революціонеры. Они хотятъ имѣть свою монархію; болѣе того, они готовы принять, съ закрытыми глазами, принца, котораго имъ выберутъ. Очевидно, валахскіе и молдавскіе депутаты вернулись къ злополучнымъ днямъ 1848 г. и руководствуются лозунгомъ Мадзини».

«Англія вносила въ обсужденіе вопроса менѣе страстности, но ея газеты утверждали, что желанія «דивановъ» «смѣшны и дерзки». Французскія газеты тщетно пытались замолвить слово въ защиту бѣдныхъ дивановъ, которые, ошеломленные этими нападками, напрасно отстаивали свою невинность; ихъ никто не слушалъ».

Таковъ былъ результатъ молдавскихъ выборовъ, которые едва не ввергли Европу въ войну. Можно-ли удивляться послѣ этого, что валахскій диванъ рѣшилъ «отложить обсужденіе основныхъ законовъ до тѣхъ поръ, пока Парижская конференція не выскажется относительно его первой просьбы». Если бы молдавскій «диванъ» принялъ подобное же рѣшеніе, то Княжества были бы обвинены въ неповиновеніи и заслужили бы, по мнѣнію державъ, наказаніе за ихъ мятежный духъ».

Что касается европейской коммиссіи, представительницы европейскихъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, то она совершенно не могла разобраться въ обиліи документовъ, не была въ состояніи согласовать столько различныхъ мнѣній и не знала, какъ примирить страсти. «Это былъ третейскій судъ безъ судьи, оркестръ безъ дирижера, гдѣ каждый музыкантъ наигрывалъ тотъ мотивъ, который наиболѣе ему нравился». Утомленные борьбою дипломаты, кои въ отдѣльности всѣ были люди умные и вполнѣ достойные, выработали безцвѣтный, ничтожный и совершенно несообразный въ нѣкоторыхъ пунктахъ протоколъ, скрѣпленный, правда, семью подписями, но который нисколько не измѣнилъ дѣла по существу; оно осталось въ томъ же положеніи, въ какомъ было два года передъ тѣмъ, въ моментъ заключенія парижскаго трактата. Никогда еще такъ ясно не обнаруживалось безсиліе Западной Европы при столкновеніи съ фаталистическимъ восточнымъ сфинксомъ, и Тувенель имѣлъ полное право съ грустью писать Бенедетти:

«Измѣна Англіи не дала Франціи возможности настоять на своемъ въ вопросѣ о Княжествахъ. Я пробѣжалъ наскоро протоколъ европейскихъ коммиссій. Онъ болѣе интересенъ, нежели я думалъ по скромному объ немъ отзыву Талейрана. Тѣмъ не менѣе задача представителей державъ на конференціи будетъ не изъ легкихъ, и я не могу себѣ представить, какой миръ можетъ народиться изъ этого хаоса».

Въ это время въ Англіи палъ кабинетъ Пальмерстона, котораго замѣнило министерство лорда Дерби. Министромъ иностранныхъ дѣлъ въ новомъ кабинетѣ былъ лордъ Мальмсбери. Пронесся слухъ будто этотъ высокій постъ займетъ лордъ Стратфордъ Редклифъ, но слухъ этотъ не только не подтвердился, но престарѣлый англійскій дипломатъ вышелъ въ это именно время въ отставку.

«Любопытство, возбужденное въ Константинополѣ перемѣною (министерства)—происшедшей въ Лондонѣ,—писалъ Тувенель Бенедетти 20-го февраля (3-го марта) 1858 г.,—ничто въ сравненіи съ радостью, какую всѣ испытали при полученіи телеграммы Музуруса, извѣстившаго насъ о томъ, что королева приняла отставку лорда Стратфорда. Я получилъ это извѣстіе во время обѣда, даннаго мною принцу Баварскому Адальберту, прибывшему въ Константинополь прошлую субботу

на австрійскомъ фрегатѣ «Donau»; надобно сознаться, что это неожиданное блюдо доставило всѣмъ не менѣе удовольствія, какъ индюшка, начиненная трюфелями.

«Султанъ сказалъ великому визирю Али-пашѣ: «Если бы это счастье случилось при жизни Решида-паши! Теперь же лордъ Стратфордъ все равно былъ бы безсиленъ».

Вздохнувъ свободнѣе съ исчезновеніемъ изъ Константинополя двухъ недоброжелателей Франціи, лорда Стратфорда Редклифа и Решида-паши, французскій посланникъ предвидѣлъ для своего правительства новый источникъ заботъ въ народившемся незадолго передъ тѣмъ Черногорскомъ вопросѣ, въ которомъ Франція приняла живое участіе.

Первый свѣтскій князь Черногоріи, Даніилъ Нѣгошъ, добившійся въ 1852 г. со стороны Россіи и Австріи признанія княжескаго достоинства, съ успѣхомъ боролся противъ турокъ въ эпоху Крымской войны и старался установить границы своего новаго княжества, для чего онъ искалъ поддержки не только у Россіи и Австріи, но и у Франціи.

1-го (13-го) марта 1857 г. одно лицо, прекрасно освѣдомленное относительно того, что дѣлалось въ правительственныхъ сферахъ Франціи, писало Тувенелю изъ Парижа:

«Князь Даніилъ Черногорскій составляетъ въ настоящее время самое великолѣпное украшеніе Лувра. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы посовѣтываться съ императоромъ, который предпочелъ бы, впрочемъ, чтобы онъ былъ въ Цетиньи. Князь Даніилъ уже видѣлся съ министромъ, который спросилъ его, «сдѣлалъ-ли онъ визитъ турецкому посланнику?» Энергическое «нѣтъ» было отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Тогда графъ Валевскій намекнулъ князю, что «было бы приличнѣе обратиться къ Мехметъ-Джемиль-бею, чтобы быть представленнымъ императору».

— Лучше смерть,—возразилъ свирѣпый Даніилъ.

«Вы видите изъ этого, что намъ придется преодолѣть не мало препятствій, чтобы придти къ соглашенію.

Уступки, которыя турецкое правительство было вынуждено сдѣлать Черногоріи, подъ давленіемъ Франціи, были большимъ униженіемъ для турецкихъ государственныхъ дѣятелей, которые не могли этого забыть.

Но это была не единственная услуга, оказанная Черногоріи французскимъ правительствомъ.

Въ то время, когда Россія не имѣла вліянія въ Константинополѣ, русскій императоръ обратился къ Наполеону III, чтобы онъ не допустилъ турецкія войска раздавить окончательно Черногорію. Быть можетъ, императору французовъ наскучили столкновенія, возникавшія на Востокѣ вслѣдствіе происковъ англійскаго и австрійскаго кабинетовъ, или же ему хотѣлось обезпечить себѣ поддержку Петербургскаго каби-

нета противъ Вѣны, изъ-за его дальнѣйшихъ видовъ на Италію, какъ бы то ни было, но еще 2-го (14-го) марта 1857 г. графъ Валевскій писалъ Тувенелю «совершенно конфиденціально», что Франціи «хотѣлось бы дѣйствовать осмотрительно въ вопросѣ о Черногоріи. «Мы никогда не имѣли намѣренія дѣйствовать въ этомъ вопросѣ въ духѣ враждебномъ Россіи»,—писалъ онъ,—а Петербургскій кабинетъ, которымъ, во время послѣднихъ событій, мы имѣли поводъ быть вполнѣ довольны, принимаетъ очень близко къ сердцу наше стараніе склонить князя Даніила къ признанію верховныхъ правъ Порты. Поговорите объ этомъ конфиденціально съ Бутеневымъ и скажите ему, что единственною нашею цѣлью было всегда положить конецъ столкновеніямъ между черногорцами и турками, и мы полагаемъ, что всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы отношенія между княземъ Даніиломъ и Блистательной Портою были, по возможности, улажены».

Тувенель, опасавшійся, чтобы изъ-за Черногоріи не возникли для Франціи новыя осложненія, со своей стороны, писалъ Бенедетти 28-го марта (9-го апрѣля) 1858 г.: «какъ бы намъ не пришлось испытать новыя затрудненія, если мы примемъ въ дѣлахъ Черногоріи участіе, болѣе горячее, нежели того требуютъ наши собственные интересы. Я предчувствую съ этой стороны западню. Никогда еще Утре не видалъ Али-пашу въ столь возбужденномъ состояніи. «Не обвиняйте насъ болѣе въ томъ, что мы австрійцы,—сказалъ ему паша,—иначе я стану обвинять васъ въ томъ, что вы русскіе. Всѣ думаютъ, что мы упали очень низко, но мы еще уважаемъ себя настолько, что не можемъ мириться съ тѣмъ, чтобы атаману разбойниковъ выказывали такое же участіе, какъ султану».

«Турки въ этомъ вопросѣ такъ унижены, что это можетъ побудить ихъ къ какому-нибудь безумному поступку. Они помирились съ разграниченіемъ Черногоріи, но они выходятъ изъ себя при мысли вести переговоры съ княземъ Даніиломъ; пожаръ Антивари [1]) не произвелъ бы на турокъ такого удручающаго впечатлѣнія, какъ поѣздка адмирала Jurien de la Gravière въ Цетинье. Съ другой стороны, цѣлыхъ двадцать судовъ не произвели бы на нихъ того впечатлѣнія, какое произведетъ видъ русскаго флага, развѣвающагося рядомъ съ нашимъ флагомъ въ Рагузѣ. Какая разница между 1855 и 1858 годами!

«Мехметъ-Кибризли-паша и Риза-паша говорили Утре съ ожесточеніемъ объ ужасахъ, которые творятъ черногорцы надъ ранеными турецкими солдатами. Не говоря уже объ отрѣзанныхъ носахъ, разска-

---

[1]) Приморскій городъ Черногоріи былъ до 1878 г. подъ турецкимъ владычествомъ.

зываютъ о всевозможныхъ пыткахъ, причиняемыхъ туркамъ этими дикими горцами.

— Насъ называютъ варварами,—сказалъ Мехметъ-Кибризли-паша,— но ни одинъ турокъ не сдѣлалъ бы тѣхъ звѣрствъ, въ коихъ виновны ваши новые друзья, коимъ вы покровительствуете. Мы надѣемся, что истина обнаружится и что во Франціи узнаютъ, достаточно-ли называться христіаниномъ, чтобы быть человѣкомъ цивилизованнымъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ герцогу Грамону Тувенель писалъ, по поводу столь обиднаго для турецкаго самолюбія столкновенія Турціи съ Черногоріей: «Наши друзья, черногорцы, продолжаютъ свои подвиги. На-дняхъ они напали ночью врасплохъ на турецкую деревню. Всѣ дома были сожжены, мужчины избиты, женщины и дѣти похищены! Мнѣ было бы любопытно видѣть, какъ извернется «Moniteur», чтобы прикрасить этотъ подвигъ. Я, право, не понимаю, чего мы хотимъ; надобно быть очень легкомысленнымъ, чтобы поворачивать всегда туда, куда дуетъ вѣтеръ. Развѣ мы не знали турокъ, когда пришли имъ на помощь, развѣ они менѣе нужны намъ въ 1858, нежели въ 1854 году? Эти несчастные не понимаютъ, почему на нихъ теперь всѣ обрушились и почему ихъ бранятъ. Точно такъ же, какъ греки были весьма удивлены, когда изъ «героевъ» ихъ произвели въ «разбойники»; они клялись, что они ничуть не измѣнились, турки точно также говорятъ, что они сегодня тѣ же, какіе были вчера.

«Исторія убѣждаетъ насъ, что мусульмане и христіане живутъ какъ кошка съ собакой и что почти повсюду замѣтны признаки народнаго самоуправства. Все это идетъ на пользу одной Россіи; сдѣланныя нами ошибки вполнѣ вознаграждаютъ ее за паденіе Севастополя.

«Я получаю изъ Франціи отъ нѣкоторыхъ моихъ корреспондентовъ въ высшей степени туркофобскія и грекофильскія письма! Если бы они попутешествовали на Востокѣ, то ихъ восторгъ значительно поубавился бы. Что касается меня, жившаго въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ, то я нахожу, что христіане и мусульмане другъ друга стоятъ, т. е. стоятъ немногаго. Но у турокъ есть качества, которыхъ недостаетъ грекамъ, и, съ тѣхъ поръ, какъ вторые освободились отъ ига первыхъ, я не нахожу, чтобы они проявили въ своихъ поступкахъ особенный умъ, который такъ необходимъ народамъ».

Парижскій конгрессъ, возложивъ на великія державы обязанность выяснить права румынской національности, принялъ этимъ на себя, серьезное нравственное обязательство по отношенію къ Молдавіи и Валахіи.

И теперь державамъ, поддерживавшимъ надежды Княжествъ, было очень трудно избавиться отъ справедливыхъ нареканій народа, который хотѣлъ, во что бы то ни стало, жить; имъ также было неловко сознаться

оффиціально въ своемъ безсиліи настоять на своемъ взглядѣ: такого позора нужно было избѣжать во что бы то ни стало, но это было трудно, по причинѣ тѣхъ вѣчныхъ несогласій, возникавшихъ между великими державами, которыя не позволяли имъ придти къ какому-либо рѣшенію. Въ Англіи, въ одномъ изъ засѣданій парламента было высказано, что если Княжества будутъ соединены, то это предоставитъ ихъ во власть Россіи». На это имъ можно было бы возразить, что соединеніе Молдавіи и Валахіи подъ властью иностраннаго принца представляло меньше шансовъ для вліянія Россіи, нежели сохраненіе двухъ господарей, на которыхъ ей несравненно легче было вліять.

Австрія смотрѣла на дѣло точно такъ же. «Прокешъ,—писалъ Тувенель Бенедетти,—полагаетъ, что между Австріей и Россіей неизбѣжна со временемъ война изъ-за обладанія землями и изъ-за вліянія въ бассейнѣ Дуная. Онъ обрисовалъ мнѣ на-дняхъ будущее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. По его мнѣнію, разногласія, возникшія между державами послѣ заключенія Парижскаго трактата, нанесли Турціи смертельный ударъ; одна только Австрія, по его словамъ, была послѣдовательна, стараясь вездѣ, гдѣ только могла, идти наперекоръ Россіи; такъ какъ Франція измѣнила въ этомъ отношеніи свою политику, а въ Англіи происходитъ постоянная борьба партій въ парламентѣ, то Вѣнскому кабинету остается только волей неволей присоединиться къ остальной Германіи и готовиться, съ ея помощью, къ возможному паденію Оттоманской имперіи.

— Мы не хотимъ,—сказалъ мнѣ Прокешъ въ заключеніе,—мы не хотимъ ни подъ какимъ видомъ имѣть Россію на границѣ нашихъ южнославянскихъ земель. Это вопросъ жизни и смерти для половины нашей имперіи; одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ люди сражаются по двадцати лѣтъ.

«Что касалось Турціи, то она ссылалась на весьма удобный для нея аргументъ о «неприкосновенности ея территоріи», многократно и торжественно гарантированной державами. Но соединеніе Княжествъ, хотя бы подъ властью иностраннаго принца, не могло особенно сильно измѣнить положенія султана по отношенію къ Княжествамъ, такъ какъ державы были готовы признать его верховныя права.

Находившіеся въ 1858 г. въ Парижѣ представители Австріи, Англіи, Пруссіи, Россіи и Сардиніи, баронъ Гюбнеръ, лордъ-Коулэй, графъ Гацфельдъ, Киселевъ и маркизъ Вилламирини, всѣ, кромѣ Киселева участники Парижскаго конгресса, были назначены участвовать въ конференціи. Представителемъ Франціи явился французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій. Что касается Турціи, то она не назначила своимъ уполномоченнымъ посланника Мехметъ-Джемиль-бея, но Фуадъ-пашу, который вмѣстѣ съ великимъ визиремъ

Али-пашею былъ въ то время самымъ главнымъ сановникомъ Турецкой имперіи.

«Итакъ, Фуадъ-паша назначенъ уполномоченнымъ въ Парижъ,—писалъ Тувенель Бенедетти по поводу этого назначенія. Онъ на седьмомъ небѣ! Онъ будетъ имѣть отнынѣ руководящее вліяніе на дѣла Турціи.

«Повѣрьте мнѣ, что наше положеніе здѣсь (въ Константинополѣ) въ значительной степени будетъ зависѣть отъ того, подъ какимъ впечатлѣніемъ Фуадъ-паша вернется изъ Парижа».

На это Бенедетти отвѣчалъ:

«Я въ восторгѣ отъ замѣны Мехметъ-Джемиль-бея, на конференціи, Фуадъ-пашою; я не знаю человѣка, которому болѣе подходила бы задача, выпавшая на долю турецкаго уполномоченнаго. Для Турціи это представляетъ ту выгоду, что она будетъ имѣть случай показать, что и у нея есть люди способные быть достойными ея представителями».

Къ несчастью для Фуада-паши, положеніе, принятое, въ то время, турецкимъ правительствомъ относительно Черногоріи, которымъ Наполеонъ III былъ чрезвычайно недоволенъ, такъ какъ оно шло въ разрѣзъ съ его симпатіями къ князю Даніилу, обнаружившимися въ угоду Россіи, было причиною, что французскій императоръ принялъ Фуада-пашу крайне нелюбезно, и его первая аудіенція прошла бурно.

«Вамъ извѣстно уже, какимъ образомъ «Moniteur» привѣтствовалъ Фуада-пашу,—сообщилъ Тувенелю Бенедетти 14-го (26-го) мая 1858 г. Дѣло было еще хуже на аудіенціи у императора! Его величество перечислилъ ему все то, въ чемъ мы можемъ упрекнуть Турцію, упомянулъ о ея неблагодарности и томъ, что она вынуждаетъ насъ дать ей почувствовать ту твердость, которая ее спасла.

— Неужели же мы ошиблись,—сказалъ ему императоръ,—думая, что Порта, во вниманіе къ оказаннымъ ей услугамъ, должна была внять нашимъ совѣтамъ и повременить непріязненными дѣйствіями противъ Черногоріи? Турція отвѣтила намъ движеніемъ своихъ войскъ къ Грахову [1]), повинуясь такимъ образомъ внушеніямъ, которыя отнюдь не могутъ быть объяснены правильно понимаемыми интересами Турціи и т. д.

«Фуадъ-паша держалъ себя прекрасно, не выказывая особеннаго смущенія; я предупредилъ его, что ему придется выдержать грозу, и онъ поблагодарилъ меня, сказавъ, что мои слова вполнѣ оправдались.

---

[1]) Грахово или Граово — сѣверо-западная часть Черногоріи, населенная племенами граховлянъ и руднянъ. Въ 1858 г. турки вторглись въ Граховскую область и были на-голову разбиты подъ Граховцемъ. Послѣ этого европейская коммиссія 1859—60 г. г. согласилась на присоединеніе Грахова къ Черной горѣ.

«По крайней мѣрѣ онъ вернется въ Константинополь, убѣжденный въ томъ, что съ нами надобно считаться.

«Надобно сознаться, что турки дѣлають въ настоящее время все возможное, чтобы мы охладѣли къ нимъ. Посѣщеніе Фуадъ-пашою Вѣны по пути въ Парижъ значительно умаляетъ благопріятное впечатлѣніе, произведенное здѣсь вашимъ «секретнымъ соглашеніемъ» съ нимъ по вопросу о Княжествахъ.

«Черногорское дѣло было также большою неловкостью, и оно можетъ имѣть, во многихъ отношеніяхъ, самыя печальныя послѣдствія. Де-Буркене уѣхалъ изъ Парижа только вчера вечеромъ, Банвиль [1]) въ отпуску, его замѣщаетъ временно Мосбургъ [2]), и онъ не могъ особенно повліять на графа Буоля. Впрочемъ, онъ имѣлъ случай заставить его высказаться относительно циркуляра Фуада-паши о сосредоточеніи турецкихъ войскъ. Буоль выразилъ полное довѣріе къ сдержанному образу дѣйствій Порты. Онъ, повидимому, вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что въ Константинополѣ имѣли въ виду только оказать покровительство сосѣднимъ съ Черногоріей округамъ, чтобы защитить ихъ отъ набѣговъ горцевъ. Однако, трудно повѣрить, чтобы Буолю не были извѣстны всѣ подробности дѣла и въ особенности, чтобы онъ не зналъ о демонстраціи турокъ на Грахово; доказательствомъ служитъ то, что въ настоящее время онъ оправдываетъ ее, хотя довольно робко».

«Смущенный единодушіемъ, съ какимъ державы осуждаютъ образъ дѣйствій Порты, онъ признаетъ теперь необходимость предотвратить непріязненныя дѣйствія (турокъ). Какъ глупо поступили турки, сдѣлавъ эту выходку, именно въ тотъ моментъ, когда имъ нужно было покончить вопросъ о Босніи и Герцоговинѣ и главное постараться, чтобы о немъ забыли державы, которыя будутъ участвовать на конференціи».

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Маркизъ де-Банневиль состоялъ въ то время при французскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, а впослѣдствіи былъ посланникомъ при австрійскомъ дворѣ.

[2]) Графъ de Mosbourg, впослѣдствіи французскій посланникъ въ Баденѣ.

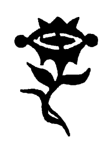
Поправка къ статьѣ: „Отвѣтъ по поводу статьи: Записки русскихъ женщинъ“.

Редакторъ получилъ письмо П. О. Пирлинга отъ 8-го (21-го) февраля слѣдующаго содержанія:

«Обращаюсь къ вамъ съ просьбою о слѣдующей поправкѣ.

«Въ февральской книгѣ «Русской Старины», стр. 415, напечатано, что я перевелъ предисловіе къ Запискамъ графини Головиной.

«Это не точно.—Самъ я никакого перевода не дѣлалъ, а только доставилъ графу Строганову посторонняго переводчика».

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

IV. Письма М. П. Погодина.

1.

2-го марта 1827 г.

Давно уже долженъ былъ я благодарить васъ, милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичь, за то участіе, которое вы приняли въ нашемъ «Московскомъ Вѣстникѣ» [2]),—но... да зачѣмъ оправдываться: виноватъ и каюсь, я надѣялся на вашу снисходительность. Теперь исполняю долгъ свой. Еще благодарю за отзывъ вашъ объ Аф(оризмахъ) [3]), переданный мнѣ Титовымъ [4]). Такіе отзывы и отъ такихъ людей всего дороже.

Разборъ вашъ «Пам(ятник)а Музъ» [5]) сокращенъ по настоятельному требованію Пушкина. Вотъ его слова, повторяемыя съ дипломатической точностію:

«Здѣсь есть много умнаго, справедливаго, но авторъ не знаетъ приличій: можно-ли о Державинѣ и Кар(амзинѣ) сказать, что „имена ихъ возбуждаютъ пріятныя воспоминанія", что „съ прискорбіемъ видимъ ученическія ошибки въ Держ(авинѣ)": Державинъ все — Державинъ. Имя его намъ уже дорого. Касательно жив(ыхъ) писателей также не могу я, объявленный участникомъ въ журналѣ, согласиться

---

[1]) См. „Русскую Старину", февраль 1904 г.

[2]) См. выше, стр. 385, прим. 3-е.

[3]) Въ № II „Московскаго Вѣстника" 1827 года была напечатана (стр. 109--116) статья Погодина „Историческіе афоризмы и вопросы".

[4]) См. выше, стр. 384, прим. 1-е.

[5]) Въ № V „Московскаго Вѣстника" 1827 года, въ отдѣлѣ „Критика" (стр. 78—81), помѣщенъ разборъ изданнаго Б. М. Ѳедоровымъ альманаха „Памятникъ Отечественныхъ Музъ". Разборъ подписанъ буквами: И. К.

на такія выраженія. Я имѣю связи. Меня могутъ почесть согласнымъ съ мнѣніемъ рецензента. И вообще—не должно говорить о Державинѣ такимъ тономъ, какимъ говорятъ объ N.N., объ S.S. Симъ долженъ отличаться «М(осковскій) Вѣстникъ». Оставьте одно общее сужденіе».

Мы спорили во многомъ, но должны были уступить, рѣшились было оставить статью до сношенія съ вами, но должно было выдавать книжку; Пушкинъ читалъ уже по корректурѣ.

Прося у васъ статей, совѣтовъ, брани, извѣстій и—благосклонности, честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою М. Погодинъ.

P. S. Скажите, прошу васъ, Дмитрію Венев(итинову) [1]), чтобъ онъ извинилъ меня, какъ умѣетъ, передъ Козловымъ [2]) въ поздней присылкѣ журнала. Не знаю, впрочемъ, не другой-ли уже экземпляръ я посылаю ему.

2.

2-го августа 1827 г.

Во время моей отлучки [3]), любезный князь Владиміръ Ѳедоровичъ [4]), пришло письмо ваше. Жалѣю, что отвѣтъ получаете вы поздно.

Вотъ извѣстіе, на первый случай, о числѣ процензурованныхъ рукописей и книгъ въ Мос(ковскомъ) ценз(урномъ) комитетѣ, заимствованное изъ актовъ университетскихъ, по годамъ академическимъ, а не гражданскимъ:

Въ 1824 г. (т. е. полов. 1823 и полов. 1824)	разсмотр.	и одобр.	173	рукописи
„ 1825 г. (id.)	„	„	150	„
„ 1826 г. (id.)	„	„	182	„
„ 1827 г. (id.)	„	„	185	рук(описей)
		и	39	книгъ.

Число листовъ опредѣлить нельзя, ибо они большею частью отмѣчаются наобумъ. Впрочемъ извѣстно содержаніе листовъ рукописныхъ къ печатному, ergo etc.—Въ четвергъ будетъ собраніе ценз(урнаго)

---

[1]) Поэтъ Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ скончался 15-го марта того же 1827 года.

[2]) Поэтомъ Иваномъ Ивановичемъ.

[3]) Въ Орловскую губернію, по случаю предсмертной болѣзни отца (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, Спб. 1889, стр. 123).

[4]) Съ 14-го октября 1826 года князь В. Ѳ. Одоевскій поступилъ на службу въ Цензурный комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а 20-го сентября 1827 года былъ назначенъ секретаремъ общаго собранія цензурнаго комитета.

комитета, и тамъ выправлюсь по возможности и дамъ вамъ знать немедленно.

Присылайте порученій больше—я радъ и радехонекъ служить.

Благодарю васъ паки и паки за жемчугъ, и бисеръ, и камни драгоцѣнные въ окладъ на образъ «М(осковскаго) В(ѣстник)а». Христа ради присылайте больше критикъ на всѣ петерб(ургскія) книги. Мы надѣемся, что слѣдующій годъ вознаградитъ насъ за всѣ труды. Да неужели Петербургъ такъ очеловѣчился, что у васъ досадъ никакихъ не бываетъ?

Еще до васъ просьба, о которой мы уже писали къ Титову [1]).

Постар(айтесь) прислать намъ Біогр(афію) Нап(олеона) Валтеръ-Скотта, какъ можно скорѣе, съ голубями [2]).

Я думаю, что эту книгу пропуститъ Иностр(анная) цензура. Непозволительное она можетъ вырѣзать изъ экз(емпляровъ). Книгу, о которой у насъ столько твердили, не пропустить, кажется, будетъ неполитично. А за ограниченіе сердиться никто не будетъ имѣть права.

Хитро!—Мы же довольны будемъ и позволительнымъ, и если изъ 9 т(омовъ) издадимъ по-русски 5, то все еще хорошо [3]).

Да здравствуйте вы и да будетъ вамъ благо.

Этого желаетъ вамъ искренно вашъ М. Погодинъ.

Имперія Телеграфическая [4]) раздѣляется на восточную, западную и южную.

3.

28-го сентября 1828 г.

Прошу тебя, равноапостольный [5]), или князя Одоевскаго, сообщить слѣдующее его превосх(одительству) Блудову [6]):

---

[1]) См. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, Спб. 1889, стр. 104—105.

[2]) Въ № 15 „Московскаго Вѣстника" 1827 года И. С. Мальцовъ помѣстилъ (стр. 311—314), за подписью „ —въ", статью „Нѣчто объ Исторіи Наполеона Бонапарта, сочиненной Валтеромъ-Скоттомъ", а въ № 16 (стр. 361—393) напечаталъ переводъ отрывковъ изъ этой книги („Отрывки изъ Жизнеописанія Наполеона Бонапарте, сочиненнаго С. Валтеромъ Скоттомъ").

[3]) О намѣреніи Погодина издать переводъ „Жизни Наполеона" и о столкновеніяхъ его по этому поводу съ Н. А. Полевымъ, занимавшимся переводомъ этого же сочиненія Вальтеръ-Скотта, см. у Н. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 176—178.

[4]) Рѣчь идетъ о „Московскомъ Телеграфѣ".

[5]) Т. е. Владиміръ Павловичъ Титовъ. Настоящее письмо Погодина писано къ нему и къ князю В. Ѳ. Одоевскому.—Погодинъ мечталъ въ это время попасть адъюнктомъ въ Академію Наукъ. В. П. Титовъ чрезъ своего дядю, Дмитрія Васильевича Дашкова (въ то время товарища министра юстиціи) старался содѣйствовать исполненію желанія Погодина (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 232.

[6]) Дмитрій Николаевичъ Блудовъ былъ въ это время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Я очень благодарю его за и проч. [1]). Меньше 5.000 р. асс. жалованья, вѣрнаго и положительнаго, взять не могу: ибо у меня на рукахъ семейство. (Мнѣ хочется пріѣхать въ Петерб(ургъ) совершенно на готовое, чтобъ не нужно было сдѣлать ни одного лишняго визита, ни одного лишняго поклона). Между нами, я соглашусь взять покамѣстъ и 4.000 р. въ случаѣ совершенной невозможности получить больше. Этого не сказывать никому; я буду выжидать положительнаго отвѣта отъ нихъ и, сообразуясь съ тѣмъ будущимъ отвѣтомъ, я скажу въ случаѣ нужды в свой.

У васъ, впрочемъ, любятъ, кажется, пересыпать изъ пустаго въ порожнее: что есть новаго въ предложеніяхъ, привезенныхъ ко мнѣ Шевыревымъ [2])? Ничего. Я все уже это слышалъ прежде и отъ Блудова, и отъ Круга [3]).

Мѣста всѣ предлагаемыя еще не существуютъ, а будутъ существовать. Чѣмъ же я буду жить и что будутъ мнѣ давать до ихъ рожденія? Ничего не понимаю.

Въ запискѣ Шевырева упоминается мѣсто при музеѣ Румянц(ова), но вѣдь тамъ Востоковъ [4]). Христа ради, чтобъ для меня не было обиды ему: ни за что на свѣтѣ я не соглашусь сдѣлать что-либо непріятное этому почтенному человѣку, волею и неволею.

Шевыревъ пріѣхалъ, съ свѣтлыми рогами, какъ у Моисея. Такъ и бодается.

Что вы зѣвали о Слов. Греч. [5])? Мимо всѣхъ васъ министръ [6]) прислалъ мнѣ предложеніе довольно выгодное.

Прощайте, будьте здравы. Вашъ М. Погодинъ.

P. S. Я посылаю въ комитетъ [7]) Риттеровы карты [8]): не примутъ-ли ихъ въ число учебныхъ пособій. Похлопочите. Только нужна дѣятельность.

---

[1]) Какое мѣсто предлагалъ Блудовъ Погодину—неизвѣстно.

[2]) Недавно возвратившимся изъ поѣздки въ Петербургъ.

[3]) Академика Филиппа Ивановича Круга, который хотѣлъ видѣть Погодина адъюнктомъ Академіи по каѳедрѣ русской исторіи (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 232—233).

[4]) Александръ Христофоровичъ Востоковъ съ 1824 года занимался описаніемъ славянскихъ рукописей Румянцовскаго музея.

[5]) Такъ сокращенно эти два слова написаны въ подлинникѣ.

[6]) Министромъ народнаго просвѣщенія былъ въ это время генералъ-отъ-инфантеріи князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ. Какое предложеніе было имъ сдѣлано Погодину—неизвѣстно.

[7]) Въ Ученый комитетъ Главнаго правленія училищъ.

[8]) „Карты Европы“ (въ физико-географическомъ отношеніи) знаменитаго германскаго географа Карла Риттера. Въ переводѣ Погодина этотъ трудъ вышелъ въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1828 году.

Для меня теперь самое трудное время: лбомъ прошибать надо стѣну, которую складываютъ на моей дорогѣ друзья, недрузья и обстоятельства.

Шев(ырева) нѣтъ дома: цѣлую недѣлю рыскаетъ и не ночуетъ даже дома.

4.

22-го января (1829 г.).

Благодарю васъ, любезнѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичъ, благодарю васъ искренно и усердно за обстоятельное изложеніе вашего мнѣнія объ Арцыб(ашевскомъ) дѣлѣ [1]). Жалѣю, что получилъ его слишкомъ поздно.

Ваши причины я разобралъ, кажется, всѣ въ своихъ прежнихъ статьяхъ [2]), и, по моему мнѣнію, удовлетворительно,—слѣдовательно, я съ вами или лучше почти со всѣми несогласенъ. Что жъ дѣлать? Не могу же говорить противъ себя, и признаюсь, если бъ въ другой разъ попалъ въ такія же обстоятельства, то опять поступилъ бы такъ же, хоть бы и вдвое еще мнѣ за то досталось!

Участникомъ я не объявлялъ васъ нигдѣ [3]),—впрочемъ, напечатаю еще [4]), что виноватъ (если) я одинъ, и что буду издавать «Вѣстникъ» одинъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о помѣщенныхъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 года (въ №№ 19—24) Замѣчаніяхъ Н. С. Арцыбашева на „Исторію Государства Россійскаго" Карамзина. Написанныя грубымъ тономъ и съ явнымъ недоброжелательствомъ къ Карамзину, эти „Замѣчанія" вызвали въ весьма многихъ негодованіе и къ ихъ автору, и къ самому издателю „Московскаго Вѣстника" Погодину. Князь В. Ѳ. Одоевскій также возсталъ противъ Погодина и написалъ ему длинное письмо, отъ 12-го января 1829 года (большая выдержка изъ него приведена у Н. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 260—263), на которое настоящее письмо Погодина и служитъ отвѣтомъ.

[2]) Помѣщенныхъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 г., №№ 19 и 20, стр. 285—287, и №№ 23 и 24, стр. 389—395. („Нѣсколько объяснительныхъ словъ отъ издателя"). Обѣ эти статьи Погодина перепечатаны Н. П. Барсуковымъ въ Жизни и трудахъ М. П. Погодина, книга вторая, стр. 240—243 и 250—254.

[3]) „Напечатайте критику Арцыбашева отдѣльно—надъ нею бы посмѣялись, и только. Но когда она въ журналѣ—за нее отвѣчаютъ нѣкоторымъ образомъ всѣ участники въ ономъ"—писалъ князь Одоевскій (Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 263).

[4]) Въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1829 г., ч. II, стр. 261—262, появилось объясненіе „Отъ издателя", помѣченное 28-мъ января 1829 года. „Литературное гоненіе на меня, въ разныхъ видахъ, за помѣщеніе статьи г-на Арцыбашева, все еще продолжается"—читаемъ мы въ началѣ этого объясненія.—„Даже нѣкоторые изъ помѣщавшихъ труды свои у меня въ журналѣ

«Земное и неб(есное)» я исключилъ по вашему требованію и оставилъ только «Утро ростовщика» [1]).

Будьте увѣрены въ чувствахъ моей искренней предавности. Вашъ М. Погодинъ.

5.

1-го декабря 1836 г.

Ты удивишься, получивъ письмо отъ меня, любезнѣйшій князь Владимиръ Ѳедоровичь,—послѣ двухлѣтняго молчанія. Вотъ въ чемъ дѣло: я боленъ и сижу дома въ своей закутѣ на краю города, города Москвы [2]), слѣдовательно въ десяти верстахъ отъ срединной; другими словами, я имѣю свободное время и не знаю ничего новаго. Передъ болѣзнью, однакоже, слышалъ, что «Наблюдатель» [3]) переводится въ Петербургъ. Правда-ли это? Если правда, то дѣло. Въ Москвѣ ни журнала, ни книгъ никакихъ издавать невозможно: безтолковѣе нашей цензуры придумать ничего нельзя, и я не понимаю, какъ ее терпятъ попечитель и министръ! Беззаконное она пропускаетъ, какъ то было съ «Телескопомъ» [4]), а совершенно невинное и чистое останавливаетъ. Наши цензоры люди, рѣшительно не понимающіе своего дѣла, и могутъ цензуровать только Всеобщіе письмовники и сонники. Во-вторыхъ—за изданіе берется Плюшаръ [5]). Это еще лучше. Надо непремѣнно останавливать этого безсовѣстнаго поляка [6]) и еще безсовѣст-

---

требовали, чтобы я выгородилъ ихъ изъ подъ мнимой опалы, какъ не принимавшихъ участія въ этомъ дѣлѣ.—(Не пугаются-ли иные робкіе читатели даже и того, что читали статью? o tempora! o mores!). На сіе долгомъ поставляю объявить, что вся вина, если есть какая, въ помѣщеніи Замѣчаній г-на Арцыбашева, простирается на одного меня, ибо оно ни отъ кого болѣе не зависѣло. Прибавлю однакожь, что, еслибъ случилось мнѣ опять попасть въ такія же обстоятельства, то опять поступилъ бы я также, хотя бъ всотеро непріятностей должно было мнѣ вынести послѣ".

[1]) См. „Московскій Вѣстникъ" на 1829 годъ, ч. II, стр. 147—159: Утро ростовщика. (Отрывокъ изъ романа). Статья подписана буквою К.

[2]) Въ началѣ 1836 года Погодинъ купилъ у князя Д. М. Щербатова домъ на Дѣвичьемъ полѣ; въ этомъ домѣ Погодинъ прожилъ до конца своей жизни (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга четвертая, Спб. 1891, стр. 429).

[3]) Журналъ „Московскій Наблюдатель", издававшійся съ 1835 года В. П. Андросовымъ при участіи С. П. Шевырева. Слухи о переводѣ изданія „Московскаго Наблюдателя" въ Петербургъ не оправдались.

[4]) Погодинъ намекаетъ на помѣщеніе въ „Телескопѣ" 1836 года извѣстнаго „Философическаго письма" П. Я. Чаадаева, за которое этотъ журналъ былъ запрещенъ.

[5]) Адольфъ Александровичъ, извѣстный книгопродавецъ-издатель.

[6]) Сенковскаго, издававшаго „Библіотеку для Чтенія".

нѣйшаго, то есть литературно, великороссіянина, Полеваго, которые дѣлаютъ что хотятъ въ нашей безпріютной литературѣ и наносятъ стыдъ русскому имени. Если у васъ уладится, я берусь доставлять ежемѣсячно по печатному листу, и даже иногда по два, принимая на свою обязанность статьи по русской исторіи и всеобщей исторіи, литературныя новости по этимъ частямъ и критику всѣхъ вновь выходящихъ книгъ объ нихъ. Скажи это редактору, который у васъ будетъ. Принимайтесь за работу, господа! Какъ вамъ не стыдно сидѣть безъ дѣла. Смотрите, какъ у меня кипитъ, да еще если бы у меня были рога.

У меня вышли—чужаго: Исторія Герена древняя [1]); Исторія Среднихъ Вѣковъ Демишеля [2]), къ 1 янв(аря); Славянскія древности Шафарика [3]), къ 15 янв(аря) (чудное сочиненіе). Свое: Лекцій 2 часть [4]), къ 15 янв(аря); Рус(ская) Исторія 2 изданіемъ [5]), къ 1 февр(аля); Изслѣдованія о древн(ей) рус(ской) истор(іи) [6]), къ 15 февр(аля); Псковская лѣтопись [7]), къ 15 дек(абря); Почерки примѣч(ательныхъ) людей (Русскій Историческій Альбомъ) [8]), къ 15 дек(абря). На тотъ годъ печатаю: Робертс(она) [9]) ... [10]); исторіи всѣхъ государствъ [11]), карманная библіотека, всякія двѣ недѣли по книжкѣ; Исторію Рима Фидлера [12]) съ 150 картинами.

А?—Сурки! А все ни въ честь, ни въ славу.

Прощай. Твой М. Погодинъ.

Да. Въ іюнѣ пришли мои книги черезъ Фосса [13]). Иностр(анная) цен-

---

[1]) Руководство къ познанію древней политической исторіи, сочиненіе Герена, переводъ съ нѣмецкаго кандидата Московскаго университета А. Кояндера (Москва. 1836).

[2]) Исторія Среднихъ Вѣковъ, соч. М. Демишеля, вышла въ свѣтъ въ переводѣ студентовъ-слушателей Погодина, въ Москвѣ въ 1836 году.

[3]) Въ 1837 г. вышли въ свѣтъ двѣ книги перваго тома „Славянскихъ древностей“ Шафарика, въ переводѣ О. М. Бодянскаго.

[4]) Вторая часть Лекцій по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра. (Москва. 1836, но вышла въ свѣтъ въ 1837 году).

[5]) Начертаніе Русской исторіи для гимназій, 2-е, исправленное и умноженное изданіе. (Москва. 1837).

[6]) „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи“ Погодина стали выходить лишь съ 1845 г.

[7]) Псковская Лѣтопись (Москва. 1837).

[8]) Русскій Историческій Альбомъ вышелъ въ свѣтъ въ 1837 году.

[9]) Вѣроятно, какое-либо сочиненіе англійскаго историка Вилліама Робертсона († 1792).

[10]) Два слова не разобраны.

[11]) Вѣроятно, „Всеобщая Историческая Библіотека“, пять книжекъ которой было издано Погодинымъ въ 1838—1842 г.г.

[12]) Намѣреніе Погодина издать переводъ Исторіи Рима Фидлера не осуществилось.

[13]) Книгопродавца.

зура остановила Ромингa о свободѣ и необходимости и Ясновидящая Преворстъ [1]). Выручи эти книги. Я профессоръ и имѣю право на полученіе всѣхъ, а это прямо по моей части, то есть первая книга.

Скажи Пушкину, чтобъ онъ прислалъ мнѣ «Современника».

Гдѣ бы учредить въ Петерб(ургѣ) депо моихъ изданій?

Скажи Краевскому [2]), чтобъ онъ, получивъ деньги отъ Смирдина [3]) за Русск(ую) Исторію, отдалъ ихъ Назарову для отправленія къ Фоссу чрезъ Карла Ланца etc.

Поцѣлуй ручку у княгини и напомни обо мнѣ. Да, ну, поскорѣе!

6.

5-го апрѣля 1841.

Милостивый государь князь Владиміръ Θедоровичъ.

Мужъ мой [4]) боленъ и потому не могъ до сихъ поръ отвѣчать вамъ на письмо ваше отъ 26 марта [5]). Онъ поручаетъ мнѣ благодарить васъ за оное. Голосъ искренней дружбы и живаго участія тронулъ его очень, какъ прежде огорчила исторія съ анекдотами [6]). Они очень глупы, онъ соглашается, и хотѣлъ было самъ въ слѣдующемъ номерѣ написать что-нибудь противъ. Напечаталъ же ихъ, не разсмотрѣвъ порядочно по возвращеніи изъ Петербурга за недостаткомъ времени. Вообще, онъ мало думаетъ о Смѣси и не обращаетъ на нее вниманія, думая, что ею интересуются только провинціальные читатели, которые забавляются подобными пошлостями. Мы всѣ ожидали замѣчанія, но запретить журналъ, послѣ такихъ статей, какъ Взглядъ Русскаго [7]), Петръ I [8]), мысли въ разборахъ и проч., за этотъ вздоръ, котораго

---

[1]) О ясновидящей Преворстъ (Фредерикѣ Гауффъ, р. 1801 † 1829) было издано много сочиненій.

[2]) Андрею Александровичу.

[3]) Александра Филипповича, книгопродавца.

[4]) Это письмо писано женою Погодина, Елизаветою Васильевною, но, очевидно, подъ диктовку самого Погодина.

[5]) Безъ сомнѣнія, это то письмо, которое напечатано Н. П. Барсуковымъ въ „Жизни и трудахъ М. П. Погодина", книга шестая, Спб. 1892, стр. 46—48.

[6]) Въ 3 № „Москвитянина"—журнала, который сталъ издаваться съ 1841 г. Погодинымъ,—въ отдѣлѣ Смѣси, было напечатано (стр. 248—251) нѣсколько анекдотовъ, изъ которыхъ нѣкоторые касались чиновниковъ. Эти анекдоты обратили на себя вниманіе шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа, и „Москвитянину", за помѣщеніе ихъ, грозило даже запрещеніе (см. тамъ же, стр. 44—46).

[7]) „Взглядъ Русскаго на образованіе Европы"—статья С. П. Шевырева, помѣщенная въ 1-мъ № „Москвитянина" (стр. 219—296).

[8]) Статья самого Погодина „Петръ Великій", которою открывается 1-й № „Москвитянина" (стр. 3—29).

есть столько въ «Ревизорѣ», въ «Ябедѣ» и въ другихъ извѣстныхъ и любимыхъ сочиненіяхъ, онъ никакъ не могъ себѣ вообразить. Вы знаете его нравъ: получивъ извѣстіе, онъ хотѣлъ самъ уничтожить журналъ. «Я считалъ свой журналъ предпріятіемъ общеполезнымъ,—сказалъ онъ,—если я ошибся, и онъ неугоденъ правительству, я возвращаюсь къ своимъ прежнимъ занятіямъ». Насилу мы могли уговорить его. Критика «Москвитянина» вызвала доносы. Михаилъ Петровичъ предвидѣлъ это и заранѣе предупреждалъ министра, попечителя и генералъ-губернатора, прося объ покровительствѣ и защитѣ въ случаѣ нужды [1]).

Теперь онъ хотѣлъ писать къ графу Бенкендорфу, котораго всѣ знаютъ за добраго и безпристрастнаго человѣка, или къ генералу Дупельту [2]), о которомъ также слышно много хорошаго, хотя онъ и недоволенъ имъ за то, что тотъ не отвѣчалъ ему на его письмо о Гаѣ [3]), и объяснить имъ все дѣло, просить у нихъ особыхъ цензоровъ, ибо мы въ Москвѣ ходимъ какъ въ темномъ лѣсу и не знаемъ часто, что годится и что не годится. Въ такихъ разсужденіяхъ застала его болѣзнь, и онъ велѣлъ мнѣ передать ихъ вамъ, не надѣясь скоро имѣть довольно силъ, чтобъ самому написать порядочное и обстоятельное письмо.

Исполнивъ, какъ умѣла, его порученіе, я прошу васъ покорно засвидѣтельствовать мое почтеніе вашей супругѣ, которой доброму расположенію себя поручаю и съ искреннимъ почтеніемъ остаюсь, милостивый государь, готовою къ услугамъ Елизавета Погодина.

P. S. Михаилу Петровичу ставили 40 піявокъ и до 60 каленыхъ припарокъ, но теперь ему гораздо лучше, и мы спокойны.

Шевыреву ваше письмо отдано, и онъ, кажется, будетъ также отвѣчать вамъ.

Еще позабыла одно обстоятельство: Михаилъ Петровичъ получилъ вскорѣ вѣрную копію съ того смѣшнаго донесенія, которое помѣщено въ «Москвитянинѣ»: изъ нея видно, что ухо оторвали ямщики у станціоннаго смотрителя, а не чиновники у своего начальника [4]). Это го-

---

[1]) Въ „Жизни и трудахъ Погодина“ нѣтъ свѣдѣній относительно этихъ доносовъ на Погодина и его сношеній по этому поводу съ С. С. Уваровымъ, графомъ С. Г. Строгановымъ и княземъ Д. В. Голицынымъ.

[2]) Т. е. къ Леонтію Васильевичу Дубельту, начальнику штаба корпуса жандармовъ.

[3]) Главный дѣятель въ эпоху литературнаго и политическаго возрожденія хорватовъ Людевитъ Гай (р. 1809 † 1872) пріѣзжалъ въ Москву въ 1840 году хлопотать о поддержкѣ иллирійскаго движенія. Погодинъ съ Шевыревымъ выказали большое сочувствіе къ Гаю (см. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга пятая, Спб. 1892, стр. 444—449). О перепискѣ Погодина съ Дубельтомъ о Гаѣ въ трудѣ Н. П. Барсукова не упоминается.

[4]) Въ четвертомъ анекдотѣ, напечатанномъ въ „Смѣси“ № 3 „Москвитянина“ (стр. 250), разсказывалось, что чиновникъ былъ откомандированъ на

раздо правдоподобнѣе, смѣшнѣе и безопаснѣе, но цензоръ изъ четвертой книжки исключилъ это поясненіе, опасаясь, можетъ быть и справедливо, чтобъ оно не подало повода къ новымъ толкамъ.

7.

27-го октября 1843.

А вотъ и просьба къ тебѣ, отщепенецъ! Черезъ 15 лѣтъ [1]) я вспомнилъ о своемъ «Петрѣ», и вздумалъ напечатать въ «Москвит(янинѣ)».— Перечелъ, какъ чужое сочиненіе: право, кажется, это опытъ не лишній въ литературѣ! Помоги же выдать его въ свѣтъ. Я пишу къ князю Григорью Петр(овичу) Волхонскому [2]). Я видѣлъ его однажды, но вы всѣ столько говорили мнѣ, что я не устыдился обезпокоить его. Попроси и ты съ своей стороны. Мнѣ кажется, ему легко это сдѣлать, воспользуясь какимъ-нибудь благопріятнымъ случаемъ—чрезъ гр. Бенкендорфа или князя Петра Михайл(овича) [3]), тѣмъ болѣе, что все дѣло въ недоразумѣніи. Я увѣренъ, что государь запрещалъ представленіе, а не печатаніе [4]). Я же приложилъ теперь историческія цитаты, изъ коихъ увидятъ, что въ трагеціи нѣтъ ничего новаго и всѣ черты взяты изъ подлинныхъ оффиціальныхъ документовъ. Сдѣлалъ нѣкоторыя поправки. Въ послѣднее время Петръ I безпрестанно является на сценѣ въ поэзіи, повѣстяхъ, даже піесахъ—за что же я, несчастный, долженъ терпѣть? И терпѣнія моего было довольно—почти 15 лѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы напечатать «Петра I» въ 1 нумерѣ [5]).

Здоровье мое теперь получше,—но я рѣшился на тотъ годъ ѣхать съ пенсіей и поселиться въ Гейдельбергѣ года на три или четыре, чтобы заняться, вдали отъ шума и суеты и настоящаго времени, исторіей [6]).

слѣдствіе; у него подъ командою было нѣсколько человѣкъ, которые вышли изъ повиновенія,—и вотъ онъ доноситъ начальству: „Дошло до свѣдѣнія моего, что ввѣренная управленію моему канцелярія изъ чиновниковъ, пребывающая въ различномъ художествѣ и азарствѣ, причиняетъ мнѣ въономъ непотребное насиліе съ нанесеніемъ ударовъ и оторваніемъ въ пьяномъ видѣ уха" и т. д.

[1]) Трагедія „Петръ I" была написана Погодинымъ въ 1831 году (см. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина", книга третья, Спб. 1890, стр. 252—253 и 310), слѣдовательно, тринадцать, а не пятнадцать лѣтъ тому назадъ отъ 1843 года.

[2]) Тогдашнему попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

[3]) Волконскаго, министра императорскаго двора, отца князя Григорія Петровича Волконскаго.

[4]) Погодину измѣнила память; на всеподданнѣйшей докладной запискѣ С. С. Уварова о трагедіи Погодина „Петръ I" императоромъ Николаемъ была положена резолюція: „Не дозволять печатать" (см. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина", книга четвертая, Спб. 1891, стр. 13).

[5]) Трагедія „Петръ I" не появилась въ „Москвитянинѣ" 1844 года и впервые была напечатана лишь въ 1873 году.

[6]) Ср. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина", книга седьмая, Спб. 1893, стр. 287—288.—Въ слѣдующемъ 1844 году Погодинъ покинулъ университетскую каѳедру, но въ Гейдельбергъ не поѣхалъ, а остался въ Москвѣ.

Если граф(иня) Ростопчина [1]) въ Петербургѣ, сдѣлай милость, извини меня передъ нею. Я думалъ, что она уѣхала въ чужіе края, и не отвѣчалъ на ея любезное письмо.

Поцѣлуй ручку у своей супруги.

Шев(ыревъ) здоровъ и работаетъ по-прежнему. Здѣсь теперь Языковъ. Ждемъ Хомякова. Прощай.

Сердитый, но все-таки любящій тебя по-прежнему М. Погодинъ.

Поклонись Веневитинову [2]) и скажи ему, чтобы онъ на меня не сердился: я не былъ у него, какъ и у тебя, и у прочихъ, по невозможности.

8.

12-го мая (1864).

Поплачемъ о товарищѣ: сейчасъ получилъ печальное извѣстіе—Шевыревъ скончался въ Парижѣ [3]). Надо устроить по немъ панихиду. Пишу къ ректору университета, а потомъ увѣдомлю тебя. Остается насъ немного.

Твой М. П.

На Святой недѣлѣ еще получилъ отъ него стихи въ память о Шекспирѣ [4]), написанные дрожащею рукою въ постелѣ.

9 [5]).

16-го января.

Химику и алхимику, физику и метафизику, Фаусту и музыки учителю, любезнѣйшему князю Владнміру Ѳедоровичу, посылаю гостинцу изъ Петербурга: Zauberphotographie, съ наставленіемъ, какъ воспроизводить ее.

Какъ образчикъ—прилагаются двѣ картиночки воспроизведенныя, кои просимъ возвратить.

Дѣлать не публично, т. е. прежде посмотрѣть, что выйдетъ, ибо есть картинки соблазнительныя.

Изъ Петербурга куча поклоновъ. Пріѣхалъ бы самъ, но спина болитъ донельзя.

---

[1]) Графиня Евдокія Петровна.

[2]) Алексѣю Владиміровичу, брату поэта Д. В. Веневитинова.

[3]) С. П. Шевыревъ скончался въ Парижѣ 8-го мая 1864 года.

[4]) Стихи „Дань памяти Шекспира въ день трехсотлѣтняго юбилея его рожденія 1564—1864 23-го апрѣля“. Эти стихи были напечатаны въ издававшейся И. С. Аксаковымъ газетѣ „День“ 1865 года, № 6, стр. 125—126.

[5]) Эта и слѣдующія двѣ записки писаны въ 1860-хъ годахъ.

Не знакомъ-ли тебѣ близко г. Шаховъ [1]), котораго нужно попросить мнѣ о сынѣ. Преданный М. П.

10.

3-го февраля.

14-го февраля день кончины св. Кирилла. Будетъ архіерейское служеніе, засѣданіе Славянскаго комитета, а вечеромъ нуженъ бы духовный концертъ. Не придумаешь-ли чего съ Разумовскимъ [2]) и Потуловымъ [3])? Концертъ въ пользу Славянскаго комитета пополамъ хоть съ участниками. Надо только устроить, чтобъ имѣть время сговориться съ начальствомъ пѣвчихъ и объявить.

2 записки по дѣлу наслѣдницы Иннокентіевой [4]), о которой я уже просилъ тебя. Похлопочи. Преданный М. Погодинъ.

11.

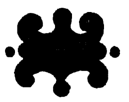
Понедѣльникъ.

Ты нуждался въ писцѣ—вотъ грамотный.

Завтра въ думѣ вопросъ объ освѣщеніи города: хотѣлось бы поговорить съ тобою, ибо ты par excellence по просвѣщенію, но никакъ не могу оторваться отъ письменнаго стола. Кланяюсь. М. П.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Александръ Николаевичъ, старшій предсѣдатель Московской судебной палаты.

[2]) Протоіерей Дмитрій Васильевичъ Разумовскій († 1889), знатокъ русскаго церковнаго пѣнія, авторъ сочиненія „Церковное пѣніе въ Россіи".

[3]) Николай Михайловичъ Потуловъ, также изслѣдователь древняго русскаго пѣнія.

[4]) Знаменитаго архіепископа херсонскаго Иннокентія († 1857), съ которымъ Погодинъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій былъ съ 1862 г. сенаторомъ въ Москвѣ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1904 г.

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

Первымъ днемъ русской періодической литературы считается 2-е января 1703 г. Указъ Петра Великаго объ изданіи первой русской газеты послѣдовалъ 16-го декабря 1702 года, а 27-го декабря вышелъ „Юрналъ, или подённая роспись, что въ мимошедшую осаду подъ крѣпостью Нотенбурхомъ чинилось“. Починъ, такимъ образомъ, принадлежитъ монарху. 16-го декабря 1702 г. указомъ Петра повелѣно было „печатать куранты и печатныхъ курантовъ вѣдомости“. Повелѣніе это и было исполнено 2-го января 1703 г., когда вышли „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“. Эти „Вѣдомости“ печатались по мѣрѣ надобности и накопленія матеріаловъ, въ неопредѣленные сроки, по 1728 годъ.

2-го января 1728 г. появляются „С. Петербургскія Вѣдомости“, издаваемыя съ присовокупленіемъ ежемѣсячныхъ „примѣчаній“ Академіею наукъ, а 26-го апрѣля 1756 года въ Москвѣ, при университетѣ, начинаютъ выходить и „Московскія Вѣдомости“, при Елисаветѣ Петровнѣ. „Московскія Вѣдомости“ выходили постоянно два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, и печатались на небольшомъ листѣ толстой сѣрой бумаги, сложенной in quarto, безъ нумераціи страницъ. На заглавной страницѣ была виньетка, изображавшая крылатую трубящую славу.

Первый учено-литературный журналъ въ Россіи, „Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“, вышелъ подъ редакціей Миллера въ 1755 г., и былъ изданіемъ оффиціальнымъ,—Академія наукъ; онъ существовалъ 10 лѣтъ и читался съ жадностью русской публикою; расходъ его по тому времени былъ громадный—отъ 500 до 700 экз.

2-го января 1759 г. начало выходить составляемое молодежью Шляхетскаго корпуса въ Петербургѣ первое частное періодическое (еженедѣльное) и уже чисто-литературное изданіе: „Праздное время, въ пользу употребленное“. Въ корпусѣ оно писалось, тамъ и печаталось. Въ томъ же году появилось и другое частное (ежемѣсячное) литературное изданіе А. П. Сумарокова „Трудолюбивая Пчела“.

Такимъ образомъ, періодъ съ 2-го января 1703 г. по 2-е января 1759 г. является совершенно законченнымъ и своеобразнымъ *первымъ* періодомъ русской печати, чисто оффиціальнаго, казеннаго почина и характера.

Второй періодъ, характеризуемый широкимъ развитіемъ частной предпріимчивости и нарожденіемъ извѣстнаго спроса на печатные органы, обнимаетъ время съ 1759 по 1803 г. и можетъ быть раздѣленъ на два неравномѣрные отдѣла: а) отъ 1759 г. („Праздное Время“) до 1791 г. („Московскій Журналъ“), и б) отъ 1791 г. („Московскій Журналъ“ Карамзина) до 1802 г. („Вѣстникъ Европы“ Карамзина).

Исторію періодической печати XIX столѣтія можно раздѣлить на два періода: *Первый* обнимаетъ царствованія Александра I и Николая I, съ „Вѣстника Европы“ Карамзина въ 1802 г. по „Русскій Вѣстникъ“ Каткова въ 1856 г.; *второй* періодъ обнимаетъ время со смерти императора Николая I до конца столѣтія.

Цензура, какъ правильно организованное, постоянное учрежденіе, возникла сравнительно поздно. Гоненія на человѣческое слово—стары, какъ міръ. Древняя цивилизація была почти цѣликомъ повергнута въ огонь рукою фанатизма: въ 406 г. брошены въ огонь книги Сивиллъ; въ 642 г. сарацинами сожжена Александрійская библіотека (въ теченіе 6 мѣсяцевъ рукописями топились всѣ бани въ Александріи); въ XI в., по повелѣнію шведскаго короля Олая, брошены въ огонь руническія книги; въ 1508 г. кардиналъ Хименесъ сжегъ 100,000 арабскихъ рукописей; въ 1510 г. императоръ Максимиліанъ предписалъ сжигать всѣ еврейскія книги, кромѣ Библіи.

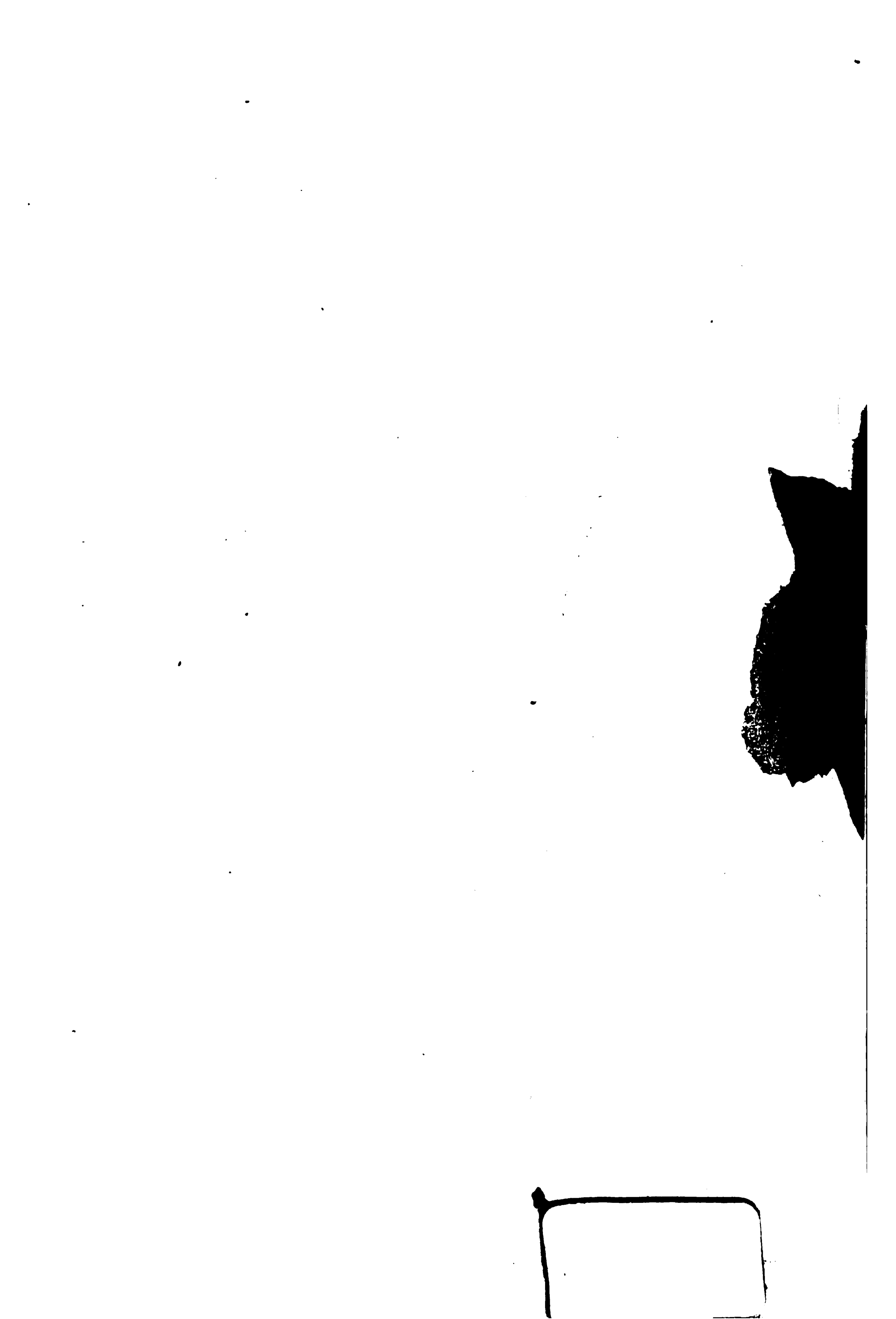
Въ Россіи еще въ XVII столѣтіи наши патріархи подвергали проклятію и отлученію многія книги, изданныя въ Кіевѣ малороссійскими учеными; но только съ конца XVIII в. начинается дѣйствительная исторія цензуры, какъ организованнаго учрежденія. Въ „Полномъ собраніи законовъ“ находятся постановленія 1720—1722 гг., но лишь о церковныхъ книгахъ, исправленіе которыхъ ввѣрялось Синоду. Въ 1732 г. запрещено было ввозить въ Россію книги, уже напечатанныя при Академіи. 11-го ноября 1745 г. Елизавета Петровна приказала: привозимыя на корабляхъ и сухимъ путемъ книги отбирать и объявлять Синоду, нѣтъ-ли въ нихъ противностей вѣрѣ.

Съ 1796 г. начинается борьба правительства съ „вредными“ идеями: указомъ 16-го сентября 1796 г.,—„въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются *отъ свободнаго и неограниченнаго* печатанія книгъ“,—была учреждена цензура (изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ) въ обѣихъ столицахъ и Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской таможнѣ. 17-го мая 1798 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи цензуры при всѣхъ портахъ, но, за недостаткомъ цензоровъ, была учреждена лишь при Кронштадтскомъ, Ревельскомъ, Выборгскомъ, Фридрихсгамскомъ и Архангельскомъ; въ другіе порты книгамъ, газетамъ и всякаго рода сочиненіямъ доступъ былъ совсѣмъ запрещенъ. 18-го апрѣля 1800 г. совершенно былъ запрещенъ ввозъ въ Россію иностранныхъ книгъ.

Такимъ образомъ исторія русской цензуры распадается на три періода: *первый*—XVIII вѣкъ, когда правильная регламентація отсутствовала; *второй*—по 1865 г.—періодъ *предупредительной* цензуры, когда былъ созданъ уставъ и центральное учрежденіе цензуры; *третій* періодъ, съ 1865 г. по наши дни,—періодъ введенія и дѣйствія *карательной* цензуры.

Н. К-ш-ъ.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

Widener Library
3 2044 099 702 532